

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

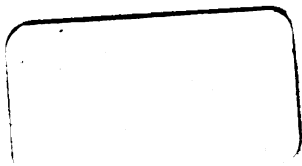
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929155 3

Cellar

15B9

*GCA.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ СЕНТЯБРЬСКОЙ КНИЖКИ.

- ✓ **ВОДА.** Повѣсть. **И. Дмитриева.**
- ✓ **РАЗСКАЗЫ СИБИРСКИХЪ ОХОТНИКОВЪ.** **И. Шафранецъ-Кациоевича.**
- ✓ **ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ПОЛЬШИ.** **Е. Карновича**
- ✓ **ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ПРАВСТВЕННОГО НАЧАЛА ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.** (Статья третья, послѣдняя). **И. Юрьина.**
- ОДЪ,** новое повѣсомое начало. (Статья первая). **А. Босковица.**
- ✓ **АБОЛИЦИОНИЗМЪ И АБОЛИЦИОНИСТЫ.** (Статья третья).
Раннее введеніе невольничества въ Сѣверной Америкѣ.—Развитіе аболіціонизма въ періодъ провозглашенія независимости англійскими колоніями.—Аболіціонныя мѣры, принятыя отдельными штатами.—Что послужило основаніемъ системы аболіціонистовъ? Первые усилія аболіціонистовъ въ конгрессѣ и борьба ихъ съ приверженцами невольничества.—Причины, содѣйствовавшія торжеству послѣднихъ. Основаніе аболіціонныхъ обществъ.—Участіе, принятое протестантскимъ духовенствомъ въ агитаціи противъ невольничества.—Петиція Мидлена.—Законъ 1793 года о бѣглыхъ невольникахъ. Уничтоженіе африканскаго торга неграми.—Всеобщее раздраженіе на Югѣ противъ аболіціонистовъ.—Начало преній въ конгрессѣ по вопросу о присоединеніи Миссури, на правахъ невольничьяго штата. Агитація аболіціонистовъ противъ такого присоединенія.—Миссурійскій компромиссъ и условія его.—Всеобщее негодованіе аболіціонистовъ противъ этого компромисса.—Новое поднятіе въ конгрессѣ вопроса о невольничествѣ, по поводу Техаса.—Причины, приводимыя аболіціонистами противъ присоединенія Техаса къ Сѣверо-Американскому Союзу.—Торжество приверженцевъ рабства.—Конвенція въ Буфало.
- Г. Симоненно.**
- **О БЕРЕЖЛИВОСТИ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОТНИКОВЪ.** Жизнь англійскихъ рабочихъ есть, или нѣтъ, похоронное шествіе къ могилѣ.—Ихъ заработки представляютъ постепенный процессъ возвышенія.—Неудобства ихъ положенія зависятъ отчасти отъ ихъ привычекъ.—Замѣчательный фактъ, что бережливѣйшіе изъ нихъ нѣтъ которые зарабатываютъ болѣе.—Происхожденіе сберегательныхъ кассъ.—Самую большую долю добра отъ нихъ получаютъ самые бѣдные изъ рабочаго класса.—Копѣчные банки.

ФЕЛЕТОНЪ.

Невинныя размышленія начинающаго. **Петра Песважусь.**
Выставка въ академіи художествъ.

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-СЕДМАГО ТОМА.

Сентябрь.

Вода. Повѣсть. *Н. Дмитриева.*

Разказы сибирскихъ охотниковъ. *П. Шафранецъ-Кацюевича.*

Очерки стариннаго быта Польши. *Е. Карновича.*

Объ историческомъ развитіи нравственнаго начала въ экономической дѣятельности западной Европы. (Статья третья, послѣдняя).
М. Юрьина.

Одъ, новое невѣсомое начало. (Статья первая). *А. Босковица.*

Аболиціонизмъ и Аболиціонисты. (Статья третья). Раннее введеніе невольничества въ Сѣверной Америкѣ. — Развитіе аболиціонизма въ періодъ провозглашенія независимости англійскими колоніями. — Аболиціонныя мѣры, принятыя отдѣльными штатами. — Что послужило основаніемъ системы аболиціонистовъ? Первые усилія аболиціонистовъ въ конгрессѣ и борьба ихъ съ приверженцами невольничества. — Причины, содѣйствовавшія торжеству послѣднихъ. Основаніе аболиціонныхъ обществъ. — Участие, принятое протестантскимъ духовенствомъ въ агитаціи противъ невольничества. — Петиція Миллина. — Законъ 1793 года о бѣглыхъ невольникахъ. Уничтоженіе африканскаго торгоу неграми. — Всеобщее раздраженіе на Югѣ противъ аболиціонистовъ. — Начало преній въ конгрессѣ по вопросу о присоединеніи Миссури, на правахъ невольничьяго штата. Агитація аболиціонистовъ противъ такого присоединенія. — Миссурійскій компромиссъ и условія его. — Всеобщее негодованіе аболиціонистовъ противъ этого компромисса. — Новое поднятіе въ конгрессѣ вопроса о невольничествѣ, по поводу Техаса. — Причины, приводимыя аболиціонистами противъ присоединенія Техаса къ Сѣверо-Американскому Союзу. — Торжество приверженцевъ рабства. — Конвенція въ Буффало. *Г. Симоненко.*

О бережливости англійскихъ работниковъ. Жизнь англійскихъ рабочихъ есть, или нѣтъ, похоронное шествіе къ могилѣ. — Ихъ заработки представляютъ постепенный процессъ возвышенія. — Неудобства ихъ положенія зависятъ отчасти отъ ихъ привычекъ. — Замѣчательный фактъ, что бережливѣйшіе изъ нихъ не тѣ, которые зарабатываютъ болѣе. — Происхожденіе сберегательныхъ кассъ. — Салую большую долю добра отъ нихъ получаютъ самыя бѣдныя изъ рабочаго класса. — Кошечные банки.

ФЕЛЬВТОНЪ. Невинныя размышленія начинающаго. *Петра Нескажусь.* — Выставка въ академіи художествъ.

Очерки современной русской жизни. I. Извлеченіе изъ отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ. — Значеніе его для опредѣленія нашей общественной жизни. — Преобразование полцій. — Неудовольствіе въ народѣ противъ откупщиковъ. — Причины неудовольствія. — Общества трезвости. — Беспорядки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. — Заблужденія о народной нравственности. — Званіе преступниковъ. — Разбои

и грабежи.—Вродяги и бѣглые.—Два случая поддѣлки кредитныхъ билетовъ.—Вопросъ объ арестантахъ.—Причины продолжительнаго заключенія.—Впечатлѣніе, производимое русскими тюрьмами.—Паспортная система.—Пожары.—Оклады съ податныхъ сословій.—Урожай.—Несоразмѣрность цѣнъ на жизненные продукты.—Саранча.—Приказы общественнаго призрѣнія.—Ихъ благотворительная дѣятельность.—Ихъ капиталы.—Сберегательныя кассы.—Городскіе общественныя банки.—Калужскій банкъ.—Денежные сборы.—Ихъ распредѣленіе.—Повинности: дорожныя и постоянныя.—Почтовая гоньба.—Свѣдѣнія о городскомъ хозяйствѣ.—Ярмарочные обороты.—Акціонерныя предиріятія.—Часть врачебная.—Господствовавшія болѣзни.—Мѣры для сохраненія народнаго здравія.—Число больницъ и аптекъ.—Скотскіе падежи.—Часть судебно-медицинская.—Дѣла духовныя.—Постройка православныхъ церквей въ западномъ краѣ.—Улучшеніе въ тамошнемъ краѣ быта сельскаго духовенства.—Дѣла по исповѣданіямъ: римско-католическому, армяно-католическому, лютеранскому, еврейскому и магометанскому.—Калмыцкое духовенство.—Дворянскіе выборы.—Устройство городскихъ обществъ.—Крестьянскія дѣла.—Еврейское населеніе.—Центральный статистическій комитетъ.—Отчетность.—II. С.-петербургское и московское закладныя общества.—Уставъ общества для содѣйствія процвѣтанію отечественной промышленности.—Ярославское общество вспоможенія бѣднымъ.—О дозволеніи выпускать платежныя билеты или марки.—Извѣстія по крестьянскому дѣлу.—Постановленіе о населенныхъ мѣстностяхъ, поступающихъ къ лицамъ не дворянскаго званія.—Новое правило касательно службы по дворянскимъ выборамъ.—Свѣдѣнія о нижегородской ярмаркѣ.—Замѣтки о современномъ состояніи сельскаго хозяйства.—Петровская земледѣльческая академія.—Музей и публичная библіотека въ Москвѣ.

ПОЛИТИКА: Августѣйшіе путешественники.—Послѣднія вѣсти изъ Венгріи.—Мечты и дѣйствительность въ Италіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Реформа. (Изъ исторіи Франціи въ XVI вѣкѣ). Глава I—XII

Октябрь.

Два эпизода изъ исторіи нерчинскихъ тюремъ. *С. Максимова.*
Экономка. Виль.

Одъ, новое невѣсомое начало. (Окончаніе). *А. Босковица.*

Заатлантическая демократія и ея кризисъ. *З-а.*

Аболиціонизмъ и абولیціонисты. (Статья четвертая). Поднятіе въ конгрессѣ вопроса о невольничествѣ по поводу присоединенія Техаса къ Сѣвероамериканскому Союзу.—Торжество приверженцевъ рабства.—Конвенція въ Буффало.—Невольничество, какъ причина распада прѣжнихъ политическихъ партій.—Образованіе новой политической партіи, принявшей въ основу своихъ тенденцій принципы абولیціонистовъ.—Взглядъ демократовъ на невольничество.—Введеніе демократами рабства до степеня нравственнаго примидина.—

Взглядъ аболіціонистовъ на отношеніе личности къ государству.— Вліяніе, которое произодитъ, по мнѣнію аболіціонистовъ, невольничество на права рабочаго класса.— Тѣлесное наказаніе, какъ главная причина нравственной испорченности невольниковъ.— Невѣжество массъ необходимо для безопасности рабовладѣльцевъ.— Религія при соприкосновеніи съ рабствомъ становится предрасудкомъ.— Гибельное вліяніе рабства на самихъ владѣльцевъ.— Причины злоупотребленія безответственной властью заключаются въ самой природѣ человѣка.— Нарушеніе рабствомъ чистоты семейныхъ отношеній не только невольника, но и владѣльца.— Опроверженіе довода демократовъ, что положеніе невольника выше положенія свободнаго рабочаго.— Гуманность рабовладѣльцевъ въ обращеніи съ невольниками не есть извѣщеніе рабства.— Можетъ ли политическая свобода найти себѣ защитниковъ въ рабовладѣльческомъ классѣ?— Взглядъ партіи виговъ на невольничество. *Г. Симоненко.*

Графиня Альбани.

Очерки современной русской жизни. I. Матеріалы для статистическихъ очерковъ.— Способы народнаго продовольствія.— Несоразмѣрность этихъ способовъ по губерніямъ Европейской Россіи.— Средство къ уравниванію этой несоразмѣрности.— Количество посѣвовъ.— Количество сбора.— Сѣнокосы.— Замятка о винокурениі.— Справочныя и торговыя цѣны.— Неравномѣрность справочныхъ и торговыхъ цѣнъ по губерніямъ.— Хлѣбные магазины и денежныя капиталы.— Различныя виды городскихъ доходовъ.— Извѣстно ли съ точностью число русскихъ городовъ?— Причины неистѣности этого рода.— Геральдическія понятія русскаго простоародья.— Сомнительные города.— Замятки о западномъ краѣ.— Сборы съ городскихъ имуществъ, недоимки и долги.— Ярмарочныя обороты.— Число русскихъ ярмарокъ.— Цѣнность привоза и продажи.— Число арестантовъ.— Исслѣдованіе о рыбьемъ ядѣ.— Заразительность проказы.— Прививаніе человѣческой оспы коровами.— Амбулаторная зубная лечебница.— Проектъ князя Долгорукова о месmero-гармонической лечебницѣ.— Животный магнетизмъ.— Леченіе корсетами и обувью.— Секретныя и новые врачебныя способы.— Пересмотръ аптекарской таксы.— Вопросъ объ этомъ въ журналистикѣ.— Московское серебро.— Число дворянскихъ имѣній.— Ихъ залогъ, перезалогъ и продажа съ публичныхъ торговъ.— Число дѣлъ и бумагъ по присутственнымъ мѣстамъ министерства внутреннихъ дѣлъ. II. Отчетъ совѣта управленія главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.— Замятка о журнальныхъ и газетныхъ напакахъ на правленіе общества.— Линія с.-петербурго-варшавская.— Линія къ прусской границѣ.— Линіи: московско-нижегородская, московско-еводосійская и орловско-либавская.— Постепенное открытіе участковъ.— Металлическіе мосты.— Туннели понарскій и ковенскій.— Надежды, подаваемыя «отчетомъ».— Работы на коммиссіонерскомъ правѣ.— Пріостановка работъ на еводосійской линіи.— Затрудненія.— Общее протяженіе открытыхъ желѣзныхъ дорогъ.— Эксплуатація 1859 и 1860 годовъ.— Пассажиры,

обращающа въ рубли.—Перевозка товаровъ.—Замѣтки о муку и макулатурныхъ товарахъ.—Перевозъ скота.—Итоги и свѣдѣнія, дѣлаемыя въ отчетѣ и финансовое положеніе общества.—Акции и облигаціи.—Нарядительный капиталъ.—Предположеніе и дѣйствія совѣта.—Финансовый кризисъ въ Европѣ.—Ходатайство передъ правительствомъ.—Проектъ вокунки николаевской желѣзной дороги.—Неудача.—Предположеніе объ измѣненіи устава.—Электрическіе телеграфы.—Число депешъ.—Ихъ классификація.—Общая записка. III. Грядущія явленія по административной части.—Коммиссія для пересмотра системы податей и сборовъ.—Вопросы о подушныхъ и земскихъ повинностяхъ.—Проектъ о патентныхъ пошлинахъ и торговоу уставѣ.—Гербовыя и вековныя пошлины.—Судной акцизъ.—Новыя для него начала.—Пошлины съ золотыхъ промысловъ.—Прямые налоги.—Матеріалы по восьми другимъ вопросамъ, имѣющіе научное значеніе.—Собраніе свѣдѣній о государственныхъ доходахъ.—Оцѣночная система.—Ея недостатки.—Статья г. А. З-на въ «Московскихъ вѣдомостяхъ».—Распредѣленіе земель.—Дѣйствія уѣздныхъ комитетовъ.—Кто виноватъ.—Прихѣтъ оцѣнки городскихъ имуществъ.—Причины ея медленности.—Степень вины городскихъ обывателей.—Два первыхъ собранія с.-петербургскаго городского кредитнаго общества.

ПОЛИТИКА. Взысканіе долговъ и расчетовъ за оскорбленія, посредствомъ военной экспедиціи.—Газетныя статьи по поводу Коммюна-скаго свиданія.—Замѣтки о положеніи славянскихъ земель, подвластныхъ Турціи.—Римская церковь, какъ духовное и политическое учрежденіе.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Невинныя размышленія начинающаго. *Петра Нескажусь.*

ПРИЛОЖЕНІЕ. Реформа. (Изъ исторіи Франціи въ XVI вѣкѣ). (*Одочаніе*).

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Ф. НИСЕМСКАГО.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ.

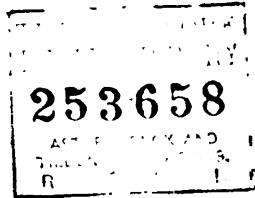
ТОМЪ СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

. САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Октября
5 дня 1861 года.

Ценсоръ *Θ. Веселаго.*

В О Д А.

П о в ѣ с т ь .

I.

Однажды въ селцѣ Наумовѣ случилось преестранное происшествіе. Кучеръ Андрей Васильевъ, извѣстный, впрочемъ, болѣе подъ именемъ Дудня, на которую онъ былъ похожъ по необыкновенной длиннотѣ своєї и тонкости, найденъ былъ полужертвыми на берегу рѣки Бѣлой. Въ первыя минуты отъ него не могли добиться никакого толка; онъ только мычалъ и лягался — потомъ одолѣлъ его страшный сонъ, а потомъ ужъ, къ вечеру на другой день, онъ очнулся, и разсказъ его поразилъ ужасомъ все селеніе. Дудка шолъ изъ села Куликова домы довольно поадно. Вмѣсто того, чтобы идти обыкновеннымъ путемъ и перейти рѣку по мосту, Дудка взялъ вѣтво, вошолъ тропами и напѣревался перейти рѣку по лавѣ, которая была недалеко отъ Завитка. Мѣсто это вообще не пользовалось хорошею репутациею; но Дудка былъ безстрашенъ и ни во что не вѣрилъ. Вотъ онъ подошолъ къ рѣкѣ, и только что ступилъ на лаву, какъ въ водѣ, прямо подъ бревномъ, служившимъ для перехода, кто-то захохоталъ. Онъ глядитъ — дѣвка, онъ посмотрѣлъ дальше — опять дѣвка, за лавой — тоже дѣвка такъ и мелькаютъ! У него закружилась голова, а дѣвки щиплютъ его да хохочутъ. Онъ сталъ отбиваться, но какъ ни махнетъ, руки бьютъ воздухъ, а дѣвки знай щекочуть да хохочутъ. «Выбился изъ силъ, Федя, говорилъ Дудка стоявшему возлѣ него парню, — уналь съ лавы, а они меня мыкали, мыкали, да

такъ и бросили безъ памяти-ужь не помню въ рѣкѣ или на берегу.»— Одея при этомъ разсказѣ ничего не сказалъ, а только почесалъ за поясомъ, но на другой день всѣ окрестныя селенія говорили, что на Завиткѣ случилась опять оказія: водяныя дѣвки утопили наумовскаго кучера Дудку.

Какъ ни удивительно такое происшествіе, однако подобныя не рѣдко случались въ Наумовѣ.

Исторія сельца Наумова, подобно исторіи Сѣверо-американскихъ штатовъ, не можетъ начаться фразой, столь употребительной у историковъ: начало и происхожденіе его теряется во мракѣ глубочайшей древности. Какъ великое Сѣверо-американское государство возникло и возвеличилось на памяти нашихъ отцовъ; такъ и исторія Наумова вся разыгралась на собственной нашей памяти. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія оно получило начало, а въ сороковыхъ покончило свое существованіе тихо, безъ всякихъ бурныхъ потрясеній. Основателемъ его былъ управляющій имѣніями господъ Петровскихъ — дядя Кузьма или дядюшка Кузьма, который, впрочемъ, сокращенно на языкѣ простолюдиновъ назывался просто — *дѣшка Кузьма*. Онъ посоветовалъ владѣльцамъ основать тутъ усадьбу, т. е. по обычаю, сначала поставить скотные дворы, потомъ флигель съ людскою избою, а въ послѣдствіи уже при помощи Божіей, и домъ для господъ. Дворы и флигель были поставлены, по господскій домъ, для котораго было выбрано самое лучшее мѣсто, не успѣлъ устроиться. Поводомъ къ основанію Наумова служила не одна красота мѣстоположенія, которая была очень замѣчательна; но, напротивъ, хозяйственныя соображенія. Земля тутъ была чрезвычайно плодородна. У подножія самой горы, на которой стояло Наумово, протекала рѣка Бѣлая. Берега ея покрыты были чудными сѣнокосными лугами, или по тамошнему *наволоками*. Такъ называются тѣ прибрежныя луговые пространства, на которыя весенняя водополь *наволокаетъ* особеннаго рода иль, отчего и происходитъ ихъ сильная растительность. Луга такъ свѣжи и пышны, что по праву величаются въ туземныхъ пѣсняхъ бархатными, шелковыми. Рѣка, вѣроятно, была бы очень не велика, еслибъ не была значительно поднята множествомъ мельницъ. Не только на разстояніи узаконенномъ, но даже и на не узаконенномъ были мельницы. Плотины и гати, задерживая воду, дѣлали рѣку чрезвычайно глубокою и широкою. Рѣка была богата рыбою; назовите какую хотите поро-

ду ея, — во мнѣнію туземцевъ, — она не премѣнно существовала въ Бѣлой. Сказывали, что въ ней видѣли однажды сома, который во время водополи будто бы заплылъ туда изъ Волги, что будто бы сомъ схватилъ однажды портнаго Бурлычку за ногу, когда тотъ, возвращаясь изъ села Кулякова, переходилъ Бѣлую въ бродъ и совѣтъ было утащить его въ омуть; но, къ счастью, Бурлычка былъ въ сапогахъ, поэтому сомъ стащилъ съ него только сапоги, а Бурлычка выплылъ. Мы не можемъ вполнѣ ручаться за появленіе сома въ Бѣлой, ибо едва ли онъ могъ бы перебраться черезъ гати; къ тому же Бурлычка слылъ за человѣка не очень храбраго и любилъ выныть.

Словомъ Наумово была прелесть усадьба, и какъ бы, кажется, не жить въ такомъ пріятномъ и удобномъ помѣщеніи! Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не все то золото, что блеститъ: Наумовскіе поселенцы, или лучше сказать переселенцы изъ другой старой усадьбы, далеко не были довольны своимъ новымъ обиталищемъ. Никакъ не могли они привыкнутьъ къ этому мѣсту. Впрочемъ и дѣйствительно были довольно важныя неудобства. Вотъ хоть-бы этотъ лѣсъ, что стоитъ за Наумовымъ: кромѣ волковъ, которые по зимамъ залѣзали чуть не въ избы къ дворовымъ людямъ, были тамъ другіе обитатели, вовсе не животной и не человѣческой, однимъ словомъ, *не нашей природы* отчего и называются *ненашими*. Ужасъ обвинялъ не только женское, но и мужское населеніе, когда среди ночи вдругъ раздавалось въ лѣсу страшное уханье или какое-то щолканье. Тетя Марья положительно говорила, что это *деманій*; но староста Денисъ, который терпѣть не могъ, чтобы при немъ болтали всякую чепуху, говорилъ, что это вовсе не ненашій, а несчастная сила. Нѣкоторые по храбрѣе заговаривали было, что это филинъ, сова или дятель — куда! такихъ вольнодумцевъ и слушать не хотѣли. — Скотникъ Заусай, — суровый съ вида и дерзкій на слова, напускалъ на нихъ такую брань, что Боже упаси. «Филинъ! говорилъ онъ, а кто оноишься, у бурой-то кобылы заплелъ гриву такъ, что и топоромъ не разрубишь? — Филинъ небось! Пришолъ бы ты ко мнѣ ночевать въ скотную, такъ я бы посмотрѣлъ на твою-то храбрость.... Ночесъ, какъ скотина то начала реветъ да метаться, такъ ужасъ!» — «Ну это иное дѣло, отвѣчали вольнодумцы — это, знамо, домовой — это бываетъ!»

Но и это бы ничего; ну не ходи въ лѣсъ не во-время. А

вотъ, что будешь дѣлать съ рѣкою, которую не обойдешь не объѣдешь. Вѣдь безъ воды жить не станешь, а рѣка-то была какая-то не благословенная, вся была покрыта омутами, изъ которыхъ самый скворный, какъ нарочно, былъ не далеко отъ Наумова. Дѣйствительно въ полуверстѣ отъ усадьбы рѣка круто поворачиваетъ вправо, отчего и мѣсто получило названіе Завитка. Рѣка тутъ была необыкновенно глубока. Не разъ пробовали ее мѣрять, но и дна не достали. Вотъ этотъ-то омутъ особенно считался неблагопріятнымъ мѣстомъ. По мочалъ же рѣдко тамъ слышалось необыкновенное плесканье, какой-то странный женскій хохотъ. Крестьянка деревни Починокъ повела разъ ночью за водою и воротилась оттуда чуть не сумасшедшую. На доскахъ, которыя были прикрѣплены къ берегу, чтобы съ ея цѣкъ было удобнѣе черпать воду и мыть бѣлье, сидѣла нагая баба съ огромными распущенными волосами. Вѣсть эта немедленно разнеслась по окрестностямъ, и страшное мѣсто на всегда было оставлено жителями. Вода въ этомъ омутѣ такъ винтомъ и вертѣлась. По немъ и на лодкѣ ѣздили только въ крайней необходимости. Вѣсть известна была страшная участь одного смѣльчака, который смѣялся надъ разсказами простолюдиновъ: Дячекъ соседняго села Никандръ, а на языкѣ деревенскихъ обитателей Ликандръ, прозванный за необыкновенную черноту лица Котломъ, съ страшною бранью хвалился, что онъ за подцѣпофа вина выпугаетъ изъ омута всю нечистую силу. Такъ какъ для такого важнаго дѣла напѣлись охотники пожертвовать целунтофомъ; то Котель раздѣлся и бросился въ воду. Изъ омута Котель болѣе не показывался. Не смотря на неотгнанные пошеки и тѣла его найти не могли. Съ той поры омутъ окончательно сдѣлался страшнымъ. Само собою разумѣется, что исторія, случившаяся съ Дудкой, не могла расположить на покаяніе проклятаго омута.

II.

- Жарко, Макарычъ!
- Благодать, сударь!
- Какая тутъ благодать, жара такая, что дѣваться не куда.
- Да хлѣбамъ-то хорошо, сударь. Дождичка-то было довольно, такъ вотъ теперь и хорошо тепло-то-съ. Ишь ты какъ все позеленѣло!

И на лицѣ говорившаго это крестьянина или скорѣе двороваго

человѣка показалось выраженіе такого благополучія, какъ будто онъ сейчасъ сдѣлался богатъ и счастливъ. Онъ оглядывалъ кругомъ пылающее солнечными лучами пространство, улыбался и какъ будто говорилъ съ полями и рощами. Собесѣдникъ его былъ самъ владѣлецъ села Наумова Александръ Павловичъ Петровскій. По наружности это былъ молодой человѣкъ, даже очень молодой, довольно высокаго роста. Лицо его, на которомъ не было и слѣда бороды, было прекрасно и особенно возбуждало симпатію тѣмъ, что носило постоянно какую-то тѣнь печали, задумчивости. Въ самой улыбкѣ его была вовсе не веселость, а скорѣе грусть. Онъ такъ же пристально смотрѣлъ въ даль.

Что же было тамъ въ дали? да ничего особеннаго. Огромное пространство, бывшее передъ ихъ глазами, дѣйствительно зеленѣло. Весна только что прошла. Рожь еще не бурѣла или по крайней мѣрѣ мало; яровыя поля были лучше всякаго бархата. Но еще роскошнѣе были луга по обѣимъ сторонамъ рѣки. Какъ покойно лежала рѣка въ этомъ бархатномъ ложѣ, какою свѣжестію, чистотою дышали ея воды, какъ ясно отражались въ ней небеса и эти летучія лѣтнія облака, которыя заглядывали въ рѣку, будто для того, чтобы посмотретья и убѣжать. За рѣкою поднимались поля, посреди которыхъ мирно лежали деревни и села съ ихъ бѣлыми храмами, кой гдѣ зелено-кудряво росъ березнякъ и сѣльникъ, а мѣстами темнѣлъ соснякъ. Не круто поднимаясь, мѣстность сливалась наконецъ съ горизонтомъ. Вотъ и все, что было вдали; но на всемъ этомъ прострѣствѣ, кромѣ свѣжести и яркости красокъ, кромѣ разнообразія очертаній было еще что-то; былъ какой-то тихій покой, что-то унылое, невеселое, но удивительно мирное. На душѣ становилось какъ-то твердо-покойно, глядя на это тихое, хотя и громадное пространство.

— Славное мѣсто, Макарычъ, сказалъ молодой человѣкъ, прѣдъложая глядѣть вдали.

— Какое мѣсто-съ? спросилъ Макарычъ.

— Да вотъ это Наумово.

— Какое это мѣсто-съ, — отвѣтилъ энергически старикъ, махнувъ рукою. — Что это за мѣсто. Супротивъ Грибкова куда!

— Помилуй, Симанъ Макарычъ, да Грибково совѣмъ въ амѣ стоять, — а вѣдь смотри-ко: вѣдь на 20 верстъ видно кругомъ,

— Да что что высоко-то-съ! что въ этомъ-съ? Живемъ на

юру, прости Господи. Селеній близко нѣтъ — вонъ починокъ за рѣкою, да и въ тотъ не попадешь скоро; народъ кругомъ воръ. Какъ можно Грибково-сь! Тамъ все подъ рукою, кругомъ все усадьбы, господскіе дома; народъ все дворовый, обстоятельный.

— Здѣсь село торговое, напротивъ, — возразилъ баринъ, — ярмарка, мѣста плодородныя, наволоки, рѣка большая подъ носомъ, мельницъ пропасть!

— Богъ съ ней и съ рѣкой-то-сь, — махнулъ рукою Симанъ Макарычъ. — Что въ ней? рыбу здѣсь никто не ловить, развѣ что когда мельники побалаютъ. Дичи никакой нѣтъ, одна только утка кряковая. А между тѣмъ....

— Что же между тѣмъ? спросилъ Александръ Павловичъ.

— Да ничего-сь — такъ-сь.

— Какъ же ничего?

— Дряни всякой столько, что и....

— Какая же это дрянь? допытывался молодой человекъ.

— Да прахъ ее знаетъ. Ваша милость, можетъ, и не повѣрите, — у васъ въ городу-то, вѣдь, смѣются надъ этимъ. Да тамъ и нѣтъ тово. А, вѣдь, вонъ, недалеко ходить, съ шорникомъ-то, Ѳедотомъ, недавно было: сняли съ разщепленнаго дерева еле еле живаго. Нѣтъ-сь, какое это мѣсто!

— Что же было съ Ѳедотомъ? я не слыхалъ.

— Да что! объ этомъ говорить-то, батюшка, не хорошо! Оттого мы и не докладывали. Вѣдь ужъ этому не поможешь — такъ что-жь тутъ?

— Да что же, однако-жь? спросилъ баринъ своего собесѣдника?

— Да завелъ опять-сь,

— Какъ завелъ!

— Да такъ-сь завелъ. Позапрошломъ лѣто пошолъ онъ въ село Куликово: день-то торговой — такъ купить кой-что для сбруи. Потолкался на торгу-то-сь, встрѣтился съ ребятами, покалякали, выпили по стаканчику и домой было. Но только онъ изъ за возовъ-то — а староста Савелій Антонычъ ему на встрѣчу. Навеселѣ. Дѣло праздничное. «А, Ѳедотъ Никитичъ, ко мнѣ чайку напиться», — ну, Ѳедотъ — шорникъ, человекъ нужный, а тотъ человекъ торговый — для че не зайти чайку напиться. Сидятъ; хозяинъ-то винца поставилъ; посидѣли таки порядкомъ, стемнѣло совсѣмъ, — пошолъ домой Ѳедотъ, идетъ себѣ поти-

хоньку; но только что подойдетъ къ Завитку-то-сь, вотъ знаете омутъ, гдѣ рѣка-то загибается, откуда ни возьмись Савелій Антонычъ на чемъ свѣтъ стоитъ молить: «воротись еще рюмочку выпить»; — ну, тотъ воротился — идуть, вдругъ пропалъ Савелій Антонычъ, а Федотъ-то очутился во ржи по горло. Вышелъ изъ ржи — пошолъ; только что подходитъ къ Завитку, а Савелій Антонычъ съ полштофомъ въ рукахъ такъ и ублажастъ: «воротись, говорить, только что купилъ, и не распечаталъ еще — за чѣмъ отстасшь?» — Да повѣрите ли, сударь, водилъ его всю ночь, а къ утру цѣпши его въ разщепленномъ деревѣ, завязъ со всѣмъ — сле живъ, знаете тутъ коло Завитка-то есть разщепленная сосна; громомъ что-ли ее разщепило, такъ и развалилась на двое до половины; кабы не держалъ съ боковъ-то лѣсъ — такъ совсѣмъ бы разломилась: въ этомъ-то деревѣ его увязило. И какъ его вознесло туда!

— Да онъ просто пьянъ былъ, замѣтилъ Александръ Павловичъ.

— Помилуйте, пьянъ, кабы пьянъ былъ, такъ не влѣзъ бы на дерево. Туда и трезвый не скоро попадетъ. Да и всего-то говорить, кажись, три стаканчика выпилъ. Какъ туда пьяному попасть. — Помилуйте. Нѣтъ ужъ это такъ-сь! Вонъ дѣдушка Денисъ ничего не пьетъ, а подите-ко, ономнясь пять разъ подъ мостъ подводило. Идетъ по прямой дорогѣ ясно, а вдругъ такъ и ткнется въ рѣку носомъ, стоитъ подъ мостомъ. Нѣтъ-сь, нехорошее мѣсто этотъ Завитокъ.

— Далекъ отсюда?

— Какое далеко-сь и полверсты не будетъ, возлѣ старой мельницы. Рѣка тутъ круто поворачиваетъ вправо, а въ уголъ ручей впадетъ, такъ въ углу-то тутъ глубъ такая, что ужасъ. Вода-то такая черная.

Въ это время кто-то довольно полновѣсно хлопнулъ разскащика по сухощавой спинѣ и звонкимъ голосомъ проговорилъ:

— Черная, черная, такая же черная, какъ Фокина телка, что ты за домоваго-то принялъ, ну-ка пусти, что разсѣлся на дорогъ-то.

И съ этими словами промелькнула мимо Макарыча дворовая дѣвушка, Лиза. Старикъ съ несодolimымъ отвращеніемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и только сказалъ: «бѣсъ»!

Лиза была полная, краснощочкая дѣвушка, съ черными, какъ черносливини, глазами. Молодые дворовые ребята завистливо по-

сматривали на ся дородныя плечи, которымъ отъ ихъ загорѣлыхъ, мозолистыхъ рукъ не мало доставалось. Попавъ въ лапы какого нибудь 25-лѣтняго Никанора, который одною рукою выдвигалъ изъ сарая старую четырехмѣстную карету, Лиза какъ рыба билась, увертываясь отъ поцѣлуевъ милаго волокиты. Не жаловалъ ее только Симанъ Макарычъ. Когда Лиза, бывало, идетъ по двору, неся воду изъ рѣки или корзину съ грибами, Макарычъ всегда съ неудовольствіемъ отъ нея отвертывался. Петровскій, почти постоянный собесѣдникъ старика, нерѣдко спрашивалъ его о причинѣ такой немилости; но тотъ какъ-то неопредѣленно выражался и махалъ рукою. Одинъ разъ только, въ минуту откровенности, на которую ловко былъ наведенъ Петровскимъ, онъ сказалъ про Лизу: «да прахъ ее знаетъ, что за дѣвка, вѣдь не поймешь же всего, а таскается ночью на рѣку, вретъ всякую чепуху, языкъ ровно помело, — полюбовники у нея тамъ что ли... или впрямь... Макарычъ остановился.

— Что же впрямь? подхватилъ Петровскій.

— Да бѣсъ ее знаетъ! спросите ее, она и понесетъ:—чу, къ сестрамъ ходить, онѣ, чу, любятъ на мѣсяцъ грѣться, онѣ чу, ночью выходятъ изъ дна рѣчнаго, качаются на зеленыхъ деревьяхъ — и понесетъ и понесетъ — ну что вы станете тутъ толковать-то.

Макарычъ былъ чудакъ, если хотите, но ужъ онъ вѣрилъ вполне въ то, что рассказывалъ. Онъ былъ уроженецъ южныхъ губерній, переселенъ въ сѣверныя и недавно въ Наумово. Настоящую профессію Симана Макарыча, мы не можемъ въ точности опредѣлить. Онъ былъ когда-то ткачемъ, но это было очень давно. Потомъ онъ былъ слесаремъ, сапожникомъ, прикащикомъ, пастухомъ и многимъ другимъ. Въ описываемое нами время, когда молодой помѣщикъ пріѣхалъ въ Наумово, Макарычъ былъ просто дворовымъ человѣкомъ и исполнялъ легкія полевыя работы: къ тяжолымъ онъ былъ неспособенъ, потому что былъ хилъ и болѣзненнаго сложенія. Но у Макарыча было одно занятіе, которому онъ остался вѣренъ во всю жизнь — это охота. Еще изъ Саратова, будучи мальчикомъ, приобрѣлъ онъ съ кремневымъ ружьемъ, которое приобрѣлъ за два рубля ассигнаціями: съэтимъ же ружьемъ уже старикомъ бродилъ онъ по наумовскимъ прибрежнымъ кустарникамъ. Не только по праздникамъ, но даже и въ рабочіе дни, когда другіе отдыхали, онъ урывался хоть на полъ-часа и обѣгалъ сосѣднія болота или

кустарники. Всѣ роды охоты ему были знакомы, и какихъ звѣрей и птицъ не зналъ онъ. Стоило начать разговоръ объ охотѣ—Симанъ Макарычъ готовъ повѣствовать всю ночь. Для похвалъ своему ружью онъ не находилъ словъ: и вѣрно-то оно было, и далеко било, и легко, и сподручно, и не толкало ни сколько. Однихъ словомъ, всѣ достоинства ружей, за которыя платятъ 100 и 150 рублей, были въ ружьѣ Макарыча. Петровский, томимый скукою, любилъ съ нимъ бесѣдовать и не одну утреннюю зарю встрѣчалъ съ Симаномъ Макарычемъ на наумовскомъ крыльцѣ, гдѣ мы ихъ видѣли сейчасъ. Въ бродячей своей жизни старикъ приобрѣлъ отличныя мѣстные познанія и простую, немудрую любовь къ природѣ. Онъ любовался явленіями природы молча и благоговѣнно; въ объясненія ихъ не пускался. Если же случалось, то по простотѣ и по недалекому развитію, толковалъ ихъ, конечно, наивно, по стародавнимъ дѣдовскимъ преданіямъ и повѣрьямъ.

III.

«Вотъ и изучайте бытъ русскаго народа, думалъ про себя владѣтель сельца Наумова, задумчиво бродя по зеленымъ берегамъ Бѣлой: тамъ наглость и грабежъ, здѣсь пьянство и предразсудки. Кучеръ Дудка и шорникъ Федотъ, конечно, были жертвочки пьяны, отчего въ глазахъ у нихъ Ббгъ знаетъ, что представилось. Однакожь надо посмотрѣть что это за Завитокъ. Объ немъ дѣйствительно рассказываютъ много.» Такъ думалъ Александръ Павловичъ и не чувствовалъ жары, обливающей всю природу. Деревенское солнце наше не то, что городское. Оно благодатнѣе льетъ лучи свои на зеленыя нивы и рощи. Къ тому же влага рѣки и кустарники защищали его отъ солнца. Свѣтло и величаво лежала рѣка въ пустынномъ молчаніи природы. Ни одна струйка не шевелилась. Изрѣдка только серебряная рыбка выскочить изъ гладкой поверхности на воздухъ, играя при блескѣ лѣтняго солнца. Въ травѣ кричали кузнечики, а въ небесахъ рассыпались трели жаворонка. Зеленыя ивы плакали по берегамъ своими листьями, нависшими надъ рѣкою. Рябина и кленъ еще зеленѣе вырѣзывали свои узорчатые листья, на солнечномъ воздухѣ; орѣшникъ и неизмѣнная подруга наша береза не уступали въ яркости красокъ. Нѣсколько далѣе мѣстность стала измѣняться. Наволоки съ своими небольшими кустарниками стали смѣняться густымъ лѣсомъ, который все ближе

подступалъ къ рѣкѣ. Ландшафтъ становился темнѣе; сначала небольшой ельникъ, а потомъ и довольно глухой сосновой лѣсъ надвинулся къ рѣкѣ. Путникъ нашъ осмотрѣлся: «гдѣ же Завитокъ? подумалъ онъ, не прошолъ ли я?» По рѣка еще не поворачивала вправо, хоть и гнула то въ ту, то въ другую сторону. И Александръ Павловичъ шолъ далѣе. Вотъ лѣсъ все гуще и гуще, и наконецъ, когда Петровскій подошелъ къ небольшому овражку — лѣсъ уже висѣлъ, какъ туча, надъ головою. Надо было перейти вражикъ, на днѣ котораго громко журчалъ ручей. Тутъ только вспомнилъ Петровскій, что вотъ здѣсь и долженъ быть Завитокъ, въ уголъ котораго впадаетъ ручей. Онъ хотѣлъ перейти вражикъ, но онъ такъ густо поросъ колючимъ мужжевельникомъ, что не только пройти, но и видѣть сквозь него ничего нельзя было. Путникъ нашъ взялъ влѣво, но дальше отъ рѣки ельникъ еще чаще; онъ пошелъ вправо къ самой рѣкѣ и здѣсь у самаго устья ручья могъ перешагнуть его свободно. Поднявшись снова на крутъ оврага, онъ увидѣлъ, что это и есть самый Завитокъ. Бѣлая здѣсь дѣйствительно загибалась дугою вправо. Правый берегъ ее былъ пещанъ и пустыненъ, а на лѣвомъ къ самой рѣкѣ прижимался зеленый лужокъ, который круто поднимался, и на самой то высотѣ берега угрюмо стоялъ сосновый лѣсъ, покрывая черною тѣнью и лугъ и воду и даже противоположный пещаный берегъ. Петровскій остановился невольно. Мѣсто было необыкновенно угрюмо, и какъ-то дико-прекрасно. Лѣсъ какъ будто стерегъ дорогія ему воды. Омуть беззвучно, неподвижно лежалъ подъ навѣсами сумрачнаго своего друга. Темны и глубоки были его воды, въ которыхъ не видно было ни рыбки ни растенія. Теченія тоже не было замѣтно, и щепка, брошенная Петровскимъ, неподвижно вертѣлась посреди омута. Тишина царствовала мертвая, не слышно было ни птицы, ни кузнечика, только струйки ручья, впадающаго въ омутъ, серебристо звучали. Долго любовался Петровскій романтическою красотою мѣста, и ему еще смѣшнѣе показались страхи простолюдиновъ. Надо было однакожь пройти далѣе. Вотъ лава, гдѣ случилась исторія съ Дудкой. Мѣстность совсѣмъ измѣнилась, лѣсъ пошелъ своєю прямою дорогою, а рѣка снова текла межъ зеленыхъ, душистыхъ береговъ, играя серебромъ и золотомъ подъ блескомъ горячаго солнца. Поднявшись на гору, Петровскій долго бродилъ по зеленой окрестности. Наконецъ, посмотрѣвъ на часы, онъ пошелъ домой

тою же дорогою. Ему хотѣлось еще разъ взглянуть на это нехорошее, какъ говорилъ Макарычъ, мѣсто. Вотъ опять его лѣсной сумракъ и неподвижныя темныя воды... Но это что такое, слышенъ плескъ воды! Петровскій остановился и сталъ прислушиваться. Вновь тишина стояла мертвая; Петровскій взглянулъ на омутъ, тамъ никого не было, но воды омота, неизвѣстно отчего, слегка волновались. Герой нашъ пошелъ далѣе... вдругъ ясный, звонкій хохотъ женщины. Александръ Павловичъ опять остановился, что за чудо! прислушался: ручей журчалъ говорливо въ кустарникахъ, и только! Петровскій опять пошелъ по лугу. «Идетъ!» вскричалъ женскій голосъ. Петровскій вздрогнулъ; онъ взглянулъ на рѣку — тихо, но сердито смотрѣли ея воды, и опять ни одна струйка ея не шелохнулась. Онъ посмотрѣлъ въ лѣсъ, стволы деревьевъ стояли еще неподвижныя и ничего живаго не видно было между ними. Петровскій понялъ, что всплескъ ручья, или, можетъ быть, крикъ птицы онъ принялъ за голосъ. Онъ перешагнулъ ручей и сталъ подниматься въ гору; сучья захрустѣли подъ его ногами... «Сюда, сюда, шш!» раздался опять гдѣ-то нѣжный голосъ. Юноша поспѣшно взобрался на гору и снова оглядѣлъ все пространство. Неподвижность, сумракъ лѣса и сердитое молчаніе воды тѣ же.

Нашъ герой, нашъ изучатель правовъ и повѣрій русскаго народа окончательно струсиль. У каждаго изъ насъ нѣтъ положительной увѣренности, что все на свѣтѣ извѣстно. У каждаго изъ насъ на днѣ души лежитъ мысль, что можетъ совершиться въ природѣ и то, до чего еще не домыслился разумъ, не доискалаcь наука, а можетъ быть и не доищется никогда. Кто поручится, что онъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не дрогнетъ передъ таинственными силами природы и передъ силами духа еще болѣе таинственными. Словомъ, вопросъ о непонятномъ, о сверхъ-естественномъ, столь странный въ нашъ вѣкъ паровъ и телеграфовъ, подавляемый всѣми орудіями разсудка и естествознанія, все таки хранится еще на душѣ каждаго. Говорятъ обыкновенно: что непонятно, то и не существуетъ; но въдъ говорящіе такъ, можетъ быть, не были въ положеніи Александра Павловича. А еслибъ были; то можетъ быть и они бы призадумались на краю этого чернаго омота, подъ сѣнями неподвижно стоящаго и незнакомаго лѣса. Герой мой, не видя ничего, довольно быстро пошелъ отъ оврага, и тогда-то какое плесканье и хохотъ поднялись сзади. Теперь уже не обманыва-

ли уши: странный могучій плескъ раздавался въ водѣ, повторялся лѣсомъ и сквозь плескъ прорывался звонкій, какой-то странный, серебристый женскій голосъ.

Черезъ нѣсколько времени Александръ Павловичъ, разумеется, постигался надъ своею трусостию и положилъ умолчать вовсе объ этомъ происшествіи. Дѣло, вѣроятно, было очень просто: поблоскались гдѣ нибудь домашнія птицы, деревенскіе мальчишки, а, быть можетъ, и дѣвчонки: струсили, увидавъ наумовскаго барина, и притаились въ лѣсу. Остальное сдѣлало воображеніе. Но пустынная и задумчивая мѣстность очень понравилась Петровскому: она соответствовала тяжолему настроенію его души. Тонимый скукою и бездѣйствіемъ, онъ часто ходилъ туда и смѣялся надъ разказами Макарыча. О происшествіи, случившимся съ нимъ самимъ, онъ, конечно, и забылъ.

Однажды, на закатѣ солнца, Петровскій, съ неизмѣннымъ своимъ егеремъ, возвращался съ охоты. Ходили они много, въ ягдашѣ барина и за поясомъ охотника несло дичи довольно, такъ немудрено, что они утомились. Путь былъ далекъ, хотя Наумово и было уже видно. Да и чего не увидишь съ такой высоты, гдѣ поприсѣли охотники. Это было самое высокое мѣсто праваго берега Бѣлой. Лѣвый былъ весь темень, весь поросталъ сосновымъ лѣсомъ. Кой гдѣ только выступали изъ лѣса поле и частію господская усадьба, Наумово. Чѣмъ далѣе, тѣмъ лѣсъ былъ выше, выше; вдали на горизонтѣ изъ него выступала гора, на которой виднѣлись не то пни деревьевъ, не то разрушенное зданіе. Рѣка, какъ холодная красавица, лежала межъ равнинныхъ береговъ, изъ которыхъ одинъ ластился къ ней своею бархатною зеленью, а другой сумрачно и грозно заглядывалъ въ холодный ея обликъ своимъ темнымъ лѣсомъ.

— Какая пропасть лѣса-то тутъ, обратился Петровскій къ Макарычу, вдоволь насмотрѣвшись на картину.

— Да что-что много! — отвѣтилъ недовольный старикъ; — хорошаго-то въ немъ ничего нѣтъ. Дичи, почитай, никакой! ходишь, ходишь, только воронъ прокаркаетъ. Вся сторона, сударь, здѣшняя какая-то — Богъ ее знаетъ — не веселая.

— Какъ не веселая, а ярмарки-то куликовскія, а кабакъ царевъ.

— Да что это! возразилъ егеръ — мѣста-то не веселыя; вѣдь вотъ Грибково — такъ что это? Куда ни пойдѣ — птицы какой хочешь, ягода разная, грибы. Да и мѣсто — ровно садъ. Помни-

те Останино? А здѣсь вонъ... и Макарычъ сердито указалъ на черную стѣну лѣса.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣтили молчаливыя и неподвижныя его вершины. Тамъ, гдѣ лѣсъ стоялъ выше, онъ освѣщался солнцемъ, а въ другихъ мѣстахъ уже весь закутался въ вечерній сумракъ. На высокой горѣ что-то вспыхнуло какъ огонь.

— Это что? спросилъ Петровскій своего собесѣдника.

— Это крестъ! отвѣчалъ тотъ.

— Какой крестъ?

Макарычъ, подумавъ немного, отвѣтилъ: — вотъ хоть бы и это-съ! все здѣсь какъ-то не по-людски дѣлается.

— Что же тутъ не по-людски? спрашивалъ Петровскій.

Старикъ, послѣ значительнаго молчанія, сказалъ:—вотъ изволите видѣть крестъ-то-съ; въ крестѣ-то образъ врѣзанъ, такъ на стеклѣ солнышко-то и играетъ—подальше отъ креста-то-съ строеніе: это село Непогожее. Теперь оно принадлежит какому-то Василю Фодотычу Расторгуеву. Онъ не живетъ тутъ. Да вѣдь отъ этого не лучше будетъ.

— А что же?

Макарычъ опять помолчалъ довольно значительно и заговорилъ: — Отъ слова не придетъ, но и Расторгуевъ не долго повертится—увидите. Это ужъ такое имѣнье. Вотъ ужъ на моемъ вѣку баръ пять переимѣнились, какъ только кто купитъ—умретъ!

— Что же это значить?

— Да мѣсто не такое, чтобы жить тутъ.

— Отчего же?

— Да вотъ видите этотъ крестъ-то. Тутъ когда-то былъ монастырь—и мощи святыя почивали. Но вдругъ святителю-то не угодно стало почивать тутъ; онъ и скрылся подъ спудъ. Видно прогнѣвали его, отцы - то или православныя. Богъ знаетъ! монастырь послѣ того сталъ бѣднѣть да бѣднѣть; монахи перемерли или перешли въ другіе монастыри. Мѣсто заустѣло, старинная церковь и кельи рухнули. Теперь только и видны горы мусора, поросшія крапивой и шиповникомъ. На этомъ-то мѣстѣ, гдѣ была церковь, и поставили крестъ.

— Отчего же мрутъ помѣщики-то въ Непогожее?

— Да, Богъ знаетъ. Земля-то эта прежде принадлежала угоднику. А когда монастырскія-то земли отошли въ казну, такъ

эту землю купить кто-то. Но не успѣлъ совсѣмъ построиться, какъ и умеръ. Такъ съ тѣхъ поръ все и мрутъ. Вотъ поживетъ ли Василій Ѳедотычъ. А ужъ онъ было попробовалъ лѣску продать.

— А что же?

Опять послѣдовало многозначительное молчаніе, послѣ котораго старикъ продолжалъ: — Вотъ тамъ, гдѣ вы видите ништо обгорѣлыя, назадъ тому года три все это былъ лѣсъ, отличный строевой лѣсъ. Вся эта земля, и лѣсъ, и уголья, — я сказывалъ тебѣ, — были монастырскіе, опосля ужъ перешли къ владѣльцамъ. Вотъ и этотъ лѣсъ принадлежалъ къ Непогожеву. И росъ этотъ лѣсъ больше ста лѣтъ, никто его не трогалъ. Такъ рубили только, на собственную потребу. Вдругъ вріѣхалъ Василій Ѳедотычъ. Осмотрѣлъ, оглядѣлъ — видитъ лѣсу видимо-невидимо — и все лѣсъ ядреный, зеленый! Созвалъ купцовъ да и продалъ лѣсъ. Какъ ты думаешь, Александръ Павлычъ — въ ту же ночь загорѣлся.

И раскащикъ съ видомъ совершеннаго изумленія хлопнулъ по плечу Петровскаго и умолкъ!

— Да не въ томъ еще чудо, продолжалъ Макарычъ, — а ты погляди, какъ уцѣлѣлъ чужой-то лѣсъ. Вѣдь дачи-то все смѣжные; былъ одинъ сплошной лѣсъ. А вѣдь какъ отрѣзало — сгорѣлъ лѣсъ Расторгуева, и пожаръ погасъ. Власть Потапычъ рассказывалъ — вотъ старичекъ, который и не-вѣсть сколько лѣтъ живетъ тутъ въ часовнѣ возлѣ креста-то — онъ рассказывалъ, что собственными глазами видѣлъ — монахъ съ крестомъ все ходилъ коло пожара, то гдѣ онъ пройдетъ — тамъ и погаснетъ. Такъ и сгорѣла только дача Василя Ѳедотыча.

Раскащикъ умолкъ; лучи заходящаго солнца потухли на лѣсѣ. Погасъ и огонекъ надъ горою. Путники спустились къ рѣкѣ.

— Сюда, сударь — сказалъ охотникъ — вотъ по дорогѣ.

— Какъ по дорогѣ! — такую даль, пройдемъ здѣсь по тропѣ черезъ лаву.

У старика сердце перевернулось; надо было идти черезъ Завитокъ, а тутъ какъ нарочно недавняя исторія съ Дудкой. Какъ ни совѣстно было Макарычу — онъ однакожь свороталъ на мостъ, сказавъ, что ему нужно зайти на мельницу. Петровскій понялъ настоящую причину такого отступленія; не желая однакожь смущать своего пріятели, онъ не препятствовалъ ему и пошелъ одинъ черезъ лаву. Лѣсомъ обошелъ онъ рѣку, и, по-

груженный въ обычныя свои думы, тихо подошелъ къ омуту, который въ полумракѣ сумерекъ еще грознѣе смотрѣлъ на сос- ним. Вотъ и ручей. Петровскій сталъ спускаться подъ гору, что- бы обойти его и вдругъ остановился, какъ окаменѣлый: передъ нимъ на журавъ изумруднаго берега, возлѣ самаго омута въ блескѣ роскошной дѣвственной прелести лежала русалка!

И хорошо что Петровскій всталъ неподвижно, а то, быть можетъ, онъ погибъ бы. Положивъ щечку на лѣвую руку, русалка держала въ правой вѣтку, которую по временамъ струила воду. Лица ея не было видно; но эти руки чистыя, тонкія, какъ у мраморной статуи, эти плечи, бѣлѣвшія молодостію, этотъ станъ, гибкій и тонкій...

Петровскій былъ удивленъ, ошеломленъ и не зналъ, что дѣлать. Удалиться, сдѣлать движеніе, это значило дать заштыть себя невѣдомому существу; а этого ему, по чувству понятной деликатности, не хотѣлось. Но если былъ пораженъ напѣ пут- никъ, то каково же было изумленіе русалки, когда на темной водѣ, въ которую она внимательно всматривалась, увидала она прекрасный образъ юноши! Все описываемое нами такъ долго, конечно, было дѣломъ минуты; на другую русалка исчезла— куда, какъ—Петровскій рѣшительно понять не могъ. Онъ огля- дывалъ рѣку, смотрѣлъ сквозь вѣтви. На рѣкѣ лежала невозму- тимая тишь наступавшей ночи, въ вѣтвяхъ вопарялся таинствен- ный сумракъ; слышенъ былъ чей-то шопотъ; но Богъ знаетъ, не шептали ли это древесныя листья, не журчалъ ли свою не- умолчную рѣчь ручей серебристый.

IV.

На другой день утромъ Петровскій былъ разбуженъ какимъ- то необыкновеннымъ крикомъ многихъ голосовъ, раздававшихся вдали. Онъ поднялъ стору и увидѣлъ толпу своихъ дворовыхъ, возвращавшихся съ сѣнокоса, которые страшно о чемъ-то шу- тѣли. Тацъ какъ кричали въ одно время рѣшительно всѣ, то, естественно, что разобрать, въ чемъ дѣло, было невозможно. Энергичнѣ всѣхъ болтались въ воздухѣ руки прикащика Дени- са Васильева, который, не видя никакой возможности перекры- чать всѣхъ, старался по крайней мѣрѣ жестами высказаться, какъ можно яснѣе и разительнѣе. По мѣрѣ приближенія къ господ- скому дому, голоса дѣлались тише и наконецъ совсѣмъ смолкли. Петровскій, думая о вчерашней встрѣчѣ, располагалъ было на-

питься чаю совершенно спокойно, какъ вдругъ доложили ему о приходѣ прикащика.

— Толкуй теперь съ нимъ, подумалъ съ досадою баринъ; однакожь велѣлъ войти,

Мужикъ съ окладистою черною бородою и съ большими такими же волосами на головѣ, вошелъ въ залу. Помолясь усердно образамъ, онъ благочестиво поклонился Петровскому и прямо заговорилъ:

— Я къ милости вашей, батюшка, Александръ Павловичъ. Власть ваша — мнѣ дѣлать больше нечего; наше дѣло мужицкое — защитите.

— Что такое? спросилъ помѣщикъ.

— Да перекошилъ опять! Прошлаго года чуть не на полъстога оттягалъ, а нынче еще больше. Что ни говори, слышать ничего не хочетъ. Вѣдь безъ васъ, батюшка, съ нимъ уему никакого нѣтъ. Отрѣжетъ полъ-наволока—да и шабашъ! Станешь говорить — зашумитъ, закричитъ такъ, что всплачешь да и уйдешь. Власть ваша, Александръ Павловичъ, а вы его въ резонъ какой-нибудь уставте.

— Да кто же это насъ такъ обижаетъ? спросилъ Петровскій.

— Да вотъ—маіоръ-съ. Вѣдь ни одного лѣта не проходитъ, чтобы съ нимъ не было брани. Ономяся по веснѣ заперъ свою мельницу на всѣ поставы, да и только. Ну, нашу и подверло—колеса-то захлебались—стала! «Батюшка Василій Ивановичъ, говорю, хотъ двои воротца открой, — вѣдь молотъ нельзя! Куда ты!»—«Ахъ ты, говорить, борода такая сякая, да я тебя говорить» — ну, шумъ такой поднялъ — чтѣ станешь дѣлать! Вѣдь все-таки господинъ, намъ не стать!

— Да что это за маіоръ, гдѣ онъ живетъ!

— Да вотъ недалеко — въ Зеленовѣ. И дѣло-то, кажись, сусѣдское, и на знати все, вѣдь еще папенька вашъ, да и дѣдушка то-съ были съ нимъ въ пріятельствѣ. Ну, ничего не беретъ. Правъ ли, не правъ ли — знать ничего не хочетъ — шумитъ.

— Зачѣмъ же онъ перекашиваетъ?

— Да, Господь его знаетъ. Сѣна у самаго въ-пятеро больше нашего; наволоковъ тьма, а каждый годъ копенъ пять, шесть ужъ непременно отхватитъ. И тутъ ужъ никакіе резоны не уймуть. Скоситъ, да свезетъ на свои участки—поди бери. «Видами, говорить, бока пропорю.»

— А нынче много перекошилъ?

— Да на польг-стога, почитай, будетъ.

— Гдѣ же?

— Вотъ на Бережкахъ — изволите знать наволокъ-отъ Бережка.

— Знаю.

— Сталь говорить, — куда-те! «Я говорить всю бороду тебѣ по вѣтру пушцу» — онъ бить не бьетъ — нечего напрасно говорить, но шумить такъ, что слова вымолвить нельзя; — такъ и уйдешь, инда слезы прошибуть иной разъ.

— Ну, вели заложить дрожки, я сейчасъ поѣду къ маіору. Какъ его зовутъ?

— Василій Ивановичъ Синицинь, вотъ не далеко здѣсь усадьба-то его, съ версту.

— Ну, ступай, вели заложить лошадей.

Черезъ полчаса нашъ Александръ Павловичъ катилъ на тройкѣ буланыхъ по дорогѣ къ Зеленому. Дудка представлялъ теперь не дудку, а какую-то дугу, концы которой составлялись изъ его колѣнъ и носа; онъ безпрестанно и при томъ безъ всякой нужды покрикивалъ на лошадей. Дорога поворотила вправо и стала спускаться подъ гору въ низменную ложбину. На другой сторонѣ этой ложбины дорога опять поднималась въ гору, и на верху горы изъ густой зелени деревьевъ виднѣлось строеніе, повидимому барское.

— Что это за деревня — спросилъ Александръ Павловичъ.

— Это-сь, отвѣтилъ кучеръ, — Зеленово-сь. Тутъ и живетъ маіоръ-сь, Василій Ивановичъ.

Стали вѣзжать въ гору. По правую сторону дороги пряталась въ гущу деревьевъ усадьба маіора, а по лѣвую возвышался небольшой, но конусообразный холмъ, на верху котораго виднѣлось какое-то странное бѣлое строеніе — не то будка, не то часовня, не то сторожка — вся совершенно бѣлая, какъ будто оштукатуренная.

— Что это такое? спросилъ Петровскій кучера, указавъ на бѣлое.

— Это-сь отвѣчалъ Дудка — это маіоръ-сь, Василій Ивановичъ. Это онъ сами и есть, они всегда тутъ стоятъ, когда не ва работѣ-сь.

Александръ Павловичъ изумился. Приближаясь къ холму, дѣйствительно уже можно было различить, что это не строеніе, а огромнаго роста и необъятной толщины человекъ, въ бѣлой

рубашкѣ, въ такихъ же шароварахъ и съ головою, покрытою густыми сѣдыми волосами.

— Такъ это самъ помѣщикъ и есть? спросилъ Петровскій кучера, желая увѣриться, такъ ли онъ его разслышалъ.

— Да-съ, это онъ-съ маіоръ, Василій Иванычъ, отвѣтилъ Дудка, снимая почтительно шляпу передъ бѣлой фигурой, которая, какъ мраморная, неподвижно стояла, смотря на проѣзжающихъ.

Петровскій всталъ съ дрожекъ. Увидя, что сзади холмъ былъ совершенно отлогъ, онъ пошелъ съ этой стороны къ Синицыну. Тотъ, замѣтивъ это, обернулся къ нему, и съ тою же неподвижностію смотрѣлъ на пріѣзжаго. Петровскій подошелъ къ старику и отрекомендовался.

— Радъ познакомиться, заговорилъ Синицынъ; вѣдь я васъ на рукахъ носилъ. Вы къ моей Матрешѣ ватрушки кушать прихаживали, а съ батюшкою-то вашимъ мы подъ Рушучкомъ Измаила-пашу совсѣмъ было въ плѣнъ взяли — да ушелъ проклятый.

Говоря это, старикъ сходилъ съ холма и направился къ дому. Василій Иванычъ Синицынъ былъ старожиломъ этого края. Не было лица популярнѣе его въ околodкѣ. Въ цѣломъ уѣздѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ маіора, хотя онъ вовсе былъ не маіоръ, а подполковникъ. Почему Василія Иваныча никто не хотѣлъ признавать подполковникомъ, объяснится, если мы нѣсколько познакомимся съ его біографіею. Когда-то очень давно, едва ли кто нибудь, даже и самъ маіоръ, помнитъ когда именно, Василій Иванычъ вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора и поселился въ Зеленовѣ. Снявъ старый свой виць-мундиръ, покрытый медалями всѣхъ компаній отъ суворовской—итальянской до турецкой Дибича, онъ заперъ его въ сундукъ и надѣвалъ только въ Свѣтлое Христово Воскресенье къ заутрени и къ обѣднѣ; вмѣсто него онъ облекся въ болѣе удобное одѣяніе, т. е. въ бѣлую рубаху и таковыя же шаровары. Въ этомъ костюмѣ можно было видѣть его всюду, какъ на работахъ, такъ и у себя дома. Зимомъ эта одежда замѣнялась огромнымъ бѣлымъ бараньимъ тулупомъ и такою же круглою шапкою, которые роскошно согрѣвали богатырскіе члены маіора.

Замѣнивъ блистанье латъ тогой гражданина, маіоръ принялся за свое имѣніе не кое какъ, а собственными руками. Ни одинъ стогъ сѣна, ни одна скирда хлѣба не ставились безъ его геркулесовскихъ мышцъ. Такъ жилъ маіоръ лѣтъ 20 въ своемъ Зеле-

новѣ, шумя на своихъ покосахъ, мирно рассказывая про свои походы, мѣшая событія, лица, мѣста, эпохи, прилыгая сколько угодно, потому что возраженій ни откуда послѣдовать не могло. Большую часть рассказовъ маіора знали навзлусть всѣ окрестные обитатели. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, доложили Синицыну, что пришолъ къ нему сотскій Иванъ Долгій. Маіоръ вышелъ и Долгій, вывернувъ изъ стараго платка большой конвертъ, подалъ его ветерану. — «Это что?» спросилъ Василій Иванычъ. — Сотскій отвѣчалъ: «не знаемъ — засѣдатель велѣлъ снести». Василій Иванычъ ушолъ въ свою гостиную, вынулъ изъ кюты старые очки, которые лежали тутъ вмѣстѣ съ восковыми свѣчами, ладаномъ и артусомъ, посмотрѣлъ на адресъ, печатъ, распечаталъ, и на сколько осталось у него умѣнья разбирать грамоту, прочелъ бумагу. Это было ни болѣе ни менѣе какъ увѣдомленіе, что маіоръ Синицынъ, во время своей службы, выслужилъ на чинѣ подполковника, а потому и производится въ оный. Мы не знаемъ съ достовѣрностью, обрадовался ли маіоръ чину; только онъ вышелъ къ сотскому и сказалъ: «ну что же?» Тотъ отвѣчалъ растопыря руки: «ничего, какъ вамъ угодно, засѣдатель велѣлъ снести — больше ничего». Ну, такъ ступай, поѣшь тамъ, — сказалъ новыій подполковникъ, — поди въ избу». Этимъ и окончилось полученіе подполковничьяго чина Василюемъ Ивановичемъ. Мужики хотя и говорили, что маіору губернаторъ прислалъ чинъ за старую службу, но, не смотря на это, маіоръ остался маіоромъ. «Маіоръ поѣхалъ въ городъ, маіоръ выстегалъ кѹребринскаго Проньку на гороховищѣ, маіоръ выдалъ Путаньку Матрену за Заусая, маіоръ поставилъ пять стоговъ на Вражкахъ». Словомъ, маіоръ и маіоръ звѣнѣло вездѣ.

— Я и дѣдушку-то вашего зналъ, какъ свои пять пальцевъ, — толковалъ колоссальный старикъ, входя въ комнаты и погружаясь въ огромныя и неизвѣстно какого времени кресла. — Вмѣстѣ за зайцами ѣзжали. У, какой былъ наѣздникъ, но я его былъ удалѣе. Куда! А давно изволили въ именице-то пожаловать, видно хозяйствомъ желаете позаняться?

— Да, я думаю немного позаняться этимъ именищемъ, — сказалъ застѣнчиво гость, стыдяся внутренно, что говорилъ сущую неправду.

— Служить изволите? спросилъ Синицынъ.

— Нѣтъ.

— А что же?

Петровскому опять стало не ловко; но сознаться, что онъ ничего не дѣлаетъ, ему не хотѣлось. Скрѣпя сердце, онъ отвѣтилъ:

— Я... я занимаюсь литературой.

— Какой литературой? спросилъ Василій Ивановичъ, нѣсколько озадаченный.

— Я печатаю въ газетахъ статьи своего сочиненія.

— У, у! вскричалъ маіоръ. Вотъ я думаю, скука-то сударь. И читать-то нынѣшнія книги бѣда, а ужъ сочинять-то ихъ, я думаю, просто Божіе наказаніе. У насъ былъ полковой командиръ Дыба, такъ тотъ, бывало, какъ принесутъ съ почты Московскія вѣдомости; не распечатывая и валяетъ ихъ въ печьку. «Дайте прочесть, полковникъ, говорятъ ему бывало офицеры. Чего тебѣ, говорить, прочесть, не видалъ что ли дрянн-то? Приказный что ли ты? Вотъ ты что читай», и укажетъ бывало на стѣну, гдѣ у него висѣло оружіе — арсеналь цѣлый. Лихой былъ полковникъ.

— А вы участвовали въ компаніи 12 года, спросилъ Петровскій, желая отвести разговоръ отъ своего положенія. Маіору больше ничего ненадо было. Это значило завести машину:

— И, и! вскричалъ маіоръ отъ Смоленска до Парижа такъ-таки все за Наполеономъ и шолъ. Да одинъ разъ совсѣмъ было его поймалъ. Это было при Добруджѣ: онъ поѣхалъ изъ крѣпости-то, чтобы улизнуть.

— При Добруджѣ, кажется, французовъ не было, скромно замѣтилъ гость.

— Ну, какъ не было? Развѣ я тамъ не воевалъ что ли?

— Да не при Дорогобужѣ ли?

— Да и говорятъ тебѣ при Дорогобужѣ, что жъ ты путаешь.

Мы съ поручикомъ Незамайкой какъ грянемъ за нимъ съ казаками. Я и вижу — одинъ-то усатѣ всѣхъ такъ впереди и скачетъ. Я за нимъ; погоди, думаю, голубчикъ, подскакалъ да и хватъ его за ногу, такъ и притащилъ его въ лагерь за саногъ.

— Какъ! Наполеона.

— Нѣтъ, надулъ, не онъ оказался, такъ маршалъ какой-то. И сколько мы ихняго брата тогда брали э, э! Бывало поѣдемъ съ казаками ночью, да десятка три и привеземъ на арканахъ. Точно сонныхъ куръ возили.

— Вы были въ Парижѣ?

— Эва! сказалъ маіоръ. Еще бы не быть. И какая свалка

была! Съ 15 егерскимъ мы бывало какъ войдемъ въ улицу-то— народа видимо не видимо, такъ и начнемъ стрѣлять, всѣхъ почти положимъ:

— А вы когда начали службу-то-съ, спросилъ Петровскій желая отвести героя отъ Парижа, гдѣ ужъ онъ очень разстрѣлялся.

— Я? отвѣтилъ маіоръ — въ 1765 году при Петрѣ I-мъ.

— Какъ, помилуйте, при Петрѣ I-мъ,—смѣясь возразилъ Петровскій,—да Петра тогда уже 40 лѣтъ какъ на свѣтѣ не было.

— Какъ не было?—вскричалъ маіоръ, разсердясь. — Ну что ты говоришь не было. Да и на часахъ то у него сколько разъ ставвалъ, въ Георгіевской залѣ. Бывало пріѣдетъ Александръ Васильевичъ, да бѣгомъ черезъ всю-то залу къ нему.

— Помилуйте Василій Ивановичъ, да Суворовъ...

— И, и, продолжалъ маіоръ, не обращая вниманія на возраженіе.—Какъ мы съ нимъ воевали-то. Въ турецкую компанію я командовалъ мушкетерами подъ Прейсшпъ-Эйлау. Подѣхалъ ко мнѣ покойный свѣтъ, да и говорить: пали Синицынъ изо всѣхъ пушекъ! У какъ я началъ палить, ну всѣхъ почти и перестрѣлялъ. Да турку и бить легче. Онъ только сначала горячится, а потомъ побѣжитъ какъ разъ.

Такъ рассказывалъ маіоръ свои бивачныя воспоминанія, когда вниманіе Петровскаго привлекъ внезапный трескъ и шумъ чего-то съ оглушительнымъ звономъ колокольца. Петровскій оглянулся и увидѣлъ, что весь этотъ гвалтъ происходилъ отъ огромныхъ стѣнныхъ часовъ съ деревяннымъ циферблатомъ, на верху котораго нарисованы были розаны. Мухи и время до такой степени раскрасили этотъ циферблатъ, что трудно было рассмотреть не только розаны, но даже и самыя цифры. Сумасшедшіе часы пробили кажется разъ 20, потомъ остановились, а черезъ минуту опять принялись колотить снова. Мебель, стѣны и все зданіе носило характеръ такой стародавней эпохи, что можно было подумать и въ самомъ дѣлѣ, не при Петрѣ ли I-мъ служилъ маіоръ. Въ комнатѣ было какъ-то тяжеловато и темно. Садовыя деревья загораживали почти всѣ окна. Все, вмѣстѣ съ путаницей маіоровыхъ рассказовъ, дѣлало какое то утомительное впечатлѣніе. Не было ни свѣтлаго луча, ни свѣтлой мысли.

— Васька,—обратился наконецъ маіоръ въ сосѣднюю комнату,—что же обѣдать? Да водки подали бы. Пойдемте-ка, впрочемъ;

сами выпьемъ. Какъ ваше имя то и отчество? Александръ Павлычъ. У насъ былъ генераль Александръ Павлычъ Ермоловъ. И, в какой былъ удадой!

Маіоръ подошолъ къ чему-то въ родѣ чулана, отворилъ туда дверь, и налилъ изъ стоявшаго на полкѣ графина двѣ небольшія рюмки. Мальчикъ въ это время принесъ хлѣба съ солью. Маіоръ насолилъ круто огромный ломоть хлѣба выпилъ рюмку и сталъ ѣсть. Потомъ онъ ввелъ гостя въ слѣдующую комнату, гдѣ накрытъ уже былъ столъ на три прибора.

— Прошу покорно, — сказалъ маіоръ. — А что же Липа? обратился Василій Ивановичъ къ хорошенькой дѣвушкѣ, которая ставила на столъ миску со щами.

— Онѣ не такъ здоровы, головка болитъ-сь.

— Что это? сказалъ маіоръ, — не угорѣла ли вчера въ банѣ. Ну дѣлать нечего.

За обѣдомъ Синицинъ продолжалъ свои бивачные рассказы; въ которыхъ простое вранье мѣшалось съ явною ложью и хвастовствомъ. Кушаньямъ конца не было. При этомъ Петровскій замѣтилъ, что дѣвушки, подававшія на столъ были все разныя и какъ на отборъ прехорошенькія. Всѣ онѣ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ смотрѣли на молодого и прекраснаго собою гостя. Какую-то лукавую полуулыбку можно было замѣтить почти у всѣхъ. Но что всего страннѣе показалось гостю, такъ это то, что всѣ почти дѣвушки имѣли какое-то сходство въ наружности, какъ будто онѣ были сестры.

— Не дурень же штатъ у маіора, подумалъ собесѣдникъ Синицина, да кажется и не малъ, добавилъ онъ, глядя на прекрасную брюнетку съ смуглыми, но въ высшей степени нѣжными чертами лица и съ роскошными формами, принесшую блюдо земляники. Маіоръ истреблялъ огромное количество щей, пироговъ, баранины, земляники, не обращая вниманія ни на гостя, ни на подававшихъ.

Вотъ кончился и обѣдъ, а Петровскій все еще не успѣлъ заговорить о причинахъ своей поѣздки. Маіоръ опустился въ свои олимпійскія кресла и неумолкаемо толковалъ о Потемкинѣ, о Суворорѣ, о Дибичѣ; наконецъ маіоръ погрузился въ совершенную дремоту. Петровскому было не ловко оставаться долѣе и онъ уѣхалъ, получивъ самую искреннюю просьбу *притодитъ* по чаще. Петровскій уѣхалъ отъ маіора съ досадою и почти съ отвращеніемъ: такое впечатлѣніе произвела на него лич-

ность этого господина, который был бы отличным мужикъ, если-бъ не занялъ у цивилизаціи мастерства лгать и хвастать. Но штабъ маіора, особенно смуглая брюнетка, пріятно рисовалась въ воображеніи молодаго человѣка.

V.

Вскорѣ одно печальное происшествіе побудило Петровскаго шовъ отправиться къ Василью Ивановичу. Далеко за полночь Александръ Павловичъ лежалъ у себя на кушеткѣ и читалъ *божественную комедію* Данта. Великолѣпные образы, какъ вылитые, вставляли по волѣ безсмертнаго Гвельфа. То съ страданіемъ на челѣ, то строгіе и угрюмые каратели безчестія, то съ небесною благодію Беатриче выступали эти дѣти страдальческой Италіи и читатель не чувствовалъ теченія времени.

Вдругъ скрипъ двери вывелъ его изъ очарованія. Въ прихожей послышались чьи-то шаги, наконецъ тощая и на этотъ разъ бѣдная фигура Макарыча предстала передъ Петровскимъ.

— Что такое? спросилъ онъ невольно.

Макарычъ, помолчавъ немного, проговорилъ наконецъ, переминаясь съ поги на ногу:—вы не пугайтесь, сударь...

—Что такое случилось? говори скорѣе, повторялъ встревоженный молодой человѣкъ, вставъ поспѣшно съ дивана.

Макарычъ опять помолчалъ немного и съ мучительною медленностью продолжалъ. —Вотъ, вѣдь, вы, сударь, не вѣрили, все, говорите пустяки бабы болтаютъ,... оно, конечно, всему вѣрять нельзя — да вѣдь, вотъ...

— Да, говори же,—вскричалъ наконецъ гнѣвно Петровскій,— что такое случилось?

Охотникъ умолялъ совѣтъ, и раскрылъ ротъ, будто сообщалъ, какъ произнести роковое слово. Наконецъ, заикнувшись два раза, промолвилъ: — Лизавета утопилась.

Петровскій былъ пораженъ, какъ громомъ. Дантъ выпалъ изъ рукъ его, онъ сѣлъ на стулъ и не могъ выговорить слова.

— Какъ же она утопилась?—спросилъ наконецъ Петровскій, съ глубокимъ чувствомъ,—несчастливая дѣвушка!

Охотникъ помолчалъ опять; повидимому онъ самъ былъ пораженъ не менѣе барина.

— Какимъ же образомъ утопилась, расскажи? допытывался Петровскій.

— Да, говорить то же; что сестры...

— Какъ говоритъ, кто? тревожно допрашивалъ Петровскій Макарыча, который съ непоколебимою медленностію пропускалъ слова, точно червонцы.

— Да, Лизавета-съ; она и рассказываетъ.

— Да, кто же утопился-то? вскричалъ наконецъ запальчиво молодой человекъ. — Ты, Симанъ, положительно глупъ, говори же кто утопился—и какъ? говори хорошенько, не ври.

— Я вамъ докладываю, сударь, что сейчасъ принесли съ Заветка Лизавету. Она бросилась въ омутъ, но по счастью, были близко мужики, вытащили, стали откачивать, но теперь все вреть, ничего не добьешься.

— Такъ она жива еще, вскричалъ Петровскій.

— Да жива еще, процѣдилъ неохотно старикъ.

Петровскій поспѣшно перешагнулъ сѣни и вошелъ въ людскую, которая была напротивъ. На постели лежала Лиза въ сильномъ жару и въ бреду, но, при взглядѣ на Петровскаго, она его узнала, хотѣла встать, схватила его руку, поцѣловала и заплакала. Потомъ въ безпамятствѣ опять упала на подушку и бредила.

Молодой баринъ немедленно велѣлъ принять всѣ медицинскія средства, какія только зналъ, потомъ позвалъ охотника, — человека, совершенно тамъ ненужнаго, и велѣлъ рассказать происшествіе.

— Вотъ то то и есть, сударь—началъ въ свою очередь представитель Макарычъ, — я вѣдь говорилъ, что не пошто по ночамъ таскаться на рѣку! что до добра такая повадка не доведетъ что въ водѣ по ночамъ мало ли что быть можетъ; вотъ оно и вышла моя правда, а вы не вѣрили.

— Да ты говори про дѣло, полно болтать-то.

— Въ послѣднее время она все была какъ-то скучна-съ! Похудѣла и поблѣднѣла и на рѣку еще чаще стала ходить. Я и говорю баушкѣ Федорѣ, что Лизавета не хороша — поговори, молъ, съ ней. А та махнула рукой — я боюсь! — Ну, такъ и ничего. Вчера свадьба была на мельницѣ, мельникъ женилъ на вольной дѣвицѣ сына, — богатая, чу, да красивая такая. Ну, и Лиза была на свободѣ. Ничего, чу, веселая такая. Пѣла все пѣсни съ дѣвицами и вино, чу, пила. Вдругъ точно кто ее треснулъ, какъ зареветъ вдругъ въ хору-то да бѣжать. Ну ужь было поздно—хмѣльненьки были всѣ, не слыхали, многіе ужь и подомамъ пошли, шли и наши Андреянъ столяръ съ ребятами. Идутъ себѣ да калякають. Вдругъ Ивана Шошу кто-то хватъ

во снѣтъ: смотреть Лизавета. Экъ тебя нелегкая! выруга
Шоша — ну такъ бы и ничего. А дѣвка обѣжала ихъ, по
да камень, да и пырь въ нихъ, прямо въ лобъ Заусаю. Тотъ,
ете, огонь! Ахъ ты, говорить, дьяволь этакой — да за ней
отъ него, ребята въ хохоть, да за ними. Дѣвка добѣжала до
итка, да прямо съ песчанаго-то бугра и бухъ въ омутъ. Т
Матта-то и остолбенѣли; однако схватили жерди съ огоро
ее пригребать; такъ, чу, не беретъ жердей-то. Однако ве
и откачали.

— Что же за причина? отъ чего она бросилась?

— Причина, причина — вотъ та и есть причина, что вод
говорилъ вамъ, что здѣшнее мѣсто — къ ночи и гово
не хорошо, — вы не вѣрили, а теперь вотъ сами изволите
добавилъ старикъ съ видомъ совершенной побѣды.

— Какая тутъ вода! говорилъ Петровский, — не люди ли ск
мноты, чѣмъ вода. Люди, братъ, посильнѣе и постраш
поей воды.

— Помилуйте-съ, вѣдь ее никто не соваль — нѣтъ ужъ
тница. Много грѣха было на этомъ омутѣ. Окаянное мѣсто

— Однако, Макаровъ, завтра чуть свѣтъ послать за до
рогъ.

— Ну, за докторомъ не за докторомъ, а къ Олимпіадѣ
длевнѣ спосылать надо-съ. Это такъ-съ.

— Что это за Олимпіада Васильевна?

— Барышня-съ, маіорова дочка.

— Что же она колдунья что ли? спросилъ иронически А
Сидръ Павловичъ, зная предрасудки охотника.

— Какая колдунья, — отвѣтилъ тотъ, обидѣвшись, — ничег
колдунья-съ, а предобрѣйшая барышня. Весь околodoкъ за

Бога молить. Вотъ про другихъ того не скажешь.

— Такъ у него не одна дочь, значить?

— Какая одна! Ихъ и не сочтешь, только ублюдки какія
Вотъ онѣ, вѣроятно, и Лизавету-то погубили. Только и зн
таскаться по ночамъ, настоящія вѣдьмы.

— Да что же это за дочери, допытывался молодой челов
припомнишь странное сходство фязіономій у маіоровыхъ д
шекъ.

— Маіоръ-то, сударь, пакостникъ страшный — онъ уже
20 в Тавнѣ Святыхъ не принимаетъ, только исповѣдается—
приобщается. Вотъ и родятся этакія вѣдьмы. Олимпіада то

силѣвна много горя изъ за нихъ принимаетъ. Вѣдь, сударь, у него вся дворня, почитай, состоитъ изъ его дочекъ и всѣ, вѣдь какъ нарочно, въ него, пучеглазья такія, прости Господи.

— Какъ же это такъ ?

— Да такъ-съ, отвѣчалъ старикъ. Съ тѣхъ поръ, какъ у него умерла его законная-то супруга, такъ у него постоянно любовница, а не то двѣ. Онѣ и родяты кажинный годъ — да все дѣвочки... Вотъ у нихъ въ позапрошломъ году тоже была исторія.

— Какая же?

— Да, музыканта водяной стащилъ за ноги въ омутъ, вотъ въ Завитокъ же.

— Какого музыканта.

— Музыканта, Фоку Данилыча. Также была свадьба. Хлещиковскій баринъ женился. Вотъ онъ и подрядилъ Фоку Данилыча играть у него на свадьбѣ два дня за полтинникъ. Ну, Фока Данилычъ и игралъ. Угощали его такъ что на!—Водкой, наливками, винами разными, хоть окатись. Старикъ таки любилъ выпить. На третій день вечеромъ онъ и пошолъ домой, а на дорогѣ-то ему тотъ да другой: выпей, да выпей — не хочу, говоритъ Фока Данилычъ, не надо. Выпей, пристають да и только, такъ етаканами-то въ рьло ему и суютъ. Что же-съ, вѣдь не отбился, взялъ стаканъ съ виномъ въ руку, а другую-то поднималъ, знаете, перекреститься хотѣлъ передъ рюмкой-то—глядь нѣтъ ни рюмки, ни вина, ни людой, а самъ то онъ стоитъ въ водѣ по горло и скрипка плаваетъ возлѣ. Съ тѣхъ поръ бросилъ Фока Данилычъ скрипку, и вотъ ужъ пять лѣтъ, какъ не играетъ.

— Ну, однако-жь прощай,—сказалъ сердито собесѣдникъ Макарыча,—спать пора. Такъ завтра я поѣду къ маѣору, вели приготовить лошадей.

— Да, ужъ какое завтра, сказалъ охотникъ, указывая на лучи солнца, пробивавшіеся сквозь ставни, ужъ бѣлый день.

— Ну, такъ ступай.

Макарычъ поклонился и вышелъ, но въ прихожей, подержавъ за ручку двери и что-то подумавъ, воротился къ барину и добавилъ:

— Съ тѣхъ поръ, сударь, Фока Данилычъ ни одной рюмки не выпьетъ, не перекрестивъ ее. Не могу, говорить. Вотъ и я, сударь, грѣшный человекъ, пью иногда, а ужъ не перекре-

стивши рюмки, капли не выпью, не хорошо-съ, мало ли что может случиться.

— А лучше бы ты посовѣтовалъ,—возразилъ строго Петровскій,—музыканту, да и самому себѣ, вовсе не пить водки, тогда и водяныхъ бы не было.

Макарычъ послѣ такого неожиданнаго замѣчанія вышелъ молча изъ комнаты.

Смутно было на душѣ нашего героя. Эта несчастная дѣвушка, вчера еще цвѣтущая здоровьемъ и молодостью, а сегодня волеумертвая и безумная, эта проклятая ночь съ водяными призраками и съ страшною дѣйствительностію: — Александръ Павловичъ не могъ спать, и радъ даже былъ проникающему сквозь ставни свѣту. «Что ни говори, а вотъ она вода-то, подумалъ невольно Петровскій, на душѣ-то все таки скверно. Мудрено ли послѣ этого, что про нее будутъ и Богъ знаетъ что рассказывать.» Съ этими мыслями онъ толкнулъ створы окна, чтобы открыть вмѣстѣ съ ними и ставень. Ему хотѣлось освѣжить чувства дневнымъ свѣтомъ, изъ темныхъ призраковъ прямо перейти въ свѣтлую зеленую долину, по которой текли воды Бѣлой. Рама уступила его давленію, ставень отворился, дневной свѣтъ дѣйствительно ослѣпилъ его, но представившееся его взорамъ такъ его поразило, что при первомъ впечатлѣніи онъ почти въ испугѣ отошелъ отъ окна. Тамъ, гдѣ текла рѣка, тамъ, гдѣ лежали ея берега, тамъ, гдѣ взбѣгали на горы, поля и кустарникъ — теперь ничего не было—ни рѣки, ни береговъ, ни колеи; было только одно безбрежное море. Вдали, какъ надгробный мавзолей, сверкалъ крестъ сельской колокольни. Изъ отдаленнаго края этого моря выступалъ лучезарный полукругъ солнца, и первыми своими лучами позолотилъ это бѣлое и безпредѣльное пространство. Черезъ нѣсколько времени море стало колебаться. Солнечная теплота мѣстами прогоняла туманы; мѣстами какъ чудовище вылѣзалъ черный ельникъ; мѣстами выплывалъ, какъ изумрудный островъ зеленый берегъ, мѣстами засверкала и стальная поверхность Бѣлой. Тишина была невыразимая. Только съ крыльца доносились изрѣдка громкіе возгласы. «Убѣлюся свѣтомъ яко ризою... омыши мя и паче снѣга убѣлюся... Духа твоего Святаго не отыми отъ мене и проч.» Это Макарычъ стоялъ на колѣняхъ и клалъ земные поклоны на сверкающей вдали крестъ колокольни.

VI

Подъѣзжая къ Зеленому въ весьма мрачномъ расположеніи духа, Александръ Павловичъ ясно увидѣлъ сквозь отворенныя окна, какъ мелькнуло бѣлое платье и какая-то дѣвушка быстро убѣжала изъ гостиной при видѣ его экипажа. «Деревенщина, подумалъ Петровскій,—да еще лекарка!»

— Дома Василій Ивановичъ, спросилъ онъ встрѣчавшаго его на крыльцѣ мальчика въ венгеркѣ со свѣтлыми пуговицами и босикомъ.

— Дома-съ, отвѣчалъ тотъ.

— Доложи.

— Сейчасъ за ними побѣжали-съ.

— Да гдѣ же онъ?

— На старой мельницѣ, сегодня-съ.

— Далеко?

— Нѣтъ-съ, недалеко, они сейчасъ придутъ-съ.

— Ну а барышня дома?

— Дома-съ.

— Доложи, я приѣхалъ именно къ ней, дѣло очень нужное.

— Сейчасъ-съ.

Мальчикъ ушелъ. Слышенъ былъ чей-то говоръ, потомъ шопотъ, наконецъ мальчикъ вышелъ и отвѣтилъ:—нѣтъ ихъ дома, погрибы ушли съ дѣвущками.

Петровскій ясно видѣлъ, что это вздоръ, что это болѣе ничего, какъ деревенское жеманство, а Петровскому было не до него.

— Ну такъ веди меня къ Василю Ивановичу, сказалъ онъ сердито.

Вскорѣ Александръ Павловичъ увидѣлъ своего сосѣда на самомъ поприщѣ его дѣятельности. Съ огромною, чуть не въ возъ, ношею сѣна двигалась его геркулесовская фигура на встрѣчу Петровскому.

— Здравствуйте, сказалъ Петровскій, протягивая руку Синицыну.

— Здравствйте, батюшка, отвѣчалъ тотъ, обливаясь потомъ;— милости просимъ. Ну что вы, здоровы ли?

— Я къ вамъ съ просьбою, Василій Ивановичъ...

— Съ какой, сударь? съ испуганнымъ видомъ спросилъ Синицынъ, — не хлѣба-ли? такъ ни зерна нѣтъ. Самъ не знаю, какъ добиться до новн. А ужъ овса, такъ съ великаго поста—ни!

— Нѣтъ, мнѣ не хлѣба, я къ вашей дочкѣ, у меня больная есть, а онѣ такъ добры, говорятъ, что помогаютъ.

— О, помогаетъ; ухъ, какъ помогаетъ! У насъ въ полку былъ докторъ нѣмецъ или латвѣ, Богъ его знаетъ, Шмукъ по фамиліи; такъ тотъ, бывало, все горчишниками катаетъ. Разъ у поручика Тыргыченка руку отстрѣлило. Шмукъ перевязалъ и сейчасъ поставилъ ему горчишники подъ ложку: «не такъ тошно будетъ,» говоритъ.

— У меня случилось пренепріятное дѣло, прервалъ Петровскій болтовню Синицына.

— Какое, сударь?

Петровскій разсказалъ печальную исторію Лизы.

Маіоръ слушалъ и наконецъ спросилъ:—да отчего же вы ее лечить-то хотите?

— Да какъ же, она въ бреду, въ безпамятствѣ!

— Въ безпамятствѣ! у насъ этакъ же барабанщикъ Щипчикъ свалился съ моста въ Дунай и совсѣмъ ужъ ко дну пошолъ, да я бросился и вытаскилъ. Что же? Какъ откачали, такъ я тутъ же велѣлъ начистить зеленыхъ, да такъ ему спину-то взбарабанилъ, что знатно, и бреда не было.

Возмутительно было Петровскому слушать эти рѣчи стараго дикаря. Онъ хотѣлъ перебить разговоръ, и тутъ ему пришла на умъ жалоба Денкса на обиды маіора. Проникнутый досадою, онъ прямо объяснилъ маіору, что нехорошо такъ обижать его мужиковъ. Гигантскія мышцы маіора поколебались.

— Я перекосилъ? вскричалъ онъ, входя къ себѣ на крыльцо, я перекосилъ! Ахъ онъ борода чортова; я перекосилъ, да онъ самъ подлець обворовалъ меня совсѣмъ. Ахъ онъ... да онъ у меня въ прошломъ году пять стоговъ увезъ, такъ таки и увезъ прямо съ маволока. Ахъ онъ быкъ толстошеей; да я его утоплю, своими руками жорновъ на шею навѣшу.

— Помните, Василій Ивановичъ, это мой крестьянинъ.

— Какъ твой крестьянинъ! оралъ Синицынъ,—да онъ подлець, третьяго дня намопался у меня води да пива да пирога пшеничнаго; да онъ воръ чистый; онъ у меня съ мельницы шестерню увезъ, всѣ новины у дѣвокъ перетаскалъ къ себѣ въ сущило.

— Кушать пожалуйста,—сказала прехорошенькая дѣвушка, по-добри къ маіору,—кушанье ужъ поставлено.

— Пойдемте обѣдать, сказалъ онъ Петровскому, окончательно взбѣшонному — атамъ шумомъ.

— Лизка хорошо сдѣлала, что не утонула, — продолжать свое Синицынъ. — А вотъ кабы грѣхъ-то случился, такъ вотъ ты бы тогда и узналъ, что это такое: — наѣхалъ бы судъ, да слѣдствіе; корми, пом. А впрочемъ тутъ толковать нечего. Да вотъ и лекарка, — сказалъ онъ, войдя въ гостинную, — вотъ дочка-то Олимпіада Васильевна, рекомендую. Липа! сосѣдь Александръ Павлычъ; сынокъ Павла Дмитрича, помнишь.

Случалось ли вамъ, добрый читатель, засыпать во время бурной и ненастной ночи, а по утру просыпаться и видѣть солнце во всемъ блескѣ, зелень въ благоуханіи, въ воздухѣ свѣжесть и яркость. На душѣ вдругъ становится свѣтло и благополучно. Вчерашней смуты и безурядицы въ природѣ точно не существовало; будто ясный день воцаряется и въ душѣ. Вотъ такое точно чувство вдругъ осянило Петровскаго, когда онъ взглянулъ на молодую дѣвушку, смиренно стоявшую у стола. При взглядѣ на Петровскаго она вся вспыхнула и долго не могла оправиться; Петровскій сталъ разговаривать съ отцомъ. Липа устала въ тарелку и не поднимала лица. Наружность Олимпіады Васильевны принадлежала къ числу тѣхъ, которыя трудно объясняются и еще труднѣе описываются. Это была высокаго роста блондинка. Лицо ея было, если хотите, одно изъ самыхъ обыкновенныхъ съ большими глазами, не то голубыми, не то сѣрыми, съ маленькимъ ротикомъ. Если, что было въ ней прекраснаго, такъ это стройный, граціозный, гибкій образъ стана, ея античныя бѣло-мраморныя плечи и руки, въ которыхъ сказывалось много жизни и быть можетъ страсти. Но тайну-то неизъяснимой прелести составляло все такъ лицо простое, доброе и почти до болѣзненности нѣжное. Эти ясные, большіе глаза, этотъ тонкій, нѣжный, чистый, какъ снѣгъ на горный, цвѣтъ ея лица — такъ напоминали чистыя лица Мурзало, что думалось: не съ полотно-ли ошла эта небесная, больше чѣмъ земная дѣвушка. Когда она улыбалась и когда слышался ея тихій, мягкій голосъ, можно было наивѣрное сказать, что эта улыбка и этотъ голосъ могутъ имѣть непобѣдимую силу. Петровскій съ изумленіемъ смотрѣлъ на дѣвушку и думалъ какимъ образомъ могло разцвѣсть это прекрасное созданіе на такой грубой почвѣ.

— Разъ, когда мы стояли на Дону, — началъ опять маіоръ, —

вдругъ распустили слухъ, что жидъ Шмуль ночью водою спихнулъ въ рѣку. А Шмуль-то рассказалъ мнѣ иное. На него напали солдатаки Якутскаго полка, да кистенемъ и свалили его за-жертво. Потомъ вынули у него кошну-то съ деньгами, да чтобы скрытъ и концы въ воду, взяли да и сватили его въ рѣку, а сами тягу. Въ водѣ-то жидъ очнулся, холодно ужъ было,—около Покрова...

— Я къ вамъ съ просьбою, Олимпиада Васильевна, — обратился молодой человекъ къ барышнѣ; — вотъ у меня случилось какое несчастіе, — помогите.

— Какое? тихо спросила дѣвушка, и видя, что гость смотритъ прямо на нес, снова покраснѣла ужасно.

Петровский рассказалъ происшествіе; Лица слушала внимательно и вдругъ поблѣднѣла.

— Пошлите за докторомъ скорѣе, — отвѣтила она, — я могу-ли тутъ помочь? Отъ пустыхъ и незначительныхъ болѣзней всѣ могутъ быть полезны, а отъ такой... нѣтъ пошлите за докторомъ, а до тѣхъ поръ я буду наблюдать.

И голосъ дѣвушки былъ такъ нѣженъ, былъ полонъ такого сочувствія.

— Лица бредитъ, спросила тревожно Олимпиада Васильевна и нетерпѣливо ждала отвѣта.

— Бредитъ, отвѣчалъ Петровский.

— О чемъ?

— Да вотъ, говорить, что ее звали сестры, свѣтлый мѣсяць, зеленныя вѣтви; обыкновенное горячее состояніе.

Лица задумалась. На нѣжномъ ея лицѣ изобразилось такое горе, что Петровский рѣшительно думалъ, что она заплачетъ.

Послѣ обѣда Олимпиада Васильевна тотчасъ же подошла къ Петровскому и застѣнчиво объявила, что она сейчасъ же пойдетъ къ Лизѣ, а Петровский посидитъ съ отцомъ. Но майоръ уже дремалъ; а Петровский объявилъ, что онъ за честь себѣ вчеть, если она позволитъ ему сопутствовать, что экипажъ его готовъ.

— Помилуйте, зачѣмъ же экипажъ, — отвѣтила дѣвушка, — здѣсь близко — нѣсколько шаговъ.

— Какъ нѣсколько шаговъ? спросилъ Петровский, — я ѣхалъ...

— Да, объѣздъ великъ, а нѣшкомъ идти гораздо ближе. Впрочемъ, — прибавила смущенно дѣвушка, — вы поѣзжайте, я при-

ду къ больной, только я надѣюсь, вы пождаете къ намъ чай кушать!

Петровский поблагодарилъ и поѣхалъ. Онъ сильно торопиль свою тройку, чтобы принять милаго медведя, но каково же было его удивленіе, когда, подѣзжая къ своему флигелю, онъ увидѣлъ, что Олимпиада Васильевна была уже тамъ.

— Послушайте, Александръ Павлычъ, — сказала дѣвушка стыдливо, — я прошу васъ объ одномъ; позвольте мнѣ при моихъ посѣщеніяхъ быть съ Лизой одной или вотъ съ Катей; — и Липа указала на стоявшую возлѣ нея дѣвушку; это была та самая брюнетка, которая поразила его въ первый вѣздъ къ майору.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Петровский.

Липа отправилась къ больной. Побывъ тамъ довольно долго, дѣвушка вышла вся въ слезахъ.

— Что? спросилъ Петровский.

— Страдаетъ, отвѣчала Липа.

— Чѣмъ? быстро повторилъ юноша.

Дѣвушка остановилась, и подумавъ сказала: — горемъ!

— Но какимъ? что же съ ней дѣлать.

— Оставьте ее, Александръ Павлычъ. Я ее вылечу. Вы не сердитесь на нее, — Бога ради, не сердитесь, — я прошу васъ.

— Помилуйте, за что! — вы такъ добры; могу-ли я не исполнить вашу волю?

Липа пошла домой, за ней отправился и Петровский, еще болѣе не понимая исторіи Лизы. Они шли по направленію къ Завитку.

— Такъ мы черезъ Завитокъ пойдѣмъ? замѣтилъ Петровский.

— Нѣтъ, отвѣтила быстро Липа.

— Черезъ Завитокъ, барышня, замѣтила сзади Катя.

— Ахъ, Катя, нѣтъ, вскричала почти сердито дѣвушка и вся вспыхнула.

Петровский взглянулъ на нее; она шла, потупя очи; Петровский взглянулъ на Катю; — о какъ лукаво посмотрѣла она на него своими черными маслянистыми глазами, какъ улыбнулась. Петровский замѣтилъ тутъ, что Катя чисто красавица. Сквозь смуглый цвѣтъ кожи пробивался румянецъ, и маленькія губы рдѣли кораловымъ цвѣтомъ.

— А черезъ Завитокъ развѣ нельзя пройти, спросилъ снова Петровский.

— Мельза, поспѣшно отвѣтила Лиза.

Петровский посмотрѣлъ на Катю; она опять такъ взглянула на него своими большими глазами, что они ясно говорили: «можно».

Черезъ нѣсколько минутъ они были дома. Скоро Лиза стала разговорчива, и только по временамъ странно конфузилась. Особенно, когда Петровский заводилъ рѣчь о Лизѣ, Лиза вся вспыхивала. Все это для Петровскаго становилось загадкой неразрѣшимой.

VII.

Болезнь Лизы длилась долго, по здоровая-ли молодость или таинственное леченіе страннаго медика побѣдили: дѣвушка выздоровѣла. Въ это время Петровский совершенно сблизился съ семействомъ маіора. Онъ привыкъ къ его шумной болтовнѣ, похожей на шумъ его-же собственной мельницы. Все время онъ проводилъ съ Липой, читая съ нею книги, которыхъ у него былъ большой и надо сказать, замѣчательный выборъ.

Мы должны сказать, что юный герой нашъ былъ изъ числа людей далеко не дюжинныхъ. Онъ принадлежалъ къ эпохѣ, хотя уже отшедшей, но еще недавней, которой современное поколѣніе напрасно отказываетъ въ историческомъ значеніи. Онъ былъ еще очень молодъ, и не вполне понималъ отчего его сердце нерѣдко наполнялось невыразимою безотчетною тоскою, отчего ему такъ невыносимо было въ кругу, которому присвоено было названіе образованнаго, отчего такъ отрадны были ему сумрачныя, облитыя горечью и злостью звуки нашихъ поэтовъ, и страстныя, сжимающія сердце строфы Байрона. Онъ еще не понималъ, что эту тоску вымучивала окружающая сфера, но жить въ ней уже не могъ. Не поладивъ съ службой, которая не мирилась съ просвѣщеніемъ, онъ бѣжалъ въ деревню и сталъ лицомъ къ лицу съ міромъ, о которомъ онъ только зналъ по наслышкѣ. Объ этомъ мірѣ уже тогда ходили разнородныя толки: одни говорили, что въ немъ хранятся всѣ преданія нашего прошедшаго, — и залогов будущаго; другіе отрицали въ немъ всякое гражданское, общественное значеніе, а оставляли за нимъ грубую силу массы. Легко представить какъ грустно было Петровскому, когда представителями этого міра явились предъ нимъ Дудка и Макарычъ, съ ихъ предразсудками и пороками.

Тоска пуще прежняго одолѣла Петровскаго. Онъ рѣшительно не зналъ бы, что дѣлать и куда бѣжать, волилъ не семейство майора, или лучше еслѣбъ не дочь его, съ которой онъ, совершенно неожиданно, могъ говорить о многомъ. Это было странное и тоже не совсѣмъ правильно развившееся существо. Воспитанія она не получила никакого. Сельскій священникъ выучилъ ее читать, писать и катихизису. Долотта и Фанъ-Фанъ была первая книга, которую она прочла. Потомъ подалась ей нѣсколько романовъ Радклифъ и рукопись Кавказскаго Плѣнника, которую она списала и выучала наизусть. Вотъ все, что она прочла, но у Липы былъ еще наставникъ строгій и суровый, съ которымъ суждено было ей пройти путь свой отъ младенчества, это горе. Оставшись малюткой послѣ матери, она поступила прямо въ руки грубо развратнаго отца или, лучше сказать, въ руки еще болѣе грубыхъ и развратныхъ наложницъ его. Будучи дитятей, она не понимала окружающаго, да и ее не замѣчали. Но по мѣрѣ того какъ она подростала — дѣвушка чуткимъ инстинктомъ, сильно въ ней развитымъ, постигала всю гнусность среды, въ которой жила. вмѣстѣ съ тѣмъ и на нее, какъ на будущую наследницу, какъ на законную власть стали смотрѣть съ ненавистію всѣ тѣ, которымъ выгодно было имѣть власть въ своихъ рукахъ. А изъ такихъ людей состояла почти вся дворня. Легко представить сколько грубыхъ оскорбленій, сколько тайной и сдержанной злобы должна была перенести несчастная дѣвушка. И нѣтъ ни одной души, которая бы поняла ее положеніе такъ, какъ она понимала его въ своемъ сердцѣ, нѣтъ никого, кто бы понялъ и раздѣлялъ съ нею скорбь этого безотраднaго положенія. Не найдя пріятна въ людяхъ, она искала его въ благодатной природѣ, которая такъ пріятливо улыбалась ей отъ колыбели. Еще ребенкомъ, она по цѣлымъ часамъ просиживала подъ окномъ, и подперши руками бѣлокурую свою головку, смотрѣла какъ на синемъ небосклонѣ пріхотливо развивались летучія облака и вились туманы надъ рѣкою. Чаше всего она бродила по берегамъ рѣки Бѣлой и слушала отъ окрестныхъ поселянъ странные рассказы о стихійныхъ ея обитателяхъ. Рассказы эти не только не пугали ее, но напротивъ становились здоровой и питательной пищей для чистой и поэтической ея души. Они научили ее смотрѣть на природу, не какъ на мертвую, безжизненную матерію или сухой скелетъ, а какъ на живой, одушевленный организмъ, полный великихъ

и таинственныхъ силъ, которыми надѣлили ее Творецъ вселенной. Ей понятенъ былъ смыслъ и рѣчи этой природы; ей улыбалось дѣтѣ, ей говорили свои тайны лѣса и долины, ей шумѣли волны Бѣлой свои пѣсни.

Вотъ почему Петровскій нашолъ въ душѣ ее готовую, роскошную, хотя еще неводѣлянную почву; природу чуткую и отзывную для всего лучшаго, что есть въ человѣкѣ. Съ самаго начала, — страннымъ казалось это Петровскому, — Олимпиада Васильевна почти не выносила его присутствія. При видѣ его, она до того конфузилась, что не знала что дѣлать. Юноша объяснялъ это деревенскою застѣчивостію и необыкновенною кротостію ся сердца. Скоро однакожь это миновалось. Дѣвушка перестала дичиться постоянного своего посѣтителя, а потомъ стала единственною его собесѣдницею. Сближеніе прежде всего, какъ мы сказали, произошло на книгахъ. Съ ней онъ читалъ творенія великихъ поэтовъ и историковъ, говорилъ о красотѣ художественныхъ созданій, о благѣ обществъ, нерѣдко повѣрялъ ей свои сюрсы, свою скуку, свои неудавшіяся стремленія, и проигранныя битвы. Липа говорила мало, но понимала все. Въ душѣ ее все отражалось ясно и вѣрно. Читая Данта, Шекспира, Байрона, или Гиббона и Руссо, Петровскій открывалъ ей міръ почти неведомый для нея, но чудный и великій. Липа впервые встрѣтила такого человѣка, какъ Петровскій; съ тайнымъ удивленіемъ и отрадой она замѣтила, что онъ мыслитъ подобно ей, хотя высоко стоялъ надъ нею по развитію и знаніямъ. Разумѣется, что она смотрѣла на своего собесѣдника или *учителя*, какъ она его называла, съ тѣмъ восторженнымъ благоговѣніемъ съ какимъ обыкновенно смотритъ юность на людей съ идеями, съ высшимъ развитіемъ, съ чистыми благородными стремленіями. Петровскій полюбилъ Липу, какъ дитя, какъ младшую сестру, а Липа привыкла совершенно къ Петровскому, и съ книгою въ рукѣ еще чаще бродила по берегамъ рѣки Бѣлой.

Разъ Петровскій пришолъ въ Зеленово и никого не всталъ дема: Василій Ивановичъ былъ на работахъ, а Липа гдѣ? Богъ знаетъ. Не смотря на то, Александръ Павловичъ не уходилъ; онъ осматрѣлъ комнаты и садъ, ница глазами кого-то. Но другіе глаза видно тоже кого-то посматривали. Изъ зеленыхъ кустовъ орѣшника выставилась чернокудрявая головка Катя. «барышня нѣтъ дома», сказала она, подбѣдя къ гостю.

→ Гдѣ же?

— Они гуляют на рѣкѣ. Извольте идти туда; вы ее найдете.

— Да я не знаю дороги, милая Катя, проводи, пожалуйста.

— Ужь не знаете? Больше года здѣсь живете, да не знаете! Говорите-ка.

— Право не знаю, Катя, проводи пожалуйста, утрачивала молодой человекъ, Катя, будто нехотя, согласилась.

— Катя,—спросилъ идущи гость,—ты часто смотришься въ зеркало?

— Никогда, отвѣчала лукаво дѣвушка.

— И хорошо дѣлалась, а то бы ты влюбилась въ себя.

Дѣвушка вспыхнула отъ удовольствія и потомъ тотчасъ сказала: — Кромѣ самой себя никто не влюбится.

— Нѣтъ, я боюсь смотрѣть на тебя.

— Что жь? я такъ страшна?

— Нѣтъ, ты такъ прекрасна.

Дѣвушка опять покраснѣла. Между тѣмъ они вступали въ лѣсъ, примыкающій къ рѣкѣ и въ скоромъ времени подошли къ омуту, давно знакомому читателю. Отъ усадьбы майора, онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Подъ темными навѣсами сосенъ, на изумрудной зелени берега, Катя съ черными свои волосами и смуглыми щеками, разрумяненными зноемъ крови, была очаровательна.

— Катя, посидимъ здѣсь, сказалъ Петровскій, взявъ ее за руку.

— Некогда, сказала робко дѣвушка, и хотѣла вырвать руку.

— Катя, ты, чудо какъ хороша, ну, посидимъ здѣсь минуточку, я усталъ. Петровскій сѣлъ на берегу, привлекъ Катю на колѣни и поцѣловалъ.

— Ахъ, Александръ Павловичъ, вы опять, вскричала дѣвушка стыдливо. Вырвавшись изъ рукъ Петровскаго, она сѣла возлѣ него и оправившись, сказала «озорникъ.»

— Да развѣ грѣхъ поцѣловать такую милую и чудную дѣвушку, какъ ты.

— Грѣхъ, грѣхъ — не знаю грѣхъ ли, только не велятъ, сказала смуглянка, нѣжно смотря въ глаза юношѣ.

— То-то и хорошо, что не велятъ, сказалъ Петровскій, осыпая поцѣлуями щеки и шею красотики.

Мы страшно боимся, чтобы читатель не обвинилъ насъ въ безнравственности, въ оскорбленіи чувства цѣломудрія и прили-

тя. Возможно ли, чтобы молодой человекъ съ такими стремлениями, сейчасъ проповѣдникъ всего великаго и возвышеннаго, такъ низко падалъ? Увы, читатель, къ стыду человѣческой природы, это возможно. И въ зрѣлыхъ, мудрыхъ возрастахъ возможны строгія сужденія о жизни и легкія слабыя примѣненія ихъ къ дѣлу. А герой мой былъ еще такъ молодъ, еще увлеченія и восторги юности имѣли всю прелесть для него и ему жаль было съ ними расставаться. А Катя, Катя, какъ обольстительно хороши ея бархатные глаза! А этотъ красный, какъ маковый шпютекъ, ротикъ и эта кожа, смуглая, кажется, а между тѣмъ эта смуглота такъ нѣжна, прозрачна и чиста. Когда, бывало, Катя надѣнетъ свое синее платье, да, шутя, натыкаетъ собѣ въ волосы гроздій рябины, въ ней выходила такая изящная фигура, какія встрѣчаются только у Рембрандта. Петровскій — стыдно сказать — восхищался чистотою, невозмутимую нѣжностію и изяществомъ души Лины; но кровь бросалась у него въ лицо, когда появлялась ея любимая служанка. Лукавая смуглянка понимала это, играла въ опасную игру и въ ея глазахъ не въ первый уже разъ темнѣло отъ поцѣлуевъ красиваго сосѣда.

— Ну, ступайте же, ступайте къ барышнѣ-то. Вы вѣдь жить безъ нея не можете.

— Ревность, подумалъ Петровскій и сказалъ: — да, Катя, она действительно прелестная дѣвушка.

— Сердце, сарацу вѣсть подаешь, и она васъ чуть не за Бога считаетъ и говорить...

— Что говорить?

— Говорить, что... я не знаю ужъ какъ вамъ сказать, мы вѣдь не умѣемъ такъ говорить, какъ вы ее научили. Катя хотѣла что-то сказать, какъ вдругъ страшный всплескъ воды раздался возлѣ нихъ, повторился въ лѣсу и странно!.. пустынные воды омота неизвестно отъ чего заколебались. Петровскій вздрогнулъ. Катя бросилась опростометью бѣжать, цепнувъ спутнику: — водяной, водяной?

— Уфъ, уфъ, фыррр... раздавалось между тѣмъ по лѣсу, и воды омота еще сильнѣе колебались.

— Лей, Митинька, лей, батюшка, уфъ, уфъ, лей, родимый мой, хорошенько! Ладно, ладно, уфъ, уфъ, фрр...

Петровскій еще болѣе удивился, когда по голосу узналъ маіора; но гдѣ онъ? откуда шолъ его голосъ? этого понять не могъ. Онъ пошолъ на голосъ.

— Ладно, ладно, Митя, — вопилъ майоръ, — на спину-то, на спину-то багюшка, охъ хорошо... ну ка еще, голубявкъ, всдерно, другое, третье... Уфъ, уфъ, фрр... ооохъ! Вотъ хорошо-то, вотъ теперь и полегчело. Направляясь къ голосу, молодой человекъ долженъ былъ отойти отъ омута и идти лѣсомъ, потому надо было спуститься къ вражку и обойти колючій кустарникъ, закрывающій устье ручья. Черезъ нѣсколько шаговъ охъ увидѣлъ на томъ же ручьѣ прекрасное водное пространство, довольно обширное, все закрытое зелеными вѣтвями. Посреди этого пространства, по поясъ въ водѣ, стояла колоссальная фигура майора, и Митя, т. е. огромнаго роста мужикъ съ рыжей бородой, дилъ на него ведрами воду. Когда мужикъ переставалъ лить, майоръ начиналъ присядать въ водѣ, отчего почти вся рѣчна выступала на берегъ. Петровскій смѣясь, смотрѣлъ на водянаго.

— А, Александръ Павловичъ, — закричалъ Синицынъ, — здравствуй, не хочешь ли, братецъ, покуваться, важно теперь — какъ разъ полегчаетъ. А то жара такая, что ужасъ. Здѣсь бочажокъ то славный такой, песчаный. Нарочно расчищаю кажинный годъ для дѣвокъ-то, нарочно и липками-то обсадилъ. А то покуваться негдѣ. Въ Бѣлой воды и много, да толку мало: то глубоко, то ломъ такой, то всякая дрянь водится. Митя, хорошо, ааа; хорошо, родной, лей.

Петровскій взглянулъ на ручей, и ему безъ рассказовъ объяснилась тайна появленія русалокъ. Въ верху ручей опять сѣживался кустарникомъ, а внизу, будучи еще уже, подходилъ подъ зеленый и непроницаемый сводъ колючаго мужжевельника и, покрытый этимъ навѣсомъ, впадалъ въ омутъ. Незнакомому трудно было найти это мѣсто, со всѣхъ сторонъ заросшее колючими кустами. Было ясно, что русалки могли полоскаться въ этомъ серебристомъ, чистомъ пространствѣ ручья ни кѣмъ невидимыя, по руслу ручья, покрытому темнымъ сводомъ лѣса, появляться на омутѣ и исчезать непонятнымъ для путника образомъ.

VIII.

Однажды нашему герою было очень скучно. Лѣто было наисходѣ. Ровно годъ прополдъ, какъ онъ въ деревнѣ — еще годъ, безплодный годъ! Нѣтъ хуже положенія безплѣннаго, когда не знаешь куда идти и зачѣмъ идти. Тоска и тревога одолеваютъ сердцемъ. Подперши голову объими руками надъ развер-

кутую книжку, сидѣлъ Петровскій; и ничего, окромѣ надписано было на его лицѣ. Тонкая, беззвѣздная ночь докряивада, впрочемъ, было такъ тихо, что слышна, горѣвшая подъ окномъ стояла спокойно. Вдругъ шелестъ чьей-то походки дослышался въ саду: подъ окнами, Петровскій прислушался, ничего нѣтъ! Но вскорѣ шелестъ повторился. Петровскій взглянулъ въ окно и невольно вздрогнулъ: въ глубинѣ сада, на яркой полосѣ свѣта, идущаго изъ окна, стояла бѣлая женщина. При взглядѣ на Петровскаго, она, какъ молнія, исчезла. Кто тутъ? невольно окликнулъ Александръ Павловичъ. Отвѣта не было. Онъ вышелъ на крыльцо, вдали, по направленію къ рѣкѣ, действительно двигался какой-то бѣлый призракъ; но тамъ и мимою было прирагавъ: надъ рѣкою вились туманы; они, какъ привидѣнія, носились межъ кустарниковъ, исчезая и появляясь снова.

— Вода! подумалъ обитатель Наумова, привыкнувъ къ бризотливимъ дѣйствіямъ своей сосѣдки рѣки. Онъ уже не въ первый разъ замѣчалъ подобныя призраки; но никогда обнакъ зрѣнія не былъ такъ поразителенъ. Петровскій воротился въ комнату и сѣлъ снова читать. Черезъ минуту шелестъ повторился и въ окно влетѣло что-то черное, ударивши прямо въ голову хозяину; онъ взглянулъ, на полу лежала словая шипка. Петровскій разсѣялся и немедленно вышелъ въ садъ. Сначала было все тихо, но потомъ снова бросили въ него чѣмъ-то. Скоро Петровскій очутился передъ двумя дѣвухами; одна изъ нихъ была Лиза, другая Катя. Вотъ призраки-то подумалъ Петровскій; однако-жь онъ замѣтилъ, что обѣ дѣвухи были не въ бѣлыхъ платьяхъ. Впрочемъ Александру Павловичу теперь было не до призраковъ; онъ усладе Лизу готовить ему ужинъ, и пойдя къ Катѣ, обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Ахъ, постойте,—шептала Катя,—будетъ Александръ Павловичъ, перестаньте...

— Ахъ! вскричала наконецъ она громко.

— Шш,—отвѣтилъ Петровскій.— Не стыдно ли тебѣ Катя. Вѣдь ты меня мучишь. За что? А я тебя такъ люблю, солгалъ Петровскій.

— Да, любите, все вы говорите, что любите, а потомъ и насветесь. Вонъ и Лизѣ говорилъ мельникъ, что любитъ, да и погубилъ ее. Недаромъ, барышня се отговаривала.

— Какъ, развѣ это причина, развѣ барышня знала?

— Еще бы, выдались на Завиткѣ-то и все ей сказывали. Разъ

вашего Дудку мы до того напугали, что тотъ и въ воду упалъ. Насилу мы его вытаскали,—и Катя захохотала.

— Чѣмъ же лечила барышня Лизу.

— Да ничѣмъ — словами. Вѣдь она и больна не была: ей было тошно, ей жить не хотѣлось. А барышня ее уговаривала. Вѣдь если барышня съ кѣмъ будетъ говорить о горѣ, такъ горе непременно пройдетъ, право, вы не вѣрите?—всѣ такъ говорятъ, вотъ и Лиза наконецъ ей обѣщала непременно выздороветь и забыть сквернаго Пашку.

— Такъ, не стыдно ли, ты меня съ севернымъ Цаньмой сравни-
ваешь. Можно ли надъ тобою смѣяться, надъ такою прелестью, — говорилъ лукавый соблазнитель, обнимая Катю и цѣлуя ее свѣ-
жія, горячія щеки. Катя не сопротивилась, только иногда вздра-
гивала и отъ сдержаннаго дыханія говорила тихо.

Лиза приближалась и сказала, что кушанье готово. Катя, будто
ни въ чемъ не бывало, стояла передъ Петровскимъ и говорила:
Барышня вѣдь васъ поминала сегодня. Отчего вы это такъ
давно не были? Я говорила ей, что вы завтра вѣрно придете.
Такъ вотъ я и угадала, — твердила лукаво дѣвушка. — Завтра?

— Неврѣменно приду, успѣшилъ отвѣтить Петровскій.

— Прощайте, до завтра.

Лиза увернулась куда-то. Петровскій опять обнималъ Катю.

— Катя, когда же?

— Ахъ, полноте, придете завтра.

— Приду, но клянусь тебѣ, если ты будешь меня мучить,
я не буду больше ходить къ вамъ, прощайте.

— Ну придите, придите завтра, тамъ увидимся, шептала Ка-
тя на устахъ молодаго человѣка.

— Но когда, когда? твердилъ Петровскій.

— Завтра, завтра... скажу, — чуть слышно прошептала дѣ-
вушка и убѣжала.

Завтра былъ Петровскій у Синицына. Войдя въ садъ, онъ
увидѣлъ, что Олимпіада Васильевна занималась весьма важнымъ
деревенскимъ дѣломъ. Подъ зеленымъ навѣсомъ клена, бузины
и рябины сидѣла она, окруженная своими дѣвушками, и разби-
рала на тысячу сортовъ рыжики, которые чистили ее окружаю-
щія. Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ были просто красавицы; Катя
затмѣвала всѣхъ выраженіемъ знойной страсти и роскоши; но
всѣ эти полевья красавицы были гораздо плѣнительнѣе, когда
возлѣ нихъ не было Липы. Странное дѣло! Никто бы не ска-

заякъ, что Лида красавица; но возлѣ нея казались грубыми, тяжельши всѣ эти сельскія прелести. Въ ея природѣ было что-то въ высшей степени чистое, женственное, глубоко нѣжное, то, что кажется такъ хрупко, непрочо, а между тѣмъ оно-то и сильно. Возлѣ ея бѣлаго херувимскаго личика такую рѣзкою казалась жаркая смугловатость кожи Катя; черные, искрометные глаза ея были тѣмъ-то буйнымъ, дерзкимъ и нечистымъ передъ небеснымъ выраженіемъ голубыхъ глазъ Липы. Вся фигура ея была олицетвореніемъ какой-то идеальной прелести.

— Отчего вы такъ давно не были у насъ? — спросила Липа, — наша вась долго ждалъ и не дождался.

— Не могъ, Олимпиада Васильевна, дѣла по имѣнію, то да другое, отвѣтилъ гость и посмотрѣлъ на Катю.

Черные глаза Катя, прежде столь буйные, были на этотъ разъ дѣлко потуплены. Она боялась взглянуть на Петровскаго.

— Худо, подумалъ молодой человекъ.

— Добрый знакъ! шепнулъ въ ухо Мефистотель.

— Ну, что ваши георгины? спросилъ посѣтитель хозяйку.

— О, идутъ прекрасно.

— Нельзя ли взглянуть.

— Погодите, мы кончимъ, тогда...

Петровскому нужно было переговорить съ Катей.

Разборъ дѣйствительно приходилъ къ концу; кучи рыжиковъ различныхъ сортовъ, начиная отъ рыжика съ рябиновую ягодку до почтеннаго въ нѣсящъ величиною, лежали на зеленомъ дернѣ. Наконецъ работа окончилась, и Олимпиада Васильевна съ одной изъ дѣвушекъ пошла вымыть руки. Прочія тоже стали разбрегаться въ разныя стороны. Быстрѣ всѣхъ бросилась сквозь зеленые кусты Катя; но Петровскій нагналъ ее.

— Катя, ты опять меня обманываешь.

Дѣвушка, не смотря на свою бойкость, вздрогнула и хотѣла вырваться; но Петровскій крѣпко обнялъ ее и поцѣловалъ. Катя стала, какъ вкопаная. Опустя глаза, она, какъ въ околдованномъ кругѣ, стояла подъ вѣтвями. Петровскій съ задержаннымъ дыханіемъ цѣловалъ ее. Катя была неподвижна.

— Катя, когда? твердилъ неотвязный.

Дѣвушка молчала.

— Когда, когда? повторялъ онъ, держа въ объятіяхъ роскошную смуглянку.

— Боюсь, прошептала Катя.

— Ахъ Катя, Катя, какъ я люблю тебя, какъ ты прекрасна! Ну, скажи мнѣ послѣднее слово. Если нѣтъ, то я уйду, бѣгу, уѣду.

— Ахъ, нѣтъ, сказала тихо дѣвушка, постойте.

— Но когда же, когда? твердилъ настойчиво Петровскій.

— Сегодня... прошептала едва слышно Катя, скрывая лицо на груди молодого человѣка; — вы увидите пораньше и потомъ придите когда стемнѣть...

— Куда?

— На Завитокъ, почти отчаянно проговорила красавица.

Петровскій обнялъ ее, и Катя съ мѣющимися глазами, съ какою-то судорожною, страстною улыбкою, полуживая, прильнула къ устамъ того, кому уже предалось ее молодое и страстное сердце.

Счастливыи и восторженныи, Петровскій вошелъ въ комнату. Единственный хозяинъ сидѣлъ уже въ креслахъ и курилъ свою коротенькую трубку.

— А вы точно Раевского багаря, — обратился онъ къ Петровскому, — покажетесь да и скроетесь. Что вы тамъ подѣлывали у себя на юру-то. Хлѣба-то, хлѣба у васъ нажали — и!

— Да, довольно, отвѣчалъ молодой помѣщикъ, не имѣя и понятія о томъ, сколько у него нажали хлѣба.

— Добрый у васъ мужикъ Дениско-то. Я его люблю — степенный мужикъ.

— А давно ли вы его честили такъ, что...

— Такъ еще бы, — закричалъ воинъ, вспоминая старую исторію, — еще бы онъ обокралъ меня, разбойникъ, да я бы сталъ его гладить по головѣ, да я пятьсотъ бы ему велѣлъ влѣпить. Да знаете ли, въ 37 егерскомъ я велѣлъ однажды весь баталіонъ высѣчь, да и за другой было принялся, да ужъ майоръ Хлѣбогольный укротилъ: «смигчись, говоритъ, Василій Ивановичъ».

— Александръ Павловичъ, — спросила Лиза, стоя у окна и смотря въ дальнее поле, золотившееся отъ послѣднихъ лучей солнца, и какъ будто не слышавшая изстуженныхъ рѣчей своего батюшки, — Александръ Павловичъ, нравится вамъ стихотвореніе Пушкина: *Три ключа*?

— Какъ же не нравится. Это одно изъ лучшихъ его произведеній — а вамъ?

— Мнѣ не нравится, впрочемъ не то, что не нравится, но я тутъ не понимаю одного.

— Чего же?

И Липа слабымъ и нѣжнымъ своимъ голосомъ пропѣла:
 Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
 Таинственно пробились три ключа:
 Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,
 Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
 Кастальскій ключъ волною вдохновенья
 Въ степи мірской изгнанниковъ поить;
 Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья,
 Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолить.»

— Что же тутъ непонятнаго?

Липа подумала, потомъ сказала:

— Да вотъ послѣдняго я и не понимаю:

Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья,

Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолить.

— Что же тутъ непонятнаго?

— Какъ же забвенье можетъ утолить жаръ сердца, да еще слаще всѣхъ.

— Да, бываютъ положенія, въ которыхъ человѣку нужно бы забвенья.

— Чего же это? преступленія?

— Не всегда преступленія; но жизнь наша не всегда течетъ по зеленому и свѣтлому полю; бываютъ времена, когда душа болитъ, ждетъ лучшаго, а этого лучшаго нѣтъ, времена борьбы, сомнѣнія, тоски, паденія. Невозвратно потерянное счастье, напрасно и на вздоръ растроченные годы;—вотъ тогда-то и цѣлительнъ холодный ключъ забвенья.

Липа молчала, а потомъ какъ бы отвѣтила стихами Лермонтова о Демонѣ:

Забвенья не далъ Богъ,

Да онъ и не взялъ бы забвенья.

— Вы чисты,—возразилъ съ любовью Петровскій;—въ вашей душѣ все свято, какъ въ храмѣ; въ нее не проникаютъ темные лучи другаго міра, мрачнаго, но могучаго. Оттого вамъ и непонятно многое. И слава Богу, прибавилъ Петровскій грустно.

Липа задумчиво глядѣла въ поле и качала головою. Богъ знаетъ, соглашалась ли она съ Петровскимъ, или думала «не правда, не правда».

— Какой это Кастальскій ключъ? перервалъ внезапно маіоръ.— у казначея Антверпскаго полка былъ ключъ, которымъ никто,

кромѣ его, не могъ отпереть сундука, только онъ, кажется, не Кастальскимъ назывался.

— Поэзія названа здѣсь Кастальскимъ ключемъ, проговорилъ молодой человѣкъ.

— А! возразилъ старикъ и удовольствовался этимъ восклицаніемъ, хотя чуть ли не въ первый разъ слышалъ слово поэзія.

Петровскій посматривалъ на часы и на заходящее солнце. Зеленый лѣсъ уже значительно потемнѣлъ, только верхушки его, кой-гдѣ позлащенные желтыми лучами, издали казались точно горѣвшими. Наконецъ и онѣ угасли. Сумракъ и тишина постепенно нисходили. Петровскій съ мучительнымъ нетерпѣніемъ дождался этой минуты и раскланялся. Онъ пришолъ домой, надѣлъ шинель и съ лихорадочною дрожью отправился на мѣсто свиданія.

IX.

Привѣтъ вамъ далекіе, давно отшедшіе годы молодости, привѣтъ со всѣми вашими заблужденіями, бѣдами и бурями! Какъ послѣдніе лучи заходящаго свѣтила золотятъ грустными лучами покрывающіяся сумерками долины; такъ изъ туманной дали свѣтитъ еще намъ наша веселая лучезарная юность, все болѣе и болѣе погружаясь въ сумракъ прошедшаго. Съ грустною улыбкою и слезой благословенія смотримъ мы на эти прошлые, богатые годы. Такъ старый ветеранъ, искалеченный въ битвахъ, смотритъ на игры дѣтей и крутитъ свой сѣдой усъ въ раздумьи. Какъ все иначе казалось въ эти поэтичскіе годы! Не тѣ были дубравы, не тѣ поля и долины, все какъ-то свѣтлѣе, благоуханнѣе казалось. Были рѣчи и у ручья, и у дерева, и у звѣзды небесной—дивныя рѣчи! Не та была и красота, и женщина, чѣмъ теперь. Вся она была создана изъ цвѣта и гармоніи, вся дышала нѣжностію, лаской, страстью. Теперь старое, сѣдое время Богъ знаетъ что показываетъ въ женщинѣ; и уста лукавыя, и взоръ предательскій, и длани корыстныя, и сердце порочное. Мимо всего этого мчится юность; она не видитъ, не знаетъ, не признаетъ ничего этого. Счастья и радости проситъ она отъ женщины, и счастье и радость повиваютъ голову безумцевъ. Вамъ рога и горе, мудрыя мужи опыта; имъ игры и буйный пылъ опяняющей страсти. Вы говорите: она мила, но она—fi donc—она субретка, цвѣточница; она красави-

на, говорить юность и петь полной чашей первые восторги наслаждений. Петровский стоялъ подъ темными навѣсами лѣса. Внизу мрачно чернѣла неподвижная бездна омута, и только звѣзда играла въ темномъ его ложѣ. Лихорадочная дрожь мучила его. И отчего? Ночь была теплая. Онъ прислушивался къ каждому звуку, но звуковъ почти не было, только внизу бормоталъ ручей. Время казалось ему безконечно долго. Вотъ что-то треснуло—Петровский прислушался—тихо, какъ въ могилѣ—досадно. Вотъ послышался шелестъ—Петровский притаилъ дыханіе; неизвестно отчего каркнулъ три раза воронъ, и опять все умолкло. Вдали только вѣла окрестность, былъ Ильинъ день, и въ сосѣднихъ деревняхъ былъ праздникъ. По вечерней тиши разносилась вольная русская пѣсня. Юноша ждалъ своей возлюбленной со всеѣмъ мученіемъ страсти, но она не шла. Уже и пѣсни замолкли въ окрестностяхъ. Изрѣдка только проносился по полю богатырскій русскій свистъ или крикъ молодецкій. Это подгулявшій крестьянинъ идетъ одинъ-одинехонекъ по торной дорогѣ и, пошатываясь, тѣпять свою молодецкую удалъ богатырскимъ посвистомъ. Тишь непомятая лежала въ лѣсу, еще неподвижнѣе покоился Завитокъ, а Катя не было.

— Обманула, подумалъ Петровский, и сердце какъ-то трудно поворотилось.

Снова прислушивался Петровский. Легкій вѣтеръ, пробѣжавшій по говорливой осинѣ, журчанье ручья, крикъ крошечной птички, все приводило въ трепетъ моего героя—а Катя не шла.

— Дура! сказалъ про себя взбѣшенный любовникъ.—Да и я дуракъ. Уцѣпился за молоденькую дѣвчонку, да и изнываю. Велика бѣда! Ну нейдетъ—чортъ съ ней!

— А вѣдъ нейдетъ... но, можетъ быть, она будетъ еще. Послушаемъ: это что? хруснулъ верескъ, замолкъ, опять хруснулъ. Птица, спугнутая кѣмъ-то, вспорхнула тамъ вдали. Вотъ опять щолкнула переломленная палочка;—да шаги, вотъ шелестъ вѣтвей, сквозь которыя кто-то явно продирается—вотъ и шумъ шаговъ—волшебный шумъ?

— Катя ты? «Я!»—шпнулъ кто-то изъ за вѣтвей, и Александръ Павловичъ обнялъ дрожащую отъ нѣги дѣвушку.

Намъ теперь надо бы удалиться изъ этого лѣса, добрый читатель. Благоразуміе требовало бы закрыть глаза тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Пусть кудрявыя сосны закрывали бы ихъ ласки, пусть вода Бѣлой знала бы ихъ тайны, пусть косматый сатиръ, оск-

ливъ зубы, продирался бы сквозь чашу; но на повѣствователѣ лежитъ трудная обязанность зорко слѣдить за своими героями и не забывать ихъ даже тогда, когда они сами себя забудутъ.

— Ангелъ мой, — шептала Петровскій, самая къ себѣ на колѣни трепещущую дѣвушку и цѣлуя ея влечи; — зачѣмъ ты такъ долго не приходила?

— Барышня долго не ложилась — все гуляла.

— Гдѣ гуляла?

— По рѣкѣ.

— Такъ поздно?

— Да она сюда каждый почти вечеръ ходитъ.

— Что же она дѣлаетъ?

— Да Богъ ее знаетъ.

— Ну, а ты, что думаешь? спросилъ Петровскій, находясь самъ въ большомъ недоумѣніи. Онъ былъ робокъ; онъ не зналъ что дѣлать.

— Катя, — шептали его уста, — я тебя люблю, безумно люблю.

Дѣвушка билась у него на груди, дыханіе ея было прерывисто: — Да, любите, вы всѣ говорите, что любите, а потомъ и простись. Вѣдь и вы уйдете.

— Ахъ нѣтъ, мой другъ, я никогда не покину тебя.

— Никогда, повторяла Катя, робко прижимаясь губками къ его устамъ, — никогда.

Петровскій чувствовалъ зной ея ланитъ и буйный трепетъ сердца. Его сердце замирало. «Ахъ боюсь», шептала Катя. «Моя радость» говорилъ влюбленный. Какъ умирающая голубка, нѣжно и робко отбивалась Катя... стыдливые духи лѣса уже побѣжали прочь.

— Мать Пресвятая Богородица! раздался вдругъ голосъ надъ головами любовниковъ, и ружейный выстрѣлъ освѣтилъ мгновеннымъ пламенемъ лѣсъ и воду. Какъ испуганный орелъ вскочилъ Петровскій и бросился на выстрѣлъ.

Кто-то бился въ оврагѣ у ручья, борюча несвязными рѣчи; кто-то съ невѣроятною быстротою взобрался на гору и бросился бѣжать. Петровскій пустился въ погоню; неизвѣстный мчался, какъ стрѣла, и только слышались его стоны и топотъ. Потроженный любовникъ бросилъ бѣглеца и возвратился на мѣсто — Кати не было. Катя, шепнулъ онъ — отвѣта не было — Катя! повторилъ онъ голосомъ, оиать молчаніе. Петровскій оглядѣлся кругомъ; сумрачныя сосны стояли неподвижно, нѣмая ночь

малчала; онъ съ тоскою слушалъ это мучительное молчаніе и долго не хотѣлъ вѣрить, что ни жаркихъ устъ, ни трепетной груди, ни смуглыхъ щокъ, нѣтъ уже въ лѣсу.

Съ тоскою на сердцѣ пошолъ Петровскій домой, проклиная невѣдомаго путника.

На другой день Петровскій лежалъ въ раздумѣ на своей кушеткѣ, какъ ему доложили, что Симанъ Макаровъ очень боленъ.

— Что у него? спросилъ онъ жену охотника.

— Да животъ, говорить, болять, отвѣтила та. — Вчера воротился воздуно съ шеленихинскаго праздника, пришолъ чуть живъ, безъ языка совсѣмъ, и ружье оброцилъ, не въ мочь было нести.

Петровскій, угадывая, кто былъ нарушитель его благополучія, пошолъ къ своему собесѣднику. Тотъ блѣдный и встревоженный почти не смотрѣлъ на своего барина.

— Что съ тобою? спросилъ послѣдній.

— Животъ, сударь, болитъ, подрѣзало совсѣмъ.

— Да что ты, вышилъ что ли лишнее?

— Все, сударь, у васъ выпилъ, да выпилъ. Я вчера только пиво и пилъ, а вина-то и трехъ стакановъ не выпилъ.

— Да отчего же это съ тобою?

— Отчего! отвѣтилъ насмѣшливо Макаровъ — и замолчалъ.

— Гдѣ же ты ружье-то потерялъ?

— Гдѣ! опять воскликнулъ Макаровъ и отворотился къ стѣнѣ.

Петровскій ушолъ съ досадою, а старикъ рассказывалъ окружающимъ: — Иду я по куликовскому-то полю, прямо на мостъ, а нѣтъ и попадаются на встрѣчу филиновскіе ребята: «туда говорить, по мосту-то не пройдешь; карета, чу, сегодня провалилась. Гдѣ же идти те? Ну, гдѣ, говорятъ, черезъ Завитонъ».

— Что станешь дѣлать-то? Не лезь же въ полъ! Давось, какъ, Господь пронесетъ, такъ нѣтъ, закончилъ Макарычъ, глядя себя по животу.

— Ой дѣвоньки, рассказывала вечеромъ у куликовскаго колода на молодая баба; вотъ горе-то у баушки Марьи, старика-то Макарыча, охотника-то наумовскаго, водяной закаталъ до смерти. Дернула его пелегкая итти съ Ильина дня черезъ Завитонъ: только, чу, ступилъ на берегъ, глядь, а немытый-то, какъ уголь черный, падить верхомъ на водяной дѣвкѣ. Старый-то не будь клохъ, выстрѣлилъ, да бѣжать, а водяной-то, чу, за нимъ катышомъ, катышомъ. Насилу угналъ; лежитъ теперь пякый день безъ языка.

И по деревням снова разошлось, что водяной дѣлаетъ ночь каталь по полю наумовскаго охотника, и только къ утру бросилъ чуть живаго въ межесвую яму.

X.

Сумраченъ сидѣлъ Александръ Павловичъ въ одинокой своей кельѣ. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ тяжелѣе давило это бесплодное существованіе. Ему стыдно было и самого себя и даже людей. Все жило, двигалось, стремилось къ чему нибудь, а я... думалъ онъ. Слишкомъ годъ смотрю на эти бесплодныя поля и глушыя воды. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ наполнить существованіе чтеніемъ Шекспира съ Олимпіадой Васильевной и ухаживаніемъ за Катей, добавилъ, помолчавъ, Александръ Павловичъ. При этой мысли ему дѣйствительно стало стыдно передъ самимъ собою. «Дуракъ однако же этотъ Симанъ!» вскричалъ онъ потомъ съ досадою.

Петровскій опять погрузился въ размышленіе: «а вѣдь, можетъ быть, Симанъ и доброе дѣло сдѣлалъ. Зачѣмъ же я внесу горе и преступленіе въ семью, такъ радушно меня принявшую? зачѣмъ рядомъ съ херувимскою чистотою Лины поставлю гадость и порокъ? зачѣмъ горемъ, раскаяніемъ, страданіемъ заплачу за искреннюю довѣренность дѣвушки простой, но прелестной?» Такъ чистый ангелъ говорилъ въ душѣ молодаго человѣка, а Меѣстофель между тѣмъ шепталъ ему въ ухо: «Полю! для кого ты бережешь эти красы, незримо развившіяся подъ сѣнію липъ и черемухи, при благоуханіи полевыхъ цвѣтовъ? Кому сохранишь эти пропитанныя страстью прелести? Какой нибудь Вавила Петровъ мозолистою рукою оборветъ эти изящныя красы, которыя природа, невѣдомо какъ и для чего, сотворила на удивленіе міру, и смелеть онъ эти красы, какъ мелеть жерновъ колючее семечко ячменя и листокъ розы? Безчувственно сорветъ онъ эту дѣвственную чистоту и страстныя прелести и отцвѣтутъ онъ, ни кѣмъ не признанныя, никого не вдохновляя». Вѣдь чортъ знаетъ, думалъ Петровскій, дѣвушка развилась до могучей страсти, и первый встрѣчный мужикъ выпьетъ чашу дорогаго вина, не понимая, что вынулъ... Но пусть же не я. Мнѣ дурно заплатить неблагодарностію этой семьѣ, гдѣ Лина! Да не лучше ли оставить все это и уѣхать поскорѣй куда ни-

будь! «А ты видѣлъ черное пятнышко на шейкѣ Кати,—твердилъ Мещеряковъ,—тамъ, гдѣ не всякому можно его видѣть; ты знаешь, какъ вокругъ этой шеи, нѣжность которой поспоритъ съ нѣжностію твоихъ столичныхъ красавицъ, высятся мягкіе, черныя волосы; ты помнишь ея глаза послѣ твоихъ поцѣлуевъ, а ты помнишь недавнія объятія и стонъ и трепетъ?»—Федоръ! крикнулъ Петровскій, — дай мнѣ одѣться, сказалъ онъ вошедшему мальчику, ходя по комнатѣ въ сильномъ волненіи. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ Зеленовѣ.

Какъ майское утро, встрѣтила Липа Петровскаго. Она была въ бѣломъ платьѣ и только бирюзовая брошка зеленѣла на груди. Такой небесной чистотой вѣяло отъ всей ея фигуры, что нашъ молодой грѣшникъ остановился и въ изумленіи смотрѣлъ на Липу. Женскимъ тактомъ поняла дѣвушка тайну этого изумленія, и чувство упоенія пробилось въ сильномъ румянцѣ ея и въ голубыхъ глазахъ.

— А я была въ отчаяніи,—сказала Липа,—я думала, что вы не придете сегодня. За что же такъ жестокъ ко мнѣ Александръ Павловичъ,—говорила Липа съ нѣжной улыбкой и краснѣя, — сегодня-то?

— Олимпиада Васильевна, да что же такое сегодня? вы такъ прекрасны, и отъ васъ вѣетъ такою небесною благодію...

— Ну, полноте, полноте, я знаю, какъ вы умѣете говорить, сегодня день моего рожденія, я была въ церкви, молилась... молилась... твердила задумчиво дѣвушка.

— О чемъ? съ участіемъ спросилъ посѣтитель.

Липа молчала, но лицо ея было серьезно.

— Ну, вѣдь не правда ли о женихѣ, шути замѣтилъ собеседникъ.

Липа вся вспыхнула и покачала головой. Потомъ, оборотясь къ Петровскому, серьезно сказала. «Вы можете быть увѣрены, что я никогда не выйду замужъ. Я это знаю. Я и молилась, чтобы... Впрочемъ, что объ этомъ говорить. Пойдите въ садъ, тамъ у насъ опять работа. Сегодня крыжовникъ обираютъ. Вотъ и вы пособите.

Онъ вошелъ въ садъ. По горѣ его и по всѣмъ куртнамъ дѣйствительно росъ крыжовникъ и смородина. Всѣ дворовыя

дѣвушки разсыпалась по кустамъ и обирали ягоды. Сердце Петровскаго опять какъ-то иначе застучало: вонь ея бѣлое платье мелькнуло межъ кустами, вонь ея роскошныя руки извиваются между зелеными вѣтвями.

— Вотъ берите-ка со мной, — сказала Липа, садясь подъ кустъ крыжовника и ставя себѣ на колѣни корзину. — Садитесь.

Петровскій сѣлъ у ногъ дѣвушки и смотрѣлъ, какъ ея блѣдые пальцы, покрытые кольцами, сверкали межъ колючихъ прутьевъ. Когда Петровскій взглянулъ на Липу, на эту чудную нѣжность лица, на бѣлизну ея шеи, на эти тонкія, почти черныя, брови, которыя составляли какую-то рѣдкую гармонію съ бѣлизною тѣла, на эту грудь, на которой дѣвственно покоилась бирюзовая брошка; когда онъ во всей этой благородной красотѣ прозрѣлъ ту же силу страсти, но не той крикливой страсти, которая мечется въ глаза полнотою формъ и зносомъ красокъ, а страсти могучей и сдержанной, которая несется въ извѣстныхъ границахъ и только въ минуты высшаго полна, всемогуща, какъ море, — ому стало стыдно, стыдно, когда онъ вспомнилъ при этомъ и о Катѣ.

— Не бросить ли всю эту бродячую жизнь, подумалъ Петровскій; — не кончить ли ее у ногъ этого чуднаго существа... но...

— Отчего же это вы обрекаете себя на такое безбрачіе, спрашивалъ Петровскій.

Липа молчала.

— Ужь не были ли вы влюблены въ кого нибудь?

Липа молчала, потомъ усмѣхнулась и отвѣчала: — была!

— Въ кого же?

Липа взглянула на Петровскаго, усмѣхнулась и сказала: — въ воду.

— Это что! — смѣясь, возразилъ Петровскій, — что за водяная любовь? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — шутилъ Петровскій, — кто вѣщъ возлюбленный? говорите: хорошъ онъ?

— Прекрасенъ.

— Да кто же онъ? Вѣдь мы съ вами друзья — неужели нельзя сказать. Вѣдь вы сказали бы своей подругѣ все; — есть у васъ подруга?

— Катя; отвѣтила Липа.

— Кто?

— Вода.

— Ну что это! возразилъ Петровскій съ досадою.—Вы шутите надо мною. Вотъ онъ женщины-то! Мы повѣряемъ имъ все, а онѣ... куда! Чего, чего я не рассказалъ вамъ про себя! А вы? какъ тайна, такъ и молчаніе. Вѣдь повѣряете же вы комунибудь ваши мысли, ваши тайны...

— Повѣрю, отвѣтила дѣвушка.

— Кому же? спросилъ Петровскій.

— Водѣ, отвѣтила Липа серьёзно.

— Что за чудо, подумалъ наконецъ Петровскій, и припомнилъ, что Катя дѣйствительно рассказывала, будто Липа любитъ очень рѣку и часто ходитъ туда, просиживая на берегу до глубокой полночи.

— Впрочемъ,—сказалъ гость,—про вашу рѣку, особенно про омутъ рассказываютъ и Богъ знаетъ что. Говорятъ, что въ ней живутъ и русалки, и водяные.

— Не знаю, отвѣтила Липа, я родилась на берегу этой рѣчки, выросла, въ ея водахъ, наконецъ... я видѣла...

— Кого видѣли? перебилъ нетерпѣливо юноша.

— Его, отвѣтила Липа серьёзно.

— Да кого же, Олимпиада Васильевна.

— Кого люблю.

— Но кто же онъ? Олимпиада Васильевна, вѣдь это, наконецъ, начинаетъ меня мучить.

— Онъ прекрасенъ, великъ, отвѣтила съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ Липа.

— Ой! раздался гдѣ-то могучій голосъ: — Липа! Ой, гдѣ ты? Олимпиада Васильевна!—кричалъ въ кустахъ Василій Ивановичъ.

Липа, медленно поднявшись, пошла къ маіору. Петровскій слѣдовалъ за нею, удивляясь странному одушевленію своей собесѣдницы. Колоссальное туловище бѣлѣло межъ вѣтвями.

— А, здравствуйте,—закричалъ онъ, увидя сосѣда.—Липа! да что же ты на поподуешь пріятеля-то. Онъ обѣдать не пришелъ сегодня—въ день твоего рожденія! Пожалуй, и потчавать не за что. Велика сюда подать мадлиночки.

Липа ушла, задумчиво обрывая вѣтку, а Сипицинтъ сѣлъ на скамью подъ навѣсомъ столѣтняго дуба. Петровскій молчалъ, думая о странныхъ рѣчахъ дѣвушки. Липа возвратилась, за нею несли бутылку наливки. Она весело помѣстилась возлѣ отца и наливала рюмки. На лицѣ ея не было и слѣда прежняго одушевленія.

Петровскій поздравилъ Липу и выпилъ за ея здоровье.

— Хороша наливка? спросила она.

— Чудная, отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ пейте еще, сказала Липа, наливая рюмки. Маіоръ и гость чокнулись и выпили рюмки.

— Такъ какъ же,—спросилъ Александръ Павловичъ Липу,— тайна не открывається?

— Я вамъ, вѣдь, сказала, молвила тихо Липа.

— Что такое? спросилъ отецъ.

— Да вотъ, Олимпіада Васильевна говоритъ,—отвѣтилъ Петровскій,— что она влюблена въ водяного, что подруга у нея вода.

— Фу, какая гадость, крикнулъ маіоръ и плюнулъ. Липа встала и пошла къ дѣвушкамъ. Маіоръ молчалъ, потомъ началъ: — далась ей эта вода. Бродить какъ тѣнь, по берегу Бѣлой или сидитъ тамъ до полуночи. Глупостей слушать нечего, однако все-таки надо остерегаться: бѣсъ-то силенъ — горами качається.

— Помилуйте,—возразилъ Петровскій,— что-жь можетъ быть тутъ худаго. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ не русалки же...

— Русалки! крикнулъ отецъ — чортъ ихъ подери. У насъ въ полку случилась вотъ какая исторія. Былъ у насъ юнкеръ, Петя Бородинъ — красавчикъ мальчикъ, лѣтъ шестнадцати. По лицу-то ему впрочемъ и четырнадцати дать было нельзя, дитя да и только. Рѣдкой красоты мальчикъ. Бывало въ киверѣ-то, словно дѣвушка въ солдатскомъ костюмѣ. Вотъ и случись на ту пору у генерала нашего бригаднаго багъ. Приглашены всѣ офицеры, пригласили и Петю. А у генерала была женка; молоденькая такая да хорошенькая. То есть, по моему, красоты въ ней особенной не было, но томности было очень много, тоненькая, блѣдненькая — точно тѣнь легкая, бывало, ходитъ. Но предобрѣйшая душа была — все это у ней на лицѣ написано. Вотъ-съ, какъ представили ей Петю, она такъ и уставилась

на него. «Какое милое дитя!» проговорила она тихо, но такъ, что Петя слышалъ. Мальчикъ всыхнулъ. Во весь вечеръ Петя такъ и увивается возлѣ генеральши, танцуетъ съ нею,—ну слово, шлѣсть. А она все толкуетъ съ нимъ, да разъ, батюшка, говоря съ нимъ—меня-то она не замѣтила—дитя вы ещё, говорить, да взяла его эдакъ за подбородокъ-то, да ручкой-то своей крошечной и раздушоной потрепала по щекѣ. Ни живъ ни мертвъ мой Петя. Ну, думаю, возвращеніе эти балы. Какъ вы думаете, влюбился ребенокъ въ генеральшу; съ ума ряхнулся совсѣмъ да и только. По церквамъ, по гуляньямъ рыскаетъ нашъ Петя, а генеральша, разумѣется, и забыла. Похудѣлъ и пожелтѣлъ Петя. Куда дѣлась и красота! вдругъ на тотъ разъ бухъ нашего генерала въ переводъ. Попрощался тотъ съ бригадою и уѣхалъ, а Петя сгибъ, да и только. Сначала мы и не замѣтили, сталъ онъ задумчивъ, сердитъ и все бывало исчезалъ куда-то. Мы поразвѣдали, ходитъ, батюшка, къ Дибпру, сидитъ на берегу, да все-то, чу, въ воду смотритъ, то, чу, улыбнется, то, чу, заплачетъ, а иногда и рѣчи какія-то говоритъ. Какъ вы думаете! разъ шолъ онъ съ нашими офицерами по мосту, да вдругъ какъ закричитъ: она, она!—и бухъ въ воду. Туда сюда бросились, лодки не было, вытащили черезъ три часа мертваго. Вотъ оно, батюшка, въ водѣ-то какіе дьяволы сидятъ. Грѣхъ-то сидитъ.

— Да вѣдь Олимпіада Васильевна не влюблена, слава Богу.

— Влюблена! возразилъ старикъ.—Въ какого чорта здѣсь влюбиться! Не въ попова же сына Васю, рожа съ пивной котелъ и вся истыкана.

Въ это время изъ за кустовъ вышла Катя и поставила на столъ тарелку отборнаго крыжовника:—Олимпіада Васильевна прислала, сказала она. Гость взглянулъ на дѣвушку: темныя глаза ея устремились на него и Петровскій замѣтилъ роковую синеву водъ глазами. Сердце снова забилося у Петровскаго пуще прежнего.

— А въ Малороссіи у насъ,—говорилъ Синицанъ,—дѣвки безпрестанно таскаются по рѣкамъ. Подите-ка какія бываютъ исторіи; у меня кучеръ Федька Чегравый за волосы разъ вытащилъ дѣву; такъ-таки се было и утянуло.

Маіоръ вышелъ, и тотчасъ какъ дверь балкона за нимъ затворилась, румяная головка Кати выставилась изъ за вѣтвей. Она

будто мимоходомъ, подошла къ столу и шепнула:—все съ барышней, да съ барышней, а вчера, что говорили?

— Катя, полно, отвѣтилъ молодой человекъ и хотѣлъ взять за руку дѣвочку. Та отошла. «Барышня здѣсь,» сказала она; Петровскій всталъ и пошелъ къ Олимпіадѣ Васильевнѣ. Задумчиво стояла она на пригорѣ и смотрѣла, какъ послѣдніе лучи солнца еще играли на верхушкѣ дѣса и облакахъ, а луна, долины и рѣчки уже покрывались мягкою дѣтнею темнотою. Вдали звучала громкая пѣсня; жнецы, возвращаясь съ поля, пѣли, прерывая пѣсню то хоромъ, то внезапною рѣчью. Звонная окрестность доносила все до слуха.

— Прекрасный вечеръ, сказалъ Петровскій Липѣ.

— Да, отвѣтила она задумчиво.

— Вы сегодня какъ-то странны, Олимпіада Васильевна, т. е. какъ-то особенно прекрасны.

— Благодарю,—сказала спокойно Липа, — мнѣ дѣйствительно сегодня какъ-то особенно грустно. Впрочемъ, это бываетъ со мною; не все же снѣяться.

И Липа, поправляя кусты цвѣтовъ, пошла далѣе. Петровскій не мѣшалъ ей, да онъ, правду сказать, искалъ глазами другую. Дѣвушки уже расходились, но Катина головка еще мелькала въ кустахъ. Петровскій осторожно подошелъ къ ней.

Чудный вечеръ, благоухающій воздухъ, зеленыя кудри кукурузы, вдохновляющая сила вина, влюбленная красотка, воспитанная зноемъ нашихъ полей и благоуханіемъ долинъ и рощей—Петровскій обнялъ дѣвушку!

— Ты бросила меня вчера, сказалъ онъ ей.

— Я испугалась,—отвѣчала трепещущая Катя, цѣлуя протянутыя губы своего возлюбленнаго.—Я мучилась до самаго вашего прихода—я думала, васъ убили, твердила влюбленная дѣвушка.

— Сегодня, Катя, придешь, туда же?

— Приду,—отвѣчала чуть слышно дѣвушка,—когда всѣ лягутъ.

— О, Катя, какъ ты мила, какъ я тебя люблю,—говорилъ юноша, обнимая Катю,—какъ я люблю тебя!

— Любишь,—шептала бессознательно дѣвушка,—любишь... повторяла она, не отнимая прозрачной своей шейки отъ цѣлуя.

— О люблю, люблю! вскрикнулъ пылко юноша. Но едва онъ

скалъ въ своихъ объятіяхъ роскошной станъ полевой красоти, она вдругъ, какъ испуганная птичка, выторкнула у него изъ рукъ и улетѣла. Петровский изумился. Онъ оглянулся и ободбавилъ самъ: на верху пригорка, надъ кустами ивы, которые его закрывали, стояла Олимпиада Васильевна!

— Скверно! подумалъ Петровский съ страшнымъ смущеніемъ и вошелъ. — Впрочемъ, продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою, — она добра, какъ ангелъ, простить.

Сконфуженный, онъ однакожь робко вошелъ въ комнаты. Майоръ ушелъ уже въ свою спальню: онъ посмотрѣлъ въ садъ — Липы тамъ тоже не было, чему и радъ былъ Петровский.

— Такъ приходи же, шепнулъ онъ Катѣ, которая провожала его со свѣчкой.

— Приду — отвѣтила та, — но поздно; барышня долго не спитъ.

XI.

Лунная, бѣлая ночь испустилась на поля, долины и горы. Пашни и нивы такъ покойно лежали подъ серебристыми лучами мѣсяца. Рѣка то пряталась въ темные берега и кустарники, то сверкала свѣтлымъ зеркаломъ, отражая бѣлое небо. Кой гдѣ оставали и шевелились туманы. Тамъ, какъ бѣлыя горы, громоздились они надъ болотистыми лугами, а тамъ вились и носились, какъ газовые покровы. Тишина была неизъяснимая. Раздался только въ прозрачной тишинѣ хлопокъ воротецъ, послѣ какого-то прохожаго, да слышался иногда всплескъ воды отъ шевельвающейся рыбы или птицы. Было такъ свѣтло, что Петровский невольно оглядывался, не видятъ ли его тайнаго путешествія. Но во мѣръ того, какъ онъ подходилъ къ Завитку, лѣсъ его закутывалъ болѣе и болѣе и наконецъ закрылъ совѣтъ сосновою тучею. Тутъ было уже такъ темно, что послѣ полевого свѣта трудно было различать предметы. Лунные лучи кой гдѣ только пробивались сквозь вѣтви и свѣтили на двухъ трехъ кустахъ зеленой травы. Какъ ни билось сердце нашего влюбленного, какъ ни страстно было ожиданіе, но невольная робость, которую испыталъ онъ и въ прошлый разъ, овладѣвала имъ невольно. Вотъ и ручей. Осторожно спустился онъ на дно оврага, куда недавно слетѣлъ охотникъ. Тихо, стараясь сколь возможно

скрывать свои шаги, Петровскій поднялся на гору и подошелъ къ берегу оута. Закрытый, завѣшенный темными навѣсами густаго лѣса, оуть чернѣлъ подъ горою. Грозно глядѣла снизу его темная пучина. Петровскій невольно содрогнулся — такъ мрачно смотрѣла неизмѣримая его глубь. Но гдѣ она? Герой оглянулся: на бархатномъ лугу, гдѣ вчера онъ обвивалъ дѣвственные молодыя плечи, никого не было. Онъ поглядѣлъ кругомъ — черными истуканами смотрѣли пни и стволы деревьевъ, а вверху висѣли сосновыя тучи, сквозь которыя можно было видѣть мѣстами бѣлыя небеса. — «Катя!» вполголоса крикнулъ Петровскій — отвѣта не было. Еще не пришла, подумалъ онъ и сѣлъ на берегу оута. Тишина водворилась страшная. Она такъ противорѣчила чувствамъ молодаго человѣка, что была почти невыносима. Безпокойно поглядывалъ онъ вокругъ, тревожно прислушивался къ каждому шелесту листа, но никого не было, только журчалъ возлѣ него ручей, нѣкогда наводившій на него ужась.

Вдругъ — посреди тишины, при странномъ трепетаніи темноты — чуть слышно раздался вздохъ. Петровскій вскочилъ на ноги и съ замираніемъ сердца устремилъ напряженные взоры въ ту сторону, откуда несся этотъ звукъ: дѣйствительно, вдали, подъ чернотою ночи, на берегу темной пучины бѣлѣла окаменѣлая фигура Кати. Быстрыми шагами бросился туда Петровскій. Да, подъ навѣсомъ черныхъ вѣтвей, прижавшись къ колючему стволу сосны, сидѣла дѣвушка въ своемъ бѣломъ платьѣ, вся закутавшись въ бѣлый же платокъ, какъ будто стыдѣясь темнаго лѣса, какъ будто прячась отъ лучей мѣсяца. — Катя! шепнулъ юноша — дѣвушка не отвѣчала. Какъ мраморная, сидѣла она, подперши рукою закутанную голову. — Катя! повторилъ громко Петровскій — отвѣта не было.

— Нѣтъ ужъ нынче извини, Катя, подумалъ про себя Александръ Павловичъ, вспомнивъ прежнюю свою нерѣшимость. Съ этою мыслию онъ схватилъ въ мощныя свои объятія красавицу, которая судорожно отбивалась; смѣлыми руками развертѣлъ бѣлый платокъ, покрывавшій голову, и прильнулъ страстными устами къ губамъ дѣвушки. Страшный вопль раздался по лѣсу, и Петровскій, вмѣсто горячихъ, страстныхъ устъ, почувствовалъ холодное, какъ ледъ, тѣло. Въ ужасѣ едва онъ не уронилъ дѣвушку; повѣсивъ голову, опустивъ оледенѣлыя руки, лежала

она въ объятіяхъ Петровскаго, холодная и бѣлая, какъ мраморъ.

Юноша не зналъ, что дѣлать. Странныя мысли завертѣлись у него въ головѣ. Лѣсъ, воды, силы шевѣдомыя, всеобщее вѣропаніе окружныхъ поселянъ — людей простыхъ, немудрыхъ, но съ душой, сердцемъ религіознымъ; въ рукахъ у него женщина, холодная и бездыханная; онъ собралъ послѣднія силы и поднесъ страшную ношу къ свѣтлому пространству, гдѣ лунный свѣтлый лучъ, не встрѣчая сосновыхъ вѣтвей, сверкалъ со всею силою. Свѣтъ упалъ на лицо дѣвушки, и пораженный удивленіемъ Петровскій увидѣлъ, что въ рукахъ у него — бѣлая, какъ полевой снѣгъ, Олимпіада Васильевна. Предоставляемъ судить читателю о положеніи моего героя въ эту непостижимую для него минуту.

Бережно положивъ Липу на траву, Петровскій стоялъ надъ нею, не зная, что думать. Бѣжать ли ему, разбудить ли ея. Липа ли это наконецъ — и онъ всматривался: да, это ея чудныя, восковыя очертанія. — Мой ангелъ! что съ вами? произнесъ наконецъ Петровскій. Мраморныя руки поколебались, дѣвушка тяжело вздохнула, и опираясь на локоть, а другою рукою взявшись за голову, она приподнялась. — Это вы, прошептала она, — да это вы... я и забыла... вы видите не ту, которую... ахъ, Боже мой... куда увела меня бѣда моя...

— Олимпіада Васильевна, что съ вами? — шепталъ Петровскій, — успокойтесь, я виноватъ, я...

— Пойдите, — медленно, съ разстановкою, произнесла Липа, — погодите, дайте мнѣ отдохнуть... въ чемъ вы виноваты? Кто виноватъ? Виноватъ ли туманъ, если онъ несется по дуновенію вѣтра.

— Олимпіада Васильевна, я такъ презрѣнъ, что...

— Шш! вскричала съ страшнымъ одушевленіемъ дѣвушка. — Не клевети на себя, не ломай остатка моей жизни. Оставь мнѣ еще минуту — и я умру съ вѣрою, что не ложь осѣняетъ счастье сердца наши. Молчи! твоя душа чиста и, какъ море, велика и необъятна. Я вѣрю въ это. Въ ней лежатъ страшныя несповѣданныя силы. Ты дивецъ... я это знаю, я это предчувствовала прежде, чѣмъ знала. Когда вода впервые показала мнѣ твой образъ.

— Какая вода? вскричалъ Петровскій, ужасаясь, не помѣшалась ли дѣвушка.

— Вотъ эта вода, — указала Липа своею тонкою ручкою на темныя воды омута. — Когда смотрѣла я въ ея сумрачныя волны, когда я допытывалась, кто царствуетъ тамъ на неизвѣданныхъ глубинахъ; когда я думала: пусть предстанетъ передо мною этотъ царь — и вода впервые обрисовала передо мною твои дивныя черты — о! съ тѣхъ поръ я была уже твоя; непостижимомою силою душа моя была уже отдана тебѣ. Я привыкла думать, что мои красы — твои, ты былъ мой повелитель, ты былъ мой супругъ... о, Боже мой! голова моя горитъ... гдѣ я и что со мною.

И Липа зарыдала.

Внѣ себя отъ изумленія Петровскій сидѣлъ неподвижно возлѣ испуганной красавицы; онъ боялся проронить слово; онъ боялся изломать, убить послѣднія силы въ несчастной дѣвушкѣ. Уже стала неясно обозначатся предъ нимъ роковая истина.

— Съ тѣхъ поръ я, какъ тѣнь, слѣдовала за вами, Александръ Павлычъ. Незримо, изъ подъ навѣса вѣтвей, я смотрѣла на твою благородную поступь; я, какъ мышь, прокрадывалась въ твою комнату — и слѣдила какъ ты читаешь, думаешь, пишешь... Ты думалъ, что это шумъ рѣки, шелестъ вѣтра ночнаго, нѣтъ, это я тайно обѣждала тебя невидимою мыслью, я всѣми благословеніями слала тебѣ свѣтлыя мысли, райскія чувства!

— Ахъ, Олимпіада Васильевна, какъ я несчастливъ; какъ поздно я узналъ...

— Да, поздно, — сказала тяжело вздохнувъ, Липа. — Нѣтъ рано очень рано, — заговорила она быстро. — И за чѣмъ было тебѣ знать? Когда ты вошелъ ко мнѣ, ты уже былъ мнѣ свой; тайною силою души я уже угадала, кто ты. И ты повелъ со мною бесѣду о всемъ, что есть лучшаго въ мірѣ. Какъ изъ темницы выводилъ ты меня съ каждымъ шагомъ. Я чувствовала, что я создана тобою, рождена снова — ты былъ царь, облитый чистотою славы, въ тебѣ воплотили поэты все, что было лучшаго — и что же? — Ты, вѣнецъ всего чистаго, ты, къ которому совсѣмъ, что есть лучшаго въ душѣ моей, я не смѣла прикоснуться — я боялась потускнѣть мудрая прелесть твоего духа — и ты, мой другъ, мой владыка, ты, въ голосѣ котораго дивныя пѣсни, ты въ объятіяхъ пустой, презрѣнной — непостигающей тебя твари! О, Петровскій, ужасно!

Дѣвушка откинула волосы съ блѣднаго лица ея, освѣщеннаго мѣсяцемъ.

Петровскій не смѣлъ дохнуть; Липа схватила его за руку.

— Разъ,—продолжала она—разъ при мерцающемъ блескѣ сумерекъ, при серебристомъ свѣтѣ небесныхъ звѣздъ, въ больной, бессмысленной головѣ моей... мелькнула мысль... Я вамъ все скажу, Александръ Павловичъ, мелькнула мысль: что если бы на меня, указывали: вотъ это та, которой отдалъ онъ свое сердце; я испугалась этой мысли, я устыдилась своего недостойнства передъ тобою. Я не стѣснила бы его свободы, думала я, я не помѣшала бы его гордому пути; но все же я была бы бременемъ на его полетѣ. Я, какъ паутина, запутала бы его длани: она бы ихъ не связала, но затемнила. И я говорила: онъ мой, онъ вложилъ въ меня теперишнюю мою душу, я, созданіе его собственнаго духа, значить, мы соединены неразрывными узами. Пусть же онъ останется свободенъ, гордъ, силенъ и чистъ; но, Петровскій, ужасно! эти уста, въ которыхъ мнѣ слышалась гармонія силъ небесныхъ, осквернены прикосновеніемъ этой нечистой твари,—ужасно!

— Мой ангелъ, простите меня, я всегда зналъ вашу дивную душу, я всегда удивлялся безднѣ сердечной красоты въ вашемъ сердцѣ; но не зналъ, не зналъ... говорилъ смущенно молодой человѣкъ.

— Не зналъ,—задумчиво твердила Липа, — что лучи солнца раскрываютъ чашечку цвѣтка, не зналъ, что невѣдомою силою зеленая повилка влечется къ могучему дубу; не зналъ, что въ душѣ твоей есть неодолимая, влекущая къ тебѣ, силы. Да развѣ я не говорила объ этомъ всею нѣжностью души моей? развѣ я не говорила тебѣ объ этомъ нѣмымъ удивленіемъ передъ твоими достоинствами? Вѣдь я была бѣлый свѣтъ, на которомъ душа твоя писала, что хотѣла. И на ней всѣ твои рѣчи отъ верхаго до послѣдняго... до того,—твердила Липа, сжимая его руку,—до того, когда ты сказалъ ей... этой... я не знаю какъ называть ее... этой пухлой, неповоротливой дѣвчонкѣ—люблю! О, Петровскій, бѣги, уѣзжай, изчезни изъ моего зрѣнія; оставь мнѣ мой идеалъ, оставь мнѣ жить съ тѣмъ, чей дивный образъ впервые сверкнулъ передо мною въ водѣ и такъ долго сіялъ на яву передъ моими очами! Онъ потуснѣлъ, но скоро засіяетъ снова: бѣги, молила, рыдая, дѣвушка и обнимая руки Петровска-

го, — оставь меня, оставь съ тобой — великимъ, несравненнымъ, а не запятаннымъ презрѣннымъ прикосновеніемъ.

Липа рыдала на плечѣ Петровскаго. Смущенный, ошеломленный юноша не зналъ, что начать, о чемъ говорить. Мысли у него мѣнялись, на ея сердцѣ была тоска, наконецъ, онъ рѣшился и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Олимпиада Васильевна! неужели вы могли подумать, чтобы я могъ въ самомъ дѣлѣ питать какое нибудь серьезное чувство къ вашей дѣвушкѣ. Вы чисты, и я не могу объяснить какого рода это чувство. Оно презрѣнно — это такъ! но къ вамъ-то я питалъ въ душѣ моей лучшее и чистѣйшее чувство. Я васъ люблю, какъ...

— Шш! прервала Липа, зажимая губы Петровскаго. — Молчи, молчи, не говори лжи! Вы не любите меня и никогда не любите. Когда случайно я наклонила этотъ роковой кустъ и увидѣла на твоей груди это жалкое, не понимающее тебя созданіе, я поняла все: вы ее не любите — это правда; но вы не любите и меня. Кто любить, у кого въ душѣ есть этотъ міръ упоенія и блаженства, кто сжился съ этими радужными образами, которые, какъ ангелы Божіе, поселяются въ душѣ, тотъ не можетъ бросать это свѣтоносное чувство въ грязь; да не можетъ! Уѣзжайте, Петровскій, уѣзжайте, твердила, рыдая дѣвушка.

Съ неизъяснимою тоской смотрѣлъ Петровскій на отчаяніе дѣвушки, которую любилъ, какъ сестру, и которой теперь принесъ столько горя. Поздно онъ замѣтилъ, какая роковая страсть воспиталась въ этой душѣ, столь нѣжной, страстной и столь глубокой. Все, что онъ раскрывалъ передъ нею изъ твореній великихъ поэтовъ, все, что собственная душа создавала лучшаго и чистѣйшаго, все она воплотила въ образѣ молодаго человѣка, зрѣлаго не по лѣтамъ. Въ собесѣдникѣ, въ другѣ она соединила всѣ лучшія чувства, возвела ихъ въ чистый идеалъ и сжилась съ этимъ идеаломъ. Она не думала, чтобы могъ потемнѣть ея идеалъ; на ея собственной душѣ все было такъ ясно и чисто. Она не воображала, чтобы могъ кому нибудь принадлежать этотъ гордый и чудный юноша. Если и приходила иногда ей обыкновенная мысль, что Петровскій можетъ отдать свое сердце другой; то она съ ужасомъ отступала отъ нея, а между тѣмъ всецѣлая страсть росла.

— Да, уѣзжайте, — шептала Липа, — везите мою тоску съ собою.

Пусть горе обрываетъ мои красы;—сохнуть щеки, падаютъ зубы, блеснуть глаза—зачѣмъ все это?

Петровскій поднялъ дѣвушку. Руки ся горѣли; ноги отказывались идти; волосы были въ безпорядкѣ. Опираясь на него, она едва переступала и твердила несвязныя рѣчи. Прекрасное лицо ея было худо и бѣло какъ мраморъ.

— Липа,—говорилъ юноша, цѣлуя ея руки,—не губите своей прекрасной, чистой души. Сердце мое полно теперь вами, походите, дайте мнѣ взглянуть въ мое чувство. Я не знаю, могу-ли я повергнуть его къ ногамъ вашимъ. Я не знаю, достоин-ли оно тебя.

— Да, повторяла дѣвушка, хватаясь за рѣшотку своего сада;—вы завтра утромъ, при блескѣ мѣсяца, придете сюда... ахъ какъ все въ головѣ моей перемѣшалось... прощайте, помогите мнѣ... и Липа скрылась въ зеленой аллеѣ сада.

Страшную ночь провелъ Петровскій у себя дома, ту ночь, которая прибавляетъ нѣсколько складокъ на лицѣ и много опыта въ сердцѣ. Въ стѣнахъ уединенныхъ комнатъ ведутся битвы, неменѣе тѣхъ, которыя гремятъ на поляхъ сраженій. «Зачѣмъ убилъ я эту чудную душу?» думалъ съ тоскою собесѣдникъ бѣдной Липы. За тѣмъ-ли я внесъ въ нее свѣтъ, чтобы покрыть опять вѣчными страданіями? И какая бездна любви! не пастъ-ли къ ея ногамъ; какая преданная душа досталась-бы! Но... думалъ Петровскій — безбрежная даль жизни, этотъ голосъ, зовущій еще впередъ. И за чѣмъ же я солгу передъ нею? за ея чистую довѣренность заплачу ложью! Вѣдь я не могу дать ей того чувства, которое она ко мнѣ питаетъ... о, ужасно! Да, Липа, прости, ты ангель, но ты права—я долженъ бѣжать.» Когда открыли ставни, лицо Петровскаго постарѣло нѣсколькими годами.

Въ скоромъ времени, къ неизъяснимому удовольствію Симона Макарыча, управляющій имѣніями Петровскаго нашолъ нужнымъ уничтожить Наумово. Макарычъ былъ переведенъ въ другую старую усадьбу. Землю отдали крестьянамъ подъ запашку; флигель и дворы перевезли въ другую усадьбу. И вотъ тамъ, гдѣ недавно жили, страдали, блаженствовали люди, не стало и слѣда ихъ, не было даже и слѣда строеній;—было одно чистое поле, по которому осенній вѣтеръ мчалъ жолтыя листья. Рѣка, какъ прежде, сверкала въ зеленыхъ берегахъ и попрежнему

омуть чернѣль въ грозной дремотѣ лѣса. Окрестные крестьяне обходили, какъ прежде, страшное мѣсто: тамъ не рѣдко выходила изъ водъ бѣлая дѣва, и, ломая тонкія, сверкающія руки, съ мольбою устремляла ихъ къ свѣтлому мѣсяцу. Вѣтеръ рвалъ свирѣпо ея волосы и несъ далеко, далеко ея вопли и стоны. Воды омота чернѣли и молча отражали бѣлый образъ.

И. Дмитріевъ.

РАЗСКАЗЫ СИБИРСКИХЪ ОХОТНИКОВЪ.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ города Улюкольска, или, полнѣе—Усть Улюкольска, Золотейской губерніи, было превосходное болото, огромное, дѣвственное, — мѣстная колыбель красной дичи, которой еще никто не стрѣлялъ, по тѣмъ причинамъ, что простой сибирскій охотникъ, большею частію, стрѣляетъ изъ винтовки исключительно дичь вѣскую—четвероногую или двуногую; — а если иногда употребляетъ онъ дробовикъ-турку (малопульное ружье), то не иначе, какъ на утокъ, куропатокъ, тетеръ и рябчиковъ. Но дупеля и бекаса онъ, изъ экономіи, не станетъ бить, называя эту дичь въ общемъ смыслѣ *сырелькими куличками*, и потому резервуаръ красной дичи оказался почти дѣвственнымъ.

Въ половинѣ мая, утромъ, стояло человекъ шесть-семь охотниковъ у самаго болота.

— Какъ хотите, господа, — началъ одинъ серьезный охотникъ, — а я съ Пугачевскимъ на охоту не поѣду, и въ томъ даю себѣ честное слово, — ей-богу!.. Это чортъ знаетъ что такое! Только мы добрались до границы къ болоту, какъ вылетѣло вдругъ пары три дупелей, безъ всякаго посредства собакъ... оцѣпенѣли собаки, изумились охотники отъ внезапнаго обилія дичи... А Пугачевскій на этотъ разъ впалъ въ паѳосъ—и давай валять направо, налево, назадъ и впередъ, во всевозможныя страны свѣта, нисколько не обращая вниманія на насъ, — словомъ взбѣсился... Оборони меня Богъ!.. Что съ нимъ сдѣлалось, объяснить не могу! Вѣдь я былъ подлѣ него. Глаза закрылъ, лицо его облилось красотою и крупными каплями пота, запыхтѣлъ,

какъ паровозъ, и, ничего не видя и не понимая, онъ только заряжалъ и стрѣлялъ, заряжалъ, стрѣлялъ и ревлъ, какъ во снѣ отъ кошмара: «цыцъ, Мурло! цыцъ! ты пташку мнѣ принесешь.» Я вскрикнулъ отчаянно: пощади, ради самого Христа-Бога, Юзефъ Поратловичъ! Ты убьешь меня, убьешь мою собаку, убьешь всѣхъ охотниковъ, убьешь всѣхъ нашихъ собакъ и убьешь весь міръ...

— Что то есть? взревѣлъ онъ, оборотившись ко мнѣ.

— А то, что ты съ ума сошелъ,—сказалъ я.—Ты посмотри: у моей собаки въ ухѣ три дробинки бекасиннику, а у меня, въ правой ногѣ, цѣлыхъ поддюжины... Не угодно ли полюбопытствовать?

— Але я горячій охотникъ,—твердилъ онъ въ свое оправданіе.

— Да чортъ бы тебя побралъ съ твоею горячностью, отвѣчалъ я ему. Ну что ты много ли убилъ?—спросилъ я.

— Вы, говорить, помѣшали мнѣ собирать застрѣленныхъ дупелей.

— Все лжетъ, разбойникъ!—Господа! бросимъ этого сумасброда, пойдемъ направо, а не то онъ всѣхъ насъ перестрѣляетъ. Ваничка!—сказалъ серьезный охотникъ, взявъ за плечо юнаго охотника,—вѣдь ты готовишься въ хирурги, возьми-ка мой охотничій ножъ, вырѣжи изъ моей ноги дробинки: онѣ видны подъ кожею, потомъ присыпь порошкомъ, да завяжи носовымъ платкомъ.

Пугачевскій поворотилъ налѣво по болоту съ своею собакою—Мурломъ, и беззаботно пѣлъ попольски какую-то пѣсню дикимъ голосистымъ басомъ. Слышны были только слова: Далѣ, далѣ, тропа въ тропу, тропа въ тропу! гопъ! гопъ! гопъ!

Всѣ охотники захохотали, услышавъ припѣвы Пугачевского.

— Что такое онъ поетъ? спросилъ раненый охотникъ своихъ товарищей.

— Это онъ поетъ охотничью пѣсню Мицкевича,—отвѣчалъ одинъ изъ охотниковъ.

Операция окончилась. Остались довольны и раненый, и импровизованный хирургъ, и другіе охотники.

— Скажите, пожалуйста,—началъ сѣдой охотникъ, обращаясь къ раненому:—зачѣмъ вамъ вздумалось пригласить съ собою на охоту этого урода Пугачевского?—Вѣдь съ нимъ никто не ѣздитъ: того и гляди, что убьетъ. Посмотрите на его Мурло: его зажившихъ ранъ пересчитать невозможно, только надобно уд-

вляться живучести этого животного, по истинѣ достойнаго лучшей участи. Нужно вамъ сказать, что въ прошедшемъ году мы осенью поѣхали въ тайгу, за 30 верстъ, за рябчиками, въ томъ числѣ и Пугачевскій, безъ всякой совѣсти навязавшійся намъ въ товарищи. Ну, тутъ-то онъ показалъ себя!... Не было никакой возможности унять его сумасбродную ретивость охотника и не было мѣры терпѣнія ни у одного охотника: чужую собаку ищейку-звѣроловку убилъ вмѣсто зайца, попалъ цѣлымъ зарядомъ рябчиковой дроби въ глазъ лошади нашего вожака, вытаращилъ глаза, забѣгалъ впередъ, путался въ густомъ ельничѣ, кричалъ безпрестанно, сложивъ руки надъ своею пастью въ родѣ рупора и ревелъ: гопъ, гопъ. Гдѣ вы? Куда вы запропастились? Видѣли рябчиковъ?.. А вотъ вижу я бѣлку-чернохвостку! Бацъ-бацъ! Кузьма! Епифанъ! Грыцко! бѣжите сюда скорѣе, рубите елку, тамъ застряла бѣлка между сучьями, надо достать. Вельки Боже! что то есть? Идите сюда, а не то.... «Чего ты орала, баринъ,» замѣтилъ бывший съ нами кизмелецъ: «ты баринъ, ваше благородье, тутъ-ка испугалъ медвѣдь-мехала, онъ ушла, медвѣдь, а мой конь, пошто глазъ пострѣлилъ?... Ты бы, баринъ, провалился, ты бы пропалъ! Звѣрь пошто, ваше благородье, тебя не изломала? Ты бы охотника была, надо мамонька твоя мало ломала тальникъ, а ты пошто застрѣлилъ мою собакъ—таргай? Утканъ—собака!? Утканъ—утканъ, а собака—собака; а ты баринъ, ваше благородье, тебя засѣдатель поучить, надо тебя поучить, тальнику доспѣшемъ дивно, дивно! Надо учить уму, вишь ты, будь тебя извило, ваше благородье, твоя мудреная ума!...» Послѣ этого происшествія прошло часа четыре; мы успокоились и убили паръ тридцать съ лишнимъ рябчиковъ; но одинъ изъ нашихъ товарищей замѣтилъ отсутствіе Пугачевского. Въ самомъ дѣлѣ онъ потерялся. Вдругъ послышался чрезвычайно отдаленный звукъ охотничьяго рога, ревущій какую-то бѣду, и призывающій на помощь. Это трубилъ Пугачевскій. Передъ этимъ мы видѣли огромнаго медвѣдя и, съ перваго рога, вообразилось намъ, что Пугачевскій въ опасности, что, вѣроятно, медвѣдь загналъ его на лѣсину, отъ которой звѣрь не отходитъ, и что ему, безъ нашей помощи, выхода нѣтъ изъ этого опаснаго положенія. Мы поспѣшили, по направленію, на звукъ охотничьяго рога, предварительно зарядивъ свои ружья пулями, ходили долго, но не нашли. Но вдругъ, съ противоположной стороны, зазвучалъ

рогъ Пугачевского съ такою силою, что казалось охотникъ недалеко отъ насъ, какихъ-нибудь верстахъ въ двухъ—трехъ. Звукъ дрожали, плакали, стонали, рыдали, всхлипывали, какъ будто бы съ живаго Пугачевского какой-то дьяволъ сдираетъ кожу. Мы переглянулись и рѣшили, что онъ или провалился въ охотничью яму, или ужалила его змѣя, или же, наконецъ, онъ заблудился въ тайгѣ, потому что мѣста, гдѣ мы были, прорыты самою природою оврагами и ложбинами, усѣянными густѣйшимъ ельникомъ и кедромъ, и не мудрено было запутаться безъ вожика и безъ компаса. Начали мы стрѣлять на воздухъ, чтобы этимъ дать ему знать; но откликнулся онъ слабо, хрипло и опять съ противоположной стороны. На этотъ разъ звуки похожи были на предсмертные стenanія и вздохи. Мы совершенно растерялись. На вызовы его мы разстрѣляли почти весь порохъ и возвратились безъ успѣха на *таежную заимку*, откуда мы вышли и гдѣ мы оставили трехъ неизвѣстныхъ, изъ ближайшей деревни, крестьянокъ, молодыхъ бабенокъ, собиравшихъ кедровыя шишки съ орѣхами. Оказалось, что Пугачевскій возвратился на заимку еще въ полдень, волочился за бибенками, безпрестанно въ разныхъ мѣстахъ около заимки, трубилъ въ свой необыкновенной величины рогъ въ золотой оправѣ, изготовивъ самъ убитыхъ имъ двухъ рябчиковъ, съѣлъ ихъ и теперь ситъ! Ну, теперь судите сами, господа: можно ли поблагодарить его за эти форъ-штуки? мы и поблагодарили его: ружье его заляпали. Онъ бѣсился долго, отвертки же, для отвинчиванія бравадурокъ, ему никто не далъ, и онъ отправился на другой день пѣшкомъ въ Усть-Улюкольскъ.

— Какъ же васъ онъ обманулъ рогомъ? Вѣдь вы сами говорите, что звуки слышны были и впереди васъ, и назади, и направо, и налево, какими же образомъ вы ошиблись?

— Очень естественно. Онъ трубилъ около заимки и звукъ ходилъ по логамъ, которые перегибались по разнымъ направленіямъ, какъ лабиринтъ, и мы легко могли ошибаться, когда переходили логи и овраги: куда ударялся звукъ въ точку поворота лога или длиннаго оврага, оттуда онъ казался намъ ближе. По этому-то мы ошибались, да и трубилъ-то онъ отъ насъ верстахъ въ семи.

— Господа! довольно на этотъ разъ; теперь за дѣло!—сказалъ серьезный охотникъ;—мы должны держаться лѣвомъ, другъ отъ друга шагавъ на сотню. Болото огромное; и мы въ надѣ-

лю его не выходимъ. Не спѣшите, впередъ не забѣгайте—это главное. Слава Богу, что нѣтъ Пугачевского съ нами. Теперь еще рано: десять часовъ. Если охота наша насъ увлечетъ и если, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, мы другъ друга растеряемъ, то все таки къ пяти часамъ приходите на сборный пунктъ за поскотину, гдѣ стоятъ наши дроги и наши лошади съ кучерами. Растеряться легко и не мудрено, вотъ, напр., въ виду у насъ кустарникъ, тамъ мокро и я навѣрное предполагаю—пропасть бекасовъ. Впрочемъ, дѣйствуйте съ благоразуміемъ и осторожностію. А потомъ, на сборномъ пунктѣ, мы дообѣдаемъ, займемся разговорцомъ, отдохнемъ, напьемся чаю и, когда солнце сядетъ, найдемъ дупелиные тока, то, пожалуй, будемъ стрѣлять хоть до зари. Съ Богомъ, пойдемъ!

Начался на болотѣ чуть не батальный огонь. Выстрѣлы болѣе и болѣе учащались; потомъ становились глуше, тише и наконецъ въ отдаленіи совсѣмъ почти замолкли. Тамъ, гдѣ-то далеко, кто-то затрубилъ тревогу и сборъ, по тому направленію, куда ушли охотники; а со стороны Пугачевского было глухо, только летѣли оттуда чайки, кровшнепы и улитки, кружились въ воздухѣ и жалобно кричали о постигшемъ ихъ несчастіи. Должно быть, Пугачевскій объявилъ этимъ пернатымъ рѣшительную истребительную войну для ихъ родовъ.

Охотники дѣйствительно растерялись въ кустарникахъ. Часовъ въ пять сначала пришлоъ молодой охотникъ, оказавшійся потомъ импровизованнымъ хирургомъ, усталый, мокрый и голодный.

— Епифанъ Иванычъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ одному изъ возникшихъ при охотничьихъ дрогахъ,—стащи, братъ, съ меня сапоги, вылей оттуда воду, да высуши мои чулки. Сей-часъ умру.

Епифанъ, съ величайшею готовностію, стянулъ съ охотника сапоги, выжалъ носки, повѣсилъ ихъ на палочку близъ пылашаго костра и замѣтилъ:

— Экъ вы наколотили-то, Иванъ Миколаичъ! Надо быть выпустили зарядовъ полсотни.

— Пожалуй, что и больше. — Мнѣ смертельно хочется ѣсть.

— У насъ, Иванъ Миколаичъ, бифстекъ есть,—только холодный.

— Дай, пожалуйста, кусочекъ.

Иванъ Николаевичъ, лежа босикомъ у костра, vzdѣлъ кусокъ мяса на прутикъ, погрѣлъ въ пламени и съ жадностію проглотилъ, сказавъ: «теперь буду ожидать обѣда.»

— А что, Иванъ Николаичъ, — началъ Епифанъ: — баринъ много убилъ?

— Должно быть не мало. Я разстался съ нимъ часу во второмъ... Дичи много. — Тутъ слышно было, какъ я сборъ трубилъ?

— Какъ жо: слышно было.

— Я *застрѣлилъ* твоему барину *дѣло*.

— Какъ-такъ?

— Я нашолъ въ кустарникѣ давленника, должно быть давяго: все лицо изъѣдено сороками. Стоитъ на колѣнкахъ, виситъ на талинѣ на ремешкомъ черезсѣдѣльникѣ, а за поясомъ топоръ. Вотъ, какъ я увидѣлъ, то и затрубилъ сборъ. Сошлись всѣ, смотрѣли...

— Да вѣдь это, Иванъ Николаичъ, не засѣдательская часть, — замѣтилъ Епифанъ: — эти земли Мухоморской станицы, стало быть казачье вѣдомство.

— Въ томъ-то штука, что тѣло-то за казачьей границею: въ кустарникахъ течетъ рѣчушка Корнюха, а она-то и есть граница между казаками и между государственными крестьянами.

— Экъ ее метнуло! А я думалъ, что она течетъ вонъ тамъ подъ горами. — Что жъ баринъ?

— Ничего. Говорить: окольныхъ людей вызову, найду, кто этотъ человекъ, отчего онъ удавился, или кто его давилъ.

— Теперь, я думаю, баринъ вечеромъ не пойдетъ *на тока*.

— Пойдетъ, только говорилъ, что тебя пошлетъ въ Барзуновку къ старшинѣ, чтобы съ понятыми рано утромъ прѣехалъ поднять тѣло и положить въ холодильникъ.

— Такъ-съ, теперь понимаю, — разумно заключилъ Епифанъ. — До Барзуновки всего шесть верстъ, духомъ сбѣгаю. — А вотъ вамъ, Иванъ Николаичъ, скажу по правдѣ: смерть люблю, когда ночью стрѣляютъ на болотѣ, ей-богу. Самъ не вѣдаю, чево такова со мною доспѣвается: лежу на дрогахъ, когда баринъ съ господами охотится на болотѣ, да и смотрю на полный мѣсяцъ, на всѣ звѣздочки, что ни на есть на небѣ, да и думаю: чья-то душенька живетъ на каждой звѣздочкѣ?... * Думаю, думаю, и рассказать ничего не смогу, а спать тоже не могу... Такъ мнѣ, въ это время, живется тепло, славенко! Все бы глядѣлъ на небо, слушалъ выстрѣлы и лежалъ на дрогахъ хоть сто лѣтъ, и водки бы не пилъ и съѣстнаго бы ничего не употреблялъ. Кабы я былъ грамотный, я бы на-

писалъ все, что у меня есть на душѣ. Вотъ посмотрите на Грицка, кучера сѣдаго стараго засѣдателя, — вотъ теперь его баринъ, что на охотѣ, — посмотрите на Грицка! Такой лѣни-вый хохлище, что рассказать не можно: расположился на дрогахъ кверху мордой, да и захрапѣлъ, словно намазаная водовозка, хоть ему очи солнце выжги, хоть шпынай ему шиломъ сзади, онъ не встанетъ: спитъ, какъ сурокъ. Проспится, молча напьется, натрескается, накормитъ господскихъ коней, да и завалится куда ни попало въ сѣно. А разъ зимою отморозилъ себя...

— Епифанъ! — вскрикнулъ раненый засѣдатель, только что отъ болота подошедшій, — запрягай дроги и поѣзжай въ Барзуновку, скажи старшинѣ, чтобы собралъ своихъ понятыхъ сюда рано утромъ въ кустарникъ, воднять мертвое тѣло и положить въ яолудникъ. А если этотъ удушенникъ не изъ ихней деревни, то старшина долженъ оповѣстить жителей окольныхъ деревень: Бурханской, Тарханской, Далая, Балая, Кураа, Попережки, Пердовой, Ямки и Щелки, да наѣзжай къ Мухоморскому станичному начальнику, чтобы пріѣхалъ съ своими казаками завтра утромъ въ Барзуновку. Ну, ступай! А теперь побѣдаемъ безъ тебя, только предварительно выскѣки бичомъ Грицка сію же минуту, а не то онъ не проснется... Ну, ладно!... Ступай, да поскорѣе возвращайся.

— Слушаю-съ, ваше благородіе, — быстро отвѣчалъ Епифанъ: — все сполню строго, *по указу*, и ворочусь духомъ, безъ промедленія, только вотъ станичный начальникъ тепере-ко спитъ, онъ задоржить... онъ всегда спитъ. Онъ служилъ въ Тайгаевскіи десять годовъ. Тамъ все спитъ во всякое время, и съ-тѣхъ-поръ привыкъ навсегда спать.

— Такъ скажи урядникамъ или приказному: изъ нихъ кто-нибудь да не спитъ же.

Епифанъ уѣхалъ.

— Ну, ты, хохлище, поворачивайся! вскрикнулъ засѣдатель на Грицка, чесавшаго и скубившаго собственный затылокъ и прочее. — Твой баринъ тебя пугнетъ съ своей стороны.

— А вжежь, ваше благородіе, вотъ Епифанъ пугнулъ мене пугую, та бильшь не треба, якъ то кажутъ москаля...

Въ это время приблизился къ костру сѣдой охотникъ — старый засѣдатель, тащившій двухъ журавлей и зайца, человекъ

бодрый и сильный. Ягдташъ его набить былъ вплоть красвою дребеденью.

— Поздравляю васъ съ полемъ, сказалъ онъ раненому засѣдателю.

— Благодарю. Ну, а какъ вы?

— Какъ видите, ладно.

— Ну и ладно... Грицко! давай флагу съ горнякой, да и тѣе, якъ то кажуть москали... понимаешь?

— Заразъ, пану,—отвѣчалъ на этотъ разъ совершенно проснувшійся Грицко, испугавшись своего барина.

Еще пришли разомъ три охотника, обремененные дичью. Одинъ изъ нихъ былъ окружной стряпчій, по фамиліи Перепелятко, да два столоначальника земскаго суда, оба молодые. Не доставало только одного Пугачевского, но и его вскорѣ замѣтили издалека, обвѣшаннаго какими-то бѣлыми птицами, поштурпующаго по болоту важно, медленно, какъ-то церемоніально и поющаго громко польскую пѣсню.

— Что такое онъ поеть?—сказавъ одинъ изъ охотниковъ, засмѣявшись; — онъ воспѣваетъ какую-то черную сучонку, какъ слышно.

— Нѣтъ,—замѣтилъ русскій полякъ:—это онъ поеть не сучонку, а завѣщаніе матери дочери на счетъ черной сукенки, т. е. чорнаго платъца.

— Отцы мои родные! вскричалъ Ваничка;—да вѣдь это онъ наколотилъ чайкъ!—Смотрите, господа, смотрите: у него губы и борода въ крови. Неужели онъ пожиралъ ихъ сырѣмъ?

— На что это вы, Юзефъ Поразиновичъ, — спросилъ раненый засѣдатель, — настрѣляли чайкъ?

— Але добрая дичь! отвѣчалъ онъ;—лучше дупелей и бекасовъ. Эту дичь, по вкусу, я предпочитаю всякой другой.

— Да вѣдь мясо чайкъ пахнетъ землею и рыбою?

— Какъ только убьешь чайку, въ ту жь минуту нужно ее выпотрошить, и тогда запаха никакого не будетъ.

— Отчего это у васъ, Юзефъ Поразиновичъ, губы и борода въ крови? замѣтилъ кто-то.

— У меня ножичка не было, а поэтому я потрошилъ мою дичь зубами.

Охотники чистосердечно засмѣялись.

Разстлали ковры, полегли охотники и стали обѣдать; къ

никъ же присоединился и Пугачевскій, безъ приглашеній: онъ былъ всегда навѣрникъ.

— А что, Никита Васильевичъ, — началъ старый засѣдатель, обращаясь къ новому засѣдателю, — какъ вы разсчитываете и предполагаете: удавился ли этотъ человекъ или его удавили?

— Кто удавился? кто удавился? гдѣ удавился? кто его удавилъ? — закричалъ Пугачевскій, забывъ и обѣдъ и все.

Любопытство его удовлетворили. Онъ схватилъ пирожокъ фунта въ три и въ одно мигновеніе удалился по направленію къ кустарникамъ, гдѣ висѣлъ удавленникъ, а предварительно выпилъ красной стаканъ водки.

— Чортъ бы побралъ этого неугомоннаго человекъ! — сказалъ раненый засѣдатель: — меня подстрѣлилъ, собаку мою ранилъ и общій пирогъ нашъ изъ деликатности ограбилъ, и все это учинилъ, какъ будто бы по строжайшимъ обязанностямъ службы!...

Охотники опять захохотали.

— А что же вы предполагаете, Никита Васильевичъ, насчетъ удавленника? — спросилъ вновь старый засѣдатель.

— А то, что онъ удавился самъ по себѣ. Если бы какой-нибудь варнакъ-злодѣй его удавилъ, то бросилъ бы трупъ тутъ же, не вѣшая его на талину и не снаравливая поставить его на колѣни. Явно и ясно, что онъ самъ удавился, вслѣдствіе какихъ-нибудь огорченій и обстоятельствъ.

— А, можетъ быть, чортъ замѣшался въ это дѣло, — замѣтилъ молодой охотникъ, засмѣявшись: — въ третьемъ году я былъ дѣисководителемъ у участкаго засѣдателя Барышкевича, и у него, именно при мнѣ, случилось происшествіе такого рода.

— Разскажите, какъ это было?

— А вотъ какъ было. Покойникъ происходилъ изъ природныхъ крестьянъ деревни Ербиной и найденъ удавившимся на талинѣ за поскотиной. Причинъ смерти не открыто. Барышкевичъ привелъ къ присягѣ ербинскихъ крестьянъ и спросилъ ихъ: отчего покойникъ удавился? Они отвѣчали, что по этому дѣлу ничего не знаютъ и ничего не вѣдаютъ, по обыкновенію. «Какъ же это вы, ребята, не знаете, отчего онъ удавился: надобно говорить правду,» «Вы вѣдь присягали, откройте всю истину. Пожалуй, я напишу, что онъ удавился отъ неизвѣстныхъ причинъ; но его происхожденіе, господинъ начальникъ тубернѣи, обратитъ дѣло ко мнѣ, для дополненія: изыскать

причины, вследствие конхъ онъ посягнулъ на собственную жизнь....—Ну, такъ что же вы на это скажете?»

— Да чего, ваше благородіе, ничего не знаемъ, отвѣчали хоромъ общественники.

— Можетъ быть онъ, передъ смертію, скучалъ, тосковалъ, грустилъ?...

— Мы этого не замѣчали: человекъ онъ былъ веселый. Пошолъ въ поле за своими конямъ, да ѣ повѣсилъ на талинѣ своей перетягою.

— Можетъ быть, онъ много вина пилъ?

— Какое, ваше благородіе! у насъ въ деревнѣ и кабака нѣту-ка, отвѣчали понатые.

— Надо быть, ваше благородіе,—отозвался одинъ изъ понатыхъ крестьянъ, — въ это дѣло вмѣшался самъ чорный (наше мѣсто свято)!...

— Какой чорный?

— Извѣстно кто, ваше благородіе: мурынъ-чортъ-дьяволъ....

— Почему же ты такъ полагаешь?

— А вотъ по какой причинѣ, ваше благородіе: знаете село Тажное отъ нашей деревни верстъ за тридцать съ хвостикомъ, и тамо-ка есть кабакъ? — Вотъ, назадъ тому лѣтъ двадцать, (всѣ общественники знаютъ), пришла такая линія, что въ э-томъ кабакѣ сряду за три мѣсяца повѣсились шесть цѣловальниковъ. Каждый разъ разъ набѣгали засѣдатель, дохтуръ, страпчій тоже, производили слѣдства, и причинъ не допытались.... Только контерскій управляющій привезъ съ собою новаго цѣловальника на мѣсто послѣдняго давленника; только цѣловальникъ вошолъ въ кабакъ, посмотрѣлъ на стѣнки, побѣлѣлъ, какъ бѣлый миткаль, заревѣлъ и побѣжалъ вонъ... «Нѣту-ка,» говоритъ онъ, «хоша дать мнѣ управляющій пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ жалованья, а я не сяду въ кабакъ, тамо-ка всѣ стѣны позавѣшены новыми ременными петлями на желѣзныхъ крючьяхъ больше тысячи, значитъ удавками.» Управляющій, дистаночный, хрестьяне туда ходили, однако ничего не видали, кромѣ одного цѣловальника, онъ одинъ видѣлъ петли и крючья. Ну, послѣ этого управляющій нанялъ домъ подъ кабакъ и все доспѣлось благополучно, и старый кабакъ до сей порѣ стоитъ пустой, только совсѣмъ развалился.

— Правда, ваше благородіе, все правда,—подтвердили цѣло-

тме;—хотна поспрошайте самого пштейнаго управляющаго, Петра Миколанча, онъ всю правду доложитъ.

— Бабы сказки,—сказалъ Барышкевичъ,—потому что вы—бабы и вашъ Петръ Николанчъ—старая баба.

— Вы, ваше благородіе, — началъ опять крестьянинъ-повѣствователь,—въ сумленіи и невѣроятны, а вотъ доложимъ вамъ, какъ у насъ въ понижшемъ году утонулъ нашъ же общественникъ, Павлономъ звали, при прежнемъ засѣдателѣ. Ваше благородіе извѣстны, что наша рѣка шириною болѣ полуверсты, глубина престашивейшая; а Павлонъ съ дѣвницею, своею дочерью, косилъ сѣно за рѣкою, робилъ тамо-ка дней съ пять, однако въ субботу пріѣхалъ къ берегу верхомъ, а лодку никому кто-то угналъ. Вотъ Павлонъ долго ревелъ, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ подалъ ему лодку (вѣтрено было), никто не слышалъ, только онъ разоболкся, сказалъ дочери, чтобы пошла, пригонитъ тотчасъ лодку, да и пустился вплавъ на нашу сторону. Дѣвочка стоитъ, да смотритъ на отца. Только доплылъ онъ до половины — какъ туто-ка вдругъ изъ глубины выскочила какая-то матеряющая утка, схватила Павлона впоперегъ да и утащила на дно... Такъ и пропалъ! Ужъ на четверты сутки нашии тѣло его внизу за семь верстъ, пришло водою на косу, весь искусанный былъ покойникъ... Вотъ извольте видѣть, ваше благородіе, не сумѣвайтесь, все справедливо. — Да еще доложу насчетъ моего покойника-тятеньки... Годовъ съ десять тому назадъ, онъ заскудался лихорадкою съ самой весны, и кажинъ день трепала его, бѣднаго, до самыхъ страдаль... Вотъ, ваше благородіе, тятенькѣ пришло въ голову испугать лихорадку: говорить, какъ онъ слышалъ отъ старыхъ людей, покажу ей, что будто я хочу удавиться, а она меня и броситъ, я ее обману. Дѣло случилось въ самые снажки, передъ заходомъ солнца. Огурцовъ родилось дивно. Дома оставались мамонька да тятенька. Мамонька пошла доить коровъ, только тятенька долго стучалъ зубами: ломала его кумуха-бѣда, да да и пошелъ въ огородъ обманывать свою болѣсть; только мамонька спросила его изъ-подъ коровы: «ты куда, старикъ?» «Да чево,» сказалъ тятенька: «изъѣмъ хоша огурчикъ, авось пройдетъ окаинная.» Тятенька заперъ за собою калитку, и слышитъ мамонька, что въ огородѣ кто-то хрипитъ, бросила поддонникъ, пролила все молоко, да и бросилась въ огородъ, а старикъ-то стоитъ на колѣнкахъ съ петлею на шеѣ изъ оноде-

ки подлѣ частокола, да и хрипить, посибилъ весь! Мать бросилась къ нему, заревѣла на всю деревню, прибѣжала сусѣдка наша, матеряющая солдатка, разорвала на шею онойску, а тятенька свалился на градку, какъ мертвый, перенесли его въ избу, съ полчаса обливали ему голову водою и положили на постель. А какъ пришолъ въ чувствіи, то былъ, какъ полоумный, скудался болѣ мѣсяца, изсохъ, какъ сухая лѣсина. Ну вотъ, ваше благородіе, когда тятенька совсѣмъ образумился, лихорадка его бросила; онъ все вспомнилъ, разсказалъ такимъ образомъ: «Взялъ, говорить, свою онойску, сдѣлалъ петлю на шею, конецъ привязалъ на колъ у плетня въ огородѣ, нерекрестился, да и сталъ на колѣнки, а туто-ка, откуда ни возмись, огромнѣшая черная свинья прямо на меня, да и давай тыкать въ меня своимъ нечистымъ рыломъ... Изъ очей монхъ,—говорилъ тятенька,—горящая, пламенная полилась вода, а далѣ ничего не помню...»

— Ну, ладно, ладно,—сказалъ Барышкевичъ:—пожалуй, расъе не дослушаешь и вашихъ сказокъ; а мнѣ время дорого. — Ну ты, красцобай, разсказывай, какъ жилъ-поживалъ теперешній удавленникъ, только безъ лишнихъ сказокъ, безъ басней, а говори мнѣ по чистой правдѣ и совѣсти, по долгу присяги, никому не нарова, а все, чтѣ ты знаешь.

— Извольте, все скажу, доложу чистую правду, ваше благородіе. Изотъ осиротѣлъ, когда ему было 12 лѣтъ; мать его скончалась отъ горячки, а отецъ его, послѣ смерти ея, черезъ двѣ недѣли, женился на своей стрянкѣ (вдова была солдатка), и стала его мачиха ѣсть-поѣдать съ утра до вечера, въ будній день и въ праздникъ, а окромя того, по наговорамъ и по насердкѣ мачихи, отецъ колотилъ безъ зазору. Вотъ, ваше благородіе, и терпѣлъ онъ до 20 годовъ, а потомъ мачиха огорѣла съ вина въ самый Покровъ (тѣло потрошили, сдѣство приаводили), а далѣ, въ томъ же году, заскудался Изотовъ родитель, да и скончался прѣжде времени, хоша и померъ годовъ 70, У нихъ допрежь жила въ стрянкахъ то же солдатка, годовъ 30-ти, а ему выходило 20. Отъ отца и отъ мачихи осталось ему все,—какъ есть наследникъ, по такой причинѣ, что есть родной сынъ роднаго отца. Мачихина лопатина досталась ему же по той же причинѣ, что все имущество добылъ покойникъ, его родитель. Ну, значить все его. Такъ порѣшили наши общественики старики. Далѣ-ширѣ, ваше благородіе, жилъ онъ,

Изотъ, согласно съ своею солдаткою болѣе двадцати годовъ, а прежде, въ первый годъ, родился у нихъ младенецъ мужскаго пола, вотъ тотъ самый, котораго, ваше благородіе, допрашивали (ему тепере-ко 19 годовъ). Ну, потомъ она скудалась долго и теперь скудается, почитай два года: съ кровати не встаетъ, кормятъ ее и поятъ, какъ ребенка. Извѣстное дѣло, въ страднее время не кому присмотрѣть за скудащею, а время-то золотое. — Вотъ Изотъ-то покойникъ-то уѣдетъ на поля (а дома оставить сына досматривать за больною матерью), то самъ останется дома; пріѣдетъ домой, сына дома нѣту-ка, а ускудавшей губы пересохли, почернѣли: не кому подать водицы испить. Пошлетъ на поля сына, а опъ лытаетъ цѣльный день. Нажметъ въ цѣлу недѣлю сотню-другу сноповъ, и оговаривается отцу, что серпъ затупился, а самъ про себя и при молодяжничкахъ хвастается: «я, молъ, не вашъ общественникъ; я, говоритъ, солдаткинъ сынъ, отецъ у меня не родной; кантонистъ слѣдовать быть; меня, молъ, на будущій годъ въ солдаты возьмутъ. Такъ вотъ, ваше благородіе, Изотъ-то маялся, маялся, а тутъ-ка подвернулся *лукавый*, ну и повѣсился.

— Понимаю, заключилъ Барышкевичъ:—давно бы вы такъ сказали всю истинную правду; а теперь дѣлу конецъ.

— Много тутъ всего бываетъ,—вмѣшался въ разговоръ старшій засѣдатель,—разъ тоже и со мной было: я сначала слухилъ въ Сибири комиссаромъ, а потомъ засѣдателемъ, — что одно и то же. Изъ одного богатаго семейства, именно въ моемъ участкѣ, старшій хозяинъ дома найденъ удавившимся въ собственномъ его гумнѣ, стоявшимъ на колѣнкахъ. Петла была изъ веревки, привязанной къ перекладинѣ. Семейные покойника показали, что онъ гулялъ всю сырную недѣлю, опохмѣлился въ понедѣльникъ, а во вторникъ первой недѣли поста пересталъ пить, чувствовалъ себя нездоровымъ и скучалъ; наконецъ въ среду старшій сынъ нашолъ его удавившимся на старомъ гумнѣ. Слѣдствіе въ этомъ родѣ я уже окончилъ. Но случайно нашъ окружный врачъ проѣзжалъ чрезъ эту деревню я и пригласилъ его осмотрѣть тѣло на всякій случай, хотя не рассчитывалъ на это, потому что признаки смерти самоубійства были очевидны, какъ оказалось это по моему формальному слѣдствію. Осмотрѣвъ наружно тѣло, врачъ спросилъ меня: «изъ чего сдѣлана удавка?» Я отвѣчалъ: «изъ пеньковой веревки.» «Покажите!» Осмотрѣлъ тщательно удавку и

рѣшительно сказалъ: «покойникъ этотъ удушенъ постороннимъ лицомъ, а потомъ уже мертвымъ повѣшенъ.» Изумясь внезапнымъ словомъ доктора, я спросилъ его: «Не ошибаетесь ли вы, Александръ Логиновичъ?» «Нѣтъ, не ошибаюсь: видите ли синебагровый знакъ вокругъ шеи отъ удавки?» «Вижу» отвѣчалъ я. «Знакъ этотъ произошолъ отъ тонкой ременной удавки, а не отъ пеньковой толстой веревки, отъ которой на шеѣ покойника никакихъ слѣдовъ нѣтъ, потому что трупъ, послѣ удушенія былъ холоденъ и тогда уже убійца, для скрытія преступнаго дѣла, накинулъ на мертвую жертву веревочную петлю и привязалъ къ перекладинѣ, а ременную удавку скрылъ. Замѣтите, — прибавилъ докторъ:—если отыщите эту ременную удавку, на ней долженъ быть посрединѣ глухой узелъ, трудно развязываемый.

— Что жь, вы открыли преступника?—спросилъ новый засѣдатель старого.

— Видите ли, какъ это случилось. Въ десяти верстахъ отъ этой деревни въ селѣ жилъ когда-то священникъ, теперь уже покойный, человекъ чрезвычайно смѣтливый, умный, святой жизни, и увѣщатель прозорливый, какихъ я въ жизни моей и не встрѣчалъ!.. Бывало, когда онъ увѣщавалъ оподозрѣваемаго христіанина въ сдѣланномъ преступленіи, тотъ во всемъ подробно признавался. Надобно вамъ сказать, что квартира моя была въ богатомъ домѣ удушеннаго. Сюда-то я пригласилъ священника, рассказалъ ему о содержаніи происшествія и просилъ его совѣтовъ. Онъ походилъ съ четверть часа по комнатамъ, которыя я занималъ, и вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «ваше благородіе (титулованье всяческихъ чиновниковъ, по его пониманію, входило въ сферу его обязанностей), пожалуйста сюда.» я подошолъ. Въ комнатѣ на стѣнкѣ была винтовка и свѣже разбитая натруска изъ-подъ пороху, висѣвшая на тонкомъ ременномъ мотаузѣ, на срединѣ котораго существовалъ тугой узелъ, да кромѣ того усмотрѣнъ нами прилипшій къ ремню сѣдой волосокъ изъ человѣческой бороды. Вотъ какимъ образомъ явились обличители у меня въ квартирѣ, передъ самымъ моимъ носомъ!.. Позвалъ я старшаго сына покойника въ ту же минуту и, указавъ на винтовку, спросилъ: — Чья эта винтовка? — Наша, отвѣчалъ онъ равнодушно.—А натруска чья съ ремнемъ? — Наша же, ваше благородіе. — А отчего она разбита?—Онъ, всмотрѣвшись пристально въ разломъ натруски изумленными глазами, взглянулъ на насъ и

отвѣчалъ спокойно (явно и видимо, что это обстоятельство до сей минуты ему не было извѣстно): — Это, ваше благородіе, должно быть, работникъ нашъ, Бакумъ, попортилъ нашу натруску, да и пороху тамо-ка нѣту-ка...—А видишь ли этотъ волосокъ, прилипшій къ ремню? — Вижу. Это, ваше благородіе, надо-быть мнѣ не извѣстно.

— Ты что-то такое скрываешь? — строго замѣтилъ отецъ Петръ;—говори святую истину; волосокъ этотъ изъ бороды твоего отца?

— Должно быть, ваше благословеніе,—отвѣчалъ, поблѣднѣвъ, сынъ удушеннаго.

— У кого была натруска въ послѣднее время?

Отецъ Петръ надѣлъ эпитрахиль, взялъ крестъ, подошелъ къ отвѣтчику такъ близко, что головы ихъ почти соединялись, и громко, внятно и, какъ-то торжественно, сказалъ: «Вижу тебя насквозь: ты въ убійствѣ своего отца не виновенъ, положи на себя крестное знаменіе и скажи предъ святымъ Распятіемъ всю истину и правду, какъ предъ Богомъ.

— Вразумили меня, ваше благословеніе, и вы, ваше благородіе; теперь все дѣло смекаю. Работникъ нашъ Бакумъ, назадъ тому недѣли двѣ, прикормилъ и приводилъ четырехъ рысей на нашу свинью около нашего стараго гумна и каждую ночь ходилъ туда караулить ихъ, бралъ, съ нашей воли, нашу винтовку и натруску. На масляницѣ онъ добылъ одну рысь, продалъ за восемь цѣлковыхъ, и еще три рыси ходятъ на пахло до-сихъ-поръ. А далѣ ничего не знаю и не вѣдаю, и объ этомъ что онъ разломалъ нашу натруску, онъ мнѣ ничего не говорилъ, да и увидалъ о томъ только въ сію минуточку. Если онъ удавилъ нашего родителя, то, должно быть, этимъ ремнемъ. Да вотъ что, ваше благородіе, распросите-ка Бакума: отчего онъ разломалъ натруску, кто разорвалъ ременный матоузъ и по срединѣ связалъ? Ремень былъ цѣльный, ваше благородіе. А объ остальномъ, Богъ вѣдаетъ, ничего не знаю.

— А во вторникъ на среду, гдѣ ночевалъ Бакумъ?

— Ночевалъ на заметѣ въ соломѣ у стараго гумна, караулилъ рысей, а потомъ утромъ, на новомъ гумнѣ, молотилъ ячмень съ работниками.

— А когда твой отецъ ушелъ изъ дома?

— Часа за три до свѣта, надо быть послѣ третьихъ пѣтуховъ ушелъ онъ со двора, а утресь я его намолъ на старомъ гум-

нѣ удавленннмъ, за случаемъ ходилъ туда за цѣнами, да и попалъ на кровное уголовное дѣло. На лопатн, ваше благородіе, однако былъ замѣтенъ снѣгъ, какъ злодѣй его тащилъ на смерть.

Какъ только Аввакумъ вошелъ, по моему призыву, онъ видимо смѣшался и бессмысленно остановилъ свои глаза на крестѣ.

— Подойди ко мнѣ ближе, — сказалъ священникъ; — не бойся святаго креста — это наше спасеніе. Иди ближе ко мнѣ!.. Вижу тебя: ты не съ злостнымъ умысломъ и не изъ корысти удавилъ твоего хозяина, а тебя сатана оболѣстала...

Упалъ на колѣна Аввакумъ, зарыдалъ безъ слезъ, поклонился три раза въ землю предъ иконами въ святой уголъ, знаменуя себя крестомъ, и вдругъ, вскочивъ на ноги, смѣло обратился ко мнѣ съ словами: — Ваше благородіе! прикажите подать мнѣ стаканъ водки: все расскажу... я виноватъ во всемъ дѣлѣ.

— За что же ты удавилъ хозяина? — спросилъ я Аввакума.

— Бѣсъ попуталъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ онъ, проглотивъ квасной стаканъ водки; — не способенъ я на худое дѣло, а видно такъ мнѣ написано на роду... Въ понедѣльникъ хозяинъ скудался — хмѣльникъ его одолѣвалъ; опохмѣлился самъ, опохмѣлилъ работниковъ, окромѣ меня, потому что во всю масляницу вина не пилъ. Въ понедѣльникъ и во вторникъ мы возили дрова, а съ вечера высушили овинъ съ ячменемъ на новомъ гумнѣ; надо было намъ послѣ полуночи молотить, хозяинъ разбудить на работу. Вотъ, ваше благородіе, я привадилъ на падо рысей, и на масляной одну добылъ. Съ вечера во вторникъ на среду я взялъ хозяйскую винтовку и натруску съ порохомъ у пошелъ на добычу. Долго въ соломѣ я ждалъ прихода рысей, и не помню, какъ уснулъ, только слышу вдругъ кто то меня одернулъ изъ соломы съ зарода, даже ремень отъ натруски, надѣтой черезъ плечо, лопнулъ; я и скатился на снѣгъ. Не успѣлъ, съ перваго сна, открыть очи, какъ началъ меня кто то возить стягомъ безъ разбора... я взревѣлъ и вокочилъ... это старикъ — хозяинъ бьетъ меня стяжкомъ, да приговариваетъ: «разбойникъ! варнакъ!.. обзываетъ поркорванцомъ, кнутобойцомъ, дармоѣдомъ и подлецомъ... сталъ еще больше бить меня стягомъ, что я упалъ на снѣгъ и, озарившись, лягнулъ его ногою подъ самое луно, онъ и свалился, какъ мертвый, убитый громомъ, и началъ только дрыгать руками и ногами безъ голоса, только нѣмовалъ и хрипѣлъ... Тутъ-на я такъ испугался,

что въ ухахъ у меня засвѣтѣло, заревѣло, въ очихъ искорки, да огнище, полымя, не взвидѣлъ я бѣлаго свѣта! Въ одно ухо трещитъ: «пропалъ! пропалъ!..» А въ другое: «повѣсь! повѣсь его! повѣсь!»—Я схватилъ ремень отъ натруски, связалъ его глухимъ узломъ, туго перетянулъ шею хозяина и оставилъ такъ; а въ ухо шепчетъ кто-то: «повѣсь его, повѣсь! онъ самъ давился...» Я потащилъ мертваго въ гумно, да вспомнилъ, что ремень-то отъ хозяйской натруски, узнають... я бросился домой, отбѣжалъ сажонъ триста — лежитъ на пути старый, длинный обрывокъ аркана; я схватилъ его—да и назадъ,—а морозъ былъ сильный,—снялъ ремень съ шеи покойника, накинулъ обрывокъ, всталъ въ самое нутро гумна и повѣсилъ на перекладину... Хотѣлъ поднятъ повыше, да силы меня оставили... я упалъ въ свѣтъ головою и долго, долго лежалъ... Приподнялся на ноги и вижу хозяинъ, повѣшенный мною, стоитъ на колѣнкахъ, да и говоритъ мнѣ: «возьми винтовку и натруску съ ремнемъ, ступай на новое гумно молотить ячмень!.. Ступай туда скорѣе, а не то работники узнають все дѣло,—пронадешь!... Ступай туда скорѣе! сей-часъ работники придуть...» я схватилъ винтовку, натруску съ ремнемъ и бросился къ новому гумну, а сзади хозяинъ кричитъ: «скорѣе! скорѣе! прибавь шагу! прибавь шагу!..» Вбѣжалъ я въ гумно и тамъ увидѣлъ отъ горѣвшей соломы огонь (должно быть покойникъ, передъ смертію, разложилъ огонь для молотбы); изъ работниковъ еще никого не было, я бросился въ уголъ гумна на снопы и тамо-ка со-ндръ...

— Отчего же натруска разбита?

— Надо быть, хозяинъ разбилъ стяжкомъ нечаянно, когда меня билъ.—Посмотрите, ваше благородіе, все тѣло у меня въ синякахъ... слава тебѣ, Господи! теперь мнѣ легко одѣлалось на душѣ, когда во всемъ вамъ признался...

— Вотъ какимъ образомъ объяснилось это происшествіе,—заключилъ свой рассказъ старый засѣдатель.

— Злодію, злодію! погубивъ добраго чоловика,—промолвилъ Грицко, слушавшій внимательно рассказъ своего барина.

— А ты не погубивъ чоловика? отозвался стряпчій Перене-лятко, обращаясь къ Грицку.

— Кто погубивъ чоловика? я?.. Що се вы, ваше благородіе? Щобъ я погубивъ чоловика!..

— А Сашу подвальнаго, помнишь, когда ты служилъ двор-

никомъ и караульщикомъ въ домѣ питейной конторы? Вѣдь ты мнѣ землякъ!

— Чѣмъ же я виноватый?—сказалъ Грыцко; нахмурился, повернулся—и ушелъ къ дрогамъ.

Охотники засмѣялись.

— Что это такое? спросили стряпчего.

— Коли хотите, такъ послушайте:

— Этотъ Грыцко поселенецъ, какъ вамъ извѣстно, дѣтяй и при томъ подлецъ. Назадъ тому лѣтъ 12, служилъ онъ въ домѣ питейной конторы, какъ я уже сказалъ, дворникомъ и караульщикомъ. Въ то время былъ управляющимъ молодой человекъ изъ иногородныхъ купцовъ. У него были: мать-старушка, прежнихъ лѣтъ цѣловальница, да двѣ взрослые сестрицы: Марина и Арина. Вѣдь у насъ, въ Золотейской губерніи, управляющіе питейными конторами пользуются достоюльственнымъ почтеніемъ и уваженіемъ, въ особенности въ Усть-Улюкольскѣ. Этого управляющаго звали Прокопомъ Прокоповичемъ, а какъ его фамиліи—никому не извѣстно, потому что на пакетахъ съ газетами и журналами, адресованныхъ на его имя, значились надписи различныя, напр.: «*Садину*,» изъ другой редакціи — «*Гадину*,» или: «*Падину*,» или же просто: «*Гадову*.» На самомъ дѣлѣ этотъ господинъ былъ не совсѣмъ гадокъ, ибо онъ былъ управляющій, и усть-улюкольскій банкиръ, у котораго многіе занимали деньги безъ возвращеній. Слѣдовательно, онъ человекъ не гадкій, а фамилія «*Гадова*» вовсе не характеризовала его личности. По части питейной, онъ считался, не смотря на его лѣта, профессоромъ специально практическимъ и теоретическимъ, потому что былъ очень грамотенъ: читалъ почти всѣ русскіе журналы, да кромѣ того достигъ своего положительнаго поста своими неутомимыми трудами, образцовою дѣятельностію и терпѣливымъ прохожденіемъ всѣхъ мѣтарствъ, начиная отъ мѣста поднощика въ кабакахъ до должности управляющаго.—Вѣдь никто не будетъ отвергать того, что каждый поднощикъ и любой цѣловальникъ суть мошенники, убѣжденные въ правотѣ своихъ дѣйствій,—а далѣе идетъ наука по питейной части *crescendo* и обращается въ мудрое знаніе систематическаго мошенничества.

— Прокопъ Прокоповичъ Гадовъ, его мамонька и его сестрицы радушно приняты были въ Усть-Улюкольскѣ у всѣхъ почетныхъ чиновачальниковъ и у всѣхъ зажиточныхъ согражданъ. Онъ одѣвался по картинкамъ мужескихъ модъ, прилагаемымъ,

кажется, при Отечественныхъ Запискахъ. Мамонка его постоянно находилась въ черной косыночкѣ, повязанной на головѣ *арбузкомъ* по-купечески. Мариша и Ариша носили на головкахъ косыночки изъ моаре-антикъ, а остальное одѣяніе—по послѣдней модѣ, изъ разноцвѣтныхъ и роскошныхъ шолковыхъ матерій. Мариша была шадровитая, худая, маленькая, разговорчивая и пожилая дѣвушка, гораздо старѣе 35 лѣтъ, но по лицу добрая. Ариша—дѣвушка стройная, высокая, сильная, румяная и достаточно красивая, только косая на правое око, постоянно смотрѣвшая внизъ, для скрытія природнаго недостатка, скромная, скрытная и неразговорчивая. Въ-послѣдствіи Усть-Улюкольскія дамы называли ее, разумѣется заочно, Косаную или Косицкую.

— На первый званый вечеръ городничихи, многоуважаемой и многолюбезнѣйшей Похотиныи Степановны, явился Прокопъ Прокоповичъ съ мамонькою и сестричками Маришею и Аришею. Городничиха посадила дамъ на диванъ. Прокопъ Прокоповичъ, войдя въ гостиную, обзрѣлъ дамъ и остался *своими* довольнымъ,—только немножко онъ сконфузился, когда, при всеобщемъ молчаніи, мамонька неожиданно спросила его: «однако, Прокошенька, наша ведерная въ Тобольскомъ попросторіѣ здѣшней?»

— Охота вамъ, маменька, любовѣтствовать по этой части! это дѣло не женское.

— Не смотря на неловкій отвѣтъ Прокопа Прокоповича, Ириша незамѣтнымъ образомъ толкнула сзади мамоньку; но въ послѣдствіи, впрочемъ, въ теченіе званнаго вечера все обстояло благополучно. При прощаньи Похотинья Степановна замѣтила дѣвицамъ Гадовымъ, что имъ надобно снять косыночки съ милыхъ головокъ и надѣть бѣлыя атласныя шляпочки съ розами или какими нибудь другими модными приличными цвѣтами.

— Прошло полгода. Иришинька вышла изъ обычной колеи своей излишней скромности и сдѣлалась довольно развязною дѣвушкою, словомъ сказать—свѣтскою *comme il faut*. Усть-улюкольскіе львы, въ числѣ четырехъ лицъ, уже начали помышлять а чѣмъ-то серьезномъ на счетъ Иришеньки; но судьба сдѣлала другое.

— Питейное зданіе было сотворено такимъ образомъ, что дошъ изъ 9 комнатъ занималъ Прокопъ Прокоповичъ съ семействомъ, а въ двухъ-этажномъ флигелѣ заключалась канцелярія итѣйной конторы, съ красивыми шнуровыми книгами,—кромѣ

книги подъ № 4, которая хранилась исключительно у самого управляющаго, — и безсмысленнымъ оберегателемъ этихъ сокровищъ, девятнадцати-лѣтнимъ красавчикомъ Сашею.

— Грыцко былъ постояннымъ дворникомъ, бдительнымъ и немодкупнымъ стражемъ означенныхъ откупныхъ зданій, едва ли не съ основанія ихъ. По этому Прокопъ Прокоповичъ, обративъ тщательное вниманіе на дѣятельную его службу, любилъ шутить съ нимъ на счетъ его простодушія, убѣдясь въ добротѣ его и обязательномъ усердіи на вѣки, для пользы питейной конторы.

— Жалованья получалъ онъ въ мѣсяцъ 10 цѣлковыхъ, съ пищею отъ управляющаго — изъ кухни, или отъ повара, или отъ стражника, смотря по расположенію духа послѣднихъ. Что же касается до питейной части — стоитъ только спуститься въ подвалъ, тутъ же на дворѣ, гдѣ очищаютъ водку, чрезъ уголь: пей сколько душею угодно, только не будь пьянъ, иначе выгонять...

— Вотъ, какъ-то раннею весною, часовъ въ 6 утра, вышелъ на дворъ въ халатѣ Прокопъ Прокоповичъ и, встрѣтивъ съ метлою Грыцка, спросилъ его на малороссійскомъ языкѣ, коверкая слова на москальскій ладъ.

— Се ты Грыцко?

— Я, пану, отвѣчалъ Грыцко, поклонясь въ поясъ.

— Ты што робишь?

— Хйба не бачите, пану, що я роблю? двирь чищу, Прокипъ Прониповичъ.

— А скажи мнѣ хохлацкую побасенку.

— Прийшовъ Прокипъ, кипить укрыпъ; якъ при Прокипѣ кипять укрыпы, такъ безъ Прокипа кипять укрыпы. — А ну-ка скажи, нанъ, ваше высокое почтеніе?

— Грыцко зароготалъ по своему; Прокопъ Прокоповичъ захохоталъ иначе, цивилизованнымъ образомъ.

— А вотъ, что я тобі буду казать, — началъ Прокопъ Прокоповичъ: — ты, Грыцко, ледащій дворникъ и ледащій караульщикъ, я не дамъ тобі жалованья бильшь пяти карбованцовъ.

— И за то тобі спасибигъ, Прокипъ Прокиповичъ, — поблагодарилъ Грыцко и поклонился ему въ ноги.

— Черезъ мѣсяцъ Прокопъ Прокоповичъ, при выдачѣ жалованья Грыцку, сказалъ ему, что на слѣдующій мѣсяцъ онъ не дастъ ему ни копѣйки жалованья, такъ какъ онъ старъ и лѣ-

нивъ; а если хочеть остаться попережнему дворникомъ и караульщикомъ, то можетъ жить изъ-за хлѣба.

— Благодаримъ покорно тоби, ваше высѣкое почтеніе, Прокипъ Прокиповичъ, за сію милость, бо я точно старый дурень, товстый кнуръ, якъ то кажутъ мосмали... и усимъ буду доволенъ, дармо буду жити, мени ничего не треба, тильки хлѣба да сала трошки...

— Грыцко поклонился трижды управляющему и ушолъ въ Беслоемъ расположеніи духа.

— Это было при мнѣ, и я, оподозривъ поведеніе моего земляка, сильно усомнился въ его безкорыстіи; но несмотря на мои изысканія и тайныя наблюденія, ничего не открылъ, хотя былъ ближайшимъ сосѣдомъ питейной конторы. Только одно я замоталъ на усъ: Грыцко, какъ караульщикъ, ночью, на конторскомъ дворѣ бьетъ въ караульную доску *дробью* съ девяти часовъ; а когда свѣчи погаснутъ въ комнатахъ управляющаго, въ питейной конторѣ, у подвального вверху и у кассира внизу, и когда всѣ люди успокоятся, Грыцко начиналъ бить въ караульную доску *дробь съ перебоемъ*. Это подозрѣніе я сообщилъ женѣ по секрету для будущихъ наблюденій, когда на случай я уѣду въ округъ. Вскорѣ, въ Троицынъ день, Грыцко проходилъ мимо моей квартиры; я постучалъ въ окно и зазвалъ его къ себѣ, поднесъ ему стаканъ горилки и спросилъ:

— А що Грыцуню, богато берешь грошей отъ Прокипа Прокиповича?

— Ничого,—отвѣчалъ онъ—два мѣсяца и ни шага.

— Якъ жъ ты живешь дармо?

— Путался, путался, да наконецъ признался мнѣ откровенно, по секрету, что ему подвальный Саша все платитъ каждомѣсячно по 15 цѣлковыхъ, да такую же сумму Орышко Прокиповна, за то, что, когда на дворѣ всѣ уснутъ, долженъ онъ бить въ караульную доску *дробь съ перебоемъ* и тѣмъ дать имъ знать, что время настало удобное *«жесмитаться»*. Следовательно Грыцу можно жить и безъ жалованья отъ питейной конторы!

— Такъ прошло до августа. Прокопъ Прокоповичъ позвалъ Грыцка, отсчиталъ ему всѣ деньги, которыя ему причитались по 10 рубъ въ мѣсяць, поблагодарилъ его за усердіе и сказалъ, что хотѣлъ съ нимъ помутить.

— Грыцу, Грыцу! разъ я сказалъ ему насамоти:— не было бы бѣды?!?

— А миѣ яке дило? отвѣчалъ онъ:— хѣба я родна мамуѣя Орышкина? тряски ихъ матерямъ! Нехай собѣ женихаются!..

— Гдѣ жь воны женихаются?

— А у сарая. Бачъ, тамъ богато стоять конторскихъ старыхъ и поизломанныхъ карандасовъ и повозокъ...

— Въ концѣ августа, въ одну лунную ночь, вся нитейная контора, повидимому, успокоилась сладкимъ сномъ; бодрствовали только Грыцко, Саша подвальный и Орышко Прокиповна. Грыцко началъ быть въ доску дробь съ перебоемъ. Вскорѣ вышли пламенные любовники и, по обыкновенію, ушли въ сарай женихаться...

— На эту бѣду у Прокопа Прокоповича разболѣлись зубы. Сверкнулъ огонь въ окнахъ его кабинета, лѣнивый Грыцко этого не замѣтилъ, потому что давно уже спалъ въ сидячку подлѣ стѣны подвала и хранилъ во всю носовую хохлацкую за-вертку.

— Грыцко! Грыцко!— вскричалъ Прокопъ Прокоповичъ, вышедши на дворъ.

— Грыцко спитъ и видитъ сонъ, что онъ молодой парубокъ, пьетъ горилку въ батуринскомъ кабакѣ, то есть въ шинкѣ, и женихается съ Чернуховною.

— Грыцко! Грыцко! повторилъ Прокопъ Прокоповичъ.

— Грыцко спитъ. Онъ видитъ, что ѣстъ кавунъ и челомакается съ Чернуховною...

— Въ эту минуту выскочила изъ сарая Орышко въ одной сорочкѣ, прикрытой платкомъ.

— Ты зачѣмъ была въ сараѣ? вскрикнулъ Прокопъ Прокоповичъ, грозно и страшно, забывъ зубную скорбь.

— Я, братецъ, на одну минуточку, проищала Орышко и юркнула по крыльцу въ комнаты.

— Врѣшь, язва! заревѣлъ Прокопъ Прокоповичъ вслѣдъ за убѣжавшею Орышкой.— Грыцко! Грыцко! застоналъ онъ, какъ смертельно раненный звѣрь.

«Грыцко спитъ и видитъ во снѣ, что онъ навеселѣнъ съ Чернуховною и ѣстъ сало безъ хлѣба.»

«Подлѣ Грыцка стояло полубочье съ водою, въ которомъ торчалъ чернакъ; Прокопъ Прокоповичъ облилъ Грыцка водою съ головы до ногъ. Онъ проснулся и вскочилъ.»

— Я уже оженился и вмерь, закричалъ Грыцко голосомъ сумасшедшаго, вынучивъ глаза и ничего не понимая.

— А вотъ, я тебя образумлю, проклятый хохоль!

И вслѣдъ за тѣмъ Грыцко почувствовалъ тяжелую пощочину.

— Чого тобі треба, Прокипъ Прокиповичъ?

— Кто въ сараѣ?

— Никого нима.

— Подай фонарь, да никого не буди, подлець!

— Осмотрѣли подробно сарай и ничего не нашли, кромѣ носовой бѣленькой кустки, принадлежащей Орышкѣ и оказавшейся въ большомъ, безъ колесъ, тарантасѣ, гдѣ было измятое сѣно.

— Грыцко туго молчалъ, Прокопъ Прокоповичъ еще туже молчалъ, только сверкалъ очами.

— Подробный обыскъ сарая производился двумя лицами въ теченіе двухъ часовъ: тамъ стараго хламу было тма тмущая.»

— Прокопъ Прокоповичъ одинъ пошелъ во флигель на верхъ, ощущалъ тамъ крѣпко спящаго сторожа изъ отставныхъ макаровъ цѣловальниковъ и постель подвального Саша, оказавшуюся пустою и неизмятою.

— Гдѣ подвальный? спросилъ Грыцка Прокопъ Прокоповичъ.

— Хиба его нима?—отвѣчалъ простодушно Грыцко.

— За вопросъ на вопросъ получалъ Грыцко, въ вознагражденіе, еще двѣ тяжеловѣсныхъ пощочины и приказаніе безусловно молчать о происшествіи...

— Послѣ этого происшествія, въ теченіе трехъ сутокъ, розыскивали по всему городу подвального Сашу, но нигдѣ и слѣдовъ его не оказалось. Объявили о неизвѣстной его отлучкѣ прищательной усть-улюкольской градской полиціи, но и она тоже ничего не отыскала, хотя розыски производились въ присутствіи, на столѣ письмоводителя.

— Около половины сентября погода стояла, сверхъ ожиданія, теплая, и въ семь часовъ вечера въ соборной церкви, совершилось торжественное бракосочетаніе уже толстенькой Ирины Прокоповны. Послѣ вѣчанія, на другой день утромъ, въ квартирѣ молодыхъ выпито было 50 бутылокъ шампанскаго, а въ полдень по городу ѣхалъ повъздъ, наполненный усть-улюкольскими дамами высокаго полѣта, у которыхъ, какъ-то нечаянно, шляпки вѣшали на дентахъ и болтались назадъ или впередъ, по волѣ быстроты ѣзды или по капризамъ вѣжнаго веѣра. Барышни вѣ-

ли какую-то торжественную пѣсню, изъ словъ которой слышно было только одно: «пѣли и пѣли,—пѣли и запѣли! Запѣли, пѣли,—пѣли и запѣли!..» А голосъ смотрительни тянулъ басомъ известный романсъ: «Когда невинною была, то было слишкомъ ужь давно!..» Тутъ же Грыцко пьяный стоялъ у конторскихъ воротъ и во все гордо импровизировалъ на весь городъ какую-то галиматью.

— Въ концѣ сентября мѣсяца получено въ Улюкольскіе положительное свѣдѣніе объ имени, отечествѣ и фамиліи новаго откупщика, потомка небывалаго хана Булъ-Булы-Кума-Оглы XXVIII, коллежскаго регистратора и кавалера, и о томъ, что всѣ питейныя зданія, гдѣ помѣщался управляющій и гдѣ была кассирская и питейная контора, приобрѣтены покупкою агентомъ новаго откупщика. Управляющимъ назначенъ не Проконъ Проконъ-повичъ, а другой. Вскорѣ получилъ онъ отъ главной питейной конторы предписаніе—продать по возможно-выгодной цѣнѣ всѣ откупные старые тарантасы, зимнія повозки и всяческій хламъ, который значится въ подробной описи.

— Начали приводить въ извѣстность все имущество, стащивъ, между прочимъ, два обитыхъ желѣзомъ сундука; стоявшихъ въ сараѣ на пустомъ сѣновалѣ, когда-то взятыхъ въ обезпеченіе отъ какого-то макара-цѣловальника, не могшаго заплатить питейный штрафъ за *мошенничество*, и въ одномъ изъ сундуковъ нашли брѣнные остатки бѣднаго Саши подвального!..»

— Тогда много говорили объ этомъ происшествіи. Одни предполагали, что его засунули въ сундукъ силою; другіе, всего вѣрнѣе, что онъ самъ залѣзъ туда, желая спрятаться, когда Проконъ Проконъ-повичъ потребовалъ отъ Грыцка фонаря, и тамъ, отъ снѣр-таго воздуха, задохнулся, такъ какъ заржавленные крючья отъ крышки ирбитскаго сундука плотно вскочили въ свои отверстія; и Саша, будучи въ полусогбенномъ положеніи, не смогъ поднять крышки. Говорили также и о томъ, что въ ту ночь, когда потерялся Саша подвальный, Грыцко, послѣ трехъ пощочинъ, спокойно храпѣлъ подлѣ стѣны подвала, только не въ сидячку, а въ лежачку, и въ остальную ночь вовсе не выбивалъ ни карманной долкѣ *дробь съ переломомъ* и безъ онаго. Были и такіе выдумщики, что будто-бы Иринюшка *сомнѣла* въ церкви, во время вѣнчанія, и что будто бы въ ночь замѣчательнаго происшествия она слышала глухія стenanія изъ сарая и тихій неслыханный крикъ, но будто бы Проконъ Проконъ-повичъ заглушилъ

ей рыданія и плачь Мариши, бывшей тутъ же, нагайною. За справедливость этихъ послѣднихъ заключеній я не ручаюсь, потому что самъ при этомъ не былъ, а про это больше знаетъ мой землякъ — Грыцко. — Чуешь земляче?

— На що казаты,—отвѣчалъ Грыцко;—бо пробѣжалы четыре коляски на одномъ колесу, якъ то кажутъ москали.

— Подлецъ!—замѣтилъ раненый засѣдатель:—бралъ во 15 карбованцевъ съ несчастнаго Саши, а въ критическую минуту его оставилъ и захрапѣлъ!.. Подлецъ!.. Не давайте ему горилки!— Не смотри на насъ, подлецъ!..

На другой день утромъ всѣ охотники пили чай въ квартирѣ Пугачевского, въ одной большой комнатѣ, и въ другой маленькой, съ русскою печью. Пугачевскій приготовлялъ себѣ яичницу изъ яицъ чѣекъ, собранныхъ имъ рано утромъ.

Барзуновскій старшина стоялъ у порога.

— Такъ никто не призналъ удавленника за своего однопороденца или за знакомаго человѣка? спрашивалъ засѣдатель.

— Никакъ-нѣтъ, ваше благородіе, никто не призналъ. Видѣть обману-то на лицѣ никакого нѣту-ка, надо быть птица помышля, да у насъ въ деревнѣ никто и не терялся.

— А старшинѣ оновѣстилъ?

— Оновѣстилъ, ваше благородіе.

— Тѣло подняли?

— Подняли, ваше благородіе, въ холодильникъ.

— А станичный начальникъ съ казаками былъ и тѣло видѣлъ?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Да онъ еще спитъ, ваше благородіе,—доложилъ Епископъ.

— Чортъ бы его побралъ! воскликнулъ засѣдатель: когда же онъ выснится?

— Никогда, отозвался изъ другой комнаты Пугачевскій, пожирившій съ жадностью свою яичницу. Онъ бодрствуетъ только четыре часа въ сутки, а остальные двадцать часовъ постоянно спитъ, по привычкѣ. Вѣдь я съ нимъ служилъ въ Тайгаевскѣ, гдѣ онъ сначала былъ тысячи за полторы версты ниже Тайгаевска, а потомъ въ самомъ городѣ. Нужно вамъ сказать, что тамъ почти всѣ спятъ во всякое время дня и ночи. Я вамъ разскажу про это престранный случай.

— Только, пожалуйста, Юзефъ Поразиловичъ, побольше истины и поменьше вранья,—замѣтилъ страдцѣй.

— Я вамъ расскажу доокональную истину. Назадъ тому лѣтъ двадцать, до прїѣзда моего на службу въ Тайгаевскъ, однажды, въ первой половинѣ марта мѣсяца, Тайгаевскъ былъ буквально покрытъ снѣгомъ отъ пурги и бурана; даже занесены были съ основанія до крышъ избушки, домики и домъ. Тамъ жителей обоего пола душъ триста съ небольшимъ, въ томъ числѣ кастратовъ около трети. Послѣ страшной снѣжной метели настали морозы до 40° по Реомюру, безъ сѣвернаго сіянія. На пятой недѣлѣ великаго поста мѣстный священникъ, еще до начала снѣжной бури, поѣхалъ къ берегамъ Ледовитаго моря для дальнѣйшаго просвѣщенія эскимосовъ. Выѣхалъ онъ въ трехъ нартахъ на оленяхъ, а потомъ на собакахъ, и когда такимъ образомъ прокатилъ онъ тысячи полторы верстъ, его настигъ ужасный буранъ. Съ нимъ былъ дьячокъ и два остяка. Они остановились, подѣзли подъ нарты съ собаками, по мѣстнымъ обыкновениямъ, и вскорѣ покрыты были снѣгомъ, подъ которымъ образовалась компата отъ дыханія четырехъ человекъ и восемнадцати собакъ. Тутъ пропитывались они сухарями, сушеною рыбою и ѣли снѣгъ, обливая послѣдній спиртомъ. Собакъ кормилъ тоже рыбою и сухарями, а снѣгъ собаки ѣли сами безъ спирту, потому что, какъ извѣстно по опыту, хмѣльнаго не употребляютъ. Часы отца протопона остановились, и потому, лежа съ своими товарищами, онъ сбился съ толку въ часахъ и дняхъ. Остяки объяснили, что они лежатъ подъ снѣгомъ ровно недѣлю, а протопонъ увѣрялъ себя и ихъ, что онъ съ ними пребываетъ тутъ гораздо больше. Наконецъ собаки продышали достаточное отверстіе сверху въ снѣгу и дружно выдернули нарты на поверхность, потому что въ подобныхъ случаяхъ собаки никогда не выпрагаются, иначе онѣ уйдутъ безъ нартъ и хозавъ тотчасъ по минованіи бурана. Отецъ протопонъ рѣшился ѣхать обратно въ Тайгаевскъ, отложивъ на этотъ разъ дальнѣйшее просвѣщеніе эскимосовъ, потому что общался жителямъ этого города непременно возвратиться къ празднику, а теперь, по его расчету, онъ долженъ воротиться домой. Отправившись въ обратный путь, долго они блуждали по снѣжной охбирской пустынѣ, совершенно растерялись во времени и мѣстностяхъ, и наконецъ, когда паявилось долго ожидаемое сѣверное сіяніе, они узнали знакомыя мѣста, а вскорѣ, чрезъ трое сутокъ, прїѣхали въ Тайгаевскъ. Это, по расчету отца протопона, было въ субботу на страстной недѣлѣ. На другой день, послѣ

объеди, всё обыватели христосовались и разговѣлись скоромною рыбою на коровьемъ маслѣ, потому что во всемъ Тайгаевскѣ ни у кого изъ жителей мяснаго и молочнаго, кромѣ масла, доставляемаго за тысячу верстъ зимою одинъ разъ въ мѣсяцъ въ города Золотейска, и кромѣ отдѣльнаго засѣдателя, владѣннаго единственною бычачьею головою. Но, спустя трое сутокъ, прѣехалъ изъ Золотейска чиновникъ, имѣвшій вѣрнѣйшій хронометръ и доказавшій всѣмъ жителямъ, что Христово Воскресенье случилось въ городѣ Тайгаевскѣ на страстной недѣлѣ въ пятницу. Это, господа, не выдуманное происшествіе, заключилъ Пугачевскій.

— Неужели ни у кого не было часовъ, у жителей!

— Какъ не быть? Часовъ было много, да отъ сырости, когда всё дома покрыты были снѣгомъ, остановились, и потому ретерялись во времени. Нужно вамъ сказать, что въ Тайгаевскѣ отъ скуки всё страшно пьютъ воду со спиртомъ, для отвращенія простуды, кромѣ женщинъ и кастратовъ; и потому—мужчины напьются, начинаютъ себя рыбою и начинаютъ спать до-тѣхъ-поръ, пока духъ бодрости насильно не сброситъ ихъ съ постелей, или голодъ. Далѣе то же самое повторяется въ теченіе восьми мѣсяцевъ, а въ остальные четыре мѣсяца спятъ меньше, но за то пьютъ больше.

— Неужели въ то время всё безъ исключенія спали, когда случилось Христово Воскресенье въ пятницу на страстной недѣлѣ?

— Кастраты, разумѣется, не всегда спали. Но вѣдь это народъ особенный: онъ заботится больше всего о себѣ; въ церковь ходятъ они рѣдко; христосоваться будутъ только съ мѣстными сильными міра мужескаго пола, а съ женщинами—никогда. Кастраты знали эту ошибку въ празднованіи дня, молчали и подтрунивали въ тихомолку. Вотъ вамъ и все. Кромѣ того, отдѣльный засѣдатель былъ человекъ новый, гордый, заносчивый, шлгъ, ѣлъ рыбу и спалъ. Ему многіе подражали, кромѣ кастратовъ и окружнаго лекаря, постоянно писавшаго какія-то собственные сочиненія и рѣдко, выходявшаго изъ своей квартиры. Да притомъ же онъ съ нимъ былъ въ ссорѣ и вотъ какииъ образомъ это случилось.

— За Тайгаевскомъ къ сѣверу, за полторы тысячи верстъ, жилъ когда-то анахоретъ въ домикѣ, состоявшемъ изъ маленькой комнаты и такой же кухни, около двадцати лѣтъ, и занимался

промысломъ рыбы, песцовъ и лисицъ. Подлѣ его обиталища находился для ижородцовъ хлѣбный магазинъ съ домикомъ, въ которомъ жилъ вахтеръ — казачій урядникъ съ женою и двумя работниками изъ ссыльныхъ. Эти единственные сосѣди жили не въ ладу, и потому рѣдко видались, развѣ ужь тогда, когда случайно встрѣчались на рѣкѣ, Золотѣ, куда ходили за водою. Когда наступила безкомочная сѣверная ночь, тогда сосѣди еще рѣже встрѣчались, а въ послѣднее время, около двухъ недѣль, урядникъ, жена его и работники совсѣмъ не видали анахорета, даже не замѣтили и слѣдовъ его по сѣзгу отъ дома къ рѣкѣ. Урядникъ, взявъ фонарь, отправился къ отшельнику и нашолъ его умершимъ и уже замерзшимъ. Собаки его отоцали и одичали. Урядникъ замкнулъ двери и ворота, припечаталъ ихъ своею печатью и написалъ объ этомъ происшествіи рапортъ на имя тайгаевскаго отдѣльнаго засѣдателя... У меня есть копія, сей-часъ ровыщу.

— Развѣ ты, Юзефъ Поразимовичъ, здѣсь совсѣмъ, — сказалъ стряпчій, — съ имуществомъ и съ хозяйствомъ?

— Да какое у меня имущество? Два чемодана съ платьемъ, тюфякъ, подушка, ружье, собака, да узелъ съ бѣльемъ, — вотъ все мое богатство!... На житье въ Сибири!?! — Я вѣдь теперь въ отпуску на 28 дней, и отсюда, до окончанія срока отпуска, никуда не уѣду... А вотъ вамъ точная копія съ рапорта вахтера.

«О семъ рапорту вашему высокоблагородію, что по обыскамъ отысканы мною три книги большущія на чужихъ народовъ языкахъ 6 песцовъ два Голубыхъ да три бурныхъ лисъ одна крестовка винтовка серебрянка турецкой дробовикъ порохъ въ рошкѣ — 26 свинцовыхъ пуль 2 пуда 17 фунтовъ вышеной стереди да высушенный жареный утканъ коронка сухарей белыи чорныи сахаръ да чай вполткѣ, а потъ кроватью много бумагъ влючкахъ разорванныхъ куча кучей, Преступникъ померъ значить ваше высокоблагородіе отъ скорой смерти скончался и мнѣ о семъ обавленій не призоидилъ, денехъ никакихъ не нашолъ надо быть законалъ двѣ срыдки красная и чорная въ сундукахъ дивно лопати немецкаго покроя пять крестовъ кавалерскихъ шкатунка полная струны да будетъ воза съ два все ноты по цѣлымъ днямъ игралъ на скрипицахъ человекъ былъ длюкой да видно зналъ, скончается оболочка по праздничному рапортъ приставаю вашему высокоблагородію посылаю наро-

чюва остяка Кебеля прежде его такъ звали по имени, а говоритъ недавно на Тазу назвали Мишкой буду ждуть ожидать Ваше Высокоблагородіе отвѣта похоронить али слѣдство будетъ на щоть нмущества по имению есе замкнуто и замѣчано караульть буду самъ работники скудаются цынгою, весной пойдеть черемша поправують здоровье остяковъ не видно и нетука попался одинъ-одинъ за хлебомъ пришолъ атніосъ жене въ тайгу и детишкамъ а Самъ по моему Приказу побежалъ Кобель на голенищахъ Мишка прямо къ Вашему Высокоблагородію на Тайгаевскъ, а про запасъ лыжи.»

«Урядникъ смотритель Максимъ Сипкинъ.»

«Декабря 1827 года.»

№ 3,

«Убійскій хлебный магазинъ.»

— Получивъ эту замѣчательную бумагу, продолжалъ Пугачевскій, засѣдатель немедленно пригласилъ лекаря и объявилъ ему, что онъ намѣренъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать чрезъ три дня на мѣсто происшествія, для производства формальнаго слѣдствія о скоропостижно-умершемъ *преступникъ*. Но врачъ положительно отказалъ въ требованіи засѣдателю.

— Какъ-же вы смѣете манкировать службою,—вскричалъ тайгаевскій засѣдатель;—у васъ молодая жена и вамъ не хочется ѣхать за полторы тысячи верстъ, для вскрытія тѣла, по важному происшествію, — я это хорошо знаю... Мнѣ самому не хочется туда ѣхать, потому что туда доведется путешествовать на оленяхъ, на собакахъ, а можетъ быть на пѣтухахъ (засѣдатель былъ къ тому же человѣкъ горячій)!...—Но я долженъ, обязанъ туда ѣхать и васъ заставляю...

— Послушайте, почтеннѣйшій господинъ, возразилъ лекарь: умѣрьте вашъ неумѣренный и неумѣстный гнѣвъ! Во первыхъ не вы мой начальникъ и не имѣете совершенно никакихъ правъ говорить мнѣ глупыя дерзости; а во вторыхъ вамъ не безызвѣстны узаконенія, что врачъ тогда только приступаетъ къ судебно-медицинскому осмотру тѣла, когда слѣдователь доставитъ ему предварительныя свѣдѣнія о смерти известнаго субъекта; а кромѣ того, хотя бы вы доставили мнѣ нужныя свѣдѣнія, все-таки я не могу приступитъ къ вскрытію тѣла, потому что теперь ночь, а законъ воспрещаетъ подвергать ночью тѣла судебно-медицинскому осмотру. Когда минетъ трехмѣсячная ночь и проглянетъ день, тогда я къ вашимъ услугамъ...

— Съ этими словами лекарь вышелъ, даже не поклонивши горячему засѣдателю.

Въ концѣ мая мѣсяца засѣдатель и лекарь ушли внизъ по рѣкѣ Золотую на мѣсто происшествія, произвели формальное слѣдствіе о смерти анахорета, тѣла не вскрывали по случаю совершеннаго разложенія трупа, похоронили, нашли семьдесятъ тысячъ рублей асс., въ изорванныхъ бумагахъ, подъ кроватью, помирились и сдѣлались большими друзьями, возвращаясь въ Тайгаевскъ, только вахтеръ убейскаго хлѣбнаго магазина урядникъ Сипкинъ до-сихъ-поръ упрекаетъ жену свою: «дура ты, дура — скорбина! да и я дуракъ!...»

— Прекрасный человекъ Юзефъ Поразиловичъ, сказалъ старый засѣдатель, — ей-богу! Но сколько онъ дѣлаетъ глупостей, сумасбродствъ, шалостей, изъ рукъ вонъ!!.. Когда ты справишься? Вѣдь тебѣ сорокъ лѣтъ скоро....

— А вамъ какое дѣло до меня?—отвѣчалъ, оскорбившись, Пугачевскій. — Послѣ этого я и говорить съ вами не хочу. Прощайте!—Взялъ ружье, охотничью торбу, свиснулъ собаку и пошелъ къ дверямъ.

— Послушай, Юзефъ,—сказалъ страпчій: — не сердись! Вѣдь даже Никита Васильевичъ на тебя не сердится, хотя ты его подстрѣлилъ. Потѣши насъ: расскажи, какъ тебя изъ университета выпустили не кандидатомъ, а только отставнымъ студентомъ? Расскажи о *Ремисъ*.

Пугачевскій плюнулъ и ушелъ, не оглядываясь.

— За что онъ оскорбился?—спросили страпчаго.

— Да вы видите, какъ это было дѣло. Во первыхъ онъ оскорбился на Василья Кузьмича за то, что онъ началъ читать ему мораль, а во вторыхъ на меня за то, что я попросилъ повторить его же рассказъ, почему онъ въ университетѣ не окончилъ курса кандидатомъ философій... — По жизни Пугачевского и по рассказамъ его, объ немъ опредѣлительнаго и положительнаго сказать нельзя, потому что онъ все мѣшаетъ — бѣлое съ чернымъ, правду съ ложью,—даже лжотъ больше, чѣмъ говорить правды. Онъ однажды рассказывалъ мнѣ, что убилъ на дуэли извѣстнаго русскаго поэта, всадилъ ему въ лобъ пулю, въ самый центръ; мать покойника умерла отъ горя на свѣжей могилѣ сына, и теперъ совѣсть не даетъ ему покоя. Пугачевскій, при рассказѣ мнѣ объ этомъ происшествіи, такъ горько плакалъ и рыдалъ, что, ей-богу, я самъ плакалъ... Чѣмъ же это

окончилось? Оказалось, что убитый Пугачевскимъ поэтъ до-сихъ-поръ здоровъ и невредимъ; матушка его тоже благоденствуетъ. О чѣмъ же онъ рыдалъ и зачѣмъ онъ увлекъ меня въ сожалѣніе и довелъ до плача? Спросите его самого объ этомъ—онъ шюнетъ и уйдетъ.

— Въ прошедшемъ году, осенью, погода была теплая, поѣхалъ я одинъ на дрожкахъ верстъ за шесть за Улюкольскъ за тетеревами, оставилъ на горкѣ кучера и лошадь, а самъ спустился въ длинный гѣсистый логъ, и вдругъ слышу громкій голосъ, поющій басомъ:

«Я, какъ пиратъ,
На все злодѣй,
И въ самый адъ
Пойду за ней!...»

— Кто же это поетъ, подумалъ я. Вѣдь такихъ пѣвцовъ въ Усть-Улюкольскѣ нѣтъ, но-крайней-мѣрѣ я не знаю. Подошолъ я потихоньку къ пѣвцу—и вижу изъ за лиственницы, что лежитъ Пугачевскій головою на бугоркѣ крота. Собака его—Мурло — подлѣ него, положила свою толстую красивую морду на его грудь и онъ съ нею разговариваетъ, какъ съ единственнымъ, на этотъ разъ, другомъ и товарищемъ. «Ты добрая собака, моя благородная собака! я тебя очень люблю, люблю тебя за твое усердіе, за твою преданность, за всѣ твои услуги, за тѣ раны, которыя тебѣ нанесъ по моей взбалмашной горячности...» Въ эту минуту Мурло полизалъ руку хозяина. Пугачевскій тѣмъ же тономъ началъ опять: «а что, любезный, для какихъ причинъ третьяго дня вы стащили у хозяина шестнадцать фунтовъ говядины? Зачѣмъ вы это сдѣлали? Зачѣмъ вы это скрыли на сѣновалѣ и почему послѣ этого въ вашемъ желудкѣ всю ночь происходило урчаніе? Объясните-ка эти обстоятельства.» Мурло, поднявъ вверхъ полузакрытые глаза и посмотрѣвъ на лицо хозяина, вновь положилъ свою морду на грудь его, вздохнулъ тяжело, совершенно какъ человѣкъ, произнесъ: о-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо!—«Притѣсняетъ хозяинъ, а обстоятельства заставляютъ иногда воровать въ крайности; надо жить честно и по правдѣ, а хозяинъ васъ не понимаетъ и васъ притѣсняетъ... Служимъ мы хорошо и усердно, но мы недостаточны, бѣдны, голодны. Надо, впрочемъ, удерживать насъ, а въ противномъ случаѣ мы свороемъ больше шестнадцати фунтовъ говядины.» Я захохоталъ во все горло. Пугачевскій вско-

чиль, Мурло и мой Манфредъ бросились другъ на друга съ лаемъ, потомъ обнюхались и стали играть по-дружески.

— Здравствуйте, Николай Николаевичъ! привѣтствовалъ онъ меня и тоже захохоталъ. — Какъ вы меня нашли здѣсь?

— Я васъ не отыскивалъ, отвѣчалъ я;—я пошелъ на охоту, да нечаянно набрелъ на васъ по вашей пѣсни пирата.

— А вы много убили косачей?

— Пары двѣ убилъ.

— А я ничего, потому что у меня нѣтъ ни пороха, ни дроби, ни пистоновъ, ни табаку, ни денегъ, даже нѣтъ водки, кромѣ горя и тоски. Дайте мнѣ хоть одно слово теплаго участія.

— Извольте, съ большою охотою. Что вамъ угодно теперь? Все для васъ слѣлаю, если только найдутся у меня другія матеріальныя средства, кромѣ словъ теплаго участія.

— Я прилежъ подлѣ него. По моему предложенію, онъ взялъ отъ меня дюжину патроновъ, нѣсколько пистоновъ и десятокъ сигаръ, и вдругъ спросилъ:

— У васъ есть водка?

— Есть, только у кучера; онъ тамъ на горкѣ, ожидаетъ меня съ дрогами.

— Пугачевскій сложилъ руки рупоромъ надъ своимъ ртомъ, выпучилъ глаза и началъ ревътъ въ импровизованный рупоръ: гопъ-гопъ! гопъ-гопъ! На этотъ зовъ, извѣстный всѣмъ кучерамъ нашихъ охотниковъ, пріѣхалъ и мой возничій. Пугачевскій выхватилъ у него фляжку съ водкой и разомъ выпилъ половину, больше кваснаго стакана, и закусилъ сухарикомъ.

— Теперь я доволенъ, сказалъ онъ;—благодарю васъ за все.

— Какъ вы такъ поиздержались?—замѣтилъ я ему,—почтмейстеръ говорилъ, что вы, на прошедшей недѣлѣ, получили отъ вашего батюшки 50 руб. сер.

— У меня долговъ много; заплатилъ—и остался совершенно безъ гроша. А жалованье мое какое? — Бездѣлица, якъ Бога кохамъ!

— Скажите, пожалуйста, Юзѣфъ Поразилловичъ, отчего вы иногда говорите и разказываете чисто по-русски, безъ всякихъ ошибокъ, какъ коренной русакъ, а иногда вы выражаетесь какъ полякъ, только-что пріѣхавшій въ Сибирь изъ Кракова?

— Я съ десятилѣтняго возраста живу между русскими, и потому изучилъ русскій языкъ основательно; а когда разгора-

туть, то, по забывчивости, смѣшаю всѣ языки, какіе изучилъ, во время бытности моей въ гимназіи и въ университетѣ.

— Я захохоталъ и Юзефъ Поразалоичъ тоже искренно захохоталъ, и еще при этомъ какъ-то шельмовски моргнулъ правымъ глазомъ; а я безусловно не понялъ рѣшительно никакой причины и повода моргнуть такимъ образомъ, какъ онъ моргнулъ.

— Если бы я окончилъ курсъ въ университетѣ кандидатомъ философіи,—началъ онъ,—давно былъ бы я или профессоромъ или старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій генераль-губернатора.

— Отчего же этого не случилось?

— Гмъ! отчего?... Случилось оттого, что ничего не случилось... Вотъ, послушайте доскональный, истинный случай, который вамъ начну рассказывать.

— Въ университетѣ, гдѣ я учился, когда-то былъ ординарнымъ профессоромъ докторъ философіи фонъ-Каце, почтенный, ученый и уважаемый мужъ, занимавшій кафедрю логики, экспериментальной и нравственной философіи и метафизики, увлекаая многихъ студентовъ хотя туманными, но краснорѣчивыми лекціями. Передъ окончаніемъ курса, студенты, желавшіе получить степень кандидата, обыкновенно, какъ извѣстно, писали диссертациі на выбранныя ими самими темы, представляя оконченныя сочиненія предварительно тому профессору, по кафедрѣ котораго написана диссертациія. Студентъ филологическаго отдѣленія изъ семинаристовъ, по фамиліи Сладкоглагольниковъ 8-й, отчаянный долбилъ, готовившійся на поприще педагогики, написалъ на латинскомъ языкѣ диссертацию по части метафизики: «о чистыхъ и нечистыхъ духахъ и о существованіи душъ до соединенія ихъ съ тѣлами.» Диссертациія заняла 60 листовъ бисерваго студенческаго экономическаго почерка. Замѣьте, что старикъ фонъ-Каце читалъ всѣ представляемыя ему студентами диссертациі съ германскимъ терпѣніемъ и подъ каждою диссертациею, при возвращеніи автору, подписывалъ постоянно на латинскомъ языкѣ, такъ на примѣръ: «Legi D-g von Katze: optime, или: bene, или же: laudo, а иногда просто: male, et cet., et cet., et cet.» Диссертацию Сладкоглагольникова профессоръ держалъ у себя больше трехъ мѣсяцевъ и наконецъ возвратилъ ему съ надписью внизу: «Praelegi: чепуха, et cet., et cet., et cet.: D-g von Katze.»

Сладкоглагольниковъ 8-й бросился на латинскіе лексиконы, сначала попалъ на Ому Розанова, потомъ на Кронеберга, да-дѣе на французскій Олдекопа, на нѣмецкій Рейха, наконецъ побѣждалъ въ разныя частныя бібліотеки и въ публичную, прочиталъ тамъ всѣ словари и лексиконы на букву R, но ничего подобнаго, въ родѣ рениксы, не отыскалъ. Уставшій и бѣгавшій, въ теченіе цѣлой недѣли, по улицамъ громаднаго города, возвратился онъ, въ отчаяніи, въ пятницу на Свѣтлой недѣлѣ домой, т. е. въ университетское зданіе, легъ на свою койку и заплакалъ горько. Время было праздничное, студентовъ никого не было, одинъ только стоялъ, согнувшись въ умывальной, сторожъ, по фамиліи Псковской, курилъ люльку съ тютюномъ и выпускалъ дымъ въ открытую печь, чтобы не замѣтило могущее быть экстреннымъ явленіе инспектора или свирѣпаго субинспектора Виты.

— Послушай! началъ съ гора Сладкоглагольниковъ 8-й, обращаясь къ сторожу Псковскому, — скажи мнѣ по правдѣ, Псковской, знаешь ли ты иностранныя языки, какъ ты всегда этимъ хвастаешься?

— Якъ же не знаю языкивъ, — отвѣчалъ бойко Псковской; — я усѣ языки знаю, усѣ лекціи ваши изучивъ.

— Да гдѣ же ты изучилъ языки?

— А у Нижини. У лицей бувъ сторожемъ бильшь пьяднаццати годовъ: усѣ науки и языки пройшовъ, вотъ оно що!...

— А какъ по-латыни сторожъ?

— Argus, отвѣчалъ смѣло Псковской. У насъ, у лицей, бувъ прохвессоръ, такъ винъ мни и растолковавъ. У того Аргуса було сто очей, а посему казусу переведено сіе вокабуло въ слово сторожъ, сирѣчь человекъ, имѣющій сто рожъ. Ergo: я усѣ науки ушалопивъ; усимъ юристамъ лекціи поправляю, бо дурни, а въ школи и въ гимнази вчилисъ.

— Вѣдь ты малороссъ?

— Эге. Я родився въ Новыхъ Млинахъ. Хвамыля моя буда «Псковецъ», а якъ завербовалы и зробили москалемъ, учалы называты Пськовскимъ, такъ и зостався.

— А знаешь ли ты, — спросилъ робко Сладкоглагольниковъ сторожа, — что такое слово реникса и на какомъ это языкѣ?

— Нима такого слова, рѣшительно отвѣчалъ Псковецъ. Слухай, паничъ: я у лицей бувъ пьяднаццать годовъ, да симъ годовъ теперъ у ниверситети, хожу по колидору да слухаю, що

воны кажутъ тамъ прохвиссоры у каждой аудиторн... Я уси науки пройшовъ.

— Охота тебѣ слушать этаго мазеппу—попугая, сказалъ Пугачевскій, только войдя въ эту минуту на бесѣду Сладкоглагольниковова съ сторожемъ;—вѣдь это хохлацкій млинъ. Онъ меня терпѣть не можетъ.

— А якій же бисъ поправлявъ тоби лекціи, паничу? Хиба не я??

— Мовчи, попугай—мазеппа,—сказалъ Пугачевскій;—съ тебя, дурня, смѣются, а ты воображаешь, что ты ученый мужъ!... На старости лѣтъ ты лучше бы читалъ Библию.

Псковецъ обидѣлся и ушолъ.

— Въ то время у меня, по обыкновенію, не было ни копѣйки, говорилъ Пугачевскій.—Послушай, сказалъ онъ Сладкоглагольникову: мнѣ хочется въ театръ; дай мнѣ въ займы три цѣлковыхъ. У тебя вѣдь есть деньги, ты скряга. Возьми мое колечко, а черезъ недѣлю, или много черезъ двѣ, возвращу тебѣ съ благодарностію. Конечно я бы отдалъ ростовщику подъ закладъ, да опасаясь—пропадетъ, а у тебя оно будетъ цѣло, да притомъ оно стоитъ въ трое дороже 3-хъ руб. сер., дай, пожалуйста!

— Хорошо, сказалъ онъ,—съ удовольствіемъ дамъ, даже поѣду съ тобою въ театръ, но съ тѣмъ условіемъ, если ты переведешь мнѣ порусски слово «реникса.»

— Такого слова, кажется, нѣтъ ни на какомъ языкѣ, отвѣчалъ Пугачевскій;—развѣ по-санскритски? Да спроси Каровая: онъ этотъ языкъ знаетъ лучше профессора и читаетъ наизусть воплощеніе Кришны, Магобарату и Саконталу. Да на какой чортъ тебѣ это слово?—спросилъ Пугачевскій.

— Каце подписалъ это слово подъ мою диссертацию,—отвѣчалъ Сладкоглагольниковъ.

— Что за задача?—подумалъ Пугачевскій.—Покажи подпись! Пугачевскій взглянулъ на конецъ диссертациі, неволью улыбнулся и спросилъ товарища:

— Какъ ты читаешь эту надпись: по-русски или по-латыни?

— Какъ по-русски?.. Каце всегда подписываетъ на латинскомъ языкѣ.

— Всмотрись получше,—говорилъ Пугачевскій;—тутъ просто написано по-русски: «*ченуха*,» а не реникса, какъ ты прочиталъ по латынѣ!... Ну, давай три цѣлковыхъ!

«Сладкоглагольниковъ взялъ колечко, отдалъ Пугачевскому 3

р. с., въ театрѣ съ нимъ не поѣхалъ и сѣлъ писать новую диссертацию, подъ заглавіемъ: «Ученіе объ ангелахъ въ историческомъ смыслѣ,» по кафедрѣ Богословія.

— Что же вы думаете, Николай Николаевичъ, послѣ этого произошло? Ни за что послѣдствій не разгадаете!.. Словомъ сказать, все упало на мою несчастную голову. Передъ самымъ окончательнымъ экзаменомъ распространился слухъ, что будто бы я написалъ Сладкоглагольникову диссертацию, подъ которою профессоръ Каце написалъ «чепуха,» и мнѣ проходу не давали! Со всѣхъ сторонъ сначала шопотомъ, потомъ въ полголоса и наконецъ во всю ивановскую: чепуха! чепуха! чепуха! чепуха идетъ, чепуха сидитъ, чепуха лежитъ, чепуха ѣдетъ, чепуха намѣрена экзаменъ держать!... Все это вывело меня изъ терпѣнія, я оставилъ университетъ, подалъ просьбу на службу въ Сибирь и теперь пятнадцать лѣтъ здѣсь прозябаю...

— Ну, господа, какъ вы думаете: правду ли разсказалъ Пугачевскій, или разсказы его чистый вымыселъ?—заклучилъ страпцій.

— Вреть,—сказалъ старый засѣдатель.

— Вреть,—подтвердили и прочіе въ одинъ голосъ.

Пугачевскій только махнулъ рукой и ушелъ.

И. Шафранецъ—Кацюцевичъ.

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ПОЛЬШИ.

I.

Польское носоольство во Францію.

Настоящій разсказъ нашъ относится къ 1645 году. Въ это время сидѣлъ на польскомъ престолѣ король Владиславъ IV, которому представлялась нѣкогда возможность царствовать на Москвѣ. Королю Владиславу было въ эту пору около пятидесяти лѣтъ. Давно была ему пора жениться, — и онъ, наконецъ, послѣ разныхъ соображеній, рѣшился предложить свою руку принцессѣ Маріи-Людвикѣ Мантуанской, жившей при дворѣ регентши Франціи, Анны Австрійской, матери малолѣтняго короля Людовика XIV.

Сватовство польскаго короля къ принцессѣ началось при посредствѣ ловкаго и расторопнаго ксендза Ронколи, бывшаго польскимъ резидентомъ въ Парижѣ. Когда дѣло о бракѣ было улажено частнымъ образомъ, то Владиславу нужно было попросить формально руки принцессы. Король исполнилъ это черезъ особеннаго посла; а французскій дворъ далъ на предложеніе Владислава свое согласіе. Теперь оставалось только королю отправить въ Парижъ чрезвычайнаго посла, который, какъ представитель королевской особы, долженъ былъ обвѣнчаться въ Парижѣ съ Маріей-Людвикой и привезти ее въ Варшаву.

Въ эту пору, денежныя дѣла короля Владислава, вслѣдствіе войнъ съ Москвою, Швеціей и Турціей, были очень плохи.

Даже самый бракъ короля съ принцессой мантуанской былъ не безъ финансовыхъ расчетовъ съ его стороны. Король зналъ, что, женившись на богатой принцессѣ, онъ могъ легко занять, на счетъ ея приданнаго, до 600,000 злотыхъ, а этимъ займомъ онъ надѣялся кое-какъ поправить свои разстроенныя обстоятельства. Нужно было только Владиславу выбрать такого знатнаго и богатаго польскаго магната, который бы могъ быть достойнымъ представителемъ польскаго короля при пышномъ парижскомъ дворѣ.

Такой выборъ магната для доставки имъ королевской невѣсты изъ Парижа въ Варшаву сильно затруднялъ Владислава IV, — не потому, однако, чтобы въ тогдашней Польшѣ не нашлось такихъ людей, которые, по своему уму и по своему образованію, не могли бы съ честью явиться въ Парижѣ. Это обстоятельство не могло затруднять Владислава, потому что, еще за сто лѣтъ до той поры, сама королева Елисавета отдавала въ Лондонѣ справедливость учености и разуму польскихъ пословъ. Въ настоящемъ случаѣ встрѣчалось затрудненіе совсѣмъ другаго рода.

Въ ту пору значеніе магнатовъ въ Польшѣ было слишкомъ сильно; при малѣйшемъ неудовольствіи, при размолвкѣ съ королемъ изъ за какой-нибудь бездѣлицы, они прекращали съ нимъ сношенія и тогда трудновато было королю сойтись съ своимъ недругомъ. Между тѣмъ Владиславъ IV былъ въ постоянномъ раздорѣ съ большей частью магнатовъ. Тѣ изъ нихъ, которые были близки къ нему и которые, по своему имени и образованію, могли бы явиться достойными его представителями въ Парижѣ, не были такъ богаты, чтобы могли показаться въ столицѣ Франціи съ подобающимъ блескомъ и съ ослѣпительнымъ великолѣпіемъ, какъ этого требовала важная цѣль посольства. Король же, какъ мы сказали, находился самъ въ затруднительномъ положеніи по денежной части до такой степени, что иногда и на дворцовой кухнѣ оказывался недостатокъ въ състныхъ припасахъ. Вслѣдствіе этого, Владиславъ не могъ дать отъ себя своему представителю огромныхъ денежныхъ средствъ, которыя, однако, были необходимы въ настоящемъ случаѣ.

Не оставалось Владиславу ничего болѣе, какъ сблизиться съ кѣмъ нибудь изъ магнатовъ; и выборъ короля, послѣ долгихъ колебаній, палъ наконецъ на воеводу познанскаго, Криштофа Опалинскаго, считавшагося въ то время однимъ изъ первыхъ богачей во всей Польшѣ. Остановившись въ своемъ выборѣ на

панъ Криштофъ, король не былъ однако вполне увѣренъ въ успѣхъ. Богатый воевода, хотя и жилъ чрезвычайно роскошно, но, къ прискорбію короля, былъ крѣпокъ на деньгѹ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а между тѣмъ предлагаемая Опалинскому честь—привезти въ Польшу королеву—могла разстроить все его состояніе, какъ бы громадно оно ни было.

Король рѣшился, однако, попытать счастья и вступить въ переговоры съ Опалинскимъ.

Въ это время была не занята важная должность короннаго маршала; Владиславъ предложилъ эту должность Опалинскому съ тѣмъ, чтобы онъ съѣздилъ на свой счетъ въ Парижъ и привезъ оттуда ему невѣсту; и, кромѣ того, въ общихъ словахъ пообщалъ ему весьма почетное званіе маршала при будущей королевѣ. Дѣлая такое лестное предложеніе пану Криштофу, король не могъ, впрочемъ, надѣяться, что дѣло между нимъ и негодатавнымъ Опалинскимъ кончится безъ новыхъ затрудненій. Въ ту пору случалось очень часто, что магнаты, получая королевское предложеніе — занять какую нибудь высокую должность, принимали ее не иначе, какъ постановивъ съ своей стороны какія либо особыя условія. У Владислава былъ еще въ свѣжей памяти тотъ обидный для него случай, какъ онъ, не долго передъ этимъ предложилъ воеводѣ познанскому Станиславу Любомірскому, званіе краковского каштеляна и какъ тотъ соглашался принять эту первую свѣтскую должность во всемъ королевствѣ, съ тѣмъ только уговоромъ, чтобы младшему его сыну было пожаловано богатое стардство краковское. Король не могъ этого сдѣлать, такъ какъ подобная отдача была бы противна опредѣленіямъ сейма, но Любомірскій настаивалъ на своемъ и дѣло кончилось тѣмъ, что слишкомъ требовательный воевода отказался отъ высокаго сана, предложеннаго ему королемъ.

Владиславъ опасался, что и панъ Криштофъ, въ добавокъ къ сдѣланнымъ ему предложеніямъ со стороны короля, присоединитъ еще свои собственныя условія.

У Опалинскаго была, однако, слабость ко двору. Владиславъ воспользовался этимъ; онъ исподволь повелъ съ нимъ дѣло черезъ людей постороннихъ, обѣщая пану Криштофу, кромѣ двухъ маршалствъ, еще богатые стардства. Воевода не устоялъ, и, поддавшись этимъ искушеніямъ, рѣшился поѣхать въ Парижъ за королевской невѣстой.

Опалинскій сталъ готовится къ отъѣзду.

Надобно замѣтить, что панъ Криштофъ отправлялся въ край уже хорошо знакомый полякамъ. Еще Марія-Людвина не сидѣла на польскомъ престолѣ, а ужъ поляки превосходно знали Францію, ея языкъ, ея нравы и обычаи. Большую часть польскіе вельможи того времени проводили свою молодость въ Парижѣ и не рѣдко даже служили при французскомъ дворѣ. Такъ, тогдашній великій гетманъ Потоцкій былъ въ юности накомъ Генриха IV, а великій канцлеръ литовскій Альбертъ Радзивилъ пользовался въ своей юности особенной благосклонностью короля Людовика XIII. Бывшій же въ то время краковскимъ воеводой Якубъ Собѣсскій всю свою молодость провелъ въ Парижѣ и туда же отправилъ своихъ молодыхъ сыновей.

Впрочемъ не одни только свѣтскіе сановники, но даже и высшія духовныя лица были хорошо знакомы съ Франціей, а въ числѣ ихъ былъ и архіепископъ гнѣзненскій Станиславъ Лещинскій, принасъ королевства.

Вообще же въ Парижѣ было въ то время много поляковъ, которые не только что ловко служили при королевскомъ дворѣ въ вышнихъ залахъ, но и храбро сражались подъ французскими знаменами, желая своими военными подвигами или составить себѣ громкое имя, или поддержать боевую знаменитость своихъ предковъ.

Опалинскій былъ назначенъ главнымъ посломъ, такъ какъ онъ былъ представителемъ короля. Другими же послами, отправившимися вмѣстѣ съ нимъ, были его близкіе родственники: воевода поморскій Денгофъ и епископъ варминскій Вацлавъ Лещинскій. Изъ нихъ первый долженъ былъ подписать въ Парижѣ брачный контрактъ между Владиславомъ и Маріей-Людвикой, уже подписанный въ Варшавѣ самимъ Владиславомъ и французскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ.

Въ началѣ сентября 1645 года, Денгофъ отправился моремъ во Францію изъ Данцига, а въ концѣ сентября того же года выѣхали изъ Варшавы въ Парижъ воевода познанскій и епископъ варминскій. Тщеславность и огромныя богатства Опалинскаго ручались за то, что онъ, взявшись быть въ Парижѣ представителемъ короля, исполнить это съ той пышностію, которая поразить французовъ. Нельзя было сомнѣваться, что панъ Криштофъ, жившій у себя въ Сѣраковѣ съ большимъ великолѣпіемъ, еще великолѣпнѣе покажетъ себя на чужой сторонѣ.

Дѣйствительно, Опалинскій отправлялся во Францію не только забравъ всѣхъ шляхтичей, служившихъ у него въ Сѣраковѣ, а также и своихъ ближайшихъ родственниковъ, но и увеличивъ свою свиту множествомъ наемныхъ слугъ. Кромѣ того, воевода взялъ собою три хоругви, т. е. три отряда—два пѣшихъ и одинъ конный. Съ воеводой поѣхали въ Парижъ: маршалокъ его двора, два конюшихъ, медикъ, родомъ нѣмецъ, секретарь, баронъ Вольцогенъ, духовникъ и ученый монахъ бернардинскаго ордена. Кромѣ того, за каждымъ изъ родственниковъ воеводы познанскаго ѣхала собственная ихъ, тоже огромная, прислуга. Посольство сопровождалось множествомъ коней, повозокъ и колымагъ. Изъ всего этого составилаь такая громадная ватага, что посольство, при выѣздѣ изъ Варшавы, должно было раздѣлиться на двѣ части и отправиться въ Парижъ разными дорогами для того, чтобъ избѣгать тѣсноты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно было посламъ останавливаться для отдыха.

Въ числѣ коней, слѣдовавшихъ за послами, было много превосходныхъ турецкихъ лошадей, копыта которыхъ въ день выѣзда пословъ въ Парижъ, должны были быть украшены серебрянными и золотыми подковами. Множество великолѣпныхъ колымагъ, обитыхъ золотомъ, бархатомъ и шолковыми матеріями, и взятыхъ послами въ Парижъ, отличались такимъ богатствомъ отдѣлки, что даже самые роскошные экипажи тогдашняго французскаго двора должны были показаться, въ сравненіи съ посольскими колымагами, не болѣе какъ только простыми повозками. Трудно было перечислить золотую и серебрянную посуду, которую везли съ собой во Францію польскій воевода и польскій епископъ, не говоря уже о множествѣ драгоценныхъ камней, рѣдкихъ мѣховъ и богатыхъ шолковыхъ матерій, забранныхъ ими изъ Варшавы.

Для болѣшей пышности и сообразно съ обычаями того края, въ который ѣхало польское посольство, члены его украсили себя почетными дворянскими титулами, взятыми ими только на время. Извѣстно, что конституція 1638 года не позволяла польской шляхтѣ, для поддержанія среди ея равенства, носить на родинѣ графскіе или княжескіе титулы; но однако, при поѣздкѣ за границу дѣло было совсѣмъ другое. Каждый шляхтичъ могъ величать себя какъ ему было угодно. При настоящей же поѣздкѣ, воевода Денгофъ титуловался княземъ, епископъ Лещинскій и два члена посольства — титуловались графами. Наконецъ

даже самъ Опалинскій, этотъ ревнитель шляхетскаго равенства и преслѣдователь пустыхъ титуловъ, не отказался назваться на этотъ разъ, графомъ Бнинскимъ.

Въ то время когда восвода Денгофъ ѣхалъ моремъ около береговъ Даніи, Опалинскій, съ огромнымъ обозомъ, медленно тянулся во Францію сухимъ путемъ, черезъ Германію, удивляя нѣмцевъ своимъ поѣздомъ. Спустя мѣсяць послѣ выѣзда Опалинскаго изъ Варшавы, обѣ части посольства съѣхались въ Любекъ и отсюда оба польскіе посла, черезъ Голландію, во второй половинѣ октября, пріѣхали въ Парижъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ узнали они, что дворъ еще не переѣхалъ на зимнее житье въ столицу и что, по этому, они могутъ дать нѣсколько отдыха и людямъ и конямъ для того, чтобы вѣехать въ Парижъ во всемъ блескѣ.

Торжественный вѣездъ польскихъ пословъ былъ назначенъ на 29-е октября.

По расскажемъ французскихъ мемуаровъ того времени, случай этотъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ событій, совершившихся въ тогдашнемъ Парижѣ. Для того, чтобъ дать французамъ посмотреть хорошенько такую небывалую диковишку, пословъ просили вѣехать въ Парижъ въ воскресенье и при томъ около полудня. Опалинскій охотно принялъ это предложеніе и въ назначенный день потянулся по улицамъ Парижа его длинный поѣздъ. И хозяева и гости старались въ этотъ день превзойти другъ друга щегольствомъ и пышностію, но въ настоящемъ случаѣ и французы и поляки поразили другъ друга рѣзкою противоположностію своихъ вкусовъ. Поляки до такой степени изумили своимъ богатствомъ и своею тяжелой восточною роскошью, что тогдашніе французскіе ученые пустились въ серьезныя розысканія о томъ, не происходятъ ли пріѣхавшіе къ нимъ издалека гости отъ мидянъ и древнихъ персовъ, которые оставили въ исторіи память о своихъ диковинныхъ, почти баснословныхъ богатствахъ. Съ свою очередь, поляки, напротивъ, дивились бѣдности французовъ. Въ глазахъ поляковъ, привыкшихъ ко множеству драгоценныхъ камней, къ массивнымъ серебрянымъ и золотымъ издѣліямъ, всѣ принадлежности щегольскихъ французскихъ нарядовъ: банты, ленты, шитье, перья и кружева, которыми такъ тщеславились французы, казались никуда негодными тряпками. Спутники Опалинскаго даже диви-

лись между собою тому, какъ можно было выставять напоказъ такія бездѣлушки, передъ иностранными гостями.

Поляки вѣхали въ Парижъ черезъ предместье св. Антонія. Здѣсь, во дворцѣ Рамбульс ожидалъ ихъ герцогъ д'Эльбѣфъ съ двѣнадцатью придворными чиновниками. Здѣсь Опалинскій установилъ въ порядокъ свой поѣздъ, который, подъ предводительствомъ французскаго церемоніймейстера и двинулся въ самый Парижъ.

Шестіе открывалось пѣшей хоругвью воеводы познанскаго. Передъ ней, на превосходномъ конѣ чистокровной турецкой породы, ѣхалъ начальникъ воеводской хоругви, въ желтомъ атласномъ жупанѣ, въ пунцовой шолковой фериэи, подшитой дорожки соболями. Соболя шапка ротмистра съ золотой тульей была украшена дорогой пряжкой изъ рубина и бѣлыми страусовыми перьями; ножны его сабли были густо усажены бирюзой. Сѣдло и чапракъ были вышиты золотомъ, а стремяна и вся отдѣлка сбруи были серебрянныя. За хоругвью шли 30 человекъ пѣхоты въ жупанахъ изъ краснаго сукна и въ такихъ же плащахъ, у каждаго пѣхотинца было на плащѣ по осми большихъ серебряныхъ пуговицъ; серебрянныя ножи, сѣкиры и мушкеты на плечѣ составляли вооруженіе этого отряда.

Было бы слишкомъ долго описывать въ подробности всю пестроту и все великолѣпіе посольскаго поѣзда, который перемежался съ отрядами конной французской академіи. Атласные и бархатные жупаны и фериэи всевозможныхъ цвѣтовъ—бѣлыя, желтыя, красныя, фіолетовыя, литые золотые и серебрянныя поясы, сабли съ отлично-вычеканенными рукоятками, и съ ножнами, осыпанными бирюзой и множествомъ драгоценныхъ камней, брилліантовыя пряжки на дорогихъ соболевыхъ шапкахъ и золотая сбруя безостановочно въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мелькали въ глазахъ удивленныхъ французовъ.

Особенно поразила парижанъ ближайшая прислуга воеводы познанскаго. Она состояла изъ двадцати-четырехъ человекъ, ѣхавшихъ на отличныхъ арабскихъ и турецкихъ коняхъ. Каждый изъ всадниковъ, одѣтый въ богатый нарядъ, имѣлъ за спиной лукъ и колчанъ, наполненный стрѣлами. Въ поѣздѣ участвовали также шесть герольдовъ или трубачей, они были одѣты въ гербовые цвѣта рода Опалинскихъ и съ гербами этой фамиліи, вышитыми серебромъ и золотомъ. За герольдами два конюха вели подъ узцы бѣлаго турецкаго коня, на которомъ ѣз-

диль иногда самъ воевода. Сѣдло и чапракъ на этомъ конѣ были отдѣланы золотомъ и множествомъ бирюзы; вся сбруя была изъ чистаго золота; на лбу у коня сверкала большая рубиновая бляха, а широкая сбруя имѣла столько золотыхъ кистей и золотой бахрамы, что весь конь Опалинскаго, казалось, былъ покрытъ золотой попоной, унизанной драгоцѣнными камнями. Подковы коня были золотыя.

Богатство поѣзда увеличивалось однако все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ приближались послы. Наконецъ показался и самъ Опалинскій, какъ будто весь, съ головы до ногъ, залитый въ золото и обсаженный драгоцѣнными камнями. У коня, на которомъ ѣхалъ теперь Опалинскій, даже вся сбруя была отдѣлана брилліантами. Конь этотъ былъ приученъ къ тому, чтобы стать на колѣни при появленіи королевской фамиліи.

Съ жадными любопытствомъ зѣвала толпа на всѣ рябившія въ ея глазахъ богатства; что же касается собственно парижанокъ, то онѣ засмотрѣлись не только на посольскій поѣздъ, но и на самого посла. Опалинскому было въ это время съ небольшимъ тридцать-пять лѣтъ. Его важная осанка и лихая посадка на конѣ, пріятный взглядъ его большихъ черныхъ глазъ, выразительныя черты и свѣжесть его лица, а также длинная, густая борода воеводы чрезвычайно понравились французенкамъ. За послами нескончаемой вереницей тянулись кареты и ѣхали французскіе и нольскіе всадники. Поѣздъ замыкался длиннымъ рядомъ возовъ съ вещами, принадлежавшими посламъ. Чтобы понять какъ огроменъ былъ весь этотъ поѣздъ, надобно замѣтить, что хотя онъ вступилъ въ Парижъ въ самый полдень, но тянулся однако до самыхъ позднихъ сумерекъ, такъ что когда послы проѣзжали около королевскаго дворца, на балконѣ котораго сидѣлъ осмилѣтній Людовикъ съ своей матерью, то уже почти ничего не было видно.

Въ Парижѣ для жительства посламъ былъ отведенъ вандомскій дворецъ, владѣтели котораго были въ ту пору изгнанниками. Первая аудіенція была назначена Опалинскому на другой день, т. е., 31 октября. Она происходила съ чрезвычайной пышностью и здѣсь поляки изумили французовъ богатствомъ своихъ нарядовъ.

Миновавъ длинный рядъ великолѣпно-убранныхъ покоевъ, они вошли въ аудіенцъ-залу. Здѣсь король и королева были окружены множествомъ придворныхъ кавалеровъ и дамъ, которыя въ своихъ пестрыхъ и яркихъ нарядахъ казались полякамъ жи-

иши прѣтани и изъ которыхъ приглянулись имъ очень многія. Людовикъ XIV и его мать, сдѣлавъ одинъ шагъ на встрѣчу посланъ, благосклонно выслушали краткія рѣчи, произнесенныя епископомъ и воеводою, и приняли отъ нихъ вѣрительныя грамоты, присланныя Владиславомъ IV. Послѣ этого, королю и королевѣ были представлены знатные польскіе шляхтичи, сопровождавшіе пословъ на аудіенцію.

По окончаніи аудіенціи, послы отправились въ неверскій дворецъ, къ королевской невѣстѣ. Окруженная множествомъ принцевъ и принцессъ Бурбонскаго дома, Марія-Людвика чрезвычайно вѣжливо встрѣтила пословъ у самыхъ дверей залы. Оваллинскій подалъ ей письмо короля Владислава, а епископъ варминскій поднесъ ей, отъ имени жениха, брилліантовый крестикъ, на которомъ было между прочимъ шесть камней невѣроятной стоимости. Принявъ этотъ подарокъ, принцесса поручила стоявшему подлѣ нея епископу оранскому поблагодарить пословъ и съ большимъ вниманіемъ выслушала ихъ дальнѣйшія привѣтствія.

Марія-Людвика была въ это время уже не первой молодости, ей было слишкомъ 33 года, но издавна распространиваясь въ Польшѣ молва объ ея рѣдкой красотѣ оправдывалась еще и доселѣ. Принцесса отличалась также кротостью характера, набожностью и благоразуміемъ.

Откланившись принцессѣ, послы удалились въ вандомскій дворецъ, а въ воскресенье, 5-го ноября, была назначена свадьба. При этомъ случаѣ, нужно было представителю Владислава IV показать окончательно весь блескъ своего огромнаго богатства: Оваллинскій съ большимъ удовольствіемъ готовился исполнить это, но, къ крайнему его огорченію, брачный обрядъ долженъ былъ совершиться не съ той пышностью, которую онъ ожидалъ встрѣтить при этомъ торжествѣ. Свадьба будущей королевы польской была назначена не въ соборной церкви и не въ присутствіи всего французскаго двора, какъ предполагалъ посоль, но въ небольшой дворцовой капеллѣ, и при томъ только въ присутствіи самыхъ близкихъ родственниковъ королевской фамиліи. Панъ Криштофъ, раздосадованный и обиженный этимъ распоряженіемъ, требовалъ, чтобы бракъ будущей королевы польской былъ совершенъ въ Парижѣ съ подобающимъ великолѣпіемъ. Королева Анна уклонялась отъ этого настойчиво, приводя между прочимъ, какъ причину неизбежнаго отказа, то обстоятельство, что въ случаѣ торжественнаго бракосочетанія Маріи-Людвики

въ присутствіи всего двора, между принцами и принцессами королевскаго дома непремѣнно возникнетъ споръ за первенство и что это дѣло не такъ легко будетъ уладить, какъ кажется со стороны. Королева-правительница находила по этому нужнымъ—не допускать на свадьбѣ Маріи-Людвики присутствія всѣхъ принцевъ и принцессъ королевской крови, а при этомъ условіи уже никакъ нельзя было совершить брачный обрядъ въ соборной церкви и при томъ съ тою пышностью, которой такъ неотступно домогался подставной женихъ.

Говорятъ, впрочемъ, что правительница, отказывая королеву польской въ торжественномъ бракосочетаніи, думала не о спорахъ принцевъ и принцессъ за первенство, но совсѣмъ другое. Она хотѣла лишить супругу Владислава IV особеннаго почета по инымъ причинамъ. Королева Анна была принцесса австрійскаго дома и ей было чрезвычайно несприятно, что король польскій родился теперь, посредствомъ своего брака съ принцессой мانتуанской, не съ ея домою, а съ домою Бурбоновъ, несприятельнымъ въ ту пору Австріи.

Медочная, женская придирчивость королевы Анны къ супругу Владислава дошла даже до того, что она не позволила невѣстѣ надѣть, во время свадьбы, королевскую мантию, между тѣмъ какъ самое платье принцессы было шито такъ, что безъ мантии оно должно было казаться чрезвычайно некрасивымъ по своему покрою. Невѣста видѣла необходимость покориться волѣ правительницы. Вслѣдствіе всего этого, на свадьбу будущей королевы польской, собралось въ дворцовую капеллу, вмѣстѣ съ польскимъ посольствомъ, не болѣе двухъ-сотъ человекъ. Вся пышность, весь блескъ, которыми Опалинскій хотѣлъ при этомъ случаѣ поразить французовъ, были почти напрасны: для малаго числа свадебныхъ гостей, и при томъ составленнаго большей частью изъ своихъ же земляковъ, казалось пану Криштофу неумѣстнымъ выказывать все свое богатство и нести столько издержекъ, сколько понесъ ихъ обманувшійся воевода.

Епископъ варминскій служилъ обѣдню, послѣ которой совершилось бракосочетаніе. Воевода познанскій, въ кунтупѣ изъ серебрянной парчи, отороченномъ дорогими соболями, заступалъ мѣсто короля около невѣсты, одѣтой въ бѣло-серебристое глазетовое платье. Послѣ брачнаго обряда, епископъ надѣлъ на Марію-Людику королевскую корону, а правительница повела молодую за руку въ залу, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный

столь. Во время обѣда, Опалинскій, какъ представитель короля, сидѣлъ рядомъ съ Маріей-Людвикою.

Бракъ припесѣы мантуанской сопровождался въ Парижѣ балами. Вотъ какъ между прочимъ говорить о нихъ записка одной очевидицы.

«Сегодня было при дворѣ большое угощенье, на которомъ было все, что только можно достать изъ разныхъ краевъ въ настоящую пору года. Королева польская послала воеводѣ Опалинскому серебряный подносъ, наложенный обсахаренными помаранцами, лимонами и конфектами. Она умѣла это сдѣлать съ особенною прелестью; я сидѣла по обязанности посла, — продолжаетъ г-жа Мотвилъ, — и могла замѣтить съ какой важностію и съ какою равнодушіемъ смотрѣлъ онъ и на все наше общество и на все наше великолѣпіе».

По окончаніи пировъ, Марія-Людвика отправилась въ Польшу. Бывшая тогда война въ Голландіи, распространившаяся и по побережью Балтійскаго моря, заставила польскую королеву дѣлать большіе объѣзды съ прямой дороги. Въ продолженіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, пробиралась она въ Варшаву среди мятежей и снѣговъ, необыкновенно изобильныхъ въ ту зиму. Только 9 марта королева вѣхала въ свою столицу. Увеличеніе и безъ того уже огромнаго польскаго посольства, значительною свитою королевы чрезвычайно затрудняло всѣхъ ѣхавшихъ. Съ королевой было отправлено изъ Парижа чрезвычайное посольство, главой котораго была жена маршала де-Гебриана. Во всѣхъ городахъ и во всѣхъ мѣстечкахъ, черезъ которыя проѣзжала королева польская, ее встрѣчали пріветственными рѣчами, музыкой, пальбой изъ пушекъ, а иногда подносили ей даже и ключи отъ городскихъ или крѣпостныхъ воротъ. Всѣ эти встрѣчи и празднества еще болѣе замедляли и разстроивали обратное путешествіе поляковъ изъ Франціи на родину. Нерѣдко королевѣ приходилось останавливаться на ночлегъ въ тѣсной и сырой кельѣ какого нибудь убогаго монастыря, а воеводѣ познанскому, епископамъ и другимъ членамъ посольства приходилось искать убѣжища въ какой нибудь придорожной хаткѣ. Здѣсь пышный воевода, въ ужасной тѣсотѣ, преспокойно раскладывался съ своими товарищами на солому и спалъ богатырскимъ сномъ.

Въ Гамбургѣ встрѣтилъ Марію-Людвику королевскій дворянинъ, посланный съ письмомъ отъ Владислава, который

коился о своей женѣ. Не получая долгое время отъ своихъ по-словъ никакихъ извѣстій, король не только не зналъ гдѣ находится его невѣста, но ему не было даже извѣстно выѣхала ли она изъ предѣловъ Франціи; а между тѣмъ Маріи-Людвикѣ нужно было поспѣшить своимъ пріѣздомъ въ Варшаву, такъ какъ, если бы она не пріѣхала туда до 14 февраля т. е. до заговѣнія, то приходилось бы отложить совершеніе втораго ея брака съ королемъ до конца великаго поста или нужно было просить у папы особаго разрѣшенія на совершеніе брака въ постное время. Очевидно было однако, что, при всемъ стараніи королевскаго дворянина ускорить поѣздъ Маріи-Людвикки, она, по краткости остававшася времени, никакъ не могла поспѣть даже къ самому крайнему сроку, такъ-что самая удачная поѣздка должна была кончиться тѣмъ, что королева успѣла бы пріѣхать передъ заговѣніемъ только въ Данцигъ. Владиславъ сообразилъ это и потому захотѣлъ съѣхаться съ Маріей-Людвикой въ этомъ городѣ, чтобы тамъ самому обвиняться съ нею; но внезапные приступы жестокой подагры остановили короля на полдорогѣ отъ Варшавы къ Данцигу. Съ досадою король вернулся въ свою столицу, сердясь на Опалинскаго за медленный привозъ королевсы.

Вернувшись въ Варшаву, король послалъ къ своей невѣстѣ посла съ разными подарками, но здѣсь вышло обстоятельство, сильно огорчившее королеву. Королевскій гонецъ везъ съ собою множество шубъ, шубокъ, мѣховыхъ кофточекъ, муфъ и теплыхъ шапочекъ. Присылка такихъ вещей королемъ Маріи-Людвикѣ, въ зимнюю стужу, явно показывала ей какъ заботился Владиславъ о своей будущей супругѣ. Съ большой признательностію приняла королева эти подарки; особенно ей понравилась пунцовая бархатная шубка съ золотыми пуговками, подбитая горностасомъ. Едва только королева надѣла на себя шубку, какъ на одномъ изъ ея рукавовъ оказался маленькій билетикъ съ надписью, сдѣланной рукою Владислава—«для лани Экенбергъ». Королева не безъ изумленія обвела глазами окружавшихъ ея дамъ и кавалеровъ и сняла съ себя шубку. Вскорѣ злые языки подсказали королевѣ, что та, для которой была назначена эта шубка, была и моложе и пригожѣе королевы и что ей уже принадлежало сердце Владислава.

Открытіе этой оскорбительной тайны сопровождалось слезами и рыданіями Маріи-Людвикки. Король, узнавъ объ этомъ проис-

шестин, еще болѣе разсердился на пана Криштофа. По мнѣнію короля, подставной супругъ королевы былъ чрезвычайно виновать въ томъ, что онъ не сумѣлъ скрыть грѣшки ея настоящего мужа. Такое возрѣніе Владислава на обязанность воеводы познанскаго вскорѣ подготовило послѣднему самую жестокую обиду, а обида эта отозвалась впоследствии даже и въ дѣлахъ государственныхъ.

Не зная ничего о гнѣвѣ Владислава, Опалинскій продолжалъ ѣхать въ Варшаву, лаская себя пріятными надеждами на получение двухъ маршалствъ и богатыхъ староствъ. Вскорѣ, однако, панъ Криштофъ разочаровался въ своихъ розовыхъ мечтахъ.

На границѣ владѣній курфюрста бранденбургскаго, тогдашняго вассала Польши, встрѣтила Марію-Людвигу торжественная депутація. Съ изумленіемъ увидѣлъ воевода познанскій, что во главѣ этой депутаціи находится, съ маршалскимъ жезломъ въ рукѣ, воевода поморскій Денгофъ, бывшій его товарищъ по посольству въ Парижъ и успѣвшій вражде Опалинскаго пріѣхать въ Варшаву. Явившись передъ королевой, Денгофъ подалъ ей своей маршалскій жезлъ, украшенный брилліантами, и сказалъ королевѣ, что хотя званіе маршала ея двора и пожаловано ему королемъ, но что онъ почелъ бы себя еще болѣе счастливымъ, если бы ея величеству угодно было изъ собственныхъ рукъ передать ему знакъ маршалскаго сана.

Цобагровѣлъ отъ гнѣва Опалинскій; у него захватило духъ въ ту минуту, когда королева, не знаящая обѣщаній, сдѣланныхъ Владиславомъ Опалинскому, съ благосклонной улыбкой, передала маршалскій жезлъ его счастливому сопернику. Ясно было пану Криштофу, что теперь и всѣ прочія обѣщанія короля были нивего болѣе, какъ только пустою приманкой.

Съ большою неохотой провожалъ теперь воевода познанскій свою временную супругу и очень былъ радъ, когда въ Давнигѣ, на сѣбну ему, подѣхалъ братъ Владислава, Кароль. Воевода отъѣхалъ теперь на время въ свое близъ лежавшее имѣніе и только подъ самой Варшавой присоединился снова къ поѣзду королевы.

Владиславъ успѣлъ между тѣмъ получить разрѣшеніе св. отца на совершеніе брака въ теченіе моста, и потому, 11 марта, въ костелѣ св. Яна, папскій нунцій обвѣчалъ короля съ Маріей-Людвигой. До слуганя моста, не было никакихъ празднествъ.

Въ благодарность же за посольство въ Парижъ, король по-

жаловалъ Опалинскому богатое ковельское помѣстье, въ воеводствѣ вольнскомъ, и оставилъ за нимъ старѣе, принадлежавшее его отцу, и такимъ образомъ щедро вознаградилъ издержки, воесенныя Опалинскимъ во время его посольства. Но не такой награды желалъ воевода познанскій, богатый самъ по себѣ и безъ королевскихъ даровъ. Онъ не могъ простить королю отдачу маршальскаго жезла Денгофу. Оскорбленный магнатъ удалился отъ двора въ свои родовыя помѣстья и поклялся въ душѣ отомстить неблагодарному Владиславу при первомъ удобномъ случаѣ. Опалинскій исполнилъ свою клятву.

II.

Нитка жемчуга.

Еще въ началѣ выпѣшняго столѣтїя, въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Галиціи, стояли темно-красныя стѣны Бѣлокамскаго замка, но обвалившіяся башни и груды кирпичей въ разныхъ мѣстахъ предвѣщали скорое обращеніе этого замка въ совершенныя развалины. Заглохнїй садъ, изъ густыхъ вѣковыхъ липъ и высокихъ каштановъ, окружалъ замокъ на большомъ пространствѣ. Въ этомъ саду видѣлись еще слѣды вѣточныхъ клумбъ, расположенныхъ въ видѣ гербовъ и именныхъ шифръ прежнихъ обладателей опустѣлаго замка. Въ ту пору казалось, что сада не расчищали, а строенїи не поправляли со времени перваго ихъ владѣльца.

Въ одномъ изъ нижнихъ этажей оставленнаго всѣми замка было небольшое окно съ желѣзной рѣшоткой и съ вывалившеюся рамою. Изъ этого окна вѣяло могильною сыростью, а въ той обширной, со сводами, комнатѣ, которую оно такъ слабо освѣщало, совершилось нѣкогда страшное, кровавое мщеніе.

Лѣтъ за сто назадъ до настоящаго времени Бѣлокамскій замокъ принадлежалъ князьямъ Радзивилламъ. Въ немъ жила въ ту пору жена Кароля Радзивилла, извѣстнаго во всей Литвѣ и Польнѣ подъ именемъ «Раніе кошанки». Молодая и красивая собой княгиня была отрасль одного знатнаго, гетманскаго рода: и отецъ и дѣдъ ея были великими гетманами.

Вышедшая неохотно замужъ за Радзивилла, княгиня вѣтренно проводила свою жизнь и тѣмъ самымъ представляла исключе-

не между польскими дамами того времени, которые обыкновенно были добрыми хозяйками, вѣрными женами и заботливо берегли и состояние и честь своихъ мужей. Княгиня же, напротивъ, безъ устаня веселилась въ Варшавѣ при дворѣ Понятовскаго, въ то время, когда мужъ ея, отъявленный противникъ офранцузеннаго короля, разѣзжалъ по любимой имъ Литвѣ, готовя тамъ недруговъ Станиславу-Августу. Еще болѣе закружилась легкая головка княгини, когда «*Ranie Kochanki*», преслѣдуемый королемъ, долженъ былъ уѣхать за границу и скитаться тамъ, какъ изгнанникъ. Княгиня нисколько не жалѣла своего мужа; и когда онъ употреблялъ за границей всѣ свои усилія, для того чтобъ спасти родину отъ вліянія сосѣдей, и готовилъ императрицѣ Екатеринѣ соперницу въ извѣстной княжнѣ Таракановой,—княгиня была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ главнѣйшымъ врагомъ своего мужа—съ королемъ, и, какъ говорила молва, передавала даже обворожительному для женщинъ Понятовскому всѣ письма, получаемыя ею отъ князя; въ которыхъ добродушный «*Ranie Kochanki*» сообщалъ жепѣ всѣ свои замыслы, не подозревая ея измѣны.

Наконецъ изгнаніе князя прекратилось и онъ вернулся въ родину Литву. Князь поселился въ любимомъ имъ Несвижѣ, а княгиня между тѣмъ жила въ Бѣлокамскомъ замкѣ и ѣздила веселиться въ Варшаву. Вскорѣ дошли до Радзивилла положительные слухи о томъ, какъ проводила время его жена и онъ отправилъ къ ней одного изъ служившихъ при немъ шляхтичей.

Женщина теперь въ развалинахъ стѣны Бѣлокамскаго замка были въ ту пору вѣными свидѣтелями волокитствъ и исканій около молодой и хорошенькой женщины, жившей въ разладѣ съ своимъ мужемъ. Онѣ были также свидѣтелями и ея бѣтренности и ея шалостей и ея непостоянства. Въ ту пору легко было подслушать въ замкѣ и звонкіе поцалуи, и страстный шопотъ, и сдержанные вздохи и веселый смѣхъ беззаботной грѣшницы. Можно было подсмотрѣть въ ту пору въ Бѣлокамскомъ замкѣ и сущеніе волокитъ, оставшихся ни при чемъ, и торжество счастливецъ, успѣвавшихъ овладѣть сердцемъ красавицы. Толпа отборной варшавской молодежи постоянно то вздыхала, то смѣялась около обворожительной вѣтренности. Нерѣдко въ замкѣ бывали роскошныя пиршества, при громкихъ звукахъ княжеской музыки. На эти пиршества съѣзжалось къ княгинѣ столько гостей, что они зашивали не только обширный замокъ, дѣлавшій-

ся тѣснымъ при такихъ наѣздахъ сосѣдей, но и съ трудомъ разбѣжались во всѣхъ окрестныхъ избахъ и лачужкахъ.

Въ концѣ одного изъ такихъ пировъ, всталъ неожиданно въ Бѣлокамскій замокъ шляхтичъ Чешейно, посланный княземъ къ княгинѣ. Всѣ дороги, шедшія отъ замка, были завружены въ это время гостями, разбѣжавшимися отъ княгини. Между роскошными колымагами и простыми бричками съ трудомъ пробрался Чешейно до воротъ княжескаго замка. Здѣсь встрѣтилъ его старый слуга радзивиловскаго дома и откровенно рассказалъ прѣѣзжему шляхтичу о грѣшномъ житьѣ своей пани. Посланный князя крѣпко призадумался при этомъ рассказѣ.

Надобно замѣтить, что не только порученіе Радзивилла, но и сердце молодого шляхтича заставило его побывать въ Бѣлокамскомъ замкѣ. Здѣсь, при княгинѣ, жила хорошенькая шляхтяночка панна Саломея, на которой хотѣлъ жениться Чешейко и только нужда мѣшала ему достигнуть желаннаго счастья.

Панна Саломея сидѣла за палъцами въ то время, когда въ ея чистую горенку неожиданно подкрался Чешейко. Онъ тихо кашлянулъ позади ея, она оглянулась, вскочила, вскрикнула и всникнула вся, какъ вспыхиваетъ розовою зарею вечернее небо. Саломея бросилась на шею жениху, начались разспросы и отвѣты. Влюбленные не успѣли еще наговориться, когда къ нимъ въ комнату вбѣжалъ зашыхавшійся слуга.

— Панна Саломея, — кричалъ онъ, — у тебя есть гость, котораго княгиня сейчасъ же хочетъ видѣть.

— Вѣрно меня зоветъ княгиня, — отозвался Чешейно, и, крѣпко поцѣловавъ невѣсту, онъ вошелъ слѣдомъ за слугою. Шляхтичъ проходилъ теперь чрезъ длинный рядъ обширныхъ покоевъ; толпа прислуги, суетившаяся еще за уборкою множества столовъ, показывала, что княгиня жила безъ мужа среди веселаго и многолюднаго общества.

Приосанившись и поправивъ свои усы, молодой и статный шляхтичъ вошелъ смѣлымъ шагомъ въ богато-убранную опочивальню княгини. Здѣсь княгиня, въ легкомъ полувоздушномъ платьѣ, лежала на софѣ, какъ будто отдыхая послѣ сильной усталости. Приветливо она поздоровалась съ вошедшимъ шляхтичемъ и протянула къ нему, для поцѣлуя, свою бѣлую ручку. Желая задобрить мужниного посланца, княгиня теверь сама, по своей волѣ, награждала бѣднаго шляхтича такой лаской, которой такъ усиленно добивалась у красавицы самая блестящая

молодежь Вершавы. При множествѣ безотходныхъ волокитъ около княгини, считалось особеннымъ счастьемъ даже и то, если удавалось иному насладиться поцалуемъ ея ручки. Но эта хоровенькая ручка не прельстила однако шляхтича; онъ стоялъ молча передъ княгиней, покручивая одной рукой свой усь, и поддерживая другой свою саблю. Казалось, что шляхтичъ вовсе не замѣчалъ привѣтливой ласки, оказанной ему знатною пани.

— Садись здѣсь, подлѣ меня, — нѣжнымъ голосомъ сказала княгиня равнодушному гостю, показывая ему рукою на позолоченное кресло.

Шляхтичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, пристально смотря на княгиню. Ея пышная красота, въ полномъ разгарѣ вѣтущей молодости, взяла верхъ надъ суровостью шляхтича, онъ не утерпѣлъ, и низко поклонившись княгинѣ, схватилъ ея ручку и невольно, но крѣпко поцѣловалъ ее.

— Ты пріѣхалъ сюда прямо отъ моего мужа? спросила княгиня, насунувъ немножко свои тоненькія брови надъ глазами, покрытыми блестящей паволокой.

— Прямо отъ князя, яснеосвѣщенная пани, — отвѣчалъ отрывисто шляхтичъ, желая со всей неумолимой строгостью исполнить данное ему порученіе, а между тѣмъ безсознательно растерявшійся подъ обаятельнымъ взглядомъ красавицы.

— А что, есть отъ князя письмо?

— Письма отъ князя нѣтъ никакого, онъ далъ мнѣ только одну записочку, да словесныя порученія къ вашей княжеской чести.

— Это значить, что онъ сдѣлалъ тебя своимъ уполномоченнымъ... перебила съ прсарительной насмѣшкой княгиня. Нечего сказать, хорошо поступаетъ со мною мой достойный супругъ!... Онъ бросилъ меня на произволъ судьбы, а самъ, какъ говорится, гоняетъ вѣтеръ въ полѣ или веселится напропалую и безъ толку вроматываетъ свое состояніе, а между тѣмъ еще сердятся на меня за то, что я просила короля назначить надъ нимъ опеку!...

При этихъ словахъ кровь прилила къ лицу честнаго шляхтича. Онъ удержалъ, однако, порывъ своего гнѣва. Сперва онъ закусалъ губы, а потомъ, спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, привился отвѣчать княгинѣ противъ ея нападокъ на князя.

— Сколько я могъ замѣтить, — возразилъ шляхтичъ, — супругъ вашей княжеской милости находится въ полномъ разсудкѣ, и

поэтому никакой опеки учреждать надъ нимъ нѣтъ надобности... Онъ честно служить родинѣ своей кровью и, какъ я знаю, готовъ служить ей и послѣднимъ грошекомъ, который у него останется послѣ забора его имѣній по королевскому повелѣнію... Самъ же князь вовсе не веселится: ему теперь не до того, но онъ только угощаетъ своихъ пріятелей и гостей, въ благодарность за ихъ доброе расположеніе....

— Хорошъ мой защитникъ и покровитель!... запальчиво небрешила княгиня, — онъ даже никогда не бываетъ у себя въ домѣ!

— Бываетъ ли онъ у себя въ домѣ или нѣтъ, это все равно для вашей княжеской милости, сурово замѣтилъ шляхтичъ. Знайте, ясная пани, только одно, что гдѣ бы князь ни былъ, онъ всегда и вездѣ дорожитъ честью своей супруги и я пріѣхала сюда за тѣмъ, чтобы забрать съ собою того, кто, живя въ здѣшнемъ замкѣ, вредитъ доброй молвѣ о вашей княжеской милости....

Поблѣднѣвшая отъ злобы княгиня, вздрогнула и бросила грозный, занесквившійся взглядъ на смѣлаго шляхтича.

— Можетъ быть ты и мнѣ лично привезъ какое нибудь приказаніе?... прерывающимся отъ гнѣва голосомъ спросила княгиня; и въ это время ея высокая грудь то поднималась, то опускалась, подъ легкой, полупрозрачной тканью.

Чешейко молчалъ, смотря не безъ волненія на раздраженную красавицу.

— Что же! говори! настойчиво сказала княгиня.

— Если вашей княжеской милости угодно было самимъ заговорить объ этомъ, то я долженъ передать вамъ желаніе князя, чтобы его супруга, для прекращенія недоброй о ней молвы, немедленно пошла на житье въ монастырь, какъ это обыкновенно дѣлаютъ всѣ наши знатныя пани, когда мужья ихъ отправляются въ далекой походъ...

— Ты забываешь съ кѣмъ говоришь!.. съ гнѣвомъ вскрикнула княгиня. — Я дочь и внука гетмановъ, я сама съумѣю сберечь свою честь!...

И княгиня, въ припадкѣ запальчивости, схватилась за хрустальный графинъ.

Чешейко слышалъ уже не разъ о томъ, до какой степени забывалась своеправная княгиня въ порывахъ сплннаго раздраженія. Шляхтичъ смекнувъ, что самая крошечная, самая бѣленькая ручка можетъ въ сердитую минуту хорошо хватить графинъ

номъ по лбу, уклонился немного въ сторону, а княгиня между тѣмъ, опомнившись отъ излишней вспышки, начала наливать изъ графина въ стаканъ воду и выпила ее до послѣдней капли, желая показать, что она вовсе не думала вооружаться графиномъ.

— Развѣ со мной можно распорядиться такъ, какъ распорядятся съ простой служанкой?... надменно спросила она у шляхтича, уставивъ на него свои большіе, огненные глаза.

— Я не имѣю никакого права разсуждать объ этомъ, — кротко зашѣпталъ шляхтичъ, кланяясь почтительно княгинѣ, мое дѣло — исполнить только приказаніе князя.

— Напередъ однако тебѣ слѣдовало подумать, удастся ли еще исполнить такое приказаніе... перебила княгиня.

— Я думаю, что удастся, спокойнымъ голосомъ возразилъ шляхтичъ, брякнувъ саблей.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что тебѣ удастся исполнить то, зачѣмъ ты сюда присланъ? — съ гордостью и съ изумленіемъ спросила княгиня, и ея громкій, судорожный смѣхъ раздался на всю комнату. Нѣтъ этого никогда не будетъ!... добавила она, топнувъ о коверъ своей маленькой ножкой и погрозивъ шляхтичу бѣленькимъ пальчикомъ.

Шляхтичъ не возражалъ ничего; онъ только самоуверенно поглядывалъ на княгиню.

— Повѣрь, что ни ты, ни князь ничего мнѣ не могутъ сдѣлать: у меня найдутся заступники, — проговорила княгиня послѣ некотораго молчанія.

За тѣмъ она прошла нѣсколько разъ по комнатѣ, въ сильномъ волненіи; потомъ остановилась передъ уборнымъ столикомъ и взяла съ него небольшой ящичекъ, обтянутый пунцовымъ бархатомъ. Княгиня открыла ящикъ и подъ ея тоненькими пальцами заблестѣли, заискрились и радужно заиграли крупныя брилліанты. Съ этимъ ящичкомъ въ одной рукѣ, подошла княгиня къ Чешейко, а другую руку положила она ему на плечо.

— Ты долженъ знать, мой милый, — сказала она ему своимъ серебристымъ и вкрадчивымъ голосомъ, — ты долженъ давно знать, что силой со мной ничего не сдѣлаешь и что со мной можно сладить только уступчивостью. Разсуди самъ хорошенько — къ чему можетъ повести насъ домашняя ссора?... Если я уйду

въ монастырь, то развѣ будетъ честь князю за то, что онъ одолѣлъ слабую, беззащитную женщину? Сообрази самъ и то, какая будетъ при этомъ польза и тебѣ самому?... Чѣмъ можешь наградить тебѣ князь, если въ скоромъ времени онъ самъ, какъ изгнанникъ, лишится всего и останется безъ куска хлѣба?... Вѣдь ты знаешь, что у него уже отняты всѣ его литовскія имѣнія за возстаніе противъ короля...

— Все это я очень хорошо знаю, ваша княжеская милость, твердымъ голосомъ отвѣчалъ шляхтичъ, но, не смотря на это, я все-таки до конца хочу остаться вѣрнымъ своему доброму пану.

— Это очень похвально, съ живостью и съ досадой перебила княгиня, — но вспомни, однако, что панна Саломея, которую ты такъ любишь, никогда не пойдетъ замужъ за такого бѣдняка, каковъ ты... Что у тебя есть?...

— Я и самъ не захочу заставить ее дѣлать мою нужду, и до тѣхъ поръ я не женюсь на ней, пока кое-какъ не устроюсь.

— Вотъ видишь!... съ радостью подхватила княгиня, и съ этими словами она вынула изъ ящичка нить чуднаго жемчуга ослѣпительной бѣлизны и распустила эту нить передъ глазами шляхтича. Ты знаешь этотъ жемчугъ? спросила она Чешейко.

— Знаю; это наследственная драгоценность княжескаго рода Радзивилловъ, и она не должна никогда и ни въ какомъ случаѣ выйти изъ него... Впрочемъ, добавилъ шляхтичъ, вынимая изъ шапки лоскутокъ сложенной бумаги, вмѣстѣ съ порученіями, уже переданными вашей княжеской чести, я имѣю еще приказаніе князя — взять отъ васъ этотъ жемчугъ; — и съ этимъ словомъ онъ подалъ княгинѣ довѣренность князя на полученіе наследственнаго сокровища.

Княгиня взяла записку мужа, а между тѣмъ шляхтичъ протянулъ руку къ жемчугу и выхватилъ нить изъ рукъ княгини. Княгиня крикнула въ ужасъ, увидя, что она лишилась самой главной драгоценности. Шляхтичъ не обратилъ никакого вниманія на крикъ княгини и спокойно положилъ за пазуху драгоценную вещь, съ тѣмъ, чтобъ немедленно отвезти ее къ князю. Княгиня съ изумленіемъ смотрѣла на Чешейко, который, почти-тельно поклонясь ясновельможной хозяйкѣ, вышелъ изъ ея опочивальни, попросивъ княгиню увѣдомить князя о томъ, что она уже передала жемчугъ его посланному.

Закрились глаза молодой женщины и задрожали ее рововые ноздри по выходѣ Чешейки.

— Теперь ты пропадъ, безумецъ!... прѣговорила она съ какою-то дикою радостью, разорвавъ въ мелкіе кусочки зависку князя о выдачѣ жемчуга его повѣренному. — Ты увидишь, что значить оскорблять женщину и отнимать у нея того, кого она любить!...

Княгиня кликнула Саломею и приказала ей позвать, какъ можно скорѣе, пана Кулешу.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ спальню княгини вошелъ, въпыхавъ, чрезвычайно красивый и статный мужчина, который, какъ гласила молва, пользовался особеннымъ впритѣхъ постояннымъ расположеніемъ молодой княгини. Она вѣстила всѣмъ своимъ любивцамъ, кромѣ одного пана Кулеша.

Спустя немного времени послѣ этого, выѣхавъ изъ Бѣломанскаго замка Чешейко, радуясь тому, что онъ успѣлъ по крайней мѣрѣ исполнить хоть одно порученіе своего пана, имѣя дѣло съ такой неуступчивой и вспыльчивой панн, какова была княгиня. Чешейко надѣялся получить отъ князя новыя наставленія и въ скоромъ времени опять побывать въ замкѣ и исполнить приказаніе на счетъ выпроводовъ оттуда Кулеша.

Прощаясь съ своимъ женихомъ, панн Саломея дала ему поцѣловать одну ручку, а другою благословила его, желая отвратить отъ него своимъ благословеніемъ всякую бѣду и напасть. Теперь Чешейко вѣхавъ, опустивъ поводья, и думавъ о своей хорошенькой невѣстѣ.

Долго послѣ отъѣзда Чешейки, толковали между собою, при запертыхъ на задвижку дверяхъ, княгиня и ея любимецъ. Когда же окончилась эта задушевная бесѣда, то довѣренный княгини опрометью побѣжалъ внизъ.

— Только, ради Бога, будь осторожиѣе, — кричала ему вслѣдъ умоляющимъ голосомъ княгиня. Онъ, какъ видно, человекъ отчаянный!.. Будетъ защищаться упорно...

Выбѣжавъ во дворъ, Кулеша созвалъ всѣхъ слугъ и торопливо началъ отдавать приказанія. Во всемъ замкѣ поднималась ужасная тревога: шумѣли, суетились, кричали, сѣдлали лошадей и зармжили ружья. Казалось, что въ замкѣ ожидали нападенія сильнаго неприятеля. Когда же все было готово, то панъ Кулеша, съ обнаженною саблею, сѣлъ на коня,

— Гей, хлопцы!... За мной!... крикнулъ онъ громко и съ этими словами пустился по дорогѣ, по которой ѣхалъ Чешейко; а слѣдомъ за Кудешой помчались казаки.

Говоръ и шумъ продолжался однако въ замкѣ и послѣ этого. Среди общаго переполоха, всѣ громко говорили о томъ, что прїѣзжавшій отъ князя шляхтичъ укралъ у княгини шить жемчуга, которая имѣла неимовѣрную цѣну.

Скоро панъ Кудеша съ своими казаками нагналъ Чешейко. Обороняться было некогда, да при томъ повѣренный князя не чувствовалъ за собою никакой вины. Спустя нѣсколько часовъ, везли Чешейко въ Бѣлокамскій замокъ, связаннаго по рукамъ и по ногамъ. Шляхтичъ лежалъ теперь въ бричкѣ, а подлѣ нея, съ молодяцкой осанкой, ѣхалъ Кудеша, держа въ рукѣ драгоценную нитку жемчуга, которая, въ присутствіи казаковъ, какъ свидѣтелей, была найдена за пазухой у Чешейки.

— Я не хочу истить ему сама,— сказала съ презрительнымъ равнодушіемъ княгиня, принимая жемчугъ изъ рукъ Кудеша,— но я не желаю, однако, оставить безъ наказанія это низкій поступокъ: пускай судъ опредѣлитъ ему наказаніе...

По приказанію княгини, было сдѣлано въ трибуналъ надлежащее повѣщеніе о поступкѣ Чешейки, а между тѣмъ бѣдный, ни въ чемъ невиноватый шляхтичъ былъ посаженъ въ подвалъ Бѣлокамскаго замка.

Ужаснулась панна Саломея, когда узнала, что женихъ ее обвиненъ въ кражѣ; бѣдная дѣвушка не выдержала этого удара и впала въ страшную горячку. Скоро начался надъ Чешейко судъ. Законы польскіе не давали потачки ворами и мошенникамъ, а между тѣмъ никакія оправданія Чешейки не принимались въ уваженіе, потому что улики въ кражѣ были очевидны и бѣдняга былъ приговоренъ къ отсѣченію головы. Узнавъ объ этомъ приговорѣ, княгиня распорядилась, чтобъ ея служанки сшили для приговореннаго къ казни смертельную рубашку. Заливаясь слезами и громко рыдая, исполнили онѣ приказаніе своей жестокосердой госпожи. Какъ помѣшанная смотрѣла на все это панна Саломея, не сознавая ясно того, что вокругъ нея дѣлалось.

Когда окончательно состоялся смертный приговоръ, то нужно было привести его въ исполненіе; но во всемъ околудкѣ нельзя было найтти палача. Какъ ни былъ преданъ княгинѣ ея любимый наперсникъ, панъ Кудеша, но онъ, какъ шляхтичъ, не могъ

ваться за ремесло палача. Пошли искать охотника по окрестным деревнямъ, но ни одинъ крестьянинъ не хотѣлъ сдѣлаться палачомъ, хотя тому, кто вызвался бы отрубить голову Чешейко, предлагалось, за это, увольненіе отъ барщины на всю жизнь. Наконецъ, не въ близкомъ отъ замка мѣстечкѣ, выпискался одинъ какой-то мясникъ, который, подъ пьяную руку, и отхватилъ въ темномъ подвалѣ голову несчастному шляхтичу...

Послѣ гибели жениха, панна Саломея ушла въ какой-то далекій монастырь и вскорѣ замолкъ на вѣки въ Бѣлокамскомъ замкѣ слухъ о бѣдной дѣвушкѣ...

Польское правительство, до котораго дошла вѣсть о кровавой расправѣ съ Чешейко, приказало, по просьбѣ его родственниковъ, какъ можно строже изслѣдовать это тѣмное дѣло. Княгиня и ся любимцу начинала теперь грозить нешуточная опасность, но обстоятельства измѣнились въ ихъ пользу, потому что въ это время австрійскія войска заняли Галицію и здѣсь начался новый порядокъ...

Княгиня поспѣшила въ Вѣну и тамъ стала посѣщать безпрестанно дворцовую капеллу. Богомольную императрицу поразила необыкновенная набожность молодой женщины. Вскорѣ пришло изъ Вѣны приказаніе—прекратить всѣ розыски о смерти Чешейки, а спустя нѣсколько времени, на плечѣ преступницы-богомолки заблестали брильянтовые знаки ордена Маріи-Терезіи.

Судьба, однако, покарала княгиню. Разведшись съ низземъ, она вышла потомъ замужъ за какого-то бездомнаго француза, и въ глубокой старости, эта представительница знаменитаго гетманскаго рода, отвергнутая всѣми, скиталась около Бѣлокамскаго замка, питаясь скуднымъ подащеніемъ.

III.

Вызовъ родственниковъ.

Въ одномъ изъ значительныхъ польскихъ мѣстечекъ былъ храмовой праздникъ. Множество разныхъ колымагъ, бричекъ и повозокъ загромождали большую костельную площадь, обсажен-

ную высокими пирамидами тополями. Въ мѣстечко съѣз-
лись на праздникъ и богатые пань съ ихъ многочисленною че-
лядью; сюда добрался также на своей маленькой телѣжкѣ и со-
сѣдній мужичокъ съ женой, у которой, по случаю праздника,
былъ надѣтъ на головѣ шолковый платочекъ, а на шеѣ висѣли
янтарныя бусы. И мужъ и жена ѣхали на праздникъ, сидя въ
телѣжкѣ на большой вязанкѣ льна, который былъ бѣлъ какъ
снѣгъ и который они везли ксендзу, какъ церковную десятину.
На возу сидѣли съ отцомъ и съ матерью ихъ пухленькія, ро-
зовыя дочки.

Толпы набожныхъ пѣшеходовъ валили гурьбой въ мѣстечко.
Въ мѣстечкѣ же на рыночной площади стоялъ рядъ толстыхъ
столбовъ; у каждаго изъ столбовъ, соединенные между собою
близкимъ родствомъ, небогатые шляхтичи привязывали своихъ
лошадей и никто изъ постороннихъ не смѣлъ прикоснуться
къ такому столбу, назначенному только для извѣстнаго се-
мейства.

Послѣ обѣдни, шляхтичи, прихожане и всѣ почетныя гости
были запрошены на обѣдъ къ отцу-плебану, передъ домомъ
котораго, подъ яснымъ лѣтницѣмъ небомъ, расположилось множе-
ство народа, весело проводя время.

Между собравшимися у отца-плебана есѣдями шолъ обыч-
ный разговоръ о погодѣ, о мосѣвѣхъ и о разныхъ случаяхъ,
бывшихъ недавно въ околоскѣ.

— А что жъ, панъ Матеушъ, когда же поѣдешь получать на-
слѣдство?... спросилъ какой-то старичокъ одного, очень скромно,
но явсто одѣтаго шляхтича, бывшаго въ числѣ гостей.

— А вотъ Господь Богъ дастъ, такъ и выберусь недѣльки
черезъ три, — отвѣчалъ смиренно тотъ, къ кому относился этотъ
вопросъ. Еще не всѣ нужныя бумаги успѣлъ подобрать.

Панъ Матеушъ пріятно улыбулся. Самыя отрадныя мечты
промелькнули въ его головѣ, подъ длиннымъ чубомъ, на которомъ
пробивалась уже сѣдина.

Между тѣмъ гости, по приглашенію радушнаго хозяина, при-
нялись за закуску. Разговоръ дѣлался и шумнѣе, и веселѣе, и
оживленнѣе. Толковали о разныхъ разностяхъ, но всего чаще
затрогивали гости пана Матеуша Буйницкаго, добродушно под-
шучивая надъ тѣмъ, что онъ, послѣ своей поѣздки въ замокъ

своего соименника, каштеляна Буйницкаго, сдѣлается богатырь и могущественнымъ магнатомъ.

Замѣтно было, что этого рода шутки не только что не обижали бѣднаго шляхтича, но что, напротивъ, онъ радовался его.

— Смиѣйтесь, смиѣйтесь, думалъ про себя панъ Матеушъ, а послушаемъ, что заговорите вы, когда же мнѣ на самомъ дѣлѣ перейдетъ все огромное богатство каштеляна.

Долго продолжался пиръ у отца-плебана. Наконецъ гости, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, отправились по домамъ. Въстѣ со всѣми поѣхалъ, въ своей простой одноконной бричкѣ, и панъ Буйницкій. Спустя же дней десять по возвращеніи съ праздника, панъ Матеушъ, на той же самой саврасой лошади и въ той же самой бричкѣ, отправился, въ далекій путь, въ замокъ каштеляна Буйницкаго.

Панъ Владиславъ, Буйницкій, каштелянъ санокскій, владѣтель Буйничковъ, Овражковъ, Наровча и другихъ огромныхъ помѣстій, считался во всемъ своемъ омолодкѣ первымъ паномъ. Жилъ онъ въ обширномъ старинномъ замкѣ, ѣздилъ на сеймики и сеймы въ сопровожденіи множества прислуги и сторонниковъ, которыхъ онъ, какъ бы ихъ много ни было, угощалъ на серебряной и золотой посудѣ. Всѣ сенаторы и самъ король, Янъ-Казиміръ, заискивали добраго расположенія у богатаго магната. Къ нему-то и пробирался теперь его однофамилецъ, со множествомъ разныхъ бумагъ, тщательно зашитыхъ въ грубую холстину и запрятанныхъ за-пазуху подъ кунтушемъ.

Панъ каштелянъ. не смотря на свою знатность и на свои несметныя богатства, не былъ, однако, доволенъ судьбою. Не радовался онъ и тому, что около него разцвѣтало шесть прехорошенькихъ дочерей, которыя рѣзвились около него, какъ рѣзвятся пестрыя бабочки. Тяжелою и грустною душою постоянно одолевала могущественнаго каштеляна. Съ грустью предъзналъ онъ по своимъ обширнымъ владѣніямъ, подумывая о томъ, что все это раздѣлится на части послѣ его смерти и что скоро въ его родной стрѣнѣ угаснетъ на вѣки знаменитое имя Буйницкихъ.

Желая имѣть наследниковъ этого имени, панъ Буйницкій еще въ молодыхъ годахъ женился на бѣдной дѣвушкѣ, происшедшей, впрочемъ, изъ славнаго рода. Каштелянъ, повидимому, былъ очень счастливъ въ супружеской жизни, потому что Богъ послалъ ему жену кроткую, благоразумную и привязанную къ нему

вѣсть сердцемъ. Меньше чѣмъ черезъ годъ она родила ему дочь. Насупился панъ Буйницкій при этой вѣсти; но дѣлать было нечего и онъ пышно справилъ крестины новорожденнаго ребенка.

Промоль еще годъ. Съ нетерпѣнiемъ ждалъ панъ Буйницкій, кого подаритъ ему супруга—сына или дочь, и крѣпко огорчился онъ, когда узналъ, что въ замкѣ его явилась на свѣтъ новая дѣвочка. Минулъ еще годъ—и у пани Буйницкой родилась опять дочь;—не вытерпѣлъ мужъ и принялся журить жену, зачѣмъ она не даритъ ему сына. Въ слѣдующемъ году прибѣла пану четвертая дочь—и онъ разсердился до такой степени, что даже не захотѣлъ взглянуть на новорожденную малютку. Спустя годъ, новая прибавка въ семействѣ Буйницкаго—и опять дочь. Вспылилъ каштелянъ, обманувшись въ своей надеждѣ имѣть наследника, и приказалъ отправить ребенка, вмѣстѣ съ мамкой, на фольварокъ.

Въ теченiе слѣдующаго года панъ каштелянъ, смотря на свою все болѣе и болѣе полнѣвшую супругу, предавался самымъ радостнымъ мечтамъ. Онъ воображалъ какъ будетъ ласкать маленькаго сына, какъ онъ выростетъ и будетъ славнымъ наѣзникомъ и лихимъ рубакой, какъ онъ женить своего сына, какъ у него пойдутъ внуки и какъ такимъ образомъ, на долго, если не до конца мiра, будетъ продолжаться древнiй родъ каштеляна.

Обманчивы были, однако, надежды тицеславнаго пана, потому что когда явился у него въ домѣ седьмой младенецъ, то оказалось, что, вмѣсто ожидаемаго сына, послалъ Господь каштеляну еще новую дочь. Не вытерпѣлъ этого обманувшiйся отецъ; онъ заскрежеталъ отъ гнѣва зубами, схватился въ отчаянiи за голову и приказалъ новорожденное дитя отправить въ дальнюю деревню и тамъ воспитывать ее, какъ простую крестьянку.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ; каштелянъ и его супруга старѣли, а дочери ихъ росли и хорошiли. Униловившiйся каштелянъ вернулъ въ свой замокъ двухъ послѣднихъ дочерей, высланныхъ имъ изъ его дома; но все же онъ не любилъ своей семьи такъ, какъ онъ любилъ бы ее, если бы среди нея выросталъ наследникъ его имени и его богатства. Особенно доставалось за дочерей бѣдной супругѣ. Раздраженный каштелянъ постоянно укорялъ ее за то, что она произвела столько дочерей, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ была виновата въ томъ, что не имѣла сына.

Досаду на жену, каштелянъ сталъ подумывать, что не худо бы было развестись съ нею и жениться на другой, чтобы хоть этимъ способомъ добыть себѣ наследника. Но какъ онъ ни лежалъ голову надъ тѣмъ, чтобы выискать или выдумать какую нибудь причину къ разводу, онъ не могъ ничего придумать, такъ какъ сожительница его была женщина безумерзненная во всѣхъ отношеніяхъ и представляла собою образецъ всѣхъ супружескихъ добродѣтелей. Суетный каштелянъ не унимался однако; онъ попробовалъ-было заикнуться о разводѣ передъ епископомъ, но нравивый и строгій пастыръ не только что далъ ему хорошій духовный нагоняй за его грѣшныя разсчеты, но и погрозилъ еще ему Божіей карой, если только онъ позволитъ себѣ обидѣть ни въ чемъ не виноватую супругу.

Послѣ этого, каштелянъ оставилъ мысль о разводѣ. Боязнь несчастій въ земной жизни и страхъ адскихъ мукъ въ будущей отбѣли у набожнаго пана мысль о разводѣ, и онъ сталъ добывать себѣ наследника другимъ способомъ. Онъ призывалъ къ себѣ на совѣтъ и лекарей и ученыхъ и знахарей и бабъ; слышавшихъ въ народѣ ворожеями и колдуньями. Онъ ѣздилъ съ женою на богомолье по разнымъ монастырямъ, молился, постился, раздавалъ убогимъ щедрую милостыню и дѣлалъ богатые вклады по разнымъ костеламъ. Ничего однако не помогало.

Каштелянъ тужилъ невыносимо, а между тѣмъ время шло своимъ чередомъ, дочери каштеляна росли и, годъ отъ году, становились все краше и краше.

— Постой же, — подумалъ панъ Буйницкій въ одну изъ самыхъ тяжолыхъ минутъ, — построю я на свой счетъ церковь, а подлѣ нея монастырь и поселю въ немъ святыхъ отшельниковъ... Даю также Всевышнему обѣтъ, — добавилъ съ набожнымъ чувствомъ каштелянъ, — что если у меня послѣ этого родится сынъ, то я всѣхъ моихъ дочерей отдамъ въ монастырь, пусть молятся онѣ за того, кто будетъ продолжать нашъ знаменитый и древній родъ!..

Въ скоромъ времени съѣхались въ замокъ каштеляна лучшіе архитекторы и живописцы; долго толковалъ онъ съ ними о томъ, какъ бы великолѣпнѣе и богаче построить храмъ и монастырь во славу Божію. Когда же художники рѣшили этотъ вопросъ,

то по близости замка заняла дѣятельная работа: толпы каменщиковъ, плотниковъ, маляровъ и штукатуровъ безостановочно трудились надъ постройкою церкви и обширныхъ монастырскихъ зданій. Каштелянъ не жалѣлъ ничего, и такъ какъ, не смотря на все его богатство, у него не хватало разомъ наличныхъ денегъ на такіе огромные расходы, то онъ заложилъ два помѣстья и продолжалъ строить монастырь на занятыя деньги.

На другой годъ, среди темной зелени сосноваго лѣса, бѣлѣлись уже высокія башни костела и стѣны монастырскихъ зданій. Когда же все было готово, то самъ мѣстный епископъ освятилъ новый костель. Въ твердой надеждѣ имѣть наследника своего имени и своихъ богатствъ, каштелянъ отпраздновалъ освященіе храма съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Съѣхавшіеся въ замокъ гости не могли надивиться огромности костела, его яркой позолотѣ и множеству рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеній, исполненныхъ съ большимъ вкусомъ и необыкновеннымъ изяществомъ. Спустя годъ, въ новоотстроенномъ монастырѣ поселились монахи кармелитскаго ордена. Строитель монастыря, надѣливъ братію угодьями, лѣсами и рыбными ловлями, поставилъ имъ въ непремѣнную обязанность, чтобы они и день и ночь, молили Господа Бога о дарованіи ему сына.

Прошло еще нѣсколько времени, но ожиданіе каштеляна не исполнилось. Онъ уже не совсѣмъ благосклонно началъ постривать на святыхъ отцовъ, приписывая свой неуспѣхъ ихъ не слишкомъ усерднымъ молитвамъ и понуждалъ ихъ молиться и почаще и по-больше и по-прилежнѣе.

Нельзя описать гнѣва каштеляна, когда, послѣ самыхъ сладкихъ его надеждъ и даже заготовленія колыбельки съ гербами его фамиліи для новорожденнаго сына, у него родилась восьмая дочь. Задыхался отъ злобы обманувшійся каштелянъ; онъ не взглянулъ даже на свою дочь и приказалъ отправить малютку въ самый отдаленный фольварокъ, съ тѣмъ, чтобы никогда не смѣли даже говорить о ней въ его присутствіи.

Истощивъ всѣ усилія для того, чтобы видѣть своего наследника, каштелянъ наконецъ убѣдился, что онъ навѣки лишенъ этого счастья; тѣмъ не менѣе онъ все таки не отставалъ отъ мысли—продолжить какъ нибудь мужское колено своего рода. Теперь каштелянъ засѣлъ надъ гербовниками и кипой фамильныхъ бумагъ. Съ большимъ напряженіемъ пересчитывалъ онъ и гер-

бюджета и бумаги, желая найти гдѣ нибудь отрасль своего рода съ представителями ея по мужскому колѣну.

— Пусть бы только найти мнѣ какого нибудь пана Буйницкаго нашей древней крови,—разсуждалъ самъ съ собою каштелянъ,—и будь онъ хоть старъ, хоть уродъ, хоть нищъ, хоть калека, но я предоставлю ему выбрать въ жены любую изъ дочерей. Пусть женится на ней и продолжаетъ наше знаменитое имя... Чтѣ за бѣда если мой дальній родственникъ и однофамилецъ принадлежитъ къ самой убогой шляхтѣ: у меня много богатства и я его сейчасъ сдѣлаю знатнымъ паномъ... Мнѣ только нужна настоящая кровь Буйницкихъ!...

Какъ, однако, не рылся каштелянъ въ гербовникахъ и въ пыли домашняго архива, онъ все-таки никакъ не могъ нанастъ на такіе слѣды, которые указали бы на существованіе мужской отрасли его рода въ Польшѣ или Литвѣ. Суетный каштелянъ доходилъ до отчаянія и рѣшительно не зналъ, чтѣ ему дѣлать.

— Настою же я на своемъ!—сказалъ онъ, въ припадкѣ сильнаго гнѣва, ударивъ кулакомъ по столу,—во чтобы-то ни стало, а я достану себѣ пана Буйницкаго!...

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, изъ замка каштеляна вѣстали во всѣ стороны нарочные гонцы. Одинъ изъ нихъ поѣхалъ отыскивать какого-нибудь пана Буйницкаго въ Мазовіи, другой въ Куявіи, третій на Волыни, четвертый на Подолѣ, пятый въ Литвѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ теперь каштелянъ возврата своихъ посланныхъ, подумывая о томъ, какого-то они привезутъ ему родственника. Уже нѣсколько гонцовъ возвратились въ замокъ и донесли каштеляну, что, несмотря на всѣ свои усилія, они не могли отыскать его родственника и однофамильца. Съ горестью покачивалъ каштелянъ головою, выслушивая эти недобрыя вѣсти.

Однажды, когда онъ, въ глубокой задумчивости, сидѣлъ у окна, посматривая на заходившее солнце и думая о томъ, что вскорѣ, подобно солнцу, угаснетъ и его знаменитый родъ, онъ увидѣлъ, что во дворъ замка вѣзжалъ какой-то бѣдный шляхтичъ на саврасой лошади, запряженной въ простую бричку. Шляхтичъ сѣло подѣхалъ къ самому крыльцу замка, слѣзъ съ брички и взошелъ на крыльцо. Каштелянъ подивился такой

бездеремности бѣднаго гостя въ домѣ богатаго шана. Но удивленіе каштеляна обратилось въ восторгъ, когда въѣхавшій къ нему въ комнату слуга громко крикнулъ:

— Панъ Матеушъ Буѣшницкій, вельможный родственикъ ясновельможнаго шана каштеляна, пріѣхалъ къ его милости, нашему пану!...

Обрадованный каштелянъ обезумѣлъ отъ неожиданной радости. Крѣпко онъ обнялъ и чуть не задушилъ въ своихъ объятіяхъ желаннаго гостя, которымъ каштелянъ дорожилъ теперь до такой степени, что тотчасъ же приказалъ снять съ его брички колеса, разобрать гати, сломать мосты и перекопать дороги, опасаясь чтобы драгоценный гость не уѣхалъ какъ нибудь изъ его замка, не порѣшивъ дѣла о продолженіи его знаменитаго рода.

Нужно ли говорить о томъ, какъ угощалъ каштелянъ пана Матеуша, который не могъ надивиться великолѣпію замка, множеству слугъ и громадѣ золотой и серебряной посуды. Бѣдный шляхтичъ не могъ дать себѣ о своемъ положеніи никакого отчета, когда каштелянъ, рассказавъ ему о всѣхъ своихъ богатствахъ, объявлялъ, что всѣ они перейдутъ къ нему, если только онъ захочетъ жениться на одной изъ дочерей каштеляна. Все, что видѣлъ и слышалъ теперь панъ Матеушъ, ему казалось какимъ-то волшебнымъ сномъ и онъ каждую минуту боялся, чтобы не пробудиться отъ этого чудеснаго сна.

— Старовать онъ для моихъ дочерей, думать про себя каштелянъ, смотря на своего соименика, у котораго во время неблизкой дороги успѣла уже показаться щетинисто-сѣдовая борода, — да это ничего, дѣти все-таки будутъ!... Ну, дорогой мой родственикъ, — сказалъ каштелянъ, обращаясь къ пану Матеушу, — примемся теперь за дѣло и посмотримъ, отъ какой линіи нашего рода явился ты на свѣтъ...

Шляхтичъ вынулъ изъ-за пазухи привезенныя имъ бунаги и положилъ ихъ на столѣ передъ каштеляномъ, который сталъ перечитывать ихъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ. Панъ Матеушъ, не безъ сильнаго біенія сердца, внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего будущаго тестя.

— А это, братъ, что значить?... спросилъ вдругъ суровымъ

голосомъ каштелянъ и съ этими словами онъ грозно посмотрѣлъ на шляхтича. У послѣдняго дрогнули отъ страха колѣна.

— Какъ же ты можешь происходить изъ того же рода Буйницкихъ, изъ котораго происхожу я, если мой родъ еще за полторста лѣтъ раздѣлялся на отрасли, которыя теперь уже урасли, а между тѣмъ изъ этихъ бумагъ видно, что предки твои за сто-восемьдесятъ лѣтъ владѣли такимъ помѣстьемъ, котораго никогда въ нашемъ родѣ не бывало... Ты не нашей крови!.. громко крикнулъ каштелянъ, швырнувъ въ сторону всѣ бумаги, представленныя ему его соименникомъ.

Оробѣвшій панъ Матеушъ хотѣлъ было пуститься въ объясненія.

— Гей, люди!... крикнулъ взбѣшонный каштелянъ, — взять этого самозванца и отсчитать ему пятьдесятъ батоговъ!..

Приказаніе пана было исполнено въ точности. Всѣ золотыя монеты разлетѣлись въ пыль и прахъ въ головѣ бѣднаго шляхтича...

Спустя нѣсколько часовъ, онъ тянулся обратно домой на своей саврасой лошаденкѣ, съ трудомъ пробираясь по разобраннѣмъ гатямъ, сломаннымъ мостамъ и перерытымъ дорогамъ, проклиная и свою поѣздку и радушную встрѣчу каштеляна, вслѣдствіе которой не было теперь проѣзда по дорогѣ.

Забилось радостью сердце шляхтича, когда онъ, наконецъ, увидѣлъ вдалекѣ родную соломенную кровлю. Ему представилась его прежняя тихая жизнь—безъ роскоши, и безъ пышности, но зато не лишенная отрады и довольства, и теперь онъ даже порадовался въ душѣ, что не состоялась его свадьба съ дочерью надменнаго каштеляна.

— Что сдѣлалъ бы со мной онъ, — подумывалъ не безъ ужаса шляхтичъ, — если бы и у меня, какъ у него, не было сыновей?... и холодная дрожь пробирала пана Матеуша при этой мысли.

Заговорили всѣ въ околоткѣ о пріѣздѣ пана Буйницкаго.

— Ну что? — спрашивали его при встрѣчѣ сосѣди, — устроилось дѣло?...

— Нѣтъ не совсѣмъ еще, — неохотно отзывался шляхтичъ, при грустныхъ воспоминаніяхъ объ исходѣ своей поѣздки.

— А что же?..

— Нашлись другіе, ближайшіе родственники... бормоталъ себѣ подъ носъ панъ Матеушъ.

— А много ихъ?..

— Да я насчиталъ ихъ до пятидесяти, отвѣчалъ цѣлхитичъ, вспоминая невольно о числѣ батоховъ, отпущенныхъ ему каштеляномъ...

Е. Карновичъ.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ПРАВСТВЕННОГО НАЧАЛА ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

Соціализмъ въ такомъ видѣ и съ такимъ направленіемъ, какъ мы слегка обозначили въ заключительныхъ страницахъ нашей предыдущей статьи, — т. е. соціализмъ, отрекающійся отъ всеобъемлемости своихъ плановъ и становящійся на твердую почву дѣйствительности, — оказался не въ однѣхъ книгахъ и не въ утопическихъ пропагандахъ: его встрѣчали въ средѣ самой народной жизни, въ быту работниковъ, въ ежедневныхъ отношеніяхъ простыхъ труженниковъ. Изъ фантастическихъ, міровыхъ своихъ теорій онъ сохранилъ одни лишь суція и до очевидности простыя положенія: для всѣхъ трудящихся — ассоціація; въ ассоціаціи — соразмѣрное вознагражденіе за трудъ; для труда — возможная организація въ самостоятельное цѣлое. Что это были не одни мечты и идеалы — обнаруживала самая дѣйствительность и доказывала ихъ безъ всякаго лжеумствованія на практикѣ. Но что дѣйствительно должно было удивлять и удивляло — на практикѣ нѣкоторыя соціалистическія начала далеко не были такою несодѣянностію, какою они показались всѣмъ въ своихъ экцентрисическихъ теоріяхъ. Стоило заглянуть только повнимательнѣе въ новѣйшую экономическую историю западной Европы, и въ особенности — Англій.

Англія, страна наибольшей гражданской свободы, наиболь-

шей торговли и капиталовъ и въ тоже время наибольшаго пауперизма, ранѣ другихъ западныхъ націй пробудила въ своихъ трудовыхъ классахъ сознаніе въ необходимости самозащиты, самосохраненія и самовспомоществованія. Во второй уже половинѣ XVIII столѣтія, т. е. съ эпохи введенія главнѣйшихъ машинъ въ хлопчато-бумажное производство и возникновенія большой фабричной промышленности, — появились въ Англіи самостоятельныя учрежденія, имѣвшія цѣлью обезпечить болѣе или менѣе судьбу работника. Основнымъ началомъ ихъ было то же самое начало ассоціаціи, ставшее исходнымъ пунктомъ послѣдующихъ соціальныхъ теорій, т. е. соединеніе разрозненныхъ ничтожныхъ силъ въ одно благоустроенное цѣлое. Сперва это соединеніе (замѣчаемое еще во времена англосаксовъ), само собою разумѣется, касалось только самой наглядной и видной стороны рабочей дѣятельности. Такъ съ 1793 г. по всей Англіи особенно усилилось распространеніе «дружественныхъ обществъ», (friendly societies), для взаимнаго вспоможенія тѣмъ изъ работниковъ, которые утратили физическую возможность трудиться, или по причинѣ болѣзни, или по старости. Такихъ обществъ по 1859 г. возникло тамъ до 28,500, разстроилось 6,000 и сохранилось въ полномъ дѣйствіи 21,700. Образовывались они, обыкновенно, путемъ складчины ничтожныхъ денежныхъ суммъ, вносимыхъ или разомъ, или въ извѣстные сроки, членами-работниками; и составленный такимъ образомъ общій капиталъ употребляли на содержаніе врача, на лекарства больнымъ, на вспоможеніе вдовамъ и сиротамъ, на пенсію старикамъ, дожившимъ до 60 лѣтъ, на погребеніе членовъ и административныя издержки. Но далеко не одно физическое только безсиліе становилось безысходнымъ несчастіемъ для англійскаго работника. Гигантски развивающаяся промышленность подавляла всю трудовую его дѣятельность, какъ бы ни была она физически и нравственно усилена: застои въ работѣ, корыстолюбіе и произволъ хозяевъ, издѣшество въ предложеніи рабочаго труда, банкротства фабрикантовъ и торговые кризисы вовлекали нерѣдко въ разореніе цѣлыя семьи здоровыхъ и способныхъ работать людей и угрожали бѣдою каждому, живущему день за день одними трудами собственныхъ рукъ. Поэтому, подъ вліяніемъ англійской политической свободы и въ особенности парламентскихъ постановленій 1824—1836 годовъ, допустившихъ всякаго рода экономическіе союзы между

работниками, расвроотранился среди нихъ, параллельно съ развитіемъ дружественныхъ обществъ, обмачъ — общими силами многихъ работниковъ вмѣстѣ противодѣйствовать всякому пониженію заработной платы и невыгоднымъ условіямъ рабочаго найма, посредствомъ отказовъ отъ работы или остановки ея (strikes). Съ этою цѣлю образовывались, обыкновенно, правильно организованныя общества между работниками, которыя посредствомъ сборовъ съ каждаго соучастника небольшихъ суммъ въ общую кассу составляли запасные капиталы и такимъ образомъ приобрѣтали возможность отказываться отъ работы и существовать большіе или меньшіе сроки безъ нея, именно въ то время, когда условія найма, предлагаемыя фабрикантомъ, были для работника невыгодны. Множество подобныхъ обществъ соединялись между собою въ одинъ общій союзъ (trades union), который могъ останавливать работу по своему произволу и одновременно на многихъ фабрикахъ и въ цѣлыхъ промышленныхъ округахъ. Эти стачки, появившіяся въ первый разъ между чесальщицами шерсти въ 1752 г., представляли одну изъ замѣчательнѣйшихъ явленій англійскаго рабочаго быта. Едва ли какое событіе возбуждало столько нареканій со стороны капиталистовъ и столько осужденій такъ часто поддерживающихъ ихъ политико-экономовъ. Но первые, какъ лица заинтересованныя въ дѣлѣ, весьма недобросовѣстно забывали въ этомъ случаѣ, что ихъ собственныя стачки для пониженія заработной платы предшествовали и сопутствовали работническимъ, — стало быть, имели характеръ гораздо менѣе благовидный, нежели отказы отъ работы, всегда вынуждаемыя страданіемъ, не жадностію. Вторые, для которыхъ давно уже ничего не существуетъ въ человѣческой дѣятельности, кромѣ выгодъ личнаго интереса, — указывая со строгостью на несостоятельность подобныхъ отказовъ, невозможность бороться съ волею капиталистовъ и на бесплодность растраты собранныхъ работниками миліоновъ для этой неравной борьбы, — не замѣчали въ свою очередь, что 1) trades unions очень рѣдко бывали неэффективны въ своихъ дальнѣйшихъ результатахъ, и 2) что они учили трудящихся, приводили работниковъ къ сознанію своей силы и самостоятельности, а главное — пріучали ихъ къ постояннымъ жертвамъ на благо общее, — привычка очень благотворная среди общей деморализаціи немущаго народоселенія. Было замѣчено, что матери и жены работниковъ отличались особенною преданностью

и энергическимъ терпѣніемъ въ бѣдственныя времена этихъ стачекъ и побуждали своимъ собственнымъ примѣромъ сыновей и мужей продолжать долѣе начатую борьбу, не взирая на весь ужасъ нищеты и голода. Кромѣ того trades unions вовсе не были такимъ ничтожнымъ протестомъ со стороны рабочихъ, на который можно было бы хозяевамъ-промышленникамъ смотрѣть равнодушно. Наживаться на счетъ народной ненависти— было неудобно для самыхъ энергическихъ пріобрѣтателей. Они страшились рабочихъ стачекъ и, если не дѣлали имъ потворства тотчасъ, то всѣми силами старались не доводить до нихъ и въ большей части случаевъ дѣлали потомъ уступки. Наконецъ, trades unions служили ступенью къ высшимъ формамъ рабочихъ ассоціацій, которыя были бы невозможны безъ сознанія собственной силы и безъ увѣренности въ испытанной волѣ самихъ работниковъ. Въ это же время началась социальная проаганда и дѣятельность Оуэна.

Оуэнъ болѣе коммунистъ, нежели социалистъ въ теоріи и истый англичанинъ и дѣлецъ на практикѣ, началъ свое ученіе прямо съ пракческаго примѣра. Свое огромное заведеніе, бумагопрядильную фабрику въ Нью-Ланаркѣ, сталъ онъ организовать сообразно принятымъ имъ началамъ ассоціаціи труда и капитала и соединялъ въ ней фабричную дѣятельность съ земледѣльческою. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мысль Оуэна совпадала, какъ мы видимъ, съ идеею Фурье, который соединеніе фабричнаго производства съ земледѣльческимъ признавалъ непремѣннымъ условіемъ всякой разумной ассоціаціи. Побѣждая на каждомъ шагу грубость и недовѣріе работниковъ и воспользовавшись средствами общепринятой тогда системы (truck-system), обязывавшей рабочихъ все необходимое покупать у хозяевъ и нанимать у нихъ помещеніе, Оуэнъ мало по малу, своими заботами о матеріальномъ и нравственномъ благѣ работниковъ, и въ особенности нѣжною любовью къ ихъ дѣтямъ и попеченіями о воспитаніи послѣднихъ, довелъ положеніе своихъ фабричныхъ до завиднаго состоянія. 2,000 человекъ, у него работавшихъ, представляли подъ его управленіемъ какъ бы одну семью, — съ общимъ столомъ, съ участіемъ во всѣхъ выгодахъ производства, съ отсутствіемъ всякихъ полицейскихъ регламентацій и наказаній, — гдѣ главнѣйшее побужденіе для дѣятельности состояло во вліяніи нравственныхъ дѣателей и окружающихъ хорошихъ примѣрахъ. Въ то же время чистый до-

ходъ, получаемый съ этого заведенія, былъ гораздо выше нежели на другихъ фабрикахъ, гдѣ хозяева добивались обыкновенно увеличенія доходовъ посредствомъ эксплуатаціи своихъ работниковъ. Нью-Ланаркъ обратилъ на себя вниманіе всей Европы, и послѣ мира 1815 г. путешественники всѣхъ странъ прїѣзжали туда изучать новую социалистскую колонію. Не ограничиваясь практической дѣятельностію, Оуэнъ издавалъ сочиненія, въ которыхъ развивалъ свои начала и представилъ на аженскій конгрессъ въ 1818 г. записку, въ которой доказывалъ, что увеличившаяся въ 12 разъ съ 1793 по 1817 г. промышленная производительность Англїи ничего не принесла работникамъ, кромѣ усилившихся бѣдствій, и что, вслѣдствіе этого, все спасеніе общества заключается въ уничтоженіи большихъ мануфактурныхъ городовъ и въ основаніи маленькихъ общинъ, гдѣ бы промышленность соединена была съ обработываніемъ земли, по правиламъ уже примѣненнымъ, и общественное хозяйство направлено такимъ образомъ, чтобы общины удовлетворяли сами всѣмъ необходимымъ своимъ потребностямъ (*selfsupporting communities*). Воззрѣнія Оуэна были приняты съ уваженіемъ замѣчательнѣйшими людьми его эпохи: высшими сановниками Англїи, самимъ парламентомъ, нѣкоторыми министрами, и возбудили явное участіе въ образованныхъ слояхъ торговаго и промышленнаго класса. Прусскій король прислалъ Оуэну золотую медаль за «науку и искусство». Но оуэновскія идеи начали принимать характеръ общій всѣмъ социальнымъ теоріямъ того времени и стремиться къ совершенному измѣненію всего общественнаго устройства. Слѣдовательно, мысль кореннаго *обновленія* была такъ же присуща англійскому социализму при его зародышѣ, какъ и французскому: она ходила въ воздухѣ и коренилась въ одной и той же почвѣ—нестественнаго экономическаго развитія. Оуэнъ проповѣдывалъ безусловную зависимость челоуѣка отъ окружающей среды, полное равенство правъ и общность имущества. Цѣня свои идеи выше своего дѣла, онъ продалъ Нью-Ланаркъ и все остальное свое имущество ради средствъ для своей пропаганды и образовалъ въ Бирмингамѣ въ 1829 г. «лигу социалистовъ», *cooperative league*. Ученіе его, въ своей цѣлости, потерпѣло рѣшительную неудачу въ Англїи, на подобіе многихъ иныхъ ученій, за его антирелигіозное направленіе. Въ этомъ случаѣ Оуэнъ, наравнѣ съ нѣкоторыми другими своими собратьями по идеямъ, платилъ

данъ духу времени: въ пылу неиріязни къ католической и протестантской формамъ христіанства, не онѣ одинѣ забывали, что сущность новыхъ взглядовъ, какъ системы нравственно-экономическихъ понятій, трудовой дѣятельности для всѣхъ и улучшенія судьбы немущихъ, не имѣла для народа никакого яснаго практическаго смысла въ истинно-христіанскихъ основаніяхъ и безъ нихъ терла подъ собою историческую свою почву. Не подлежитъ сомнѣнію, что новая экономическая пропаганда содержала гораздо болѣе внутренней связи съ перво-христіанскою общипною жизнью, съ уставами монастырей, съ религіозно-соціальными движеніями среднихъ вѣковъ и крестьянскими требованіями временъ реформации, нежели съ скептическимъ матеріализмомъ XVIII вѣка или позитивизмомъ XIX-го. Ея противорѣчія религіи были только видимостію, но видимостію чрезвычайно гибельною для самой пропаганды. Народъ, — стоящій гораздо тверже своими истинными на почвѣ исторіи, — изъ всѣхъ поученій оуэновской лиги принималъ къ сердцу одно только несомнѣнное начало: соединенія разрозненныхъ *трудоуыхъ* силъ къ достиженію общей экономической цѣли. По лига, во всякомъ случаѣ, послужила источникомъ много, поваго распространенія соціальныхъ началъ, которое нѣкоторые образованные люди изъ высшаго и богатаго классовъ взяли на себя, и, — отказавшись отъ доктринерскихъ систематизированій, — посредствомъ митинговъ, брошюръ и журналовъ, распространяли въ англійскомъ народѣ повсюду ученія объ ассоціаціи труда.

Наконецъ, въ 1849 г. вступило въ дѣйствіе особое общество для поощренія ассоціацій (*for promoting industrial and provident societies*), составившееся изъ ученыхъ, по преимуществу изъ адвокатовъ, и нѣкоторыхъ членовъ самаго парламента, подъ руководствомъ духовной особы англиканской церкви, знаменитаго теолога, профессора Мориса. Оно старалось съ религіозной и нравственной точки зрѣнія разъяснять здравыя начала ассоціаціи и содѣйствовать ихъ практическому осуществленію не только своими сочиненіями и журналами, но дѣйствительнымъ участіемъ въ дѣлѣ и денежными пособіями. Такими путями шло, усиливаясь постоянно, соціально-экономическое движеніе въ Англии, — это знаменитое *cooperative movement*, — и приготавлило все болѣе и болѣе почву для практическаго примѣненія своихъ началъ. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ и теоретическихъ увлеченій, социаламъ, въ основныхъ и разум-

ныхъ своихъ стремленіяхъ, дѣйствительно привился къ народному быту и выразился на дѣлѣ въ числѣ нѣсколькихъ рабочихескихъ ассоціацій (cooperative workingmen's associations), начавшихъ особенно усиливаться въ своемъ развитіи и увеличиваться въ количествѣ съ 1848 г. Въ 40-хъ годахъ ихъ существовало до 30, а въ 1854 г. ихъ считалось уже до 250; изъ нихъ три четверти приходилось на Англію, — остальные на Шотландію. 200 такихъ ассоціацій, составленныхъ по преимуществу изъ работниковъ, посредствомъ вносимыхъ ими небольшихъ и нерѣдко совершенно ничтожныхъ вкладовъ, имѣли главнѣйшею цѣлью — правильное распредѣленіе имущества и носили названіе cooperative stores (общинныхъ запасовъ). Въ огражденіе работниковъ отъ сношеній съ мелочными торговцами, — которые своими поддѣлками и подмѣшиваніями превратили мелочной сбытъ питательныхъ продуктовъ въ Англіи въ ужаснѣйшую систему отравленій, — эти общества покупали оптомъ жизненные принасы наилучшаго качества и перепродавали ихъ, по мелочи, своимъ членамъ, а наконецъ и публикѣ за настоящую, весьма умѣренную цѣну, въ чистомъ, неиспорченномъ видѣ. Матеріальныя выгоды, представляемыя соучастникамъ такимъ оборотомъ, далеко превышали проценты отъ вкладовъ въ сберегательныя кассы. Общинныя запасныя магазины превращались очень скоро въ торговыя лавки, управляемыя ассоціаціею и приносившія ея членамъ, пропорціонально суммѣ сдѣланныхъ каждымъ изъ нихъ покупокъ, значительныя дивиденды. Съ расширеніемъ оборотовъ, появилась для обществъ возможность взять въ собственныя руки не одно только распредѣленіе, но и самое производство главнѣйшихъ статей продажи, какъ напримѣръ муки, мяса, хлѣба. Съ этою цѣлью они пріобрѣтали въ свою собственность или снимали въ аренду мельницы, фабрики, и старались производить сами необходимое для своего потребленія. Лѣтомъ 1854 г. къ большому рочдельскому обществу распредѣленія имущества (Rochedale-society of equitable pioneers) присоединилось другое, т. е. Rochedale cooperative manufacturing society, и въ нихъ возникло фабричное производство главнѣйшихъ статей, продаваемыхъ въ обществѣ, въ особенности платяевъ и матерій для одежды. Кромѣ того, нѣкоторые изъ обществъ основывали у себя общественныя школы и разныя учрежденія для содержанія и вспомошествованія нуждающимся изъ своихъ членовъ, устраивали кабинеты для чтенія, за-

нимались разведенієм садовъ, заводили общія швальни и т. д. Такимъ образомъ хозяйственныя ассоціаціи превращались въ *производительныя*, слѣдовательно—въ форму гораздо болѣе полную и высшую. Чисто производительныхъ ассоціацій (за исключеніемъ stores) считалось въ 1854 г. около 35, къ началу 1857 г. около 50. Предметомъ ихъ занятій были ремесла и ручныя работы на общій счетъ соединившихся членовъ, портняжество, сапожничество, башмачничество, шляпничество, дѣланіе музыкальныхъ инструментовъ, плотничество, пивоварни, бойни, и затѣмъ собственное фабричное производство (шолковое, бумагопрядильное, ткацкое, суконное и проч.). Къ ремесламъ и фабричнымъ занятіямъ присоединились здѣсь покупки необходимыхъ матеріаловъ оптомъ и нѣкоторые обороты, свойственные хозяйственнымъ обществамъ (stores). Замѣчательно, что многія изъ этихъ ассоціацій возникли прямо изъ обществъ рабочихъ стачекъ (strikes), такъ что первыя являются какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ послѣднихъ. Переходъ, дѣйствительно, могъ совершиться весьма естественно. вмѣсто того чтобы требовать силкомъ выгодныхъ условій для работы отъ капиталистовъ—производителей, несравненно выгоднѣе было осуществить эти условія независимо отъ капиталистовъ и создать для себя самостоятельную работу, совершенно свободную отъ безмѣрной конкуренціи огромной нищенствующей массы рабочихъ. Такъ съ 1849 г. многія «общества стачекъ» собранныя ими средства начали употреблять на основаніе самостоятельныхъ ассоціацій и образовали такимъ способомъ общества машинистовъ, пробочниковъ и портныхъ въ Лондонѣ, красильщиковъ въ Манчестерѣ и набойщиковъ въ Бриккарѣ. Нѣкоторыя изъ производительныхъ ассоціацій достигли самаго цвѣтущаго состоянія. Такъ общинная бумагопрядильня, подлѣ Рочдела, подъ фирмой: *Wassier commercial company*, состоящая изъ 100 только членовъ, производила съ 1854 г. ежегодно на 50,000 фун. стерлинговъ; ассоціація портныхъ въ Лондонѣ, состоявшая въ 1851 г. изъ 66 человекъ съ 50 фун. ст. капитала, производила въ 1856 г. на 2,000 фун. и имѣла въ 1858 г. 500 членовъ. Само собою разумѣется, что образованіе всѣхъ рабочихъ ассоціацій сопровождалось ошибками, неудачами и всякаго рода затрудненіями. Тѣмъ не менѣе въ 1854 г. число членовъ въ каждой ассоціаціи простиралось отъ 20 до 3,000; въ большей части ассоціацій отъ 100 до 200. Ежегодныя обороты ихъ колебались между 1.000

и 40—60,000 фун. ст., причемъ послѣднія числа относились къ 3—4 обществамъ. Съ 1854 г. состояніе ихъ улучшилось чрезвычайно замѣтно, не взирая на восточный кризисъ и продолжительную войну. Въ 1858 г. число всѣхъ ассоціацій простиралось до 400,—280 въ Англіи и 120 въ Шотландіи. Дѣломъ 1859 г. ихъ числилось не много менѣе 500 и каждодѣльно прибавлялись новыя. Большая часть этихъ ассоціацій представляли собою въ одно и то же время общества умѣренности и трезвости. Всѣ неблагоприятныя внѣшнія обстоятельства и затѣмъ неопытность, неумѣнье и случайныя бѣдствія внутри самихъ общинъ разрушили изъ прежде существовавшихъ не болѣе 12. Чаше всего претерпѣвали затрудненія производительныя ассоціаціи, которыя подавляла на рынкахъ конкуренція богатыхъ частныхъ производителей. Но социальное-экономическое движеніе не ослабѣвало въ энергіи. Въ послѣднее время встрѣчается все болѣе и болѣе случаевъ, гдѣ работники отъ притѣсняющей ихъ конкуренціи и владычества капиталовъ ищутъ спасенія прямо въ самостоятельномъ производствѣ фабричныхъ работъ посредствомъ ассоціаціи. Въ округѣ одного Рочдела (до 10 англ. миль въ окружности) существовала въ мартѣ 1859 г. 31 ассоціація, (не считая громаднаго «рочдельскаго общества пиомеровъ» въ которомъ 3,000 человекъ), и 6,500 сочленовъ съ капиталомъ въ 43,000 фун. ст. и ежедневною продажей своихъ продуктовъ на 5,000 фун. Число всѣхъ вообще членовъ въ общинныхъ союзахъ простиралось въ 1858 г. до 50,000 человекъ и обороты общинъ до 500,000 фун. Въ настоящее время, судя по общему характеру движенія, очень можно быть, что числа эти уже удвоились. Но дѣло не въ числахъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ профессоръ Губертъ, изучавшій социальное-экономическое движеніе въ Англіи. Дѣло въ томъ, что движеніе растетъ; что развивающееся благосостояніе социальныхъ общинъ, доходы которыхъ увеличились продолженіе какихъ нибудь полутора-десятка дѣтъ въ 100, 200, 300 кратъ, вынуждаютъ къ жизни новыя подобныя общества и новыя безчисленныя союзническія комбинаціи во всѣхъ углахъ трудовой рабочицкой дѣятельности; что духъ прогресса влечетъ неудержимо рабочее населеніе Англіи на открывшійся путь трудовыхъ ассоціацій, какъ единственно ведущій къ цѣли улучшенія ихъ бѣдственнаго состоянія; что, наконецъ, самое движаніе, будучи еще въ зародышѣ, но развиваясь

изумительно быстро, втягиваетъ въ себя такіе общественныя и политическія силы, которыя могутъ мало по малу видоизмѣнить существенно-экономическій бытъ Англіи и ослабить значительно то исключительное владычество безусловнаго *личнаго* интереса, которое тяготеетъ нынѣ надъ всѣми нравственно-экономическими понятіями и обязанностями западнаго европейца. Въ Англіи существуетъ 304 ассоціаціи для ссуженія рабочихъ необходимыми денежными суммами, которыхъ выдано уже 686,403 фун. ст.; существуютъ рабочніе ассоціаціи для приобрѣтенія въ собственность домовъ съ необходимою при нихъ землею, (Land and building societies), что даетъ рабочикамъ возможность участвовать въ парламентскихъ выборахъ; существуютъ промышленныя заведенія и фабрики, гдѣ наиболее образованные хозяева стараются сами объ улучшеніи положенія своихъ работниковъ,—строятъ, для нихъ помѣщенія, удобные домики съ садами, приобщаютъ работниковъ къ выгодамъ производства и содѣйствуютъ такимъ образомъ осуществленію наиважнѣйшей ассоціаціи труда и капитала; существуетъ въ Лондонѣ, основанная Морисомъ, социальная школа работниковъ, — workingmen's college, — которая уже стоитъ теперь во главѣ многихъ другихъ подобныхъ же школъ и пользуется вмѣстѣ съ ними покровительствомъ обоихъ университетовъ; существуетъ, наконецъ, огромное общество: «National-Freehold-Society» и 130 ему подобныхъ и съ нимъ конкурирующихъ ассоціацій, съ 4,000,000 фун. ст. капитала, — для приобрѣтенія рабочикамъ въ собственность земли, безъ которой самостоятельность ироднаго труда и обезпеченное положеніе трудовыхъ ассоціацій, въ окончательномъ результатѣ — дѣло несодѣянное. Этими обществами куплено уже 310 большихъ помѣстій и роздано 19,500 участковъ. Замѣчательно въ высочайшей степени, что многіе изъ этихъ земель поступили не въ частную, но *въ общинную собственность* работниковъ. Въ заключеніе, само политическое движеніе такъ сильно начинаетъ клониться въ пользу социально-экономическихъ началъ, что недавній билль о реформѣ, даровитѣйшаго человека Англіи, Гладстона, съ его особенною системою налоговъ на доходы, имѣлъ своею существенною цѣлью политическое полноправіе работника, и, въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, легальный путь къ болѣе правому распределенію поземельной собственности въ Англіи, такъ обезображенному тамъ исторіею прошедшаго, присутст-

иенъ громаднѣхъ частныхъ капиталовъ и закономъ перво-родства.

Движеніе, подобное англійскому, обнаружилось въ настоящее время въ германскихъ государствахъ. Германія еще не успѣла развить въ себѣ ни тѣхъ блестящихъ, ни тѣхъ мрачныхъ сторонъ экономическаго быта, какія видимъ мы въ Англии. Но германскія общества стоятъ на широкомъ пути къ тѣмъ-же крайностямъ. Если въ виртембергскомъ королевствѣ 3,620,000 виртембергскихъ морговъ земли умѣли раздробиться на 4,000,000 поземельныхъ участковъ, а во всей Германіи, совокупно взятой, большинство народа остается безъ поземельной собственности, и если въ Саксоніи отъ 60 до 70%, населенія принадлежитъ одной промышленности, а фабричное производство, основанное на большихъ капиталахъ, повсемѣстно начинаетъ подавлять въ Германіи ремесленное, и самостоятельныхъ трудовыхъ людей обращать въ работниковъ-поденщиковъ, — то нѣтъ ничего противоестественнаго, что новое экономическое движеніе взяло силу и въ Германіи, хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ видѣли мы въ Англии. Съ одной стороны его развитію мѣшаютъ здѣсь правительственныя регламентации; реакціонная привычка заподозрѣвать въ рабочихъ ассоціаціяхъ противообщественныя начала; флегматическій характеръ нѣмецкаго работника и тупое безучастіе нѣмецкой публики; съ другой — существующій еще въ Германіи довольно значительный классъ ремесленниковъ сообщилъ движенію нѣсколько односторонній и особенный характеръ. Съ 1848 г. въ рабочихъ нѣмецкихъ классахъ возникло два направленія и образовались двѣ партіи: одна, особенно сильная въ южной Германіи, стремилась къ возвращенію отжившаго цеховаго порядка и требовала правительственной опеки; другая держалась началъ промышленной свободы и дѣлала попытки къ образованію самостоятельныхъ рабочихъ союзовъ, съ цѣлью улучшенія рабочаго быта. Первая, не смотря на нѣкоторые успѣхи въ достиженіи своихъ цѣлей, разумѣется не внесла ничего лучшаго въ положеніе рабочихъ классовъ и не могла не почувствовать очень скоро своего дѣла проиграннымъ. Вторая — составила въ 1848 г. цѣлый планъ общаго соединенія всѣхъ работниковъ посредствомъ мѣстныхъ и центральныхъ рабочихъ комитетовъ, долженствовавшихъ завѣдывать распредѣленіемъ работъ и установленіемъ заработной платы, и посредствомъ общаго рабочаго

го фонда, предназначеннаго служить кредитнымъ банкомъ для работниковъ и въ то же время средствомъ для пріобрѣтенія имъ поземельной собственности. Этотъ обширный и чрезвычайно сложный проэктъ нѣмецкаго рабочническаго братства Deutsche Arbeitverbrüderung, начавшійся приводиться въ исполненіе съ горячимъ содѣйствіемъ молодого рабочаго поколѣнія, встрѣтилъ огромныя препятствія на практикѣ и сильныя преслѣдованія со стороны полицейской администраціи, а потому въ 1849 г. погибъ безъ всякихъ очевидныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ, потерпѣвъ обоюдныя неудачи, то и другое направленія рабочаго класса соединились въ одномъ общемъ пунктѣ: вспомошествовать самимъ себѣ посредствомъ частныхъ и мѣстныхъ ассоціацій, для достиженія какихъ либо спеціальныхъ экономическихъ цѣлей. Практическому развитію этой мысли содѣйствовалъ въ сильной степени бывший членъ т. н. прускаго собранія, Шульце (изъ Делича *); подѣ влияніемъ его пропаганды, сочиненій, практическаго участія въ дѣлѣ, экономическія ассоціаціи сдѣлали замѣчательный успѣхъ въ средѣ рабочаго класса. Появились многочисленныя сберегательныя, кредитныя, ссудныя, хозяйственныя строительныя и тому подобныя общества, основанныя на началѣ соединенія рабочихъ силъ и средствъ въ одно общее цѣлое. Значительнѣйшими изъ этихъ ассоціацій явились «кредитныя» или ссудныя. Ихъ главнѣйшая цѣль состояла въ томъ, чтобы даровать мелкимъ и средней руки ремесленникамъ возможность: 1) за самыя умѣренныя проценты получать во всякое время необходимыя денежныя средства на свои производства; 2) избавиться отъ разорительныхъ ростовщическихъ займовъ; 3) получать самимъ, доступныя доселѣ однимъ капиталистамъ, выгоды отъ кредитныхъ учрежденій въ видѣ дивидендовъ, и 4) составлять самимъ для себя свои собственные капиталы и такимъ образомъ трудиться вполне самостоятельно. — Средства для образованія общиннаго кредита соответствовали строгому социальному началу; они заключались во взаимномъ ручательствѣ всѣхъ членовъ ассоціаціи и въ образованіи оборотнаго капитала, посредствомъ приносящихъ проценты взносовъ всякаго рода. Капиталы принимались за общепотребительныя въ странѣ проценты и, затѣмъ съ вычетомъ изъ послѣднихъ извѣстной части на управленіе и на запасный фондъ башка, выдавались сочленамъ, при чемъ дивиденды за-

* Деличъ маленькій прусскій городокъ, недалеко отъ Лейпцига.

вспли отъ того, какъ часто въ продолженіе года обращался общественный капиталъ, и слѣд. сколько разъ приносилъ онъ на себя проценты, которые самъ платилъ только однажды въ годъ. Управленіе ассоціаціями было избирательное. По своимъ послѣдствіямъ эти учрежденія оказались въ высшей степени благотѣльными для ремесленныхъ классовъ.—При быстротѣ оборотовъ въ маленькихъ производствахъ, ссуды берутся ремесленниками, обыкновенно, на самые короткіе сроки. До образованія кредитныхъ товариществъ нѣмецкіе ремесленники получали въ займы деньги изъ частныхъ рукъ не менѣе, какъ за 40 — 50 процентовъ, а иногда за 100 и даже болѣе. 20 талеровъ стоили въ займѣ по крайней мѣрѣ 1 талеръ процента въ мѣсяцъ. Кредитныя ассоціаціи начали ссужать своихъ сочленовъ за проценты по 20—25 зильбергрошей со 100 талеровъ капитала въ мѣсяцъ и кромѣ того возвращали имъ, въ видѣ дивидендовъ, все то, что оставалось за расходами по дѣламъ общества, такъ что заемъ обходится для членовъ въ 4 — 5 годовыхъ процентовъ. Всегдашняя возможность достать 50—100 талеровъ во-время, оживляла трудъ ремесленника, обезпечивала ему его промыселъ и его будущее; она избавляла къ тому же отъ нравственнаго ига—обязываться кредитору, сносить его притязательныя требованія и деспотическія условія и ставила трудящагося человѣка въ зависимость только отъ себя, въ благородныя сношенія только съ лицомъ правственнымъ, ассоціаціею, а не въ унижительныя связи съ корыстолюбивыми и требовательными ростовщиками. Успѣхъ такого рода обществъ превзошелъ всякія ожиданія. Люди самые бѣдные находили возможность постоянно вносить въ общую кассу ежемѣсячно по нѣсколько грошей, и такимъ образомъ впервые пріобрѣтать себѣ капиталъ, который увеличивался съ каждымъ днемъ на ихъ собственныхъ глазахъ. Въ какихъ нибудь 9 лѣтъ число членовъ и капиталы ихъ увеличились въ огромныхъ размѣрахъ, а образованіе новыхъ обществъ продолжается безостановочно. Первое кредитное общество въ Деличѣ, основанное въ 1850 году изъ ста членовъ, имѣло ихъ 400 въ 1859. Ссуды, выдаваемые заразъ работникамъ, въ мелкихъ округахъ простираются до 300 и даже до 500 талеровъ; въ болѣе же обширныхъ доходятъ нынѣ до 1000 тал., что уже значительно превышаетъ потребности мелкаго ремесленнаго производства. Многія общества начинаютъ выдавать деньги не болѣе какъ за 4 или много 4½%. Такимъ образомъ безпомощ-

ный и обреченный на разореніе ремесленникъ, сдѣлавшись членомъ ассоціаціи, попадалъ неожиданно въ положеніе, при которомъ съ успѣхомъ могъ выносить бѣдствія торговыхъ и денежныхъ кризисовъ, колебавшихъ самыя большія частныя состоянія. Извѣстенъ фактъ, что во время послѣдняго кризиса 1857 г., многія кредитныя ассоціаціи не теряли возможности возвращать ими занятыя капиталы. Число этихъ ассоціацій возрасло уже до 120, съ оборотнымъ капиталомъ въ миллионъ и съ производствомъ въ 3,000,000 талеровъ; число ихъ членовъ простирается до 25,000 человекъ. — Другой, наиболѣе замѣтный разрядъ германскихъ ассоціацій составляютъ общества для приобрѣтенія и распредѣленія сырыхъ матеріаловъ (Rohstoffvereine). Цѣль ихъ заключается въ покупкѣ для какого-нибудь спеціальнаго производства оптомъ и изъ первыхъ рукъ сырыхъ матеріаловъ наилучшей доброты, которые потомъ перепродаются членамъ ассоціаціи со всѣми преимуществами дешевизны и дѣйствительной доброкачественности товара, — со взиманіемъ лишь незначительныхъ процентовъ, для образованія запаснаго капитала и для необходимыхъ расходовъ по управленію обществомъ. Посредствомъ закупокъ въ большихъ размѣрахъ и черезъ экспертовъ, вполне понимающихъ дѣло, и посредствомъ прямой возможности пользоваться всѣми безъ исключенія частями извѣстнаго матеріала (изъ котораго неизбѣжно пропадаютъ въ рукахъ всякаго частнаго производителя разнаго рода остатки и обрѣзки, непригодные для него, и ничего не пропадетъ для ассоціаціи, которая можетъ всегда распредѣлять матеріалъ такъ, чтобы негодныхъ остатковъ не было), — выгоды и барыши цѣлаго общества, равно какъ и отдѣльныхъ членовъ его обезпечиваются несомнѣннымъ образомъ. Учитывается напр., что сапожнику обходится въ такой ассоціаціи необходимая для его работы кожа (т. е. именно тѣ части кожи, которыя ему нужны) по крайней мѣрѣ 25-ю процентами дешевле, нежели обыкновенная ея покупка изъ частныхъ рукъ, не считая того, что онъ получаетъ матеріалъ безъ всякаго обмана и поддѣла и наилучшаго при томъ качества. Если же принять еще въ соображеніе возможность для каждаго члена получить отъ общества товаръ въ кредитъ за самыя умѣренныя проценты, то выгоды приобрѣтателя товара должно полагать никакъ не менѣе 50%. Ассоціаціи, съ одной этой стороны увеличивая ровно вдвое производительную силу ремесленника, существуютъ во многихъ мѣстахъ въ Германіи, — по

преимуществу въ средней, — между сеножниками, портными, столярами, переплетчиками книгъ, ткачами и проч. Число обществъ простирается до 50, изъ которыхъ 30 принадлежатъ сапожникамъ. Значительнѣйшая изъ ассоціацій—магдебургскихъ сапожниковъ—продаетъ кожи на 20,000 талеровъ. Всю вообще продажу всѣхъ подобныхъ обществъ можно полагать до 300,000 талеровъ. За тѣмъ «потребительныя ассоціаціи» въ Германіи (Consumvereine) сходствуютъ въ своей организаціи съ англійскими stores; но существуютъ въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, нежели ассоціаціи двухъ первыхъ видовъ. Онѣ ограничиваются пока нѣсколькими большими городами и въ числѣ членовъ находятся не одни ремесленники и работники, но также люди богатые и нѣмецкіе чиновники, чѣмъ эти общества отличаются существенно отъ англійскихъ stores. О производительныхъ ассоціаціяхъ въ тѣсномъ смыслѣ, — ближайшею ступенью къ которымъ служатъ общества распредѣленія сырыхъ матеріаловъ, — пока еще ничего замѣчательнаго не слышно въ Германіи. Но нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы съ устраненіемъ бюрократическихъ и доктринерскихъ вліяній они не появились здѣсь съ тою-же самостоятельностью, съ какою образовались кредитныя и хозяйственныя ассоціаціи. Въ сороковыхъ годахъ, въ Берлинѣ, возникли «производительныя ассоціаціи» портныхъ, но походили болѣе на торговыя товарищества, нежели на трудовыя ассоціаціи. Между тѣмъ, что духъ производительныхъ ассоціацій не чуждъ германскимъ работникамъ, Губеръ подтверждаетъ замѣчательнымъ фактомъ. Въ Ламбрехтѣ (недалеко отъ Нейштадта въ Пфальцѣ), до присоединенія его къ Франціи, существовалъ цехъ ткачей, составленный изъ 50 мастеровыхъ. Съ революціоннымъ введеніемъ свободы промысловъ, одинъ изъ большихъ капиталистовъ основалъ по близости Ламбрехта большую ткацкую и прядильную фабрику, съ бельгійскими машинами. Цеховымъ мастерамъ грозила явная бѣда—попасть въ разрядъ фабричныхъ работниковъ. Машины, по ихъ высокой цѣнности, для каждаго изъ нихъ отдѣльно были совершенно недоступны; конкурировать-же съ машиннымъ производствомъ — было бы безуміемъ. Тогда весьма простая мысль осынила ихъ: 20 мастеровъ, сложившись, выписали машины на общій счетъ и основали, на началахъ ассоціаціи, свое собственное производство, съ участіемъ въ управленіи имъ каждаго члена, по очереди, въ продолженіе мѣсячнаго срока. Затѣмъ образо-

вались еще 2 подобных ассоциаций, и въ Ламбрехтѣ не осталось ни одного мастера, который бы не участвовалъ въ машинномъ производствѣ, выдерживая соперничество фабрикъ, производящихъ тѣ же продукты. Благосостояніе членовъ ассоциаций удвоилось и утроилось.—О нравственномъ вліяніи рабочихъ ассоциаций едва ли нужно распространяться. Достаточно поставить на видъ, что онѣ въ сильнѣйшей степени парализируютъ специальную страсть западныхъ европейцевъ къ отъединенію и обособленію всякой трудовой дѣятельности и подкапываютъ въ самомъ корнѣ нелѣпное стремленіе, — особенно свойственное нѣмцамъ, — спасать свою трудовую самостоятельность помимо тѣснѣйшаго экономическаго союза отдѣльныхъ лицъ между собою. Изъ элементовъ социальноекономическаго движенія въ Германіи нельзя исключить также возникшія въ 1859 г. требованія прусскаго народонаселенія объ освобожденіи его общинъ отъ всякаго бюрократическаго и господскаго произвола, а также возникавшіе недавно въ прусскихъ палатахъ толки о введеніи болѣе рациональныхъ поземельныхъ налоговъ. Нельзя въ то же время не упомянуть объ особенной ассоциаций, — энергически дѣйствующей въ Виртембергѣ и основанной на началахъ строго религіозныхъ, — общаго производства продуктовъ, ихъ потребленія и взаимнаго кредита: она не безъ успѣха берется за различныя промышленныя предпріятія и находитъ полезныя занятія для бѣдныхъ и убогихъ.

Своеобразный, и во многихъ отношеніяхъ совершенно противоположный характеръ представляетъ новѣйшее экономическое движеніе во Франціи. Хотѣть много и хотѣть его вдругъ — историческое несчастіе французскаго народа: на томъ основаніи, что правительственная сила есть наимогущественнѣйшая сила въ обществѣ, народъ понинѣ добивается тамъ всего черезъ правительство и ждетъ улучшеній только отъ одного правительства. Оттого, быть можетъ, ни одно изъ западно-европейскихъ государствъ не представляетъ такой слабости въ самостоятельности низшихъ классовъ, какую представляетъ настоящая Франція. Ея сильное правительство общимъ настроеніемъ народнаго духа поставлено на скользкій путь вмѣшательства во всѣ экономическія дѣла и отношенія общества. Нынѣшній императоръ французовъ избранъ главою государства всѣми почти партіями съ заднею мыслью каждой изъ нихъ — получить именно отъ новаго правительства поддержку своимъ началамъ и гарантію своей дѣятельности. Одни ждали отъ него обезпеченія лич-

него интереса и безусловной частной собственности; другіе предлагали, что основнымъ стремленіемъ правителя будетъ поднять пролетаріатъ и разопнать соціальныя благодѣянія на рабочю классы; рабочій народъ ждалъ всѣхъ возможныхъ экономическихъ улучшеній своей судьбы отъ соціальныхъ мѣръ главы государства. Очень понятно, что новозбранное правительство постаралось удовлетворить повидимому всѣхъ, не удовлетворяя на самомъ дѣлѣ никого, и такимъ образомъ, въ эффектно видѣ исключительнаго дателя всякихъ благъ, забрать въ руки всѣ общественные интересы и сдѣлаться безусловнымъ владыкою надъ ними. Такъ, собственникъ получилъ обезпеченіе своей неограниченной собственности, насколько могутъ обезпечивать ее порядокъ и спокойствіе, и въ то же время потерялъ всякую самоуверенность въ благонадежности своихъ правъ, ибо чувствовалъ, какъ уходила изъ-подъ послѣднихъ твердая почва нравственныхъ народныхъ убѣжденій: права его ограждались не общественною нравственностью, но единою силою могучаго правительства. Богатые промышленники обезпечены были во всѣхъ прежнихъ пріемахъ производства, потребления и распредѣленія богатствъ и отлично защищены отъ тоскливаго существованія среди непрестанныхъ буйтовъ и революціонныхъ требованій. Но они потеряли всякую вѣру въ состоятельность своей экономической дѣятельности и въ прочность существующаго порядка производствъ и распредѣленія цѣнностей. Рабочее сословіе дождаюсь, наконецъ, благодати множества отдѣльныхъ, мелочныхъ и стрывочныхъ соціальнo-экономическихъ мѣръ, которыя, давая очень много на видъ, не давали или равно ничего, или чрезвычайно немного, а между тѣмъ заставляли все-таки ждать и надѣяться, не пробуждаясь отъ нравственнаго усыпленія и насколько не освобождаясь отъ одной страдательной и рутинной дѣятельности. Въ обузданіе соціальныхъ требованій людей безъ работы, послѣднихъ призывали въ большихъ городахъ къ сооруженію новыхъ дворцовъ и военныхъ укрѣпленій; для бѣдныхъ учреждалась дешовая продажа печенаго хлѣба; рабочему пролетаріату строились особые дома для помѣщенія; капиталистамъ давались всякаго рода льготы къ проведенію въ промышленную жизнь принципа: *laissez faire, laissez passer* и позволяли предаваться насколько душѣ угодно воспрещаемому закономъ ростовщичеству и непроизводительнымъ спекуляціямъ. Но укрѣпленія возводились и для того, чтобы дать администраціи

силу—боротьясь съ народными требованіями; дешовая продажа хлѣба въ дорогіе годы грозила дорогою продажою въ дешовые; постройка для работниковъ домовъ, предпріятая съ цѣлю пониженія наемной платы, уничтоживъ цѣлые кварталы въ столицѣ, возвышала наемную цѣну до небывалыхъ никогда размѣровъ: «laisser faire laisser passer» — смущалось безпрестанно явно противоположными тенденціями лицъ почти офціальныхъ и полуофціальными брошюрами, въ которыхъ доказывались: то право государства въ установленіи наемныхъ платъ, то планы экспропріаціи парижскихъ домовладѣльцевъ посредствомъ городской общины, то идеи, что право собственности неприкосновенно, и что все позволительно для поддержанія общественнаго порядка, для блага страны, для славы столицы и т. д. Въ такой обстановкѣ не могло быть мѣста ни для какого прочнаго и спокойнаго экономическаго преуспѣянія. Еще менѣе логично было ждать его для трудовыхъ рабочихескихъ ассоціацій.

Въ прямую противоположность обстоятельнымъ и привыкшимъ къ дѣловой послѣдовательности англичанамъ, рабоческіе ассоціаціи начались между французами не съ простѣйшихъ, но съ наиболее высшихъ и сложныхъ формъ,—съ ассоціацій производительныхъ. Первое появленіе ихъ относится къ 1831 г., когда образовалась «ассоціація столяровъ» (*association d'ouvriers menuisiers*), статуты коей послужили во многихъ пунктахъ образцомъ для всѣхъ будущихъ предпріятій подобнаго рода. Исполненія духомъ общественнаго обновленія, теоретическихъ идеаловъ и политической оппозиціи,—они обратили на себя тотчасъ же сосредоточенное вниманіе администраціи. Въ неблагопріятной средѣ разныхъ политическихъ запутанностей, внутреннихъ смуть, своихъ собственныхъ непрактическихъ стремленій и непрестанныхъ полицейскихъ преслѣдованій,—весьма немногія изъ этихъ первыхъ ассоціацій могли сохранить свое юное существованіе. Тѣмъ не менѣе административныя строгости не могли остановить революціоннаго характера движенія, и въ концѣ 1849 г. въ Парижѣ и департаментахъ считались многія сотни рабочихескихъ ассоціацій, производившихъ самостоятельно и на собственный счетъ. Ихъ внутренняя организація представляла множество ошибокъ, промаховъ, злоупотребленій и крайнихъ увлеченій. Они мечтали захватить въ свои руки всю промышленную дѣятельность; хотѣли обезсилить и уничтожить всякія частныя предпріятія; не допускали въ себя людей съ денежными сред-

ствами и рассчитывали замѣнить повсюду денежныхъ капиталистовъ недвижимыми пролетаріями. Послѣ іюньскихъ дней само правительство сочло нужнымъ принять подѣ особое свое покровительство рабочихъ ассоціаціи и въ іюль 1849 г. назначило особую комиссію для изученія всѣхъ ихъ нуждъ и потребностей (*commission d'encouragement*). На денежное вспомошествованіе ассоціаціямъ назначили 3,000,000 франковъ. Подобное назначеніе было совершенно въ духѣ исконныхъ началъ французскаго правительства и принесло послѣдствія нисколько не лучшія (хотя положительно вѣрно, что и не худшія), чѣмъ всѣ его другія, чисто внѣшнія внѣшательства въ экономическую дѣятельность народа. Въ окончательныхъ результатахъ денежное вспомошествованіе послужило не въ пользу ассоціаціи. Съ одной стороны оно сопряжено было съ стѣснительными обязательствами для ассоціаціи, принявшихъ денежное пособіе, поступать по извѣстнымъ правиламъ въ своей дѣятельности и руководствоваться извѣстными опредѣленными началами въ своемъ внутреннемъ устройствѣ; съ другой, оно вызывало къ жизни ассоціаціи искусственныя, чисто случайныя и гораздо болѣе похожія на спекуляціи, чѣмъ на союзы работниковъ съ цѣлью дѣятельнаго производства. 1,800,000 фр. попали изъ казны прямо въ руки 20 большихъ провинціальныхъ фабрикантовъ, у которыхъ образованіе ассоціаціи между работниками имѣло значеніе временной мѣры спасенія изъ безвыходнаго положенія испорченныхъ своихъ дѣлъ. Дѣйствительныя рабочіе товарищества, въ числѣ только 30, получили (я то только въ одномъ Парижѣ) — 890,000 фр. Обнаружилось очень скоро, что подѣ формою правительственнаго вспоможенія скрывалось реакціонное настрѣненіе затруднить стремленія работниковъ къ трудовымъ ассоціаціямъ и помѣшать, насколько возможно, ихъ практическимъ осуществленіямъ. «*Commission d'encouragement*» превратилась въ «*commission de surveillance*», и изъ 56 ассоціаціи, получившихъ казенное вспоможеніе, устояло къ 4 ноября 1854 г. только 14, а въ 1857 г. изъ всѣхъ рабочихъ ассоціаціи уцѣлѣло не болѣе двухъ-трехъ десятковъ, «обязанныхъ своимъ спасеніемъ единственно лишь полному отреченію отъ утопическихъ теорій 1848 г.» Эти послѣднія ассоціаціи въ основу своего устройства приняли за непремѣнныя правила: — допускать къ себѣ, по мѣрѣ надобности, безъ всякаго ограниченія въ числѣ, новыхъ членовъ и союзниковъ (*adhérents*); послѣдовательно составлять

капиталы съ помощью работы, такъ чтобы или члены производили другъ для друга необходимыя орудія работы, или взималась бы известная сумма съ цѣны услугъ и продажъ, или удерживались бы известныя доли съ мѣсячной заработной платы; работать поштучно и получать вознагражденіе соразмѣрно труду; принимать въ свое общество работниковъ въ качествѣ помощниковъ и потомъ дозволять имъ вступать въ члены ассоціаціи; образовывать — удерживаніемъ опредѣленныхъ частей изъ рабочихъ жалованій и доходовъ — запасныя и вспомогательныя кассы. Кроме того нѣкоторыя ассоціаціи поставили себѣ цѣлю образованіе учениковъ, общую закупку запасовъ, развитіе своихъ произведеній по дешовой цѣнѣ съ другими ассоціаціями и публичность отчетовъ. Всѣ эти трудовыя общества во Франціи перенесли множество промышленныхъ невзгодъ отъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, терпѣли много отъ бѣдности и недостатка въ работѣ и заказахъ, отъ внутреннихъ раздоровъ, измѣнъ, обмановъ, отъ собственной своей неопытности, отъ недобросовѣстности и шарлатанства многихъ своихъ членовъ. Были нерѣдкіе примѣры, что управляющіе всѣми дѣлами общества выходили внезапно оттуда съ капиталами и основывали свои собственныя производства; члены общества, при первыхъ барышахъ, требовали раздѣла и уходили съ своими долями. Но работники убѣждались мало по малу, что главнѣйшій успѣхъ ассоціаціи зависитъ не отъ богатства и не отъ обширности ея, даже не отъ большаго или меньшаго искусства въ ея организаціи, но отъ духа тѣхъ, которыхъ она соединяла, и что для трудовой ассоціаціи нужно прежде всего своего рода воспитаніе. «On ne naît point associé, on le devient,» говорили сами работники. И дѣйствительно, они воспитывались... Положительнымъ доказательствомъ этого служить то, что существующія нынѣ ассоціаціи, не смотря на самую бурную и исполненную всякаго рода бѣдствій исторію своего развитія, успѣли достигнуть болѣе или менѣе цвѣтущаго состоянія, и ихъ первоначальныя капиталы, состоявшіе изъ нѣсколькихъ сотенъ и даже десятковъ франковъ возросли въ нѣсколько лѣтъ до 20 — 30 и 80,000 фр. Старѣйшая изъ существующихъ рабочихъ ассоціаціи — есть общество подъ названіемъ: «Société des Bijoutiers en doré,» образовавшееся въ 1834 г. съ капиталомъ въ 200 фр., изъ 8 членовъ и 12 помощниковъ; въ 1856 г. оно производило на 200,000 фр. и во-

лучило чистаго дохода 41,000. Дивиденды его членовъ простирались въ 1858 г. до суммы вдвое большей ихъ поштучной годовой заработной платы. Отличительная черта этого маленькаго союза—религіозное направленіе и строго-нравственный образъ жизни членовъ. Замѣчательнѣйшія по успѣхамъ суть: т. н. ассоціація Рамке (association Remquet), состоящая изъ книгопечатниковъ, и «общество каменщиковъ» (ass. des ouvriers maçons). Первое возникло въ 1848 г., посредствомъ покупки извѣстной типографіи Ренуара за 60,000 фр. факторомъ Рамке и 16 работниками, и получило, съ величайшими препятствіями и за весьма тяжолыя условія, правительственное вспоможеніе—въ 80,000 фр. Съ 1849 г. оно получало уже постоянно увеличивавшіеся доходы и при ликвидаціи въ 1859 г. имѣло на 1,550,000 фр. имущества, свободнаго отъ всякихъ долговыхъ обязательствъ. Мѣсто первой ассоціаціи заступила теперь вторая съ 80,000 фр. собственнаго капитала. Другое общество, возникшее въ томъ же 1848 г. изъ 16 членовъ, безъ всякой помощи со стороны правительства, въ 1852 г. состояло изъ 101 члена съ 12,000 капитала. Въ 1852 г. оно имѣло работы на 4530 фр. и дивидендовъ на 1000 фр., въ 1855 г. цѣнность работы простиралась на 614,694 фр. и дивидендовъ на 15,000, въ 1858 г. работы было на 1,231,461 ф. и дивидендовъ на 130,000. Теперь оно владѣетъ разнородными имуществами и землями, съ жилищами для множества своихъ членовъ, и состоитъ по преимуществу изъ однихъ только дѣйствительныхъ работниковъ. Успѣхи этихъ обществъ, и въ особенности послѣдняго, доказываютъ несомнѣнно, что рабочія производительныя ассоціаціи возможны во Франціи, что ассоціація труда вообще открываетъ работнику выходъ къ самостоятельной жизни; доказываютъ, что промышленныя предпріятія и ихъ исполненіе могутъ быть предметомъ не одной только частной дѣятельности, но и дѣятельности собирательной, и что путемъ трудовыхъ ассоціацій западно-европейскіе работники могутъ освобождаться отъ гнетущаго произвола хозяевъ-капиталистовъ. Тѣмъ не менѣе изъ собственной же исторіи развитія французскихъ трудовыхъ обществъ ясно видно, что энергическія усилія работниковъ вступить на путь практическихъ ассоціацій встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія въ окружающей средѣ, въ политическихъ современныхъ смутахъ, въ возникающихъ или угрожающихъ войнахъ, въ промышленной безурядицѣ, въ постоянномъ недостаткѣ работы, а нуще всего во всеподавляющей кон-

куренціи громаднхъ частныхъ капиталовъ и въ собственномъ неимуществѣ соединяющихся работниковъ. Оттого будущее не представляется слишкомъ свѣтлымъ для рабочихъ ассоціацій во Франціи и ихъ настоящее положеніе далеко не можетъ быть названо благонадежнымъ.

Но въ одной ли Франціи оно неблагонадежно? Это одинъ изъ тѣхъ сложныхъ общественныхъ вопросовъ, которые не поддаются вполне ясному теоретическому рѣшенію.

Для трудолюбивыхъ ассоціацій представляется еще много непочатыхъ средствъ къ дальнѣйшему преуспѣванію. Такъ, между послѣдними занимаетъ весьма важное мѣсто общій союзъ отдѣльныхъ ассоціацій между собою. Союзъ этотъ, соединивъ въ одно цѣлое разрозненную дѣятельность трудовыхъ обществъ, можетъ расширить всѣ ихъ обороты, значительнымъ образомъ увеличить ихъ средства и обезпечить каждому изъ нихъ самостоятельность и общую поддержку. Но англійское «общество поощренія» (society for promoting, etc.), сдѣлавъ нѣкоторыя попытки къ общей централизациі рабочихъ ассоціацій, встрѣтило препятствія къ осуществленію своей цѣли въ ихъ недовѣрчивости и привычкѣ дѣйствовать разьединенно и сознало, что время для этого не наступило. Отложивъ свои планы на нѣсколько лѣтъ впередъ, оно занялось пока подготовленіемъ средствъ къ ихъ исполненію и основало нѣсколько школъ, для образованія работниковъ и для приготовленія ихъ въ члены ассоціацій. Нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы цѣль общества такъ или иначе не была наконецъ достигнута и чтобы централизующій союзъ отдѣльныхъ трудовыхъ общинъ не получилъ осуществленія. Воспитанные въ рабочихъ школахъ работники очень могутъ явиться въ этомъ случаѣ главнѣйшими двигателями и наилучшими пособниками трудового союзнаго начала въ самыхъ широкихъ его размѣрахъ и самыхъ многостороннихъ примѣненіяхъ. Затѣмъ, кромѣ «общаго союза ассоціацій» остается въ виду участіе образованныхъ классовъ, которое доселѣ весьма слабо и рѣдко обнаруживалось, (особенно въ Германіи и Франціи), содѣйствіе богатыхъ фабрикантовъ и промышленниковъ и, наконецъ, — возбуждаемая духомъ времени, общимъ ходомъ событій и возрастаніемъ экономическихъ бѣдствій, — жертвы аристократическихъ землевладѣльцевъ и болѣе просвѣщенныхъ и гуманныхъ представителей денежнаго богатства. Развитое общественное мнѣніе весьма склонно смотрѣть на богатыхъ, какъ благо-

устроенное государство смотритъ на своихъ крупныхъ чиновниковъ, т. е. требуетъ, чтобы они дѣло дѣлали, а не наслаждались однимъ только почетомъ. Во всякомъ случаѣ, когда какое либо сущее стремленіе пробуждается въ массѣ общества и исходитъ изъ нѣдръ дѣйствительныхъ потребностей народа, — средства могутъ найдтись и тамъ, гдѣ они немислимы при обычномъ теченіи жизни. Но не подлежитъ сомнѣнію также, что существуютъ хроническія препятствія къ распространенію и процвѣтанію ассоціацій: одинъ изъ нихъ, если и могутъ уничтожиться, то развѣ только долгимъ, всесокрушающимъ временемъ; другія, напротивъ, не могутъ быть ослаблены и самимъ временемъ виѣ существенныхъ экономическихъ реформъ и социальныхъ преобразованій. Къ категоріи первыхъ должно отнести необразованность и грубость низшихъ слоевъ западнаго общества, застарѣлыя ихъ привычки—жить разрозненнымъ трудомъ, вѣковыя вѣрованія въ состоятельность одного лишь личнаго интереса въ средѣ экономической дѣятельности и созданная исторически вражда интересовъ, дошедшая до преувеличенной недовѣрчивости къ ближнему и грубаго недоброжелательства къ его экономическимъ выгодамъ. Ко второй категоріи, гораздо болѣе существенной, слѣдуетъ отнести соперничество громадныхъ частныхъ капиталовъ и потомъ безземельность рабочаго сословія.

Грубость, невѣжество, необщительность, тупой эгоизмъ, корыстолюбіе, недовѣрчивость и тому подобныя человѣческія свойства уничтожаются всего дѣйствительнѣе умственнымъ образованіемъ и нравственное развитіе весьма сомнительно при отсутствіи всякой самостоятельности въ дѣятельности и при постоянномъ гнетѣ отупляющей, непрерывно жертвенной механической работы, на которую обреченъ западный работникъ; а умственное образованіе можетъ быть однимъ лишь паразитическимъ исключеніемъ при страшномъ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ къ жизни и при рѣшительномъ отсутствіи всякаго досуга и спокойнаго отдыха отъ утомительнаго и однообразнаго труда. «Слишкомъ задавленные люди вообще рѣдко сопротивляются даже собственной своей бѣдности,» говоритъ Ронгеръ *. — Такимъ образомъ, невѣжество и нищество, тѣсно связанныя между собою и обуславливая другъ друга, составляютъ своего рода кругъ, изъ котораго вовсе не такъ лег-

* См. Die grundl. der Nationalök. T. 1, § 78, п. 4.

ко выбраться, какъ вообще думаютъ современные оптимисты. Соперничество громаднхъ, частныхъ капиталовъ, съ своими кризисами и спекуляціями, поражаетъ трудовую общину въ самомъ первоначальномъ ея зародышѣ и, вредоносно дѣйствуя на ея развитіе, постоянно вноситъ тревогу и безнадежность въ ея дѣятельность. Въ соединеніи съ низкимъ уровнемъ народнаго образованія и въ связи съ легко возможными стачками капиталныхъ промышленниковъ между собою, это соперничество не можетъ не порождать бездны, чрезъ которую съумѣетъ перешагнуть развѣ только цвѣтъ рабочаго сословія, да и то при исключительно — благоприятныхъ, или чисто-случайныхъ обстоятельствахъ. Но при такихъ условіяхъ, если вмѣсто двухъ десятковъ ассоціацій разовьется ихъ 20 десятковъ во Франціи, а въ Англии вмѣсто 50,000 чел. войдутъ въ трудовыя ассоціаціи 200—300,000,—положеніе не измѣнится существенно и трудовые люди Франціи и Англии чрезъ то не достигнутъ еще вождѣльной цѣли экономической независимости, какъ и общество, въ его цѣломъ, не достигнетъ благосостоянія и нравственнаго экономического быта.

Еще большее, еще существеннѣйшее пренятствіе для прогресса ассоціацій лежитъ въ безземельности рабочихъ классовъ. Не имѣть трудовой общинѣ своей земли — значить не имѣть не только ближайшихъ естественныхъ средствъ къ жизни, но даже «дароваго мѣста» для своей дѣятельности. Ей надобно производить цѣнности не для одной мѣны на необходимые продукты или своего потребленія; по производить ихъ для пріобрѣтенія, такъ сказать, самого «пространства», гдѣ должна происходить дѣятельность. А между тѣмъ, при громадномъ развитіи европейскаго народонаселенія, земельное пространство дошло въ главнѣйшихъ и наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ западной Европы до баснословной цѣнности. Оно дорожаетъ при томъ съ каждымъ днемъ, если не съ каждымъ часомъ. Если въ Бирмингамѣ и Манчестерѣ наша тридцатная десятина земли стоитъ около мильона руб. сер., то ни въ Манчестерѣ, ни въ Бирмингамѣ, — въ этихъ наипромышленнѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ городахъ Англии, — не можетъ образоваться ассоціація на собственной землѣ. А ассоціація, со всѣми ея учрежденіями и многосложнѣйшимъ хозяйствомъ на чужой землѣ, нанимаемой за большія деньги, и съ блестящею перспективою, рано или поздно, съ окончаніемъ наемнаго срока, имѣющая быть согнан-

ной съ своего мѣста, — есть хилое и безобразное явленіе! Кроме того, отсутствіе и недостатокъ земли сообщаетъ пагубную односторонность общинной дѣятельности, лишая ее самаго живительнаго элемента: разнообразія переменнаго труда, вольнаго воздуха, естественности въ образѣ жизни и смѣнѣ промышленныхъ занятій сельскими, а главное—прочности и спокойствія въ общинныхъ предпріятіяхъ и оборотахъ, что, какъ извѣстно, необходимо для трудовой ассоціаціи и невозможно безъ прочнаго землевладѣнія. Бороться съ этими препятствіями труднѣе, нежели съ чѣмъ либо на свѣтѣ. Одна безземельность,—независимо отъ конкуренціи капиталистовъ и невѣжества низшихъ слоевъ общества, — можетъ остановить мирный ходъ социально экономическаго движенія и сообщить ему противоположный характеръ. Здѣсь, кстати, приведемъ слова одного изъ нашихъ повременныхъ изданій: «когда сотни и тысячи людей не имѣютъ своего мѣста, какъ въ Бирмингамѣ и Манчестерѣ.... тогда всѣ основы общества безпрестанно подвержены искусу; тревога и опасеніе дѣлаются такимъ же обычнымъ состояніемъ, какъ изнурительная лихорадка при раковой язвѣ... Необходимы радикальныя мѣры для измѣненія уродливыхъ общественныхъ формъ... Мы уже нѣсколько разъ говорили и теперь повторяемъ,—самый коренной, самый великій вопросъ нашей эпохи — есть вопросъ о землевладѣніи.» * Раздѣляя вполнѣ это мнѣніе, мы думаемъ, что безъ разрѣшенія вопроса о землевладѣніи, весьма сомнительно правильное и сколько нибудь значительное развитіе трудовыхъ ассоціаціи на Западѣ.

Какъ бы то ни было, трудовыя ассоціаціи, въ средѣ народныхъ массъ западной Европы — замѣчательнѣйшее явленіе современнаго экономическаго міра. Насколько онѣ связаны съ такъ называемымъ «соціализмомъ», намъ теперь ясно. Соціализмъ XIX вѣка начался съ доктринерства, не безопаснаго для общественнаго порядка западныхъ государствъ; — къ экономической наукѣ онъ относился отрицательно и, не желая ничего знать о дѣйствительныхъ экономическихъ законахъ, занимался изысканіемъ однихъ отвлеченныхъ идеаловъ общественнаго устройства, да разсудочными примиреніями права и свободы въ человѣческихъ обществахъ. Но въ тяжеломъ историческомъ и органическомъ процессѣ дѣйствительной жизни, исчезало его доктринерство, а съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо исчезало и все

* См. Моск. Вѣстн. 1860 г. № 14, стр. 223, № 30, стр. 447.

то, что дѣлало его опаснымъ и нелѣпнымъ. Удерживая за собою, по старой привычкѣ, еще прежнее отжившее значеніе, онъ, наконецъ, и самъ исчезаетъ теперь въ дѣйствительной экономической наукѣ, которая не сторонится ни отъ мужественнаго сознанія современныхъ золь, ни отъ практическихъ стремлений — возстановить погибающую на Западѣ самостоятельность труда и достигнуть, легальнымъ путемъ, постепенныхъ реформъ нарушеннаго тамъ исторіею возможнаго и нормальнаго уравненія экономическихъ силъ въ обществѣ.

Имѣютъ ли такія стремленія историческую почву подъ собою — мы уже видѣли изъ обзора главнѣйшихъ фактовъ экономического развитія обществъ. Во всякомъ случаѣ мысль — отыскивать происхожденіе самой сущности этихъ стремлений въ спекулятивныхъ твореніяхъ Томаса Мора, сочиненіяхъ монаха Кампанеллы и тому подобныхъ литературныхъ дѣятелей минувшихъ временъ — не была ученою мыслию. Она весьма естественно могла понравиться многимъ защитникамъ существующаго на Западѣ экономического порядка и привести ихъ къ убѣжденію, что социальное-экономическія требованія современныхъ западныхъ обществъ суть только утопическія порожденія фантастовъ и мечтателей, принятыя къ сердцу взволнованными и невѣжественными массами. Мы, русскіе, — которымъ въ самомъ отдаленномъ будущемъ не грозитъ ни одинъ изъ тѣхъ страшныхъ социальныхъ вопросовъ, какіе мучаютъ современнаго западнаго человѣка, — мы не имѣемъ никакого разумнаго повода игнорировать настоящее положеніе дѣла и не видѣть того, что дѣже литературная теорія социальное-экономическихъ стремлений коренится въ болѣе глубокихъ и серьезнѣхъ произведеніяхъ человеческого гения, нежели въ книжкахъ, носящихъ латинскія заглавія: *Utopia, civitas solis, monarchia messia*, и т. п. Но дѣло не въ литературныхъ произведеніяхъ и не въ теоріяхъ вообще. Передъ нами — стовѣковая исторія экономического быта человѣчества, со всѣми положительными ея результатами. Она показываетъ намъ, что ни въ древнемъ Востокѣ, ни въ древнемъ и средневѣковомъ Западѣ социальныя стремленія — возвысить и обезпечить трудъ и замѣнить случайное развитіе экономическихъ силъ сознательнымъ и справедливымъ отношеніемъ ихъ между собою къ своимъ дѣтелямъ — никогда не терли своего положительнаго смысла и, приобрѣтая все болѣшую и болѣшую мощь въ дальнѣйшемъ ходѣ человеческой исторіи

явились въ новѣйшее время главнѣйшими двигателями современной общественной жизни. Если же теорія исключительнаго личнаго интереса оставалась перѣдко дѣйствительно побѣдительницею въ исторической борьбѣ и, выработавшись скорѣе другихъ научнымъ образомъ, преобладала въ жизни, то, никогда не оставаясь безъ протеста со стороны нравственно-экономическихъ стремленій, или, въ крайнемъ случаѣ, безъ грубаго протеста коммунизма, теорія эта преобладала по тому же самому естественному закону, по которому вообще низшіе человѣческіе инстинкты преобладаютъ надъ высшими при несовершенномъ состояніи человѣческихъ обществъ, и, по тому же самому непреложному закону, должна уступать съ теченіемъ времени свое мѣсто высшимъ пачаламъ разума и нравственности. Историческій процессъ въ томъ и состоитъ, что личный интересъ все болѣе и болѣе подчиняется нравственному чувству и, не переставая быть могучимъ двигателемъ, перестаетъ быть окончательною цѣлью, а превращается въ средство *. — Когда же частный интересъ, упорно сосредоточивался въ себя и, очертя голову враждовалъ съ общимъ, а между тѣмъ нравственно экономическія требованія ясно и отчетливо заявляли свою непреложную законность, — происходило нѣчто совершенно подобное тому, что представляли напр. времена Граковъ въ Римѣ, крестьянскихъ протестовъ въ вѣкъ реформаціи, и что въ настоящее время представляетъ перѣдко экономическая жизнь въ Англіи и Франціи.

Періодъ, переживаемый послѣдними, носитъ, дѣйствительно, множество несомнѣнныхъ признаковъ того опаснаго общественнаго состоянія, въ которомъ денежная олигархія и пролетаріатъ являются преобладающими силами. При всемъ, напр., уваженіи къ англійскому народу, трудяще и трудяще становится опровергать доводы тѣхъ, кто доказываетъ, что Англіи приходитъ именно къ тѣмъ печальнымъ экономическимъ результатамъ, противъ которыхъ предостерегалъ ее основатель экономической науки — Адамъ Смитъ. Стремясь болѣе и болѣе заставить другіе народы и своихъ собственныхъ подданныхъ производить то, что выгодно для однихъ громадныхъ ея капиталистовъ, и разоривъ такимъ образомъ не одну подчиненную или зависящую

* См. Моск. Вѣсти. 1860 г. № 29, стр. 453.

отъ нея страну, — она разоряетъ собственныхъ покупателей и отыскиваетъ постоянно все новые рынки для сбыта своихъ произведеній, какъ въ былое время древній Римъ отыскивалъ все новыя провинціи для завоеваній. Эта политика, — «недостойная, по выраженію Смита, великаго народа и приличная націи лавочниковъ,» — сдѣлала изъ Англіи сначала всемірную мастерскую, въ которой перерабатывались не англійскіе, но чужеземные сырые матеріалы, и, въ обработанномъ видѣ, — развозились по лицу земнаго шара. Потомъ та же политика заставила ее производить съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе самостоятельныхъ и мѣстныхъ предметовъ потребленія. Земля ея отходила отъ мелкихъ собственниковъ къ большимъ; многіе источники земельнаго богатства оставались заброшенными; земледѣльческое населеніе убавилось въ продолженіе 30 лѣтъ (съ 1811 по 1841 г.), съ 40 на 30 и наконецъ на 22% со ста; задѣльная земледѣльческая плата спадала на 7 и на 5 шиллинговъ въ недѣлю, частныя капиталы возрастали; коммерческая борьба между ними увеличивалась, а самостоятельный трудъ исчезалъ безвозвратно и народъ съ своими жонами и малолѣтками подвергался все большей и большей зависимости отъ большихъ собственниковъ и капиталистовъ. Со времени уничтоженія хлѣбныхъ законовъ, употребленіе машинъ громаднымъ образомъ увеличилось въ земледѣліи; съ 1858 г. оно усилилось еще болѣе. Подъ этими вліяніями еще слабѣе становится всякое неогромное землевладѣніе, и классъ земельныхъ съемщиковъ еще быстрѣе обращается въ простыхъ поденщиковъ *. Тамъ, гдѣ требовалось, 30 лѣтъ тому назадъ, 35 работниковъ, теперь требуется 25 — если не менѣе. — Наконецъ, свою страшную экономическую дѣятельность Англія сосредоточила преимущественно на заграничной вселенской торговлѣ. Сколько кто не расположенъ играть словами, споръ о производительности и непроизводительности торговли есть одно изъ странныхъ недоразумѣній. Торговля, безъ всякаго сомнѣнія, производительна, но производительны и войска, защищающія страну, и чиновники, управляющіе ею. Тамъ не менѣе, военное направленіе иspurяетъ государство и бюрократическое господство разслабляетъ общество. Точно такъ же торговля, переставая быть побочнымъ средствомъ производительной дѣятельности и, дѣлаясь главнѣйшею цѣлью,

* См. Nationalök. v. Roscher, т. II. стр. 180, н. 3.

изращаетъ естественныя экономическія отношенія народа и все его благосостояніе дѣлаетъ рискованнымъ. Иное дѣло произвести что нибудь, и иное—купить на рубль и перепродать за два. Если въ Ирландіи при ея голодномъ населеніи *вывозятся* жизненные продукты, а *ввозятся* дорогія вина, то торговля ея, какъ иррашеется Бериле, «шюкожа на мать, которая продаетъ хлѣбъ дѣтей своихъ на покупку себѣ ламомствъ и пряниковъ.» «Торговля (говорить онъ—же) должна руководствоваться народными нуждами и прежде всего вопіющими нуждами большинства народа» *. Англійская торговля руководилась послѣдними наименѣе. Барыши ея были огромны, но попадали они въ руки только тѣмъ, кто владычествовалъ на рынкѣ, а не тѣмъ, кто приносилъ туда, напр., свой трудъ. Въ дешовомъ и изобильномъ трудѣ Англій искала и ищетъ промышленнаго превосходства надъ всѣми другими націями и заставляетъ работать даже дѣтей по 16—19 часовъ въ сутки... Въ такой обстановкѣ нельзя нажитья труждающемуся народу и онъ дѣйствительно не нажился. Въ 1854 г. Брайтъ совѣтовалъ англійскимъ работникамъ выселаться массами... Одни факты колоссальныхъ выселеній свидѣтельствуютъ, какъ невыносимо-тяжело экономическое состояніе народа. По 400,000 великобританскихъ подданныхъ уходятъ за-разъ и навсегда изъ своего отечества, и отечество должно только радоваться, что они уходятъ. — Сосредоточивъ землю и всѣ промышленныя и торговые обороты въ рукахъ богатыхъ лицъ, тронувъ свой средній классъ, который тамъ уже называется *недостаточнымъ* классомъ (*uneasy class*), уничтоживъ почти совсѣмъ самостоятельность низшаго и подчинивъ тотъ и другой капитальнымъ торгашамъ, — торговля Англій должна трепетать теперь сама за каждый часъ экономическаго своего благоденствія. Она не можетъ не мучиться страшнымъ положеніемъ огромнаго большинства своего народа, который долженъ работать, чтобы не умирать съ голода, и который можетъ остаться вдругъ безъ работы, вслѣдствіе какого нибудь неурожая хлопка въ далекой Америкѣ, ибо тогда нѣгдѣ будетъ взять перваго матеріала для работы... Какъ тутъ втайнѣ не сочувствовать рабству въ Южныхъ Штатахъ, безъ котораго немислимо достаточное производство этого матеріала? — Какъ не идти на самую негуманную политику изъ - за прибрѣтенія всякаго нова-

* *Id.* т. II. стр. 419, изд. 3-ье.

го рынка и даже из опасенія утратить малѣйшее мѣстечко или наконецъ вліаніе на страну, гдѣ находится сбытъ неестественной производительности? Если дѣятельность англичанъ поразительна, то не должно забывать, что эта дѣятельность, въ тысячѣ случаевъ—не желаніе и не здоровая потребность дѣйствовать, а уже паническій страхъ — не погибнуть. Оттого, быть можетъ, она и носитъ на себѣ печать той мрачности, которая такъ поражаетъ всякаго живаго человѣка. «Эта мрачность (this gloom),» говоритъ Кэ, дѣйствительно одно изъ ужаснѣйшихъ нашихъ бѣдствій... Ни въ одной странѣ на свѣтѣ не тратятъ такъ много времени на приобрѣтеніе богатства и нигдѣ такъ мало не употребляютъ его на радости жизни. Ни въ одной странѣ на свѣтѣ не работаютъ такъ усиленно, какъ въ Англіи. Можно подумать, смотря на настоящее состояніе англійскаго общества, что человѣкъ созданъ исключительно для собиранія богатства и что ему запрещено строго на-строго удовлетворять благороднымъ своимъ вкусамъ, отъ Бога ему даннымъ на его-же счастье. Быть богатымъ—величайшее достоинство у насъ, паспортъ во всякій слой общества, извиненіе во всякихъ слабостяхъ и порокахъ, маска для неисчислимыхъ безобразій!»—«Здѣсь, пишетъ Кери, видишь безостановочную борьбу за жизнь, и всякій, какъ говорится, норовитъ выхватить кусокъ хлѣба изо рта своего ближняго... Каждый томится безпокойствомъ за будущность свою, своихъ дѣтей. Всякій тяжело задумывается, какъ и куда употребить труды и таланты свои собственные и своихъ сыновей, и всякія жертвы приносятся каждымъ какому нибудь богачу, въ чаяніи его великой помощи въ случаѣ надобности.» На 10 банкротствъ послѣдняго времени постоянно 9 приходится злостныхъ! «Въ эпохи упадка и перезрѣлой цивилизаціи,—замѣчаетъ Рошеръ,—сознательно цѣнятся выше всего матеріальные интересы: тогда, конечно, близорукій эгоизмъ приносить ихъ въ жертву вмѣстѣ съ высшими благами жизни и свое собственное будущее. Въ рабы одного только богатства, кто бы они ни были,—частные ли они хозяева или цѣлыя народы,—должны смотрѣть на коммунизмъ, какъ на зеркало, отражающее собственное ихъ безобразіе.» Какъ бы въ подтвержденіе этой глубокой истины, дѣйствительно, въ низшихъ слояхъ англійскаго общества, «въ которомъ все такъ сложилось, что богатый богатѣетъ, а бѣд-

ний не перестаетъ быть бѣднымъ,» обнаруживаются все рѣче и рѣче коммунистическія убѣжденія: «плохіе работники,—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль въ своемъ сочиненіи о свободѣ,—составляя большинство работающаго народа во многихъ отрасляхъ промышленности, рѣшительно того мнѣнія, что плохой работникъ долженъ получать совершенно такое-же вознагражденіе, какъ и хороший, и что никто не долженъ, посредствомъ поштучной работы или инымъ какимъ либо образомъ, приобретать своимъ умѣньемъ или дѣятельностью болѣе, нежели сколько могутъ другіе, не обладая ни тѣмъ умѣньемъ, ни этою дѣятельностью. Чтобы предотвратить хозяевъ отъ выдачи, а искуснаго работника отъ полученія бѣльшаго вознагражденія за бѣльшія услуги, употребляются нравственныя насилія, которыя, при случаѣ, переходятъ и въ физическія.» * Тутъ уже нельзя не видѣть внутренней испорченности самыхъ основныхъ общественныхъ отношеній, и тотъ же Милль подтверждаетъ общія жалобы англійскихъ хозяевъ на безнравственность англійскаго работника, котораго «всякое человѣческое обращеніе дѣлаетъ требовательнымъ и наглымъ.» Трата на государственныя подати 54,000,000 ф. ст., народъ истрачиваетъ на спиртные напитки 75,000,000 ф. **. И такъ: экономическіе успѣхи другихъ странъ грозятъ будущему Англій; ужасающее неравенство состояній, страшный пауперизмъ среди невиданной роскоши и громадныхъ частныхъ и правительственныхъ богатствъ, вѣчное чувство торговой зависти и рискованнаго существованія, возрастающее фактически рабство немущаго и работающаго большинства подъ прикрытіемъ политической свободы богатаго и образованнаго меньшинства и нравственная порча простаго народа, — тревожатъ ея настоящее. Но страшная внутренняя энергія англійской націи, ея практическое разумѣніе дѣйствительныхъ своихъ нуждъ и правительственныя способности ея государственныхъ людей, стоящихъ чаще, нежели въ другихъ странахъ, въ уровенъ съ сущими потребностями своего народа, засвидѣтельствованы исторіею и могутъ ручаться за ея будущность. Путемъ раціональной системы налоговъ, путемъ легальныхъ экономическихъ и политическихъ реформъ, къ которымъ такъ способно своеобразно развившееся англійское государство, — Англія мо-

* См. On Liberty, Lond. 1859, стр. 157.

** См. Рошера, т. 1, изд. 3, стр. 419.

жить ослабить свое старинное поземельное неравенство, влечь любыми силами въ собственные производительныя средства страны, поднять внутренній экономическій трудъ, защитить возникающее въ народѣ движеніе къ самостоятельной экономической дѣятельности въ трудовыя ассоціаціи, и зажить, такимъ образомъ, новою экономическою жизнью. Если такого рода стремленія захотятъ непременно называть по чему-то социализмами, то вѣтъ подобнаго социализма «для Англии есть одно настоящее, но для нея нѣтъ будущаго.»

То же самое должно сказать о Франціи, которая, въ настоящій мѣкъ, достигла всѣхъ возможныхъ крайностей экономической безнравственности. Неблагонадежно положеніе страны, гдѣ ризкъ и недобросовѣстность становятся самыми предпочтительными, а честный и добросовѣстный трудъ самымъ презираемымъ источникомъ благосостоянія; но существовать безъ дѣйствительнаго труда и притомъ всепремѣнно обогащаться въ такихъ размѣрахъ, которые для самихъ французовъ десять, двадцать лѣтъ были еще сказочными — сдѣлалось вообще болѣзнь французскаго общества. Эта болѣзнь обнаруживается страшнымъ образомъ: въ высшихъ слояхъ жгучею страстью къ безплоднымъ спекуляціямъ, къ безстыдному торгашеству и биржевымъ оборотамъ; въ низшихъ слояхъ — грубѣйшимъ коммунизмомъ; въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ — презрѣніемъ къ честному, терпѣливому труду, который признается несчастною долею однихъ отсталыхъ и ограниченныхъ людей. «Гдѣ думаютъ всё дѣлать деньгами, тамъ — сказалъ Кондильякъ — разрушеніе всего есть послѣдній результатъ всѣхъ купческихъ, финансовыхъ и политическихъ спекуляцій.» И вотъ еще не далѣе, какъ въ 1855 г. начало французское правительство на слѣды громаднаго тайнаго «общества Моріана,» распространявшаго во внутренней Франціи, и въ особенности на югѣ ея революціонный коммунизмъ. Слѣдствіемъ было дозволено, что общество проповѣдывало объ изгнаніи всѣхъ политическихъ враговъ своихъ въ Алжирію, объ обращеніи всякой частной собственности, имѣющей свыше 50,000 фран. дохода, въ государственную, конфискаціи частныхъ имуществъ всѣхъ своихъ противниковъ и тому подобныя мѣры мщенія и имущественныхъ грабежей. Нѣкоторые утвѣждаютъ, что правительственныя донесенія, съ особую цѣлью — произвести впечатлѣніе на публику, нѣсколько преувеличены. Можетъ быть; но

въ существованіи весьма грубаго коммунизма въ жилищныхъ слоехъ французскаго общества никто не сомнѣвается. Да и безплатныя спекуляціи, съ слѣзною страстью къ безмысленному обогащенію, и протонародный коммунизмъ — суть только разнородныя формы одного и того же безнравственнаго начала. Ибо, едва ли нужно доказывать, что образованный французскій индѣлантъ, считающій въ высшей степени разумнымъ достигать обогащенія внезапно, разомъ, бѣзъ всякихъ полевныхъ трудовъ, путемъ однихъ только ловкихъ и безчестныхъ соображеній; путемъ хитрости и дерзости, съ явнымъ разореніемъ и обманомъ своихъ ближнихъ, и голодный, подавленный нуждою работникъ, жаждущій внезапной помощи посредствомъ всеобщаго дѣлежа имущества и общаго пользованія чужими добромъ, въ сущности ищутъ и жаждутъ одного и того же: жить и наслаждаться безъ труда. Поэтому-то биржевая нравственность спекуляторовъ никакими высшими взглядами не возмущается тамъ надъ коммунистскою нравственностью умирающихъ и на баррикадахъ и съ голода французскихъ работниковъ. Подъ вліяніемъ такой нравственности, французскіе капиталисты дѣлаютъ въ послѣднее десятилѣтіе, безпрестанныя стачки между собой и подавляютъ ими дѣльныя отрасли промышленности. Эти стачки — одна изъ опаснѣйшихъ продуктовъ экономическаго произвола. Онѣ грозятъ невоображаемыми бѣдами всякой странѣ, гдѣ многія производства успѣли уже, какъ во Франціи, сосредоточиться въ рукахъ немногихъ сильныхъ богачей или промышленныя компаній. Самые догматическіе защитники «laissez faire laissez passer» чувствуютъ это и зываютъ къ правительственнымъ вмѣшательствамъ, для прекращенія разнаго рода стачекъ. «Система слиянія и сосредоточенія, — говоритъ между прочимъ даже Жозефъ Гарнье, по поводу французскихъ желѣзныхъ дорогъ, — система, которая взяла съ нѣкоторыхъ поръ силу во Франціи, требуетъ правительственнаго вмѣшательства для опредѣленія maximum'a тарифовъ и другихъ условій...» * Въ то же время французская поземельная собственность, основа народнаго существованія, начинаетъ, послѣ безмысленнаго дробленія, снова сосредоточиваться (хотя и медленно) въ рукахъ бѣже богатыхъ лицъ, покупающихъ ее при аукціонной продажѣ за долги, между тѣмъ какъ мелкая собственность до того обезображивается

* Dict. univ. du commerce, l. 2. p. 171.

сельское хозяйство, что въ 1858 г. возникла серьёзно мысль въ правительствѣ—скупить ее у невѣжественныхъ крестьянъ и возстановить разумное воздѣлываніе земли. Въ заключеніе, общая язва всѣхъ западныхъ обществъ, — крайне неравномѣрное распредѣленіе имуществъ,—достигла во Франціи, какъ и въ Англій, послѣднихъ вершинъ нещастности: рядомъ съ неслыханнымъ богатствомъ отдѣльныхъ лицъ стоятъ непокрытая бѣдность и ужасающее невѣжество низшихъ классовъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что внутренняя жизнь Франціи утратила свой живой экономической смыслъ: ея народъ мечтаетъ о завоеваніяхъ, считая насильственное пріобрѣтеніе величайшею человѣческою доблестью; парижскіе работники—цвѣтъ ея работниковъ — составляютъ ассоціаціи для игры на биржѣ! Если ея поземельная мелкая собственность не спасетъ себя въ ассоціаціяхъ, — земля снова уйдетъ отъ народа и прибавитъ еще громадное количество неимущихъ поденщиковъ къ трудовому пролетаріату Франціи. Если народъ не прекратитъ внутри своей страны язву спекуляцій и не возвратится къ производительному, терпѣливому труду и нравственно-экономической дѣятельности, — его достояніе уйдетъ въ руки первономерныхъ биржевыхъ героевъ. Оттого возрожденіе Франціи внѣ нравственно-экономическаго возрожденія ни по какой логикѣ немислимо въ настоящее время, и если стремленіе къ такому возрожденію станутъ его противники называть тоже «соціализмомъ,» то внѣ ~~такого~~ христіанскаго соціализма нѣтъ спасенія и для Франціи, какъ нѣтъ его для Англій.

Такимъ образомъ, черты, общія той и другой странѣ, суть возрастаніе крайнѣйшаго имущественнаго неравенства въ обществѣ и усиленіе зависимости работающихъ массъ народа отъ богатыхъ дателей работъ,—зависимости, которая все ближе и ближе подходитъ къ дѣйствительному рабству.

Современные оптимисты, обыкновенно, не выносятъ такихъ выводовъ и противопоставляютъ имъ тотчасъ же изслѣдованія оффиціальныя и благонамѣренныхъ статистиковъ, по мнѣнію которыхъ судьба рабочихъ классовъ улучшилась противъ прежняго, величина средней жизни увеличилась и заработная плата поднялась. Очень можетъ быть; но не въ обиду будь сказано оптимистамъ, они черезъ чуръ уже наивно понимаютъ содержаніе

вопроса. Еслибы дѣйствительно судьба рабочихъ классовъ во всѣхъ отношеніяхъ ухудшилась, или даже осталась именно такою въ XIX вѣкѣ, какою была она въ XVI, то, вѣроятно, и Франція и Англія давно бы утратили свое значеніе передовыхъ народовъ западной Европы, а можетъ быть, и покончили бы даже свое самостоятельное существованіе, сдѣлавшись добычею болѣе свѣжихъ и болѣе прогрессивныхъ народовъ, какъ кончатъ его въ настоящее время Турція. Въ человѣческомъ мірѣ ничто не стоитъ неподвижно: чтó не идетъ впередъ, то, не останавливаясь на мѣстѣ, возвращается вспять. Выйти совершенно изъ общаго хода соціального прогресса большинству народа—значило бы навести непремѣнную погибель тому обществу, къ которому это большинство принадлежитъ. Нравственное развитіе общества, успѣхи познаній, техническія улучшенія человѣческаго быта, усовершенствованія правосудія, улучшенія путей сообщенія, рациональная постройка жилищъ и городовъ, усиленіе законности, развитіе самоуваженія и уваженія къ другимъ, болѣе ясное сознаніе со стороны общества человѣческаго достоинства, болѣе правильный порядокъ жизни, и т. д.,— не могли не воздѣйствовать благотворно на самые послѣдніе органы исторически живущихъ націй. Положеніе нищаго въ XIX вѣкѣ непремѣнно лучше, нежели оно было въ 16-мъ. Ставъ на точку зрѣнія официальныхъ статистиковъ, можно доказать, пожалуй, что у насъ благосостояніе крѣпостныхъ крестьянъ, со времени закрѣпленія ихъ Петромъ Великимъ, увеличилось отъ барщинъ и помѣщичьихъ оброковъ и, приведа въ примѣръ, какъ цѣлые округи крѣпостныхъ, ходившихъ тогда въ лаптяхъ и посконникѣ, одѣты теперь въ сапоги и ситцевыя рубашки, вывести заключеніе, что эманципація крестьянъ—нелѣпость. Стоитъ только не различать, чтó принадлежитъ именно экономической сторонѣ крѣпостнаго быта и чтó зависитъ отъ другихъ, вовсе не экономическихъ сторонъ его. Этого знать не знаютъ завзятые политико-экономы и продолжаютъ составлять свои успокоительные выводы, группируя извѣстнымъ образомъ факты и извлекая послѣдніе изъ произвольно избранныхъ періодовъ времени. Между тѣмъ дѣло говоритъ само за себя... Знаменитый изслѣдователь исторіи рабочихъ классовъ въ Франціи, Левассеръ, классическое сочиненіе свое (одобренное парижскою академіею наукъ) заканчиваетъ общимъ выводомъ, что «заработная плата

на уменьшилась во Франціи и даже, въ некоторыхъ случаяхъ немного возвысилась,» * т. е. въ долгій періодъ времени, въ который «Франція получила возможность, какъ выражается самъ Левассеръ, распредѣлять между 36,000,000 своихъ жителей сумму цѣнностей въ 6 и 7 разъ болѣе, нежели какую она могла раздѣлять прежде 26 милліонамъ жителей, задѣльная плата работника не уменьшилась и даже въ некоторыхъ случаяхъ малюю возвысилась.» Другими словами, когда общее богатство увеличилось въ 6 и 7 разъ, обиходная и съѣстная доли работника, «въслѣдствіе удешевленія потребляемыхъ предметовъ увеличилась $\frac{1}{10}$ частицу,—выводъ, неизвѣщій ровне никакого утѣшительнаго смысла. Жизнь дороже хлѣба, и тѣло дороже платья.» Матеріальное улучшеніе нищенскаго положенія работника въ теченіе долгихъ лѣтъ на какую нибудь большую или меньшую долю не замѣнить бездомному и безпріютному пролетарію трудовой самостоятельности, разумной человѣческой дѣятельности, очара, мѣста, семьи, независимости, которыхъ у него нѣтъ, и не освѣтитъ ему темнаго будущаго, судя на основаніи *status quo* существующаго экономическаго направленія и выводовъ статистики, въ продолженіе новаго долгаго періода времени, новое удешевленіе съѣстныхъ припасовъ и увеличеніе матеріальнаго потребленія еще на какую набудь незначительную долю. Увеличивается зависимость рабочихъ классовъ, исчезаетъ самостоятельность рабочнаго труда и, на все на это, едва ли возвышается матеріальное благосостояніе массы рабочихъ,—вотъ пона единственные факты, подлежащіе наименьшему сомнѣнію. «Въ квостъ рабочей арміи, говоритъ тотъ же Левассеръ, находится сѣдошная масса наемныхъ работниковъ (*ouvriers salariés*), которые несовершенно пользуются успѣхами цивилизаціи. Возьмите ихъ въ эпоху Меровинговъ, въ XIII вѣкъ или XVII: жалованье ихъ прибавилось, но оно почти неизмѣнно представляетъ одно насущное пропитаніе. И въ ту эпоху и въ другую—живутъ они день за день, потому что въ XIII вѣкѣ, какъ и въ XVII, ничего не имѣютъ, кромѣ собственныхъ двухъ рукъ, и если увеличивается запросъ на работу, то въ одинаковой, по крайней мѣрѣ, степени увеличивается и число работниковъ» **. Какой же, спрашивается, экономическій смыслъ

* Hist des classes ouv. т. II. стр. 456-- 457.

** Id. стр. 450.

имѣютъ статистическіе выводы объ улучшеніи на Западѣ положенія этихъ работниковъ? На вопросъ этотъ нѣмецкій экономистъ Шульцъ Бодмеръ отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Періодъ времени, наступившій съ 1846 г. и въ особенности европейскій коммерческій кризисъ 1857 — 1858, указываютъ на тяжелую социальную болѣзнь, угрожающее существованіе которой въ европейскихъ обществахъ стараются напрасно скрыть ссылкой на факты офіціальныхъ и услужливыхъ статистиковъ. Не то намѣренно, не то нѣтъ, — но послѣдніе группируютъ свои цифры именно такимъ образомъ, чтобы можно было увѣрить поверхностнаго наблюдателя въ благонадежности улучшеній во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Между тѣмъ юная наука сравнительнаго государствовѣденія рѣшительно пока бессильна различить два періода развитія, которые перешли европейскіе народы въ послѣднее полу столѣтіе. Послѣ долговременной войны, окончившейся 1815 годомъ, весьма естественно статистика могла открывать, подъ благотворнымъ вліяніемъ достигнутаго наконецъ мира, прибавленіе только народонаселенія и средней долготы жизни, возвышеніе благосостоянія и заработковъ, да уменьшеніе преступленій и т. п. Оно понятно такъ же, что послѣдовавшій съ той поры поворотъ отъ лучшаго къ худшему не слышномъ ясно обнаруживался. При сравненіи различныхъ промежутковъ времени, статистикъ невольно понадалъ въ такое положеніе, что благопріобрѣтенія прежней эпохи относилъ и къ послѣдующимъ годамъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ недостатка въ многочисленнѣйшихъ доказательствахъ, что поступательное движеніе, возникшее послѣ 1826 г., оставило уже позади себя свое самое лучшее и приняло снова обратное направленіе.» Дѣйствительно, новѣйшія статистическія изслѣдованія въ самой, по видимому, благоденственной странѣ Европы, въ Бельгіи, открыли, съ содѣйствіемъ самого бельгійскаго правительства, ужасающія цифры и не даютъ никакого повода разувѣряться, что они не будутъ открыты посредствомъ такихъ же изслѣдованій и содѣйствій въ другихъ частяхъ западной Европы.

Статистическое состояніе этой страны, почитавшейся обыкновенно за образецъ западно-европейскаго экономическаго процвѣтанія, представляетъ слѣдующія числа; жителей въ 1853 г. считалось тамъ 3,850,000; раздѣляются они на 908,680 се-

мействъ. Изъ послѣднихъ 89.630 могутъ почитаться или въ весьма хорошемъ или въ удовлетворительномъ экономическомъ положеніи, 373,000 въ болѣе или менѣ стѣснительномъ и 446,000, т. е., половина народа, рѣшительно въ бѣдственномъ. Изъ этихъ 446,000 семей 226,000, слѣдовательно $\frac{1}{4}$ всего населенія, суть нищія и содержатся на общественный счетъ. Стало быть, на каждые 100 человекъ приходится въ государствѣ 9 очень богатыхъ или достаточныхъ, 42 нуждающихся или немнѣющихъ надлежащихъ средствъ къ жизни, и 49 положительно бѣдныхъ, изъ коихъ 25 содержатся на общественный счетъ. Это содержаніе обходится обществу 14,000,000 фр. каждый годъ. «Если принять въ соображеніе, говорить Шульце-фонъ-Деличъ, какой потребенъ основной капиталъ для такого чудовищнаго расхода, какъ долженъ умалить онъ производительный фондъ народнаго богатства, изъ котораго рабочіе классы почерпаютъ свои заработки, и что возрастаніе этого мертваго капитала и упадокъ заработной платы должны идти рука объ руку другъ съ другомъ,—то будущее препрославленной страны отличнаго европейскаго хозяйства представится достойнымъ одного только глубокаго сожалѣнія!»

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что въ благодать ничѣмъ нестѣсняемаго личнаго экономическаго произвола перестаютъ наконецъ всѣ вѣрить и основанная исключительно на немъ одномъ политико-экономическая система все болѣе и болѣе теряетъ свой старый кредитъ. Западно-европейскіе народы, какъ справедливо замѣчаетъ Росбахъ, требуютъ одновременно «и преимуществъ новой свободы и выгодъ старыхъ гарантій.» Передовые люди науки стремятся опереть экономическій бытъ не на свойствѣ одной человѣческой «жадности», но на болѣе широкихъ основаніяхъ всей человѣческой природы. Въ силу этого современные политико-экономы во многихъ отношеніяхъ становятся тѣмъ, чѣмъ были прежніе социалисты, какъ и послѣдніе, отрицаясь прежняго экономическаго невѣжества, раздѣляютъ теперь во многихъ пунктахъ убѣжденія политико-экономовъ. По крайней мѣрѣ самые почтенные ученые отказываются отъ безусловнаго признанія началъ, еще недавно принимаемыхъ за незыблемыя основы экономической науки и освобождаютъ послѣднюю отъ той односторонности, въ которой такъ глубоко

основательно обвиняетъ ее Рошеръ. «Свободное соперничество, — говоритъ послѣдній, — расковываетъ всѣ силы народнаго хозяйства, какъ хорошія, такъ и вредныя. Оно ускоряетъ время его процвѣтанія тамъ, гдѣ преобладаютъ первыя, и ускоряетъ паденіе, гдѣ сильнѣе вторыя. Для свободы хозяйственной, какъ и для всякой иной, уничтоженіе виѣшняго принужденія только тамъ приложимо и общепольно, гдѣ его мѣсто заступаетъ строгое самообладаніе. *Свобода должна быть не только отрицательною, но и положительною.*» Съ такой точки зрѣнія Рошеръ подвергаетъ безошадному научному анализу и многія другія политико-экономическія принципы и изводитъ ихъ съ высоты абсолютныхъ началъ на степень временныхъ и совершенно-условныхъ законовъ экономическаго развитія. Его, напр., воззрѣніе на личную поземельную собственность, * ничѣмъ не отличается въ сущности отъ воззрѣній другаго авторитета экономической науки — Джона-Стюарта-Милля, который пишетъ въ своихъ Principles: «Когда говорятъ о неприкосновенности собственности, должно твердо помнить, что эта неприкосновенность не относится въ одинаковой степени къ поземельной собственности. Человѣкъ не производитъ земли. Право собственности на землю всегда подчиняется общимъ цѣлямъ государства (to the general policy of the state). Подъ условіемъ вознагражденія, государство свободно распорядиться поземельною собственностію, какъ того требуютъ интересы цѣлаго общества, и сдѣлать, въ случаѣ надобности, съ цѣлымъ то, что оно дѣлаетъ съ частью, когда утверждаетъ биллемъ улицу или желѣзную дорогу.» ** Подъ такими вліяніями, большая часть западно-европейскихъ государствъ ищетъ уже своего спасенія не въ laissez faire, laissez passer, но во множествѣ экономическихъ регламентацій. Къ сожалѣнію, жизнь требуетъ чего-то болѣе разумнаго, чѣмъ искусственныя регламентаціи; и регламентаціи, не проводя въ жизнь никакого естественнаго органическаго закона экономической дѣятельности, не помогаютъ западной Европѣ, какъ не помогли онѣ въ свое время ни Греціи, ни Риму.

Такъ напр., Германія, идущая однимъ путемъ экономическа-

* Срав. Nationalök. v. Roscher, 84, 87, 88, т. I, 1858, изд. 3.

** Principles of pol. econ. London, 1857 г. стр. 281 и 282.

го развитія съ Англією, Францією и Бельгією усиливается воз-
создать искусственно цеховыя учрежденія въ промышленности и
поземельную собственность «средняго размѣра» въ земледѣліи.
Но цеховыя учрежденія всемъ своимъ прошедшимъ засвидѣтель-
ствовали свой вредъ и рѣшительную невозможность существо-
вать среди новыхъ экономическихъ требованій. Мечтаніе о но-
вой *средней* собственности для общества — быть плохая ком-
пильція изъ исторически — выработанныхъ системъ аристокра-
тической большой и демократической малой собственности. Слиш-
комъ большая поземельная собственность, представляла собой
соціальную несправедливость, имѣть, по крайней мѣрѣ, на своей
сторонѣ хозяйственные выгоды и возможность рациональнаго
воздѣлыванія земли. Малая собственность, тяготящая къ ран-
нему или позднему исчезновенію въ большихъ помѣстьяхъ, мо-
жетъ найти для себя великолѣпный исходъ въ поземельныхъ ассо-
ціаціяхъ, которыя, какъ говорятъ, появляются уже во Франціи
и готовятъ ея сельскому населенію превосходное будущее: Оре-
дѣля не имѣть, вообще, ни хозяйственныхъ преимуществъ пер-
вой, ни соціальныхъ элементовъ второй. Она способна только
уготовить въ государствѣ благопріятнѣйшую почву для господ-
ства тѣхъ мѣщанскихъ интересовъ, которые такъ рельефно про-
никаются самыми узкими стремленіями и самою презрѣнною ке-
рмью. При средней собственности огромное количество наро-
да останется все таки безъ земли, а самыя регламентаціи, на-
правленныя на некустаренное поддержаніе собственности сред-
няго размѣра, будутъ умерщвлять экономическую дѣятельность
и заражать безъ всякой нужды необходимѣйшую стихію народ-
ной жизни — для всехъ одинаковую экономическую свободу и
всѣмъ одинаково доступное право на поземельную собствен-
ность. Самыя уважительныя изъ нѣмецкихъ регламентацій сущъ
тѣ, которыя тщатся сохранить послѣднія остатки своей старой
общинной собственности. Ея насильственнымъ разрушенію были
экономической безсмыслицей и соціальнымъ несчастіемъ для Гер-
маніи, — ибо въ ней лежало органическое начало естественнаго
землевладѣнія для народа, имъ теперь затерянное и для него не-
обходимое. Если же исканіе, на замѣну регламентацій, есте-
ственного закона правильнаго распредѣленія поземельной соб-
ственности и разумнаго отпращенія экономическаго труда
будутъ все еще называть постарому презрѣннымъ социализ-

номъ, те вѣдъ малому социализма нѣтъ выхода и для Германіи, какъ нѣтъ его вообще для западно-европейскихъ государствъ.

И такъ, оптимисты не сознають настоящаго содержанія вопроса и нисколько не ослабляютъ истины, что западная Европа переживаетъ періодъ величайшаго соціальнаго кризиса. Старые экономическіе ея устои пошатнулись чуть не всё безъ исключенія. «Если коммунизмъ * серьёзно грозитъ всёму благамъ цивилизованной жизни, а обладатели этихъ благъ хватаются за такія оружія противъ него, которыя способны, въ свою очередь, погубить истинную свободу и порядокъ, «и если здоровая, спасительная реакція» такому злу необходима безусловно, — то гдѣ же намъ искать ее на Западѣ, какъ не въ нравственно-экономическихъ стремленіяхъ его внести въ свою народную жизнь христіанскія начала взаимной любви и братскихъ союзовъ?» Къ несомнѣнному существованію подобныхъ стремленій можно относиться критически, но едва ли извинительно ограничиваться одними указаніями на ихъ юношескія увлеченія, злорадствовать ихъ неудачамъ, или, еще хуже, какимъ нибудь умышленнымъ или невѣжественнымъ жетолкованіемъ исказить самую сущность ихъ содержанія. Ближайшая и неотложная задача западно-европейскаго будущаго—есть болѣе справедливое, нежели какое существуетъ, распредѣленіе богатствъ, и болѣе разумныя, чѣмъ выработались тамъ обстоятельствами, отношенія рабочаго человѣка къ труду и орудіямъ его—собственности и землѣ. Эта задача поставлена не празднымъ воображеніемъ однихъ мечтателей: она выстрадана дѣйствительною жизнію и исторіей. О томъ свидѣтельствуютъ скорбное положеніе низшихъ классовъ западной Европы и тѣ соціально-экономическія движенія, краткій обзоръ которыхъ мы представили читателю. Последнія поддерживаются теперь новою, стихійною силою современныхъ обществъ—силою права труда. Она неслышно переработываетъ весь европейскій бытъ ко благу дѣйствительно трудящихся и стремится передать имъ мало-по-малу необходимыя орудія работы: землю и капиталы. Подъ роковымъ влияніемъ этой-то именно силы, текуція событія ведутъ безсознательно, но непреложно, западнаго человѣка къ иной, новой экономической жизни. Онъ не можетъ ни отстранить, ни обойти, ни измѣнить ихъ и, стало быть, если

* Какъ говоритъ Рошеръ. (Т. I, стр. 140.)

не погибнетъ, то рано или поздно онъ этой новой жизни покорится: таковъ законъ необходимости и таково значеніе новыхъ экономическихъ движеній западной Европы.

М. КОРЬНИНЪ.

О ДЪ,

НОВОЕ НЕВЪСОМОЕ НАЧАЛО.*

(Статья первая).

I.

Изученіе группы дѣтелей, столь справедливо названныхъ Берцелиусомъ динамидами (dynamides), т. е. началъ невѣсомыхъ, повсюду распространенныхъ и постоянно ощущаемыхъ, силою которыхъ намъ иногда удается управлять, но сущность которыхъ, сказать правду, вовсе намъ неизвѣстна,—на нѣкоторое время почему-то приостановилось. Исслѣдователи какъ бы удовлетворились полученными результатами и на всѣ возбужденные вопросы стали смотрѣть, какъ на рѣшонные. Послѣ образцовыхъ трудовъ Ампера, Эрштедта и Фарадея по части электричества и магнетизма, изысканія ученыхъ въ этой области науки совсѣмъ было притихли; какъ вдругъ, совершенно неожиданное, сильное движеніе смѣнило эту временную тишину: одѣ вступилъ въ мѣръ науки.

Обнародованіемъ своихъ долгихъ и прилежныхъ изысканій, Рейхенбахъ раскрылъ передъ нами существованіе новаго невѣ-

* Предлагаая это новое сочиненіе писателя, съ талантомъ котораго читатели Б. д. Ч. уже знакомы по недавно помѣщенной въ ней и, вѣроятно, замѣченной статьѣ: «Душа растений», считаемъ нужнымъ напомнить, что изслѣдованія и открытія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, далеко еще не освящены признаніемъ всѣхъ представителей науки. Несмотря на ясность и точность изложенія г. Босковица, его популярное изслѣдованіе вовсе не могло имѣть цѣлью окончательнаго завоеванія мѣста въ наукѣ новому невѣсому дѣтелю, открытому знаменитымъ Рейхенбахомъ. Статья его просто знакомитъ съ изысканіями, еще такъ недавно надѣлавшими столько шума въ ученомъ мѣрѣ, особенно въ Германіи. Изысканія эти, въ высшей степени любопытныя, наводятъ на множество новыхъ рѣшеній касательно вопроса по естественнаго и намъ кажется, что этого слишкомъ достаточно для того, чтобы возбудить желаніа въ каждомъ образованномъ чловѣкѣ познакомиться съ предлагаемымъ предметомъ. Ред.

сомага тѣла, распространеннаго во всей природѣ, но тѣмъ не менѣе, однако, совершенно до сихъ поръ у скользящаго отъ изслѣдованій науки.

Знаменитый Либихъ съ восторгомъ встрѣтилъ ученіе Рейхенбаха.

«Я думаю, говорилъ онъ тогда, что всякій кто захочетъ заняться этими изслѣдованіями, останется такъ же восхищенъ ими какъ и я. Хотя тутъ и есть частности, протѣвъ которыхъ я бы могъ представить нѣкоторыя возраженія, тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что продолжилъ эти цѣлыя и блестящія опыты съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Потому-то я рѣшился придать этимъ опытамъ возможную извѣстность.»

И дѣйствительно, Либихъ не замедлилъ напечатать въ своемъ журналѣ (*Annalen der Chemie*) первыя статейки объ одѣ и, такимъ образомъ, придалъ большую извѣстность открытіямъ Рейхенбаха.

Если успѣхъ этихъ статей вродѣ сродѣтствовалъ ихъ достоинству, богатству содержанія и новости предмета, то съ другой стороны, не менѣе справедливо и то, что значеніе ихъ много выиграло отъ украсившаго ихъ имени. Рейхенбахъ нѣсколько разъ уже обращалъ на себя вниманіе ученыхъ своими прекрасными изслѣдованіями въ органической химіи. Давно уже имѣли случай оцѣнить отчетливость метода, употребляемаго этимъ искуснымъ испытателемъ, — метода, который привелъ его къ открытію парафина, креазота и нѣкоторыхъ другихъ веществъ. Открытіе слѣдовъ креазота, отдѣленіе его; очищеніе отъ сильно связанныхъ съ нимъ *сопропоряджающихъ* веществъ, служить яснымъ доказательствомъ необыкновенно тонкой наблюдательности и рѣдкой провицательности изслѣдователя. Можно быть вродѣ увѣреннымъ, что натуралистъ, открывшій не извѣстное до него начало, при изслѣдованіи отличился тою же тщательностью, которая всегда замѣчалась въ его предыдущихъ трудахъ.

Берцелиусъ, безсмертный основатель электро-химіи, однимъ изъ первыхъ замѣтилъ прочность началъ, на которыхъ основаны изслѣдованія объ одѣ, и печаль важность открытій, отдѣленныхъ Рейхенбахомъ. Онъ не переставалъ обращать вниманіе своихъ друзей и учениковъ на одѣ, во время публичныхъ лекцій и въ частныхъ разговорахъ: «Эти изслѣдованія, сказалъ онъ однажды, представляютъ очевидно, большія трудности; поэтому мы тѣмъ болѣе должны уважать соотвѣтствующаго натуралиста, который, вида, что здѣсь можно сдѣлать важныя открытія, силѣю по-

ногъ къ своей цѣли, наперекоръ предрассудкамъ, самодовольству и ругинѣ современниковъ. Не слѣдуетъ оставлять задачу науки потому только, что рѣшеніе ея трудно, или потому, что приходится идти не тѣмъ путемъ, котораго держится большинство современныхъ ученыхъ.» Хотя статьи объ одѣ въ журналѣ Либиха, обратили на него вниманіе ученыхъ, а большое сочиненіе Рейхенбаха еще яснѣе опредѣлило свойства этого начала, однако большая часть публики познакомилась съ интересными явленіями, которыя мы намѣрены разсматривать только послѣ того, какъ *Аусбургская газета* опубликовала знаменитыя письма объ одѣ. Прежде всего мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей на фактъ, замѣченный уже давно, но неизвѣстный очень многимъ, именно, что намагниченные тѣла оказываютъ сильное вліяніе на нѣкоторыхъ людей, между тѣмъ какъ другіе совершенно его не чувствуютъ. Если, напримѣръ, въ многолюдномъ собраніи подносить поочередно ко всѣмъ довольно сильный магнитъ, то многіе рѣшительно ничего не почувствуютъ, между тѣмъ какъ на другихъ онъ подѣйствуетъ весьма сильно, хотя ненадолго. Если попросить этихъ послѣднихъ опредѣлить ощущенія, испытанныя ими отъ близости магнита, то одни скажутъ, что почувствовали какую-то легкую теплоту; другіе, напротивъ, будутъ утверждать, что при приближеніи магнита, они ощутили какъ бы холодное проникающее вѣяніе. Прибавимъ, что эти ощущенія холода и теплоты сопровождаются особеннымъ раздражительнымъ щекотаніемъ (*fourmillements*), а иногда и сильною головною болью.

Представимъ нѣсколько фактовъ, которые могутъ еще лучше показать энергическое дѣйствіе магнита на нѣкоторыя организмы. Молодая дѣвушка, подверженная припадкамъ столбняка (*tetanie*), лечилась въ вѣнскомъ госпиталѣ у Липпиха, одного изъ замѣчательнѣйшихъ врачей города.

Однажды, во время спокойнаго ея состоянія, въ комнату къ ней внесли магнитъ, силою въ 40 килограммовъ, и помѣстили его на разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ ногъ больной. Докторъ стоялъ подлѣ кровати и разговаривалъ съ дѣвушкой, желая отвлечь вниманіе ея отъ необходимыхъ при производствѣ опыта приготовленій, для того чтобы съ большею отчетливостію наблюдать за ея послѣдствіями. Какъ только оправа съ полюсовъ магнита была снята, дѣвушка тотчасъ перестала говорить, члены ея *сжимались*, она потеряла сознаніе и впадала въ такой

страшный припадокъ, что докторъ долженъ былъ прекратить опытъ. Напротивъ, когда употребляли менѣе сильный магнитъ, результаты были совершенно другіе: больная всегда чувствовала замѣтное облегченіе. Припадки, если они были не очень сильны, тотчасъ прекращались, и лихорадочное безпокойство постепенно проходило, отъ продолжительнаго дѣйствія магнита.

Опредѣливши хорошенъко вліяніе, оказываемое магнитомъ на человѣческой организмъ, г. Липпихъ продолжалъ пользоваться имъ для излеченія или облегченія болѣзней. Въ это-то время Рейхенбахъ, приступившій уже къ изслѣдованію ода, пожелалъ присутствовать при этомъ леченіи. Пользовали молодую женщину, страдавшую сильными спазмами. Третій испытатель, снабженный сильнымъ магнитомъ, помѣстился, безъ вѣдома больной, въ сосѣдней комнатѣ, у стѣны, а Липпихъ и Рейхенбахъ остались у ея изголовья. Всякій разъ, когда, по условному знаку, отымали оправу и направляли полюсы магнита къ кровати, больною овладѣвало безпокойство, съ сильнымъ приливомъ крови къ головѣ. Она жаловалась на непреодолимое, нестерпимое страданье, сопровождаемое то жаромъ, то сильнымъ ознобомъ, и умоляла доктора избавить ее отъ боли, причину которой она не знала. Лишь только замыкали магнитъ, онъ переставалъ дѣйствовать, и страданія больной прекращались. Впрочемъ здѣсь, какъ и въ приведенномъ выше примѣрѣ, слабый магнитъ не только не производилъ такого болѣзненнаго состоянія, напротивъ, ослаблялъ припадки и доставлялъ больной значительное облегченіе. Хотя эти опыты, повторенные въ вѣнскихъ госпиталяхъ надъ многими больными всѣхъ возрастовъ обоихъ половъ, дали одинаковые результаты, все-таки они могли бы показаться недостаточными для доказательства существованія особенной силы, отдѣляющейся вмѣстѣ съ магнетизмомъ изъ полюсовъ магнита,—еслибы другіе опыты, произведенные въ Англіи, Германіи и Франціи, не подтвердили наблюденій вѣнскаго врача.

Причина, поддерживавшая такъ долго сомнѣніе въ существованіи этой силы, состояла въ томъ, что если, съ одной стороны, многіе испытывали при этихъ опытахъ всѣ ея дѣйствія, то, съ другой стороны, на нѣкоторыхъ она не оказывала ни малѣйшаго вліянія, не смотря на всю силу употребленнаго магнита. И однако, дѣйствіе магнита было извѣстно нѣкоторымъ докторамъ еще въ прошломъ столѣтіи. Они употребляли его для ле-

человѣка многихъ болѣзней, далеко раньше Месмера, отыскавшаго въ самомъ человѣкѣ неиссякаемый источникъ таинственной силы, замѣченной до тѣхъ поръ только въ магнитахъ. По приведеннымъ нами примѣрамъ можно бы было заключить, что магнитъ или содержащееся въ немъ начало влѣчетъ влѣчленіе только на белыхъ; но это была бы большая ошибка. Съ самаго начала изслѣдованій этой силы полагали, что проявленія ея ощущаются только организмами съ сильно разстроенной нервной системой; но по мѣрѣ расширенія круга наблюденій убѣдились, что магнитъ не только сильно дѣйствуетъ на каталептиковъ и лунатиковъ, но что точно также множество людей здоровыхъ и сильно сложенныхъ чувствовали дѣйствіе силы, исходящей изъ магнита, и мы просимъ читателей смотрѣть на это обстоятельство какъ на первый результатъ настоящаго изслѣдованія, которымъ мы думаемъ заняться.

Остановившись здѣсь и постараемся внимательно изучить внѣшніе признаки, по которымъ можно узнать людей съ исключительной организаціей, способной ощущать явленія ода. Скажемъ безъ предисловія, что всѣ, ощущающіе дѣйствіе магнита годны для предпринимаемыхъ нами опытовъ, и для того, чтобы найти ихъ нѣтъ надобности вооружаться магнитомъ: достаточно нѣсколькихъ предложенныхъ вопросовъ, нѣсколькихъ объясненій. Если вы знаете кого нибудь, чей сонъ постоянно безпокоенъ, кто нескитъ, даже зимою, очень легкое платье, не можетъ жить въ тѣсной комнатѣ, боится всякаго запаха, и которому человекъ въ большомъ обществѣ; — не теряйте его изъ вида: вы нашли нужнаго для вашихъ опытовъ субъекта. Чтобы еще лучше въ томъ убѣдиться, спросите его — не предпочитаетъ ли онъ голубой-цвѣтъ всѣмъ другимъ, не противенъ ли ему желтый цвѣтъ, не тревожитъ ли сна его лунный свѣтъ, проникшій въ его комнату. Если онъ отвѣтитъ утвердительно, подведите его къ стѣнѣ комнаты, и попросите приложиться къ ней руками. Черезъ нѣсколько времени онъ скажетъ вамъ, что чувствуетъ отъ этого прикосновенія жаръ въ правой рукѣ и впечатлѣніе сильного холода въ лѣвой. Тогда предложите ему раскрыть лѣвую руку, приблизьте къ его ладони пальцы вашей правой руки и водите ими медленно отъ начала ладони до конца пальцевъ, наблюдая чтобы пальцы ваши не прикасались къ его рукѣ. Онъ скажетъ вамъ, что чувствуетъ отъ вашихъ пальцевъ легкое, свѣжее, пріятное влѣчленіе, какъ бы проникающее во внутренность его ру-

ки. Эти, повидимому странные, факты могут быть повѣрены каждымъ; но что въ самомъ дѣлѣ неразительно это то, что всѣ эти способности или, пожалуй, особенности встрѣчаются совмѣщенными неизмѣнно въ одной и той же личности, т. е. кто обладаетъ одною изъ нихъ—обладаетъ всеми; такъ напримѣръ, кто избѣгаетъ желтаго цвѣта—тотъ неизмѣнно будетъ искать голубой цвѣтъ, спать безпокойно, просыпаться отъ луннаго свѣта и почувствуетъ лѣвой рукой думосовіе, исходящее изъ правой руки.

Связь, замѣченная между этими различными явлениями, заставляетъ насъ предполагать, что они одного происхожденія, и зависятъ отъ дѣйствія одного и того же начала.

Рейхенбахъ называетъ людей, ощущающихъ вліяніе начала, недоступнаго чувствамъ другихъ людей, санситивами (*sensitifs*, т. е. *чуткими* или *чувствительными*), именовъ, присвоеннымъ въ-которымъ растеніямъ, которыя, какъ напр. мимоза, мухоловка, барбарисъ, отличаются чувствительностію, несвойственною другимъ растеніямъ. Не надо смотрѣть на эту впечатлительность какъ на болѣзненное ненормальное состояніе, а просто какъ на особую врожденную или случайную способность, которою одарена часть человѣчества. Многочисленные опыты, которые всякій можетъ повѣрить, руководствуясь тѣмъ, что мы сказали, заставляютъ полагать, что санситивовъ столько же, сколько и лицъ, личиныхъ этой чувствительности; такъ что одной половиною человѣческаго рода дана возможность наблюдать явленія, совершенно исчезающія отъ чувствъ другой половины. Можетъ быть, такъ будетъ не всегда: нервная система, ощущающаго санситива—до сихъ поръ—единственный приборъ, открывающій намъ постоянное и повсемѣстное дѣйствіе ода. Но мы можемъ надѣяться, что, когда изученіе этого предмета получитъ болѣе значительное развитіе, найдутъ другой приборъ, который его выдѣлитъ, сконцентрируетъ и сдѣлаетъ видимымъ для всѣхъ.

Теперь, когда мы познакомились съ санситивностію и имѣемъ приборъ, необходимый для опытовъ, мы можемъ продолжать наши наблюденія, и изслѣдовать вещество, отдѣляющееся отъ намагниченнаго тѣла.

Всякій знаетъ, что стальная намагниченная полоса, повѣшенная горизонтально и предоставленная самой себѣ, послѣ нѣкотораго числа колебаній, располагается такъ, что одинъ ея конецъ направленъ къ сѣверу, а другой къ югу.

Если санситивъ приближенъ лѣвою рукою къ отрицательному, т. е. обращенному на сѣверъ, полюсу магнита, то почувствуется приятное, охлаждающее вѣяніе, сходное съ вѣяніемъ отъ правой руки. Напротивъ, если его лѣвая рука медленно приближится къ противоположному полюсу, то она будетъ ощущать вѣяніе теплѣе, неприятное. Можно погрузить южный полюсъ магнита въ воду и дать ее выпить санситиву. Онъ найдетъ ее теплою и противнаго вкуса. Если же напротивъ, погрузимъ въ жидкость полюсъ будетъ сѣверный, то санситивъ съ перваго глотка почувствуетъ въ водѣ кислотный, охлаждающій, чрезвычайно приятный вкусъ.

Если различившіи такъ отчетливо вкусъ обѣихъ жидкостей санситивъ въ то же время опытный химикъ, — дайте ему подвергнуть эти жидкости химическому анализу. Послѣ самаго тщательнаго изслѣдованія онъ найдетъ, что въ нихъ ничего не измѣнилось, что это попрежнему чистая вода, и что ни отъ того, ни отъ другаго полюса не отдѣлилось ни одной вѣсовой частицы, которая бы могла соединиться съ жидкостью. Въ ней произошла чисто динамическая, неведомое происхожденіе, но усвоенное одинако же отъ вѣстативности санситива.

Это возбуждаетъ рядъ любопытныхъ вопросовъ. Что за странное вещество отдѣляется отъ обѣихъ полюсовъ магнита? Отчего происходятъ холодное вѣяніе у одного, и теплое у другаго, ощущаемыя одной половиною человѣчества, и незамѣтныя для другой? Не свойства ли это того же магнетизма, до сихъ поръ остававшіеся неизвѣстными? Или это отдѣльная сила, независимый дѣятель, который, проявляясь одновременно съ магнетизмомъ, тѣмъ не менѣе дѣйствуетъ по своимъ собственнымъ законамъ?

Вопросъ рѣшается весьма просто.

Если это свойство магнетизма, то очевидно, что его могутъ проявлять только тѣла намагниченыя. Если же, напротивъ, вѣяніе, поразившее руку санситива есть проявленіе силы независимой отъ магнетизма, то слѣдуетъ допустить, что неизвѣстное печало можетъ быть наблюдаемо и въ другихъ тѣлахъ, вовсе не намагниченныхъ.

Послѣ этого положенія достаточно нѣсколькихъ простыхъ опытовъ для рѣшенія задачи и установленія мнѣнія.

На столѣ, для каминъ, кладутъ кристаллическое тѣло, напр.,

кристаллъ горнаго хрусталя, такъ чтобы концы его выходили за предѣлы стола.

Если санситивъ приблизить лѣвую руку къ обоимъ концамъ кристалла поочередно, то ясно почувствуется два, совершенно различныя, впечатлѣнія. На разстояніи 20 или 30 сантиметровъ отъ вершины кристалла, рука уже начинаетъ чувствовать исходящее изъ нея прохладное вѣяніе; приближаясь къ основанію, рука чувствуетъ что-то тепловатое, неприятное, и даже, — въ случаѣ, если долго подвергалась этому дѣйствию, — нѣкоторую боль.

Погрузите нижнюю часть кристалла въ чистую воду, или даже держите ее просто вблизи отъ этой оконечности кристалла, такъ чтобы между ними не было соприкосновенія. Если черезъ нѣсколько минутъ вы дадите повробовать эту воду санситиву, онъ замѣтитъ въ ней тотъ же неприятный вкусъ, который появлялся, какъ мы видѣли, отъ дѣйствія сѣвернаго полюса магнита; но онъ тотчасъ же почувствуетъ свѣжій кислородный вкусъ, если вода нѣсколько времени будетъ подвержена вѣянію, исходящему изъ вершины кристалла. Эти опыты всегда удивляютъ тѣхъ, которые присутствуютъ при нихъ въ первый разъ. Мы привыкли въ двухъ концахъ магнита видѣть силу, весьма, впрочемъ, странную, которую мы называемъ магнетизмомъ; умъ нашъ тотчасъ осваивается съ представленіемъ, что магнитная жидкость отдѣляется отъ магнита съ достаточною силою, для того чтобы подѣйствовать на организаціи, одаренныя чрезвычайною чувствительностью нервовъ; но когда мы видимъ какъ отъ кристалла, тѣла почти организованнаго, отдѣляется что-то странное, напоминающее дыханіе жизни, то не можемъ удержаться отъ чувства нѣкотораго недовѣрія. Но по мѣрѣ того, какъ число опытовъ увеличивается, и первыя показанія санситива подтверждаются, поневолѣ убѣждаешься въ несправедливости подозрѣнія. Наконецъ можетъ случиться, что читатель самъ санситивъ. Въ такомъ случаѣ, онъ прямо можетъ убѣдиться въ справедливости приведенныхъ нами фактовъ, и почувствовать собственною рукою вѣяніе, отдѣляющееся отъ кристалла.

Это странное впечатлѣніе, чувствуемое на разстояніи нѣсколькихъ футовъ или метровъ, смотря по болѣе или менѣе развитой ощутительной способности испытателя, заставляетъ предполагать, что отъ кристалла отдѣляется лучами неизвѣстная сила или вещество, сильно дѣйствующее на нѣкоторые организмы, сообщая имъ совершенно особенныя впечатлѣнія тепла или холода.

Эти противоположныя впечатлѣнія тепла и холода, уже по самому контрасту ихъ, заставляютъ насъ смутно понимать, что передъ нами дѣятель, одаренный, подобно магнетизму и электричеству, нѣкоторыми колярными свойствами.

Насъ, можетъ быть, спросить, почему мы въ предыдущихъ опытахъ исключительно употребляли лѣвую руку санситива. Объясненіе этому читатель найдетъ ниже. Теперь же намъ кажется достаточнымъ сказать, что именно по причинѣ этой полярности намъ и слѣдовало опредѣлить, которою рукою производится опытъ.

Если поразмыслить, какъ велика должна быть эта впечатлительность осязанія у санситива указывающая ему съ удивительною точностію присутствіе силы, незамѣтной для другихъ людей, то естественно приходишь къ мысли, что эта сила должна открываться его зрѣнію. Предположеніе это кажется еще возможнымъ, если вспомнимъ, что въ жизни очень часто случается встрѣчать людей, одаренныхъ способностію различать въ темнотѣ форму, цвѣтъ предметовъ, даже и тогда когда большая часть людей совершенно ихъ не видитъ. Этотъ вопросъ представился г. Рейхенбаху въ началѣ его изслѣдованій и, съ первыхъ же опытовъ, произведенныхъ имъ для его разрѣшенія, онъ убѣдился, что санситивы видятъ въ темнотѣ явленія свѣта, происходящія въ магнитѣ и кристаллѣ.

Читателю, желающему глубже изучить занимающій насъ вопросъ, мы опишемъ слѣдующій опытъ, которымъ мы сами, согласно указаніямъ Рейхенбаха, начали наши изслѣдованія.

Выше было сказано, что ощущающій чувствуетъ то теплоту, то холодъ, смотря по тому, приближаетъ ли онъ руку къ нижнему или къ верхнему концу кристалла, лежащаго на каминѣ. Если теперь мы произведемъ совершенную темноту въ комнатѣ, и пробудемъ въ ней нѣсколько времени съ ощущающимъ, онъ неожиданно объявитъ, что видитъ кристаллъ, который ему кажется какъ бы пропитаннымъ свѣтящимся веществомъ. Вскрѣпъ послѣ этого, онъ увидитъ, что съ вершины подымается голубое, сверкающее прозрачное пламя, окруженное фосфорическимъ облакомъ и кончающееся легкимъ прозрачнымъ дымкомъ. У основанія кристалла санситивъ замѣтитъ то же самое свѣтовое явленіе; только отдѣляющееся здѣсь пламя, хотя свѣтлѣе и ярче, не такъ длительно и имѣетъ красный цвѣтъ.

Когда лѣвая рука санситива приблизится къ голубому пламе-

ни, она чувствуетъ описанную нами прокладку, между тѣмъ нѣтъ прикосновенія къ красному пламени производить совершенно впечатлѣніе.

Эти опыты повторялись тысячу разъ и всегда давали одни и тѣ же результаты; только чѣмъ больше развита впечатлительная способность санситива, тѣмъ эти результаты будутъ отчетливѣе и опредѣленнѣе; такъ что мало впечатлительный замѣчаетъ только свѣтящуюся парь, философскій дымъ неопредѣленнаго мѣста тамъ, гдѣ сильно чуткій санситивъ видитъ голубое и красное пламя, во всемъ блескѣ.

Мы замѣтимъ также, что для производства этихъ наблюденій нужна самая совершенная темнота, для чего слѣдуетъ принять всевозможныя предосторожности, чтобы наружный свѣтъ не проникъ въ комнату. Нельзя довольствоваться тѣмъ, что двери и окна будутъ закрыты ставнями и шторами; надо иль, кромѣ того, завѣсить толстыми коврами.

Одическій свѣтъ до того слабъ въ сравненіи съ обыкновеннымъ, что малѣйшаго луча, проходящаго сквозь наружную щель, достаточно, — мы въ этомъ убѣдились, — чтобы помѣшать санситиву видѣть это явленіе. Считаемо полезнымъ прибавить для предупрежденія метерпѣливости испытателя, что при переходѣ изъ мѣста сильно освѣщеннаго въ совершенную темноту, дѣйствіе, произведенное свѣтомъ на нервную сѣть въ глазу, прекращается весьма медленно. Можетъ случиться, что санситивъ просидитъ нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ начнетъ различать голубое и красное пламя, отдѣляющееся изъ оконечностей кристалла.

Что за причина этихъ свѣтовыхъ явленій, каковы ихъ свойства и что за начало, которому они обязаны своимъ происхожденіемъ? Несмотря на проводимыя ими впечатлѣнія холода и тепла на санситивовъ, дѣятель этотъ никакъ не теплородъ, такъ какъ мы знаемъ, что послѣдній ошутителемъ для всякаго человеческого организма, между тѣмъ, какъ изучаемое нами начало, производитъ впечатлѣніе только на санситивовъ и дѣйствія его не должны быть смѣшиваемы съ дѣйствіями теплорода потому уже, что самые чувствительные термометры, приложенные къ одическому пламени не показывали ни малѣйшаго измѣненія температуры.

Вѣяніе, исходящее съ такою силою изъ концовъ кристалла, не можетъ быть также приписано магнитизму, потому что оно

не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на магнитную стрѣлку и ни напрасно бы стали приближать желѣзные опилки къ самому большому кристаллу; ни одна изъ нихъ къ нему не приста-летъ. Что это не электричество, мы видимъ изъ того, что электроскопъ, показывающій, какъ извѣстно, присутствіе малѣйшаго электрическаго тока, въ этомъ случаѣ остается совершенно неподвижнымъ. Да и кромѣ того, извѣстно, что электричество отдѣляется только вслѣдствіе возбужденія, между тѣмъ какъ мы видимъ и чувствуемъ, что этотъ дѣятель, безъ посторонняго дѣйствія, выходитъ изъ кристалла постоянно, и днемъ и ночью. Нельзя также допустить, чтобы это было дѣйствіе обыкновеннаго свѣта. Свѣтъ, видимый всѣми людьми, не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на нихъ осозаніе. Какая же, наконецъ, причина этихъ впечатлѣній холода и тепла и что за источникъ разноцвѣтнаго пламени на концахъ кристалла?

Такъ какъ мы не въ состояніи объяснить эти явленія ни однимъ изъ извѣстныхъ дѣятелей, то намъ придется допустить особенное, новое начало, до сихъ поръ ускользавшее отъ изслѣдованій физики. Намъ кажется, что изъ представленныхъ фактовъ уже видно, что тутъ дѣло идетъ о веществѣ повѣсомомъ, близкомъ къ теллуроду, которое составляетъ какъ бы среднюю между магнетизмомъ и электричествомъ, не смѣшиваясь, впрочемъ, ни съ однимъ изъ этихъ началъ. Эта новая сила, это повѣсомое вещество, проявляющееся такимъ страннымъ образомъ, — есть одъ. (Мы представимъ этимологию этого слова, когда свойства самаго дѣятеля, будутъ намъ болѣе извѣстны). Мы показали уже какимъ образомъ полюсы намагниченной желѣзной полосы производятъ на санситива впечатлѣнія тепла и холода, одинакія съ тѣми, которыя онъ чувствуетъ, когда приближаетъ руку къ оконечностямъ кристалла. Точно такъ же мы увидимъ на полюсахъ магнита синее и красное пламя, одинакое съ видѣннымъ нами на двухъ полюсахъ кристалла.

Свѣтовое явленіе получаетъ замѣчательную яркость, если употреблять для опыта сильный, подкововидный магнитъ, полюсы котораго, обращенные вверхъ, приходились бы въ магнитномъ меридіанѣ.

По водвореніи совершенной темноты, въ моментъ снятія оправы, на полюсахъ магнита являются оба пламени, красное и синее, направленные къ потолку. При этомъ они не соединяются, не сближаются, даже не наклоняются одно къ другому,

и такимъ образомъ не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ притяженія, замѣчаемыхъ въ двухъ противоположныхъ концахъ электричества, или полюсахъ магнита. То и другое пламя видѣляется изъ магнита необыкновенно стремительно, будто отъ дѣйствующей внутри его постоянной силы. Они поднимаются на такую высоту, что иногда достигаютъ потолка, гдѣ образуютъ свѣтлые круги. Около магнита они распространяютъ свѣтъ достаточно яркій, чтобы различать предметы на разстояніи одного или двухъ метровъ. Оба пламени находятся въ постоянномъ колебаніи, безпрестанно укорачиваются и удлиняются. Они представляются двумя блестящими, прозрачными, лучезарными столбами, какъ бы усыпанными цѣлымъ облакомъ бѣлыхъ, сверкающихъ искръ. Все это представляетъ странное и вмѣстѣ съ тѣмъ восхитительное зрѣлище. Если пойти съ магнитомъ въ рукѣ, то пламя отклоняется въ сторону противоположную движенію, а если подуть на него, оно колеблется такъ же какъ пламя свѣчи или лампы. Если въ одическомъ пламени держать какой нибудь предметъ съ широкою поверхностью, напримеръ тарелку, то пламя расширяется и скользитъ по ней точно такъ же, какъ обыкновенное пламя. Если же ввести въ него что нибудь поуже, напр., кольцо или палецъ, то пламя охвативъ его съ двухъ сторонъ, раздѣляется такимъ образомъ на два язычка которые соединяются опять въ одинъ столбъ, лишь только препятствіе обойдено. Рука, которую держатъ передъ столбомъ отбрасываетъ тѣнь, а намагниченное желѣзо, выдѣляющее пламя, кажется санситиву, какъ бы насквозь пропитаннымъ одическимъ веществомъ, которое свѣтится въ самой внутренности металла, отчего онъ представляется буквально прозрачнымъ. Свѣтовые явленія, относящіяся къ оду, представляютъ особенный интересъ изученія, если намагниченную сталь замѣнить электро-магнитомъ. Въ этомъ случаѣ явленіямъ можно придать необыкновенный блескъ, или уменьшить его, смотря по числу и силѣ электрическихъ элементовъ, которыми мы располагаемъ. До тѣхъ поръ пока проводникъ не соединенъ съ батареей, санситивъ не замѣчаетъ одического пламени, но лишь только электрическій токъ проникнетъ въ спираль, окружающую полосу желѣза и обратитъ ее въ магнитъ, оба пламени мгновенно появляются. Здѣсь я упомяну о фактѣ, достойномъ замѣчанія, потому что онъ опредѣляетъ различіе между одомъ и магнетизмомъ. Съ прекращеніемъ дѣйствія электрическаго тока

на мягкое желѣзо, его магнитная сила тотчасъ пропадаетъ, между тѣмъ какъ одъ продолжаетъ выдвѣляться изъ него долгое время спустя послѣ того, какъ магнетизмъ пересталъ дѣйствовать.

Мы сказали что пламя, отдѣляющееся у сѣвернаго полюса, голубое, а у южнаго — красное.

Впрочемъ, если явленіе представляется намъ въ полной силѣ, когда движеніе окружающаго воздуха не нарушаетъ блеска одического пламени, то оно свѣтится всѣми цвѣтами радуги. Эти цвѣта показываются у каждаго полюса всегда въ постоянномъ порядкѣ; а какъ одъ отдѣляется съ большою силою изъ оконечностей магнита, то явленіе представляетъ значительную подвижность и непрерывное колебаніе во всѣхъ своихъ частяхъ. Отъ этого происходятъ очень разнообразныя, гармоническія переливы, хотя красный колоритъ остается господствующимъ въ пламени южнаго полюса, а синий — сѣвернаго. Можно даже выдѣлить нѣкоторые изъ цвѣтовъ этой мистической радуги; стоитъ только укрѣпить на одномъ изъ полюсовъ желѣзную пластинку горизонтально и притомъ такъ, чтобы четыре угла ея направлялись къ странамъ свѣта. Тогда можно замѣтить отдѣленіе струй свѣта: краснаго на югъ, синяго на сѣверъ, желтаго на западъ и бѣловатаго на востокъ.

Если вмѣсто квадратной пластинки укрѣпить на намагниченномъ брускѣ кружокъ, — то получается изображеніе радуги въ видѣ круга. Тогда можно замѣтить около кружка движеніе цвѣтовъ различныхъ оттѣнковъ, которые, однакожь, въ ихъ совокупности, кажутся голубыми у сѣвернаго полюса и красными у южнаго. Ничто не можетъ сравниться съ страннымъ зрѣлищемъ этой радуги, внезапно появляющейся, легкою и прозрачною, изъ среды самаго глубокаго мрака.

Нужно согласиться, что всѣ эти явленія не имѣютъ ничего общаго съ магнитными. Правда, мы пользовались магнитомъ для ихъ воспроизведенія, но не сомнѣваемся, что тѣхъ же результатовъ можно достигнуть при употребленіи большаго кристалла; потому, что если сравнить одическія силы намагниченнаго бруска и такого же вѣса кристалла, то увидимъ, что одъ отдѣляется изъ послѣдняго съ болѣею энергіею. Его свѣжесть пронизательнѣе, теплота явственнѣе, свѣтъ живѣе.

Хотя вездѣ, гдѣ развивается магнетизмъ, непременно появляется и одъ, тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній обнаруживается

въ кристаллѣ совершается отдѣльно и независимо отъ перваго. Каждый изъ этихъ двухъ дѣятелей слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ, даже въ случаѣ одновременнаго отдѣленія изъ того же источника. Поэтому большою ошибкой было бы причислять разсмотрѣнныя одическія явленія магнетизму, даже и тогда, еслибъ кристаллы были единственными, кромѣ магнита, предметами, обнаруживающими эти явленія. Но это еще не все. Распространивъ область нашихъ наблюденій, увидимъ появленіе ода со всѣхъ сторонъ, такъ что невольно будемъ удивляться какииъ образомъ столь повсемѣстный дѣятель могъ остаться до сихъ поръ незамѣченнымъ.

Мы разсмотрѣли два великихъ источника ода, это силы магнетизма и кристаллизаціи. Посмотримъ теперь нѣтъ ли другихъ источниковъ этого мистическаго дѣятеля.

Съ первыхъ опытовъ опредѣленія сходства, обличающаго ода съ электричествомъ, и свойствъ ихъ различающихъ, мы уже замѣчаемъ, что электричество всегда сопровождается значительнымъ развитіемъ ода, что характерныя дѣйствія обомъ дѣятелей появляются одновременно.

Санситивъ при ударѣ отъ электрическаго разряженія получаетъ не только тѣ впечатлѣнія, которыя испытываются вообще всѣми: кромѣ нихъ онъ чувствуетъ еще проницающее вѣжаніе, иногда холодное, иногда теплое, отдѣляющееся вмѣстѣ съ электричествомъ, и котораго дѣйствіе онъ ощущаетъ и послѣ разряженія. Очевидно, это признакъ присутствія ода, который дѣйствуетъ на санситива столь же сильно, какъ и электричество.

Но этого еще мало: можно допустить существованіе обстоятельствъ, исключительныхъ конечно, при которыхъ санситивность сдѣлается естественною способностью человека и дѣлаетъ его недоступнымъ дѣйствію электрическаго дѣятеля. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія мы представляемъ слѣдующіе факты и обращаемъ на нихъ вниманіе Рейхенбаха и тѣхъ немногихъ ученыхъ, которые занимаются серьезнымъ изученіемъ ода.

Извѣстно, что лунатизмъ и нервные припадки, какаго бы рода ни были, увеличиваютъ чувствительность. Но, во время нашего пребыванія въ странахъ, прилегающихъ къ заливу Веракруцъ, у Караибскаго моря, мы слышали, что мѣстные жители употребляютъ электрическій скатъ для леченія екодъ частыхъ здѣсь нервныхъ припадковъ. Эта рыба обладаетъ очень сильною электрическою батареею, состоящею изъ множес-

на небольшихъ поверхностяхъ, которыми, по своему желанію, производятъ столь сильный электрическій токъ, что устрашаетъ, преследуетъ, оцѣдляетъ, парализируетъ ускользящую жертву. Однакожь предположеніе ската къ дерматическимъ болямъ на дряхлѣющихъ тѣхъ сотрясеній и оцѣдленій, которыхъ не безъ прищипки страшатся ивѣншіе случаи трогать это странное животное. Напротивъ, намъ говорили, что боляны вдругъ получаютъ облегченіе на долгое время и охотно приписываютъ полное свое выздоровленіе единственно дѣйствию электрическаго ската.

Александръ Гумбольдтъ, которому мы сообщали эти факты, говорилъ намъ, что онъ уже давно наблюдалъ, какъ очень нервныя женщины прикасались къ гимноту Южной Америки и не терпѣли отъ этого никакихъ потрясеній; а гимнотъ гораздо омытѣ другихъ электрическихъ рыбъ.

На вопросы наши объ ощущеніяхъ при прикосновеніи къ электрическому скату, больныя хотя отвѣчали слишкомъ неопредѣленно для полнаго объясненія, но какъ при этомъ всегда происходило ощущеніе мурашекъ, особенное чувство теплоты и холода, то мы узнаемъ тутъ дѣйствія ода, которыми, вѣроятно, сопровождается обнаруживаніе скатомъ электричества.

Наше мнѣніе можно подтвердить и наблюденіемъ другаго рода, имѣющимъ, впрочемъ, нѣкоторое соотношеніе съ предыдущими.

Когда лицо, подверженное лунатизму, будетъ подходить, во время своего бдѣнія, къ наэлектризованному тѣлу, то оно уже съ довольно большаго разстоянія замѣчаетъ дѣйствія отдѣляющагося ода; отъ прикосновенія же къ такому тѣлу, оно ощущаетъ хорошо извѣстныя дѣйствія электричества. Но если во время лунатическаго состоянія того же лица, подвергнуть его удару отъ разряженія сильной электрической машины, то оно будетъ испытывать самыя легкія сотрясенія.

Самые рѣшительныя опыты этого рода производилъ г. Регацони въ Бергамѣ. Онъ подвергалъ лунатиковъ (которые, какъ уже знаемъ, въ то же время и санситивы) электрическимъ ударамъ страшной силы и въ нихъ можно было замѣтить только самое легкое сотрясеніе, хотя они и приходили въ сильное движеніе, дрожали подъ вліяніемъ слабѣйшаго тока ода, направляемаго на нихъ рукою испытателя.

Нѣсколько очень легкиxъ опытовъ дополняютъ доказательства

того, что проявленіе электричества всегда сопровождается и отдѣленіемъ ода.

Если хорошо уединенное, заряженное смолянымъ электричествомъ тѣло находится съ лѣвой стороны санситива, то онъ чувствуетъ, уже на разстояніи многихъ метровъ, холодное одическое вѣяніе, отдѣляющееся вмѣстѣ съ отрицательнымъ электричествомъ, и притомъ такъ сильно, что невольно удивляется почему другіе не замѣчаютъ того же. Точно такъ же лѣвая рука санситива чувствуетъ близость тѣла, наэлектризованнаго стекляннымъ электричествомъ.

Если опыты производятся въ темнотѣ, то всѣ части электрической машины одѣваются свѣтомъ; если ударить по электро-ору, какъ это обыкновенно дѣлается, лисьимъ хвостомъ, — то онъ пропитывается краснымъ одическимъ свѣтомъ, — тогда какъ отъ смоляныхъ частей инструмента отдѣляется голубое пламя.

Очень странное зрѣлище представляетъ наэлектризованный человѣкъ, который стоитъ на уединительной скамейкѣ. Одъ окружаетъ его со всѣхъ сторонъ какъ бы свѣтящейся атмосферой, огромное голубое и красное пламя выходитъ изъ его рукъ и ногъ; это — привидѣніе самаго страшнаго вида.

Если изъ темной комнаты провести въ смежную съ нею оконечности металлической проволоки и разрядить ими лейденскую банку, то санситивъ замѣтитъ около проволоки очень живой свѣтъ, который сохраняется долго послѣ прохода электричества.

Если оба конца этой проволоки соединены съ полюсами вольтова столба, то происходитъ явленіе, на которое мы обращаемъ особенное вниманіе физиковъ. Именно при этомъ замѣчается спиральное движеніе кругомъ проволоки бѣлыхъ, блестящихъ проблесковъ. Санситивы сравниваютъ эти свѣтовые спирали съ движеніемъ множества червей, которые, обвивая проволоку, направляются отъ одного полюса аппарата къ другому. Не въ этомъ ли заключаются круговые токи или соленоиды Ампера? Такимъ образомъ электрическое движеніе предложенное имъ для объясненія явленій магнетизма, — движеніе, открытое гениемъ, и которое представляли только умственно, — становится теперь дѣйствіемъ ода видимымъ, *материально* видимымъ для значительной части человѣчества.

Теплородъ и свѣтъ представляютъ еще два неизсякаемые источника обильнаго отдѣленія ода. Санситивъ, который держитъ лѣвою рукою конецъ длиннаго прута съ раскаленнымъ другимъ

концовъ, замѣчаетъ, къ большому своему удивленію, очень явное чувство прохлады. Это явленіе производитъ одичское начало, которое, отдѣляясь изъ нагрѣтой оконечности, проходитъ по стволу съ несравненно большою скоростью, чѣмъ теплородъ, и потому раньше послѣдняго дѣйствуетъ на руку санситива. Помѣстите въ темную комнату одинъ конецъ мѣдной проволоки, а другой оставьте нагрѣваться извнѣ въ какойнибудь печи; тогда санситивъ увидитъ отдѣленіе длиннаго голубаго пламени изъ перваго конца проволоки.

Если внѣшнюю оконечность той же проволоки перенесете изъ темной комнаты въ свѣтлую, или дотронетесь имъ до сильно освѣщеннаго предмета, то санситивъ тотчасъ же увидитъ отдѣленіе пламени изъ другаго конца проволоки, точно такъ же, какъ и въ предыдущемъ опытѣ. Нужно замѣтить, что въ большей части случаевъ трудно отличить одъ, отдѣляемый свѣтомъ отъ разливаемаго теплородомъ, такъ какъ эти два источника дѣйствуютъ почти всегда одновременно. Поэтому ограничимся показатъ приведенными опытами. Мы будемъ имѣть случай возвратиться къ соотношенію ода со свѣтомъ, когда приступимъ къ наблюденію дѣйствій перваго изъ этихъ дѣятелей при совокупномъ отдѣленіи ихъ отъ небесныхъ тѣлъ.

Одъ также обнаруживается съ большою энергіею вездѣ, гдѣ является дѣйствіе химическихъ силъ: онъ сопровождаетъ разложеніе, раствореніе, сгущеніе и улетучиваніе; является при броженіи, при всякомъ движеніи элементарнаго сродства. Химическія силы молчаливо работаютъ въ недрахъ природы: перемѣщаютъ атомы, сближаютъ ихъ, разсѣиваютъ, удаляютъ одинъ отъ другаго, уничтожаютъ и непрерывно пересоставляютъ тѣла; но ни одно изъ ихъ чудесныхъ дѣйствій не является безъ участія ода, этого таинственнаго дѣятеля. Такимъ-то образомъ санситивъ замѣчаетъ выдѣленіе блестящаго пламени изъ оконечности стальной пластинки, въ моментъ погруженія ея въ сѣрную кислоту; а лѣвая рука его ощущаетъ какъ бы холодный вѣтерокъ отъ наружной части металла. Очень живое сіяніе обнаруживается также при откупориваніи въ темной комнатѣ бутылки шампанскаго: большое бѣлое пламя выходитъ слѣдомъ за пробкою и достигаетъ потолка.

Одичскія истеченія, которыя сопровождаютъ разложеніе органическихъ тѣлъ, очень часто представляются въ ужасающихъ

формахъ и при самой страшной обстановкѣ, какъ это доказываютъ нижеслѣдующія факты.

Въ большей части мѣстностей, изъ посѣщенныхъ нами въ Африкѣ, Европѣ и Америкѣ, мы встрѣтили слѣды легенды, по которой души усопшихъ двигаются надъ ихъ могилами до тѣхъ поръ, пока очистятся отъ всего, что есть въ нихъ земнаго и получать наконецъ вѣчный покой. Насъ всегда поражала всеобщность этого повѣрья. Убѣжденные, что всѣ народныя вѣрованія и предположенія большою частью основаны или на худо понятой истинѣ, или на какомъ нибудь особенномъ явленіи, замѣченномъ только нѣкоторыми лицами, мы тщетно искали источникъ породившій эти преданія, — когда наконецъ свойства ода и любопытныя гипотезы Рейхенбаха навели насъ на истинный путь.

Если очень темною ночью привести санситива на кладбище, то онъ увидитъ множество мерцаній, двигающихся надъ могилами, особенно зарытыми недавно. «Эти огоньки, — говоритъ Рейхенбахъ, — двигаются взадъ и впередъ подобно тому, какъ это происходитъ въ группѣ танцующихъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ ростъ человѣка; другіе меньшіе, ползаютъ по землѣ какъ карлики. При приближеніи къ этимъ привидѣніямъ, они приходятъ въ сильное движеніе, иногда исчезаютъ, и показываются снова чрезъ нѣсколько секундъ. Вскорѣ мы замѣтили, что они образуются изъ того же самаго свѣтящагося и прозрачнаго вещества, которое составляетъ большую часть одическихъ явленій».

Расскажемъ случай, который въ свое время произвелъ сильное впечатлѣніе на умы жителей мѣста событія и который, какъ говорятъ, до сихъ поръ живетъ преданіемъ въ одномъ изъ округовъ Альзаса. Превосходный рассказчикъ Пфеффель жилъ недалеко отъ Кольмара въ домѣ, окруженномъ большимъ садомъ. Въ это время, при ослѣпшемъ уже повѣѣ, постоянно находился молодой теологъ, который писалъ подъ диктовку и сопровождалъ его во всѣхъ прогулкахъ. Въ одну изъ такихъ вечернихъ прогулокъ по саду, на поворотѣ въ темную алею, молодой человѣкъ вдругъ остановился и ни за что не хотѣлъ идти дальше. Съ выраженіемъ полного ужаса, онъ сказалъ, что видитъ свѣтящійся призракъ женщины, несоразмѣрно огромный; но который, постоянно двигаясь, то вдругъ уменьшается, то увеличивается. Тщетно Пфеффель убѣждалъ своего друга подойти къ привидѣнію, котораго никто изъ окружающихъ не видѣлъ.

При приближеніи постороннихъ лицъ къ мѣсту призрака, онъ, по словамъ теолога, приходилъ въ сильнѣйшее движеніе; когда же кто нибудь становился на самое мѣсто явленія, то призракъ одѣвалъ его совершенно своимъ свѣтящимся веществомъ. Пфеффель, зная хорошо спокойный и вовсе не фантастическій характеръ своего друга, вполне довѣрялъ искренности его показаній. Тщетно искалъ онъ причины столь страннаго явленія, когда ему пришла мысль разрыть землю на мѣстѣ появленія призрака. Тамъ нашли тѣло женщины, зарытое гораздо раньше, чѣмъ Пфеффель поселился въ этомъ мѣстѣ, — обстоятельство, о которомъ не зналъ ни онъ, ни окружавшія лица.

Какъ объяснить это необыкновенное явленіе, подлежащее сомнѣнію? Известковый грунтъ, въ которомъ находилось тѣло, способствовалъ къ исключительной продолжительности его гніенія. Во все время гніенія, происходило сильное отдѣленіе ода, который проникалъ грунтъ и являлся на воздухъ въ видѣ свѣтящагося вещества. А какъ молодой человекъ былъ санситивомъ, то онъ и видѣлъ это явленіе, — другія же лица, лишонныя этого качества, поэтому самому, не могли усмотрѣть одического пара.

Что же касается до принятія одическимъ веществомъ человѣческой формы, то это происходитъ отъ равномерности отдѣленія ода отъ всѣхъ частей лежащаго подъ землей тѣла, при чемъ онъ, выходя на воздухъ, долженъ появляться въ болѣе или менѣе неопредѣленной формѣ человека. Если же на кладбищѣ есть вѣтеръ, то санситивъ замѣчаетъ движеніе призраковъ: они нагибаются, поднимаются на воздухъ, спускаются на землю и представляютъ такимъ образомъ знаменитую *пляску мертвыхъ*. Въ этомъ заключаются дѣйствія ода, сопровождающаго дѣятельность химическихъ силъ, направленныхъ въ настоящемъ случаѣ, на разьединеніе и улетучиваніе органическаго вещества. Когда тѣло разложилось совершенно и химическія силы окончили свою работу, дѣятельность ода также прекращается. Призраки исчезаютъ и, какъ говоритъ преданіе, вступаютъ въ вѣчный покой. Слѣдовательно мы съ г. Рейхенбахомъ должны принять, что наши предки съ полнымъ правомъ признавали пляску покойниковъ на могилахъ, которую могли видѣть только избранные т. е. наши санситивы.

Такъ какъ мы ощущаемъ одическія явленія, сопровождающія химизмъ, то кстати рассмотримъ предметъ, имѣющій привилегію

особенно возбуждать негодованіе или презрѣніе нашихъ ученыхъ, смотря по тому, видятъ ли они въ немъ преднамѣренный обманъ, или одно изъ тысячи дурачествъ невѣжества. Мы едва смѣемъ признаться, что мы говоримъ о магнитической кадкѣ (baquet) Месмера. Читатель, вѣроятно, знаетъ, что это большой деревянный сосудъ, наполненный водою, въ который бросаютъ какъ попало множество самыхъ разнородныхъ предметовъ: желѣзные опилки, кусочки стекла, сѣры, дерева, пластинки металловъ, ароматическія травы, ртуть, хлѣбъ, кожу, перья и многіе другіе. Каждый приготовляетъ чудесную кадку по своему собственному усмотрѣнію. Дѣйствительно, присутствуя при приготовленіи ужаснаго напитка, можно подумать, что находишься въ кухнѣ колдуньи, когда она, чтобы понравиться Мефистофелю и приготовить для Фауста адское питье, бросаетъ въ котелъ всякаго рода вещества и шепчетъ волшебныя слова. Для болѣе полного сходства, нѣкоторые магнетизеры во время своей работы, также призываютъ духовъ. Какъ бы то ни было, приготовленной жидкости даютъ стоять нѣсколько дней, послѣ чего опускаютъ въ нее длинный желѣзный или мѣдный пруть, около котораго укрѣпляется проволока, льняныя и шелковыя нити, для того чтобы за нихъ могли держаться пользующіеся больные и получать такъ называемую магнитическую жидкость, отдѣляющуюся изъ бочки. Мы знали въ Лондонѣ молодаго и ученаго доктора, который съ жаромъ предавался магнитическимъ изслѣдованіямъ драгоцѣннаго дѣятеля, принесеннаго Месмеромъ въ даръ медицинѣ. Онъ поставилъ себѣ цѣлю—преобразовать и очистить ученіе Месмера, удалить изъ него ошибки и развить замѣчающіяся въ немъ истины. Онъ пыталъ полное отвращеніе къ магнитической кадкѣ. Однажды мы видѣли, какъ жаркій реформаторъ сильно ссорился съ своимъ товарищемъ и хотѣлъ опрокинуть большую магнитическую кадку, тоторою тотъ пользовался. Но и этотъ докторъ кончилъ тѣмъ, что самъ завелъ подобный же приборъ, котораго цѣлебную силу прежде отвергалъ, и сознался, что не можетъ спорить противъ очевидности фактовъ. Возможно ли, чтобы въ подобной жидкости могло заключаться благотѣльное начало? Очевидно здѣсь не можетъ отдѣляться магнетизмъ, т. е. та сила, которая направляетъ намагниченную стрѣлку и притягиваетъ желѣзо. Точно такъ же никто не подумаетъ объ выдѣленіи въ этомъ случаѣ электричества или гальванизма. Однакожь опыты Месмера повторяются въ теченіе почти столѣтія и всѣ со-

гисны, что изъ кадки отдѣляется жидкость, которая, по своимъ дѣйствіямъ и способу передачи, представляетъ нѣкоторую аналогію съ этими невѣсомыми дѣтелями.

Постараемся теперь разрѣшить, съ помощію Рейхенбаха, предложенную задачу. Что происходитъ въ сосудѣ, въ которомъ находятся различные органическіе и неорганическіе вещества, окруженные со всѣхъ сторонъ жидкостью, способствующею ихъ растворенію? Очевидно—многочисленны дѣйствія и реакціи всѣхъ этихъ тѣлъ одного на другое. Развивается молекулярное средство; элементы переходятъ отъ одного тѣла къ другому; короче, химическіе силы работаютъ, производятъ медленное, но сильное и непрерывное движеніе. А мы знаемъ, что химизмъ всегда сопровождается огромнымъ развитіемъ ода. И такъ слово загадки найдено, тайна открыта. Это отдѣляется одъ и дѣйствуетъ на санситивовъ точно такъ же, какъ и при выходѣ изъ кристалла или магнита.

Мы охотно присоединимся къ тѣмъ, которые пользуются наукой то какъ побѣдоноснымъ оружіемъ для пораженія шарлатановъ, то какъ свѣтильникомъ, распространяющимъ свой благодѣтельный свѣтъ на страны, покрытыя вредоноснымъ мракомъ невѣжества и предразсудковъ. Во всякомъ случаѣ, когда хотятъ уничтожить какое нибудь глубоко вкоренившееся заблужденіе въ области естественныхъ наукъ, или философій, то должны дѣйствовать съ большими предосторожностями: часто случается въ наукахъ и въ ирѣ идей, что заблужденіе это основывается на какомъ нибудь одномъ вѣрномъ замѣчаніи, которое и даетъ ему эту поразительную звучность. Уничтожая заблужденіе, слѣдуетъ предварительно удостовѣриться не скрывается ли за нимъ какая нибудь истина, которую мы должны уважать. Поступимъ такъ же какъ хорошій садовникъ. Когда онъ откроетъ чужеродное растеніе, то тщательно высматриваетъ не пользуется ли оно сокомъ драгоцѣннаго дерева, который оно высасываетъ своими корнями. Если это такъ, то оно раздѣляетъ оба растенія съ крайнею осторожностью, чтобы, уничтожая негодное, не испортить того, которое составляетъ украшеніе воздѣлываемаго имъ сада.

Мы вовсе не хотимъ требовать возстановленія прежняго уваженія къ магнитической кадкѣ Месмера, хотя и показали всю ея силу; мы желали бы только, чтобы просвѣщенные люди перестали употреблять для медицинскихъ цѣлей этотъ повѣртіаго вида приборъ и замѣнили его другимъ, болѣе научнымъ аспа-

ратомъ, который отдѣлялъ бы одъ такъ же изобильно. Мы предлагаемъ вольтовъ приборъ. Это инструментъ очень удобный, котораго одическую силу можно увеличивать по произволу, усиливая его электрохимическія дѣйствія. Такимъ образомъ выведется изъ употребленія приборъ Месмера, навлекшій и на изобрѣтателя и на его учениковъ сарказмы и неучей и ученыхъ безразлично: дураковъ, которые смѣются надъ тѣмъ, чего не понимаютъ; ученыхъ, осуждающихъ то, чего они еще не разсматрѣли.

Теперь начинаютъ выясняться отношенія, существующія между одомъ и тѣмъ мистическимъ дѣтелемъ, который называется животнымъ магнетизмомъ. Не составляютъ ли они, окончательно, оба одну силу? Вопросъ этотъ мы рѣшимъ послѣ, а теперь будемъ продолжать розысканіе источниковъ, отдѣляющихъ одъ въ изобиліи.

Звукъ, какъ и химизмъ, освобождаетъ одическое начало. Всѣ дрожашія тѣла отдѣляютъ его изобильно. При движеніи смычка по струнамъ скрипки, отдѣляется свѣтящійся и прозрачный паръ. Если въ темнотѣ звонить въ колоколъ, то онъ тотчасъ же окружается сіяющей оболочкой и металлъ становится совершенно прозрачнымъ. Это явленіе то же самое, которое мы наблюдали при магнитѣ.

Ударъ тотчасъ же вызываетъ изъ мрака одическое сіяніе. При каждомъ ударѣ молотомъ по наковальнѣ, оба они одѣваются блестящимъ облакомъ.

Но ударъ есть только сильнѣйшее давленіе. Увеличивая число опытовъ, можно убѣдиться, что всякое давленіе, изъ какого бы источника оно не происходило, всегда отдѣляетъ одъ. Мы опишемъ самые интересные употребительные для этой цѣли опыты.

Когда сильно сожмутъ находящійся въ рукѣ свертокъ проволоки, котораго одна часть размотана, то санситивъ тотчасъ же увидитъ отдѣленіе отъ оконечности проволоки необыкновенно большаго и блестящаго пламени. То же самое происходитъ при сильномъ сжатіи рукою середины магнита: пламя у обоихъ полюсовъ пріобрѣтаетъ огромные размѣры и блескъ. Эти явленія интересны для насъ въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, они показываютъ, что мускульныя усилія и давленіе сопровождаются несравненно сильнѣйшимъ развитіемъ ода, чѣмъ при всѣхъ другихъ родахъ давленія; во вторыхъ, они напоминаютъ очень любопытные опыты г. Дюбуа-Реймона въ Берлинѣ, изъ

которыхъ слѣдуетъ, что мускульное давленіе и происходящее отъ него нервическое дрожаніе сопровождаются легкими электрическими токами. Но, какъ мы уже доказали выше, свободное электричество составляетъ источникъ ода; поэтому можно бы думать, что приведенныя выше одическія явленія зависятъ отъ электрическихъ токовъ г. Дюбуа-Реймона. Однакожь очень простое замѣчаніе достаточно покажетъ, что это мнѣніе невѣрно. Электрическіе токи такъ слабы, что ихъ нельзя замѣтить обыкновенными электроскопами, а для этого нужно воспользоваться чрезвычайно чувствительными приборами, особо изобрѣтенными берлинскимъ физикомъ. Одическія же дѣйствія, въ разсматриваемомъ нами случаѣ, обнаруживаются несравненно больше, чѣмъ развивающіеся вмѣстѣ съ ними электрическіе токи. Поэтому мы думаемъ, что явленіе ода происходитъ прямо отъ физиологическихъ причинъ, отъ давленія мускуловъ или движенія нервовъ и мы тѣмъ болѣе склонны видѣть (вмѣстѣ съ г. Рейхенбахомъ) въ слабыхъ электрическихъ токахъ побочныя дѣйствія ода, что обнаруживаніе какого нибудь невѣсимаго дѣятеля съ нѣкоторою энергіею всегда влечетъ за собою, какъ послѣдствіе, проявленіе другого такого же дѣятеля. Свѣтъ вызываетъ тепло, электричество порождаетъ магнитизмъ, а этотъ послѣдній—электричество, которое производитъ одъ. Почему же одъ, въ свою очередь, не дѣлается, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, источникомъ электричества? Мы не имѣемъ никакого серьезнаго возраженія противъ этого положенія даже и въ томъ случаѣ, еслибъ совершенно не знали о только-что приведенномъ фактѣ.

Между случайными и проходящими причинами, производящими сильное отдѣленіе ода, слѣдуетъ помѣстить треніе. Если сильно трести бутылку воды въ темной комнатѣ, то санситивъ увидитъ, что жидкость овітится сильнымъ бѣлымъ пламенемъ, на вкусъ покажется ему теплою и непріятною, какъ будто въ нее погрузили на нѣсколько секундъ южный полюсъ магнита. Если лить воду чрезъ верхнее отверстіе поставленной наклонно стеклянной трубки, то во все это время жидкость будетъ окружена свѣтлящимся облакомъ. Текучія воды, какъ напримѣръ ключевыя, подвергаются тренію во всѣхъ своихъ частяхъ; поэтому должны освобождать одъ въ такомъ изобиліи, что онъ не можетъ набѣгнуть отъ чувствительности санситива. Мы это можемъ водвердить слѣдующимъ фактомъ. Подъ обширнымъ ду-

гомъ проходилъ водопроводъ, ничѣмъ не обозначавшійся на поверхности грунта. Рейхенбахъ зналъ его направленіе, но сопровождавшій ученаго санситивъ не подозрѣвалъ даже его существованія. При такихъ условіяхъ они, разговаривая, подошли къ мѣсту, подъ которымъ скрывался водопроводъ. Въ то самое мгновеніе, какъ они проходили надъ текучею водою, санситивъ вдругъ остановился; онъ ощутилъ въ ногахъ, особенно лѣвой, чувство теплоты, непріятныхъ мурашекъ; короче, впечатлѣнія трудно выясняемая, которыя сохранялись все время нахождения на этомъ мѣстѣ, но исчезали вмѣстѣ съ удаленіемъ отъ него. Многочисленные опыты съ другими санситивами, сдѣланные со всѣми предосторожностями, необходимыми для избѣжанія сшибокъ и полученія несомнѣнныхъ результатовъ, показали, что одъ, происходящій отъ текучей воды, проникаетъ землю и дѣйствуетъ энергически на тѣ особыя организаціи, которыя названы нами санситивами.

Намъ пріятно думать, что это ученіе можетъ лучше объяснить г. аббату Парамелю характеръ чудесной его способности открывать подземные источники; способности, которую онъ тщетно старается передать и печатно и словесно свидѣтелямъ своихъ открытій, желающимъ достигнуть возможности дѣлать подобныя. Это значитъ требовать невозможнаго, потому что одни только санситивы могутъ замѣчать или чувствовать источники воды, которые текутъ глубоко подъ землю. Слѣдовательно аббатъ Парамель обладаетъ высшею степенью санситивности, и мы смѣло утверждаемъ, что если онъ захочетъ повторить указанные нами опыты, то увидитъ появленіе изъ мрака этого лучезарнаго таинственнаго дѣятеля, котораго силу онъ такъ часто чувствовалъ. Мы надѣемся, что, извѣдавъ всѣ эти явленія, онъ явится свидѣтелемъ въ пользу ода, которому онъ обязанъ двумя вещами: уваженіемъ честныхъ людей и внутреннимъ сознаніемъ добра, сдѣланнаго имъ для общей пользы.

Одъ постоянно выходитъ изъ кристалла и магнита; временно и съ большою энергіею развивается вездѣ, гдѣ отдѣляются другіе невѣсомые дѣтели; освобождается при треніи, ударѣ, давленіи. Это все составляетъ тѣ источники, изъ которыхъ одъ отдѣляется изобильно и съ большою силою, но все же здѣсь не заключаются всѣ, которые его производятъ.

Одъ—дѣтель всеобщій. Всѣ тѣла его содержать. Всѣ тѣла, подвергнутыя взгляду или прикосновенію санситива, обнаружи-

звать присутствіе ода; но одно и то же вещество никогда не показываетъ тѣхъ контрастовъ сини и красноты, тѣхъ полярныхъ дѣйствій жара и прохлады, которыя мы замѣчали въ кристаллахъ и магнитахъ. Всѣ аморфныя тѣла твердыя, газообразныя и жидкія представляются окруженными какъ бы атмосферою прозрачною и фосфорическою. Это одъ, которымъ проникнуто вещество и который отдѣляется медленно, но постоянно. Одическое сіяніе всегда голубое въ такомъ-то веществѣ, красное въ другомъ. Вѣроятно читатель помнитъ, что, по предложенной Берцеліусомъ электрохимической теоріи, электроотрицательными считаются тѣла, которыя, при дѣйствіи тока, притягиваются цинковою пластинкою, т. е. положительнымъ полюсомъ аппарата; а электроположительными тѣ, которыя, при электрохимическомъ разложеніи, увлекаются къ мѣдной пластинкѣ. Когда предложите санситиву опредѣлить свойства различныхъ веществъ, положенныхъ предъ нимъ въ полномъ безпорядкѣ, и которыя могутъ находиться въ бумагахъ или стеклянкахъ, то, приближая къ нимъ свою лѣвую руку, онъ вамъ скажетъ, что нѣкоторыя производятъ прохладное и пріятное одическое вѣяніе, тогда какъ другія—теплое и непріятное. Такимъ образомъ эти вещества будутъ распределены на двѣ категоріи; въ первой заключаются тѣла, дающія прохладное вѣяніе, и именно: сѣра, бромъ, кислородъ и пр., т. е. тѣ, которыя въ электрохиміи называются отрицательными; въ другой—напр. металлы—вещества электроположительныя. Съ небольшимъ вниманіемъ со стороны санситива легко составить порядокъ веществъ, въ которомъ первое мѣсто будетъ занимать вещество, отдѣляющее сильнѣйшую теплоту, а послѣднее—наибольшій одическій холодъ. Первымъ будетъ кислородъ, послѣднимъ—калій. Сравнивъ же полученный такимъ образомъ рядъ съ принятымъ электрохиміей, въ которомъ тѣла слѣдуютъ постепенно, начиная съ наиболѣе электроположительнаго и кончая наиболѣе электроотрицательнымъ, мы увидимъ, что оба эти ряда тождественны.

Берцеліусъ, услышавъ объ этомъ результатѣ, нанюлъ его до того необыкновеннымъ, что рѣшился самъ произвести опытъ и убѣдиться въ точности факта. Онъ сдѣлалъ это съ тою совѣтливою точностью, которая его характеризуетъ, и достигъ тѣхъ же результатовъ, какъ и Рейхенбахъ. Онъ не могъ скрыть своего полнаго удивленія, когда увидѣлъ, что молодая женщина, совершенно незнакомая съ наукой, составила въ нѣсколько се-

кундъ тотъ электрохимическій рядъ, который былъ предметомъ продолжительныхъ и тяжелыхъ изслѣдованій знаменитыхъ ученыхъ.

И такъ всѣ аморфныя вещества сіяютъ въ темнотѣ и во всѣхъ рука санситива открываетъ присутствіе ода. Но особенно замѣчательно, что ода различныхъ тѣлъ дѣйствуетъ различно на санситива, такъ что и холодъ и жаръ для каждаго тѣла иные. Если нѣсколько металловъ расположить съ лѣвой стороны санситива, то онъ почувствуетъ отдѣляющійся ода, какъ вѣяніе, производящее впечатлѣніе тепла; но оно не будетъ имъ одинаковыхъ свойствъ, не той же напряженности для каждаго металла. Такъ, наприм., одическое вѣяніе золота кажется гораздо теплѣе, чѣмъ мѣди, однакожь это послѣднее дѣйствуетъ сильнѣе на санситивовъ, которые всѣ его боится. Когда ихъ лѣвая рука беретъ этотъ металлъ, то они чувствуютъ очень неприятное колотье, а присутствіе большихъ массъ мѣди производятъ судороги въ брюшной полости. Изъ веществъ, дающихъ одическій холодъ, кислородъ обладаетъ истеченіемъ болѣе холоднымъ, чѣмъ сѣра, однакожь санситивы чувствуютъ дѣйствіе этой послѣдней гораздо рѣзче.

Сѣра, мѣдь, калий, кислородъ и многія другія вещества отдѣляютъ ода съ такою энергіею, что санситивъ ощущаетъ ихъ издавдала; такъ, наприм., онъ замѣчаетъ на разстояніи десяти метровъ теплое вѣяніе отъ большой пластинки мѣди. Эти факты, доказанные многими опытами, позволяютъ надѣяться, что санситивы, которые научатся хорошо различать многочисленныя и отличительныя дѣйствія на нихъ ода различныхъ тѣлъ, получать такъ же способность узнавать близость металловъ и другихъ минеральныхъ тѣлъ.

Эти размышленія ставятъ насъ сразу передъ гадательной палочкой. Представьте себѣ санситива въ поискахъ сомровища, которое, не смотря на самыя тщательныя изслѣдованія, еще не открыто. Вооруженный своей магической палочкой, онъ идетъ молча, внимательный къ малѣйшему дѣйствующему на него вліянію. Сначала его невѣрные шаги медленно обращаются повсѣмъ направленіямъ. Мало по малу походка его становится вѣрнѣе: вѣяніе, однимъ имъ узнанное, укрѣпило ихъ. Это ода. Онъ отдѣляется отъ массъ золота или серебра, составляющихъ сомровище, и проникаетъ чрезъ кору, скрывающую ихъ отъ людскаго взора. Санситивъ, предаваясь вліянію таинственнаго дѣя-

тели, двигается по направлению къ нему. Вдругъ онъ останавливается: отсюда выходятъ тѣ странныя истеченія, которыя его удержали; здѣсь, у его ногъ, передъ нимъ, лежитъ сокровище. Палочка повертывается или наклоняется; копаютъ: сокровище найдено.

Какую роль нужно приписать палочкѣ? Не она ли открыла скрытое сокровище? Нисколько: она служила только вспомогательнымъ орудіемъ въ рукахъ санситива, которымъ онъ пользуется въ случаѣ надобности, когда онъ, приблизившись къ мѣсту выхода одическихъ лучей, захочетъ вѣрно указать его окружающимъ лицамъ. Наконецъ лицо, предавшееся розысканію сокровищъ и сдѣлавшее жезлогаданіе болѣе или менѣе выгоднымъ ремесломъ, въ видахъ соблюденія собственнаго интереса, будетъ стараться поразить человѣческое воображеніе какимъ нибудь таинственнымъ приборомъ, для того чтобы увеличить обаяніе, которое производитъ на нихъ его чудесная способность, приводящая его самого въ удивленіе. Поэтому жезлогадатели рѣдко довольствуются гадательной палочкой. Мы видѣли въ Испаніи старика, который, какъ говорили, открылъ нѣсколько сокровищъ, зарытыхъ во время войны за независимость. Онъ отправлялся на поиски ночью, послѣ дня, проведеннаго въ молитвѣ и постѣ, в-бралъ палочку въ руку не иначе, какъ помянувъ всѣхъ святыхъ.

Если, какъ мы выше замѣтили, одъ, отдѣляющійся отъ большого количества золота или серебра, дѣйствуетъ уже измѣна на санситива съ такою силою, что позволяетъ ему открыть присутствіе металла, то очевидно, что онъ можетъ, при извѣстной опытности, ясно различать дѣйствующія на него одическія вліянія и указывать съ большою точностью мѣстности, гдѣ въ недрахъ земли должны находиться большія глыбы минераловъ; потому что одъ этихъ веществъ поднимается изъ глубокихъ слоевъ, выходятъ на поверхность грунта и производятъ впечатлѣніе на подверженнаго его дѣйствию санситива. Вспомнимъ удивленіе Гете, когда онъ встрѣтилъ личиность, открывшую большія массы лежавшей глубоко подъ землею соли. Почти во всѣхъ металлоносныхъ странахъ Европы встрѣчаются рудокопы, отличающіеся особеннымъ даромъ открывать металлоносныя мѣла, которыя встрѣчаются подъ ихъ ногами. Нигдѣ однакожь мы не встрѣтили фактовъ болѣе рѣшительныхъ въ этомъ отношеніи, какъ въ Завискахъ Гейнриха Цимокне.

Этотъ писатель, великій по своимъ познаніямъ, преданности либеральнымъ идеямъ, но особенно по чистотѣ своей частной жизни, съ честью служилъ усыновившей его Швейцаріи, въ эпоху политическихъ битвъ, которыя вездѣ явились какъ послѣдствіе французской революціи. Когда тишина смѣнила бурю, Цшокке, съ тѣмъ безкорыстнымъ жаромъ, который составляетъ удѣлъ возвышенныхъ душъ, обратилъ вниманіе своихъ согражданъ на естественныя богатства своего новаго отечества и пустился въ швейцарскія горы для отысканія каменнаго угля, соли и металловъ. Во время этихъ-то полезныхъ изысканій знаменитый геологъ Эбертъ познакомилъ его съ личностью, которая, какъ говорили, открывала подземныя жилы, дѣйствіемъ таинственнаго дѣятеля, который отдѣлялся отъ скученныхъ въ нѣдрахъ земли минераловъ и поднимался на ея поверхность.

«Эго была, говорить Цшокке, молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, высокая, плотная : отличнаго здоровья. Она сопровождала меня въ научныхъ поѣздкахъ на высокія горы, которыхъ геологическое строеніе, подземные источники воды и мѣсторожденія минераловъ я зналъ очень хорошо, но чего моя компаньонка, Катерина Бетлеръ, совершенно не подозрѣвала. Не смотря на это, она не вводилась никогда въ ошибку своею чудесною способностью, хотя и была подвержена многочисленнымъ испытаніямъ, при которыхъ не употребляла даже гадательной палочки. Безпрерывно повторяемые опыты и наблюденія, производившіяся съ возможною тщательностью для избѣжанія ошибокъ, побѣдили мое недоверіе и заставили провидѣть, какъ бы сквозь туманъ, новую силу природы. Молодая дѣвушка не могла точно опредѣлить впечатлѣніе, получаемое ею отъ различныхъ веществъ. Когда она находилась надъ желѣзной рудой, то испытывала разнородныя ощущенія, но особенно странное чувство сильнаго холода на языкъ; при приближеніи къ формаціямъ, заключающимъ соль, обѣ ея руки подвергались сильной испаринѣ; соедѣство большихъ слоевъ каменнаго угля и сѣры выражалось страннымъ ощущеніемъ внутренняго жара, а присутствіе мѣди — особеннымъ колотьемъ въ языкъ».

Цшокке писалъ эти строки въ 1842 году, т. е. гораздо раньше, чѣмъ Рейхенбахъ предпринялъ свои изслѣдованія ода. Не удивительно ли, что дѣйствія ода были уже извѣстны и такъ хорошо описаны, а никто не думалъ изучать ихъ силу и свойства. Вмѣсто того, чтобы изслѣдовать эти явленія и отыскивать пер-

воначальную ихъ причину, предпочли усомниться въ ихъ дѣйствительности и объявить невозможными. И когда, наконецъ, достойный натуралистъ, человѣкъ честный, твердою рукою сталъ изслѣдовать тайну и посвятилъ ей всю свою дѣятельность, то не странно ли видѣть его одного на этой дорогѣ, одного даже въ настоящее время?

Легко предвидѣть, какія великія услуги могутъ оказать санситивы при разработкѣ рудъ. Истощились, напримѣръ, жилы золота или серебра, мѣди или желѣза, — въ которую сторону направить молотъ? куда пробивать новыя галереи? Рудокопъ въ этомъ случаѣ находится въ нерѣшительности; но пусть онъ обратится къ санситиву, навывкнущему наблюдать и различать производимыя металлами одическія ощущенія такъ же вѣрно, какъ еслибы онъ видѣлъ сквозь землю искомый минералъ, и мѣсто, гдѣ долженъ ударить молотъ, гдѣ должна открыться новая жила, будетъ указано рукою санситива.

II.

До сихъ поръ мы наблюдали отдѣленіе ода изъ веществъ неорганическихъ, теперь же будемъ разсматривать его проявленіе въ одушевленной природѣ, въ которой онъ производитъ дѣйствія, замѣчательныя въ другомъ отношеніи.

Простое размысленіе заставляетъ уже предполагать, что человѣкъ самъ по себѣ составляетъ источникъ одической жидкости. Въ самомъ дѣлѣ, если принять въ соображеніе, что человѣчскій организмъ до сихъ поръ былъ единственнымъ приборомъ, обнаруживающимъ дѣйствіе ода, то станетъ очевиднымъ, что этотъ дѣятель проникаетъ всѣ части человѣка и остается въ нихъ доступнымъ изслѣдованіямъ санситива точно такъ же, какъ и въ другихъ тѣлахъ.

Совершенно неожиданное явленіе поражаетъ удивленіемъ санситива лишь только онъ помѣстится въ темной комнатѣ, для занятія первыми одическими наблюденіями: задолго до обнаруживанія кристаломъ или магнитомъ полярнаго свѣта, онъ увидитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вы стоите, сіяніе прозрачнаго, фосфорическаго тумана. Съ трудомъ различаетъ онъ въ первое время человѣческую форму внутри свѣтящагося, окружающаго васъ вполне покрову; но, по мѣрѣ расширенія его зрачка, предъ нимъ обозначается лучше и лучше контуръ вашего тѣла, которому одическія истеченія придаютъ огромные размѣры. Бѣлыя,

волнующіяся одическія сіянія представляютъ васъ въ видѣ свѣтлаго гения въ каскѣ, украшенной длинными перьями. Всѣ санситивы соглашаются, что они испытываютъ невольное волненіе, наблюдая въ первый разъ это странное видѣніе. Они его описываютъ то какъ бѣлый, безформенный, ужасающій призракъ; то какъ гигантское привидѣніе, котораго вершина струится быстрыми и внезапными проблесками.

Но если санситивъ обратитъ свои взоры на самаго себя, то увидитъ что все его тѣло проникнуто свѣтящимся веществомъ и, поэтому видно даже сквозь одежду; при этомъ оно приобретаетъ ту прозрачность, которую представляетъ наша рука, когда ее помѣщаютъ между глазомъ и горящей свѣчкой.

Когда санситивъ оправится отъ волненія, производимаго въ немъ этимъ первымъ наблюденіемъ, и начнетъ спокойно разсматривать явленія, послѣженно представляющіяся его глазамъ, то тотчасъ замѣтитъ, что одическій свѣтъ распространенъ неравномѣрно по поверхности тѣла. Нѣкоторыя части обладаютъ большимъ блескомъ, нежели другія. Сначала руки привлекутъ все вниманіе санситива. Независимо отъ мерцанія, которому подвержены и прочія части тѣла, можно замѣтить огни, или, выражаясь точнѣе, пламя, которое отдѣляется отъ оконечности каждаго пальца. Вскорѣ послѣ этого санситивъ видитъ, что одическое сіяніе представляетъ не только различный блескъ, но и различный цвѣтъ, смотря по части тѣла, которую онъ протекать. Такимъ образомъ сіяніе правой руки, а также и пламя, отдѣляющееся изъ оконечностей ея пальцевъ, имѣетъ голубой цвѣтъ; тогда какъ пламя лѣвой руки—ярко краснаго цвѣта. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мгновеній, санситивъ находитъ, что все тѣло человека раздѣляется одомъ на двѣ отличительныя половины. Вся правая сторона, отъ головы до ногъ, свѣтится голубымъ одическимъ свѣтомъ, вся лѣвая—краснымъ.

И такъ предъ нами опять два свѣта: голубой и красный т. е. тѣ же самые, которые мы видѣли отдѣляющимися изъ кристалла и магнита. Сопровождаются ли они тѣми же противоположными ощущеніями холода и тепла, какъ и въ послѣднемъ случай—въ этомъ можно увѣриться приближая пальцы правой руки къ лѣвой санситива. Какъ только до этой послѣдней достигнетъ длинное голубое пламя вашихъ пальцевъ, санситивъ тотчасъ почувствуетъ въ ней свѣжее, легкое, пріятное и постоянное вѣжаніе. Напротивъ, когда онъ будетъ держать свою лѣ-

вую руку, въ красномъ пламени, исходящемъ изъ вашей дѣвой же руки, то ощутить одическую теплоту и притомъ живѣе, нежели при дѣйствіи краснаго свѣта кристалла.

Вотъ какимъ образомъ замѣчается отдѣленіе ода изъ чело-вѣческаго организма, какъ бы облаченнаго въ свѣтящееся вещество, имѣющее видъ широкаго сіянія. Посмотримъ, какъ обнаруживается одъ въ другихъ одушевленныхъ предметахъ.

Если въ темной комнатѣ находятся различнаго рода и вида растенія, то санситивъ замѣчаетъ, что всѣ они свѣтятся прозрачнымъ сіяніемъ, которое онъ тотчасъ признаетъ за одическое. Мы позволяемъ себѣ привести слѣдующій замѣчательный фактъ по этому поводу.

Эндлихеръ, знаменитый батаникъ, которому растительная анатомія обязана многочисленными и важными открытіями, встрѣтилъ большою недовѣрчивостію сообщеннаго ему свѣдѣнія о существованіи ода въ царствѣ растительномъ, въ этой области природы, которую онъ такъ прекрасно разработалъ, съ которою онъ такъ хорошо ознакомился, и въ которой, не смотря на то, онъ однако никогда не замѣчалъ ода. Тѣмъ не менѣе г. Рейхенбаху, догадавшемуся по нѣкоторымъ признакамъ, что знаменитый натуралистъ обладаетъ санситивностію, удалось продѣржать его, не смотря на всю живость его характера, нѣсколько часовъ въ совершенно темной комнатѣ, гдѣ были помѣщены различные роды растеній. Вдругъ Эндлихеръ воскликнулъ, что онъ видитъ растенія какъ бы сквозь фосфорическій покровъ; потомъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго пребыванія въ темной комнатѣ, онъ разпозналъ стволы, вѣтви и листья. Его удивленіе увеличилось, когда онъ узналъ, что различныя части растеній представляютъ различный блескъ свѣта; особенно когда замѣтилъ, что цвѣты окружены болѣе блестящимъ и болѣе прозрачнымъ сіяніемъ чѣмъ то, которое одѣваетъ остальную часть растенія. Онъ различалъ его цвѣтъ и родъ: «Это голубой цвѣтокъ, говорилъ онъ, это глоксинна.»

Профессоръ Фенцль, занимающій теперь кафедру, прославленную знаменитымъ его предшественникомъ Эндлихеромъ, можетъ засвидѣтельствовать вѣрность приведеннаго нами факта, потому что онъ также присутствовалъ при этомъ опытѣ. Съ того времени Эндлихеръ не только убѣдился въ существованіи ода, такъ какъ видѣлъ его проявленіе собственными глазами, но также и во влияніи этого дѣателя на жизнь растеній, — мнѣніе раздѣляемое повидимому и Унгеромъ, котораго мнѣ заслужи-

ваетъ чести быть помѣщеннымъ рядомъ съ именемъ Эндлихера.

Наконецъ, всѣ санситивы единогласно утверждаютъ, что одъ отдѣляется отъ растеній въ количествѣ, достаточномъ для освѣщенія ихъ блестящимъ облакомъ, котораго свѣтъ если не живѣе, то, по крайней мѣрѣ, обширнѣе пламени, отдѣляющагося изъ кристалла или магнита. Особенно же замѣчательно, что растительный одъ разливается по своей напряженности и отцвѣту, смотря по части растенія его выдѣляющей, точно такъ же, какъ и одическое начало, разливаемое человѣческимъ тѣломъ. Вообще вѣтви, кора, верхняя часть листьевъ, также цвѣты отдѣляютъ голубоватый свѣтъ, тогда какъ остальные части растеній разливаютъ красный.

Различіямъ цвѣтовъ и въ этомъ случаѣ соотвѣтствуютъ впечатлѣнія холода и жара. Цвѣты, верхняя поверхность листьевъ, молодые побѣги, отдѣляютъ одическій холодъ; тогда какъ корни и нижняя часть листьевъ производятъ то же теплое вѣяніе, которое истекаетъ изъ лѣвой руки человѣка и основанія кристалла.

Если перенесемъ теперь наше вниманіе съ царства растительнаго на другого рода одушевленные существа, то мы встрѣтимся съ неменѣе удивительными фактами.

Примемъ за точку исхода ту эпоху, съ которой начинается животная жизнь. Предположимъ, что вы—санситивъ и разсматриваете только-что оплодотворенное яйцо.

При наблюденіяхъ въ совершенной темнотѣ, яйцо представляется вамъ не только какъ предметъ окруженный живымъ одическимъ свѣтомъ, но еще и какъ тѣло, вполне прозрачное, такъ что взглядъ вашъ проникаетъ чрезъ скорлупу до самой его внутренности. При этомъ можно видѣть бѣловое вещество, окруженное очень слабымъ сіяніемъ, а желтокъ—отдѣляющимъ болѣе живой свѣтъ; но особенное вниманіе привлекаетъ точка съ несравненно сильнѣйшимъ блескомъ, чѣмъ какой имѣютъ всѣ остальные части яйца; эта точка—зародышъ.

Такимъ образомъ съ самаго начала жизни, одъ начинаетъ уже сгущаться и обнаруживать явленія полярности, которыя болѣе и болѣе усложняются, по мѣрѣ развитія зародыша.

Всѣ наблюденія санситива надъ животными дадутъ результаты, подобные полученнымъ при разсмотрѣніи человѣка и растеній. Точно также одическое сіяніе распространено неравномѣрно по всей поверхности животнаго тѣла; можно замѣтить,

что у животныхъ, какъ и у человѣка, вся лѣвая сторона прикинута краснымъ одическимъ свѣтомъ, тогда какъ вся правая свѣтится голубымъ.

Свѣтъ и яркость одического свѣта измѣняются до безконечности, не только по различнымъ классамъ животныхъ, но и въ особахъ того же рода. Такимъ образомъ санситивъ, при прогулкѣ темною ночью въ звѣринцѣ, видитъ крайне любопытныя явленія, какъ это доказываютъ слѣдующіе факты:

Тѣло льва окружено огненной атмосферой. Его члены и органы отдѣляютъ одическіе огни; яркое сіяніе выходитъ изъ его пасти; грива струится свѣтомъ; каждый шагъ его оставляетъ свѣтящіеся слѣды. Слонь представляетъ гораздо менѣе замѣчательное явленіе, только его хоботъ покрытъ живымъ свѣтомъ. Глаза кабана мечутъ блестящія искры. Крокодилъ является въ ужасающемъ видѣ. Одическій свѣтъ его тѣла очень слабъ; одна только отвратительная голова чудовища страшно выдѣляется изъ мрака.

Замѣчательно, что въ самкахъ одическое сіяніе обнаруживается гораздо слабѣе, чѣмъ въ самцахъ. Такъ, напримѣръ, левъ испускаетъ одическіе огни всѣми своими органами, между тѣмъ какъ львица въ темнотѣ остается едва видною. Быкъ свѣтится сильнымъ блескомъ; напротивъ, корова—такъ слабо, что санситивъ различаетъ ее въ темнотѣ съ большимъ трудомъ. Но всѣ самки, которыхъ могли наблюдать во время ихъ полового раздраженія представляли необыкновенныя одическія явленія.

Слѣдующій фактъ очень любопытенъ: при озлобленіи животныхъ замѣчается, что все ихъ тѣло отдѣляетъ одъ съ крайнею энергіей. Онъ тогда исторгается изъ ихъ глазъ въ видѣ блестящихъ лучей или яркихъ искръ. Этотъ фактъ подтверждаетъ показаніе Треверіануса, показаніе, въ истинѣ котораго сомнѣвались, хотя совершенно ошибочно, по нашему мнѣнію. Знаменитый физиологъ говорилъ, что въ темнотѣ можно видѣть отдѣленіе искръ изъ глазъ *canis Azagae*, въ минуту раздраженія этого животнаго. Для изучающаго одическія явленія этотъ фактъ не представляетъ ничего удивительнаго. Онъ даже можетъ постоянно наблюдать подобные же факты на человѣкѣ; если наблюдаемое лицо будетъ чѣмъ нибудь раздражено во время одическихъ опытовъ въ темнотѣ, то санситивъ тотчасъ увидитъ отдѣленіе изъ его глазъ одическихъ огней и искръ. Такимъ образомъ одинъ изъ наблюдаемыхъ субъектовъ, находясь въ сильномъ припадкѣ гнѣва, представилъ своей сестрѣ, которая обладала сна-

сивностью, самое страшное зрѣлище, когда либо ею видѣнное. Изъ глазъ его вылетали иглы свѣта; борода и волосы, точно такъ же какъ и появившаяся изъ рта пѣна, казались огненными. Теперь слова Шиллера становятся самой поразительной истиной и можно сказать вмѣстѣ съ нимъ, что «изъ всѣхъ ужасныхъ предметовъ, самый страшный—это человекъ во время своего гнѣва.»

Все это ведетъ насъ къ слѣдующему, не менѣе любопытному, замѣчанію.

Чѣмъ неукротимѣ животныя, чѣмъ болѣе они дикы, тѣмъ сильнѣе происходитъ обнаруживаніе въ нихъ ода. Всѣ вообще, хищныя звѣри, какъ напр. гіены, волки, волю, медвѣди, тигры и пр. представляются взорамъ санситива свѣтящимися живымъ одическимъ блескомъ; но напряженность этого блеска уменьшается по мѣрѣ того, какъ животныя становятся болѣе ручными.

Но вотъ явленіе, всегда сильно поражающее санситива, когда онъ разсматриваетъ въ темной комнатѣ проявленіе ода въ живыхъ существахъ. Онъ замѣчаетъ, что ихъ образъ отражается на стѣнѣ комнаты то тѣнью, то свѣтящимся контуромъ. Когда наблюдаемое лицо проходитъ по комнатѣ около стѣны, то тѣнь его появляется на стѣнѣ и повторяетъ всѣ его движенія. Если къ стѣнѣ обращена правая сторона, то ваша фигура отражается тѣнью; но когда вы, повернувшись, пойдете назадъ по прежнему направленію, то темное изображеніе превращается тотчасъ же въ бѣлое и блестящее. Это явленіе, котораго причину мы скоро объяснимъ, представляетъ нѣчто столь странное, столь неожиданный, что великій естествоиспытатель Эндлихеръ, никогда не могъ видѣть его безъ особеннаго удивленія. Онъ всегда приходилъ въ сильнѣйшее волненіе при приближеніи къ нему собственнаго его изображенія, которое появлялось въ темнотѣ, то въ видѣ черной тѣни, то какъ свѣтлое привидѣніе.

Странныя одическія явленія, созерцаемая санситивомъ, не напоминаютъ ли частыя появленія духовъ или призраковъ, которые внезапно дѣйствуютъ на человѣческую душу или оцѣпная ее, или сообщая ей дѣятельности совершенно противоположное направленіе? Въ этихъ мистическихъ закоулкахъ человѣческой исторіи мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ много полезныхъ уроковъ. Напримѣръ, можно тамъ найти знаменитыхъ людей, извѣстныхъ ученыхъ, вдругъ переставшихъ преслѣдовать сарказмами тѣхъ, которые говорили о являвшихся имъ видѣніяхъ, и, въ слѣдствіе особеннаго внутренняго превращенія, принимать

за дѣйствительныя такія вещи, невозможность которыхъ они старались доказывать прежде. Чтобы избѣгать насмѣшекъ, большое число такихъ людей молчало; но какъ они не могли найти въ наукѣ объясненія этихъ явленій, поразившихъ ихъ душу и измѣнившихъ теченіе ихъ мыслей, то они погружались въ самихъ себя и часто кончали тѣмъ, что вполне предавались мистицизму. Какимъ же образомъ обратить къ дѣйствительности эти, часто сильные по познаніямъ, умы, которые сдѣлались какъ бы безиллодными? Очевидно, что этого нельзя достигнуть отвергая возможность факта, котораго дѣйствительность покорила ихъ; для этого можетъ послужить единственно неопровержимое объясненіе факта помощью физической или естественной причины. Мы полагаемъ, что одѣ составляетъ единственную настоящую причину психологическихъ явленій, на которыя мы только что намекали. Подумайте о тысячѣ призраковъ, которые могутъ явиться около санситива и вы охотно примете наше мнѣніе. Если онъ проснется среди ночи, то увидитъ лежащую около него подругу, дѣтей въ колыбели, уподобленныхъ свѣтящимся привидѣніямъ. Проходя темною ночью по деревнѣ, увидитъ поднимающійся съ вершины дерева свѣтоносный туманъ; безформенныя, страннаго вида существа, блестящія и двигающіяся между вѣтвями или въ воздухѣ. Одинокій путешественникъ превратится для него, въ извѣстномъ разстояніи, въ бѣлый гигантскій призракъ. Если онъ войдетъ на сельское кладбище, то замѣтитъ, двигающіяся надъ могилами привидѣнія; при приближеніи къ стѣнѣ, предъ нимъ вдругъ поднимется черный призракъ. Онъ повертывается, чтобы узнать причину такого внезапнаго явленія, — и черный призракъ исчезаетъ: по стѣнѣ уже волнуется другой — свѣтящійся. Эти два призрака — двѣ одическія тѣни, которыя такимъ образомъ преслѣдуютъ его непрерывно и заставляютъ испытывать все томленіе ужаса.

Если и справедливо, что одѣ былъ главной причиной тайныхъ страданій лицъ, имѣвшихъ видѣнія, то тѣмъ не менѣе онъ, чрезъ то самое, даетъ возможность уничтожить зло, произведенное этими ночными призраками между людьми, которые во всѣхъ возрастахъ настаиваютъ на существованіи ихъ, несмотря на постоянное отрицаніе этихъ явленій наукою. Теперь же, когда наука уже овладѣла одомъ, она можетъ еще разъ оказать свое благотворное вліяніе на человѣчество и освободить нашу прекрасную планету отъ всѣхъ призраковъ и духовъ, которые дѣ-

дали ночь ненавистною для известной части человеческих существъ.

И такъ мы видѣли развитіе ода изъ веществъ неорганическихъ и тѣлъ организованныхъ. Кристаллы, вещества аморфическія, растенія, животныя и люди составляютъ въ совокупности не больше, какъ частицы планеты, въ средѣ которой совершаются описанныя нами различныя явленія; поэтому невольно рождается вопросъ, не составляетъ ли вся наша планета сама по себѣ неистощимый источникъ, огромный космическій центръ, изъ котораго одъ лучится въ безконечное пространство. Прежде всего, представляются два факта, заставляющіе насъ думать что иначе и быть не можетъ.

Вообще принимаютъ, и—мы думаемъ—не безъ причины, что сферическая кора, на которой проходитъ наша жизнь, окружаетъ собою огонь, горящія вещества, огненные газы. Жаръ центра нашей планеты превосходитъ, вѣроятно, все, что мы можемъ только вообразить себѣ въ этомъ отношеніи, и дѣятельность химическихъ силъ тамъ должна быть постоянною и всемогущею. Но какъ химизмъ и теплородъ всегда сопровождаются огромнымъ выдѣленіемъ ода, то нельзя не допустить, что одъ поднимается изъ центра нашей планеты къ ея поверхности, проникаетъ въ атмосферу и подымается къ небу.

Къ этому присоединяется слѣдующій, не менѣе доказательный фактъ.

Земной шаръ, на которомъ мы живемъ, одаренъ столь очевидными магнитными силами, что совокупность ихъ можно разсматривать какъ огромный магнитъ, котораго два магнитные тока направляются въ противоположныя стороны: одинъ къ югу, другой къ сѣверу. Но мы знаемъ, что магнитъ иначе не обнаруживается, какъ вмѣстѣ съ одомъ. И такъ очевидно, что въ двухъ магнитныхъ полюсахъ земли заключаются огромныя скопленія одического вещества. Этотъ результатъ, къ которому привело насъ простое размышленіе, сверхъ того подтверждается однимъ изъ самыхъ любопытныхъ опытовъ, который мы сейчасъ опишемъ.

Мы уже видѣли что желѣзный дискъ, положенный на одинъ изъ полюсовъ магнита, производитъ замѣчательной красоты радугоу. Свѣтящееся явленіе получаетъ видъ дѣйствительно поразительный, если для этаго воспользоваться пустымъ желѣзнымъ шаромъ, привѣшеннымъ къ потолку на шелковомъ

инуркѣ. Сквозь шаръ проходитъ желѣзный пруть, обмотанный спирально металлической проволокой, которой концы выходятъ наружу, чрезъ нарочно сдѣланныя для того отверстія. Чѣмъ больше окружность жара, тѣмъ блистательнѣе будетъ зрѣлище, о которомъ мы говоримъ. Въ то самое мгновеніе, когда дѣлаютъ желѣзный пруть магнитнымъ, соединяя концы проволоки съ полюсами сильной гальванической батареи, на всей поверхности шара появляются радужныя гармоническія сіянія. На верхней части глобуса, тамъ гдѣ находится сѣверный или отрицательный полюсъ магнита, является голубой блескъ, — тогда какъ на противоположной сторонѣ замѣчается свѣтовой кругъ ярко-краснаго цвѣта. Экваторіальный поясъ раздѣляется на двѣ части; изъ нихъ одна жолтаго, другая ярко-бѣлаго цвѣта. Впрочемъ, въ средѣ этихъ господствующихъ цвѣтовъ сверкаютъ смѣшанные тоны безкомечно-разнообразныхъ оттѣнковъ. Все это волнуется, колеблется и производитъ различные эффекты свѣта. Кругомъ этихъ огней, свѣтящихся на самой поверхности шара, распространяются прозрачныя пары, окружающіе его въ видѣ ореола. Они также краснаго цвѣта у южнаго полушарія, и голубаго у сѣвернаго. Но слѣдующее явленіе еще замѣчательнѣе и мы обращаемъ на него особенное вниманіе читателя. У сѣвернаго полюса шара появляется голубое пламя и поднимается въ видѣ зонтика; оно проходитъ сквозь сіяющій ореоль, который мы только что описали, и струится потомъ со всѣхъ сторонъ кругомъ шара, направляясь къ экватору. По формѣ своей оно напоминаетъ султанъ, съ низко опущенными перьями или, еще лучше, снопъ, съ сильно наклоненными къ землѣ колосьями. Изъ южнаго полюса выходитъ такой же одическій снопъ ярко-краснаго цвѣта. Онъ обнимаетъ всю южную полушарю своими яркими лучами, которые направляются къ экватору шара, какъ бы навстрѣчу тѣмъ, которые спускаются съ сѣвера, однако такъ, что одно пламя не смѣшиваются съ другимъ. Они вытягиваются, раздѣляются на множество свѣтовыхъ лучей и, наконецъ, по достиженіи экватора, превращаются въ дымъ. Во всѣхъ частяхъ разсмотрѣннаго нами свѣтоваго явленія происходитъ постоянное движеніе, колебаніе и измѣненіе.

Шаръ, доставившій намъ столь любопытныя явленія, представляетъ въ сущности тотъ *земляной* глобусъ (*terrele*), которымъ пользовался Барловъ, знаменитый англійскій физикъ для изуче-

нія явленій земнаго магнитизма. Дѣйствительно, онъ представляетъ какъ бы небольшую Землю, повѣнненную предъ нами и доставляющую намъ явленія, подобныя происходящимъ въ великомъ магнитномъ шарѣ, на которомъ мы живемъ.

Везъ всякаго сомнѣнія, многіе будутъ удивлены отношеіемъ только-что описанныхъ нами одическихъ явленій къ одному изъ самыхъ прекрасныхъ феноменовъ, какіе мы можемъ созерцать въ природѣ. Мы говоримъ о сѣверномъ и южномъ полярныхъ сіяніяхъ.

Кто не знаетъ въ какой степени оживленнымъ и прозрачнымъ представляется сіяніе этихъ метеоровъ! Явленіе радужныхъ проблесковъ; внезапныя и частыя струи свѣта, которыя выбѣгаютъ изъ полюса и поднимаются къ небу, повинуясь какъ бы порывамъ выталкивающей ихъ силы; бѣлыя кисти лучей, отдѣляющіяся какъ бы въ видѣ прозрачнаго тумана; желтая или красная корона, которая является на страшной высотѣ и распадается въ видѣ зонтика: все это представляетъ такое же зрѣлище, какое мы видѣли въ мянътурѣ на поверхности желѣзнаго шара. Другіе признаки дополняютъ доказательства тождественности обоихъ явленій. Подобно свѣту на глобусѣ, сѣверныя и южныя полярныя сіянія нашей планеты являются на двухъ магнитныхъ полюсахъ всегда одновременно; въ обоихъ явленіяхъ можно наблюдать тѣ же движенія, ту же подвижность, прозрачность свѣта. Наконецъ, можно замѣтить, что занимающіе насъ теперь свѣтоносные метеоры, точно такъ же, какъ видѣнные нами на глобусѣ, появляются во всемъ ихъ блескѣ на двухъ полюсахъ планеты, распространяются по большей части шара, но никогда не достигаютъ экватора.

Все это не позволяетъ ли намъ думать, что эти метеоры объяснены своимъ существованіемъ оду и что, слѣдовательно, эти великолѣпныя сіянія составляютъ самое блестящее проявленіе того таинственнаго дѣятеля, который наблюдали мы въ темнотѣ, при его отдѣленіи и распространеніи изъ полюсовъ магнита.

Сколько было предложено остроумныхъ теорій, для объясненія полярныхъ сіяній или магнитизмомъ, или электричествомъ!

Галлей думалъ, что эти сіянія происходятъ отъ магнитическихъ вихрей, и съ тѣхъ поръ, какъ Александръ Гумбольтъ, сказалъ въ своемъ космосѣ, что полярныя сіянія суть магнитическія бури, это счастливое выраженіе сдѣлалось общимъ

достоинствъ и всякій повторяетъ его съ убѣжденіемъ въ его вѣрности. Однакожь позволительно спросить, почему и какимъ образомъ магнетизмъ, который до сихъ поръ оставался невидимымъ и былъ извѣстенъ только по его дѣйствию на желѣзо, никель и кобальтъ, становится вдругъ и только въ одномъ этомъ случаѣ, веществомъ чрезвычайнаго свѣтоноснымъ.

Бю, послѣ своего путешествія на Шетландскіе острова, сталъ объяснять эти явленія преимущественно электричествомъ и частию магнетизмомъ. Знаменитый физикъ допускаетъ отдѣленіе электрическихъ вихрей, которые поднимаются изъ глубины вулкановъ Камчатки, Исландіи, Алеутскихъ острововъ и увлекаютъ съ собою насыщенные электричествомъ и магнетизмомъ металлическія частицы въ атмосферу, которой они и передаютъ этихъ дѣятелей.

Принимая поочередно всѣ эти взаимно-противорѣчащія теоріи, ученые въ настоящее время, кажется, расположены остановиться, вмѣстѣ съ Гемфри Деви, на томъ, что эти метеоры производятся атмосфернымъ электричествомъ. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что прекрасныя изслѣдованія Беккереля о произведеніи электричества въ пустотѣ не позволяютъ намъ безусловно признать эту теорію; потому что если атмосферное электричество и есть причина полярныхъ сіяній, то необходимо, чтобы они происходили въ тѣхъ областяхъ, гдѣ воздухъ разрѣженъ очень мало. Какъ же въ такомъ случаѣ объяснить страшную высоту, до которой иногда достигаютъ эти метеоры? Какъ объяснить особенно эти столь разнообразныя цвѣта, которые электричество никогда не производитъ въ атмосферѣ? Напротивъ, все становится понятнымъ, если принять съ нами, что магнитные полюсы нашей планеты отдѣляютъ, въ одно время съ магнетизмомъ, и одическое начало, всегда сопровождаемое, какъ мы знаемъ, тѣмъ лучистымъ, свѣтовымъ и радужнымъ веществомъ, которое санситивъ видитъ сіяющимъ на желѣзномъ глобусѣ, и которое при сгущеніи въ полярномъ сіяніи, становится ясно видимымъ даже для тѣхъ, которые не видятъ ода при обыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Если мы поднимаемъ взоры отъ нашей земли, которую теперь слѣдуетъ признать за огромный источникъ ода, къ тѣламъ небеснымъ, то какимъ образомъ узнать и убѣдиться въ искусканіи нмъ, вмѣстѣ съ лучами свѣта, и лучей ода? Въ этомъ случаѣ

мы опять рѣшимъ вопросъ съ помощью нѣсколькихъ, весьма простыхъ опытовъ.

. Если мы заключаемъ въ темную комнату конецъ металлической проволоки, а другой выставимъ на солнце, то санситивъ увидитъ отдѣленіе голубого пламени изъ перваго конца, которое до тѣхъ поръ будетъ блестятъ яркимъ свѣтомъ, пока виѣшняя часть будетъ подвержена прямому дѣйствию солнечныхъ лучей. Въ противномъ случаѣ, пламя тотчасъ исчезнетъ и остается только то особенное, одическое сіяніе, которое, какъ мы уже говорили, составляетъ принадлежность металловъ.

Но былъ ли то солнечный одъ? Можетъ быть это скорѣе одъ, ризвиваемый теплородомъ? Возраженіе это исчезаетъ само собою, если замѣтимъ, что одическое пламя появляется на оконечности проволоки въ тотъ самый моментъ, когда наружная часть ея выставлена на солнечные лучи и, слѣдовательно, гораздо раньше, чѣмъ теплородное начало могло распространиться по металлу. Наконецъ слѣдующій опытъ разсвѣтъ всякое сомнѣніе по этому предмету. Если подвергнуть, въ теченіе нѣкотораго времени, стаканъ воды дѣйствию солнечныхъ лучей, и дать послѣ того попробовать санситиву, то онъ найдетъ еѣ очень свѣжей, пріятнаго, слегка кисловатаго вкуса, точно такъ же какъ воду, къ которой прикасались вершиной кристала или сѣвернымъ полюсомъ магнита. Очевидно, жидкость проникнута одическимъ началомъ, которое доставляется солнцемъ одновременно съ свѣтомъ. Сверхъ того, родъ солнечнаго ода измѣняется соотвѣтственно напряженности солнечныхъ лучей, или, сообразуясь съ Ньютоновой теоріей, до сихъ поръ господствующей въ физикѣ, — *соотвѣтственно цвѣту* семи однородныхъ лучей, которыхъ соединеніе составляетъ бѣлый цвѣтъ солнца.

Извѣстно, что помощью призмы можно разложить падающій на нее наклонно пукъ солнечныхъ лучей и произвести на картонѣ или стѣнѣ продолговатое изображеніе солнца, окрашенное прекрасными цвѣтами рудуги:

Если теперь санситивъ возьметъ лѣвою рукою стеклянную палочку и будетъ погружать ее поочередно въ каждый изъ однородныхъ цвѣтовъ солнечнаго отраженія, то онъ почувствуетъ сильное ощущеніе одического холода, когда его палочка попадетъ подъ фіолетовые или голубые лучи; но какъ только перенесетъ ее въ красные или лучше въ желтые лучи, то тотчасъ же ощутитъ щемающую, непріятную и совершенно особенную оди-

ческую теплоту. Это послѣднее обстоятельство не можетъ ли послужить указаніемъ, почему всѣ безъ исключенія санситивы обнаруживаютъ непреодолимое отвращеніе къ желтому цвѣту? Полное отвращеніе, которое они испытываютъ къ предметамъ этого цвѣта, къ обитанію въ желтыхъ комнатахъ, имѣетъ поэтому глубокое фзіологическое значеніе и основывается на внутренней природѣ цѣлаго организма.

Санситивъ могъ бы погружать непосредственно пальцы лѣвой руки въ лучи радуги для оцѣнки ихъ одическихъ свойствъ; но какъ стекло худой проводникъ теплоты, то опытъ, сдѣланный нами, предпочтителенъ въ томъ смыслѣ, что показываетъ неучастіе теплорода въ произведеніи разсмотрѣнныхъ нами одическихъ явленій.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ, мы заключаемъ, что солнце, вмѣстѣ съ лучами свѣта, испускаетъ къ намъ и одъ, который хотя и былъ замѣченъ только въ недавнее время, но который тѣмъ не менѣе имѣетъ огромное вліяніе на органическую и космическую жизнь земнаго шара, какъ это мы сейчасъ покажемъ.

Повторяя тѣ же опыты и надъ свѣтомъ луны, мы получаемъ совершенно противоположные результаты. Если часть проволоки будетъ выставлена на лунный свѣтъ, то на другомъ ея концѣ, помѣщенномъ въ темной комнатѣ, появится уже не голубой огонь, а красный Санситивъ почувствуетъ одическую теплоту, когда будетъ держать лѣвою рукою пруть, котораго другой конецъ будетъ подверженъ прямому дѣйствию луннаго свѣта, наконецъ вода, оставшаяся нѣкоторое время на лунномъ свѣтѣ, пріобрѣтаетъ тотъ теплый, противный вкусъ, который придаетъ ей прикосновеніе южнаго полюса магнита.

Кто не знаетъ, что свѣтъ луны производитъ огромное вліяніе на многихъ людей? Извѣстно, что существуютъ лица, которыя, будучи привлекаемыю неодолимою силой, покидаютъ постель, однакожь не просыпаясь, и выходятъ подъ дѣйствіе лучей этой планеты. Въ странахъ экваторіальныхъ, гдѣ блескъ ея несравненно сильнѣе, чѣмъ въ нашемъ климатѣ, можно встрѣтить каждую минуту личности, которыя ненавидятъ свѣтъ спутника земли и не потому, что онъ производитъ очевидныя и продолжительныя болѣзни, но по причинѣ непріятныхъ ощущеній дрожи, безпокойства и особенно колотья, которыя испытываются этими лицами. Мы думаемъ, что тѣ изъ нашихъ читателей, ко-

торые были въ этихъ странахъ, сами неоднократно замѣчали подобные факты и готовы подтвердить ихъ. Но испытывающіе это вліяніе всегда въ то же время и санситивы, способные наблюдать также и другія, описанныя нами, одическія явленія, съ которыми, не смотря на всю ихъ кажущуюся странность, вѣроятно, читатель ознакомился. Но какъ дѣйствія, производимые луною на санситивовъ, тѣ же самыя, какія они испытываютъ и отъ ода, выдѣляющагося изъ кристалла, магнита и самаго человѣка, то можно заключить, что луна, такъ же какъ солнце и земля, представляетъ космическій центръ одического начала.

Не за то ли самое можно принять планеты и мириады солнцъ, свѣтящихся въ небѣ?

Если въ безлунную, но звѣздную ночь, санситивъ будетъ стоять подъ открытымъ небомъ, то онъ замѣтитъ, что отъ нѣкоторыхъ точекъ небеснаго свода исходятъ холодныя и проникающія лучи, тогда какъ другія мѣста небеснаго пространства отдѣляютъ теплое вѣяніе ода. Одическая прохлада выходитъ, повидимому, всего сильнѣе изъ созвѣздія Малой Медвѣдицы и преимущественно изъ Полярной Звѣзды, потомъ изъ группы Плеядъ и наконецъ изъ мильона солнцъ, составляющихъ Млечный Путь. Напротивъ, санситивъ ясно различаетъ истеченіе теплаго вѣянія изъ большихъ планетъ: Марса, Юпитера, Венеры и Сатурна. Не слѣдуетъ думать, что эти впечатлѣнія столь смутны и неопредѣленны, чтобы могли затруднять опытнаго санситива—различать ихъ съ точностію. Напротивъ, онъ ощущаетъ одическое вѣяніе звѣздъ съ тою ясностію, которая способна уничтожить всякое сомнѣніе.

Въ заключеніе, опытъ другаго рода, который легко повторить, подтверждаетъ полученные нами результаты и показываетъ въ то же время чудесную впечатлительность санситивовъ относительно одической жидкости.

Если въ темную комнату впустить пучокъ лучей Венеры или Юпитера и ввести въ него стальную проволоку, одинъ изъ концовъ которой пропуститъ въ покой, гдѣ находится санситивъ, то онъ тотчасъ увидитъ появленіе краснаго пламени на этомъ концѣ проволоки, а его лѣвая рука ощутитъ это пламя, какъ теплое вѣяніе, обладающее всѣми характеристическими свойствами ода.

Напротівъ, свѣтовой пучокъ Сиріуса производитъ на око-

нечности голубое пламя и дѣвой рукѣ причиняетъ ощущение холода.

Поэтому можетъ показаться, что планеты суть единственные небесныя тѣла, которыя испускаютъ теплое вѣяніе; также не удивительно ли, что все звѣздное пространство, въ своей совокупности, производитъ ощущение одической прохлады, котораго дѣйствіе чувствуется не только на поверхности тѣла, но доходить, можно сказать, до мозга костей.

Мы обязаны способности санситива чувствовать дѣйствіе звѣзднаго ода однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ произведений, которыя породилъ генимъ Гёте. Мы говоримъ о Макаріи, этой странной женщинѣ, которую таинственный дѣтель ставитъ въ сношеніе съ тѣлами, двигающимися въ небѣ, преимущественно же съ планетами, принадлежащими нашей солнечной системѣ.

Это несравненное поэтическое созданіе выставлено, мнѣ кажется, не только какъ примѣръ производимаго на насъ звѣзднымъ одомъ вліянія, но еще какъ и самый чистый идеалъ, котораго можетъ достигнуть человекъ, одаренный санситивностью. Позвольте же намъ объяснить въ нѣсколькихъ словахъ значеніе этого единственнаго типа, который до сихъ поръ составлялъ тайну произведений Гёте.

Макарія чувствуетъ, что на нее дѣйствуетъ невѣсомое начало, какъ внутренняя сила, которая позволяетъ ей описывать движеніе звѣздъ съ такою точностью, что приставленный астрономъ склоняется предъ ней, какъ предъ удивительнымъ чудомъ и наконецъ принимаетъ ее за составную часть звѣзднаго міра.

Я не думаю чтобъ можно было, при изученіи этого страннаго и великаго характера, не проникнуться удивленіемъ и благоговѣніемъ къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, не высокое ли созданіе, вполне достойное сотворившаго ее гелія, — эта женщина, которой душа открыта въ то же время и земнымъ и звѣзднымъ вліяніямъ; которая вѣритъ, что жизнь земли составляетъ часть мировой и всеобщей. Макарія, находясь въ сношеніяхъ со звѣздами, въ то же время сѣетъ хлѣбъ, разводитъ растенія, ходитъ за животными. Она дѣлаетъ добро окружающимъ ее людямъ, направляетъ своими совѣтами удаленныхъ отъ нея и, притягивая въ свою сферу, она становится въ мірѣ силой, ко-

торой благотворительное действие, какъ сила звѣздъ, блеститъ издалека.

Какою странною и чудесною ни казалась бы Макарія, она не есть вымыселъ. Извѣстно, что Гёте въ теченіе своей жизни, столь богатой важными и любопытными наблюденіями, былъ знакомъ съ особой, имѣвшей странную способность узнавать звѣзды по впечатлѣніямъ, которыя она получала отъ нихъ. Создавая Макарію, Гёте хотѣлъ только показать, что эта удивительная способность можетъ глубоко дѣйствовать на душу лицъ, одаренныхъ ею, и внушать имъ великія и плодотворныя идеи. Что такое Макарія, какъ не истинный санситивъ? Ея нервная система находится въ томъ состояніи напряженія и впечатлительности, которое характеризуетъ всѣхъ санситивовъ. Она испытываетъ странныя ощущенія, ускользящія отъ воспріятія другихъ людей, — ощущенія, которыя могутъ быть приписаны только дѣйствию проникающаго санситивовъ ода и которыя, сближая ее съ небесными тѣлами, возвышаютъ ея мысли и очищаютъ ея душу.

Великій поэтъ, который былъ также и однимъ изъ великихъ натуралистовъ новѣйшаго времени, олицетворилъ въ Макаріи самый удивительный феноменъ изъ тѣхъ, которые онъ когда либо наблюдалъ. Фактъ существуетъ, онъ его встрѣтилъ на своемъ пути и, для лучшаго выясненія, изобразилъ его по-своему, т. е. рукою художника. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ ему не удалось объяснить этотъ феноменъ извѣстными естественными силами, то онъ удовольствовался только изображеніемъ факта и предоставилъ будущимъ наблюдателямъ заботу — отыскать истинное рѣшеніе столь превосходно развитой имъ задачи.

Я внутренно убѣжденъ, что выполняю теперь это завѣщаніе, объясняя одическою жидкостью эти странныя явленія, избѣгшія наблюдательности генія Гёте. По всей вѣроятности, звѣздный ода дѣйствовалъ на женщину, встрѣченную поэтомъ и послужившую ему моделью для неумирающаго типа Макаріи.

Послѣ того, какъ нѣсколько фактовъ показали намъ вліаніе звѣзднаго ода на санситивовъ, позволительно думать, что небесныя тѣла не совершенно лишены извѣстнаго дѣйствія на ходъ событій нашего міра. Дѣйствительно, если сообразить, что значительное число людей одарено санситивностью, что много есть организмовъ, на которые малѣйшій одическій лучъ

звѣзды оказываетъ глубокое физиологическое дѣйствіе,—то можно будетъ почти вполне допустить вліяніе небесныхъ тѣлъ на жизнь извѣстнаго числа людей.

Не основано ли на какомъ-нибудь дѣйствительномъ замѣчаніи это вѣрованіе, нѣкогда всеобщее, въ теченіе столькихъ столѣтій поддерживавшее жизнь астрологіи, рядомъ съ астрономіей?

Мы воздерживаемся отъ рѣшенія этого вопроса, но вмѣстѣ съ тѣмъ позволяемъ себѣ привести слѣдующій фактъ, также относящійся къ космическому оду. Произведенные въ различныхъ странахъ наблюденія надъ значительнымъ числомъ санситивовъ убѣждаютъ насъ, что эти люди получаютъ съ разныхъ сторонъ горизонта разныя и вполне отличительныя одическія впечатлѣнія. Для удостовѣренія въ этомъ, достаточно выйти, спустя нѣсколько часовъ послѣ заката солнца, въ открытое мѣсто, напр., на холмъ, господствующій надъ деревнею. Санситивъ, повертываясь медленно ко всѣмъ четыремъ сторонамъ свѣта и внимательно наблюдая испытываемыя имъ одическія дѣйствія, всегда будетъ указывать на ту точку горизонта, изъ которой выходитъ наибольшій одическій холодъ и на ту, которая выдѣляетъ наиболѣе теплое одическое вѣяніе. Если вы затѣмъ опредѣлите эти точки съ помощью компаса, то окажется, что онѣ соотвѣтствуютъ магнитнымъ полюсамъ земли: первая—сѣверному, вторая—южному.

Мы полагаемъ что различныя одическія впечатлѣнія, испытываемыя въ этомъ случаѣ санситивомъ происходятъ частью отъ земнаго ода, спускающагося съ обонхъ полюсовъ къ экватору, частью отъ звѣзднаго ода, который, какъ мы уже показали, изобильно нисходитъ изъ созвѣздія Малой-Медвѣдицы, лежащаго у сѣвернаго полюса вселенной.

Только-что описанный опытъ напоминаетъ намъ слѣдующій фактъ, который произвелъ сильное впечатлѣніе на Цшокке и другихъ знаменитыхъ ученыхъ, не знавшихъ, какъ объяснить происходившее въ ихъ глазахъ чрезвычайное явленіе.

Упомянувъ о дарѣ Катерины Бетлеръ, —объ этой молодой дѣвушкѣ, о которой мы уже говорили и которая открывала присутствіе скрытыхъ въ нѣдрахъ земли минераловъ, — Цшокке продолжаетъ: «Въ темную и туманную ночь мы пріютились въ домѣ священника деревни Бирминсдорфъ въ Арговѣ. Мнѣ пришла въ голову мысль — испытать странную способность, которою обладала, какъ говорили, моя компаньонка по путешест-

вію. Ни одинъ изъ насъ не зналъ страны, въ которой мы находились. Однакожь я завязалъ ей глаза и, взявъ за руку, вывелъ вонъ. Заставивъ затѣмъ ее идти по всѣмъ направленіямъ съ тѣмъ, чтобы она совершенно сбилась съ первоначальнаго, я предложилъ ей указать мнѣ ту часть свѣта, гдѣ находится Полярная Звѣзда. Ночь была совершенно беззвѣздная, такъ что я самъ могъ опредѣлить положеніе Полярной Звѣзды не иначе, какъ помощью компаса. Молодая дѣвушка ищетъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ съ распростертыми руками и раздвинутыми пальцами; потомъ показываетъ рукою не только часть неба, но и самое мѣсто, гдѣ находилась въ то время Полярная Звѣзда. Она часто повторяла этотъ опытъ у меня и въ городѣ Аарагу въ присутствіи многихъ ученыхъ, и всегда съ полнымъ успѣхомъ. Я затрудняюсь привести здѣсь всѣ опыты, къ которымъ подала поводъ чудесная способность этой молодой дѣвушки, и если я и упомянуль выше объ одномъ изъ нихъ, то единственно съ цѣлю показать, какимъ образомъ я пришолъ къ принятію идеи о Богѣ и природѣ, идеи несовершенно сходной съ тою, которую исповѣдуетъ большая часть людей».

Благодаря изслѣдованіямъ Рейхенбаха, теперъ мы знаемъ причину необыкновенныхъ явленій, столь сильно поразившихъ Цшокке, и вмѣстѣ съ нимъ думаемъ, что изученіе этихъ явленій заставляя насъ глубже вникать въ природу, способствуетъ къ возвышенію и облагороженію нашего духа.

(Окончаніе въ слѣд. номеръ.)

АБОЛІЦІОНІЗМЪ И АБОЛІЦІОНІСТЫ.

III.

Раннее введеніе невольничества въ Сѣверной Америкѣ. — Развитие аболіціонизма въ періодъ провозглашенія независимости англійскими колоніями. — Аболіціонныя мѣры, принятыя отдѣльными штатами. — Что послужило основаніемъ системы аболіціонистовъ? Первые усилія аболіціонистовъ въ конгрессѣ и борьба ихъ съ приверженцами невольничества. — Причины, содѣйствовавшія торжеству послѣднихъ. Основаніе аболіціонныхъ обществъ — Участие, принятое протестантскимъ духовенствомъ въ агитаціи противъ невольничества. — Петиція Уилкина. — Законъ 1793 года о бѣглыхъ невольникахъ. Уничтоженіе африканскаго торговаго неграми. — Всеобщее раздраженіе на Югѣ противъ аболіціонистовъ. — Начало рвеній въ конгрессѣ по вопросу о присоединеніи Миссури, на правахъ невольничьяго штата. Агитація аболіціонистовъ противъ такого присоединенія. — Миссурійскій компромиссъ и условія его. — Всеобщее негодованіе аболіціонистовъ противъ этого компромисса. — Новое поднятіе въ конгрессѣ вопроса о невольничествѣ, по поводу Техаса. — Причины, приводимыя аболіціонистами противъ присоединенія Техаса въ Сѣверо-Американскому Союзу. — Торжество приверженцевъ рабства. — Конвенція въ Буфало. Невольничество, какъ причина распадненія прежнихъ политическихъ партій. — Образованіе новой національной партіи, принявшей въ основу своихъ политическихъ тенденцій принципы аболіціонистовъ.

Уничтоженіе невольничества, котораго достигли аболіціонисты въ половинѣ текущаго столѣтія въ Англии, Франціи и другихъ государствахъ, имѣвшихъ владѣнія въ Вестъ-Индіи, встрѣтило гораздо большія трудности въ Сѣверной Америкѣ. Въ европейскихъ государствахъ предѣлы невольничества ограничивались однѣми колоніями, и правительствамъ метрополии не было особенной причины горячо отстаивать это учрежденіе.

Въ Америкѣ же рѣшеніемъ вопроса о невольничествѣ заинтересовано, непосредственнымъ образомъ, все государство; невольничество пустило здѣсь глубокіе корни въ самую политическую жизнь народа; съ нимъ перепутались всѣ торговые и промышленные интересы страны, и вопросъ о существованіи его сдѣлался однимъ изъ жизненныхъ вопросовъ для всѣхъ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза.

Невольничество явилось въ Америкѣ при первомъ заселеніи ея европейцами. Первая англійская колонія, Виргинія, была основана въ 1607 году, а тринадцать лѣтъ спустя, именно въ 1620 году, въ ней уже существовало невольничество. Оно развилось съ одинаковой скоростью какъ въ южныхъ такъ и въ сѣверныхъ штатахъ. Обширныя плодородныя земли, открытыя и захваченныя европейцами, представляли неисчерпаемый источникъ богатства для ново-поселенцевъ; но ихъ собственныхъ силъ было недостаточно, для того чтобы воспользоваться этимъ источникомъ, и они обратились къ негроторговлѣ. Нравственные убѣжденія первыхъ поселенцевъ не остановили ихъ отъ этого преступленія. Американскіе колонисты не видѣли въ невольничествѣ ничего незаконнаго; подобно теперешнимъ проповѣдникамъ католической церкви, они считали его божественнымъ учрежденіемъ, указывая на существованіе рабства съ древнѣйшихъ временъ у евреевъ. Не дѣлаа никакого различія между закономъ Моисея и закономъ Христа, «они вздумали, говорить Токвиль, перенести законодательство грубаго и полуцивилизованнаго народа въ нѣдра европейскаго общества XVII-го столѣтія.» Большая часть штатовъ Новой Англій занимствовала цѣликомъ свои законы изъ книгъ Ветхаго Завѣта, каковы: Исходъ, Левитъ, Книга Числъ. Если рабство не встрѣтило препятствій къ распространенію между пуританскимъ населеніемъ Новой Англій, отличавшимся болѣею степенью образованія, чистотою нравовъ и наконецъ матеріальными средствами, то еще менѣе оно могло встрѣтить препятствій въ населеніи южныхъ штатовъ теперешняго Сѣверо-Американскаго Союза. Основанные преимущественно потомками различныхъ аристократическихъ семействъ, разорившихся въ Европѣ отъ своего безпорядочнаго поведенія, а также всякаго рода искателями приключеній, стремившимися въ новооткрытыя земли съ единственною цѣлью обогатиться, колоніи представляли самую плодотворную почву для развитія въ нихъ рабства, и въ концѣ прошлаго

столѣтія не было ни одного штата, изъ числа вошедшихъ въ Сѣверо-Американскій Союзъ въ періодъ провозглашенія независимости, который бы остался свободнымъ отъ этого учрежденія.

Но, благодаря не прекращавшимся связямъ Европы съ Америкой и постояннымъ приливамъ въ нее европейскаго населенія, колоніи не переставали жить одной умственной жизнью съ своею метрополіей; литература, журналистика и частыя взаимныя сношенія обѣихъ частей свѣта дали возможность къ постоянному обмѣну идей между ними. Потому переворотъ, произшедшій въ умахъ просвѣщенныхъ людей Европы конца прошлаго вѣка, совершился и въ Америкѣ. Аболиціонныя идеи проникли въ нее вмѣстѣ съ ходомъ цивилизаціи, и, въ періодъ провозглашенія независимости англійскими колоніями, почти всѣ граждане Сѣверо-Американскихъ Штатовъ были, по крайней мѣрѣ въ теоріи, приверженцами уничтоженія невольничества. Во главѣ аболиціонистовъ стояли самыя извѣстныя государственныя личности того времени, какъ Джефферсонъ, Франклинъ, Мадисонъ, Джей и другіе.

Въ своихъ Essays Франклинъ оставилъ небольшое законченное произведеніе въ защиту невольниковъ, гдѣ онъ съ необыкновеннымъ остроуміемъ выводитъ на свѣтъ всѣ софизмы защитниковъ невольнической системы. Вашингтонъ, умирая, отпустилъ на волю своихъ невольниковъ. Джонъ Джей, одинъ изъ главныхъ учредителей конституціи и наиболее приближенныхъ совѣтниковъ Вашингтона, писалъ въ 1780 году: «Всѣ молитвы, возсылаемыя къ небесамъ Америкою за свободу, будутъ святотатствомъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено невольничество.» Онъ постоянно былъ защитникомъ правъ негровъ и требовалъ эманципаціи не какъ милости невольникамъ, но какъ нравственнаго долга въ отношеніи къ нимъ. Мадисонъ не позволилъ въ конституціонномъ актѣ ни разу употребить слово «невольникъ» изъ опасенія, чтобы въ этомъ не видѣли косвенной санкціи владѣнія людьми. Наконецъ Джефферсонъ, воспитанный на гуманыхъ началахъ философіи XVIII вѣка, остался самымъ горячимъ поборникомъ ихъ во всю свою жизнь. Онъ хотѣлъ сдѣлать актъ 4 іюля 1776 года, — которымъ провозглашалась независимость англійскихъ колоній отъ метрополіи, — актомъ освобожденія невольниковъ. Въ первой редакціи составленнаго имъ «объявленія независимости» онъ поставляетъ одною изъ главныхъ причинъ разрыва

съ Англією то покровительство, которое оказывала она введенію невольничества въ Америкѣ. Провозгласивъ торжественно, что *«всѣ люди созданы равными и одарены Творцомъ прирожденными и неприкосновенными правами, къ числу которыхъ принадлежатъ жизнь, свобода и стремленіе каждою къ счастію,»* онъ горячо возстаетъ противъ англійскаго правительства, нарушившаго эти права въ лицѣ негровъ: «Король, говорилось въ объявленіи 4 іюля 1776 года, предпринялъ жестокою войну противъ самой природы человѣческой; онъ нарушилъ самыя священныя права—жизнь и свободу въ лицѣ отдаленнаго и ничѣмъ не оскорбившаго его народа; онъ захватывалъ въ плѣнъ несчастныхъ, отводилъ ихъ невольниками въ другую часть свѣта, или обрекалъ на жалкую смерть при перевозкѣ. Это поведеніе пирата, позорное для самыхъ варваровъ, есть поведеніе христіанскаго короля Великобританіи. Рѣшившись поддержать рынокъ, на которомъ происходитъ торгъ людьми, онъ постыдно воспользовался своею властью и уничтожилъ всѣ усилія нашихъ законодателей—положить конецъ этому гнусному торгу или, по крайней мѣрѣ, ослабить его.» Не недостатокъ въ большинствѣ голосовъ, но желаніе, чтобы всѣ тринадцать колоній участвовали въ объявленіи независимости, заставили Джефферсона вычеркнуть въ этомъ актѣ мѣсто, отрицавшее законности невольничества. Аболиціонисты постоянно доказывали, что невольничество введено въ Сѣверной Америкѣ правительствомъ метрополіи, что Англія въ интересахъ негроторговли принуждала свои колоніи принимать грузы негровъ. Вѣрные этому убѣжденію, они старались освободить колоніи отъ позорнаго пятна, лежавшаго на нихъ съ первыхъ временъ колонизаціи. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, еще въ періодъ войны за независимость, аболиціонистамъ удалось настоять на уничтоженіи невольничества.

Первыя аболиціонныя мѣры припаты были въ Виргиніи штатѣ въ то время самомъ населенномъ и наиболѣе вліятельномъ. Въ ней аболиціонисты постоянно старались стѣснять, и сколько было въ ихъ власти, распространеніе негроторговли. Еще въ 1772 году они наложили довольно высокую пошлину на ввозъ негровъ, надѣясь этимъ хоть сколько нибудь ослабить его. Они горячо возставали противъ негроторговли, доказывая, что ею благосостояніе колоній приносилось въ жертву нѣсколькимъ негроторговцамъ. По ихъ настоянію, Уиллабургская кон-

венція 6 мая 1776 года, при обнародованіи конституціи новаго штата, Виргиніи, поставила въ число поступковъ Георга III, которыми оправдывалось возстаніе Америки — «безчеловѣчное пользованіе королевской прерогативой, препятствовавшее Виргиніи воспретить закономъ ввозъ негровъ.» Какъ только англійскія колоніи освободились отъ власти метрополи, аболиціонисты тотчасъ же взяли за осуществленіе своихъ желаній. Въ 1778 году въ Виргиніи была совершенно запрещена негроторговля и уничтожены различныя препятствія къ освобожденію невольниковъ. Примѣру Виргиніи вскорѣ послѣдовали Нью-Йоркъ, Нью-Джерсей, Мариландъ, Делаверъ и Пенсильванія. Въ послѣднемъ штатѣ аболиціонисты усилились до такой степени, что въ 1780 году мѣстное законодательство объявило свободными всѣхъ лицъ, которыя родятся съ этого года въ предѣлахъ Пенсильваніи. Въ Массачузетсѣ аболиціонисты тоже располагали значительными силами, такъ что въ томъ же году этотъ штатъ принялъ мѣры, равносильныя непосредственному уничтоженію невольничества. За тѣмъ въ 1784 году слѣдовало освобожденіе невольниковъ въ Родъ-Эйландѣ и Коннектикутѣ. Даже въ Сѣверной Каролинѣ аболиціонисты достигли того, что въ 1786 году дальнѣйшій привозъ невольниковъ былъ объявленъ мѣрой, въ высшей степени неполитичной и вредной; почему, для ограниченія размѣровъ его, налагалась пошлина въ пять долларовъ съ каждаго, вновь привозимаго, негра.

Тотчасъ же по заключеніи мира съ Англією, какъ только федеральное правительство имѣло возможность заняться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ государства, оно обратилось къ рѣшенію вопроса о невольничествѣ, какъ стоявшаго на первомъ планѣ. Теперь аболиціонистамъ предстояло бороться съ величайшими трудностями. — Уничтоженіе невольничества въ отдѣльныхъ штатахъ, котораго достигли они въ эпоху объявленія независимости, совершилось довольно легко. Оно зависѣло отъ законодательныхъ собраній каждаго штата и эти собранія, смотря—по тому, насколько въ нихъ преобладающимъ элементомъ были аболиціонисты,—принимали мѣры, клонившіяся къ освобожденію невольниковъ, или отмѣненію негроторговли. Съ перенесеніемъ вопроса о невольничествѣ на рѣшеніе федеральнаго правительства, положеніе аболиціонистовъ измѣнилось. Здѣсь они были лишены тѣхъ силъ и вліянія, которыми располагали въ мѣстныхъ законодательныхъ собраніяхъ. Они

не имѣли права требовать на конгрессѣ уничтоженія невольничества въ тѣхъ штатахъ, гдѣ оно оставалось еще не уничтоженнымъ. По основнымъ положеніямъ сѣверо-американской конституціи, невольничество принадлежитъ къ тѣмъ внутреннимъ дѣламъ каждаго штата, которыми завѣдуетъ мѣстная законодательная власть и до которыхъ не имѣетъ права касаться федеральное правительство. Права отдѣльныхъ штатовъ съ такой точностью опредѣлены конституціей, что никто не могъ и думать оспаривать ихъ. Но были второстепенные вопросы, послужившіе основаніемъ системы аболіціонистовъ. Къ нимъ принадлежали въ то время: вопросъ о введеніи невольничества въ территоріяхъ, принадлежащихъ конфедерации, и—объ уничтоженіи неготорговли.

Въ 1784 году, по поводу уступленныхъ федеральному правительству Виргинію территорій, лежавшихъ къ западу, между 31 и 46 градусами широты, аболіціонисты требовали, чтобы во всѣхъ вновь образываемыхъ областяхъ и штатахъ было запрещено введеніе невольничества и обязательнаго труда. Несмотря на то, что сторону аболіціонистовъ приняли всѣ извѣстныя государственныя личности того времени, что самъ Джеферсонъ горячо отстаивалъ это предложеніе, оно было отвергнуто конгрессомъ, не получивъ въ свою пользу законнаго числа голосовъ. Его приняли только семь штатовъ, между тѣмъ какъ для утвержденія всякаго закона было необходимо согласіе по крайней мѣрѣ девяти изъ тринадцати штатовъ. Эта первая неудача не остановила аболіціонистовъ. Три года спустя, когда конгрессъ снова зашелъ вопросъ о территоріяхъ, по поводу земель, уступленныхъ сѣверными штатами, они возобновили прежнее предложеніе и на этотъ разъ достигли бóльшаго успѣха. Предложеніе это, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ въ главныхъ его основаніяхъ, было принято. Закономъ 13 іюля 1787 года обязательный трудъ устранялся навсегда изъ всѣхъ территорій, лежавшихъ къ сѣверо-западу отъ Огіо. Эта побѣда аболіціонистовъ была въ высшей степени благотѣльна по своимъ послѣдствіямъ. Благодаря закону 1787 года, обширныя незаселенныя территоріи остались неприкосновенными для невольничества и, полстолѣтія спустя, сдѣлались самою богатою и наиболѣе вліятельною частью Соединенныхъ Штатовъ. Огіо, Мичиганъ, Индіана, Иллинойсъ, Висконсинъ, Йова явились въ короткое время одинъ за другимъ на мѣстѣ прежнихъ пустынь.

и непроходимыхъ лѣсовъ, представляя въ настоящее время населеніе, простирающееся до пяти миліоновъ душъ.

Другой вопросъ, послужившій основаніемъ системы аболиціонистовъ, былъ, какъ мы сказали уже, вопросъ о негроторговлѣ. Сначала имъ необыкновенно какъ легко удалось настоять на запрещеніи ея. Въ апрѣлѣ 1776 года континентальный конгрессъ постановилъ, чтобы ни въ одинъ изъ соединенныхъ штатовъ не ввозились болѣе невольники, ибо эта торговля,—говорилъ онъ, несомнѣнна съ основными принципами американской революціи и государственнаго устройства. Въ продолженіе войны за независимость привозъ негровъ прекратился уже вслѣдствіе того самаго, что всѣ суда, шедшія въ Соединенные Штаты, перехватывались англійскими крейсерами. Но, по заключеніи мира, Южная Каролина и Георгія тотчасъ же возобновили выгодный для себя торгъ неграми и объявили себя противъ всѣхъ ограниченій, сдѣланныхъ новою конституціей, какъ въ отношеніи самаго торга, такъ и владѣнія невольниками. Противъ такого явнаго нарушенія аболиціонныхъ принциповъ, признанныхъ самимъ федеральнымъ правительствомъ, горячо возстали аболиціонисты. Но здѣсь впервые выказалось со всею ясностью безсиліе ихъ, при томъ мѣстномъ распаденіи интересовъ, которое господствовало въ вопросѣ о невольничествѣ между представителями различныхъ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза и которое позднѣе не разъ вырывало побѣду изъ рукъ защитниковъ свободы. Сѣверные штаты, отличавшіеся болѣею степенью образованія передъ другими и кромѣ того, послѣ уничтоженія въ нихъ невольничества, не имѣвшіе особеннаго интереса защищать это учрежденіе, заключали въ себѣ преимущественно аболиціонный элементъ. Представители этихъ штатовъ требовали на конгрессѣ полнаго запрещенія негроторговли и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Моррисъ, губернаторъ Нью-Йорка, горячо возстали противъ самаго невольничества, называя его проклятіемъ небесъ. Но ихъ требованія встрѣтили не менѣе энергичное сопротивление со стороны южныхъ штатовъ, богатство которыхъ основывалось главнымъ образомъ на существованіи обязательнаго труда. Депутаты Юга, во главѣ которыхъ стоялъ Пинкней, изъ Южной Каролины, объявили, что Георгія и Южная Каролина могутъ оставаться въ союзѣ только подъ условіемъ неприкосновенности невольничества. Депутаты среднихъ штатовъ, какъ Делаверъ, Виргинія, Мариландъ не хотѣли принять исключи-

тельно ни чьей стороны, отличаясь тѣмъ примирительнымъ характеромъ, который составлялъ позднѣе принадлежность знаменитой партіи вигговъ. Они ограничились предложеніемъ — уменьшить негроторговлю въ предѣлахъ Сѣверо-Американскаго Союза посредствомъ обложенія ея высокими пошлинами; но это нисколько не содѣйствовало примиренію враждующихъ сторонъ. Споръ, завязавшійся въ конгрессѣ между представителями различныхъ штатовъ, принялъ рѣшительный характеръ. Въ первый разъ депутаты невольническихъ штатовъ открыто осмѣлились высказать ту гнусную теорію законности владѣнія чело-вѣка надъ чело-вѣкомъ, которую Югъ продолжаетъ развивать до настоящаго времени, и которая сдѣлалась потомъ *profession de foi* всѣхъ такъ называемыхъ *демократовъ*. Пренія продолжались довольно долго, пока наконецъ споръ не сосредоточился на рѣшеніи вопроса: слѣдуетъ ли *уполномочить* федеральное правительство къ изданію законовъ о мореходствѣ и такъ же къ наложенію пошлинъ на привозимые и вывозимые товары. Но такая постановка вопроса нисколько не могла содѣйствовать рѣшенію дѣла; она вызвала еще болѣе разьединеніе на конгрессѣ даже между представителями Сѣвера. Южные штаты, естественно, не хотѣли признать за федеральнымъ правительствомъ правъ, которыя давали ему возможность облагать пошлинами продукты, вывозимые изъ этихъ штатовъ или стѣснять негроторговлю. Сѣверные земледѣльческіе штаты, въ особенности Пенсильванія, требовали признанія этихъ правъ за конгрессомъ, какъ справедливаго и неотъемлемаго источника государственныхъ доходовъ. Восточные приморскіе штаты, или такъ называемая Новая Англія, отказались дѣйствовать заодно съ аболиціонистами. Эти штаты считали процвѣтаніе своихъ портовыхъ городовъ тѣсно связаннымъ съ тѣмъ коммерческимъ движеніемъ, которое имѣло предметомъ своимъ торгъ невольниками, и потому депутаты ихъ открыто приняли сторону Юга. Средніе штаты, интересы которыхъ не затрогивались непосредственнымъ образомъ въ рѣшеніи этого вопроса, продолжали оставаться нейтральными. Такимъ образомъ, если отвращеніе къ невольничеству было общимъ для всѣхъ штатовъ, лежавшихъ къ сѣверу отъ Сѣверной Каролины, то за то ихъ частные, мѣстные интересы нарушали между ними то единство, которымъ отличались обѣ Каролины и Георгія. Это хорошо видѣли представители Юга и потому съ необыкновенной смѣлостью и увѣренностью въ своихъ силахъ выступили

противъ абolicionистовъ. «Запрещеніе ввоза невольниковъ разорить насъ,—говорили они;—наложеніе пошлнны на вывозъ продуктовъ нанесетъ смертельный ударъ нашей торговлѣ. Если мы допустимъ конгрессъ издавать законы о мореходствѣ, то этимъ дадимъ ему возможность посягнуть на наше имущество». Силы, которыми располагали на конгрессѣ противники абolicionистовъ, были такъ велики, что споръ могъ окончиться только уступками со стороны послѣднихъ. Комитетъ, составленный изъ представителей всѣхъ штатовъ, по одному изъ каждаго, представлялъ слѣдующее согласительное предложеніе: за конгрессомъ признается право издавать законы о мореходствѣ; но онъ не можетъ налагать никакихъ пошлннъ на вывозъ товаровъ; ввозъ невольниковъ допускается только по 1800 годъ, и то съ наложеніемъ пошлнны въ десять долларовъ съ каждаго вновь привезеннаго негра. Но и этими уступками не остались довольны защитники рабства. Они требовали отложить срокъ прекращенія ввоза невольниковъ до 1808 года, угрожая въ противномъ случаѣ разрывомъ только-что составившагося Союза и новымъ кровопролитіемъ. Не смотря на жаркую оппозицію той части абolicionистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Моррисъ, угрозы Юга возымѣли свое дѣйствіе и негроторговля была допущена по 1808 годъ. За это Южная Каролина и Георгія согласились, въ угожденіе негодіантамъ сѣверныхъ штатовъ, уполномочить конгрессъ къ изданію законовъ о мореходствѣ.

Это примиреніе было третьимъ великимъ компромиссомъ въ новой конституціи. Первымъ компромиссомъ было дозволеніе, данное небольшимъ штатамъ имѣть въ сенатѣ конгресса одинакое число представителей съ большими, вторымъ компромиссомъ было признаніе пяти невольниковъ равными двумъ лицамъ свободнымъ при исчисленіи количества народонаселенія каждаго штата, которое принималось за основаніе права представительства въ палатѣ депутатовъ. Такимъ образомъ каждому плантатору давалась сравнительно бѣльшая законодательная власть, чѣмъ гражданину свободныхъ штатовъ. Невольники, бывшіе товаромъ, вещь, не пользовались, конечно, своими политическими правами, а содѣйствовали только увеличенію представительной силы своихъ владѣльцевъ. Третій компромиссъ, которымъ отлагалось прекращеніе ввоза невольниковъ до 1808 года, не прошолъ такъ же спокойно, какъ первые два. Общественное мнѣніе не могло примириться съ такого рода сдѣлкой, которая явно нарушала

гуманные принципы, принятые Америкой въ периодъ войны за независимость. Запрещая въ 1776 году дальнѣйшій ввозъ негровъ въ невольничьи штаты, континентальный конгрессъ надѣялся чрезъ это косвеннымъ образомъ достигнуть уничтоженія невольничества; ибо при ограниченности земель Соединенныхъ Штатовъ, простиравшихся въ то время не далѣе береговъ Атлантическаго Океана и при незначительной потребности въ обязательномъ трудѣ, невольничество могло исчезнуть само собою. Въ Южной Каролинѣ и Георгіи невольники употреблялись только для обработки риса, индиго и для незначительныхъ домашнихъ услугъ; производство хлопка до изобрѣтенія Витнея не составляло еще выгодной отрасли промышленности и имъ было занято очень небольшое число рукъ. Казалось очень вѣроятнымъ, что плантаторы южныхъ штатовъ, не видя особеннаго интереса въ поддержаніи невольнической системы, послѣдуютъ недавнему примѣру сѣверныхъ штатовъ и замѣнятъ у себя обязательный трудъ свободнымъ. Потому отмененіе закона 1776 года и отсрочка запрещенія ввоза невольниковъ еще на нѣсколько лѣтъ должны были огорчить всѣхъ, кто только интересовался торжествомъ принципа свободы въ государствахъ. Этотъ компромиссъ вызвалъ въ обществѣ негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей. Аболиціонисты увидѣли, что силы, которыми располагали противники ихъ, далеко были не такъ незначительны, какъ можно было предполагать, и что личная свобода въ Америкѣ нисколько не обезпечена отъ дальнѣйшаго посягательства приверженцевъ рабства. Чтобы оказать на будущее время болѣе серьезное сопротивленіе успѣхамъ послѣднихъ, аболиціонисты рѣшились прибѣгнуть къ политическимъ ассоціаціямъ, и въ 1788 году являются въ Сѣверной Америкѣ въ первый разъ—общества аболиціонистовъ.

За основаніе аболиціонныхъ обществъ взялись самыя извѣстныя личности того времени. Первымъ президентомъ учрежденнаго въ Филадельфіи общества аболиціонистовъ былъ Бенжаминъ Франклинъ; въ Нью-Йоркѣ, между другими всѣми уважаемыми членами подобнаго общества, былъ также Джей. Общества аболиціонистовъ основывались прежде всего въ большихъ городахъ сѣверныхъ штатовъ и оттуда потомъ распространялись по всей странѣ, такъ что существовали даже въ Мариландѣ и Виргиніи. Учрежденіе ихъ состояло въ простомъ заявленіи извѣстнымъ числомъ лицъ своихъ убѣжденій, съ обязательствомъ

содействовать всѣмъ, зависящимъ отъ нихъ, средствами къ торжеству этихъ убѣжденій въ массахъ народа. Аболиціонныя общества соединили вмѣстѣ усилія отдѣльныхъ лицъ, придавъ этимъ самымъ гораздо большую силу ихъ пропагандѣ. Идеи аболиціонистовъ принимаютъ съ этихъ поръ болѣе ясную, отчетливую форму. Аболиціонисты стали лучше сознать свои силы и дѣйствовать съ большимъ единодушіемъ. Нигдѣ учрежденіе обществъ для достиженія такой великой реформы, какъ уничтоженіе невольничества, не было такъ необходимо, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. «Система агитаціи посредствомъ обществъ, находящихся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, поддерживаемыхъ и распространяемыхъ, благодаря увлекательному краснорѣчію членовъ ихъ, составляетъ, говоритъ одинъ изъ американскихъ аболиціонистовъ, обыкновенный способъ достигать осуществленія всѣхъ проектовъ. Время индивидуальнаго дѣйствія прошло. Чтобы истина сдѣлалась понятною всѣмъ, надо, чтобы ее прокричала чуть не цѣлая толпа. Самый сильный доводъ въ пользу скорого осуществленія какой нибудь доктрины есть число приверженцевъ ея. Поэтому собрать и организовать толпу—первая забота каждаго, кто хочетъ уничтожить злоупотребленіе, или произвести реформу».

Самое большое участіе въ агитаціи народа противъ невольничества приняло протестантское духовенство различныхъ сектъ, грома это гнусное учрежденіе съ церковныхъ кафедръ и въ многолюдныхъ собраніяхъ. Въ 1788 году генеральное собраніе пресвитеріанской церкви увѣщевало, въ пастырскомъ посланіи, уничтожить невольничество и распространять христіанскую религію между черными. Методисто-епископальная церковь исключала изъ своей религіозной общины всякаго рабовладѣльца. Квакеры же превзошли всѣ секты въ своемъ ожесточеніи противъ этого «проклятія небесъ», какъ они говорили. Негодование квакеровъ Пенсильваніи, Делавера и Нью-Йорка простиралось до такой степени, что они рѣшились офиціально требовать повсемѣстнаго освобожденія невольниковъ. Подкрѣпленные пенсильванскимъ обществомъ аболиціонистовъ, они подали въ конгрессъ, въ 1790 году, петицію объ уничтоженіи невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ. Это встревожило невольничьи штаты и привело въ необыкновенное раздраженіе депутатовъ Юга; они требовали безусловнаго отверженія петиціи, говоря, что разсмотрѣніе ея противно конституціи, что конгрессъ не имѣетъ

права касаться обсужденія вопроса о невольничествѣ раньше 1808 года. Депутаты сѣверныхъ штатовъ предложили передать петицію, для разбора, особенному комитету. «Если допустить это, вскричалъ Бурке, то по всѣмъ южнымъ штатамъ раздастся призывъ къ возстанію!» «Простое обсужденіе этого предмета, говоритъ Смитъ изъ Южной Каролины, производитъ тревогу; ибо предложенная мѣра есть посягательство на собственность Юга». Джексонъ, а за нимъ депутаты всѣхъ южныхъ штатовъ, подняли яростные крики о расторженіи Союза, требуя воспрещенія агитаціи аболиціонистамъ. «До тѣхъ поръ пока ваша агитація, говорили они, ограничивалась однимъ созерцательнымъ характеромъ, мы не обращали на нее вниманія. Теперь же, когда угрожаютъ намъ законодательнымъ вмѣшательствомъ, мы единодушно возстанемъ на защиту рабства». Несмотря на всѣ угрозы, петиція перешла на разсмотрѣніе особаго комитета. Основываясь на донесеніи послѣдняго, конгрессъ, 23 марта 1790 года, внесъ въ свой журналъ слѣдующее:

1. Онъ не можетъ запретить ввоза негровъ раньше 1808 года.

2. Онъ не имѣетъ никакого права вмѣшаться въ обращеніе плантаторовъ съ невольниками въ какомъ бы то ни было штатѣ, и точно такъ же въ эманципацію ихъ, предоставляя каждому штату въ отдѣльности принимать въ этомъ дѣлѣ рѣшенія, какія требуютъ отъ него челоуѣколюбіе и здравая политика.

3. Ему предоставлено право удерживать гражданъ Соединенныхъ Штатовъ отъ торга невольниками съ иностранными націями и также требовать кроткаго обращенія съ невольниками при перевозкѣ, если они будутъ таковыми гражданами привозиться въ штаты, въ которыхъ допущено невольничество.

4. Онъ пользуется правомъ запрещать иностранцамъ вооруженіе негроторговческихъ кораблей во всѣхъ портахъ Соединенныхъ Штатовъ.

Но такое ясное отреченіе конгресса отъ всякаго вмѣшательства въ рѣшеніе вопроса о невольничествѣ не остановило отъ новыхъ попытокъ аболиціонистовъ. Мысль, что невольничество остается неприкосновеннымъ въ государствѣ, признающемъ свободу за основной принципъ своей конституціи, приводила въ негодованіе многихъ лицъ, проникнутыхъ идеею всей несправедливости этого учрежденія. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ на конгрессѣ снова была поднята только что утихнувшая буря по вопросу о невольничествѣ. Въ ноябрѣ 1792 года одинъ квакеръ

изъ Делавера, Вернеръ Мифлинъ, подалъ въ конгрессъ петицію, въ которой доказывалъ всю несправедливость рабства и требовалъ уничтоженія его. Эта петиція привела въ страшное раздраженіе депутатовъ Юга. Они настаивали на немедленномъ возвращеніи ея подателю и хотѣли, чтобы самое внесеніе ея въ журналъ конгресса было вычеркнуто. Смитъ изъ Южной Каролины видѣлъ въ простомъ представленіи конгрессу просьбы делаверскаго квакера нанесеніе оскорбленія южнымъ штатамъ, такъ какъ оно одобряло ученіе, посягавшее прямымъ образомъ на интересы Юга и угрожало вызвать возстаніе невольниковъ. Онъ убѣждалъ конгрессъ возвратитъ петицію подателю и выразитъ ему при этомъ свое величайшее неудовольствіе. Хотя это не убѣдило конгрессъ уничтожить или ограничить право каждого американскаго гражданина подавать петиціи, но Мифлину была возвращена обратно просьба и самое внесеніе ея было вычеркнуто изъ журнала.

Одерживая такимъ образомъ хотя и незначительный верхъ надъ аболиціонистами, которые слишкомъ далеко заходили въ своихъ требованіяхъ, противники ихъ каждый разъ пріобрѣтали бѣльшую увѣренность въ своихъ силахъ и бѣльшую настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Въ 1793 году они смѣло выступили на конгрессъ съ предложеніемъ издать законъ о выдачѣ лицъ, скрывающихся отъ обязательнаго труда, и предложеніе ихъ прошло въ конгрессъ безъ всякихъ дебатовъ; принятіе его казалось для всѣхъ необходимымъ актомъ для обезпеченія собственности Юга. Законъ этотъ послужилъ основаніемъ закона 1850 года. Имъ предоставлялось право каждому плантатору или уполномоченному имъ лицу—преслѣдовать во всѣхъ свободныхъ штатахъ своихъ бѣглыхъ невольниковъ, и, представивъ судѣ, или особо назначенному для этого должностному лицу, доказательства на свои права, уводить пойманныхъ невольниковъ обратно въ невольничьи штаты. Лица, препятствовавшія поимкѣ бѣглыхъ негровъ, присуждались къ штрафу въ 500 долларовъ. Но примѣненіе этого закона встрѣтило значительныя препятствія. Большая часть свободныхъ штатовъ запретила своимъ должностнымъ лицамъ, подѣ страхомъ тяжелаго денежнаго взысканія, приводить въ исполненіе вновь изданный законъ. Въ другихъ мѣстахъ сами должностныя лица горячо возстали противъ распоряженія конгресса. Одинъ судья изъ верховнаго судища въ Вермонтѣ прямо объявилъ, что «всѣ доказательства, какія бы

ни представили ему на права владѣнія людьми, въ его глазахъ не будутъ имѣть никакого значенія.

Хотя въ слѣдовавшее за 1793 годомъ десятилѣтіе вопросъ о невольничествѣ отступилъ на задній планъ и дѣла внѣшней политики поглотили все вниманіе федеральнаго правительства, но влияніе, которымъ пользовались на конгрессѣ приверженцы рабства, нисколько не ослабѣло вслѣдствіе этого. Оно продолжало съ каждымъ годомъ увеличиваться и плантаторы южныхъ штатовъ въ теченіе какихъ нибудь двадцати лѣтъ успѣли изъ едва терпимой партійки достигнуть могущества настоящей политической партіи. Силы, которыми располагали противники аболиціонистовъ на конгрессѣ, обнаружались довольно ясно, когда зашла рѣчь объ окончательномъ запрещеніи негроторговли съ 1808 года. Представители невольничьихъ штатовъ не могли прямо возстать противъ этой мѣры, такъ какъ 1808 годъ былъ принятъ законодательствомъ Соединенныхъ Штатовъ за срокъ запрещенія ввоза негровъ, по предложенію самихъ же депутатовъ Юга. Но оставалось рѣшить еще нѣкоторыя подробности относительно ея, и здѣсь—то приверженцы рабства нашли возможность оказать серьезное сопротивленіе стремленіямъ аболиціонистовъ. При начавшихся въ конгрессѣ изслѣдованіяхъ предлагаемаго аболиціонистами запрещенія негроторговли прежде всего представился вопросъ: что дѣлать съ неграми, которые будутъ привезены противозаконно въ Соединенные Штаты. Аболиціонисты требовали отпущенія ихъ на волю; депутаты южныхъ штатовъ единодушно возстали противъ этой мѣры и предложили продавать ихъ въ пользу государственной казны Соединенныхъ Штатовъ. Хотя эта мѣра, вмѣсто запрещенія негроторговли, дѣлала участницею въ ней самое государство, но, неизвѣстно какимъ образомъ, предложеніе это было принято большинствомъ 63 голосовъ противъ 36.

Аболиціонисты горячо вооружились противъ этого рѣшенія. Они настояли на томъ, чтобы билль былъ переданъ на разсмотрѣніе особеннаго комитета, составленнаго изъ семнадцати членовъ, по одному депутату изъ cadaго штата, и только благодаря этому средству, имъ удалось избѣжать окончательнаго пораженія. Комитетъ 20 января 1807 года постановилъ: привезенныхъ противозаконно невольниковъ отсылать въ такіе штаты, въ которыхъ или уничтожено уже невольничество, или приняты мѣры къ постепенному уничтоженію его; невольники, по истече-

ни опредѣленнаго времени, такъ называемаго ученичества, признаются свободными. Что касается до наказанія за участіе въ негроторговлѣ, то 52 члена палаты представителей подали голосъ за смертную казнь, а 63 въ пользу тюремнаго заключенія, которое и было принято. 26-го февраля 1807 года было постановлено у всѣхъ лицъ, уличенныхъ въ вооруженіи негріерскихъ судовъ, конфисковать суда, подвергая кромѣ того судовладельца штрафу въ 20,000 долларовъ; за одно принятіе на бортъ корабля негра или цвѣтнокорого, назначеннаго для продажи въ невольничество, налагалось наказаніе штрафомъ въ 5000 долларовъ и лишеніе самаго судна. Перевозка невольниковъ изъ одного штата въ другой дозволялась только по рѣкамъ и заливамъ, лежащимъ внутри Соединенныхъ Штатовъ. Суда, захваченныя съ невольниками у морскаго берега, подвергаются конфискаціи. Негры, найденные на бортѣ судна, должны быть переданы мѣстнымъ властямъ тѣхъ штатовъ, у береговъ которыхъ оно будетъ захвачено.

Принятіемъ этихъ мѣръ федеративное правительство Соединенныхъ Штатовъ явно отрицало законность правъ на владѣніе людьми, включая себя отъ всякаго участія въ торгѣвини. Это вызвало ожесточенный протестъ со стороны Юга; одинъ изъ депутатовъ его требовалъ дозволенія представить конгрессу билль объ ограниченіи вновь изданнаго закона, грозя въ противномъ случаѣ отторженіемъ южныхъ штатовъ отъ федеративнаго Союза; хотя билль и былъ представленъ, но остался безъ всякихъ послѣдствій. Это торжество аболиціонистовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вызвало сильную реакцію и необыкновенное раздраженіе противъ аболиціонистовъ въ невольничьихъ штатахъ. Въ главномъ собраніи аболиціонистовъ въ Филадельфіи, куда посылались ежегодно депутаты отъ всѣхъ аболиціонныхъ обществъ, какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ штатовъ, представители Юга на этотъ разъ не показались. Въмѣсто прежнихъ ежегодныхъ засѣданій, аболиціонисты стали собираться съ этихъ поръ въ центральномъ аболиціонномъ обществѣ только въ три года разъ а; въ послѣдствіи и со всѣмъ прекратились ихъ сѣзды въ Филадельфію,

Невольничьи штаты приняли множество стѣснительныхъ мѣръ относительно эманципаціи негровъ, а нѣкоторые даже совсѣмъ воспретили ее. Южная Каролина объявила всякое собраніе свободныхъ негровъ или цвѣтнокорожихъ незаконнымъ, не позволяя

собирались имъ даже для отправленія богослуженія. Виргинія, подъ предлогомъ предупрежденія попытокъ къ возстанію со стороны негровъ, издала законъ, имѣющій силу до настоящаго времени, которымъ воспрещалось всякое обученіе негровъ чтенію, письму и ариметикѣ; этимъ же закономъ дозволялось всякаго вольноотпущеннаго невольника, который будетъ въ странѣ болѣе 12 мѣсяцевъ послѣ освобожденія, снова обращать въ невольничество.

Прекращеніе вывоза невольниковъ изъ Африки услило внутренней торгъ ими между отдѣльными штатами; даже въ Колумбін, мѣстѣ, гдѣ собирався генеральный конгрессъ, образовались невольничьи рынки, снабжавшіе невольниками вновь заселяемыя области Юга. Но при постоянно возраставшемъ запросѣ на этого рода товаръ и прекращеніи новаго подвоза его, цѣна на невольниковъ до того возвысилась, что многіе негроторговцы, прельстившись большимъ вознагражденіемъ, рѣшились прибѣгнуть къ похищенію негровъ изъ свободныхъ штатовъ. Началось систематическое похищеніе (kidnapping) свободныхъ негровъ даже изъ сѣверныхъ штатовъ, чему способствовалъ законъ 1793 года. Это дошло наконецъ до такихъ размѣровъ, что на конгрессѣ 1817 года было представлено довольно большое количество жалобъ противъ подобнаго отсутствія всякой гарантіи свободы для отпущенныхъ на волю негровъ, и комитетъ, назначенный сенатомъ для изслѣдованія этихъ жалобъ, предложилъ сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ законѣ о бѣглыхъ невольникахъ. Но депутаты южныхъ штатовъ воспротивились этому, доказывая, что вслѣдствіе предложеннаго измѣненія могутъ произойти различныя препятствія къ поимкѣ бѣглыхъ невольниковъ,—и законъ остался въ прежней своей силѣ. Въ замѣнъ этой уступки, было предложено, для обезпеченія свободы вольноотпущенныхъ негровъ, переселять ихъ въ Африку; съ этой цѣлью было основано существующее до настоящаго времени американское общество колонизаціи, положившее основаніе негритянской республики на берегахъ Африки, Либеріи. Торговля неграми внутри штатовъ дошла до такой степени, что Нью-Йоркъ и Нью-Джерсей, въ то время еще невольничьи штаты, видѣли себя вынужденными воспретить дальнѣйшій вывозъ невольниковъ изъ своихъ областей. Но никакія запрещенія не ограничили негроторговли; даже привозъ новыхъ невольниковъ изъ Африки нисколько не прекращался. Въ 1818 году въ одну Георгію и Алабаму было

привезено не менѣе 14,000, несмотря на то, что многіе корабли негровъ были конфискованы и захваченные невольники отосланы въ свободные штаты.

Одной изъ главныхъ причинъ такого возрастанія негроторговли было расширеніе территоріи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Если бы послѣдніе были окружены могущественными государствами, которыя могли бы заставить уважать свои права, то Южная Каролина и Георгія, единственные штаты первоначальной конфедерации, производившіе хлопокъ, были бы скоро населены и предѣлы невольничества, по необходимости, ограничались бы этими двумя штатами. Виргинія, Мэрилендъ, Кентукки, Сѣверная Каролина и Делаверъ — всѣ расположенные подъ такими градусами широты, гдѣ климатъ нисколько не препятствуетъ бѣлымъ работникамъ заниматься воздѣлываніемъ земли, послѣдовали бы примѣру сѣверныхъ штатовъ, не находя особенной потребности въ сохраненіи у себя обязательнаго труда. Заниматься разведеніемъ невольниковъ для сбыта въ другія мѣстности, какъ дѣлается въ настоящее время въ нѣкоторыхъ изъ пограничныхъ съ свободными землями штатахъ, преимущественно въ Виргиніи, не было бы особенной выгоды при отсутствіи незаселенныхъ областей, представляющихъ теперь самые удобные рынки для сбыта такого рода товара. Съ пріобрѣтеніемъ Луизианы въ 1803 году, у Наполеона I, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Обширныя земли, уступленныя Франціею Соединеннымъ Штатамъ и образующіе теперь Арканзасъ, Миссисипи, Алабаму, Флориду, были заняты природными туземцами, каковы креки, ирокезы, семинолы и другіе. Хотя ихъ пребываніе на этихъ земляхъ и было гарантировано особыми трактатами; но эти трактаты были вѣроломно нарушены приверженцами невольничества; индійцы были оттѣснены на сѣверъ и территорія, по величинѣ въ три раза бѣльшая Британскихъ острововъ, вошла въ составъ невольничьихъ штатовъ. За тѣмъ послѣдовали захваты земель, принадлежащихъ Мексикѣ, которая, обезсилѣвъ отъ своихъ внутреннихъ безпорядковъ, не въ состояніи была противопоставить серьезное сопротивленіе такого рода захватамъ. Чтобы остановить быстрое развитіе невольничества, аболиціонистамъ оставалось два средства: или стараться, чтобы принятіе всякаго новаго штата въ конфедерацию совершалось подъ условіемъ недопущенія въ немъ невольничества, или сопротивляться всякому дальнѣйшему расширенію предѣловъ Сѣверо-Американскаго Со-

юза. Къ первому средству они прибѣгли при принятіи въ конфедерацию штатовъ, образовавшихся изъ земель, уступленныхъ Франціи; ко второму—при присоединеніи Техаса. Прежде всего въ число Сѣверо-Американскихъ Штатовъ вошла Луизіана. Но здѣсь аболіціонисты не могли достигнуть своей цѣли. Луизіана была заселена французскими колонистами, между которыми съ самыхъ прежнихъ временъ введено невольничество; потому требовать уничтоженія его отъ правительства Соединенныхъ Штатовъ не было почти никакой возможности и послѣднее приняло Луизіану на правахъ невольническаго штата. Но принятію Миссури въ 1818 году въ число тѣхъ же штатовъ аболіціонисты могли поставить гораздо большія препятствія. Тальмадже, депутатъ Нью-Йорка, потребовалъ запрещенія дальнѣйшаго ввоза невольниковъ въ этотъ, вновь образовываемый, штатъ и также освобожденія всѣхъ дѣтей до 25-лѣтняго возраста. Послѣ трехдневныхъ жаркихъ преній билль этотъ прошелъ въ палатѣ депутатовъ большинствомъ 87 голосовъ противъ 76. Другой представитель аболіціонистовъ, Тейлоръ, предложилъ то же самое относительно Арканзаса; но здѣсь голоса раздѣлились поровну (88 противъ 88) и онъ ограничился предложеніемъ—запретить ввозъ негровъ и введеніе обязательнаго труда по крайней мѣрѣ въ территоріяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ 36° 30' предполагаемой границы Арканзаса. Но и это предложеніе встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны приверженцевъ рабства. Они доказывали, что всякое ограниченіе невольничества противно договору, заключенному съ Франціей, по которому поселенцы уступленныхъ территорій допускались въ союзъ на правахъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, а одно изъ этихъ правъ есть владѣніе цвѣтнокожими; что конгрессъ такимъ образомъ хочетъ посягнуть на власть отдѣльныхъ штатовъ, думая воспрепятствовать рабовладѣльцамъ пользоваться своею собственностью внутри территорій. Напрасно аболіціонисты старались доказать, что владѣніе невольниками ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть правомъ сѣверо-американскаго гражданина; что конгрессъ имѣетъ полное право постановлять условія при принятіи новыхъ земель въ число штатовъ; что конституція, конечно, допустила невольничество въ южныхъ штатахъ, но что эта уступка не можетъ простираться на вновь прибрѣтенныя земли, въ которыхъ законодательство имѣетъ только право ограничивать невольничество, а не содѣйствовать его расширенію. Эти доводы нисколько не

убѣдили противниковъ ихъ. Они были приняты послѣдними съ самымъ страшнымъ ожесточеніемъ. Аболиціонистовъ упрекали, что, распространяя такія мысли, они возжигаютъ гражданскую войну; угрожали имъ расторгненіемъ Союза, и билль арканзасскій прошолъ безъ всякихъ ограниченій въ палатѣ депутатовъ.

Въ сенатѣ аболиціонисты встрѣтили еще большее сопротивленіе. Здѣсь не только не было поставлено никакого препятствія къ введенію невольничества въ Арканзасъ, но даже запрещеніе дальнѣйшаго ввоза невольниковъ въ *Миссури*, принятое палатою депутатовъ, отвергнуто въ сенатѣ 22 голосами противъ 16. Предложеніе же освободить невольниковъ свыше 25 лѣтняго возраста получило въ свою пользу всего 7 голосовъ. Аболиціонисты, преобладавшіе въ палатѣ депутатовъ большинствомъ 78 голосовъ противъ 76, отказались признать опредѣленіе сената. Послѣдній въ свою очередь продолжалъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи, отказываясь принять *Миссури* въ число свободныхъ штатовъ, и вопросъ остался нерѣшоннымъ до слѣдующаго конгресса. Небольшимъ промежуткомъ между 15 и 16 конгрессомъ аболиціонисты воспользовались, чтобы произвести агитацію противъ введенія невольничества въ *Миссури*. Съ этой цѣлью въ октябрѣ 1819 года снова собрались въ Филадельфіи представители всѣхъ аболиціонныхъ обществъ. До тѣхъ поръ эти общества состояли преимущественно изъ лицъ духовныхъ и различнаго рода теоретиковъ, не знакомыхъ хорошо съ практической стороной вопроса. Съ этихъ же поръ въ средѣ ихъ являются преимущественно люди, извѣстные своею государственною дѣятельностью. Они принадлежали болѣею частію къ партіи федералистовъ, которая, опасаясь слишкомъ возраставшаго могущества Юга, не соглашалась на покупку Луизіаны и требовала на гартфордской конвенціи, въ 1814 году, уничтоженія представительства въ конгрессѣ со стороны невольничьяго населенія. Но до 1819 года федералисты стояли совершенно отдѣльно, не находя подпоры въ другихъ партіяхъ, теперь же соединились съ ними сѣверные демократы, преимущественно изъ Нью-Йорка. Въ недопущеніи принятія новыхъ штатовъ, или въ измѣненіи самой конституціи по вопросу о невольничествѣ, они видѣли очень не популярное средство и потому рѣшились прибѣгнуть къ болѣе вѣрному оружію — къ приведенію въ исполненіе приказа 1787 года на счетъ земель, лежащихъ къ западу отъ Миссисипи. Средніе штаты стали во главѣ аболиціоннаго движенія. За большимъ собраніемъ въ Нью-Джерсеѣ послѣдовало

нѣсколько собраній въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи, Бостонѣ, между тѣмъ какъ въ то же время во всѣхъ большихъ сѣверныхъ городахъ дѣйствовали демократы, производя агитацію въ пользу новой политики противъ приверженцевъ рабства.

16-й конгрессъ собрался 6 декабря 1819 года. Первымъ дѣломъ его было назначеніе комитета для изслѣдованія вопроса о недопущеніи невольничества въ территоріяхъ, лежащихъ къ западу отъ рѣки Миссисипи. Но комитетъ, за разногласіемъ своихъ членовъ, не могъ принять никакого рѣшенія и 5 января 1820 года просилъ о своемъ распусченіи. На этотъ разъ споры по вопросу о невольничествѣ не ограничились одними дебатами въ конгрессѣ. Въ нихъ приняли участіе законодательныя собранія всѣхъ штатовъ, при чемъ обнаружилось довольно ясно мѣстное преобладаніе аболиціоннаго элемента въ Соединенныхъ Штатахъ.

Законодательное собраніе Филадельфіи увѣщавало федеральное правительство «отказаться отъ всякой сдѣлки съ преступленіемъ», объявивъ, что конгрессъ не только имѣетъ право, но даже обязанъ запретити невольничество во всѣхъ земляхъ, лежащихъ къ западу отъ Миссисипи. Примѣру Филадельфіи послѣдовали, съ необыкновеннымъ единодушіемъ, законодательныя собранія Нью-Джерсея и Делавера, не смотря на то, что послѣдній принадлежитъ къ числу невольничьихъ штатовъ. Нью-Йоркъ принялъ то же рѣшеніе по предложенію губернатора Клинтона. Ту же цѣль преслѣдовалъ Огіо. Законодательное собраніе Индіаны порицало Тейлора, одного изъ своихъ сенаторовъ, за его согласіе допустить арканзасскую территорію организовать въ штатъ безъ запрещенія невольничества. Законодательныя собранія Новой Англіи хотя и не выказали своего мнѣнія, но многочисленныя петиціи противъ миссурійскаго билля присылались оттуда въ конгрессъ, одна за другою, различными городами, мѣстечками и публичными собраніями. Виргинія и Кентукки дѣйствовали съ такимъ же рвеніемъ для достиженія противоположной цѣли; законодательное собраніе Мериленда, хотя приняло ихъ сторону, но за то граждане Балтимора, главнаго торговаго города южныхъ штатовъ, на одномъ митингѣ подали голосъ конгрессу противъ дальнѣйшаго расширенія невольничества.

Первоначальными комитетами вопросъ о запрещеніи невольничества въ Миссури перешолъ на разсмотрѣніе сената. Четырнадцатъ дней продолжались дебаты и билль о запрещеніи невольничества въ Миссури былъ отвергнутъ большинствомъ 27 голосовъ противъ 16. Тогда одинъ изъ сенаторовъ, Вильямъ

Диккой, изъ Мэриленда, составилъ согласительное предложеніе, по которому невольничество запрещалось только къ сѣверу и западу отъ Миссури; это предложеніе было принято послѣ новыхъ четырнадцатидневныхъ дебатовъ. Вслѣдствіи въ немъ были сдѣланы еще нѣкоторыя видоизмѣненія, вслѣдствіе которыхъ воспрещалось введеніе невольничества во всѣхъ остальныхъ земляхъ Луизианы и также въ территоріяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ границы Арканзаса. Этотъ билль получалъ названіе миссурійскаго компромисса; главными условіями его было принятіе Миссури въ число штатовъ, безъ всякаго стѣсненія его относительно вопроса о невольничествѣ, и запрещеніе невольничества въ земляхъ Луизианы, лежащихъ къ сѣверу отъ 30° 30'. Такимъ образомъ миссурійскій компромиссъ, защищаемый самими извѣстными государственными людьми Юга, былъ принятъ сенатомъ. Но приверженцамъ невольнической системы стоило еще большихъ усилій склонить къ этому компромиссу палату представителей. 29 февраля 1820 года она, хотя и приняла миссурійскій билль, большинствомъ 93 голосовъ, противъ 84 но прибавила условіе, которымъ воспрещался дальнѣйшій ввозъ невольниковъ въ Миссури. 1 марта 1820 года сенатъ снова отослалъ въ палату представителей, на разсмотрѣніе, миссурійскій билль, уничтоживъ въ немъ предложенное ею условіе. Не видя никакой возможности достигнуть согласія палаты представителей, въ средѣ которыхъ было гораздо болѣе аболіціонистовъ, чѣмъ между членами сената, вслѣдствіе самаго способа представительства этими двумя законодательными собраніями, приверженцы невольнической системы рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству—подкупу. Они сдѣлали склонить четырехъ темныхъ личностей между представителями сѣверныхъ штатовъ въ пользу компромисса, а трехъ другихъ удалить отъ подачи голосовъ. Этимъ средствомъ имъ удалось, большинствомъ 90 голосовъ противъ 87, уничтожить запрещеніе—вводить невольничество въ Миссури; но за то 134 голосами противъ 42 оно было исключено изъ всѣхъ территорій, лежащихъ къ сѣверу отъ 36° 30'. Такимъ образомъ билль прошолъ, наконецъ, обѣ палаты, въ ночь съ 2 на 3-е марта 1820 года.

Миссурійскій компромиссъ былъ явною побѣдою Юга надъ аболіціонными стремленіями сѣверныхъ штатовъ; изъ земель, лежащихъ къ югу отъ 36° 30' могло образоваться въ скоромъ времени еще нѣсколько невольничьихъ штатовъ, между тѣмъ какъ расположенныя къ сѣверу отъ этого градуса, представля-

ли собою обширную пустынную область, которая могла заселиться только по прошествии слишкомъ большого промежутка времени. Это хорошо сознавали обѣ враждующія партіи и потому миссурійскій компромиссъ, естественно, долженъ былъ произвестъ на всѣхъ благомыслящихъ людей того времени самое непріятное впечатлѣніе.

Джонъ Адамсъ писалъ около этого времени въ своемъ дневникѣ: «Сдѣлка между свободою и рабствомъ, которую заключаетъ въ себѣ конституція Соединенныхъ Штатовъ, есть величайшее нравственное и политическое зло, противорѣчащее принципамъ, принятымъ разъ навсегда въ періодъ нашей революціи. Сдѣлка эта въ высшей степени безжалостна и деспотична: она закрѣпляетъ цѣпи невольниковъ, требуя отъ свободы залога, который увѣковѣчиваетъ тиранію владѣльцевъ; она въ высшей степени несправедлива и неполитична, потому что дозволяетъ владѣть невольниками на правахъ полной собственности, которая, однако, въ то же время удваиваютъ участіе ихъ господъ въ политическомъ представительствѣ. Вслѣдствіе этого въ союзѣ преобладаютъ представители невольниковъ». Почти то же писалъ и Джефферсонъ. Аболиціонисты были внѣ себя отъ миссурійскаго компромисса, называя его «грязной сдѣлкой». Со стороны законодательнаго собранія Пенсильванскаго штата отвѣтомъ на этотъ компромиссъ было постановленіе 22 марта 1820 года, которымъ запрещалось мировымъ судьямъ и альдерменамъ приводить въ исполненіе законъ 1793 года противъ бѣглыхъ невольниковъ. Это распоряженіе было довольно чувствительнымъ ударомъ для южныхъ штатовъ, потому что въ Пенсильваніи, какъ штатѣ пограничномъ съ невольническою областью, всегда было много бѣглыхъ невольниковъ. Кромѣ того налагался значительный штрафъ на всѣхъ, кто осмѣлился бы уводить негровъ изъ штата, безъ предварительнаго процесса, хитростью или насиліемъ, для обращенія въ рабство.

Съ миссурійскимъ компромиссомъ прежнее равновѣсіе между невольничьими и свободными штатами исчезло, потому что при началѣ союза число свободныхъ штатовъ превосходило однимъ число невольничьихъ штатовъ; при дальнѣйшемъ увеличеніи числа ихъ постоянно принимались въ союзъ въ одно и то же время по одному свободному и одному невольничьему штату; теперь же приняты были два невольничьихъ штата—Алабама и Миссури, и одинъ только свободный Менъ.

Послѣ миссурійскаго компромисса вопросъ о невольничествѣ отступаетъ на задній планъ въ исторіи Сѣверо-Американскихъ

Штатовъ. Борьба утомленнѣхъ предшествовавшими раздорами политическихъ партій прекращается на нѣкоторое время, такъ что второе президентство Монрое, на которое онъ былъ избранъ единогласно, получило названіе времени «добраго согласія». Періодъ исторіи Сѣверной Америки съ 1821 по 1841 годъ мало представляетъ особенно громкихъ событій и переворотовъ. Все вниманіе Америки было поглощено финансовыми реформами, какъ вопросъ о тарифѣ, о національномъ банкѣ. Но въ это время незаметно подготавливались новыя комбинаціи въ мирѣ политическомъ; прежнія партіи исчезали совершенно или распадались на новыя. Послѣ гартфордской конвенціи, партія федералистовъ, стоявшей нѣкогда во главѣ правленія, почти не существовало уже. Партія демократовъ распалась на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна оставалась вѣрною гуманнѣмъ принципамъ, завѣщаннымъ ей Джефферсономъ, а другая, продолжая сохранять названіе демократической, открыто приняла сторону Юга. Въ это же время возникаетъ совершенно новая партія, извѣстная подъ именемъ виговъ и имѣвшая въ числѣ своихъ представителей однихъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ государственныхъ личностей Америки, какъ Клей и Вебстеръ.

Распаденіе демократической партіи начинается почти съ самаго избранія въ президенты Адамса. По окончаніи президентства Монрое, въ числѣ четырехъ кандидатовъ, на его мѣсто явился Адамсъ. Онъ былъ избранъ сѣверными и средними штатами. Остальные же штаты представили своими кандидатами Кравфорда, Джексона и Клея. Но ни одинъ изъ нихъ не получилъ законнаго большинства голосовъ и избраніе было предоставлено конгрессу. Здѣсь, благодаря усиліямъ Клея выборъ палъ на Адамса. Во время своего управленія Адамсъ оставался вѣрнымъ республиканскимъ принципамъ и въ большинствѣ случаевъ былъ рѣшительнымъ продолжателемъ политики Монрое. Но въ своихъ гуманнѣхъ стремленіяхъ онъ постоянно встрѣчалъ сильную оппозицію въ конгрессѣ, со стороны приверженцевъ обонѣхъ потерпѣвшихъ предъ этимъ пораженіе кандидатовъ на президентство—Кравфорда и Джексона. Всѣми дѣйствіями оппозиціи руководилъ Джексоны. Чтобы утвердиться на югѣ и югозападѣ, гдѣ и безъ того уже смотрѣли съ недоувѣріемъ на президента, какъ на челоувѣка, происходившаго изъ Новой Англіи, противники его объявили убѣжденія крайнихъ защитниковъ рабства совершенно справедливыми съ политической точки зрѣнія и сблизились съ самими плантаторами. Въ своихъ нападкахъ на президента они

не пощадили даже самого Клея и обвинили его въ подкупности. Они говорили, что Клей получилъ должность перваго министра при Адамсѣ за свое содѣйствіе къ избранію послѣдняго. Усилія оппозиціонной партіи сдѣлали невозможнымъ вторичное избраніе Адамса. Благодаря союзу съ плантаторами, а также обѣщанію раздать всѣ больше или менѣе значительныя административныя должности своимъ приверженцамъ, Джексонъ достигъ наконецъ того, что получилъ президентское мѣсто. Съ этихъ поръ принято было за правило въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, при вступленіи въ должность каждаго президента, смѣнять всѣхъ прежнихъ должностныхъ лицъ новыми. Торжество, котораго достигли на президентскихъ выборахъ приверженцы Кравфорда и Джексона, заставило ихъ окончательно отдѣлиться отъ прежней республиканской партіи, къ которой они принадлежали. Они присвоили себѣ исключительно названіе *демократовъ*, благодаря которому пользовались сначала особеннымъ вліяніемъ на народныя массы. Это названіе остается и до настоящей минуты за ними; но если во всѣхъ вопросахъ, не имѣющихъ отношенія къ невольничеству, они остаются вѣрными хранителями преданій прежней демократической партіи, во главѣ которой стоялъ Джефферсонъ, то въ этомъ послѣднемъ вопросѣ они радикально противоположны ей. Новая демократическая партія соединила неразрывными узами свои интересы съ интересами невольничьихъ штатахъ, принявъ своимъ знаменемъ неприкосновенность невольничества. Положеніемъ, въ которое она поставила себя къ вопросу о невольничествѣ, было дано политикѣ Соединенныхъ Штатовъ совершенно новое, реакціонное направленіе. До сихъ поръ невольникъ былъ простымъ предметомъ собственности; теперь же онъ становится основнымъ, руководящимъ предметомъ политики, подчиняющимъ себѣ, подъ страхомъ расторженія союза, всѣ остальные государственныя интересы.

Въ должности президента Джексонъ скоро счумѣлъ приобрести себѣ большую популярность, такъ что былъ избранъ вторично на президентское мѣсто. Но эта популярность нисколько не говорила въ его пользу. Это не былъ великій государственный человѣкъ, который въ состояніи руководить народными массами и вести ихъ къ высокимъ, благороднымъ цѣлямъ; популярность его происходила изъ умѣнья — льстить народнымъ страстямъ, изъ подчиненія самымъ грубымъ и эгоистическимъ требованіямъ массъ. Въ его дѣйствіяхъ не было замѣтно самостоятельности. Онъ жилъ только для своей

партии и поклонялся предъ ея волей. Поэтому не удивительно; что во время его президентства Югъ, если не вполне достигъ независимаго положенія въ государствѣ, то, по крайней мѣрѣ; приобрѣлъ много данныхъ для дальнѣйшихъ притязаній и высокотребовательныхъ требованій. Главные представители интересовъ Юга какъ Кравфордъ, Берриенъ, Трумпъ, Рандольфъ и другіе; которыми главнымъ образомъ Джексоу обязанъ былъ своимъ избраніемъ въ президенты, требовали, въ награду за оказанную ему услугу признанія *теоріи уничтоженія* (*doctrine of nullification*). По этой теоріи каждый штатъ имѣетъ право объявлять законы, изданные конгрессомъ; противными конституціи и отменять ихъ дѣйствіе. Кальгунъ хотѣлъ правленіе Джексона отождествить съ своимъ нуллификаторскимъ ученіемъ. Боязнь, что осуществленіе этого ученія поведетъ къ расторгненію Союза, остановила Джексона отъ полного признанія требованій его партіи. Нуллификаторскія притязанія Юга, заявленные Геймомъ въ сенатѣ, были блестящимъ образомъ отражены Вебстеромъ. Тогда партія Кальгуна начала новую политическую агитацію и поводомъ къ ней послужилъ протекціонный тарифъ, враждебный интересамъ Юга. Въ ноябрѣ 1832 года, по ея настоянію; въ Южной Каролинѣ былъ созванъ конвентъ, для разсмотрѣнія тарифа, составленнаго федеральнымъ правительствомъ. Конвентъ объявилъ, что конгрессъ, изданіемъ тарифа 1828 года, преступилъ предѣлы своей власти и что поэтому всѣ распоряженія; сдѣланныя союзною властью относительно этого тарифа, онъ признаетъ недействительными. Законодательная власть Южной Каролины и губернаторъ этого штата приняли рѣшеніе конвента, приступили къ насильственнымъ мѣрамъ противъ союзнаго правительства и даже объявили ему войну. Сопротивленіе закону, изданному конгрессомъ, сдѣлалось лозунгомъ соединенія для южныхъ штатовъ. Чтобы примирить ихъ съ федеральнымъ правительствомъ, Вебстеръ, по желанію Кальгуна, внесъ въ сенатъ въ 1833 году билль, принятый потомъ палатою депутатовъ, которымъ отменены въ тарифѣ или значительно сдѣлены, пошлины на нѣкоторые товары. Въмѣсто того, чтобы наказать своихъ прежнихъ друзей за явное неподчищеніе государственному закону и обузданіе ихъ непомерныя притязанія, Джексоу охотно согласился на компромиссъ, предложенный Вебстеромъ, и этимъ далъ поводъ приверженцамъ цевольничества считать себя въ правѣ—дѣлать новыя требованія. Уступка требованіямъ Каролины, вооружившейся противъ союзной власти

имѣла слѣдствіемъ подчиненіе послѣдней деспотизму плантаторовъ; ея принципъ свободы приносился въ жертву рабовладѣльческой власти. Это была капитуляція федеральнаго правительства съ возставшимъ штатомъ. Здѣсь дѣло шло не о повышеніи или пониженіи наложенной пошлыны, но о томъ, могутъ ли отдѣльные штаты не признавать законовъ, издаваемыхъ союзною властью; могутъ ли они, вмѣсто того чтобы просить конгрессъ объ отмененіи сдѣланныхъ имъ распоряженій, производить организованное возстаніе противъ федеральнаго правительства и принимать въ отношеніи его повелительный тонъ. Здѣсь впервые Союзъ пришолъ въ непосредственное столкновение съ властью, основнымъ элементомъ которой была вражда съ свободными учрежденіями; съ властью, присвоившею себѣ въ средѣ республики права и привилегіи деспотическаго правленія; съ властью которая, обвиняя въ затрунутомъ вопросѣ интересы всего Юга, представлялась въ лицѣ Южной Каролины, съ оружіемъ въ рукахъ угрожавшей Союзу, въ случаѣ несогласія его исполнить ея требованія. Компромиссъ, принятый конгрессомъ по поводу протекціоннаго тарифа, нанесъ дѣлу свободы въ Америкѣ еще болѣе страшный ударъ, чѣмъ самый миссурійскій компромиссъ. Послѣднимъ вводилось невольничество въ областяхъ, гдѣ законъ не допускалъ существованія его; первымъ же отдавался самый принципъ свободы на произволъ рабовладѣльческой власти. Побѣда, одержанная партизанами Кальгуна, по своему результату, была значительнѣе, чѣмъ могли они сами предполагать, ибо съ этихъ поръ политика Кальгуна сдѣлалась существеннымъ элементомъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Начиная съ 1833 по 1860 годъ вся политика Юга была простымъ осуществленіемъ программы, начерченной Кальгуномъ, по которой рабовладѣльцамъ предстояло достигнуть безусловнаго подчиненія Сѣвера своей волѣ.

Агитація рабовладѣльцевъ и могущество, котораго достигали они съ каждымъ годомъ, въ лицѣ организовавшейся вновь демократической партіи, не могло не вызвать реакціи на Сѣверѣ. Съ вторичнаго избранія Джексона началось здѣсь съ новою силою аболіціонное движеніе, вызвавшее въ свою очередь образованіе самостоятельной политической партіи, извѣстной подъ именемъ свободной демократической или республиканской партіи, — движеніе, продолжающееся до настоящей минуты и конецъ котораго трудно предвидѣть.

Г. СИМОНЕНКО.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

О БИРЖЕЛИВОСТИ АНГЛИЙСКИХ РАБОТНИКОВЪ.

Жизнь английских рабочих есть, или нѣтъ, похоронное шествіе къ могилѣ. — Ихъ заработки представляютъ постепенный процессъ возвышенія. — Неудобства ихъ положенія зависятъ отчасти отъ ихъ привычекъ. — Замѣчательный фактъ, что бережливѣйшіе изъ нихъ не тѣ, которые зарабатываютъ болѣе. — Происхожденіе сберегательныхъ кассъ. — Самую большую долю добра отъ нихъ получаютъ самые бѣдные изъ рабочаго класса. — Кошечные банки.

Въ недавнее время, на одномъ изъ английскихъ рабочихъ митинговъ однимъ изъ державшихъ рѣчь были произнесены такіа слова: «Жизнь рабочаго человѣка есть постоянный процессъ униженія, каждодневное мученичество, погребальное шествіе къ могилѣ.» На другомъ митингѣ, другой ораторъ, краснорѣчивый сапожникъ изъ Оксфорда, мистеръ Броунъ, о положеніи того сословія, къ которому самъ принадлежитъ, выразился такимъ образомъ: «Хорошій англійскій работникъ—самый независимый человѣкъ въ мірѣ!»—Если повѣрять первому изъ этихъ ораторовъ, то Англія должна быть страной, въ которой люди съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе удаляются отъ возможности быть благополучными; если, напротивъ, положить на мнѣніе мистера Броуна, то англичане должны представляться намъ близкими къ достиженію идеальнаго благополучія: имъ остается добиться одного—чтобы всѣ ихъ ра-

ботники были «хорошими» работниками. Два мнѣнія, два противоположные лагеря, два враждебныя ученія. Какими данными слѣдуетъ руководиться, чтобы пристать къ одному изъ этихъ двухъ ученій, и еще слѣдуетъ ли приставать къ которомунибудь изъ нихъ? Было время, и не такъ давно, когда можно было быть ученымъ, чиновникомъ, романистомъ, откупщикомъ, помещикомъ, публицистомъ — и не быть ничѣмъ болѣе; а теперь люди, состоящіе во всѣхъ этихъ званіяхъ, должны еще сознательнымъ образомъ находиться въ извѣстномъ отношеніи къ общимъ интересамъ своей страны, то есть, должны опредѣлительно думать, — «дескать вы правы, мистеръ Броунъ; мы съ вами совершенно согласны: положеніе наше такъ хорошо, что одни только шарлатаны и безпокойные люди могутъ возбуждать въ насъ жажду лучшаго;» или, наоборотъ: «нѣтъ, мистеръ Броунъ, мы не раздѣляемъ вашего мнѣнія: жизнь и положеніе трудящагося человѣчества дѣйствительно таковы, что къ нему очень идетъ мысль о каждодневномъ униженіи и погребальной процессіи!» Публикѣ извѣстна также и вся трудность окончательнаго выбора между различными способами относиться къ социальнымъ вопросамъ; вопросы эти для насъ еще такъ новы, противоположныхъ мнѣній объ нихъ такъ много, и наши собственные инстинкты съ такою силою гнутъ насъ то въ одну, то въ другую сторону, — что рѣшительно растѣряешься. Поэтому съ людьми различныхъ общественныхъ положеній и различныхъ темпераментовъ случается такъ, что если въ нихъ сильно развито чувство человѣколюбія и если притомъ собственное ихъ положеніе не представляетъ ничего завиднаго; то мистеръ Броунъ выходитъ презрѣнный оптимистъ и зазнавшійся обжора; а если человѣколюбіе въ нихъ развито умѣреннымъ образомъ, и если положеніе ихъ таково, что жаловаться на него было бы грѣшно, то мистеръ Броунъ превращается въ разсудительнаго человѣка и благонадежнѣйшаго гражданина. Очень прискорбно, что это такъ случается, потому что наши склонности менѣе всего могутъ служить ручательствомъ нашей справедливости въ сужденіяхъ подобнаго рода; вопросы о томъ, какъ люди должны вести себя въ извѣстныхъ положеніяхъ и какъ они должны относиться другъ къ другу — представляютъ такую громадную важность, что рѣшенія ихъ должны быть принимаемы только тогда, когда они основаны на знаніи, — на точномъ, фактическомъ знаніи, — независимо ни отъ свойствъ

нашихъ склонностей, ни отъ темпераментовъ людей, принимающихъ на себя трудъ—руководить насъ. Что полезнаго и что поучительнаго могло-бы представить намъ изображенію порядковъ въ известной странѣ, сдѣланное человѣколюбивымъ и сострадательнымъ писателемъ, если-бы оно доказывало одно только человѣколюбіе писавшаго, хотя-бы и доведенное до высшей степени, но при этомъ не содержало бы ни одного слова правды? Еще менѣе было-бы для насъ пользы и поученія, если-бы кто нибудь сталъ увѣрять насъ, что мы находимся на прямой дорогѣ ко всякому благополучію, между тѣмъ какъ мы навѣрное бы знали, что такая дорога лежитъ отъ насъ совсѣмъ въ другую сторону. Знаніе и сообразность съ действительностью, — вотъ что должно руководить нами при оцѣнѣ различныхъ положеній, представляемыхъ жизни, и это же самое должно управлять нашими гуманными склонностями. Теперь слишкомъ вошло въ обычай похвалиться невѣжествомъ, точно такъ же какъ добротою сердца и сочувствіемъ къ меньшей братіи. Жаль только, что меньшая братія ничего этого не подозреваетъ, а то изъ такого сугубаго матеріала она невремѣнно сшила бы себѣ крытую шубу. Сладенькіе разговорцы сами по себѣ не дѣлаютъ еще особеннаго вреда меньшей братіи; но они ищутъ общественному смыслу имѣть о ней точныя и здравыя понятія, безъ которыхъ ей не можетъ быть оказано никакого прочнаго и существеннаго добра. Эхъ, меньшая братія; какія чувства ты обнаружила бы къ намъ, если-бы только знала—какъ мы исказили твой здоровенный мужицкій образъ, какую размадеванную маску надѣли на него, какъ мы приписали тебѣ добродѣтели, о которыхъ тебѣ и во снѣ-то не снилось, и какими удивительнымъ здравомысліемъ и дальновидностію надѣлили твое неповное невѣжество! Но съ тѣхъ поръ, какъ мы свѣтъ существуемъ добрые, но въ то же время недалековидные люди, это общій удѣлъ меньшей братіи: здравыя понятія о ней вырабатываются съ трудомъ и распространяются медленно, какъ всякая истина, которой прикладныя свойства не вдругъ бросаются въ глаза. Должны понятія объ англійской меньшей братіи пользуются популярностію въ цѣломъ мірѣ: на нихъ основаны разныя человѣколюбивыя теоріи, которыхъ крайнимъ выраженіемъ служитъ то мнѣніе, что «жизнь рабочаго человѣка есть погребальное шествіе къ могилѣ.» Историческая действительность не совсѣмъ подтверждаетъ это мнѣніе: она обнаружи

ваетъ, что жизнь рабочаго челоуѣка въ Англіи дѣйствительно далека отъ идеала возможнаго благополучія, но что она и не такъ мрачна, чтобы быть похожей на погребальное шествіе къ могилаѣ. Не говоря уже о томъ, что англійскіе рабочіе начинаютъ кореннымъ образомъ сознавать, какія именно реформы необходимы для того, чтобы улучшеніе ихъ быта сдѣлалось прочнымъ, прогрессивнымъ и независимымъ ни отъ случайностей, ни отъ прихоти и корыстныхъ расчетовъ,—эти люди и въ настоящемъ, зависимомъ положеніи своемъ могли бы достигать значительной степени матеріальнаго благосостоянія, могли бы цѣлыми массами возвышаться надъ случайностями своего невѣрнаго существованія, если бы только ихъ нравственныя склонности съ болѣею силою были обращены въ эту сторону. Къ сожалѣнію, меньшая братія въ Англіи, какъ почти въ цѣломъ свѣтѣ, еще, не развила въ себѣ такихъ склонностей,—по крайней мѣрѣ не развила ихъ до такой степени энергіи, чтобы въ своемъ стремленіи къ возможному благосостоянію ей приходилось бороться съ одними только внѣшними препятствіями. Мы имѣемъ подъ руками источники, которые позволяютъ намъ предложить нѣкоторыя данныя въ доказательство именно той мысли, что англійскій рабочій классъ претерпѣваетъ много такихъ золъ, которыхъ продолженіе и объемъ находятся въ прямой зависимости отъ недостатка въ немъ самомъ нѣкоторыхъ желательныхъ качествъ. И развѣ мы могли бы говорить о цивилизаціи, развѣ могли бы выдумать даже это слово, если-бы исторія даже такой страны, какъ Англія, не была исторіей объ улучшеніи челоуѣческаго быта?

Если о благосостояніи низшихъ классовъ общества можно судить по тѣмъ средствамъ къ жизни, которыми они обладаютъ, или могутъ обладать, если захотятъ,—то весьма не трудно придти къ убѣжденію, что бытъ англійскаго работника представляетъ довольно осязательный процессъ улучшенія; потому что, между тѣмъ какъ заработная плата его представляетъ постоянный процессъ возвышенія, цѣнность его потребностей становится все ниже и ниже. Въ недавно переведенной на русскій языкъ «Политической экономіи настоящаго и будущаго» Бруно-Гильдебранда, въ опроверженіе теоріи Энгельса, приводится, между прочимъ, такой фактъ: «Въ царствованіе королевы Елисаветы, въ графствѣ Йоркшайръ, поденная плата простаго работника равнялась

5 пенсамъ. Средняя цѣна пшеницы отъ 1554 до 1610 г. равнялась 24 шиллингамъ 9 п. за кварталъ. Если эту цѣну положить даже въ 20 ш., то тогдашній работникъ изъ-за одного квартала пшеницы долженъ былъ работать 48 дней.» По словамъ Маколея, въ концѣ семнадцатаго столѣтія всѣ вообще занятія оплачивались дешевле, чѣмъ теперь. Земледѣльческіе работники получали отъ 2 до 3 ш. въ недѣлю на хозяйской пищѣ, и отъ 4 до 5 на своей, между тѣмъ какъ цѣна на пшеницу въ нѣкоторые годъ второй половины XVII вѣка доходила до 70 ш. за кварталъ. Солдаты получали только по 4 ш. 8 п. въ недѣлю, и все-таки вербованіе ихъ не представляло никакой трудности. Даже мастеровые не получали болѣе 7 ш. въ недѣлю, не смотря ни на какую высокую цѣну пищи. Въ 1680 г. мистеръ Джонъ Бассетъ, депутатъ отъ Барнстапля, жаловался въ парламентъ, что непостоянныя цѣны, платимыя въ Англіи, поставили англійскихъ фабричныхъ въ невозможность конкурировать съ индійскими ткачами; «потому что,—говорилъ онъ,—англійскій фабричный, вмѣсто того чтобы, подобно индусу, работать за мѣдную монету, требуетъ не менѣе, какъ по шиллингу въ день!»—Рабочій людъ почти вовсе не зналъ вкуса въ мясѣ; сахаръ, чай, кофе—теперь обыкновенныя потребности жизни—тогда были роскошью, существовавшею не для него. Во времена Карла II шерстяные ткачи зарабатывали только по 6 п. въ день, и народныя баллады, сложенныя въ это время, заключали въ себѣ такія предположенія, что «еслибы побольше было правды, и ткачамъ были бы возвращены ихъ права, то они стали бы получать по шиллингу въ день, какъ въ старое доброе время.» Это «старое доброе время», какъ періодъ особеннаго процвѣтанія, въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи было введено въ половицу подъ именемъ «дней Оливера*»; а между тѣмъ извѣстно, что, при высокой цѣнѣ на обыкновенныя жизненныя потребности, лучшіе классы рабочихъ зарабатывали въ это доброе время около одной четвертой части ихъ теперешней средней платы.

Подходя ближе къ нашему времени, мы находимъ заработки ремесленниковъ все возрастающими. Въ 1730 году поденная плата кирпичныхъ кладчиковъ и другихъ ремесленниковъ, работавшихъ при Гринвичскомъ госпиталѣ, среднимъ числомъ равнялась 2 ш. 6 п., при болѣе дорогой пищѣ, чѣмъ теперь.

* Кромвеля.

Даже въ 1800 году хорошіі каменщикъ зарабатывалъ въ Лондонѣ только 16 ш. въ недѣлю, при цѣнѣ на пшеницу въ 90 ш. слишкомъ за кварталъ. Теперь рабочіи того же класса получаютъ 33 ш. въ недѣлю, хотя цѣна пшеницы не превышаетъ 50 ш. и хотя всѣ другія жизненныя потребности тоже значительно удешевились. Вообще, чѣмъ ближе мы изслѣдуемъ «добрыя старыя времена» рабочихъ классовъ, тѣмъ яснѣе открывается, что это были времена тяжелаго труда и ничтожной платы, дорогой пищи и нищенскаго одѣянія, недостаточныхъ средствъ воспитанія и жалчайшихъ хозяйственныхъ удобствъ.

Мы боимся надоѣсть читателю цифрами; но показанія о теперешнихъ размѣрахъ заработной платы въ Англіи, въ особенности по нѣкоторымъ ремесламъ, столь замѣчательны, что на нихъ стоитъ остановиться, хоть бы для того, чтобы посмотреть поближе на «погребальное шестіе рабочаго челоуѣка къ могилѣ.» Показанія, нами здѣсь приводимыя, принадлежать нѣкоторому мистеру Чадвику (*Journal of the Statistical Society; March, 1860.*) Мы приведемъ только наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ; но предварительно обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что между тѣмъ какъ денежная плата работниковъ по хлопчатобумажному производству возрасла въ послѣдніе двадцать лѣтъ отъ 12 до 28 и даже 30 процентовъ на сто, рабочіе часы въ тотъ же періодъ времени уменьшены на девять часовъ въ недѣлю, или не менѣе, чѣмъ 15 на сто. На шолковыхъ фабрикахъ такое же уменьшеніе сдѣлано на шесть часовъ въ недѣлю. По разнымъ другимъ работамъ ограниченіе рабочихъ часовъ сдѣлано отъ 3 до 5½ часовъ на недѣлю.

Мистеръ Чадвикъ утверждаетъ, что число лицъ, занятыхъ въ Ланкаширѣ по различнымъ отраслямъ хлопчатобумажнаго производства въ 1859 году простиралось до 400,000, и что средняя заработная плата, выданная имъ, — включая въ то число мальчиковъ, дѣвочекъ и женщинъ, — была не менѣе 10 ш. 3½ п. въ недѣлю, или 10,653,000 въ годъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что болѣе четырехъ пятыхъ этой огромной суммы были выданы малолѣткамъ, и женщинамъ, которыхъ отцы мужа находили еще болѣе прибыльныя работы, потому что пропорція рабочихъ, получившихъ эту сумму была такова: 19 на сто изъ нихъ были мужчины, 50 женщинъ, 6 мальчиковъ и 25 дѣвочекъ. Принимая во вниманіе это обстоятельство, мистеръ Чадвикъ на-

ходить, — и это кажется почти невероятнымъ, — что фабричные работники въ Ланкашайрѣ получаютъ больше доходовъ, чѣмъ многіе изъ людей такъ называемыхъ свободныхъ занятій, болѣе чѣмъ, наприм., деревенскіе врачи, священники, учителя, и, можетъ быть, больше, чѣмъ вообще люди среднихъ классовъ соединеннаго королевства. Въ одномъ примѣрѣ мы видимъ отца, сына и дочь, зарабатывающихъ 2 фунта 12 ш. въ недѣлю, или 135 ф. 4 ш. въ годъ; въ другомъ — мужъ и жена выручаютъ 124 ф. въ годъ: въ третьемъ — отецъ съ четырьмя дѣвочками достаетъ 182 ф. Примѣры эти почти обыкновенны; но есть семейства, зарабатывающія еще гораздо больше. Въ одномъ случаѣ мы видимъ 5 дочерей и двухъ сыновей, получающихъ 3 гинеи въ недѣлю, между тѣмъ какъ отецъ, по званію кузнеца, достаетъ 30 ш., что составитъ въ годъ болѣе 232 ф. Другое семейство, состоящее изъ отца, сына и 5 дочерей приобрѣтаетъ 287 ф. И это все еще не maximum. Намъ встрѣчается примѣръ, гдѣ отецъ, 6 сыновей и 2 дочери, все на тѣхъ же ланкашайрскихъ бумажныхъ фабрикахъ, приобрѣтаютъ 6 ф. 17 ш. въ недѣлю, или 325 ф. въ годъ. Подобныя размѣры заработной платы существуютъ въ Йоркшайрѣ и во многихъ другихъ фабричныхъ мѣстностяхъ Англіи, гдѣ дѣти и женщины въ такой же степени способствуютъ къ умноженію семейныхъ приобрѣтеній. Самыя высшія платы въ настоящее время въ Англіи получаютъ работниками желѣзныхъ фабрикъ, и здѣсь есть примѣры, гдѣ отецъ съ помощникомъ — малолѣтнимъ сыномъ — выручаетъ до 500 ф., — т. е. болѣе, чѣмъ генералы австрійской службы. Всѣ эти заработки, какъ мы сказали, назадъ тому 20 лѣтъ были ниже двѣнадцатую и тринадцатую процентами, смотря по мѣстностямъ.

И однако это еще далеко не все, что можно сказать въ пользу улучшеннаго состоянія рабочаго класса въ Англіи за послѣдніе 20 лѣтъ. Извѣстно, что въ продолженіе этого періода англійское законодательство постоянно стремилось къ пониженію налоговъ на жизненныя и другія необходимыя потребности и что, вслѣдствіе такихъ усилій, оно, дѣйствительно, ограничило налоги на сахаръ, чай, кофе, какао, масло, яйца, сыръ, мыло, кожу и строительные матеріалы; прибавьте еще къ этому — отмену хлебныхъ законовъ и то обстоятельство, что въ эти двадцать

лѣтъ налоги съ собственниковъ и получателей постоянныхъ доходовъ въ Англіи увеличились свыше 120 миліоновъ фунтовъ. Въ результатѣ оказывается дѣйствительное перенесеніе огромной части повинностей съ рабочаго класса на классы—коммерческій, средній и высшій, потому что, по мѣрѣ того, какъ плата за всякаго рода трудъ возвышалась, цѣны почти на всѣ роды пищи все понижались.

Мистеръ Брайтъ полагаетъ, что итогъ годовой выручки всего рабочаго класса въ Англіи простирается до трехъ сотъ двѣнадцати миліоновъ фунтовъ. Брайтъ въ этомъ случаѣ свидѣтель довольно вѣрный; но даже, допуская съ его стороны нѣкоторое преувеличеніе, свойственное ему, какъ оратору, все таки надобно согласиться, что ежегодное богатство, проходящее черезъ руки рабочаго люда въ Англіи, должно быть громадно, такъ что, при экономіи и другихъ хозяйственныхъ качествахъ, огромному числу этого класса людей представляется полная возможность достигать относительнаго богатства. Много ли, однако, между ними такихъ, которые бы прочнымъ образомъ выходили изъ бѣдности и зависимаго положенія? Много ли въ Англіи ежегодно прибавляется новыхъ избирателей? Словомъ, какое употребленіе дѣлается изъ громадныхъ заработковъ, выручаемыхъ англійскими работниками?—Вопросы эти трудные и, можно сказать, щекотливые, особенно когда приходится сказать, что касательно ихъ достовѣрно одно — что трудовыя деньги англійскаго народа гораздо чаще поступаютъ въ портерныя лавочки и другія увеселительныя заведенія, чѣмъ въ сберегательныя кассы. Разумѣется, достовѣрнымъ это можно почитать только въ томъ случаѣ, если тѣ изъ англичанъ, которые дѣлаютъ такое показаніе послѣ спеціальнаго изученія занимающаго насъ предмета—люди добросовѣстные, и если цифры и другіе факты, сообщаемые ими о движеніи дѣлъ въ сберегательныхъ кассахъ своего народа, не лживы.

Главнѣйшій же фактъ, относящійся сюда, состоитъ въ томъ, будто привычка обращаться къ сберегательнымъ кассамъ наиболѣе проявляется не въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ зарабатываются самыя высокія выручки, а въ тѣхъ, въ которыхъ получаютъ сравнительно меньшія. Такимъ образомъ въ графствахъ уйлтскомъ и дорсетскомъ, считаемыхъ за самыя отсталыя, вкладовъ, поступающихъ въ сберегательныя кассы, болѣе прихо-

дтся на каждого челоѣка, считая поголовно всѣхъ жителей, тѣмъ съ населенія самыхъ дорогихъ рабочихъ классовъ графства ланкастерскаго; земледѣльческіе классы Йоркскаго графства точно такъ же, если судить по ихъ вкладамъ въ сберегательныя кассы, оказываются болѣе воздержными въ своихъ при-
вычкахъ, чѣмъ самые благопріятствуемые фабричныя классы Вестъ-Ридинга, въ томъ же графствѣ. Въ земледѣльческихъ графствахъ средняя плата рабочаго простирается отъ 9 до 12 ш. въ недѣлю; въ мануфактурныхъ отъ 20 до 35 ш. и выше; и все таки отъ земледѣльческаго населенія Йоркскаго графства въ 1858 году было сдѣлано вкладовъ свыше 3 ф. 6 ш. на челоѣка, при чемъ вкладчиковъ приходилось на каждые сто почти по 11½ челоѣкъ, а съ фабричнаго населенія того же графства, въ томъ году, вкладчиковъ насчитывалось менѣе 5 челоѣкъ на сто, и вклады ихъ равнялись только 1 ф. 5 ш. съ поголовнаго населенія. Точно то же слѣдуетъ сказать о главныхъ сберегательныхъ кассахъ во всѣхъ фабричныхъ мѣстностяхъ: главные вкладчики въ нихъ не тѣ изъ рабочаго класса, которые болѣе зарабатываютъ денегъ, а тѣ, которые сравнительно получаютъ менѣе. Въ Манчестерѣ и Сальфордѣ самое большее число вкладчиковъ состоитъ изъ женской прислуги, которой плата простирается отъ 12 до 20 ф. въ годъ. За тѣмъ слѣдуютъ клерки, лавочныя прикащики, магазинныя сторожа, несильщики и рудокопы. То же самое наблюдено въ Брадфордѣ, гдѣ въ маѣ 1859 года классъ женской прислуги, сравнительно небольшой, съ его умѣренною платою, представилъ 506 вкладчицъ на сумму 12,756 ф., то есть среднимъ числомъ слишкомъ по 25 ф. на каждую вкладчицу; между тѣмъ болѣе обширный и болѣе дорогой классъ фабричныхъ работницъ въ то же самое время представилъ только 563 вкладчицы, на сумму 12,036 ф., или съ небольшимъ по 21 ф. на вкладчицу. Такой же точно фактъ усматривается во всѣхъ мануфактурныхъ городахъ Шотландіи. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ было замѣчено, какъ замечаніе дѣйствительно достойное замѣчанія, что въ Дѣшби 237 записей было сдѣлано на имена изъ женской прислуги, между тѣмъ какъ изъ очень большого числа очень дорогихъ фабричныхъ работницъ только одна сдѣлала запись въ сберегательной кассѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала этихъ драгоценныхъ учрежденій, они приносили пользу наиболѣе дешевой части про-

мышленного класса, и не послужили ни къ какой значительной выгодѣ для рабочихъ, получающихъ высокія платы.

Основателемъ перваго сберегательнаго банка, какъ это обыкновенно случается въ Англіи, было частное лицо — миссъ Прессилла Векфильдъ; дѣло это было задумано въ тоттенгамскомъ приходѣ, въ Миддльсексѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія; первоначальною цѣлію учредительницы было — заохотить бѣдныхъ дѣтей къ воздержности. Опытъ оказался столь удачнымъ, что въ 1799 году Джозефъ Смитъ, священникъ изъ Вендона, пришолъ къ мысли — принимать отъ своихъ прихожанъ маленькія суммы въ лѣтнее время и возвращать ихъ къ Рождеству, съ прибавкою къ нимъ одной трети, въ видѣ поощренія къ экономіи и предусмотрительности. Миссъ Векфильдъ, въ свою очередь, послѣдовала примѣру Смита и расширила планъ своего благотворительнаго банка, допустивъ къ участию въ его выгодахъ женскую прислугу и другихъ взрослыхъ работниковъ. Такое же учрежденіе было основано въ Батѣ, въ 1808 году, нѣкоторыми леди этого города, и почти въ это же время мистеръ Уитбредъ предложилъ парламенту образованіе національнаго учрежденія «въ родѣ банка для пользы и выгодъ исключительно одного только рабочаго класса». Предложеніе это не имѣло, впрочемъ, никакихъ послѣдствій, и систему сберегательныхъ кассъ для народа можно считать принявшеюся на англійской почвѣ только съ того времени, когда на этотъ предметъ обратилъ свое вниманіе мистеръ Дунканъ, — опять-таки духовное лицо, — священникъ изъ Росвеля, ничтожнаго прихода въ Демфришайрѣ, въ Шотландіи. Жители этого прихода состояли изъ бѣднѣйшихъ фермеровъ, изъ которыхъ лучшіе не получали болѣе 8 ш. въ недѣлю. Тутъ не было и помина о фабрикахъ, или о какихъ нибудь другихъ средствахъ къ существованію, кромѣ тѣхъ, которыя извлекались изъ небольшихъ участковъ земли; землевладельцы въ приходѣ сами никогда не жили. Мѣсто казалось очень неблагопріятнымъ для того, чтобы въ немъ задумывать устройство банка для сбереженій, когда бѣдные жители должны были напрягать свой послѣдній нервъ, чтобы зарабатывать на-сущный хлѣбъ свой, вносить свои маленькія приношенія въ приходскую кассу для вищихъ, а также, чтобы воспитывать дѣтей своихъ, — потому что шотландецъ, не смотря ни на какую крайность, не отказывается посылать ихъ въ школу. Не

смотря на это, мистеръ Дунканъ рѣшился попробовать, находя въ этомъ опытѣ лучшее вспомогательное средство къ успѣшному дѣйствию своихъ духовныхъ поученій. Онъ разсуждалъ, вѣроятно, при этомъ, что хоть простому, чернорабочему человѣку и не подь силу понимать глубокія, отвлеченныя истины религiи, но что и самый малосмысленный человѣкъ въ состоянiи оцѣнить всю важность практическаго совѣта, который касается его домашняго устройства, его каждодневныхъ удобствъ и самоуваженiя. Онъ зналъ такъ же, что и въ самыхъ бѣднѣйшихъ семействахъ все еще остаются такiя крохи и остатки, которые идутъ на ненужныя издержки. Потомъ, онъ видѣлъ, что болѣе зажиточные изъ его прихожанъ пользовались своимъ клочкомъ огорода, своею коровою, своею свиньею, какъ бы сберегательнымъ банкомъ, изъ котораго они получали свои проценты въ видѣ овощей, масла и окорока; и ему представилась мысль, что и для другихъ его прихожанъ, особенно одинокихъ людей и молодыхъ женщинъ, возможенъ какой нибудь подобный способъ лѣтнихъ сбереженiй, съ которыхъ они такъ же могли бы получать какiе-нибудь проценты. Отсель произошелъ приходскiй росвельскiй сберегательный банкъ, первое *самосодержимое* учрежденiе этого рода во всей Англiи. Что мистеръ Дунканъ не ошибался въ своихъ соображенiяхъ — это было оправдано тѣмъ фактомъ, что фонды учрежденiя въ послѣдующiе четыре года возрастали въ такой пропорцiи: въ первый годъ они составляли 151 ф., во второй 176, въ третiй 241, въ четвертый 322. Если, такимъ образомъ, бѣдные фермеры, работницы и слуганки, могли отложить такую сумму изъ своихъ ничтожныхъ заработковъ, — чего не могли бы сдѣлать ремесленники, зарабатывающiе круглый годъ отъ 30 до 40 ш. въ недѣлю? Какихъ результатовъ могли бы достигнуть, напримѣръ, блакборнскiе работницы, которые, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, для поддержанiя такъ называемаго *удара* (strike *), изъ своихъ излишковъ могли доставить около 30,000 ф., или около 1000 ф. въ недѣлю, въ теченiе всего перiода, въ который продолжался *ударъ* въ Блэкборнѣ?

Примѣру мистера Дункана вскорѣ послѣдовали во многихъ

* Такъ называютъ въ Англiи повальные соглашенiя работниковъ о прекращенiи работъ, когда они находятъ необходимымъ вытребовать у хозяевъ возвышенiе платы.

другихъ приходахъ въ Шотландіи и въ главнѣйшихъ городахъ Англіи. Въ каждомъ случаѣ росвальскій банкъ былъ принимаемъ за образецъ и его жизненное правило *самоподдержанія* было одобрено повсюду. Это не были благотворительныя учрежденія; они не зависѣли ни отъ чьей доброты, ни отъ чьего покровительства; ихъ успѣхъ вполне опирался на самихъ вкладчиковъ. Они поощряли рабочіе классы полагаться на свои собственныя силы, рассчитывать на свою экономію и предусмотрительность, воспитывать въ себѣ чувства самоуваженія и независимости; заставляли, наконецъ, ихъ самихъ обезпечивать свою старость и болѣзни, посредствомъ разсудительнаго употребленія своихъ заработковъ, вмѣсто того, чтобы рассчитывать въ подобныхъ случаяхъ на неблагодарныя подачки изъ благотворительныхъ кассъ для бѣдныхъ. Учрежденіе сберегательныхъ банковъ съ такими великими цѣлями было, наконецъ, признано, какъ предметъ національной важности; и въ 1817 году былъ изданъ актъ, который способствовалъ къ увеличенію ихъ числа и къ распространенію ихъ полезности. Съ тѣхъ поръ постоянно были принимаемы мѣры, съ цѣлью придать имъ болѣе дѣйствительности и обезпеченности. Но, —несмотря на эти мѣры и на то, что къ сберегательнымъ кассамъ во всей странѣ установилось окончательное довѣріе, —самая большая доля добра отъ нихъ до сихъ поръ простиралась только на самые бѣдныя и дешовыя рабочіе классы. Въ 1857 году, который почитается годомъ величайшаго процвѣтанія рабочихъ людей, въ соединенномъ королевствѣ въ сберегательныя кассы было внесено лишь полтора милліона фунтовъ. Это славкомъ ничтожная часть тѣхъ трехъ сотъ милліоновъ, въ которые мистеръ Брайтъ оцѣниваетъ годовую вырчку рабочаго народа. Полагають, что на увеселительныя заведенія пошло по крайней мѣрѣ въ *тридцать разъ* больше!

Солдатскій сберегательный банкъ имѣетъ, сравнительно, болѣе новое происхожденіе. Вопросъ о немъ былъ возбужденъ полковникомъ Ойлендеромъ въ 1827 году; его предложили на разрѣшеніе герцога Веллингтона, который далъ по этому поводу слѣдующую замѣчательную резолюцію: «я ничего не имѣю противъ того, чтобы солдатъ наравнѣ съ другими подданными его величества, вкладывалъ свои деньги въ сберегательныя кассы. Если къ этому есть препятствія, я долженъ устраничь ихъ. Но я не ожидаю отъ этого никакой пользы, чтобы давать этому ходъ».

Этого было мало: предложеніе — облегчить средства къ сбереженію своихъ денегъ для солдата внушило герцогу патриотическую мысль ограничить его содержаніе; и онъ приписалъ къ своей резолюціи, въ видѣ постскриптума: «развѣ у солдата остается что-нибудь отъ получаемаго имъ жалованья? Если остается, то оно должно быть понижено.» Предложеніе это ни въ комъ не нашло сочувствія, но дѣло было отложено, потомъ снова возобновлено въ 1838 году и окончательно состоялось въ 1842 г. Результатъ оказался здѣсь такой, какого не только скептической герцогъ, но и никто не ожидалъ. Для насъ трудно представить,—а между тѣмъ это совершенно вѣрно, что—англійскіе солдаты изъ своего, далеко нероскошнаго жалованья, дѣлаютъ болѣе сбереженій, чѣмъ взятыя среднимъ числомъ работники, получающіе гораздо высшую плату. Англійскій солдатъ получаетъ 1 ш. 3 п. въ день и еще 1 прибавочный пенни на пиво; однако, въ февралѣ 1860 года фонды солдатскихъ сберегательныхъ кассъ составляли 227,299 ф., не включая въ это число сбереженій индійской арміи. Чтобы имѣть понятіе о степени бережливости, здѣсь проявленной, достаточно указать на то, что 591 человекъ изъ корпуса королевскихъ инженеровъ имѣли въ банкѣ принадлежавшихъ имъ сбереженій на сумму 11,640 ф., или по 20 ф. на каждыя вкладчика. Есть полки, въ которыхъ на каждые 3 человека приходится по одному вкладчику. Это еще не все: между англійскими солдатами въ сильной степени развитъ обычай—помогать своимъ домашнимъ. Въ 1856 году во время лагерей при Альдершоттѣ такихъ вспоможеній было переслано по почтѣ 22,000 ф. Во время крымской войны солдаты англійской арміи переслали въ дома, своимъ родственникамъ, свыше 100,000 ф. Но въ этомъ отношеніи особенно отличаются полки, служащіе въ Индіи.

Ничего подобнаго нельзя сказать о бережливости работниковъ высокой платы. Странно было бы предполагать, что искусный работникъ оказывается лишоннымъ почти всякой предусмотрительности, а менѣе искусный, по большей части, обладаетъ ею въ значительной степени,—не потому, что одинъ изъ нихъ невѣжественнѣе другого; уровень ихъ понятій, вѣроятно, одинаковъ; но причина здѣсь, можетъ быть, та, что искусство и умѣнье одного—заставляютъ его видѣть въ самыхъ этихъ качествахъ свой лучшій и неизсякаемый банкъ; а не-

умѣнье другого заставляетъ его, напротивъ, не слишкомъ до-
вѣрять себѣ, а полагаться скорѣе именно на такую опору, ко-
торая бываетъ результатомъ бережливости. Отсюда чрезвычайно
частые случаи, что работники, получающіе до 15 шиллинговъ
въ недѣлю, содержатъ свои семейства лучше и пользуются
большимъ счастьемъ въ своей домашней жизни, чѣмъ работни-
ки, не уступающіе въ своихъ приобретеніяхъ людямъ свобод-
ныхъ занятій. Сравненіе класса земледѣльческихъ работниковъ
съ наиболѣе дорогими мастеровыми желѣзныхъ фабрикъ оказы-
вается далеко не въ пользу послѣднихъ, хотя эти послѣдніе,
можетъ быть, въ одинъ день иногда зарабатываютъ болѣе, чѣмъ
первые въ продолженіе цѣлой недѣли. Способные работники зна-
ютъ не хуже, чѣмъ и менѣе способные, что время труда бы-
ваетъ переменчиво, что за хорошими годами слѣдуютъ дурные,
какъ въ фараоновомъ снѣ за жирными коровами являются тощія,
но между тѣмъ какъ увѣренность въ этомъ очень внушительно
дѣйствуетъ на однихъ, она нисколько не способствуетъ къ то-
му, чтобы сдѣлать разсудительными другихъ. «Ихъ деньги,—
по ихъ собственному выраженію,—приходятъ къ нимъ въ щели,
а уходятъ въ дыры.» Мы конечно, очень далеко отъ той мысли,
чтобы всѣ недостатки соціальнаго быта англійскихъ рабочихъ
приписывать имъ самимъ; но приводимые нами факты показыва-
ютъ, что быть этотъ могъ бы быть неизмѣримо лучше, если бы
наклонности самихъ рабочихъ были болѣе сообразны съ ихъ
положеніемъ, зависящимъ отъ столькихъ случайностей. По
крайней мѣрѣ свидѣтельства о ихъ распущенности слишкомъ
достоувѣрны и слишкомъ многочисленны и всѣ они такого
свойства, что стремятся представить именно общую картину
нравовъ, господствующихъ въ классѣ дорогихъ работниковъ,
а не какіе нибудь частные случаи.

У одного изъ англійскихъ публицистовъ,* въ изданномъ имъ
описаніи рабочихъ классовъ въ Сѣндерландѣ, мы находимъ такіа
слова: «Я съ глубокимъ прискорбіемъ упоминаю, что повсюду
слышу одну и ту же сказку: невоздержность здѣсь доходитъ до
крайней степени, высокія заработки употребляются на удовле-
твореніе низкихъ наклонностей, о завтрашнемъ днѣ почти ни
у кого нѣтъ заботы, и рабочій домъ—почти обыкновенный по-
слѣдній пріютъ здѣшняго работника. Мнѣ указывали на одного

* Chambers.

человѣка, мастерового съ желѣзной фабрики, который, въ продолженіе многихъ лѣтъ, зарабатывалъ по гинеѣ въ день, и все употреблялъ на пьянство; теперь онъ сведенъ на низшую плату и получаетъ еще двѣ гинеѣ въ недѣлю.»

Въ другомъ источникѣ мы находимъ, какъ одно официальное лицо, описывая невоздержность работниковъ желѣзныхъ фабрикъ въ южномъ Стаффордшайрѣ, выражается такимъ образомъ: «невоздержность — это слабое слово; слѣдуетъ сказать распущенность; тутъ старые и молодые, женатые и холостые, почти всѣ поголовно пьяницы. Бурныя пирушки въ такъ называемую *расчетную ночь*; пьянство въ воскресенье, слѣдующее за нею; неявка на работу въ понедѣльникъ и, можетъ быть, во вторникъ; затѣмъ крайняя безпріютность ихъ домовъ въ остальные двѣ или три недѣли, предшествующія ихъ расчету съ хозяевами; ихъ дѣти, перестающіе ходить въ школу; ихъ жены и дочери, валяющіяся на голыхъ доскахъ; все ихъ имущество, поступающее въ склады; грязныя и тѣсныя улицы, въ которыхъ они живутъ; полуразвалившіеся дома, въ которыхъ они помѣщаются, — безъ водостоконъ, вентиляцій и достаточнаго снабженія водою; — таково положеніе вещей, — существующее здѣсь вмѣстѣ съ заработками, которые могли бы обезпечить не только удобство, но и процвѣтаніе, — положеніе, котораго не въ состояніи кажется, излечить никакое законодательство.»

Въ прошломъ году пѣкто мистеръ Никсонъ, изъ Маунтенъ-Аша, хозяинъ очень большого числа рабочихъ людей, при одномъ случаѣ нашолъ себя вынужденнымъ держать къ нимъ такую рѣчь: «Дурныя послѣдствія, происходящія отъ вашего пьянства, не ограничиваются одними вами; они распространяются на вашихъ жонъ и дѣтей, и въ свою очередь унижаютъ и ихъ. Вы хорошо знаете, что покуда вы здѣсь, вы имѣете работу, и очень хорошую работу; такъ ведите же себя такъ, чтобы быть повыше скотовъ. Вамъ слѣдовало бы беречь свои деньги, хоть бы для того, чтобы подъ старость имѣть надъ своею головою кровлю. Здѣсь нѣтъ ни одного изъ всѣхъ васъ, которыхъ я вижу передъ собою, кто бы, при твердой рѣшимости и разсудительности, въ немного лѣтъ не могъ обзавестись своимъ собственнымъ коттеджемъ. Кто изъ васъ рѣшится на это, тотъ оставайся у меня. Я пойду даже далѣе этого: я буду помогать

тѣмъ, которые захотятъ помочь самимъ себѣ устройствомъ собственныхъ коттеджей. Но я скажу вамъ вотъ что: я не буду терпѣть ни одного пьяницы, потому что пьяные люди—зараза для всего сосѣдства, и я буду спроваживать ихъ отъ себя. Я хочу, насколько это возможно, имѣть однихъ только трезвыхъ людей, которые найдутъ во мнѣ друга. Я не имѣю никакого возраженія противъ того, чтобы человекъ позволялъ себѣ кружку пива; но не шатайтесь по кабакамъ, не сорите тамъ своихъ денегъ, не разоряйте своихъ семействъ.»

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ одинъ изъ членовъ Британскаго Общества, въ своей запискѣ, читанной въ этомъ обществѣ, цѣнилъ годовой расходъ Соединеннаго Королевства на горячіе напитки, пиво и табакъ въ пятьдесятъ семь миліоновъ фунтовъ стерлинговъ; изъ этой суммы онъ цѣлыхъ 35,000,000 относилъ на счетъ пріобрѣтеній рабочихъ классовъ. «Можно заключать съ достовѣрностію,—говорилъ онъ,—что между работниками, пріобрѣтающими отъ 20 до 30 ш., каждый истрчиваетъ по крайней мѣрѣ третью часть своего заработка на предметы, въ которыхъ другіе члены семейства не получаютъ никакого участія. Что этого не должно быть, и что этого,—еслибы народъ имѣлъ болѣе просвѣщенныя понятія о своихъ общественныхъ обязанностяхъ,—никогда бы не было, можно заключать изъ того факта, что изъ безчисленныхъ случаевъ только немногіе выдаются, гдѣ бы такимъ образомъ поступали люди, зарабатывающіе не болѣе простыхъ ремесленниковъ, но преданные занятіямъ, для отправленія которыхъ нужно предварительное воспитаніе. Возмите даже клерка съ его 80 фунтами въ годъ, или 30 шиллингами въ недѣлю,—и это будетъ совершенно исключительный случай,—если онъ еще найдется, что бы тутъ хоть что-нибудь приближающееся къ четвертой части было истрчено на предметы, въ которыхъ не имѣли бы ни какой доли жена или дѣти.»

Это слишкомъ извѣстная истина, что чѣмъ ниже понятія людей о жизни, и чѣмъ слабѣ ихъ взгляды на свои частныя и общественныя обязанности, тѣмъ и участь зависимыхъ отъ нихъ существъ оказывается менѣ завидной; высокіе заработки тутъ въ самомъ большемъ числѣ случаевъ, виѣсть того, чтобы вышаты благосостояніе рабочихескихъ семействъ, служатъ только источникомъ деморализаціи, увеличивая средства къ полученію животныхъ удовольствій. Такимъ образомъ замѣчено, что

время особеннаго процвѣтанія для рабочаго класса, когда фабрики идутъ безостановочно и платы стоятъ высокія, очень рѣдко бывають временами, въ которыя бы особенно посѣщались школы для дѣвочекъ и мальчиковъ изъ рабочихъ классовъ, а всегда почти служатъ временами благополучія, обогащенія для продавцовъ пива и другихъ не совѣтъ высокихъ удовольствій. Траты рабочихъ людей на пьянство въ одномъ Манчестерѣ опредѣляются въ миллионъ фунтовъ въ годъ; въ Глазгоу около этой же суммы; въ Ньюкестлѣ въ 400,000 ф., въ Дѣнби въ 250,000. Наше отечественное пьянство въ сравненіи съ этимъ — монастырская трезвость и наши моралисты могли бы поменѣе заботиться на существованіе этого порока въ нашемъ народѣ. Въ Престонѣ на каждыя 28 человекъ приходится по кабаку. Въ 1859 году въ Соединенномъ Королевствѣ всѣхъ домовъ, имѣвшихъ дозволеніе продавать опьяняющіе напитки, было 152, 222.

Англійскіе моралисты, даже наиболѣе доброжелательные къ своему народу, не особенно нападаютъ на эту легкую возможность упиваться на каждомъ шагу; но они думаютъ, что если бы съ такою легкостію представлялись случаи сберегать деньги, съ какою представляется удобства расточать, ихъ, если бы двери сберегательныхъ кассъ точно такъ же открывались во всѣ часы, какъ двери кабаковъ, а не по одному разу въ недѣлю, и если бы, наконецъ, изъ нѣкоторыхъ мѣстностей для того, чтобы положить свои нѣсколько шиллинговъ, не нужно было проходить двѣ или три мили, подвергаясь на каждомъ шагу искушенію — зайти въ какое нибудь веселое заведеніе, то народная нравственность и экономія отъ этого выиграли бы очень много. Какъ на доказательство основательности такого предположенія указываютъ на то, что простые солдаты сберегаютъ такъ много денегъ именно потому, что ихъ полковыя сберегательныя кассы находятся у нихъ подъ рукою во всякое время и даютъ возможность вносить туда регулярно всякій излишекъ. Но самымъ очевиднымъ примѣромъ того, какъ много можно достигнуть однимъ увеличеніемъ и распространеніемъ удобствъ къ бережливости, служатъ, безъ сомнѣнія, такъ называемые *Коппечные Банки* (Penny Banks), установленныя для бѣднѣйшаго класса народа. Какія простыя и какія полезныя бывають учрежденія на свѣтѣ!

Первый Кошечный Банкъ былъ учрежденъ, назадъ тому около пятнадцати лѣтъ, въ Гринноккѣ, нѣкоторымъ мистеромъ Скоттомъ, какъ дополненіе къ сберегательнымъ кассамъ. Цѣлью учредителя было—помочь наибѣднѣйшимъ людямъ, которыхъ сбереженія не достигали шиллинга (minimum для сбережанія въ кассахъ), класть свои деньги въ надежное мѣсто. Въ первый же годъ въ гриннокскомъ учрежденіи пятью тысячами вкладчиковъ было помѣщено 1580 фунтовъ. Примѣръ этотъ вызвалъ многочисленныя подражанія. Тутъ на первомъ планѣ еще такъ является духовное лицо, священникъ изъ Сентъ-Джорджа, мистеръ Квеккетъ, открывшій въ своемъ приходѣ Кошечный Банкъ и достигнувшій истинно замѣчательныхъ результатовъ. Въ 1849 году въ этомъ банкѣ было 14,513 вкладовъ. Число вкладчиковъ здѣсь было ограничено двумя тысячами, но число желавшихъ сдѣлаться таковыми было такъ велико, что на каждую открывавшуюся вакансію были десятки кандидатовъ.

«Иные кладутъ изъ процентовъ;—говоритъ мистеръ Квеккетъ, рассказывая объ успѣхахъ своего банка,—другіе на одежду, или на обученіе дѣтей; вообще, маленькія цѣли сберегателей очень различны. Каждое обратное полученіе проходитъ чрезъ мои руки и даетъ мнѣ случай слышать о скорбяхъ, болѣзняхъ, или другихъ причинахъ, которыя побуждаютъ бѣднаго вкладчика въ возвращенію его маленькаго фонда; много разъ замѣченное мною при этомъ томительное желаніе оставить пенни, чтобы не кончать своего расчета съ банкомъ и не допустить такимъ образомъ другаго вкладчика занять мѣсто, служить лучшимъ доказательствомъ, что учрежденіе приноситъ существенную пользу тѣмъ, для кого оно учреждено. Оно служитъ, кромѣ того, проводникомъ къ болѣе обширнымъ сберегательнымъ кассамъ, къ которымъ и дѣйствительно многіе обращаются тотчасъ, какъ только ихъ недѣльныя сбереженія превышаютъ обыкновенную сумму. Многіе изъ тѣхъ, которые въ началѣ едва могли приносить пенни въ недѣлю, достигаютъ потомъ возможности класть какую-нибудь серебрянную монету. Тутъ на долю рабочаго не падаетъ никакихъ издержекъ, кромѣ покупки записной книжки; все для него дѣлается даромъ; самыя книжки покупаются вкладчиками здѣсь же, въ банкѣ.»

Приходскій священникъ, можетъ быть, никогда еще не ока-

знавалъ лучшаго нравственнаго вліянія на свой приходъ, чѣмъ въ этомъ случаѣ. Можетъ быть изъ тѣхъ, которымъ мистеръ Квеккетъ оказывалъ такимъ образомъ услуги, было не много постоянныхъ посѣтителей церкви, которые учились жить по его проповѣдямъ: но нѣтъ никакого сомнѣнія, что помогая своимъ прихожанамъ быть воздержными и улучшая ихъ матеріальный бытъ, онъ улучшилъ понятія многихъ изъ нихъ и во многихъ образовалъ наклонности, которыя до тѣхъ поръ были имъ чужды.

Слѣдующій за тѣмъ Копѣчный Банкъ былъ учрежденъ въ Гулѣ, въ 1849 году, подъ надзоромъ комитета такъ же нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ этого города. Цѣль учрежденія на этотъ разъ состояла въ томъ, чтобы «создать и поддерживать привычки регулярности и бережливости и устроить возможность для взносов самыхъ малыхъ денежныхъ суммъ, возвращаемыхъ по востребованію.» Въ слѣдующемъ году сильный толчокъ этому движенію сообщилъ нѣкто мистеръ Чарльзъ Сикъзъ, секретарь Годдерфильдской Банковой Компаніи, который составилъ планъ распространенія копѣчныхъ банковъ въ связи съ учрежденіемъ института для механиковъ изъ рабочаго класса. Онъ указывалъ на неправильное и расточительное употребленіе денегъ рабочими классами, какъ на величайшее практическое зло своего времени, и видѣлъ существенное противодѣйствіе привычкамъ такого рода только въ томъ, чтобы молодое поколѣніе работниковъ въ одно и то же время обучалось прочнымъ способамъ пріобрѣтать деньги и развивало въ себѣ способность распорядиться ими. «Если бы мы наполняли умы бѣдныхъ дѣтей содержаніемъ тысячи отвлеченныхъ книгъ,—говорилъ онъ,—мы не могли бы оказать имъ болѣе существенной пользы.» Столь практической совѣтъ не могъ затеряться въ такой практической странѣ, какъ отечество мистера Сикъза. По его плану одно за другимъ начали возникать учрежденія предложенныхъ имъ институтовъ и при нихъ копѣчныхъ банковъ. Теперь они въ Англіи считаются сотнями и все еще число ихъ признается сильно недостаточнымъ. Чтобы показать, какимъ образомъ можетъ возрасти вообще всякая привычка съ облегченіемъ способовъ къ ея развитію, мы можемъ указать на слѣдующее обстоятельство: въ центральномъ копѣчномъ банкѣ при механическомъ институтѣ—въ Галифаксѣ въ полугодіе 1856 года, кончающееся іюнемъ мѣ-

сидемъ, было сдѣлано 7104 вклада, а въ то же полугодіе 1859 года ихъ было сдѣлано 18,501. Средняя цифра на каждого вкладчика въ первомъ періодѣ времени была: 1 ш. 9 п.; а во второмъ 5 ш. 8 $\frac{1}{2}$ п. Вообще въ копѣчныхъ банкахъ бѣднѣйшіе классы людей увидѣли настоящую для себя биржу. Эти люди почти бы оскорбленіемъ для себя и униженіемъ ихъ бѣдности, если бы имъ прежде стали говорить о возможности сбереженія какой-нибудь части изъ ихъ скудныхъ заработковъ, а теперь копѣчные банки сдѣлались для нихъ этапомъ для перехода въ сберегательныя кассы, потому что замѣчено, что вклады въ сберегательныя кассы быстрее возрастали въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ открывались копѣчные банки.

Усердіе, съ которымъ бѣдный народъ началъ пользоваться теперь удобствнами сберегать свои небольшіе излишки служить лучшимъ доказательствомъ того, какой важный недостатокъ составляетъ для страны отсутствіе такихъ удобствъ. А усердіе бѣднѣйшихъ классовъ англійскаго народа дѣйствительно, въ этомъ случаѣ, было велико. Тутъ встрѣчаются примѣры, достойные всякаго замѣчанія. Въ Йоркѣ слишкомъ 450 вкладовъ было сдѣлано въ первый день открытія копѣчнаго банка. Одинъ нищій, въ Йоркшайрѣ, клалъ свои пенни на сбереженіе до тѣхъ поръ, пока сдѣлался въ состояніи купить себѣ пальто, другой накопилъ денегъ для покупки восьми-дневныхъ часовъ, третій для того, чтобы проѣхать по желѣзной дорогѣ, а всѣ эти пенни, безъ удобства сберегать ихъ, были бы оставлены въ ближайшемъ кабацѣ. Но главнѣйшими довѣрителями банковъ почти повсюду оказываются мальчики, которые въ дни расчета обыкновенно отправляются къ нимъ съ своихъ фабрикъ цѣлыми толпами. Покупка ящика съ инструментами, часовъ, книги—тутъ почти обыкновенная цѣль сбереженій. Но бываютъ цѣли и позначительнѣе этой. При одномъ случаѣ мальчикъ пришолъ вынуть свои 1 ф. 10 ш. По правиламъ копѣчныхъ банковъ о каждой суммѣ, превышающей 20 шиллинговъ, должна быть сдѣлана особая отмѣтка о побужденіи къ обратному полученію. Мальчикъ, знавшій о существованіи этого правила, обратился къ кассиру съ такими словами: «пишите: моя мать не имѣетъ чѣмъ заплатить ренту; я хочу заплатить за нее; и я всегда такъ буду дѣлать.» Другой мальчикъ вынималъ цѣлые 20 ф. для выкуна своего брата, который былъ записанъ въ рекруты,

и мальчуганъ объяснилъ при этомъ: «моя мать такъ объ немъ соображается, что у нея надорвется сердце, если онъ не будетъ выдаться; а я не могу перенести этого.» Такимъ образомъ эти учреждения не только отучали юный людъ отъ предосудительныхъ способовъ тратить деньги, но и представляли имъ средства дѣлать добрые и благородные поступки во времена семейныхъ невзгодъ. Но копѣчные банки имѣютъ еще одно достоинство, которое капитальнѣе этого; оно состоитъ въ томъ, что приторы мальчиковъ и дѣвочекъ нерѣдко увлекаютъ ихъ родителей. Мальчикъ каждую недѣлю отправляется вносить свои пенсы и приходитъ домой съ своей записной книжкой. Книжка служитъ ему доказательствомъ, что тамъ, въ банкѣ, есть «большая книга,» въ которой записаны его пенни, что эти пенни лежатъ не даромъ, а приносятъ 2½ процента на сто и что онъ во всякое время можетъ получить ихъ обратно. Книжка эта сама по себѣ маленькая исторія и не можетъ не занимать сестеръ и братьевъ вкладчика, точно такъ же, какъ его отца и его мать. При этомъ отцу, если онъ человѣкъ не совсѣмъ пропащій, не можетъ не представляться мысль, что если его ребенокъ почти изъ шалости дѣлаетъ такіе поступки, то на немъ, отцѣ семейства, лежитъ обязанность дѣлать несравненно болѣе. А слѣдствіемъ такого размышленія очень легко можетъ быть то, что въ ближайшій расчетный день, когда его мальчуганъ понесетъ въ копѣчный банкъ свои три пенсы, онъ пошлетъ съ нимъ свой шиллингъ. Можетъ случиться, что такое побужденіе обратится въ упорное сознаніе долга, которое, въ свою очередь, не замедлитъ оказать соотвѣтствующее вліяніе на положеніе всего семейства, гдѣ въ началѣ проявился одинъ только маленький экономъ. Мать этого эконома не замедлитъ понять все значеніе такой несложной штуки, отъ которой, однако, такъ много выигрываетъ ея хозяйство, и если у нея есть другіе будущіе экономы, то она сама, когда наступитъ ихъ очередь, возьметъ ихъ за руки и укажетъ имъ дорогу къ копѣчному банку.

И все это не одна только идиллическая картина, а уже дѣйствительная быль: все это уже на самомъ дѣлѣ случается въ англійскомъ рабочемъ классѣ, такъ что люди, не лишонные дальновидности и доброжелательные къ этому классу, полагаютъ, что онъ, можетъ быть, чрезъ одно поколѣніе будетъ находиться въ такомъ положеніи, что хотя и не вполне освободится отъ

необходимости прибѣгать къ ударамъ для улучшенія условій работы, — это ужь было бы слишкомъ много, — но что въ этотъ періодъ времени эта необходимость для него ослабѣетъ въ значительной мѣрѣ.

ФЕЛЬТОНЪ.

НЕВИННЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ НАЧИНАЮЩАГО.

*„Ernst ist das Leben, heiter ist die Kunst.“
Schiller.*

Я знаю, что вы, читатель, послѣ такого заглавія, ожидаете приличнаго вступленія, рекомендаціи, цвѣтовъ фельетоннаго краснорѣчія. Успокойтесь, ничего этого не будетъ.

Знаю, что въ порядочныхъ гостиныхъ не заговариваютъ съ особой, которой васъ не представляли, without being introduced, какъ выражаются благородные сыны Альбіона; но я, какъ видите, хочу повести съ вами бесѣду не стѣсняясь никакими обычаями, оставляя васъ въ полномъ невѣдѣніи—кто я и какое право я имѣю заговаривать съ вами...

Какое право?!.. Права никакого; но много сладкой надежды на вашу снисходительность.

Въ самомъ дѣлѣ, благодушный читатель, надо вамъ отдать справедливость, вы вѣдь очень снисходительны. Чего-чего только не настрочили до сего дня милые и преисполненные остроумія борзописцы, — все это вы прочитали отъ доски до доски. Даже послѣдніе фельетоны Черникнижникова скорѣе вызывали въ васъ жалость и сокрушеніе, нежели порывы благороднаго негодованія. Вотъ какъ вы благодушны и кротки...

А вѣдь всѣхъ этихъ господъ можно спросить точно такъ же: какое право имѣете вы заговаривать съ каждымъ читателемъ, когда васъ объ этомъ нимало не просятъ...

Не знаю, что они отвѣтятъ, но за одно поручусь, что долго-долго будутъ они улаждать ваши досуги.

И зачѣмъ намъ фельетонъ? Къ чему существуетъ этотъ пустой, скучный, пошлый отдѣлъ журналистики? Мало мы поглотили замѣтокъ Новаго Поэта, мало мы страдаемъ отъ Чернокижника, отъ Гейне изъ Тамбова, отъ разныхъ остроумцевъ, лѣтописцевъ, старшихъ и младшихъ чиновниковъ Искры, отъ всѣхъ этихъ обличительныхъ поэтовъ и праздношатающихся, и утапывателей, и постороннихъ наблюдателей, и г.г. Нѣкто и другихъ ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ переливателей изъ пустаго въ порожнее?

И вотъ еще одинъ; да еще начинающій!.. Это значитъ съ свѣжими силами и непоимѣрными претензіями, и такой господинъ ужь какъ начнетъ пустословить, такъ не замолчитъ, пока не добьется литераурнаго имени... фельетонами.

Начинающій!.. Большое утѣшеніе! Все это я влагаю въ ваши уста, благодушный читатель, и въ глубинѣ души моей сознаю, что въ этихъ словахъ заключается немалая крупница истины... Но, полно, позвольте-ли вы себѣ такіе возгласы? Или лучше, единогласны-ли будутъ они? Въ самомъ-ли дѣлѣ вамъ не нужно пустаго, скучнаго, пошлаго отдѣла журналистики, называемаго фельетономъ?

О, коварный, хотя и благодушный читатель, позвольте мнѣ въ этомъ усомниться...

Замолкли-бы всѣ борзописцы и остроумцы, исчезло бы самое слово фельетонъ со страницъ російскихъ журналовъ, если-бы вы, читатель, въ самомъ дѣлѣ пылали такимъ благороднымъ негодованіемъ къ этому пошлomu отдѣлу. Нѣтъ ничего въ мірѣ, не вызваннаго чѣмъ нибудь другимъ...

Я хоть и юноша, но моднымъ ученіямъ не слѣдую, и, основываясь на сей старомодной истинѣ, остаюсь при томъ же убѣжденіи, что безъ васъ не было бы фельетоновъ...

Но вы можете, пожалуй, извернуться и поставить вопросъ такъ: да знаете ли вы, молодой человекъ, за что вы взялись?.. И чѣмъ вы думаете наполнить свои замѣтки, когда корифеи русскаго остроумія исчерпали все содержаніе фельетонной литературы, когда на одинъ фактъ, на одно явленіе, на одинъ скандальчикъ набирается по десяти и болѣе лѣтописцевъ, юмористовъ и пѣвцовъ?.. И что вы смыслите, что вы видѣли, гдѣ бывали, что пережили?..

Вотъ что вы можете изречь, благодушный читатель, и я дол- жетъ буду завѣрять васъ въ своихъ достоинствахъ, чего я, ко- нечно, не сдѣлаю.

Я—начинающій юноша, и мнѣ позволительно ввести что-нибудь свое, дотоѣ невиданное и неслыханное... Да и не нужно на это много усилій... Сама судьба посылаетъ мнѣ благаго совѣт- ника, который приглашаетъ всю фельетонную братію взяться за умъ и, бросивъ всякую тщету, избрать новый путь...

Сей учитель, представшій съ изобличительнымъ и новымъ словомъ, высказываетъ слѣдующую истину:

«Селитра нужна для выдѣлки пороха, порохъ нуженъ для войны; а война для поддержанія мира».

Что сказать противъ этой истины? Она ясна какъ Божій день и, вооружившись ею, новый законодатель въ царствѣ фельетони- стовъ увѣщеваетъ свою братію бросить пустословіе и преподавать почтеннѣйшей публикѣ разныя химическія и техническія произ- водства, сугубо полезныя для обогащенія ума и экономического благосостоянія народа...

Г. Пановскій (ибо такъ называется новый законодатель въ цар- ствѣ фельетонистовъ) послѣ зрѣлаго размышленія о томъ, что составляетъ область фельетона, открылъ въ своихъ матерьялахъ (зри Совр. Лѣт. Русс. Вѣстн. № 37) новый путь, путь столь гладкій и безконечный, что мы не можемъ не преклониться предъ мудростью сего глубокаго изслѣдователя и учителя.

Зачѣмъ намъ остроуміе, къ чему наблюдательность и живость слога, новизна, къ чему наконецъ талантъ, когда мы, вслѣдъ за г. Пановскимъ, можемъ открыть курсъ простой и технической химіи, теоретической и прикладной механики?!.. Уничтожены Новый и другіе фельетонные повты, убитъ Черно книжниковъ, сокрушонъ Гейне изъ Тамбова, повергнуты въ прахъ всѣ праздно- шатающіеся, сторонніе и другіе наблюдатели!.. Что они знаютъ, какаѣ ихъ специальность? Они знаютъ изъ ботаники только о камеліяхъ, изъ химіи о газовыхъ фонаряхъ, изъ политической экономіи объ ресторанахъ, изъ медицинской полиціи о Минерал- нѣ и Петровскомъ воксалѣ!

А приготовленіе алюминія? Вотъ и прильпе языкъ къ горта- ни ихъ... Да, г-нъ Пановскій открываетъ новую эпоху... и не- сказано облегчаетъ мою судьбу, благодушный читатель. Теперь я могу явиться передъ вами во всеоружіи науки... Я хоть и мѣлъ, но обучался многимъ отраслямъ точнаго знанія. Я слу-

шалъ курсы не только простой, но и технической, аналитической, физиологической, фармацевтической, судебной и агрономической химии... Я могу вамъ рассказать не только о добываніи алюминія по новому способу и о фабрикаціи алмазовъ, но познакомлю васъ съ добываніемъ ни на что не годныхъ и скучнѣйшихъ химическихъ веществъ, каковы: глицеризинъ, флоризинъ, анемонилъ, берберинъ, пецеданинъ, и иныхъ... Теперь вы не скажете, что все исчерпано въ области фельетона, что нечего мнѣ соваться въ сію область, ознаменованную чудесами остроумія разноименныхъ борзописцевъ!

Я знаю, что приведу въ восторгъ самаго г-на Пановскаго, что изумлю его богатствомъ и разнообразіемъ своихъ свѣдѣній, и тѣмъ искусствомъ, съ коимъ я буду излагать вамъ оныя свѣдѣнія.

И такъ, новый нуть проложенъ; г-нъ Пановскій не вопіалъ въ пустынь; я, какъ юный, выступающій на сцену фельетонистъ, первый становлюсь подъ его знамя и открываю курсъ технической химии!..

Читатель, вы видите, я готовъ... Но меня разбираетъ раздумье, я долженъ предложить вамъ вопросъ: желаете вы глядеть со мною корку науки или нѣтъ? Скажите, положи руку на сердце... Я вижу колебаніе, я вижу недоумѣніе на лицѣ вашемъ... Нѣтъ, вы не вѣрите въ мои знанія, да это еще ничего, вы не желаете даже знать, какъ дѣлается порохъ, нужный для поддержанія мира (посредствомъ войны). Вамъ не то нужно, коварный читатель... Не мила вамъ проповѣдь г-на Пановскаго, вы способны поднять шумъ и произвести шиканье при первыхъ словахъ о приготовленіи метиль-этиль-бутиль-пропиламина, которымъ я было только-что желалъ открыть свои бесѣды!

Если такъ, не ждите отъ меня новаго слова, не упрекайте и не язвите меня, будьте кротки и увѣрьтесь, что мы обратимся все къ тому же, на что сто тысячъ фельетонистовъ потратили, по малой мѣрѣ, сто ведеръ чернилъ...

Боже, какая скука, даже я самъ начинаю зѣвать!

И еще скучнѣе то, что разъ помирившись со мной, вы потребуете, читатель, фельетона со всѣми одолженіями, съ казенными предметами вѣдомства, съ разглагольствованіемъ обо всемъ, даже о томъ, на что вы въ жизни и не взглянете!.. Право, проникнитесь лучше ученіемъ г-на Пановскаго и позвольте мнѣ стать подъ его знамя...

А то вамъ же будетъ хуже. Я самый сумазбродный изъ всѣхъ начинающихъ юношей... Въ моихъ размышленіяхъ не будетъ ни толку, ни системы, ни вездѣприсутствія, ни новостей, ни слуховъ, ни скандаловъ, ни обличеній.

И главное, никакой полноты и ни малѣйшаго порядка!

Право, лучше-бы вы мнѣ что-нибудь рассказали, а я .послушаю...

Оглянитесь кругомъ! Бросимъ наше я, смиримся предъ глубиной и знаменательностью жизни: одна капля ея поглотитъ насъ съ руками и головой; такъ лучше обратиться къ ней, не дожидаясь такого посрамленія...

Пойдемте, читатель, на перепутье, откуда бы намъ видны были всѣ углы и закоудки обширнаго русскаго государства... Смотрите. Видите что нибудь? Ничего... Мы съ вами ужасно близоруки, благодушный читатель...

А всё оттого, что не выходимъ изъ нашего петербургскаго горизонта... міръ кончается для насъ Павловскомъ и островами, въ лѣтнее время, и Невскимъ проспектомъ во всякое другое.

Но нынѣшнимъ лѣтомъ, вы, конечно, покидали Сѣверную Пальмиру и углублялись во внутрь страны... Долго, долго сидѣли вы, благодушный читатель, въ этомъ миломъ городѣ, переѣзжая только въ Лѣсной, или на Петергофскую или на Каменный или на Безбородку, не помышляя, что вы когда нибудь промѣняете эти отрадныя мѣста на какую нибудь деревушку въ какомъ нибудь солигаличскомъ или царевкокшайскомъ уѣздѣ, и однако вы поѣхали въ эту деревушку...

Привыкайте къ гражданскимъ добродѣтелямъ, многоуважаемый читатель.

А несовсѣмъ ловкое было для васъ время, эти истекшіе лѣтніе мѣсяцы...

Жизнь ужъ на то и называется жизнью, чтобъ отрезвлять насъ и доказывать намъ, на каждомъ шагу, какіе мы маленькіе а подчасъ и глупенькіе (говоря вообще, благодушный читатель).

И какъ ни возмись за эту жизнь, все не клеится. Сиди, читай, изучай экономическихъ и государственныхъ мудрецовъ отъ Гнейста и Ропера до магистра Василя Безобразова включительно, или ничего не дѣлай, перепархивай какъ мотылекъ, срывай цвѣты удовольствія, ничего не читай, кромѣ объявленій въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ — результатъ одинъ и тотъ-же:

какъ прикоснешься къ *ирразной дѣйствительности*, дѣло выхлѣдывать—дрань!

Таковъ удѣлъ современныхъ дѣятелей... и мы съ вами не мало плакали о томъ въ Царевококшайскѣ и Солигаличѣ.

И какія вздорныя вещи дѣлаются преградами непреходимыми, пропастями зіяющими...

Вѣдь чего мы не знаемъ, гіероглифы умѣемъ читать, а тригонометрію всю забыли, помнимъ только, что стояла въ физическомъ кабинетѣ какая-то штука на ножкахъ и называлась она астролябія; а больше ужъ ничего не помнимъ.

Ну, вотъ вамъ и пропасть зіяющая... Кабы вмѣсто гіероглифовъ-то умѣли мы обращаться съ астролябіей, ахъ, сколько бы мы дѣла надѣлали съ вами, высокообразованный читатель... А то вотъ мы сидимъ да тужимъ о горькой своей долѣ и отъ скуки читаемъ письма Василя Безобразова... Онъ тоже въ деревню ѣздилъ, и, должно быть, много дѣла надѣлалъ, не по нашему...

А мы изъ тригонометріи пасъ... Думали къ сосѣду обратиться... слышно изъ землемѣрнаго званія произошолъ... и семейный чловѣкъ, лишняя копѣйка не мѣшаетъ...

«Нѣтъ говорить, неприлично, чинъ такой ношу... статскій совѣтникъ я...

Мы язвимъ его въ душѣ своей; а съ астролябією-то всё-таки не умѣемъ обходиться...

Разскаываемъ «Начала» Ивана Горлова... Вотъ и онъ тоже толкуеть о машинахъ... и то и дѣло повторяеть, что нѣтъ-де образованія въ нашихъ землевладѣльцахъ:

Ужъ мы-ли не образованы? Мы локомобиль изъ за моря выписали, вестфальскихъ вѣмцовъ 12 семействъ... Чего еще больше?

А тяжело... Зачѣмъ мы учились разбирать гіероглифы.

Что стѣбитъ соха? вопрошаемъ мы...

Что стѣбитъ борона?

Мы и узнали; но намъ отъ этого легче не стало... Просты и грубы формы жизни, разсуждаемъ мы—также просты и грубы, какъ части этой сохи, которую мы не сѣумѣемъ собрать...

Взборонилось поле нашей диллетантской невозмутимой жизни и чѣмъ-то мы его засѣемъ?

И къ чему мы только пріѣзжали сюда, въ эту глушь?

Да мы-бы съ вами и не поѣхали, добрѣйшій и достойнѣйшій читатель... да маленькое такое обстоятельство есть:

Voige, manger и sortir, какъ выражается поручикъ Живновскій. Есть вѣдь экономическія истины, черезъ которыя никакъ не перескочишь...

А воображеніе рисуетъ намъ другой міръ, другія небеса...

Вотъ тамъ Штраусъ играетъ... а тутъ вотъ стоятъ коляски и кавалькады на pointe и восхищаются закатомъ солнца... а подальше еще, за моремъ, въ рулетку можно поиграть и минеральной водицы можно напиться, а еще подальше, по озерамъ да по каналамъ въ лодкахъ и гондолахъ покататься, а еще подальше—посмотрѣть на Гарибальди... а потомъ въ самую средину засѣсть, въ тотъ городъ, при имени котораго сердце каждаго россиянина млѣетъ отъ воспоминанія о прошлыхъ наслажденіяхъ или отъ предвкушенія грядущихъ...

А тутъ сиди... и проливай горькія слезы о маломъ знакомствѣ съ астралябіей... Другіе счастливыцы садятся на пароходы, наполняютъ вагоны и ѣдутъ, и ѣдутъ... и дразнить насъ будутъ потомъ, въ описаніе вдадутся, ударятся въ экстазъ. А мы будемъ бѣситься, на каждомъ словѣ увѣрять, что всё это терто и перетерто, и всѣмъ извѣстно и неизмовѣрно пошло, и въ то же время въ сердцахъ нашихъ ощутимъ жгучую зависть... непреодолимое стремленіе туда, гдѣ зеленѣютъ мирты, гдѣ вѣчно кипарисъ цвѣтеть... какъ выражается въ подобныхъ случаяхъ одинъ мой знакомый...

Ну и сидимъ мы... Проходитъ іюнь, іюль... мы только и дѣла сдѣлали, что справились о цѣнѣ сохи и бороны: собирались ходить по полямъ—не ходили, собирались писать и составлять разныя разности—ничего не составили, собирались думать—ничего не думали, и въ изступленіи сердечной тоски схватились опять за письма Василя Безобразова!...

Ну что бы Черно книжникову не войти въ наше положеніе. Вѣдь мы знаемъ, онъ тоже въ деревню уѣхалъ... Ужъ мы бы ему простили всё его прегрѣшенія, всё его невыносимѣйшіе петербургскіе фельетоны, только бы онъ насъ развлекалъ чѣмъ-нибудь, рассказалъ бы какуюнибудь деревенскую исторію въ жовіальномъ тонѣ, все бы отъ сердца отлегло немножко...

«Ну, сказали бы мы тогда, вотъ тоже порядочный человекъ, закинутый, какъ и мы бѣдные, суровой судьбой, въ то значное мѣсто, гдѣ что ни шагъ, то грязная дѣйствительность щелкаетъ

по носу!.. Вотъ и онъ испытываетъ то же самое, что и мы, но сохраняетъ юморъ, и насъ старается разсмѣшить!..

Но мы лишены этого, многострадальный читатель... Черно-книжниковъ сохраняетъ глубокое молчаніе... видно въ такое мѣсто попалъ, гдѣ подъ гнетомъ дѣйствительности пропали послѣднія крохи его грошоваго остроумія... Новый Поэтъ насъ тоже оставилъ. Онъ не тронулся изъ своего милаго Петербурга и оттуда только поддразниваетъ.

Дотянули до августа... Ба! дожди, гадость, *сезонъ* кончился! поскорѣе вонъ!..

А уборка-то?... Благодушный читатель ничего не хочетъ слушать... на него нападаетъ нервное раздраженіе!.. Онъ и такъ потерялъ *сезонъ*, онъ и такъ испыталъ униженіе отъ этой грязной, грубой, нераціональной жизни; онъ и такъ не мало сокрушался, какъ школьникъ, о забытой тригонометріи...

Ну, что жъ уборка!.. И безъ насъ уберутъ!..

A boire, manger и sortir?

Благодушный читатель машетъ только рукой!..

Вдѣмте, говорить.

Да куда же въ такое время?

Прямо въ Петербургъ...

Что вы? Да не лучше ли намъ употребить конецъ лѣтнаго сезона съ пользою, совершить экономическо-топографическое путешествіе. Оно совершенно въ духъ времени!.. Чего-же лучше? Побываемъ на Макарьевской, займемся изслѣдованіемъ вопроса о вліяніи владимірской желѣзной дороги на арморочную торговлю... А оттуда поднимемъ по Волгѣ... Взглянемъ сперва зоркимъ и обличительнымъ окомъ на пароходныя компаніи, скажемъ нѣчто о безобразіи пароходной кухни и буфетовъ, о красотахъ высокаго и низменности низкаго берега Волги; побываемъ въ Городцѣ, славномъ своими прѣниками, въ Кинешмѣ, гдѣ такое прекрасное пиво, и гдѣ, какъ гласитъ молва народная, родился юный драматургъ Николай Потѣхинъ, заглянемъ въ Кострому, откуда вышло на русскую землю столько крупныхъ и мелкихъ талантовъ, въ Ярославль, гдѣ весьма приличный бульваръ; все это мы осмотримъ и заключимъ наше описаніе букетомъ совершенно новыхъ экономическихъ, этнографическихъ, историческихъ, и другихъ воззрѣній!

Вы не желаете, нервный хотя и благодушный читатель; вамъ, всею силою души хочется попасть поскорѣе въ Сѣверную Паль-

миру, поскорѣе въ другую жизнь, подалше отъ суровой дѣйствительности.

Я знаю васъ, вы бы улетѣли и подалше, сѣли бы сейчасъ на первый пароходъ, невзирая на то, что лѣтній сезонъ кончается.

Васъ удерживаетъ одно только обстоятельство... опять поручикъ Живновскій съ своимъ афоризмомъ.

Ну, вотъ мы и пріѣхали въ милую столицу... Рекреаціи очень мало, все смотреть сентябремъ: холодно и мокро... Заглянули на Минералку, въ Павловскъ, въ Петровскій вокзалъ... все отживааетъ свои дни, все глядитъ дождливо, непривѣтно и нестерпимо скучно на свѣтъ Божій.

У меня на языкъ вертится спросить васъ, благодушный читатель, зачѣмъ вы торопились, къ какимъ благополучіямъ стремилось первое и впечатлительное существо ваше? Что можетъ быть хуже Петербурга, въ пространство времени, отъ августа до сентября?.. Ни къ чему не приткнешься, ни осень, ни лѣто, ни зима, а что-то среднее, и это среднее, въ свою очередь, что-то крайне мерзильное.

А дождь все идетъ.

Вы сердитесь на него, читатель, вы браните этотъ, самъ по себѣ невинный, дождь?

Но какая причина вашего неудовольствія?.. Я знаю ее. Вамъ противенъ этотъ дождь; онъ мѣшаетъ всему: ѣхать на пароходѣ гадко, мерзко, ни къ чему не прикоснешься, нарядная Нева смотреть плаксиво, банально; у Излера три человѣка съ половинной, по саду ходить нельзя, ни фейерверковъ, ни шныряющихъ камелій; нѣтъ ни букетовъ, ни юныхъ свѣже-испеченныхъ офицеровъ, никакихъ скандаловъ, никакой рекреаціи для ума и сердца,

Въ Павловскѣ то же самое; на роіпте нечего и показываться; солнце перестало являться на ординарцы предъ фешенебельнымъ петербургскомъ *мондомъ*... Даже Крестовскій не дѣйствуетъ... хотя неприлично порядочному человѣку показываться въ это заведеніе; но отъ скуки и туда бы отправились вы, благодушный читатель.

И неужели этотъ ненавистный дождь не наводитъ васъ на другія размышленія, на преисполняетъ души вашей другими грустными соображеніями, страхомъ и сѣтованіемъ, не рисуетъ предъ вами картины, отъ которой способно сжаться сердце, вслѣдующее афоризмъ поручика Живновскаго...

С. Стоитъ поле... поле это покрыто копнами... Стоять эти копны, и вбирають въ себя тотъ самый дождь, который мѣшаетъ вамъ ѣхать къ Излеру... Вбирають они этотъ дождь день, два, три, недѣлю, другую, а дождь все сильнѣе и сильнѣе.... небо все грязнѣе и пасмурнѣе...

Что дѣлается съ копнами?.. Какъ реагируютъ снопы ржаного и ярового хлѣба противъ несносного и мѣшающаго намъ веселится, небеснаго явленія?..

Они начинаютъ новый періодъ растительной жизни, въ нихъ происходитъ новый химическій процессъ, и, если желаете, благодушный читатель, я, слѣдуя внушеніямъ г. Пановскаго, расскажу вамъ, какой именно химическій процессъ происходитъ въ нихъ... Но увѣ! вы не любите химію... и напрасно не любите... Вы бы знали, какіе результаты вытекають изъ того химическаго состоянія, въ которомъ находятся снопы ржаного и ярового хлѣба подъ вліяніемъ этого противнаго дождя.

Да я вамъ, пожалуй, и безъ химіи объясню въ чемъ дѣло...

Хлѣбъ гніеть, скучающій читатель, просто себѣ гніеть и получаетъ такіа свойства, которыя помѣшаютъ намъ, существамъ высшаго порядка, вкушать его... Посмотрите-ка вы на эти копны... они начинаютъ жить новою жизнью, они проростають...

«Ну и пускай ихъ», говорите вы и думаете: «а есть же вѣдь счастливыцы.... красотами природы восхищаются.... объѣдаются плодами... въ Андалузію какую-нибудь заберутся, и впивають въ себя ароматы испанскихъ ночей...»

И мечетесь вы въ тоскѣ, и не знаете, что съ собой сдѣлать; а о новомъ періодѣ растительной жизни вашихъ сноповъ и слышать не хотите...

... Вотъ пришолъ сентябрь... Что я вижу на лицѣ вашемъ? Вы мрачнѣе и угрюмѣе самой мрачной октябрьской ночи... А! вы получили посланіе съ нѣкоторыми цифрами... вы прочли наивный рассказъ о томъ, что я силілся изобразить вамъ научно и художественно.

«Хоша, — прочли вы, — ужинъ былъ, благодареніе Богу, но отъ сильныхъ дождей, какъ есть все совершенно и аржаной, и яровой все сгнивши...

А тамъ слѣдуетъ цифра... а что за симъ слѣдуетъ въ сердцѣ вашемъ, про то я не знаю... Боюсь только, чтобъ вы не накинудись на меня и не закричали:

«Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, зубоскалите?... Что вы тутъ

смѣшнаго находите?.. Вы, милостивый государь, надъ несчастіемъ ближняго издѣваетесь?.. Вы не сочувствуете тому, надъ чѣмъ бы вы должны проливать обильныя слезы!.. Вы смѣетесь тогда, когда я начинаю плакать!... Это безп्राветно, это!..»

И Богъ-знаетъ, чѣмъ вы можете кончить свои возгласы, уважаемый и кроткій читатель...

Но вы уклонитесь отъ истины... Какъ же мнѣ смѣяться надъ вами, когда у меня у самого на 24 хъ десятинахъ произошелъ такой же химическій процессъ, какъ и на вашихъ...

Такъ не покинуть ли намъ на время Сѣверной Пальмиры... Можетъ и соберемъ что-нибудь для удовлетворенія тѣхъ потребностей, о которыхъ говорить обманутый поручикъ?...

Не хотите?... Что же мнѣ съ вами дѣлать?.. Расхаживать по петербургскимъ улицамъ да квартиру вамъ подыскивать... Нынче, говорятъ, цѣны поспадутъ, много петербургскихъ жителей засѣли на зиму въ различныхъ уголкахъ пространнаго русскаго государства, гдѣ у нихъ, по крайней мѣрѣ, квартира готова... Ну, а мы съ вами остаемся, намъ никакъ нельзя,—безъ насъ немислимъ зимній сезонъ. Какъ ни мрачны образы жизни, какъ ни печальны будутъ дальнѣйшія посланія съ цифрами, мы выдержимъ характеръ, мы проживемъ зиму въ столицѣ...

Но неужели предстоящій сезонъ не наводитъ на васъ думы, глубокомысленный читатель?.. Я знаю, вы размышляете на тему, что есть такія экономическія истины, черезъ которыя никакъ не перескочимъ...

Я вамъ подсказалъ эту аксіому, каюсъ, я возмущилъ вамъ покой, я вамъ рисовалъ мрачныя картины и наводилъ васъ на тяжелые жизненные вопросы.

Мнѣ нужно заглядить какъ-нибудь свою вину, запячь васъ, вразвлекъ...

Ну, пойдемте смотрѣть квартиры и покупать дрова, а тѣмъ временемъ я потолкую съ вами...

Итакъ, читатель, вы недовольны жизнью?

Что читатель, довольны вы жизнью? Нѣтъ? Вы не любите этого грубаго дѣла, вамъ противны сырые матеріалы дѣйствительности, вамъ хочется поскорѣе въ галантерейную лавку, гдѣ все является въ новомъ переработанномъ видѣ, на услаждение пяти чувствъ, гдѣ изъ простой грубой мѣди вылиты бронзовые шандалы во вкусъ госсосо, а изъ вонючей гутаперчи презатѣйливныя

фигурки, подставляющія вамъ носъ и другія части для помятія... Словомъ, вы желаете устремиться въ область искусства. Ахъ читатель, еслибъ еще вы были поборникъ всѣми оплеваннаго и заупрежденнаго *чистою искусству*, у васъ бы еще отлегло немножко отъ сердца... вы бы забыли лютую скорбь жизни надъ изліаніемъ поэтической души одного изъ современныхъ пѣснопѣвцевъ... Я указалъ бы вамъ, напр., на неумолимое Время, неумолимое потому, что несмотря на тяжкія страданія своихъ подписчиковъ, оно кормитъ ихъ до сего дня всѣмъ, что только Платонъ Кусковъ производитъ на свѣтъ Божій... Да, я васъ отправилъ бы къ этому пѣснопѣвцу, существующему внѣ времени и пространства... А мало Кускова, прикинулъ бы Всеволода Крестовскаго; а мало, воззвалъ бы къ тѣнямъ Случевского и Апухтина и воскресилъ бы имъ фиміамъ, да воспоютъ они пѣснь, сладчайшую меда, только — чтобъ успокоить васъ, читатель.

Но, я знаю какого вы сорта баринъ. Вы желаете, чтобъ у васъ въ искусствѣ-то, какъ въ зеркалѣ отражалась жизнь; подавай вамъ истины, прежде всего истины, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ художественное воспроизведеніе было, сила творчества, свободная концепція... знаю я васъ...

Мало-ли бы чего хотѣлось, читатель... Уконтентовать васъ я не берусь... Такое искусство, какъ вы желаете и есть пожалуй; да придется-ли оно вамъ по вкусу?.. Посмотрите-ка вы на эти разноцвѣтныя тетради, на эти *volūminöse Hefte*, какъ ихъ называлъ какой-то нѣмецъ (и совсемъ не глупо), на російскіе журналы начиная съ зарожденія сего 1861 года, до текущаго мѣсяца включительно... Да что я васъ приглашаю, вы лучше меня съ ними знакомы и по пальцамъ сосчитаете всѣ, что явилось *капитальною*. Сколько однихъ романовъ? спрашиваю я васъ.

Вы начинаете считать: одинъ, два, три, чет.,. *Basta!* кричу я по-Ристоріевски, довольно и трехъ! Нѣтъ съ, позвольте! кричите вы, всѣ они въ самомъдѣлишныя романы, а не игрушечныя, такъ зачѣмъ же ихъ обижать... Да и какого же порядка держаться послѣ этого, продолжаете вы кричать... Если начать со старыхъ литераторовъ вы новымъ не дадите ходу, вы г-на Потанина похерите, того Потанина, который началъ именно затѣмъ, чтобъ никогда не кончить...

Но съ кого бы мы не начинали читатель, мы далеко не уйдѣмъ, потому что всѣ эти многочастныя романы къ нашему дѣ-

лу нейдуть... Они, можетъ быть, и отражаютъ жизнь, да намъ отъ этого не станеть отраднѣе. Та жизнь, что въ сихъ романахъ отражается—сама по себѣ, а текущая—сама по себѣ; а если не такъ, если дѣйствительно въ г. Потанинѣ и иныхъ достигли мы до самосозерцанія, то зачѣмъ-же тогда вы порывались въ область искусства? Не знаю. Развѣ для испытія чаша одуряющей скуки, или для присѣванія суррогата знаменитому въ врачебной наукѣ *pulvis Doweri*.

Нѣтъ ужъ лучше бы намъ заняться кеглями...

Что вы сквернословите, закричалъ опять возмущенный читатель, къ чему эти фаре?... что за неуваженіе къ читателю, къ литературѣ, въ общественному мнѣнію?.. Какъ вы смѣете клеймить безъ разбора цѣлую дюжину серьезныхъ произведеній, какъ вы смѣете смѣяться надъ тѣмъ, чего вы и не прочли даже?

Виновать, до женской исторіи Юліи Жадовской и не дотроговался, подсказываю я.

Вотъ видите-ли, продолжаетъ разъяренный читатель... вы не прочли самаго поэтическаго произведенія... Да этого мало, вы забыли долгъ рыцарства въ отношеніи прекраснаго пола, вы забыли присутствіе женскихъ талантовъ, открытыхъ и синонимныхъ въ романной литературѣ текущаго года. Да этого мало, кричитъ неистовый читатель доходя, до *ut diez'a* съ легкостью, невозможною и для Тамберлика (особливо въ нынѣшнемъ сезонѣ, какъ слышно), этого мало, какъ вы смѣете заѣзжать туда, куда вы не должны показываться? Кто вы такой? Вы—фельетонистъ! Вы чадо тревоги и случая; ваша область — день, часъ, минута, скандалъ, слухъ, сплетня; а не искусство, не обзорнія, не художественная критика!... Ваше дѣло — настоящие интересы, биеіе пульса ежедневной жизни, журналистика, полемика!..

А! вы договорились, мой благодушный читатель! Вы меня отсылаете къ журнальному міру, принимая сей міръ въ бранномъ смыслѣ. Вы желаете, чтобъ я, въ услуду вамъ, сорвался съ цѣли, и ну на всѣхъ огрызаться, или по меньшей мѣрѣ разсказалъ бы въ подробности, какія происходили баталіи, и сколько было пролито жолчи и чернилъ, и кто одержалъ викторію.

Знаете что, читатель. Всмотритесь-ка вы хорошенько въ тотъ міръ, куда вы меня изволили загнать такъ громогласно... Не въ немъ ли заключается настоящая художественная жизнь, не въ немъ ли жизнь приняла литературныя формы и выплы-

ваетъ на свѣтъ Божей въ этомъ *воспроизведеніи*, подѣ влияніемъ пасущныхъ потребностей?.. Улыбается вамъ эта мысль или нѣтъ? Ужь за одно вамъ ручаюсь, что въ томъ бранномъ царствѣ, куда вы меня вогнали, немножко повеселѣе, чѣмъ въ царствѣ г. Потанина

Да что вы все аллегоріями выражаетесь.. вы намъ расскажите въ чемъ дѣло и кто кого подкузьмилъ..... Извольте, читатель.

Живали вы когда нибудь съ нѣмецкими буршами? Народъ очень милый, любить выпить; а когда занимается вливаніемъ въ себя пива, то сопровождаетъ эту операцію пѣснопѣніемъ.

Больше все гимны Бахусу; но есть у нихъ пѣсенка такого разнообразнаго содержанія:

Droben auf dem Berge

Ein, zwei, drei.

Sitzen kleine Zwerge

Ein, zwei, drei.

Ein, zwei,

Ein, zwei,

Ein, zwei, drei.

Ein, zwei,

Ein, zwei,

Ein, zwei, drei.

И потомъ опять:

Droben auf dem Berge,

Bier, fünf, sechs.

Sitzen kleine Zwerge

Bier, fünf, sechs.

Bier, fünf,

Bier, fünf,

Bier, fünf, sechs.

И такимъ манеромъ, пока пива хватитъ..

По моему, въ этой пѣсенкѣ вся суть нашего полемическаго препиранія.. Матеріала много — всѣхъ чиселъ въ вѣкъ не пересчитаешь; а начинать куплетъ можно каждый разъ на новый ладъ.. и нѣтъ конца сему словопренію...

Помилуйте, кричитъ опять неугомонный читатель, что вы тутъ толкуете!.. Неужели такая борьба можетъ быть безплодна, неужели состязаніе такихъ литературныхъ тузовъ, каковы му-

дрецы Русскаго Вѣстника и мудрецъ Современника, мудрецы Отечественныхъ Записокъ и опять тотъ же мудрецъ Современника, не отразится благотворно на движеніи русской мысли? Вѣдь будетъ же это имѣть какой нибудь результатъ? — пристаегъ ко мнѣ читатель..

Да какъ не быть, попокутъ, попокутъ, да коли корзинокъ десять пива въ десятеромъ вытянуть, такъ очутятся подь столомъ; а на другой день опять затянуть:

Droben auf dem Berge

Ein, zwei, drei,

Sitzen kleine Zwerge

Ein, zwei, drei.

Да вы замѣните оба стиха, составляющіе фонъ пѣсни — двумя самыми энергическими фразами текущаго журнальнаго борзописанія; а вмѣсто ein zwei, drei и т. д. подставляйте по порядку всѣхъ біющихъ и избаваемыхъ на аренѣ російской науки и словесности: № 1 Чернышевскій, № 2 Дудышкинъ, № 3 Аскоченскій, № 4 Платонъ Кусковъ (вотъ уже, можно сказать, гибнетъ за чистое искусство), № 5 Камень Виногородъ, № 6 Воскобойниковъ или тамъ кто другой, все равно, ну вотъ вамъ и полемическое царство! Полгода былъ отдѣлъ: *Безобразный поступокъ Вѣлка*, а полгода будутъ *Полемическія красоты*.. Ай проговорился! А! кричитъ обрадованный читатель, наконецъ то вы добрались до живаго мѣста! Да, милостивый государь, вмѣсто того, чтобъ разводить намъ разводы, да наставленія читать, вы должны были прямо приступить къ дѣлу отчетомъ о тѣхъ Полемическихъ красотахъ, слава коихъ облетѣла уже пространство земли отъ моря Нѣмецкаго до моря Хвалынскаго.. Сейчасъ, извольте рассказывать; живо, ваше мнѣніе, на чью сторону вы становитесь, чье знамя осѣняетъ васъ, вѣруете-ли вы въ Чернышевскаго, или въ Русскій Вѣстникъ, или въ г. Албертини, или вы ни въ кого не вѣруете, а только зубскалите?!..

Что же мнѣ остается дѣлать?.. Я избираю путь потрясенія нервовъ, и изображая на лицѣ своемъ страданія духа, начинаю, съ соблюденіемъ драматической икоты, монологъ Вильгельма Теля:

Ich lebte still und harmlos,
Mein Geschos war auf des Waldes Thiere nur gerichtet,
Meine Gedanken waren rein von Mord...

Да—и! и это Да будет относиться къ читателю. Я вылью въ немъ всѣ упреки моего неиспорченнаго литературнаго сердца, я выражу въ немъ то, какъ читатель влечетъ меня изъ міра спокойнаго созерцанія въ пучину словонизступленія, въ хлябь злобы и коварства, въ царство мрака, надъ которымъ надо написать избитый до невозможности стихъ Данта :

Lasciate ogni speranza voi chu'entrate.

А если это не поможетъ, я постараюсь доказать положительную мою неспособность по части полемической...

Да вотъ, чего лучше...

Читатель, судьба свела меня съ г.-жой Толмачевой.

«Не можетъ быть?»

Честію васъ завѣряю; но больше вы отъ меня ничего не получите.

Убѣдитесь вы въ моей полемической неспособности.

Будь другой на моемъ мѣстѣ, да онъ бы вамъ Шехеразату изъ себя изобразилъ, по поводу встрѣчи съ г.-жой Толмачевой!.. Будь я борзописецъ, да я бы вамъ расписалъ все до самаго-лѣйшихъ тонкостей; какъ мы встрѣтились, и что я ей сказалъ, и что она мнѣ сказала, и какъ я ей далъ тонко замѣтить, что мнѣ—де не безызвѣстно ея имя, и какъ она мнѣ также тонко дала замѣтить, что и для нея не тайно мое любопытство.. За симъ послѣдовало бы описаніе свойствъ ума и сердца г-жи Толмачевой и длинныя разсужденія о томъ въ какой степени считать поступокъ Камня Виногорова безобразнымъ... Все бы это заключилось подробностями о томъ: какія мы разговоры вели о глетворномъ и бранномъ направленіи петербургской литературы, о мракѣ невѣжества въ странахъ персикскихъ, югорскихъ и обдорскихъ, о потребности освѣжиться за моремъ отъ всѣхъ этихъ дразговъ... А рамкой служило-бы художественно-статистическое описаніе береговъ Волги и пароходныхъ компаній, причемъ пущена была бы изобличительная струйка, особенно по поводу сидѣнія на мели парохода Нимфы и судоходной карты, изданной обществомъ Самолетъ, въ которой городъ Молога значится на рѣкѣ Чагодошѣ... Мало этого, приведены были-бы факты возростающей силы гласности, ибо де и кочегары на пароходѣ знаютъ кто такое г-жа Толмачева и Камень Виногоръ, и восходя отъ онаго пункта, я снова перешолъ бы къ безобразному поступку Вѣка, перебралъ бы всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу; воздадь-бы я данъ приэзни благород-

тому и юному Времени за его статью по этому вопросу, и тут же, придравшись къ случаю провозогласилъ-бы, что только въ этомъ юномъ и благородномъ журналѣ и возродилась истинная критика, и что-де эта критика мнѣ очень нравится, несмотря на то, что одинъ мой знакомый уподобляетъ ее раскольничьимъ молитвамъ:

Видите, читатель, все-бы это излилъ предъ вами маломальски сносный борзописецъ; онъ сдѣлалъ-бы это на первой же страницѣ и растянулъ бы на три печатныхъ листа; а я хоть-бы словомъ, хоть-бы единымъ звукомъ заявилъ о находящихся въ тайникахъ моего остроумія богатствахъ, о знаменительномъ фактѣ, изъ котораго, какъ изъ яицъ Леды, можно было возродить цѣлый міръ не только полемическихъ, но и всякихъ красотъ..

Мало вамъ этого читатель? отпускаете вы меня на вольной воздухъ. Нѣтъ? Такъ позвольте уже вамъ на прямикъ сказать, что я не читалъ этихъ Полемическихъ красотъ...

Ничего не значитъ! Мало-ли у насъ пишутъ и говорятъ о томъ, чего и не думали читать; всѣ наши мудрецы и арistarхи подаютъ тому живѣйшій примѣръ.

На то вы и фельетонистъ, чтобъ мѣшать быть съ небылицей; но говорите намъ новыя, свѣжія, забирабельныя вещи, а прежде всего о Чернышевскомъ!. Ни шагу безъ Чернышевскаго!

Ужъ этотъ мнѣ Чернышевскій!. Вѣдь не народись Вольтеръ, не было-бы французской революціи.. всѣ хорошіе люди того мнѣнія.. Вотъ и Чернышевскій тоже. Не народись онъ.. Полемическихъ-бы красотъ не было; уже это какъ дважды два четыре, что не было-бы; ругаться-бы ругались; «а то вѣдь до безчувствія» какъ выражается Расплюевъ. Революція! хуже, разрушеніе Ниневіи, Вавилонское плѣвленіе! Ужъ на что мы радовались взирая на несокрушимую твердыню Русскаго Вѣстника, на могучій акрополисъ исторической и всякой науки, воздвигнутый мудрыми какъ зміи издателями От. Записокъ. Все рухнуло! Катковъ и К° повергнуты во прахъ! Дудышкинъ палъ, Албертини палъ, Бу...да Буслаевъ палъ!.. И все это я по слухамъ говорю; а ну какъ самъ прочту Красоты, что тогда я ощущу въ сердцѣ своемъ?

Нѣтъ, читатель, пустите меня на вольный воздухъ... Чего вамъ нужно: жолчи? у меня ея нѣтъ, смѣха? мнѣ право не

смѣшно, а скорѣе жалостно.. свиста? Онъ вотъ, слышно, опять вернулся изъ заграницы; натѣшитесь въ осенніе вечера, тамъ же найдете его, гдѣ красуются и, вѣрно, долго еще будутъ красоваться букеты, собираемые вашимъ неизбѣжнымъ Чернышевскимъ...

И этимъ вы не трогаетесь? Ну, такъ позвольте ужъ мнѣ, отложивъ всякое благоприличіе и достоюльную журнальную важность предаться непосредственнымъ изліяніямъ...

Во первыхъ, я вамъ доложу, что я ужасно боюсь этого Чернышевскаго... Человѣкъ я маленькій, начинающій; маленькаго человѣка всякій обидитъ; а Чернышевскій, въ нѣкоторомъ родѣ Титъ Титычъ Брусковъ. Онъ можетъ спросить у русской словесности: кто я? И русская словесность, подобно Улитѣ Никитинѣ, отвѣтитъ: Китъ Китычъ Брусковъ «Кто меня можетъ обидѣть? Вы сами барашка, Китъ Китычъ, первые всякаго обидите». Ужъ до того дойдетъ, вѣрьте мнѣ! Страхъ у меня самый непосредственный; малодушество какое-то, въ родѣ того, что на школьномъ языкѣ называется *febris examinalis*. Познай жестокорердый читатель (не могу не перемѣнить мѣстоимствія вы на *ты*) познай, что я пикогда не зрѣлъ сего могучаго Тамерлана російской журналистики... Посему и страхъ мой непмѣетъ предѣловъ... Гдѣ нѣтъ осязательныхъ фактовъ, тамъ воображеніе распаляется, гдѣ нѣтъ достовѣрности, тамъ гадательная фантазмагорія... Вотъ и я въ такомъ же положеніи... Ты меня заставилъ изливаться на счетъ всесокрушающаго Чернышевскаго; и я поневолѣ долженъ излить предъ тобой все то, что выработало мое воображеніе подъ вліяніемъ папическаго страха, навѣваемаго на меня кровожаднымъ образомъ сего журнальнаго Чингисъ-Хана... Скажу тебѣ, что я воображаю Чернышевскаго чѣмъ то сокровеннымъ, гнѣздящимся въ преисподней земли, выковывающимъ тамъ свои громоносныя стрѣлы... Я воображаю себѣ, что—тотъ самый змѣй Тугаринъ, который сидѣлъ въ сказочной пещерѣ и противъ коего не мало русскихъ богатырей выходили ратовать. А чѣмъ кончалось? Онъ вспарывалъ имъ груди бѣлыя; а самъ продолжалъ неистовствовать.

Не правда ли, жестокій читатель, дикая фантазія?.. Но я-ли виновать, разсудите вы по человѣчеству. Вѣдь я юноша, вѣдь я зеленѣйшая вѣтвь въ вертоградѣ російской словесности, я мелкаго чина человѣкъ, я долженъ слушать, что литературные *набольшіе* говорятъ. А *набольшіе* въ одинъ голосъ кричатъ: караулъ! рѣ-

жуть! Разрушаются основы! Торжествуетъ анархія! Владычествуетъ сквернословіе! Вотъ что слышится со всѣхъ сторонъ. И кто же виновникъ? Онъ онъ... все *онъ!*

Такъ какъ же мнѣ было не поддаться впечатлѣнію сего погрома, какъ воображенію моему не разыгратъ и не облечь Чернышевскаго въ мрачно-сказочныя формы. Ну, помогите мнѣ, читатель, расскажите что нибудь про эту литературную знаменитость, столь дорогую вашему сердцу... Ну, что онъ, какъ и всѣ люди ѣсть, пѣть, спать, въ ералашъ играетъ, страдаетъ, какъ и всѣ мы, грѣшныя, отъ погоды, отъ мозолей, отъ зубной боли, отъ клоповъ, отъ стихотвореній Платона Кускова, или онъ выше всякихъ страданій и не нуждается ни въ пищѣ, ни въ пѣть, ни въ ералашъ; и сидитъ въ своей сокровенной лабораторіи, и раздуваетъ мѣха озлобленія... составляетъ ядовитыя свадобья и все пишеть, все пишеть?

Скажите же что нибудь; а то я опять начну дѣлать упо-
любленія...

Знаете на чемъ я останавлиюсь? Я останавливаюсь на мысли, что Чернышевскій не кто иное, какъ Фаустъ... да не нашего времени; а настоящій Фаустъ, который во всѣ времена былъ одинъ и тотъ же...

Представьте вы себѣ картину... Кабинетъ въ новѣйшемъ вкусѣ; но съ какимъ-то демоическимъ оттѣнкомъ... На стѣнахъ литераторы Мюнстеровскаго издѣлія; но и они смотрятъ средне-вѣковыми алхимиками... Столъ усыянъ обломками Отечественныхъ Записокъ и Русскаго Вѣстника. По бокамъ два скелета... они какъ будто напоминаютъ двухъ смертныхъ изъ литературной братіи, погибшихъ подъ ножомъ Чернышевскаго... Наверху, на полкахъ, банки со спиртными препаратами. Эго цѣлый рядъ жертвъ, всѣ начиная со Стенана Шевырса до Ивана Горлова включительно...

Въ готическихъ креслахъ сидитъ нашъ Фаустъ и говорить токъ въ токъ такой же монологъ, какъ у Гете...

— Чего я не знаю? И эстетику, и въ словесныхъ наукахъ искусна и въ Фейербахъ и въ Миллѣ... Магистръ, чуть-чуть что не докторъ... и т. д.

Но всего этого мало Фаусту... Онъ пресыщенъ знаніемъ и уязвленъ тщетой его... Въ тревогѣ онъ открываетъ большую тетрадь и видитъ изображеніе: пикника г. Лебедева, Фаустъ

отворичивается отъ сего изображенія, беретъ другой фоліантъ, открываетъ и видитъ изображеніе «погибшихъ; но милыхъ созданій,» того же г. Лебедева... Фаустъ говоритъ: «ужасный видъ» и «хочетъ съ горя испить яду, который у него былъ приготовленъ на всякій случай (вѣроятно для № 3 Полемиическихъ красотъ); но въ эту минуту раздаются звуки... Что это за гимнъ? Фаустъ отводитъ чашу съ ядомъ, отъ устъ своихъ и слышитъ:

Folichons et folichonettes
Dansons et folichonons!

И тутъ же впроразаетъ Мефистофель въ видѣ Ивана Панаева подпрыгивая на одной ножкѣ и напѣвая:

Amusez vous,
Tremoussez vous,
Amusez vous bien.

— Ну, что тутъ корпншь? обращаетъ онъ свою рѣчь къ Фаусту... Полно морочить публику-то... Вѣдь тебѣ чай эта вся ученая мудрость надоѣла хуже горькой полыни?

— Претить, отвѣчаетъ Фаустъ съ поникшей головой...

— Вѣдь довольно коптѣль надъ переводами?

— О—охъ, отвѣчаетъ Фаустъ.

— Довольно упился славой... Мало тебѣ Гизо и Буслаева, чего еще хочешь?..

— Ну ихъ... отвѣчаетъ Фаустъ.

— Чего же тебѣ хочется?

— Охъ, ужь самъ не знаю чего... хнычетъ Фаустъ, поглядывая и на фіалъ съ ядомъ и на Погибшихъ созданій г. Лебедева...

— Вотъ до какого безобразія дошолъ—кричитъ Мефистофель,— Гелертеръ ты кровожадный!! Видишь ли, что вся твоя наука, гроша мѣднаго не стоитъ... Какъ ты живь, чѣмъ ты питаешься, на что тратилъ силы?.. Вонъ, не бось, въ альбомы Лебедева заглядываешь, несчастный; въ мою область заѣзжаешь? Небось, жизни запросилъ, наслажденій желаешь?

— Жажду, коли на то пошло, вскрикиваетъ Фаустъ, и однимъ взмахомъ разбиваетъ всѣ банки съ препаратами. спиртъ льется Мефистофель его зажигаетъ, и окруженный пламенемъ произноситъ:

— Вотъ такъ... Ты мой!.. Я тебя окуну въ пучину наслажденій: я тебѣ покажу самый отборный букетъ камелій, я съ тобой проникну всюду, гдѣ только я шлялся въ моихъ За-

мѣткою, я тебя: да что тутъ расписывать, клянись, что ты мнѣ предашь душу и отрекаешься отъ науки и полемики!

— Клянусь и отрекаюсь кричать Фаустъ, задыхаясь отъ жара.

— Летимъ взвизгиваетъ Мефистофель, и съ адскимъ хохотомъ потрясаетъ козлиной бородкой.

Полетѣли!...

И тутъ начинается вторая часть походовъ... да не такихъ, какія изобразилъ олимпіецъ Гете; а почище, во вкусъ Марловскаго Фауста, того самаго Христофора Марло, который писалъ до Шекспира; всю жизнь пилъ горькую и покончилъ бурное бытіе свое въ кабацѣ, подравшись изъ за прекраснаго пола съ джентльменомъ здороваго тѣлосложенія, каковой джентльменъ и всадилъ въ него нежъ по рукоятку...

У Марло Фаустъ чуть-чуть что не тычетъ въ зубы владѣтельныхъ особъ и панъ; а что дѣлаетъ нашъ Фаустъ съ жовіальнымъ Мефистоделемъ?.. Скажу вамъ только, что они летятъ прямо въ Петровскій воксалъ, становятся *vis-a-vis* въ кадрили и начинаютъ катать:

Folichons et folichonetes

Dansons et folichonos.

Дальше ни шагу: опускаю завѣсу и, обращаясь къ вамъ назойливый читатель, кричу: Довольны вы мной? Довольны вы тѣмъ, что довели меня до изступленной игры воображенія? Порадуйтесь, это ваше дѣло!.. Я погубилъ для васъ Чернышевскаго. Онъ бросилъ науку и искусство ругаться... онъ въ когтяхъ Мефистоделя... онъ на вѣки опустился въ тотъ міръ, куда столько лѣтъ приглашалъ насъ жовіальный Иванъ Панаевъ!

Я выбился изъ силъ! Будетъ... Ни слова больше... Я кончаю...

Какъ же можно, вопіетъ читатель, хватая меня за фалды; да что же вы сказали? А искусства—то? Вѣдь у насъ сезонъ открылся, вѣдь, я думаю, ваше дѣло рыскать по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ что-либо выставляется, представляется или составляется?..

— Желаете театральныхъ новостей?

— Ну, да.

Позвольте, читатель. Помните вы ту статью Бѣлинскаго, которая начинается вдохновенными словами «Театръ! театр!...» Если вы ее хоть разъ прочли, такъ вѣрно ужъ не забыли... Ну, а когда вы читали, то, позвольте узнать, какія мысли прихо-

дали вамъ, или лучше, какое настроеніе навѣло на васъ это горячее вступленіе? Не чувствовали ль вы что тутъ что-то не то, съ чѣмъ вы обыкновенно входите и выходите изъ театральнаго зала разныхъ наименованій. Краснѣли вы или не краснѣли когда вамъ приходили на память слова Бѣлинскаго, и вы озирались вокругъ себя, заглядывали въ то же время и въ себя самихъ...

Пожалуй, не отвѣчайте на мои вопросы, коли вамъ тяжело; но и на меня не пеняйте, коли мои слова придутся вамъ не по вкусу...

Я вѣдь странный, сумасбродный юноша... У меня дикія не современныя желанія... Мнѣ бы хотѣлось сидѣть гдѣ нибудь въ партерѣ Блякъ-Фрайера или Глоба среди шумной толпы, которая тутъ же, въ театральной залѣ, подъ открытымъ небомъ, пьетъ, ѣстъ, играетъ въ кости, шахматы и карты, кричитъ, смѣется и при случаѣ бросаетъ въ актеровъ гнилыми яблоками, мало того, возсѣдаетъ на самой сценѣ, въ двухъ шагахъ отъ мѣста дѣйствія, такъ, что нельзя отличить кто актеры, кто зрители.

Все это было въ то время, когда комедіантъ Шекспиръ приглашалъ публику смотрѣть на свои ужимки, и въ первобытной простотѣ и наивности, заранѣе говорить ей:

All in that history is true.

Все это было тогда, когда Филиппъ Сидней защищалъ творческое искусство слѣдующими доводами:

«Выходятъ три женщины и собираютъ цвѣты, мы должны считать сцену садомъ. Вдругъ слышимъ мы о кораблекрушеніи на томъ же самомъ мѣстѣ, если мы не примемъ сцены за утесъ въ морѣ, — мы *достойны пошлаго осужденія*. Подымается на ней ужасное чудовище съ дымомъ и пламенемъ—зрители *должны* считать ее адомъ. Въ промежуткѣ вбѣгаютъ двѣ арміи, представляемыя четырьмя мечами и такимъ же количествомъ щитовъ—кто будетъ *столь невѣжественъ*, что не признаетъ это за поле сраженія?

Блаженныя времена! Но вѣдь вы не того мнѣнія, чопорный читатель. Вамъ нравятся больше бархатныя кресла и галунныя капельдинеры.

А вспомните-ка прологъ къ Генриху V.

Тогда можно было такъ говорить съ публикой; она вѣрила всему, только бы *человѣкъ* былъ передъ ней.

Жалѣете вы объ этомъ времени?.. Я знаю, вы очень образо-

лодности и пустоты... Видите, я начинаю говорить грубо.

Вѣдь я знаю, чего вы дожидаетесь; у васъ на языкѣ: А что Граціани? Хорошъ? Говорятъ чудо?.. Особенно въ Эриани? Всѣ безъ ума отъ него?..

Вотъ этого-то я и не вѣмъ. Я къ итальянцамъ не хожу, несмотря на то, что люблю пѣніе. Доказывать вамъ основательность такого дикаго поведенія я не стану; это будетъ не тактично и не вѣжливо... вѣдь вы непременно туда ходите и никакой музыки, кромѣ итальянской не признаете.

Величественная это вещь итальянская опера у насъ въ Сѣверной Пальмирѣ... На нее можно взирать какъ на Хеопсову пирамиду. Вѣдь шутка что стояла эта пирамида денегъ, и какой пріятный видъ даетъ въ пустынѣ... и долго, поди, простоятъ.

Чудный мы народъ, россияне, говорить одинъ мой знакомый. Пріѣзжай къ намъ Ристори идемъ смотрѣть, хлопаемъ, бросаемъ букеты, и платимъ по 8 р. за мѣсто; явись Левассоръ, хлопаемъ и платимъ по 8 р. за мѣсто; явись Ольдридъ также хлопаемъ, и платимъ по 1 р. 50 к. за мѣсто, явись Леотаръ, Юмъ, m-De Magia, Садовскій, Газе или ученые собаки—идемъ и хлопаемъ—и хоть бы малѣйшая разница впечатлѣнія, хоть бы одна лишняя нота въ одушевленіи, въ возгласахъ, и фразахъ... На все реагируютъ эти россияне, и на все однимъ и тѣмъ же манеромъ...

И если мой знакомый правъ; то не преисполненъ ли ты коварства, благодушный читатель, заставляя говорить съ тобой о зрѣлищахъ и искусствахъ *серьезно* и съ пріятностью.

Да и могу-ли я съ тобой говорить, когда я не потщился даже записаться новостями итальянской сцены.

Что же вы кривляетесь, нападаетъ опять читатель, что же вы насъ станете увѣрять, что Граціани поетъ хуже Артемовскаго, а Тамберликъ хуже Сетова?.. Ужь не желаете-ли вы распинаться за русскую оперу?..

Вотъ ужъ не желаю-то и вполне одобряю твое поведеніе, благодушный диллетантъ, если ты отправишься слушать какуюнибудь Лукрецію въ Большой театръ, а не въ Маринскій, гдѣ артисты русской оперы даютъ въ свои бенефисы милыя новинки итальянскаго репертуара съ пріятнѣйшимъ русскімъ дибрет-

го. Не зову я тебя читатель въ русскую оперу, ибо тамъ жутко становится на сердцѣ каждаго смертнаго, если сей смертный, приходитъ не за тѣмъ только, чтобъ дѣлать эволюціи своимъ биноклемъ... Да и въ этомъ отношеніи поживы мало; въ ложахъ пріятная пустота.

Сидишь и вспоминаешь слова знакомаго о способности россиянъ реагировать одинаковымъ образомъ на все на свѣтѣ.

Даютъ вамъ Русалку, или Кроатокъ, или Руслана, или Фенеллу, реакція публики будетъ одна и таже...

За одно только поручусь, что на Кроатонъ и Фенеллу соберется больше народу, чѣмъ на Русалку... и пройдетъ эта Русалка въ такомъ приличномъ равнодушіи *почтеннѣйшей* публики, что вы подъ конецъ скажете, это, должно быть, русская опера, ибо россияне такъ достойно цѣнятъ ее.

Да помилуйте, поютъ ужасно! слушать нельзя! Что мнѣ на это вамъ сказать? Надо вѣдь опять *серьезно* вступать съ вами въ словопренія; а я такой сумасбродный юноша, что удерживаюсь отъ всякаго серьёза.

Да, что же это такое? Ведите насъ, по крайней мѣрѣ, къ французамъ, на дебютъ Равеля... Неужели вы и тамъ не были? Не былъ; но вы отъ этого, право, мало потеряли.

Ну, неужели вы на столько извращены, прелестный читатель, что и объ Равелѣ-то хотите серьезныхъ отчетовъ? Перенеситесь въ Парижъ... Вы плотно и вкусно пообѣдали у какогонибудь Доуепъ выпили бутылку другую *французскаго вина*, и способны только заваяться пищевареніемъ, для чего потребна известная порція нелѣпостей и смѣха, какъ средство, поддерживающее jovіальное настроеніе духа. Вы идете въ Palais Royal и смотрите Равеля... И за кого бы вы меня сочли, еслибъ я вамъ, по поводу этого Равеля, сталъ развивать канитель о драматическомъ искусствѣ и французскомъ юморѣ.

Такъ ужъ избавьте меня отъ сего и въ Сѣверной Пальмирѣ.

— Вы рѣшительно никуда насъ не ведете?

— Да куда же, развѣ въ Александринскій?..

— Да ужъ хоть въ Александринскій.

Вотъ что я вамъ расскажу. Есть у меня одна знакомая дама; на дняхъ, взирая на афишу, она увидала, что въ вышеозна-

ченномъ російскомъ театрѣ будутъ представлять штуку въ 10 картинахъ, подъ названіемъ *Рыцари тумана*.

— Ахъ, сказала она и умилилась. Я непременно поѣду.

— Какъ, воскликнулъ я, вы поѣдете въ Александринскій?.. въ этотъ храмъ музъ, на которомъ лежитъ печать отверженія...

— Для меня будетъ пріятное воспоминаніе... о Парижѣ... Вѣдь это *Les chevaliers du brouillard*... пьеса, которую я увидѣла въ первый день по пріѣздѣ въ Парижъ... Непременно поѣду! Ну а такъ какъ я въ Парижѣ не бывала и не восхищалась издѣліями de la Porte Saint Martin, то и не возжелалъ внушать наслажденій, предлагаемыхъ бенефисомъ г. Воронова... А нельзя не сознаться, что великая это нація-французы!.. Не только у себя дома услаждаютъ досуги россіянъ; но даже и въ отверженный Александринскій зазываютъ дѣтей отчизны обаяніемъ парижскихъ воспоминаній.

И только, вопрошаетъ ненасытный читатель; а гдѣ же слухи, новости, извѣстія о предстоящихъ дебютахъ, о новыхъ пьесахъ?..

Помилюйте, вы все знаете лучше меня. Вамъ уже объявилъ фельетонистъ Сѣверной Пчелы, что готовятся три новыхъ пьесы, объявилъ вамъ, читатель Библиотеки для Чтенія, что драма Ребенокъ написана г. Боборыкинымъ, чего-бы вы безъ него никакъ не узнали; онъ васъ завѣрилъ даже, что всѣ роли розданы, хотя я могу васъ завѣрить наиболѣе положительнымъ образомъ, что г. фельетонистъ не укажетъ ни на одного актера, кому-бы была дана авторомъ роль, исключая г-жи Сибтковой 3.... Но, что же я вамъ говорю, читатель; вѣдь вы знакомы съ этимъ милымъ собирателемъ новостей... Это тотъ самый, который на масляницѣ объявилъ, что петербургскіе литераторы давали два спектакля, при чемъ обозначилъ и пьесы и имена участвовавшихъ. Спектакли эти такъ и остались на страницахъ Сѣверной Пчелы; да въ воображеніи пріятнаго лѣтописца петербургской жизни.

Пчела страдаетъ, какъ извѣстно, хроническими и злокачественными опечатками, а потому прошу васъ, читатель, отнести и это къ области опечатокъ.

Позволю себѣ развѣ добавить новости пріятнаго фельетониста однимъ извѣстіемъ, и прошу васъ вѣрить, читатель, что это немного подостовѣрнѣе: Въ бенефисъ г. Васильева 2 (16-го

октября) предположено дать комедію того же Боборыкина: Однодворецъ, известную вамъ, читатель, если вы подписывались на Библиотеку прошлаго года. Авторъ уже заявилъ, что его комедія явится въ новомъ видѣ. Роли еще окончательно не розданы; но скажу вамъ, что Однодворца будетъ играть Самойловъ, а сына его—бенефициантъ.

Вижу, что вы меня все-таки не оставите въ покоѣ. Васъ все занимаетъ; вы хотите знать не только о публичныхъ театральныхъ новостяхъ, но и о мирѣ любителей.

Начался сезонъ; началась и mania dramatica; но объ ней я вамъ доложу безъ приготовленія, не заглядывая въ залы любителей... потому, тамъ все будетъ обстоять благополучно; А и Ф и Картинка съ натуры стануть перемежатся въ родѣ febris intermittens, возростетъ и укрѣпится слава г. Ознобишина, сего комика, принесшаго свои таланты изъ города Тамбова (гдѣ, какъ видно, есть все въ малелькомъ видѣ, и свой Гейне и свой Мартыновъ); посыплются щедроты на всякія воскресныя и другія школы; а въ концѣ концовъ вы вернетесь домой, благодушный читатель, и проворчите: хоть-бы запретили имъ что-ли... вотъ тогда-то мы съ вами и разоведемъ тему о драматическомъ искусствѣ; а теперь дайте мнѣ вздохнуть...

Гдѣ же лучше-то? Въ жизни или въ искусствѣ?... грустно вамъ? Утѣшайтесь, и напойте модную пѣсенку самаго горькаго лирика, Гейне:

Herz, mein Herz, sei nicht beklommen
Und ertrage dein Geschick
Neuer Frühling giebt zurück
Was der Winter dir genommen.

Во всемъ вѣдь есть умилятельныя явленія... Вотъ на что ужъ въ чернильномъ царствѣ рѣжутся; и вѣдь такъ же блестятъ, какъ алмазы союзы дружественныхъ сердець.. нѣжныя пары, которыя не уступятъ Павлу и Виргиніи, Абѣляру и Элонзѣ...

Я даже хотѣлъ бы доказать вамъ, что для нашей драматургіи настала новая эра съ появленія на горизонтѣ звѣзды Николая Потѣхина, этого ужаснаго сочинителя, какъ его называютъ нѣкоторые злые языки; но останавливаюсь подъ гнетомъ раздумья разъядаемый скептицизмомъ и рефлексіей.

Ну какъ тутъ не повторить избѣгающихъ словъ Гамлета:

And thus the native hue of resolution
Is mack'd o' er with the pale cast of thought.

До пріятнаго свѣданія, читатель.

ПЕТРЪ ПЕСКОВУСЬ.

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Давно уже, можетъ быть, не было болѣе бѣдной и однообразной выставки, какъ въ нынѣшнемъ году, но все-таки она произвела на насъ весьма пріятное впечатлѣніе. Видимо, что живопись начинаетъ дѣлать то же, что давно уже дѣлаетъ литература: это разрабатывать *русскую действительность*, — хотя въ этомъ случаѣ съ ея стороны почти однѣ еще только выгоды, но и то хорошо: данъ-бы былъ тонъ, а музыканты найдутся!

Здѣсь мы почти считаемъ себя обязанными повторить и повторить собственнo для молодыхъ художниковъ то, что было уже сказано въ нашемъ журналѣ въ статьѣ П. В. Анненкова «О національныхъ школахъ живописи». «Современная живопись, сказано тамъ, наравнѣ съ другими дѣятельными старается добиться пониманіе нѣкоторыхъ сторонъ народной жизни, выискнуть въ нѣкоторыхъ явленіяхъ ея и способствовать вводу русской народности въ полное право и въ полную дѣятельность, осѣщая юморомъ или поэзію теперешнія разнородныя ея проявленія. Показателемъ въ этомъ и должна состоять вся задача искусства на Руси. Но оно ужасно ошибется, если ограничить свои усилія, в свой горизонтъ одною видѣнною точной передачей крестьянскаго, чиновничьяго и купеческаго быта безъ всякой другой и вышей цѣли, кромѣ передачи ихъ. Оно будетъ тогда только оцѣнено потомствомъ, когда по возможности, *укажетъ сатиру, юморомъ или лирическимъ воодушевленіемъ насколько коренныя властельныя отличія нашего племени, вѣдая въ ея общности, безъ всякаго исключенія и безъ пренебреженія къ своеобразнымъ наклонностямъ духовной ея природы.* Значитъ, мало, что брать сюжеты изъ русской жиа-

ни, надобно знать, что брать, и какъ относится ко взятому. Въ этомъ случаѣ современная литература можетъ оказать живописи громадную помощь, но въ то же время и повредить ей.»

«Безспорно, что двѣ лучшія и совсѣмъ уже народныя картины на нынѣшней выставкѣ — это ученика академика Якоби: *Партія арестантовъ на привалѣ*, и г. Перова: *Проповѣдь въ сель.* По мысли и по выполнению обѣ эти картины вполне вѣрны русской жизни, но въ нѣкоторыхъ подробностяхъ сюжета вы такъ и чувствуете ударъ въ извѣстную сторону, желаніе понатянуть, пораскрасить. Объяснимъ это самими картинами. На стоянкѣ арестантовъ — худаго, умирающаго арестанта везутъ на телѣгѣ, къ нему подходитъ, вѣроятно, смотритель этапа, и безучастно, жестоко поднимаетъ его за подбородокъ. Кажется бы и довольно — а нѣтъ! У этого же несчастнаго стаскиваетъ перстень съ руки его заморенный въ звѣрствѣ собратъ. Значить, всѣ на одного. Подобные случаи, можетъ быть, бывали, но что бы это было общимъ постоянно повторяющимся явленіемъ между нашими арестантами, мы этого не думаемъ, и зачѣмъ же художнику было вводить этотъ шаржъ въ свою картину, въ которой все прочее типично, спокойно и высокоправдиво; между тѣмъ какъ фигура вышла напряжонна, чтобъ не сказать каррикатура.

Въ картинѣ Перова видимъ то же самое: священникъ говорить проповѣдь, а около самаго его амвона помѣщикъ сидитъ и спитъ, а дочь его, то же сидящая, перешоптывается съ молодымъ чело-вѣкомъ. Смѣемъ завѣрить молодого художника, что ни въ одной сельской церкви онъ не встрѣтитъ, чтобы помѣщикъ сидѣлъ прямо и такъ близко передъ иконостасомъ, а если они и сидятъ, то гдѣ нибудь въ сторонкѣ; мы очень хорошо понимаемъ, что въ этомъ случаѣ онъ хотѣлъ показать то, о чемъ такъ много и съ такимъ самоуслажденіемъ говорится въ нашихъ газетахъ, забывая, что его міросозерцаніе должно быть гораздо спокойнѣе и правдивѣе, и что руководителемъ и помощникомъ его должна быть другая литература.

Тою же умышленностью, хотя и далеко ниже стоящая по выполнению, страдаетъ и картина: *«игра въ карты»*. Тамъ провинціальное общество и, главное, лакей, закуривающій трубку, представлены до того оборванными, какъ представлять только позво-лительно въ Александринскомъ театрѣ, для потѣхи извѣстнаго рода публики. Изъ прочихъ картинъ, собственно принадлежащихъ русскому жанру, большая часть страдаетъ или обы-

кновенностью сюжета или такого рода выполнениемъ, про которое ничего нельзя сказать ни въ порицаніе его, ни въ похвалу, за исключеніемъ впрочемъ картины: «*последняя весна*», которая въ этомъ отношеніи прелестна; но какъ бы то ни было, за весь капиталъ этотъ мы радуемся и радуемся безконечно, видя изъ него, что художники наши становятся наконецъ на твердую почву, на которой имъ будетъ привольнѣе и выражать свои задушевные желанія, и завоевать себѣ оригинальность и заслужить наконецъ самую искреннюю, неподдѣльную и ненатянутую симпатію русской публики.

Академическихъ задачъ въ нынѣшнемъ году, повидимому, было двѣ: это *великая княгиня Софья Витовтовна вырываетъ колосъ у князя Василья Косаю на свадьбѣ у Василья Темнаго и Хароль, перевозящій души черезъ рѣку Стиксъ*. Если такого рода задачи необходимы для технического изученія искусства, если это пріучаетъ правильно ставить фигуры, правильно рисовать тѣло — и выносятся на выставку за тѣмъ, чтобы показать до какой степени ученики привыкли это искусно дѣлать, — мы это понимаемъ. Но чтобы ожидать, что по вашей задачѣ выйдетъ что нибудь, исполненное содержанія, этого я думаю никогда еще и не бывало, а если и случалось, такъ по истиннѣ ужъ было чудомъ, а потому и о картинахъ этого рода и на нынѣшней выставкѣ мы считаемъ то же излишнимъ говорить, и позволяемъ себѣ только замѣтить на счетъ задачи *Хароля, перевозящій души черезъ рѣку Стиксъ*. Пора намъ, кажется, убѣдиться, что чудесное не можетъ быть предметомъ живописи. Въ подтвержденіе нашего положенія приводимъ слова Лессинга. Вотъ что онъ говоритъ, разграничивая поэзію и живопись: «у Гомера встрѣчаются два рода существъ — видимыя и невидимыя. Этого различія не можетъ допустить живопись; для нея все видимо и видимо одинакимъ образомъ; но, при этомъ уничтоженіи разницы между видимыми и невидимыми существами, пропадаютъ и всѣ характеристическія черты, которыми отличается послѣдній, высшій родъ существъ отъ первыхъ.

«Напримѣръ, когда богъ, несогласные по вопросу о судьбѣ Трои, схватываются наконецъ между собой въ рукопашный бой, у поэта весь этотъ бой происходитъ невидимымъ образомъ, что позволяетъ воображенію расширить сцену дѣйствія и оставляетъ ему свободу представлять личности боговъ и ихъ дѣйствія сколько угодно великими и превосходящими обыкновенную че-

ловѣческую мѣру. Живопись, напротивъ, должна допустить видимое поле дѣйствія, котораго известные размѣры будутъ служить мѣркою для дѣйствующихъ въ немъ лицъ. Эта мѣрка, находясь постоянно передъ нашими глазами, сдѣлаетъ очевидною несообразную величину высшихъ существъ и оныхъ; вмѣсто того чтобы представляться, какъ въ описаніи поэта, только великими, покажутся намъ чудовищными.

«Минерва, на которую въ этой битвѣ дѣлаетъ первое наведеніе Марсъ, отступаетъ назадъ и поднимаетъ съ земли могучей рукою черный, грубый, огромный камень, который, съ давняго времени положенъ былъ здѣсь соединенными усиліями многихъ людей, какъ пограничный знакъ. Теперь спрашиваю, если Минерва бросаетъ въ Марса камень такой величины, который былъ положенъ, какъ пограничный знакъ, совокупными усиліями многихъ людей, какого роста должна быть сама богиня? Если живописецъ сдѣлаетъ фигуру ея пропорціональною величинѣ камня, то исчезаетъ все чудесное. Что удивительнаго, если человекъ, въ три раза большій, бросаетъ и камень въ три раза большій противъ того, какой я могу поднять. Если же ростъ богини сдѣлать несоотвѣтственнымъ поднимаемой ею тяжести, то произойдетъ очевидная несообразность въ картинѣ, и эта явная несообразность не ослабитъ разсужденіемъ, что богиня должна имѣть сверхъестественную силу. Тамъ, гдѣ я вижу большое дѣйствіе, я хочу видѣть и большія орудія.

«Донгинъ говоритъ, что ему часто кажется, будто Гомеръ хотѣлъ возвысить своихъ людей до боговъ и низвести боговъ до людей. Живопись дѣйствительно производитъ это послѣднее. Въ ней исчезаетъ все, что у поэта возвышаетъ боговъ даже и надъ божественными людьми. Ростъ, сила, быстрота, которыми Гомеръ надвѣляетъ своихъ боговъ, гораздо въ высшей степени немалы своихъ первостепенныхъ героевъ, должны въ картинѣ спуститься до обыкновенной человѣческой мѣрки. Юпитеръ и Агамемнонъ, Аполлонъ и Ахиллесъ, Аяксъ и Марсъ, сдѣлаются совершенно одинакими существами и распознавать ихъ можно будетъ равнѣ по чисто внѣшнимъ, условнымъ признакамъ.

«Средство, употребляемое живописью для того, чтобы дать понять намъ, что то или другое въ ея картинѣ должно считаться невидимымъ, есть легкое облако, которымъ невидимый предметъ закрывается отъ предстоящихъ въ самой картинѣ лицъ.

«Облако это заимствовано, кажется, у самаго Гомера, ибо когда

въ смятеніи битвы, одинъ изъ важнѣйшихъ героевъ подвергается опасности, изъ которой не можетъ извлечь его никакая помощь, кромѣ божественной, то у поэта покровительствующее божество обыкновенно облакаетъ героя густымъ облакомъ или тьмою и такимъ образомъ выводитъ изъ битвы. Такъ Парисъ спасенъ былъ Венерой, Идей—Нептуномъ, Гекторъ—Аполлономъ; и Кайнусъ никогда не забываетъ рекомендовать художнику этотъ туманъ, это облако, давая ему для картины задачу подобнаго рода. Поэтому мнѣ всегда казались странными попытки осуществить это поэтическое выраженіе и ввести въ картину настоящее облако, за которымъ герой укрывается, какъ за чудесной стѣной отъ своихъ враговъ.

«Художники, впрочемъ, не ограничивались введеніемъ Гомерова облака, въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ употребилъ его, или могъ бы употребить самъ Гомеръ; именно когда исчезаетъ кто либо или дѣлается невидимымъ. Они стали употреблять его въ своихъ картинахъ всякій разъ, когда что-либо должно быть видимо для зрителя и невидимо для всѣхъ или нѣкоторой части дѣйствующихъ лицъ. Минерва была видима только одному Ахиллесу, когда удержала его отъ оскорбленія Агамемнона. Для выраженія этого, говоритъ Кайнусъ, я не знаю другаго средства какъ закрыть ее облакомъ со стороны остальнаго собранія. Совершенно противно духу поэта. Быть невидимыми для людей, есть натуральное состояніе его боговъ; для этого не нужно никакого ослѣпленія, никакого мрака; напротивъ необходимо нѣкоторое просвѣтленіе, нѣкоторое возвышеніе зрѣнія смертныхъ, для того чтобы боги могли сдѣлаться имъ видимыми. Итакъ недовольно, что облако у живописцевъ есть условный, а не естественный знакъ; этотъ условный знакъ не имѣетъ даже опредѣленнаго значенія, свойственнаго этого рода знакамъ, ибо они употребляютъ его точно такъ же для того, чтобы сдѣлать видимое невидимымъ, какъ и для превращенія невидимаго въ видимое.»

Изъ этихъ словъ великаго критика ясно видно, до какой степени онъ совѣтуетъ живописи осторожно относиться къ олимпійцамъ и по преимуществу къ ихъ *фантастическому* элементу, котораго, въ Харонѣ врядъ-ли не болѣе, чѣмъ и во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ и почему, наприимѣръ, въ настоящихъ трехъ картинахъ нарисованныя тутъ человѣческія фигуры суть души, а не живые люди, мы, признаемся, затруд-

няеяса себѣ об'яснїть. Прошлагодня задача, *Олмпїйскїя шрї*, имѣеть въ этомъ отношенїи громадное преимущество и гораздо прамѣ ведеть къ цѣли: тутъ по крайней мѣрѣ художники имѣли дѣло съ твердымъ, мускулистымъ тѣломъ, которое изучать они обязапы и должны!

Изъ историческихъ картинъ лучшая или вернѣе сказать единственная, стоящая этого высокаго названїя, это картина г. Худякова: *Иродїада, ождающая главы Иоанна Предтечи*. Изъ ландшафтовъ привосходный пейзажъ г. Айвазовскаго: *стадо овецъ въ морь*. Мы не безъ умысла поставили эту картину послѣднею въ нашемъ бѣгломъ отчетѣ, потому что если взять ее, какъ одно только художественное выполненїе, не принимая въ расчетъ ея содержанїя, то она — *первая* на выставкѣ. Намъ часто, особенно въ послѣднее время, приходилось слышать о почтенномъ художникѣ такого рода мнѣнїе, что неотразимая прелесть и сила впечатлѣній его картины, есть одинъ только кунштїкъ, штука, умѣнье рисовать по сырой краскѣ, и наконецъ эффектно прибранное освѣщенїе, тогда какъ все это гораздо проще можно бы было об'яснить: *высокой степени дарованїемъ*, хотя, можетъ быть, нѣсколько и *одностороннимъ*.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

I.

— Извлечение из Отчета г. Министра Внутренних Дѣлъ.—Значеніе его для опредѣленія нашей общественной жизни.—Преобразование полицій.—Неудовольствіе въ народѣ противъ олушечковъ.—Причины этого неудовольствія.—Общества трезвости.—Беспорядки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.—Замѣтки о народной нравственности.—Званіе преступниковъ.—Разбой и грабежи.—Вродяги и бѣглецы.—Два случая поддѣлки кредитныхъ билетовъ.—Вопросъ объ арестантахъ.—Причины продолжительнаго заключенія.—Впечатленіе, производимое русскими тюрьмами.—Паспортная система.—Пожары.—Оклады съ податныхъ сословій.—Урожаи.—Несоразмѣрность цѣнъ на жизненные продукты.—Саранча.—Приказы общественнаго призрѣнія.—Ихъ благотворительная дѣятельность.—Ихъ капиталы.—Сберегательныя кассы.—Городскіе общественныя банки.—Калужскій банкъ.—Денежныя сборы.—Ихъ распредѣленіе.—Повинности: дорожныя и постоянныя.—Почтовая гоньба.—Свѣдѣнія о городскомъ хозяйствѣ.—Ярмарочные обороты.—Акціонерныя предпріятія.—Часть врачеванія.—Господствовавшія болѣзни.—Мѣры для сохраненія народнаго здравія.—Число больницъ и аптекъ.—Скотскіе падежи.—Часть судебно-медицинская.—Дѣла духовныя.—Постройка православныхъ церквей въ западномъ краѣ.—Улучшеніе въ тамошнемъ краѣ быта сельскаго духовенства.—Дѣла по исповѣданіямъ: римско-католическому, армяно-католическому; лютеранскому, еврейскому и нагометанскому.—Калмыцкое духовенство.—Дворянскіе выборы.—Устройство городскихъ обществъ.—Крестьянскія дѣла.—Еврейское населеніе.—Центральный статистическій комитетъ.—Отчетность.

Въ послѣднемъ номерѣ Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ напечатано извлеченіе изъ всеподданѣйшаго отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ за 1859 годъ. Вообще отчетность разныхъ вѣдомствъ представляетъ много интереснаго для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ развитіемъ администраціи; но отчетность министерства внутреннихъ дѣлъ имѣетъ въ этомъ отношеніи особенную важность. Министерство это, по находящимся въ вѣдѣніи его управленіямъ полицейскимъ и хозяйственнымъ, связано самымъ тѣснымъ образомъ со всѣми явленіями нашей общественной жизни. При томъ отчеты этого министерства, кромѣ

свѣдѣній о внутренней администраціи, представляютъ еще много свѣдѣній, весьма важныхъ въ статистическомъ отношеніи.

Напечатанное нынѣ извлеченіе изъ всеподданѣйшаго отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ раздѣляется на семь частей; части эти суть слѣдующія: 1., полицейская, 2., хозяйственная, 3., врачебная, 4., дѣла духовныя, 5., дѣла сословій, 6., центральный статистическій комитетъ и 7., отчетность.

«Извлеченіе изъ отчета» начинается свѣдѣніями о пересмотрѣ уставовъ градской и земской полицій. Изъ него мы узнаемъ, что еще въ 1844 году былъ учрежденъ особый комитетъ для разсмотрѣнія дѣла о преобразованіи земской полиціи, но что предположенія этого комитета, по разнымъ причинамъ, не были приведены въ исполненіе. Въ 1856 году Государю Императору, — вслѣдствіе изложенныхъ во всеподданѣйшемъ отчетѣ г. министра за 1855 годъ существующихъ недостатковъ полицейскаго управленія, — благоугодно было повелѣть — обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе. Съ той поры министерство внутреннихъ дѣлъ постоянно было занято разработкою предположеній по преобразованію полицій.

Легко понять всю громадность этого труда, если сообразить, что для составленія новаго полицейскаго устава нужно было изучить историческое развитіе полицейскихъ учрежденій въ Россіи и свести въ одно систематическое цѣлое всѣ замѣчанія, представленныя министерству объ оказавшихся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ недостаткахъ настоящаго устройства полицій.

Между тѣмъ, независимо отъ трудности самой задачи, выполнение ея въ особенности замедлялось предпринятыми, съ начала 1858 года, преобразованіями, которыя существенно измѣнили коренныя основы народнаго быта въ имперіи и съ которыми, слѣдовательно, необходимо было согласовать и всѣ остальные преобразованія.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, были вновь собраны данныя и мнѣнія касательно нашихъ полицейскихъ учрежденій, и на основаніи ихъ, были представлены подробныя соображенія по этому дѣлу, а 25-го марта 1859 года, по журналу главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, состоялось Высочайшее повелѣніе, опредѣлившее начало будущаго устройства уѣздной полиціи и учрежденій для разбора недоумѣній и споровъ между помещиками и крестьянами.

Независимо отъ этой общей мѣры, Высочайше разрѣшено

было кievскому военному, подольскому и волыискому генерал-губернатору соединить, въ видѣ опыта, всѣ состоящія въ Кіевѣ учрежденія, (кромя приказа общественаго призрѣнія и комитета о тюрьмахъ) въ одно общее губериское управленіе. Предположеніе это, которое, замѣтимъ кстати, не измѣняетъ ни существеннаго значенія, ни предѣловъ власти, ни образа дѣйствій каждаго изъ губерискихъ учреждений, будетъ, по словамъ «Извлеченія,» содѣйствовать нѣкоторому упрощенію во внутреннемъ распорядкѣ канцелярскихъ работъ.

Мы считаемъ возможнымъ не останавливаться на подробныхъ свѣдѣніяхъ объ административномъ дѣленіи и составѣ мѣстныхъ управленій, относящихся къ 1859 году. Скажемъ только, что свѣдѣнія по этому предмету, приведенныя въ «Извлеченіи изъ отчета,» представляютъ лишь частныя измѣненія по управленію зауральскихъ и сибирскихъ киргизовъ и упоминаніе объ учрежденіи въ уѣздномъ городѣ Феодосіи новаго градоначальства, такъ какъ, въ виду проложенія желѣзной дороги изъ внутреннихъ губери въ Крымъ, предполагалось, что Феодосія сдѣлается весьма важнымъ пунктомъ для заграничной торговли.

Слѣдующія страницы «Извлеченія» говорятъ о призывѣ на дѣйствительную службу временно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ въ 1859 году и о случаяхъ нарушенія общественаго порядка и спокойствія въ теченіе того же года.

Что касается перваго, то надобно замѣтить, что этотъ призывъ начался съ января 1859 года; что въ большинствѣ губери призывъ этотъ совершился въ назначенные сроки, но что были однако и такія губери, въ которыхъ сборъ людей производился медленно.

Относительно же случаевъ нарушенія общественаго порядка и спокойствія «Извлеченіе изъ отчета» сообщаетъ слѣдующее.

Первое мѣсто въ ряду такихъ случаевъ занимали, въ 1859 году, волненія, происходившія въ народѣ, по поводу невыполненія нѣкоторыми откупщиками правилъ, установленныхъ для продажи питій. Волненія эти почти одновременно возникли въ нѣсколькихъ губериныхъ и приняли, наконецъ, столь значительные размѣры, что потребовали рѣшительныхъ мѣръ къ ихъ прекращенію.

Затѣмъ, (сказано далѣе въ «Извлеченіи изъ отчета») обращаясь къ особому виду нарушеній общественаго спокойствія, который, въ истоящее время, по всей справедливости, привле-

каеть къ себѣ почти исключительное вниманіе правительства, а именно къ беспорядкамъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, можно положительно сказать, что беспорядки эти, въ 1859 году, ни по характеру, ни по своимъ послѣдствіемъ, не выходили изъ ряда подобнаго же рода явленій, происходящихъ въ обыкновенное время.

Уже подробное исчисленіе случаевъ этой категоріи въ отчетѣ министерства за 1858 годъ достаточно убѣдило въ томъ, что, несмотря на тревожныя ожиданія, возбуждаемыя готовящимися преобразованіями, случаи эти сохранили тотъ же характеръ, какой они имѣли въ прежніе годы.

Далѣе «Извлеченіе» замѣчаетъ, что беспорядки этого рода не имѣли никакой важности и что они были прекращены легко и быстро.

Большую важность, какъ это видно изъ «Извлеченія» представляютъ неудовольствія, возникшія въ народѣ противъ откупщиковъ.

Успѣхъ торговъ на содержаніе питейныхъ откуповъ въ четырехлѣтіе съ 1859 года,—говоритъ «Извлеченіе»—превзошло самыя смѣлыя ожиданія. Наддача по всѣмъ губерніямъ одѣлана огромная, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ откупная сумма была удвоена и даже утроена противъ прежняго. Министерство финансовъ, имѣя въ виду столь замѣчательное приращеніе государственныхъ доходовъ, и озабочиваясь въ то же время, чтобъ взносы въ казну откупныхъ суммъ производились неупустительно, дало знать начальникамъ губерній, что какъ наддачи на торгахъ основаны главнымъ обзоромъ на надеждѣ сбыта, въ большомъ количествѣ, улучшеннаго вина, то не слѣдуетъ считать злоупотребленіемъ со стороны откупщиковъ, если улучшенная питья будутъ продаваемы по возвышеннымъ цѣнамъ противъ обыкновеннаго полугара.

Между тѣмъ нѣкоторые откупщики воспользовались этимъ распоряженіемъ совершенно несогласно съ духомъ его и истолковали его себѣ, какъ полное разрѣшеніе продавать по вольнымъ цѣнамъ всё вообще питья. Вслѣдствіе этого, цѣны на вино стали повсюду подниматься въ чрезвычайной прогрессіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ дошли до 10 руб. сер. за ведро. Простого же полугара, который, по представленнымъ на торгахъ кондиціямъ, откупщики обязывались отпускать по 3 руб. сер. за ведро, въ продажѣ совсѣмъ не оказывалось. Хотя, по соглашенію съ министромъ финансовъ, и было сдѣлано рас-

поряженіе къ обузданію откупщиковъ; но, — какъ замѣчаетъ «Извлеченіе,» — неблагопріятное дѣйствіе было уже произведено и неудовольствіе народа, первоначально выразившееся лишь въ рѣшительности вовсе не пить вина, къ сожалѣнію, приняло, въ скоромъ времени размѣры весьма значительныя.

Первые безпорядки по поводу откупщицкихъ дѣйствій произошли въ 12 казенныхъ и одномъ помѣщичьемъ селеніяхъ, а также въ двухъ заштатныхъ городахъ Пензенской губерніи. Потомъ раздраженіе народа противъ откуповъ обнаруживалось, въ большей или меньшей степени, и въ другихъ мѣстностяхъ, а именно въ губерніяхъ: Московской, Тамбовской, Саратовской, Воронежской, Симбирской, Оренбургской, Тверской, Вятской, Владимирской, Полтавской, и Самарской. Изъ нихъ въ губерніяхъ Оренбургской, Самарской и Московской, гражданскіе губернаторы вынуждены были, для предупрежденія болѣе значительныхъ безпорядковъ, требовать послыки войскъ въ селенія, гдѣ существуютъ ярмарки и базары; а въ Тамбовскую губернію, для прекращенія безпорядковъ, былъ назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, генералъ адъютантъ Толстой.

Главное вниманіе правительства, (замѣчаетъ по поводу этихъ событій «Извлеченіе») было обращено на Пензенскую губернію, куда и былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, генералъ-адъютантъ Яфимовичъ. По удостовѣренію его, а равно и свидѣаніямъ, доставленнымъ ревизовавшимъ въ то время Пензенскую губернію сенаторомъ Сафоновымъ, происходившіе въ той губерніи безпорядки дѣйствительно имѣли источникомъ злоупотребленіе откупщиковъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены къ разряду возмущеній или неповиновенія правительству. При этомъ въ особенности замѣчательнъ тотъ фактъ, что, по увѣренію тѣхъ же лицъ, многіе изъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ не хотѣли брать вина даромъ, но, взявши въ питейномъ домѣ такъ называемое «спеціальное вино, тутъ же оставили за него деньги какъ за полугаръ.»

Мы имѣли случай замѣтить выше о возникшей въ народѣ рѣшительности—вовсе не пить вина. Изъ выноски, сдѣланной въ «Извлеченіи», мы узнаемъ касательно этой рѣшимости, что прежде всего такъ называемыя общества трезвости образовались въ западныхъ губерніяхъ, подъ вліяніемъ латвійскаго духовенства, и что впоследствии они проникли въ великороссійскія губерніи. Первый примѣръ былъ поданъ въ помѣщичьихъ и казенныхъ имѣніяхъ Саратовской губерніи и почти

одновременно съ нимъ подобныя же явленія повторились въ Тульской, за которой послѣдовали губерніи: Калужская, Костромская, Могилевская, Пензенская, Рязанская и Смоленская. Обыкновенная форма, въ которой выразилась рѣшимость воздерживаться отъ употребленія вина, заключалась въ приговорахъ, которыми опредѣлялись штрафы противъ нарушителей подобныхъ постановленій.

«Впрочемъ,—замѣчаетъ «Извлеченіе»,—по особому распоряженію, министерство внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду, что мірскіе сходы, по силѣ 5000 и послѣдующихъ статей т. II ч. I. Св. Зак., дозволяются лишь въ установленныхъ закономъ формахъ, чего въ описанныхъ выше случаяхъ соблюдаемо не было, предложило начальникамъ губерній, чтобъ они, не препятствуя добровольно изъявленнымъ частными лицами стремленіямъ воздерживаться отъ употребленія вина, наблюдали, чтобы не было при этомъ употребляемо ни съ чьей стороны мѣръ принудительныхъ. Подобныя указанія, добавляетъ «Извлеченіе», даны были по вѣдомствамъ министерствъ государственныхъ имуществъ и финансовъ.

Говоря далѣе о безпорядкахъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, «Извлеченіе» представляетъ числовыя данныя по этому предмету.

Такъ, общее число безпорядковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, простиравшееся въ 1859 году до 78, было значительно менѣе, нежели въ 1858 году, когда показано было 170 случаевъ неповиновенія крестьянъ своимъ помѣщикамъ. Но,—добавляетъ «Извлеченіе»,—формы, въ которыхъ, въ 1859 году, проявились безпорядки, къ сожалѣнію, были несравненно рѣзче и прискорбиѣе.

Общій же очеркъ народной нравственности за отчетный 1859 годъ «Извлеченіе» опредѣляетъ слѣдующими статистическими данными.

Число частныхъ преступленій и проступковъ въ 1859 году близко подходитъ къ ежегодной средней цифрѣ, именно: ихъ было 31,893; болѣе противъ 1858 года на 1619. Большую часть изъ нихъ (23,607) составляли преступленія противъ имущества, различнаго рода кражи, и въ томъ числѣ комокрадство 8,406. За тѣмъ первенствующими, по своей численности, являются преступленія противъ чести, число коихъ простирается до 5,715. Изъ показаннаго выше числа преступленій, въ 28,993 случаяхъ (или 90 %) открыты виновные, въ числѣ 29,648 человекъ; по 1,032 преступленія (или 3 %, %) преступники не

обнаружены, а по 1,868 слѣдствій не были еще произведены окончательно.

Самое большое число преступленій совершено было въ губерніяхъ: Оренбургской 4,002, Харьковской 2096, Московской 2,096, Бессарабской Области 2,020, Пермской губерніи 2,007, Орловской 1,237 Казанской 1185, Каменецъ-Подольской 1,109, Вятской 1,106 Саратовской 1,098. Причиною значительнаго перевѣса преступленій въ этихъ мѣстностяхъ передъ другими служить отчасти слишкомъ большая населенность губерній (каковы напримѣръ, губерніи, Московская, Орловская и Харьковская), отчасти же разноплеменность ихъ населенія.

По состояніямъ, открытые преступники раздѣляются слѣдующимъ образомъ: дворянъ и чиновниковъ 520, духовныхъ 80, купцовъ и почетныхъ гражданъ 324, мѣщанъ и цеховыхъ 3,728, лицъ военнаго вѣдомства 3,011, крестьянъ разныхъ наименованій 20,044, иностранцевъ 149, инородцевъ 5,213, евреевъ 1,271. Между сельскимъ населеніемъ первое мѣсто занимаютъ крестьяне государственные (9,014); за ними слѣдуютъ помѣщичьи (7,971), разныхъ вѣдомствъ (2,410), удѣльные (541) и наконецъ колонисты (108).

Разбоевъ и грабежей произведено въ прошломъ году 816; по 596 виновные обнаружены и преданы суду, по 79 производились еще слѣдствія, а 142 случая остались нераскрытыми. Особенное же усиленіе кражи и грабежей было замѣчено въ Пермской губерніи по Сибирскому тракту.

Бродягъ и бѣглыхъ въ 1859 году было поймано 21,307 человекъ, въ томъ числѣ въ городахъ 9,705 и въ уѣздахъ 11,602, было всего поймано въ губерніяхъ, ближайшихъ къ западной границѣ имперіи, именно въ Волынской, Кіевской, Могилевской и Подольской.

Къ числу важнѣйшихъ государственныхъ преступленій принадлежитъ, какъ извѣстно, поддѣлка фальшивой монеты. Въ 1859 году обнаружено два, особенно-замѣчательныхъ случая поддѣлки кредитныхъ билетовъ. Первый былъ въ Курляндской губерніи, въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи, гдѣ открыта фабрика для поддѣлки билетовъ 50-ти рублеваго достоинства, со множествомъ машинъ, штемпелей и другихъ принадлежностей, при чемъ арестовано 20 человекъ, въ томъ числѣ и самъ помѣщикъ. Второй случай обнаруженъ въ Мологскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, гдѣ также найдены инструменты для

дѣланія фальшивыхъ денегъ, и виновными оказались пять помѣщичьихъ крестьянъ.

Весьма важнымъ предметомъ во внутренней администраціи каждаго государства является вопросъ объ арестантахъ. Здѣсь важны два условія: ихъ многочисленность и продолжительность заключенія. Общее число арестантовъ, бывшихъ въ заключеніи, въ продолженіе 1859 года, въ «Извлеченіи» не показано, что же касается вопроса о продолжительности арестовъ, то тамъ сдѣланы, между прочимъ, слѣдующія замѣчанія:

«Въ виду продолжительнаго содержанія арестантовъ, — говоритъ «Извлеченіе» — нельзя не сознаться, что общее движеніе уголовныхъ дѣлъ въ полицейскихъ и судебныхъ мѣстахъ совершенно неудовлетворительно. Тѣмъ не менѣе съ достовѣрностью можно сказать, что медленность въ этомъ случаѣ происходитъ не отъ недостатка надзора, а отъ причинъ болѣе существенныхъ. Ни министерства, ни губернскія начальства не имѣютъ и не могутъ имѣть достаточно средствъ взымать съ подчиненныхъ мѣстъ за медленное теченіе дѣлъ, потому что нижнія полицейскія и судейскія мѣста почти всегда имѣютъ достаточно благовидныхъ средствъ къ оправданію своей медленности; одни изъ этихъ оправданій (какъ на примѣръ, недостаточность средствъ, чрезвычайное накопленіе дѣлъ и т. д.) по всей справедливости не могутъ быть не уважены; другія же (какъ необходимость дополнять дѣла, неполученіе свѣдѣній отъ другихъ мѣстъ) могутъ быть повѣрены лишь при разсмотрѣніи существа самаго дѣла, что относится до обязанности судебныхъ мѣстъ второй инстанціи, а не до административной власти. Посему ближе слѣдуетъ искать объясненія медленнаго теченія уголовныхъ дѣлъ въ недостаточной организаціи вообще слѣдственной и судебной части».

Трудно повѣрить, а «Извлеченіе изъ отчета» замѣчаетъ, что даже почти неимовѣрно, чтобы обвиняемый могъ содержаться подъ стражей до десяти лѣтъ, лишь въ качествѣ подсудимаго, а между тѣмъ факты этого рода, — добавляетъ оно, — существуютъ и существуютъ потому только, что въ самомъ устройствѣ полицейскихъ и судебныхъ мѣстъ нѣтъ достаточныхъ условій, которыя обезпечивали бы правильный ходъ дѣлъ.

Добавимъ мы къ этому, что легкость заключенія лицъ податнаго сословія подъ арестъ, старинная наша широко-развитая прикосновенность къ дѣлу, а въ добавокъ существующая у насъ привычка оговаривать въ судахъ и при слѣдствіяхъ лицъ, часто

ни въ чемъ не виноватыхъ—доставляютъ въ большомъ избыткѣ постояльцевъ для разныхъ мѣстъ заключенія. Что же касается собственно до образа содержанія арестантовъ въ тюрьмахъ, то «Извлеченіе изъ отчета» упомянувъ, что хотя въ этомъ отношеніи 1859 годъ и представлялъ нѣкоторыя улучшенія противъ предшествовавшаго времени, замѣчаетъ, что во всякомъ случаѣ общее впечатлѣніе, производимое нашими тюрьмами, далеко не утѣшительно. Главный ихъ недостатокъ заключается въ неудобствѣ помѣщенія и въ невозможности, вслѣдствіе этого, размѣщать арестантовъ, согласно требованіямъ закона, по роду, степени и важности преступленій. Содержаніе, отпускаемое заключеннымъ въ тюрьмахъ, какъ видно изъ «Извлеченія» весьма скудно. Къ этому надобно добавить, что подаванія въ тюрьмахъ, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, при повсемѣстномъ распространѣніи разныхъ благотворительныхъ заведеній (пріютовъ, богадѣлень и пр.) сдѣлались весьма незначительны. Работы же для арестантовъ не могутъ быть организованы надлежащимъ образомъ, какъ по тѣснотѣ тюремъ, не допускающей возможности отдѣлять помѣщенія для работъ въ самыхъ замкахъ, такъ и по недостатку въ нашихъ городахъ такихъ общественныхъ работъ, которыя дозволяли бы занимать арестантовъ внѣ тюремнаго замка.

Несмотря, однако, на недостатокъ денежныхъ средствъ для расходовъ по арестантской части, у насъ, какъ видно изъ «Извлеченія» сдѣлано было въ 1859 году нѣсколько облегченій для пересмычныхъ арестантовъ.

Переходъ отъ тюремныхъ учрежденій къ паспортной нашей системѣ весьма недалекъ, такъ какъ безъ всякаго сомнѣнія множество арестантовъ сидятъ нерѣдко долгое время въ острогахъ за неимѣніе паспортовъ, за ихъ просрочку или потерю. Безъ всякаго сомнѣнія, упрощеніе паспортной системы сократитъ численность арестантовъ; что же касается этой системы, то «Извлеченіе» упоминаетъ, что въ 1859 году была учреждена, по Высочайшему повелѣнію, особая коммиссія для пересмотра существующей у насъ паспортной системы. Коммиссія прежде всего занялась исторической обработкой этого вопроса и такимъ образомъ одни предварительные труды по этой части потребовали много времени. Особенныя трудности въ этомъ дѣлѣ представляетъ, по словамъ «Извлеченія», установленіе порядка выдачи и возобновленія паспортовъ лицамъ податныхъ сословій,

по причинѣ существующей у насъ круговой поруки въ отправленіи податей и повинностей.

Послѣдняя, т. е. шестая статья первой части «Извлеченія» упоминаетъ о пожарахъ, бывшихъ въ Имперіи, въ теченіе отчетнаго года. Общее число пожаровъ, за исключеніемъ столицъ, простиралось до 10,915, такъ что ихъ было 915 болѣе противъ 1858 года. Изъ этого числа произошло: отъ молніи—518, отъ поджога—460, отъ худаго устройства трубъ и печей—1,173, отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ—2,343, а остальные, числомъ до 6,421 отъ причинъ неизвѣстныхъ,

Огнемъ истреблено: 56 церквей, 131 казенное и 55,037 частныхъ зданій, всего на сумму до 24,142,924 руб. 20 коп. Болѣе другихъ пострадали отъ пожаровъ губерніи: Московская, Казанская, Кіевская, Тверская, Волынская, Нижегородская, Рязанская и Курская. Пособія погорѣвшимъ были разрѣшены по 37 губерніямъ, въ количествѣ 422,000 рублей.

Полицейская часть «Извлеченія» оканчивается замѣчаніемъ о количествѣ оклада, долженствовавшего поступить въ казну по всѣмъ податнымъ сословіямъ, за исключеніемъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Количество оклада, слѣдовавшаго къ поступленію, простиралось до 49,509,287 руб. 4 коп.; къ нимъ присоединялись недоимки прежнихъ лѣтъ, простиравшіяся до 4,973,375 р. 88³/₄ к., что составляло въ общей сложности 52,482,662 р. 92³/₄ к. Въ то число поступило оклада—43,765,608 руб. 69 коп.; и недоимокъ 2,480,519 р. 16³/₄ к., Такое поступленіе податей, замѣчаетъ «Извлеченіе», можно считать успешнымъ, тѣмъ болѣе, что въ 1859 г. многія мѣстности значительно пострадали отъ неурожаевъ.

Размѣръ нашей статьи не позволяетъ намъ останавливаться на подробностяхъ, сообщенныхъ во второй, т. е. хозяйственной, части «Извлеченія изъ отчета.» Скажемъ только, что вообще урожай 1859 года былъ неудовлетворителенъ: что сверхъ того въ теченіе этого года градъ истребилъ хлѣба въ разныхъ мѣстахъ имперіи на пространствѣ слишкомъ 30,000 десятинъ и что общій урожай былъ почти на 17 миліоновъ четвертей меньше урожаевъ двухъ предшествовавшихъ годовъ. Только въ 6 губерніяхъ можно было считать урожай удовлетворительнымъ. Травы во многихъ мѣстахъ выгорѣли, отъ лѣтняго зноя; сѣна было собрано мало.

Но что особенно обращаетъ на себя вниманіе, такъ это ука-

заніе «Извлеченія» на несоразмѣрность въ цѣнахъ на хлѣбъ и другіе жизненные продукты, какая существуетъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, изъ коихъ нѣкоторыя находятся, повидимому, въ одинаковыхъ между собою условіяхъ. Такъ въ теченіе 1859 г., въ одной и той же полосѣ рожь продавалась отъ 2 руб. 40 коп. до 8 руб., пшеница отъ 2 руб. 20 коп., до 15 руб. и овесъ отъ 88 коп. до 5 руб. 55 коп., такая разительная несоразмѣрность въ цѣнахъ происходитъ, по замѣнѣ «Извлеченія», исключительно отъ недостаточныхъ средствъ сообщенія.

Въ добавокъ къ этимъ невыгодамъ надобно присовокупить еще саранчу; опустошенія, производимыя ею на югѣ Россіи, замѣтно стали увеличиваться въ послѣднее время. Противъ нея, какъ видно изъ «Извлеченія», принимаются самыя рѣшительныя мѣры.

Третій параграфъ разсматриваемаго нами отдѣла относится къ состоянію приказовъ общественнаго призрѣнія. Тысяча восемь сотъ пятьдесятъ девятый годъ, — говоритъ «Извлеченіе», — составитъ эпоху въ исторіи этихъ учрежденій, которыя, вслѣдствіе общаго преобразования кредитныхъ учрежденій въ имперіи, должны возвратиться къ первоначальному своему характеру — учрежденій чисто благотворительныхъ. Изъ нихъ, какъ извѣстно, была прекращена, въ половинѣ 1859 года, дальнѣйшая выдача ссудъ подъ недвижныя имущества всякаго рода, для чего и предположено допустить учрежденіе земскихъ банковъ. Вслѣдствіе такихъ преобразованій, приказы общественнаго призрѣнія, по примѣрному исчисленію, лишились до 850,000 руб. ежегодно, которыя прежде они имѣли отъ своихъ кредитныхъ операцій. Уменьшеніе это предположено въ теченіе пяти лѣтъ дополнять особымъ отпускомъ отъ казны 850,000 р. ежегодно.

Что же касается оборотовъ суммами въ приказахъ общественнаго призрѣнія, существовавшихъ на прежнихъ основаціяхъ, то обороты этого рода, по общей сложности въ 55 приказахъ, представляли 118,052,669 руб. 3¼ коп.

Приказы общественнаго призрѣнія содержали отъ себя къ концу отчетнаго года 770 благотворительныхъ заведеній, въ коихъ было призрѣно 185,031 человекъ; изъ того числа 43,080 бесплатно; кромѣ того приказы имѣли въ своемъ завѣдываніи 86 учебно-воспитательныхъ заведеній, въ которыхъ находилось 5,810 дѣтей и продолжали содержать до 400 пансіонеровъ въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ постороннихъ вѣдомствъ, какъ то: въ университетахъ, медико-хирургической академіи, гимназіяхъ и въ раз-

ныхъ другихъ мужескихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. На этотъ предметъ они употребили 80,803 руб.

Добавимъ къ этому, что въ 116 богадѣльныхъ и инвалидныхъ домахъ было призрѣно приказами 9,346 человекъ и что сверхъ того, въ теченіе 1859 года, было выдано пособія бѣднымъ въ количествѣ 18,000 руб.

Полное понятіе о широкой дѣятельности этихъ учрежденій мы будемъ имѣть тогда, когда къ приведеннымъ уже нами свѣдѣніямъ присовокупимъ еще и то, что въ 32 исправительныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ приказамъ, находилось 2,410 человекъ, содержаніе которыхъ обошлось, въ теченіе 1859 года, въ 39,089 руб.

Кромѣ того, при приказахъ общественнаго призрѣнія съ 1849 года учреждались постепенно сберегательныя кассы. Въ отчетномъ году ихъ было 46; въ нихъ, въ теченіе этого года внесено было вкладовъ 13,535, на сумму въ 783,904 р. 17 к. Всего же, со времени учрежденія кассъ, къ 1 января 1860 года было внесено вкладовъ на 6,971,876 руб. 78½ коп.

Что же касается городскихъ общественныхъ банковъ, то они, до 1859 года, существовали въ 16 городахъ. Въ 1859 году учрежденъ еще одинъ банкъ въ г. Елабугѣ, съ основнымъ капиталомъ въ 28,000 рублей. Кромѣ того, имѣлись въ виду предположенія объ учрежденіи общественныхъ банковъ еще въ 35 городахъ. Изъ всѣхъ вновь учреждаемыхъ городскихъ банковъ заслуживаетъ особеннаго вниманія калужскій, сколько по значительности основнаго капитала—100,000 руб., столько же и потому, что, согласно желанію учредителя, купца Малютина, предположено присвоить этому банку такія операціи, которыя не входятъ въ кругъ дѣйствій прочихъ городскихъ банковъ, (напримѣръ выдачу ссудъ подъ залогъ разныхъ процентныхъ бумагъ) и вообще устроить его на болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ это допускается по нормальному положенію о городскихъ банкахъ. Вообще же нѣкоторыя стѣснительныя ограниченія этого положенія обратили на себя вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ; вслѣдствіе чего, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ, предположено подвергнуть пересмотру означенное положеніе.

Въ главѣ посвященной взиманію денежныхъ сборовъ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія.

Общая сумма расходовъ, отнесенныхъ въ 1859 году на этотъ

источникъ, составляла 21,202,234 руб. 50 к., сбора же въ раскладкѣ утверждено было 20,486,887 р. 92¼ к.; вообще же надобно сказать, что около трехъ четвертей этихъ сборовъ имѣютъ предметомъ удовлетвореніе общихъ государственныхъ повинностей и лишь нѣсколько болѣе одной пятой идетъ на удовлетвореніе повинностей губернскихъ. Сверхъ того оказывается, что болѣе ¼ части расходуется на удовлетвореніе почтовой повинности и около ⅓ части требуется на удовлетвореніе повинности воинской.

«Факты эти, — замѣчаетъ «Извлеченіе», — достаточно указываютъ на ту несоразмѣрность, которая господствуетъ въ привлеченіи производительныхъ силъ имперіи къ участию въ отбываніи земскихъ повинностей. Несоразмѣрность эта съ особенною рѣзкостью выказалась въ послѣднее время, когда, для правильнаго обсужденія крестьянскаго дѣла, представилась необходимость въ собраніи подробныхъ и возможно вѣрныхъ данныхъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ, о принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ земляхъ, объ отбываемыхъ крестьянами повинностяхъ и т. д.»

Въ числѣ важнѣйшихъ крестьянскихъ повинностей надобно считать повинность дорожную; она повсемѣстно отбывалась натурой, за исключеніемъ государственныхъ путей сообщенія и немногихъ техническихъ сооружений на нѣкоторыхъ губернскихъ почтовыхъ трактахъ, на что, по смѣтѣ земскихъ повинностей, было, въ 1859 году, ассигновано 4,183,105 руб. 3½ к. «Повинность эта, — замѣчаетъ «Извлеченіе изъ отчета», — падающая всю свою тяжестью на земледѣльческія населенія и отнимающая у нихъ много времени, весьма обременительна; и какъ сверхъ того, она отбывается съ отсутствіемъ всякаго общаго плана въ работахъ, то понятно, что результаты достигаются при этомъ самые неудовлетворительные. Между тѣмъ предметъ этотъ столь разнообразенъ и обширенъ, что онъ не можетъ быть подвергнутъ столь же быстрымъ и существеннымъ преобразованіямъ, какъ прочія отрасли государственнаго управленія. Расходы на дорожную повинность должны требоваться столь значительныя, что едва ли представится скорая возможность къ переложенію этой повинности изъ натуральной въ денежную, безъ явнаго отягощенія для народа, въ особенности обременяющагося всякимъ новымъ увеличеніемъ въ денежныхъ налогахъ».

Постоянная повинность отбывается частію городами, частію селеніями. Въ этихъ послѣднихъ она отбывается исключительно

натурой; въ числѣ же городовъ хотя и есть такіе, въ кото-
рыхъ на удовлетвореніе ея учреждены денежные сборы, тѣмъ не
менѣ большая часть остается при обыкновенномъ способѣ
разквартированія войскъ, т. е. посредствомъ помѣщеній въ на-
турѣ. Отбываніе постоянной повинности въ настоящемъ ея видѣ
представляетъ много неудобствъ, а потому, какъ видно изъ
«Извлеченія» и составляетъ нынѣ проэктъ объ ея преобразованіи.

Къ расходамъ, надающимъ на земство, нужно отнести также
и расходы на почтовую гоньбу; они постоянно возрастаютъ и,
по замѣчанію «Извлеченія», служатъ къ значительному обремене-
нію земства. Лучшимъ средствомъ къ облегченію его было
бы учрежденіе вольныхъ почтъ, и съ цѣлью вызвать къ этому
желающихъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію
съ надлежащими вѣдомствами, нашло полезнымъ напечатать,
состоявшееся по этому предмету, Высочайше утвержденное мнѣ-
ніе государственнаго совѣта въ вѣдомствахъ воіхъ губерній.

Седьмой параграфъ второй части «Извлеченія» разсматриваетъ
весьма важную статью въ государственномъ хозяйствѣ, а имен-
но, городскіе доходы. По росписи на 1859 годъ по 623 горо-
дамъ исчислено было:

доходовъ	12,091,999 р. 94 ³ / ₄ к.
расходовъ	11,779,892 р. 29 ³ / ₄ к.
остатка	312,107 р. 65 к.

Сверхъ того въ упомянутой росписи значилось: капиталовъ
12,845,953 р. 61¹/₄ к., недоимокъ 3,391,793 р. 96³/₄ к.,
долговъ 4,531,043 руб. 50¹/₂ коп., невыполненныхъ расходовъ
881,064 р. 26¹/₂ к.

Вотъ что, въ добавокъ къ этимъ числовымъ даннымъ, говоритъ
«Извлеченіе изъ отчета» о городскомъ хозяйствѣ вообще:

«Устройство городского хозяйства на прочныхъ и правиль-
ныхъ основаніяхъ съ давнихъ поръ составляло предметъ осо-
бенной заботливости со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ.
Уже съ 1842 года предпринятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ, вы-
званныхъ крайнимъ упадкомъ финансовыхъ средствъ городовъ, и
преимущественно имѣвшихъ въ виду, во первыхъ, приведеніе въ
извѣстность матеріальныхъ способовъ, которыми располагаютъ
города, а вовторыхъ, постепенное водвореніе большаго порядка
и отчетливости, какъ въ расходованіи городскихъ суммъ, такъ
и въ распоряженіяхъ по извлеченію доходовъ изъ принадлежа-
щихъ городамъ имуществъ, оброчныхъ статей и различныхъ

установленных сборовъ. Въ этихъ видахъ первоначально была предпринята хозяйственная съемка земель, которая сопровождалась инвентарными описаніями городовъ и подробною ревизіею городского хозяйства, и наконецъ издана подробная инструкция для составленія, рассмотренія и пополненія росписей. Въ настоящее время дѣль эту можно считать болѣе или менѣе достигнутой. Матеріальные способы, которыми располагають города, почти повсемѣстно приведены въ извѣстность; по веденію дѣль, до городского хозяйства относящихся, вмѣсто прежней запутанности, замѣчается стремленіе къ порядку и отчетливости и наконецъ, что важнѣе всего, указаны средства къ достиженію возможнаго равновѣсія между расходами и доходами городовъ».

Два послѣднихъ параграфа второй части «Извлеченія» относятся: первый къ ярмаркамъ, а второй къ акціонернымъ предприятиямъ.

Обороты на ярмаркахъ, по замѣчанію «Извлеченія», увеличиваются съ каждымъ годомъ; такимъ образомъ и въ 1859 году изъ 47 важнѣйшихъ ярмарокъ на 25 ярмаркахъ привозъ товаровъ, противъ 1858 года, былъ значительно болѣе. Торговля на Нижегородской ярмаркѣ шла весьма успѣшно; несмотря на то, что въ привозѣ товаровъ было болѣе на 8 миліоновъ противъ предшествовавшаго года, сбытъ ихъ былъ столь удовлетворителенъ, что остатки отъ продажи составляли менѣе $\frac{1}{4}$ привоза. Вообще же, въ привозѣ товаровъ былъ на 103,000,000 руб., а въ продажѣ на 96,000,000 рублей. Обороты другой, тоже весьма важной ярмарки, Ирбитской, также увеличились противъ 1858 года. Въ теченіе 1859 года съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣль, учреждено 7 новыхъ ярмарокъ.

Что же касается акціонерныхъ предприятий, то, по словамъ «Извлеченія», въ теченіе 1859 года, несмотря на возникшее недовѣріе публики къ акціонернымъ предприятиямъ и на низкій курсъ акцій даже тѣхъ обществъ, которыя считаются наиболѣе благоустроенными, въ рассмотреніи министерства находилось 22 проекта уставовъ новыхъ компаній на акціяхъ по разнымъ отраслямъ промышленности. Общій капиталъ этихъ компаній простирается свыше 30,000,000 рублей сер. Изъ общаго числа предложенныхъ къ учреженію компаній учрежденіе 8 совершенно отклонено, согласно послѣдовавшему въ январѣ 1859 года Высочайшему повелѣнію, на основаніи котораго, впредь до изданія новыхъ правилъ для акціонерныхъ компаній, разрѣшено

давать ходъ только тѣмъ изъ нихъ, которыя общають положительную пользу.

Что же касается третьей части «Извлеченія изъ отчета», т. е. части врачебной, то мы находимъ въ ней между прочимъ слѣдующія свѣдѣнія. Во 1-хъ, что состояніе общественнаго здоровья вообще почти на всемъ протяженіи имперіи было довольно удовлетворительно въ продолженіе отчетнаго года и во 2-хъ, что господствующими болѣзнями были: горячки разнаго свойства, тифъ, кровавый поносъ, натуральная оспа, эпидемическая оспа и такого же свойства холера, повсемѣстно прекратившаяся къ концу 1858 года и снова появившаяся въ мѣсяцъ 1859 года. Ей, какъ и прежде, предшествовали поносы и перемежающіяся лихорадки. Первое возобновленіе холеры послѣдовало въ Кронштадтѣ. Общее число заболѣвшихъ въ имперіи холерою въ продолженіе отчетнаго года было 3776, изъ этого числа выздоровѣло 1982, умерло 1794; слѣдовательно, отношеніе числа умершихъ къ числу заболѣвшихъ выражается какъ 1 : 2¹/₉.

Надзоръ до продажей ядовъ въ имперіи, оспопрививаніе и вопросъ о карантинныхъ учрежденіяхъ, какъ видно изъ «Извлеченія», входили тоже въ кругъ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ, въ теченіе 1859 года разсматривались въ медицинскомъ совѣтѣ этого министерства соображенія о правилахъ для продажи ядовъ, а также предположенія касательно достиженія бѣльшаго единства по части оспопрививанія. Что же касается карантинныхъ учреждений, то надобно замѣтить, что еще въ 1858 году начаты были переговоры о составленіи общаго междунагоднаго карантиннаго договора, на основаніи положеній бывшей парижской карантинной конференціи, и съ примѣненіемъ ихъ къ мѣстнымъ требованіямъ каждой державы. Въ 1859 году переговоры эти были приведены къ концу и составленный собирающеюся въ Парижѣ особою коммиссію проектъ конвенціи былъ разсмотрѣнъ въ медицинскомъ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ и найденъ, за немногими лишь исключеніями, вполнѣ соответствующимъ своей цѣли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы нѣкоторыя предположенія касательно измѣненія карантиннаго устройства на югѣ Россіи.

Говоря о народномъ здоровіи въ имперіи, «Извлеченіе изъ отчета» приводитъ свѣдѣнія о числѣ подвѣдомственныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ заведеній для призрѣнія больныхъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что число такихъ учреждений, за ис-

ключеніемъ закавказскаго края, простиралось до 576; а именно: больницъ въ губернскихъ городахъ было 67, въ уѣздныхъ 467, домовъ умалишенныхъ 42; во всѣхъ этихъ заведеніяхъ было 20,137 кроватей, въ томъ числѣ для умалишенныхъ 1,391. Вообще же въ больничныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, въ теченіе 1859 года, получили призрѣніе 250,762 человекъ; къ этому прибавимъ, что собственно въ тюремныхъ больницахъ находилось въ это время 44,471 человекъ.

Аутекъ съ правомъ вольной продажи къ 1 января 1859 года состояло въ всей имперіи 752, въ теченіе же этого года вновь открыто 25, а закрыто 2.

«Извлеченіе изъ отчета» знакомитъ насъ съ весьма важнымъ предметомъ въ дѣлѣ скотоводства, а именно, съ размѣромъ болѣзней скота и его падежей. Главнѣйшія эпизоотіи въ 1859 году были: 1) чума рогатаго скота, отъ которой заболѣло 148,269 пало 102,513 головъ, 2) сибирская язва, отъ которой заболѣло 37,075, и пало 21,297 головъ. За тѣмъ прочія болѣзни дѣйствовали не столь губительно: отъ нихъ заболѣло 44,917 пало 23,875 головъ.

Судебно-медицинскихъ изслѣдованій надъ мертвыми человѣческими тѣлами, для открытія причинъ скоропостижной смерти, было произведено 14,399. Не лишены интереса приводимыя въ «Извлеченіи» свѣдѣнія о числѣ скоропостижныхъ смертныхъ случаевъ. Изъ нихъ 5,515 случаевъ произошли отъ внутреннихъ болѣзней, 1,877 отъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, 1,070 отъ удушенія, 724 отъ удавленія, 137 отъ зарѣзанія, 3,843 отъ различныхъ причинъ, какъ-то: нѣкоторые изъ считаеваемыхъ скоропостижно-умершими утонули, другіе замерзли, упали съ высоты, были убиты молніею и т. д.

Четвертый отдѣлъ «Извлеченія изъ отчета» относится къ дѣламъ духовнымъ. Здѣсь встрѣчаются свѣдѣнія о постройкѣ православныхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западнаго края, въ 1859 году устроено тамъ вновь православныхъ церквей 269 и продолжались работы по постройкѣ и починкѣ 612.

Устроивая храмы, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ обратило вниманіе и на улучшеніе матеріальнаго быта православнаго духовенства въ западномъ краѣ. Въ этихъ видахъ, дѣйствующее положеніе 1842 года объ обезпеченіи духовенства подвергнуто пересмотру въ особомъ, учрежденномъ при святѣйшемъ синодѣ

комитетѣ, состоящемъ изъ лицъ духовнаго званія и членовъ отъ разныхъ министерствъ.

Что же касается дѣлъ римско-католическаго исповѣданія, то, какъ сказано въ «Извлеченіи,» по принятому правилу относительно обращенія католическихъ штатныхъ монастырей въ заштатные и упраздненія этихъ послѣднихъ по мѣрѣ уменьшенія въ нихъ числа монаховъ, закрыть одинъ заштатный монастырь. На Златоустовскомъ заводѣ устроена въ 1859 году католическая церковь, въ Орлѣ—каплица, а въ Твери дозволено нанять постоянное помѣщеніе для совершенія богослуженія по обряду римско-католической церкви; кромѣ того въ западномъ краѣ дозволено построить десять новыхъ каплицъ и открыть двѣ каплицы, запечатанныя въ прежнее время.

Армяно-католики, находящіеся въ имперіи, причислены къ вѣдомствамъ двухъ римско-католическихъ епархій: Каменецкой и Подольской. Къ первой принадлежатъ четыре армяно-католическія церкви, существующія въ губерніи Подольской, а въ вѣдомствѣ послѣдней состоятъ три церкви въ Таврической и 32 въ подвѣдомственныхъ намѣстнику кавказскому губерніяхъ Эриванской и Кутаисской.

Главнымъ событіемъ по армяно-католическому исповѣданію въ 1859 году было постановленіе бывшаго архіепископа константинопольскаго Матеоса эчміадзинскимъ патріархомъ.

Дѣла по лютеранской церкви въ Россіи, въ продолженіе 1859 года, не представляли ничего особенно-замѣчательнаго.

Переходя за тѣмъ къ духовной части евреевъ, «Извлеченіе» говоритъ, что часть эта находилась, по прежнему, въ непосредственномъ завѣдываніи мѣстныхъ раввиновъ, которые, къ сожалѣнію, довольно часто еще, при исполненіи своихъ обязанностей, руководствуются болѣе собственнымъ интересомъ, нежели пользою общества, избравшихъ ихъ и не вполне соотвѣтствуютъ видамъ правительства. Кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ, возникшихъ по жалобамъ на неправильное заключеніе и расторженіе браковъ, на уклоненіе отъ установленныхъ правилъ при производствѣ на раввинскія вакансіи, министерство занималось пересмотромъ всѣхъ существующихъ формъ еврейскихъ присягъ, съ цѣлью согласить эти формы между собою. Дѣло это первоначально обсуживалось въ раввинской комиссіи, а потомъ въ особомъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія комитетѣ

для разсмотрѣнія еврейскихъ руководствъ; за тѣмъ постановлено было издать новыя, въ замѣнъ нынѣ существующихъ формъ, — свидѣтельской, на вѣрность подданства, рекрутской, на званіе раввина и на званіе члена еврейскаго молитвеннаго общества. вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденъ новый порядокъ вышшняго исполненія еврейскихъ присягъ и одинъ общій обрядъ для всѣхъ случаевъ еврейской присяги.

Для тѣхъ, кто хоть нѣсколько знакомъ съ значеніемъ присяги въ быту евреевъ, будетъ ясна вся важность этихъ преобразованій, уничтожающихъ множество предразсудковъ и мелочныхъ обрядностей въ этомъ дѣлѣ.

По магометанской духовной части, — замѣчаетъ «Извлеченіе», — не было принимаемо никакихъ общихъ мѣръ въ теченіе отчетнаго года; въ министерствѣ разсматривалось предположеніе о преобразованіи калмыцкаго духовенства.

Въ пятомъ отдѣлѣ «Извлеченія» подъ заглавіемъ «Дѣла сословій» мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія.

Въ 1859 году, дворянскіе выборы производились въ 21 губерніи, изъ коихъ въ девяти избраны и утверждены были въ званіи губернскихъ предводителей лица, прежде занимавшія эти должности, а въ десяти — новыя лица. Изъ числа дворянскихъ постановленій этого года можно упомянуть о постановленіи дворянства Херсонской губерніи, въ которомъ изъявлено было желаніе производить добавочное содержаніе всѣмъ лицамъ, занимающимъ должности по выборамъ дворянства, а также и о постановленіи дворянства губерній Ковенской, Виленской, Волынской и Минской. Дворянство этихъ губерній положило учредить сборъ изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ, для оказанія пособія лицамъ, возвращеннымъ по Всемилоствѣйшему манифесту на родину, а также недостаточнымъ студентамъ университета св. Владиміра; дворянство Псковской губерніи учредило сборъ изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ для составленія капитала на содержаніе въ гимназій двухъ воспитанниковъ.

Въ статьѣ о «Дѣлахъ сословій» мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о числѣ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ, также и о нѣкоторыхъ мѣрахъ касательно устройства городскихъ сословій. Въ 1859 г., въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ состояло: 647 городовъ, 65 посадовъ и 1279 мѣстечекъ. Что же касается упо-

мянутых мѣръ, то онѣ состояли между прочимъ: 1) въ учрежденіи комиссіи изъ лицъ, свѣдущихъ по технической части и чиновниковъ различныхъ городскихъ управленій, для составленія правилъ къ огражденію рабочихъ отъ увѣчій и къ облегченію работъ малолѣтнихъ; 2) по ходатайству с.-петербургскаго ремесленнаго общества, разрѣшено было изданіе ремесленнаго журнала, съ цѣлью распространенія въ ремесленномъ классѣ свѣдѣній о современномъ состояніи ремеслъ и усовершенствованіяхъ по этой части. Добавимъ къ этому, что временная комиссія для словеснаго разбирательства между рабочими и нанимателями продолжала въ 1859 году дѣйствовать, по словамъ «Извлеченія», съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и въ 1858 году. Въ отчетномъ году на разсмотрѣніе ея поступило 1,015 дѣлъ, изъ которыхъ кончено 930 (въ томъ числѣ миролюбивымъ соглашеніемъ 558), при семъ было тяжущихся истцовъ до 5000 и отвѣтчиковъ до 1,500.

Переходя къ устройству сельскихъ сословій, «Извлеченіе» сообщаетъ, что въ 1859 году помѣщиками уволено было въ званіе государственныхъ крестьянъ водворенныхъ на собственныхъ земляхъ 1,741 мужескаго пола. Всего же по 9 ревизіи такихъ крестьянъ собственниковъ числилось 137,034, а послѣ ревизіи до 1860 года въ это званіе поступило 15,170 душъ.

По устройству крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ были сдѣланы въ 1859 году слѣдующія распоряженія: 1) внесено въ государственный совѣтъ пересмотрѣнное общее положеніе о крестьянахъ Лифляндской губерніи; 2) введены въ дѣйствіе дополнителныя правила къ положенію о крестьянахъ Эстляндской губерніи, въ видѣ опыта на три года; 3) поручено дворянству острова Эзеля, приступить къ составленію новаго положенія о крестьянахъ, живущихъ на островѣ, при чемъ въ особенности обращено вниманіе дворянства на необходимость отмінны стѣснительныхъ для крестьянъ правилъ отлучки ихъ для заработковъ внѣ предѣловъ острова; 4) Высочайше разрѣшено продлить существованіе Лифляндскаго непрерывно-доходнаго (крестьянскаго) банка, впредь до того времени, когда опытъ докажетъ что домашнее кредитное общество, и безъ существованія банка, можетъ съ успѣхомъ привести къ той цѣли, для которой онъ учрежденъ.

Касаясь далѣе евреевъ, какъ представляющихъ у насъ по своей національности, отдѣльное сословіе, «Извлеченіе изъ от-

чета» приводитъ два главныхъ распоряженія, къ нимъ относящіяся: 1) независимо отъ права, дарованнаго жительствовавшимъ въ имперіи евреямъ, купцамъ 1-й гильдіи, на водвореніе и производство торговли и промысловъ во внутреннихъ губерніяхъ, наравнѣ съ кореннымъ русскимъ купечествомъ, тѣ же права распространены и на евреевъ купцовъ 1-й гильдіи царства польскаго и 2) допущены нѣкоторыя облегченія относительно пребыванія въ имперіи тѣхъ иностранныхъ евреевъ, которые, находясь въ Россіи продолжительное время, приобрѣли осѣдлость, имѣютъ постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности и могутъ представить ручательство въ своей благонадежности.

«Извлеченіе изъ отчета» упоминаетъ также о производящихся съ евреевъ сборахъ, такъ называемыхъ коробочномъ и свѣчкомъ, а также о взимаемыхъ съ нихъ податяхъ и повинностяхъ. Всѣ этого рода сборы представляютъ большую недоимку, и причину накопленія послѣдней «Извлеченіе» приписываетъ преимущественно бѣдности еврейскихъ обществъ и обремененію ихъ большими сборами, сравнительно съ прочими податными сословіями. Такое положеніе еврейскихъ обществъ еще съ 1858 года обратило на нихъ вниманіе правительства и, съ цѣлью устраненія его, учреждена особая комиссія.

Къ этому «Извлеченіе» прибавляетъ, что, по дознанной неспособности евреевъ къ занятію земледѣіемъ и по склонности ихъ къ торговлѣ и ремесламъ, обращается особое вниманіе на распространеніе между ними полезныхъ техническихъ занятій. Въ этихъ видахъ учреждены особыя еврейскія пансіонерскія вакансіи въ технологическомъ институтѣ и, кромѣ того, предположено учредить отдѣльныя еврейскія ремесленныя училища въ районѣ постоянной осѣдлости евреевъ. Для перваго опыта разрѣшено устроить такое училище на 30 человекъ для губерній: Кіевской, Волинской и Подольской.

Послѣднія двѣ главы «Извлеченія» относятся: одна къ центральному статистическому комитету, другая къ отчетности министерства внутреннихъ дѣлъ.

Труды центральнаго статистическаго комитета представляли весьма важные результаты по обработкѣ русской административной статистики. Въ этомъ году продолжалась обработка статистическихъ таблицъ имперіи за 1857 и 1858 годы. Часть же доставленныхъ для этихъ таблицъ матеріаловъ была окончательно разработана, а именно, свѣдѣнія о составѣ и движеніи на-

родонаселенія. При этомъ получены слѣдующіе главные результаты: а) населеніе имперіи, за исключеніемъ царства польскаго, великаго княжества финляндскаго, кавказскаго намѣстничества и земли оренбургскихъ киргизовъ, къ 1859 году простиралось до 31,068,551 человека мужскаго и 31,572,252 человекъ женскаго пола; б) въ этой общей массѣ населенія считается городскихъ жителей около 9% (9,²); естественная прибыль населенія простиралась въ теченіе 1858 года до 1¹/₂% (1,⁴⁰).

Кромѣ того, составлено исчисленіе крѣпостнаго сословія по 10 народной переписи. По произведеннымъ изслѣдованіямъ оказывается, что къ 1859 году число лицъ уничтоженнаго нынѣ крѣпостнаго сословія простиралось до 22,512,570 душъ обоюго пола, что составляло 35²/₃% общаго населенія имперіи.

По дѣламъ государственнаго хозяйства весьма важны предварительные расчеты центральнаго статистическаго комитета касательно большаго уравнительности въ классификаціи губерній и областей, примѣнительно къ раскладкѣ государственныхъ повинностей. Трудъ этотъ былъ оконченъ въ 1859 году и переданъ на разсмотрѣніе подлежащихъ вѣдомствъ.

Ученая дѣятельность центральнаго статистическаго комитета дополнялась составленіемъ списковъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ имперіи. Для изданія этихъ списковъ ассигновано 9,200 руб. изъ суммъ бывшаго статистическаго комитета.

Что же касается мѣстной обработки статистическихъ свѣдѣній въ разныхъ мѣстахъ Россіи, то въ 1859 году обращено было особенное вниманіе на дѣятельность статистическихъ комитетовъ. Надобно замѣтить, что учрежденіе ихъ относится къ 1835 году, но дѣйствія ихъ повсемѣстно оказывались неудовлетворительными, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ихъ даже вовсе не существовало. Нынѣ комитеты эти существуютъ и дѣйствуютъ на новыхъ основаніяхъ.

За тѣмъ намъ остается сообщить свѣдѣнія объ отчетности министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1859 году было обревизовано отчетовъ разныхъ мѣстъ подвѣдомственныхъ этому министерству: по департаменту полиціи исполнительной на сумму 46,092,222 руб. 28¹/₂ коп., по департаменту хозяйственному на сумму 224,607,804 руб. 40³/₄ коп. Кромѣ того при министерствѣ учреждена съ апрѣля 1856

года временная контрольная комиссия для приведения въ порядок отчетовъ прежняго времени.

Такимъ образомъ, воспользовавшись «Извлеченіемъ изъ всеподданнѣйшаго отчета» министра внутреннихъ дѣлъ, за 1859 г., мы представили нашимъ читателямъ общій очеркъ развитія нашей административной жизни.

Перейдемъ теперь къ обзорѣнню другихъ отдѣльныхъ явленій въ нашей гражданской и общественной жизни.

II.

С.-Петербургское и московское закладныя общества. — Уставъ общества для содѣйствія процвѣтанію отечественной промышленности. — Ярославское общество вспомоществованія бѣднымъ. — О дозволеніи выпускать платежные билеты ппм маркп. — Извѣстія по крестьянскому дѣлу. — Постановленіе о населенныхъ мѣстностяхъ, поступающихъ къ лицамъ не дворянскаго званія. — Новое правило касательно службы по дворянскимъ выборамъ. — Свѣдѣнія о нижегородской ярмаркѣ. — Замѣтки о современномъ состояніи сельскаго хозяйства. — Петровская земледѣльческая академія. — Музей и публичная бібліотека въ Москвѣ.

Въ послѣднее время, въ числѣ весьма важныхъ вопросовъ былъ способъ доставанія ссудъ подъ залогъ домовъ, находящихся въ столицахъ. Извѣстно, что большая часть домовъ покупались обыкновенно съ переводомъ долга, что много облегчало покупателейъ, не требуя отъ нихъ наличныхъ капиталовъ при самой покупкѣ дома. Кромѣ того, большая часть домовъ, особенно въ Петербургѣ, строились такимъ образомъ: часть дома отстроивалась, отстроенная часть отдавалась въ залогъ и на полученныя въ ссуду деньги оканчивалась постройка; послѣ чего совершенно отстроенный домъ перезакладывался за высшую сумму, которая очень часто, въ свою очередь, употреблялась опять на постройку, шедшую въ залогъ. Такіе денежные обороты весьма облегчали пріобрѣтателей и строителей домовъ, а потому, съ прекращеніемъ выдачи ссудъ подъ залоги домовъ, многіе домовладѣльцы были поставлены въ крайнее затрудненіе, такъ какъ залогъ въ частныя руки, кромѣ пріисканія капиталистовъ, представлялъ еще ту трудность, что заимодавцы, пользуясь стѣсненными обстоятельствами закладчика, обыкновенно предлагали ему весьма обременительныя условія.

Вслѣдствіе этого, большинство домовладѣльцевъ въ Петербур-

гѣ и Москвѣ съ нетерпѣніемъ ожидали положительныхъ извѣстій объ учрежденіи городскихъ банковъ, которые принимали бы въ залогъ недвижимую собственность, находящуюся въ столицахъ. Среди этихъ ожиданій, въ концѣ августа текущаго года были напечатаны въ газетахъ Высочайше утвержденные уставы с. петербургскаго и московскаго закладныхъ обществъ и с. петербургскаго городского кредитнаго общества.

Учредителями с. петербургскаго закладнаго общества были слѣдующія лица: тайный совѣтникъ Цеймернъ, потомственный дворянинъ и с. петербургскій 1-ой гильдіи купецъ Филейзенъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Варникъ, генераль-маіоры: Заржецкій и Пасутинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гонзаго-Павличинскій и лондонскій негоціантъ Фалькгагенъ Залѣсскій. Въ Москвѣ же учредителями подобнаго общества, кромѣ г.г. Гонзаго-Павличинскаго и Фалькгагена-Залѣскаго, состоятъ другія лица, именно: коммерціи совѣтникъ Анановъ, 1-й гильдіи купецъ Вогау, надворный совѣтникъ Кошелевъ, дворянинъ Прибыльскій, почетные граждане: Солдатенковъ, Хлудовъ и Фридрихсгамскій 1-й гильдіи купецъ Ценкеръ.

Уставы обоихъ закладныхъ обществъ совершенно сходны между собою. Мы не будемъ приводить ихъ въ подробности, но укажемъ только на существенныя статьи упомянутыхъ уставовъ: Все, что будетъ сказано о с. петербургскомъ обществѣ относится равномѣрно и къ московскому.

С. петербургское закладное общество учреждается на акціяхъ. Цѣль этого общества состоитъ въ производствѣ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ чертѣ города С. Петербурга. Ссуды эти производятся закладными облигациями общества и частью чистыми деньгами; сумма выпущенныхъ облигаций ни въ какомъ случаѣ не должна превышать общей суммы всѣхъ ссудъ, дѣйствительно обществомъ выданныхъ и обеспеченныхъ заложенными имуществами. Общество начинаетъ свои операціи по ссудамъ, когда сумма стоимости предъявленныхъ въ немъ къ залогу имуществъ по городской оцѣнкѣ достигнетъ двухъ миліоновъ рублей.

Складочный капиталъ общества составляется выпускомъ акцій одинаковаго достоинства, по сту рублей каждая, и сообразно своему назначенію, раздѣляется на основной и оборотный. Основной капиталъ общества опредѣляется первоначально въ одинъ миліонъ пятьсотъ тысячъ рублей, съ раздѣленіемъ на пятнадцать

тысячъ акцій; во всякомъ же случаѣ этотъ капиталъ долженъ составлять не менѣе одной двадцатой той денежной суммы, которую представлять будутъ закладныя облигаціи общества (по нарицательной своей цѣнѣ) въ обращеніи находящіяся. Назначеніе основнаго капитала состоитъ въ томъ, чтобы, въ случаѣ несправности заемщиковъ, во взносѣ слѣдующихъ съ нихъ ежегодныхъ платежей, производить изъ этого капитала своевременную, въ назначенные сроки, уплату, какъ процентовъ по закладнымъ облигаціямъ, такъ и капитала на количество облигацій, какое будетъ подлежать выкупу по тиражу облигацій.

Управленіе общества будетъ состоять: изъ правленія общества, наблюдательнаго комитета и общаго собранія акціонеровъ. Всѣ правила, относящіяся къ этимъ учрежденіямъ, представляютъ много сходнаго съ правилами другихъ акціонерныхъ обществъ, и потому мы считаемъ возможнымъ не приводить ихъ содержанія и перейти прямо къ операціямъ общества.

Общество выдаетъ ссуды на сроки отъ 10 до 17 лѣтъ подъ деревянные и отъ 10 до 26 лѣтъ подъ каменные дома. Количество ссуды ни въ какомъ случаѣ не превышаетъ $\frac{3}{4}$ оцѣночной суммы подъ каменные дома; $\frac{2}{3}$ подъ каменные съ надстройкой деревяннаго этажа; $\frac{1}{2}$ подъ деревянные на каменномъ фундаментѣ. Фабрики и заводы принимаются въ залогъ только какъ строенія, доходъ же ими приносимый, въ качествѣ промышленныхъ заведеній, не принимается во вниманіе. Не принимаются въ залогъ театры и вообще недвижимости, подверженныя случайностямъ, могущимъ уменьшить ихъ доходъ и цѣнность.

Возвратъ обществу выданной въ ссуду капиталной суммы съ процентами, производится посредствомъ ежегодныхъ срочныхъ платежей, въ теченіе всего срока, на который выдана ссуда. Эти годовые платежи состояются: а) изъ интересовъ по 5 на сто на уплату по закладнымъ облигаціямъ; б) изъ процентовъ погашенія, соразмѣрныхъ сроку, на какой ссуда выдается и, обращаемыхъ на погашеніе закладныхъ облигацій, в) изъ $\frac{3}{4}\%$ на капиталную сумму долга, если количество ссудъ не превышаетъ 5 миліоновъ рублей изъ $\frac{1}{2}\%$, если количество ссудъ превышаетъ 5 миліоновъ и изъ $\frac{1}{4}\%$, когда оно превзойдетъ 10 миліоновъ руб., на расходы по управленію общества и за комиссію по производству ссудъ.

Всѣ вышеозначенные платежи производятся равными частя-

ми, за каждые шесть мѣсяцевъ впередъ, въ опредѣленные обществомъ сроки.

Кромѣ уставовъ двухъ упомянутыхъ закладныхъ обществъ въ началѣ сентября появился въ печати Высочайше утвержденный Уставъ Общества для содѣйствія къ процвѣтанію отечественной промышленности. Общество это учреждается въ Москвѣ, преимущественно изъ русскихъ фабрикантовъ, заводчиковъ и торговцевъ, вносящихъ въ кассу общества, по которому либо изъ нижесказанныхъ разрядовъ, ежегодную плату. Кромѣ того, лица, извѣстныя своею ученостію или полезными трудами по одной изъ отраслей, входящихъ въ кругъ занятій общества, принимаются въ члены общества, безъ обязательнаго взноса денегъ; но назначеніе ихъ можетъ послѣдовать по избранію не менѣе *двухъ третей* наличныхъ членовъ общаго собранія. Во время нижегородской ярмарки собранія членовъ общества, въ случаѣ надобности, могутъ происходить и въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Что же касается цѣли общества, то оно имѣетъ цѣлю: а) наблюдать за досмотромъ и очисткою ввозимыхъ черезъ таможенныя иностранныя товары. Для этого оно избираетъ и содержитъ отъ себя уполномоченныхъ въ таможенныхъ, назначаетъ ревизоровъ надъ дѣйствіями этихъ уполномоченныхъ, и собираетъ нужныя денежныя средства и

б) устранять препятствія къ развитію мануфактуръ и торговли въ Россіи и оказывать содѣйствіе къ ихъ процвѣтанію. Съ этою цѣлю оно разузнаетъ о нуждахъ и потребностяхъ фабричной промышленности и торговли и входитъ по сему предмету къ правительству со своими представленіями.

Для ежегодныхъ членскихъ взносовъ постановляется семь разрядовъ. Высшій размѣръ взноса 150 руб. меньшій 30 рублей. Основаніемъ для опредѣленія размѣровъ по взносамъ служитъ распредѣленіе фабрикантовъ, заводчиковъ и торговцевъ на семь разрядовъ, сообразно съ цѣнностію производимыхъ ими оборотовъ. На этомъ основаніи въ 1-мъ разрядѣ полагаются тѣ лица, обороты которыхъ простираются до 800,000 руб. и выше, а въ 7-мъ тѣ, обороты которыхъ доходятъ до 25,000 рублей и ниже.

Остальная часть устава заключаетъ въ себѣ указанія на способы управленія дѣлами общества распорядительнымъ комитетомъ и общимъ собраніемъ членовъ общества.

Спустя нѣсколько дней послѣ появленія въ печати Устава Общества для содѣйствія къ процвѣтанію отечественной промыш-

иленности, былъ напечатанъ въ газетахъ уставъ общества, имѣющаго совершенно иной характеръ. Мы говоримъ объ уставѣ Ярославскаго общества вспомошествованія бѣднымъ. Новое общество имѣетъ цѣлью вспомошествованіе лицамъ нуждающимся въ средствахъ къ жизни, въ особенности тѣмъ, которые не рѣшаются сами просить, и которыхъ, по этому, само общество старается отыскать. Помощь свою будетъ оказывать общество не однѣми деньгами, но и другими способами, какъ-то доставленіемъ бѣднымъ выгодныхъ работъ, съ нужными для исполненія ихъ инструментами, содѣйствіемъ къ сбыту ихъ произведеній, помѣщеніемъ дѣтей для обученія разнымъ ремесламъ, обученіемъ грамотѣ, надѣленіемъ съѣстными припасами, одеждою, лекарствами и т. д.

Общество это есть дѣло женской благотворительности; оно состоитъ изъ дамъ, изъявившихъ желаніе принять участіе въ его дѣйствіяхъ ежегодными пожертвованіями, равно и личною дѣятельностію на помощь бѣднымъ. Дамы эти получаютъ званіе дѣйствительныхъ членовъ и каждая изъ нихъ ежегодно вноситъ десять рублей серебромъ. Тѣмъ же лицамъ, которые, не желая нести личные труды въ дѣлахъ общества, обязались лишь ежегоднымъ взносомъ не менѣе 10 рублей сер. предоставляется званіе почетныхъ членовъ общества.

Мы говорили о трехъ разнородныхъ, только-что возникшихъ обществахъ и, конечно, читателямъ нашимъ не разъ приходилъ на мысль вопросъ о необходимости одинаковыхъ средствъ для всѣхъ этихъ обществъ, а именно о деньгахъ. Извѣстно, что въ последнее время у насъ встрѣчаются большія трудности не только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть деньги съ помощью кредита, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ нужно размѣнять уже имѣющіяся въ наличности деньги. Газеты наши не разъ уже сообщали о трудности размѣна кредитныхъ билетовъ и о средствахъ предпринимаемыхъ частными лицами къ устраненію этихъ крайне-стѣснительныхъ неудобствъ. У насъ являлось очень много статей, предлагавшихъ способы для облегченія денежныхъ размѣновъ, въ нѣкихъ мѣстахъ дозволили выпускъ платежныхъ билетовъ или марокъ частными лицами.

Такъ въ «киевскомъ Телеграфѣ» сообщено было, что г. начальникъ кievской губерніи препроводилъ въ мѣстное губернское правленіе, для подлежащаго опубликованія, врисланныя

г. генералъ-губернаторомъ, княземъ Васильчиковымъ «Правила, по коимъ могутъ быть выпускаемы въ народное обращеніе платежныя квитанціи, марки или билетки.»

На основаніи упомянутыхъ правилъ, выпускъ платежныхъ билетиковъ или марокъ разрѣшается только питейнымъ откупщикамъ, содержателямъ акцизныхъ сборовъ, главнымъ подрядчикамъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и извѣстѣйшимъ гильдейскимъ купцамъ. Лица эти на выпускъ платежныхъ билетовъ обязаны испрашивать особыя отъ начальника губерніи разрѣшенія и имѣютъ право выпускать въ обращеніе билетки только на объявленныя ими суммы, которыя должны быть обезпечены особыми денежными залогами, представленными въ мѣстную городскую думу или ратушу, съ объявленіями, сколько они намѣрены выпустить марокъ отдѣльно въ 5, отдѣльно въ 10 и такъ далѣе до 30 коп. включительно. Марки высшей стоимости не допускаются.

Марки могутъ быть писанныя или печатныя и должны быть выпускаемы въ обращеніе за надлежащими, въ послѣдовательномъ порядкѣ, нумерами, изъ коихъ одинъ означаетъ, сколько вообще выпущено билетиковъ разной стоимости, а другой — сколько, выпущено таковыхъ той цѣны, которая означена въ билетикѣ. Билетки подписываются бухгалтеромъ думы или ратуши съ приложеніемъ казенной печати. Залоги возвращаются только по предъявленіи всѣхъ выпущенныхъ и потомъ выкупленныхъ билетиковъ.

Вслѣдъ съ изданіемъ этихъ правилъ, утвержденныхъ г. генералъ-губернаторомъ, княземъ Васильчиковымъ, вѣнено въ обязанность городскимъ и земскимъ полиціямъ безотлагательно привести въ извѣстность всѣхъ лицъ, выпускавшихъ доселѣ въ народное обращеніе билетки, о настоящемъ распоряженіи и истребовать отъ нихъ свѣдѣнія—на какую сумму ими выпущено билетиковъ и за снмъ понудить ихъ къ тому, чтобы они или выкупили въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всѣ выпущенныя ими билетки, или же, исходяйствовавъ разрѣшеніе начальника губерніи на выпускъ таковыхъ по установленнымъ нмѣ правиламъ, представили въ думу или ратушу денежный залогъ и вымѣняли бы прежде выпущенныя билетки на новыя, составленныя по опредѣленной формѣ.

Одновременно съ принятіемъ этихъ мѣръ по тремъ губерніямъ Кіевской, Волынской и Подольской, входящимъ въ со-

ставъ одного общаго генералъ-губернаторства, могилевское губернское правленіе напечатало въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ слѣдующее объявленіе:

«Нѣкоторые изъ могилевскихъ купцовъ, вслѣдствіе недостатка въ разнѣнной монетѣ и въ отклоненіе происходящаго отъ того затрудненія въ расчетахъ съ покупателями у нихъ товаровъ, по примѣру другихъ городовъ, пустили въ обращеніе частныя долговыя росписки: такъ купцы Юсиль и Ааронъ Ритнеры выпустили такихъ росписокъ на 5,070 рублей, содержатель могилевскаго коробочнаго сбора, купецъ Абрамъ Берлинъ, на 8,500 рублей, купецъ Мееръ Мееровичъ заготовилъ росписокъ на 1050 рублей, Ерахміель Волесонъ тоже на 1,050 рублей, Зальманъ Мееровичъ на 1,020 рублей; прикащикъ содержателя магазина Жерара, еврей Азикъ Лейкинъ, заготовилъ гдѣ-то и неизвѣстно на какую сумму отъ своего имени, печатныя росписки, и, сколько извѣстно, въ другихъ городахъ и даже вѣстечкахъ здѣшней губерніи пущены въ обращеніе подобныя росписки.

Въ отклоненіе всякихъ недоразумѣній, губернское начальство считаетъ нужнымъ поставить въ извѣстность жителей города: во-первыхъ, что пріемъ означенныхъ росписокъ ни для кого не обязательенъ—каждый можетъ, по своему соображенію, принимать ихъ или не принимать, вмѣсто денегъ; и во-вторыхъ, что хотя начальство не принимаетъ на себя ручательство въ безспорной уплатѣ по этимъ роспискамъ, считаетъ однако же нужнымъ присовокупить, что каждый, имѣющій у себя эти долговыя росписки, во всякое время имѣетъ право обратиться къ выпустившему ихъ, съ требованіемъ уплаты по нимъ денегъ.»

Безъ всякаго сомнѣнія распоряженія о форменности платежныхъ марокъ, гарантіровкѣ ихъ залогомъ и нѣкоторомъ застрахованіи отъ поддѣлки ихъ приложеніемъ къ нимъ печатей думъ ирагушъ, доставятъ значительныя облегченія при разнѣй кредитныхъ билетовъ на мелкія суммы, тамъ гдѣ ощущается недостатокъ серебрянной и мѣдной монеты, но при этомъ рождается однако одинъ, и, какъ намъ кажется, весьма основательный вопросъ: изъ чего будутъ хлопотать всѣ Аароны, Абрамы, Мееры, Азики, Ерахміели, Зальманы при выпускѣ различныхъ марокъ отъ своего имени? Вѣдь легко нести, что расходы по изготовленію марокъ, особенно самой малой стоимости, со-

ставятъ нѣкоторыя издержки при выпускѣ ихъ въ большомъ количествѣ, кромѣ того предстоятъ хлопоты по испрашиванію разрѣшенія на ихъ выпускъ, по засвидѣльствованію ихъ въ думахъ и ратушахъ и наконецъ представленіе залоговъ, которые во многихъ случаяхъ, будутъ представлять неподвижный капиталъ, что для людей промышленныхъ представляетъ значительный убытокъ. А хлопоты по выкупу марокъ для обратнаго полученія залога, представленнаго въ обезпеченіе ихъ оплатности? Трудно предположить, чтобы торговцы или промышленники, которые воспользуются правомъ выпускать эти марки дѣлали бы это въ ущербъ своихъ собственныхъ выгодъ и при томъ въ виду разныхъ официальныхъ хлопотъ. Въ чемъ же они будутъ искать возмездія за свои труды и за свои издержки? Безъ всякаго сомнѣнія въ уменьшеніи нарицательной цѣны выпущенныхъ ими марокъ. т. е. просто на просто будутъ брать за промѣнъ. Мы полагаемъ, что такой неутѣшительный исходъ дѣла весьма вѣроятенъ, если только выпускатели платежныхъ марокъ не будутъ довольны преимуществомъ, выпускать въ оборотъ деньги со своимъ именемъ.

Перейдемъ теперь къ крестьянскому дѣлу.

Въ промежутокъ времени, взятаго нами для составленія настоящаго «Очерка», мы встрѣтили два свѣдѣнія о ходѣ крестьянскаго дѣла, обращающія на себя, по нашему мнѣнію, особенное вниманіе. Свѣдѣнія эти относятся къ двумъ губерніямъ Калужской и Кіевской и представляютъ между собою разительную разницу, чтобы не сказать противоположность.

По извѣстіямъ изъ Калужской губерніи, самый важный результатъ введенія новаго сельскаго управленія, по отзывамъ мировыхъ посредниковъ, есть тотъ, что крестьяне, понявъ значеніе старшинъ и сельскаго схода, замѣтно стали спокойнѣе, а сильно развившееся между ними, въ послѣднее время, пьянство — умѣрило. Жалобы и недоразумѣнія большею частію оканчиваются миромъ. Въ одномъ мировомъ участкѣ, въ теченіе менѣе двухъ мѣсяцевъ, было 70 разбирательствъ; изъ нихъ окончено миролюбиво 66, арестовано только два человека и столько же оштрафовано деньгами.

Это утѣшительное извѣстіе сообщили «Калужскія Губернскія Вѣдомости», а между тѣмъ, въ то же время, мы встрѣтили въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» слѣдующее свѣдѣніе въ одномъ изъ

постановленій кievскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія:

«Г. мировой посредникъ 2-го участка Радомысльскаго уѣзда донесъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что онъ, во время своихъ частыхъ поѣздокъ по участку, замѣтилъ, что крестьяне толпами пьянствуютъ по корчмамъ, и вслѣдствіе этого происходятъ между ними неумѣстные разговоры и толки, производящіе вредные результаты.» Этотъ посредникъ представилъ присутствію, что для произведенія на крестьянъ вліянія необходимы внѣшніе, наглядные знаки, которые, по его мнѣнію, первоначально дѣйствуютъ болѣе, нежели самыя убѣдительныя рѣчи. По этому, посредникъ просилъ разрѣшенія губернскаго присутствія: не найдетъ ли оно нужнымъ разсылнымъ мировымъ посредниковъ присвоить мундиръ, опредѣленный разсылнымъ уѣздной полиціи, дабы тотчасъ имѣть болѣе средствъ произвести на крестьянъ вліяніе порядка и спокойствія, соответствующее духу Высочайше утвержденныхъ постановленій.

Изъ газеты, которая сообщаетъ всѣ эти свѣдѣнія не видно, какое постановленіе сдѣлано было присутствіемъ по первому пункту представленія мирового посредника; что же касается мундировъ, то губернскае присутствіе уведомило посредника, что о наружныхъ знакахъ для всѣхъ должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управления, будетъ представлено на разрѣшеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ; но въ назначеніи какой-либо формы для безпрестанно перемѣняющихся и не имѣющихъ никакого значенія разсылныхъ не предстоитъ необходимости.

Что же касается общихъ правительственныхъ мѣръ, по помѣщичье-крестьянскому дѣлу, то, въ теченіе принятаго нами для настоящаго обзорія промежутка времени, было распубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ усиленіи межевыхъ средствъ по крестьянскому дѣлу. Въ силу этого постановленія, предоставлено управляющему межевымъ корпусомъ зачислять по межевому вѣдомству тѣхъ оставшихся, изъ разныхъ вѣдомствъ, чиновъ, которые по свѣдѣніямъ своимъ въ землемѣрін, могутъ быть полезны для межевыхъ работъ по крестьянскому дѣлу и изъявлять желаніе служить безъ жалованья, довольствуясь задѣльной платою, по соглашенію съ земледѣльцами. Зачисленіе на службу лицъ, кромѣ слу-

жившихъ въ генеральномъ штабѣ, въ корпусѣ топографовъ, въ артиллеріи, инженерахъ, саперахъ, въ флотѣ и по межевой части какихъ-либо вѣдомствъ, производится по испытаніи въ губернской чертежной, по программамъ, установленнымъ для частныхъ землеброровъ и таксаторовъ, за исключеніемъ только таксаціи и естественныхъ наукъ. Тѣ изъ отставныхъ военныхъ чиновъ, которые окажутъ особое отличіе по разграниченію крестьянскихъ земель, будутъ производиться въ слѣдующіе военные чины, если только тѣ вѣдомства, въ которыхъ служили прежде эти лица, не встрѣтятъ къ тому препятствія.

Въ числѣ правительственныхъ распоряженій по помѣщичьекрестьянскому дѣлу за послѣднее время, мы встрѣтили распубликованное постановленіе о населенныхъ имѣніяхъ, поступающихъ къ лицамъ не дворянскаго происхожденія.

Главный комитетъ для устройства сельскаго состоянія, въ поясненіе правилъ, заключающихся въ новыхъ законоположеніяхъ 19 февраля 1861 года, о порядкѣ поступленія населенныхъ имѣній къ лицамъ не дворянскаго происхожденія и составленія имѣніямъ такого рода уставныхъ грамотъ, положилъ: 1) населенныя имѣнія, доставшіяся по наслѣдству или по просроченнымъ закладнымъ, не потомственнымъ дворянамъ, должны поступать въ вѣдомство дворянскихъ опекъ, впредь до совершенія акта о выкупѣ крестьянами сихъ имѣній поземельнаго надѣла въ установленномъ размѣрѣ, или до отчужденія имѣнія самимъ владѣльцемъ въ собственность потомственнаго дворянина; 2) за тѣмъ на сіи имѣнія вполнѣ распространяется сила пунктовъ 3, 4 и 5 Высочайше-утвержденнаго, 9 февраля 1861 года, мнѣнія государственнаго совѣта, относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачи въ залогъ населенныхъ помѣщичьихъ земель и имѣній и 3) владѣльцы такихъ, состоящихъ въ опекуномъ управленіи, имѣній, согласно статьѣ 26 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній, могутъ участвовать лично въ составленіи уставныхъ грамотъ, въ той мѣрѣ, въ какой это допускается для лицъ, находящихся въ опеку не по малолѣтству и слабоумію.

Коснувшись правъ существующихъ у насъ сословіи, передадимъ читателямъ нашимъ содержаніе Высочайше утвержденного мнѣнія комитета гг. министровъ, о зачетѣ службы для лицъ, избираемыхъ дворянствомъ. Въ силу этого постановленія, исчисленіе сроковъ службы для всѣхъ лицъ, состоящихъ въ

должностях по выборамъ дворянства и не выслужившихъ полного трехлѣтія, по причинѣ измѣненія срока самыхъ выборовъ, считать за полное трехлѣтіе промежутокъ времени отъ однихъ общихъ по губерніи дворянскихъ выборовъ до слѣдующихъ за тѣмъ общихъ же по той губерніи дворянскихъ выборовъ.

Приводя данныя, находящіяся въ «Извлеченіи изъ отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ» мы имѣли случай кратко упомянуть о нижегородской ярмаркѣ. Нынѣ же журналъ «Акціонеръ», въ статьѣ подъ заглавіемъ «Развязка въ Нижнемъ», сообщилъ результаты Нижегородской ярмарки, и мы позволимъ себѣ воспользоваться нѣкоторыми свѣдѣніями изъ этой интересной статьи.

Изъ нея мы узнаемъ, что хотя ярмарка официально и была окончена въ положенный срокъ, но что кой-гдѣ лавки на ней еще были открыты и розничная торговля, по выраженію статьи, силлась еще утащить лишнюю копѣйку въ Москву или въ иное мѣсто. Изъ гуртовыхъ продавцовъ оставались немногіе за расчетами, за отправкою. Очень понятно, что ходъ такого громаднаго, однажды заведеннаго, колеса, какъ Нижегородская ярмарка, останавливается не съ-разу. Нынѣшняя ярмарка затянута особенно на чай, желѣзъ и частію на бумажномъ товарѣ, который, по недостатку его у нѣкоторыхъ торговцевъ, былъ выкупаемъ и во время ярмарки и заставилъ подождать себя.

«Съ чаемъ»,—говоритъ приводимая нами статья,—собственно развязки не было; она будетъ въ Москвѣ и, кажется, продолжится всю зиму. Въ ярмаркѣ прошло около тридцати тысячъ ящиковъ и около этого поступить съ Нижняго въ Москву. До послѣдняго дня ярмарки, цѣны на чай упорно держались на заданной цифрѣ, и покупки были сдѣланы единственно для удовлетворенія покупателей. Нѣкоторые изъ московскихъ особенно показали это и купили даже много меньше того, что требовалось для удержанія за собою покупателя: такъ напримѣръ, одинъ изъ первыхъ торговцевъ, вмѣсто одиннадцати тысячъ, какъ бывало обыкновенно, купилъ только три тысячи ящиковъ. Къ сожалѣнію, борьба эта не равна и люди, свѣдущіе въ дѣлѣ, думаютъ, что цѣна на чай не будетъ дешевле и въ Москвѣ».

Изъ прочихъ товаровъ, за исключеніемъ чая, на довольно видномъ мѣстѣ стояла бухарская бумага. Марена прошла не вся, и у мѣи, какъ у желѣза, не было главнаго двигателя П. С.

Малютина, который, въ прежніе годы, былъ въ этомъ отноше-
ніи, по оригинальному выраженію, «метлой».

Къ товарамъ, не имѣвшимъ хода на нынѣшней ярмаркѣ, кромѣ «замышлагося серьезно» желѣза, принадлежали: кизлярское вино, котораго осталось много непроданнымъ, рыба, икра, ко-
торой нынче было особенно много, но не высокаго качества.

Изъ мануфактурныхъ издѣлій бумажный товаръ былъ, до
конца ярмарки, на первомъ планѣ; сукна и вообще шерстяной
товаръ, особенно цѣнный, шли не шибко; шолковый и вообще
предметы цѣнные, прихоти и роскоши, не шли въ спросѣ
живаго, ярмарочнаго характера. Серебренники торговали не-
дурно; особенно было продано много церковныхъ вещей. Ме-
лочнаго, такъ называемаго галантерейнаго товара, было много
меньше прежнихъ годовъ.—«Нынче пустяковъ разныхъ хоть и
не вози, — говорили на ярмаркѣ, — покупатель все серьезный
такой!»!

У народа есть, впрочемъ, своего рода *галантерей*, это все то,
что продается подъ общимъ именемъ *шольнаго товара*: кресты,
кольца, серьги, подвязки, бусы, зеркальцы, тесьмы, палки, и
т. д. Весь этотъ товаръ прошолъ хорошо.

«Нельзя, — справедливо замѣчаетъ авторъ, — не пожелать, чтобы
товаръ этотъ былъ нѣсколько болѣе похожъ на тѣ названія, ко-
торыя онъ носитъ, и вообще попрочнѣе, но нельзя также и
не удивляться дешевизнѣ его: гривенникъ, двугривенный *цмалл*
дюжмла колецъ или серегъ можетъ легко намекнуть, что на-
роду нашему еще не до щегольства, и что вся эта дребедень
для него *сущіе пустяки*, но безъ которыхъ онъ все-таки не
можетъ обойтись, не понѣжничать, а потому и старается от-
дѣлаться какъ нибудь подешевле».

Дешовыя мѣха, какъ на примѣръ, мерлушка, каракуль, овчи-
на прошли нарасхватъ, и очень высокими цѣнами. Безъ этого
уже не обойдешься, и всякій спѣшить потеплѣе прикрыть, *во*
нуждѣ, знобкое тѣло, — замѣчаетъ авторъ статьи.

А вотъ и вообще его заключеніе объ описанной имъ ярмаркѣ:

«Хотя нижегородская ярмарка носить на себѣ менѣе исклю-
чительно-народнаго характера, нежели второстепенныя, какъ на-
примѣръ, Ростовская и многія изъ мелкихъ украинскихъ, но и
по вышеприведеннымъ даннымъ видно, что народная нужда на-
чинаетъ громко подавать свой голосъ на главномъ базарѣ об-

щих русскихъ нуждъ, которымъ безошибочно можетъ почесться итѣсный торгъ подѣ Нижнимъ».

Добавимъ къ этому, что къ особенностямъ нынѣшней ярмарки принадлежало, между-прочимъ, и то, что банкъ уже выбралъ въ Нижнемъ комитетъ для разсматриванія документовъ, имѣющихъ податься въ Ирбитѣ. Безъ всякаго сомнѣнія такое заблаговременное облегченіе денежныхъ оборотовъ принесетъ большую пользу торговлѣ, производящейся на ирбитской ярмаркѣ, главнѣйшей у насъ послѣ нижегородской.

Къ весьма важнымъ внутреннимъ новостямъ принадлежитъ извѣстіе объ учрежденіи Петровской земледѣльческой академіи близъ Москвы. О будущей академіи появились теперь въ Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ обширная статья, изъ которой мы возьмемъ главныя данныя, относящіяся къ устройству академіи.

Надобно замѣтить, что какъ бы ни было могущественно вліяніе естественныхъ условій, допускающихъ, какъ напримѣръ, въ Россіи, существованіе многообразныхъ отраслей сельскаго хозяйства, — они все-таки составляютъ не болѣе какъ только основу для развитія дальнѣйшихъ успѣховъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства. Для послѣднихъ необходимо, чтобы общій строй учрежденій, прямо соприкасающихся съ народною жизнью, давалъ возможность пользоваться природными богатствами страны.

Въ ряду такихъ учрежденій одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаютъ тѣ, которыя относятся до спеціальнаго сельско-хозяйственнаго образованія. Нельзя не согласиться, что наше хозяйство давно уже требуетъ поддержки со стороны не однѣхъ только рабочихъ силъ, но и со стороны науки. Къ сожалѣнію, однако, такая очевидная потребность сдѣлалась понятно-ощутительна только въ послѣднее время. Въ силу этой потребности, всѣ существующія у насъ агрономическія училища подверглись преобразованіямъ, болѣе или менѣе отвѣчающимъ современному направленію и развитію сельскаго хозяйства въ разныхъ европейскихъ странахъ, опередившихъ насъ на этомъ пути.

Такъ, Горьгорѣцкій земледѣльческій институтъ, съ увеличеніемъ отпускаемыхъ на него денежныхъ пособій, принялъ болѣе-практическое направленіе въ разработкѣ науки и въ занятіяхъ слушателей. Въ училищахъ земледѣльческихъ, съ предоставленіемъ имъ болѣе средствъ для достиженія ихъ цѣли,

введено обученіе, болѣе соотвѣтственное съ прямымъ назначеніемъ этихъ училищъ. Въ лѣсномъ институтѣ, въ послѣднее время, произведены коренныя преобразованія; главное училище садоводства перенесено въ лучшую мѣстность, и подчинено новымъ правиламъ. Наконецъ, учебныя фермы и второстепенныя садовыя заведенія поставлены въ ближайшее отношеніе къ интересамъ нашихъ сельскихъ хозяевъ. Добавимъ къ этому, что у насъ существуютъ пятнадцать періодическихъ изданій, исключительно занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, кромѣ другихъ изданій, имѣющихъ съ ними болѣе или менѣе близкую связь.

Послѣдовавшее въ нынѣшнемъ году уничтоженіе крѣпостнаго права побудило всѣхъ нашихъ землевладѣльцевъ обратиться къ началамъ раціональнаго хозяйства и въ нѣкоторой степени открыло къ нему болѣе удобный доступъ для всего земледѣльческаго населенія. Потребность агрономическаго основательнаго образованія сдѣлалась еще оцутительнѣе и вслѣдъ за этимъ оказалось необходимымъ увеличить еще болѣе и средства, необходимыя для пріобрѣтенія научныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній.

Еще въ 1857 году, въ одномъ изъ собраній Московскаго общества сельскаго хозяйства заявлено было желаніе, — учредить въ Москвѣ сельско-хозяйственное заведеніе, подобно горыгорѣцкому институту. Москва, какъ пунктъ центральный для всей имперіи, не только по своему географическому положенію, но и по своему общественному, хозяйственному, и промышленному значенію, представляетъ всѣ удобства для устройства въ ней подобнаго заведенія, въ особенности, когда она соединится сътью желѣзныхъ дорогъ съ важнѣйшими земледѣльческими губерніями.

Въ началѣ октября прошлаго года, министерство государственныхъ имуществъ получило извѣстіе, что одно изъ лежащихъ близъ Москвы имѣній, Петровское-Разумовское, продается его владѣльцемъ. Скажемъ кстати, что имѣніе это имѣетъ свои историческія преданія. Оно принадлежало нѣкогда царю Алексѣю Михайловичу, потомъ было пожаловано Нарышкинымъ, а въ 1700 году вся вотчина перешла отъ нихъ въ наслѣдство къ Петру I; но собственно Петровское оставалось за Нарышкиными до 1763 года, когда оно перешло во владѣніе къ графу Кирилу Разумовскому, женатому на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной. Наконецъ оно,

послѣ перехода къ разнымъ владѣльцамъ, было въ 1828 году куплено г. Шульцемъ.

Село, избранное для устройства академіи, находится въ 10 верстахъ отъ Кремля, по дорогѣ, ведущей въ Петровскій Паркъ и въ 8 верстахъ отъ станціи желѣзной дороги; время ѣзды до Петровскаго 12 минутъ. При имѣніи этомъ числилось, по послѣдней ревизіи, 79 душъ мужскаго и 82 женскаго пола; изъ нихъ дворовыхъ людей 12. Крестьяне мало занимались хлѣбонашествомъ, засѣвая озимаго хлѣба по одной четверти на тягло. Главнымъ промысломъ мужскаго населенія было легкое извозничество въ Москвѣ, а женскаго—прачешное ремесло; всѣхъ дворовъ въ селѣ было 22. Земли 673 десятины.

Кромѣ исчисленныхъ уже удобствъ, выгоду для учрежденія въ Петровскомъ-Разумовскомъ агрономической академіи представляли другія принадлежности этого имѣнія: старинный господскій домъ съ двумя длинными каменными флигелями, большое зданіе скотнаго двора, каменная оранжерей съ жилыми комнатами, два каменные дачные дома и 14 деревянныхъ, съ необходимыми къ нимъ службами. Лучшее украшеніе усадьбы составляетъ садъ, разбитый съ большимъ вкусомъ на пространствѣ 9 десятинъ, березовый паркъ на 25 десятинахъ и большой проточный прудъ, занимающій до 15 десятинъ. Сверхъ того, около бывшей деревни есть еще большой прудъ, раздѣляющійся тремя плотинами.

Статья, которою мы руководствуемся въ настоящемъ очеркѣ, не упоминаетъ, сколько было заплачено за это имѣніе; можно только сказать, что его устройство значительно облегчаетъ тѣ затраты, которыя должно бы было нести при заведеніи академіи въ такой мѣстности, гдѣ бы не существовало еще столько удобныхъ зданій для помѣщенія сельско-хозяйственныхъ заведеній и служащихъ при немъ лицъ.

Между тѣмъ, при министерствѣ государственныхъ имуществъ былъ составленъ особый комитетъ для обсужденія вопросовъ о заведеніяхъ, которыя полезно учредить въ Петровско-Разумовскомъ и объ основаніяхъ, на которыхъ они должны быть учреждены.

Комитетъ, въ силу соображеній, приведенныхъ въ упомянутой статьѣ, призналъ преимущество учрежденія высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ преподаваніе въ полномъ объемѣ агрономическихъ наукъ, не мѣшая практическому изученію дѣла;

можетъ содѣйствовать образованію хорошихъ управляющихъ имѣніями, въ ряду другихъ специалистовъ по сельскому хозяйству. Комитетъ обратилъ вниманіе еще и на то, что въ Москвѣ уже есть среднее заведеніе — земледѣльская школа Московскаго общества сельскаго хозяйства. Вслѣдъ за этимъ комитетъ нашолъ необходимымъ, для полноты образованія, даваемого слушателямъ высшаго заведенія, имѣть при немъ всѣ пособія для практическаго изученія хозяйства. Наконецъ, по мнѣнію комитета, весьма важно, — въ видахъ практическаго ознакомленія съ разными, какъ нашими, такъ и иностранными орудіями и машинами, съ различными изобрѣтеніями новѣйшаго времени по части земледѣлія и вообще разнообразными средствами хозяйственной дѣятельности, — основать въ Петровскомъ консерваторію, открытую и для слушателей учебнаго заведенія и для публики. Близость Петровскаго отъ Москвы дозволяетъ публикѣ, безъ всякаго затрудненія, посѣщать публичныя лекціи въ академіи.

И такъ комитетъ призналъ удобнымъ устроить въ Петровско-Разумовскомъ:

- 1) Высшее агрономическое заведеніе или Земледѣльскую академію.
- 2) Ферму и
- 3) Консерваторію.

Вотъ главныя основанія для устройства трехъ упомянутыхъ учрежденій: Академія должна быть прежде всего заведеніемъ открытымъ и доступнымъ для всѣхъ; въ ней должны быть только вольнослушатели безъ вступительныхъ и переводныхъ экзаменовъ. Матеріальное положеніе профессоровъ должно быть обезпечено такимъ образомъ, чтобы они исключительно могли посвятить себя ученымъ занятіямъ.

Въ Академіи должны сосредоточиваться учебныя силы и пособія, соотвѣтствующія возможно-полному агрономическому образованію. На преподаваніе полнаго агрономическаго курса назначается четыре года. При Академіи будутъ: библіотека, физическій кабинетъ, химическая лабораторія, сколь возможно полные, дабы какъ слушатели курсовъ, такъ равно и профессора находили въ нихъ совершенно-достаточныя вспомошествованія для своихъ занятій.

Что же касается консерваторіи, то она будетъ представлять коллекціи, по которымъ можно бы было нагляднымъ образомъ

изучать и производительныя силы Россіи, въ ея естественныхъ произведеніяхъ, и положеніе ея сельской промышленности, въ примѣняемыхъ у насъ средствахъ земледѣльческихъ производствъ и въ продуктахъ культуры, и, наконецъ, современное состояніе вообще сельско-хозяйственной техники, въ новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, выражающихъ послѣдніе успѣхи applicaціи науки къ практикѣ въ странахъ, стоящихъ на высшей степени земледѣльческаго развитія.

При академіи будутъ также: опытное поле, ботаническій садъ, его особое отдѣленіе въ оранжереяхъ, фруктовой садъ и огородъ, заведеніе искусственнаго рыболовства и, наконецъ, птичій дворъ.

Устройство академіи со всѣми ея учебными принадлежностями положено окончить въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ. Между тѣмъ теперь же посланы въ разныя страны Европы нѣсколько молодыхъ людей, для приготовленія къ преподавательскимъ должностямъ въ академіи. Академію положено назвать Петровскою, въ воспоминаніе сохранныхъ преданій начертаній Петра Великаго—учредить въ Петровско-Разумовскомъ образцовое агрономическое заведеніе.

Въ настоящее время уже приступлено къ работамъ по проведенію отъ Петровско-Разумовскаго небольшой вѣтви шоссе черезъ Бутырскую заставу.

Кромѣ Петровской академіи, Москва дѣлаетъ еще другое важное приобрѣтеніе: въ ней устрояются музей и публичная бібліотека, въ которой уже давно ощущался большой недостатокъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлано извѣщеніе о томъ, что въ Москвѣ учреждаются музей и публичная бібліотека, тамошнее общество высказало живой интересъ къ скорѣйшему осуществленію этого предпріятія. Интересъ этотъ совершенно понятенъ, равно какъ и то нетерпѣніе, съ которымъ всѣ ожидаютъ окончанія этого дѣла.

Еще въ тотъ годъ, когда баронъ М. А. Корфъ принималъ въ свое вѣдѣніе Императорскую публичную бібліотеку, онъ обратился къ бывшему тогда министру императорскаго двора съ предложеніемъ—основать въ Москвѣ такую же бібліотеку изъ дублетовъ петербургской. Тогда, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», помѣшали этому нѣкоторыя постороннія обстоятельства, какія именно—не сказано; но какъ только рѣшено было положить въ основаніе московской бібліотеки Румянцовскій

музеумъ, баронъ Корфъ принялъ дѣятельное участіе въ возникающемъ учрежденіи.

Важныя затрудненія и значительные расходы предвидѣлись по перевозкѣ въ Москву такого большаго количества тяжестей, но коммерціи совѣтникъ г. Харичковъ взялся перевезти въ Москву весь музеумъ на свой счетъ и исполнилъ это такъ, что въ теченіе двухъ недѣль до 150 шкаповъ и до 400 ящиковъ, въ числѣ коихъ нѣкоторые вѣсили 80 пудовъ (съ мраморными и бронзовыми статуями и картинами) были взяты имъ въ домѣ Румянцевскаго музеума на Англійской Набережной и доставлены прямо въ Москву на Моховую, въ совершенной цѣлости и сохранности. Румянцовскій музей нынѣ окончательно перевезенъ въ мѣсто своего новаго назначенія и его богатая сокровища разставляются въ отведенномъ для него домѣ, бывшемъ Пашкова.

Новая бібліотека обогащается по-немногу частными пожертвованіями; къ нимъ присоединяются всѣ изданія правительственныхъ мѣстъ и ученыхъ обществъ, принимающихъ живое участіе въ дѣлѣ, которое имѣетъ такую важность для древней русской столицы.

Помѣщеніе новаго учрежденія не только самое удобное, но даже, можно сказать, великолѣпное. Для тѣхъ, кто бывалъ хоть разъ въ Москвѣ, долженъ быть знакомъ Пашковскій домъ, одно изъ монументальныхъ зданій въ Москвѣ и лучший представитель архитектуры XVIII вѣка. Но это зданіе необходимо приспособить къ его новому назначенію, а это требуетъ не мало трудовъ и издержекъ.

Въ помѣщеніи, назначенномъ для музея и бібліотеки, необходимо повсюду устроить водопроводы, также своды для храненія драгоценныхъ рукописей, передѣлать нѣкоторыя части зданія для скульптурныхъ слѣпковъ, устроить читальный залъ, и шкапы, а также приготовить особый залъ для помѣщенія картинъ.

Такого рода значительныя работы замедляютъ открытіе для публики давно желаемаго музея. Онъ уже много подвинулся впередъ; но сопряженные съ этимъ труды останавливаютъ, пока, окончаніе дѣла.

Вотъ на первый разъ собраніе тѣхъ данныхъ, которыя опредѣляютъ развитіе нашего матеріальнаго и умственнаго быта въ настоящее время.

ПОЛИТИКА.

I. Августѣйшіе путешественники.

Въ послѣднее время газеты были наполнены неопредѣленными толками, а вмѣстѣ съ ними и многими положительными извѣстіями о разныхъ путешествіяхъ, предпринимаемыхъ владѣтельными лицами и членами ихъ домовъ. Преимущественно же предметами газетныхъ толковъ были путешествія, совершонныя во Францію. Съ легкой руки короля шведскаго, Франція ждетъ къ себѣ теперь многихъ высокихъ гостей. Пріѣзды ихъ къ Наполеону не остаются безъ болѣе или менѣе сильныхъ впечатлѣній на дипломатическую сферу: такъ-какъ въ пріѣздахъ этихъ видятъ зародыши новыхъ союзовъ и сближеній, завязку новыхъ политическихъ симпатій, а также удобный случай къ развитію въ искренней бесѣдѣ многихъ европейскихъ, нерѣшенныхъ еще вопросовъ и къ начертанію особыхъ программъ для настоящихъ и будущихъ дѣйствій со стороны европейскихъ кабинетовъ. До какой степени справедливы бывають надежды, возбуждаемыя августѣйшими путешественниками въ однихъ, или же опасенія, порождаемыя ими въ другихъ,—рѣшить нѣтъ никакой возможности. Въ всякомъ же случаѣ никакъ нельзя отвергать, что, по поводу августѣйшихъ поѣздокъ, рождается огромный избытокъ такого рода надеждъ и опасеній. Вліяніе путешествій, предпринимаемыхъ высокими особами, отразилось въ послѣднее время не только въ Европѣ, но даже и въ Америкѣ. Прошлагоднее путешествіе принца Уэльскаго считалось скрѣпленіемъ дружескихъ отношеній между Англіею и Соединенными Штатами, а въ недавнее время

поѣздка принца Наполеона въ Соединенныя Штаты была предметомъ толковъ и въ дипломатическихъ кружкахъ и въ газетахъ.

Принцъ Наполеонъ пріѣхалъ въ Америку совершенно неожиданно; онъ выбралъ для своей жены домъ въ Нью-Йоркѣ, оставилъ ее тамъ, а самъ принялся разъѣзжать во всѣ стороны распадающагося Союза. Онъ былъ инкогнито въ поколебленномъ центрѣ сѣверо-американскаго правительства, въ Вашингтонѣ, и провелъ тамъ около недѣли, очаровавъ всѣхъ своею непринужденностію; потомъ онъ постигъ поле сраженія при Буль-Рунѣ, провелъ одну ночь въ лагерѣ инсургентовъ, и, не нарушивъ этими ночлегомъ нейтралитета, возвратился въ Нью-Йоркъ, обѣдалъ тамъ у разныхъ лицъ и потомъ обзрѣвалъ Чакаго и окрестныя равнины. Продолжительное пребываніе принца Наполеона въ Нью-Йоркѣ заставило многія газеты предполагать, что онъ тамъ, кромѣ исполненія данаго ему императоромъ Наполеономъ порученія, на счетъ примиренія враждующихъ сторонъ, обдумываетъ еще планы въ свою пользу, — короче, что онъ тамъ ищетъ императорской или королевской короны, которой онъ до сихъ поръ не могъ еще отыскать въ Европѣ и которую, по его мнѣнію, ему можетъ доставить въ Америкѣ счастливый случай; но, по всей вѣроятности, онъ ошибется въ своихъ ожиданіяхъ.

При толкахъ о разныхъ августѣйшихъ путешественникахъ, газеты, въ теченіе августа мѣсяца и начала сентября, утвердительно говорили между прочимъ и о томъ, что даже новый наслѣдникъ Османовъ, никогда не выѣзжавшихъ изъ предѣловъ своего государства ни съ ученою, ни съ политическою цѣлью, — султанъ Абдуль-Азисъ тоже отправится странствовать по Европѣ и что онъ въ половинѣ октября будетъ въ Вѣнѣ, откуда поѣдетъ въ Парижъ и Лондонъ.

Слухи о путешествіи султана по этому плану продолжались настойчиво, и только теперь многія газеты сообщили, что предложенная султаномъ поѣздка не состоится, потому что улемы воспротивились выѣзду повелителя правовѣрныхъ въ страну гяуровъ. Если они это сдѣлали для государственной экономіи, то, само собою разумѣется, что поступили хорошо; если же они воспротивились султанской поѣздкѣ единственно изъ любви къ застою и коснѣнію, то похвалить ихъ за это нельзя. Такимъ образомъ западная Европа, благодаря упорству улемовъ, не увидитъ одного изъ самыхъ любопытныхъ для нея августѣйшихъ путешественниковъ, но ей, взаимнъ султана, остаются еще другіе вояжеры.

Такъ газеты въ настоящее время сообщаютъ, что во Францію собираются пріѣхать три августѣйшихъ путешественника, а

именно, короли: прусскій, датскій и нидерландскій. Всѣ они, какъ нынѣ прежде, должны были съѣхаться въ Компьенѣ, и поговорить между собою сообща. Судя по настоящему ходу дѣлъ, полагаемъ, что предметомъ свиданія между двумя первыми будетъ голштинскій вопросъ, который будетъ разрѣшонъ такимъ образомъ подъ руководствомъ императора Франціи. По какому же дѣлу пріѣдетъ къ Наполеону въ гости король нидерландскій, объ этомъ газеты не говорятъ ничего положительнаго. Догадки о времени и мѣстѣ свиданія всѣхъ этихъ путешественниковъ въ иныхъ газетахъ дѣлались и дѣлаются безъ всякихъ политическихъ соображеній, но только смотри на очистку городовъ, предпринимаемую полиціею. Такъ недавно французскія газеты сообщали, что безъ всякаго сомнѣнія король прусскій непремѣнно повидается съ императоромъ Наполеономъ, въ столицѣ Эльзаса, Страсбургѣ, потому что въ этомъ городѣ дѣлались, одно-время, большія приготовленія: чистили улицы, подновляли дома, какъ нельзя усердиѣе, золотили рѣшотку отеля префектуры, и совершенно передѣлывали театральную залу. Однимъ словомъ, въ Страсбургѣ хлопотали и суетились такъ, какъ будто бы ожидали, что страсбургской полиціи зададутъ хорошій нагоняй, если къ его пріѣзду улицы будутъ не чисты, дома не подновлены, а главное, если рѣшотка отеля префектуры не будетъ блестяща яркой позолотой. Впрочемъ фактъ этотъ показываетъ желаніе французской журналистики заниматься порою и мелочами.

Но когда, по приведенной сейчасъ причинѣ, страсбургцы поджидали къ себѣ короля Вильгельма, вышли въ этомъ ожиданіи маленькія недоразумѣнія: чистка улицъ и подновленіе домовъ начались одновременно и въ Компьенѣ; да мало этого: стали положительно говорить, что страсбургцы напрасно признались чисткой своего города, такъ какъ не къ нимъ, а въ Компьенъ будетъ отправлена императорская гвардія, для устройства, въ честь короля Вильгельма I, большаго смотра подъ этимъ городомъ. Заговоривъ о пріѣздѣ прусскаго короля въ Компьенъ, газеты прибавляли, что императоръ Наполеонъ намѣренъ тамъ безъ всякихъ смотровъ, и безъ развлеченія своего гостя воинскими упражненіями, прямо приступить, въ разговорѣ съ нимъ, къ вопросу о германскомъ единствѣ и оказать въ этомъ случаѣ свое содѣйствіе въ пользу прусской короны.

Вопросъ о причинѣ и о результатѣ упомянутаго свиданія между королемъ и императоромъ сдѣлался еще занимательнѣе, когда нѣкоторыя французскія газеты стали намекать о возможности свиданія между королемъ прусскимъ и императоромъ австрійскимъ, послѣ поѣздки перваго въ Компьенъ и, слѣдовательно, послѣ его переговоровъ съ императоромъ французомъ, отно-

сительно германскихъ интересовъ. Газета «Patrie» назначила даже день этого знаменательнаго свиданія, а именно — 2 ноября (21 октября). Къ этому она прибавила, что при сѣздѣ короля прусскаго и императора австрійскаго будутъ присутствовать и другіе германскіе государи, такъ что какъ-будто составится изъ нихъ конгрессъ, на которомъ станутъ обсуживать образъ дѣйствій французской политики. Очень понятно; что такое, почти общее свиданіе всѣхъ верховныхъ нѣмецкихъ властей не могло не возбудить сильнаго толка въ политическомъ мірѣ и не навести политиковъ на нѣкоторыя мысли, какъ о положеніи дѣлъ, такъ и о способѣ исхода нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наконецъ есть и такія газеты, которыя не придаютъ никакой особенной важности настоящей поѣздкѣ прусскаго короля во Францію. Эти газеты считаютъ пріѣздъ Вильгельма I къ Наполеону не болѣе какъ только любезностію, отплатой за визитъ, сдѣланный императоромъ Наполеономъ нынѣшнему прусскому королю пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, у дочери его, великой герцогини Баденской. Газеты объяснявшія, такимъ образомъ, цѣль путешествія Вильгельма I, замѣчали, что его величество заплатитъ своимъ пріѣздомъ долгъ вѣжливости императору.

Впрочемъ любители политическихъ соображеній придавали важность нынѣшней встрѣчѣ короля прусскаго съ императоромъ французомъ еще и по той причинѣ, что оба государя уже знакомы другъ съ другомъ, такъ какъ они, въ минувшемъ году, провели вмѣстѣ въ Баденѣ три дня, и что, по этому, разговоры ихъ будутъ теперь свободнѣе, и, что вѣроятно, оба государя, побесѣдовавъ другъ съ другомъ, не разстанутся, не объяснившись между собою на счетъ того, какъ каждый изъ нихъ смотритъ на положеніе Европы и на многіе спорные вопросы, вращающіеся въ европейской дипломатіи. Прусскій король, какъ объясняютъ нѣкоторые политики, по многія причинамъ рѣшился посѣтить императора въ Компьенѣ, а не въ Шалонскомъ лагерѣ. Между прочимъ одна изъ причинъ такого посѣщенія заключается въ томъ, что въ Шалонѣ императоръ показалъ бы непременно королю французскую армію въ полномъ сборѣ, а это обстоятельство, чего добраго, возбудило бы не мало опасеній въ европейскихъ кабинетахъ, которые въ этомъ, скорѣе всего потѣшномъ, указаніи солдатъ, пушекъ и коней увидѣли бы начало военной лиги между Франціей и Пруссіей, подняли бы безпокойный между собою говоръ и вслѣдствіе этого полетѣли бы со всѣхъ сторонъ, и въ Германію и въ Парижъ, вопросительныя, объяснительныя и отвѣтныя ноты.

Между тѣмъ прусскія газеты, среди всеобщаго говора европейскихъ газетъ о настоящей поѣздкѣ короля Вильгельма I,

долгое время хранили упорное молчаніе, и только 27-го (17-го) сентября министерскій органъ «Прусская Всеобщая Газета» сообщила, что комьенское свиданіе состоится 6-го октября (24-го сентября). Она формально указывала на то, что путешествіе короля не имѣетъ вовсе политическаго значенія и что оно ничего болѣе какъ только — отплата за посѣщеніе, сдѣланное Вильгельму, въ прошломъ году, въ Баденѣ императоромъ французомъ. Къ этому упомянутая газета прибавляла, что короля будетъ сопровождать въ Комьенъ, прусскій посланникъ при парижскомъ дворѣ, графъ Пурталесъ. Итакъ, характеръ этого свиданія, вызваннаго только взаимною вѣжливостію, теперь определенъ официально. Мы не беремся однако рѣшить до какой степени можно полагаться на официальные увѣренія вообще, а въ области политики въ особенности. Вѣдь очень понятно, что и послѣ такого опредѣленія королевской поѣздки, свидѣвшіеся между собою монархи заговорятъ и о Голштиніи, и объ единствѣ Германіи и объ Австріи. Легко можетъ быть, что обо всемъ этомъ не заговоритъ король, но неловко же будетъ молчать, если рѣчь объ этомъ поведетъ августѣйшій хозяинъ. Надобно также замѣтить, что этому свиданію, несмотря на заявленіе, сдѣланное «Всеобщей Прусской газетой», придаютъ во Франціи чисто-политическое значеніе; та же самая молва ходитъ объ этомъ свиданіи и въ Вѣнѣ, гдѣ предвидятъ, что настоящее свиданіе короля Вильгельма съ императоромъ Наполеономъ не останется безъ прямыхъ послѣдствій.

Въ виду этого, нынѣ состоявшагося, свиданія, австрійскія газеты широко разсуждаютъ о бывшихъ и настоящихъ отношеніяхъ Пруссіи къ Австріи, и дѣлаютъ это онѣ съ замѣтнымъ, можно сказать даже съ лихорадочнымъ, волненіемъ. Несмотря на всю осторожность и уклончивость австрійской политической журналистики, въ ней все болѣе и болѣе высказывается теперь то сознаніе, что главная виновница нынѣшнихъ холодныхъ, почти недружелюбныхъ отношеній между обѣими, первенствующими германскими державами—сама Австрія, и хотя на политику г. Шлейница, которой онъ держался во время послѣдней итальянской войны, столь бѣдственной для Австріи, все еще продолжаютъ нападать австрійскія газеты, однако историческая истина такъ очевидна, что нападки эти не могутъ имѣть въ образованномъ мірѣ ни сочувствія, ни отголоска.

Прусскія газеты, кромѣ,—какъ мы это сказали,—одной министерской, т. е. «Всеобщей Прусской» молчатъ о свиданіи, хотя въ Пруссіи, по извѣстіямъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, и ожидаютъ отъ комьенскаго свиданія скрѣпленія и обезпеченія взаимныхъ дружественныхъ отношеній между этой дер-

жавой и Франціей, а также и усиленія увѣренности въ обѣихъ странахъ, что имъ нечего опасаться на Рейнѣ другъ друга.

. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что берлинскій кабинетъ не имѣетъ никакого повода враждовать въ настоящую минуту съ Франціей; онъ боится только будущаго проявленія французской политики на Рейнѣ, которая будетъ дѣйствовать, безъ всякаго сомнѣнія, въ ущербъ цѣлости и единству Германіи, — двумя стремленіямъ, составляющимъ нынѣ завѣтную мечту этой страны. Между тѣмъ Пруссія, при всемъ расположеніи своемъ къ Франціи, не можетъ не показывать, по крайней мѣрѣ видимаго, безпокойства на этотъ счетъ, такъ какъ безъ оказанія своей заботливости о благѣ Германіи на берегахъ Рейна, въ виду честолюбиваго сосѣда, она потеряла бы въ Германіи свое выгодное положеніе, которое она уже успѣла пріобрѣсти и была бы должна уступить свое первенство Австріи.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, поѣздка Вильгельма I во Францію — дѣло совершившееся. Сперва «Мониторъ», 28-го сентября официально извѣстилъ, что 6-го октября король прусскій пріѣдетъ въ Компьенъ. Къ этому извѣщенію правительственный органъ добавилъ, что къ тому же сроку императорскій дворъ ожидаетъ посѣщенія еще другаго высокаго гостя. Во французскихъ газетахъ, вслѣдствіе такой неопредѣленности о другомъ гостѣ, носились толки о томъ кого же поджидаютъ во Францію? Голландскаго короля или датскаго? Вдавшись въ эти вопросы, французскія и бельгійскія газеты въ передовыхъ своихъ статьяхъ предлагали ихъ разрѣшеніе. Они сообщали, что на пріѣздъ голландскаго короля во Францію разсчитывать къ этому сроку нельзя, по той причинѣ, — какъ глубокомысленно замѣчала «Indépendance Belge», — что нашъ корреспондентъ въ Гагѣ только-что вчера сообщилъ о невѣроятности этой поѣздки, такъ какъ его голландское величество предполагаетъ присутствовать, 21-го октября, при закладкѣ новаго моста на Цумѣтенской желѣзной дорогѣ и что онъ, вслѣдствіе этого, никакъ не поспѣетъ къ сроку, назначенному нѣкоторыми газетами, если онъ отправится во Францію 15-го октября. Мы нарочно приводимъ такія соображенія для того, чтобы показать, какія хлопоты поднимаютъ августѣйшіе путешественники не только на дорогахъ и мѣстахъ своего временнаго постоя, но и въ политической журналистикѣ, имѣющей для своей обработки такой запасъ выдающихся фактовъ и вопросовъ. Между тѣмъ, въ приводимомъ случаѣ вопросъ о поѣздкѣ короля голландскаго разрѣшается, какъ кажется, очень просто: нужно только спросить, что важнѣе: — государственныя ли дѣла, по поводу которыхъ желаетъ король голландскій повидаться съ Наполеономъ, или его церемоніальное присутствие

при закладкѣ моста, на желѣзной дорогѣ? Полагаемъ, вопросъ этотъ рѣшить не трудно, а потому, если королю голландскому дѣйствительно нужно съѣздить во Францію къ извѣстному сроку, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ предпочтетъ отказаться отъ церемональнаго участія въ закладкѣ новаго моста.

Потолковавъ такимъ образомъ о прїѣздѣ голландскаго короля и признавъ прїѣздъ его во Францію въ настоящее время неудобнымъ, газеты пришли къ тому заключенію, что «Мониторъ», заявляя неопредѣленно о новомъ иностранномъ гостѣ при французскомъ дворѣ, разумѣлъ вовсе не голландскаго короля, но короля датскаго. Однако и это предположеніе, — дававшее случай къ обсужденію весьма важнаго и запутаннаго голштинскаго вопроса, — оказалось несостоятельнымъ, потому что, какъ сообщила газета «Independance Belge», еще наканунѣ напечатанія этого извѣщенія въ газетѣ «Pays», — въ датскомъ посольствѣ, въ Парижѣ, не знали рѣшительно ничего о намѣреніи короля Фридриха VII посѣтить Францію. По поводу такихъ сбивчивыхъ свѣдѣній объ августѣйшихъ путешественникахъ «Independance Belge», обманутая въ своихъ соображеніяхъ, съ горькимъ укоромъ стбуетъ на скрытнѣй «Мониторъ» говоря, что развѣ онъ не могъ однимъ опредѣленнымъ офиціальнымъ извѣщеніемъ разсѣять всѣ эти противорѣчія и всю эту путаницу? Это была бы его обязанность, добавляетъ поучительно бельгійская газета.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но императоръ Наполеонъ выѣхалъ 5-го октября изъ Сень-Клу въ Компьенъ для встрѣчи короля прусскаго, прїѣздъ котораго въ этотъ городъ произошелъ 6-го числа. Вся свита короля при настоящей его поѣздкѣ состоитъ изъ однихъ военныхъ; при немъ находится одинъ только гражданскій чиновникъ, секретарь его величества, г. Иеръ. Такой составъ свиты, безъ участія въ ней какого-либо министра, заставляетъ предполагать многія газеты, что предстоящее свиданіе короля съ императоромъ, согласно сдѣланному заявленію во «Всеобщей Прусской Газетѣ» не будетъ имѣть политическаго характера, какой ему старались приписать. Прїѣздъ короля во Францію будетъ только, — какъ мы уже говорили, — отплата вѣжливостью за вѣжливость. При томъ и короткій срокъ пребыванія короля Вильгельма въ Компьенѣ, всего 48 часовъ, не позволяетъ обсудить глубоко, и притомъ съ разныхъ сторонъ, тѣ важныя вопросы, которые такъ близки и французскому и прусскому кабинетамъ.

Добавляютъ впрочемъ, что императоръ Наполеонъ, по особымъ своимъ соображеніямъ, еще не приведеннымъ въ ясность газетамъ, устроилъ дѣло такъ, чтобы къ нему не съѣхались разомъ трое

поджидаемыхъ во Францію королей. Онъ почему-то нашолъ болѣе удобнымъ принять прежде Вильгельма I, а съ другими повидаться нѣсколько позднѣе.

Посмотримъ, что новаго выйдетъ для Европы изъ всѣхъ этихъ поѣздокъ.

II. Послѣднія вѣсти изъ Венгріи.

Говоря послѣдній разъ о событіяхъ въ Венгріи, мы остановились на повелѣніи императора о распушеніи пестскаго сейма; за тѣмъ ходъ тамошнихъ дѣлъ представлялъ слѣдующіе главные факты.

Самый существенный вопросъ для австрійскаго правительства, послѣ распушенія венгерскаго сейма, — былъ о способахъ взиманія податей съ венгерцевъ. Поэтому вопросу возникли въ Вѣнѣ сильныя пренія между австрійскимъ министромъ финансовъ Пленеромъ и канцлеромъ Венгріи, графомъ Форгахомъ. Министръ финансовъ съ своей стороны настаивалъ на продолженіи насильственнаго взиманія податей съ венгерцевъ, такъ какъ, по его мнѣнію, этотъ способъ былъ до сихъ поръ самымъ лучшимъ средствомъ для достиженія правительственной цѣли. Онъ увѣрялъ, что при этомъ способѣ венгерцы платятъ подати безъ уклоненія, такъ что въ теченіе одного іюля мѣсяца съ нихъ было собрано шесть миліоновъ флориновъ, а это обстоятельство было чрезвычайно важно для правительства, потому что означенную сумму можно было употребить на текущіе расходы государства. Возраженіе же канцлера, что издержки правительства, сопряженныя съ такою мѣрою, несоразмѣрны съ выручкой, было отвергнуто министромъ, впрочемъ безъ всякаго, хотя бы приблизительнаго, расчета. Онъ, между прочимъ, опирался еще и на то, что, въ августѣ мѣсяцѣ, предположено было собрать съ Венгріи еще четыре миліона флориновъ въ императорскую казну и что недостатокъ этой суммы заставилъ бы его прибѣгнуть къ такой финансовой операціи, которая бы причинила и безъ того уже обремененной долгами австрійской казнѣ убытку въ 30 или 40 тысячъ флориновъ. Какъ министръ неответственный, г. Пленеръ мало заботился о полнотѣ и ясности своихъ доводовъ на счетъ необходимости насильственныхъ мѣръ; онъ въ своихъ возраженіяхъ ссылался преимущественно только на то, что послабленіе венгерцамъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, врядъ ли будетъ одобрено императоромъ. Къ этому замѣчанію онъ прибавлялъ еще и то, что, по его догадкѣ, подобное послабленіе, оказанное Венгріи, будетъ тамъ признано не милостію

правительства, но проявленіемъ слабости вѣнскаго министерства.

Въ свою очередь канцлеръ Венгріи доказывалъ министру необходимость — отстранить насильственные мѣры и примирить умы въ Венгріи, благоразумными уступками. Онъ упрекнулъ австрійское правительство въ томъ, что кромѣ одного свиданія, которое имѣлъ нѣкогда, въ Пестѣ, его предшественникъ баронъ Вай съ начальниками комитатовъ, не сдѣлано никакой попытки достигнуть полюбовнаго соглашения съ венгерскою націою.

Въ пренія эти, происходившія въ совѣтѣ министровъ, вѣшался г. Шмерлингъ, предложившій отсрочить рѣшеніе обсуживаемаго вопроса до слѣдующаго засѣданія, на которомъ г. Плernerъ и согласился, чтобы насильственное взиманіе податей съ венгерцевъ было продолжаемо въ городахъ, но приостановлено, до 15 (3-го) сентября, въ селахъ. Императоръ одобрилъ эту мѣру.

Впрочемъ мѣра эта, имѣвшая характеръ уступки, сопровождалась одновременно усиленною строгостью противъ венгерскихъ журналовъ, вопреки законовъ 1848 года о книгопечатаніи, еще недавно признанныхъ дѣйствующими на основаніи императорскаго декрета. Протесты нѣкоторыхъ пестскихъ журналистовъ противъ произвола мѣстной власти не имѣли однако никакихъ успѣховъ.

Вслѣдъ за тѣмъ совѣтъ управленія Венгріи, вслѣдствіе императорской резолюціи, издалъ приказъ, относящійся къ владѣнію оружіемъ и военными снарядами. Въ приказѣ этомъ сказано было, что такъ какъ прежнія постановленія о продажѣ, храненіи и употребленіи оружія, оказываются нѣмнѣ недостаточными, то, впредь до рѣшительныхъ законодательныхъ мѣръ, установляются по этому дѣлу особые правила. Эти стѣснительныя правила, по расчетамъ австрійскаго правительства, должны совершенно обезоружить Венгрію. Известно однако, что въ настоящемъ случаѣ Англія, не смотря на этотъ приказъ, продолжаетъ снабжать Венгрію большими партіями ривольверовъ, завернутыхъ въ хлопчатую бумагу. Ружья тоже идутъ въ Венгрію въ значительномъ количествѣ, и только порою австрійскимъ брандахтамъ удается захватывать этотъ невеселый для Австріи грузъ.

Обезопасивъ себя, по видимому, насчетъ уничтоженія въ Венгріи оружія, австрійское правительство, въ началѣ сентября, взялось дѣйствовать энергическими мѣрами. За распущеніемъ пестскаго комитатскаго собранія послѣдовало распущеніе и общиннаго совѣта въ столицѣ Венгріи, а также упраздненіе собраній восьми комитатовъ. Кромѣ того, національныя управленія были замѣнены вездѣ правительственными комиссарами. Изъ нихъ пестскій комиссаръ уполномоченъ правительствомъ назна-

чать и отрѣшать муниципальных совѣтниковъ, становиться въ случаѣ надобности въ главѣ комитета и городского управления, и употреблять военную силу, — впрочемъ все это онъ, можетъ дѣлать не иначе, какъ съ объясненіемъ жителямъ Венгріи, что императоръ не намѣренъ уничтожать конституціонныя учрежденія. Въ добавокъ къ этому, вѣнскій кабинетъ предположилъ вызвать изъ венеціанской области 45,000 войска, для расположенія этихъ военныхъ силъ въ Венгрію.

Между тѣмъ общій ходъ венгерскихъ дѣлъ рѣшался въ Вѣнѣ слѣдующимъ способомъ.

Надобно сказать, что вообще дѣло о взаимныхъ отношеніяхъ между Венгріею и монархіею Габсбурговъ не выходило до сихъ поръ изъ круга письменныхъ и словесныхъ переговоровъ. Оно производилось посредствомъ рескриптовъ, адресовъ и депутацій; при чемъ первые, т. е. рескрипты, выражали стремленія императорской политики сплотить Венгрію съ прочими частями монархіи и уравнять ее съ ними. Послѣдніе же т. е. адреса и депутаціи, наоборотъ, выражали стремленія венгерской націи какъ можно болѣе, если не совершенно, отдѣлиться отъ Австріи и сдѣлаться самоуправляющеюся страной. При такихъ вопросахъ о связи Венгріи съ австрійской имперіею, послѣдній рескриптъ императора Франца-Иосифа, постановлявшій закрытіе венгерскаго сейма, и тѣмъ самымъ вызывавшій Венгрію или на большія уступки или на окончательный разрывъ съ австрійскимъ правительствомъ, — не могъ не возбудить сильныхъ преній въ имперскомъ австрійскомъ совѣтѣ. Здѣсь, не смотря на всѣ старанія г. Шмерлинга, провозгласившаго, что благосостояніе страны зависитъ отъ согласія между законодательною властью съ правительствомъ, — явились, однако, ораторы, отстаивавшіе дѣло Венгріи на тѣхъ началахъ, которыя предъявила сама нація, независимо отъ конституціонныхъ учреждений, написанныхъ въ Вѣнѣ безъ ея участія и присланныхъ ей только для свѣдѣнія и исполненія. Однако защитники венгерскаго дѣла проиграли его въ имперскомъ совѣтѣ, такъ какъ большинство совѣта состоитъ изъ личностей, принадлежащихъ, по своему происхожденію и по своимъ сочувствіямъ, къ нѣмецкимъ провинціямъ Австріи. Рѣчи ораторовъ, говорившихъ въ пользу венгерскаго самоуправления, были заглушены громкимъ ропотомъ приверженцевъ нѣмецкой партіи, между тѣмъ какъ рѣчь Шмерлинга противъ стремленій Венгріи была покрыта одобрительными отзывами. Въ добавокъ къ этому, и вѣнская палата депутатовъ приняла адресъ, выразившій полное ея сочувствіе министерству Шмерлинга. Слѣдовательно, парламентское рѣшеніе дѣла было не въ пользу Венгріи.

Замѣтить, однако, что всѣ эти обстоятельства, неблагоприятныя для Венгріи, не остановили ея сепаратистическихъ движеній. Такъ однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ ряду послѣднихъ венгерскихъ событій было обращеніе примаса Венгріи, кардинала Щитовскаго, на сторону національнаго дѣла. Этотъ первый сановникъ венгерской церкви нѣсколько разъ, въ началѣ нынѣшнихъ венгерскихъ событій, ѣздилъ изъ Песта въ Вѣну и изъ Вѣны въ Пестъ, являясь и адѣсь и тамъ посредникомъ между австрійскимъ правительствомъ и своею національною паствою, и стараясь согласить къ уступкамъ обѣ несогласныя между собою стороны.

Рескриптъ императора о распущеніи венгерскаго сейма подѣйствовалъ на перемѣну въ образѣ мыслей Щитовскаго и Венгрія въ своемъ примасѣ, пользующемся почти неограниченною властью по духовнымъ дѣламъ паствы, получила теперь сильную нравственную поддержку, какой она прежде не имѣла. По сообщеніи примасу упомянутаго рескрипта, Щитовскій, въ качествѣ предсѣдателя административнаго собранія гранскаго комитата, созвалъ своихъ сочленовъ и объявилъ имъ, что теперь настала та минута, когда, въ виду опасностей, угрожающихъ Венгріи, всѣ патриоты, всѣ истинные друзья родины должны обнаружить свои чувства противъ непріязненныхъ дѣйствій австрійскаго правительства. Результатомъ архіепископской рѣчи былъ протестъ противъ императорскаго рескрипта о распущеніи сейма. Вслѣдъ за тѣмъ, по предложенію Щитовскаго, состоялось опредѣленіе комитатнаго собранія, объявившее, что, національное представительство, распущенное на дняхъ, было истиннымъ выраженіемъ воли венгерскаго народа; что оно, во время своихъ законодательныхъ преній, никогда не уклонялось отъ правъ и обязанностей, предоставленныхъ ему венгерскимъ народомъ, и что наконецъ, представители Венгріи, созванные императоромъ Францомъ-Иосифомъ, были, во всѣхъ отношеніяхъ, самыми строгими послѣдователями и исполнителями законодательнаго порученія, даннаго имъ ихъ соотечественниками, такъ какъ они защищали и обезпечивали старинныя права и преимуществя, утвержденныя за Венгріей прагматическою санкціею.

Обращеніе кардинала Щитовскаго на сторону народной партіи произвело значительное впечатлѣніе въ Вѣнѣ. Примасъ получилъ отъ придворнаго канцлера письмо; въ немъ графъ Форгахъ, употребилъ самыя вѣжливыя фразы, извиняясь множествомъ занятій въ томъ, что онъ не имѣлъ еще возможности лично засвидѣтельствовать свое почтеніе его высокопреосвященству. Вмѣстѣ съ этимъ онъ просилъ примаса пріѣхать въ Вѣну. Кардиналъ отправился въ столицу Австріи, по всей вѣроятности

считая письмо канцлера косвеннымъ приглашеніемъ на аудіенцію съ императоромъ, у котораго онъ надѣялся добиться безотлагательнаго собранія новаго сейма въ Пестѣ; но, обманувшись въ этомъ, онъ тотчасъ же выѣхалъ изъ Вѣны въ Гранъ. Что же касается собственно способовъ дѣйствій со стороны нынѣшняго представителя Венгріи при австрійскомъ министерствѣ, графа Форгаха, то нельзя не сказать, что онъ находится въ крайне затруднительномъ положеніи, потому что онъ принужденъ выдерживать самую упорную борьбу съ противодѣйствіемъ нѣмецкой партіи, непріязненной самоуправленію Венгріи.

Цѣль графа Форгаха, какъ сообщаютъ нѣкоторыя газеты, заключается въ томъ, чтобы, еще до коронаціи Франца-Иосифа, достигнуть пересмотра законовъ 1848 года, при помощи которыхъ онъ надѣется возстановить въ Венгріи порядокъ дѣлъ, существовавшій тамъ до этого памятнаго года. Не смотря на то, что такое стремленіе ограничено, сравнительно съ собственными стремленіями Венгріи, графъ Форгахъ встрѣчаетъ при исполненіи своихъ умѣренныхъ плановъ сильнаго противника въ государственномъ австрійскомъ министрѣ г. Шмерлингѣ, который, по прежнему, настаиваетъ по своей любимой мысли—добиться, во чтобы то ни стало, конституціоннаго сліянія Венгріи съ Австріею.

При такой неблагоприятной обстановкѣ венгерскаго дѣла въ настоящее время, венгерцамъ трудно, или лучше сказать невозможно, дѣйствовать не только наступательно, но даже и оборонительно, поэтому имъ пришлось обратиться къ системѣ страдательнаго сопротивленія, которая, не давая возможности австрійскому правительству употребить военную силу противъ Венгріи, ослабляетъ и даже во многихъ случаяхъ уничтожаетъ его политическія намѣренія. Такъ, положительно утверждаютъ, что графъ Форгахъ не можетъ найти людей для занятія должностей королевскихъ комиссаровъ, хотя послѣдніе получаютъ весьма хорошее содержаніе; а между тѣмъ такія, почти полновластныя, лица необходимы для Австріи, такъ какъ они прежде всего должны уничтожить настоящее самоуправленіе Венгріи. Точно такъ же не находится охотниковъ и для занятія другихъ должностей въ Венгріи во имя австрійскаго правительства; и такимъ образомъ, оно остается безъ служебныхъ дѣятелей, которые должны поддерживать его власть на самыхъ главныхъ точкахъ мѣстной администраціи. Носится слухъ, что въ Вѣнѣ тщетно отыскиваютъ желающаго занять вакантное мѣсто венгерскаго вице-канцлера. Все это препятствуетъ австрійскому правительству подвигаться впередъ противъ Венгріи рѣшительнымъ шагомъ. Хотя, какъ мы сказали, венгерцы оказыва-

ють массою только страдательное сопротивленіе, не смотря, однако, на это, главные двигатели венгерскаго дѣла не дремлютъ, извѣстнѣйшіе венгерскіе выходцы, Клапка, Кошутъ и Тюрръ, готовятся теперь къ совѣщанію въ г. Деакомъ и съ людьми его партіи; но пока еще неизвѣстно, гдѣ будетъ происходить это свиданіе, въ которомъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ опредѣленъ болѣе энергическій способъ для дѣйствій со стороны народной партіи въ Венгріи.

Впрочемъ если Австрія ставитъ Венгрію въ такое стѣснительное положеніе, то въ свою очередь и послѣдняя составляетъ въ настоящее время главный предметъ заботъ и безпокойствъ.

Правда, что въ Австріи думаютъ, будто бы нынѣшнее венгерское движеніе основано лишь на порывахъ къ отдѣленію отъ монархіи Габсбурговъ, и эти-то порывы не составляютъ проявленія народной воли, такъ что въ нихъ выражаются только стремленія крайней партіи, недовольной ничѣмъ и даже либеральнымъ порядкомъ, вводимымъ нынѣ во всей имперіи. Эти взгляды успокаиваютъ до нѣкоторой степени австрійское правительство, которое, среди всѣхъ настоящихъ хлопотъ, надѣется однако, что оно, рано или поздно, но все-таки будетъ въ состояніи обуздать крайнюю венгерскую партію, при помощи прочаго населенія, не желающаго, по мнѣнію австрійскаго правительства, отдѣлиться отъ Австріи, которая сдѣлала теперь первый шагъ по конституціонному пути.

Такое успокоительное убѣжденіе австрійскаго правительства насчетъ характера венгерскаго сопротивленія, непредставляющаго всеобщаго сопротивленія, быть можетъ удерживало бы его отъ рѣшительныхъ мѣръ и оно предоставило бы времени окончить завязавшуюся борьбу между Венгрією и центральнымъ правительствомъ. На бѣду однако Австріи, венгерскій вопросъ составляетъ одинъ изъ жизненныхъ вопросовъ для цѣлой монархіи, а не собственно для одной только Венгріи. Есть нѣкоторыя, весьма настойчивыя потребности, заставляющія императорское правительство торопиться разрѣшеніемъ венгерскаго дѣла. Извѣстно, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ, обусловившихъ созваніе имперскаго совѣта, заключается въ финансовыхъ затрудненіяхъ, и что обсужденіе этихъ насущныхъ, нетерпящихъ отлагательства вопросовъ принадлежитъ законодательному собранію, учрежденному патентами 20-го октября и 26-го февраля. Между тѣмъ, при всей настоятельности и при всей огромной важности финансоваго вопроса, имперскій совѣтъ не принимался до сихъ поръ за его обсужденіе. Причина такой медленности заключается въ слѣдующемъ.

По точному смыслу императорскихъ патентовъ, пренія о финан-

совыхъ вопросахъ имперіи могутъ имѣть мѣсто въ имперскомъ совѣтѣ только тогда, когда послѣдній будетъ въ своемъ полномъ составѣ, а между тѣмъ нынѣшнее положеніе, принятое сеймами отдѣльныхъ странъ, начиная съ венгерскаго, не удовлетворяетъ этому основному условію. При такомъ порядкѣ дѣлъ нѣмецкая партія не-прочь объявить сеймъ въ полномъ составѣ, но развѣ ловко будетъ австрійскому правительству на первыхъ же порахъ разстаться съ своими мечтами о цѣлостности монархіи и о соединеніи ея областныхъ представителей въ одинъ общій парламентъ? Нужно прежде всего настоять на присылкѣ въ Вѣну депутатовъ отъ всѣхъ частей имперіи, въ особенности же отъ Венгрии, выражающей болѣе прочихъ свое противодѣйствіе.

Австрійское правительство надѣется, что со стороны непослушныхъ и теперь распущенныхъ сеймовъ штирійскаго, крватскаго и трансильванскаго, явятся сговорчивость и уступчивость, когда сеймы эти будутъ собраны снова къ 4-му числу ноября н. ст. въ Карлсбургѣ. Австрія надѣется, что такія чувства трехъ сеймовъ вліятельно подѣйствуютъ и на венгерскій сеймъ, который, въ свою очередь, будетъ поскромнѣе и менѣе требователенъ.

Нужно впрочемъ замѣтить, что до настоящаго времени всѣ полюбовныя сдѣлки между Австріей и Венгріей, не основанныя на требованіяхъ, заявленныхъ однажды пестскимъ сеймомъ, не имѣли еще успѣха и что, судя по той настойчивости, съ которою венгерскіе патріоты ведутъ свое дѣло, предположенія австрійскаго правительства наврядъ-ли осуществляются.

IV. Мечты и дѣйствительность въ Италіи.

Послѣ первой удачи, испытанной Италією въ дѣлѣ ея національнаго освобожденія и соединенія, осталось, однако, для окончательнаго его довершенія, кромѣ второстепенныхъ вопросовъ, еще два главныхъ вопроса; а именно: вопросъ римскій и вопросъ венеціанскій. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ пользу Италіи составляетъ нынѣ завѣтныя мечты болѣею части двигателей итальянскаго дѣла. Но кромѣ этихъ вопросовъ есть еще въ Италіи другіе особые вопросы, высказываемые нѣкоторыми партіями; тамъ есть вопросъ о возможности существованія итальянской республики—составляющей любимую мечту Мадзини и его приверженцевъ. Тамъ есть и противоположный вопросъ: о возвращеніи на прародительскіе престолы изгнанныхъ герцоговъ и Бурбоновъ.

Очень понятно, что для достиженія этихъ разнообразныхъ дѣлѣй представляются весьма различныя способы. Такъ римскій

и венеціанскій вопросы предлагають рѣшить одни дипломатически сдѣлками, другіе—оружіемъ. Какъ средства къ разрѣшенію этихъ вопросовъ путемъ дипломатическимъ являются адреса, множество брошюръ, газетныхъ статей, дипломатическихъ нотъ, и предложенія о конференціяхъ и конгрессѣ. Въ то же время для рѣшенія тѣхъ же самыхъ вопросовъ, но уже не мирно, а съ бою, предлагаются поголовное ополченіе итальянцевъ и національная подиска для издержекъ по заготовленію оружія и по содержанію итальянской арміи, долженствующей освободить тѣ части Италіи, которыя не вошли еще въ составъ новаго королевства. Все это составляетъ то сбывающуюся дѣйствительность, то напрасныя мечты. Одни изъ мечтателей излишне увлекаются воинскимъ могуществомъ еще не окончательно слотившейся и не окрѣпнувшей Италіи; другіе увлекаются слишкомъ большою вѣрою въ обаяніе слова, хотя бы оно и не было поддержано физическою силою, и, еще недавно, какія радостныя надежды возлагались въ Римѣ на адресъ, составленный для отправки къ Наполеону и запрятанный однажды отъ поисковъ римской полиціи подъ корсетъ танцовщицы въ театрѣ Аиоллона!

Въ свою очередь противники итальянскаго единства, не присмотрѣвшись хорошенько къ ходу дѣлъ или лучше сказать не желая основательно узнать его, остаются при своихъ мечтахъ. Въ настоящее время молитвами Мадоннѣ и произнесеніемъ консисторіальныхъ рѣчей Пій IX мечтаетъ удержать папскій престолъ не только за собою, но за своими преемниками, какъ мечтаютъ онъ нѣкогда избавиться отъ Виктора Эммануила посредствомъ проклятій и при помощи Ламорисьера. Протестами, упорнымъ пребываніемъ въ Римѣ и содѣйствіемъ усмиряемому нынѣ сброду въ южной Италіи, Францискъ II надѣется одолѣть народное движеніе Италіи и благополучно возвратиться въ Неаполь, къ сроку, обѣщанному имъ въ день разставанья, подъ Газтой, съ своими защитниками. Безъ всякаго сомнѣнія, что и бывшіе герцоги Верхней Италіи, вмѣстѣ съ герцогиней пармской, мечтаютъ о возможности возвращенія въ оставленныя ими владѣнія. По всей вѣроятности и Гарибальди мечтаетъ на Капрерѣ о той радостной порѣ, когда онъ пойдетъ на освобожденіе Рима и Венеціи. Мало, впрочемъ, того, что въ Италіи роятся разныя не сходныя между собою мечты о лучшихъ дняхъ, сообразно съ желаніями и пониманіями каждаго, тамъ и говорятъ много о будущей судьбѣ возрождающейся родины; но, какъ замѣчаютъ итальянцы «del detto al fatto vi un gran tratto», т. е. между словомъ и дѣломъ большая разница. Посмотримъ же, что же въ настоящее время представляетъ Италія въ дѣйствительности.

Для Италіи самой важной заботой является теперь поддержа-

ніе дружескихъ отношеній съ Франціей, но, по извѣстіямъ, сообщаемымъ во многихъ газетахъ, поддержка такихъ отношеній должна обойтись для Италіи слишкомъ дорого. Говорятъ, что въ тотъ день, когда Римъ и Венеція войдутъ въ составъ итальянскаго королевства, послѣднее должно будетъ уступить Франціи не только островъ Сардинію, но и Лигурію т. е. Пьемонтъ до самаго Турина и все побережье Средиземнаго моря до самой Генуи. Въ виду такой обязательной уступки, должны разсѣяться мечты итальянскихъ патріотовъ о легкомъ приобрѣтеніи Рима и Венеціи. Поспѣшимъ, однако, сказать, что, въ опроверженіе этихъ толковъ, «Мониторъ» печатаетъ успокоительныя стѣи, по развѣ привсѣхъ противорѣчіяхъ императорской политики можно отличить съ увѣренностію мечту отъ дѣйствительности?

Между тѣмъ туринская газета «Opinione» не безъ основанія замѣчаетъ, о необходимости союза съ Франціей для Италіи. Итальянцы не могутъ овладѣть иначе будущей столицей королевства, Римомъ, какъ уладившись въ этомъ отношеніи съ Франціей; но тутъ-то и возникаетъ существенный вопросъ: скоро ли и при какихъ условіяхъ рѣшится Франція очистить Римъ? Для исполненія этого у Франціи, кромѣ внѣшнихъ затрудненій, есть еще и внутреннія. Теперь, держа Римъ въ своихъ рукахъ, она косвеннымъ образомъ держитъ въ своей власти всю ультрамонтанскую, да и вообще всю клерикальную и католическую партію, составляющую внутреннюю тревогу для императорской Франціи. Уступивъ же Римъ, Франція, какъ полагаютъ нѣкоторые, должна будетъ искать возмездія за утрату внутренняго своего спокойствія и гарантіи своего положенія въ юго-западной Европѣ, такъ какъ итальянское королевство съ Венеціей и Римомъ будетъ для Франціи не безопаснымъ сосѣдомъ. Спрашивается, кто же вознаградитъ Францію за ея пожертвованіе своимъ, и внутреннимъ и внѣшнимъ, спокойствіемъ? Конечно Италія, въ пользу которой сдѣлается подобное пожертвованіе. На этомъ-то сцѣпленіи обстоятельствъ и соображеній и основываются прежде всего толки объ уступкахъ въ пользу Франціи Сардиніи и Пьемонта и части итальянскаго побережья; такъ какъ, по мѣрѣ усиленія королевства итальянскаго новыми владѣніями, оно, по господствующему въ дипломатіи мнѣнію, должно ослаблять себя въ пользу Франціи, усиливая послѣднюю отдачею нѣкоторыхъ изъ своихъ областей.

Но если, такимъ образомъ, Франція, въ видахъ своей политики, является приобрѣтательницею итальянскихъ провинцій, то въ свою очередь королевство итальянское, на основаніи создавшаго его принципа, имѣетъ право претендовать на нѣкоторую часть французской имперіи. Въ настоящее время демократиче-

скіе французскіе журналы подняли очень любопытный вопросъ: упомянутые журналы заявляютъ, будто бы Італія намѣрена *требовать* отъ Франціи *обратно* островъ Корсику.

Вотъ какъ отзывается объ этомъ новомъ притязаніи Італіи одна изъ французскихъ газетъ.

«Італія слишкомъ расположена питать себя несбыточными мечтами. Она не владѣетъ еще ни Римомъ, не Венеціей; она была бы ни въ силахъ, безъ содѣйствія иностранныхъ державъ, противиться Австріи, все еще угрожающей ея границамъ, а между тѣмъ тамъ уже говорятъ о необходимости заставить Францію—уступить Італіи островъ Корсику. Одинъ совѣтникъ королевскаго двора въ Кальяри доказываетъ это въ изданной имъ недавно брошюрѣ, и по картѣ, приложенной недавно къ вышедшему въ Туринѣ путеводителю, сочиненному г. Массио Фаби, подъ заглавіемъ «Путешествіе въ Італію» Корсика и Мальта показаны принадлежащими къ королевству итальянскому.»

Далѣе даются совѣты Італіи—отказаться отъ этихъ безумныхъ притязаній, отречься отъ этой безумной мечты и остерегаться преувеличеній, могущихъ увлечь ее незамѣтно на такой путь, который въ послѣдствіи будетъ стоить ей горькаго раскаянія.

«Всѣ благоразумные люди согласятся съ нами, добавляетъ газета, и правительство Виктора Эммануила поблагодаритъ насъ за совѣты, которые даемъ мы ревнителямъ излишняго итальянскаго движенія, безразсудныхъ дѣйствій и пропаганды воздушныхъ замковъ.»

Дѣйствительно, въ настоящее время когда вопросы о присоединеніи къ Італіи Корсики и Мальты, судя по ходу политическихъ обстоятельствъ, входятъ въ область фантазіи, мы оставимъ эту область и перейдемъ опять къ нѣкоторымъ фактамъ опредѣляющимъ дѣйствительное положеніе Італіи.

Однимъ изъ фактическихъ выраженій начавшагося итальянскаго единства была флорентійская выставка, открытая 15-го (3-го) сентября самимъ королемъ Викторомъ Эммануиломъ. Въ отвѣтъ на рѣчь президента комиссіи по устройству выставки, король коснулся идеи итальянскаго единства и сказалъ между прочимъ, что если это великое дѣло еще не совершилось, то оно скоро совершится. Къ этому надобно прибавить, что въ самомъ дѣлѣ соединеніе Італіи постепенно приходитъ къ концу, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, развязка венеціанскаго и римскаго вопросовъ не предвидится еще въ близкомъ времени и хотя Францискъ II смотритъ на событія, совершающіяся въ Італіи, съ своей собственной нѣсколько-мечтательной точки зрѣнія.

Министръ иностранныхъ дѣлъ бывшаго короля неаполитан-

скаго отвѣчалъ на извѣстный уже нашимъ читателямъ циркуляръ барона Риказоли, представлявшій настоящее положеніе дѣлъ въ Италіи въ очеркѣ весьма близкомъ къ дѣйствительности. Римская же отвѣтная депеша, начинается съ утвержденія, что «разбойники» южной Италіи, какъ ихъ называетъ Риказоли, должны быть названы инсургентами въ пользу Бурбоновъ и что «возстаніе народа Обѣихъ Сицилій такъ обширно и такъ единодушно, что въ цѣломъ королевствѣ нѣтъ ни одного города, ни одного мѣстечка, которые не поддерживали бы принципа автономіи и не желали реставраціи прежней династіи, родительское правленіе коей имъ доселѣ памятно.»

Францискъ II, въ циркулярѣ своего министра, придастъ буйствамъ, происходящимъ въ южной Италіи характеръ національнаго, политическаго возстанія и находитъ неправильнымъ сдѣланное барономъ Риказоли уподобленіе этого возстанія возстаніямъ шотландскимъ, вандейскимъ и испанскимъ, въ которыхъ на первомъ планѣ были одни только династическіе интересы и которыя представляли только частныя возмущенія и спены междоусобной войны. По толкованію бурбонскаго циркуляра, все неаполитанское королевство ведетъ борьбу съ иностранною арміей. Дознано, говоритъ этотъ циркуляръ, что отряды инсургентовъ вездѣ поднимаютъ королевское знамя и соблюдаютъ военную дисциплину, что они обороняются и нападаютъ какъ регулярныя войска и что въ городахъ, ими занимаемыхъ, они считаютъ первымъ долгомъ, ломать савойскіе гербы и истреблять портреты Виктора-Эммануила и Гарибальди, для замѣны ихъ эмблемами и изображеніями своихъ законныхъ государей. Кромѣ того, тамъ, гдѣ они останавливаются на нѣкоторое время, они замѣняютъ насильно вторгнувшіяся власти тѣми властями, которыя привыкъ уважать народъ. И такъ, заключаетъ циркуляръ, невозможно не признать за этимъ движеніемъ политическаго принципа, изъ-за котораго и сражаются всѣ инсургенты неаполитанскихъ провинцій.»

Вторая часть бурбонскаго циркуляра силится отстранить отъ квиринальскаго двора обвиненія, взводимыя на него барономъ Риказоли касательно поддержки южныхъ безпорядковъ участіемъ изъ Рима. Въ этой части циркуляра министръ Франциска II, бросивъ общій взглядъ на борьбу, кончившуюся удаленіемъ Франциска II изъ неаполитанскаго королевства, напоминаетъ, что король, по прибытіи своемъ въ Римъ, самъ приказалъ сдать крѣпости Мессину и Чивителла дель-Тронто, которыя все еще держались, и распустить вооруженныя отряды. Далѣе циркуляръ объявляетъ, что хотя Францискъ II не отступилъ, отъ своего прежняго намѣренія—послѣдить на помощь своей родинѣ, когда

онъ признаеть это нужнымъ и, огласивъ съ своими правами и обязанностями,—но что онъ никогда не имѣлъ въ виду сдѣлать изъ страны, оказавшей ему гостепріимство, точку опоры для военныхъ дѣйствій. Къ этому циркуляръ добавляетъ, что самое отсутствіе плана и совокупности въ дѣйствіяхъ инсургентовъ доказываютъ, что послѣдніе не подчиняются общимъ распоряженіямъ изъ Рима. За тѣмъ въ циркулярѣ слѣдуетъ оправданіе инсургентовъ противъ дѣлаемыхъ имъ упрековъ за жестокосердіе, съ добавкою, что упреки подобнаго рода спорѣ всего могутъ относиться къ итальянскимъ солдатамъ, такъ какъ времена Аттилы блѣднѣютъ въ сравненіи съ временами пьемонтскаго владычества.

Тѣ, которые имѣли случай слѣдить за ходомъ итальянскихъ событій настоящаго времени не только по газетамъ запальчиво-преданнымъ итальянскому дѣлу, но и по тѣмъ, которыя смотрятъ на него съ полнымъ хладнокровіемъ, легко увидятъ, какъ слабы и какъ противорѣчивы доводы бурбонскаго циркуляра на счетъ характера новыхъ безпорядковъ и какъ мало объясненіями того же циркуляра, въ виду явныхъ фактовъ, опровергается участие въ этихъ безпорядкахъ со стороны неаполитанскихъ эмигрантовъ, засѣвшихъ въ Римѣ.

Обращаясь затѣмъ къ дѣйствительному положенію Италіи въ настоящее время, надобно сказать, что дѣятельныя мѣры Чіальдини почти окончательно подавили разбойничьи шайки на югѣ и что флорентійская выставка, а также собраніе во Флоренціи представителей рабочихъ обществъ изъ всѣхъ областей, уже вступившихъ въ составъ королевства итальянскаго, являются такими фактами, которые краснорѣчивѣе всякихъ дипломатическихъ нотъ и циркуляровъ говорятъ о стремленіи Италіи къ единству, несмотря на множество встрѣчающихся еще препятствій какъ внутри самой страны, такъ и со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ.

Добавимъ къ сдѣланнымъ нами замѣткамъ, что хотя разрѣшеніе римскаго вопроса и зависитъ не отъ одной личности папы, а отъ разныхъ условій, но что, во всякомъ случаѣ, и личность Пія IX должна имѣть большое вліяніе на исходъ римскихъ дѣлъ, а между тѣмъ послѣдніе нумера нѣкоторыхъ газетъ сообщаютъ, что опять начинаютъ носиться тревожные слухи касательно здоровья Пія IX. Въ числѣ этихъ газетъ Gazette de France говорить слѣдующее:

«Въ депешѣ изъ Рима сообщаютъ намъ, что его святѣйшество опять почувствовалъ легкіе припадки болѣзни; должно принять это къ свѣдѣнію и готовиться ко всему.... Мы не желали бы возбуждать преувеличенныхъ опасеній, но католики должны

ожидать, что Господь скоро отзоветъ отъ нихъ многоуважаемаго главу церкви.»

Поспѣшимъ однако добавить, что въ томъ же номерѣ той же самой газетѣ, гдѣ приведено это прискорбное для нѣкоторыхъ извѣстіе, встрѣчается и слѣдующая вѣсть:

«Достовернѣйшія извѣстія изъ Рима утверждаютъ, что его святѣйшество совершенно выздоровѣлъ и что лица, рассчитывающія на слабость его здоровья, обмануты въ надеждѣ.»

Въ какихъ строкахъ мечты и въ какихъ дѣйствительность? невольно спросили мы, читая такія противорѣчія о здоровьѣ Пія IX въ одномъ и томъ же номерѣ газеты, придающей политическую важность долголѣтію римскаго первосвященника?...

ОПЕЧАТКИ.

Въ іюльской книгѣ Б. для Чтенія въ статьѣ «О развитіи нравственнаго начала въ экономической дѣятельности западной Европы».

Напечатано:

На стр. 11 въ строкѣ 18-ой

сверху: *не отчуждаемую.*

— стр. 25 — — 8-ой снизу:

на всю жизнь

Читай:

отчуждаемую.

на всю землю.

РЕФОРМА.

(ИЗЪ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ ВЪ XVI ВѢКЪ.)

соч. Мишле.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.)

**САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1861.**

Приложеніе къ журнаву «Библіотела для чтенія» № 9 1861 г.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Для написанія исторіи тридцати двухъ лѣтъ, которая содержится въ этой книгѣ, я имѣлъ рѣдкое и счастливое преимущество: я первый воспользовался громадной массой неизвѣстныхъ прежде документовъ, которые вполне измѣняютъ эту исторію и даютъ ей совершенно новый видъ.

Я могу сказать, что приступаю къ разбору этихъ документовъ первый и одинъ, потому что г. Минье, искусный изслѣдователь тѣхъ же документовъ, встрѣчается со мною въ этомъ періодѣ времени только относительно одного факта: избранія Карла Пятаго.

Только въ послѣднія двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ письма, депеши и акты всякаго рода были изданы разомъ, въ такомъ изобиліи и разнообразіи, которое позволяетъ намъ судить объ нихъ на основаніи ихъ самихъ, повѣряя ихъ одни другими.

До этихъ поръ мы не имѣли никакого другаго руководства, кромѣ современныхъ хроникъ и частныхъ сборниковъ Рыбе и Леграна. Большая часть хроникъ представляетъ только военную исторію; объ остальномъ же онѣ или даютъ весьма неточныя извѣстія или же вовсе умалчиваютъ.

Основные пункты политической исторіи были еще предметомъ споровъ. Напримѣръ, существовалъ ли нѣтъ письменный договоръ конетабля съ императоромъ? Мнѣнія объ этомъ были различны. Въ чемъ состояла нерѣшительная политика регенства и Дюпра во время ладридскаго плѣна? Объ этомъ было такъ же мало извѣстно. Все это объяснилось *бумагами Гранвеля* и документами, собранными подъ заглавіемъ *Плѣнъ Франциска I.* (1841, 1847.)

Лучше ли была извѣстна исторія нравовъ двора и государя?—Приходилось собирать кое какія отрывочныя извѣстія о ней у Брантома. Два нравственные факта, чрезвычайной важности и самаго сокровеннаго свойства, теперь объяснились изъ писемъ сестры короля (*Изд. Женева 1841.*)

Акты самые секретныя, существованіе которыхъ прежде было отринтаемо и опровергаемо передъ лицомъ Европы, теперь вышли на свѣтъ, особливо тайныя сношенія короли съ султаномъ. Извѣстно

то драматическое обстоятельство, что они были отчаянной мѣрой и относятся ко времени лагерной стоянки под Павіей. Благодаря важному изданію г. Шарьера, мы имѣемъ возможность дополнить, опредѣлить хронологически и привести въ точную извѣстность факты, сообщаемые Гаммеромъ на основаніи часто неясныхъ или обезображенныхъ рассказовъ восточныхъ писателей (*Negot. du Levant*, 1848.) Главную рѣшительную, поворотную точкой для всего конца царствованія Франциска I былъ кризисъ 1538, который внезапно измѣнилъ французскую политику, сдѣлалъ ее окончательно католическою, ретроградною и, такъ сказать, испанскою. Явилось новое правительство — Монморанси и кардиналовъ Турнона и Лотарингскаго. Это время можно назвать эпохою затмѣнія Франциска I, его преждевременной смерти и вступленія на тронъ маленькаго двора Гендриха II. Кто былъ причиною этого кризиса? Кто сдѣлалъ первые шаги: король или императоръ? Сандоваль утверждалъ, что король, Дю-Беле — что императоръ; новѣйшіе писатели колебались. Но, послѣ недавнихъ изданій (*Weiss*, 1841—*Lanz*, 1844; *le Glay et Van der Bergh*, 1845; *Alberj*, 1839—1844.), нѣтъ болѣе мѣста сомнѣнію. Теперь все объяснилось донесеніемъ посланника Тьеполо венеціанскому сенату и конфиденціальнымъ письмомъ, въ которомъ сестра Карла Пятаго открываетъ свои опасенія, крайнюю затруднительность и всѣ ужасы своего положенія.

Къ этимъ изданіямъ документовъ и писемъ прибавимъ важныя хроники, находящіяся теперь у насъ въ рукахъ. Внутренняя исторія Парржа, которой искали у Фелибена, Соваля, Дю-Буле и др. не существовала вовсе относительно этой эпохи. Она открылась намъ изъ драгоцѣнной анонимной хроники, изданной (1854) г-мъ Лаланомъ. То же можно сказать и объ исторіи Женевы, которую мы узнали изъ недавно напечатанныхъ хроникъ: Бонивара, синдика Балара и особенно изъ хроники Фромана, недавно изданной г. Ревилью (1855).

Теперь, обладая такими богатыми матеріалами, критика можетъ дѣлать изслѣдованія, судить и выбирать.

Иногда свѣтъ появляется самъ собою. Съ самаго перваго взгляда, напримѣръ, относительно казней противъ протестантовъ въ 1535 г., видно, что серьезный рассказчикъ есть неизвѣстный парижскій буржуа, знавшій (а можетъ быть и видѣвшій) все изо-дня въ день. Безъ и Креспенъ, очевидно, слѣдовали отдаленнымъ слухамъ. Рассказъ католическій поясняетъ исторію протестантскую.

Ни какіе документы не заслуживаютъ болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ донесенія венеціанскихъ пословъ. Только они одни представляютъ цифры и статистическія свѣдѣнія. Это — по большей части — проницательные наблюдатели. Осмѣлимся, однако, замѣтить, что и они иногда ошибаются. Контарини, напримѣръ, хорошо видѣлъ Карла Пятаго. Онъ превосходно описываетъ эту выдающуюся южную чело-вѣкъ, эти жадные глаза (*occhi avari*.) Но тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что императоръ — чело-вѣкъ умѣренный и не слишкомъ честолюбивый. И это въ 1525 г., когда молодой государь, въ письмѣ къ Лануа, оставляя свою сдержанность, открываетъ свои обширные планы.

Вспомнимъ также, что эти депеши пословъ къ венеціанскому сенату часто составлялись такъ, чтобы быть пріятными для этого сената. Николо Тьеполо, напримѣръ, являющійся такимъ серьезнымъ въ своей реликціи 1538, далеко не таковъ въ своихъ похвалахъ, которыя онъ расточалъ Карлу Пятому въ 1532. Здѣсь мы находимъ длинный перечень его добродѣтелей. Къ чему эти дѣтскія выходы въ устахъ такого серьезнаго человѣка? Къ тому, что послѣ болонской конференціи, въ ожиданіи неизбежной смерти стараго дожа Андреа Гритти, умершаго черезъ годъ за тѣмъ, императорская партія снова дѣлалась всемогущею въ венеціанскомъ сенатѣ. Съ этихъ поръ Венеція становится на сторону императора, отделяется отъ Франціи и вступаетъ въ распрю съ турками.

Подчинивъ все это методу, кратикѣ, источникамъ, останется, быть можетъ, подвести только краткую формулу, которая резюмируетъ эти тридцать лѣтъ и позволитъ обнять этотъ періодъ времени однимъ взглядомъ, какъ обширную страну на маленькой географической картѣ.

Это, такъ сказать, возмужалый возрастъ Возрожденія, его величіе и его безконечное честолюбіе, его преждевременные роды, необходимость опереться на существенно-отличный отъ него принципъ Реформаціи.

Чего не обнимало оно въ своихъ стремленіяхъ? Съ перваго скачка оно, принявши въ свое лоно турокъ, евреевъ пошло къ отдаленной цѣли человѣческаго рода: къ примиренію всей земли.

Въ томъ же самомъ порывѣ, оно съ любовью обняло природу, и положило конецъ разрыву между ею и человѣкомъ.

Чудо здѣсь то, что изъ множества одиночныхъ, внезапныхъ открытій само собою составилось систематическое цѣлое, тяготея къ слѣдующимъ двумъ вопросамъ: *какимъ образомъ создается и пересоздается человѣкъ физическій? Какимъ образомъ создается человѣкъ нравственный?* Первая книга, которая была написана о воспитаніи, книга которую можно назвать *Эмилемъ XVI вѣка*, явилась въ своемъ странномъ и фантастическомъ величіи.

Сила производительности, которую имѣла Франція въ эту минуту обнаружилась внезапнымъ появленіемъ двухъ французскихъ языковъ, которые явились—уже взрослые, зрѣлые, во всеоружіи—въ сочиненіяхъ двухъ главныхъ писателей вѣка: въ громадномъ и плодовитомъ Рабле и въ сильномъ свѣтозарномъ Кальвинѣ.

Эта Франція Гаргантюа,—главный органъ Возрожденія,—стоитъ ли въ уровень съ своею ролью? При этомъ гигантскомъ умѣ есть ли у ней тѣло, сердце? Имѣетъ ли она ту всеобщую, распространенную повсюду жизнь, которою Италия обладала въ своемъ цвѣтущемъ возрастѣ? — Франція удивляетъ страшными контрастами. Это гигантъ и вмѣстѣ карликъ. Это жизнь, льющаяся черезъ край и вмѣстѣ съ тѣмъ это смерть, это скелетъ. Какъ народъ, она еще не существуетъ.

Но на чемъ же держится французское Возрожденіе? Нужно ли говорить? — На одномъ человѣкѣ.

Кто же этотъ человѣкъ, въ рукахъ котораго много разъ была

судьба человечества, и у котораго новый дух времени просилъ защиты противъ католической полѣтики и противъ короля инквизиціи?

На этотъ вопросъ должна отвѣчать настоящая книга. Но уже и въ этомъ краткомъ обзорѣннн мы должны сдѣлать унижительное признаніе: этотъ король-краснобай, этотъ блестятельный король, который говорить такъ хорошо и дѣйствуетъ такъ худо, непостоянный въ своихъ рѣшеніяхъ еще болѣе, чѣмъ въ своей любви, этотъ неблаго-разумный, вѣтренный человекъ, этотъ Янусъ, этотъ флюгеръ, Францискъ I, — былъ французъ.

Народъ все еще остается загадкою. Дворянство и парламентъ готовы бы принять иностранца (1524.) Буржуазія оказываетъ духовенству грубую помощь противъ свободнаго духа изслѣдованія и религіознаго обновленія.

Франція вся заключается въ одномъ человекѣ, на которомъ обильно отражаются національные пороки; Франція, находится въ плѣну вмѣстѣ съ нимъ, она больна вмѣстѣ съ нимъ, — и должно ожидать, что, подобно ему, она будетъ падать все ниже и ниже, до окончательнаго самозабвенія и самоотрицанія.

Какъ она отвѣчаетъ на это и къ чему противъ этого прибѣгаетъ? Ни къ чему, кромѣ нравственнаго голоса, обращенія къ сильнымъ добродѣтелямъ, къ жертвамъ, къ преданности. Среди лютыхъ опустошеній со стороны наемныхъ войскъ, безъ закона, безъ вѣры, безъ короля, подъ знаменемъ Карла V, оставленный французскій народъ слушаетъ гимнъ добраго и великаго Лютера, который учитъ упованію на Бога.

Необъятное пареніе музыки, которая сдѣлалась популярною, свободное изслѣдованіе Библии, пресса, усиленная въ десять, во сто разъ, очищеніе священническаго сословія и семейства, все это не есть ли уже побѣда? Не смотря на мистическій отгѣнокъ, остающійся въ этомъ новомъ обученіи, развѣ дѣло свѣта не выиграно навсегда?

Ничего не выиграно. Все остается еще на степени вопроса. На свободный остроумный, свѣтлый мистицизмъ Сѣвера отвѣчаетъ матеріальный, чувственный мистицизмъ Юга, его набожный макиавеллизмъ. Изъ идолопоклонническаго гнѣва, изъ испанскаго упорства, въ особенности же изъ генія интриги и романа, происходитъ опасный механизмъ *Элзерциии* (*Exorcitia*) Игнатія Лойлы, — механизмъ грубый и тѣмъ болѣе страшный.

Это дѣлается очень рано, черезъ четыре или черезъ пять лѣтъ послѣ Лютера; около 1522, и гораздо раньше возникновенія противодѣйствующей школы, которую организовала Женева.

Вотъ весь смыслъ этой книги. Возрожденіе, измѣнически преданное непостоянствомъ Франціи, которая вращается по вѣтру мѣняющихся прихотей и капризовъ больнаго, навѣрно погибло бы, и міръ снова попалъ бы въ огромную сѣть ловцовъ человекъ, безъ этого великаго сосредоточенія реформы на утесъ Женевы, суровымъ геніемъ Кальвина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ТУРКИ.—ЕВРЕИ. 1508—1512.

Турокъ, еврей—ужасъ и ненависть,—ожиданіе оттоманскихъ армій, подвигающихся въ Европу, потопъ евреевъ, который изъ Испаніи и Португаліи наводняетъ Италію, Германію и Сѣверъ, — вотъ первая забота шестнадцатаго вѣка, забота, которая прежде всего погашаетъ умы и господствуетъ надъ всѣми нравственными и политическими интересами. И не безъ причины: подъ двумя различными видами, это Востокъ, это Азія, охватываетъ Западъ, въ своемъ неудержимомъ стремленіи.

Преобладающая мысль народа, предметъ вѣчнаго разсужденія для ученыхъ, неразрѣшенная загадка для мыслителей, соблазнъ для вѣрующихъ, испытаніе для вѣры! Потому что, очевидно, басурманы поглощаютъ міръ. Эти турки, эти евреи—отъ Бога они или, отъ діавола? Появленіе ихъ есть ли бичъ Ножій, или изверженіе ада? Нѣкоторые видятъ въ нихъ демоновъ и подозреваютъ, что это пороженіе есть не что иное, какъ діаволъ въ образѣ человѣка.

Нашествіе турокъ подобно стремленію сильныхъ урагановъ; ничто не въ состояніи ему противиться; препятствія составляютъ его забаву и придаютъ ему силы; государства, княжества, королевства— всё, что почиталось наиболее неизблемымъ, вырывается съ корнемъ, трещитъ, летитъ какъ солома. Странное дѣло! скромное нашествіе евреевъ столько же непреодолимо. Они похожи на полчище крысъ, котормя, говорятъ, въ средніе вѣка были бичомъ Германіи, наводнили ее, переполнили, занимая все, поѣдая все, даже кошекъ. Остановленное гдѣ нибудь пламенемъ, полчище проходитъ стороною. Молчаливое воинство: — кромѣ легкаго шума движущихся челюстей и острыхъ зубовъ, ничто не выдаетъ его присутствія.

Нашествія турокъ являются какъ стихія, какъ сила природы. Они повторяются въ опредѣленные времена. Ихъ можно предвидѣть, предсказывать, какъ затмѣнія, какъ всякій другой феноменъ. Карлъ V говоритъ въ своихъ депешахъ: «Турки приходили въ нынѣшнемъ году; теперь они придутъ не ранѣе, чѣмъ чрезъ три года».

Даже султаны не въ состояніи здѣсь что нибудь сдѣлать. Баязеть II, другъ венеціанцевъ, велѣлъ сказать имъ, что ничто не можетъ помѣшать нашествію на Фріуль и великому турецкому движенію къ

Италіи. Такимъ же образомъ визирь Солимана говорилъ посланцѣ, что страшные морскіе разбой варварійцевъ не зависятъ отъ Порты.

Опустошенія, производимыя сухопутными нашествіями, при всей своей бѣшеной ярости, подвигаются, такъ сказать, методически. Сперва—туча несмѣтной толпы, необъятная масса грабежа, набѣги племенъ, дотолѣ невѣдомыхъ, изъ которыхъ многія надвигаются изъ Азии къ берегамъ Дуная, подобно саранчѣ, подобно страшной одушевленной пыли, которая слѣдуетъ за турками, предшествуетъ имъ, окружаетъ ихъ. Избивайте эту саранчу сколько угодно — это не беспокоитъ ея, это ничего не значитъ для массы, для ея крѣпкой, непроницаемой сердцевины, которая двигается все впередъ. Но послѣдствія чувствительны. Эти волны хищниковъ, эти неутомимыя опустошенія отнимаютъ всякую бодрость у земледѣла, дѣлаютъ его невозможнымъ; никто уже не обрабатываетъ своей земли и не смѣетъ жить на ней; огромная пустыня образуется сама собою. Это облегчаетъ движеніе массы; она овладѣваетъ обезоруженными твердынями и оскудѣвшими, почти пустыми, городами. Церкви дѣлаются мечетями; ихъ башни, превратившіяся въ минареты, по пяти разъ въ день провозглашаютъ побѣду Корана надъ Евангеліемъ. Нѣтъ болѣе помину ни о какихъ податяхъ, кромѣ легкой дани; но огромная дань изъ людей—вотъ условіе рабства. Этотъ искусственный народъ, который едва можно назвать народомъ, продолжаетъ свое существованіе посредствомъ невольниковъ, посредствомъ ежегодныхъ похищеній. Красивый и сильный ребенокъ дѣлается природнымъ туркомъ, — онъ родился для гарема, или для арміи.

Турокъ—пугало христіанскихъ дѣтей. И страшная судьба совершается надъ ними. Эти дѣти, поглощенные чудовищемъ, тѣмъ не менѣе живутъ и управляютъ своими властителями. Ктонибудь изъ нихъ дѣлается пашой или визиремъ—и становится ужасомъ христіанъ.

И сколько диковинныхъ разказовъ обо всѣхъ этихъ вещахъ создается на вечернихъ посидѣлкахъ Сѣвера: мученія, пытки, люди, переплеченные на-двое; дѣвушки, дѣти, похищенные пиратами! И ничего не извѣстно объ ихъ дальнѣйшей участи! Страхъ вѣрить всему. Женщины прижимаютъ своихъ питомцевъ къ груди своей. Даже мужчины задумываются и тревожно ожидаютъ чего-то грознаго; старики разсуждаютъ про себя о карающей рукѣ Божіей.

Въ самомъ дѣлѣ—кто не видитъ, что бичъ идетъ, не останавливаясь? Если его что замедлитъ, то тѣмъ быстрѣе онъ подвигается потомъ—и все-таки приходитъ во-время. Это—какъ бы звонъ похороннаго колокола, который съ точностью возвѣщаетъ смерть народовъ и государствъ. Баязеть, Первый побѣдитель грековъ, взять въ плѣнъ татарами:—что нужды? Константинополь все-таки рухнетъ, Острантъ разграбленъ, Италія открыта. Родосъ и Бѣлградъ останавливаютъ Магомета II: — что нужды? Они падутъ предъ Солиманомъ, — и не только они, но и Вуда,—и вотъ турки въ двухъ шагахъ отъ Вѣны. Валахія—данница; половина Венгріи дѣлается и остается турецкою провинціей. Если Богъ не предотвратитъ бѣды, то сколько времени

потребуется на то, чтобы наводнение покрыло всю Германію? Двадцать лѣтъ, быть можетъ! А что бы оно проникло во Францію и пришло въ Пуатье, отмстить за древнее пораженіе сарациновъ? Для этого нужно не болѣе тридцати лѣтъ, если прогрессія будетъ правильна. Приготовьтесь, христіанскіе народы, заprite покрѣпче ваши сундуки и подвалы, къ вамъ скоро придутъ турки, томимые жаждой. Матери, берегите хорошенько вашихъ дѣтей. А вы, молодыя дѣвушки,—вамъ грозятъ странныя романтическія приключенія, большой позоръ и—кто знаетъ? — можетъ быть, блестящая судьба! Русская сдѣлалась властителницей Солимана, отъ бретонки родился истребитель янычаровъ. Ужасныя прѣдѣлки дьявола! Дочь мечтаетъ о нихъ, мать — помышляетъ съ трепетомъ.

Могучій и вѣрный истолкователь мысли народа, добросовѣстный работникъ Альбертъ Дюреръ, воспроизводитель уличныхъ разказовъ на мѣди и на деревѣ, представилъ въ одной изъ своихъ гравюръ пушку Магомета II, *большую пушку* съ чудовищными мраморными ядрами, которая извергала изъ себя массу въ пять центнеровъ за одинъ разъ. Въ глубинѣ картины виды тучныя, волнующіяся жатвы; богатыя житницы, съ большими нѣмецкими кровлями; крѣпкіе и прекрасные города, съ своими монументами; великолѣпные колонны; наконецъ—всевозможное величіе, искусство, богатство, жизнь, счастье и глубокий миръ. На первомъ планѣ стоитъ чудовище... Это не пупка, а исполнитель разрушенія, во главѣ своихъ беззаботныхъ янычаровъ; это — турокъ, сухой, загорѣлый, обстрѣянный огнемъ безчисленныхъ битвъ, который, устремивъ свой взглядъ на машину, съ выдавшимся подбородкомъ и рѣшительнымъ видомъ, говоритъ про себя: «Хорошо! очень хорошо! Черезъ часъ все погибнетъ».

Произведенія Дюрера и его старыхъ учителей, каковы Альтдорферъ и автврпенскій кузнецъ, наполнены фигурами въ турбанахъ, съ восточными бородами—турецкими и еврейскими; множествомъ дикихъ изображеній замысловатыхъ казней. Все это похоже на дурные сны, только безъ ихъ неопредѣленности. Одну изъ наиболѣе поразительныхъ картинъ въ этомъ родѣ представляетъ Христосъ Дюрера, находящійся между вооруженнымъ туркомъ, который хочетъ убить его, и яростнымъ евреемъ, держащимъ трость, чтобы бичевать его.

Въ поколѣнія, столь сильно занятомъ евреями и мусульманами, удивительна одна черта: изъ такого множества умныхъ людей никто (ни Лютеръ, ни Эразмъ) не замѣчаютъ, что эти два племени, распинатели христіанъ, уже два вѣка находятся въ обратномъ положеніи къ христіанамъ. Магометанинъ былъ затронутъ нашими продолжительными крестовыми походами; еврей уже болѣе тысячи лѣтъ претерпѣвалъ бичеванія и казни. Онъ ихъ терпитъ и теперь; въ одномъ мѣстѣ—онъ царь, въ другомъ—онъ остается на крестѣ по прежнему.

Что дѣлаютъ Магометъ II и Солиманъ въ Валахіи, Сербіи, Венгріи? Совершенно то же, что короли испанскіе—въ Кордовѣ и въ Гренадѣ. Первые не превосходятъ вторыхъ жестокостью своихъ опустошеній.

Вспомнимъ, что *гастадоры* съ такимъ совершенствомъ опустошили, подмели, очистили и обезлюдили богатое королевство Кордовы, что христіанскіе поселенцы, вызванные въ эту пустыню, не нашли тамъ ни соломенки, и начало ихъ поселенія ознаменовалось страшнымъ неурожаемъ. Должно было все приносить съ собой.

Миръ мавровъ, весь удалившійся въ Гренаду, сдѣлалъ изъ этого послѣдняго убѣжища земной рай; но потомъ здѣсь расположилась лагеремъ всепожирающая армія Фердинанда, вмѣстѣ съ другою арміей—дѣятельныхъ *гастадоровъ*—этихъ ученыхъ художниковъ смерти, которые возвели ее на степень искусства, разрушая, грабя, уничтожая мызы, мельницы, плодовые деревья, виноградники, масличныя и померанцовыя рощи, — такъ что страна уже потомъ никогда не въ состояніи была оправиться.

Въ то же время были изгнаны евреи,—какъ мавры въ 1526 г. — посредствомъ одного изъ жесточайшихъ преслѣдованій, о какихъ только сохранилась память въ исторіи. Ихъ изгоняли и въ то же время удерживали, постановивъ для ихъ эмиграціи невыполнимыя условія: Знаменитый Барбарусса имѣлъ милосердіе — порекомендовать семьдесятъ тысячъ ихъ въ Африку, въ семь путешествій, по десяти тысячъ за одинъ разъ. Это религиозное дѣло послужило началомъ славы этого короля пиратовъ.

Можно думать, что съ обѣихъ сторонъ — у мусульманъ и у христіанъ—плѣнь былъ жестокъ. Галеры,—этотъ адъ, которому начало положили рыцари Родоса, — являются въ Испаніи, во Франціи, у турокъ. Съ обѣихъ сторонъ плѣнники умираютъ подъ ударами.

Непостоянство злобы и фанатизма! Плачевная преграда, отдѣляющая Европу отъ Азіи, къ концу крестовыхъ походовъ, во времена Саладина, казалось, готова была понизиться. Теперь она вновь возвышается, грозитъ чѣмъ прежде. Какая смѣлость поможетъ свободнымъ мыслителямъ, друзьямъ человѣчества пробить ее? Этого нельзя угадать. Попытки дипломатіи—образовать союзъ между турками и христіанами, старанія гуманистовъ—возвысить евреевъ, вопреки яростному народному предразсудку, — это вещи столь смѣлыя, что о нихъ никто не отважился бы и мечтать. Онѣ дѣлаются неожиданно!, случайно или по необходимости. Поговоримъ сперва объ евреяхъ.

Религиозная революція была начата людьми, которые меньше всѣхъ другихъ чувствовали ея важность, именно — учеными. Въ одно утро поставленъ былъ слѣдующій смѣлый вопросъ: можетъ ли христіанская Европа простить и оказывать снисхожденіе тѣмъ, которые были убійцами Христа. Если она прощаетъ даже евреямъ, то тѣмъ самымъ, и еще болѣе, она принимаетъ невѣрныхъ, принимаетъ весь родъ человѣчскій въ свои объятія.

Это мои слова. Никто не осмѣлился бы формулировать эту мысль такимъ образомъ. И однако же она подразумевалась сама собою въ мнѣніи ученыхъ, что «раввинская философія выше и старѣе всякой человѣческой мудрости; что вожди греческихъ школъ были учениками евреевъ.»

Возвысить евреевъ до этой точки—значило сдѣлать ихъ властито-

для Европы въ дѣлахъ мысли, какими они, безпорно, уже были въ медицинѣ и въ естественныхъ наукахъ.

Молодой итальянскій князь Пикъ-де-Мирандола, удивительный оракулъ учености, — который сдѣлался легендой еще при жизни своей, какъ Альбертъ великій послѣ своей смерти, — смѣло говорилъ объ еврейской философіи: «Я нахожу въ ней и св. Павла и Платона.»

Его тезисы о Кабалѣ были напечатаны въ 1488 г., до страшной испанской катастрофы, которая уничтожила еврейскія школы и разсыла по Европѣ, Африкѣ и Азіи цивилизованнѣйшее и многочисленнѣйшее племя этого несчастнаго народа.

Среди этого-то крушенія, въ 1494 г., когда его грустные обломки появились въ городахъ сѣвера, при враждебныхъ крикахъ безжалостнаго народа, — ученый юристъ Рѣйхлинъ издалъ свою книгу — «De verbo mitifico,» смыслъ которой былъ тотъ, что въ древности «одни Іудеи знали имя Божіе.»

И вотъ эти несчастные, сидящіе на мостовой публичныхъ площадей, загорѣлые, больные, внушающіе отвращеніе, не имѣющіе человѣческаго вида, — поставлены парадоксомъ Рѣйхлина на вершинѣ мудрости; признаны за древнихъ и глубокомысленныхъ учителей міра, за первыхъ повѣренныхъ Божіихъ.

Въ ихъ книгахъ и языкѣ Рѣйхлинъ открывалъ великіе зачатки и члени Пифагора и главныхъ христіанскихъ догматовъ.

Прогрессъ гуманизмовъ, безъ сомнѣнія, ведъ къ этому. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ они, во флорентинской академіи, поклонялись греческой мудрости и доходили до того, что предпочитали Платона Іесусу. Можно было предвидѣть, что въ шестнадцатомъ — человѣческое любопытство перенесетъ свой фанатизмъ на ученіе болѣе скрытое, на языкъ еще менѣе извѣстный, и что изъ Греціи, не представлявшей уже никакой тайны, оно перейдетъ къ отдаленному Востоку.

Съ какою бы степенью уваженія ни относились мы къ книгамъ и къ философіи евреевъ, мы не должны забывать огромныхъ правъ, которыя они приобрѣли въ средніе вѣка на всеобщую признательность. Они долгое время были единственнымъ звеномъ, которое связывало Востокъ съ Западомъ; которое, въ этомъ нечестивомъ раздѣленіи человечества, ставъ между двумя фанатизмами — христіанскимъ и мусульманскимъ — сохранило постоянное сообщеніе двухъ міровъ въ торговлѣ и знаніяхъ. Ихъ многочисленные синагоги, ихъ школы, ихъ академіи, разбѣяныя повсюду, были цѣпью, въ которой роль человѣчeskій, раздѣлившейся на себя самого, соединился и жилъ одною и тою же умственной жизнью. Это еще не все: было время, когда все варварство — когда франки, греческіе иконоборцы и даже испанскіе арабы безмолвно согласились вести войну противъ мысли. Куда же укрылась она? Въ скромное убѣжище, которое дали ей евреи. Одни они упорно стояли на томъ, чтобы мыслить, и остались въ этотъ злополучный часъ, такъ сказать таинственнымъ сознаніемъ помраченнаго міра.

Отъ нихъ свѣтильникъ перешолъ къ арабамъ, а отъ арабовъ — къ христіанамъ. Тѣсными тѣми и другими; евреи, въ четырнадцатомъ

и пятнадцатомъ вѣкахъ, подверглись страшному упадку. Тѣмъ не менѣе они оставались въ Испаніи (столько же и даже болѣе, чѣмъ мавры) народомъ цивилизованнымъ. Ихъ разсѣяніе по Европѣ было, такъ сказать, нашествіемъ новой цивилизаціи. Все покорилось таинственному, и чрезъ то еще болѣе могущественному, вліянію испанскихъ и португальскихъ евреевъ.

Въ самый годъ катастрофы, именно 1492, когда Рейхлинъ находился въ Вѣнѣ при императорѣ Максимилианѣ, который его очень любилъ, одинъ еврей, медикъ императора, подарилъ ему драгоценную рукопись Библии, обращаясь такимъ образомъ къ чувствамъ его сердца, при чемъ сказалъ: «читайте и судите.»

При вступленіи на престолъ, бѣдный маленькій Іерусалимъ, укрывавшійся въ римскомъ *гетто* * являлся на дорогу, по которой проходила процессія, и не произнося ни слова, стоялъ тамъ, съ Библией въ рукахъ. Шѣмой протестъ, благородный упрекъ старою отца, закона еврейскаго, своему сыну, закону христіанскому, который обходился съ нимъ такъ сурово!

Здѣсь, въ этомъ подаркѣ еврея Рейхлина, мы опять видимъ Библию, которая является великому юристу, наукѣ, Возрожденію, требуя и убѣдительно прося у нихъ справедливаго истолкованія.

И въ какую торжественную минуту! Когда грозныя преслѣдованія вѣка приближались къ своему предѣлу — къ всеобщему изгнанію евреевъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что медикъ, привыкшій судить объ этихъ странвыхъ эпидеміяхъ по ихъ признакамъ, отгадалъ рецидиву народной ярости, близкую гибель своихъ братьевъ и искалъ для нихъ благосклоннаго защитника.

Ничто не можетъ сравниться съ этимъ событіемъ, ни походы противъ альбигойцевъ, и никакія драгонады. Варфоломеева ночь Карла IX и бойня герцога Альбы, можетъ быть, болѣе кровопролитныя, не имѣли, однакоже, этого характера всеобщаго истребленія народа.

Французскіе протестанты, бѣжавшіе изъ Франціи, были съ состраданіемъ принимаемы въ Англіи, въ Голландіи, въ Пруссіи, вездѣ. Но евреи, оставивъ Испанію въ 1492, подверглись бѣдствіямъ столь же великимъ какъ тѣ, отъ которыхъ они бѣжали. На варварійскихъ берегахъ ихъ продавали и распарывали имъ животы, предполагая найти золото въ ихъ внутренностяхъ. Многіе изъ нихъ ушли въ горы Атласа, гдѣ они были съѣдены львами. Другіе, выталкиваемые изъ Европы въ Африку, изъ Африки въ Европу, нашли въ Португаліи нѣчто похуже львовъ пустыни. Ярость противъ нихъ со стороны народа и монаховъ была такова, что жестокія мѣры королей оказывались недостаточными для ея удовлетворенія. Они не только были принуждаемы къ выбору между обращеніемъ въ христіанство и смертью, но, отрекаясь отъ своей вѣры, не спасали этимъ своихъ семействъ; у нихъ отнимали дѣтей ихъ. Король взялъ всѣхъ малолѣтнихъ, недостигшихъ четырнадцати-лѣтняго возраста, и отослалъ ихъ на острова. Они умирали на пути. Прозисопи ужасныя сцены. Одна мать се-

* Такъ назывались занимаемыя евреями въ городахъ кварталы.

мерыхъ дѣтей, валяясь въ ногахъ короля, едва не была истерзана въ куски разъяреннымъ народомъ. Король не осмѣлился ничего для нея сдѣлать и съ трудомъ спасъ ее отъ когтей этихъ канибаловъ. Несчастныхъ новообращенныхъ гоняли въ церкви, и они каждодневно покупали свою жизнь только низостью и лицемеріемъ. При малѣйшемъ подозрѣніи — ихъ убивали поголовно. Такого свойства было побойще въ 1506 г., въ Лиссабонѣ.

Въ Германіи Максимилианъ, во Франціи Людовикъ XII дешево приобрѣли себѣ популярность, изгнавъ еврейскихъ эмигрантовъ, — которые переселялись большими массами на сѣверъ, — въ угоду туземнымъ купцамъ, боявшимся ихъ конкуренціи. Венеція, Флоренція и нѣкоторые города показали болѣе человѣколюбія. Но и тамъ, какъ и вездѣ ихъ положеніе было чрезвычайно невѣрно и измѣнчиво. Каждую минуту сочинялись исторіи объ оскорбленныхъ гостяхъ, о распятыхъ дѣтяхъ и другія подобныя басни; иногда реторики какого нибудь монаха, проповѣдующаго въ страстную недѣлю, было достаточно для того, чтобы народъ взволновался и изъ церкви бросился грабить домъ евреевъ. Подвергаясь мученіямъ всякаго рода, они своими страданіями должны были утолять эту адскую ярость.

Она казалась неутолимою. Даже въ семнадцатомъ вѣкѣ, одна французка, г-жа д'Ольнуа (d'Aulnoy) видѣла въ Испаніи, на одномъ ауто-да-фе, монаховъ, которые, ведя евреевъ на казнь, мучили ихъ заранѣе. Они поджигали ихъ сзадн, чтобы вынудить у нихъ слова отреченія или покрайней мѣрѣ крики. Придя на мѣсто казни, присутствующіе потеряли голову; народъ, не помня себя, началъ побивать осужденныхъ камнями; дворяне шпагами кололи страдальцевъ, всходившихъ на костеръ.

Евреевъ часто упрекали не только въ томъ, что они распяли Христа, но и въ томъ, что они убиваютъ христіанъ лихвенными процентами. Но въ этомъ преступленіи были виноваты сами христіане. Вѣрен не занимались ростовщичествомъ, когда имъ позволялось дѣлать чтò нибудь другое. Они жили торговлею, промышленностью, мелкими ремеслами. Запрещая эти ремесла, конѣскупя товары евреевъ и грабя у нихъ все, чтò можно захватить, имъ оставляли только промышленность неуловимую, или, по крайней мѣрѣ, удобную къ утайкѣ — золото и вексель. Ихъ ненавидѣли какъ ростовщиковъ, но кто ихъ сдѣлалъ ростовщиками?

Домы евреевъ, — таинственныя убѣжища, — если бы ихъ разсмотрѣть хорошенько, возстановили бы въ сердцахъ народа уваженіе къ тѣмъ, которыхъ онъ слѣпо ненавидѣлъ. Семейство тамъ было серьезно и трудолюбиво; оно было стѣснено, сжато и, однако же, очень благотворительно къ своимъ бѣднымъ братьямъ. Неумолимый къ христіанамъ, еврей вообще былъ необыкновенно добръ къ своимъ, милосердъ среди своего племени, и показывалъ хорошій примѣръ въ своемъ домѣ. Ничто не могло сравниться съ превосходствомъ еврейской женщины, съ непорочностью еврейской дѣвушки, прозрачной и ясной въ своей небесной красотѣ. Охраненіе этой жемчужины Востока было предметомъ величайшей заботливости семейства, — пе-

чальнаго, унылаго, трепещущаго, постоянно ожидающаго самыхъ великихъ несчастій.

Въ средніе вѣка всякій разъ, когда чрезмѣрныя бѣдствія повергали народы въ отчаяніе; всякій разъ, когда умъ человѣческій спрашивалъ, почему этотъ идеальный рай міра, покорнаго церкви, осуществляетъ собою только адъ на землѣ,—духовенство спѣшило заглушить это возраженіе, говоря: «Это — гнѣвъ Божій!.. это — вина Магомета!.. это — преступленіе евреевъ! Убийцы нашего Господа еще не наказаны!» Народъ устремлялся на евреевъ; ихъ рѣзали, ихъ жарили; души-яростныя и большыя упивались мученьями, скорбью и казнями. За этими оргіями смерти слѣдовало оцѣпненіе. Все возвращалось къ прежнему мрачному порядку — къ нищетѣ и рабству.

Въ 1348 г., напр., когда въ Европѣ свирѣпствовала чума, фанатическія толпы Бичующихъ ходили по всѣмъ дорогамъ, терзая себя ударами, для умилостивленія Божія гнѣва, и кричали: «Зло происходитъ отъ священниковъ!» И этихъ послѣднихъ начинали убивать. Народъ, на пространствѣ отъ береговъ Голландіи до Альпъ, волновался; духовенству грозило поголовное истребленіе; но ударъ искусно былъ отклоненъ на евреевъ. Толпа жаждала крови — ей дали кровь еврейскую.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ можно было предвидѣть безъ труда движеніе, подобное тому, которое произошло въ четырнадцатомъ. Духовенство могло опасаться всего. Крестьяне бунтовали повсюду въ особенности противъ духовныхъ владѣльцевъ. Свѣтскіе владѣльцы завидовали имъ и осуждали громадность церковныхъ имуществъ. Угрожаемые крестьянами, они не желали ничего лучшаго, какъ отклонить ихъ ярость отъ себя, обративъ ее противъ духовенства. Последнее въ свою очередь должно было прибѣгнуть къ средству, которое ему наиболѣе удавалось, именно — обратить эту ярость противъ евреевъ.

Въ Кельнѣ, въ рукахъ и подъ вліяніемъ великаго инквизиціоннаго ордена доминиканцевъ, былъ одинъ крещеный еврей по имени Пеефферкорнъ (*Перечное-зерно*). Этотъ опасный интригантъ, желая, во что бы то ни стало, возвыситься, старался прослыть у евреевъ за Мессію, но они осмѣяли его. Въ бѣшенствѣ, онъ душой и тѣломъ отдался доминиканцамъ, и служилъ орудіемъ для выполненія страшныхъ плановъ этого ордена. Будучи инквизиторами въ Испаніи, они хотѣли быть инквизиторами и въ Германіи. Здѣсь не было мавровъ, для сожженія, за то были колдуны и евреи. Для этой цѣли всякое средство они считали дозволеннымъ. Книгопечатаніе еще недавно изобрѣтанное, но уже сдѣлавшееся страшнымъ оружіемъ въ рукахъ тиранніи, размножало новыя легенды, молитвенники и кровавыя памфлеты доминиканцевъ. Мистицизмъ и фанатизмъ, св. Дѣва и демонская сила, розы и кровь человѣческая — все смѣшивалось въ одномъ общемъ потокѣ. Сочинитель «Чотокъ» Шпренгеръ издалъ въ то же время страшную книгу — *Молоть чародѣевъ*.

Для произведенія пожара надлежало найти искру. На это вызвался Пеефферкорнъ. Онъ засталъ императора въ его лагерѣ при Валуѣ

и диклопоталъ у легкомысленнаго государя поведѣніе — собрать и сжечь еврейскія книги. Инквизиторы надѣялись, что костры, зажженные на площадяхъ должны воспламенить умы и скоро народъ, не разбирая, начнетъ бросать въ огоньъ людей, вмѣстѣ съ книгами.

Еврей имѣли при дворѣ друзей, въ томъ числѣ своего соотечественника, императорскаго доктора, о которомъ мы говорили выше; они выхлопотали отсрочку и разсмотрѣніе своихъ книгъ. Въ числѣ назначенныхъ для этого лицъ былъ, какъ нарочно, Гохштратенъ, душевный другъ Пфефферкорна, глава кельнскихъ доминиканцевъ, яростный фанатикъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, и затѣялъ все дѣло. Къ счастью, тамъ былъ и юристъ Рейхлинъ, который много лѣтъ уже занимался еврейскою литературой, издалъ грамматику, и словарь еврейскаго языка и книгу объ имени Вожіемъ. Рейхлина ненавидѣли монахи за то, что онъ написалъ сатиру на ихъ педантическія проповѣди и, кромѣ того, одинъ фарсъ, котораго героемъ былъ монахъ. Студенты представляли его по всей Германіи. Когда брошенъ былъ камень въ еврейскія книги, Рейхлинъ нисколько не обманулся насчетъ значенія этого обстоятельства; онъ почувствовалъ, что камень вмѣстѣ задѣваетъ и его. Его назначили въ комиссію въ той увѣренности, что онъ не осмѣлится изложить свое мнѣніе и, трепеща, подпишетъ приговоръ доминиканца. Пфефферкорнъ имѣлъ дерзость самъ прійти къ Рейхлину и звать его къ себѣ въ товарищи по истребленію книгъ, которое онъ намѣревался произвести по всей Германіи.

При такихъ настояніяхъ, принужденный на самомъ дѣлѣ защищать себя самого, Рейхлинъ обнаружилъ крайнюю осторожность. Онъ сказалъ, что между книгами евреевъ есть нѣкоторыя очень преступныя, оскорбительныя для Иисуса Христа и для Пресвятой Дѣвы, и указалъ именно на двѣ такія. Ихъ, — говорилъ онъ, — дѣйствительно слѣдуетъ уничтожить на основаніи корнеліева закона о предосудительныхъ книгахъ (*lex Cornelia de famosis libellis*). Ссылаясь на-римское право, онъ передавалъ дѣло на рѣшеніе свѣтскихъ трибуналовъ. Осудивъ такимъ образомъ на сожженіе нѣкоторыя изъ еврейскихъ книгъ, онъ пытался защитить остальные, въ числѣ которыхъ, — говорилъ онъ, — находятся толкованія на Библію, книги, относящіяся къ грамматикѣ и къ другимъ наукамъ, аллегоріи, притчи, кодексъ законовъ называемый Талмудомъ, наконецъ книги философскія и богословскія, спеціально называемыя Кабалою. Въ нихъ есть, — говорилъ онъ, — много смѣшныхъ вещей, но тѣмъ болѣе нужно ихъ сохранить, чтобы имѣть средство опровергать евреевъ и побѣждать ихъ упорство.

Рейхлинъ остерегся признаться въ своемъ глубокомъ уваженіи къ Кабалѣ. Изъ какого источника почерпнулъ онъ свои свѣденія въ ней? и какимъ образомъ этотъ филологъ, уже подозрѣваемый въ ереси за свои занятія греческою литературой, осмѣлился проникнуть далѣе Греціи въ эту, омраченную заблужденіями, древность?

Рейхлинъ родился на берегахъ Рейна. Обладая прекраснымъ голосомъ, онъ былъ сначала пѣвчимъ въ капеллѣ маркграфини баденской, потомъ товарищемъ ея сына въ школахъ Франціи, ученикомъ въ Парижѣ, Орлеанѣ и Пуатье, потомъ списывателемъ греческихъ

манускриптовъ, и корректоромъ частной типографіи въ Базелѣ. Туда удалился великій нидерландскій теологъ, одинъ изъ предшественниковъ Лютера, Вессель, который, ради собственнаго удовольствія, научилъ Рѣйхлина еврейскому языку. Изъ Базеля Рѣйхлинъ отправился въ Италію, видѣлъ флорентинскую академію, этого стараго Гемистуса Плето, и этого молодата и удивительнаго Пика де-Мирандолу, который зналъ все и всему предпочиталъ Кабалу евреевъ.

Императоръ Максимилианъ, очарованный умомъ Рѣйхлина и его ученымъ рвеніемъ къ законамъ Имперіи, пожаловалъ ему дворянство и титулъ палатинскаго графа.

Рѣйхлину представился новый случай ѣхать въ Италію по одному политическому дѣлу и говорить съ Александромъ VI. Это было какъ разъ въ августѣ 1498 г., три мѣсяца спустя послѣ смерти Савонаролы. Пепель его еще не остылъ; все въ Италіи было наполнено его духомъ, все проникнуто его словомъ. Можно вообразить, какое вдохновеніе вынесъ оттуда Рѣйхлинъ для своихъ еврейскихъ занятій. Тогда-то онъ издалъ свои книги противъ монаховъ и свои сочиненія въ пользу еврейской учености.

Предразсудокъ относительно числа не могъ повредить Кабалѣ во мнѣніи того, кто находилъ его у Писагора и Платона. Тайнственную важность, приписываемую знакамъ языка, буквамъ алфавита мы видѣли и въ наши дни у де Мэстра и де Вональда. Между этими безумствами въ древней Кабалѣ мы находимъ поразительныя черты разума, здраваго смысла, и истинную систему мірозданія, открытую такъ за-долго до Коперника.

Въ доказательство глубокой древности главной книги Кабалы—*Зогаръ* въ 1815 г. нашлось неопровержимое свидѣтельство—Открытый и изданный въ этомъ году кодексъ Назареевъ, котораго ученіе тождественно съ ученіемъ книги *Зогаръ*, относится ко временамъ Иисуса Христа. Итакъ это не было копіей съ доктрины неоплатониковъ. Не самого ли Платона это философія? Нѣтъ, это ученіе рѣшительно противоположно ей,—оно совершенно антиплатоническое. Ближе всего, какъ это доказалъ Франкъ, оно сродственно преданіямъ Персіи, гдѣ евреи почерпнули столь многое во время Вавилонскаго плѣна.

Возвышенная метафизика, столь древняя и вмѣстѣ столь новая, которая съ одной стороны есть отголосокъ словъ Ормузда; а съ другой дивная предшественница ученія Гегеля!

Среди этого величія есть мѣста, дышущія глубокимъ иѣжнымъ чувствомъ, которыя могли быть внушены не чѣмъ другимъ, какъ удивительною судьбою народа, единственнаго въ скорби. «Вѣчный, создавъ души, сталъ разсматривать ихъ по одиначкѣ... Каждая является въ свою очередь. И онъ говоритъ ей: Иди!.. Но душа отвѣчаетъ: Господи! я счастлива здѣсь. Зачѣмъ уходить мнѣ, быть рабою и подвергаться всякимъ сквернамъ? Тогда Святой (да будетъ благословенно имя Его!) отвѣчаетъ: Ты рождена для этого... — И она удалется, несчастная, и съ сожалѣніемъ сходитъ на землю. Но она подыметса опять когда нибудь... Смерть есть лобзаніе Вожіе.»

Возрожденіе еврейской философіи и еврейскаго языка итальянцем Пикъ - де - Мирандолою, нѣмцемъ Рѣйхлиномъ, французомъ Постелемъ было первымъ лучомъ дня, который мы имѣли счастье видѣть, дня, который возстановилъ права Азии и приготовилъ примиреніе человѣчества. Мы считаемъ себя счастливыми, что жили въ то время, когда два француза подвинули это дѣло впередъ. Что касается собственно до меня, то благодаря Рѣйхлина и почтенныхъ жрецовъ, которые открыли намъ двери храма, я не могу удержаться также отъ признательности къ тѣмъ, которые ввели насъ во святилище: одинъ великій герой открылъ для насъ Персію; одинъ великій критическій гений показалъ намъ индійскій христіанизмъ. Герой—это Анкель-Дюперонъ, гений—это Вюрнуфъ.

Первый, странствуя по морямъ и въ убійственныхъ климатахъ, пробираясь черезъ лѣса, населенные тиграми и дикими слонами, похитилъ въ глубинѣ Востока вѣчное сокровище, которое измѣнило науку и религію. Какое же это сокровище? доказательство нравственности Азии, доказательство что святость и человѣчность Востока не уступаютъ святости и человѣчности Запада.

Второй открылъ Вуддизмъ. †

Люди эпохи возрожденія не видѣли еще общей картины. Съ ними было то же, что съ путешественникомъ, который въ пасмурную погоду взбирается на колоссальный амфитеатръ Альповъ или Пиренеевъ. Въ его живомъ удивленіи, каждая новая, открытая имъ, вершина кажется главною, господствующею надъ дѣсьмъ. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ они увидѣли Грецію, парящую надъ человѣчествомъ—и покланялись; въ шестнадцатомъ—тотъ же радостный кликъ, то же восклицаніе дѣтскаго восторга. Рѣйхлинъ видѣлъ начало всякой философіи въ Кабалѣ, Лютеръ—происхожденіе всякой теологіи въ библейскихъ книгахъ, Постель—корень всѣхъ языковъ въ языкѣ еврейскомъ, который онъ считаетъ общечеловѣческимъ нарѣчіемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Книгопечатаніе. — Рыцарь Гуттенъ. — 1519 — 1516.

Германія, далеко отставшая отъ Франціи въ средніе вѣка, опережаетъ ее въ свою очередь въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ. Инициативою книгопечатанія, революціями имперскихъ городовъ, возмущеніями крестьянъ и ихъ первою апелляціей къ праву, она обнаруживаетъ сильную жизнь. — Правда, эта жизнь трудна и безпорядочна, но все-таки это жизнь. И кто не предпочелъ бы ее вѣчному спокойствію смерти?

Во Франціи Франциска I-го какое нибудь отдѣльное возмущеніе провинціи противъ увеличенія подати едва даетъ вамъ знать о существованіи народа. Въ Германіи этотъ народъ — вездѣ, онъ заявляетъ себя повсюду, въ двадцати различныхъ центрахъ и въ различныхъ классахъ населенія. Великій споръ ученыхъ, горячность

дворянъ противъ государей и духовенства, внутреннее броженіе городовъ, даже свирѣпшія бунты деревенскихъ жителей, суть, подъ различными формами, не что иное, какъ единодушный протестъ въ защиту челоѣческаго достоинства. Во Франціи сходство съ этими великими движеніями представляетъ только изолированная индивидуальная дѣятельность нѣсколькихъ отличившихся людей. Что тамъ можно сравнить съ этою великою нѣмецкою пеленикой Рейхлина, къ которой присоединяется цѣлый народъ легистовъ и гуманистовъ? Можетъ быть вліяніе Бюде, щедрого и великодушнаго старшины парижскихъ купцовъ, ученаго и отца ученыхъ? еврейское обученіе будущей французской коллегіи, которому начало уже полагаетъ Ватабль? неизвѣстный и робкій Лѣфебваръ д'Этабль, рѣшающійся потихоньку, въ кругу своихъ друзей, излагать ученіе, которымъ другой, болѣе могущественный голосъ очень скоро взволнуетъ всю Германію?

Священная имперія — этотъ Вавилонъ, это педантское сооруженіе такого множества противорѣчащихъ другъ другу законовъ, имѣла въ себѣ, однакоже, то достоинство, что позволяла существовать жизни и, чувству права, по крайней мѣрѣ въ видѣ привилегіи. Даже не привилегированныя жалкіе крестьяне, которые въ Италіи и Франціи остаются нѣмыми и мертвыми, — въ Германіи говорятъ и дѣйствуютъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Въ періодѣ времени отъ 1495 до 1525 безпрестанно возвышается голосъ нѣмецкихъ сѣль. Отъ Балтики до Адриатики, по Рейну, въ Альзасѣ и Швабіи — вездѣ раздается крикъ крестьянина. Чего же онъ хочетъ? Ничего другаго, какъ только — быть челоѣкомъ. Онъ простираетъ свое честолюбіе до того, что хочетъ дышать, пользоваться нѣсколько природою, воздухомъ, водою и лѣсомъ. Онъ не отказывается служить; но ему хотѣлось бы служить на условіяхъ прежнихъ контрактовъ, хотѣлось бы, чтобы его рабство не разообразилось и не дѣлалось съ каждымъ днемъ отяготительнѣй.

Въ нѣмецкой революціи мы видимъ повсюду эту терпѣливую и покорную умѣренность. Она является даже въ дѣлѣ Рейхлина противъ доминиканцевъ. Германія не оспаривала ничего у своей мѣстной церкви; она принимала судъ и инквизицію своихъ епископовъ. Она отвергала инквизицію монаховъ, — инквизицію новую, которую хотѣлъ навязать ей Римъ; это доминиканское нашествіе, завоевавшее Испанію, которое хотѣло уподобить ей и Германію, столь существенно противоположную ей. Сказать по правдѣ, революціоннымъ элементомъ здѣсь былъ Римъ, который дѣлалъ нововведенія и котораго нѣмцы съ полнымъ правомъ обвиняли въ этихъ нововведеніяхъ.

Дѣло было слишкомъ очевидное. Римъ, для удовлетворенія своихъ финансовыхъ нуждъ, съ каждымъ днемъ болѣе распространялъ прибыльный терроризмъ инквизиціи. Миръ видѣлъ попытку 1462 г. противъ арраскихъ ватландцевъ, которая, если бы удалась, проломала бы ворота Нидерландовъ и Франціи. Онъ видѣлъ въ 1488 г. покушеніе Иннокентія VIII на Рейнъ и Дунай, посольство доминиканца — автора *Молота чародѣевъ*. Папы расходились во многихъ вѣщахъ,

только не въ своей, постоянно возрастающей, благосклонности къ ордену св. Доминика. Они двигали впередъ этотъ священный мечъ этотъ магическій ключъ, который отпираетъ сокровищницы. Великій знатокъ финансовъ Александръ VI усилилъ доминиканцевъ. Добрый кроткій философъ Левъ X тоже усилилъ ихъ и отдалъ въ ихъ смѣлыя руки эксплуатацію Германіи. Хранители ученія, эти могущественныя братья св. Фомы, ученые, проповѣдники и судьи выказывали въ своемъ торгашествѣ святынею дерзость и наглость непреодолимой силы. Добрые монахи, которые просили подаянія въ бѣдлыхъ суконныхъ рясахъ испанской инквизиціи не могли просить нарасно.

Былъ только одинъ человекъ, — очень сильный и твердо поддерживаемый великимъ сословіемъ легистовъ, всемогущимъ въ Германіи, — легистъ императора, дорогой австрійскому дому, сдѣлавшійся палатинскимъ графомъ и судьей страшной Швабской Лиги, — который осмѣлился сказать слово противъ доминиканцевъ. И все таки, когда Рейхлинъ сказалъ это слово, его друзья затрепетали и сочили его погибшимъ. Осмѣлиться отвѣчать Шееферкору, схватить во тьмѣ могущественную руку монаховъ, которые двигали его впередъ, — было то же, что схватить шпагу за острое лезвие, наткнуться на сталь. Эразмъ, въ тревогѣ, кричалъ Рейхлину, что онъ заходитъ слишкомъ далеко.

Доминиканцы съ надменностью и увѣренностью людей, имѣющихъ кестеръ и палача на своей сторонѣ, начали подшучивать надъ Рейхлинномъ. Ихъ приверженцы, профессора Кельнскаго факультета, ихъ Ортуанусъ Гравиусъ пустили въ поборника евреевъ сатирой. Эта тяжелая стрѣла изъ дерева и свинца, брошенная съ большимъ усиліемъ, не будучи въ состояніи летѣть, позорно упала среди общаго хохота и смѣха. Тогда разъяренные монахи вспомнили, что имъ нѣтъ никакой надобности въ разумныхъ основаніяхъ. Они перестали защищаться, и начали судить; и, не останавливаясь апелляціей Рейхлина къ папѣ, сожгли сочиненіе, надѣясь скоро сжечь и автора.

Что сдѣлалъ римскій дворъ? Пожертвовалъ ли онъ доминиканцами? — Это значило бы отнять у себя правую руку. Осудить ли онъ Рейхлина? Вро болѣе или менѣе открыто поддерживали императоръ, курфирсты саксонскій, баварскій, виртембергскій; тридцать пять имперскихъ городовъ письменно ходатайствовали за него у папы. Правда, его противники имѣли на своей сторонѣ схоластику, парижскій университетъ, трепещущій и растерявшійся. Но юристы, классъ столь могущественный, гуманисты, съ Эразмомъ во главѣ, стояли за Рейхлина. Удивительное дѣло: нѣмецкіе дворяне, буйная демократія рейнскихъ и швабскихъ рыцарей, вовсе не друзья евреевъ и очень склонные къ ограбленію ихъ, объявили себя здѣсь на сторонѣ защитника этого племени и доходили до того, что на площадяхъ затѣвали съ монахами ссоры и грозили духовенству.

Не было ли это удивительнымъ зрѣлищемъ, знаменіемъ, увѣдомленіемъ неба, возвыщавшаго объ опасности, которая грозила церковнымъ имуществамъ? Эти благородные охотники съ тонкимъ чутьемъ

оставляли одну добычу, потому что чуяли другую, запахъ которой они слышали издали.

Вотъ, въ это-то время, въ достопамятномъ 1514 г., появились, одно за другимъ, робко и безъ шума, «Письма темныхъ людей» — *Epistolae obscurorum virorum*, — превосходная драма, которая изображаетъ отчужденную глупость, и посредствомъ которой люди, незнакомые съ тогдашними католическими монастырями и школами, были введены и посвящены въ ихъ тайны.

Что можетъ быть интереснѣе? Съ граціей молодого осла, который тяжело подымаетъ свой неуклюжій копытъ, съ предельною и невинностью гусенка, который съ одинаковымъ успѣхомъ пробуетъ летать, ходить или плавать, милые семинаристы рассказываютъ своему доброму отцу, магистру Ортуину Граціусу, свои маленькія приключенія, излагаютъ предъ нимъ свои тупыя идеи, свои сомнѣнія и искушенія. Они не слишкомъ скрываютъ свои грѣхи, наготу *своего Адама*, и дурныя штуки, которыя пиво и любовь дѣлали съ ними иногда подѣ вечеръ. Но такъ какъ довѣренность даетъ право на нѣкоторую смѣлость, то они рѣшаются толковать о приключеніяхъ самаго учителя; если бы они смѣли, то посовѣтовали бы ему пить умѣренно: тогда онъ не былъ бы такъ скоръ на руку и нѣсколько болѣе сталъ бы беречь нѣжный и полный предметъ своей школьной любви.

Разумѣется эти добрые молодые люди всѣ мыслятъ превосходно, всѣ они — неумолимые враги новизны и нововводителей. Они съ ужасомъ говорятъ о Рѣйхлингѣ и гуманистахъ, о *новой латыни*, заимствованной у какого-то Виргилія, между тѣмъ какъ хорошая схоластическая латынь томится въ пренебреженіи. Къ теоріи они присоединяютъ примѣръ. Никогда Каппеты въ улицѣ Фуаръ въ приторахъ улицы Сень-Жакъ или площади Моберъ не говорили лучшей кухонной латынью. Иногда они приходятъ въ азартъ (никто не бываетъ молодымъ безнаказанно); они волнуются, топчутъ ногами, кусаютъ свои пальцы и устремляютъ тупой взглядъ въ потолокъ; ихъ тяжелыя мысли съ трудомъ подымаются и падаютъ опять, какъ кузнечный молотъ... Имъ удалось сказать речю... И они начинаютъ хохотать совсѣмъ не почеловѣчески... Глупость узнаетъ своихъ сыновей; она трепещетъ отъ материнскаго восторга; она бьетъ своими гусиными крыльями, хочетъ летѣть — и остается на землѣ.

Никакой предметъ въ природѣ не бываетъ извѣстенъ въполнѣ, пока переплывное искусство не сдѣлаетъ съ него копія. Вещи гораздо лучше видны въ ихъ отраженіи. Это огромное царство оставалось землею новою, не открытою, пока дивный живописецъ милостиво не позаботился описать его, представить и дать всѣмъ въ поразительно сходномъ портретѣ.

И — замѣтьте — великій художникъ, отдѣлывавшій подробности этого портрета съ терпѣніемъ мастеровъ фламандской школы, въ то же время даетъ намъ его высшую идею. Здѣсь-то въ особенности онъ грозовъ — настоящій побѣдитель и завоеватель, сдѣлавшій это царство

своимъ, чтобы признать къ нему свое верховное право вѣчнаго бы-
чванія.

Во первыхъ совершенство подражанія было таково, что простаки
сочли книгу сборникомъ частныхъ писемъ.—благочестныхъ, наивныхъ
если не назидательныхъ. Слозь дурень,—говорили они,—но содер-
жаніе хорошо. Доминиканцы нашли сочиненіе (которое противъ нихъ
главнымъ образомъ и было направлено) столь хорошимъ, что купили
его во многомъ числѣ экземпляровъ, для раздачи своимъ. Римъ тоже
выразилъ свое одобреніе, не раскрывая глазъ, не рассматривая слиш-
комъ близко книгу, которая казалась благопріятною для его кельн-
скихъ друзей. Такимъ образомъ памфлетъ появился въ 1515 г. у Аль-
десовъ въ Венеціи, снабженный десятилѣтнею привилегіей Льва X, и
патентомъ противъ перепечатки.

«Почему этотъ великій учитель Ортуинъ назвалъ свой сборникъ
письмами темныхъ людей?—Онъ сдѣлалъ это изъ смиренія, говоритъ
одинъ парижскій докторъ. Онъ вспомнилъ слова псалмопѣвца: Поло-
жилъ мракъ и затмилъ. Что касается до меня,—говоритъ одинъ кар-
мелитскій монахъ изъ Брабанта,—я думаю, что въ этомъ названіи
заключается болѣе мистическій смыслъ. Іовъ сказалъ: Богъ открыва-
етъ свою глубину только во *тьмѣ*. А Виргилій: Онъ облакалъ истину
тьмою (*obscuris vera involvens*).»

Подъ этою иронической формой, вопросъ тѣмъ не менѣе постав-
ленъ былъ во всемъ своемъ величіи. Съ этой минуты двѣ партіи
стали называться: одна—партіей тьмы, другая—партіей свѣта.

Рыцарь Ульрихъ Гуттенъ есть главный сочинитель *писемъ*, побѣ-
дитель доминиканцевъ, неустранимый герой книгопечатанія, ко-
торый сокрушилъ нѣмецкую инквизицію, и обезоружилъ Римъ
наканунѣ того дня, въ который Лютеръ долженъ былъ сдѣлать
на него нападеніе.

Въ 1513 г. до изданія *писемъ* простая ряса изъ бѣлаго сукна была
предметомъ ужаса. Въ 1515, послѣ изданія, надъ нею смѣялись, из-
дѣвались; дѣти и собаки бѣгали за нею. Даже въ Римѣ люди спра-
шивали себя: какимъ образомъ эти глупыя невѣжды могли такъ дол-
го внушать къ себѣ робкое почтеніе. Народъ досадовалъ на себя са-
мого за свою прежнюю болѣзнь. Страшный призракъ, схваченный хра-
брымъ рыцаремъ, потрясенный его желѣзною рукою, явился тѣмъ
тѣмъ онъ былъ,—ветошкой, бѣлой тряпкой, годною только для того,
чтобы пугать птицъ.

Это—первая побѣда прессы и, конечно, одна изъ самыхъ великихъ
побѣдъ. Здѣсь въ первый разъ истинный духовный мечъ востор-
жествовалъ надъ физической силой, надъ матеріей и надъ глупцами.

Благородное войско свѣта, друзей человѣчества, появилось во всей
Европѣ, величественно идущее подъ знаменемъ Возрожденія. Въ Гер-
маніи, Швейцаріи и Нидерландахъ—основатели критики Эразмъ Рѣй-
хлинъ, Меланхтонъ; знаменитые типографщики Амербахи и Фробе-

ны; поэты имперскихъ городовъ - суревый Мурнаръ, добрый Гапезахъ и юррембергскій башмачникъ, диктаторъ нѣмецкаго искусства, великій Альбертъ Дюреръ. Въ Англии—юристы Латимеръ и Томасъ Морусъ, приготовляющій свою «Утопію». Во Франціи—важный Бюде, готовящійся основать коллегію Франціи, молодой медикъ Рабле и школа пантагрюэлистовъ, наконецъ почтенный Лефевръ, который за шесть лѣтъ до Лютера проповѣдуетъ лютеранизмъ.

Здѣсь мы видимъ безконечное разнообразіе школъ и различныхъ умовъ, которые, однако, соглашаются между собою и которые всѣ намъ дороги по двумъ причинамъ. Всѣ они желали свободы изслѣдованія; всѣ гнушались насилія, жестокости, крови; всѣ имѣли заботливое уваженіе къ человѣческой жизни.

Священное воинство свѣта, воинство мужественнаго человѣчества! — Философы—вотъ наши предки, почтенные отцы восемнадцатаго вѣка, законные прадѣды того, кто долженъ былъ защищать Каласа и Сирвена, уничтожить пытку во всей Европѣ и эшафотъ протестантовъ.

Должно познакомить читателей съ этимъ рыцаремъ, Гуттенемъ, который, вопреки папѣ и императору, предписывающимъ молчаніе, колеблетъ всю землю своимъ страшнымъ хохотомъ. Императоръ переходитъ на сторону Гуттена, даетъ ему титулъ увѣчаннаго поэта, и вотъ чело добраго рыцаря украшено виргилиевскими лаврами, которые возложены на него прекрасною нѣмецкой дѣвушкой, дочерью ученаго Пейтингера, совѣтника Максимилиана.

Гуттенъ, родившійся въ 1488 и умершій въ 1525 г. въ теченіи своей короткой жизни былъ олицетворенною войною, олицетвореннымъ сраженіемъ.

И этотъ человѣкъ битвы, былъ, однакоже, кротокъ, добросердочевъ и миролюбивъ, какъ это часто случается съ истинно-храбрыми. Таково сужденіе о немъ, высказанное намъ лучшимъ судьей храбрости, неустрашимымъ и проникательнымъ Цвингли, когда онъ принималъ Гуттена въ Цюрихѣ: «Такъ вотъ онъ, этотъ разрушитель, этотъ грозный Гуттенъ! онъ, котораго мы видимъ такимъ ласковымъ къ народу и дѣтямъ. Эти уста, изъ которыхъ устремлялась на папу такая буря, дышутъ только кротостью и добротою!»

«Великій патриотъ!—говорятъ Гердеръ—смѣлый мыслитель! восторженный проповѣдникъ истины! онъ былъ въ состояніи поднять полюмя міра!»

Германія шестнадцатаго вѣка, которая была сильна въ глубоко-характеристическихъ формулахъ, нашла для него истинное, имя, назвавъ его *Пробудителемъ* человѣчества.

Въ Гуттенѣ мы видимъ нѣкоторыя свойства пѣтуха, этого любownika свѣта, который воспѣваетъ его среди глубокой ночи; въ два, въ три часа, задолго до утренней зари, онъ зоветъ его, когда еще ничей глазъ его не видитъ; онъ предчувствуетъ его во тьмѣ, проникательнымъ взглядомъ желанія.

Онъ пѣлъ о Возрожденіи, о свободѣ мысли. Онъ пѣлъ о родной Германіи и воскресеніи имперіи. Онъ пѣлъ о побѣдахъ будущаго правосудія, о торжествѣ права и реформы.

Сынъ Рейна такъ же какъ Рейхлинъ, Меланхтонъ (и даже Лютеръ не матери) Гуттенъ имѣлъ въ крови своей живую и мужественную волю того благороднаго, честнаго омышенія, которое побуждаетъ человѣка къ геройскимъ подвигамъ.

Но его волю можно назвать сыномъ прозрачнаго Рейна; онъ весь состоитъ изъ свѣта, безъ всякаго мистицизма. Его реформа не есть реформа специальная, исключительно религіозная. Она охватываетъ всю нѣмецкую жизнь, всѣ національныя точки зрѣнія; она жаждетъ новаго общества, она присоединяется къ народу, къ толпѣ. Она не стѣсняется границами ветхозавѣтной библіи.

Таковъ этотъ человѣкъ и таково его величіе. Теперь посмотримъ на всѣ его бѣдствія, свойственныя нѣмецкому студенту, на всѣ смѣшныя стороны его характера. Гуттенъ — студентъ отъ рожденія до смерти.

Онъ родился на самомъ воинственномъ пунктѣ Германіи, въ лѣсахъ, отдѣляющихъ Франконію отъ Гессена. Его отецъ, благородный рыцарь, рѣшилъ, что это слабое созданіе не въ силахъ владѣть оружіемъ, что сынъ долженъ сдѣлаться священникомъ. Но Гуттенъ рѣшаетъ иначе. Въ пятнадцати-лѣтнемъ возрастѣ онъ нерользуетъ чрезъ стѣну и отдается во власть обширнаго міра, случая, голода и нищеты. И вотъ — онъ студентъ.

Вѣда въ томъ, что науки того времени внушаютъ ему отвращеніе. Между двумя схоластиками — теологіи и права — онъ избираетъ поэзію. На угрозы своей фамиліи, онъ, въ премныхъ стихахъ отвѣчаетъ, что его цѣль — не быть *кочлемъ*. Мое имя, — говоритъ онъ, — будетъ — *никто*. Онъ ничто и вмѣстѣ — все; *никто*, т. е. всѣ, безличныи голосъ многихъ массъ.

На всѣхъ большихъ дорогахъ Германіи, во всякомъ имперскомъ городѣ, на площадяхъ, въ академіяхъ — вы могли бы имѣть удовольствіе — встрѣтить рыцаря-поэта Гуттена, въ благородныхъ лохмотьяхъ, съ длинною шпагою въ рукахъ. Онъ жилъ подарками, случался и слишкомъ часто спалъ подъ открытымъ небомъ. Двѣ вещи подвергали испытанію его слабое сложеніе: дуэли и любовныя приключенія. Послѣднія съ самыхъ первыхъ шаговъ стояли дорого для его здоровья, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ.

Кромѣ этихъ досадныхъ промаховъ въ промлатыхъ областяхъ Цитеры, другая любовь владѣла его сердцемъ, — любовь къ матери-Германіи и къ святой нѣмецкой имперіи. Всякій, кто улыбался при этихъ послѣднихъ словахъ, могъ быть увѣренъ, что ему придется вознакопиться со шпагою Гуттена. И не только объ Имперіи, но и объ императорѣ Максимилианѣ нельзя было упоминать шредъ нимъ ниче, какъ съ самымъ глубокимъ почтеніемъ. Въ Римѣ французы вздумали посмѣяться надъ нимъ. Гуттенъ, не обращая вниманія на то, что изъ было семь человѣкъ противъ его одного, напалъ на нихъ и, по епо: увѣренію, обратилъ ихъ въ бѣгство. Онъ, — который на самомъ дѣлѣ никогда не питалъ ни къ кому ненависти, — воображалъ, что ненавидитъ Францію. Это одинъ изъ первоначальныхъ темовъ нощихъ забавныхъ тевтомановъ, волосатыхъ студентовъ, которые

корчатъ изъ себя Зигфридовъ, Гунтеровъ и Гильдебрандовъ. Новинное племя добрыхъ и истинныхъ патриотовъ! Они не знаютъ, какъ мы имъ сочувствуемъ! не знаютъ, до какой степени намъ по душѣ эта великая ихъ любовь къ своей родинѣ! Напрасныя преграды! Неужели они думаютъ, что Мольтеръ, Вольтеръ или Руссо для насъ дороже Бетховена? Что касается до меня, — французомъ или нѣмцемъ былъ я въ то время, когда, въ февралѣ, я увидалъ на нашихъ бульварахъ священное знамя Германіи, когда по нашимъ набережнымъ проходилъ ея геройскій легіонъ, и когда я всѣмъ сердцемъ стремился къ нимъ, въ порывѣ столь многихъ, но — увы! — бесплодныхъ желаній? Въ тотъ день я не сдумалъ бы разрѣшить такого вопроса.

Послѣ своей побѣды Гуттенъ отправился взглянуть на побѣжденныхъ вблизи. Онъ опять посѣтилъ Италію, разсмотрѣлъ внимательно Римъ и, съ распространеніемъ всего кругозора, сталъ наконецъ считать папу врагомъ христіанства. Онъ написалъ цѣлую книгу эпиграммъ на городъ, «гдѣ торгуютъ именемъ Божиимъ, гдѣ Католамъ и Куріамъ наследовали римлянки, а не римляне.»

Лучшею сатирою было, безспорно, изданіе имъ книги Лаврентія Валла о подложномъ дарѣ Константина папѣ — объ этой фальшивой торжественной обстановкѣ папства, которая была смѣло поддерживаема и защищаема, пока это можно было дѣлать во мракѣ, до появленія свѣта книгопечатанія.

Кому посвящаетъ онъ это изданіе, смертельное для римскаго двора, и послужившее для Лютера (какъ этотъ послѣдній самъ признается) наиболѣе сильнымъ ободреніемъ? Конечно, философу, человѣку свободномыслящему, чуждому всякихъ предрасудковъ, одному изъ этихъ гуманистовъ-полу-язычниковъ, этимъ кардиналамъ-идолопоклонникамъ, подобнымъ Бембо или Садолету, которые не кланутся иначе, какъ именемъ Юпитера? — Нѣтъ, гораздо лучше: Леону X.

Онъ возвращался изъ Италіи, на развалинахъ и могилахъ которой незадолго предъ тѣмъ раздавались гѣсны Аріосто. Состарѣвшійся преждевременно отъ утомленія, бѣдности и болѣзней, онъ возвратился въ свой жалкій замокъ Штеккельбергъ въ Черномъ лѣсу, — благородное маленькое жилище, безъ земли, которое не могло прокормить своего господина. Онъ жилъ остроуміемъ, сатирой, счастіемъ печатать себя самого, своею прессой, своими буквами. Съ каждымъ днемъ внимательнѣе слушалъ онъ совѣты своихъ *благоразумныхъ* друзей, людей *практическихъ*, *опытныхъ*, которые постоянно вамъ совѣтуютъ малодушно пыть по теченію и дѣлать то же, что дѣлаютъ другіе. Левъ X Германіи, молодой архіепископъ Альбрехтъ Бранденбургскій, курфирстъ майнцскій, звалъ его къ себѣ какъ гостя, совѣтника и друга. Для него-то Гуттенъ написалъ свой очень любопытный трактатъ о великой болѣзни времени, отъ которой онъ самъ столько страдалъ и отъ которой, по его словамъ, бакауть довольно удачно его вылечилъ. Но никакая болѣзнь, никакая гангрена, никакая заразительная язва не могла сравниться съ майнцскимъ дворомъ. Мы говоримъ объ этомъ теперь съ полнымъ знаніемъ, имѣя предъ собою подробности грязной кухни, гдѣ этотъ достойный архіепископъ приправлялъ

Германію для избранія Карла V. Я угадывалъ эту чувственную личность по грустному портрету, который начерталъ Альбертъ Дюреръ на своихъ правдивыхъ жѣдкихъ доскахъ, грозныхъ, какъ судьба.

Этотъ торгашъ имперіи предпринималъ тогда двѣ банкирскія операціи: продажу индульгенцій и сдѣлку касательно императорской короны, которую вѣроятная смерть Максимилиана должна была скоро пустить съ аукціона. Онъ нашолъ оригинальнымъ, полезнымъ — приманить къ себѣ большого, голоднаго бѣднягу, оцѣпанную птицу, которая, съ своими наполовину сломанными крыльями, имѣла нужду въ убѣжищѣ, но которая все-таки была *пробудителемъ міра* и великимъ голосомъ революціи.

Хитрый прелать превосходно разсчиталъ, что подобный гость защититъ его отъ нападокъ общественной мнѣніи. Принявъ Гуттена къ себѣ, онъ будетъ имѣть отвѣтъ противъ общественнаго негодованія, противъ всякаго заслуженнаго оскорбленія: «Воръ, продавецъ ядовъ.» — Да, покровитель Гуттена. — «Сообщникъ ростовщиковъ и начальникъ громадной проституціи.» Правда, но хозяинъ Гуттена, другъ музъ, ватровъ свободныхъ мыслителей, ученыхъ.

Что говорилъ объ этомъ самъ Гуттенъ? Бѣдняжка не совсѣмъ-то былъ спокоенъ духомъ; это видно по длинному, очень длинному, нескончаемому письму, которое онъ написалъ, въ свое оправданіе, къ одному изъ своихъ друзей къ Нюрембергъ. Онъ доказываетъ ему безъ труда, что его положеніе невыносимо, что нѣтъ жизни, хуже чѣмъ жизнь голоднаго рыцаря, въ пустомъ домѣ, въ Черномъ лѣсу. Но гораздо слабѣе доказываетъ онъ, что, находясь при майнцкомъ дворѣ, онъ будетъ имѣть большую возможность дѣйствовать отсюда на общественное мнѣніе, которое онъ склонитъ на сторону государей, дворянъ и проч. Онъ старается обмануть другихъ и самого себя. «О! — восклицаетъ онъ — если бы я могъ говорить, сказать вамъ все!...»

Остается несомнѣннымъ то, что Гуттенъ, убивъ дурную латынь и схоластику, навсегда поразивъ доминиканцевъ и сдѣлавъ инквизицію невозможною въ Германіи, — сдѣлалъ много; ему нуженъ былъ отдыхъ, чтобы подумать о себѣ самомъ. Онъ улаживалъ дѣла съ своею совѣстью и представлялъ себѣ предлоги, чтобы поступить подобно Франциска I-му, т. е. заключить свой конкордатъ съ этимъ майнцскимъ папой. Архіепископъ смѣялся про себя, надѣясь удержать орла въ своемъ курятникѣ.

Напрасно. Подобный патріотъ имѣлъ слишкомъ нѣмецкое сердце; онъ не могъ оставаться въ этой грязи. При первомъ крикѣ Лютера, онъ вдругъ проснулся и отправился искать убѣжища у рыцаря Секкингена, отмстителя угнетенныхъ и защитника слабыхъ, котораго замокъ называли «*Пріютомъ правосудія.*»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Банкъ. — Избрание императора и индульгенция. — 1516—1519.

Разсказываютъ, что Карлъ V, въ свой проѣздъ чрезъ Францію, осмотрѣвъ казну и драгоценности короны, презрительно сказалъ: «У меня въ Аугсбургѣ есть ткачъ, который могъ бы купить все это.»

Съ восшествіемъ на престолъ Франциска I и Карла V, совпадаетъ возшествіе династїи другаго рода, — династїи Фуггеровъ въ Аугсбургѣ и нѣмецкаго банка. Скромное и страшное могущество, разрубающее въ рѣшительныя минуты гордіевъ узелъ, который ни одинъ король не могъ бы развязать!

Величіе двухъ банкирскихъ царствъ — царства евреевъ и царства лонбардцевъ, генуэзцевъ и флорентинцевъ — шло вало. Нѣмецкій банкъ, посредствомъ тѣснаго союза Аугсбурга съ Антверпеномъ, подчинилъ себѣ банкъ итальянскій.

Фуггеры, отказавшись отъ содѣйствія генуэзцевъ, сосредоточивъ нѣмецкія деньги и закрывъ банкъ для короля Франціи, похитили императорскую корону и дали ее государю Нидерландовъ. Съ другой стороны, тоже одяжъ, безъ итальянцевъ, они сдѣлали себя сборщиками денегъ по продажѣ индульгенцій; ихъ касса двигалась вмѣстѣ съ крестомъ, ихъ прикащики шли съ проповѣдниками. Такимъ образомъ они сдѣлали два крупныя дѣла, которыя пѣвѣнны видѣ земли. Они соудали Карла V и Лютера.

Дѣло объ избраніи, остававшееся долгое время очень мало извѣстнымъ, теперь является во всемъ своемъ блескѣ, благодаря изданію депешъ Маргариты Австрійской, которая, вопрека Карлу V, предоставила все дѣло Фуггерамъ, централизовала его, овладѣла имъ. (Leglay, Neg. Autrich., t. II, 1645.)

Эта побѣда нѣмецкаго банка надъ его соперниками могла бы быть предсказана. Еврей, съ которымъ обходились такъ дурно, былъ подовѣриваемъ въ злобу; его мрачный домъ наводилъ ужасъ. Итальянецъ, напротивъ, слишкомъ блеснулъ и возбуждалъ зависть. Прибавьте къ этому, что Флоренція и Генуя повредили своему кредиту мѣшая банкирскія дѣла съ политикой. Флоренція обанкротилась вмѣстѣ съ фамиліей Медичи. Генуэзскій банкъ св. Георгія извѣнчалъ свой характеръ, сдѣлавъ себя королемъ Корсики.

Не таковъ былъ банкъ Нидерландовъ и Германіи. Скромна (въ началѣ) была его контора, не имѣвшая никакихъ притязаній, кромѣ своей *маленькой прибыли*, смотрѣвшая на деньги, только какъ на деньги. Проценты не были для него ни мщеніемъ, ни честолюбіемъ. Деньги, новый богъ міра, сдѣлалъ этихъ добрыхъ людей своими избранниками, потому что они служили ему ради его самого.

И такимъ образомъ произошло; что эта новая сила явилась здѣсь съ какимъ-то безличнымъ, отвлеченнымъ характеромъ, какого она не имѣла въ страстныхъ рукахъ евреевъ или генуэзцевъ, этихъ артистовъ, виртуозовъ роста.

Настъ можетъ быть спросить, почему этотъ банкъ, истинно-безличный, безстрастный, слѣпой и глухой, все таки предпочелъ Карла V, Франциску I-му. Потому что Карлъ V представлялъ нѣ залогъ,—прочную гарантію торговли Антверпена и другихъ городовъ,—торговли, которая сама имѣла гарантію въ пошлинахъ, платимыхъ ею при вхождѣ въ Шельду, одною рукой отдавая ихъ, а другою принимая, такъ что все это происходило безъ государя. Съ англійскихъ кожъ или шерсти Антверпенъ платилъ ввозныя пошлины,—кому? себѣ самому. И такимъ образомъ онъ возвращалъ себѣ суммы, добываемыя съ него Аугсбургомъ и Фуггерами, которые платили курортатамъ, князьмъ и всѣмъ въ пользу Карла V.

Таковъ былъ механизмъ до прилива въ Европу американскаго золота. Здѣсь-то заключается причина успѣха Карла V. Аугсбургъ, Антверпенъ и Лондонъ держали его сторону.

Нѣмцы, кромѣ безопасности, имѣли также, — должно сказать, — не многочисленный личный составъ для этого аугсбургскаго банка. Почему? Причина этому заключается въ простотѣ, въ хвастовствѣ скудостью и мелочностью, которая отличаетъ ихъ при началѣ ихъ операцій. Позднѣе они сдѣлались вельможами—и испортили все.

Въ картинахъ, украшающихъ нѣ въ городскую ратушу, сохранилось правдивое древнее преданіе о скромномъ нѣмецкомъ банкѣ, скопированномъ съ маленькаго нѣмецкаго или фламандскаго хозяйства. Правда, прежде всего тамъ является апофеоза самого Аугсбурга. Аугсбургъ—торжествующая королева—въ колесницѣ, которую везутъ короли, кардиналы,—его должники, безъ сомнѣнія. Потомъ, Аугсбургъ—добрая хозяйка, трудолюбивая и плодovitая, очевидно беременная. Кого же она производитъ на свѣтъ? Вѣчно и безмолвно отъ нея рождаются фюринны и червонцы. Далѣе, наконецъ, эта царица наивно является въ своей кухнѣ съ казнами, фаянсовою посудой, кастрюлями; она кидаетъ при себѣ ключи и девизъ: «Все я везаѣ.» Магическіе серебряные ключи, для отпиранія сундуковъ и сердецъ! Всемогущая кухня, гдѣ нѣмецкая Цардѣя непрестанно приготовляетъ напитки и соусы, которые не одного человѣка превратили въ животное!

Но не значить ли это унижать вещи? Нямало. Справимся съ комментаріями этихъ картинъ,—т. е. съ надписями и двутонными изображеніями, которые смѣло объясняютъ смыслъ этихъ картинъ. Въ нихъ царствуютъ и торжествуетъ странная любовь къ низости. Въ той двутонной живописи мы видимъ у колыбели ребенка колбасу, которую онъ долженъ питаться; надъ его головою (поэтическое изображеніе), висятъ небольшая свинья, сваренная цѣлкомъ. Вѣнецъ всему—девизъ, подписанный подъ Веспасіаномъ: «Деньги всегда хорошо пахнутъ.» (*Lucrī bonus odor.*)

Мы сейчасъ представимъ подробности. Но сперва мы должны характеризовать этихъ расточителей, которыхъ нужда предала въ руки нѣмецкихъ банкировъ.

Всѣ короли были люди молодые, или несовершеннолѣтніе, или едва

достигшіе совершенныхъ лѣтъ. Смерть за одинъ разъ измѣнила всю сцену міра. Даже папа Левъ X, имѣвшій въ 1516 г. тридцать девять лѣтъ отъ роду, могъ считаться молодымъ, сравнительно съ другимъ папами. Генриху VIII было двадцать четыре года, Франциску I-му—двадцать два, Карлу V—шестнадцать лѣтъ, Людовику Венгерскому—десять. Вся эта молодежь, какъ можно себѣ вообразить, отличалась веселостью (за исключеніемъ маленькаго Карла V, который былъ необыкновенно серьезенъ); дворы представляли собою рядъ праздниковъ, забавъ, увеселеній—и деньги текли тамъ, какъ вода.

Самый степенный изъ этихъ государей, единственный, котораго можно было назвать сколько нибудь нравственнымъ, Генрихъ VIII, красивый молодой человекъ, уже нѣсколько потолстѣвшій, при всей пылкости и естественной живости, отличающей англійскую молодежь, былъ плѣненъ сыномъ мясника, забавнымъ кардиналомъ Уольсеемъ, который овладѣлъ имъ посредствомъ шутокъ, охоты, собакъ, лошадей и соколовъ. Генрихъ, человекъ причудливый, одинаково любилъ схоластическіе и фехтовальные поединки. Онъ считалъ себя рожденнымъ для войны. Онъ успѣлъ уже истощить казну Генриха VIII на тщетныя попытки противъ Франціи. Но Англія, которая была въ это время очень производительна, могла дать много; и ея король, на самомъ дѣлѣ наиболѣе достаточный изъ всѣхъ, ссужалъ деньгами испанскаго короля, очень бѣднаго въ то время и думалъ подчинить его своей власти.

Этотъ послѣдній, которому Америка не давала еще ничего, нуждался въ деньгахъ. Неаполь приносилъ очень мало. Нидерланды часто отказывали и притомъ въ случаяхъ самыхъ настоятельныхъ. Везъ займа у Генриха VIII, Карлъ не могъ бы доѣхать до Испаніи. И въ дѣлѣ императорскаго избранія однажды случилось, что курьеръ не былъ отправленъ по недостатку денегъ.

Расточительнѣе всѣхъ былъ дворъ Франциска I. Этотъ веселый дворъ, находившійся постоянно въ дорогѣ, кажется какимъ-то подвижнымъ романомъ, пантагрюэлистскимъ странствованіемъ вдоль по Луарѣ, отъ замка къ замку, отъ одного лѣса къ другому. Повсюду—громадныя охоты и оглушительный звукъ рога. Вездѣ большіе пиры и столъ въ бесѣдкѣ на нѣсколько тысячъ человекъ. Потомъ—все это исчезало.—Бѣдные послы испанскаго короля никогда не знали, гдѣ и какъ они могутъ добраться до короля Франціи. Онъ вставалъ очень поздно, другой король, мать Франсуа—тоже очень поздно. Напрасно они являлись къ выходу: король спалъ; приходили позднѣй—онъ былъ на лошади, очень далеко, въ лѣсу. Вечеръ былъ слишкомъ веселъ—и дѣла опять отлагались до завтра. Приходили на другой день—всѣ уже отправились; дворъ былъ въ пути; послы находили нѣсколькихъ запоздавшихъ слугъ, которые говорили имъ наскоро, что король ночуетъ въ десяти льѣ отсюда.

При такой любви къ путешествіямъ, король, кажется, долженъ былъ знать свое королевство, быть въ сношеніяхъ съ народомъ, съ дворянствомъ по крайней мѣрѣ. Но было совершенно на противъ. Путешествуя, онъ былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, въ плѣну у двора, который скрывалъ отъ него все остальное. Его расточитель-

ность принесла пользу очень немногимъ. На другой день своего шестидесятилетия на престолъ онъ наложилъ тягостный налогъ. За чѣмъ? Чтобы подарить его. Онъ отдалъ вырученную сумму Монморанси, Бриону, двумъ или тремъ изъ своихъ приближенныхъ.

Левъ X былъ не лучше его. Не бывало папы забавнѣе. Несмотря на это важное и льстивое имя, Джованни Медичи былъ зубоскалъ, шутъ, и умеръ отъ того, что черезъ-чуръ много смѣялся надъ пораженіемъ французовъ. Рафаэль, который передалъ намъ его жирное чувственное лицо, не посмѣлъ изобразить рѣзкую черту его—шутовскіе и распутные глаза. Лакомый до непристойныхъ разсказовъ и словъ (за немѣніемъ возможности дѣйствовать), онъ всегда готовъ былъ слушать однимъ ухомъ—Кастильоне, другимъ—Аретина. Извѣстно, что за человекъ былъ этотъ послѣдній. Портретъ перваго (тоже работы Рафаэля), мы имѣемъ въ Луврѣ; это—разскащикъ съ похотливыми глазами, съ раскрасившимся, пьянымъ лицомъ, пропитанный грязными исторіями, которыя служили возбуждательнымъ средствомъ для стариковъ. Папа въ одномъ и томъ же театрѣ съ двумя отдѣленіями, заставлялъ играть предъ собою *Каландру* и *Мандрагору*, пьесы очень скоромныя, весьма близкія по содержанію къ антикамъ приапическаго свойства, которыя поправлялъ ему Джуліо Романи.

Онъ думалъ, что ему остается не долго жить, и наслаждался жизнью двойнѣ, превративъ ее въ фарсъ, любя ученыхъ и артистовъ, какъ актеровъ своей комедіи. Впрочемъ его лучшими друзьями были великіе латинисты, а не Аріосто, не Макиавелли, не Микель-Анджело. Онъ держалъ этого послѣдняго десять лѣтъ въ Каррарѣ, при каменоломняхъ, вѣроятно боясь, чтобы эта трагическая личность не принесла ему несчастія.

Изъ всего этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы дворъ Льва X, столь веселый, не имѣлъ своихъ трагедій. Кардиналы, которые воображали, что они выбрали въ папы миролюбиваго весельчака, были нѣсколько удивлены, когда, не переставая смѣяться, онъ задушилъ одного изъ нихъ, кардинала Петруччи. Пользуясь этимъ удивленіемъ и ужасомъ, онъ сдѣлалъ то, чего не осмѣливался сдѣлать Александръ VI: онъ создалъ тридцать одного кардинала въ одинъ день, убивая такимъ образомъ двухъ зайцевъ за одинъ разъ, т. е. обеспечивая слѣдующее избраніе за своей фамиліей и наполняя свои сундуки посредствомъ продажи тридцати кардинальскихъ шапокъ. Къ несчастью, сундуки были дырявы. На другой день ему пришлось предпринять съ Альбрехтомъ Майнцскимъ (т. е. съ Фуггерами) великую аферу индугенцій.

Не болѣе пользы принесъ и конкордаты Франциску I-му. Когда Дюпра, въ Волонь, подчинилъ короля папѣ, заставилъ его прислуживать Льву X, идти предъ нимъ и подавать ему умываться, то говорилъ своему государю, что такъ какъ, по конкордату, папа удерживаетъ за собой только доходы одного года и предоставляетъ королю дѣлать назначенія, то этотъ послѣдній можетъ роздать шесть архіепископствъ, восемьдесятъ три епископства, множество аббатствъ и проч. Прекрас-

ный доходъ для того, кто бы имъ воспользовался! Король промоталъ его. Фаворитамъ дано было все, дворянству—ничего, и оно было раздражено столько же, какъ и народъ. Марламентскимъ чиновникамъ и университету, которые до сихъ поръ пользовались вѣстѣ съ кліентами сенѣровъ, едва достались крошки. Парижъ тоже былъ сильно недоволенъ.

Дворъ Карла V, не до такой степени расточительный, былъ не мѣнѣе тягостенъ и разорителенъ, вслѣдствіе жадности его фламандскихъ совѣтниковъ.

Фламандцы въ Испаніи страдали тою бѣшеною алчностью къ золоту и серебру, которою испанцы страдали въ Америкѣ. Хотя они себя считали господами, имѣя своего собственнаго короля, хотя они захватили крупныя мѣста и большія епископства (Толедское напр. предоставленное Круа, восемнадцати-лѣтнему мальчику!) однакоже думали, что въ этой мрачной и нетерпѣливой странѣ надежнѣе всего—захватывать деньги въ свои руки. Кастильцы считали себя обезпеченными, заставивъ короля поклясться, что онъ не позволитъ вывозить изъ страны ни золота, ни серебра. Фламандцевъ это не безпокоило. Съ удивительною изобрѣтательностью они собрали всю звонкую монету, въ особенности прекрасныя дукаты Фердинанда и Изабеллы вычеканенныя изъ чистаго золота, въ Гренадѣ, величиною въ ладонь. Ихъ осталось такъ мало, что когда испанцу случалось видѣть одинъ изъ нихъ, онъ прикладывалъ руку къ шапкѣ и набожно говорилъ: «тебя хранить Богъ, двуглавый дукать! потому что г. Шьверъ не нашолъ тебя!»

Ничто не помѣшало фламандцамъ въ этомъ методическомъ переселеніи стараго испанскаго золота. Возстаніе крестьянъ въ Валенсіи, возмущеніе Кастиліи не могли вырвать его у нихъ изъ рукъ. Если они созвали кортесовъ, то созвали на берегу моря, въ галиційскомъ портѣ, на крайней точкѣ Испаніи, имѣя тамъ въ готовности свои корабли, на которые могли нагрузить свою добычу. Мадамъ де Шьверъ, какъ хорошая хозяйка, привезла съ собою грузъ на восьмидесяти телѣгахъ и на трехъ стахъ мулахъ; мадамъ де Ланнуа—на десяти фургонахъ и сорока лошадяхъ; духовникъ короля—на шестнадцати мулахъ и десяти телѣгахъ, и т. д.—миллиардъ дуктовъ, говорятъ. Оставили же они за собою только междоусобную войну.

Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Испаніи, они заботились только о томъ, чтобы имъ не мѣшали французы. Они обманывали Франциска I-го проэктомъ брака французской принцессы съ юнымъ Карломъ. Но имъ не удалось провести короля; онъ находилъ очень пріятнымъ поддаваться обману, пока ему платили изрядную пенсію во сто тысячъ золотыхъ эску, подъ предлогомъ брака. Карлъ V, имѣвшій шестнадцать лѣтъ отъ роду, писалъ: «мой добрый отецъ» къ двадцати четырехъ лѣтнему молодому человѣку. Эта длинная комедія превосходно изображена въ депешахъ (въ особенности отъ 7 іюня 1518). Посланнику Карла, который преслѣдовалъ короля во время его путешествія вдоль по Луарѣ, удалось наконецъ поймать его. Ко-

роль, очень хорошо знающий о затруднительных обстоятельствахъ Испаніи и сильно убѣжденный въ томъ, что его обманываютъ и относительно брана и относительно возвращенія Навары, относительно Италіи и относительно всего, — говоритъ съ послѣмъ «угромо твердо». Если такъ, то почему же онъ не пользуется революціей и междоусобною войною въ Испаніи? — Почему? Онъ занятъ двумя другими войнами: во первыхъ, войною женщины, которая происходитъ при дворѣ, между его любовницей и матерью. Во вторыхъ, войною съ турками. Потому что всѣ говорятъ про нее, трепещутъ, и глаза всего христіанскаго міра обращены на Фрависка I. Но чтобы вести Европу противъ турокъ — надо быть императоромъ. Вотъ въ этомъ-то заключается великая забота. Должно свергнуть австрійскій домъ, который около вѣка уже занимаетъ избирательный тронъ и который теперь, страшнѣе могущественнѣй по своему обладанію Испаніей, Нидерландами, Индіей, и вслѣдствіе возможнаго унаслѣдованія Венгрии и Богеміи, не только возьметъ имперію, но и удержитъ ее за собою.

Великая роль — спасти имперію и Европу отъ турокъ и Австрій.

«Но Европа спасла сама себя». Вовсе нѣтъ. Она была спасена въ 1528 г. чудеснымъ случаемъ, невѣроятнымъ героизмомъ небольшой шайки — венгерцевъ и еще одного человѣка, Гуніада. Въ 1529 г., для вѣны спасеньемъ послужила гордость турокъ, которую не удостоили привезти съ собою осадную артиллерію.

Правда, венгерскій гусаръ былъ лучше турецкаго спага. Но никакая европейская пѣхота не могла сравниться съ вичарами.

Противъ этой страшной силы не былъ бы издѣланнымъ тѣсный союзъ французскихъ кавалеристовъ съ испанскими и швейцарскими пѣхотинцами и съ нѣмецкими лицквехтами.

Всѣ должны были оставить свою гордость, и искать себѣ вождя, каковаго нибудь Гуніада, Матвея Корвина, если таковой существовалъ. Но если его не было, если въ герояхъ чувствовался недостатокъ, если приходилось обратиться къ государямъ, то естественнымъ императоромъ въ этомъ положеніи былъ Мариньянскій побѣдитель.

Мы не хотимъ сказать этимъ, что онъ былъ того достоинъ. Но его считали достойнымъ что уже много значитъ. И именно потому что его считали таковымъ, былъ выбранъ не онъ, а тотъ, который смѣлъ за мальчика съ посредственными способностями. Даже его послѣдникъ писалъ: нѣмцы мало знаютъ испанскаго короля и говорятъ о немъ не много хорошаго.

Избиратели не желали избирателя: они слишкомъ завидовали другъ другу; не желали мелкаго князика, который не могъ бы платить (Nég. Autg., II, 418.) Имъ нуженъ былъ король, который былъ бы въ сестраніи помощи Германіи въ ея опасности. Выбрать изъ двухъ того, котораго они считали неспособнымъ, было извѣной — недѣвой, слѣпой столько же сколько и преступной.

Тогдашній султанъ былъ настоящій турокъ легендъ, — не Байазетъ II, толстый, миролюбивый и медленный, мистическій поэтъ не занипашійад войвода; не Соломонъ или Солиманъ, который сдѣлался дур-

гошь Франціи. Это былъ султанъ Селимъ, который навелъ страхъ на самыхъ турокъ. Онъ совершилъ дѣло, которое считалось ужаснымъ, невыполнимымъ, котораго никто не смѣлъ коснуться. Онъ преобразовалъ янычаровъ, забралъ ихъ начальниковъ въ свои руки. До такой степени былъ великъ ужасъ, внушаемый его силою и жестокостью.

Венеціанскіе послы, которые слѣдуютъ за нимъ въ его побѣдоносныхъ походахъ и убійствахъ, не только утрачены но и порабощены имъ. Мы нѣмѣемъ отъ изумленія, читая слова Мочениго объ этомъ истребителѣ: «никто не былъ столь справедливъ, никто не былъ *человѣколюбивѣе.*»

Его короткую жизнь можно сравнить съ стальнымъ лукомъ, натянутымъ какою нибудь сильною машиной. Для него не существовало ни радостей, ни удовольствій стола, ни женщинъ, — ничего человѣческаго. Ничего, кромя войны, священнаго истребленія и упоенія смертью. Онъ употреблялъ опиумъ, но какъ разъ настолькоъ, чтобы постоянно поддерживать въ себѣ холодную экзальтацію, безжалостную жестокость. Это — утонченный поэтъ, стремящійся къ высокому и поставленный своимъ лиризмомъ выше всякой жизни; съ другой стороны отличавшійся абстрактностью еще болѣе смертельною для нея. Его ужасный спиритуализмъ дѣлалъ его въ особенности жаднымъ до крови тѣхъ, которые вложили духъ въ тѣло, — до крови вѣрующихъ въ воплощеніе (христіанъ, персовъ и проч.)

Замѣьте, что въ своихъ истребительныхъ сѣчахъ этотъ странный чловѣкъ ничего не предпринималъ безъ основанія, безъ текстовъ Корана, безъ отвѣтовъ духовныхъ и законовѣдовъ. Онъ ставилъ ихъ въ большой тупикъ; онъ устрашалъ ихъ своею тонкостью, поставая вопросы, повидимому незначительные, и потомъ исторгая у нихъ отвѣты, которые вели къ потопленію міра въ крови. Послѣ громаднаго истребленія мамелюковъ въ Египтѣ, онъ устроилъ по всей своей имперіи, посредствомъ ученой и зоркой полиціи, настоящую варооломеевскую ночь, противъ послѣдователей персидскихъ доктринъ и воплощенія Али. Онъ дѣйствовалъ систематически. По окончаніи этаго, онъ переполъ къ христіанамъ, поставивъ своему мутію коварный вопросъ, который, будучи тонко истолкованъ, заключалъ въ себѣ убійство двѣнадцати миліоновъ людей. Великій визирь, въ ужасѣ, остановилъ его только тѣмъ, что позвалъ трехъ янычаровъ, столѣтнихъ стариковъ, которые поклялись, что Магометъ II обѣщавъ жизнь грекамъ.

Селимъ надѣялся вознаградить себя въ Европѣ, которой Магометъ ничего не обѣщавъ. И уже онъ спрашивалъ мутію: «не похвально ли — убить двѣ трети живущихъ людей для спасенія остальной трети?»

При разьединеніи, въ которомъ находился тогда христіанскій міръ, не видно, что могло бы остановить эту схоластику смерти. Она отняла Египеть у мамелюковъ, лучшихъ всадниковъ въ мірѣ; взяла Сирію и Вавилонію, поразила и истерзала Персію навсегда; — и все это было сдѣлано оружіемъ новѣйшаго времени и цивилизованнымъ умомъ, артиллеріей, пѣхотой и искусною тактикой. Совершен-

ная вѣрность его пониманія видна изъ того, что онъ не хотѣлъ сдѣлать ни одного шагу къ Германіи, не создавъ себѣ сперва флота, чтобы утратить, парализовать Средиземное море, Испанію и Италію.

Это давало христіанскому міру одинъ или два года отсрочки.

Опасность была такъ близка и на французскаго короля такъ настоятельно указывали, какъ на военнаго предводителя Европы, что одинъ изъ его посланниковъ утверждалъ, что нѣтъ надобности тратить деньги; что Германія будетъ просить его, чтобы онъ позволилъ сдѣлать себя императоромъ. Францискъ I говорилъ, что онъ хочетъ быть главою имперіи только для этой войны. Когда англійскій посланникъ, Томасъ Болейнъ, спросилъ его: думаетъ ли онъ лично предводительствовать войсками, король схватилъ его за руку и, приложивъ другую къ своему сердцу, сказалъ: «Если меня изберутъ, то чрезъ три года я буду въ Константинополѣ, или умру.»

Максимиліанъ тогда еще былъ живъ. Что же онъ дѣлалъ? Былъ ли онъ занятъ тѣмъ, чтобы упрочить имперію за своей фамиліей? Ни мало. Онъ предлагалъ ее тому, кто былъ богаче всѣхъ, именно Генриху VIII. Этотъ послѣдній, понимая, что старыи императоръ хочетъ только поживиться на его счетъ, чувствительно поблагодарилъ его и пожелалъ ему долгой жизни.

Только тогда дѣдъ вспомнилъ, что у него есть внукъ, котораго онъ любитъ,—и обратилъ свои мысли на Карла V. Фламандскіе гувернеры Карла V, которые тоже не были простаками, желали заплатить избирателямъ обѣщаніями и бенефціями. Максимиліанъ сказалъ, что нужно дать наличныя, звонкія деньги Фуггерамъ, удерживая только въ свою пользу пятьдесятъ тысячъ флориновъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Продолженіе.—Банкъ.—Индюльгенци и извращеніе.—1516—1519.

Если Плутусъ спитъ, какъ говорятъ, то онъ долженъ былъ теперь сожалѣть объ этомъ. Время, о которомъ мы повѣствуемъ, могло бы доставить полное удовольствіе его взорамъ. Необытныя разнѣры дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ, казалось, не имѣли другой дѣли, кромѣ распространенія его владычества. Для него открытъ былъ новый свѣтъ; для него и посредствомъ его возникли три великія новыя вещи: банкъ, бюрократія, дипломатія,—ростовщикъ, прикащикъ, соглядатай.

Будемъ откровенны и справедливы. И пусть прежніе божества сойдутъ съ своего жертвенника. Скромнѣе и правдивѣе греческіе боги у Аристофана. Они сами дѣлаютъ своимъ наслѣдникомъ добраго Плутона. Они откровенно признаются, что безъ него они умерли бы съ голода. Меркурій оставляетъ свое божеское ремесло, въ которомъ уже нѣтъ проку; онъ дѣлаетъ кухню своимъ Олимпомъ, моетъ требухи и говоритъ какъ мудрецъ: «гдѣ хорошо, тамъ и отечество.»

Слова откровенныя и ясныя. Но какъ отвратительно новѣйшее лицемеріе, это усиліе согласовать старое съ новымъ, приправлять фивансовую хищность фанатическимъ звѣрствомъ!

Злоупотребляя именамъ Божию, европейцы очистили Сентъ-Доминго, отправивъ миллионъ душъ на тотъ свѣтъ. Они искали въ Африкѣ черныхъ идолопоклонниковъ, которые, будучи, къ счастью, извлечены изъ земли языческой въ землю христіанскую, тѣмъ не менѣе быстро отправились въ другой, лучшій міръ. То же самое было и на континентѣ, гдѣ скоро оказавшійся недостатокъ въ краснокожихъ съ неутомимою дѣятельностью стали восполнять чернокожими.

Какъ разъ въ 1517 г. вспыхиваетъ распря между доминиканцами и францисканцами, между Ласъ-Казасомъ и Сепульведой, — ужасный день, который открываетъ яму, куда, ради любви къ золоту, были ввергнуты два міра, сперва индійцы, потомъ негры.

Испанцы, которые приносятъ золоту эту громадную жертву, — эти падальщи въ новомъ свѣтѣ, — дѣлаются сами жертвами въ Европѣ. Фламандскіе министры поступаютъ съ ними, какъ они поступаютъ съ Америкой, говоря объ нихъ: «это наши индійцы.»

Но никакая ярмарка, никакой нервольничій рынокъ не представляетъ болѣе циническаго зрѣлища, чѣмъ Германія. Владѣтели безъ всякихъ околичностей продаютъ тамъ своихъ подданныхъ съ аукціона. Тамъ происходитъ двойная продажа тѣлъ и душъ. Барышники перебираютъ другъ друга. Шумно ходятъ взадъ и впередъ продавцы избирательныхъ голосовъ, продавцы индульгенцій.

Эти два дѣла начались въ одно и то же время, въ 1516 г., и оба они были ведены Фуггерами и майнцскимъ архіепископомъ, откупщикомъ индульгенцій и, въ дѣлѣ избранія, живымъ, дѣятельнымъ и наиболѣе вліятельнымъ агентомъ, съ которымъ совѣтовались избиратели.

Индульгенціи продавались уже не въ первый разъ. Но никогда эта продажа не производилась съ такимъ большимъ шумомъ, съ такою театальной торжественностью. Народъ дѣлался глухимъ. Надо было сильно кричать ему. Органы, колокола, гимны, неистовыя проповѣди, — словомъ ничто, производящее шумъ, не было вабыто. Какъ только продавецъ приближался на разстояніе милл отъ города, духовенство, увлекая за собою огромныя процессіи муниципальныхъ властей, школьничковъ, отправалялось навстрѣчу папской буллѣ, и вся эта толпа шла съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ.

Эта торжествующая булла шествовала впереди, несомая на бархатной подушкѣ. Предъ нею былъ водруженъ крестъ. При этомъ зрѣлищѣ всѣ творили поклоны, всѣ исповѣдывались и, волей-неволей, покупали индульгенціи. Извѣстна взаимная инквизиція въ маленькихъ городахъ и готовность сосѣдей обвинять другъ друга. Горе тому, кто не сдѣловалъ за стадомъ!

У дверей церкви находились сундукъ и конторка, а также мытарь Фуггеръ, представляемый своимъ прикащикомъ. По основательной причинѣ онъ былъ постоянно на своемъ мѣстѣ, нисколько не довѣряя рукамъ духовенства. Проповѣдывавшій при этомъ случаѣ монахъ былъ человекъ слишкомъ извѣстный. Майнцскій архіепископъ наваялъ за 100 флориндовъ въ мѣсяцъ нѣкоего Тецеля, страшнаго забіяку, — знаменитаго по многимъ исторіямъ не слишкомъ взыскатель-

наго свойства, такъ что Максимилианъ хотѣлъ приказать бросить его въ рѣку. По это было бы очень жаль: не легко было бы найти другого подобнаго актера. Прибавьте къ этому, что онъ, какъ бандитъ, годился для настоящаго предпріятія, потому что онъ могъ представить себя образикомъ и говорить: «Взгляните на меня! индугенція могла сдѣлать подобнаго человѣка невиннымъ!... Послѣ этой необыкновенной штуки, чего она не въ состояніи сдѣлать?»

Тецель неустрашимо шолъ къ цѣли. Онъ не давалъ своимъ слушателямъ заснуть, поддерживая въ нихъ постоянный интересъ. Онъ говорилъ о самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, которыхъ нельзя совершить, ни вообразить даже... и, видя своихъ слушателей трепещущими и разстроенными, хладнокровно прибавлялъ: «И что же! все это ничего не значитъ, если деньги звенятъ въ сундукѣ.»

И если на чьемъ лицѣ онъ замѣчалъ сомнѣніе, то воспламенялся до того, что восклицалъ:

«Знаете ли вы, несчастные,—знаете ли вы, что это даровано единственно для возобновленія храма св. Петра?..»

«Ожесточенное сердце!—кричалъ онъ,—развѣ ты не слышишь, что твоя магъ взываетъ къ тебѣ изъ чистилища: «Ради Бога, сынъ мой, дай одинъ флоринъ, чтобы извлечь меня изъ пламени!...» И у васъ есть этотъ флоринъ—и вы не даете его!»

Такъ какъ эти убѣжденія не всегда дѣйствовали, то, въ крайнемъ случаѣ, Тецель продавалъ предметъ болѣе вѣрнаго сбыта—прощеніе грѣховъ будущихъ — насилія, прелюбодѣянія, кровосмѣшенія и проч. Цѣны — умѣренные: многоженство стоило только шесть червонцевъ.

Такова была великая забота Германіи. Здѣсь героемъ эпохи является уже не Гуниадъ, не Барбарусса, а Тецель. Предметомъ битвы,—одушевленной, жаркой, гомерической, — смертельнаго поединка дука-товъ, экию—было избраніе.

Можно было предвидѣть и другую битву. Турки скоро должны были усложнить драму. Ихъ приготовленія приходили къ концу. Не будучи пророкомъ можно было предсказать, что въ 1520 г. нѣсколько сотъ тысячъ христіанъ, врывавшихся къ хвостамъ лошадей отправятся въ Константинополь. Впрочемъ Селимъ почти всегда миловалъ своихъ плѣнниковъ, мечомъ освобождая ихъ отъ невольничества...

Что могло успокоить Германію? Безъ сомнѣнія Венгрія, эта живая стѣна, которая уже два раза защитила христіанъ противъ татаръ и противъ турокъ. Страшная земля, единственная, гдѣ героямъ была вещь самую обыкновенной, гдѣ каждый человѣкъ считалъ дѣломъ простымъ и справедливымъ — умереть въ битвѣ, какъ умеръ его отецъ!... Но,—увы!—существовалъ ли теперь этотъ великій богатырь Каропы? Если существовалъ, то въ двухъ кускахъ; онъ былъ разрубленъ, перепиланъ на двое, и, что всего важнѣе, это раздѣленіе было не территориальное, а духовное. Существовали двѣ Венгріи.

До великаго Гуниада этотъ совершенно военный и пастушескій народъ былъ упругимъ и подвижнымъ оплотомъ противъ непріятеля

Онъ постоянно находился въ ожиданіи битвы и опустошеній. Властною мыслью его было — сражаться съ турками. Государь ихъ былъ предводителемъ, а не господиномъ. При Матвѣй Корвинѣ величіе государства, распространеніе роскоши и безопасность измѣнили положеніе дѣлъ. Начали поговаривать о налогѣ, о вассалахъ, объ откупщикахъ. Турецкое вторженіе въ 1513 г. застало Венгрію во внутреннемъ раздорѣ. Народъ поднималъ оружіе, — но только противъ господъ, которые удерживали его на своихъ земляхъ, отказывая ему въ его правѣ переселенія и крестовыхъ походовъ. Король былъ полякъ, человѣкъ не слишкомъ надежный, который своимъ утвержденіемъ на престолѣ, обязанъ былъ только тому, что предалъ свой народъ, завѣщая его австрійцамъ въ случаѣ, если онъ умретъ бездѣтнымъ. Смѣшной отказъ короны, которая никакимъ образомъ не была наследственной!

Онъ оставилъ по себѣ ребенка — сына, Людовика, опекуны котораго тоже успокоили Австрію только тѣмъ, что повторили преступленіе его отца, назначивъ сестру ребенка въ будущія супруги эрцгерцогу, съ предоставленіемъ этому послѣднему ложнаго права наследованія избирательной венгерской короны.

Какое плачевное положеніе! Этотъ священный народъ, спаситель запада, долженствовавшій быть предметомъ благоговѣнія для всѣхъ, переходилъ такимъ образомъ отъ одного узурпатора къ другому!

Маленькій полякъ, который, по матери, былъ французъ и племянникъ Гастона де Фуа, показалъ себя настоящимъ венгерцемъ. Едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, онъ спасся отъ всѣхъ этихъ гнусностей и умеръ на полѣ битвы.

Только одинъ государь въ Германіи хотѣлъ поднять и возвеличить Венгрію: саксонскій курфиреть, Фридрихъ Мудрый. Ему хотѣлось исторгнуть маленькаго Людовика изъ-подъ австрійскаго вліянія, а его сестру — изъ вѣны и, въ залогъ признательной дружбы Германіи къ Венгріи, сдѣлать короля послѣдней императоромъ. Планъ превосходный, — только его трудно было выполнить. Польскій опекунъ короля, сестра его, плѣнница въ Вѣвѣ, и будущая его супруга, Марія Австрійская, держали ребенка въ тройной сѣти.

Саксонія заперла свои ворота для продавцовъ индульгенцій и ободряла дѣлаемыя противъ нихъ нападенія. Курфиреть очень хорошо понималъ, что реформа въ духовенствѣ, которая облегчила бы церковь отъ бремени ея богатствъ, могла очень просто устранить затрудненіе того времени — непропорціональность нуждъ со средствами. *Ожиданіемъ ожидать*, пока не падетъ эта манна съ неба, — таковъ былъ совѣтъ, внушаемый благочестіемъ и политикой. Но избраніе католическаго короля могло всему воспрепятствовать.

Говорятъ, что даже Альбрехтъ Бранденбургскій, майнцскій курфиреть сначала было склонился въ пользу реформы и думалъ перейти на сторону реформы. Онъ много выигралъ бы этимъ. Что значила его маленькая прибыль отъ откупа индульгенцій, въ сравненіи съ радикальною секуляризацией имущества духовенства и, можетъ быть, съ перемѣною пожизненнаго электората въ наследственное княже-

ство? Операція смѣлая, которую его кузень, другой Альбрехтъ, сдѣлалъ чрезъ десять лѣтъ послѣ того въ Пруссіи, подъ покровительствомъ Польши. Для Альбрехта Майнцаго потребовалось бы въ этомъ дѣлѣ покровительство Франціи, Франціи лютеранской. Итакъ, онъ опять возвратился къ возможному, къ мелкой и пошлой дѣйствительности, къ своей роли римскаго откупщика и мелочнаго торговца имперіи.

За исключеніемъ курфюрста саксонскаго, непріязненнаго къ Австріи и курфюрста трирскаго, благороднаго нѣмецкаго рыцаря, который хотѣлъ сохранить свои руки чистыми, все остальное было продажно, такъ что Францискъ I-й два или три раза считалъ все въ своихъ рукахъ. Такъ же точно и Карлъ V. Этотъ послѣдній былъ въ Испаніи, шоху зналъ положеніе вещей и имѣлъ плохихъ совѣтниковъ. Онъ упустилъ бы дѣло изъ рукъ, если бы его тетка Маргарита, болѣе искусная и находившаяся ближе къ мѣсту дѣйствія, не уладила бы дѣла. Она все обратила въ денежную операцію, не просила помощи у папы, устранила итальянскихъ банкировъ, сжала и централизовала дѣятельность, избравъ пунктами ея Аугсбургъ, гдѣ была касса, и Майнцъ, гдѣ велась интрига. Главнаго посла своего она поселила въ Аугсбургъ, приказавъ ему какъ можно рѣже отлучаться оттуда. «Если вы поѣдете на швейцарскій сеймъ,—писала она ему,—то прошу васъ и приказываю вамъ именемъ короля, возвратиться въ Аугсбургъ какъ можно скорѣе.» (28 февраля 1519).

Это сосредоточіе операціи у Фуггеровъ и было причиною успѣха. Избиратели имѣли довѣріе только къ этому дому и не хотѣли имѣть дѣла съ банкирами итальянскими. Это должно было служить исходнымъ пунктомъ, чего не хотѣли понять де Шьверъ и совѣтъ Испаніи. Эти Круа, которые, можетъ быть, переводили чрезъ Геную большія суммы, вынимаемые ими изъ Испаніи, были связаны собственными выгодами съ генуэзцами и стояли на томъ, чтобы раздѣлить дѣло избрании между этими послѣдними и нѣмцами.

Посланникъ писалъ изъ Аугсбурга: «Этотъ бѣдный Фуггеръ, хотя съ нимъ обходятся дурно и хотя онъ потерялъ уже въ этомъ дѣлѣ восемь тысячъ флориновъ, дастъ въ займы на годъ.» (8 февраля) Этотъ бѣдный Фуггеръ отказывался брать проценты за ничтожные ссуды изъ своего собственнаго капитала, но своею комиссіей вознаграждалъ себя изъ суммъ, добываемыхъ имъ въ другихъ мѣстахъ.

Онъ постановилъ три условія и настоялъ на нихъ: 1) Гарибальди въ Генуѣ, Вельсеры въ Германіи и другіе банкиры не имѣли участія въ дѣлѣ иначе, какъ посредствомъ взносов у Фуггера и давали въ займы только при посредствѣ его; 2) Фуггеръ получилъ въ обезпеченіе билеты городовъ Антверпена и Мехелена, оплачиваемыя земляскими пошлинами; 3) въ пользу Фуггера Аугсбургъ запретилъ давать въ займы французамъ. Фуггеръ потребовалъ отъ Маргариты мѣры неслышанной, именно, чтобы антверпецамъ были запрещены денежные переводы на нѣмецкіе банки, для кого бы то ни было. Это было удивительно самопроизвольнымъ дѣйствіемъ, котораго не потерялъ бы ни одинъ городъ старыхъ Нидерландовъ; но юный городъ Антверпенъ, который въ это время хоронилъ Гентъ и Брюгге и бросался

въ вихрь великихъ морскихъ интересовъ, имѣлъ крайнюю нужду угодить королю Испаніи и Индіи и потому не протѣвлялся. Фуггеръ сталъ воевать безпрепятственно. Генуэзцы и нюрембергцы хотя ворчали, не покорились; они хотѣли лучше приобрѣтать чрезъ него, платя ему дань, нежели не приобрѣтать вовсе. Французы, скоро остались на мели, потеряли всякій кредитъ и не могли ничего предложить, кромѣ своихъ прекрасныхъ словъ и краснорѣчія посланника Вониве.

При всемъ этомъ Маргарита сильно сомнѣвалась въ успѣхѣхъ. Было ясно, что испанскій король, который не зналъ еще нѣмецкаго языка (ему переводили депеши), былъ иностранецъ; ясно, что ему предстояло быть раздѣленнымъ между двумя государствами, между двумя совершенно противоположными направленіями. Если говорили, что австріецъ, сосѣдъ Венгрія, былъ бы защитникомъ противъ турка, то этотъ аргументъ въ особенности склонялся въ пользу Фердинанда, который долженъ былъ жениться на Аннѣ Венгерской. Маргарита, какъ замѣтно изъ ея депешъ, желала бы имѣть возможность требовать имперію для Фердинанда. Этимъ можетъ быть, была бы отклонена ужасная война, которая почти безъ перерыва велась противъ Франціи, противъ протестантовъ въ теченіе всей долгой жизни Карла V. Но при первомъ словѣ, написанномъ въ этомъ смыслѣ, всѣ Круа и испанскій совѣтъ съ неудовольствіемъ отвѣчали, что въ подобномъ предложеніи они узнаютъ враговъ короля, друзей Франциска I. Одинъ изъ нихъ повезъ эти глупые отвѣты въ Мехельнъ съ гордыми инструкціями, въ которыхъ молодой король Испаніи выказывалъ себя именно съ той стороны, которая должна была воспрепятствовать его избранію, говоря, что онъ, гораздо лучше чѣмъ Фердинандъ, можетъ «упрочить *повиновение имперіи* и приобрѣсти великое торжество *надъ врагами нашей святой вѣры*.» (5 марта 1519).

Эта досада не ослабила рвенія Маргариты. Дѣломъ великой важности было—приобрѣсти на свою сторону двухъ братьевъ изъ Бранденбургскаго дома, изъ которыхъ старшій Іоакимъ стоялъ за Францію; младшій, архіепископъ майнцскій, колебался, мѣнялся каждую недѣлю, чтобы продать себя повыгоднѣй. Другіе избиратели, отдавая справедливость этому молодому прелату и считая его наиболѣе жаднымъ и лучшимъ купцомъ, совѣтовались съ нимъ и сообразовались съ его поступками.

По моему ни одна спена въ «Скупомъ» или въ «Мошенничествахъ Скапена» не можетъ сравниться съ майнцскимъ торгашествомъ (См. въ особенности 4 марта). Во первыхъ, прелатъ выказываетъ самое полное недовѣріе къ обѣщаніямъ посланника. Правда, ему дали, говорить онъ,—нѣсколько денегъ, но чтожь изъ этого? Ничего не сдѣлано, да и не будетъ сдѣлано; дѣло поведено слишкомъ худо. Папа и Англія работаютъ противъ этихъ плановъ. «Сверхъ того, мы хорошо знаемъ, что ни одно изъ данныхъ намъ обѣщаній не будетъ выполнено. Наконецъ что дѣлать? Французы имѣютъ уже другіихъ избирателей. Ваши антверпенскіе и мехельнскіе билеты—это бумага, не болѣе. Намъ хорошо извѣстно, что эти города имѣютъ привле-

ни—никогда не платить. Гарантия Аугсбурга, Нюрнберга! въ доброй часъ!»

На эту комедию посланникъ отвѣчаетъ комедіей; онъ обращается къ сержу архіепископа, къ его добрымъ чувствамъ относительно Германіи, указываетъ ему на стыдъ избранія иностранца... Потомъ, воспламеняясь, и видя что архіепископъ остается холодавымъ, какъ мраморъ, онъ переходитъ къ оскорбленіямъ и обходится съ нимъ какъ съ ногодаемъ.

Плутъ, не слишкомъ трогаясь этимъ, отвѣчаетъ простоудинно, что пусть ему предложатъ больше, что онъ человекъ существенный; что другіе будутъ востеровать, какъ онъ, что ничего не слѣдается безъ него. «Я хочу, говоритъ онъ, сто тысячъ флориновъ звонкою монетой, сверхъ того, что мнѣ обѣщаль покойный императоръ.

«Невозможно! вы оставитесь курфюрстомъ, онъ—королемъ испанскимъ и Богъ васъ накажетъ!»

На тотъ же другой не хотятъ разойтись такимъ образомъ. «Это важное дѣло,—говоритъ прелатъ съ задумчивымъ видомъ. Я подумаю о немъ нынѣшнюю ночь.»

Утромъ къ несланнику приходитъ повѣренный слуга архіепископа, хранитель самыхъ тайныхъ секретовъ. «Ну, восемьдесятъ тысячъ?» Намовецъ, мало по малу, они спустились до пятой части того, что было спрошено сначала, и согласившись на двадцать тысячъ флориновъ. «Но вы нисколько не будете жалѣть, потому что онъ одѣстъ вамъ вмѣстѣ съ собою своего брата, Бранденбургъ и Кельнъ. Только не должно, чтобы другіе избиратели знали объ этомъ, иначе они тоже захотятъ прибавки.»

Это еще не все. Здѣсь было говорено и о серебряной посудѣ и о фламандскихъ обояхъ. Архіепископъ, другъ искусствъ, очень дорожилъ этими вещами.

Этотъ Альбрехтъ Майнцскій получалъ пятьдесятъ четыре тысячи флориновъ на дѣла благочестія, съ десятию тысячами пенсін и обещаніемъ, что новый императоръ исходатайствуетъ для него мѣсто папскаго посла, раздающаго всѣ бенедикціи.

Его братъ, курфюртъ бранденбургскій долженъ былъ получить сто тридцать тысячъ флориновъ вмѣстѣ съ сестрою Карла V.

Назавтра—сто десять тысячъ и шесть тысячъ пенсін, и проч. и проч.

Этотъ подкупъ, можетъ быть, оязался бы недостаточнымъ, еслибы Маргарита Австрійская въ самомъ началѣ не присоединила бы къ нему клевету. Фламандцы знали легковѣріе народовъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ и легкость, съ какою ихъ можно убѣдить во великой грубой лжи, если только затронуть ихъ чувствительную струну, ихъ зависть къ Франціи. *Вельми!* этимъ словомъ можно было поколебать ихъ здравый смыслъ. Отъ *вельми** можно всего ожидать. Вещи самыя противоположныя дѣлаются совмѣстимыми и принимаются въ одно и то же время. Паролемъ, который Маргарита набрала себѣ и который мы находимъ во всѣхъ ея депешахъ, было—говорить на разные тоны, что Германія погибла, что вельми овладѣваютъ всѣмъ; что въ моментъ избранія

* Названіе данное нѣмцами иностранцамъ—итальянцамъ и французамъ.

Францискъ I придетъ съ арміею во Франкфуртъ, и будетъ дѣйствовать на выборы угрозами; что будетъ онъ выбранъ или нѣтъ,—онъ отправится въ Римъ, гдѣ заставитъ короновать себя; что, опираясь на папу и принявъ отъ него помазаніе, онъ будетъ властвовать надъ Германіею; что онъ низведетъ нѣмецкихъ государей на ту степень повиновенія, на которой находятся французскіе привыцы; что, съ помощью нѣмецкихъ и итальянскихъ армій онъ уничтожитъ Швейцарію, и проч. и проч. Эти новости были распространяемы въ кабакахъ, въ собраніяхъ кантоновъ, на федеральныхъ сеймахъ и, съ помощью вина, сдѣлались вѣроятными. Надо послушать объ этомъ императорскаго посла, которому было дано низкое порученіе—понть швейцарцевъ дѣляна. Это общество наглыхъ пьяницъ исторгаетъ у него крики отчаянія: «Эти люди сидятъ у меня на шеѣ, они занимаютъ три или четыре стола, какъ будто бы я просилъ ихъ. Они не перестаютъ требовать... О, почему не могу я уйти! Я охотнѣе сталъ бы таскать камни, чѣмъ терпѣть этихъ негодяевъ... Что я говорю! предъ ними надо благоговѣть, и поступать съ ними, какъ съ господами!» (Neg. Autr. II, 373.)

Но и безъ вина и денегъ швейцарцы все-таки приняли бы сторону, противную Франціи. Въ нихъ сохранилось горькое чувство злобы противъ Мариньянскаго побѣдителя. И они повѣрили всему, въ чѣмъ хотѣли ихъ увѣрить. Они кричали, что не должно допускать *вельмъ*; они начали просить и приказывать лотарингцамъ и альзасцамъ напасть на него на дорогѣ и поступить съ нимъ какъ Рене поступилъ съ герцогомъ бургундскимъ. Съ своей стороны нѣмцы писали Маргаритѣ, что они готовы пролить всю свою кровь, чтобы воспрепятствовать избранію Француза.

Вся эта злоба могла испариться. Чтобы привести ее въ дѣйствіе и заставить нанести рѣшительный ударъ, надлежало вооружить ее шпагой. Этою шпагою былъ Секкингенъ.

Это была самая неожиданная мастерская штука. Секкингенъ былъ неподкупенъ и не любилъ австрійскаго дома. Максимилианъ за какое-то прекрасное дѣло геронческаго правосудія изгналъ его изъ имперіи. Въ это время анархіи и продажности,—когда судьи дѣлались разбойниками,—разбойники (дворяне, рыцари), конечно, могли дѣлаться судьями. Таковъ былъ Секкингенъ. Онъ принялъ на себя роль мстителя за угнетенныхъ. Дворянство слѣдовало за нимъ и онъ укротилъ даже герцога лотарингскаго, ландграфа гессенскаго самого вопиющаго изъ государей Германіи. Францискъ I сперва давалъ ему пенсію, а потомъ глупо поссорился съ нимъ.

Но не было вѣроятія, чтобы другъ Гуттена и революціи сталъ поступать противно своей роли и отдалъ бы свою доблестную шпагу на служеніе интригамъ Маргариты. Съ нимъ нельзя было бы ничего сдѣлать ни деньгами ни хитростью. Его поймали дружбой.

Арденскій кабанъ, Ламаркъ, разбойникъ маасскій былъ естественнымъ другомъ знаменитаго разбойника рейнскаго. Маргарита соблазняла Ламарка надеждою получить отъ нея кардинальскую шапку для его брата, епископа литтхскаго. Эту столь желаемую шапку держа-

ли въ отдаленіи, обѣщая, что онъ получить ее, если выкажетъ усердіе. Не будетъ ему никакой шапки, если онъ не склонитъ своего друга Секкингена на сторону испанскаго короля. Ламаркъ употребилъ для этого всѣ свои усилія. И сверхъ того Маргарита подкупила одного дворянина, которому Секкингентъ, легковѣрный какъ герой древнихъ временъ, охотно позволилъ водить себя за носъ.

Быть можетъ и самъ Гуттенъ помогъ въ этомъ случаѣ. Герцогъ вюртембергскій, другъ и союзникъ Франціи, незадолго предъ тѣмъ убилъ родственника Гуттена, любовника своей жены. Онъ нанималъ шайки разбойниковъ и воевалъ противъ имперскихъ городовъ. Гуттенъ загремѣлъ противъ него своими памфлетами. Съ другой стороны вездѣ стали кричать, что этотъ общественный врагъ подкупленъ французскимъ королемъ. Нѣмцы, подъ предводительствомъ Секкингена, напали на герцога; онъ былъ уничтоженъ. Войско, на которое Маргарита употребила шесть сотъ всадниковъ осталось въ его распоряженіи. Это войско подвинули къ Франкфурту, гдѣ производились выборы; его показали, какъ пугало, избирателямъ, изъ которыхъ многие раскаявались и понимали, что они навязываютъ себѣ на шею господина. Палатинъ чувствовалъ это. Многие имперскіе города, Страсбургъ, Констанцъ и проч. горько сожалѣли, что они, сами того не зная, дали фламандцамъ такую силу для вліянія на выборахъ.

По истинѣ странное зрѣлище! города, эти послѣднія нѣмецкія республики, Секкингентъ, глава благородной демократіи рейнскихъ рыцарей,—словомъ, революція приготовилась утвердить, во Франкфуртѣ, контрреволюцію. Всѣ эти враги духовенства вызывали императора изъ той страны, гдѣ оно царствовало надъ королями, царствовало такъ, что внушало страхъ даже самому Риму!

Эта любопытная мистификація дала фламано-испанцамъ столько смѣлости, что они окружили Франкфуртъ кознями и разбойниками, чтобы надѣлать неприятностей тѣмъ, которые будутъ дѣйствовать противно ихъ планамъ. Главный посланникъ, принцъ Генрихъ Нассаускій, въ одномъ письмѣ изъ Кобленца сообщаетъ Маргаритѣ, что онъ устроилъ на водѣ и на сухомъ пути засаду для одного архіепископа, «которая обошлась бы ему дорого», если бы курфюрстъ майнцскій не ходатайствовалъ въ его пользу.

17 юня открылся избирательный сеймъ, окруженный арміей изъ двадцати пяти тысячъ человекъ. Партизаны Франціи начинали побавляться. Палатинъ, родственникъ Франциска I, начавъ-было говорить въ его пользу, отступилъ и отрекся отъ своихъ словъ. Курфюрстъ бранденбургскій, которому было дано слово, что онъ будетъ назначенъ намѣстникомъ Карла V въ имперіи, обратился къ нему. Такимъ образомъ всѣ склонились на сторону испанскаго короля. Остался только курфюрстъ трирскій, который хотя не продалъ себя Франціи, но, какъ истинный нѣмецъ, желалъ наилучшаго защитника Германіи противъ турокъ.

Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ Францискъ I приказалъ своимъ посланникамъ поддерживать какого-нибудь нѣмецкаго, только не австрійскаго государя. Курфюрстъ саксонскій могъ имѣть шансы успѣ-

ха. Но онъ отказался самъ и удивилъ всѣхъ, появивъ голосъ въ пользу Карла V. Въ своей нерѣшимости онъ покорился тому, что считалъ волею Божіею. Кажется также, что, не имѣя возможности овладѣть Анною Венгерскою, онъ надѣялся устроить бракъ своего племянника съ Катериною Австрійскою, сестрою Карла V, поступивъ какъ собака въ баснѣ, которая сперва защищаетъ свой обѣдъ, но потомъ, видя, что другія уже добрались до него, рѣшается ограничиться своею долей.

Франція не только была побита, но осмѣяна. Бониве вздумалъ побывать, по крайней мѣрѣ, во Франкфуртѣ и собственными глазами увидѣть ея поражение. Къ этому его подстрекала, вѣроятно, опасность предпріятія: туда надо было пробираться среди обнаженныхъ шпагъ противниковъ, которые не слишкомъ отличались совѣтливостію. Чтобы не быть остановленнымъ у воротъ, ему, посланнику французскаго короля, пришлось переодѣться солдатомъ.

Возвращаясь оттуда въ довольно печальномъ и уныломъ расположеніи духа, онъ на дорогѣ утѣшался съ нѣмками въ несправедливости нѣмцевъ. И они его утѣшили до такой степени, что въ Лотарингіи онъ заболѣлъ. Можетъ быть это была полетическая болѣзнь; она заставила короля смѣяться. Все было комично.

Результаты были очень серьезны.

Этотъ двадцатилѣтній императоръ, который принималъ въ свои слабые руки половину Европы, слабый для управленія, былъ силенъ для подавленія; вся нація поблѣднѣла въ его собственномъ гониміи, ослабѣла и невозмогла въ этомъ нелѣпомъ усиліи невозможнаго уподобленія противоположныхъ элементовъ.

Создано было чудовище: Испанія и Германія, склеенныя другъ съ другомъ, лицомъ къ лицу, Тюрквемада съ Лютеромъ.

Это чудовищное дѣло повело къ вѣроломству, которое отворило бы двери туркамъ, если бы этого не предотвратилъ совершенно неожиданный случай. Это значило—сдѣлать Венгрію нѣмецкою, австрійскою, незаконнорожденною, обезсилить, изувѣчить доблестнаго стража христіанскаго міра.

Черезъ годъ послѣ императорскаго избранія братъ императора женился на Аннѣ Венгерской и объявилъ себя наследникомъ Венгріи и Богеміи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Реакція противъ банка.—Альбертъ Дюреръ.—Melancholia.

Германія, Венгрія, Богемія, Испанія, націи столь различныя, столь далекия одна отъ другой по правамъ, языку и склонностямъ, были разомъ соединены посредствомъ одной и той же банкирско-дипломатической операціи.

Намъ скажутъ, что это было «торжествомъ мирнаго могущества новѣйшаго времени надъ старыми дико-геройскими націями, торжество мира надъ войною.»—Не будемъ забывать, что это дѣло мира порождаетъ войну на цѣлые двѣсти лѣтъ (1515—1715).

себѣ одно, папа схватывалъ другое. Хоть бы, по крайней мѣрѣ, у нея, нагой, ограбленной, выставленной на публичную продажу, осталась вѣра! Но и вѣру продавали вмѣстѣ съ прочимъ. Пусть бы у нея осталась наука, чистая мысль и высшій свѣтъ свободы духа! Но грустиѣ и хуже всего то, что все это исчезало отъ нея. Даже люди Возрожденія, казалось, обманули ее. Одинъ изъ Медичи сдѣлался папой, и собиралъ ученыхъ вокругъ себя; Эразмъ, былъ другомъ кардиналовъ и велъ переписку съ Львомъ X; Гуттенъ и грозилъ и льстилъ Риму, не зная самъ—хочетъ ли онъ ласкать или язвить, въ своихъ посвященіяхъ; Гуттенъ ищетъ пріюта у откупщика индугенцій и императорскаго избранія.

Вы думаете, что чрезмѣрный запасъ кротости и долготерпѣнія, которыми этотъ народъ удивляетъ міръ, истощился, что сила отчаянія, исторгнетъ изъ его груди крикъ, проклятіе, богохульство?.. О! какъ плохо вы знаете Германію! Мѣстные бунты тамъ были, но масса нѣмецкаго народа не пошевелилась, она только вздохнула и посмотрѣла на небо.

Глубокій вздохъ, который нѣмецкое искусство поймало на лету и, давъ ему форму, награвировало на бронзѣ, на память будущимъ поколѣніямъ. Мы говоримъ о «Melancolia» * Дюрера.

Въ сырой тѣни высокихъ стѣнъ, который городъ Нюрембергъ недавно построилъ претивъ разбойниковъ и рыцарей, жилъ и трудился человекъ, въ которомъ таилось глубокое сознание этой страны сознания,—великій работникъ Альбертъ Дюреръ.

Этотъ бѣднякъ, очень несчастный въ хозяйствѣ, и зарабатывавшій недостаточно для того, чтобы успокоить свою ворчливую хозяйку; не пользовался спокойствіемъ въ своемъ жилищѣ (такъ же, какъ его отечество); не имѣлъ домашняго утѣшенія. Melancolia.

Двадцать, сто разъ, на холстѣ, на деревѣ, на мѣди съ неутомимою жаждою творчества, онъ, кистью и рѣзцомъ, изобразилъ свою печаль и горе своего времени въ легендарныхъ формахъ страстей Христовыхъ: Христосъ проданъ іудеями, но христіане хуже ихъ; Христосъ побивается турками, но еще болѣе Онъ страдаетъ отъ своихъ. Дюреръ разнообразилъ эту тему до безконечности, и все таки не удовлетворилъ вполне желаніямъ своего сердца, будучи обезсиленъ и побужденъ въ этой многотрудной борьбѣ печальною дѣйствительностью. Melancolia.

Наконецъ, въ одинъ великій день, онъ съ усиленіемъ стояка оторвался отъ обыкновенныхъ формъ, оставилъ опору прошедшаго, обратился къ своему я, къ собственному творчеству, и изобразилъ на стали генія Возрожденія, ангела науки и искусства, увѣнчаннаго лаврами. Онъ окружилъ его всѣми атрибутами его могущественныхъ вычисленій, далъ ему компасъ въ руки, размѣстилъ вокругъ него всѣ орудія промышленности,—вѣсы, лампу, молотокъ, пилу, скобель, гвозди и клещи,—наконецъ—начатыя работы. Здѣсь нѣтъ недостатка ни въ чемъ, даже въ ботаническихъ опытахъ, которые мы видимъ

* Известная гравюра.

въ небольшихъ вазахъ; ни даже въ анатомическихъ трудахъ: мертвое животное ожидаетъ скальпеля. Это уже не фантастическій кабинетъ магика или алхимика, не представляющій ничего, кромѣ льма. Нѣтъ, здѣсь все серьёзно, и поразительно-истинно; это—лабораторія, гдѣ наука есть сила, гдѣ каждый ударъ ея производитъ безсмертную искру, которая уже не погаснетъ и останется свѣтильникомъ для міра.

Странное, безыменное существо сидитъ среди этого хаоса, это — прекрасный гигантъ, который, если бы онъ всталъ, то превысилъ бы на сто футовъ всѣ фигуры Рафаэля, это — геній, который однимъ взмахомъ своихъ могучихъ крыльевъ можетъ перелетѣть черезъ два волоса. Какъ онъ мраченъ, однако! Почему онъ не чувствуетъ безмѣрной радости, сознавая свою безмѣрную силу? Зачѣмъ, облокотясь на колѣно, онъ, съ видомъ отчаяннаго усмія, скрываетъ сжатый кулакомъ половину своего дивнаго лица, такъ что глазамъ зрителя представляется только благородный профиль и глубокій черный глазъ, погруженный въ ночную бездну?... О, сынъ свѣта, какъ ты грустенъ... и какую грусть ты производишь!.. я думалъ, что свѣтъ—это радость!

«Какъ! неужели ты не видишь», — сказалъ бы онъ, если бы могъ говорить и изъ глубины этой мѣди обратиться ко мнѣ, — «неужели ты не видишь этой, дурно отесанной, глыбы, которая имѣетъ неправильную форму и которую божественная геометрія никогда не превратитъ опять въ кристалльную призму? Она имѣла призматическую, правильную, стройную форму. Что же я сдѣлалъ? Не достигнувъ искусства, я разрушилъ природу.»

Итакъ напрасно въ неизмѣримой дали мы видимъ обширный міръ, лѣса, города, села, безграничный просторъ моря и безконечный свѣтъ. Что для него все это? Безконечность, къ которой онъ стремится, свѣтъ, который онъ обожаетъ, находятся внутри его. Вотъ что сжимаетъ его кулакъ и наводитъ морщины на его чело и лишаетъ его утѣшенія.

Вотъ почему эти лавры давятъ его, и всѣ эти инструменты, эти средства къ труду кажутся ему только помѣхою и препятствіемъ... О! мы слишкомъ многое нагромодили въ кучу! Мы изнемогаемъ подъ бременемъ собственныхъ силъ. Этотъ геній есть узникъ накопившагося знанія. При одномъ видѣ его лабораторіи выступаетъ потъ на лбу. Какъ онъ испугается изъ этой неволи? Какимъ образомъ можетъ онъ встать, если, къ несчастію, почувствуетъ желаніе сдѣлать это? Ему придется пробить крышу своею головою. Чтобы взлѣсть на обсерваторію, для этого есть лѣстница... Горькая насмѣшка надъ узникомъ, связаннымъ своею мыслию! Клянусь, онъ никогда туда не взойдетъ. Прощайте небо и звѣзды... А крылья!—это ужаснѣе всего!... О! чувствовать что имѣешь ихъ — и никогда не летать... Это пытка Прометея!

Однако же есть еще другое живое существо, въ углу, существо, которое (разумѣется) не смѣетъ дышать въ присутствіи грознаго ангела. Это—бѣдный маленькій геній, совсѣмъ нагой, сидящій на неудавшемся мраморѣ. Онъ углубился въ свою работу, жилы его вду-

лись отъ напряженнаго вниманія; малютка хочеть гравировать и добросовѣстно трудится, стараясь сдѣлать что нибудь своимъ старательнымъ, но неискуснымъ рѣзцомъ. Въ этомъ скромномъ видѣ, онъ могъ бы быть смиреннымъ изображеніемъ нѣмецкаго искусства. робкой мысли, доброй воли Альберта Дюрера и его безхитростной души. Увы! усиліе не есть сила. Если гигантъ оказался немощнымъ, то что можетъ сдѣлать карликъ? И я съ грустью вижу, что этотъ бѣдный, неповоротливый ребенокъ не воспаритъ. Безполезныя крылья, которые даны ему по ошибкѣ, висятъ и будутъ всегда висѣть у него на плечахъ.

Это — истинно полное изображеніе унынія, которое уничтожаетъ надежду, не обѣщаетъ ничего даже въ ребенкѣ. Настоящее дурно, но будущее—еще хуже. И часы, которые я вижу, будутъ возвѣщать только несчаствіе.

Такова была мысль Альберта Дюрера. И по окончаніи своего произведенія желая уничтожить его и погрузить его въ вѣчную тьму, онъ горько засмѣялся и прибавилъ летучую мышъ, какъ разъ на солдцѣ. Она, какъ будто на-зло, летаетъ среди свѣта, производя ночь среди дня и вписывая слово: *Melancolia*.

Откуда же возвратится гармонія въ этотъ сложный міръ, сдѣлавшійся самъ для себя безвыходнымъ лабиринтомъ, заблудившійся въ себѣ самомъ, уничтоженный собою, парализированный собственными силами и средствами дѣйствія?

На отчаяніе одного искусства отвѣчало другое: неожиданная гармонія; нѣжная, простая и сильная пѣснь,—столь сильная, что она была слышна за тысячу льб; столь нѣжная, что каждый узнавалъ въ ней голосъ своей матери. И въ самомъ дѣлѣ новая мать человѣческаго рода явилась на свѣтъ,—великая волшебница и утѣшительница: родилась музыка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Музыка.—Лютеръ.

Лютеръ показалъ путь, и съ тѣхъ поръ вся земля запѣла,—запѣли всѣ—протестанты и католики. Отъ Лютера произошолъ Гудимель, римскій профессоръ и учитель Палестрины.

Это не была печальная пѣснь среднихъ вѣковъ, которую громадное человѣческое стадо, по мановенію жезла официального кантора, вѣчно повторяла въ мнимомъ унисонѣ,—въ этомъ хаосѣ разногласицы.

Это не былъ непристойный и педантическій фарсъ шегодеватыхъ мессъ, которыхъ зачаломъ было воззваніе къ Венерѣ, которыхъ *Te Deum* было благодарственнымъ гимномъ Амуру.

Это была пѣснь истинная, свободная, чистая,—пѣснь отъ глубины сердца, пѣснь тѣхъ, которые плачутъ и утѣшаются, божественная радость среди слѣзъ земли, проблескъ неба... Въ день бѣдствія, и бѣдствія неминуемаго, когда небо покрывалось мракомъ, я увидѣлъ едва замѣтную точку лазури, которая боролась противъ мрачныхъ облаковъ и увеличивалась,—стальной, суровой и строгой лазури, въ ко-

торой не улыбалось солнце. Что нужно? я приковалъ къ ней свои глаза и слѣдилъ за нею своими взорами. Мое сердце запѣло и я воскресъ.

Вотъ истинное Возрожденіе. Оно найдено. Это—Возрожденіе сердца.

Пелликая эра, когда прозвонилъ міровой часъ. Новый часъ можетъ сказать: «Во мнѣ нѣтъ ничего отъ истекшаго часа. Пропавшее—это вѣкъ тѣмноты, который не можетъ пѣть, вѣкъ мрачный, который долженъ грызть собственное сердце, среди ночи безмолвія. Я же—вѣкъ гармоническій, я, посредствомъ свободной мелодіи, наливаю свое сердце при свѣтѣ, расширяю его, возвеличиваю и создаю.»

«Я чувствую въ себѣ тысячу сердецъ,» говоритъ гдѣ-то одинъ изъ героевъ Шекспира. Но кто имѣетъ право сказать это, если не новый вѣкъ, начиная съ Лютера? Да, я чувствую эти тысячи сердецъ, и я творю ихъ безпрестанно, рождаю ихъ и уничтожаю посредствомъ пѣнія.

Потрабность создавать, творить себѣ своего бога была и въ среднихъ вѣкахъ. И это усиліе появлялось въ рисованіи и въ подражательныхъ искусствахъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Джіотто, Фанъ-Эйкъ освободили святые образы отъ традиціонной неподвижности, каждый захотѣлъ имѣть своего собственного бога и сталъ мучить живописца и гравера. Этого бога онъ уносилъ въ своей груди, въ своей одеждѣ, и уходилъ въ восторгъ отъ своей осуществившейся мечты. А на другой день говорилъ: «Нѣтъ, это еще не моя мечта.»

Законное требованіе, а не капризъ. Богъ есть Богъ по своему вѣчному обновленію, по этой прелести быстрого и непрестаннаго рожденія. Таковъ онъ и таковымъ хочетъ его видѣть человѣкъ. Дайте же ему искусство, состоящее не въ подражаніи и неподвижности, а напротивъ, искусство, въ которомъ ничто никогда не воспроизводится въ одномъ и томъ же видѣ.

Даже самые бѣдныя не были лишены этого дара.

Видали ль вы жалкіе погреба Лилля и Фландріи, сырые жилища, гдѣ бѣдный ткачъ, въ этомъ мрачномъ климатѣ вѣчнаго дождя управляетъ свое ремесло автоматическаго и однообразнаго движенія? не правда ли, что это бердо, которое, будучи двинуто, вновь возвращается, и толкаетъ его въ чохоточную грудь, не дѣлаетъ ничего кромѣ оборота нитки?.. О! здѣсь заключается тайна. Отъ этого движенія взадъ и впередъ происходитъ *ритмъ*; самъ того не замѣчая, бѣднякъ тихимъ голосомъ начинаетъ ритмическую мелодію.

Какъ тихо!—онъ не нуждается, чтобы его слушали. Это пѣніе не церковное. Оно принадлежитъ *ему самому*, оно вылилось изъ его скорби, оно вышло изъ его растерзанной груди. Но, увѣряю васъ, теперь въ этомъ погребѣ—больше солнца, чѣмъ на площадяхъ Флоренціи, здѣсь больше финіама, золота и пурпура, чѣмъ во всѣхъ соборахъ Фландріи или Італіи.

«Почему же это не церковная пѣсня? Не возмущеніе ли это?»—Ничего.— Но римско-католическая церковь не научила его пѣть, и она едва ли въ состояніи сдѣлать для этого человѣка. Онъ долженъ пе-

обрѣтатъ самъ. Западная церковь потеряла ритмъ съ папою Григоріемъ Великимъ и не отыщетъ его вновь въ продолженіе тысячи лѣтъ: это ея наказаніе.

У этого ткача захоlustевъ и темныхъ окрестностей гдмаднаго города не достаетъ смѣлости пѣть громко. Ему слишкомъ завидуетъ гордый, самодержавный цехъ ткачей, привилегированное сословіе, которое отъ времени до времени врывается къ нему въ домъ, чтобы опрокинуть его вверхъ дномъ. Онъ смирененъ, какъ земля, какъ норка, въ которой онъ живетъ. Не для него звучитъ цеховой колоколь. Благородный городской звонъ, радующій другихъ, отдается въ его устахъ словами: «Ты — ничтожество, тебя будутъ бить... У тебя нѣтъ ничего, кромѣ Бога.»

Такъ Богъ принимаетъ его? Богъ слышитъ все и не пренебрегаетъ ничѣмъ. Пусть слышатъ онъ это тихое пѣніе, бѣдную и простую мелодію, колыбельную пѣсню кормилицы. Одинъ Богъ не посмѣется надъ нею. Если, къ несчастію, кто нибудь другой въ отдушину его погребца подслушаетъ ее, то посмѣется и покачаетъ головою: «это баушка-бау для качиванія дѣтей.»

Итакъ слово найдено. Этотъ бѣдный глупецъ—*баукальщикъ*, напѣвающій пѣсни старухи или кормилицы. Онъ играетъ роль кормилицы и ребенка, воображая себя слабымъ и нагимъ груднымъ младенцемъ на лонѣ Божіемъ.

Музыкальная ересь, великая и заразительная! Потому что не одинъ человѣкъ въ воскресенье, избѣгая соборовъ, придетъ тайкомъ послушать у подвала эту скромную пѣсенку, заставляющую плакать.

Она кажется вамъ пѣсеню младенческой кротости, но она содержитъ въ себѣ страшно-развѣдающую силу, нѣчто такое, что приводитъ папу въ трепетъ, что сокрушаетъ его, уничтожаетъ его башни, куполы, все его могущество, которое уравниваетъ развалины его уничтоженныхъ соборовъ, съ землею. И отвѣтъ Бога ткачу таковъ: «Пой, бѣдняжка и плачь... Твой погребъ—церковь... Ты согрѣшилъ, но ты и страдалъ много. Я все заплатилъ за тебя, и все тебѣ прощается.»

Нѣтъ надобности говорить, что этого пѣвца преслѣдуютъ до смерти. Гдѣ найти довольно мученій, желѣза, огня, рѣпотокъ, дыбъ и горячихъ клещей, для вырыванія ему членовъ? А главное—заткнуть ему ротъ, заткнуть ротъ! иначе онъ будетъ продолжалъ свою пѣсню и среди пламени. Какимъ образомъ заглушить этотъ голосъ?.. О! какъ скоро голосъ раздался въ мірѣ, его ужь не задушишь. Онъ расходится во всѣ стороны. Нѣмое искусство овладѣваетъ имъ. Антверпенскій кузнецъ въ кипящей ваннѣ, въ которую былъ опущенъ св. Іоаннъ, изобразилъ этого сухого ткача; онъ изобразилъ даже его голосъ и его слабое, тихое пѣніе.

Отвѣтъ Бога, составляющаго сущность этого пѣнія, неудержимо переходитъ и переливается изъ устъ въ уста. Это—цѣлая *нѣмецкая теологія*. Въ 1400 г. небольшая книга подъ этимъ заглавіемъ преподавала ее дѣтямъ. Въ XVI вѣкѣ это утѣшительное ученіе излага-

ють: Везель въ Нидерландахъ и Штаупицъ въ Германіи. Отъ нихъ-то перешло оно къ Лютеру.

Лютеръ—*баюкальщикъ*, пѣвецъ,—только пѣніе у него не глухое, не тихое; оно раздаётся сильнѣе грома.

Есть еще и другое различіе. Въ этихъ мистическихъ и одинокихъ мелодіяхъ среднихъ вѣковъ слышны рыданія; Лютеръ же—пѣвецъ, въ героическомъ голосѣ котораго сіяетъ солнце и радость.

Радость, вполне заслуженная! И этотъ великій человѣкъ имѣлъ основательную причину радоваться! Какая революція происходила изъ болѣе благородныхъ источниковъ?

Онъ самъ рассказываетъ, какимъ образомъ мысль о переворотѣ пришла ему въ голову, и какимъ образомъ онъ осмѣлился выполнить то, на что, по своему воспитанію, онъ долженъ бы смотрѣть какъ на дѣло «крайне презрѣнное.»

Онъ сжалился надъ народомъ. †

Онъ увидѣлъ, что достоиніе этого народа поѣдается его духовенствомъ, пожирается дворянами, высасывается королями; что послѣ этой безотрадной жизни онъ не ждетъ ничего, кромѣ безотрадной вѣчности, и отрываетъ отъ своего рта кусокъ хлѣба, чтобы искупить мошенниковъ отъ адскихъ мукъ.

Лютеръ сжалился надъ народомъ, и, въ нѣжности своего сердца, отыскалъ старую пѣсню баюкальщика и это утѣшеніе: «Пой, бѣдняжка, все прощено тебѣ».

Міръ былъ обновленъ нѣжностью, силой великаго сердца Лютера, его нѣніемъ, его героическою радостью.

Казнь всѣхъ среднихъ вѣковъ, всѣхъ тогдашнихъ великихъ мистиковъ состоитъ въ слѣдующемъ: ни у одного изъ нихъ не было радости.

Да и какъ имъ можно было радоваться? Они всѣ были больные. Они стонали, томились и ожидали. Они умерли въ этомъ ожиданіи, не подозрѣвая даже будущаго наступленія вѣковъ дѣятельности и свѣта, до которыхъ мы добрались такъ поздно. Они любили много, во ихъ любовь, столь неопредѣленная, полная подозрительныхъ тонкостей, никогда не освобождалась отъ тревожныхъ мыслей. Они остались грустными и безпокойными.

Напротивъ того, Лютеръ, со временъ древности первый изъ людей обладалъ радостью и героическимъ смѣхомъ.

Радость блистала, сверкала въ немъ во всѣхъ видахъ. Онъ обладалъ этимъ великимъ даромъ вполне.

Это была радость изобрѣтателя, счастливаго своимъ изобрѣтеніемъ, своимъ даромъ, радость, которая улыбается въ діалогахъ Галлея и сіяетъ простодушною гордостью въ Линнеѣ и въ Кепплерѣ.

Радость бойца во время битвы, его великолѣпный гнѣвъ, его побѣдоносный смѣхъ.

Радость истинно-сильнаго героя, крѣпко стоящаго на скалѣ своей

совѣсти, спокойнаго, не смотря на всѣ опасности и всѣ бѣдствія міра. Таковъ великій Бетховенъ, когда онъ, старый, глухой, одинокій, съ помощію гигантскаго усилія создалъ свой *Гимнъ къ Радости*.

Кромѣ этихъ радостей силы, Лютеръ обладалъ радостями сердца, радостями человѣка, невиннымъ счастьемъ семейнымъ, счастьемъ домашняго очага. Какое семейство можетъ быть святѣе, какой домъ безукоризненнѣе?.. Священный, гостепріимный столъ, куда и я былъ допущенъ и гдѣ я нашолъ столько плодовъ, которыми еще до сихъ поръ живетъ мое сердце!.. Съ его маленькимъ Іоганномъ Лютеромъ я уходилъ за добрымъ учителемъ въ фруктовый садъ, гдѣ онъ нѣжно и важно проповѣдывалъ птицамъ, или въ густоту зрѣлыхъ колосьевъ, при видѣ которыхъ онъ плакалъ отъ благодарности и любви къ Богу.

Вотъ человѣкъ новаго времени. Узнайте его именно въ этомъ.

Радость была нелѣпа въ средніе вѣка, которые создали столько напрасныхъ вещей, которыя построили въ облакахъ эти башни, приносимыя и уносимыя вѣтромъ.

Радость разумна въ новое время, котораго твердая рука создаетъ изъ истинъ непоколебимое зданіе, имѣющее свое основаніе въ Богѣ въ вычисленіи и въ природѣ. Если истинное не истинно, если геометрія ложна—тогда этотъ домъ падеть.

Только разумъ и знаніе имѣютъ право на *радость*.

Но до какой бы степени серьезности и мужественной твердости ни достигъ нашъ вѣкъ на своемъ пути, признаемъ и благословимъ точку отправленія истинно трогательную, *человѣчкую*, откуда мы воспарили; пожемъ добрую и сильную руку великаго Лютера, который въ своемъ готическомъ кубкѣ поднесъ намъ вина на дорогу.

Этимъ виномъ послужила увѣренность, которую онъ далъ человѣку, которая подняла человѣка и побудила его отправиться въ путь. Сто разъ было говорено бѣдному народу, — столько страдавшему, — что онъ прощенъ. Лютеръ поклялся въ этомъ, заставилъ вѣрить ему, и міръ, освободясь отъ пустого страха, устремился къ дѣятельности.

И какимъ образомъ народъ могъ не повѣрить этому голосу, чистому, сильному, честному, который есть голосъ народа? Всѣ вѣрятъ, всѣ радуются, дѣлуются на площадяхъ, точно такъ же, какъ это было въ позднѣйшее время во Франціи, по случаю взятія Бастиліи. Начинается пѣніе, исполненное неувѣроятной радости, пламенный гимнъ Лютера: «Моя крѣпость—Богъ мой».

Онъ сочинялъ аріи и слова. И онъ ходилъ изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ гостинницы въ гостинницу, съ своею флейтою или лютней. Всѣ слѣдовали за нимъ.

Его враги упрекаютъ его въ этомъ; они говорятъ въ насмѣшку: «онъ ходилъ по всей Германіи, какъ новый Орфей, вода за собою животныхъ».

Этотъ человѣкъ обладалъ такою силой, что заставилъ бы пѣть самую смерть. Германія—истерзанная, неуродованная — начала пѣть.

Жалкая Франція, раздавленная какъ бы жерновнымъ камнемъ и истекающая кровью, поетъ такъ же, какъ Германія.

Поэтъ-работникъ, Гансъ Захсъ, привѣтствуетъ этого могущественнаго «соловья, котораго пѣніе наполняетъ христіанскій міръ». Альбертъ Дюреръ, утѣшенный, создаетъ множество радостныхъ произведеній, которыя искупаютъ его *Меланхолю*: онъ изображаетъ малютку *Христофора*, исполненнаго любви; твердаго и величественнаго св. *Павла*, который читаетъ, опершись на мечъ, воткнутый въ землю; св. *Марка*, который слушаетъ, дрожа отъ страха и радости св. *Петра*, съ своими ключами, опустившаго голову.

Вотъ игры и пѣсни, веселыя сватки Возрожденія.

Для себя самого Лютеръ, — этотъ человѣкъ, который измѣнилъ міръ, — не требуетъ ничего, кромѣ своего благороднаго титула—*пъвецъ и нищій*. «Пусть никто не думаетъ презирать при мнѣ бѣдныхъ подмастерьевъ, которые ходятъ съ пѣніемъ, говоря у каждой двери: *Parvum propter Deum!* Вы знаете, что говорится въ псалмѣ: «Князи и цари *пъли...*» И я также былъ бѣднымъ нищимъ, я принималъ хлѣбъ у дверей домовъ, въ особенности въ *Эйзенахѣ*, моемъ возлюбленномъ городѣ».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Продолженіе.—Лютеръ.—1517—1523.

Лютеръ имѣлъ неслыханный успѣхъ: онъ измѣнилъ то, что неизмѣнно, именно—*семейство*.

Это—революція самая глубокая, самая побѣдоносная, какая только когда либо была произведена. Она подѣйствовала на всѣ привычки, на всю систему жизни, на самую сокровенную глубину нашего существованія.

Откладываяемъ на время разсмотрѣніе другихъ сторонъ протестантской революціи. Онѣ съ достаточною ясностью будутъ обнаружены въ этой книгѣ. Мы скажемъ здѣсь только нѣсколько словъ о сторонѣ нравственной.

Не думая трогать христіанства (напротивъ, стараясь по прежнему утвердить его на догмѣ, которая составляетъ его сущность), Лютеръ преобразовалъ его. Выразимся языкомъ искусства, которое онъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ, языкомъ музыки: онъ не измѣнилъ аріи, онъ даже очистилъ, исправилъ партитуру; но онъ переложилъ ее на другой тонъ, дополнилъ ее законными голосами. И эта переѣзда сдѣлала изъ сухой мелодіи, изъ монастырской пѣсни, гармоническую увертюру великаго концерта народовъ.

Онъ перенесъ религію отъ чудеснаго къ естественному, отъ вымышленныхъ прибавокъ къ истинѣ.

Чудо—это было безбрачіе духовныхъ; бракъ, управляемый холодакомъ; семейство, состоящее изъ трехъ элементовъ.

Съ высоты своего отеческаго управленія священникъ низошелъ те-

перь къ братству. Онъ сдѣлался братомъ, человѣкомъ, однимъ изъ нашихъ. Такими всѣ мы можемъ быть завтра.

Такимъ образомъ девизъ *Возрожденія*: «Возвратитесь къ природѣ» былъ осуществленъ человѣкомъ, который не хотѣлъ ничего болѣе, какъ только возстановить христіанство.

Лютеръ, служилъ, самъ того не зная, новому духу. Его сердце, глубоко-человѣчное, богатое, пѣло двѣ пѣсни, двухголосный гармоническій концертъ Реформы и Возрожденія.

Онъ самъ говоритъ, что, поступая въ монастырь, онъ принесть туда только своего *Виргилія*. Тамъ онъ напѣлъ псалмы. Давидъ и Сибилла овладѣли великимъ музыкантомъ.

Никто не былъ болѣе чѣмъ онъ ученымъ писателемъ, гармонистомъ по языку и стилю. Ничего нельзя сравнить съ великими симфоніями Микель-Анджело и Рубенса, кромѣ нѣкоторыхъ страницъ Лютера, какъ напр., его разсказъ о вормсскомъ сеймѣ и многія изъ его предисловія. Всѣ эти вещи не превышаютъ того уровня, на которомъ стоялъ Боскюэть, но ихъ звуки пронзительны, глубоки, искренни, *человѣчны*, чего мы не видимъ въ официальномъ ораторѣ церкви Людовика XIV. Его великолѣпный речитативъ очень не увлекателенъ сравнительно съ ураганомъ Лютера.

Изъ столькихъ вещей сильныхъ, могущественныхъ, порывистыхъ, страстныхъ, изъ всей этой великолѣпной бури, изъ всѣхъ этихъ великихъ чувствованій сердца, изъ всей этой великой жизни, многія вещи были очень плодотворны, въ особенности одна, которая есть самъ человѣкъ и которая выше всякаго спора. Въ ней-то заключается побѣда Лютера. Эта вещь, какъ мы уже сказали, есть *семейство*, истинное и естественное семейство, торжество нравственности и природы, возстановленіе домашняго очага.

Но камень домашняго очага есть основаніе всему. Вся жизнь зиждется на немъ. Гдѣ колеблется этотъ очагъ, тамъ все колеблется. Гдѣ семейство слабо и разбѣдинено, тамъ государство не имѣетъ спокойнаго положенія; оно ищетъ его и, какъ больной, ворочается съ бока на бокъ въ своей постели, не достигая желаемого спокойствія.

Здѣсь-то заключается главная причина медленной смерти Италіи и Испаніи, лихорадочнаго волненія Франціи, и уничтоженія Ирландіи, какъ расы. Семейство въ этихъ странахъ рѣдко бываетъ дѣломъ серьезнымъ. Домъ тамъ не запертъ; онъ открытъ для всѣхъ вѣтровъ. Гостепримство—одна вещь, а публичность—другая. Въ этой почти коммунистической жизни, гдѣ каждый постоянно смотритъ вонъ изъ своего дома, трудъ ничтоженъ, а агитація велика, здѣсь господствуютъ непостоянство и скука, духъ случайности, любопытства и приключеній. Народы съ такими наклонностями переносятъ эту любовь къ лотерейной игрѣ и въ дѣла государственныя.

Мы будемъ довольно много еще говорить обо всемъ этомъ. Здѣсь же достаточно сказать, что протестантизмъ, который во всемъ остальномъ есть вещь преходящая, здѣсь напѣлъ природу, которая не

измѣняется. Творецъ создалъ семейство изъ двухъ. Семейство изъ трехъ, гдѣ опасный третій элементъ, есть сама власть, — это—раздоръ, устроенный закономъ, это организованный разводъ, шаткій домашній очагъ, висящій въ воздухѣ. Въ немъ нѣтъ никакого мира, никакого единства; слѣдовательно, здѣсь воспитаніе невозможно, ребенокъ формируется случайно, и, не имѣя отцовскаго преданія, т. е. прочнаго прошедшаго, онъ слабъ и одинокъ, онъ — *индивидуальная личность*.

Лютеръ очень простымъ средствомъ уничтожаетъ этотъ гибельный корень католицизма. Правителемъ семейства онъ дѣлаетъ Библию. Онъ даетъ вамъ книгу, вмѣсто человѣка.

«Не въруйте въ меня, говоритъ онъ. Что такое Лютеръ? Какое мнѣ дѣло до Лютера? Пусть онъ погибаетъ и да живетъ Богъ!... Возьмите это, читайте.»

Читайте! Какъ! вотъ человѣкъ, который хочетъ, чтобы люди умѣли читать! Но уже это одно есть великая революція.

Читать *напечатанную* книгу! Это—еще болѣе великій переворотъ. Это даетъ крылья прессѣ. Всѣ будутъ читать, всѣ узнаютъ, увидятъ, будутъ имѣть глаза... Это—революція свѣта.

Какую же книгу? Безконечно многоложную, состоящую изъ двадцати различныхъ смысловъ, слѣдовательно способную возбудить разборъ, критику, изслѣдованіе свободнаго ума.

Такимъ образомъ этотъ добросердечный человѣкъ, жаркій защитникъ первоначальной власти, опять вырывается отъ нея на свободу.

Правдивое сердце, чистая душа! я хорошо вижу тебя въ этомъ. Настоящее имя твоему дѣлу: *революція честности*.

Въ этомъ простомъ человѣкѣ рѣшительно нѣтъ никакой задней мысли. Сильный и твердый, онъ идетъ по прямой и честной дорогѣ. О! онъ не разслабитъ васъ. Онъ прежде всего выковываетъ вамъ вѣмецкую библию на звонкомъ языкѣ Нибелунговъ, языкѣ древнихъ рейнскихъ героевъ.

Куда дѣвалась,—спрашиваю васъ, — вся литература среднихъ вѣковъ, эта поэзія горячки, стонущая голубица Пѣсни Пѣсней, на которую сдѣлано такъ много толкованій св. Бернардомъ, потомъ Иннокентіемъ III, Герсономъ и даже Боссюэтомъ? Вотъ человѣкъ грубый, который не имѣетъ ни малѣйшей склонности къ признаніямъ, къ робости, къ вздохамъ. Этотъ грубый кузнецъ, который любитъ только день, размахиваетъ своимъ молотомъ направо и налево, и уничтожаетъ таинственныя рощи, гдѣ мистики блуждали при свѣтѣ луны. И когда дриады начинаютъ стонать, то онъ ударяетъ еще сильнѣе, дѣлая изъ этихъ немѣ безжалостную свалку.

Какъ могущественъ этотъ человѣкъ, который ничего не жаждетъ для себя самаго, который идетъ прямо, не поворачивая головы!... Только мнѣ очень хотѣлось бы знать—какимъ образомъ въ этой великой пустынѣ человѣчества, гдѣ всѣ томилась въ предсмертныхъ мукахъ, нашолся еще одинъ человѣкъ; какимъ образомъ среди всѣхъ этихъ блѣдныхъ, слабыхъ, чахоточныхъ людей появился этотъ сильный

мужъ «съ краснымъ сердцемъ», по выраженію старой Германіи. Это — чудо, котораго я не понимаю.

Онъ не явился съ неба. Онъ прошелъ школу и монастырь — эти двѣ степени самоуничженія.

Этотъ герой получилъ полное, совершенное воспитаніе тѣхъ временъ — воспитаніе въ духѣ низости и страха.

Это былъ родъ галеръ, гдѣ раздавались только удары плети. Лютеръ получалъ ихъ по пяти разъ на день. Подобная система дѣлала дѣтей такъ боязливыми, что однажды, когда Лютеръ съ своими товарищами просилъ милостыни у дверей одной фермы и крестьянина, человѣкъ благотворительный, но имѣвшій грубый голосъ, сказалъ имъ: «иду» — они такъ испугались, что побѣжали со всѣхъ ногъ и уже не смѣли вернуться.

Такова была грустная школа, изъ которой выпелъ самый смѣлый человѣкъ Германіи.

Другое чудо. Одинъ изъ друзей его былъ убитъ громомъ. Это такъ подѣйствовало на Лютера, что, обращаясь къ Богу, онъ сдѣлался монахомъ, и такимъ образомъ сталъ между двумя подводными скалами, которыхъ рѣдко кто могъ избѣжать. Съ одной стороны — обжорство, чрево; съ другой — женщина, — два роковыя искушенія, одинаково непреодолимая.

Онъ поступаетъ въ монастырь, но какъ? во первыхъ, съ своею музыкой, во вторыхъ, съ своимъ Виргилиемъ и съ комедіями Плавта. Смѣйся, добрый молодой человѣкъ. Это тебя поддержитъ. Къ этому Лютеръ прибавляетъ еще Платона. Свѣтлая героическая древность окружаетъ и хранитъ его. Музыка даетъ ему крылья, чтобы, въ случаѣ нужды, поднять его выше грязи и низкихъ помысловъ.

Сынъ саксонца, онъ мало имѣлъ однакоже саксонскаго въ своей природѣ. Онъ — не пивопійца. Онъ происходитъ изъ страны виноградниковъ, изъ страны своей матери, родившейся на косогорахъ Вирцбурга. Онъ имѣлъ въ своей крови веселый и любезный духъ болѣе здоровыхъ винъ Рейна. Ничего тупаго и тяжелаго; только по временамъ внезапный жаръ въ головѣ и въ сердцѣ, великолѣпныя вспышки гнѣва, — но — за всѣмъ тѣмъ — превосходнѣйшій человѣкъ.

Великое дѣяствіе произвела на его умъ случайная находка библии. Книга необъятная, страшная. Для многихъ она была не по силамъ; они говорили (я въ этомъ упрекаетъ ихъ Лютеръ) Библия — Вавилонъ и не хотѣли читать ее болѣе.

Жестоки были битвы Лютера. Бывали минуты, когда онъ желалъ бросить все. Но эта великая книга удержала его. Два раза въ годъ онъ читалъ Библию отъ доски до доски и углублялся въ нее все болѣе, находя тамъ множество плодотворныхъ вещей которыя великій умъ можетъ въ обиліи извлечь оттуда.

Существенное затрудненіе минуты, котораго никто не видѣлъ, которое мѣшало успѣху Возрожденія и дѣлало свободу безплодною, состояло въ томъ, что Римъ эксплуатировалъ ихъ. Римъ вошелъ въ моду; онъ исповѣдывалъ доктрину философовъ и юристовъ, доктри-

ну антихристіанскую, которая учитъ, что человекъ спасается не чрезъ Христа, а посредствомъ дѣлъ своихъ.

Левъ X показывалъ себя согласнымъ съ Эразмомъ. Свобода и философія, конфискованныя и захваченныя ихъ естественнымъ непріателемъ, ослабляли сами себя. Теоретическій свободный произволъ, управляемый священниками, покупаемый индульгенціями былъ въ рукахъ папы прибавочною отраслью торговли, новымъ товаромъ огромной лавки.

Съ помощью маленькаго слова, допускающаго двойное толкованіе, свобода становилась рабствомъ. Двусмыслица заключалась въ словѣ *дѣла*. «Можетъ ли человекъ быть спасенъ посредствомъ *дѣла*?» Да, говорилъ философъ, разумѣя *дѣла* добродѣтели. Да, говорилъ папистъ, разумѣя *дѣла* набожности, мессы, свѣчи, умерщвленіе плоти, хожденіе ко святымъ мѣстамъ, или—что можетъ замѣнить все это—римскую индульгенцію и деньги.

Магическая сила двусмыслицы! Благодаря слову *дѣла*, деньги и философія имѣли одинъ и тотъ же языкъ. Тецель и Фуггеръ говорили подобно Зенону.

Но вотъ, этотъ грубый нѣмецъ разстрониваетъ такую прекрасную гармонию. Когда ему сказали о шарлатанѣ Тецелѣ, о его успѣхахъ въ продажѣ своихъ снадобьевъ, Лютеръ грубо сказалъ: «Я разобью его барабанъ».

Передадимъ ясно смыслъ его проповѣди. Переведемъ ее на истинно-популярный языкъ.

«Добрые люди, вамъ продаютъ разрѣшеніе отъ грѣховъ. Положите опять ваши деньги въ карманъ. Богъ васъ спасаетъ даромъ. Изъ дѣлъ необходимо одно: вѣрять въ Него, любить Его. Богъ умеръ за васъ: неужели крови его не достаточно для того, чтобы омыть всѣ грѣхи міра?»

Вещь любопытная. Папа совѣтовалъ дѣла, и все ограничивалось дѣлами денежными. Лютеръ освобождаетъ отъ дѣлъ, и они являются опять,—истинныя дѣла нравственности, благочестія и добродѣтели.

Онъ говорилъ: «Люби и вѣруй». Кто любитъ, тотъ не имѣетъ набожности, чтобы ему предписывали дѣла, пріятныя любимому имъ предмету; онъ сдѣлаетъ ихъ самъ собою, даже вопреки вамъ.

Это кажущееся отмѣненіе закона, это торжество благодати и любви имѣло чародѣйственную силу. Изъ жалкаго раба, которымъ онъ былъ, слуга подъ палкой, розгой и страхомъ, человекъ опять сдѣлался сыномъ дома Божія, дорогимъ, законнымъ наследникомъ. Смѣясь и плача, онъ бросается въ родительскія объятія... Я вижу любовь, свѣтъ, утѣшеніе, рай на землѣ, какъ на небѣ... Начинается радостная пѣсня.

Такимъ является Лютеръ, возвышенный и комическій музыкантъ этого Возрожденія, забавный, гнѣвный и грозный, олицетворяющій собою желанія цѣлаго народа.

И ему можно дать названіе, которое онъ самъ далъ народу: Негг ошнес (господинъ всѣ).

Чудеснѣе всего здѣсь то, что проповѣдуемыя Лютеромъ новости

были очень стары. Сто разъ повторяемъ былъ текстъ: «Вѣруй и будешь спасенъ». Св. Августинъ истолковывалъ его, всѣ мистики вертели около него, въ особенноти Нищенствующіе, а болѣе всѣхъ — нѣмецкіе теологи. Это была собственная и оригинальная *нѣмецкая теологія* въ томъ видѣ, какъ она существовала уже въ краткомъ руководствѣ, имѣющемъ это названіе, и—восходя къ болѣе раннимъ временамъ—у Таулера, Генриха Сузо, наконецъ у Готтешалка, осужденнаго при Карлѣ Великомъ, въ то самое время, когда христіанство появилось въ Германіи. Нѣмецкое христіанство съ самаго перваго начала своего было лютеранскимъ.

Германія постоянно учила: «Одинъ Богъ великъ, одинъ Богъ есть все; вся сила человѣка заключается въ Немъ».

Ослабленіе церкви только усилило это ученіе о человѣческомъ безсиліи. *Подражаніе Христу* (Imitatio Christi), теологія Герсона не имѣли другаго смысла. И однако-же какой контрастъ! Эти монастырскія книги, исполненыя унынія (даже отчаянія въ проповѣдуемой ими покорности), ведутъ только къ томленію, задумчивости и бездѣйствію. Это—конецъ міра, блѣдный отблескъ заходящаго солнца. Книжки Лютера—это разсвѣтъ, это майское пробужденіе въ четыре часа утра. Это серебряный пронзительный колоколъ, звенящій подъ ударами сильнаго стального языка и внезапно пробуждающій міръ. Германія, царица въ сонномъ лѣсу, садится на своей постели и, протирая глаза, говорить: «О! какъ долго я спала! Но я вижу — это аврора!»

Лютеръ начинаетъ для міра вѣкъ шумной и живой дѣятельности. Днемъ, трудолюбивый работникъ подымается и поетъ, и стучитъ, и бьетъ по своей наковальнѣ. Онъ говоритъ мнѣ: спи. Но едва ли это возможно. Милый, честный кузнецъ, по тѣхъ поръ пока ты будешь стучать такою сильною рукою, немногіе люди будутъ спать. Съ той минуты, какъ зашѣлъ твой пѣтухъ, нѣмые духи ночи потихоньку исчезли. Человѣкъ пробудился навсегда.

Такимъ образомъ дѣйствіе Лютера было совсѣмъ противоположно дѣйствію мистиковъ. Каковъ человѣкъ, такова и доктрина. Проповѣдуемая въ духѣ томленія, колеблющейся нѣжности, она вела къ безсилію, къ ослабленію души. Возвѣщаемая голосомъ чистымъ, сильнымъ, чистосердечнымъ, геройскимъ, она была пищею сильныхъ, крѣпительнымъ лекарствомъ передъ битвой; она возбуждала въ человѣкѣ прекрасную иллюзію: ему казалось, что у него въ груди бьется не его сердце, а сердце какого-то бога.

Высокое недоразумѣніе! Народъ понимаетъ болѣе, нежели ему говорятъ. Онъ обращаетъ вниманіе болѣе на тонъ, нежели на слова, а въ этомъ тонѣ и заключается настоящій смыслъ. Когда своимъ громовымъ голосомъ, потрясавшимъ троны, Лютеръ кричалъ: *человѣкъ—ничто*, народъ разумѣлъ подъ этимъ: *человѣкъ — все*.

Даты здѣсь драматичны. Великое дѣло конкордата — покорность Франціи, сокрушонной королямъ и папой — было увѣнчано въ 1517 г. Въ мартѣ Левъ X, который до этихъ поръ не вѣрилъ своей побѣдѣ и держалъ въ Римѣ противъ галликанъ рѣдъ совѣта, чтобы

громить ихъ въ случаѣ нужды, призналъ эту комедію бесполезною и распустилъ своихъ совѣтниковъ. Небо было ясно, гуманисты соединились къ папству. Большинство было за первосвященника. И въ эту-то минуту раздались въ Германіи тезисы монаха Мартина Лютера. Въ одинъ мѣсяць они дошли до Іерусалима.

31 октября 1517 г. Лютеръ, написавъ къ майнцскому архіепископу, благородное и сильное письмо, гдѣ онъ напоминалъ ему объ отчетѣ, который онъ долженъ отдать Богу, прибилъ у церкви Виттембергскаго замка свои тезисы относительно индульгенцій. Произведеніе оригинальное, краснорѣчивое, сильное, ѣдкое, исполненное горячности и сатиры. Никогда теологія не говорила подобнымъ тономъ. Ни малѣйшей рутинности: здѣсь все истекало изъ честнаго негодованія, изъ самаго сердца народа.

Въ ироніи не было недостатка: «Есть основаніе, — говорилъ Лютеръ, — не любить сокровища Евангелія, которое первыхъ дѣлаютъ послѣдними. Есть основаніе любить сокровища индульгенцій, посредствомъ которыхъ послѣдніе дѣлаются первыми.

«Когда папа даетъ отпущеніе грѣховъ, то онъ имѣетъ не столько нужду въ деньгахъ, сколько въ усердныхъ молитвахъ за него. Вотъ все, чего онъ проситъ».

Наряду съ этими колкостями въ объявленіи Лютера были также прекрасныя, истинно-возвышенныя слова: «Кто вамъ сказалъ, что всѣ души чистилища просятъ, чтобы ихъ выкупили оттуда? Кто знаетъ, можетъ быть, онѣ болѣе хотятъ остаться тамъ и страдать!.. Будемъ увѣрять христіанъ, что страданіе есть путь къ небу, будемъ убѣждать ихъ — не бояться скорбей и даже самаго ада, если это нужно для того, чтобы дойти до Бога».

Римскій дворъ напрасно обвиняють въ томъ, будто бы онъ легко смотрѣлъ на это дѣло и не чувствовалъ его важности. Онъ думалъ ошибочно, что это дѣло было возбуждено государями и основательно — что они были очарованы и пользовались имъ. Императоръ Максимилианъ, большой врагъ Льва X, имѣвшій одно время, — какъ рассказываютъ, — намѣреніе сдѣлаться самому папой, говорилъ: «Это презрѣнный человѣкъ; онъ будетъ послѣднимъ папой. Будемъ беречь хорошенько этого саксонскаго монаха; дѣло начнется съ духовенства. Позаботьтесь о немъ. Онъ можетъ намъ понадобится.» Курфирстъ саксонскій и другіе князья во всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ замѣтили, откуда дуетъ вѣтеръ, и были въ готовности поддержать этого защитника Германіи, безъ котораго ей угрожала опасность — дойти до такого же унижительнаго положенія, въ какомъ находилась Франція. Эта опасность еще болѣе увеличилась со смертію Максимилиана, когда продавцу индульгенцій, архіепископу майнцскому, удалось сдѣлать императоромъ католическаго короля.

Римъ не потерялъ ни минуты. Онъ употребилъ въ дѣло доминиканцевъ; одному изъ нихъ, который былъ Magister sacri Palatii въ Римѣ, онъ приказалъ писать, для поддержанія ученія св. Өомы и потребовалъ, чтобы Лютеръ явился къ суду въ шестидесятидневный срокъ (сент. 1518). Потомъ онъ послалъ въ Аугсбургъ одного оченъ

хитраго итальянца, кардинала Каetano, который самъ былъ подозрѣваемъ въ ереси, такъ какъ онъ писалъ, что можно объяснить св. Писаніе «не слѣдуя за потокомъ отцовъ церкви». Онъ долженъ былъ поправить курфирсту и убѣдить Лютера—отречься отъ своего ученія. Онъ употребилъ для этого всѣ способы; наконецъ прибѣгнулъ къ угрозамъ. Онъ выставлялъ ему на видъ его безпомощность, его опасности, говоря: «Неужели ты думаешь, что папу сильно тревожитъ Германія? Неужели ты думаешь, что государи подымутъ оружіе, чтобы защитить тебя?... Какое ты вмѣстѣ убѣжище? Гдѣ ты думаешь остаться?—Подъ небомъ», отвѣчалъ Лютеръ.

Послѣ этого Римъ обратился къ болѣе сильному средству. Онъ сталъ ласкать курфирста, пославъ ему царственный подарокъ,—золотую розу, въ замѣнъ которой требовалъ выдачи монаха. Еслибы это требованіе было исполнено, то Лютеръ, сожженный Львомъ X, имѣлъ бы ту же участь, какая постигла Арнольда ди Брешня, Савонаролу, Бруно и столь многихъ другихъ. Реформа, подавленная еще разъ, позволила бы старой системѣ мирно гнить по прежнему. Не было бы никакихъ протестантовъ, а слѣдовательно и иезуитовъ, не было бы ни янсенистовъ, ни Воссюэта, ни Вольтера. Сцена міра была бы другая.

Лютеръ находился въ дѣйствительной опасности. Такъ какъ курфирстъ не объявлялъ своего образа мыслей, то Лютеръ могъ рассчитывать только на покровительство народа и былъ въ готовности отъправиться. Но куда? Во Францію? Это было то же, что ѣхать въ Римъ. Смерть Максимилиана измѣнила все. Курфирстъ, сдѣлавшись намѣстникомъ имперіи (января 1519), сталъ менѣе бояться покровительствовать Лютеру.

Всѣ знаютъ, что послѣ своего *Вавилонскаго влѣна* Лютеръ смѣло сошелъ, у воротъ Виттемберга, булду осужденія.

Римъ былъ устранивъ. Объ этомъ можно судить по одному обстоятельству, повидимому ничтожному, но показывающему весьма искусное лицемѣріе. Въ ноябрѣ 1517, черезъ мѣсяцъ послѣ громоуныхъ тезисовъ, Левъ X требуетъ, чтобы ему прислали, на счетъ денегъ, вырученныхъ за индульгенціи, 147 золотыхъ дукатовъ «для уплаты за рукопись 33 книги Тита-Ливія». Прекрасный и трогательный отвѣтъ на клеветы Лютера! Вотъ честное употребленіе, дѣлаемое первосвященникомъ изъ этихъ денегъ, противъ которыхъ было направлено такъ много упрековъ! Онъ издерживалъ ихъ на дѣла цивилизаціи и на успѣхи науки. Это должно было привести панегиристовъ въ восторгъ и умиленіе. Съ своей стороны мы удивляемся такой тонкой дипломатіи. Она искусно разъединила большую партію Возрожденія, она льстила Эразмамъ, Рейхлиннамъ, Гуттенамъ; она побуждала ихъ вступить въ союзъ съ Римомъ, съ изящною Италіей, дочерью и сестрою древности; оставить въ невѣжествѣ этого пивонійцу, *этого монаха*... Левъ X говорилъ: «Это — споры *монаховъ*». И многіе гуманисты смотрѣли на дѣло Лютера съ этой точки зрѣнія. Гуттенъ, котораго нужда бросила къ майндскому двору, го-

варшалъ : «Браво! друзья мои, монахи, пожирайте другъ друга!»
(Consumite, ut consumimini invicem.)

Это было въ апрѣлѣ 1518 г. Въ ноябрѣ того же года Гуттенъ опомнился. Онъ написалъ одному изъ своихъ друзей памфлетъ: «Врагъ дворянъ (Misaulus). Съ этихъ поръ онъ весь преданъ Лютеру и отечеству.

Въ это-то время онъ перенесъ къ Францу Секкингену свою типографію. Онъ читалъ ему сочиненія Лютера, сдѣлалъ его поклонникомъ реформатора и защитникомъ его въ случаѣ нужды, приобрѣлъ для реформы его страшную шпагу.

То же было съ знаменитымъ вождемъ ландкнехтовъ, старымъ Герономъ Фрондсбергомъ, грубымъ и сердитымъ солдатомъ, который охранялъ Лютера въ Вормсѣ, будучи готовъ обнажить шпагу противъ испанцевъ, приведенныхъ Карломъ V.

Высокое зрѣлище представляетъ Вормсскій сеймъ, куда человекъ, которому всѣ благопріятствовали, но которому никто не рѣшался явно покровительствовать, явился одинъ, несомый, такъ сказать, на сердцѣ и на рукахъ Германіи, столь твердый, столь скромный, столь великій. Всѣ, друзья и враги, хотѣли помѣшать ему придти туда и напоминали ему объ участи Ивана Гусса. «Я пойду,—отвѣчалъ онъ,— хотя бы тамъ было столько чертей, какъ черепицъ на крышахъ».

Противъ него было сдѣлано одно покушеніе. Хотѣли испытать народъ. Одинъ священникъ съ помощью испанцевъ попробовалъ отнять на улицѣ нѣкоторыя книги Лютера. Еслибы это удалось, еслибы книги были схвачены, то былъ бы схваченъ и обладатель ихъ. Но народъ бросился, и испанцы спаслись бѣгствомъ во дворецъ императора.

Благоразумный курфюрстъ саксонскій,—это невидимое провидѣніе охранявшее Лютера въ Аугсбургѣ, Виттембергѣ, наконецъ въ Вормсѣ,—боясь въ одно и то же время и императора и неумѣреннаго рвенія Лютера, велѣлъ его схватить на дорогѣ и удержалъ его нѣкоторое время въ башнѣ замка Вартбурга. Дѣло это было ведено такъ искусно, что плѣнникъ сначала не зналъ, въ дружескихъ или въ непріятельскихъ рукахъ онъ находится.

Это приключеніе произвело сильное дѣйствіе. Враги были въ отчаяніи, что выпустили его изъ рукъ. Вся Германія была взволнована и раздражена противъ себя самой за то, что она такъ плохо охраняла своего апостола.

Между тѣмъ Лютеръ въ своей башнѣ, не видя живой души, исключая двухъ пажей, которые приносили ему пищу и не говорили ни слова, размышлялъ, на досугъ, о своемъ странномъ приключеніи. Флейта, вѣмецкіе псалмы, огромный трудъ по переводу Библии очень достаточно наполняли его время.

Скоро сдѣлалось извѣстно, что онъ существуетъ, что онъ таковъ же какъ былъ — неукротимый, великій, героическій Лютеръ. Онъ писалъ съ своего Патмоса, изъ области птицъ, которыя день и ночь воспѣваютъ Бога.

Онъ писалъ къ Меланхтону, своему молодому другу, который его оплакивалъ: «Ты меня слишкомъ превозносишь; ты обманываешься, приписывая мнѣ все это. Молись обо мнѣ... Вотъ, я здѣсь, въ праздности и созерцаніи. Я ставлю предъ своими глазами образа Церкви; я ненавижу чорствость моего сердца, которое не истачиваетъ слезами «для оплакиванія моего зарпзаннаго народа.» Никто не възстаетъ за Бога... Жалкое время! дрожжи вѣковъ!... О, Боже! умилосердись надъ нами!»

Между прочими очень сильными вещами, онъ написалъ грозныя слова къ майнцскому архіепископу, которыми побуждалъ его исправиться:

«Неужели вы думаете, что Лютеръ умеръ? Разувѣрьтесь. Онъ живетъ, всегда готовый начать съ вами игру...» Кто бы могъ повѣрить: несчастный, который боялся, чтобы съ него не сняли личности, отвѣчалъ *собственноручнымъ* письмомъ, «охотно перенося, — говорилъ онъ, — этотъ братскій выговоръ.»

Съ теченіемъ времени Лютеру дана была нѣсколько большая свобода, и его хозяинъ, губернаторъ замка, вздумалъ его позабавить охотой. Онъ очень плохо зналъ это великодушное сердце, столько же доброе, сколько великое и такъ чувствительное къ природѣ. «Это было для меня, — говоритъ Лютеръ, — тайною скорби и жалости. Не есть ли охота изображеніе дьявола, преслѣдующаго невинныя души?... Но вотъ что самое ужасное. Я спасъ одного зайчика и положилъ его въ рукавъ своей одежды. Потомъ я ушелъ; собаки напали на него, переломили ему ногу и загрызли его... Довольно съ меня охоты... о придворныя, пожиратели звѣрей! вы будете съѣдены тамъ...»

Но онъ былъ добръ не къ однимъ животнымъ. Узнавъ о неистовствахъ секты бѣснующихся, анабаптистовъ и другихъ, которые истребляли образа и кричали противъ Лютера, — «Позаботься, — писалъ онъ къ одному изъ совѣтниковъ курфюрста — чтобы нашъ государь не запятналъ своихъ рукъ кровью этихъ новыхъ пророковъ.»

Я не знаю ничего любопытнѣе зрѣлища какъ этотъ добродушный человекъ оставляетъ Вартбургъ вопреки курфюрсту, вопреки всему. Онъ встрѣчаетъ два новыхъ затрудненія — въ короляхъ, въ народахъ.

Генрихъ VIII заставлялъ писать противъ него. Германія безотлагательно требовала революціи.

Онъ вздумалъ броситься въ средину этого вихря, сошелъ съ своей башни и возвратился въ Виттембергъ.

Все перемѣнилось.

Домикъ его отца былъ отруженъ толпою. Всѣ узнали, что Лютеръ воскресъ и всѣ туда стекались. Кто шолъ благословлять его, кто — проклинать, а главное — его видѣть. Вопросы всякаго рода сыпались градомъ.

Но это еще ничего.

Женщины, при этомъ возобновленіи легенды о мѣрѣ, спасенномъ любовью, бросились изъ домовъ, изъ монастырей, множество монахинь, оставивъ монастырь пустымъ, искали истиннаго храма, этого

дома любви Божией. Онъ не подумали о томъ, что бѣдный Мартинъ Лютеръ, пшъ всею своимъ учительствѣ и высокою призваніемъ, былъ еще крѣпкій молодой человекъ, около тридцати шести лѣтъ отъ роду.

Онъ былъ чрезвычайно худъ въ это время; голова его имѣла четырехугольную форму, болѣе четырехугольную чѣмъ граціозную, совершенно нѣмецкую. Правда, его глаза были прекрасны; въ нихъ безпрестанно сверкали радостныя и грозныя молніи,—это былъ громъ, который смѣется въ небесной высотѣ.

Къ счастью, онъ по природѣ своей и глубоко былъ человекомъ народа и труда, работникомъ, какъ его отецъ рудокопъ, добрымъ и честнымъ кузнецомъ Божиимъ.

Изъ приходившихъ женщинъ многія были очень молоды и прекрасны,—но онъ видѣлъ въ нихъ только одно: что онѣ «голодны.»

И вотъ онъ пишетъ во все стороны, вымаливая милостыню, прося хлеба для нихъ и, посредствомъ грубыхъ шутокъ, стараясь понравиться курфирсту, придворнымъ, всѣмъ, чтобы имѣть возможность кормить «этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, вопреки ихъ желанію,» по тѣхъ поръ пока онъ будетъ въ состояніи отправить ихъ къ ихъ родственникамъ.

Это была очень смѣшанная толпа. Въ ней были между прочимъ монахини-принцессы, которыя воспользовались случаемъ постранствовать по свѣту, будучи сильно заинтересованы молодымъ апостоломъ.

Но онъ не видитъ ничего этого. Онъ думаетъ только о ихъ нищѣ. Онъ употребляетъ на нее послѣднюю копѣйку свою и своихъ друзей.

Я воображаю, какъ этотъ бѣднякъ,—который въ этотъ самый періодъ времени, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, просилъ у курфирста одежды,—не имѣя возможности дать много этимъ бѣднымъ бѣгланкамъ и не умѣя превратить камни въ хлѣбъ, кормилъ ихъ своими псалмами, и, играя на своей лютнѣ или флейтѣ, питалъ, по крайней мѣрѣ, ихъ душу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дворъ, реформа, неизбежная война.—Лагерь золотой парчи.

Великая слава Лютера, его могущественная личность, успѣхъ его сопротивленія прогрессу по всей Европѣ и реформа была ободрена этимъ. Она явилась вездѣ, сама собою.

И вездѣ—во Франціи, въ Швейцаріи—она была туземною, плодомъ почвы и различныхъ обстоятельствъ, который, однакоже, дали одинаковый плодъ.

По нѣкоторомъ размысленіи, это можно объяснить себѣ безъ труда. Душа человѣческая, готовая броситься впередъ, въ бездну невѣстнаго, оглянулась еще разъ, посмотрѣла на древній путь и спросила себя, не достаточно ли будетъ ей возвратиться къ старымъ временамъ.

Но такого возвращенія никогда не бываетъ. Каждый вѣкъ проходить невозвратно и ничто не призоветъ его опять.

Такимъ образомъ, усиливаясь не дѣлать никакихъ нововведеній, стараясь дѣлать старое, самое старое сколько возможно, духъ чело-

вѣческій дѣлалъ совершенно противное. Онъ началъ создавать новый міръ.

Это инстинктивное усиліе—возвратиться къ старой системѣ было слишкомъ естественно. Возрожденіе, отсроченное, къ несчастію, на триста лѣтъ (см. наше введеніе), очень поздно обнаружилось безпорядочною сыпью; въ немъ вовсе не было гармоніи. Въ немъ видѣвъ былъ одинъ хаосъ.

Никому не приходило на мысль, что въ природѣ и въ искусствѣ (въ этой смягченной природѣ) есть религиозные элементы и основанія *глубокой вѣры*. Всѣ искали спасенія въ возвращеніи къ сверхъестественному, въ возобновленіи легендарной догмы.

Послѣ первыхъ шаговъ на пути Возрожденія, не находя еще ожидаемаго спасенія, человекъ пришолъ въ отчаяніе, простеръ руки къ Богу, говоря: «Я жду всего отъ Тебя».

Во Франціи, напримѣръ,—гдѣ всю надежду спасительнаго порядка возлагали на королевскую власть, гдѣ государство, соединенное при Людовикѣ XI, обогащенное при Людовикѣ XII, прославленное при Мариньянѣ, вѣровало въ этого молодого короля,—разочарованіе было горько, когда при первыхъ кампаніяхъ, о которыхъ мы будемъ говорить, онъ оказался беспильнымъ для защиты Сѣвера и оставилъ его въ добычу опустошеніямъ; когда впоследствии, вмѣсто того чтобы защищать Югъ, онъ нашолъ себя вынужденнымъ предать его огню и превратить въ пустыню. Эти страшныя бѣдствія, униженіе, въ которое впала Франція, и презрѣніе ея къ себѣ самой, свергли ее въ это мистическое отчаяніе и заставили ее прибѣгнуть къ Реформаци.

Такова была глубокая причина Реформаци, — причина совершенно мѣстная и народная. Оставленная земнымъ богомъ, Франція обратилась къ Царю небесному.

Революція вспыхнула сперва тамъ, гдѣ было наиболѣе страданій,—въ сѣверныхъ городахъ Франціи, въ населеніи жалкомъ, напуганномъ, которое видѣло, что ему грозятъ опустошенія и гибель. Она начата была въ большомъ промышленномъ центрѣ, работниками города Мо, который въ это время былъ главнѣйшимъ мѣстомъ шерстяныхъ фабрикъ.

Приписывать это совершенно народное и добровольное движеніе отдаленному вліанію Германіи, робкому ученію доктора Лефевра д'Этапля, который въ 1512 г., въ Парижѣ, возобновлялъ теорію благодати, или проповѣдаямъ епископа москаго Брисоне,—значитъ искать маленькихъ причинъ для великихъ событій и незнать человеческой природы. Добрый епископъ былъ человекъ мистическій, туманный, натянутый, и его возвышенная бессмыслица могла дѣйствовать на умы тонкіе, которые думали, что понимаютъ ее, но не имѣла ни малѣйшаго вліанія на народъ. Великими проповѣдниками были—бѣдствіе, ужасъ, необходимость, отчаяніе въ земной помощи, изумительное пренебреженіе, въ которомъ этотъ богъ битвъ, этотъ герой мариньянскій оставилъ сѣверныя провинціи Франціи.

Германія и Карлъ V встрѣтились лицомъ къ лицу на сеймѣ въ Вормсѣ, и вовсе не были довольны другъ другомъ. Германія увидѣ-

ла, что императоръ (вопреки своему положительному обѣщанію) привелъ съ собою испанскихъ солдатъ. А императоръ услышалъ, какъ Германія, въ видѣ опыта сопротивленія, сказала ему такое твердое Лютерово *нѣтъ*.

Первое оскорбленіе императорскаго величества! И на томъ же самомъ сеймѣ онъ потерпѣлъ еще болѣе великій позоръ: невидимый властелинъ безплодныхъ арденнскихъ пустошей вызывалъ его, какъ равный равнаго, поклялся вести противъ него смертельную войну и бросилъ ему перчатку.

Приверженцы императора выказали самую большую неблагодарность. Робертъ, какъ мы видѣли, привлекъ на ихъ сторону Секкингеа и эту армію, безъ которой одними деньгами нельзя было создать императора. Посредствомъ Роберта, Маргарита обманула и сбила съ толку рейнскихъ рыцарей, такъ что они обнажили мечъ, чтобы пріобрѣсти себѣ властителя, и какого властителя! испанца, короля инквизиціи.

На другой же день послѣ избранія императоръ все забылъ, захотѣлъ подчинить Роберта своей юрисдикціи и смѣшать его съ толпою своихъ нидерландскихъ вассаловъ. Робертъ снова сдѣлался французомъ и въ этомъ качествѣ, не спросившись ни у кого, съ тремя или четырьмя тысячами людей, смѣло пошелъ противъ имперіи и императора (мартъ 1521).

Францискъ I не былъ готовъ поддержать его. Онъ потерялъ много времени, обманываемый своимъ будущимъ зятемъ, который велъ переговоры о трехъ суиружествахъ: во Франціи, въ Англіи и въ Португаліи, занимая деньги у тестя англійскаго, чтобы заплатить тестю французскому. Онъ давалъ этому послѣднему пенсію до самаго своего избранія въ императоры (въ іюнѣ 1519). Затѣмъ онъ снялъ свою маску, завязалъ свой кошелекъ и повернулся спиной къ Франциску I-му.

Трудно представить себѣ, до чего доходила злоба и ожесточенность совѣтниковъ Карла V. Канцлеръ Гаттинара по прежнему подаетъ педантскіе и яростные совѣты, въ которыхъ онъ, схоластическимъ тономъ, опредѣляетъ причины для мира и для войны. И семь причинъ къ явру для него суть *семь смертныхъ грѣховъ*. Еще удивительнѣе то, что искусная и политичная Маргарита Австрійская отличается неменьшею запальчивостью. И она-то именно вонзаетъ въ сердце молодого человѣка пропитанную ядомъ стрѣлу, которая должна вывести его изъ всякихъ границъ благоразумія. Она сказала ему, будто бы французы выразились о немъ такимъ образомъ: *«никто, какой то королишка.»* Другіе съ душевною добротою рассказывали Карлу V о надеждѣ короля французскаго, что испанская неурядица разстроитъ слабый мозгъ молодого государя, что сынъ Іоанны Безумной пойдетъ по ней и сдѣлается сумасшедшимъ.

Независимо отъ этихъ колкостей, распря двухъ монархій была очень сложна сама по себѣ; она принадлежала къ числу тѣхъ, которые не оканчиваются пока силы противниковъ не истощатся совершенно.

Ни Франція, ни Испанія не могли допустить, чтобы Навара, дверь двухъ государствъ, открылась для непріятеля. Вопросъ не разрѣшимый, о которомъ велся тщетный споръ между Фуа и Альбретами.

Какъ Навара такъ и Фландрія была двойственна, находясь между Франціей и имперіей. Двойное разрѣшеніе допускалъ вопросъ о Миланѣ, который, по словамъ императора, былъ леннымъ владѣніемъ имперіи, а по словамъ короля, наследствомъ Валентины Висконти. И еще неразрѣшимъ былъ вопросъ о Бургундіи. Людовикъ XI постыднымъ образомъ отнялъ ее у бабки Карла V, оставленной, осиротѣвшей... На упреки по этому поводу обыкновенно отвѣчали, что если Франція взяла Бургундію, то взяла какъ свою собственность, возвращая въ свое владѣніе ленъ, неблагоразумно данный неблагодарному дому Бургундскому, который, посредствомъ Жана Безсрашнаго и его сына, ввелъ англчанъ во Францію, и убивалъ ее, свою мать, какъ могъ. Всякій даръ можетъ быть взятъ назадъ за *неблагодарность*; тѣмъ болѣе если онъ постоянно грозитъ дарителю смертью.

Изъ двухъ соперниковъ, императоръ, — король испанскій и неаполитанскій, государь Нидерландовъ и Индіи возможный наследникъ Венгрии и Богеміи, — имѣлъ владѣнія болѣе обширныя, но за то и болѣе разбросанныя. Францискъ I былъ сосредоточеннѣе въ своей, такъ хорошо округленной, Франціи, онъ пользовался большимъ повиновеніемъ, обладалъ большою властію, хотя бы даже для того, чтобы довести себя до погибели.

Преимущество, по видимому, должно было принадлежать тому изъ двухъ, кто склонитъ на свою сторону Англію. Кто успеетъ въ этомъ? Очень вѣроятно, Карлъ V. Англія существеннымъ и кореннымъ образомъ была анти-французскою націей и постоянно объявляла притязаніе на владѣніе Франціей. Вся англійская торговля была направлена къ Брюгге и Антверпену; врожденныя симпатіи ея были на сторонѣ дома Бургундскаго, который въ своемъ усердіи къ ея интересамъ доходилъ до того, что готовъ былъ жертвовать фламандскою промышленностью въ пользу возникающей промышленности англійской.

Такимъ образомъ отъ Лондона къ Антверпену потокъ былъ вновь обозначенъ и склонъ былъ очень крутъ. Напротивъ того, сблизить Англію съ Франціей, удаливъ ее отъ Нидерландовъ — было бы дѣломъ большихъ усилій, дѣломъ искусства и ловкости, невѣроятною попыткой — насильно измѣнить направленіе потока и идти противъ народныхъ наклонностей.

Французскій дворъ не терялъ надежды совершить это чудо. Францискъ I думалъ, что для этого достаточно склонитъ на свою сторону главнаго министра, всемогущаго кардинала Уолсея. Въ подаркахъ и нѣжныхъ письмахъ не было недостатка. Король любилъ только его и довѣрялся только ему. Королю хотѣлось бы, чтобы кардиналъ одинъ управлялъ въ обоихъ государствахъ. Дворъ мадридскій и брюссельскій говорилъ меньше, но дѣйствовалъ больше. Карлъ V за одинъ разъ послалъ кардиналу изъ Испаніи крупный подарокъ, состоявшій изъ семи тысячъ дукатовъ ежегоднаго дохо-

да. Но все это были только деньги, а Уольсей имѣлъ ихъ такъ много! Сердце добраго прелата всецѣло было предано вещамъ духовнымъ; онъ жаждалъ тиары, онъ хотѣлъ сдѣлаться папой. Эта мечта кардиналовъ-министровъ, которая завела такъ далеко Амвросіевъ, овладѣла и Уольсеемъ. Онъ былъ старше Льва X, но за то обладалъ лучшимъ здоровьемъ. Медичи были весь изъѣденъ язвами. Уольсей же былъ крѣпокъ и имѣлъ превосходный желудокъ для человѣка его лѣтъ. Онъ надѣялся пережить папу. Онъ рѣшилъ про себя, что должно вглянуть на двухъ соперниковъ поближе и затѣмъ склониться въ пользу того, кто лучше можетъ способствовать его планамъ. По избраніи Карла V было рѣшено, что Генрихъ VIII повидается прежде съ королемъ Франціи.

Личныя свиданія королей часто имѣютъ своимъ послѣдствіемъ не столько примиреніе взаимныхъ интересовъ, сколько возбужденіе взаимной ненависти. Франциску I слѣдовало бы остерегаться, какъ бы не затѣмнить и не раздражить того, которому онъ хотѣлъ понравиться. Генриху VIII было двадцать восемь лѣтъ, Франциску I—двадцать шесть. Соперничество въ молодости, грація и наружности, пошлое желаніе блистать предъ жепщинами, могли превратить сомнительную дружбу въ прочную и глубокую ненависть.

Но Францискъ I безпокоился именно о томъ, какъ бы, за недостатокъ денегъ не пришлось ему отойти на задній планъ, и выказать не довольно блеска. Онъ просилъ англійскаго посланника написать Уольсею, что ему хотѣлось бы знать, не благоугодно ли будетъ королю, его брату, запретить своей свитѣ дѣлать богатыя палатки, и что самъ онъ, съ своей стороны, охотно запретить то же французамъ.»

Генрихъ VIII не обратилъ на это вниманія. Надутый гордостью, онъ хотѣлъ блистать въ роли верховнаго посредника и короля колей. Въ этомъ его мысли совершенно сходились съ мыслями самой Англии. Этотъ народъ, который, при всей своей кажущейся холодности и угрюмости, дѣйствуетъ не иначе, какъ порывами, послѣ припадка ярости и войны, не менѣе яростно желалъ теперь приобрѣтенія богатства и блеска. Это было моментомъ гордости, надменности и напряженія, какъ во Фландріи во времена Филиппа Добраго.

Каковъ народъ, таковы министръ и король. Уольсей нравился именно своею безумною роскошью, даже въ вещахъ истинно смѣшныхъ. Онъ имѣлъ эксцентрическую наклонность окружать себя колоссами; чтобы угодить ему, для этого стоило только найти какого-нибудь человѣка высокаго роста и подарить его кардиналу. Онъ дѣлалъ ихъ неделями и крестеносцами и чувствовалъ дѣтское удовольствіе, шествуя, въ качествѣ римскаго легата, въ своей пурпуровой мантии, среди этихъ гигантовъ, украшенныхъ большими цѣпями изъ золота.

Призваніе французовъ въ своей бѣдности заставило Уольсея рѣшиться. Онъ вздумалъ уничтожить ихъ блескомъ англійскаго двора. Великій рыцарскій праздникъ, торжественный смотръ двухъ націй, на которомъ Генрихъ VIII явился бы въ болѣе блистательномъ видѣ, чѣмъ Генрихъ V въ Луврѣ, — былъ для кардинала вѣрнымъ сред-

ствомъ понравиться. А онъ нуждался въ этомъ. При своемъ восшествіи на престолъ, Генрихъ взялъ себѣ жену и министра. Этому прошло десять лѣтъ и нельзя было не видѣть, что оба — и жена и министръ — старѣютъ. Королева Катерина Аррагонская была испанка двѣнадцатаго вѣка, до того совершенная, что наводила тоску; мужъ не могъ къ ней приблизиться иначе, какъ ставъ на колѣни, передъ налоемъ. Она не пользовалась никакими развлеченіями исключая Золотой Легенды, которую она читала своимъ фрейлинамъ. Сверхъ того она не была ни молода, ни плодовита: она не имѣла другихъ дѣтей, кромѣ дочери (Маріи Крвожскадой). Эти десять лѣтъ отъ восемнадцати до двадцати-восьмилѣтняго возраста, Генрихъ проводилъ сперва въ упоеніи спорта, на лошади, въ этой молчаливой, но шумной жизни страстныхъ англійскихъ охотниковъ. Теперь эти забавы кончились. Генрихъ толстѣлъ и превратился въ доможда. Уольсей заставлялъ его за книгою св. Фомы; король сдѣлался меланхоликомъ, спорщикомъ, брюзгой, и становился съ каждымъ днемъ мрачнѣе.

Такъ какъ англичане хотѣли, чтобы свиданіе двухъ королей было праздникомъ, то французы устыдились своей мысли объ экономіи. Они почувствовали, что дѣло идетъ о національной чести, что надо позаботиться во что бы то ни стало, чтобы Франція не поблѣднѣла предъ тряпичнымъ золотомъ Англій. Это былъ поединокъ расточительности. При такомъ взглядѣ на предметъ всѣ, въ припадкѣ геройскаго сумасшествія, продали и заложили луга, замки, мызы, чтобы накупить разныхъ бѣздѣлокъ, бархату, атласу, дорогихъ камней, золотыхъ цѣпей, какія носили въ Англій. Дѣло было не шуточное. Франція только что упустила изъ рукъ имперію, надо было поднять себя въ общемъ мѣнѣи. Блистательный фатъ, адмиралъ Бониве, возвратясь осмѣяннымъ и одураченнымъ, изъ своего посольства по императорскому избранію, чтобы отмстить за свое пораженіе, вздумалъ затмить всѣхъ своимъ блескомъ; онъ и его братъ собрали нѣчто въ родѣ арміи изъ нѣсколькихъ тысячъ всадниковъ.

Чтобы имѣть понятіе объ этомъ праздникѣ, объ его оживленности, о духѣ соперничества, который выказался тамъ между двумя націями относительно одна другой и даже между самими французами, — должно знать настоящихъ судей, предъ которыми дѣлались эти услія. Этими судьями были дамы.

Исключимъ сперва двухъ невеселыхъ королевъ, нѣсколько заброшенныхъ, одну — набожную, другую — больную, — жсманку и французскую. Первая, со стороны англичанъ, одинокая между англичанами. Другая, королева Клавдія Французская, болѣзненная дочь болѣзненнаго Людовика XII, мало любимая, но все таки беременная. Франдискъ I только этимъ и утѣшалъ ее въ своемъ непостоянствѣ.

За исключеніемъ этихъ двухъ меланхолическихъ личностей, оба двора были блистательны. Дворъ французскій, казалось, весь состоялъ изъ цвѣтовъ. Высоко, очень высоко, возсѣдала на тронѣ оціанальная фаворитка, мадамъ де Шатобрианъ изъ царственнаго поколѣнія Фуа,

дочь знаменитаго графа Фебуса и солнце двора. Однакоже проницательные люди видѣли, что это солнце, которое блистало уже два года, не долго уже будетъ сіять. Но тѣмъ болѣе она была въ силѣ; царственный любовникъ вознаграждалъ ее такимъ образомъ за недостатокъ любви, которая уже въ немъ начинала остывать. Что ее еще поддерживало — такъ это именно ее мужъ, раздѣвнй, бѣшеный, ни мало не покорившійся своей участи, вовсе не имѣвшій никакихъ дворянскихъ чувствъ: онъ облегчалъ свое сердце мѣщанскимъ насилиемъ и ручными исправительными мѣрами, которыя заставляли ее прекрасныя глаза плакать, соперницъ ея — смѣяться, и возбуждали любовь короля.

Дворъ, раздѣленный нѣкоторое время между фавориткой и матерью, начиналъ нѣсколько склоняться на сторону послѣдней, гордой Луизы Савойской. Болѣзненная, но еще прекрасная, пылкая, страстная и чувственная, она перестала вѣтренничать; ею овладѣла любовь. Это сдѣлалось явнымъ, когда, въ день возшествія, она пожаловала шпагу конетабля юному Монпансье. Этотъ молодой человекъ, младшій въ своей фамилии, съ мрачною физиономіей и трагическимъ видомъ итальянца (по матери онъ принадлежалъ къ фамилии Гонзаговъ), женился на наследницѣ Бурбона, маленькой, горбатой и больной, которой оставалось не долго жить. Мать короля рассчитывала на это. Честолюбецъ сдѣлался конетаблемъ, поворившись ея любви; онъ даже далъ ей слово и получилъ отъ нея кольцо. Это роковое кольцо погубило его, потому что Луиза думала удержать его этимъ обязательствомъ, требовала его къ себѣ, преслѣдовала его. Она дорожила этимъ кольцомъ и, желая получить его обратно, она велѣла искать его даже въ Римѣ, на трупѣ Бурбона.

Этотъ послѣдній обманывалъ ее. Онъ имѣлъ другіе виды. Онъ вовсе не думалъ подарить короля запоздавшими братьями, женившись на савояркѣ. Онъ намѣревался жениться на французской принцессѣ, которая дала бы ему нѣкоторый видъ права на корону (по уничтоженіи салическаго закона). Въ это время были двѣ будущія королевы протестантизма, дочь Людовика XII, Ренé, которая сдѣлалась герцогиней феррарскою, и граціозная, остроумная, очаровательная Маргарита Алансонъ къ несчастію замужняя, но бывшая за мужемъ за одною изъ тѣхъ личностей, которыя какъ-будто говорятъ: «она будетъ корою».

Черезъ мать Бурбонъ, вѣроятно, рассчитывалъ приобрѣсти расположеніе дочери.

Но таково было мнѣніе этой послѣдней. Она вовсе не любила своего мужа, этого жалкаго герцога Алансонскаго. Но она громко высказывала свое презрѣніе ко всѣмъ обожателямъ и выбрала своимъ девизомъ камень съ надписью: «Non inferioga sensitus» (я не пойду ни на чѣмъ низшимъ).

Маргарита была вмѣстѣ и весела и задумчива, и это составляло ея прелесть. Погружаясь по временамъ въ море божественной любви и вѣстизма, она, однакоже, любила людей, которые смѣются. У нея

былъ веселый камердинеръ, знаменитый Маро. Она охотно заставляла говорить Бониве, такого же лгуна какимъ былъ Францискъ I в во многихъ отношеніяхъ имѣвшаго сходство съ королемъ. Бониве имѣлъ дерзость сдѣлаться соперникомъ конетабля. Онъ выстроилъ замокъ противъ замка Бурбона, и видя, что тотъ ухаживаетъ за Маргаритой, не преминулъ и самъ влюбиться въ нее. Маргарита смѣялась надъ нимъ. Бониве, привыкшій къ приступамъ, къ рѣшительнымъ ударамъ, къ легкимъ побѣдамъ солдата, рискнулъ на дѣло очень глупое и не совсѣмъ честное. Онъ пригласилъ дворъ къ себѣ, и вечеромъ, когда герцогиня спокойно лежала въ постели, въ опускной двери ея спальни показалась голова. Это былъ Бониве. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ герцогиня была спасена во-время. На кого нибудь другаго король разсердился бы, но надъ Бониве онъ только посмѣялся.

Бурбонъ, менѣе веселый, былъ окруженъ только такими людьми, которые охотно обрѣзали бы уши Бониве. Обѣ партіи находились лицомъ къ лицу на глазахъ короля. Иногда происходили беспорядки. Одинъ дворянинъ изъ свиты Вурбона, Померанъ, вздумалъ угодить ему, убивъ челоуѣка, принадлежащаго къ противной партіи.

Свиданіе, о которомъ велись переговоры уже восемнадцать мѣсяцевъ, произошло 7 июня 1520 года. Оба короля — Францискъ и Генрихъ прибыли въ одно время на два холма, между которыми течетъ небольшая рѣчка. Два двора, въ видѣ двухъ густыхъ массъ, похожихъ на двѣ небольшія арміи, остались на возвышенностяхъ, а ихъ короли спустились внизъ. Францискъ I-й ѣхалъ верхомъ; конетабль де Вурбонъ несъ предъ нимъ королевскую шпагу. Генрихъ VIII, увидавъ его издали, счелъ нужнымъ послѣдовать тому же примѣру, и велѣлъ предъ собою нести шпагу Англіи.

Два короля встрѣтились и дружески поцѣловались.

Проницательный взглядъ Генриха замѣтилъ лицо того, кто несъ шпагу предъ королемъ Франціи. Онъ узналъ, кто это и сказалъ Франциску: «Если бы я имѣлъ такого подданнаго, то не долго бы оставялъ его голову на плечахъ».

Былъ устроенъ великолѣпный пиръ. Англичане съ полнымъ радужіемъ угощали французовъ виномъ и закусками. За тѣмъ Генрихъ принялъ изъ рукъ чиновниковъ трактатъ дружественнаго союза, гдѣ между прочимъ былъ сохраненъ ему титулъ короля Франціи. Онъ вѣжливо пропустилъ его, говоря: «это—ложь».

На другой день устроено было ристалище, которое заняло всю долину: девять сотъ шаговъ въ длину и триста въ ширину. На концѣ стояли деревья изъ золотой парчи съ листьями изъ зеленого шолка. На нихъ висѣли гербы двухъ королевствъ, братски соединенныхъ въ этотъ день между собою. Кругомъ стояли безчисленныя подмостки для дамъ и для дворянства. Далѣе, тамъ и сямъ, красовались павильоны, импровизированные дворцы, отличавшіеся невѣроятною роскошью. Стѣны ихъ, потолки, кровли были сдѣланы изъ самыхъ дорогихъ тканей. Англіійскій дворецъ представлялъ настоящее чудо: онъ весь

состоялъ изъ оконъ; это былъ сіяющій Виндзоръ, который принималъ и отражалъ солнечные лучи множествомъ своихъ кристалльныхъ стеколъ.

9 июня открылся турниръ, на которомъ Францискъ I выказалъ свою грацію и силу. Генрихъ, тоже обладавшій силой и сангвиническимъ темпераментомъ, черезчуръ увлекся турниромъ; онъ забылъ что это—забава и нанесъ такой ударъ копьемъ своему несчастному противнику, что тотъ не шевелился болѣе. Его подняли. Лошадь Генриха VIII тоже пострадала. Она издохла въ ту же ночь.

Политики, устроившіе свиданіе по образцу разсказовъ объ Италіи, о временахъ Цезаря Борджіи или о смерти Жана Безстрашнаго приняли необыкновенныя и смѣшныя предосторожности. Король былъ умѣе. Не сказавъ никому ни слова, онъ, однажды утромъ, надѣваетъ испанскій плащъ, вскакиваетъ на лошадь и ѣдетъ къ англійскимъ пикетамъ. Тамъ было двѣсти стрѣлковъ. «Вы взяты, говоритъ онъ, я дѣлаю васъ моими плѣнниками. Ведите меня къ королю. — Онъ спитъ».—Францискъ ѣдетъ далѣе, стучитъ въ дверь Генриха, входитъ. Велико было изумленіе англійскаго короля. «Вы имѣете полное основаніе выказывать такое довѣріе ко мнѣ. Я вашъ, и слаюсь вамъ». Съ этими словами онъ даетъ французскому королю богатое ожерелье. Францискъ отвѣчаетъ браслетомъ, который стоитъ вдвое дороже, говоря: «Я буду вашимъ камердинеромъ», и хочетъ грѣтъ ему рубашку.

Эта выходка подвинула дѣла гораздо болѣе, нежели десять лѣтъ дипломатическихъ переговоровъ. Она не понравилась только Уольсею, Дюпра, наставникамъ двухъ королей, привыкшимъ держать ихъ подъ своею педантской ферулой. Она тронула англичанъ, которые любятъ великодушныя поступки. Она ставила два народа на почву здраваго смысла и истинно политичнаго братства, которые были согласны съ ихъ важнѣйшими интересами.

Въ Англій было двѣ политики: одна, болѣе молкая, совѣтовала ей быть въ союзѣ съ Нидерландами, отъ которыхъ Англія приобрѣтала желочья барыши ежедневной коммерціи, торгуя шерстью и кожей. А болѣе крупная политика совѣтовала ей союзъ съ Франціей противъ испанскаго короля, опаснаго для независимости всѣхъ, естественнаго (какъ испанца) врага спасительнаго переворота, который долженъ былъ поддержать государство секуляризацией церковныхъ имущества.

Испанецъ былъ общимъ врагомъ, и другаго общаго врага не было.

Нѣкоторое время два народа и два короля были между собою въ отношеніяхъ самой искренней дружбы. Препятствіе съ обѣихъ сторонъ представляли кардиналы-министры Уольсей и Дюпра, которые, естественно, толковали своимъ государямъ, что скорѣе слѣдуетъ чтонибудь приобрѣтать отъ церкви, чѣмъ наследовать ей. Франція послушалась Дюпра и продолжала выпрашивать и выжимать у папы деньги. Англія устранила Уольсея и энергически вступила на широкій путь финансовой и религіозной реформы.

Это счастливое освобожденіе Англій, которое относятъ, обыкновенно, къ 1527 г. по моему мнѣнію должно быть отнесено къ 1520, т. е.

ко времени свиданія въ Лагерѣ золотой парчи и дружескихъ визитовъ двухъ королей къ королевамъ. Англійскій дворъ и жена Генриха VIII любили королеву Клавдію, дочь Людовика XII, которая была такъ же добра, какъ и ея отецъ. При своемъ посѣщеніи, англійскій король нашолъ ее среди этого прекраснаго вѣнка изъ дамъ и дѣвицъ. Неужели онъ былъ такъ слѣпъ, что не замѣтилъ самой молодой и очаровательной изъ нихъ? Неужели королева забыла сказать ему, что эта четырнадцатилѣтняя дѣвушка, прекрасная, остроумная, граціозная, очень развитая, очень образованная, была его подданная? Это мнѣ кажется невѣроятнымъ.

Я рѣшительно утверждаю, что добрая королева должна была сдѣлать комплиментъ королю, сказавъ при представленіи всѣхъ этихъ дамъ: «что касается до этой, она — мой перлъ, это англичанка».

Миссъ Анна Болейнъ, родившаяся около 1507 г. происходила отъ одной очень древней фамиліи, которая принадлежала къ высшему сословію муниципальныхъ гражданъ и которой многіе приписываютъ французское происхожденіе. Дѣдъ ея былъ лондонскимъ лордъ-меромъ и принялъ жаркое участіе въ революціи Ричарда III. Отецъ ея, сэръ Томасъ Болейнъ, менѣе пылкій, но болѣе ловкій, былъ посломъ Генриха VIII въ Германіи, въ Испаніи, во Франціи. Она была привезена во Францію въ шестилѣтнемъ возрастѣ, молодою сестрою Генриха VIII, женою Людовика XII, которая, скоро переставъ быть королевой, отдала ее на воспитаніе новой королевы, Клавдіи, жещѣ Франциска I (1515), когда же Клавдія умерла, то Анна перешла въ руки сестры короля. Такіе счастливые переходы должны были много способствовать къ развитію этой очаровательной дѣвушки. Королева Клавдія была олицетворенною добродѣтелью, а дворъ Маргариты — ученый, утонченный, деликатный — былъ убѣжищемъ мысли и истиннымъ храмомъ ума.

Яростный клеветникъ Анны Болейнъ, Сандеръ и другіе признаются, что эта ужасная дѣвушка имѣла восхитительную талию, красивый ротъ съ тонкими губами, какую то особенную грацію во всѣхъ своихъ движеніяхъ, и обладала самою очаровательною веселостію. Все, что они могутъ сказать противъ нея справедливаго, состоитъ въ томъ, что цвѣтъ ея лица рано получилъ матовую и болѣзненную блѣдность. «А сколько скрытыхъ недостатковъ! — говорятъ они. Подъ ея перчаткой скрывалась рука съ шестью пальцами, на шеѣ у нея былъ зубъ; поэтому-то она носила платья съ высокимъ лифомъ, не такъ какъ англійскія дамы, которыя не затрудняются выказывать свою грудь». Такимъ образомъ изъ скромности ея они выводятъ заключеніе, что она была уродомъ.

Мы будемъ имѣть болѣе ясное понятіе объ ея наружности, если взглянемъ на ея портретъ въ собственномъ смыслѣ и на другой ея портретъ — дочь ея.

Королева Елисавета, которая была похожа на нее въ худомъ, помогаетъ однако же понять эту фамилію и расу. Въ превосходныхъ сохранившихся портретахъ ея насъ поражаетъ мелкость чертъ, которая ни мало не придаетъ благородства. Анна Болейнъ имѣла малень-

ий ротъ, у Елисаветы онъ почти незамѣтенъ; но оны, очевидно, сердитъ и крикливъ. Племя смѣшанное, полу-нѣмецкое, полу-дворянское. За то эти фамилии обладаютъ способностью къ дѣламъ.

Парадный портретъ Анны, сдѣланный Гольбейномъ и сохранившійся въ Луврѣ, представляетъ намъ эту женщину, столь живую, заключенною и обрамленною во всё тяжолыя драгоценности англійской короны. Взглянувъ на этотъ нарядъ, на эту неподвижность, вы бы подумали, что это какой нибудь восточный идолъ. Но все это поддѣльно. Можно угадать по глазамъ сдержанную живость. Черты—богѣ прекрасны, чѣмъ пріятны, потому что улыбка съ нихъ исчезла. Въ этой королевѣ, сидящей на тронѣ въ принужденной позѣ, вы вполне видите внучку лорда мѣра. Что въ ней есть королевскаго, привлекательнаго, изящнаго, очаровательнаго,—такъ это именно то, что Сандеръ называетъ чудовищнымъ, — лебединая шея, тонкая и нѣжная, которая (по выраженію самой Анны Волейтъ) не надѣваетъ большихъ хлопотъ палачу.

Не такова была эта личность въ Лагерѣ золотой парчи, въ первомъ цвѣтѣ своей молодости. Не таковы были цвѣтъ лица, свѣжій голосъ, веселость дѣвочки, смѣхъ, дозволенный въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ, при снисходительности королевы къ молодой иностранкѣ, которую тѣмъ болѣе нужно было баловать; первый смѣхъ, образующій на щекахъ ямочки, при взглядѣ на которыя зритель удивляется дѣтской граціи, между тѣмъ какъ часто его сердце неожиданно бываетъ поражено невинною молніей глазъ.

Генрихъ VIII, постоянно окруженный самыми прекрасными женщинами въ ширѣ, не имѣлъ однакоже дурныхъ помысловъ; онъ постоянно возвращался къ своей женѣ, къ своему св. Томѣ. Но что сдѣлалось съ нимъ съ того дня, когда это дитя двухъ націй плѣнило его французскою граціозностью? Одна улыбка молодой дѣвушки могла спасти Европу.

Съ этого дня Генрихъ VIII, сталъ чувствовать себя въ дурномъ расположеніи духа. Все шло худо. Вѣтеръ сыгралъ съ нимъ плохую штуку: онъ снесъ и разбилъ его кристалльный домъ. Французскій король, безъ всякаго намѣренія съ своей стороны, затѣвалъ и уничтожалъ его. Въ сотнѣ незамѣтныхъ мелочей онъ бралъ подъ нимъ верхъ предъ женщинами. Генрихъ былъ еще очень хорошею собою въ двадцать восемь лѣтъ. Но его глаза, сжуженные его полными щеками, казались маленькими. Ему грозилъ преждевременная лордность, этотъ бичъ англійскихъ красавицъ. Кто-то глупо сказалъ, что два короля одинаковаго роста и потому одно и то же платье будетъ впору имъ обоимъ. Они помѣнялись. Генрихъ VIII взялъ платье Франциска, но надѣлъ его съ трудомъ, рискуя разорвать его. Правда, на турнирѣ онъ выказалъ силу, но не отличился граціей, и тѣмъ несчастье наноситъ слишкомъ сильные удары. Онъ опять взялъ верхъ въ стрѣльбѣ изъ лука, этомъ національномъ упражненіи англичанъ, съ гордостью владѣющихъ оружіемъ Азинкурта. Въ борьбѣ англичане тоже остались побѣдителями. Это нехорошее

упражнение, — въ которомъ побѣжденный возбуждаетъ смѣхъ въ зрителяхъ своимъ паденіемъ, всегда унижительнымъ, — по словамъ очевиднаго свидѣтеля, происходило *предъ дамами*. Можно было предвидѣть, что дѣло не обойдется безъ запальчивости. Генрихъ VIII взялъ Франциска I за воротъ и сказалъ: «будемъ бороться.» Безъ сомнѣнія онъ считалъ себя болѣе сильнымъ. Францискъ былъ не такъ тяжелъ и болѣе ловокъ. Что сдѣлалъ бы политикъ на его мѣстѣ? Онъ бы отказался или бы упалъ. Францискъ не былъ политикомъ; онъ забылъ о дѣлѣ свиданья. Онъ думалъ только о томъ, что *скажутъ*, думалъ о женщинахъ — и, подставивъ ногу, повалилъ своего противника на землю.

Ничтожное, но роковое событіе, которое имѣло неисчислимые послѣдствія. Придворные, ихъ окружавшіе, которые должны бы помѣшать этой глупости, сдѣлали еще большую глупость. Они розняли ихъ, стали упрасивать и уговорили Генриха, униженнаго и раздраженнаго, не вступать въ новую борьбу, которою онъ желалъ поправиться. Онъ остался раздосадованнымъ и озлобленнымъ.

Месса, которую отслужилъ Уольсей двумъ королямъ, едра ли успокоила Генриха. Два короля разстались холодно. Генрихъ VIII отправился прямо въ Гревелингенъ, гдѣ его ожидалъ Карлъ V, который уже въ другой разъ свидѣтельствовалъ свое почтеніе ему и Уольсею. Еще до свиданія, происшедшаго въ Лагерѣ золотой парчи Карлъ предупредилъ ихъ прїѣздомъ въ Дувръ, и плѣнилъ ихъ своею скромностью и почтительностью. Его двадцатипятилѣтній возрастъ позволялъ ему, подъ предлогомъ молодости, быть почтительнымъ, не будучи чрезъ это ни низкимъ, ни смѣшнымъ. Впрочемъ, ему все было ни о чемъ, какъ скоро дѣло шло о его выгодахъ. Въ Испаніи, чтобы понравиться Жерменѣ де Фуа, вдовѣ своего дѣда и получить отъ нея права на Навару, онъ говорилъ съ нею на колѣняхъ. Такимъ же образомъ онъ унижался передъ англійскимъ легатомъ, почтеннымъ кардиналомъ; онъ понравился и заслужилъ милость у этого сына шпсвикскаго мясника. Генрихъ VIII былъ очень доволенъ, что Карлъ ниже его ростомъ; что наружность его посредственна; что онъ одѣтъ очень просто, въ черное; что онъ оставляетъ ему всѣ преимущества, что, по его словамъ, онъ не желаетъ никакого другого судьи, кромѣ англійскаго короля, на приговоръ котораго онъ заранѣе соглашается. Съ другой стороны Уольсей былъ доволенъ Карломъ, потому что этотъ послѣдній выдался съ королемъ не иначе, какъ чрезъ него; не думалъ, подобно Франциску I, завязывать съ нимъ личную дружбу; и нисколько ни обманывался насчетъ дѣйствительнаго короля Англїи, которымъ былъ Уольсей. Впрочемъ, кто имѣлъ наиболѣе шансовъ къ вліянію на предстоявшемъ конклавѣ? Австріецъ, который обладалъ Неаполемъ, который тѣснилъ Римъ съ двухъ сторонъ, который, посредствомъ Германіи, Нидерландовъ, Испанїи, Сициліи и прочихъ своихъ владѣній въ Италїи, держалъ въ своихъ рукахъ весь церковный міръ. Это, по всей вѣроятности, былъ будущій создатель папъ. Въ чью же пользу онъ употребитъ свое вліяніе,

если не въ пользу своего дорогаго покровителя, своего добраго отца, англійскаго легата?

Этимъ рѣшался вопросъ. Уольсей, необъяснившись съ своимъ государемъ, но, полагаясь на его дурное расположеніе духа, убѣдилъ его принять роль судьбы, когда онъ самъ былъ уже однимъ изъ тяжущихся, злобныхъ и недоброжелательныхъ. Посредничество вѣроломное, въ которомъ Уольсей приготовился разыгрывать длинную комедію, до того дня, когда его пристрастіе, вдругъ разоблаченное, могло бы нанести смертельный ударъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Война. — Реформа. — Маргарита. — 1521 — 1522.

Люди любопытные относительно будущаго, боязливые и суевѣрные, видѣли съ ужасомъ, что, при этомъ свиданіи въ Лагерѣ золотой парчи, Францискъ I на одной изъ своихъ одеждъ носилъ перья ворова, а на другой девизъ, святотатственно заимствованный изъ *Libera*, службы по умершихъ. Зачѣмъ этотъ веселый государь среди шумныхъ праздниковъ носилъ съ собою эту молитву *объ освобожденіи*? Онъ разыгрывалъ роль плѣнника, отдался англичанамъ, повторяя, ради забавы, плѣнъ короля Жана. Игра неблагоразумная, — какъ говорили, — неприличная, которая огорчила его подданныхъ; такъ что *Отважный* (Флѣранжъ) рѣзко сказалъ ему съ своею нѣмецкою грубостью: «Государь вы—сумасшедшій».

1521 годъ, въ январѣ, въ день Боявленія, отвѣтилъ на эти предзнаменованія. *Бобовый* король чуть не проломилъ голову королю Франціи. Францискъ, съ толпою молодыхъ повѣствъ, забавлялся осадомъ отеля, откуда производилась стрѣльба яблоками, яйцами, и снѣжными ядрами. Осажденные, по недостатку снѣга, стали бросать головнями; король получилъ жестокую рану. Увѣряютъ, что человекъ, сдѣлавшій эту неловкую штуку, былъ Монгомери, отецъ знаменитаго протестанта, который, на турнирѣ св. Антонія, вонзилъ свое копье въ голову Генриха II.

Лѣтописецъ привѣтствуетъ этотъ мрачный годъ, которымъ начнутся два вѣка войны, слѣдующими словами: «Тогда началось время слезъ и скорбей.»

Продолжительное соперничество домовъ французскаго и австрійскаго раздѣляется на два акта, необыкновенно длинные. Первый тянется до Генриха IV (трактатъ 1598), второй до смерти и ужаснаго банкротства Людовика XIV (1715). Франція много разъ была какъ будто выбрита. Одинъ экономистъ увѣряетъ, что съ конца шестнадцатаго вѣка она заплатила вдвое или втрое больше, нежели имѣла; что ея пожертвованія были далеко выше ея средствъ. И какимъ образомъ совершилось это чудо? Она постояннымъ трудомъ вознаграждала опустошенія, производимыя этимъ постояннымъ грабительствомъ.

Вѣгатство восполнялось; но люди, но жизнь людей? Увы! никто не можетъ вознаградить эту потерю. На мѣсто ихъ являются другіе, но

совершенно на нихъ не похоже. Безчисленные поколѣнія были поглощены этою бездной распрей между королями. Остатки отъ этихъ европейскихъ кровопролитій, хромые, безрукіе, параличные, жалкіе калеки, покрываютъ Францію нищими во времена Генриха IV. Что сказать о концѣ царствованія Людовика XIV? Для помѣщенія нѣкоторыхъ изъ этихъ живыхъ развалинъ, была построена богадельня, и надъ этою массой нищеты воздвигнуть золотой куполъ. Монументъ огромный, великолѣпный, но все таки далеко недостаточный для того, что онъ долженъ бы вмѣщать въ себя! Нельзя пройти возлѣ этого купола не покачавъ грустно головою. Башня мертвыхъ! Подымайся, ширься, возносься выше, — ты, которая воображаешь, что дала убѣжище остаткамъ отъ такого множества армій!.. Суетная гробница Франціи!.. Твоя вершина достигла бы до небесъ, если бы ты въ самомъ дѣлѣ представила собою чудесное соединеніе всѣхъ погибшихъ народовъ, на развалинахъ которыхъ ты воздвигнута.

Въ мартѣ 1521 г. Робертъ де ла Маркъ съ слѣпымъ увлеченіемъ началъ войну. Послѣ своего вызова въ Вормсѣ, онъ осмѣлился вторгнуться въ имперію. Это было смѣшно, но въ сущности нисколько не нелѣпо. Незначительный герцогъ Гельдернскій пятьдесятъ лѣтъ смѣялся надъ Нидерландами, надъ имперіей и надъ императоромъ. Робертъ подблгъ прежде Секкингена и рейнскихъ дворянъ на службу Карла V. Теперь онъ думалъ ихъ увлечь на сторону Франциска I. Уже одной приманки грабежа, при серьезномъ вторженіи въ тучныя земли Нидерландовъ, было бы достаточно для этого. Весь воинственный народъ ланцинехтовъ собрался бы подъ прибыльнымъ знаменемъ Гельдерна или Кабана, противъ которыхъ Маргаритѣ Австрійской, правительницѣ Фландрій, было бы очень трудно защищаться. Этотъ романъ былъ до такой степени въ духѣ Флѣранжа, сына Роберта, что онъ имѣлъ безразсудство объявить Маргаритѣ, что онъ, — не знаю на какомъ основаніи, — есть господинъ и владѣлецъ Люксембурга, и отнынѣ запрещаетъ императору имѣть на него какія бы то ни было притязанія.

У Карла V не было ни копѣйки и никакой арміи. Но онъ имѣлъ опору въ кардиналѣ Уольсеѣ. Одно слово, подписанное этою рукою, остановило все и напугало Франциска I-го. Французскій король побоялся потерять дружбу Генриха VIII, и отозвалъ обратно свору, которая начала уже охоту и держала дичь въ зубахъ.

Вотъ первый плодъ англійскаго посредничества и этой роковой дружбы.

Робертъ, по словамъ Франциска I, не принадлежалъ ему и дѣйствовалъ независимо отъ него. Везъ него такъ же дѣйствовалъ въ Испаніи ограбленный король наварскій. Это была война безъ войны. Впрочемъ трактатъ 1516 г. допускалъ ее въ такомъ видѣ. Испанцы и французы могли рѣзать другъ друга въ Наварѣ, не переставая быть задушевными друзьями. Братъ мадамъ де Шатобрианъ предводительствовалъ французами. Годомъ раньше, нашествіе, встрѣтивъ революцію Коммунеросовъ въ ея первомъ пылу, имѣло бы важныя резуль-

теты. Начатое такъ поздно, оно проназвало совѣтъ противное дѣйствіе. Такъ какъ революція не удалась, то всѣ воспользовались этимъ случаемъ оставить ее, доказать свою вѣрность, обратиться противъ французовъ. Они поставляли свою честь въ томъ, чтобы бить людей, пришедшихъ къ нимъ на помощь. Леспаръ былъ побѣжденъ и убитъ (30 июня 1521).

Другой братъ любовницы короля, Лотрекъ, велъ итальянскую войну. Это была влачевная война, легкомысленно начатая Львомъ X, который хотѣлъ округлить свои владѣнія на счетъ того или другаго, переговаривался съ обоими, обѣщая имъ свой союзъ. Флоренція, находившаяся у него въ зависимости, увѣряла французскаго короля будто бы ея банкиры будутъ держать для него въ готовности 400 тысячъ эку, для жалованья арміи, но ничто не было выполнено. Лотрекъ, растерявшійся, пріѣхалъ сказать, что безъ этихъ денегъ все погибло, что армія растаетъ въ его рукахъ. Онъ не положился на короля; онъ добился слова отъ королевы—матери, отъ людей управляющихъ финансами, отъ стараго казначея Самбланса, человѣка вѣрнаго и уважаемаго. Эти лица сказали ему: «Поѣзжайте, вы найдете деньги въ Миланѣ. Если итальянскихъ денегъ не будетъ, Лангедокъ восполнить этотъ недостатокъ». Еще неуспокоенный этимъ, Лотрекъ потребовалъ клятвы. Королѣва-мать и казначей поклялись безъ отговорокъ. Онъ пріѣзжаетъ — касса пуста. Въ бѣшенствѣ и отчаяніи, Лотрекъ выигралъ нѣсколько минутъ ужаснымъ средствомъ. Если онъ не имѣлъ денегъ, то у него были судьи. Онъ велѣлъ судить и конфисковать. Но,—какъ часто случается, когда начинаютъ брать на счетъ этой кассы, наполняемой смертью,—онъ взялъ себѣ участника, предоставивъ конфискацію брату. Онъ не имѣлъ успѣха, какъ того заслуживалъ, упустилъ благоприятные случаи, потерялъ армію, которая разсѣялась, потерялъ Миланъ, который сдался, потерялъ миланскія земли. Ему удалось бѣжать на венеціанскую территорию.

Вслѣдствіе плаксивыхъ жалобъ Лотрека, собраны были свѣдѣнія. Итальянскихъ денегъ въ наличности не оказалось, потому что деньги, обѣщанныя французскому королю, флорентинскіе банкиры отдали императору. Францискъ велѣлъ захватить въ Парижѣ флорентинскія кассы и этимъ только подорвалъ свой кредитъ.

Что касается до денегъ лангедокскихъ, которыя гарантировалъ Самбланс, то онѣ были получены, но кѣмъ? матерью короля. Въ этомъ крайномъ и ужасномъ кризисѣ, корыстолюбивая Луиза Савойская, не довольствуясь двумя или тремя провинціями, съ которыхъ она получала доходы, брала свои пенсіоны съ строжайшею точностью. Кромѣ того она находила особенное удовольствіе, необыкновенную прелесть въ томъ, чтобы заморить Лотрека голодомъ, вставить его потерпѣть неудачу и, можетъ быть, покончить (цѣною великаго общественнаго бѣдствія) съ этою Шатобрианъ, любовницею, которая висѣла уже на волоскѣ.

Расточительный Францискъ I былъ жестоко наказанъ. Всѣ маленькіе ресурсы, добываемые посредствомъ изобрѣтенія должностей, по-

степенно растроченные и оставившіе за собою возрастающую массу жалованій и пенсіоновъ, ничего уже не значили сравнительно съ безчисленными нуждами, и съ этою зяющей и бездонной пастью нескончаемой войны. Король какъ будто проснулся, протеръ глаза, и вспомнилъ о существованіи Франціи. Онъ взялъ перо и бумагу, и имѣя ничего другаго, и написалъ ордонансъ, повелѣвавшій, чтобы во Франціи немедленно явились четыре арміи.

Бониве взявъ то, что осталось отъ Леспара, съ прибавкою нѣсколькихъ волонтеровъ; направился къ Пиренеямъ и захватилъ Фонтараби. Самъ король долженъ былъ охранять сѣверъ. Но онъ былъ одинъ. Онъ не имѣлъ ни одного солдата. Чтобы собрать кое-какое войско, для этого нуженъ былъ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ времени. Вааръ далъ этотъ мѣсяцъ Франціи. Онъ заперся въ Мезьерѣ съ нѣсколькими дворянами. Вступивъ туда, они увидѣли, что они не укрѣплены. «Эхъ, господа!—сказалъ имъ Вааръ,—если бы мы были на лугу, окруженный ровомъ въ четыре фута, то дрались бы цѣлый день. Здѣсь же мы будемъ держаться цѣлый мѣсяцъ».

Императорская канонада гремѣла съ двухъ сторонъ, брабанты, подъ предводительствомъ Нассау, стрѣляли изъ-за Мааса, а нѣмцы Секкингена, переправленные чрезъ рѣку, были къ Франціи ближе. Секкингенъ былъ тамъ противъ воли, работая надъ тѣмъ, чтобы создать себѣ господина, болѣе абсолютнаго и суроваго. Дѣло Роберта де ла Марка давало Секкингену понятіе о благодарности, какой онъ долженъ ожидать. Вааръ, который зналъ все это, написалъ письмо, какъ будто къ Ламарку, что къ нему идетъ двѣнадцать тысячъ швейцарцевъ; что они пройдутъ по трупу Секкингена, котораго Нассау поставилъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ; что онъ, Вааръ, сожалѣетъ объ этомъ, зная что Mein Herr Секкингенъ — честный человекъ, который опять перешолъ бы на сторону короля. Письмо было схвачено на аванпостахъ, какъ это и предвидѣлъ Вааръ. Секкингенъ и его нѣмцы подумали, что Нассау въ самомъ дѣлѣ поставилъ ихъ тамъ на убой. Они ушли; съ знаменами и барабанами впереди, они переправились чрезъ Маасъ и присоединились къ имперцамъ. Нассау хотѣлъ остановить ихъ. Они приняли противъ него оборонительное положеніе, ворча, какъ медвѣди. Вааръ видѣлъ все и помиралъ со смѣху. На другой день оба отряда ушли, но ушли въ большой ссорѣ, ни Нассау, ни Секкингенъ не желали стоять лагеремъ вмѣстѣ.

Между тѣмъ пришло къ королю съ своими жандармами, швейцарцами, и съ множествомъ вновь набранныхъ войскъ. 22 октября (1521) онъ стоялъ уже противъ непріятели.

Но прежде всего намъ должно взглянуть, какимъ образомъ происходила другая битва, битва дипломатическая, въ Кале, — турниръ интриги и хитрости, гдѣ великій другъ Франціи, Уольсей, былъ судьейю лагеря, стараясь погубить французовъ. Между тѣмъ императоръ подвигался къ сердцу Франціи. Англія вооружала свои корабли.

Притязанія Карла V были непостижимы. Онъ хотѣлъ, чтобы ему отдали Вургундію, Йону, чтобы его придвинули на тридцать лѣ къ

Парижу; чтобы ему отдали Сому, Перонь, который съ сѣвера, то же въ тридцати льѣ, прикрываетъ столицу. Это былъ трактатъ, который Карлъ Смѣлый заставлялъ плѣннаго короля подписать въ перонской башнѣ.

Акты конференціи, писанные самимъ канцлеромъ Гаттинароу пзумляютъ, приводять въ негодованіе, выказывающоюся въ нихъ дерзостью имперцевъ. Никогда деревенскій учитель не бранилъ своихъ несчастныхъ учениковъ болѣе надменнымъ тономъ, чѣмъ педантическій австріецъ — пословъ Франціи. Онъ не удостоивалъ даже скрывать мысль о раздробленіи ея. Имперцы просто на-просто желаютъ смерти Франціи. Отцеубійственныя наклонности Бургундскаго дома поднимаются вновь съ бѣшеною силой. Онъ оспариваетъ у Франціи все: Дофинне и Провансъ, какъ *землю имперіи*; Шампань, какъ древнюю *прибавку къ наварской коронѣ*; Лангедокъ, какъ *принадлежность короны арагонской!* Для скорѣйшаго окончанія дѣла, Гаттинара напоминаетъ, что Людовикъ XII былъ лишонъ всего своего королевства приговоромъ Юлія II.

Нужно ли говорить, до какой наглости доходила эта горячность? Когда канцлеръ Франціи сказалъ: «относительно этого пункта, я ручаюсь моею головою...» Гаттинара возразилъ: «я предпочелъ бы голову свиньи». Низкія оскорбленія, которыя французы переносили терпѣливо!

Кардиналъ-посредникъ до такой степени любилъ миръ и былъ другомъ французовъ, что онъ, бѣдняжка, *несмотря на изнуравшую его лихорадку*, рѣшился отправиться къ императору въ Брюгге, и сдѣлать послѣднее усиліе въ ихъ пользу. Тамъ онъ имѣлъ окончательное совѣщаніе съ Карломъ V и доброю тетушкой Маргаритой, которая, добившись отъ французовъ нейтралитета для своего Франш-Конте, сговорила въ то же время съ Уольсеемъ о нанесеніи Франціи, озабоченной вторженіемъ нѣмцевъ, жестокаго, рѣшительнаго удара, посредствомъ вторженія англичанъ.

Все это не было въ такой степени тайнымъ, чтобы не дойти до слуха министровъ Франциска I-го. Они сдѣлали подъ рукой заемъ и дали большую сумму денегъ герцогу Альбани, родственнику шотландскаго короля. 30 октября герцогъ переправился чрезъ море; парламентъ призналъ его опекуномъ молодого короля, Іакова V и сдѣлалъ его участникомъ въ опекѣ, которая до сихъ поръ была безраздѣльно въ рукахъ матери ребенка, сестры англійскаго короля. Генрихъ завопилъ. Ему отвѣчали, что нельзя удерживать шотландца, который не есть подданный короля.

Это было 30, а 22, побѣдитель, котораго яростный Гаттинара напустилъ на Францію во имя Вожіе, этотъ завоеватель, Карлъ V, бѣжалъ, едва имѣя у себя двѣсти всадниковъ. Между Камбре и Валансьеномъ король съ одной стороны и Нассау съ другой столкнулись носъ къ носу. Молодой императоръ, находясь въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ, не обнаружилъ ни малѣйшаго любопытства. Онъ остался въ городѣ. Противъ Нассау, который былъ измученъ и уже не могъ вести борьбу, стояли французскія войска, со-

верденно свѣжид и желавшія сражаться. Но король рассудилъ, что армія новобранцевъ должна быть достаточно счастлива уже тѣмъ что предъ нею бѣгутъ старыя нѣмецкія войска Нассау и Секкингена.

Его обвиняли въ томъ, что онъ, въ виду такихъ опустошеній, не отступилъ за нихъ. Села пылали, все было разграблено. Ужасныя войны Карла VI, казалось, возобновились. Но народъ тоже началъ заражаться воинственнымъ духомъ. Онъ сдѣлался смѣлѣе. Даже женщины вспомнили о Жаннѣ д'Аркъ. Въ Ардрѣ одна старуха взяла копье, бросилась къ укрѣпленіямъ и дралась такъ хорошо, что осаждающіе дождемъ падали предъ нею со стѣнъ въ ровъ.

Народъ хорошо дѣлалъ, что защищался самъ, потому что король не защищалъ его. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ крѣпости,—вотъ и все. Села были оставлены.

Каковы были чувства народа, такъ жестоко оставленнаго на произволъ судьбы? Объ этомъ мы не находимъ ни одного слова у писателей того времени. Однако же съ этимъ именно вопросомъ обращается здѣсь ко мнѣ читатель; это именно онъ хочетъ знать. Народъ! что чувствовалъ народъ?

Чтобы понять его чувства, для этого было бы достаточно вѣчной исторіи, почерпнутой изъ сердца и здраваго смысла. Но мы имѣемъ на этотъ счетъ указанія еще другой исторіи, состоящая въ косвенныхъ намекахъ, открываемыхъ то тамъ то сямъ, въ словахъ какого-нибудь случайнаго свидѣтеля, въ какомъ нибудь письмѣ, стихотвореніи, въ какой нибудь эпитафій, или въ позднѣйшей легендѣ, которая отъ свѣтлыхъ временъ обращается къ темной, прежде немаятственной намъ эпохѣ.

Первыя указанія мы видимъ въ Journal du Bourgeois de Paris (изд. въ 1854 г. стр. 110, 120) и въ нѣкоторыхъ очень сухихъ строкахъ Мартена дю-Велѣ.

Въ январѣ 1522 г. король созвалъ въ Парижѣ національный соборъ, для преобразованія французской церкви и полученія помощи отъ духовенства. Въ февралѣ онъ издалъ приказъ о возобновленіи существовавшаго при Карлѣ VII и Людовикѣ XI войска стрѣлковъ (francs archers), но въ числѣ только *двадцати четырехъ тысячъ*, для помощи въ войнахъ и занятія Гюйены и Пикардій. Замѣчательная недовѣрчивость!

Въ томъ же самомъ февралѣ король, лично являсь въ парижскую ратушу, а потомъ въ руанскую, объяснилъ городскимъ главамъ старшинамъ и нотаблямъ свою нужду. Парижъ, у котораго онъ просилъ о содержаніи пятисотъ солдатъ, потребовалъ времени подумать объ этомъ,—родъ вѣжливаго отказа, въ которомъ явно проглядывала ненависть парижанъ. Но Руанъ, въ пику Парижу, и польщенный посѣщеніемъ короля, согласился поставить тысячу человекъ. Опираясь на эту готовность, канцлеръ опять напалъ на парижанъ, пристыдивъ ихъ,—и они вотировали тоже тысячу человекъ. Съ продажи припасовъ предполагалось взимать сборъ;—очень опасная форма налога, которая могла повести къ возмущеніямъ. Парижане захотѣли лучше обложить податью каждый цехъ, такъ чтобы фабрикац-

ты шодковухъ издѣлій платили десять тысячъ ливровъ, а шерстяныхъ—восемь, и т. д. Этимъ Парижъ еще не отдѣлался. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Дюпра потребовалъ сто тысячъ экю, давая парижанамъ ренту на счетъ городской ратуши и дѣлая ихъ такимъ образомъ рантиерами противъ воли.

Парижъ былъ очень мраченъ. Король — тоже. Ему приходилось хлопотать, выпрашивать, объяснять свои дѣла. Онъ провелъ всю зиму въ лѣсахъ и въ охотахъ въ Фонтенбло, Компьенѣ и Сентъ-Жерменѣ, и въ скукѣ новыхъ родовъ королевъ. Весной онъ отправился въ Лионъ, постоянно озабоченный Италией и никогда — Франціей.

Франція защищалась одна, какъ могла. Армія не было, кромѣ двухъ тысячъ швейцарцевъ въ Абвилѣ, которые отказывались сражаться. Нѣсколько небольшихъ гарнизоновъ защищали города. Села, ограбленные, потоптанные, сожженные, преданные насиліямъ, были игрушкою войны. Мѣстные дворяне кое-гдѣ производили набѣги, шайками отъ двадцати до тридцати копейщиковъ, сильно презирая крестьянъ, и однакоже нападая только тогда, когда имѣли съ собою нѣкоторое число стрѣлковъ. Такимъ образомъ, уже не только за стѣнами или въ осадахъ, но и въ открытомъ полѣ это бѣдное населеніе, такъ мало привыкшее къ войнѣ, начинало упражняться въ ней.

Какъ должны были тревожиться, какъ пламенно молиться семейства, когда отецъ, братъ или дѣти, взявъ свое плохое оружіе, въ первый разъ выходили на равнину. Ужасы англійскихъ войнъ возвратились, и Францискъ, — этотъ храбрый, молодой и прославленный король, — дѣлалъ такъ же мало для защиты народа, какъ и безпечный Карлъ VII. Какая польза была этимъ бѣднымъ людямъ иъ томъ, что онъ разбилъ швейцарцевъ при Мариньяно, или что онъ опять взялъ Миланъ, если они были оставлены по всей сѣверной границѣ государства и внутри его, до самой Пикардіи, въ добычу императорскимъ партизанамъ? Въ этомъ исчезновеніи короля Богъ оставался единственнымъ прибѣжищемъ.

Разсмотримъ хорошенько этотъ сѣверъ. Первая линія, пикардійская, была вся въ движеніи, въ страданіяхъ, въ битвахъ. Вторая, между Сомой и Марной, находилась, покаместъ, только въ безпокойномъ ожиданіи, въ волненіи, въ тревогѣ. Сердцемъ ея былъ городъ Мо. Въ настоящее время этотъ городъ есть большой хлѣбный рынокъ и центръ земледѣлія; въ средніе же вѣка онъ былъ, кромѣ того, главною фабрикою шерстяныхъ издѣлій, которыя снабжали сосѣднія провинціи одеждой. Жакерія четырнадцатаго вѣка вспыхнула въ Мо и погасла въ страшныхъ потокахъ крови. Въ шестнадцатомъ, также въ Мо между работниками, ткачами и чесальщиками засверкала первая искра революціи религіозной.

Большая сѣверная дорога Франціи, — этотъ постоянный путь для прохода войскъ, — города, служація для нихъ мѣстами дневокъ и отдыха, совершенно заняты войскою; они сражаются отъ всей души. Они повторяютъ слова Дѣвы Орлеанской: «Волны будутъ сражаться и Богъ даруетъ побѣду».

Таковы же были мысли набожныхъ мосскихъ работниковъ: «одинъ

Богъ защитникъ и избавитель, хранитель оставленнаго человѣка. Вся наша сила въ Его милосердіи».

Это былъ глубокій порывъ сердечныхъ чувствованій народа, который, къ счастью, нашолъ опору и поддержку въ авторитетѣ своихъ учителей. Добрый епископъ москвскій, Брисоне (сынъ любимаца Карла VIII, пскупавшій проступки своего отца), былъ человѣкъ святой; онъ отличался добротою, кротостью, благотворительностью. Среди этого народа, оставленнаго на произволъ судьбы и угрожаемаго великими общественными опасностями, онъ влѣлъ себя очень близкимъ къ принятію роли древнихъ епископовъ, которые, при приближеніи варваровъ, и исчезновеніи всякой общественной силы, по необходимости дѣлались *defensores civitatum* (защитниками государствъ). Его проповѣди ободряли народъ, возбуждали въ немъ надежду. Содержаніе всѣхъ ихъ можно было резюмировать пѣснью Лютера: «крѣпость моя—Богъ мой».

Брисоне и всѣ знали о великой сценѣ, происшедшей въ Вормсѣ (въ апрѣлѣ 1520). Вся Европа видѣла, какъ новый Иванъ Гуссъ защищалъ свои знаменитыя тезисы противъ папы и императора. И Богу было угодно, чтобы онъ, болѣе счастливыи чѣмъ Гуссъ, вышелъ живымъ изъ Вормса. Гдѣ онъ? Въ какой пустынь? На какія горы вознесъ его духъ? Этого не знали, но по временамъ видѣли таинственныя и величественныя молніи, брызгавшія съ этого невидимаго Синая.

Мы говорили уже, что въ Парижѣ былъ другой, смиренный Лютеръ, скромный и ученый докторъ Лефеввръ д'Этапль, обладавшій нѣжною душою, и проповѣдывавшій чистое слово св. Павла, и единственное спасеніе — посредствомъ благодати. Лефеввръ, тревожимый въ Парижѣ завистливою Сорбной, охотно отправился въ Мо, и взялъ съ собою одного молодого дворянина изъ Дофинне, уроженца округа, изъ котораго происходилъ Баяръ, бурнаго, краснорѣчиваго Фареля, прямодушнаго, откровеннаго, неустрашимаго; обладавшаго дивнымъ сердцемъ «рыцаря безъ упрека», его жаждою опасности; человѣка, котораго можно назвать Баяромъ битвъ Пожнхъ.

Утѣшеніе—возлагать всю свою надежду на отеческое сердце Создателя—было сладостно для уязвленныхъ душъ. Женщины принадлежали ему заранѣе; первыми изъ нихъ, вкусившими отъ этого меда, были двѣ большыя души, двѣ принцессы, принадлежавшія къ мистическому обществу работниковъ въ Мо, по волѣ Всемогущаго Уравнителя человѣческихъ созданій. Одною изъ нихъ была сестра короля, герцогиня Алансонская, Маргарита, остававшаяся при своемъ несчастномъ супружествѣ вдовою по сердцу, въ которомъ таилась стрѣла. Другою была ея восемнадцатилѣтняя тетка, сестра ея матери, Филиберта Савойская вдова того Юліана Медичи, котораго Микель Анджело обезметрилъ гробницею. Тетка пріютилась у племянницы, которая была старше ея десятью годами и казалось ей матерью по своему великому превосходству, по своей просвѣщенной нѣжности, по своей кажущейся душевной ясности, которая была внушительною для всѣхъ.

Всѣ выдумки о любви Маргариты къ ея протезѣ Маро и къ другимъ поэтамъ, которые сочиняли для нея стихи и *метафорически*

умирали за нее, не имѣютъ ни смысла, ни правдоподобія; это быть языкъ того времени, вымыселъ невинный и дозволенный. Королева весело отвѣчала на такія выходки, сочиняя въ стихахъ «*requiescat in pace*» для этихъ мертвыхъ, пользующихся хорошимъ здоровьемъ. Она, подобно многимъ женщинамъ, обладала спокойнымъ темпераментомъ. Плохой поэтъ, но очаровательный прозаикъ, это былъ духъ вѣжнѣйшій, быстрый, тонкій, крылатый, который леталъ вездѣ, опускался на все, но слегка, касаясь земли только кончикомъ ноги своей. Впрочемъ изъ этого должно исключить мистическую галпматью того времени, увлекаясь которою по стопамъ Брисоне, своего тяжелаго духовнаго руководителя, эта душа часто отягощала свои легкія крылья. Отъ паденія защищали ее смѣхъ, легкая иронія, кроткое лукавство, которыя она противопоставляла своимъ воздыхателямъ.

И не велика была ея заслуга въ этомъ, потому что въ сердцахъ ея господствовали двѣ страсти, бывшія постояннымъ лекарствомъ противъ всякихъ другихъ. Первая — это любовь къ наукамъ, безпредѣльное любопытство, заставлявшее ее искать занятій, которыя всего менѣе привлекаютъ женщинъ: Маргарита углубилась въ эрудицію, изучала языки, переходя отъ латинскаго къ греческому и отъ греческаго къ еврейскому. Брисоне упрекаетъ ее въ этомъ, говоря: «если бы на краю свѣта явился учитель, который, посредствомъ одного сокращеннаго слова, могъ научить цѣлой грамматикѣ, риторикѣ, философіи или свободнымъ искусствамъ, то вы полетѣли бы туда, какъ бабочка на огонь».

Другая страсть — это удивительный культъ — вѣра, надежда, любовь, полнѣйшее обожаніе, всѣ эти чувства, которыя она питала — отъ рожденія до смерти — къ своему брату Франциску I.

Сохранилось очень мало портретовъ Маргариты. Портретъ Версальскій, — я думаю, — чистая фантазія, скопированная съ какого нибудь портрета Франциска I. Истинное изображеніе ея (см. *Trésor de Numismatique*) представляетъ знанка медали, на которой, съ другой стороны, изображена мать Маргариты, Луиза Савойская. Это образъ легкій, туманный, но онъ открываетъ весь характеръ; онъ такъ хорошо и точно соответствуетъ письменнымъ документамъ, что зритель невольно вскрикиваетъ: «Вотъ гдѣ истина.»

Медаль эта, на которой не выставлено числа, вѣроятно, была сдѣлана при жизни матери, незадолго до ея смерти, когда она была всемогущею, и, вѣроятно, въ то время, когда она совершила важный актъ своей жизни, заключивъ *трактатъ женщинъ* или камбрейскій, въ 1520 г. Ей было тогда пятьдесятъ три года, дочери ея — тридцать семь лѣтъ. Мать съ большимъ сильнымъ лицомъ не имѣетъ нужды въ подписи. Ее можно узнать по одной рѣзкой чертѣ, по большому толстому носу Франциска I, — носу сангвиническому, которымъ отличаются природы крѣпкія и вмѣстѣ пошлыя, темпераменты страстные, часто нездоровые и болѣзненные. Луиза была постоянно больна; ее изнуряли то гнѣвъ или любовь (до послѣднихъ лѣтъ ея жизни), то подагра въ ногахъ, въ рукахъ, то сильныя колики, которыя свели ее въ могилу.

Дочь ея представляет совершенный контрастъ ей. Можно подумать, что савоярка, у которой она была первымъ ребенкомъ, пробовала себя въ *материнствѣ*, производя на свѣтъ это слабое и изящное созданіе, чистую эссенцію фамилии Валуа, прежде чѣмъ вылѣпить истиннаго сына Гаргантюа, *толстаго дѣтину, который все истортилъ*. На послѣдняго она вылила и истощила все, что ея сильная натура могла дать плотскаго и чувственнаго. (См. въ Луврѣ послѣдній портретъ.)

Быль ли это законный сынъ? Кто знаетъ? Но Маргарита, его сестра, безъ сомнѣнія внучка поэта Карла Орлеанскаго. Она имѣетъ лицо рано увядшее, лицо благородныхъ расъ, потертыхъ, состарѣвшихся. Она говоритъ объ этомъ въ каждомъ письмѣ, безъ малѣйшаго кокетства, пища къ лицамъ, которыя были моложе ея: «Ваша тетка,» или: «Ваша старуха—мать.»

Она была не создана быть матерью. Она не имѣла дѣтей отъ герцога Алансонскаго. Отъ Жана д'Альбре, — своего втораго мужа, — имѣла, но съ трудомъ; во время беременности она была больна, сильно кашляя, страдая слабостью ногъ и зрѣнія, такъ что въ 1530 г. въ тридцати восьми-лѣтнемъ возрастѣ, будучи беременною, она должна была отдыхать и приготовляться къ написанію письма, какъ къ какому нибудь трудному дѣлу. Дѣти ея умерли или остались очень слабыми, въ особенности Жанна д'Альбре, которая даже во пеленкахъ подъ сердцемъ своей матери и въ юности страдала многими болѣзнями, которыя считались смертельными.

Не должно удивляться тому, что на медали превосходный художникъ представляетъ намъ Маргариту уже такую, какою она сама себя изображаетъ въ письмахъ: нѣсколько старую въ тридцать семь лѣтъ. Очаровательный, тонкій, но острый носъ очень хорошо напоминаетъ тотъ *абстрактный духъ*, который Рабле вызывалъ съ неба на свою книгу.

Эта медаль напоминаетъ портретъ Фенелона, столько же деликатнаго нервнаго, болѣзненнаго; портретъ, на которомъ блѣдное лицо сохраняетъ легкое косвенное движеніе, граціозно-змѣнную манеру, — манеру человѣка необыкновенно тонкаго, который колеблется и скользитъ между двумя идеями.

Мнѣ больше нравится королева Наварская. И въ ней есть это движеніе, но она обладаетъ улыбкой, полною ума, лукавства и доброты.

Вся жизнь этой необыкновенно чистой личности была наполнена единственнымъ чувствомъ, которое не знаешь какъ назвать: любовью, дружбой, привязанностью сестры, или нѣжностью матери. Безъ сомнѣнія въ немъ было все это, но ни одно изъ упомянутыхъ именъ не подходитъ къ нему въ отдѣльности.

Второй томъ писемъ, весь адресованный къ королю, удивляетъ и приводитъ въ смущеніе, — не пылкостью, а неизмѣннымъ постоянствомъ чувства, которое остается однимъ и тѣмъ же, которое не имѣетъ ни фазъ, ни кризисовъ уменьшенія или усиленія, которое

не возвышается и не понижается. Никогда лукъ не былъ такъ постоянно натянутъ.

Всякая любовь въ мѣрѣ должна здѣсь признать себя побѣжденною. Она не можетъ представить ничего подобнаго. Чѣмъ она напряженнѣе, тѣмъ скорѣе лоплетъ ея струна. Единственная вещь, напоминающая эти письма — это огромный и премилый сборникъ писемъ мадамъ де Севинье. Письма Маргариты имѣютъ иногда такую же прелесть (напр. когда она пишетъ плѣнному королю о томъ, что дѣлаютъ его дѣти), въ особенности же они воодушевлены тою же страстью, тѣмъ же неизсякаемымъ чувствомъ. Сходство здѣсь заключается также въ сухомъ, разсѣянномъ легкомысліи любимаго предмета. Францискъ I таковъ же, какъ мадамъ Гриньянъ. Онъ любить и по временамъ бываетъ тронутъ. Чаше же всего онъ мало находитъ, что отвѣчать, да и кому не надобно бы это пятидесятилѣтнее постоянство? По временамъ онъ теряетъ терпѣніе; онъ жестокъ и деспотиченъ. Эта столь преданная душа, очевидно, есть вещь, созданная для пользованія и злоупотребленія ею; при своемъ рожденіи онъ обладалъ уже этимъ существомъ, предназначеннымъ для обожанія его, что бы онъ ни дѣлалъ. Онъ нашолъ бы естественнымъ, въ случаѣ нужды, потребовать отъ этого существа его жизни, сердца и крови — и никогда ему не пришла бы въ голову мысль, что онъ гробуетъ слишкомъ многого.

Маргарита, которая была старше своего брата двумя годами по возрасту и по крайней мѣрѣ десятью по уму, и обладала пылкимъ воображеніемъ отъ природы, увидѣла въ одно утро упавшее съ неба въ колыбель, предназначенную сдѣлаться трономъ, существо, любимое заранѣе, эту осуществившуюся мечту пылкой и столь пламенно желающей матери. Вотъ оно, это восходящее *солнце*, сіяющее въ своихъ пеленкахъ красотою и будущимъ царственнымъ величіемъ. Этою эмблемою Людовика XIV Маргарита обозначаетъ уже своего брата, изображая себя подсолнечникомъ, который обращается только къ *солнцу*, съ девизомъ, отнимающимъ надежду у всѣхъ другихъ свѣтилъ: «Non inferioga secutus.» (Онъ не послѣдуетъ за низшими звѣздами.)

Алансонъ и Жанъ д'Альбре, Вурбонъ, Вониве, Маро, вся толпа обожателей, придворныхъ и слугъ поставлены такимъ образомъ на одну доску.

Она даже не помнитъ, что имѣетъ мужа. Она неизмѣнно пишетъ королю, что «у ней нѣтъ никого, крохъ его, что онъ — ея отецъ и сынъ, ея братъ, другъ, супругъ.»

Да и кажется, что такъ. Любовь — страсть не до такой степени сильная. Напротивъ того чувство Маргариты не поддается ни ревности, ни времени, ни грубостямъ, ни оскорбленіямъ ни, — что еще важнѣе, — грустнымъ прозаическимъ переменамъ, происходящимъ въ лицѣ, въ нравѣ и въ здоровьи Франциска I. При мысли о портретѣ этого почти пятидесятилѣтняго старика, жестоко обезображеннаго не столько лѣтами, сколько болѣзнями, я удивляюсь

магической призмы, сквозь которую она постоянно видела въ немъ солнце.

Если бы я смѣлъ выразиться объ этой остроумной женщинѣ правдивымъ словомъ, то сказалъ бы, что она съ самаго рожденія своего была обезумлена, заколдована, одержима бьсомъ. Она была мученицей и игрушкой этого демона, мученицей столь покорною, что когда ея идолъ подвергаетъ ее самымъ жестокимъ испытаніямъ, она молчитъ, она не осмѣливается испустить ни одного вздоха ревности.

Какъ всѣ страдающія сердца, она съ раннихъ лѣтъ сочла себя набожною и, чего наименѣе можно бы ожидать отъ ума отъ природы изощреннаго и разсудительнаго, — вздумала влаться въ мистицизмъ. Но не всякій можетъ быть мистикомъ, кто хочетъ. Для нея это былъ трудъ. Пища въ мистическомъ духѣ, она жестоко насилуетъ свой умъ. Напротивъ того, когда она возвращается къ предмету своей привязанности, въ особенности въ рѣшительную минуту, (во время мадридскаго плѣна), тогда ея рѣчь льется, какъ волны; это потокъ сердечныхъ чувствъ, страсти, бѣгущій свободно, съ живою, пламенною и рѣшительною быстротою.

Насколько можно обозначать числами дѣла сердца, романъ мадамъ де Шатобрианъ, отнятой отъ мужа, яростно оспариваемой, ненавидимой, страдающей отъ побоевъ (а потомъ убитой?) занималъ Франциска I, кажется, три года (1518, 1519; 1520). Эта дочь прекраснаго Фебуса де Фуа, странная звѣзда Гасконіи, не давала вздохнуть королю, дѣйствуя на него то приманкою своихъ южныхъ прелестей, то своею бурною и несчастною судьбою, то, наконецъ, посредствомъ своихъ братьевъ и своихъ храбрыхъ и хитрыхъ родственниковъ. Сѣверная принцесса, со всѣмъ своимъ умомъ, должна была надолго поблѣднѣть, нѣсколько забытая во время ея супружества съ д'Алансономъ. Объ ней вспомнили въ дни несчастія. Въ 1521 г. ея братъ замѣтно съ нею сблизился; онъ сталъ прибѣгать къ ея совѣтамъ и даже оказалъ ея мужу неожиданную милость, назначивъ его своимъ намѣстникомъ при пикардійской арміи, такъ что обѣ женщины имѣли свою долю: любовница владѣла югомъ, а сестра сѣверомъ.

Король вздумалъ даже назначить Алансона предводителемъ авангарда.

Маргарита, встревоженная и не имѣвшая высокаго мнѣнія о храбрости и способности своего мужа, написала въ первый разъ къ этому прелату, — котораго считали избранникомъ Божиимъ, — Брисоне, епископу города Мо, прося его молитвъ за ея мужа, отправлявшагося въ походъ, и за нее, вовлеченную въ такія важныя дѣла: «потому что говоритъ она, — мнѣ приходится вмѣшаться во многія вещи, которыя очень должны страшить меня.»

Король долженъ былъ видѣть, что ему плохо совѣтуютъ, что ни его канцлеръ Дюпра, ни друзья и родственники его любовницы, не смыслятъ въ дѣлахъ. Ихъ обманывалъ Карлъ V и дурачилъ Уольсей. Окруженный такими плохими совѣтниками, онъ съ довѣренностью обратился къ своей сестрѣ, къ ея ясному практическому уму, котораго превосходство было признаваемо всѣми.

Онъ имѣлъ злобнаго генія въ своей матери и въ своихъ любовницахъ, и добраго генія—въ Маргаритѣ. Очень просвѣщенная сама по себѣ, а еще болѣе вразумляемая ясновидѣніемъ сердца, она вела его по истинному пути его царствованія, на которомъ онъ долженъ былъ найти и нравственную силу и огромныя матеріальныя выгоды.

Разумѣется, она дѣйствовала инстинктивно, не видя этихъ послѣдствій и не отдавая себѣ отчета въ нихъ,—думая только о томъ, чтобы направить его на добрый релігіозный путь и заслужить для него помощь Божію.

Она думала, что сдѣлала большіе успѣхи. Въ ноябрѣ или въ декабрѣ (1521), она писала въ Брюсселе: «король и мадамъ болѣе чѣмъ когда либо расположены къ преобразованію церкви... они рѣшились показать, что истина Божія — не ересь.» (Genin, II, 273—4).

Думая, что она приближается къ цѣли, Маргарита сильно хлопотала у своего брата, осаждая его нѣжною и невинною докучливостью. Она чувствовала къ нему удвоенную нѣжность, видя его въ истинной опасности, находя его въ первый разъ грустнымъ и несчастнымъ. Горизонтъ со всѣхъ сторонъ покрывался мракомъ; положеніе дѣлъ было такъ же безотраднo и мрачно, какъ сень-жерменскіе лѣса, гдѣ королевская фамилія проводила зиму. Ни денегъ ни войска. Италія выскользнула изъ рукъ; новымъ папой сдѣлался наставникъ Карла V; Лотрекъ потерялъ свое знамя въ болотахъ Венеціи; Франція почата; Пикардія сожжена, англичане со дня на день грозятъ высадкой. И, среди этого великаго кризиса внутреннее сопротивленіе. Дѣло не слыханное! Парижъ проводитъ своего короля!.. Онъ, мариньянскій побѣдитель, возвращается униженный изъ городской ратуши!

Жена его страдала родами, мать—лежала больная въ постели. Сестра его, которая, то же заболѣла ухаживая за ними, едва поправлялась.

Король томился скукой въ эти промежутки, которые оставляла ему ослабѣвающая страсть.

Онъ развлекался только охотой. Онъ хотѣлъ забыться, охотясь въ Фонтенбло, Сень-Жерменѣ и Компьенѣ. Но во всѣхъ этихъ лѣсахъ онъ встрѣчалъ все одно и то же: монотонность зимы, однообразіе скуки.

Сострадавъ къ такому состоянію души Франциска, сестра короля тѣмъ заботливѣе окружала его своими материнскими ласками, своею благоговѣнною нѣжною и кроткими воззваніями къ любви Божіей. Никогда до тѣхъ поръ этотъ балованный ребенокъ, который былъ занятъ только самъ собою, не подумалъ взглянуть по пристальнѣе на свою *милочку*, какъ онъ охотно ее называлъ. Слушая ее, онъ открылъ наконецъ то, что было предъ его глазами со дня его рожденія; увидѣлъ, что она прекрасна, прекрасна благочестіемъ, любовью, даже своимъ выздоровленіемъ, своею тожностью, своею слабостью къ нему.

Какъ сказать о развязкѣ? Но дѣло это слишкомъ удостовѣрено. Сердце его было такъ испорчено грубыми наслажденіями, что онъ возмнѣлъ недостойное намѣреніе—увидѣть, до какой степени доходятъ его власть надъ этою, такъ необыкновенно преданною ему,

женщиной. Онъ притворился будто бы сомнѣвается въ ея вѣжной привязанности и рѣшился сказать, что онъ не повѣритъ этой привязанности, если не получитъ *доказательства* ея и не убѣдится въ ней окончательно *опытомъ*.

Мы не знаемъ другаго слова. Остальное можно отгадать; мы можемъ вообразить себѣ эту странную сцену: съ одной стороны услѣ—непонять, краска, блѣдность, бездна отчаянія; съ другой — тираннія господина, которому до сихъ поръ было оказываемо постоянное повиновеніе; его жестокость, ироническое сомнѣніе... Ужасъ и разстройство этого новаго положенія, смерть сердца, которая за нимъ послѣдовала,—все это Маргарита высказала однимъ словомъ: «я хуже чѣмъ умерла».

Она немогла остаться. Она немедленно уѣхала. Мужъ ея проводилъ зиму въ Алансонѣ и она должна была отправиться къ нему. Но она находилась въ такой зависимости, что, уѣзжая, боялась только того, какъ бы этотъ быстрый отъѣздъ, безъ прощанія, не оскорбилъ ея властителя. Она оставила ему вѣжное письмо, въ которомъ извинялась въ своей рѣшимости. Въ отвѣтъ на это тиранъ, дѣйствительно раздраженный этимъ первымъ неповиновеніемъ, написалъ,—не щадя этого, обливающагося кровью, сердца, которое трепетало въ его рукахъ,—что, такъ какъ она бѣжитъ отъ него, то онъ убьетъ ее еще дальше; что онъ отправляется въ Лионъ, въ Испанію, на войну, можетъ быть на смерть... Онъ вонзалъ такимъ образомъ въ грудь ея княжалъ, безчеловѣчно рассчитывая, что, при такой жестокой боли, она отдастся ему сама.

Эти гнусности удивляютъ тѣхъ, которые не знаютъ, какъ онѣ были вообще обыкновенны въ высшемъ обществѣ того времени. Регентъ и Людовикъ XV (не говоря даже о фактахъ болѣе новаго времени) превзошли Франциска. Что касается до него, то его дикое поведение было грозою и ужасомъ для его современниковъ. Рассказываютъ, что въ 1524 г., въ минуту очень серьезную, когда онъ только что надѣлъ трауръ, сдѣлавшись вдовцомъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ, и когда имперцы осаждали Марсель, жители города Маноска въ Провансѣ, явились къ нему съ привѣтствіемъ. Въ главѣ ихъ былъ мэръ, съ своею дочерью, прекрасною молодою дѣвушкой. Король остановилъ на ней взглядъ, до такой степени выразительный, что она испугалась грозящаго ея насилія, достала ѣдкой жидкости, испортила ею свое лицо, и такимъ образомъ уничтожила свою гибельную красоту.

Возвратимся къ Маргаритѣ. Жестокий капризъ короля происходилъ, можетъ быть, не столько изъ распутства, сколько изъ шалости и тщеславія. Эту личность, такъ высоко поставленную въ небесномъ эфирѣ, эту недоступную звѣзду, на которую всѣ смотрѣли изъ такой глубокой бездны,—онъ хотѣлъ заставить—спуститься къ нему, хотѣлъ посмѣяться надъ всѣми.

Въ немъ текла кровь его матери, столь нечистая и испорченная. Для нея это обстоятельство пришло кстати, и именно тогда, когда она имѣла въ немъ большую нужду, такъ что невольно думается, что

она принимала здѣсь нѣкоторое участіе. Незадолго передъ тѣмъ она совершила преступленіе и уязвила своего сына въ единственное чувствительное мѣсто. Ея ненависть къ Лотреку и его сестрѣ, нетерпѣніе, съ какимъ она желала свергнуть царствующую фаворитку, заставили ее удержать деньги, ассигнованныя для войны и потерять Миланъ. Дѣло невѣроятное! Она удержала у себя и тѣ деньги которыя съ нечисленными трудомъ были собраны во время этой зимы. До такой степени простирались ея дерзость и ярость. И въ какое время! когда неизбежное пораженіе Лотрека должно было не только погубить Италію, но и отнять Францію, занятую непріятельскими войсками и съ сѣвера и съ юга.

Кто могъ дать ей смѣлость для этой громадной крайности, для такого презрѣнія къ собственному сыну? Мы можемъ объяснить это только слѣдующимъ образомъ: она, вѣроятно, думала посредствомъ этой позорной тайны держать короля въ своихъ рукахъ и была вполне увѣрена, что можетъ поставить между собою и своимъ раздраженнымъ сыномъ милую и слабую женщину, привыкшую жертвовать собою для нихъ. Имѣя надъ нимъ это новое преимущество, она воспользовалась имъ безъ колебанія, и почерпнула въ немъ дерзость совершить это второе преступленіе.

Несчастная Маргарита въ февралѣ мѣсяцѣ жила въ уединенномъ замкѣ близъ Алансона, съ своимъ мужемъ, — одна, не имѣя съ собою даже своей молодой тетки, находившейся тогда въ Савоіи. Однакоже, несмотря на свою слабость и нѣжность, несмотря на свое крайнее горе, она обнаружила очень тонкое женское благоразуміе, думая, что для этого дикаго эфемернаго порыва, самое гибкое, мягкое, эластичное сопротивленіе будетъ навлучшимъ; что фашины удерживаютъ море надежныѣе, чѣмъ гранитныя стѣны.

Мы имѣемъ письмо ея (авто — и оло-графъ), къ брату, — письмо покорное и смиренное, которое она прусила его съжечь. Онъ остерегся это сдѣлать, тщеславясь этимъ грустнымъ триумфомъ, и, можетъ быть, изъ низкой предосторожности, желая на всякій случай сохранить оружіе, которое могло бы послужить противъ нея, если бы она когда нибудь вздумала освободиться изъ подъ его вліянія.

Въ этомъ письмѣ, которое она писала, такъ сказать, на колѣняхъ, смыслъ таковъ: она отдается, чтобы лучше сохранить себя.

Всѣ выраженія мистическаго смиренномудрія истощены, чтобы выразить *несовершенство, покорность и рабскую преданность* Маргариты. Проза оказалась недостаточною. Маргарита продолжаетъ стихами, *открываясь* для него, — говоритъ она, — отъ всей силы, отъ всей своей воли. Она доходитъ до того (вещь еще болѣе опасная), что обѣщается быть у него, по первому его слову. Но въ то же время, проникнутая горестью, она умоляетъ его не требовать отъ нея *опыта ея слабости* (матеріальнаго доказательства ея слабости), стараясь возбудить его великодушіе слѣдующимъ трогательнымъ и ловкимъ оборотомъ: «Такъ, чтобы я всегда могла довѣряться вамъ».

Ничто не показываетъ, чтобы Францискъ I требовалъ выполненія

жертвы. Но онъ разбилъ это сердце и омрачилъ его на всю жизнь. Онъ взялъ то, что было сущностью жертвы: отреченье отъ собственной воли.

Земля побѣдила небо и понизила его до себя.

Онъ своею жестокою забавой уничтожилъ моральное дѣвство нѣжнаго и очаровательнаго существа, въ которомъ онъ имѣлъ своего добраго генія.

Женщина, — это Счастіе, говорить на востокѣ. Онъ убилъ свое Счастіе.

Это не есть риторическая фигура. Это простая и слишкомъ вѣрная фактическая дѣйствительность. Маргарита, уважаемая своимъ братомъ и господствующая надъ нимъ по своему законному и естественному превосходству, мало-по-малу привела бы Францію на путь освобожденія. Маргарита, отдававшаяся такимъ образомъ и подчиненная, лицо зависимое, второстепенное и щадимое все менѣе и менѣе, имѣла вліяніе по временамъ, не получая сильной власти, не производя ничего рѣшительнаго, что вывело бы Францію изъ бездны стараго міра на свѣтъ свободнаго Возрожденія.

Кому служила она? Своей матери, которую она, безъ сомнѣнія, спасла и которой огромное неизвинительное преступленіе она прикрывала.

Несчастіе совершилось 29 апрѣля (1522). Лотрекъ, во второй разъ оставленный безъ помощи, не имѣющій болѣе власти, управляемый солдатами, повиновался швейцарцамъ, которые хотѣли сразиться и отправиться обратно чрезъ Альпы. Онъ былъ разбитъ близъ Милана; Италия окончательно была потеряна; Венеція, союзница Франціи, потерпѣла вмѣстѣ съ нею. Только чрезъ мѣсяць послѣ того, 29 мая, король, подавленный горестью, получилъ въ Лионѣ вызовъ Генриха VIII, который высаживался на берега Франціи.

Между тѣмъ Лотрекъ прибылъ въ Лионъ. Мать короля, испугавшись, сначала постаралась не допустить Лотрека къ своему сыну, который и отказалъ ему въ приѣмѣ. Конетабль де Бурбонъ, пылая злобою, перейдя отъ любви къ ненависти противъ Луизы и Маргариты, вздумалъ погубить мать короля. Онъ взялъ Лотрека за руку, ворвался насильно въ комнаты, не обращая вниманія на запрещенія, и поставилъ его предъ лицомъ Франциска I. Кто потерялъ Миланъ? — вскричалъ король въ гнѣвѣ. — Вы, государь, — отвѣчалъ Лотрекъ. Все объяснилось, и король былъ уничтоженъ. О! кто бы могъ ожидать этого отъ моей матери? вскричалъ онъ.

Легко угадать услужливаго генія, который обезоружилъ его, защитилъ виновную и возстановилъ *троичность* семейства.

Маргарита измѣнилась навсегда. Всѣ трое научились понимать другъ друга. Маргарита, не смотря на свое благодѣяніе, знала и боялась короля такъ же, какъ онъ съ своей стороны испыталъ бѣшенныя страсти своей матери.

Маргарита была убита до такой степени, что даже не имѣла силъ прибѣгнуть къ утѣшеніямъ религіи. Однакоже она пробовала читать св. Писаніе брату и матери въ семейномъ кружкѣ. Она просила Брисоне приходить къ нимъ на эти чтенія, увѣряя, что они

живую большую къ нему довѣренность. Епископъ не былъ этимъ обманутъ и считалъ минуту потерянною. Онъ писалъ Маргаритѣ (22 декабря 1521): «Въ сердцѣ, вашемъ, въ сердцѣ короля и въ сердцѣ Мадамъ былъ нетлѣнный огонь. Теперь онъ скрытъ и заглушонъ». И позднѣе: «Закройте его... Дрова, которые вы хотѣли зажечь, слишкомъ сыры; они потухнутъ». (Сент. или октября 1522).

Маргарита не можетъ оправиться въ послѣдующіе годы, признаваясь, что она не имѣетъ ни къ чему охоты, что она не въ состояніи начать читать (благочестивыхъ книгъ). Она подписывается: *живущая въ смерти*, или: *Ваша старая мать*.

Эта старость молодой королевы, которая не можетъ оправиться, представляетъ поразительный контрастъ съ молодою энергіей, съ которою народъ, наканунѣ самыхъ страшныхъ бѣдствій, въ виду англійскихъ войнъ, которыя готовы были возобновиться, вознеслъ свое сердце къ Богу. Лефевръ д' Этапль, въ Мо, перевелъ Новый Заветъ. Въ первый разъ толпа пошла безъ священника, опираясь только на книгу, на себя на свои собственныя пѣсни, на свои псалмы, которые въ очень скоромъ времени были переведены.

Возвышенный гмнъ покорности! Среди преступленій и ошибокъ людей, управляющихъ міромъ, среди общественныхъ бѣдствій, которыя начинаютъ охватывать его со всѣхъ сторонъ, народъ обвиняетъ только себя самого, свои ошибки и проступки. Онъ хвалитъ Бога, и, въ смиреніи сердца, не проситъ ничего отъ Правосудія, возлагая все на Милость.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Конетабль де Бурбонъ.—1521—1524.

Мы видѣли въ какомъ бѣдственномъ положеніи война застала расточительнаго и непредусмотрительнаго Франциска I. Онъ былъ безъ денегъ, безъ арміи, безъ казны; онъ имѣлъ только обѣщаніе ссуды, слово флорентинскихъ банкировъ, которые обѣщали королю, а дали императору.

На конференціяхъ въ Кале, Гаттинара, сбросивъ маску, обходился съ уполномоченными французскаго короля какъ съ послани чело-вѣка погибшаго.

Итальянцы смотрѣли на дѣло такимъ же образомъ, и Левъ X, который призвалъ французовъ, заключилъ сдѣлку съ испанцами. 1-го іюля, въ консисторіи, онъ назначилъ начальникомъ войскъ молодаго маркиза мантуанскаго, Фредерика II, который, женившись на наслѣдницѣ Монферра, ожидалъ отъ императора этого важнаго лена имперіи. Гонзаги, долго колебавшіеся, теперь безвозвратно рѣшили, какой стороны они должны держаться.

Ихъ кузень (Монпансье-Гонзаго), конетабль де Бурбонъ, бывшій также родственникомъ фамилии де Круа, вошелъ съ нею въ сношеніе въ ноябрѣ или въ декабрѣ того же года. Взявъ приступомъ городъ Гезданъ, онъ напалъ тамъ графиню де Рѣ (Roëulx), мадамъ де Круа,

свою кузину. Поколебала ли она его вѣрность, или онъ самъ собою разсудилъ, что слѣдуетъ щадить императора, которымъ управляли Круа, — только онъ не удержалъ у себя этой важной плѣнницы и былъ такъ вѣжливъ, что отослалъ ее безъ выкупа.

Этого таинственнаго человѣка, который имѣлъ столько родственниковъ между врагами Франціи, Генрихъ VIII, какъ мы видѣли, призналъ очень опаснымъ. Людовикъ XII считалъ его таковымъ же и однако составилъ его счастье. Францискъ I, который довершилъ сдѣланный Бурбону благодѣянія, тѣмъ не менѣе не довѣрялъ ему. Разсмотримъ его происхожденіе.

Сынъ итальянки изъ фамиліи Гонзаговъ, онъ, по своей матери, былъ вполнѣ Гонзаго и очень мало — Монпансье.

Монпансье происходилъ отъ третьяго сына одного изъ Бурбоновъ, а Бурбоны, какъ извѣстно, были потомки шестаго сына Людовика Святаго. Эта отрасль, не очень богатая, посвятила себя военному поприщу; Бурбоны служили генералами. Отецъ конетабля умеръ вице-королемъ неаполитанскимъ.

Въ такомъ же положеніи находились и Гонзаги, маркизы Мантуанскіе. Обладая только одною, но сильною крѣпостью, первую въ Италіи, они жили тѣмъ, что нанимались въ качествѣ генераловъ, на службу папѣ, Венеціи, французскому королю. Князья и вмѣстѣ кондотьеры (подобно герцогамъ урбинскимъ и феррарскимъ), они набирали и продавали солдатъ, образуя ихъ, дисциплинируя, а потомъ уступая за деньги. При всей своей незначительности, они были проникнуты безмѣрнымъ честолюбіемъ и стремились къ отдаленнымъ, тайнымъ дѣламъ. Они были въ союзѣ съ Султаномъ, имѣли связи въ Германіи, въ земляхъ богатыхъ солдатами, гдѣ человѣка можно было купить за дешовую цѣну. Они отдавали своихъ дочерей за мужъ за воинственныхъ князей Виртембергскихъ и Бранденбургскихъ и, посредствомъ одной изъ нихъ, породнились во Франціи съ фамилію Монпансье. Позднѣе одинъ изъ Гонзаговъ, сдѣлавшись, по браку, герцогомъ Неверскимъ, игралъ роль въ междоусобныхъ французскихъ войнахъ.

Ихъ предусмотрительность послужила имъ въ пользу. Монпансье — не смотря на то, что были младшими изъ младшихъ, — обладали прекрасными шансами. При быстромъ истощеніи владѣтельныхъ фамилій, они скоро могли сдѣлаться послѣдними наследниками Бурбоновъ; и, быть можетъ, какъ Бурбоны, взойти на тронъ.

Всѣ эти младшіе мечтали только объ этомъ, это видно уже изъ ихъ девизовъ. Девизъ герцога Беррійскаго (брата Карла V): *Le temps viendra* (время придетъ) Бургундскаго: *J'ai hâte* (я спѣшу); Бурбонскаго: *Espérance* (надежда) Бурбона-Альбре: *Ce qui doit être ne peut manquer* (что должно быть, то не можетъ не случиться).

Предусмотрительный Людовикъ XI, уничтоживъ другихъ, оставилъ, не безъ сожалѣнія, Бурбоновъ не тронутыми. Онъ видѣлъ, что старшій изъ нихъ умиралъ, а за младшаго, Пьера де Вожѣ, — вѣроятно для того, что бы вѣрнѣе доканать его, — онъ отдалъ свою дочь. Пьеръ, старый, слабый, болѣзненный былъ недалекъ во всѣхъ отно-

женіяхъ. Добрый король разсчиталъ, что «на прокормленіе дѣтей, могущихъ произойти отъ этого брака, не потребуется большаго расхода». Онъ взялъ съ Пьера положительное обязательство, что послѣ его смерти все опять перейдетъ къ королю.

Онъ дѣлалъ свои разсчеты безъ дочери, безъ этого втораго Людовика XI, неменѣе самовластной какъ ея отецъ. Она захотѣла сохранить для себя королевство въ королевствѣ, поддерживая могущество Бурбоновъ, которое Людовикъ XI разсчитывалъ уничтожить посредствомъ ея. Она убѣдила своего брата подписать письма, которыя уничтожали ея брачный контрактъ.

Отъ этого жалкаго брака была, впрочемъ, дочь, слабая и безобразная. Тѣмъ не менѣе ее выдали замужъ за втораго сына одного Монпансье, Карла (Монпансье Гонзага), круглаго сироту; Анна де Воже его усыновила, воспитала и сдѣлала человѣкомъ блестящимъ, опаснымъ и гибельнымъ, который чуть не погубилъ Францію.

Ничто не могло быть болѣе не въ порядкѣ вещей. Маленькая, горбатая дѣвушка, не имѣвшая еще четырнадцати лѣтъ отъ роду, подарила своему молодому мужу это огромное наследство, которое, въ противномъ случаѣ, опять перешло бы къ коронѣ. Это было въ февралѣ 1504 г., во время болѣзни Людовика XII, во время того рокового промежутка его царствования, когда королева Анна Бретанская вдругъ заключила трактатъ въ Блуа, который отдавалъ ея дочь и Францію Карлу V. Въ этомъ великолѣпномъ прокѣтѣ сумасшедшая, ищущая нужду въ опорѣ, обезпечила для себя содѣйствіе другой Анны (Анны Воже) допустивъ другое сумасшествіе — передачу полуитальянцу Карлу послѣдняго изъ большихъ леновъ Франціи.

Два безразсудныхъ и преступныхъ акта, одинъ въ крупныхъ, другой въ мелкихъ размѣрахъ. Результаты были сходны. Карлъ V постоянно помнилъ, что ему была отдана Франція въ приданое. А въ Карлѣ Вурбонѣ, сдѣлавшемся государемъ семи провинцій, это чудотворное счастье, а также воспитаніе въ духѣ бѣшеной гордости, породили ужасную мечту — раздробить Францію на куски.

Людовикъ XII, образумившись, разорвалъ заключенный въ Блуа трактатъ. Но онъ не посмѣлъ разорвать брачный контрактъ Бурбоновъ; онъ побоялся старой дочери Людовика XI-го. Онъ не слѣшкомъ-то любилъ этой молчаливой женщины, онъ покачивалъ головою и говорилъ. «Нѣтъ ничего хуже стоячей воды». Впрочемъ, въ аньадельской битвѣ, онъ въ честь ея сдѣлалъ великолѣпное дѣло, нанавъ съ манга на итальянскую армію, что рѣшило побѣду.

Въ опасности, грозившей Франціи въ 1513 г. этотъ двадцати-четырёхлѣтній молодой человѣкъ выказалъ много хладнокровія и большія способности. Назначенный намѣстникомъ короля въ Бургундію, въ этотъ авангардъ Франціи со стороны швейцарцевъ, въ ту минуту, когда они удалялись, онъ долженъ былъ починить, снабдить припасами крѣпости, и такъ плотно запереть дверь въ государство, чтобы они не вздумали возвратиться. Онъ выполнилъ все это превосходно; онъ обуздалъ войска, водворилъ миръ въ селахъ, установилъ умѣренное и достаточное шакіиш цѣнъ, за которыя солдатъ

долженъ былъ покупать, вмѣсто того чтобы брать все даромъ. Это очень расположило къ нему народъ, а добрый Людовикъ XII до такой степени былъ имъ доволенъ, что захотѣлъ сдѣлать его конетаблемъ, другомъ и опорой своего наследника, Франциска I.

Онъ не совсѣмъ былъ спокоенъ. Его жена, Анна Бретанская (которая еще была жива) все еще стояла на своей преступной фантазій Влуасскаго трактата, желая отдать свою дочь и государство внуку императора. Еслибы она сговорилась на этотъ счетъ съ Анною де Боже, какъ въ 1504 г., то, очень вѣроятно, иностранецъ царствовалъ бы во Франціи. Людовикъ XII пригласилъ эту послѣднюю къ себѣ, склонилъ ее на свою сторону, противъ своей жены, обѣщая Аннѣ Боже возстановить для ея пріемыша должность конетабля.

Безъ вышеописанныхъ обстоятельствъ ничѣмъ нельзя бы было извинить Людовика въ такомъ неблагоприятномъ поступкѣ. Конетабль, король арміи, былъ такимъ абсолютнымъ господиномъ, что самъ король, въ полѣ, не могъ ничего приказывать иначе, какъ чрезъ него. Это была нелѣпая и всегда гибельная власть, которая возбуждала зависть (отсюда—умерщвление Клиссона), или подстрекала къ измѣнѣ (отсюда—трагедія Сень-Поля). Людовикъ XI не думалъ возстановлять званіе конетабля. Регентша создала одного почетнаго конетабля, своего зятя, стараго, больнаго, и парализнаго, постоянно лежавшаго въ постели. Но теперь, сдѣлать конетаблемъ человека молодого, столь могущественнаго, дать военное самодержавіе тому, кто имѣлъ уже противъ короля самодержавіе феодальное,—это было дѣйствіемъ въ высшей степени безразсуднымъ.

Былъ ли Бурбонъ увѣренъ, что Людовикъ XII серьезно желалъ сдѣлать его конетаблемъ и выразилъ ли Людовикъ это желаніе письменно? Я сомнѣваюсь. Во всякомъ случаѣ новый король не долженъ былъ обращать на это вниманія. Но итальянецъ, болѣе хитрый, другъ и товарищъ однихъ съ нимъ лѣтъ, искусно его опуталъ. Для этаго онъ употребилъ очень прямое средство: онъ овладѣлъ сыномъ посредствомъ матери. Нѣжная и легковѣрная, несмотря на свой возрастъ, савоярка вообразила уже себя его женою, и подарила ему свое кольцо. Это кольцо принесло ему съ собою шпагу конетабля. Съ этою шпагою отъ него самаго теперь зависѣло проложить себѣ дорогу. Онъ польстился сыну и матери девизомъ: «A toujours mais!» — написавъ совершенно другой на своей шпагѣ: «Penetrabit» (она проникнетъ).

Швейцарцы, какъ извѣстно, напали на французовъ въ расплохъ у Мариньяно; въ послѣдствіи они были побѣждены. Эта побѣда дѣлаетъ честь болѣе храбрости конетабля, нежели его предусмотрительности. Онъ блестящимъ образомъ отличился, какъ воинъ, лошадь была убита подъ нимъ, и онъ сдѣлалъ много превосходныхъ атакъ. Францискъ I далъ ему очень важный довѣренный постъ, поручивъ ему охранять завоеванную имъ землю. Въ томъ же 1515 году Бурбонъ основалъ въ своихъ владѣніяхъ, близъ Мулена, монастырь, въ память опбѣды, «которая осталась за королемъ и за нимъ, Бурбономъ, и

которая отняла у швейцарцевъ ихъ названіе—*наказывателей* королей».

Этотъ поступокъ, если бы онъ сдѣлался извѣстнымъ, не доставилъ бы удовольствія Франциску I, а тѣмъ менѣе могъ бытъ ему по сердцу военный кодексъ, который составилъ Бурбонъ, съ помощью свѣдннй ла-Тремуйя и ла-Полиса—вещь полезная, но передававшая всѣхъ военныхъ людей въ руки конетабля, его старшинъ и предводителей.

Другимъ поводомъ къ неудовольствію была чисто-королевская свита, цѣлое полчище слугъ, окружавшее конетабля. По случаю рожденія у него ребенка, король, бывшій крестнымъ отцомъ, видѣлъ что 500 дворянъ въ бархатной одеждѣ прислуживали конетаблю за столомъ. И это не была пустая роскошь; это была сила. Воспитанникъ Анны де Воже, дочери Людовика XI, имѣлъ серьезные виды. Эти кліенты были люди важные и отборные, способные служить ему въ большихъ предпріятіяхъ, какъ рукою такъ и головою; это были—Арно, сдѣлавшіеся въ послѣдствіи столь знаменитыми, л'Опитали, зять Филиппа де Комина, Шиверни и другіе, которые скоро сдѣлались замѣтными личностями. Здѣсь были также бойцы, бурные и слишкомъ скорые на руку, въ числѣ ихъ — Помперанъ, который убилъ одного человека изъ свиты короля и который, будучи спасенъ этимъ послѣднимъ, имѣлъ злополучную честь — обезоружить его при Пави.

Надо видѣть громадность государства, которое этотъ Бурбонъ имѣлъ во Франціи. Оно заключало въ себѣ два герцогства, четыре графства, два виконства и безконечное число помѣстьевъ.

Его странная имперія вмѣщала въ себѣ не только большой центральный и массивный ленъ Бурбонъ, Оверни и Марша (многіе департаменты), но и другіе очень важные пункты въ разныхъ мѣстахъ: Божоле, Форезъ, Домбъ,—эти три кольца, охватывающія Лионъ, суровыя горы Ардепа, Жьенъ и такимъ образомъ господствовавшія надъ Луарой,—далѣе, совѣмъ на сѣверъ—Клермонъ и Бовези. Едва можно понять себѣ эту мозаику изъ столь разнородныхъ кусковъ. Она объясняется тѣмъ, что значительную часть ея составляли владѣнія, конфискованныя Людовикомъ XI, и отданныя имъ въ руки, по его милости, вѣрныя—въ руки его дочери и зятя. Грустные остатки отъ Арманьяковъ и другихъ, взятые у измѣнниковъ, и создавшіе новыхъ измѣнниковъ!

Таково было естественное слѣдствіе феодалныхъ удѣловъ, устроенныхъ королевскою властью. Приходилось постоянно начинать вновь, Самыя благоразумныя предосторожности производили только междоусобную войну.

И какъ будто бы это чудовищное могущество не могло еще внушить довольно опасеній, бѣшеное безуміе влюбленной женщины, присоединило къ силѣ феодалной силу денежную. Смотри на конетабля, какъ на своего мужа, она дала ему изъ финансовъ, початыхъ великою европейскою войною, три или четыре княжескихъ жалованья: какъ конетаблю—24,000 ливровъ; какъ шамбриеру 14,000; какъ губернатору Лангедока—24,000; и кромѣ того 14,000 изъ податей провинціи

Бурбонэ. Къ этому прибавлялись еще другія суммы съ неслыханною легкостью; однажды онъ добился, что бѣдная Овернь вотпрова-ла ему 50,000 ливровъ! Должно все это помножить на десять, принима-мая въ соображеніе различіе тогдашней цѣнности монеты съ ны-нѣшнюю, и обратитѣ вниманіе на то, что въ тѣ времена, относитель-но бѣдныя, деньги имѣли неисчислимое могущество.

Болѣе неразумительный, чѣмъ его мать была сумасшедшею, король, послѣ мариньянской битвы, поселилъ его въ миланской провинціи, предоставилъ ему завоеваніе, устроилъ итальянца въ самой Италиі, близъ Мантуи и Гонзаговъ. Всѣ странствующія шайки нанимающих-ся солдатъ стали бы стекаться къ нему изъ Италиі и изъ Германіи. Скоро этотъ конетабль Франціи превратился бы въ короля ломбард-цевъ.

Его могло удерживать только то, что король не имѣлъ дѣтей муж-скаго пола. Бурбонъ могъ сдѣлаться наслѣдникомъ и, по странному стеченію обстоятельствъ, быть въ одно и то же время тестемъ и пріемнымъ сыномъ короля. Въ 1518 г. родился дофинъ и тогда, по-вернувшись къ матери короля спиной, Бурбонъ захотѣлъ жениться на Рене французской, дочери короля Людовика XII; рано или поздно онъ могъ бы объявить, что она представляетъ собою старшую отрасль дома Валуа, отстранить Франциска I, который, происходя изъ отрас-ли Ангулемской, имѣлъ только права младшаго. Чтò было нужно для этого? Уничтожить салическій законъ, въ чемъ онъ могъ бы ус-пѣть съ помощью своего кузена, Карла V, и всѣхъ государей, кото-рые имѣли въ своей фамиліи дочерей французскаго дома.

Чтобы подѣйствовать на невѣрнаго спасительнымъ принужденіемъ, Луиза, въ отчаяніи, придумала сначала отнять у него пенсіоны. Ко-роль въ 1521, изъ недоувѣрія или изъ зависти, отнялъ у него одну изъ самыхъ высшихъ привилегій конетабля—право предводительство-вать авангардомъ и вести армію куда и какъ угодно. Францискъ I находился тамъ лично и предоставилъ начальствованіе авангардомъ человѣку болѣе вѣрному, своему зятю, герцогу д'Алансону.

Съ этихъ поръ для измѣны существовалъ предлогъ. Мадамъ де Рё, взятая въ Гесдинъ, должна была начать переговоры. Она была изъ фамиліи Круа, а эти Круа, конкурренты Маргариты Австрійской относительно вліянія на Карла V и такъ затертая ею въ интригѣ императорскаго избранія, должны были съ жадностью ухватиться за дѣло, которое должно было вновь поднять ихъ во мнѣніи ихъ госу-даря. Первый принцъ крови! единственный человѣкъ, оставшійся изъ великихъ вассаловъ! конетабль Франціи! Трехъ человѣкъ въ од-номъ они отдали бы императору. Но это еще ничего не значить. Бурбонъ былъ важнѣе не столько этими тремя титулами, сколько по-пулярностью, которою онъ пользовался въ сословіи судей. Парламен-ты, парижскій, прованскій, какъ мы увидимъ, благопріятствовали ему. Уважаемые члены магистратуры, напр. Бюде, посвящали ему свои книги. Сказать короче, онъ имѣлъ на своей сторонѣ зародышъ партіи, которую въ другое время назвали бы партіей свободы. Огром-

ный пансъ! Карлъ V, во имя общественной свободы, заставилъ бы лучшихъ гражданъ Франціи разсуждать и подавать голосъ для гибели Франціи, и торжества иностранца!

Въ великомъ процессѣ, начатомъ 12 августа 1522 г. отъ имени Луизы, какъ наслѣдницы имущества Бурбонскаго дома, не хотѣли видѣть ничего болѣе, какъ только мщеніе женщины. Не отвергая того что это мщеніе могло играть здѣсь какую нибудь роль, я однакоже готовъ думать, что человекъ, бывшій, очевидно, центромъ недовольныхъ, кузенъ Карла V, родственникъ фамилии Круа, Гонзаговъ, по казался довольно опаснымъ—и потому его вздумали погубить.

На чемъ основывалось его право? Единственно на даръ *ею жены, не достигшей еще четырнадцати лѣтъ отъ роду*, на даръ, состоявшемъ не изъ изъ однихъ родовыхъ имуществъ, но также, въ значительной части и изъ имуществъ конфискованныхъ, которыя Людовикъ XI предоставилъ въ *пользованіе*.

Въ чемъ состояло право матери короля? Какъ *племянница герцога Бурбонскаго*, она была неоспоримою наслѣдницей частныхъ имуществъ этого дома, нерѣдко передававшихся женщинами въ тринадцатомъ вѣкѣ, и даже очень недавно предъ тѣмъ — Сусанною де Божё. Единственная отрасль старшей линіи, она, очевидно, имѣла пре имущество предъ фамиліей Монпансье, происходившей отъ младшаго сына.

Это дѣло было страшнымъ ударомъ для старой Анны де Божё, виновной въ томъ, что, противъ воли своего отца, она создала это опасное могущество. Казалось, тѣнь Людовика XI явилась требовать у нея отчета въ подаркахъ, которыми Анна такъ худо распорядилась. Она умерла отъ бѣшенства и досады (14 ноября 1522).

Смерть ея ускорила дѣла. Она оставляла за собою лично ей принадлежавшія помѣстья, которыя, безъ процесса и судебного приговора, сами собою должны были отойти обратно къ коронѣ. Это были Жьенъ, важный проходной пунктъ на Луарѣ, и двѣ военныя позиціи на Овернскихъ горахъ,—Карла и Мюрэ, съ большимъ трудомъ отнятые Людовикомъ у Арманьяковъ и отданные имъ не Вурбонамъ, а его *второму я* — его дочери, Аннѣ Французской. Не видно, по какому праву конетабль могъ бы удержать ихъ за собою. Но ему тяжело было отдать ихъ; они уже тридцать лѣтъ составляли часть владѣній Бурбоновъ. Жьенъ былъ его авангардомъ на Луарѣ. Помѣстья Овернскія были его твердыней. Можно вообразить каковы были въ XVI вѣкѣ, эти страны, столь дикія еще во времена Людовика XIV (см. Мемуары Флешье)! При входѣ въ Овернь, въ укрѣпленномъ замкѣ Шантель, соединяющемъ эту страну съ Бурбонъ, Бурбонскій домъ хранилъ свою казну, свои сокровища. Отсюда онъ наблюдалъ за четырьмя дорогами (которыя ведутъ также въ Лангедокъ). Онъ имѣлъ родовое помѣстье, которое называли Овернскимъ *Дельфинатомъ*, а посредствомъ брака онъ пытался получить также *графство*. Но послѣдняя наслѣдница отдана была Людовикомъ XII замужъ за Жана Стюарта герцога д'Альбани и королевское могущество утвердилось въ Нижней Оверни. Вурбонъ защищалъ

Верхнюю Овернь, которая готова была выскользнуть у него изъ рукъ.

Никакимъ трактатомъ, никакимъ бракомъ нельзя было предотвратить этотъ ударъ. Должно было начаться первое раздробленіе, долженъ былъ упасть первый камень громаднаго зданія, послѣдней и величайшей развалины феодальнаго міра. Это была какъ бы башня, которая осталась отъ него въ центрѣ Франціи. Я разумѣю Бурбонскій домъ. Онъ не могъ согласиться упасть иначе, какъ преобразившись, сдѣлавшись трономъ Франціи.

Бурбонъ рѣшился на шагъ, къ которому, безъ всякаго сомнѣнія, Круа уже цѣлый годъ побуждали его, онъ послалъ въ Мадридъ и просилъ руки сестры императора и вторженія имперцевъ и англичанъ во Францію.

14 января 1523 г. Томасъ Болейнъ, посланникъ Генриха VIII въ Мадридъ, писалъ въ Лондонъ, что объ этомъ происходятъ совѣщанія. Въ инструкціяхъ, посланныхъ Уольсеемъ въ отвѣтъ на это письмо, при изложеніи мотивовъ, заставившихъ Бурбона дѣйствовать такимъ образомъ, говорится, что этотъ добродѣтельный принцъ, видя дурное поведеніе короля и чрезмѣрныя злоупотребленія, хочетъ преобразовать государство, и облегчать бѣдный народъ » что Генрихъ VIII охотно поможетъ Бурбону въ этомъ преобразованіи Франціи.

Я ни мало не сомнѣваюсь, что серьезные и достойные люди, державшіе сторону конетабля, смотрѣли на дѣла съ этой точки зрѣнія. Это было фальшивое положеніе, въ которомъ не разъ находилась Франція, всецѣло олицетворяемая въ особѣ короля. Ошибки и преступленія этого короля нельзя было исправить иначе, какъ только этимъ ужаснымъ лекарствомъ, равнявшимся самоубійству—обращеніемъ къ иностранному избавителю. Т. е., для поправленія и исцѣленія Франціи, было только одно средство—уничтожить ее.

Было недостойною ироніей—предложить, въ качествѣ медиковъ, людей, которые, именно и составляли зло; вельможъ, которые смѣло явились въ собраніе государственныхъ чиновъ 1484 г. Но Франція отвергла ихъ, все-таки предпочитая дочь Людовика XI.

Не менѣе горька была иронія — избрать медиками королевства парламентское сословіе вчерашнихъ прокуроровъ, людей хитрыхъ и корыстолюбивыхъ, съ узкими понятіями, тупоголовыхъ, которыхъ практика, мѣшки съ пудрой, и мелочное воровство нисколько не могли приготовить для роли королевскихъ опекуновъ.

Мохнатые кошки (chats fourrés) Рабле и господа *Кровоніицы* (Nime - veines) которыхъ Бурбонъ въ своемъ революціонномъ увлеченіи, поставилъ на одну и ту же доску, вотъ основаніе на которомъ утверждалась его реформа. Чтобы исправить *расточителя* (prodigus et furiosus) который дѣлалъ опустошеніе во французскихъ финансахъ, предполагалось собрать благомыслящій совѣтъ, въ которомъ должны были засѣдать только французы: французъ Карлъ V (урожденный принцъ Бургундскій и Бурбонскій), французъ Генрихъ VIII (потомокъ дочери Филиппа Красиваго), оба происшедшіе отъ святаго Людовика.

Судьи и люди военные, находившіеся въ ссорѣ уже двѣсти лѣтъ, недавно были примирены между собою самимъ королемъ, *дворомъ* и ненавистью, которую онъ возбуждалъ къ себѣ: *дворомъ*, учрежденіемъ новымъ, до этихъ поръ неизвѣстнымъ, *дворомъ*, который видѣлъ только себя самага и презиралъ все остальное — дворянство такъ же, какъ и народъ; въ особенности дворомъ женщинъ, разлачено жѣсть и пенсіоновъ въ кругу фаворитокъ; монархіей, сдѣлавшеюся *царствомъ милостей*. Парламентцы и дворяне, до сихъ поръ оспаривали другъ у друга церковныя имущества, которыя посредствомъ мнимаго избранія давались имъ или ихъ слугамъ. Король поширилъ ихъ своимъ трактатомъ съ папой; онъ далъ имъ раковину, а для себя сохранилъ устрицу. Съ этихъ поръ церковныя имущества стали раздаваться какъ поало: иногда полезнымъ слугамъ, иногда любезнымъ жонщинамъ, которыя улыбкою похищали эти милости; одинъ посоль, отправленный въ Турцію, былъ вознагражденъ епископствомъ; одна любовница получила три епископства для своихъ трехъ братьевъ, и т. д.

Это была глубокая рана въ сердцѣ парламентцевъ, университетцевъ и дворянъ.

Первые, подъ предлогомъ разслѣдованія дѣла, рѣшили — отправиться въ Муленъ, къ герцогу. Можно угадать какъ принялъ и обласкалъ ихъ этотъ великолѣпный принцъ. Безъ сомнѣнія онъ изложилъ имъ свои идеи объ общественномъ благѣ, и высказалъ сожалѣніе, что исполнители этихъ идей — не они.

Съ возвращеніемъ, въ декабрѣ 1512, среди суровой зимы, великихъ общественныхъ бѣдствій, воспользовавшись сильнымъ раздраженіемъ Парижа, они, посредствомъ своихъ представлений, сдѣлали попытку робкой революціи, попробовали обратиться къ королю, послали жалобы къ канцлеру, который сурово и не колеблясь заключилъ ихъ депутатовъ въ тюрьму. Народъ не пошевелился.

Просьбы парламентцевъ были отвергнуты и теперь пришла очередь дворянъ попытаться съ своей стороны. Они это сдѣлали въ мартѣ. Бурбонъ былъ въ Парижѣ, для веденія своего процесса. Чтобы еще разъ испытать короля, они сдѣлали своимъ орудіемъ ла Броса. Жанъ де ла Бросъ, женившійся на наследницѣ Пентьевра уступилъ свои права Людовику XI, который платилъ ему пенсіонъ. Карлъ VIII Людовикъ XII, Францискъ I, нашли эту уступку выгодною, и вовсе не думали возвратить въ феодальныя руки сѣверъ Бретани, столь удобный для высадки англичанъ. Ла Бросъ ходилъ за королемъ какъ тѣнь, постоянно протестуя противъ этого поступка. Въ эту критическую минуту, когда можно было надѣяться, что ла Бросъ, утомленный напрасными хлопотами, отстанетъ, — онъ возобновилъ свое требованіе. Король повторилъ свой отказъ. Тогда ла Бросъ рѣшился сказать: Государь, я долженъ буду искать заступниковъ внѣ королевства. «Какъ хочешь, ла Бросъ.» Таковъ былъ отвѣтъ Франциска I.

Этотъ отвѣтъ долженъ былъ доставить удовольствіе Бурбону. Вокругъ него образовалась группа изъ многихъ дворянъ, въ числѣ ко-

торыхъ были Сентъ-Валье, Эскаръ, ла Воюйонъ и Лафайетъ. Послѣдній былъ отличный артиллерійскій офицеръ, а первый имѣлъ знатное родство и былъ въ связяхъ съ фамиліею Брезе, которые по наследству, отъ отца къ сыну, были сенешалями Нормандіи. Дочь Сентъ-Валье ученая, изящная (граціей если не сердцемъ), знаменитая Діана де Пуатье, уже пользовавшаяся извѣстностью, была замужемъ за Людовикомъ де Брезе, внукомъ Карла VII и Агнесы Сорель. Сентъ-Валье, начальникъ сотни дворянъ королевскаго дома, имѣлъ много удобныхъ случаевъ предать своего государя.

Другимъ партизаномъ Бурбона была сама королева, которая, забываясь только о семейныхъ дѣлахъ, хотѣла бы отдать за него свою сестру. «Однажды, когда она обѣдала одна и тутъ же случился Бурбонъ, она попросила его сѣсть и пообѣдать съ нею. Приходитъ король. Бурбонъ хочешь встать. «Нѣтъ, *монсеньеръ*, сидите, говоритъ король.—Ну, такъ это правда? вы женитесь?—Нѣтъ, государь. — Я знаю ваши торговые сдѣлки съ императоромъ... Помните хорошенько, что я вамъ говорю... — Государь, вы грозите мнѣ! Я не заслужилъ, чтобы со мною обращались такимъ образомъ.»

Послѣ обѣда герцогъ отправился, но не одинъ; все дворянство послѣдовало за нимъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Отпаденіе конетабля.—Его вторженіе. 1523—1524.

Такъ рассказывалъ самъ Карлъ V Томасу Болейну. Послѣдній наполь удивительнымъ, что король, сказавъ такія слова, позволилъ герцогу уѣхать. Тогда императоръ прибавилъ: «Онъ не могъ бы помѣшать этому; всѣ знатныя лица стоятъ за него».

Для выѣзда изъ Парижа Бурбонъ воспользовался очень популярнымъ предлогомъ: онъ сказалъ, что отправляется на ловлю сѣверныхъ бандитовъ, которые мѣшаютъ подвозу сѣстныхъ припасовъ. Но и въ центрѣ королевства, въ Оверни, Пуатье, Бурбонъ было не меньше разбойниковъ, имѣвшихъ при томъ болѣе правильную организацію. Это была настоящая армія; предводитель ея, король *Гильо*, имѣлъ двоихъ казначеевъ и бралъ подати. Этотъ король былъ дворянинъ изъ Бурбона, по имени Монтедонъ, или Монтолонъ. Очень трудно разобрать—былъ ли этотъ предводитель, происходившій изъ владѣній Бурбона, настоящий разбойникъ, или же одинъ изъ его партизановъ, который, предъ введеніемъ порядка, произвелъ пожаръ. Какъ бы то ни было, Бурбонъ отдалялъ бы отъ себя всѣхъ своихъ (вельможъ и парламентцевъ), если бы не подавилъ эту жакерію.

Даже въ Парижѣ, гдѣ жилъ самъ король съ своимъ дворомъ, происходили безпорядки, буйства, драки, доходившія до убійствъ. Король велѣлъ поставить висѣлицы у воротъ королевскаго дворца и онѣ были воздвигнуты ночью, вооруженными людьми. Король, кажется, обратился къ парламенту, который обладалъ въ самомъ дѣлѣ лучшую часть полиціи. Онъ держалъ тамъ *lit de justice* (особое ко-

ролевское засѣданіе) говорилъ очень рѣзко, и, напомнивъ парламенту о несовѣмъ похвальныхъ временахъ, сказалъ, что пока онъ живъ, времена Карла VII не возвратятся (30 іюня 1523).

Когда король Гильо былъ взятъ и приведенъ, его процессъ еще болѣе обнаружилъ раздоръ и раздраженіе. Парламентъ хотѣлъ видѣть въ немъ только бандита и дворянина. Дворъ же приговорилъ его къ усиленной казни, какъ бунтовщика, виновнаго въ государственной измѣнѣ. Съ инструкціи говорилося, что онъ долженъ быть обезглавленъ, а потомъ четвертованъ. Палачъ, разумѣется по приказанію, выполнялъ казнь на оборотъ: онъ четвертовалъ преступника живого. (29 іюля).

Парламентъ посадилъ палача въ тюрьму. 1 августа, когда онъ долженъ былъ разсматривать важный процессъ о наслѣдствѣ Вурбона, онъ отказался отъ этого, подъ предлогомъ своей некомпетентности, и отослалъ дѣло въ совѣтъ, т. е. къ королю, давая понять, что въ эти времена насилія нѣтъ болѣе правосудія.

Вѣче въ маѣ мѣсяцѣ Вурбонъ улазилъ и велъ переговоры съ Испаніей и Англійей. Благодаря англійскимъ депешамъ (которыя очень удачно выбралъ Тюрнеръ) мы можемъ съ точностію опредѣлять, къ какому времени относятся всѣ акты этой тайной негодіаціи. Вудуни слишкомъ на виду въ Муденѣ, среди своего двора, онъ часто ѣздилъ въ Савойю и въ Бресъ; и тамъ-то онъ писалъ и принималъ иностранныхъ агентовъ, которые не могли бы проникнуть во Францію. Савойя была непріязненна къ французамъ, несмотря на родство, такъ какъ король не давалъ ей создать три епископства, которыя освободили бы его отъ осады Ліона. Изъ Аннеси въ Савойю Бурбонъ, 12 мая, посылаетъ къ Уольсею. Въ Бургѣ, на савойской землѣ онъ 31 іюля принимаетъ Борона (де Круа), сына мадамъ де Ре, императорскаго агента.

Затрудненія состояли въ слѣдующемъ. Императоръ и Англія имѣли другъ съ другомъ два противоположныхъ интереса. А партія французская, поддерживавшая Бурбона, имѣла третій. Какъ согласить ихъ?

Императоръ съ своею сестрою, готовъ былъ дать двѣсти тысячъ золотыхъ экию, но только *послѣ того какъ Бурбонъ начнетъ дѣйствовать*. По недовѣрчивости своей, онъ откладывалъ и такимъ образомъ удерживалъ у себя то, что давало средство къ дѣйствию.

Генрихъ VIII, не менѣе безрасудный, заплатилъ бы тотчасъ, *но съ условіемъ, чтобы Бурбонъ призналъ его королемъ Франціи*, т. е. чтобы онъ поссорился и съ императоромъ и съ самою Франціей.

Очевидно, что англичане воображали себя въ томъ же положеніи, въ какомъ они были въ 1400, что они не знали о злобѣ, внушаемой ими со времени войнъ Карла VI, о новой силѣ французскаго чувства, о живомъ характерѣ Франціи, о ея ненависти къ чужеземному игу.

Бурбонъ, чтобы не имѣть господина, охотно бы приобрѣлъ себѣ двухъ. Кажется онъ хотѣлъ одурачить обѣихъ союзниковъ, хотѣлъ свалить на нихъ всѣ издержки, а самъ получить выгоду. Онъ думалъ, что, по сверженіи или умерщвленіи короля, парламентъ, безъ

сомнѣнія, объявятъ , что Франція хочетъ имѣть своимъ королемъ француза.

Составленный въ Бургѣ трактатъ между Бореномъ и Бурбономъ (Neg. Autg. II 589), есть трактатъ людей, которые хотятъ обмануть другъ друга.

Императоръ отдаетъ свою сестру и вмѣстѣ удерживаетъ ее, благоразумно прибавляя: «Если она согласится». Это даетъ ему власть сдѣлать то, что ему будетъ угодно. Эта сестра, вдова португальскаго короля, обладателя Индіи, имѣла своего, кромѣ приданого, на шесть сотъ тысячъ эку драгоценностей.

Будетъ ли Франція раздѣлена?—Да, сказалъ бы Карлъ V. Нѣтъ, сказалъ бы Генрихъ VIII, который хотѣлъ взять все.

Испанецъ, по видимому, желалъ имѣть Бурбона своимъ союзникомъ, англичанинъ—вассаломъ и требовалъ отъ него присяги. Затѣмъ, Бурбонъ полагается на *рѣшеніе императора*.

Два короля вступаютъ во Францію съ юга и съ запада, Бурбонъ, съ нѣмцами—съ востока. Куда пойдетъ онъ? «*Въ мѣсто, наиболее благоприятное для дѣла*». Но англичанинъ требуетъ чтобы, въ случаѣ сраженія, онъ привелъ къ нему свои и императорскія войска.

Бурбонъ, съ помощью денегъ своихъ двухъ союзниковъ, найметъ десять тысячъ нѣмцевъ, чтобы вести войну вмѣстѣ съ ними и съ *другими* военными людьми.

Эти *другіе* суть его вассалы, это—ополченіе, которое онъ можетъ созвать въ своихъ владѣніяхъ (до сорока тысячъ человекъ).

Эти *другіе* суть—безчисленное множество недовольныхъ, которые не преминутъ присоединиться къ нему, чтобы свергнуть Франциска I. Наконецъ это сама Франція, которой рѣшительно надоѣли Валуа, которая перейдетъ къ Бурбонамъ, привлеченная къ нимъ своими парламентами.

Но для этого надлежало оставаться свободнымъ, въ особенности же не дѣлаться англичаниномъ. Бурбонъ хотѣлъ вернуться отъ присяги, которой требовалъ Генрихъ VIII. Онъ отказался отъ ордена Золотого Руна, который Карлъ V хотѣлъ возложить на него и пожалованіе котораго заключало уже въ себѣ присягу импоріи.

Англичане не отстали и вынудили у него словесное обѣщаніе. Дѣло было улажено. Короли желали дѣйствовать. Минута казалась чрезвычайно благоприятною. Англійскіе послы писали Уольсею: «Ни одинъ король не былъ такъ ненавидимъ какъ этотъ. Онъ находится въ крайней бѣдности и еще въ большой тревогѣ. Онъ не можетъ прибѣгнуть къ займу. И онъ вынудилъ такъ много денегъ, что всякій налогъ возстановитъ всѣхъ противъ него».

Бурбону было обѣщано, что ранѣе 2-го сентября начнутся дѣйствія со всѣхъ сторонъ разомъ.

Маргарита Австрійская не могла этому повѣрить. Она думала, что у нихъ не достанетъ времени, что Бурбонъ подыметъ свое знамя слишкомъ рано и погубитъ себя. Но было совсѣмъ напротивъ, со стороны Испаніи и Англій пылкость доходила до такой степени, что все было готово раньше назначеннаго срока.

Англійскія деньги (или, лучше сказать, англійскій кредитъ) были уже въ Базель. Еще разъ банкъ, одинъ долженъ былъ совершить странное чудо: наводнить Францію импровизированными войсками.

Ландкнехты, нанятые на эти деньги, переправляются 26 августа черезъ Рейнъ, идутъ чрезъ Франшъ-Конте, достигаютъ Лотарингіи (1-го октября) и готовятся вступить въ Шампань.

Между 23 и 30 августа англичане высаживаются въ Кале и 4 сентября стовариваются съ фламандцами относительно общаго ихъ вторженія.

6-го сентября испанцы вступаютъ во Францію.

Точность удивительная, чрезмѣрная. Бурбонъ, 20 августа, писалъ, чтобы союзники не шли слишкомъ скоро, что онъ возстанетъ не раньше, какъ чрезъ десять дней. И такъ англичане въ Кале остались въ бездѣйствіи. Нѣмцы, уже далеко подвинувшіеся къ западу, отступаютъ на нѣкоторое время къ востоку, для избѣжанія рановременнаго дѣйствія.

Поведеніе Франциска I удивительно. Въ такой великой опасности его мысли были обращены къ Италіи. Онъ призывалъ туда свое дворянство.

Онъ надѣялся на три ненадежныя вещи. Съ одной стороны, онъ приготовлялъ флотъ для герцога д'Альбани, съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній отправился въ Шотландію, побудилъ ее къ нападенію на Англію и свернулъ Генриха VIII съ престола. Но если бы это и удалось, то все-таки было бы слишкомъ поздно. Англичане уничтожили флотъ.

Въ то же время онъ имѣлъ въ Лондонѣ одного, очень секретнаго, агента, посредствомъ котораго старался опять склонить Уольсея на свою сторону.

Скажутъ, что онъ не зналъ громадности грозившей ему опасности. Но онъ видѣлъ, по крайней мѣрѣ, неминуемую высадку англичанъ.

Какъ бы то ни было, но даже его безуміе послужило ему къ добру. Призывая оставшіяся у него силы къ Альпамъ, онъ долженъ былъ идти чрезъ Бурбонъ. Во время этого продолжительнаго прохода французской конницы, Бурбонъ не могъ возстать. Ему нужно было ждать того времени, когда король переправится чрезъ горы и тогда произвести возстаніе въ тылу его, отрвать ему отступление, удержать его и раздавить между бунтомъ и неприятелемъ.

Королю принесло пользу еще другое обстоятельство. Онъ не имѣлъ постоянной арміи. Онъ послалъ вербовать солдатъ въ Швейцарію. Должно было ждать. И такъ онъ подвигался небольшими переходами, и, самъ того не зная, приводилъ такую медленностью въ отчаяніе Бурбона, который прежде надѣялся, что король уйдетъ въ августъ. Это заставило герцога играть самую жалкую комедію: онъ слегъ въ постель, притворяясь больнымъ.

Король хотѣлъ, во что бы то ни стало, увести его съ собою, и между тѣмъ, видя, что онъ такъ могущественъ и имѣетъ такую сильную

поддержку, склонился къ примиренію съ нимъ. Кажется, онъ готовъ былъ оставить ему пожизненное пользованіе его помѣстьями, если бы онъ женился на сестрѣ Луизы Савойской и такимъ образомъ опять отдался бы въ его руки. Онъ объявилъ парламенту, что оставляетъ свою мать правительницей и что конетабль будетъ *намѣстникомъ королевства*,—титულъ только почетный и номинальный, потому что король бралъ Бурбона съ собою въ Италію.

Король былъ еще только въ Нивернѣ, когда онъ получилъ отъ своей матери письмо самаго страннаго свойства: «одинъ изъ самыхъ важныхъ людей, и при томъ королевской крови, — писала она, — хочетъ предать государство; онъ покушается даже на жизнь короля.» Королева имѣла въ своихъ рукахъ двухъ нормандскихъ дворянъ, воспитанныхъ въ домѣ Бурбона, которые были вовлечены въ заговоръ однимъ изъ его агентовъ. Устрашенные обдѣствиями, которые могли постигнуть королевство, они признались въ своей винѣ на исповѣди, уполномочивъ священника увѣдомить о ихъ признаніи Брезэ, сенешала Нормандіи. Брезэ былъ зять Сень-Валье, одного изъ компрометированныхъ лицъ. Однакоже онъ отослалъ этихъ двухъ людей къ королевѣ.

У короля было только нѣсколько конницы и именно эти люди были очень подозрительны. Чтобы идти далѣе, онъ дожидался пока ему не привели ланцкнехтовъ. Тогда онъ вступилъ въ Муленъ, разставилъ своихъ солдатъ у дверей и поселился въ домѣ герцога.

Мнимый больной, будучи спрошенъ, не осмѣлился отречься на этотъ разъ. Онъ признался, что императоръ сдѣлалъ ему нѣкоторыя предложенія, и что онъ не хотѣлъ о нихъ писать, а ждалъ короля, чтобы открыть ему все.

Король сдѣлалъ видъ, будто бы вѣритъ этому, успокоилъ герцога, и сказалъ, что ему нечего бояться процесса; что, — выиграетъ онъ этотъ процессъ или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ найдено будетъ средство къ тому, чтобы онъ не остался въ убыткѣ. Къ этому Францискъ весело прибавилъ: «Я увожу васъ въ Италію, тамъ вы будете командовать авангардомъ, какъ при Мариньяно.» Больной попросилъ нѣсколько дней отсрочки, ссылаясь на то, что не можетъ выносить движенія носилокъ. Король отправился, взявъ съ него ни къ чему негодное письменное обѣщаніе, и оставилъ при немъ одного оруженосца «для сообщенія ему свѣдѣній о состояніи здоровья герцога.»

Этотъ надсмотрщикъ стѣснялъ Вурбона. Конетабль удалилъ его, отправившись въ дорогу и пославъ его къ королю. Король отослалъ его обратно. Въ ла-Палисѣ больной притворился умирающимъ; крики, слезы служителей, — все было употреблено въ дѣло. Оруженосецъ, пробужденный ночью этою жалобной музыкой, въ другой разъ поддается обману и отправляется съ увѣдомленіемъ къ королю. Бурбонъ, съ постели вскакиваетъ на лошадь и несется во весь опоръ въ свой замокъ Шантель. Онъ узналъ, что парламентъ, который, сдѣланнымъ противъ конетабля доносомъ, былъ принужденъ дѣйствовать протвѣно своей волѣ, приказалъ конфисковать его помѣстья.

Онъ вѣзжалъ въ Шантель, а неотвязный оруженосецъ, котораго король сильно выбранилъ, вѣзжалъ за нимъ по пятамъ. Конетабль сказалъ ему, что онъ не поѣдетъ въ Лионъ, что, находясь у себя дома, онъ будетъ спокойнѣе и слѣдуетъ оправдаться. Когда оруженосецъ признался, что ему приказано—не терять конетабля изъ вида, герцогъ былъ такъ раздраженъ, а его люди до такой степени выказали готовность повѣсить посланца на зубцахъ крѣпости, что онъ чувствовалъ себя слишкомъ счастливымъ, убравшись по-доброму по-здорову.

Это было 7 сентября; испанцы входили въ Гасконію, нѣмцы—въ Шампань. Герцогъ надѣялся еще обмануть короля; онъ послалъ къ нему человека серьезнаго, епископа Отѣнскаго, Шиверни, съ письмомъ, въ которомъ обѣщалъ *честнымъ словомъ* служить ему, если ему возвратятъ хоть только тѣ имуществва, которыя составляютъ собственность Бурбоновъ. Это значило отказаться отъ вдовьей части Анны Божьей.

Епископъ встрѣтилъ сильный отрядъ жандармовъ, который оставилъ его. Четыре тысячи людей шли къ Шантелю. Бурбонъ бѣжалъ ночью съ 9 на 10; онъ поскакалъ къ югу, одѣлся пажомъ, подковалъ своихъ лошадей задомъ напередъ и взялъ съ собою только одного Помперана, одѣтаго стрѣлкомъ. Они пріѣхали въ Бриудъ, въ лѣ-Пюи, откуда, черезъ пустынный цѣпи виварскихъ горъ, добрались до Роны, противъ Виенны въ Дофинѣ. На Виенскомъ мосту нѣмцы стрѣлокъ спрашиваютъ у одного мясника: стоятъ ли стрѣлки въ проходѣ.—«Нѣтъ». Успокоенные этимъ отвѣтомъ, они продолжали свой путь, но не поѣхали черезъ мостъ, а переправились на паромѣ, который былъ ниже.

На этомъ паромѣ солдаты узнали Помперана. Бѣглецы, встревоженные, посѣпшили скрыться въ лѣсъ; потомъ остановились въ домѣ одной старой вдовы, которая привела ихъ въ новое безпокойство. Она сказала Помперану: «Вы не изъ тѣхъ ли, *которыя сумашествуютъ* виѣстѣ съ Бурбономъ?» Дворцовый превѣ, который искалъ ихъ, находился на разстояніи только одного лѣ отъ нихъ. Они слѣтали шесть лѣ, въ самую середину горъ. Они хотѣли пробраться въ Савою, въ Сузу, въ Геную и отправиться на корабль въ Испанію. Но всѣ дороги были заняты конницей. Оттиснутые еще разъ къ Ронѣ, они, наконецъ, съ большимъ трудомъ добрались до Франшъ-Контѣ.

Удивительно то, что Бурбонъ не тронулся оттуда. Понятно, что онъ не хотѣлъ повредить себѣ въ глазахъ своей партіи, отправившись къ испанскому королю, а еще болѣе—къ англичанамъ. Но почему онъ не поѣхалъ, какъ можно скорѣе, къ нѣмцамъ, которыхъ собственный его секретарь вооружилъ для него и которые, черезъ Франшъ-Контѣ, шли къ Шампани? Тамъ-то сосредоточивался великій и быстрый ударъ; въ два приѣма эти войска были бы въ Парижѣ. Ударъ вѣроломный: они вошли черезъ Контѣ, мирную провинцію, для которой добрая Маргарита постоянно приобретала нейтралитетъ,

миръ и свободную торговлю среди войны. Съ этой стороны Франція считала себя защищенною, но здѣсь-то именно и былъ ея уязвимый пунктъ. Бурбонъ терялъ всѣ выгоды этого вѣроломства и разсчета.

Онъ остается въ Конте около трехъ мѣсяцевъ: сентябрь, октябрь, ноябрь. Это видно изъ его писемъ. Никто не подозрѣвалъ этого. Его друзья искали его повсюду, до самой Корунны въ Испаніи.

Чего же ждалъ онъ?

Чтобы Франція пришла къ нему. Она не трогалась.

Мы видимъ его 21 октября еще тамъ; онъ собираетъ нѣсколькихъ всадниковъ, чтобы послать ихъ къ своимъ нѣмцамъ. Мы видимъ его тамъ и въ ноябрѣ, посылающимъ къ англичанамъ одного артиллерійскаго офицера, Лафайета, который нѣкогда защищалъ Булонь, а на этотъ разъ долженъ былъ помочь англичанамъ взять еѣ.

Союзники глупо вообразили, что они будутъ имѣть дѣло съ королемъ. Они встрѣтили цѣлую націю.

По крайней мѣрѣ Франція феодальная и Франція коммунальная соединились и согласились отразить непріятеля. Регулярныя войска, снабженныя всѣмъ, были остановлены или замедлены въ своихъ маршахъ этими единодушными сопротивленіями. Въ Вайонѣ всѣ—мужчины, женщины, дѣти — вооружились противъ испанцевъ и «трусы сдѣлались храбрецами». На востокъ, нѣмцы проникли въ Шампань, но, не имѣя при себѣ ни одного всадника, для развѣздоръ по странѣ, не находя человека, который бы доставилъ имъ съѣстныхъ припасовъ, они умирали съ голода. Герцогъ Гизъ отрѣзалъ ихъ на Маасѣ, и перебилъ порядочное число ихъ, къ великому удовольствію лотарингскихъ дамъ, которыя изъ одного замка видѣли этотъ спектакль и апплодировали.

Велика была опасность на сѣверѣ, гдѣ 15 тысячамъ англичанъ помогали 20 тысячъ императорскихъ войскъ. Этой огромной массѣ ла-Тремуйль противопоставилъ храбрость Креки и другихъ дворянъ, а также яростное и отчаянное сопротивленіе бѣдныхъ коммюнь, достаточно вразумленныхъ жестокими опустошеніями со стороны Нассау, въ 1521, насчетъ того чего они могутъ ожидать.

Всего этого было бы мало, если бы между союзниками не возникло несогласій. Но Уольсей и его государь, желая не одного и того же. Генрихъ не хотѣлъ, чтобы войска шли въ глубину Франціи въ осеннее время, по испортившимся уже дорогамъ. Онъ хотѣлъ взять Булонь—и только. Но не въ этомъ состоялъ интересъ имперцевъ; Маргарита Австрійская хотѣла крѣпостей на Сомѣ, хотѣла Пикардіи. Уольсей былъ на ея сторонѣ, будучи въ это время преданнымъ слугою имперцевъ.

Папа Адрианъ VI, 14 сентября, умеръ; и Уольсей простодушно воображалъ, что они направятъ конклавъ въ его пользу. Императоръ, бывший свидѣтелемъ настоятельности, съ какою англичане требовали французскаго королевства, не думалъ сдѣлать папою англичанина, который употребилъ бы свою власть на то, чтобы помѣстить

своего короля въ Луврѣ. Онъ заставилъ назначить папою одного изъ Медичи, незаконнорожденнаго, для котораго сдѣлано было исключеніе. Избраніе неправильное, которое возбудило много споровъ и поставило новаго папу тѣмъ въ большую зависимость (19 октября 1523).

Эта новость разразилась надъ Уольсеемъ въ ту минуту, когда онъ, вопреки желанію своего государя, слѣдовалъ за имперцами, обдѣлывалъ ихъ дѣла во Франціи, овладевая для нихъ Шикардію. Зима была ужасна; люди мерзли, теряли руки, ноги; но армія все подвигалась впередъ. Чтобы ободрить солдатъ, Уольсей въ этомъ трудномъ походѣ позволилъ имъ грабить. То что не было взято, сожигалось. Такимъ образомъ войска подошли на разстояніе одиннадцати лѣтъ отъ Парижа.

Сталъ ли бы Парижъ защищаться? Парламентъ, повидимому, не думалъ объ этомъ. Онъ довольно худо принялъ людей, присланныхъ королемъ для организованія защиты. Вдругъ, — дѣло неожиданное, — англичане поворачиваютъ назадъ и уходятъ. Уольсей пишетъ къ императору: «Теперь слишкомъ холодно, ни человекъ, ни животное не въ состояніи этого выдержать. А ваши нѣмцы, которые пришли съ Рейна, теперь разбѣяны.»

Бурбонъ и его партія взаимно ожидали другъ друга. Отъ сентября до декабря онъ оставался въ непоколебимомъ убѣжденіи, что французское дворянство присоединится къ нему. Но изъ вѣрности къ королю, или изъ интереса, оно привязалось къ своей почвѣ и не двигалось съ мѣста. Правда, король (25 сентября) далъ ему неожиданное доказательство своей довѣренности; онъ предоставилъ владѣльцамъ власть—*приговаривать къ смерти бродягъ, авантюристовъ, грабителей, которыхъ королевскіе чиновники отдадутъ въ ихъ руки*. Королевскіе люди становились не болѣе какъ жандармами, владѣлецъ же дѣлался судьей. Если бы дѣла продолжались такимъ образомъ, то это было бы отмѣною всего прежняго, новымъ порядкомъ, отреченіемъ отъ королевской власти.

Это относительно дворянства. Духовенство тоже получило свою долю. Король взялъ у него треть дохода. Поэтому онъ принялъ методу, — которой потомъ постоянно слѣдовали, — вознаграждать духовенство гоненіями противъ еретиковъ. Императоръ и Маргарита дѣлали то же; они незадолго предъ тѣмъ сожгли трехъ лютеранъ во Фландріи. Въ Парижѣ былъ сожженъ одинъ отшельникъ, который осмѣлился сказать, что св. Дѣва зачала какъ женщина. Одинъ дворянинъ, Берковъ, былъ бы сожженъ епископомъ и парламентомъ, если бы за него не вступилась сестра короля. Однакоже его выручили только силою: королю пришлось взять его изъ тюрьмы посредствомъ стрѣлковъ своей гвардіи.

Большой соблазнъ для духовенства, *правосудіе* котораго было оставлено въ своемъ дѣйствіи этимъ самопроизвольнымъ поступкомъ! Король утѣшалъ его, отправивъ изъ Парижа двѣнадцать монаховъ нищенствующаго ордена, которые должны были по всей Франціи проповѣдывать противъ лютеранъ.

А народъ? — что сдѣлалъ король для него? — Онъ уничтожилъ

въ Парижѣ монополію хлѣбопековъ. Онъ сдѣлалъ нѣкоторыя реформы въ расходахъ. Онъ попытался установить контроль надъ людьми, завѣдывающими финансами, и централизовать финансовую администрацію. Всѣ взимаемыя суммы должны были сосредоточиваться въ Валу.

Король былъ очень безсиленъ въ эту критическую минуту. Онъ требовалъ правосудія отъ парламента, который не хотѣлъ его слушать. Члены его не осмѣливались сказать, что сообщники Вурбона невинны; но они не находили или не хотѣли найти доказательствъ ихъ преступленія. Депутаты отъ парламентовъ руанскаго, джонскаго, тулузскаго и бордосскаго были призваны для пересмотра дѣла, но и они говорили то же, что парламентъ парижскій. Все судебное сословіе было заодно.

Только одинъ Сень-Валье былъ приговоренъ къ смерти, но, кажется, король добился этого приговора подъ условіемъ, что онъ помилуетъ преступника на эшафотѣ.

Да и самъ Францискъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ нерѣшительность. Сначала онъ отцѣнилъ голову Вурбона, потомъ смягчился, — послѣ визита, сдѣланнаго ему сестрою конетабля, герцогиней Лотарингскою. Король вступилъ съ нимъ въ переговоры, уговаривая его явиться, и обѣщая выслушать его.

Относительно Сень-Валье онъ тоже колебался. Сначала онъ вспылалъ, сказалъ, что убить этого измѣнника, человѣка, принадлежавшаго къ числу довѣренныхъ лицъ, къ его собственной гвардіи, и вздумавшаго предать своего государя. Потомъ онъ отдалъ его подъ судъ и удовольствовался однимъ призракомъ казни. Носилось множество слуховъ. Говорили, что Сень-Валье принялъ участіе въ заговорѣ единственно для отмщенія за безчестіе, нанесенное королемъ его дочери. Сень-Валье не имѣлъ другой дочери кромѣ г-жи де Врезе, бывшей за мужемъ уже десять лѣтъ. Говорили также, — и это болѣе вѣроятно, — что эта дама, которая имѣла двадцать пять лѣтъ отъ реду, обладала очень эффектною наружностью, граціей и была очень похожа на мужчину своимъ характеромъ, — пошла прямо къ королю, и заключила съ нимъ сдѣлку; спасая своего отца, она устроила свои собственные дѣла, приобрѣла прочную выгоду и полмѣстическое положеніе друга короля. Объ этой дружбѣ свидѣлствуетъ цѣлый томъ писемъ.

Но во время этихъ интригъ что дѣлалось съ итальянскою арміею? Она провела шесть мѣсяцевъ подъ открытымъ небомъ, у подошвы Альповъ, томимая лишеніями, изнуряемая болѣзнями, кое-какъ пополняемая небольшими подкрѣпленіями. Она была поддерживаема итальянскими выходцами; у французовъ было много ихъ, — низанцевъ, флорентинцевъ, болонцевъ, генуэзцевъ, неаполитанцевъ, бѣглецовъ изъ Рима и изъ Перуджіи. Предводителемъ ихъ былъ одинъ изъ фамиліи Орсини, римлянинъ Ренцо де Черо, храбрый солдатъ, который въ теченіе всей зимы осаждалъ Арону. Весною непріятель былъ подкрѣпленъ шестью тысячами вѣмцевъ, которыхъ нашолъ Бурбонъ, съ помощью денегъ Флоренціи и папы. Въ аррьергардѣ — Бониве храбро

сражался, пока не былъ раненъ. Бѣдный певалье Баяръ, заболѣвшій отъ жестокой стужи, выдерживалъ всю тяжесть сраженія, но, наконецъ, пуля раздробила ему поясницу. «Иисусе!—сказалъ онъ—я убить... *Miserege mei Domine!*» (Боже, помилуй мя!) Его уложили подъ дерево и никто не хотѣлъ оставить его. «Уйдите, господа,—сказалъ онъ,—вы попадетесь въ плѣнъ.» Минуту спустя, проходилъ мимо него побѣдитель, конетабль, который сказалъ, что «очень жаль такого храбраго человѣка». На это умирающій возразилъ слѣдующими словами: «Монсенъёръ, обо мнѣ сожалѣть нечего; я умираю какъ честный человѣкъ. Но я жалѣю о васъ, потому что вы служите противъ вашего государя, противъ вашего отечества, противъ вашей присяги».

Бурбонъ уже вкушалъ горькіе плоды своего отпаденія. Его господинъ, императоръ, для котораго онъ, безъ денегъ, безъ помощи, недавно образовалъ армию,—и армию побѣдоносную,—наградилъ его по своему, подчинивъ его одному изъ своихъ слугъ, Ланнуа, принадлежавшему къ фамиліи Круа, вице-королю неаполитанскому, фламандцу безъ способностей.

И вотъ онъ,—этотъ человѣкъ, столь высокоумный,—поставленъ, подъ начальствомъ Ланнуа, въ зависимость отъ двухъ хищныхъ звѣрей, лютаго испанца Антоніо Лейвы, эскъ-конюха, и интриганта Пескеры, шпіона и доносчика на всѣхъ генераловъ, итальянскаго предателя Италіи, старающагося вездѣ ловить рыбу въ мутной водѣ. Скованный такимъ образомъ между этими стражами, нетерпѣливо желавшими погубить его, Бурбонъ обратился къ Англіи. Но Уольсей, уже остынувшій, говорилъ, что конетабль не получитъ ни одного су, если не поклянется въ вѣрности королю Англіи и Франціи, т. е. если онъ не погубитъ себя предъ императоромъ, даже предъ Франціей и не уничтожитъ тѣмъ своей партіи.

Странное положеніе. Онъ вступаетъ во Францію, вѣдя съ собою императорскую армию, требуетъ отъ провансальцевъ, чтобы они присягнули Карлу V, а самъ тайно присягаетъ Генриху VIII. (См. депеши у Тёрнера.)

Онъ думалъ сдѣлаться королемъ Прованса, въ вассальной зависимости отъ двухъ королевъ. Онъ рассчитывалъ на старинную химеру провансальцевъ, желавшихъ составить свое особое государство,—государство завоевательное, какимъ было нѣкогда королевство Обѣихъ Сицилій.

Парламентъ города Э, можетъ быть, не былъ далеко отъ этой мысли. Когда Бурбонъ потребовалъ отъ Марсея *състѣнныхъ припасовъ*, то этотъ городъ совѣтовался съ парламентомъ, который, не отвѣчая, послалъ одного изъ своихъ членовъ. Городской совѣтъ, уступая этому вліянію, смягчился, обѣщалъ доставить припасы, но *въ небольшомъ количествѣ*. (Cart. de Fr. I-er, p. 341.)

Казалось, все благопріятствовало вторженію. Бурбонъ не встрѣчалъ никого. 9 августа онъ вошелъ въ Э. Оттуда ему хотѣлось бы идти прямо въ Дофинъ, взять Ліонъ. Находясь тамъ, онъ былъ бы у

себя, онъ ходилъ бы по этой землѣ какъ господинъ, онъ подвѣлъ бы ее и увлекъ своихъ вассаловъ и центральную Францію, для взятія Парижа.

Кто помѣшалъ этому? Францискъ I? — Нѣтъ, Карлъ V.

Королю даже въ сентябрѣ не удалось еще сформировать армію. Бурбонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлый мѣсяць августъ, чтобы подвинуться въ глубину Франціи.

Мадридскій совѣтъ чувствовалъ такое недовѣріе, такую зависть и такой страхъ къ опасному авантюристу, что боялся сдѣлать слишкомъ большіе успѣхи, побѣдить для него, хотя и посредствомъ его. Въ то время, когда Бурбонъ рвался впередъ со всею своею страстью, со всемъ своимъ бѣшенствомъ, его схватили за его цѣпь и оттащили назадъ. Пескера, испанцы холодно дали ему понять, что дѣло не въ томъ, чтобы подвигаться впередъ, а что императоръ хочетъ взять Марсель, портъ превосходный, удобный, между Испаніею и Италіею. И его, трепещущаго отъ нетерпѣнія, они удержали на морскомъ берегу.

Какимъ образомъ идти дальше? Испанія не платила, Англія перестала платить. Какъ увлечь солдата? На это Бурбонъ могъ бы отвѣчать. Отъ дьявола и отъ своего отчаянія онъ уже взялъ тотъ ужасный талисманъ, которымъ онъ пользовался до самой своей смерти. Солдаты безпрекословно слѣдовали за нимъ. И что дѣлалъ Бурбонъ для этого? Ровно ничего. Не нужно было ничего дѣлать, надлежало только быть слѣпымъ и глухимъ; не видѣть ни убійства, ни грабежа, ни насилія; подавить въ себѣ всякія чувства, не имѣть ничего человѣческаго. Солдаты послѣдовали бы за нимъ, чтобы овладѣть Ліономъ, какъ потомъ онъ слѣдовалъ за нимъ для овладѣнія Римономъ. И все это дѣлалось безъ обѣщаній, посредствомъ нѣмого договора, въ которомъ заключалось все: всякія доньги, всякая женщина, всякое преступленіе.

Имперцы обѣщали Марсель своимъ солдатамъ, объяснивъ имъ, что весь Провансъ собрался въ немъ, ница тамъ убѣжища; что тамъ накопилась необъятная добыча. Бурбонъ, какъ мы видѣли, имѣлъ тамъ своихъ одиномышленниковъ въ нотабляхъ, и рассчитывалъ на это. Но народъ сохранилъ въ своей душѣ энергическую ненависть къ испанцамъ; онъ хорошо помнилъ, какъ арагонцы разграбили городъ, напавъ на него врасплохъ. Онъ сформировалъ изъ себя роты, укрѣпился и сражался мужественно. Ему помогали и дворяне, присланные королемъ, и итальянскіе изгнанники, подъ предводительствомъ Ренцо (Орсини),—храбрый легіонъ, уже давно находившійся въ изгнаніи, закаленный въ битвахъ подъ знаменами Франціи и еще болѣе надежный, чѣмъ сами французы. Противъ француза Франція была защищаема Италіею.

Quand Bourbon vid Marseille,
Il a dit à ses gens:
Vray Dieu! quel capitaine
Trouverons nous dedans?

Il ne m'en chaut d'un blanc
D'homme qui soit en France,
Mais que ne soit dedans
Le capitaine Rance *.

Эта старинная пѣсня нашихъ бѣдныхъ пѣхотинцевъ, составленная не въ похвалу ихъ предводителей, а во славу итальянца, остается вѣнкомъ этого пріемнаго сына Франціи, вѣнкомъ, сплетеннымъ руками народа.

Осада тянулась. Удобовоспламеняемые жители Марсея сильно увлеклись войной,—какъ мужчины, такъ и женщины. Если эти послѣдніе не сражались, то онѣ помогали дѣлать укрѣпленія. Единственные города устранило измѣну. И между тѣмъ какъ Бурбонъ ждалъ парламентаровъ, предложеній, словъ, къ нему сыпались только ядра. Во время одной обѣдни, у испанцевъ ядро убило священника у алтара и еще двухъ человекъ. Пескера сказалъ приближавшемуся Бурбону: «Это ваши марсельцы идутъ съ веревкой на шеѣ и несутъ вамъ ключи». А послѣ одной убійственной рекогносцировки, во время которой былъ замѣченъ ровъ, окаймленный пиццалами, Пескера сказалъ: «Это поставленъ столъ для васъ. Бѣгите туда; вы поужинаете сегодня вечеромъ въ раю...»

Бурбонъ могъ добиться только того, чтобы сдѣлана была еще одна попытка штурма. Онъ не удался, а между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что очень близко, въ Салонѣ, находится сильная королевская армія. Пескера объявилъ, что онъ не можетъ подвергать себя риску—быть уничтоженнымъ между такою арміею и городомъ. Бурбонъ отступилъ отъ Марсея (27 сентября 1524). Осаждающіе отправились, но уже преслѣдуемые по пятамъ французами, которые у р. Вара настигли ихъ и уничтожили арьергардъ. Армія не остановилась. Эти важные испанцы, эти тяжелые ландкнехты, сдѣлались вдругъ настоящими басками. Это отступление было похоже на таборъ оборванныхъ цыганъ. Пѣшкомъ, на мулахъ или на ослахъ, они проворно двигались по дорогѣ Карниза, такъ проворно, что сдѣлали сорокъ миль въ одинъ день, по направленію къ Альбенгѣ.

Карлъ V очень заслужилъ эту неудачу. Онъ и побуждалъ и удерживалъ Бурбона, заставляя его сражаться со связанными руками и держа его на цѣпи. Ужасная репутація его войскъ, которые были страшнѣе всякихъ разбойниковъ, сдѣлала сопротивление Марсея упорнымъ, отчаяннымъ. Его личная жестокость, испытанная даже Испаніей, предписывала иностраннымъ изгнанникамъ, запершимся въ городѣ, законъ—или побѣдить или умереть. Въ очень недавнемъ дѣлѣ *коммунеросовъ* онъ не утвердилъ ни одного изъ помилованій, обѣщанныхъ тѣми, которые сдѣлали его побѣдителемъ. Онъ отправилъ на висѣльцу людей, которымъ ройялисты гарантировали жизнь своею честью. Жестокое ниспроверженіе испанскихъ понятій, которое сильно востановляло противъ иностраннаго правительства! Король,

* Когда Бурбонъ увидѣлъ Марсель, онъ сказалъ своимъ: Праведный Боже! какого-то военачальника мы найдемъ тамъ? Никакой человекъ во Франціи не заставитъ меня побѣдить, лишь бы только не было тамъ капитана Ранса (Ренцо).

священный источникъ чести и милости, пятнаеть честь своихъ подданныхъ, не щадить никого; онъ является послѣ побѣды, чтобы показать свою жестокость! Говорятъ, «было мало смертныхъ приговоровъ». Это правда (гнусное лицемеріе!); судить стали уже тогда, когда уже было совершенно много казней безъ суда.

Кортесы сильно выразили свое негодованіе, отказавъ Карлу V въ деньгахъ. И это-то болѣе, чѣмъ все остальное, помѣшало его успѣху въ осадѣ Марсеа.

Гранды его партіи были раздражены болѣе другихъ. Онъ не возвратилъ имъ денегъ, которыя они дали ему впередъ, для войны съ *коммунеросами*. Коветабль Кастиліи сказалъ ему: «Неужели мнѣ придется платить издержки за то, что я въ два мѣсяца выигралъ вамъ два сраженія?» Эта насмѣшка заставила молодого императора забыть свою обычную сдержанность. У него сорвались съ языка слова: «А если я тебя сброшу съ балкона? — Я слишкомъ тяжелъ; вы еще подумаете объ этомъ»,—отвѣчалъ, смѣясь, старый солдатъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Битва при Павіи.—1525 г.

Отступленіе непріятелей было въ высшей степени выгодно для Франциска. Изъ короля ненавидимаго, непопулярнаго онъ опять превращался въ богатыря Франціи, въ защитника родной почвы, въ покровителя странъ, опустошенныхъ варварскимъ вторженіемъ этой ужасной арміи нищихъ. Все дворянство Франціи стеклось, такъ сказать, на свиданіе чести, чтобы засвидѣтельствовать свою вѣрность; оно было упоено, оно гордилось, видя себя такъ великимъ и (вещь рѣдная) въ такомъ полномъ составѣ. Страшная швейцарская пѣхота присоединилась къ королю. Никогда еще не существовало такой прекрасной, такой горячей арміи. Было бы глупостью не воспользоваться этимъ великимъ движеніемъ, слѣдуя совѣту старыхъ генераловъ, —глупостью гибельною: какимъ образомъ прокормить всю эту массу, если она не будетъ двинута въ Ломбардію? Англичане не угрожали. Итакъ король пошелъ впередъ, не дожидаясь своей матери, которая ѣхала къ нему, чтобы остановить его.

Онъ пошелъ на три пункта. Въ десять дней эта огромная армія была уже на другой сторонѣ. Тамъ, вся трудность заключалась въ томъ, чтобы отыскать имперцевъ; — они разсѣялись, укрылись въ крѣпостяхъ. Король приблизился къ Милану. Миланцы, несогласные между собою, призывали въ одно и то же время и короля и имперцевъ. Тѣмъ не менѣе король обошелся съ ними хорошо. Онъ остановилъ всю свою армію у воротъ города и сначала не позволялъ туда войти ни одному солдату и такимъ образомъ спасъ городъ. Только на другой день войска, остынувшія, успокоившіяся, подъ твер-

дымъ предводительствомъ стараго и уважаемаго ла-Тремуция, вступили туда въ большомъ порядкѣ.

Правственное дѣйствіе взятіе Милана было очень велико. Венеція, папа и мелкія итальянскія владѣнія должны были съ этихъ поръ сообразоваться съ желаніями короля. Оставалось найти остатки императорской арміи, разбивать ихъ по-одиначкѣ. Самый сильный отрядъ, подъ предводительствомъ Антоніо де Лейвы заперся въ Павіи. Король осадилъ его (28 октября 1524 г.).

Было ли это поведеніе нелѣпо? Ни мало. Итальянцы, которые столько страдали отъ непостоянства французовъ, отъ ихъ пряхотливыхъ экспедицій, увидѣли ихъ въ первый разъ постоянными и настойчивыми, утвердившимися въ Италіи и рѣшившимися не выпускать своей добычи изъ рукъ. Это было великимъ побужденіемъ присоединиться къ нимъ.

Чего хотѣлъ король? 1) Заставить мелкія владѣнія кормить его и давать ему жалованье; 2) раздѣлить имперцевъ, возбудить въ нихъ опасеніе за Неаполь, откуда они получали ту малость, которую давалъ имъ императоръ. Казалось, дѣло будетъ выиграно тѣмъ, кто съумѣетъ заставить Италію платить контрибуцію. Отрядъ изъ десяти тысячъ человекъ, который онъ отправилъ къ югу, присоединилъ къ нему колебавшихся. Тосканскіе города начали платить, Феррара дала деньги и, кромѣ того, доставила припасы. Для изнуренныхъ имперцевъ ихъ разбѣжаніе казалось неизбѣжнымъ. Даже Павія была полна безпокойства и ропота. Пять тысячъ нѣмцевъ, находившихся тамъ вмѣстѣ съ пятью стами испанцевъ, которые вовсе не удерживали ихъ, нѣсколько разъ готовы были сдаться королю, вмѣстѣ съ городомъ.

Онъ оставался тамъ четыре мѣсяца, обманываемый инженерами, которые то производили канонаду, то копали землю, для отвода рѣки, желая взять городъ съ той стороны, съ которой онъ защищенъ водою.

Ничто не удавалось. Этотъ король, живой и нетерпѣливый отъ природы, на этотъ разъ, казалось, не торопился. Онъ съ необыкновенною охотой выносилъ эту, столь продолжительную, зимнюю кампанію, во время которой его армія квартировала въ гостиницѣ звѣзды т. е. подъ открытымъ небомъ. Почему? онъ забавлялся (по словамъ Гвичардини), отдавая все удовольствіямъ, и ничего дѣламъ. Итальянская зима, проведенная такимъ образомъ, ему казалась довольно пріятною.

Для людей Франциска I было очень важно держать его въ хорошемъ расположеніи духа. Они имѣли огромную выгоду отъ этой праздной войны, насчитывая королю безконечное число солдатъ, которые существовали только въ цѣфахъ; швейцарцовъ, нѣмцевъ на бумагѣ, которые тѣмъ не менѣе ѣли и получали жалованье. Его генералы были очень корыстолюбивы; всѣ слѣдовали ихъ примѣру. Король, который веселился, спалъ, воочился, полагаясь на своихъ милыхъ друзей, былъ поѣдаемъ и пожираемъ, не замѣчая этого; онъ находился даже въ опасности, что скоро обнаружилось.

Онъ имѣлъ пріятное помѣщеніе въ одномъ хорошемъ ломбардскомъ аббатствѣ. Лютеръ, во время своего путешествія въ Римъ, былъ испуганъ и скандализированъ роскошью этихъ аббатствъ, тонкими яствами, вѣчною флорю, винами, не говоря уже объ остальномъ. Онъ бѣжалъ оттуда въ негодование. Король—не бѣжалъ; напротивъ, онъ жилъ очень терпѣливо четыре мѣсяца то въ аббатствѣ, то въ Мирабеллѣ, старинной виллѣ герцоговъ миланскихъ, среди большого парка.

Ломбардія не была уже тѣмъ, чѣмъ была прежде. Она жестоко страдала, и понесла неисчислимыя потери. Но,—какъ часто случается въ этихъ великихъ крушеніяхъ,—избранныя мѣста, куда сосредоточиваются обломки, кажутся тѣмъ болѣе богатыми. Итакъ я повѣрю безъ труда, что аббатство и вилла, приготовленные для короля Франціи, напоминали собою *Житницы* Сфорцы или *Puzzole* короля неаполитанскаго и другія мѣста нѣги, которыя извѣстны намъ по описаніямъ. Эти виллы были восхитительны по смѣси искусства съ природой, по своему сельско-хозяйственному характеру, который любить итальянцы. Наши замки, часто военные, въ своей феодальной спеси, казалось, презирали, удаляли отъ себя поле и земледѣльческій трудъ, держались подальше отъ земли рабовъ. Благородно-сучные, они, для прогулки своей плѣнной владѣтельницы, представляли только надобѣдающую террасу, безъ вида, безъ тѣни, гдѣ росла кое-какая желтая, печальная трава. Напротивъ того, виллы итальянскія, настоящіе музеи и далеко превосходившія эти замки относительно искусства, были украшены садоводствомъ и свободно раскидывались вокругъ парками и разнообразною культурой. Товарищи Карла VIII, которые увидали ихъ первые, описываютъ ихъ съ большимъ увлеченіемъ.

Охраняемая при входѣ нѣмыми народомъ изъ альбаstra и порфира, окруженная портиками «съ миленькими окнами» эти, очаровательныя жилища скрывали внутри не только ослѣпительную роскошь тканей, прекрасныхъ шелковъ, венеціанскихъ разноцвѣтныхъ хрусталей, но и всякихъ изящныхъ предметовъ удовольствія и пользы, въ которыхъ было предусмотрено все: здѣсь были разныя погреба, изысканныя кухни, аптеки, глубокія пуховыя постели, даже фландрскіе ковры, на которые, при пробужденіи, могла опуститься маленькая голая ножка, защищенная ими отъ холоднаго мрамора.

Здѣсь были воздушныя террасы, висячіе сады и самыя разнообразныя виды. Какъ разъ волѣ — идиллія сельскаго хозяйства: олень и корова, подходящіе вечеромъ безбоязненно къ брызжущимъ, водамъ мраморныхъ фантановъ; вдали—на волѣ пасущіяся стада, сѣнокосъ или сборъ винограда, виргиліевская жизнь мирныхъ трудовъ. И все это было окаймлено, въ спокойной дали, мраморными Аппенинами, или Альпами, покрытыми вѣчными снѣговъ.

Зима ничего не отнимаетъ у этихъ пейзажей. Даже запущенность и руины придаютъ имъ новую прелесть. Къ садамъ, гдѣ прекращается культура, въ большихъ виноградникахъ, оставленныхъ на свободѣ,

сильныя растенія какъ-будто радуются отсутствію человѣка. Они становятся хвоянами жилища, овладѣваютъ колонадами, цѣпляются за мраморныя обложки и ласкаютъ одинокія статуи. Все эти очень тихо и вмѣстѣ очень пріятно, исполнено сладостно-суроваго характера, воае αυτεγο;—все это не возбуждаетъ недоумѣнія, но слишкомъ могущественно дѣйствуетъ на душу, усыпляя ее, убаюкивая любовью и пустыни грезами.

Въ стихахъ, которые писалъ Францискъ I въ послѣдствіи, во время своего плѣна, онъ показываетъ себя очень чувствительнымъ къ этому итальянскому пейзажу. Онъ сильно забился среди его. Но, не клевета на его память, можно подозревать, что причиною его восторговъ не была одна только прелесть этихъ мѣстъ. Четыре мѣсяца безъ любви! При подобной жизни это было бы большою странностью. Напрасно нѣкоторые старались открыть — какія знатныя дамы могли взглянуть изъ памяти короля французенонъ. Но въ Италіи всѣ дамы. Тѣ, которыхъ въ такомъ множествѣ скопировалъ Корреджіо, съ формами, иногда нѣсколько бѣдными, плохо вскормленными и слишкомъ воздушными, чрезъ это еще болѣе очаровательны. Грація ихъ совершенно духовная.

Это былъ моментъ великаго откровенія для Италіи. Чистымъ флорентинскимъ мадоннамъ, въ которыхъ Рафаэль уже вложилъ душу, все-таки не достаетъ еще искры. Но вотъ новое поколѣніе, повинное страданіемъ, выростающее въ слезахъ. Является новая черта, тонкая и милая, — болѣзненная улыбка робкой горести, которая улыбается, чтобы не плакать. Кто уловитъ эту черту? Тотъ, кто шѣлъ ее самъ и кто умпраетъ отъ нея. Это — ломбардскій крестьянинъ изъ деревни Корреджіо, голодный артистъ, который не въ состояніи прокормить свое семейство: онъ схватываетъ, что видитъ, — эту новую Италію, совершенно юную, но страдающую и тревожную. Это св. Екатерина мистическаго брака (см. въ Луврѣ), бѣдное маленькое существо, которое не будетъ жить, или останется маленькимъ. Она болѣе чѣмъ болѣзненна; она не совсѣмъ здорова, это видно по неправильнымъ связкамъ ея рукъ, которыя онъ скопировалъ съ строгою точностью. И при всемъ этомъ въ ней видна печальная грація, пронзающее жало сердца, которое проникаетъ до глубины, заставляетъ дрожать отъ состраданія, нѣжности, отъ заразительнаго трепета.

Такова была Италія въ эту минуту, обмельчавшая и поблѣднѣвшая. И Корреджіо стояло только копировать. Онъ черпаетъ изъ этого новаго источника, онъ уловляетъ эту странную улыбку — нѣчто между страданіемъ и граціей.

Францискъ I не видѣлъ Корреджіо, деревенскаго живописца, который скоро умеръ, не пользуясь большою навѣстностью (1529). Но онъ видѣлъ Италію Корреджіо и наслаждался ею; — и я не сомѣваюсь, что въ этомъ заключается тайна его продолжительнаго бездѣйствія.

Не въ эту ли эпоху Тиціанъ сдѣлалъ съ него торжественный портретъ, который находится въ Луврѣ? Тиціанъ ни разу не былъ во Франціи. Францискъ I былъ въ Италіи два раза: двадцати пяти

лѣтъ и тридцати одного года. Очевидно, портретъ относится къ второму его путешествію, ко времени до или послѣ сраженія. Если по портрету ему кажется болѣе тридцати шести лѣтъ, если складки (я не говорю морщины) уже образуется у угловъ глазъ его, то обвиняйте въ этомъ, когда угодно, его заботы, труды и бессонныя ночи.

Я не удивляюсь, если онъ остался тамъ такъ долго, самъ того не замѣчая. Онъ не чувствовалъ поражающихъ его ударовъ, онъ былъ слишкомъ погруженъ въ свои грѣзы, Итальянцы въ январѣ оставляли армию, большая часть корсиканцевъ была отозвана генуэзцами, ихъ господами. Войско, такъ сказать, таяло незамѣтно. Люди умирали отъ холода и голода. Куршиа стояла десять франковъ на нынѣшнія деньги. Господа, не имѣя приюта, толпились въ своихъ кухняхъ. Францискъ получалъ неблагопріятныя извѣстія одно за другимъ. Онъ узналъ, что четыре его отряда застигнуты врасплохъ и взяты, но и это не побудило его къ дѣятельности. Нѣсколько тысячъ швейцарцевъ шло противъ него и онъ ихъ ждалъ, не думая даже отозвать обратно десять тысячъ человѣкъ, которыхъ онъ послалъ на югъ.

Его непріятели представляли большой контрастъ.

Пескера выказалъ необыкновенную энергію. Онъ удержалъ у себя и генераловъ и солдатъ. Съ одной стороны онъ ободрилъ Ланцуа, который, начиная падать духомъ, хотѣлъ вступить въ переговоры съ французами или отправиться на помощь Наполею. Съ другой стороны онъ заплатилъ солдатамъ словами. Въ особенности онъ ободрялъ испанцевъ, говоря имъ, что они очень счастливы, имѣя въ своихъ рукахъ такой случай; что онъ обогатитъ ихъ навсегда, потому что король присутствуетъ въ лагерѣ лично, съ такимъ множествомъ знатныхъ сеньеровъ. Какихъ людей имъ предстоитъ захватить въ плѣнъ! и какой богатый выкупъ они получатъ!

Нѣмцамъ онъ говорилъ, что они должны спасти своихъ нѣмецкихъ братьевъ, заключенныхъ въ Павія. Тамъ находился сынъ стараго Фрондсберга, ихъ генерала, и Пескера заставилъ говорить этого добраго отца. Тѣмъ, которые оставались нечувствительными къ убѣжденіямъ, онъ раздавалъ, лично и чрезъ подчиненныхъ ему начальниковъ, деньги.

Городъ тоже былъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Автоніо де Лейва не надѣясь на своихъ нѣмцевъ, которые кричали: Geld! Geld! (денегъ! денегъ!) и хотѣли прелать его, не наполю другого средства ихъ успокоить, какъ только отравивъ ихъ начальника и убѣдивъ, что въ городѣ деньги есть, что имъ будетъ заплачено. Онъ досталъ кое-какую сумму и подержалъ въ нихъ терпѣніе.

Бурбонъ полъ изъ Германіи. Его бышенство и страсть придавали ему крылья. Превосходя старыхъ итальянскихъ разбойниковъ своимъ лютымъ грабительствомъ, онъ умѣлъ добывать деньги. Ограбленіе Флоренціи кормило его нѣкогда. Въ этомъ году очередь была за Савоіей. По недостатку денегъ, онъ взялъ драгоцѣнности; онъ отнесъ ларчакъ герцогини къ нѣмецкимъ ростовщикамъ. Съ помо-

нше суметь, добытьъ этимъ способомъ, онъ бѣзъ труда импелъ необходимое для него количество солдатъ. Эрцъ-герцогъ далъ все-что; и, съ помощью дьявольскаго лицемерія, Бурбонъ импелъ ордетва взять также съ имперскихъ городовъ. Онъ воспользовался современною религіозною распрей, сказалъ, что папа находится въ союзѣ съ Францискомъ I (ложь: Климентъ обманывалъ обѣ стороны), и такимъ образомъ у него не было недостатка въ ландкнехтахъ, которые вообразили себя жотеранами, чтобы поживиться на счетъ Италіи.

Между тѣмъ Пескера съ помощью своихъ итальянскихъ агентовъ, искусно дѣйствовалъ на королевскую армію, привлекалъ къ себѣ дезертеровъ, убѣждалъ войска Франциска отложиться. Самое страшное отпаденіе произошло какъ разъ за пять дней предъ битвою. Граубинденцы, утрашонные разразившимся воемъ ихъ ударомъ, или, можетъ быть, склоненные на сторону непріятели, отозвали пять тысячъ изъ своихъ, находившихся при Павіи. Это событіе было совершенно сходно съ отозваніемъ нѣмцевъ на-канунѣ сраженія при Равеннѣ. Но на этотъ разъ не было Баяра, чтобы удержать ихъ.

Наконѣцъ, нѣсколько встревоженный, король соединилъ свой лагерь, раздѣленный до этихъ поръ, и укрѣпился. Онъ считалъ себя защищеннымъ слабыми стѣнами большаго парка Мирабеллы. Ночью 8 февраля, Пескера послалъ туда каменщиковъ, которые, въ теченіе одного часа, проломали тридцать брассовъ этой стѣны. Впереди, ого племянникъ дю Гуастъ и шесть тысячъ пѣхоты, состоявшіе изъ людей трехъ націй, шли прямо на Мирабеллу. За тѣмъ шолъ Пескера, оставившій себѣ массу испанцевъ, для нанесенія рѣшительнаго удара. Арьергардъ составляли нѣмцы, подъ предводительствомъ Лануа и Вурбона.

Передовыя войска, проходя подъ французскими ядрами, ускорили шагъ. Король вообразилъ, что они бѣгутъ; онъ бросился съ своею конницею и очутился передъ собственнымъ пушками, такъ что пзъ нихъ нельзя было стрѣлять, не стрѣлая въ него.

Пескера пропустилъ его и, послѣ залпа изъ тысячи пищаей, выстрѣлившихъ почти въ упоръ, послалъ за нимъ въ погоню большое число своихъ лучшихъ воиновъ.

Король, въ своемъ снѣпомъ увлеченіи, напалъ тотчасъ же на одного блистательнаго всадника и убилъ его, говорятъ, собственною рукою. Ударъ великолѣпный для героя романа, послѣдняго потомка знаменитаго Скандербга.

Во время этого прекраснаго подвига *черный отрядъ* французскихъ ландкнехтово имѣлъ, нѣсколько моментовъ, преимущество надъ непріятелемъ. Швейцарцы плохо подражали имъ; они въ этотъ день показали себя совсѣмъ не похожими на своихъ предковъ.

Король съ своими знатными сеньбрами нѣсколько времени выдерживалъ битву съ храбростью, которая удивила его враговъ. Здѣсь погибли первые люди Франціи: ла-Тремуйль, ла-Палисъ, Суффолькъ, англійскій претендентъ, были убиты, а Бониве заставилъ убить себя,

помчавшись къ неприятелю съ поднятымъ забраломъ и открытымъ лицомъ.

Король, раненый два раза, въ лицо и въ бедро, окровавленный, на искалеченной лошади, хотѣлъ добраться до моста. Она ушла подъ нимъ, и къ нему бѣжали два испанца, чтобы убить его и дивзять въ плѣнъ. Но здѣсь случилась группа французовъ, изъ которыхъ одинъ обнажилъ шпагу, чтобы защитить короля отъ испанцевъ. Это былъ Поммеранъ,—эта сомнительная личность,—который вывелъ Бурбона изъ Франціи, потомъ присоединился къ королю (*Ильяъ*, стр. 38) затѣмъ опять къ Бурбону. Другимъ изъ этихъ французовъ былъ его секретарь и повѣренный агентъ, ла Мотъ-Генюйе. Они сказали Франциску, чтобы онъ сдался конетаблю, но онъ отказался это сдѣлать. Позвали Ланнуа; тотъ прибѣжалъ и, отдавая королю свою шпагу, принялъ шпагу короля на колѣняхъ.

— 5 —
ОБЪ ИЗДАВІИ

ЖУРНАЛА

УЧИТЕЛЬ

въ 1862 году.

Открывая полпяску на второй годъ журнала «Учитель», мы считаемъ излишнимъ распространяться о дѣлѣ и направленіи его, высказанныхъ уже въ прошлогоднемъ объявленіи. Тѣмъ болѣе излишнимъ кажется намъ—хвалиться достоинствами нашего журнала или оправдываться въ недостаткахъ его. Относительно первыхъ лучшіе судьи—сами читатели, которые знаютъ, чего имъ не доставало и насколько мы удовлетворили ихъ потребностямъ. Изъ недостатковъ же нѣкоторые, надѣмся, будутъ, по всей справедливости, отнесены насчетъ новизны дѣла, другіе—насчетъ несовершенства всего человѣческаго. Что касается насъ, то мы можемъ только утѣшать себя тѣмъ, что прилагали, прилагаемъ и будемъ прилагать о журналѣ ту степень стараній и заботливости, которая приличествуетъ дѣлу, составляющему закладу всей нашей жизни. Надѣмся и впередъ доказать, что это не одни слова; и думаемъ, что измѣненія и улучшенія, къ которымъ мы намѣрены приступить въ будущемъ году, могутъ служить ручательствомъ за исполненіе нашихъ обѣщаній. Измѣненія и улучшенія эти будутъ состоять въ слѣдующемъ.

Во первыхъ, чтобы доставить читателямъ нашимъ возможность слѣдить за всѣми существующими новыми явленіями въ отечественной педагогической литературѣ, мы присоединимъ къ библиографическому отдѣлу *педагогическое обозрѣніе*, въ которомъ будемъ давать подробный критическій отчетъ какъ о всѣхъ замѣчательныхъ педагогическихъ статьяхъ, появляющихся въ нашихъ специальныхъ журналахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и объ отдѣльныхъ новыхъ сочиненіяхъ по части воспитанія и обученія. Начнемъ же мы «обозрѣніе рядомъ статей, въ которыхъ рассмотримъ приблизительно все, что до настоящаго времени сдѣлано нашею педагогическою литературою. Такимъ образомъ къ концу года отдѣлъ этотъ представитъ полную картину педагогической литературной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ за послѣднее тридцатилѣтіе.

Во вторыхъ, намѣреваясь сдѣлать журналъ нашъ органомъ, посредствующимъ между родителями, желающими воспитывать своихъ дѣтей, съ одной стороны, и досужтателями, воспитательницами, учителями, частными учебными и воспитательными заведениями съ другой,

мы съ будущаго года открываемъ въ нашемъ журналѣ новый отдѣлъ: *Педагогическій справочный листокъ*, въ которомъ, за самую умѣренную плату, будутъ помѣщаться *объявленія* какъ о лицахъ, ищущихъ для своихъ дѣтей воспитателя, воспитательницу или учителя, такъ и о воспитателяхъ, воспитательницахъ, учителяхъ, пансіонахъ и частныхъ школахъ, предлагающихъ свои услуги родителямъ.

Наконецъ, въ третьихъ, уступая желанію многихъ изъ гг. подписчиковъ нашихъ, мы замѣнимъ нынѣшній форматъ журнала болѣе красивымъ и удобнымъ для чтенія форматомъ, несколько, впрочемъ, не уменьшая объема годоваго изданія: вмѣсто 60 нынѣшнихъ листовъ, мы дадимъ слишкомъ 70 листовъ меньшаго формата, которыя будутъ содержать тѣ же 120 листовъ въ обыкновенную 8-ую долю.

Сообразно съ упомянутыми измѣненіями, въ журналъ нашъ въ будущемъ году войдутъ слѣдующіе отдѣлы и рубрики.

ОТДѢЛЪ I.

1) Ученіе о физическоі природѣ чловѣка: а) *анатомія* и *физиологія*, т. е. описаніе чловѣческаго организма и его отправления. б) Процессъ естественнаго развитія организма отъ рожденія до вѣснужалости. в) *Диететика*: условія здоровья и долгой жизни, вліаніе на организмъ пища, воздуха, жилища, занятій; и т. д. г) Чловѣческій организмъ въ здоровомъ и больномъ состояніи; разсмотрѣніе болѣзней, особенно дѣтскаго возраста.

2) Опытная психологія: а) Исслѣдованіе душевныхъ способностей и силъ чловѣка; б) Процессъ развитія этихъ способностей въ различныхъ эпохи жизни.

3) Популярная, практическая логика.

4) Педагогіка, т. е. теорія воспитанія, сообразная съ законами чловѣческой природы: а) Воспитаніе *физическое, умственное, эстетическое, нравственно-религіозное* въ прижизненіи къ различному возрасту и полу. б) Воспитаніе *домашнее и общественное* (училищевѣднѣ); очерки воспитанія отдѣльныхъ личностей. в) Личность, значеніе и обязанности учителя какъ чловѣка, гражданина и воспитателя.

5) Исторія воспитанія: біографіи знаменитыхъ педагоговъ и изображеніе ихъ дѣятельности; описаніе замѣчательныхъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній. Дѣтскіе сады, народныя училища, учительскія семинаріи.

6) Популярное изложеніе различныхъ наукъ: зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, астрономіи и пр., народнаго и сельскаго хозяйства, технологіи, математики, географіи, исторіи, литературы и т. д.

ОТДѢЛЪ II.

1) Дидактика, т. е. изложеніе общихъ правилъ преподаванія на различныхъ ступеняхъ развитія.

2) Методика, т. е. изложеніе различныхъ способовъ и приемовъ преподаванія по разнымъ предметамъ.

9) Привести различныя методы на практикѣ, т. е. подробно изложенные уроки по отдельнымъ учебнымъ предметамъ, могущіе служить образцами для преподаванія, особенно элементарнаго.

4) Указаніе и объясненіе искусствъ, ремеслъ, а также игръ и вообще механическихъ занятій, приличныхъ дѣтямъ различнаго возраста.

ОТДѢЛЪ III.

1) Педагогическое обозрѣніе и библиографія. Сюда войдутъ: а) рядъ статей о педагогической теоріи, насколько она до настоящаго времени разработана въ нашемъ отечествѣ; б) отчетъ обо всѣхъ замѣчательныхъ педагогическихъ статьяхъ и вновь выходящихъ книгахъ по части воспитанія и обученія; в) разборы учебныхъ пособій, руководствъ и дѣтскихъ книгъ.

2) Педагогическая переписка и смѣсь. Въ перепискѣ будутъ помѣщаться ответы на всѣ частные вопросы, съ которыми читатели, нуждающіеся въ какомъ-либо свѣдѣніи или совѣтѣ по воспитательной и ученой части, пожелаютъ обратиться къ намъ. Въ смѣсь войдутъ: *замѣтки* различнаго содержанія, относящіяся болѣе или менѣе къ воспитанію и обученію; *вопросы* и *задачи* изъ различныхъ наукъ для размышленія и рѣшенія.

ОТДѢЛЪ IV.

Педагогическій справочный листокъ. Сюда могутъ войти: а) частныя *объявленія* отъ лицъ, ищущихъ для дѣтей своихъ наставника или наставницу, или желающихъ помѣстить дѣтей куда-либо въ пансіонъ или учебное заведеніе; б) *предложенія* лицъ, ищущихъ мѣста гувернера, гувернантки, домашняго учителя или домашней учительницы; *предложенія* семействъ, частныхъ школъ и пансіоновъ, принимающихъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей извѣстаго возраста и пола; г) *объявленія* авторовъ, издателей и книгопродавцевъ объ учебныхъ пособияхъ и руководствахъ, педагогическихъ сочиненіяхъ, дѣтскихъ книгахъ и проч.

При этомъ обращаемся ко всѣмъ многогороднымъ содержателямъ частныхъ школъ и пансіоновъ съ покорнѣйшею просьбою присылать намъ объявленія о своихъ заведеніяхъ, съ означеніемъ въ подробности всѣхъ условій пріема, платы и т. д., дабы и тѣ семейства, которыя живутъ въ помѣстьяхъ своихъ, могли чрезъ нашъ журналъ узнавать о воспитательныхъ заведеніяхъ, находящихся въ ближайшихъ отъ нихъ городахъ.

За однократное напечатаніе объявленія мелкимъ шрифтомъ взимается по $\frac{1}{3}$ коп. сер. съ буквы, а за каждую крупную букву въ заголовкѣ по $\frac{2}{3}$ к.

За особые приложенія, какъ то: программы, каталоги и проч., берется по 3 руб. съ каждой тысячею (изъ этихъ денегъ 2 руб. идутъ въ газетную экспедицію).

Объявленія принимаются отъ многогородныхъ въ самой редакціи, а

отъ жителей Петербурга въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ П. М. Крайнеминникова.

Для лицъ, не знакомыхъ еще съ нашимъ журналомъ, не лишнимъ считаемъ поместить главные статьи, помѣщенныя въ немъ въ нынѣшнемъ году.

Во 1-ю отдѣль: Что такое народное училище и въ чемъ состоитъ его дѣло? Отомъ, какъ возникли и развивались народныя училища въ Англіи и Германіи. — Значеніе народныхъ училищъ въ народно-хозяйственномъ отношеніи. Есть ли у насъ такія училища, и какъ бы намъ учредить первыя учительскія семинаріи для образованія народныхъ учителей? — Совершающееся преобразование народныхъ училищъ въ Финляндіи. Проектъ учрежденія народныхъ школъ въ Финляндіи, составленный по порученію Финляндскаго сената, У. Сигнеусонъ. (Статьи Н. Весела.) — Опытная психологія въ примѣненіи къ воспитанію. Его же. — Дѣти въ первые годы жизни. — (воспитательныя очерки). — Энциклопедическій педагогъ. О. Миллера. — Что всякому нужно знать изъ хіміи. — О цвѣтахъ и пахотахъ. — Чудеса астрономіи. — Кое-что изъ метеорологіи. — О жилахъ земли. — Питаніе и пища человѣка. (Статьи А. Берштейна)

Во 2-ю отдѣль: Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской. Священника Д. Соколова. — Приемы общенагляднаго обученія. — О первоначальномъ преподаваніи отечественнаго языка. І. Паульсона. — Обученіе письму. Я. Мессера. — Наглядное обученіе арифметикѣ. — Элементарная геометрія по Дисторпу (съ 74 чертежами). — Обученіе рисованію. Д. Ульянова. (Съ 60-ю чертежами.) — Бесѣды о русской исторіи. О. Миллера.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ: разборъ болѣе 200 книгъ для дѣтскаго чтенія. Ф. Толля.

Кромѣ того, въ особомъ приложеніи дано сочиненіе д-ра Зигисмунда «Первое ознакомленіе дѣтей съ природой». Съ 48 рисунками въ текстѣ.

Въ заключеніе представляемъ списокъ статей, заготовленныхъ нами для помѣщенія въ будущемъ году.

Устройство однокласснаго народнаго училища. Н. Весела.

Рядъ статей о жезоловѣ воспитаніи и объ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Его же.

Воспитательныя игры и занятія Фрѣбеля для дѣтей втораго возраста. Съ рисунками. (Игры для дѣтей перваго возраста будутъ даны еще въ нынѣшнемъ году.)

Дѣтская дѣтотика. Д-ра Бедяра, врача дѣтскихъ болѣзней и профессора при Вѣнскомъ университетѣ.

Педагогическіе эскизы Ф. Толля.

Что можетъ сдѣлать воспитаніе (воспитательный очеркъ). Ф. Бѣвера.

Какое значеніе имѣетъ гимнастика въ воспитаніи, и какъ ее устроить въ училищѣ. І. Паульсона.

Законъ мышленія, изложенные по Бенекъ и Дресслеру.

Организмъ человѣка и человѣческое искусство. Физиологическіе очерки. А. Берштейна. — Объ инстинктѣ животныхъ. Его же. — Современныя силы природы. Его же.

Письма о ботаникѣ. Соч. Линдлея. Съ рисунками.

Жизнь насекомыхъ. Съ рисунками.

Опытъ историческаго изложенія русской словесности со временъ Петра I, съ христовачіей, расположенной по авторамъ. Ореста Миллера.

Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской (Новый завѣтъ). Свящ. Д. Соколова.

Общенаглядное обученіе.

Какой лучшей способъ обученія грамотѣ? (Обзоръ извѣстныхъ способовъ этого обученія будетъ данъ еще въ нынѣшнемъ году.)

Первоначальное обученіе отечественному языку. Курсъ третій.

Обученіе письму. Курсъ второй и третій. Я. Мессера.

Элементарное преподаваніе географіи (отчѣтновѣдѣніе).

Бесѣды о русской исторіи. Отъ Ярослава до Петра I (Исторія до Ярослава дается въ нынѣшнемъ году.)

О преподаваніи естественныхъ наукъ въ народныхъ училищахъ.

Ботаническія прогулки съ дѣтьми. И. Нордмана.

О преподаваніи иностранныхъ языковъ. Г. Паульсона.

Рациональное преподаваніе женскихъ рукодѣлій въ училищахъ.

Курсъ гимнастики. Съ рисунками.

Уроки рисованія по методѣ Дюпон. Д. Ульянова.

Обученіе пѣнію въ народныхъ училищахъ. Дир. учил. Св. Петра И. Штейнмана.

Элементарная физика по Крюгеру. Съ 80-ю рисунками. Ф. Бёмера.

Хрестоматія къ исторіи литературы г. Миллера будетъ дана въ особомъ приложеніи.

При нынѣшнемъ числѣ подписчиковъ (3065) мы не можемъ дать болѣе одного приложенія въ годъ; но если число подписчиковъ нашихъ увеличится, то мы намѣрены дать въ будущемъ году еще одно приложеніе, выборъ котораго будетъ сдѣланъ, смотря по доставленнымъ намъ средствамъ, изъ слѣдующихъ сочиненій, приготавливаемыхъ къ изданію:

1) *Всемирная исторія для народныхъ учителей*, составл. по Кэппу, Вельтеру и др. Часть I. Древняя исторія.

2) *Популярная анатомія и физиологія*. Д-ра Шребера. Съ рисунками. Пер. Ф. Бёмера.

3) *Химическая лабораторія*. Практическое руководство къ изученію химіи. Соч. Штаммера. Съ рисунками. Пер. А. Вериги.

4) *Русская Флора*. Руководство къ опредѣленію всѣхъ дикорастущихъ въ Россіи явнобрачныхъ растений, составленное по извѣстнымъ руководствамъ Лагмана, Вейганда, Постеля и др. Д. Михайловымъ, магистромъ ботаники.

5) *Космографія*, составленная по руководствамъ Дистервега, Медлера и др. В. Воленсомъ. Съ рисунками и чертежами.

Журналъ «Учитель» будетъ выходить, какъ и въ нынѣшнемъ году, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 16-го числа, выпусками не менѣе 3 листовъ въ большую 8-ю долю листа и въ два столбца четкой убористой печати.

Подписная цѣна за 2½ выпуска въ годъ, съ доставкой на домъ или съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи, 4 руб. сер., безъ доставки 3 р. 50 к. с.

Примѣчанія. Полугодовой подписки редакція не принимаетъ; но всѣ лица, кто бы она ни были, затрудняющіяся въ высылкѣ разомъ всей подписной суммы, могутъ присылать ее въ 2 срока: къ 1-му января и къ 1-му іюля.

Училища могутъ высылать деньги въ теченіе года, но не позже 1-го августа. При этомъ мы покорнѣйше просимъ гг. штатныхъ смотрителей, учителей и вообще лицъ, выписывающихъ журналъ для училищъ и требующихъ увѣдомленія о полученіи денегъ, выписывать журналъ черезъ дирекціи училищъ, или же предлагать *почтовую мар-*

марку на высылку имъ квитанціи. Въ послѣднемъ случаѣ мы на квитанціяхъ будемъ расписываться въ полученіи 4 р. 10 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

отъ иногородныхъ *исключительно* въ Редакціи, а отъ жителей С. Петербурга—въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ П. И. Крашенинникова, на углу Невскаго проспекта и Адмиралгейской площади, въ домѣ Грѣѳа.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ присылать свои требованія и деньги адресуя: *въ С. Петербургъ, въ редакцію журнала «Учитель», въ Галерной улицѣ № 19.*

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые подписались *непосредственно* въ редакціи.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія заранѣе, дабы можно было заготовить достаточное число экземпляровъ.

Новые подписчики могутъ, если пожелаютъ, имѣть полное изданіе журнала и за нынѣшній годъ.

Редакторы-издатели: *И. Паульсонъ;
Н. Вессель.*

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ. I. Извлеченіе изъ отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ.—Значеніе его для опредѣленія нашей общественной жизни.—Преобразование полицій.—Неудовольствіе въ народѣ противъ откупщиковъ.—Причины неудовольствія.—Общества трезвости.—Безпорядки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.—Замѣтки о народной нравственности.—Званіе преступниковъ.—Разбой и грабежи.—Бродяги и бѣглецы.—Два случая поддѣлки кредитныхъ билетовъ.—Вопросъ объ арестантахъ.—Причины продолжительнаго заключенія.—Впечатленіе, производимое русскими тюрьмами.—Паспортная система.—Пожары.—Оклады съ податныхъ сословій.—Урожай.—Несоразмѣрность цѣнъ на жизненные продукты.—Саранча.—Приказы общественнаго призрѣнія.—Ихъ благотворительная дѣятельность.—Ихъ капиталы.—Сберегательныя кассы.—Городскіе общественные банки.—Калужскій банкъ.—Денежные сборы.—Ихъ распредѣленіе.—Повинности: дорожныя и постоянныя.—Почтовая гоньба.—Свѣдѣнія о городскомъ хозяйствѣ.—Ярмарочныя обороты.—Акціонерныя предпріятія.—Часть врачебная.—Господствовавшая болѣзнь.—Мѣры для сохраненія народнаго здравія.—Число больницъ и аптекъ.—Скотскіе падежи.—Часть судебно-медицинская.—Дѣла духовныя.—Постройка православныхъ церквей въ западномъ краѣ.—Улучшеніе въ тамошнемъ краѣ быта сельскаго духовенства.—Дѣла по исповѣданіямъ: римско-католическому, армяно-католическому, лютеранскому, еврейскому и магометанскому.—Калмыцкое духовенство.—Дворянскіе выборы.—Устройство городскихъ обществъ.—Крестьянскія дѣла.—Еврейское населеніе.—Центральный статистическій комитетъ.—Отчетность. II. С.-петербургское и московское закладныя общества.—Уставъ общества для содѣйствія процвѣтанію отечественной промышленности.—Ярославское общество вспоможенія бѣднымъ.—О дозволеніи выпускать платежныя билеты или марки.—Извѣстія по крестьянскому дѣлу.—Постановленіе о населенныхъ имѣніяхъ, поступающихъ къ лицамъ не дворянскаго званія.—Новое правило касательно службы по дворянскимъ выборамъ.—Свѣдѣнія о нижегородской ярмаркѣ.—Замѣтки о современномъ состояніи сельскаго хозяйства.—Петровская земледѣльческая академія.—Музей и публичная бібліотека въ Москвѣ.

ПОЛИТИКА.

русскіе путешественники.
 свѣдѣнія вѣсти изъ Венгріи.
 мечты и дѣйствительность въ Италіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РЕФОРМА. (Изъ исторіи Франціи въ XVI вѣкѣ). Глава I—XII.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

въ 1862 году будетъ выходить каждый мѣсяцъ книжками до 30 листовъ, съ приложеніями въ каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Безъ доставки
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою или доставкою
16 руб. 50 коп. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ОТЪ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЪ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Армянской церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ С. П. Лоскутова, на Никольской улицѣ, въ домѣ Заиконоспасскаго монастыря.

Выписывающіе за настоящій годъ, получаютъ журналъ съ первой книжки.

Егг. многогородныя подписчики присылаютъ свои требованія и деньги, адресуя такъ: въ С. Петербургъ, въ контору журнала «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.»

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала, если подписка сдѣлана въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 8 октября 1861 года.

Ценсоръ *Ф. Веселаго.*

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

ОКТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ОКТЯБРЬСКОЙ КНИЖКИ.

✓ ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ИСТОРИИ (ПЕРЧИНСКИХЪ ТЮРЕМЪ. С. **Максимова.**

✓ ЭКОНОМКА. Быль.

ОДЪ, новое невѣсомое начало. (*Окончаніе*). **А. Босковича.**

ЗААТЛАНТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ И ЕЯ КРИЗИСЪ. З—а.

✓ АБОЛИЦІОНИЗМЪ И АБОЛИЦІОНИСТЫ. (*Статья четвертая*).

Поднятіе въ конгрессѣ вопроса о невольничествѣ по поводу присоединенія Техаса къ Сѣвероамериканскому Союзу. — Торжество приверженцевъ рабства. — Конвенція въ Буффало. — Невольничество какъ причина распадѣнія прежнихъ политическихъ партій. — Образование новой политической партіи, принявшей въ основу своихъ тенденцій принципы аболиціонистовъ. — Взглядъ на невольничество кемократовъ. — Возведеніе демократами рабства до степени нравственнаго принципа. — Взглядъ аболиціонистовъ на отношеніе личности къ государству. — Вліяніе, которое производить, по мнѣнію аболиціонистовъ, невольничество на нравы рабочаго класса. — Тѣлесное наказаніе, какъ главная причина нравственной испорченности невольниковъ. — Невѣжество массъ необходимо для безопасности рабовладѣльцевъ. — Религія при соприкосновеніи съ рабствомъ становится предразсудкомъ. — Гибельное вліяніе рабства на самихъ владѣльцевъ. — Причины злоупотребленія безотвѣтственной властью заключаются въ самой природѣ человѣка. Нарушеніе рабствомъ чистоты семейныхъ отношеній не только невольника, но и владѣльца. — Опроверженіе довода демократовъ, что положеніе невольника выше положенія свободнаго рабочаго. — Гуманность рабовладѣльцевъ въ обращеніи съ невольниками не есть извиненіе рабства. — Можетъ ли политическая свобода найти себѣ защитниковъ въ рабовладѣльческомъ классѣ? — Взглядъ партіи вигговъ на невольничество. **Г. Симоненко.**

ГРАФИЯ АЛЬБАНИ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ. I. Матеріалы для статистическихъ очерковъ. — Способы народнаго продовольствія. — Несоразмѣрность этихъ способовъ по губерніямъ Европейской Россіи. — Средство къ уравниванію этой несоразмѣрности. — Количество посѣвовъ. — Количество сбора. — Сѣнокосы. — Забѣтка о винокуреніи. — Справочныя и торговыя цѣны. — Неравномѣрность справочныхъ и торговыхъ цѣнъ по губерніямъ. — Хлѣбныя магазины и денежныя капиталы. — Различныя виды городскихъ доходовъ. — Извѣстно ли съ точностью число русскихъ городовъ? — Причины неизвѣстности этого рода. — Геральдическія понятія русскаго простонародья. — Сомнительные города. — Забѣтки о западныхъ краѣхъ. — Сборы съ городскихъ имуществъ, недоимки и долги. — Ярмарочныя обороты. — Число русскихъ ярмарокъ. — Цѣнность привоза и продажи. — Число арестантовъ. — Изслѣдованіе о рыбьей ядѣ. — Заразительность проказы. — Прививаніе человѣческой оспы коровамъ. — Амбулаторная зубная лечебница. — Прозѣкъ князя Долгорукова о месmero-гармонической лечебницѣ. — Животный магнитизмъ. — Лечение корсетами и обувью. — Секретныя и новые врачебныя способы. — Пересмотръ аптекарской таксы. — Вопросъ объ этомъ въ журналистикѣ. — Московское серебро. — Число дворянскихъ имѣній. — Ихъ залогъ, перезалогъ и продажа съ публичныхъ торговъ. — Число дѣлъ и бумагъ по присутственнымъ мѣстамъ. ми

253659

ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ИСТОРИИ НЕРЧИНСКИХЪ ТЮРЕМЪ. *

I.

Самозванецъ Петръ III.

Въ 1763 году въ Нерчинскіе заводы прибылъ, въ партіи арестантовъ, солдатъ Петръ Чернышовъ. Колодникъ этотъ, подъ темнымъ именемъ *секретнаго арестанта*, заключенъ былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ. Никто не зналъ его прошедшаго, а въ настоящемъ видѣли въ немъ только такого колодника, который требовалъ болѣе или менѣе бдительнаго надзора. Употребляемый днемъ въ рудниковыя работы, наравнѣ съ другими, на ночь онъ отводимъ былъ въ особый, такъ называемый секретный, казематъ, гдѣ его и запирали. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступали съ нимъ въ первое время по прибытіи въ заводы. Однако, несмотря на всю бдительность надзора, Чернышовъ успѣлъ завести знакомства не только съ соузниками (что было конечно весьма легко), но и съ людьми посторонними — крестьянами. Изъ этихъ знакомствъ болѣе интересное свелъ онъ съ Иваномъ Серебrenиковымъ, крестьяниномъ Уровской сотни, деревни Лежанкиной. Крестьянинъ этотъ великимъ постомъ пріѣзжалъ въ Дучарскій заводъ, крестить сына, и, для принятія новорожденнаго отъ купели, звалъ въ крестныя отцы многихъ заводскихъ служителей; но всѣ они, за неимѣніемъ денегъ, отъ предложенной чести отказались. Серебrenиковъ, вѣрный завѣтному прадѣдовскому обычаю, пошелъ по заводу искать въ кумовья перваго встрѣчнаго. Такимъ, на его глаза, по-

* Настоящая статья принадлежитъ къ большому труду автора, который намѣренъ издать его подъ общимъ заглавіемъ: «Ссылные и тюрьмы». Ред.

казался солдатъ, стоявшій въ то время у заводской тюрьмы, съ двумя арестантами, изъ которыхъ Серебренниковъ не зналъ ни одного. Не зналъ онъ и солдата (Василія Шорохова), но тѣмъ не менѣе поспѣшилъ пригласить его въ кумовья; солдатъ, однако, отказался, но указалъ на одного изъ стоявшихъ съ нимъ арестантовъ, примолвивъ: «зови-де вотъ Петра Чернышова». Чернышовъ согласился; солдатъ Шороховъ привелъ его въ домъ къ священнику Павлу Федорову. Тамъ младенца окрестили; знакомство скрѣплено родствомъ, и Серебренниковъ медли черезъ три-четыре, въ первый день Пасхи, послѣ заутрени, приѣхавъ въ заводъ и къ тюремному острогу, сквозь тынъ, передавалъ уже своему куму — Чернышову десятокъ яицъ и, пользуясь отсутствіемъ часоваго, говорилъ ему:

— Если тебѣ намѣреніе будетъ бѣжать, то ты иди прямо ко мнѣ. Я тебя на дорогу хлѣбомъ не оставляю: только ты меня не оговаривай.

Воспользовавшись приглашеніемъ кума, Чернышовъ изъ тюрьмы бѣжалъ (но вскорѣ былъ пойманъ). Для помпки его посланы были во все перчинскія команды строгіе прѣказы, съ предписаніемъ о возможно-скорыхъ розыскахъ. При этомъ бывшій въ дучарской канцеляріи первымъ присутствующимъ, оберъ-бергмейстеръ Лодыгинъ, высказался вслухъ очень многихъ тутъ бывшихъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «если бы кто онаго Чернышова сыскалъ, и, не убивъ до смерти, представилъ, то бы я того человѣка наградилъ деньгами, и прямой тотъ человекъ сынъ Божій». Словами этими особенно заинтересовался ссыльный распопа Левъ Евдокимовъ, который былъ опредѣленъ при томъ же заводѣ къ обученію служительскихъ дѣтей грамотѣ. Евдокимовъ этотъ — по личному сознанию — началъ съ той поры примѣчать «и подлинно онъ, Чернышовъ, не отличный ли какой великой человекъ». Разъ, когда Чернышовъ уже пойманъ былъ изъ бѣговъ, Евдокимовъ пришолъ въ мусорную, гдѣ на то время нашъ секретный арестантъ находился въ работѣ. Съ нимъ изъ солдатъ никого не было: былъ только одинъ сторожъ изъ ссыльныхъ, Феклисъ. Евдокимовъ принесъ съ собой осмину вина, поилъ этимъ виномъ сторожа, поилъ больше Чернышова и спрашивалъ:

— Какой ты подлинно человекъ?

Чернышовъ, съ великою клятвою и со слезами на глазахъ, объявилъ, что онъ — бывшій императоръ Петръ Третій, и при

этотъ просилъ Евдокимова разглашать объ томъ подъ рукою всѣмъ, кого онъ признаетъ болѣе благонадежными и опасливыми, примолвивъ:

— Ежели ты будешь разглашать, то намъ обоимъ будетъ нажитьочно.

Евдокимовъ не замедлил воспользоваться совѣтомъ, тѣмъ болѣе, что двое изъ ссыльныхъ утвердили его въ томъ же убѣжденіи. Одинъ изъ нихъ, ссыльный Иванъ Карповъ, рассказывалъ, что въ бытность его въ услуженіи у Грузинскаго царевича Егора въ Москвѣ, Петра III видалъ, и что секретный арестантъ, Петръ Чернышовъ, имѣетъ съ нимъ поразительное сходство. Другой, приписной изъ ссыльныхъ Кузьма Ойрсовъ, увѣрялъ, что онъ дѣйствительно Петра III видалъ въ Петербургѣ, въ 1763 году, въ тайной канцеляріи, и что Чернышовъ «на лицо таковъ же, какъ и императоръ».

Согласившись и столковавшись такимъ образомъ, эти двое изъ ссыльныхъ начали распространять подъ рукою и подъ секретомъ, что Чернышовъ не простой человѣкъ, и рассказывали это сначала исключительно въ одномъ заводѣ между мастеровыми и рабочими. Первымъ повѣрилъ ихъ словамъ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Въ началѣ 1768 года, находясь въ той же мусорной на работѣ, онъ, между прочими разговорами, спросилъ Чернышова:

— Какой ты человѣкъ бывалъ?

На что Чернышовъ отвѣчалъ, что онъ — бывший императоръ Петръ Третій.

— Какъ же ты попалъ сюда въ заводы?

— Бывши въ воронежской губерніи, для осмотра состоявшихся въ оной полковъ, подъ видомъ солдата, былъ пойманъ и посланъ въ здѣшніе Нерчинскіе заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великой человѣкъ.

То же самое сказывалъ Чернышовъ еще шести человѣкамъ.

Нѣсколько дней спустя, пришло въ плавильную фабрику Кузьма Ойрсовъ; и при тѣхъ же шести человѣкахъ долго и пристально смотрѣлъ на работавшаго Чернышова, и, отойдя въ сторону, говорилъ мастеровымъ, «что-де показанный колодникъ не Чернышовъ, но подлинно Петръ III».

Всѣ эти рассказы возымѣли желанный успѣхъ. Въ тюрьму къ Чернышову начали приходять многіе изъ заводскихъ служи-

телей и дарить ему кто что могъ : одни приносили деньги, другіе — вещи. Всѣ эти подарки «чинены были единственно въ томъ чаяніи: ежели онъ освободится, то бѣ ихъ не оставилъ и отъ заводскихъ работъ уволилъ». Въ этомъ же увѣрялъ ихъ и сообщникъ Чернышова—Евдокимовъ. Болѣе всѣхъ довѣрился обѣщаніямъ, какъ Чернышова — такъ и Евдокимова, заводскій служитель Бабинъ. Къ нему Чернышовъ хаживалъ неоднократно «чаю пить, обѣдать и получалъ другія вспомошествованія въ пропитаніи», всегда увѣряя Бабина въ томъ, что когда освободится, то сдѣлаетъ его генераломъ. То же самое обѣщавъ Чернышовъ и другимъ, и между прочимъ пробирному ученику Семену Бѣлому, пріѣхавшему въ то время изъ Большаго Нерчинскаго завода въ Дучарскій на побывку къ отцу—«серебро-раздѣлительному мастеру». Отецъ Семена, Федоръ Бѣлой, уже держалъ сторону Чернышова, водилъ съ нимъ хлѣбъ-соль и помогалъ ему во всемъ, чѣмъ только могъ.

Устроивъ знакомства въ заводѣ, заговорщики стали дѣйствовать смѣлѣе и открытѣе, далеко на сторонѣ. Большую энергію въ этомъ дѣлѣ показывалъ Евдокимовъ. Онъ водилъ въ тюрьму многихъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ случайно въ заводъ и показывалъ имъ Чернышова. Между прочимъ привелъ онъ къ нему крестьянина Городищенской слободы Петра Забѣлина, «называемаго, по народной модѣ, Шебаршою». Шебарша видѣлъ Чернышова; далъ ему два рубля денегъ, долго съ нимъ разговаривалъ и, уходя, обѣщавъ ему помогать во всемъ. Въ тотъ же день приходилъ къ Чернышову въ плавильную фабрику сынъ Шебарши, съ казакомъ Тарскимъ. Оба они, «посмотря на Чернышова и не сказавши ему ничего, дали денегъ каждый по полуполтиннику» — и ушли.

Знакомство съ Шебаршою важно было для заговорщиковъ во тому обстоятельству, что Шебарша этотъ былъ крестьянинъ зажиточный самъ по себѣ и сверхъ того находился въ близкихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ съ тунгусскими князьями Гантимуровыми. Князья сильны были и богатствомъ своимъ и тою матеріальною поддержкою, которая заключалась въ войскахъ, находившихся въ командованіи и распоряженіи ихъ. Шебарша и въ заводѣ Дучарскій (когда свелъ знакомство съ Евдокимовымъ и Чернышовымъ) пріѣзжалъ именно по дѣлу одного изъ этихъ князей (Алексѣя) со скотомъ, который поставялъ Гантимуровъ для заводскихъ людей. Кромѣ того Шебарша находился въ род-

ственной связи съ крестьяниномъ Серебренниковымъ, первымъ повѣреннымъ самозванца Чернышова.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Евдокимовъ, съ вѣдома и по согласію съ Чернышовымъ, приходилъ къ нему въ 1768 году въ Филиповъ постъ, въ кузницу, гдѣ Чернышовъ находился въ шабашное время на работѣ, когда другихъ рабочихъ тамъ не было, и говорилъ ему о своемъ намѣреніи — послать нарочнаго съ письмомъ къ князю Гантимурову и къ крестьянину Шебаршѣ.

— Они — увѣрялъ Евдокимовъ — приплюютъ тебѣ, для пропитанія, денегъ и другихъ пожитковъ.

Чернышовъ согласился. Евдокимовъ привелъ къ нему приписнаго изъ ссыльныхъ въ крестьяне Уровской сотни Максима Косыхъ, который и писалъ эти письма подъ диктовку Евдокимова. Письма эти взялся доставить этотъ же Косыхъ, — и доставилъ. Вернувшись въ тотъ же Филиповъ постъ, привезъ онъ къ этой же кузницѣ и отдалъ Чернышову 18 руб. деньгами, 1½ пуда говляжяго мяса, 35 фунтовъ масла коровьяго, двѣ туши бараньяго, бѣлой шерсти лошадь. При этомъ Косыхъ сказывалъ, что князь Гантимуровъ прислалъ 4 руб. денегъ, тушу баранины, говляжье мясо и масло коровье безъ вѣсу; Шебарша — лошадь и 3 руб. денегъ, остальное (по 2 руб. денегъ) — нерчинскіе казаки Григорій Тарской и Михай Курбатовъ и другіе люди. А князь-де Гантимуровъ приказывалъ сказать, чтобы Чернышовъ, — «какая ему въ пропитаніи и одеждѣ нужда будетъ, — прислалъ къ нему нарочныхъ, съ коими-де онъ и будетъ присылать къ нему все, потребное для него и ни въ чемъ не оставить; ему-же (князю) самому присылать къ нему нельзя. Если онъ (т. е. Чернышовъ) хочетъ на волю, то бы прислалъ отъ себя письмо, почему онъ, Гантимуровъ, соберетъ команды своей тунгусовъ и возьметъ его изъ тюрьмы разбоємъ, и что онъ будетъ повелѣвать — туда и повезетъ. Если-же и въ заводъ бы пріѣхали — наказывалъ сказать Гантимуровъ — тамъ у меня-де ни одинъ человекъ и въ окно выглянуть не посмѣетъ.»

Косыхъ за эту комиссію получилъ денегъ 30 коп. да соврасую лошадь. Остальныя вещи Чернышовъ передалъ «для поклажи» двумъ заводскимъ кузнецамъ. У нихъ же пряталъ онъ и другіе подарки, которые поступали къ нему въ большомъ количествѣ. Великимъ постомъ того же (1772) года навѣстилъ Чернышова его кумъ Серебренниковъ и принесъ ему въ подарокъ круцы. Чернышовъ, воспользовавшись такимъ благопріятнымъ

случае, просилъ Серебrenикова сходить къ князю Гантимурову; на что тотъ согласился, и, вернувшись вскорѣ въ заводъ, принесъ три туши бараньяго мяса, шубу и 12 руб. денегъ; кромѣ того—5 фунт. коровьяго мяса и ливовцу. Часть подарковъ шла отъ князя, часть отъ Шесбарши и отъ неизвѣстныхъ. Чернышовъ, отпуская кума, велѣлъ ему сказать казаку Тарскому, чтобы онъ разглашенія объ немъ дѣлалъ исключительно между богатыми. Нанутственные совѣты эти имѣли успѣхъ: Алексѣй Гантимуровъ прислалъ мерлушчатую шубу, крытую китайкой; два другихъ его брата, вмѣстѣ сложившись, отправили семь рублей денегъ; братской лама прислалъ также деньги; нѣкоторые крестьяне подарили волковъ, шкуры которыхъ Серебrenиковъ продалъ дорогою и деньги, а равно и всѣ вещи, отдалъ Чернышову. Чернышовъ въ свою очередь часть подарковъ продавалъ, другою подѣлился со своими друзьями, изъ которыхъ все-таки Евдокимовъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе и неуспѣнѣе. Онъ тѣмъ же временемъ продолжалъ отъ имени Чернышова собирать подаянья, которыми велъ счетъ, и счетъ этотъ записывалъ въ собственные свои печатные святцы вмѣстѣ съ именами «милостивцевъ». Милостивцевъ этихъ привелось ему записать въ эти святцы свыше десяти человекъ, а по счету всѣхъ пожертвованныхъ денегъ оказалось на лицо болѣе 40 руб., кромѣ всякаго рода рухляди и живности.

Ободренные такимъ неожиданнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ, которому они предвидѣли скорый конецъ, особенно послѣ того, какъ всѣхъ ихъ едва не предалъ пробирный ученикъ Семенъ Бѣлой,—заговорщики завели дѣятельную переписку со всѣми своими благотворителями. Самъ Чернышовъ — какъ оказалось впоследствии — не умѣлъ ни читать, ни писать, хотя разъ и хвастался передъ кузнецами въ плавильной, что «умѣетъ по-нѣмецки, по-латынски и по-русски». Переписку за Чернышова вели другія лица: сначала самъ Евдокимовъ (который и пряталъ всѣ письма у себя въ школѣ подъ крышей), потомъ пробирный ученикъ Семенъ Бѣлой и наконецъ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Другой же Карповъ (изъ ссыльныхъ) читалъ всѣ присланныя письма Чернышову, и онъ же сумѣлъ склонить на сторону самозванца другаго богатаго и тароватаго крестьянина деревни Батаканской (Уровской сотни) Осипа Коренева, носившаго прозваніе *Дубленаго*. Явился къ нему Карповъ просить милостыни. Дубленой далъ ему 50 коп. на всѣхъ колодниковъ,

содержащихся въ Дучарскомъ заводѣ. Получая деньги, Карповъ выговаривалъ Дубленому:

— Для чего ты мало дашь, да и то на всѣхъ колодниковъ? Я прошу на одного только великаго человѣка, котораго я знаю и который не Чернышовъ, а подлинно императоръ Петръ III. Поэтому-то надо послать къ нему поболѣ, а при нынѣшнихъ случаяхъ его не оставить, а онъ когда свободится, тогда ничѣмъ не оставить и покажетъ милость: свободить отъ заводскихъ работъ, и чѣмъ-ни-есть наградить. Я, Карповъ, для него ѣзжу и прошу у многихъ людей на него для пропитанія, почему и есть отъ многихъ довольная подача.»

Сказавши все это, Карповъ засвидѣтельствовалъ клятвою предѣ образомъ. Кореневъ всему сказанному повѣрилъ и выдалъ для Чернышова 3 рубля денегъ. Черезъ полгода Карповъ прѣзжалъ къ Дубленому во второй разъ и, высказавши тѣ же обѣщанія, получилъ еще три рубля. Еще черезъ полгода прѣзжалъ къ нему же другой посланный отъ Чернышова, крестьянинъ Серебренниковъ *, который обѣщалъ Дубленому ту же свободу отъ заводскихъ работъ. Дубленой, принимая въ соображеніе, что сынъ его находился въ Дучарскомъ заводѣ на службѣ счетчикомъ и въ чаяніи будущей свободы, выдалъ Серебренникову еще пять рублей; а чтобы удостовѣриться въ истинѣ его словъ, самъ поѣхалъ въ заводъ повидаться съ сыномъ и посмотрѣть на Чернышова. На улицѣ въ заводѣ встрѣтился ему Карповъ, который тотчасъ же попросилъ у него на Чернышова хлѣба, и такимъ образомъ выговорилъ у Дубленаго пудовъ до 5 ярицы. Съ Чернышовымъ Дубленой видѣлся на сдѣлгъ; долго разговаривалъ; обѣщался и впредь помогать. Но чтобы все это дѣло оставалось втайнѣ, рекомендовалъ ему посредника въ лицѣ регистраторскаго человѣка. Регистраторъ самъ — какъ оказалось впоследствии — принималъ косвенное участіе въ дѣлѣ: хлѣбъ принимали его люди, продавали потомъ (по 35 коп. за пудъ) и деньги приносили регистратору (одинъ Дубленой переслалъ такимъ образомъ до 25 пудовъ). Регистраторъ молчалъ, давая тѣмъ возможность сообщникамъ Чернышова расширить предѣлы ихъ заговора.

Карповъ оказался впоследствии несправнымъ комиссіонеромъ; денегъ не отдавалъ, вещи распродавалъ и полученное за нихъ перасходовалъ лично на себя; Чернышову же и сообщникамъ его обо всемъ этомъ не далъ знать. Ходилъ Карповъ за подаяніемъ по фальшивому увольнительному виду, написанному Евдокимовымъ.

Въ домѣ кузнецовъ, у которыхъ складывали заговорщики лишнюю подарочную рухлядь, сходились они по временамъ для попойекъ. Вино покупалось въ Банкинѣ; за нимъ ѣздили поочередно Карповъ (плавильный мастеръ) и Серебренниковъ (крестьянинъ). Серебренниковъ на одной изъ этихъ шарушекъ, обратившись къ Чернышову, говорилъ:

— Ты, Чернышовъ, какъ можно изъ тюрьмы бѣги и приходи ко мнѣ въ домъ; я хлѣбомъ не оставляю и провожу до князя Гантимурова, а онъ, по обѣщанію своему, тебя не выдастъ, и взять у него уже не кому. Князь наказывалъ мнѣ, чтобы ты прислалъ къ нему письмо своей руки, а чужимъ-де писемъ онъ не вѣритъ. Тогда князь соберетъ тунгусовъ и казаковъ сотъ до трехъ, а можетъ и до пятисотъ и тебя сильно возьметъ и увезетъ сперва къ себѣ въ домъ, а потомъ представитъ въ Петербургъ.

Последніе совѣты спутали заговорщиковъ: во 1-хъ невозможно было послать къ Гантимурову собственноручное письмо Чернышова, а во 2-хъ, они опасались за крайній результатъ, именно представленіе самозванца прямо въ Петербургъ. Рѣшено было дѣйствовать иначе. Побѣгъ Чернышова признанъ былъ пока единственнымъ средствомъ къ приведенію въ исполненіе вѣкоторыхъ намѣреній, но не всѣхъ.

Ив. Карповъ (ссылный), только что вернувшійся съ новыми подарками отъ Дубленаго (состоявшими изъ свѣжей рыбы, пшеничной муки и куриныхъ яицъ) совѣтовалъ прибѣгнуть къ посредству Дубленаго. Дубленаго онъ упросилъ скрыть ихъ на время въ безопасномъ мѣстѣ, на случай побѣга изъ завода. Дубленой обѣщался перевести ихъ черезъ Аргунь въ лодкѣ на китайскую границу, гдѣ найдетъ имъ такое мѣсто, что ихъ никто не найдетъ. Пищею также не оставить, только бы приходило ихъ съ Чернышовымъ не много. На тотъ конецъ сосѣдъ Дубленаго, приписной изъ ссылныхъ Федоръ Шулятевъ, въ ожиданіи ихъ прихода, обѣщался спать въ приготовленной для того лодкѣ. Денегъ этотъ Шулятевъ—по словамъ Карпова—прислать не могъ ни копѣйки, но письмо къ нему посланное получилъ.

— Потомъ, когда минется погоня, — говорилъ Карповъ по наказу Дубленаго, — Дубленой отвезетъ насъ къ Гантимурову на своихъ лошадяхъ, или куда бы Чернышовъ самъ похотѣлъ.

Эта вѣсть и особенно самое послѣднее обѣщаніе всѣмъ заговорщикамъ понравилось. Рѣшено было произвести побѣгъ изъ

кузницы, тѣмъ болѣе, что почти всѣ кузнецы были ихъ единомышленниками. Случай къ тому вскорѣ представился.

Выбрали для побѣга такъ называемое шабашное время, а именно тотъ день, «когда всѣ кузнецы невѣдомо для чего по-вищены были къ конторѣ». Остались въ кузницѣ только Чернышовъ, кузнецъ Хромовъ и слесарной ученикъ Лебедевъ, «которые о побѣгѣ Чернышова какъ-то догадались и въ тотъ часъ донесли управителю Протодьяконову.» Управитель приказалъ Чернышова «къ ночамъ» приводить въ контору и содержать тамъ на стѣнной цѣпи; но слѣдствія о причинахъ къ побѣгу не производилъ.

Эта неудача Чернышова возымѣла успѣхъ съ другой стороны. Съ того времени приношенія къ нему сдѣлались чаще и обильнѣе; сообщники и помощники его—ретивѣе: одинъ Серебренниковъ успѣлъ сходить къ 12 человекамъ, и отъ каждаго изъ нихъ принести по подарку. Участіе къ судьбѣ Чернышова удвоилось съ той поры, какъ онъ вновь былъ заключенъ въ секретную комнату дучарской тюрьмы, и когда посѣтилъ его адъютантъ генералъ-маіора Ивашева, Михайло Пановъ.

Пановъ этотъ пришолъ въ тюрьму вмѣстѣ съ шихмейстеромъ Грязновымъ и лекарскимъ ученикомъ Веснинымъ. Пришолъ онъ посмотрѣть на Чернышова, который въ то время содержался при тюрьмѣ «въ особомъ чюданѣ.» Молча посмотрѣвши на Чернышова, они всѣ трое вмѣстѣ вышли вонъ. Но адъютантъ вернулся назадъ; потребовалъ Чернышова въ сѣни; караульнаго солдата Рудакова отослалъ прочь; говорилъ съ Чернышовымъ много и долго, и вышелъ. По дорогѣ онъ спросилъ Грязнова: — Можно-ль Чернышову подать милостыню?

На что Грязновъ ему отвѣчалъ, «что милостыню подать, кажется, противности никакой быть не можетъ». Адъютантъ по-слалъ съ Вешнинымъ три «двоегривенника.»

Это пустое, повидимому, обстоятельство подѣйствовало на заговорщиковъ внушительно, но инымъ, неожиданнымъ образомъ. Кузьма Ойрсовъ рассказывалъ всѣмъ, что-де адъютантъ Пановъ навѣщалъ Чернышова и опозналъ его императоромъ; а потомъ и самъ генералъ Ивашевъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ, осматривалъ Чернышова и присылалъ къ нему потомъ (какъ самъ генералъ, такъ и его адъютантъ) письма. Больше другихъ повѣрялъ этому показанію пробирный ученикъ Семень Бѣлой, котораго Ойрсовъ просилъ, при отъѣздѣ въ Нерчинской за-

воду, навѣдываться о дѣлѣ Чернышова и ихъ извѣдывать. Бѣлой, по приѣздѣ туда, хотѣлъ спросить самаго генерала, «но не посмѣлъ, а подбросить письмо побоялся.» Разъ остановилъ онъ (Бѣлой) адъютанта на улицѣ и спросивши о Чернышовѣ, слышалъ слѣдующее: «Вотъ я нынѣ отправляюсь отъ комиссіи въ Петербургъ и объ этомъ колодникѣ представлено будетъ, а я и самъ выдалъ, что онъ не Чернышовъ.»

Все это было передано въ Дучарскій заводъ и распространено между всѣми тѣми, кому о томъ надлежало вѣдать. Особенно горячее участіе показалъ въ этомъ дѣлѣ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ, вернувшійся въ Дучарскій заводъ изъ Большаго Нерчинскаго, куда былъ вытребованъ генералъ-майоромъ Ивашевымъ, для граненія ему камней. Этотъ Карповъ рассказывалъ всѣмъ:

— Я голову свою къ генералу Петру Семеновичу носилъ и въ приполѣ, и объявлялъ ему о Чернышовѣ, что онъ водлинно Петръ Третій императоръ, чѣмъ его, генерала, увѣрилъ. Онъ обѣщалъ, ежели подлинно Петръ Третій, пожаловать меня поручикомъ и объ Чернышовѣ хотеть отписываться въ Петербургъ и посылаетъ нарочно съ представленіемъ адъютанта своего, господина Панова.

Чернышову же говорилъ Карповъ, что Ивашевъ скоро будетъ за нимъ въ заводъ. Хотѣлъ-было говорить еще что-то, но разговоръ прерывали караульные солдаты, которые Евдокимова и Карнова отъ тюрьмы отогнали, при чемъ солдатъ Иванъ Корелинъ ударилъ Карпова кулакомъ по затылку.

Какъ бы то ни было, но этотъ Карповъ съ той поры дѣлается повѣреннымъ всѣхъ тайнъ сообщниковъ Чернышова: онъ ѣздитъ по благотворителямъ ихъ и собираетъ милостыни, покупаетъ вино; вмѣстѣ съ ними пьянствуетъ и снова ѣдетъ, туда куда его посылаютъ, безпрекословно, обязательно, хотя и не слишкомъ честно. Такъ напримѣръ, онъ проиалъ въ кабацкѣ платокъ, посланный къ Чернышову какой-то женщиной; не отдалъ часть денегъ и не показывалъ писемъ: инныя изъ нихъ читалъ и не дочитывалъ Чернышову. Все это побудило заговорщиковъ не довѣрять болѣе Карпову и положиться во всемъ на Евдокимова.

Евдокимовъ, однако, не пошелъ дальше того, на чемъ уже разъ рѣшено было. Евдокимовъ и въ этотъ разъ остановился на побѣгѣ; а чтобы успѣшнѣе произвести его, подговаривалъ

слесарнаго ученика Лебедева, кузнеца Тарашова и ссыльнаго Меншенина. Каждому изъ нихъ обѣщали онъ привезти по лошади, а лошадей надѣялся достать отъ Шулятева и Дубленаго (Коренева). Шулятевъ на то время успѣлъ уже самъ побывать въ заводѣ, повидаться и поговорить съ Чернышовымъ и передалъ ему черезъ караульныхъ солдатъ 50 копѣекъ.

Число сообщниковъ увеличилось еще нѣсколькими изъ дальнихъ крестьянъ, частію по письмамъ отъ Евдокимова, частію по стараніямъ и убѣжденіямъ Шебарши и Серебренникова. Серебренниковъ снова явился къ Чернышову и снова обѣщали ему содѣйствіе и совѣтовали безотлагательно бѣжать. Евдокимовъ настаивалъ на томъ же, но нѣсколько измѣнилъ планъ. По новымъ соображеніямъ, они должны были отправиться къ Гантимурову, съ тѣмъ, «чтобы отъ него идти въ російскіе города, куда кому случай допустить».

Между тѣмъ наступило теплое весеннее время, благопріятное для побѣговъ и любимое арестантами, рѣшившимися бѣжать въ лѣсъ. Чернышовъ сталъ учащеннѣе получать подарки отъ благотворителей своихъ, и, въ большей части случаевъ, не вещами, а деньгами. Тѣ, которые посылали вещи, напр. Большаковъ — тулупъ, крытый шанхайской китайкой и два конца синей нелощеной китайки — совѣтовали своимъ довѣреннымъ вещи эти продавать и выдавать пособіе Чернышову деньгами. Тоже велѣлъ сдѣлать и Шебарша, пославшій съ Серебренниковымъ, въ милостыню Чернышову, лошадь, которая и была продана въ городѣ Нерчинскѣ купцу, за три рубля.

Но—прошла весна и Чернышовъ, за бдительнымъ надзоромъ, не могъ выискать случая къ побѣгу. Случай этотъ представился ему уже въ то время, когда въ одномъ казематѣ съ нимъ заключены были два другихъ арестанта — Родіонъ Отопковъ и Андрей Пановъ. 29 іюня вечеромъ они рѣшились бѣжать вмѣстѣ и начать для этого нужныя приготовленія.

Отопковъ говорилъ: «у меня на Шилкѣ изготовлено хлѣба печенаго, сухарей, пуда съ два.»

Пановъ: «у меня на Селенгѣ живетъ братъ: онъ насъ отвезетъ на звѣриный или на рыбиный промыселъ, гдѣ-де жить, хоть до смерти, можно.»

А Чернышовъ: «Да и мнѣ обѣщали кунь Серебренниковъ на дорогу хлѣба исправить.»

— Ладно! рѣшилъ Отопковъ. — Вотъ мы до Шилки тѣмъ хлѣбомъ и дойдемъ.

При этомъ разговорѣ никого изъ постороннихъ не было.

На другой день (30 іюня) въ шестомъ часу по полудни, Пановъ пошелъ съ караульнымъ солдатомъ за водой, а Чернышовъ съ Отопковымъ остались одни. Отопковъ, пользуясь случаемъ, отодралъ съ гвоздей доску у «казенки» (куда Чернышова запирали одного на ночь) и приставилъ ее къ той же казенкѣ «налепомъ», чтобы караульный не усмотрѣлъ. Вернулся Пановъ — вернулся и караульный. Караульный пошелъ въ солдатскую за смѣной; всѣ три арестанта остались одни, и не медлили: общими силами они въ это время выломали доску около печи и заложили то мѣсто приготовленнымъ на тотъ конецъ войлокомъ. Тогда пришла новая смѣна: двое караульныхъ. Чернышова они увели въ казенку и — по обыкновенію — посадили на стѣнную цѣпь. Одинъ солдатъ легъ спать и заснулъ, другой сидѣлъ до полуночи и слушалъ сказки, которыя рассказывалъ ему Отопковъ. Подъ говоръ Отопкова и этотъ караульный также заснулъ. Замѣтивъ это, Пановъ тѣмъ временемъ слѣзъ съ печи, началъ ломать казенку и произвелъ шумъ. Отопковъ молча оттолкнулъ его и, вынувъ заранѣе отодраную ими около печи доску, самъ вошелъ въ казенку. Здѣсь гвоздемъ отпиралъ у Чернышова цѣпной замокъ, въ то время, когда самъ Чернышовъ увивалъ платкомъ бывшіе на немъ кандалы, для того, чтобы они не звенѣли. Снявши такимъ образомъ цѣпи, они вышли изъ казенки; Отопковъ тѣмъ же гвоздемъ отперъ замокъ и снялъ кандалы съ собственныхъ ногъ. Затѣмъ, черезъ отверстіе подлѣ печи, они вылѣзли на дворъ, въ острогъ. Черезъ тынъ пересаживалъ ихъ Отопковъ, поддерживая сзади клюкой, по приставленной къ палямъ драницѣ, обязанной для бѣльшаго удобства поперегъ тряпками. По внѣшней сторонѣ острога, на землю, спускались они на кушакѣ, который укрѣпилъ Пановъ, взгляшій на верхъ прежде другихъ. Кончивши эту операцію, «оттолѣ во 1-хъ пошли на гору мимо церкви, и взѣшедъ на гору и у имѣющихся на нихъ, Пановѣ и Чернышовѣ, желѣзъ расшибли кольца, а потомъ пошли по той горѣ вверхъ и поверставшись прямо здѣшняго *гофшпитала*, тѣ желѣза бывшимъ у Отопкова долотомъ разбили и тутъ положили подъ камень. А оттолѣ пошли по хребтамъ и прочимъ лѣстнымъ и пустымъ степнымъ мѣстамъ и по убѣгѣ на завтра (т. е. 1-го числа іюля) въ вече-

ру пришли въ падь Уровскія *пожати*; какъ та падь называется— не знали: въ разстояніи отъ рѣки Урова напримѣръ версты съ двѣ, гдѣ у Отопкова (задолго до этого времени бывшаго въ бѣгахъ) сдѣланъ былъ балаганъ, въ которомъ имѣлись его сухари съ полпуда примѣрно.» Въ этомъ стану бѣглецы ночевали; весь слѣдующій день провели тутъ же. Вечеромъ пошли къ рѣкѣ Урову и, перейдя эту рѣчку въ бродъ, съ версту шли до сопки, на которой и ночевали. Утромъ слѣдующаго дня пошли внизъ по рѣкѣ Урову пустыми «прикрытыми» мѣстами и, въ виду деревни; но, не дойдя до ней, легли спать на сопкѣ. Между тѣмъ наступила ночь; бѣглецы, пользуясь темнотою, отправились прямо въ деревню,—для того, что Чернышовъ говорилъ имъ: «пойдемъ опознавать крестьянина Ивана Серебренникова—моего кума и друга!»

Когда бѣглецы стали подходить къ этой деревнѣ, то «тутошные жители или невѣдомо какіе другіе люди стали ихъ ловить, почему они всѣ трое и разбились врозь»: Пановъ побѣжалъ къ рѣкѣ Урову, Отопковъ за деревню на сопку, а Чернышовъ обратно тѣмъ же мѣстами, какими пришли къ деревнѣ. Тѣ же люди, которые ихъ ловили, всѣ бросились за Пановымъ (Отопкова же и слѣдъ былъ затерянъ). Чернышовъ между тѣмъ пошолъ далѣе хребтами, также пустыми и степными, «и иными мѣстами, не заходя нигдѣ въ жилья мѣста и шолъ 11 дней голодомъ, оттого весьма истощился и пришолъ въ безсиліе. На двѣнадцатый день вышелъ онъ Газимурской сотни въ деревню Шелопугину и «самъ собою», по доброй волѣ, явился къ смотрителю, крестьянину Ивану Корсакову, который выслалъ его въ газимурскую приказную судную избу, а оттуда уже онъ препровожденъ былъ въ Дучарскій заводъ.

Вотъ что показывалъ Чернышовъ въ дучарскій заводской конторѣ, куда потребованъ онъ былъ изъ тюрьмы къ допросу. Въ заключеніе этихъ показаній по формѣ онъ свидѣтельствовалъ слѣдующее: «будучи какъ прежде, такъ и нынѣ въ побѣгахъ, воровства, разбоевъ, смертныхъ убивствъ и дворовыхъ пожеговъ не чинилъ и за другими ни за кѣмъ того не знаетъ; становщикомъ и пристанодержателей никого не знаетъ и ни отъ кого онъ не слыхалъ бѣглыхъ, подобныхъ ему нигдѣ и никого не видалъ, ночевовъ и ночлеговъ нигдѣ и ни у кого не имѣлъ.»

Пановъ противъ показанія этого свидѣтельствовалъ, что Чернышовъ посылалъ караульнаго солдата за покупкой вина: солдатъ

принесъ осмину. Водкой этой Чернышовъ поилъ его, Панова, и Отопкова. О побѣгѣ сговаривались Чернышовъ съ Серебрянниковымъ одинъ на одинъ въ тюрьмѣ, куда впускалъ крестьянскихъ солдатъ Бубенщиковъ. Чернышовъ говорилъ: отъ куша-де пойдѣмъ къ крестьянину Урульгинской слободы Максиму Шлюннину, а оттуда къ крестьянину Большакову: онъ-де меня знаетъ и мнѣ подарки присылалъ; а оттуда пойдѣмъ къ князю Павлу Гантимурову въ Городищенскую слободу: князь 12 рублей денегъ съ племянникомъ своимъ прислалъ и лошадь подарилъ. Деньги Чернышовъ отдавалъ купцу Батеневу и мастеру Ксенофонту Данилову, которые на тѣ деньги покупали вино, а Чернышовъ у нихъ гостилъ и тѣмъ виномъ товарищей подчивалъ. Серебрянниковъ въ чиненіи разговоровъ не сознался, но отъ подачи милостыни на допросѣ не отказывался.

Отобранный допросъ писанъ былъ начерно; бывшій управитель Дучарскаго завода шихмейстеръ Казимеровъ показанію ссыльных не давалъ особеннаго значенія и дѣло бросилъ безъ изслѣдованія; новый же управитель, Протодяконовъ, разбирая дѣла предѣстника своего и найдя въ допросахъ ссыльнаго Андрея Панова важное показаніе, рѣшился дать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ. Показаніе это заключалось въ слѣдующихъ словахъ: «еще до побѣга Чернышовъ увѣрялъ Панова, Отопкова и Ивана Карпова, что указъ о Петрѣ III, императорѣ, яко бы онъ умре, написанъ ложно, а я-де дѣйствительно Петръ III, императоръ, о чемъ онъ многихъ людей, а особливо кузнецовъ Данилова и Батенева, также и Зыкова склонялъ и приводилъ въ свою волю».

«Въ производство этого дѣла — пишетъ Протодяконовъ въ нерчинскую канцелярію—здѣшняя дучерская контора приступить смѣлости не имѣтъ».

Такимъ образомъ по случайному поводу началось все это дѣло, подробностямъ котораго мы дали мѣсто.

Въ Нерчинскій заводъ свезены были причастные къ дѣлу (хотя и не всѣ) и разсажены были за крѣпкимъ карауломъ по тюрьмамъ. Началось слѣдствіе, а за нимъ и та путаница, которая до сихъ поръ характеризуетъ всѣ дѣла о ссыльныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ крючкотворства и всѣхъ подъяческихъ увертокъ. По мѣрѣ усиленія слѣдствія, увеличивалось и число подсудимыхъ и арестованныхъ. Дошло наконецъ дѣло до того, что горное начальство стало опасаться возможности бунта. Не хватало солдатъ въ командѣ для постоянного и бдительнаго надзора за арес-

танцами; самыя работы заводскія примѣтно ослабѣли и чуть-чуть не прекратились вовсе. Дѣла слѣдствія шли въ болѣе части случаевъ неуспѣшно. Нѣкоторые изъ оговоренныхъ не явились къ допросу: такъ, напр., Шебаршу долго не могли отыскать и принуждены были ограничиться заочнымъ его показаніемъ, которое онъ адресовалъ, въ видѣ жалобы, въ нерчинскую воеводскую канцелярію и все-таки не въ нерчинскую горную *. Но всѣ вмѣстѣ подсудимые старались — по обыкновению — притягивать къ слѣдствію какъ можно больше постороннихъ людей, съ единственною цѣлю затянуть дѣло на безконечные сроки и возможно затруднить слѣдователей. Ко всей этой путаницѣ допросовъ и переспросовъ, показаній на бумагахъ и изустныхъ присоединилось еще болѣе запутывающее обстоятельство: найдена была переписка. Переписка эта завиняла многихъ новыхъ и, между прочими, указывала на одного, какъ на главнаго, но о которомъ до сихъ поръ всѣ другіе молчали. Этотъ новый былъ нѣкто Семенъ Иванецкій, также ссыльный, нѣкогда другъ и благодѣтель Чернышова, пришедшій въ ссылку вмѣстѣ съ нимъ изъ Россіи. Этотъ Иванецкій жилъ въ Уровской деревнѣ и еще осенью 1768 года писалъ къ Чернышову письмо слѣдующаго содержанія: «Премилосердый мой государь, Петръ Теодоровичъ! Желаю вамъ здравствовать на многія лѣта, да притомъ же и о себѣ увѣдомляю, что въ маломъ здравіи нахожусь отъ тяжкой печали и великой болѣзни, малое число глазами вижу. Старость меня постигнула, купно же и нищета: ни рубахъ, ни одѣянія не имѣю. Отъ вашего здравія вѣдомости никакой не имѣю. Черезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь будетъ мучиться? Деньгами меня не оставьте по своей милости, ежели у васъ имѣются» **. Въ тѣхъ же бумагахъ слѣдо-

* Вотъ смыслъ прошенія Шебарши: «ко мнѣ пріѣзжали солдаты и вооруженные люди и хотѣли вести меня сильно. Я былъ на то время въ собственномъ полѣ, при поствѣ хлѣба. Солдаты ночевали у меня. На другой день требовали обѣда; и когда имъ дали постное, то разложили огонь на дворѣ, начали варить скоромное и чуть не сожгли весь домъ. Убъжая, сильно грозилась на меня; а дѣлали все это ради корыстолюбія, ибо-де онъ, Шебарша, съ заводскимъ начальствомъ никакихъ дѣлъ не имѣетъ, а оно знаетъ его достатки и многихъ богатыхъ успѣло уже разорить поборами и ваятками». Боюсь вторичнаго нападенія начальства, Забѣлинъ (т. е. Шебарша) тайно вытѣхалъ въ Нерчинскъ, подъ защиту воеводы.

** На подлинникѣ письма этого написано было рукою самаго Иванецкаго: «Sub secreto».

ватели нашли и отвѣтъ, писанный рукою Евдокимова, слѣдующаго содержания: «о чемъ вы изволите писать и слышать хотите о благополучіи, пріѣзжалъ генералъ комисенскій отютантъ ходилъ въ тюрьму осмотрѣлъ Петра Федорыча и поѣхалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государыняѣ и писалъ къ Петру Федорычу, что будь надеженъ и такъ буду стараніе предлагать, какъ Богу такъ и тебѣ буди благонадеженъ и молись, проси у Создателя нашего: можетъ вашихъ молитвъ Господь да послушаетъ» *.

Иванецкій потребованъ былъ къ допросу. На немъ отъ посылки двухъ писемъ: одного къ Петру Федорычу, а другаго къ Евдокимову (которое, однакожъ, не найдено: спрятано—де было подъ половицу и закладено гдѣ-то мохомъ) не отказывался. Напротивъ,—указалъ даже на крестьянина Николая Кайгородова, который возилъ эти письма. Кромѣ того Иванецкій показывалъ слѣдующее: пріѣзжавшіе въ Усть-уровскую деревню въ 1768 году тунгусы неоднократно сказывали, что князь ихъ Гантимуровъ посылаетъ въ подарокъ къ Петру Федорычу, по письмамъ его, денегъ рублей по сту и по пятидесяти; дарилъ ему лошадей, шубы и другія потребныя для него вещи, и увѣряется и имъ сказывается, что то Петръ Третій, и хочетъ собрать ихъ, тунгусовъ, и Петра Федорыча силой изъ тюрьмы взять. Нѣкоторые изъ тунгусовъ сказывали, что князь ихъ (но который? — Иванецкій не знаетъ) уѣхалъ въ Петербургъ, а другіе тунгусы приговаривали, что онъ-де ѣдетъ уже изъ Петербурга и съ нимъ для взятія Петра Федорыча идетъ одинъ полкъ регулярнаго войска и велѣно-де его взять съ честью. И слышали-де (тунгусы), что и онъ, Иванецкій, присланъ съ тѣмъ колодникомъ вмѣстѣ и по одному дѣлу. На что Иванецкій тѣмъ тунгусамъ совѣтовалъ не вѣрить. «Чая, что у Чернышова много денегъ и другихъ пожитковъ, то о присылкѣ денегъ писалъ письмо въ томъ разсужденіи: вѣдая онъ объ немъ Иванецкомъ, что въ ссылку онъ посланъ за него Чернышова, то, можетъ, вспомня, къ нему изъ оныхъ пришлетъ. А честнымъ отцомъ распопу (Евдокимова) называлъ для большаго успѣха въ дѣлѣ».

Наслѣдивъ такимъ образомъ главнаго двигателя заговора въ лицѣ князя Гантимурова, канцелярія Черчинскаго завода и тутъ —при всѣхъ своихъ хлопотахъ и усиліяхъ—ничего не могла слѣ-

* Таково правописаніе подлинника. На немъ помѣтка: «Дучарской, октября 3-го 1768 года».

лать. Прибѣгла къ пыткамъ — и онѣ не помогли *. Требовала она отъ князя Степана показаній—но показаній онъ не давалъ, хотя и жилъ въ то время въ заводѣ, въ гостяхъ у главнаго члена комиссіи, генераль-маіора Ивашева. Просили его придти въ канцелярію—онъ съ грубостію говорилъ посланному унтеръ-офицеру, что находится у главнаго своего начальника. Въ то же время и самъ Ивашевъ сказалъ посланному, что Гантиму-ровъ состоитъ въ командѣ его и въ канцелярію и къ здѣшнему командиру ходить ему не вѣдѣть **. Взять силой князя Степана Гантимурова заводское начальство не рѣшилось изъ боязни, ибо Гантимуровъ выслалъ въ заводъ съ пограничныхъ карауловъ болѣе ста человекъ вооруженныхъ казаковъ, которыхъ и держалъ (съ вѣдома Ивашева) въ заводѣ по 20-е число апрѣля, какъ бы для защиты и охраны своей личности. «А тѣхъ казаковъ вытребовалъ онъ безъ всякаго увѣдомленія, вдругъ, вечааннымъ образомъ, когда въ нихъ никакой надобности не состояло и представляло нѣчто чрезвычайное; а надъ оными казаками и кочующими тунгусами имѣетъ онъ начальство» ***.

При такой запутанности дѣлъ и при тѣхъ трудностяхъ, какими обставилось слѣдствіе въ самомъ началѣ, слѣдственная горная комиссія успѣвала дѣлать немногое. Все главное едва ли не ускользнуло изъ ея рукъ и вѣденія. Главнаго узла всего этого дѣла она не нашла, а тѣмъ болѣе не могла его распутать. Остановившись на собранныхъ показаніяхъ, слѣдственная комиссія додумалась только до очныхъ ставокъ. Но и ставки эти поставили ей тотчасъ же новую путаницу. Съ трудомъ она на-

* Такъ, напр., были плетены плавильнаго мастера Ив. Карпова и добились только того, что заставили его показать согласно съ Чернышовымъ. Относительно писемъ узнали только, что они дѣйствительно были присыланы и читались Чернышову у кузнечнаго горна. Но во всѣхъ письмахъ этихъ находили только намѣки; всѣ они писаны съ великою осторожностію; въ нихъ заговорщички ни въ чемъ не промолвились.

** Командиромъ нерчинскихъ горныхъ заводовъ былъ въ то время генераль-маіоръ Василій Ивановичъ Суворовъ, отецъ знаменитаго героя.

*** Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что далеко не прошло до того времени и сотни лѣтъ, какъ князья Гантимуровы, разсорившись съ китайскимъ правительствомъ (у котораго они жили на правѣ вассальномъ), перешли въ Забайкалье, въ количествѣ 500 человекъ, и приняли русское подданство въ 1685 году. Ихъ записали въ московскіе дворяне. Правительство наше вынуждено было на первыхъ годахъ угождать ихъ капризамъ всѣми мѣрами. Въ этомъ же духѣ—вѣроятно—дѣйствовала и генераль-маіоръ Ивашевъ, вопреки желаніямъ генераль-маіора Суворова.

конце могла наследить только одно и решить для себя два главных вопроса:

Назывался ли солдатъ Петръ Чернышовъ императоромъ Петромъ Третьимъ?

— Назывался неоднократно и сказывался таковымъ всѣмъ, его знавшимъ и приходившимъ къ нему съ разспросами.

Что побудило Чернышова на подобное разглашеніе о себѣ?

— Разглашалъ все это не для чего инаго, какъ только изъ желанія получать отъ довѣрчивыхъ людей деньги! Разглашать о себѣ велѣлъ другимъ—также только для своего прибитка, чтобы «привести здѣшнихъ жителей въ сожалѣніе» (возбудить ихъ сочувствіе); а возбуждалъ это сочувствіе опять-таки исключительно для того, «чтобы подавали ему деньги и къ пищѣ потребныя припасы присылали».

На этихъ показаніяхъ слѣдственная коммиссія и успокоилась: признала дѣло съ своей стороны законченнымъ *. А между тѣмъ вотъ что говорило прошедшее этаго несчастнаго человѣка:

Онъ былъ нѣкогда солдатомъ Брянскаго пѣхотнаго полка, изъ котораго отпущенъ былъ въ отпускъ на родину въ Ябловскій уѣздъ, въ однодворческое село Васильевское, срокомъ на двѣ недѣли. Но къ сроку этому рядовой Петръ Чернышовъ въ полкъ не явился. На родинѣ укралъ лошадь. Изъ полка посланы были за нимъ солдатъ и капралъ, но Чернышовъ, дойдя съ ними до слободы Куньи, бѣжалъ съ дороги и очутился въ Изюмскомъ уѣздѣ въ селѣ Купенкахъ. Здѣсь онъ сошелся съ попомъ (потомъ распопа и ссыльный) Иванецкимъ. Въ дому у этого Иванецкаго, Чернышовъ, разъ напившись пьянъ, при попадѣ и при дьячкѣ, называлъ себя императоромъ Петромъ Федоровичемъ. Объ этомъ же самомъ увѣрялъ онъ ихъ всѣхъ въ домѣ какого-то крестьянина и при этомъ притворно плакалъ. Сдружившись съ попомъ Иванецкимъ, онъ заставлялъ его пѣть молебны и всенощную; на эктеніяхъ упоминался какъ императоръ и, будучи въ церкви, ходилъ въ царскія врата. Вскорѣ, однако, онъ былъ пойманъ, отданъ подъ караулъ и отосланъ къ бригадиру Зоричу. Здѣсь, на допросахъ, Чернышовъ упорствовалъ въ сознаниі, много лгалъ, «а что императоромъ себя называлъ, то это-де въ

* Во всѣмъ остальномъ очныя ставки выводили наружу однѣ только мелочи: такъ подъ письмомъ, отосланнымъ къ Большакову, было подписано только Петръ Федоровъ, а не добавлено Чернышовъ. Писемъ онъ не писалъ самъ по неумѣнью; подсудимые не говорили прежде многого, изъ боязни наказанія, и тому подобно.

шяномъ видѣ , и замышлялъ выманить у Иванецкаго платье». Называться такимъ образомъ научилъ его одинъ солдатъ, который, за смертоубійство, отправленъ въ Сибирь въ ссылку. На этомъ же допросѣ сказывалъ, что разъ уже былъ наказанъ за воровство шницрутенномъ и батожемъ. Уличенный такимъ образомъ въ преступленіяхъ , Чернышовъ, за ложно-вымывленное разглашеніе, «яко возмутитель блаженного народнаго спокойствія и государственной тишины, а равно и за учиненное воровство (лошади) и побѣгъ и за ложныя въ допросахъ показанія», избавленъ былъ отъ смертной казни. Въмѣсто нея , велѣно было въ селѣ Купянкахъ наказать его жестоко кнутомъ и сослать въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно *.

Подробности этого событія сдѣлались извѣстны канцеляріи нерчинскаго горнаго начальства уже гораздо впоследствии, чрезъ отношеніе генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго. До той поры слѣдователи смутно догадывались о дѣлѣ Чернышова и не могли дать себѣ яснаго отчета объ его разглашеніи. Эта неясность и запутанность взгляда и мнѣній перешла и въ самый докладъ, который изготвила коммиссія и представила въ сенатъ. Мы представляемъ теперь только начало и конецъ этого «доношенія» съ буквальною точностью, въ доказательство нашей мысли и въ образецъ того , какъ казенная «орменность слога вообще можетъ затемнить способъ изложенія и безбожно исказить въ то же время живой, богатый и законченный родной языкъ нашъ.

«Понеже — пишетъ канцелярія нерчинскаго горнаго начальства—изъ производимаго въ здѣшней канцеляріи дѣла оказалось, что присыльной сюда Чернышовъ самъ выдумалъ; его сообщенія разглашали объ немъ, яко бы онъ бывшій императоръ Петръ III, чѣмъ многихъ уже изъ находившихся здѣсь крестьянъ и другаго званія людей и увѣрили, которые по своему легкомыслію и давали ему великіе подарки и намѣревались его увезти: въ чемъ многіе и сами добровольно признались, а объ ономъ же про Чернышова важномъ разглашеніи знали и находящіеся въ нерчинскомъ вѣдомствѣ тунгузскій князь Алексѣй да князь-Павла сынъ-Степанъ Гантимуровы, также крестьянинъ Забѣлинъ: онъ же и Шебарша и прочіе; а паче, что всѣ тѣ, кои у нихъ съ тѣмъ ложнымъ разглашеніемъ были, показываютъ, что изъ нихъ князь Алексѣй Гантимуровъ хотѣлъ означеннаго Черны-

* Тогда же и за то же, вѣроятно, сосланъ былъ и попъ Иванецкій въ сосѣдство къ Чернышову, по Нерчинскимъ заводамъ.

шова взять изъ-подъ караула сильно увести и представить въ Санктъ-Петербургъ или отвезти, куда онъ велить; о чемъ и оный крестьянинъ Шебарша сообщнику его Чернышова, ссыльному же Евдокимову, какъ онъ показывается, объявлялъ; также и казакъ Григорій Тарскій крестьянину Серебренникову объ томъ же, обще со онымъ Гантимуровымъ къ Чернышову приказывали, а его Серебренникова подучали, дабы онъ упоминаемаго Чернышова увелъ потаенно и къ нимъ доставилъ съ немалымъ обнадеживаньемъ; а сверхъ того оный же князь Алексѣй и объявленный князь-Павла сынъ-Степанъ Гантимуровъ посылали ко оному Чернышову письмо и какъ они тамъ и часто упоминаемый крестьянинъ Шебарша давали ему Чернышову великіе подарки, чего всего имъ какъ для ссыльнаго, когда бъ они заподлинно его Чернышова такъ не почитали—чинить никакой надобности не было по разсужденію, что оный Серебренниковъ не подозрительный, то и болѣе показаніе его принять должно; да и самый оный Чернышовъ и всѣ его въ томъ сообщники и которые тѣ подарки отъ нихъ носили, объявляютъ согласно; вочему бъ ими Гантимуровыми, Тарскимъ и Шебаршею, яко намѣревающимися произвести весьма противное и надлежало изслѣдовать, ибо ежели все оное справедливо, какъ на нихъ показано, то они конечно безъ тягчайшаго штрафа оставлены быть не должны; но хотя изъ оныхъ Шебарша чрезъ нарочнаго и требованъ былъ отъ Нерчинской воеводской канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой онъ состоитъ, но токмо и онъ самовольно выѣхавшею изъ здѣшняго завода слѣдственною комиссіею и за показаніемъ объ немъ, что онъ потребенъ для велико-важнаго дѣла удержанъ и еще съ непринадлежащимъ на здѣшнюю канцелярію, яко бы она его требуетъ для своего корыстолюбія, поношеніемъ, то и воеводской канцеляріи, безъ всякихъ въ томъ основательныхъ причинъ, предписала. Чтожь принадлежать до объявленныхъ князей Гантимуровымъ и казака, то уже здѣшняя канцелярія и требовать ихъ почитаетъ за единое въ рѣшеніи сего дѣла продолженіе, ибо когда означенная комиссія прежде писаннаго крестьянина Шебаршу удерживала, то уже

* Слѣдуетъ запутанный разсказъ объ упорствѣ Гантимурова явиться въ канцелярію горнаго начальства и дать отвѣты, и изъясненіе опасеній канцеляріи дѣйствовать наступательно: «ибо у нихъ (Гантимуровыхъ) кочующихъ тунгусовъ подъ командою состоитъ немалая тысяча человекъ и народъ весьма легкомысленный и склонный къ продерзости!»

конечно объявленныхъ князей Гантимуровыхъ безъ удержанія не оставить же *.

...Слѣдовало бы — говорить далѣе доношеніе—обратить бдительное вниманіе на адъютанта главнаго штаба и члена комиссіи Панова, но сдѣлать этого канцелярія не можетъ: во 1-хъ потому, что за множествомъ дѣлъ, и за немнѣніемъ достаточнаго числа приказныхъ служителей, канцелярія съ трудомъ управляется и текущими дѣлами (а дѣло Панова, по важности его, не всякому можно довѣрить); а во 2-хъ, если всѣхъ оговоренныхъ людей забрать, то не хватитъ мѣстъ для помѣщенія, не достанетъ и людей для караула: и теперь уже съ большимъ затрудненіемъ содержатся арестованные по этому дѣлу и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы ихъ и содержать не должно. По неимѣнію же военныхъ служителей употребляется въ караулъ «по крайней необходимости» большая часть заводскихъ служителей. Многие изъ нихъ отправлены въ Петербургъ съ серебромъ и еще не возвратились и всѣ весьма потребны для заводскихъ работъ, а паче, что Имѣннѣмъ Ея Имп. Вел. указомъ, состоявшимся 1762 года о уничтоженіи тайной канцеляріи, повелѣно: буде доноситель имѣеть и доказательства и свидѣтелей, что доносъ его правъ, и свидѣтели съ нимъ объявляютъ единогласно, то и доносителя и свидѣтелей и тѣхъ или того, на кого доносъ, — забрать подъ крѣпкій караулъ, тотчасъ доносить со всѣми обстоятельствами въ правительствующій сенатъ и ожидать указа. Объявленное дѣло касается и до обомхъ, изображенныхъ въ томъ указѣ пунктовъ, почему бы здѣшная канцелярія въ силу онаго указу и должна была изыскать о всѣхъ подробностяхъ того происшествія, но по выше изложеннымъ обстоятельствамъ болѣе производства по сему дѣлу чинить не можетъ. Того ради....и проч.

* Прогоновъ назначено было 41 рубль до Петербурга (1204 версты до Иркутска, 5420 до Новгорода, 186 до Спб.), а на обратный путь на 6624 версты 75 руб. 98 коп. «ибо лѣтнимъ путемъ отправленія бытъ неуловительно.» Въ инструкціи, выданной посланному солдату замѣчательны §§ 3 и 4-й. Въ нихъ сказано: «будучи въ ономъ пути нигдѣ, никакихъ обидъ налоговъ и напрасныхъ прибытковъ не чинить и до вятковъ ни подѣ какимъ видомъ и ни на одну полушку не касаться и поверстныя деньги ямщикамъ платити сполна, по указу, безъ малѣйшаго удержанія; въ волокиты также по не принадлежащимъ никому изъ живущихъ по пути обывателямъ, состоявшихся указовъ и собою вымысленныхъ лживыхъ и тебѣ того неизвѣстнаго не разсказывать. Если что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, — онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже сюда, кроме настоящихъ доношеніевъ.»

Представленіе это послано было 3 Іюля 1770 года съ иарочнымъ въ С.-Петербургъ.

Всѣ арестованные по дѣлу Чернышова (17 человекъ) размѣщены были по разнымъ тюрьмамъ: одни въ Кутонарѣ, другіе въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ, третьи въ Дучарскомъ, скованными, за крѣпкимъ карауломъ. Нѣкоторыхъ назначено было употреблять въ заводскія работы, но также за крѣпкимъ и безопаснымъ карауломъ: до разговоровъ съ ними доущать никого не велѣно. Чернышовъ содержался въ Большомъ заводѣ отдѣльно отъ всѣхъ. Къ нему также никого не допускали: кто имѣлъ до него нужду—тѣхъ подробно спрашивали; кто приносилъ подарки—тѣхъ задерживали. Чернышовъ никого не видалъ.

4 Сентября 1770 года состоялся именной указъ Императрицы Екатерины на имя главноо командира нерчинскихъ серебряноплавильныхъ заводовъ, генераль-маіора В. И. Суворова:

«Нашему генераль-маіору Суворову. Изъ присланнаго отъ васъ къ нашему генераль-прокурору мая отъ 7 числа сего года репорта, Мы усмотрѣли, что сосланный по нашему указу на нерчинскіе заводы природою крестьянинъ Чернышовъ, который чинилъ о себѣ ложное и вымышленное между таковыми жъ крестьянами разглашеніе, а нынѣ еще оный Чернышовъ и на заводахъ чинилъ таковое жъ ложное о себѣ разглашеніе. Чего ради повелѣваемъ онаго ссылочнаго Чернышова, если дѣйствительно отъ него то разглашеніе чинено было, за сію его дерзость наказать публично, при тамошнихъ заводскихъ жителяхъ, при коихъ онъ то о себѣ разглашеніе дѣлалъ и кои ему, можетъ быть, по сущей простотѣ своей или лучше сказать малодушію тому его ложному разглашенію повѣрили, кнудомъ и, заклеивя, какъ человека злаго и дерзкаго, послать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣть его употреблять въ тяжкихъ работахъ. Какъ же оное его разглашеніе, по здравому разуму, достойно сущаго презрѣнія, то и слѣдствія никакого о томъ не производить. Екатерина.»

Въ то же время (5 сентября) и генераль-прокуроръ (князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій) писалъ къ тому же Суворову: «Государь мой Василій Ивановичъ! Хотя изъ присланнаго къ вашему превосходительству Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа, по рапорту вашему о наказаніи ссылочнаго Чернышова, ваше пр-во и можете увидать, что разглашеніе его

достойно презрѣнія, а потому и слѣдствія никакого производить не повелѣно, но какъ изъ тогожь репорта вашего видно и то, что уже ваше пр-во объ ономъ разглашеніи начали производить слѣдствіе, а потому и уповательно, что можегъ быть по оному дѣлу забраны люди подъ караулъ и содержатся, то Ея Имп. Вел. Высочайше повелѣтъ соизволила къ вашему пр-ву отписать, чтобъ, по полученіи сего, всѣхъ тѣхъ людей, кои по сему дѣлу къ слѣдствію были привлечены, изъ-подъ караула свободить и освободя ихъ, а равно и кто именно забраны были по оному дѣлу подъ караулъ и по какимъ подозрѣніямъ, для донесенія Ея Имп. Вел-ву ко мнѣ отписать; при семъ же прилагаю изображеніе винъ помянутаго ссыльнаго Чернышова, которое, какъ онъ выведенъ будетъ на публичное мѣсто къ наказанію, изволите приказать, при собраніи народа, вслухъ ему прочитатъ и по тому повелѣнное наказаніе учинить, ибо чрезъ сіе самое народъ узнаетъ и прежнія его плутовства; — впрочемъ пребываю и проч.»

13 Октября того же года и тотъ же генераль-прокуроръ дѣлалъ дополнительное предложеніе и писалъ въ Петербургъ, Суворову въ Нерчинскъ, совѣты; * но уже было поздно: Суворовъ успѣшилъ привести указъ Императрицы въ исполненіе.

* Вотъ что писалъ между прочимъ князь Вяземскій къ Суворову: «1, какъ уже о учиненіи означенному Чернышову, за показанную вину, наказанія, а равно и о свободѣ содержащихся по сему дѣлу людей, минувшаго сентября 5-го Высочайшій Вл Имп. Велич. указъ ген.-майору Суворову данъ, то нынѣ объ ономъ Чернышовѣ и резолюцію вновь нужды давать не остается; 2, изъ произведеннаго же слѣдствія усмотрѣно, что ссыльный Кузьма Фирсовъ, будучи столь безсовѣстенъ, что не только разглашалъ и утверждалъ это Чернышова разглашеніе за истинное, именно же тѣмъ, яко бы онъ самъ, будучи въ Петербургѣ, его выдавалъ, чего никогда въ самомъ дѣлѣ не было, да и быть не могло; однакоже самъ своимъ ложнымъ и вымышленнымъ увѣреніемъ показанныхъ по дѣлу людей довелъ до тюремнаго заключенія, — чего ради за таковой его умыселъ ложный, и что, чрезъ сіе самое, утвердилъ онъ и въ прочихъ болѣе вѣроятія; такъ же, дабы и впредь онъ таковыхъ ложныхъ плевелъ разсѣвать не отважился, — наказатъ его, Фирсова, публично плетями и изъ подъ караула освободить. 3, Что же по оному слѣдствію открыто было хотя отъ недостойныхъ вѣры людей, яко бы генераль-майоръ Ивашевъ, а равно и его адъютантъ о разглашеніи Чернышовымъ о себѣ были извѣстны, чего въ самомъ существѣ быть не можно, да и самые сіи оклеветатели въ томъ ложномъ разглашеніи признались, то и оное предать совершенному забвенію». Предложеніе это приведено было въ Нерчинскомъ заводѣ въ исполненіе 27 января 1771 года.

2 Ноября получили свободу всѣ тѣ изъ арестованныхъ по дѣлу Чернышова, которые содержались подѣ карауломъ въ Большомъ Нерчинскомъ заводѣ; таковы, плавильный мастеръ Ив. Карцовъ, ссыльные: Левъ Евдокимовъ, Кузьма Фирсовъ, Федоръ Кореньевъ (оцъ же и Дубленой). Затѣмъ распущены были по домамъ и остальные люди, размѣщенные по тюрьмамъ: кутомарской и дучарской. Отъ каждаго изъ нихъ взяты были подписки, «дабы они отнюдь впредь такому ложному разглашенію не вѣрили и объ ономъ, по чему они содержались, никому не сказывали, подѣ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неопустительнаго штрафа».

4 Ноября совершена была въ заводѣ казнь надѣ Чернышовымъ «при собраніи здѣшняго завода жителей, и изображеніе вишь прочитано и наказаніе кнутомъ учинено». На третій день (6 ноября) Суворовъ посѣщилъ совершить надѣ Чернышовымъ и второе наказаніе: дѣятельно озаботившись отправкою его на мѣсто новой ссылки. Для сопровожденія Чернышова назначены были фурьеръ Лазаревъ и солдатъ Рудаковъ. Имъ выдано жалованье и аммуниція впередъ за цѣлый годъ (по 1 руб. 12½ коп. на мундиръ и 1 руб. 59¾ коп. за выплавленное серебро; всего по 2 руб. 72¼ коп.) Чернышовъ получилъ шубу, рукавицы («голицы съ варегами»), и на чулки сермяжнаго сукна три аршина. Для дороги, на казенный же счетъ, заготовлено было двое саней («обшевней»). Фурьеру Лазареву—по формѣ—выдана была инструкція, въ которой, между прочимъ, приказано: «принять Чернышова скованнаго и вести таковымъ подѣ крѣпкимъ карауломъ, съ коимъ никого ни до какихъ разговоровъ не допускать и самимъ о неподлежащемъ не разговаривать и отъ утечки хранить неослабно, а для пропитанія давать по двѣ копейки на день; звать въ Мангазеѣ въ воеводскую канцелярію» и проч.

При отправленіи Чернышова, нерчинское горное начальство встрѣтило весьма важное затрудненіе: оно не знало количества верстѣ до мѣста назначенія Чернышова, смутно илѣя представленіе, что надо его везти по направленію къ Иркутску. Нерчинская канцелярія изъ этаго недоразумѣнія и невѣденія выпуталась такимъ образомъ: она выдала прогонныя деньги до Иркутска, гдѣ просила губернатора (генералъ-майора Бриля) выдать прогоны до Мангазея. Но и въ Иркутскѣ рѣшились выдать ихъ только до Енисейска (на 1137 верстѣ), и уже енисейская

провинціальная канцелярія должна была снабдить преставившова Чернышова деньгами до Мангазеи *.

18 Февраля 1771 года канцелярія ирч. горн. нач. рапортовала генералъ-прокурору Вяземскому слѣдующее:

«Чернышовъ, по учиненіи повелѣннаго наказанія, отправленъ былъ съ нарочнымъ въ Мангазею, который, по привозѣ въ городъ Енисейскъ отъ тамошней канцеляріи, за прилучившеюся ему болѣзнию, и что отъ Енисейска до Мангазеи зимняго тракта нѣтъ,—удержанъ былъ до будущаго весною отправленія во ономъ Енисейскѣ; а сего февраля 17 дня она енисейская канцелярія, присланнымъ репортомъ объявляетъ, что оный Чернышовъ, съ самаго въ Енисейскъ привозу, будучи содержаемъ въ тюремномъ острогѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ, находясь въ болѣзни, на 6 число минувшаго генваря сего 1771 года умре, который надлежащимъ порядкомъ и погребенъ».

Излишная ли скорость поѣздки, или излишнее рвеніе мѣстныхъ начальствъ были причиною такой скорой смерти Чернышова—рѣшить мы не имѣемъ данныхъ. Знаемъ только, что ему было отъ роду всего только 36 лѣтъ; и—по рапорту енисейской канцеляріи—что въ Енисейскъ онъ прибылъ безъ теплой одежды, и уже серьезно-больнымъ. Остановленъ онъ былъ въ тюрьмѣ сколько потому, что до Мангазеи нѣтъ зимняго пути (большую половину котораго ходятъ на лыжахъ или ѣздятъ на собакахъ), столько же и потому, что предполагали будущей ранней весной отправить Чернышова на казенныхъ баркахъ, которыя ежегодно отправляются съ казенной солью.

Чернышовъ погребенъ былъ за вечерней при енисейской Богородицкой церкви. Послѣ него остались собственные его пожитки: войлокъ, небольшая подушка и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрывки. Всѣ эти вещи опредѣлено распродать;

* Вотъ что мы можемъ сообщить объ этомъ замысловатомъ и темномъ городѣ. На рѣкѣ Тазѣ, около 1800 верстъ отъ рѣки Енисея, черезъ тундру, гораздо сѣвернѣе Туруханска, вблизи океана, существовалъ этотъ острогъ Мангазеи. Названіе свое онъ получилъ отъ перваго русскаго хлѣбнаго магазина (магазеи), построеннаго въ прошломъ столѣтіи, тотчасъ по занятіи того края русскими и когда еще хлѣбъ въ сѣверную Сибирь доставлялся изъ Архангельска чрезъ Обскую губу. Лѣтъ сорокъ (слишкомъ) тому назадъ Мангазея эта сожжена юраками, враждовавшими съ остяками и за то, что русскіе вступились за остяковъ. Вслѣдствіе этихъ несогласій, земля была разграничена: правые берега р. р. Оби и Таза отданы были юракамъ, а лѣвые—остякамъ. Теперь на мѣстѣ Мангазеи не видать не только слѣдовъ русскихъ, но даже и юртъ инородческихъ.

«а и еще шиблась при ономъ арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта, подъ него подстилана и что онъ гыль и съ мѣста не вставаль, оттого и сгнила и затѣмъ брошена»—(темно и запутанно, но тѣмъ не менѣе краснорѣчиво писала 19 генваря 1771 года енисейская провинціальная канцелярія въ канцелярію нерчинскаго горнаго начальства). Въ современномъ архивѣ современнаго нерчинскаго горнаго правленія хранится все это дѣло о Чернышовѣ съ надписаніемъ: «Секретное дѣло о каторжномъ Петрѣ Чернышовѣ съ 1770 года (начато по рапорту Дучарской заводской конторы), преданное вѣчному забвенію».

Мы рѣшились вывести это дѣло изъ этого забвенія и посылно разсказать всѣ подробности о замыслахъ этаго новаго лже-Петра, менѣе даровитаго, а тѣмъ паче менѣе счастливаго, чѣмъ всѣ остальные четыре, до сихъ поръ извѣстные самозванцы, называвшіеся именемъ Императора Петра III, каковы: донской казачій офицеръ Пугачевъ, солдатъ Кремневъ, казакъ Богомоловъ, отставной казакъ Ханинъ и крестьянинъ Іовъ Мосякинъ.

II.

Василій Васильевичъ Нарышкинъ.

Черезъ четыре года послѣ разсказаннаго нами событія, на мѣсто знакомаго уже намъ генераль-майора В. И. Суворова, пріѣхаль изъ С.-Петербурга въ Нерчинскіе заводы новый главный командиръ ихъ — коллежскій совѣтникъ В. В. Нарышкинъ — бывшій прокуроръ коммерцъ-коллегіи. Суворовъ нашолъ онъ еще въ заводѣ и тотчасъ же по пріѣздѣ озаботился выдачею ему прогонныхъ денегъ на 10 подводъ (на 7009 верстѣ—всего 544 руб. 97¼ коп.) до Петербурга, куда просилъ себѣ Суворовъ увольненія за болѣзнію.

2 Мая 1775 года пріѣхаль Нарышкинъ въ Большой Нерчинскій заводъ—центральное мѣсто всего управленія, а 4 мая уже вступилъ въ командованіе заводами, и занялся его дѣлами съ изумительною ревностію и постоянствомъ. Ровно одиннадцать лѣтъ не выходилъ онъ изъ квартиры своей и никто его, кромѣ должностныхъ лицъ и докладчиковъ, никогда и нигдѣ не видалъ. Какъ это все дѣйствовало на арестантовъ и заводскихъ служителей?—по дѣлу о Нарышкинѣ—не видно; но по дальнѣйшимъ его распоряженіямъ мы можемъ убѣдиться въ томъ, что

затворничество главнаго командира не прошло для заводоковъ безъ благодѣтельныхъ улучшеній и болѣе или менѣе разумныхъ распоряженій.

«Разсматривая состояніе заводскихъ крестьянъ — писалъ онъ въ перчинскую заводскую контору — нашолъ я нѣкоторыя ихъ селенія утѣсненными и недостаточными въ земляхъ, а напротивъ того зная, что заводскіе офицеры (получая отъ казны съ жалованьемъ и раціоны, равно какъ и самъ я) пользуются землями для своихъ пашень и сѣнныхъ покосовъ, то дабы крестьяне получать могли возможныя выгоды и не терпѣди бы въ земляхъ недостатка, конимъ, по всей справедливости, они принадлежатъ больше всякаго состоянія людей, отнынѣ запрещается всякому офицеру или въ службѣ находящемуся человѣку, сверхъ своего опредѣленнаго жалованья, владѣть землями: что наблюдать при заводахъ и рудникахъ управителямъ; землю офицеры обязаны нанимать повольно у крестьянъ; изъ сего правила исключаются мѣста, лежащія въ отдаленіи и въ совершенной пустотѣ».

Такимъ рѣшительнымъ распоряженіемъ началъ Нарышкинъ свое управленіе заводами, устремляя вниманіе преимущественно на крестьянъ, быть которыхъ его особенно заботилъ. Видя трудность ихъ положенія относительно платежа податей и исправленія заводскихъ работъ, онъ успѣшилъ привести все это для себя въ ясность. По его соображеніямъ и по разсчету оказалось, что заводскіе крестьяне платили *вмятеро* больше, чѣмъ сосѣдніе государственные крестьяне. Чтобы облегчить ихъ участь съ этой стороны, онъ отдалилъ сроки для сбора подушныхъ денегъ и вмѣсто мая назначилъ іюнь, и съ другой — упразднилъ право располагать крестьянскими работами, направленіе которыхъ до этого времени зависѣло отъ заводскихъ конторъ. Въ то же время освободилъ заводскихъ крестьянъ отъ излишнихъ работъ, назначаемыхъ тѣмъ изъ нихъ, за которыми осталась казенная недоимка. При этомъ Нарышкинъ высказался, во всеобщее извѣстіе, слѣдующимъ образомъ: «должность начальника не только въ томъ есть, чтобъ пользоваться лестною при первомъ видѣ казнѣ выгодою, но примѣчать того: не ведетъ ли оная съ собою, на настоящее и будущее время, какаго неудобства и, вмѣсто пользы, не можетъ ли произвести вредъ.»

На основаніи этихъ убѣжденій, онъ успѣшилъ сложить съ крестьянъ всѣ заводскія работы, опредѣленныя на 1777 годъ,

и съ тѣмъ однакожъ, чтобы настоящія они исправили въ положенное время «неотмѣнно», обѣщая неисправныхъ употребить въ каторжную работу. Возить руду со всѣхъ рудниковъ и во всѣ заводы дозволилъ каждому крестьянину, прибавивъ по два рубля на каждую тысячу пудъ, и деньги за возку приказалъ «выдавать стараться безъ малѣйшаго промедленія, чтобы бѣжи самые больше вошчиковъ приохотить.» Для устранения злоупотребленія, назначилъ надежныхъ смотрителей.

«Для сохраненія лучшаго и добраго порядка между крестьянами», учредилъ, въ помощь старостамъ, должности двухъ судей, которыхъ выбираютъ сами крестьяне, а начальство только приводитъ къ присягѣ. 4 июня того же 1776 года, указомъ своимъ, уничтожилъ въ селеніяхъ приказныя избы, переименовавъ ихъ въ земскіе суды. Судамъ этимъ далъ наставленія относительно земледѣдія и сельскаго хозяйства. Въ «наставленіяхъ» этихъ успѣлъ Нарышкинъ показать въ себѣ практическаго и знающаго человѣка. Говоря о хозяйствѣ входитъ въ мельчайшія подробности и обличаетъ въ себѣ большаго знатока дѣла и замѣчательнаго практика, хотя въ правилахъ о домообзаводствѣ разсыпалъ много утосій, но въ то же время высказалъ много дѣльныхъ замѣтокъ *. Наставленія и правила эти велѣлъ онъ читать крестьянамъ по церквамъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ церковей нѣтъ, предписалъ собирать крестьянъ въ земскіе суды.

Уходя дальше въ заботахъ своихъ о земледѣліи, Нарышкинъ увеличилъ число запасныхъ магазиновъ, но хлѣбъ предполагалъ складывать только на одинъ годъ. Хлѣбъ закупалъ самъ и продавалъ его немущимъ по казеннымъ цѣнамъ; нерѣдко отпускалъ въ долгъ. Заботился о разведеніи въ Аргунскомъ

* Въ этихъ наставленіяхъ особенную заботу прилагаетъ къ удобренію полей и посѣвамъ. Такъ: совѣтуетъ мочить семена черезъ ночь въ навозномъ соку и пересыпать лежалюю на воздухѣ известью. Выжженные поля и нови совѣтуетъ проходить нарѣзною сохою вдоль и поперегъ столько разъ, сколько потребно для разсѣченія корней, которые потомъ легко вывалятся. Мѣста, гдѣ хлѣбъ худо родится, предлагаетъ пахать на быкахъ, ибо-де одна лошадь не имѣетъ силы противъ двухъ быковъ, а пара быковъ не дороже хорошей пахатной лошади. Сѣять хлѣбъ предполагаетъ мельче: «мельче сѣянный — говоритъ онъ — родится лучше глубоко-сѣяннаго;» самъ дѣлалъ опыты — и счастливый результатъ остался на его сторонѣ. Запихивать посѣянный хлѣбъ (какъ это дѣлаютъ крестьяне) не совѣтовалъ, но полагалъ срѣзывать стебли озимыхъ всходовъ даже до 4-хъ разъ. Даетъ нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ для леченія заболѣвшаго скота и нѣсколько гигиеническихъ для предотвращенія скота отъ болѣзней, и проч. и проч.

острогъ каноши и собственноручно писалъ правила и руководства для мочки ея. Исправныхъ старшинъ, являвшихся въ канцелярію съ дѣльными, правдивыми и честными отчетами угощаль у себя въ квартирѣ и обдаривалъ. Съ тѣмъ же успѣхомъ всѣхъ таковыхъ публиковалъ во всеобщее извѣстіе.

Въ Аргунскомъ острогѣ Нарышкинъ намѣревался построить для престарѣлыхъ и увѣчныхъ крестьянъ богадѣльню, а въ Нерчинскомъ заводѣ прилагалъ сильное стараніе къ тому, чтобы существовавшую тамъ школу привести въ лучшій порядокъ «какъ возможно, и учеными людьми завестися.» Всѣхъ учащихся и учащихся собрано было до 77 человекъ; 21 апрѣля 1776 года училище было открыто и поручено въ дирекцію способнѣйшему человекъ, Николаю Иринарову*.

Таковъ краткій перечень всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя характеризуютъ заботливость новаго нерчинскаго командира о заводскихъ крестьянахъ. Насколько они имѣли успѣха въ практическомъ примѣненіи — по «дѣлу о Нарышкинѣ» — не видно. Извѣстно только то важное и характеристическое обстоятельство, что Нарышкинъ, черезъ полтора года послѣ своего пріѣзда въ заводъ, получилъ отъ крестьянъ Уровской сотни благодарственное письмо и двѣ «кормленныхъ коровы» въ подарокъ. Крестьяне писали ему: «мы отъ тебя наставленія получили: мы то узнали о Богѣ, Государѣ и ближнемъ, чего не только не слышали, но и никто намъ о сихъ вещахъ не сказывалъ. Вы всѣхъ своихъ — позвольте сказать — овецъ питаете собственными обѣдомъ, не занимая отъ насъ ни фунта хлѣба съ разбрасываніемъ не мало намъ же денегъ, поя притомъ виномъ». На эти весьма замѣчательныя строки Нарышкинъ отвѣчалъ также подаркомъ (двумя имперіалами) и письмомъ. Въ письмѣ своемъ онъ пишетъ между прочимъ: «упоминаете вы, что въ бытность мою здѣсь, не требуя я отъ васъ хлѣба и всего, тому подобнаго даромъ, но собственно самъ угощаю васъ наивозможнымъ образомъ, — повѣрьте, друзья мои, что я здѣсь, по власти царствующей надъ нами государыни, не разорять пришло, но доставить каждому изъ васъ, колико могу, благополучную жизнь и добрую надежду».

Въ хвастливыхъ увѣреніяхъ своихъ Нарышкинъ, по своему,

* Въ учителя назначены: унтеръ-шихмейстеръ Хоппа и ссыльный, находящійся въ работѣ Семень Лицкинъ.

былъ правъ, правъ именно въ тѣхъ убѣжденіяхъ, къ которымъ онъ пришолъ послѣ внимательнаго знакомства съ состояніемъ заводовъ и послѣ разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ, относящихся до общественнаго быта какъ крестьянъ, такъ и каторжныхъ. Вотъ къ какимъ положеніямъ пришолъ Нарышкинъ, и вотъ что объявлялъ онъ, въ одномъ изъ своихъ указовъ, во всенародное извѣстіе:

«Прежде нежели я вступилъ на степень здѣшняго правленія, земледѣльцы не имѣли способнаго для нихъ земскаго правленія, но всегда управляемы были посылаемыми отъ канцеляріи здѣшняго горнаго начальства управителями и прикащиками, изъ коихъ многіе (какъ мнѣ пзвѣстно по доходившимъ до меня просьбамъ), не какъ вѣрные рабы своей государыни и истинные сыны отечества, учреждали свои поступки къ пользѣ и спокойствію врученныхъ имъ согражданъ, но, предводительствуемы будучи одними страстями и порочнымъ самолюбіемъ, отягощали бѣдныхъ земледѣльцевъ гнуснымъ своимъ корыстолюбіемъ и взятками.» Управители не только не старались поощрять крестьянъ къ работѣ и приводить земледѣліе въ цвѣтущее состояніе, но, «продолжая алчность богопротивнаго именованія», отрывали крестьянъ отъ обыкновенныхъ работъ и тѣмъ доводили земледѣльца до унынія и нерадивости. «И какъ надлежало земледѣльцу чудныя природы руководствомъ продолжать свое преполезное отечеству дѣланіе, т. е. пахать землю и сѣять хлѣбъ не пропуская времени, дабы оный успѣлъ къ своему созрѣнію въ удобное время»:—эти начальники находили для себя такъ-же дни золотою жатвою. Прицѣпившись несправедливымъ образомъ, они нагло «вымучивали деньги и скота, и считая, что крестьянинъ, имѣя нужное время въ своемъ земледѣліи, не пощадитъ отдать послѣдняго имуществва, дабы успѣть въ своемъ богоугодномъ предпріятіи.» Отъ этихъ проволочекъ, въ самое нужное для посѣву время, крестьяне остались безъ пропитанія, въ отягощеніе обществу; а истощивши послѣднее имущество на пищу, «не имѣли чѣмъ заплатить государственныя положенныя подати. «Отъ таковыхъ поступокъ столь далеко провзрело все вышеписанное зло, что не осталось почти сотой части крестьянъ, которые бъ не состояли за нѣсколько лѣтъ обыкновенныхъ податей подъ недоимкою. Отъ сего иногда государственная казна терпитъ недостатки и въ случаѣ нужныхъ для пользы отечества учрежденій — терпитъ остановки. Сверхъ того, ежели паче чаяніа (чего Боже сохрани!) въ случаѣ не-

домни, то не думаю, чтобы во всемъ здѣшномъ вѣдомствѣ могло сыскаться таковыхъ сто семей, которыя бѣ, чрезъ годичное время, могли пропитать свое семейство. Изъ чего ясно можно видѣть (въ разсужденіи отдаленности здѣшняго мѣста отъ всѣхъ, обитаемыхъ земледѣльцами, мѣстъ) какая можетъ произойти гибель человѣческаго рода, а государству ущербъ.»

Не шадя далѣе самыхъ льстивыхъ и мудреныхъ выраженій, чтобы возбудить къ себѣ народную привязанность и довѣріе, — Нарышкинъ не шадитъ заводскихъ чиновниковъ. Не шадитъ онъ ихъ и фактически, на самомъ дѣлѣ. Уставщика Семена Бѣлава, который «отважился препятствовать хорошей плавкѣ руды и сдѣлалъ вмѣсто назначеннаго ему другую смѣсь, чтобы лучше прежняго не было—велѣлъ Нарышкинъ прислать «бездѣльщика скованнаго.» Такимъ образомъ, преслѣдуя взятки, похлѣбства и въ дѣлахъ понаровки, одного чиновника разжаловалъ въ рабочіе за то, что нашолъ у него *поклонное*: деньги, соболей, лошадей и штофъ французской водки. Прапорщика Тыркова, участнаго въ дѣланіи кредитныхъ билетовъ и въ распространеніи ихъ въ народѣ, заковалъ въ цѣпи. Шихмейстера Горшина лишилъ чиновъ и написалъ въ рудоконшики третьей статьи.

Открывши въ Шилкинскомъ заводѣ злоупотребленія по утайкѣ руды (когда пріемщики приписывали излишнее количество руды и угля, а избытокъ записывали въ расходъ), Нарышкинъ рѣшился серьезно подумать объ искорененіи злоупотребленій. Мѣрою для этого онъ предположилъ прибавку служителямъ и чиновникамъ жалованья, что и привелъ въ исполненіе, * но не имѣлъ успѣха. Вскорѣ онъ убѣдился въ томъ, что зло шло корнями гораздо глубже, чѣмъ онъ предполагалъ, и потому прибѣгнулъ къ другому средству. Въ секретари себѣ онъ выбралъ двухъ секретныхъ колодниковъ Алоксѣя Исакова и Ивана Жихарева, назначивъ имъ обоемъ по 60 руб. въ годъ жалованья; и придавъ имъ въ помощники еще трехъ человѣкъ и также въ числа секретныхъ арестантовъ (Трифона Карпова, Матвѣя Семенова и Замятнина, и также съ приличнымъ жалованьемъ, хотя и на половину противъ прежнихъ двухъ. ** Изъ остальныхъ семл-

* Получавшіе прежде 60 рублей, при Нарышкинѣ стали брать 96; получавшіе 48 — 84 руб., и проч. Прибавлялъ Нарышкинъ къ арестантскимъ окладамъ отъ 36 руб. и до 2-хъ руб. въ годъ (ниже двухъ не спускался).

** Нарышкинъ привозъ съ собою изъ Петербурга одного штаб- и шесть человѣкъ оберъ-офицеровъ и лекаря, сверхъ молодыхъ

ныхъ 331 человекъ съ обыкновенной трехденежной платы въ день, свелъ въ окладное жалованье; многихъ производилъ въ чины и опредѣлялъ въ писарскія и другія должности по своему усмотрѣнію. Вообще въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣснялся; велъ себя какъ самовластный и неограниченный повелитель: драгъ батоженъ и не сказывалъ за что, «извѣстно-де мнѣ единому.» Указомъ запретилъ ссыльныхъ называть *варнаками*, *хромами*, арканниками и чолдонами и «тѣмъ безъ нужды, нишомныя колкія слова не отваживались бы, а кто сіе учинитъ, таковой, яко не повинующійся, жестоко наказанъ будетъ, ибо осыльные люди имѣютъ такое же чувство, какъ и всѣ прочіе, хотя они вредъ Богомъ и государынею прегрѣшили.» По поводу одного бѣглаго изъ Дучарскаго завода онъ писалъ: «я всякому, во всѣхъ командахъ имѣющимъ, отъ притѣсненій и неудовольствій бѣжать къ покрову императорскому позволяю. Я самый исполнитель воли всеавгустѣйшей второй Екатерины и подъ покровъ ея всѣхъ страждущихъ, обижаемыхъ и стѣсняемыхъ приѣмлю и дѣлаю справедливыя разбирательства. Всякій бездѣльникъ, злодѣй и клеветникъ, не хотящій трудиться въ своей должности, такъ какъ недостойный воззрѣнія императорскаго, не будетъ принятъ подъ покровительство, а какъ богоотступникъ, извергъ человѣческаго рода, по мѣрѣ своего преступленія, неустыжительно накажется.»

На сколько былъ Нарышкинъ искрененъ въ своихъ вѣрноподданинскихъ чувствахъ—можно судить потому, что тотчасъ по пріѣздѣ быстро выстроилъ, по желанію императрицы, около Кутонарскаго завода вододѣйствующій заводъ; въ самомъ же заводѣ застроилъ храмъ во имя св. Екатерины, («въ честь великой и славной царствующей государыни»)—какъ выразился онъ въ объявленіи, назначенномъ во всенародное извѣстіе.

Заводъ водяной оконченъ былъ къ 29 іюня—дню возпествія Екатерины на престолъ *.

къ штатѣ до того времени. Чиновниковъ этихъ онъ взялъ не по выбору, но по вызову. Были ли эти люди—люди способные, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ примѣръ Нарышкина—первообразъ и образецъ для многихъ даже позднѣйшихъ администраторовъ, вѣдшихъ командовать Восточною Сибирью. Былъ ли выборъ этихъ лицъ, какъ и Нарышкина, сколько небудь удаченъ—позволяемъ рѣшить себѣ впоследствии.

* Уѣжая до того времени въ Иркутскъ, Нарышкинъ писалъ къ управителю Губанову и бергъ-гешворену Казимирову: «ежели оваго завода я не получу, то долженъ буду терзати свою совѣсть и мучиться, и безъ шутокъ напишу обоихъ васъ въ рудоконники»

Устанавливая собственные праздники * и освобождая ссыльных от работ на неделю, на 10 дней и болѣе (съ сохраненіемъ жалованья), Нарышкинъ, въ оправданіе себя, говоритъ, что онъ дѣлаетъ это «дабы всѣ были въ великой радости и возсылали молитвы о многолѣтнемъ монархини нашей здравіи, пекущейся о тишинѣ и спокойствіи.»

Съ особенною торжественностью праздновалъ Нарышкинъ день рожденія Екатерины, 21 числа 1776 года, спустя нѣсколько недель послѣ того, какъ онъ рѣшился оставить свое уединеніе и показаться народу. **

Послѣ обѣдни въ заводской церкви слѣлалъ производство въ классные чины: маркшейдера Головачева — въ коллежскіе ассесоры, четырехъ гиттенфервальтеровъ — въ секундъ-маіоры, четырехъ бергъ-гешвореновъ — въ премьеръ-маіоры, восемь шихтмейстеровъ — въ бергъ-гешворены, (изъ которыхъ одного въ бергъ-гешворены и капитаны, и другаго — въ бергъ-гешворены и поручики); двухъ гиттенфервальтеровъ — въ бергъ-гешворены, трехъ унтеръ-шихтмейстеровъ — въ шихтмейстеры; нѣкоторыхъ канцеляристовъ — въ регистраторы, нѣкоторыхъ копистовъ — въ канцеляристы, регистраторовъ — въ аудиторы, и проч. и проч. Всего такимъ образомъ произведено имъ 127 человекъ. Всѣ они, послѣ обѣдни, приведены были Нарышкинымъ къ присягѣ. Торжество это привлекло потомъ къ дому главнаго командира огромное количество окрестнаго народа и всѣхъ до единаго заводскихъ жителей. Нарышкинъ вышелъ къ народу, говорилъ ему рѣчь «о Богѣ, о государѣ, о должности къ ближнему, о повиновеніи къ начальникамъ». Послѣ этой рѣчи онъ всѣмъ собравшимся поднесъ по стакану вина, каждому далъ по три аршина тонкаго холста и посадилъ за столы, приготовленные на 600 человекъ. За малымъ столомъ, подлѣ, обѣдалъ самъ Нарышкинъ и съ нимъ вѣстѣ по два человека ссыльныхъ, заводскихъ служителей и

* Напр., установилъ праздникъ — «Открытіе новой благодати»: приказалъ, чтобы всѣ калялись во грѣхахъ, и для этого остановилъ всѣ заводскія работы.

** Въ первый разъ по пріѣздѣ изъ Сибири и послѣ 11-ти мѣсячнаго добровольнаго заключенія дома, (при чемъ не приказывалъ отвратить ставни.) Нарышкинъ вышелъ въ первый день Пасхи, какъ утверждаетъ народное преданіе, вообще къ нему недружелюбное. Оно говоритъ, что Нарышкинъ заставлялъ попа служить прежде заутрени обѣдню, и затѣмъ ходилъ потомъ въ церковь ежедневно. При этомъ двѣ чиновницы вели его подъ руки: онъ полтъ, приплясывалъ и пѣлъ любимую свою пѣсню: «Ватюшка богатъ — черевички кушлѣ».

солдаты «самыхъ дуриѣйшихъ». «При чемъ услужены были (т. е. служивали имъ) штабъ и оберъ-офицерами, достойными сей челоѣколюбивой чести», какъ сказано въ описаніи, составленномъ по приказанію Нарышкина и приложенномъ къ дѣлу о немъ, изъ котораго мы и беремъ всѣ эти подробности.

Послѣ обѣда Нарышкинъ, въ своихъ покояхъ, угощалъ на 90 кувертахъ, «знатнѣйшихъ сего мѣста особъ». * Всѣмъ обѣдавшимъ за прочими столами, онъ выдалъ каждому по 10 копѣекъ денегъ, какъ служителямъ и солдатамъ, такъ равно и всѣмъ ссыльнымъ. Послѣ этой раздачи палили нещадно изъ пушекъ, стрѣляли изъ ружей. Вечеромъ въ домѣ главнаго командира открылся балъ, во время котораго также не мало выброшено было народу денегъ. Балъ кончился на разсвѣтѣ. «Приведенная изъ здѣшняго батальона рота производила чрезъ всю ночь пальбу» и получила за то награжденіе въ 350 руб. Послѣ пробитія вечерней зари зажжена была иллюминація.

Всѣ эти поступки Нарышкина, какъ растрата казенныхъ денегъ, такъ и униженіе чиновничьяго достоинства, естественнымъ образомъ породили ему многихъ злѣйшихъ враговъ. Первымъ изъ нихъ появился заводскій лекарь Томиловъ. Томиловъ, разъ поссорившись за что-то съ сыномъ своимъ, шихмейстеромъ Александромъ, началъ его бить. Александръ Томиловъ выговаривалъ отцу:

— Батюшка! что же ты меня бьешь, и для чего бранишь? Я — цынѣ офицеръ: пожалованъ главнымъ командиромъ Василіемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ.

— Главный командиръ — отвѣчалъ на это лекарь — пріѣхалъ сюда не дѣла дѣлать, а только казну расточать, да порохъ разстрѣливать и пьянствовать.

Рѣчи эти доложены были Нарышкину, признаны неспристойными; лекарь посаженъ былъ въ тюрьму. Здѣсь вынудили у него сознание, что онъ все это говорилъ въ пьяномъ видѣ.

Затѣмъ Нарышкинъ, желая показать себя великодушнымъ, писалъ во всеобщее извѣстіе:

«Какъ съ одной стороны разсужденія лекаря Томилова, яко весьма неважной особы, никакъ не могутъ вредить чести моей,

* Описание прибавляетъ при этомъ: «за столомъ между прочими посажены были на верхнемъ мѣстѣ, достойный и ревностный шагинской сотни староста Шестаковъ, и беззаконно пострадавшій и увѣчованный серебрянораздѣлительный подмастерье Шипуновъ».

то и всѣмъ его разказами презираю, а съ другой стороны, винуя подчиненнымъ своимъ кротость и великодушіе и, будучи сачъ христіанинъ и человекъ, снисходя къ слабостямъ чело-вѣскимъ, прощаю въ примѣръ другимъ лекаря Томилова въ обидѣ, касающейся до моей особы, соболѣзнуя, что сей человекъ, не чувствуя всѣ дѣлаемые мною увѣщанія, до такой крайности напивается, что, потерявъ рассудокъ, говоритъ дѣла, о которыхъ, въ трезвомъ умѣ не помышляетъ и помышлять никакихъ при-чтвъ не имѣеть, кромѣ взятія мною изъ казны нѣкоторой сум-мы денегъ, о которой уже Ея Императорскому Величеству до-несено. Почсиу лекаря Томилова *обще со всѣми, во его дѣлу подъ арестомъ содержащимися*, освободить (мая 5 дня 1776 г.) в.

Высказавшись такимъ образомъ въ бумагѣ этой какъ избало-ванный и гордый придворный расточительныхъ временъ Екате-рины, Нарышкинъ и при дальнѣйшихъ распоряженіяхъ сво-ихъ не стѣснялся въ личномъ произволѣ; какъ бы доказывая тѣмъ, что онъ никого не боится и что въ Петербургѣ при дворѣ у него покровительствующая сила. Преданіе говоритъ, что Нарышкинъ былъ крестникомъ императрицы; а дѣла его — что онъ былъ столько же избалованъ широкимъ размахомъ тогдан-ной придворной жизни, сколько и самъ надѣленъ былъ отъ природы широкой, такъ называемой русской, натурой. Выйдя изъ уединенія на свѣтъ, Нарышкинъ какъ будто съ этой поры из-мѣнился, сталъ инымъ человекомъ, чѣмъ тотъ, какимъ мы ви-дѣли его до сихъ поръ въ административныхъ его распоряже-ніяхъ. Отъ обаянія ли его собственной власти въ отношеніи къ заводамъ, или подъ вліяніемъ протектирующей силы при пе-тербургскомъ дворѣ, — Нарышкинъ съ этой поры началъ дѣй-ствовать съ большою рѣшительностію. Рѣшительность эта увле-кла его въ безумный произволъ; а произволъ сдѣлался и не-логичнымъ, и повелъ за собою неправильные поступки. Непра-вильные поступки ввели его въ преступления противъ закона и правъ чело-вѣческихъ и — Нарышкинъ погибъ подъ тяжестью собственныхъ дѣланій, запутавшись въ то же время въ тенетахъ, разставленныхъ многочисленными его врагами, въ которыхъ онъ видѣлъ до конца своихъ искреннихъ и нелицемѣрно-преданныхъ друзей. Но — возвратимся къ прерванному разказу.

Купецъ Копосовъ у вдовы Щетковой за долгъ (пяти руб.) отнял домъ. Вдова жаловалась главному командиру. Нарыш-кинъ заплатилъ купцу долгъ изъ собственныхъ своихъ денегъ;

но Копосовъ предъявилъ на вдовѣ долгу еще 9 руб. Тогда Нарышкинъ велѣлъ его бить батожемъ «яко притѣснителя бѣдныхъ, какъ не достойнаго быть въ здѣшнемъ обществѣ», выгналъ его изъ завода. Затѣмъ онъ разослалъ по всему пути (который долженъ былъ совершать Копосовъ) ордеры, чтобы заводскіе управители высылали купца изъ заводскаго вѣдомства. «А между тѣмъ, чтобы сей корыстолюбивый стяжатель не пользовался торгомъ здѣшняго мѣста», — Нарышкинъ приказалъ маркшейдеру Головачеву описать товары и лавку Копосова и съ нимъ выстѣ изъ всего заводскаго вѣдомства товары эти выслать «съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ дорогою никто у сего гнуснаго и самовольнаго обидчика ничего не покупалъ». Управитель городищенской слободы обязанъ былъ выпроводить Копосова изъ границъ Читинскаго острога. Передъ отправленіемъ изъ Нерчинскаго завода, Копосову выдана была подорожная, но за двойные прогоны. Обо всемъ этомъ (21 мая 1776 года) опубликовано было во всѣхъ мѣста нерчинскаго вѣдомства.

Гоненіе на купцовъ Нарышкинъ этимъ не кончилъ. Зная, что заводскіе обыватели покупали все у пріѣзжихъ купцовъ дорогою цѣною и, платя серебромъ, впадали въ крайность; принимая также въ расчетъ и то, что купцы деньги увозятъ съ собою, а особливо серебро, «отчего вся оная отдаленная часть государства остается безъ денегъ, и крестьяне, вмѣсто возможнаго обогащенія, разоряются,» — Нарышкинъ выдумалъ новыя крутыя мѣры. Мѣры эти, не основанныя ни на какихъ особенно дѣльныхъ и практическихъ основаніяхъ, состояли въ томъ, чтобы купцы записывались при заводахъ на житье. Съ 1777 года рѣшилъ онъ не позволять больше торговать «такимъ наѣзднымъ образомъ.» «Правленіе заводовъ — пишетъ Нарышкинъ — лучше предоставитъ себѣ стараться о продовольствіи жителей, нежели согласится оставить ихъ торгъ на нынѣшномъ основаніи. Люди (но отнюдь не бѣглые, а такіе, которые бѣ способствовали возстановить благосостояніе общества своимъ добрымъ заведеніемъ торгу) поступаютъ подъ защиту и особенное покровительство заводскаго начальства.»

Увлеченный такимъ образомъ только внѣшнюю поверхностною стороною дѣла, безъ изслѣдованія внутреннихъ причинъ, Нарышкинъ бумажно, теоретически, можетъ быть, и былъ правъ. Въ практическомъ же примѣненіи своихъ распоряженій — онъ былъ окончательно несчастливъ. Въ нѣкоторыхъ изъ его сочи-

левіи, написанныхъ въ пользу крестьянъ и ссыльныхъ, съ одной стороны видно сильное желаніе быть имъ фактически полезнымъ; но за то съ другой всё его наставленія и совѣты отзываются почасту блестящей и кудрявой фразой и мало ведутъ за собою настоящаго дѣла, основаннаго на твердой и прочной почвѣ. Видно, что Нарышкинъ знакомъ съ ученіемъ энциклопедистовъ—моднымъ въ то время; замѣтно, что онъ дошелъ до нѣкоторыхъ социальныхъ убѣжденій; но все это легло въ его головѣ безъ всякаго порядка и незаконно спуталось съ мрачными тенденціями ханжи и лицемеря. Такъ наприимѣръ, додумавшись до необходимости внушенія колодникамъ истинъ вѣры и составивши по этому случаю особое толкованіе, онъ предполагалъ возможность чрезъ это конечнаго исправленія не только уличенныхъ преступниковъ, но даже и тѣхъ, которые еще намѣревались впасть въ преступленіе. Вдобавокъ ко всему, Нарышкинъ велѣлъ читать это наставленіе виновнымъ только въ присутствіи, передъ допросомъ. Не смотря на всю толковость и понятливость для простаго народа его краткаго наставленія, оно не имѣло успѣха *. Не имѣли успѣха — и потому именно, что также были не практичны—и тѣ указы Нарышкина, которые разослалъ онъ во всё приказныя избы по поводу пристанодержательства бѣглыхъ. Строго предписывая, чтобы никто изъ крестьянъ не держалъ у себя бѣглыхъ, называющихъ себя прохожими людьми и никто бы не отваживался давать имъ хлѣба,

* Наставленію этому Нарышкинъ предпослалъ слѣд. предисловіе: какъ должность истиннаго христіанина, польза каждаго сына отечества, а паче благосостояніе и непоколебимость священнѣйшаго престола..... требуетъ того, чтобы всё впадающіе удобо-поползновеннымъ естествомъ въ противныя Богу, священнымъ монаршескимъ уставамъ и должности честнаго человѣка преступленія, безъ всякаго кровопролитія и излишняго истязанія, раскаявшись во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, могли чистосердечно открывать всё свои преступническія дѣла, и какъ здѣшное мѣсто опредѣлено къ принятію и содержанію всѣхъ присылаемыхъ за свои преступленія, и изъ оныхъ таковыя есть, которые столь окаменѣлы въ своихъ сердцахъ, что никакою жестокостью, никакими истязаніями къ раскаянію привести быть не могутъ, то въ такомъ случаѣ потребно представлять таковымъ лишеннымъ Божіей благодати нижеслѣдующее. (Слѣдуютъ 5 пунктовъ или §§.) Въ толкованіяхъ объ истинныхъ вѣры колодникамъ, Нарышкинъ ведетъ къ понятію о грѣхѣ историческимъ разсказомъ священнои исторіи Ветхаго Завета и къ понятію объ искупленіи отъ грѣха подробностями явленія Христа на землѣ съ Новымъ Заветомъ. Толкуеть о покаяніи такъ, какъ бы могло толковать только духовное лицо, и притомъ образованное въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Нарышкинъ забывалъ при этомъ, что хлѣбосоольство — коренное народное убѣжденіе и что крестьяне въ бѣглыхъ видѣли дежовыхъ работниковъ, которыхъ иначе они нигдѣ и никогда въ то время не могли получить ни за какія деньги. Напрасно старался онъ внушить крестьянамъ необходимость требовать письменныя виды у всѣхъ тѣхъ, кто довѣрчиво приходитъ къ нимъ въ избы: гостепріимство на это не обязываетъ; напрасно также голословно толковалъ онъ крестьянамъ, что укрывательство ищущихъ у нихъ покровъ «поступокъ слабый, который не только не можно за челолюбивый почестъ, но больше они тѣмъ составляютъ вредъ обществу и прогнѣваютъ самаго Бога», хотя, конечно, Нарышкинъ и справедливъ въ своемъ заключеніи, что «таинный пропускъ бѣглецовъ крестьяне даютъ способъ къ исполненію злодѣйскихъ намѣреній, ко своимъ и ближнихъ огорченіямъ.»

Таковъ былъ Нарышкинъ въ своихъ административныхъ стремленіяхъ. Болѣе послѣдовательнымъ является онъ въ частныхъ расположеніяхъ, хотя и возбуждаетъ уже меньшее къ себѣ сочувствіе. Избалованный роскошною жизнію въ Петербургѣ и поставленный потомъ въ дальнюю и еще дикую среду нерчинской жизни, онъ искалъ развлеченій, былъ расточителемъ. Не вѣдая контроля, онъ въ томъ и другомъ отношеніи доходилъ до излишества и, судя по народнымъ преданіямъ, до какого то страшнаго и сосредоточеннаго чудачества. Растративши всю заводскую казну на празднества и разбрасыванья денегъ въ народъ, — онъ прибѣгалъ къ частнымъ займамъ; а избалованный столичной повадкой, долговъ своихъ не платилъ. Главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ его родной братъ, Алексѣй, а главною и пока исключительною мишенью всѣхъ его нападеній, ради денегъ, былъ богатъ Михайло Сибиряковъ, который, съ дозволенія бергъ-коллегіи, выстроилъ (въ 1744 г.) сереброплавильный заводъ, употребивши на него 50 тысячъ. Въ распоряженіи этого Серебрякова находилось до 600 тысячъ пудъ руды. Нарышкинъ хорошо зналъ все это и потому часто, неограничиваясь подарками, бралъ у него деньги въ большомъ количествѣ. Послѣ многихъ удачныхъ опытовъ и наѣздовъ на карманъ и сундуки богатаго Сибирякова, Нарышкинъ, — расточительный, самонадѣянный, избалованный, не знавшій мѣры въ собственныхъ желаніяхъ, — потребовалъ отъ Сибирякова еще 5 тысячъ на какую то коммерческую компанію (можетъ быть, для продажи въ Иркутскѣ привозимыхъ на Кяхту китайскихъ шел-

ковыхъ товаровъ). Сибиряковъ отказалъ ему, говоря, что самъ накопилъ много казеннаго долгу, да и денегъ-де нѣтъ и взять негдѣ. Нарышкинъ — прибавляетъ народное предаіе — собралъ наличную артиллерію, зарядилъ пушки, окружилъ домъ Сибирякова, обѣщая стрѣлять, если Сибиряковъ не дастъ ему денегъ. Дѣло это кончилось тѣмъ, что Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ выложилъ затребованную сумму и съ низкими поклонами вручилъ ее Нарышкину. Нарышкинъ отпустилъ команду и пушки и, войдя въ домъ Сибирякова, до поздней ночи пировалъ съ нимъ шумно и весело.

Такая нужда въ деньгахъ, помимо разбрасыванья въ народъ, объясняется въ Нарышкинѣ тѣмъ, что онъ началъ заводить кое-какія собственныя хозяйства: такъ на рѣкѣ Чальбучѣ при деревнѣ выстроилъ онъ домъ и при немъ водяную мельницу. Объ устройствѣ этого хозяйства онъ сильно заботился и чрезъ каждыя двѣ недѣли получалъ рапорты объ его благосостояніи и о всѣхъ работахъ. Работами завѣдывалъ нерчинскаго батальона сержантъ Иванъ Жеребцовъ. Домъ этотъ въ бывшемъ Успенскомъ монастырѣ строился поспѣшно и съ немедленною ежедневною выдачею плотникамъ денегъ. Въ два мѣсяца (іюнь и іюль) домъ этотъ былъ отстроенъ. * При домѣ заводилось хозяйство: приведены табунъ лошадей (22) и стадо рогатаго скота (до 20 головъ); сдѣланы запасы корму, какъ для нихъ, такъ и для собакъ. Мельница пущена въ ходъ; при чемъ одинъ изъ довѣренныхъ Нарышкина лицъ — именно Кесслеръ палилъ изъ пушекъ, «за здравіе вашего высокородія и благополучное путешествіе непрерывно», какъ рапортовалъ онъ своему главному командиру. **

Расширивши такимъ образомъ свою дѣятельность, Нарышкинъ выѣхалъ изъ Нерчинскаго завода въ Иркутскъ, оставивъ на мѣсто себя маркшейдера Дмитрія Головачева. Цѣль этого путешествія Нарышкинъ объяснялъ всенародно (12 іюля 1776 года) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

* Въ отстроенный домъ приведены были двѣ борзыхъ собаки и 4 лисенка. Къ смотрѣнію за ними приставленъ былъ мальчикъ, съ платою по 10 руб. въ годъ.

** Сколько самъ Нарышкинъ любилъ палить изъ пушекъ, столько же не щадили казеннаго пороку и его приближенныя. Такъ напр. тотъ же Кесслеръ палилъ 28 іюня «до самаго вечера во здравіе государыни» за тѣмъ уѣхалъ въ Дучарскій заводъ и тамъ палилъ: «все изъ любви къ вамъ — писалъ самъ Кесслеръ — и господа офицеры, взявши на свой счетъ пороку, проваляли довольную стрѣльбу».

«По опредѣленіи меня на нерчинскіе сереброплавящіе заводы главнымъ командиромъ до отправленія еще въ оныя изъ С.-Петербурга, согласилась мы съ опредѣленнымъ въ иркутскую губернію со властію губернаторскою господиномъ бригадиромъ Цымцовымъ, зная намѣренія Ея Императорскаго Величества, чтобъ обитающихъ здѣсь братскихъ и тунгусовъ привести въ вѣру греческаго закона по собственному ихъ желанію, чего я и не начиналъ производить до пріѣзду господина Цымцова, не надѣясь на прежде-бывшаго Бриля въ разсужденіи нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ. А какъ извѣстно уже было до сего, почти во всѣхъ мѣстахъ по сию сторону Байкаль-моря недѣли за три или болѣе, что я, слѣдуя съ нерчинскихъ сереброплавящихъ заводовъ въ Иркутскъ, по пути, изъ усердія къ Богу и къ службѣ Ея Императорскаго Величества, имѣлъ счастье по многимъ увѣщаніямъ и приложеннымъ моимъ трудамъ: во 1-хъ тунгусскихъ зайсановъ и ихъ подчиненныхъ привести въ св. крещеніе, коихъ — чрезъ короткое время — въ проѣздѣ моемъ, по собственному ихъ желанію и дѣйствительно человекъ до ста воспріяли вѣру греческаго исповѣданія, а потомъ и братскіе начали было нѣсколько имѣть къ тому охоту, изъ нихъ также нѣкоторое число человекъ приняло святое крещеніе и за помощію Божию надежность оказывали».

Такъ писалъ Нарышкинъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Для большаго успѣха въ дѣлѣ этомъ, онъ поимъ тайшей и тунгусовъ виномъ. * Снискивалъ расположеніе тайши Принцева, для того выдалъ ему тысячу руб. сер. монетою, и, покупая у него лошадей и скотъ, платилъ за то высокою цѣною, въ тѣхъ краяхъ и на то время неслыханною. ** Чтобы склонить тунгусовъ въ принятію христіанской вѣры, отъ имени Императрицы обѣщаль имъ большія льготы: сложеніе недоимки, уменьшеніе податей до 3 руб. въ годъ и съ тѣмъ, чтобы уже больше никто изъ частныхъ начальниковъ съ нихъ не требовалъ. ***

Тогда же Нарышкинъ задумалъ, съ согласія тайши Данбы Дугарь-Иринцева, составить изъ братскихъ и тунгусовъ четыре гусарскихъ полка и успѣлъ уже сформировать одинъ эскадронъ,

* Такъ Кесслеръ доносилъ ему, что получилъ отъ повѣреннаго 50 ведеръ простаго вина.

** Такъ напр. за быковъ платилъ 6 руб. 50 коп.; а за лошадей по 250 руб.

*** На льготы эти соблазнились тунгусы родовъ: дулганскаго, байгирскаго и чипчинуцкаго. Они просили крещенія.

при помощи ротмистра Подзорова и подъ наблюдениемъ подполковника Кесслера. Эскадрону этому дано было названіе даурскаго гусарскаго краснаго.

Нуждаясь въ деньгахъ для всѣхъ этихъ предпріятій и не имѣя уже никакихъ суммъ въ заводскомъ казначействѣ, Нарышкинъ подъ видомъ закупки для заводовъ разныхъ необходимыхъ припасовъ, взялъ 60,476 руб. въ иркутскомъ комиссарствѣ. Комиссара Тархова, за таковое одолженіе, онъ поспѣшилъ произвести изъ подпоручиковъ въ бергъ-гешворены. Изъ тамошней же гарнизонной артиллеріи взялъ пушки, порохъ и канонировъ, и, не встрѣтивъ къ тому препятствія со стороны подпоручика Кудягина, произвелъ его также въ бергъ-гешворены. Будучи дальше по направленію къ Иркутску, онъ сзывалъ народъ разными средствами, какъ напр. въ селахъ—звономъ въ колокола при церквяхъ; пушечной пальбой и барабаннымъ боемъ тамъ, гдѣ церквей не было. Собранный такимъ образомъ народъ повелъ вѣномъ, усильно захваченнымъ въ питейныхъ домахъ и бросалъ въ толпы казенныя деньги, взятая имъ—какъ извѣстно—въ иркутскомъ комиссарствѣ. Въ селеніи Гантимуровомъ крестилъ туңгусовъ «утопающихъ въ пьянствѣ», возя съ собою бочки вина, расточая вездѣ императорскую сумму и «дѣлалъ таковыя великія издержки, не имѣя средства откуда получить болѣе (ибо заводскую сумму расточилъ всю, какъ и было каждому пріятно, что служители заводовъ не получали близъ двухъ-третьей жалованья) — опрокинулся къ отнятію у встрѣчающихся ему купцовъ товаровъ и денегъ». Потомъ на братской степи у харинцовъ онъ заставлялъ тайшу и старшинъ преклонять предъ собою знамена, дарованныя этому роду братскихъ за вѣрную ихъ службу. Когда тайша отказывался отъ крещенія, Нарышкинъ покушался его умертвить. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ повсюду старался увѣрить, что исполняетъ все это именемъ Императрицы (котораго дозволенія однако никогда не имѣлъ).

Такимъ образомъ двѣ власти встрѣтились въ одномъ и томъ же пунктѣ, какъ бы для состязанія и съ цѣлію помѣряться силами; Нарышкинъ въ чужомъ вѣдомствѣ, опираясь на свою силу въ столицѣ; иркутскій губернаторъ Нѣицовъ—въ своемъ вѣдомствѣ рѣшась испробовать силу общихъ государственныхъ узаконеній: насто лько ли они лицепрiятны передъ случайнымъ человекомъ, сколько самонадѣянны и рѣшительны поступки нарушителя ихъ. При такомъ столкновеніи неизбежно должна была произойти

схватка.—Она и произошла, но сначала въ видѣ неопредѣленныхъ и незначительныхъ вспышекъ. Не подозрѣвая всего этого, Нарышкинъ однако, возвратившись въ Нерчинской заводъ, шёлъ огорченіе слышать, что многіе изъ его начинаній начали мало по малу разрушаться. Сотникъ Новоселовъ, отправленный имъ съ 36-ю лошадьми и 12-ю гусарами къ губернатору Нѣмцову, доносилъ, что тунгусы-гусары, отправившись къ тайшѣ Принцеву «для своихъ надобностей», назадъ не возвратились, и оставили за собою настыченную серебромъ узду, принадлежавшую самому Нарышкину. Вскорѣ за тѣмъ писалъ къ нему берггешворенъ Пнк. Гантимуровъ, что, по пріѣздѣ его въ городъ Удинскъ, онъ былъ потребованъ въ удинскую провинціальную канцелярію, гдѣ воевода Тевяшевъ со своимъ товарищемъ и прокуроромъ велѣлъ его заковать въ колодку, посадилъ подъ караулъ, а черезъ день отправилъ въ Иркутскъ: за что—неизвѣстно. Тогда же командиръ гусарскаго полка рѣтмистръ Злобинъ доносилъ Нарышкину, что удинская канцелярія взяла изъ его команды сержанта съ женою и дочерью и отправила ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ они прежде находились. Отобраны были также артиллеристы: у Злобина осталось всего только 52 человекъ изъ цѣлаго эскадрона.

Нарышкинъ началъ уже смутно понимать наступательность дѣйствій Нѣмцова, но все еще довѣрялъ дружбѣ удинскаго воеводы Тевяшева, къ которому относился съ любезными и заискивающими письмами, на которыя онъ такъ хорошо былъ подготовленъ своею прежнею придворною жизнію. Тевяшева хвалилъ онъ за ревностную службу: тотъ въ своемъ письмѣ, благодарилъ его за комплименты, но просилъ «оставить народъ, не принадлежащій до вашего (т. е. Нарышкина) распоряженія, ибо-де вся уже провинція пришла въ смятеніе».

Нарышкинъ однако на этомъ не успокоился: ему крайне нужны были деньги; а потому онъ потребовалъ ихъ отъ удинской канцеляріи на счетъ заводовъ. Канцелярія въ требуемой суммѣ отказала, предписывая ему оставаться въ узаконенныхъ положеніяхъ. Для оправданія же во всѣхъ дѣлахъ предписывала Нарышкину ѣхать въ Иркутскъ къ губернатору Нѣмцову. Тогда только Нарышкинъ увидѣлъ изъ-за спины удинской канцеляріи то лицо, которое такъ давно и такъ смѣло вызывало его на единоборство.

Разгнѣванный Нарышкинъ бросилъ въ народъ свое оправданіе

въ тѣхъ будто бы клеветахъ, которыя взводила на него удинская канцелярія; но не хватя въ Иркутскъ — у него не хватило силы, храбрости и самостоятельности. *

Онъ отправился, не зная того, что посланные имъ въ Удинскъ (бергъ-гешворены Баннеръ и Тепкинъ) и опредѣленные имъ на мѣста присутствующихъ въ провинціальный канцелярія, являсь, отдались во власть воеводы Тевяшева. Этотъ же Тевяшевъ сталъ дѣйствовать въ Удинскѣ и на Нарышкина совѣтами и «почетительнымъ своимъ тщаніемъ и искуснымъ распоряженіемъ» успѣлъ сдѣлать такъ, что Нарышкинъ выѣхалъ изъ Удин-

* Съ дороги (съ рѣки Оны) онъ писалъ въ народъ между прочимъ слѣдующее: «встрѣтившіеся къ немалому сожалѣнію никогда неожидаемыя противныя и лжесоставленныя вредныя предпріятія удинской провинціальной канцелярія присутствующихъ и съ ними согласившагося удинскаго коменданта Аппеллегренна всѣ благоугодные Богу и монархичні, мною начатыя предпріятія, помышаны и почти совсѣмъ остановлены: ибо означенная канцелярія, указами: харинскихъ родовъ тайшѣ и полковнику Данбѣ Иринееву не воляла ни въ чемъ меня слушать. Черезъ это помянутые братскіе незнающіе и непросвѣщенные народы начали имѣть колеблющіеся въ томъ мысли и опасаясь, чтобъ не было имъ за то какого штрафа или выщѣго того наказанія.— начали тѣ добрыя и полезныя намѣренія оставлять. Вчерашняго числа присланнымъ та провинціальная канцелярія ко мнѣ рапортомъ объявляетъ, что оное представлено къ господину бригадиру—управляющему иркутскою губерніею — съ тѣмъ, яко бы открылось предъ смѣхъ скрываемое мною набіраніе и съ помянутыхъ народовъ неповажность государству, наипаче въ зловредность оному по причинѣ моего изъ заводу выѣзду и по непринадлежности мнѣ такого формированія въ Иркутской губерніи, яко не въ своей командѣ въ противность законовъ и что та провинція отъ своей главной команды отъ оной учрежденіи никакого повелѣнія и свѣдѣній не имѣеть, а по дошедшимъ же, къ той удинской провинціальной канцелярії, извѣстіямъ она меня почитаетъ злодѣемъ имперіи Россійской: 1, что я будто бы набираю въ гусарскіе полки самыхъ неимущихъ прощиташа и бродягъ, которые при мнѣ слѣдуютъ въ немаломъ числѣ и съ забранными изъ неизвѣстныхъ мѣстъ пушками; 2, въ доказательство еще того нѣтъ послушанія моимъ предложеніямъ тою канцеляріею о выдачѣ денегъ на счетъ нерчинскихъ заводовъ всего съ пятьдесятъ тысячъ, когда посланнымъ отъ меня къ удинскому коменданту Аппеллегренну ордеромъ вѣльно присутствующихъ той канцеляріи сковать, а ему вѣльно вмѣсто ихъ въ правленіе вступить — вмѣняють къ тому, ежели-де градоначальниковъ не будетъ, то удобно можно овладѣть Удинскомъ или всѣми сей провинціи принадлежащими мѣстами, а особливо пользуясь такими легкомысленными людьми и вѣроятными извѣстіями будто я началъ ослаблять народъ въявствомъ и хотя-либо, по прибытіи моемъ тайша Иринеевъ и былъ къ сему благоугодному намѣренію согласенъ и я, ко его приглашенію, намѣренъ былъ его посѣтить, но онъ, отпросясь вчерашняго дня впередъ въ свой уаусъ, сегодня чрезъ посланнаго бергъ-гешворена Новоселова въ своей ставкѣ не найденъ, да и жены его также и никого братскихъ здѣсь не оказалось. И потому чрезъ сія

ска. На дорогѣ * онъ былъ задержанъ и подѣ присмотромъ отправленъ въ Иркутскъ къ Нѣмцову. Нѣмцовъ же «найдя по-ступки Нарышкина столь важными», отослалъ его, 29 августа, за присмотромъ штабъ-офицера Воинова и подѣ конвоемъ въ С.-Петербургъ, и тогда же, отправилъ курьера съ донесеніемъ о незаконныхъ и дерзкихъ дѣлахъ его». Въ Тобольскѣ встрѣтилъ Нарышкина сенатскій регистраторъ съ командою, который принялъ его отъ Воинова и затѣмъ повезъ въ столицу, подѣ важною стражею. Обо всемъ этомъ Нѣмцовъ извѣщенъ былъ именнымъ указомъ (полученнымъ имъ 11 января 1778 года), въ которомъ, между прочимъ, нерчинскіе серебряношаващіе заводы, для исправленія и приведенія въ лучшее состояніе, переданы были въ зависимость и подчиненіе тому же бригадиру Нѣмцову, находившемуся въ иркутской губерніи съ властію губернаторскою. **

публикуется, что ежели тотъ тайша и всѣ братскіе, кои уже собраны были, чрезъ два дня не явятся, то непремѣнно именовъ Ея Императорскаго Величества тайша, лишась чиновъ, жестоко будетъ наказанъ, да и съ прочими поступлено будетъ по всей строгости законовъ. Я все сіе именовъ Ея Императорскаго Величества опредѣляю и всѣмъ возвратившимся ея высочайшую милость обещаю. Неповинующіеся же угодному Ея Величеству дѣлу и намѣренію да накажутся правосуднымъ Ея божественнымъ гнѣвомъ. И сіе объявленіе за подписаніемъ руки съ приложеніемъ герба моего печати не только что публиковаться и въ народъ разбросано, но и по командамъ, куда слѣдуетъ, разослано будетъ».

* Иркутскій лѣтописецъ иначе передаетъ это событіе: онъ говоритъ, что воевода Тевяшевъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ пригласилъ Нарышкина въ церковь для слушанія молебствія, по случаю его прибытія, а по выходѣ изъ церкви, арестовалъ, посадивъ на лодку и отправилъ р. Селенгою въ Иркутскъ; въ Иркутскѣ Нарышкинъ, до времени отправки, пользовался полною свободою. Жилъ онъ тамъ 2 мѣсяца. Народное преданіе говоритъ, что онъ все время ходилъ по кабакамъ и харчевнямъ, поилъ и кормилъ на свой счетъ собиравшихся тамъ людей и тратилъ на это огромныя суммы. Его считали всѣ сумасшедшимъ. Подробности походовъ Нарышкина въ Верхнеудинскѣ рассказалъ Калашниковъ въ своемъ романѣ «Дочь купца Жолобова» (см. ч. IV, глава IV).

** Иркутскій лѣтописецъ такъ описываетъ Нѣмцова: былъ человекъ не-благодумный, употребившій непопулярную строгость собственно для того только, чтобъ болѣе брать взятокъ и нажить болѣе денегъ; съ подчиненными служащими обходился неблаговидно и опредѣлялъ къ должностямъ не иначе, какъ взявъ значительные подарки. Употреблялъ разныя жестокости для своего корыстолюбія. Мелкихъ подчиненныхъ билъ своими руками. Какого-то Бурцова приказалъ за что-то привязать къ столбу и держалъ на привязи долго, чтобы навести страхъ на другихъ. Имѣя знакомство съ извѣстнымъ тогда разбойникомъ Гондюхинымъ, учредилъ въ городѣ какую-то глухую команду, которая, разъѣзжая по городу дозоромъ, вмѣсто охраны, дѣлала буйства и

Нѣмцовъ началъ свое управленіе съ того, что сочинилъ и издалъ «Къ общему всѣмъ свѣденію публикацію».

«Къ чувствительному оскорбленію верховной власти — говоря онъ въ началѣ этой публикаціи—бывшаго заводоу начальника, статскаго совѣтника Нарышкина, незаконныя содѣянія столь многочисленны, что я нѣкоторыя умолчу, а о другихъ за нужное почитаю, во всѣ заводскаго вѣдомства присутственныя мѣста и частнымъ начальникамъ вѣдѣнія заводоу, обнародовать».

Затѣмъ Нѣмцовъ подробно исчисляетъ всѣ поступки Нарышкина съ какимъ-то озлобленіемъ и злорадствомъ, что особенно сказывается въ рѣзкости его выраженій, а главнымъ образомъ въ скороспѣлой рѣшительности его выводовъ. Такъ, напр., остановившись на проѣздѣ Нарышкина изъ завода въ Удинскъ и именно на его угощеніяхъ народа, Нѣмцовъ—неизвѣстно съ какого повода—увѣряетъ, что Нарышкинъ, «обольстя симъ средствомъ (т. е. виномъ), непросвѣщенное то скопище (т. е. крестьянъ) отвелъ многихъ отъ домостроительства и хлѣбопашества (?). «А пропустивъ они время, потеряли часть лучшаго своего состоянія, а нѣкоторые и вовсе раззорились»,—наивно-неосновательно замѣчаетъ потомъ разсерженный, но торжествующій врагъ Нарышкина. Не стѣняясь въ подборѣ всяческихъ бранныхъ эпитетовъ къ поступкамъ Нарышкина, Нѣмцовъ вступаетъ до нѣкоторой степени въ смягченный тонъ тамъ, гдѣ планъ бранливаго повѣствованія выводятъ его изъ предѣловъ Иркутской губерніи и вталкиваетъ въ описаніе распоряженій Нарышкина по заводамъ. Здѣсь Нѣмцовъ, основываясь на рапортѣ секундъ-майора Барбота-де-Марни *, находить, что заводы требуютъ наискорѣйшаго возстановленія «по безпутному Нарышкина управленію»; и для того Нѣмцовъ самъ поспѣшилъ отправиться на мѣсто. Разсматривая тамъ дѣла канцеляріи, Нѣмцовъ нашолъ (по собственному его увѣренію), что «всѣ они оказались въ несогласныхъ съ законами поступкахъ, какъ-то: въ выдачахъ и издержкахъ казенныхъ денегъ и другихъ обстоятельствахъ». Несмотря на всю темноту и неопредѣленность послѣдняго выраженія, Нѣмцовъ, по всему вѣроятію, подразумѣвалъ подѣ

грабежи. Нѣмцовъ тайкомъ уѣхалъ изъ Иркутска чрезъ два года послѣ Нарышкина (1 февр. 1779 г.) Вслѣдъ Нѣмцова изъ Иркутска посылались многія жалобы.

* Этотъ Барботъ-де-Марни находился прежде при Суворовѣ въ заводскомъ батальонѣ, а Нарышкинымъ произведенъ былъ въ полковника.

нингъ тѣ производства въ чины, раздачею которыхъ такъ самоуправно занимался Нарышкинъ. Былъ ли онъ въ этомъ виновъ. — то не подлежитъ сомнѣнiю, но также не лишено вѣроятiя, что въ производствахъ этихъ Нарышкинъ былъ и послѣдователемъ и вѣренъ основнымъ началамъ своихъ личныхъ убѣжденiй. Такъ напр., понимая всю силу нравственнаго значенiя на войско секундъ-маiора Барбота-де-Марни, Нарышкинъ, для привлеченiя его на свою сторону, не задумался произвести сына его, пятилѣтняго ребенка, сначала въ вахмистры, потомъ въ корнеты и наконецъ въ бергъ-гешворены. Затѣмъ Нарышкинъ производства свои исключительно сосредоточивалъ на лицахъ, де тѣхъ поръ не бывшихъ на службѣ, часть которыхъ онъ привезъ съ собою, часть вытребовалъ съ Кольвано-Воскресенскихъ заводовъ и большую часть нашолъ уже между жившими долгое время въ Нерчинскомъ заводѣ. Изъ послѣднихъ преимущественное его вниманiе обратили на себя сосланные въ заводы польскiе конфедераты: двухъ изъ нихъ (Касаковского и Перхуровича) онъ опредѣлялъ въ солдаты. Извѣстныхъ намъ по дѣлу Чернышова князей Гантимуровыхъ (Степана и Николая — нерчинскихъ дворянъ, не бывшихъ на службѣ) онъ произвелъ прямо въ бергъ-гешворены и приблизилъ къ себѣ. Особенную же щедрость въ раздачѣ чиновъ онъ оказывалъ тѣмъ, на дружбу и расположенiе которыхъ вполне полагался: между ними особенно рѣзко выдаются два ясажныхъ тунгуса, крещенныхъ Нарышкинскимъ; одному изъ нихъ (Петру *Нарышкину*) онъ далъ два чина (корнета и подпоручика), другому (Григорью *Суворову*) четыре чина (унтеръ-шихмейстера, шихмейстера, бергъ-гешворена и поручика). Въ заводскомъ вѣдомствѣ (Газимуровской сотни въ деревнѣ Калгинской) поселены были 32 человѣка бывшихъ ясажныхъ казаковъ, присланныхъ сюда по дѣлу Пугачева: Нарышкинъ выдалъ имъ 160 рублей (по 5 руб. на каждого) для покупки лошадей и затѣмъ предписалъ начальству строго наблюдать, чтобы казаки лошадей непременно купили.

Всѣ эти событiя совпадаютъ одновременно съ выѣздомъ Нарышкина изъ завода для сформированiя гусарскихъ полковъ, и всѣ они располагаются на двухъ весеннихъ мѣсяцахъ 1776 года. Вотъ почему отчасти становится для насъ понятнымъ теперь темный намекъ въ «Публикацiи» Пѣшова: «что Нарышкинъ стремился облыстить непросвѣщенные сердца, и, по непредвидѣнiю ихъ, (?) уловить души вѣрноподданныхъ и произвести худыя слѣдствiя».

На этомъ предположеніи, что Нарышкинъ хотѣлъ основаться на народномъ расположеніи и на крѣпости и силѣ значительнаго коннаго войска и артиллеріи съ тѣмъ, чтобы со временемъ провазвести возмущеніе въ народѣ и со всѣмъ Забайкальемъ отложиться отъ русской короны, и съ этимъ же подозрѣніемъ имя Нарышкина ушло въ потомство, и осталось въ народной памяти. Не имѣя основательныхъ данныхъ для того, чтобы завинить Нарышкина въ такомъ поплзновеніи, — мы все-таки поспѣшимъ перейти къ тѣмъ распоряженіямъ, которыя сдѣлалъ Нѣмцовъ въ заводахъ.

Прежде всего онъ поспѣшилъ захватить имѣніе Нарышкина и сдѣлалъ ему опись. По этой описи видно, что гардеробъ Нарышкина не былъ особенно богатъ, состоя изъ остатковъ прежней придворной роскоши. Нарышкинъ начиналъ заводить кабинетъ китайскихъ вещей и имѣлъ небольшую библіотеку (до 300 томовъ), состоявшую изъ книгъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ. Большая часть книгъ — сочиненія энциклопедистовъ и разнаго рода словари, описаніе путешествій, и проч. — Затѣмъ членовъ заводской канцеляріи, произведенныхъ и назначенныхъ Нарышкинымъ, Нѣмцовъ отъ службы немедленно стрѣшилъ. На мѣсто ихъ управленіе заводами поручилъ (маіору артиллеріи и отъ арміи подполковнику) Тевяшеву. Въ помощь ему назначилъ (секундъ-маіора Иркутскаго батальона) Ивана Глазунова и бергъ-гешворена Степана Губанова *.

Вернувшись въ Иркутскъ, Нѣмцовъ (17 января 1787 г.) поспѣшилъ отнестись ко всѣмъ съ тою публикаціею, содержаніе которой мы привели выше. Въ концѣ ея онъ говоритъ слѣдующее:

«Заводскимъ же управителямъ и опредѣленнымъ при разныхъ должностяхъ (въ разсужденіи, что здѣшнее мѣсто въ упадокъ приведено) стараться должно каждому, въ званіи своемъ, къ пользѣ и приращенію Высочайшаго интереса прилагать неусынное и ревностное попеченіе, оставя всякій родъ коварства и ухищренія. И помнить то, что не оправдять каждаго по незаконнымъ поступкамъ бывшаго ихъ начальника въ повиновеніи — замѣнить увеличеннымъ своимъ раченіемъ, дабы и по слѣдую-

* Замѣчательно при томъ, что тотъ послѣдній изъ невышедшихъ на службу самимъ же Нарышкинымъ произведенъ въ одно мѣсто въ маркшейдерскіе ученики, затѣмъ въ унтеръ-шихмейстеры, шихмейстеры и наконецъ въ бергъ-гешворены.

щимъ отъ вышняго правительства взысканіемъ исходатайствовать я могъ посредствомъ раченія каждаго и донести самой всеавгустѣйшей монархинѣ ревностныя поступки».

Любопытны дальнѣйшіе совѣты и предположенія недалековиднаго Нѣмцова. Нижніе служители и крестьяне, виновные — по его убѣжденію—въ томъ, что Нарышкинъ успѣлъ разбросать въ народъ казенныхъ и частныхъ денегъ *сто сорокъ шесть тысячъ семьсотъ одиннадцать рублей*, обязаны были удвоить силы и возить въ заводъ руду «какъ можно больше». Нѣмцовъ наивно думалъ, что «тѣмъ самымъ приумножится выплавка казеннаго серебра, которое отъ нестаранія бывшаго начальника въ знатный упадокъ произошло; такъ что въ выплавкѣ уменьшеніе серебра предъ прошедшимъ годомъ сто сорокъ девять пудовъ» *. Тою же усиленною и чрезмѣрною вывозкою рудъ Нѣмцовъ полагалъ обезпечить «упавшее состояніе крестьянъ и видимыя ихъ выгоды». (!!)

Что случилось съ Нарышкинымъ впоследствии, когда онъ былъ представленъ въ Петербургъ — намъ неизвѣстно, по недостатку данныхъ. Наконецъ, былъ ли онъ только избалованный удачами самодуръ, или просто чужакъ, во имя наслѣдственныхъ, фамильныхъ странностей ** — окончательно рѣшить мы не беремся. Два тома дѣлъ объ немъ, попавшіе намъ въ руки изъ архива нерчинскаго горнаго правленія, были далеко не полны. Чья-то хищническая рука (можетъ быть какого нибудь антикварія) сократила эти дѣла до примѣтной неполноты и разрозненности. Держалъ ли наконецъ этотъ Нарышкинъ въ умѣ своемъ заранѣе обдуманый планъ, — объяснить мы также въ виду не имѣли. Единственное желаніе наше было отмѣтить эти двѣ замѣчательныя эпохи въ жизни Сибирскаго края, въ одинъ изъ первыхъ десятковъ лѣтъ его существованія.

* Нарышкинъ, при вступленіи въ управленіе заводами (8-ю), получилъ 282,882 пуда серебро-содержащихъ рудъ (да по 4-мъ частнымъ заводамъ 61,055 пуд.), казеннаго свинцу 4,764 пуда 12½ фунт. (и частнаго 5,184 пуд. 11 ф.). При этомъ также разумѣлось серебро — въ бликахъ и крохахъ; а свинецъ — рудной, гортовой и глетовой.

** Многія изъ его странностей и выходокъ сохранились въ народной памяти; такъ, напр., чтобы избавиться отъ докучливаго и голостаго сосѣднаго пѣтуха, Нарышкинъ приказалъ его заковать въ кандалы. На Шялкѣ отнялъ церковныя книги, отправленные Иркутскимъ архіереемъ Михаиломъ, и, не отвѣтивъ на три письма его, книги удержалъ за собою, и проч., и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ *.

Участіе распопы Льва Евдокимова въ дѣлѣ самозванца солдата Чернышова обяыиваетъ намъ возвратиться нѣсколько назадъ.

Не смотря на то, что Евдокимовъ по суду былъ оправданъ за невѣніемъ ясныхъ и положительныхъ обвиненій и самое участие его въ дѣлѣ Чернышова неопредѣленно — онъ все-таки кажется слишкомъ подозрительнымъ: распопа былъ однимъ изъ главныхъ, если не самымъ главнымъ заговорщикомъ. Чтобы доказать эту мысль, необходимо также — въ свою очередь — возвратиться къ прошедшему этого человѣка, какъ уже сдѣлали мы это относительно самаго Чернышова. Указъ Императрицы Екатерины (отъ 19 января 1766 года), присланный въ воронежскую губернскую канцелярію, объясняетъ намъ многое, давая слѣдующій рассказъ **.

Два крестьянина воронежскаго помѣщика Кологриваго (Варооломей Токаревъ и Алексѣй Игнатьевъ) гонють господскій скотъ изъ деревни въ Москву, въ домъ своего господина. На дорогѣ къ нимъ пристаётъ бѣглый солдатъ ландъ-милицкаго полка Кремневъ, который спѣшитъ разговориться съ крестьянами, познакомиться съ ними; возбуждаетъ ихъ довѣріе, которое высказывается между прочимъ тѣмъ, что крестьяне отдають Кремневу, для прочтенія, накладную «отписку», выданную прикащикомъ. Солдатъ, «не зная грамотѣ, притворно» ее читаетъ; а прочитавши, говоритъ крестьянамъ, «что будто прикащикъ къ господину пишетъ, чтобъ ихъ сослать въ ссылку: чѣмъ самымъ, по слабости смысла ихъ, привелъ не только въ робость, но и въ самое отчаяніе.»

По совѣту Кремнева, крестьяне рѣшаются распродать скотину и бѣжать на Донъ, называя себя всюду по пути помѣщичьими бѣглыми людьми. Скотину распродаетъ самъ Кремневъ «и (сказано въ указѣ), какъ склонный ко злу человѣкъ, сперва пустился въ пьянство, и сихъ простаковъ въ то же обратилъ. Наконецъ, какъ деньги пропилъ, а другаго уже такъ легкаго способу, какъ первый (чтобъ еще на пьянство денегъ достать) не нашолъ, то вымыслилъ назвать себя сперва капитаномъ Богомоловымъ, а мужикамъ приказалъ называться: одному—ямщикомъ, другому—слугою.»

* Слѣдуетъ къ статьѣ «Самозванецъ Петръ Третій.»

** См. книгу: «Воронежская Вѣсѣда», изд. въ Спб. на 1861 годъ гг. де-Пуле и П. Готовымъ.

По дорогѣ Кремневъ разглашаетъ между простымъ народомъ, что посланъ изъ Петербурга съ указомъ; а указъ этотъ гласитъ, «что рекрутъ и подушныхъ денегъ двѣнадцать лѣтъ брашно не будетъ и винное куреніе будетъ вольное». За такія добрыя и отрадныя вѣсти крестьяне повсюду давали ему безденежно подводы, квартиры и поили виномъ.

Обнадеженной успѣхомъ, Кремневъ является въ Усмянскій уѣздъ, въ однодворческое село Приволоку. Здѣсь товарищи его называютъ—по его же наущенію — Надежею - Государемъ; при выборномъ, десятекомъ и сержантѣ; но въ разглашеніи своемъ успѣха не имѣютъ. Однако крестьяне даютъ имъ до села Новосолдатскаго подводы. Въ селѣ этомъ Кремневъ рассказываетъ то же, что и по дорогѣ, сперва при одномъ однодворцѣ и при его матери, «а потомъ, примѣтя въ сихъ двухъ слабость духа и обрадованіе о такихъ ложныхъ вѣстяхъ», приказалъ придти къ себѣ выборному и десятскому. Посланный встрѣтился на дворѣ съ двумя сообщниками Кремнева и спросилъ ихъ:

— Какой человекъ съ вами пріѣхалъ?

— Это государь Петръ Федоровичъ!—отвѣчали тѣ.

Посланный рассказалъ обо всемъ многимъ другимъ, но главнѣе всего узналъ объ томъ мѣстный священникъ *Левъ Евдокимовъ*, «который (сказано въ указѣ) паче первыхъ сему злодѣю безъ всякаго затрудненія въ его ложномъ разглашеніи, по распутной и пьянственной жизни своей, не только самъ повѣрилъ, но всѣхъ еще вообще, хотя весьма ложными и совсѣмъ вѣроятія недостойными и развращенными доказательствами подкрѣпилъ и увѣрилъ.» *

Дѣло (по словамъ указа) происходило такъ: Евдокимовъ, пришло въ избу, гдѣ находился Кремневъ. Кремневъ говорилъ ему:

— Попъ, поминай государя Петра Федоровича!

— Дай Богъ ему здравствовать! — отвѣтилъ попъ и потомъ спросилъ:

— Гдѣ онъ обрѣтается?

— Онъ подлѣ тебя сидитъ!—незадумавшись, отвѣтилъ Кремневъ.

Евдокимовъ, при послѣднихъ словахъ, всталъ съ лавки и поклонился. Кремневъ снялъ со стѣны крестъ и велѣлъ Евдокимову цѣловать его, а равно и руку и ногу. Левъ безпрекословно

* При этомъ нельзя не замѣтить того важнаго обстоятельства, что и разглашенію Чернышова о себѣ, какъ объ императорѣ, помогали также священникъ Ивацкій и первыми повѣрили также лица духовнаго званія.

повиновался, а затѣмъ—пѣлъ молебень о здравіи государя, поминалъ его на эктеніяхъ и на многолѣтїи, и потомъ разсказывалъ всѣмъ своимъ прихожанамъ, что когда онъ былъ еще въ Петербургѣ дворцовымъ пѣвчимъ, то знавалъ императора маленькаго и нашивалъ его на рукахъ.

Увѣреніямъ священника многіе изъ прихожанъ поддались до того, что стали приходять къ Кремневу, цѣловали у него руки и ноги и называли его императоромъ. Первыми поддались увѣреніямъ Евдокимова однодворецъ села Новосолдатскаго, Осипъ Оедюнинъ, дьяконъ того же села—Максимъ Игнатьевъ и дьякономъ Василій Ѳедоровъ, случайно прїѣхавшій въ село на то время, когда уже около избы Кремнева собралась толпа довѣрчиваго народа.

Толпа эта была велика. Въ ней, кромѣ мѣстныхъ крестьянъ, находилось весьма много и такихъ, которые пришли изъ окрестныхъ селъ и деревень. Были тутъ и крестьяне, былъ и отставные солдаты, и наконецъ даже лица духовнаго званія. Между крестьянами, или (какъ сказано въ указѣ) однодворцами, рѣзче другихъ выдавались пять выборныхъ, два десятскихъ. Изъ отставныхъ солдатъ отмѣчены указомъ три сержанта, вахмистръ, два капрала, фурьеръ, подпрапорщикъ и даже одинъ поручикъ (также отставной). Изъ лицъ духовнаго званія зачислены въ сочувствіи къ дѣлу Кремнева три попа, три дьякона, трое поповыхъ дѣтей, два церковника, дьячекъ. Сверхъ того оказались причастны дѣлу двое цыганъ и одинъ купецъ воронежскій.

Примѣтная цифра лицъ духовнаго званія давала право заключить положительнымъ образомъ, что всѣ они привлечены были къ самозванцу разглашеніями Льва Евдокимова, который дѣйствовалъ на нихъ не только личнымъ участіемъ, но и чрезъ посредство жены своей и жены однодворца Уколова. *

Къ собранной такимъ образомъ около квартиры Кремнева толпѣ вышелъ прежде всѣхъ одинъ изъ крестьянъ, прибывшихъ въ село Новосолдатское вмѣстѣ съ самозванцемъ. Выйдя къ народу, крестьянинъ этотъ закричалъ толпѣ: «становись на колѣна!» Всѣ повиновались. За тѣмъ вышелъ изъ избы самъ Кремневъ, держа въ рукѣ крестъ. Всѣ такимъ образомъ цѣловали этотъ крестъ, цѣловали у Кремнева руку, и потомъ ногу, не исключая поповъ, отставныхъ солдатъ, поручика Саввы Романова и женщинъ. Всѣ они были искренни въ своихъ движеніяхъ, исклю-

* Уколова дала самозванцу шубу и потомъ ѣздила съ попадѣей въ другое село, для разглашенія.

чая подпрапорщика Алексѣя Внукѣва, который «хотя, по увѣренію распопа Льва, у самозванца руку вообще между множества народа и цѣловалъ, «однако въ то же время попу Евдокимову упомянулъ, что государь Петръ III умеръ, а выборному изъ одиодворцевъ совѣтовалъ послать нарочнаго, чтобы повѣстить обо всемъ случившемся воеводу. Церковникъ Филипъ Петровъ имѣлъ намѣреніе «испросить у самозванца пашпортъ и не болѣе только, какъ посмотря самозванца въ рожу,—ушолъ въ домъ свой».

Устойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и самостоятельнѣе въ личныхъ убѣжденіяхъ предъ всѣми другими былъ все-таки Левъ Евдокимовъ. Когда изъ Воронежа, для поимки самозванца, прислана была воеводою Елинымъ гусарская команда, и пріѣхалъ потомъ самъ воевода—Евдокимовъ не только самозванца не отдалъ, но и народу приказывалъ не выдавать. Дѣятельными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были поповы сыновья, изъ которыхъ Иванъ Оминъ (послѣ того, какъ воевода собственно-ручно связалъ Кремнева) говорилъ самозванцу:

— Если бы я тогда былъ, какъ тебя воевода вязалъ, тобъ я пятьдесятъ человекъ положилъ.

И затѣмъ не отставалъ отъ самозванца до тѣхъ поръ, пока его взяли подъ караулъ. Точно такимъ же образомъ не покидалъ Кремнева и другой поповъ сынъ—Акимъ Поповъ. Онъ успѣлъ тайно уйти съ нимъ на другой дворъ, гдѣ обулъ его въ лапти.

Меньшее участіе къ судьбѣ Кремнева (послѣ того какъ онъ потерялъ свое дѣло) оказали отставные: четверо изъ нихъ «хотя къ отдачѣ онаго Кремнева и не способствовали, однако совѣтовали другимъ, чтобы его отвести въ губернскую канцелярію.» * Отставной же капралъ Василій Пальчиковъ, не оказавши никакого сопротивленія при арестованіи самозванца», согласился отвести его въ Воронежъ, когда на другой день выборной сдѣлалъ ему это предложеніе («препозицію» — какъ сказано въ указѣ). Выборный Семень Черной, когда пришла команда, Кремнева не только не выдалъ, но и взятый у офицера приказъ держалъ у себя, а выйдя потомъ къ народу, выговорилъ, что онъ за Кремнева кровь прольетъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣло самозванца было проиграно: онъ скованнымъ отвезенъ былъ въ Воронежъ. За нимъ послѣдовали туда же и подъ караулъ всѣ его сообщники, въ числѣ 69 че-

* Одинъ изъ нихъ Тибекинъ былъ въ числѣ другихъ, разглашавшихъ о томъ, что въ селѣ между ними находится Императоръ.

ловѣкъ. Указъ Екатерины рѣшилъ освободить Кремнева отъ смертной казни, но повелѣвалъ: «въ страхъ другимъ такого отчаяннаго свойства людямъ, во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ показанныя ложныя разглашенія чинилъ, при собраніи народа, который ему безразсудно повиновался, и легкомысленно вѣрилъ, съчь кнутомъ въ каждомъ селѣ по нѣскольку ударовъ. Въ обличеніе же явнаго его злодѣйства, привязать на грудь доску, съ надписью большими словами: Бѣглець и самозванецъ! а въ послѣднемъ селѣ, по наказаніи, выжечь на лбу Б и С и потомъ послать въ Нерчинскъ въ вѣчную работу».

Въ Нерчинскихъ рудникахъ имя Кремнева пропало безслѣдно; но Левъ Евдокимовъ не измѣнилъ себѣ и о себѣ напомнилъ, сдѣлавшись участникомъ подобнаго же рода дѣла въ самозванствѣ солдата Петра Чернышова.

Вотъ что говорилъ указъ Екатерины о первомъ дѣлѣ этаго Евдокимова: «за всѣ возмутительныя преступленія, яко нарушитель присяги, народнаго блаженства и спокойствія, и не раскаявшійся о содѣянномъ злѣ челоуѣкъ, по правамъ и законамъ государственнымъ, достоинъ неминуемо жесточайшей смертной казни. Но Мы, однако, по врожденному въ насъ челоуѣколюбію, и что онъ, распопъ, сіи всѣ злодѣянія чинилъ единственно отъ самаго вкоренившася въ немъ пьянства и жадности къ оному, такъ и по распутной и развращенной жизни и невѣжеству, а сверхъ всего, что онъ въ ономъ своемъ злодѣянніи при распросѣ, безъ истязанія, признался также, что сіе учиненное имъ зло ни коимъ образомъ съ разумомъ и челоуѣчествомъ соображаемо не было,—отъ смертной казни (оставляя ему единственно послѣдніе дни жизни его о содѣянномъ имъ злѣ на раскаяніе) всемилоостивѣйше освобождаетъ, а повелѣваемъ: во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ свои клятвопреступническія и измѣническія чинилъ увѣренія и подписи, учинить наказаніе по нѣскольку ударовъ кнутомъ, привязавъ на груди доску, съ надписью большими литерами: «Помощникъ Самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и лжесвидѣтель.» А по наказаніи въ послѣднемъ селѣ выжечь на лбу знаки, двухъ словъ первыя литеры, то есть *ложный свидѣтель*, а потомъ послать въ Нерчинскъ, въ работу вѣчно. *

Въ Нерчинскомъ заводѣ Левъ Евдокимовъ содержался не долго:

* Были кнутомъ еще однодворца Федюнина, (за то, что разглашалъ будто-бы онъ самозванца въ бытность въ Петербургѣ выдалъ);

его опредѣлили въ Дучарскій заводъ, для обученія служительскихъ дѣтей грамотѣ; вскорѣ онъ, состоя въ этомъ званіи, рѣшился во второй разъ соединить свою судьбу съ приключеніями другаго самозванца. И здѣсь Евдокимовъ дѣйствовалъ такъ же настойчиво, но такъ же неудачно, хотя результатъ его замыслов имѣлъ болѣе счастливый исходъ для него лично. Онъ поплатился только тѣмъ, что былъ лишонъ покойнаго и до нѣкоторой степени обезпеченнаго званія учителя, чтобы, заурядъ съ другими, влечить печальную, тяжелую и неопредѣленную жизнь обыкновеннаго ссыльно-каторжнаго.

Все это мы уже, впрочемъ, видѣли по дѣлу самозванца Петра Чернышова.

С. МАКСИМОВЪ.

били кнотомъ выборнаго Чернаго, но оставили обѣихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства; били плетьюми попова сына Попова, попова сына Фомина и обѣихъ крестьянъ г. Кологриваго («яко помѣщичьихъ воровъ»—прибавлено въ указѣ). Поповъ, по наказаніи освобожденъ, а крестьяне «отосланы на старое жилище, куда принадлежать.» Изъ числа 25 крестьянъ пять человекъ, по жеребью, также выстѣнены были плетьюми и потомъ всѣ распущены.» Четверо выборныхъ также наказаны были плетьюми; восемь человекъ солдатъ изъ команды бывшаго фурыора Будинова велѣно, наказавъ каждаго предъ своею ротю батоги *слезка*, опредѣлить въ службу по прежнему. Всѣхъ лицъ духовнаго званія (поповъ, дьяконовъ и церковниковъ) приказано выдерживать подъ карауломъ, въ тюрьмѣ, нѣсколько недѣль на хлѣбѣ и на водѣ, а потомъ «отослать къ епархіальному архіерею, для свидѣтельства—способны ли они впредь остаться въ прежнихъ своихъ званіяхъ и мѣстахъ?» Тотъ же арестъ въ тюрьмахъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ присужденъ былъ и всѣмъ остальнымъ изъ обвиненныхъ; «такъ какъ они къ послушанію самозванца приведены ложнымъ увѣреніемъ и свидѣтельствомъ распоясанаго Льва, такожь будущи ослѣплены такимъ же презрѣннымъ послушаніемъ приходовъ сихъ причетниками, коихъ они, по своей глупости, не менѣе считаютъ какъ людьми во всемъ передъ собою знающими, такъ какъ необыкновенно оныя надъ ними приобрѣтають начальство. Двѣ женщины освобождены, безъ всякаго наказанія, вмѣстѣ съ подпрапорщикомъ Внуковымъ, сержантомъ Колесниковымъ и дьячкомъ Ивановъ Поповымъ. Отставной поручикъ Савва Романовъ былъ лишонъ двухъ чиновъ, содержался на хлѣбѣ и на водѣ двѣ недѣли и потомъ освобожденъ. Воронежскаго батальона фурыоръ Иванъ Будиновъ, за то, что повиновался и исполнялъ приказанія самозванца («ѣздилъ по селамъ и разглашалъ о пріѣздѣ Императора, привлекъ на свою сторону 8 человекъ вѣренной ему команды и наконецъ пріѣхалъ въ Воронежъ для занятія Кремневу квартиры) — былъ прогнанъ сквозь строй черезъ тысячу человекъ шесть разъ и написанъ потомъ въ солдаты въ тотъ же батальонъ «для примѣру другимъ» какъ сказано въ указѣ. Пьянство, «жадность къ оному, необузданное, вроденное буйство, сопряженное съ глубокимъ невѣжествомъ; подлое несмысленное состояніе людей непросвѣщенныхъ, слабый смыслъ, недоразуміе и легкомысліе»—вотъ тѣ облогчающія причивы, которыя были признаны указомъ къ смягченію приговора и объявлены всѣмъ обвиненнымъ.

ЭКОНОМКА.

Б и л ь.

I.

Лѣтъ сорокъ назадъ тому существовала на берегу рѣки Волхова прекрасная мыза богатаго помѣщика. Въ самомъ центрѣ этой мызы красовался большой каменный домъ съ террасою, выходящею въ садъ; на сѣверъ отъ дома разстилался прекрасный садъ, а на югъ было выстроено нѣсколько деревянныхъ домиковъ; за ними, на площади, каменная церковь, за церковью—еще нѣсколько домиковъ, отъ которыхъ шла земляная дамба къ пристани на Волховѣ.

Въ одномъ изъ деревянныхъ домиковъ, самомъ близкомъ къ каменному, помѣщалась экономка помѣщика. По наружности этотъ домикъ былъ очень простъ и не великъ, всего въ три окна; подъ нимъ, въ подвалѣ была кухня; а на верху три комнаты, съ довольно большими окнами въ каждой. Въ первой комнатѣ сидѣла за самоваромъ молодая женщина въ черномъ шелковомъ платьѣ. Она играла съ маленькимъ шпицомъ, который вертѣлся передъ нею на заднихъ лапкахъ и подпрыгивалъ кверху, чтобы схватить кусочекъ сахару изъ руки хозяйки. Нѣжная, пухлая рука, державшая сахаръ, украшенная золотымъ браслетомъ и кольцами съ бриллиантами, была нѣсколько смугла, потому что сама молодая женщина была брюнетка. Черные блестящія волосы ея падали крупными локонами на крутой матовый лобъ и еще сильнѣе оттѣняли яркій румянецъ щокъ; полное лицо было кругло и смугло; розовыя, какъ кораллъ, губы ея были немного тонки; онѣ по временамъ раскрывались отъ улыбки и выказывали рядъ бѣлыхъ, ровныхъ, крѣпкихъ зубовъ; носъ, немного вздернутый кверху, былъ очень граціозенъ; но вся сила

и обаяніе этого очень хорошенькаго лица заключались въ большихъ, черныхъ какъ агаты, глазахъ. Полные огня, они по временамъ метали искры или дѣлались такъ мягки и нѣжны, что взоръ утопалъ въ нихъ. Игра съ собачкой ее очень занимала; она весело и громко смѣялась при каждомъ неловкомъ прыжкѣ шпица. Это занятіе, можетъ быть, долго бы забавляло ее, если бы шпиць не бросился стремительно и съ громкимъ лаемъ къ двери.

— Жучка!.. Назадъ... крикнула она на шпица, и собачонка пошла тихо отъ двери, поджавши хвостъ и по временамъ злобно озираясь. Дверь отворилась; въ комнату вошелъ большаго роста, толстый мужчина, среднихъ лѣтъ, въ длинномъ, синемъ, суконномъ сюртукѣ, застегнутомъ наглухо. Бѣлый галстухъ, придавленный пухлымъ подбородкомъ, еще рѣзче выказывалъ его грубое, рябое лицо, которое расплылось отъ жира и казалось безконечнымъ отъ огромной лысины. Маленькіе сѣрые глаза полны были лукавства; они были такъ подвижны, что трудно было уловить, на что именно они смотрять.

— Здравствуйте, сударыня, Настасья Федоровна, — сказала почтительно вошедшій, останавливаясь у порога.

— Здравствуйте, Никита Федоровичъ, — сказала ласково хозяйка. — Милости прошу. Пожалуйте.

Никита Федоровичъ подвинулся шага на два поближе къ хозяйкѣ.

— Какъ въ своемъ здоровьѣ быть изволите? — проговорилъ онъ жеманно.

— Слава Богу, слава Богу! Да садитесь, пожалуйста, поближе ко мнѣ, вотъ тутъ на стулѣ.

Никита Федоровичъ облизнулся, подошелъ медленно къ столу, расправилъ полы сюртука и сѣлъ на край стула.

Хозяйка занялась чаемъ, а гость сталъ смотрѣть по сторонамъ, изрѣдка поглядывая на хозяйку. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Тяжело было въ это время гостю: ему хотѣлось начать разговоръ съ хозяйкой, но, какъ будто на зло, въ это время всѣ мысли его разбѣжались; онъ судорожно жаль въ своихъ рукахъ бѣлыя, бумажныя перчатки, на лбу его началъ выступать потъ, отъ сильнаго напряженія—найти какойнибудь предметъ для разговора. Посматривалъ онъ и на потолокъ, и на полъ, и на хозяйку, и на столъ, и по сторонамъ; но все было тщетно. Хозяйка разливала чай и лукаво выглядывала на гостя, не старалась вывести его изъ затруднительнаго поло-

женія, которое ее забавляло: Молча подала она гостю стаканъ чаю. Никита Федоровичъ судорожно хлебнулъ чаю изъ стакана, немного обжогся, поставилъ стаканъ, поморщился, обтерся платкомъ, посмотрѣлъ въ стаканъ, помѣшалъ въ немъ ложечкой, посмотрѣлъ на хозяйку.

— Такимъ манеромъ вы, сударыня, и устроились теперь хорошо?—проговорилъ онъ наконецъ.

— Еще бы! Вѣдь я давно здѣсь живу.

— Да-съ... оно кончено... Но вамъ, сударыня, у насъ въ деревнѣ не такъ, чтобы очень весело было, особенно зимой?

— Мнѣ здѣсь очень нравится.

— Здѣсь хорошо-съ, слава Богу, особенно нашему брату жизнь... можно Бога благодарить, всѣмъ довольны. Но вамъ-то, сударыня, въ столицѣ все жить покладнѣе. Тамъ и разныя увеселенія такія есть, и общество благородное; ну и знакомство... Ужь все не то, что здѣсь.

— Я въ Петербургѣ жила почти такъ же, какъ и здѣсь, нигде не ходила и ко мнѣ мало кто ходилъ.

— Ну, все же кто нибудь и бывалъ, все не однѣ вы скучные вечера осенніе проводили... Было хоть съ кѣмъ нибудь слово перекинуть. А здѣсь съ кѣмъ вамъ компанію водить?... совершенно не съ кѣмъ. Вотъ хоть бы, родственникъ, что ли вамъ, тотъ молодой комиссаріатскій офицеръ, куда какой веселый, котораго я видѣлъ у васъ, когда отъ барина приходилъ съ гостинцами.

Глаза Настасьи Федоровны блеснули и румянецъ ярче выступилъ на щекахъ ея.

— Конечно, съ родными весело; но съ родными вѣкъ не жить,—отвѣтила она Никитѣ Федоровичу. Правду сказать, я не очень скучлива, особенно если есть дѣло. Только вотъ мое горе: у меня нѣтъ хорошей горничной.

— Степанида хорошая у васъ дѣвушка; она всегда и за бариней ходила.

— Можетъ быть, она и знаетъ что нибудь; но мнѣ угодить вовсе не старается; всѣ мои волосы перепортила, никогда порядочно головы мнѣ не уберетъ: такая взбалмошная, что изъ рукъ вонъ.

— Барыня была всегда ею довольна; не знаю, можетъ послѣ ее она понзбаловалась.

— Очень не мудрено: дѣвка молодая, замужъ хочется...

Впрочемъ, я ее держать долго у себя не буду, найду другую, немного пріучу, а Степаниду съ Богомъ и за мужъ.

— Развѣ ужъ за когонибудь изъ дворовыхъ, а за крестьянина ей идти не рука; она совсѣмъ отвыкла отъ крестьянской работы.

— Ну, дворовыхъ-то тоже распложать не велика выгода. Женатый дворовый всегда ужъ будетъ стараться стащить чтонибудь у барина: иначе чѣмъ ему семью свою кормить и одѣвать.

— У насъ, по милости барина, всѣмъ всего довольно.

— Оно такъ. Но зачѣмъ же распложать дармоѣдовъ; я всегда противъ этого.

— Даромъ хлѣбъ у насъ никто не ѣстъ во дворѣ. Женщины во дворѣ нужны: и на скотный дворъ, и въ прачки; а ребятишки, мало мальски подрастутъ — такъ пойдутъ на посылки и на разную работу.

— Ну ужъ отъ замужней женщины не много дѣла: то беременна, то маленькія дѣти. Какая тутъ работа? Конечно, безъ женщины во дворѣ нельзя обойтись.

— Совершенно невозможно.

— Для этого можно взять вдову или пожилую сироту, дѣвушку, а такихъ у насъ въ вотчинѣ не мало.

— Ваше замѣчаніе справедливо; но расторопныхъ и смысленныхъ вы, сударыня, здѣсь, въ вотчинѣ, не найдете. Можетъ со стороны откуда?

— А вотъ я поговорю съ Павломъ Ивановичемъ, онъ всѣхъ въ вотчинѣ на-перечотъ знаетъ и мнѣ сыщетъ еще двухъ-трехъ дѣвушекъ для присуги; одной Степанидѣ не успѣть.

— Совершенно справедливо. Потому, можетъ быть, Степанида и угодить не можетъ вамъ, что одна; а вотъ какъ дадите ей еще двухъ помощницъ, такъ я увѣренъ, что вы ею останетесь довольны.

— Не думаю... А есть, Никита Ѳедоровичъ, въ погребѣ у васъ шампанское?

— Есть, должно быть, немного.

— Пришлите ко мнѣ бутылки три; у меня желудокъ разстроены, такъ докторъ совѣтовалъ его пить понемногу на тощакъ.

— Оно-бы для чего не отпустить... отвѣчалъ съ разстановкой Никита Ѳедоровъ, — только то, что теперь всего-то дюжина осталась; безъ барскаго приказа опасно это сдѣлать. Вотъ какъ пріѣдутъ они, я доложу-съ.

— Въ такомъ случаѣ совсѣмъ не надобно его, отвѣтила сквозь зубы Настасья Федоровна.

Чай былъ конченъ; гость всталъ, раскланялся и ушелъ. Настасья Федоровна кликнула Степаниду и приказала ей убирать со стола, а сама сѣла къ рабочему столику и задумалась. Жучка смирно улеглась у ногъ ея.

Настасья Федоровна была дочь кучера Федора Минкина, ее выдали замужъ за горькаго пьяницу, садовника Андрея, жившаго въ Петербургѣ у своего господина. Въ первые годы замужства Настасьи, познакомился съ нею тотъ помѣщикъ, у котораго она была экономкою въ настоящее время. Помѣщикъ выкупилъ на волю всю семью и взялъ къ себѣ Настасью экономкою. Мужъ ея съ радости, что сдѣлался вольнымъ, опился; такимъ образомъ Настасья стала совершенно свободною и зажила припѣваючи, по не долго. Помѣщику, выкупившему Настасью, вздумалось жениться. Настасья была отпущена съ довольно значительною суммою денегъ, и, конечно, могла бы составить себѣ очень выгодную партію; но она не теряла надежды снова сдѣлаться экономкою у своего благодѣтеля. Надежды ея сбылись. Года два благодѣтель пожилъ съ своею женою и разошелся совсѣмъ. Легко можетъ быть, что это сдѣлалось не безъ тайнаго участія Настасьи, которую не забывалъ въ это время ея благодѣтель. И вотъ она призвана къ прежней должности въ имѣніе своего благодѣтеля, наученная собственнымъ опытомъ, что въ ея положеніи надобно быть очень осмотрительною, чтобы снова не лишиться своего мѣста, тѣмъ болѣе, что ея благодѣтель былъ козлиной натуры. Жены благодѣтеля своего она не опасалась; она знала, что эта женщина, твердаго и благороднаго характера, никогда не согласится возвратиться къ мужу, не разъ ее жестоко оскорбившему; но она опасалась новыхъ соперницъ, въ которыхъ не было недостатка. Въ своей вотчинѣ она придумала такъ дѣлать: двѣушекъ мало-мальски красивыхъ и смѣтливыхъ держать при себѣ въ должности горничныхъ, чтобы удобнѣе было наблюдать за ними, стараться, какъ можно скорѣе, лишить красоты и сбыть ихъ подалеже отъ глазъ благодѣтеля. Потому свои ее не такъ беспокоили; по стороннія крѣпко ее смущали. Благодѣтель не постоянно жилъ въ своей усадьбѣ, онъ разъѣзжалъ по всей Россіи и по-долгу жилъ въ Петербургѣ. Надобно было наблюдать за нимъ и разрушать вновь возникающія знакомства. Какъ же было ей устроить это,

когда она сама жила въ усадьбѣ и не могла вездѣ слѣдовать за своимъ благодѣтелемъ? Постороннимъ людямъ, окружающимъ благодѣтеля, ввѣриться ей было невозможно; надобно было отдаться имъ въ руки и совершенно быть отъ нихъ зависимою; кромѣ того, окружающіе благодѣтеля были ненадежные люди, все предатели, готовые и его самого продать, если представится удобный случай; а фаворитку они не очень жаловали, естественно по зависти, что она пользовалась бѣльшимъ предъ ними предпочтеніемъ. Къ благодѣтелю своему Настасья, разумѣется, не чувствовала никакой искренней привязанности: сердце ея давно было отдано одному молодому комиссаріатскому чиновнику, выдаваемому ею за близкаго родственника, про котораго говорилъ ей Никита Федоровичъ за чаемъ. Положеніе Настасьи въ настоящее время было очень затруднительно. Она вернулась въ домъ благодѣтеля послѣ двухлѣтняго отсутствія; лица, окружающія его, были почти всѣ новыя, которыхъ она мало или вовсе не знала. Ей надобно было или привлечь ихъ на свою сторону, по просту прибрать къ своимъ рукамъ, или совсѣмъ сбыть съ рукъ, что сдѣлать было трудно. Благодѣтель былъ умный человекъ, не любилъ, чтобы его водили за носъ, характера же былъ бѣшенаго и жестокаго. Малѣйшая неосторожность или ловкая интрига со стороны окружающихъ благодѣтеля могли погубить ее.

—

Утромъ, часовъ въ пять, Степанида осторожно будила свою барыню.

— Что нужно тебѣ?—сердито проговорила Настасья.

— Баринъ какой-то желаетъ васъ видѣть.

— Кто?

— Офицеръ пріѣзжій.

— Дура!

Степанида молча стояла.

— Ты что стоишь болваномъ? Кто тамъ такой? Говори!

— Пріѣзжій офицеръ.

— Вотъ животное-то! погоди, я съ тобой разберусь. Ты будешь толкомъ мнѣ докладывать.

— Да я его спрашивала,—заговорила сквозь слезы дѣвушка, — какъ доложить объ васъ, а онъ только и сказалъ—пріѣзжій офицеръ.

— Еще разсуждать вздумала, — вскрикнула, топнув ногой Настасья. — Давай одѣваться.

Настасья одѣлась и вышла въ свою гостиную. Каково же было ея удивленіе, когда она тамъ нашла своего милаго комиссаріатскаго чиновника!

— Нанси, проговорилъ тотъ тихо и протянулъ къ ней руки.

— Жань!.. вскрикнула было Настасья и хотѣла броситься къ нему на шею, но опомнилась и, приложивши палецъ къ губамъ, поглядѣла на окно.

— Какими судьбами вы попали къ намъ, Иванъ Ивановичъ? — заговорила Настасья громко, официальнымъ тономъ. — Очень рада васъ видѣть, прошу садиться. Настасья сѣла на кресло лицомъ къ окну и подлѣ себя указала мѣсто гостю.

— Нанси! милая Нанси! заговорилъ шопотомъ Иванъ Ивановичъ, садясь возлѣ Настасьи.

— Да не шепчи ты, ради Бога! Тамъ все слышно, — при этомъ словѣ она указала на сосѣдную комнату. — Чѣмъ васъ подчивать, Иванъ Ивановичъ, дорогой мой братецъ, сказала громко Настасья и ушла въ другую комнату.

— Какой ты сумасшедшій! говорила Настасья, покачивая головою, когда вернулась. — Ты погубишь и себя, и меня. Можно ли быть такимъ опрометчивымъ!

— Ахъ, Нанси, какъ ты безжалостна! Я умираю безъ тебя... Я хотѣлъ тебя видѣть, во что бы то ни стало, хотя бы мнѣ за это пришлось поплатиться жизнью... А ты съ упреками встрѣчаешь меня! Онъ хотѣлъ поцѣловать ея руку.

— Боже мой! какая неосторожность! Въ окно все видно... ты нисколько не остерегаешься.

— Ты меня больше не любишь! — сказалъ съ отчаяніемъ Жанъ и откинулся на спинку кресла.

— Ахъ, какой ты, право! Ты не знаешь, что я здѣсь окружена шпионами; каждое мое слово, каждое мое движеніе извѣстно ему. А ты еще сюда пріѣхалъ!..

— Ты не рада мнѣ!

— Жанъ! Жанъ! Я еще вчера о тебѣ плакала! Ты знаешь, какъ здѣсь мнѣ безъ тебя скучно.

— Милая моя Нанси! сказалъ ласково Жанъ.

— Поговоримъ лучше о дѣлѣ; дѣвушка сейчасъ вернется съ кофеемъ и тогда намъ невозможно будетъ говорить; я нарочно ее услала, чтобы она не подслушала насъ.

— Ужели я ни одной минуты не могу побыть съ тобою наединѣ? — съ отчаяніемъ спросилъ Жанъ.

— Да, теперь это невозможно. Дай мнѣ здѣсь устроиться, тогда мы съ тобою будемъ часто видѣться. Да расскажи мнѣ, гдѣ ты бываешь, что ты дѣлаешь?

— Гдѣ мнѣ бывать? Я умираю отъ тоски по тебѣ. Посмотри какъ я похудѣлъ.

Жанъ безсовѣстно лгалъ въ этомъ случаѣ; онъ былъ здоровъ, какъ быкъ.

— Бѣдненькій,—говорила, лаская взоромъ его, Настасья.— Какъ ты сюда пріѣхалъ?

— Я нарочно выпросилъ себѣ командировку въ Тихвинъ, чтобы заѣхать сюда. Дня черезъ три я опять поѣду назадъ и тоже заѣду.

— Нѣтъ, этого не дѣлай, милый Жанъ. Лучше ты вернись другой дорогой, а черезъ наше имѣніе не ѣзди. Боже избави, если онъ что нибудь узнаетъ и догадается. Ты погибнешь непременно!

— Для меня теперь все равно! — сказалъ, махнувъ рукою, Жанъ.

— Не отчаявайся, милый Жанъ; для насъ еще не погибло счастье. Мы будемъ счастливы,—наше счастье впереди!

— Нѣтъ, мое счастье погибло. Безъ тебя мнѣ нѣтъ счастья на землѣ!

— Не отчаявайся, милый Жанъ; я скоро къ тебѣ пріѣду. Я даже на этихъ дняхъ хотѣла ѣхать къ тебѣ,—такъ я соскучилась... Въ это время дверь скрипнула въ сѣняхъ и Настасья замолчала.

Горничная вошла въ комнату, подала кофе и скрылась. Вертовскій напился кофе и уѣхалъ.

Степанида бѣжала черезъ дворъ; изъ-за угла вышелъ къ ней на встрѣчу Никита Ѳедоровичъ.

— Здравствуй, Стеша, каково поживаешь?—говорилъ Никита Ѳедоровичъ.

— Плохо! Толчки да пинки на каждомъ часѣ достаются.

— Потерпи, милая, немного!

— А послѣ что? Куда отъ ней сбудешь, развѣ въ воду?

— Эхъ, горемыка! Потерпи, говорю; перемелется, все мука будетъ.

— Да и теперь она меня словно въ ступѣ толчетъ.

— Потерпи, говорю тебѣ, слюбитса самой. Кто это у ней былъ?

— Офицеръ какой-то.

— Какъ его зовутъ?

— А Богъ его знаетъ.

— Да какъ-же ты о немъ докладывала?

— Охъ, ужь эти мнѣ доклады!...

— Какъ онъ тебѣ сказалъ-то?

— Душенька, милая, доложи Настасья Ѳедоровна, что произкій офицеръ желаетъ ее видѣть. Вотъ я и пошла къ ней.

— Ну, что же она?

— Я разбудила. Она встала злая, презлая.

— Вышла къ нему....?

— Да, вышла къ нему, да какъ закричить что-то не по-русски.

— А онъ?

— Онъ тоже ей что-то тихо отвѣтилъ, — а потомъ они и начали, какъ быть должно, разговаривать.

— Какъ же она его называла?

— Иваномъ Иванычемъ—братцемъ.

— О чемъ же они говорили?

— О чемъ обыкновенно люди говорятъ. Спрашивала про здоровье, угощала.

— А больше ни о чемъ не говорили?

— Ни о чемъ.

— Осторожны проклятые!

— А вы ихъ знаете?

— Гдѣ ихъ знать.... да мнѣ до нихъ и дѣла нѣтъ. А ты куда?

— За рыбой на погребъ. Сегодня среда, такъ постный обѣдъ заказала.

— Вишь тоже и она посты наблюдаетъ.

— Прощайте, Никита Ѳедоровичъ! Мнѣ недосугъ.

— Прощай, прощай, крапечка моя, сказалъ Никита Ѳедоровичъ и снова потрепалъ по щекѣ Степаниду.

II.

— Анятка!—крикнула сильнымъ голосомъ съ печи старуха и, крихтя, поворотилась на другой бокъ.

— Чего, бабушка,—отвѣтила дѣвушка лѣтъ шестнадцать, сидѣвшая на лавкѣ за прялкой.

— Полно тебѣ прясть-то, скоро пѣтухи запоютъ. Иди-ка, добро, спать ко мнѣ на печь.

— Ато ты, бабушка, не давно ссумерилось да и спать. Ночь еще велика, выплусь.

— Выспишься.... просидишь ночь напролетъ, а утромъ не добудиться. Только лучину палить.

Въ это время заплакалъ въ люлькѣ ребенокъ.

— Качни-ка Оедьку, Анютка; а не то разбуди мать; пусть покормить его. Да ложись спать - то, полуночица неугомонная,—говорила старуха, которой не спалось самой и хотѣлось поговорить.

Анюта встала, подошла къ матери, поглядѣла на нее, но мать крѣпко спала и Анюта пожалѣла и не разбудила ее. Она сама поближе подвинула къ люлькѣ скамью, сѣла, подцѣпила къ ногѣ веревку, привязанную къ люлькѣ и снова стала прясть, покачивая ногою люльку. По временамъ она наклонялась къ кудели и помачивала ее слюнями. Веретено пѣло, быстро вращаемое правою рукою Анны, которую она далеко отмахивала отъ себя, вытягивая тонкую и ровную нитку.

— Статочное ли дѣло—дѣвкѣ сидѣть одной за прялкой?—забормотала снова старуха. Поневолѣ сонъ одолѣетъ и рука-то не такъ ходить, какъ надобно. То ли дѣло, бывало, въ наше время на посѣдкѣ!

— Отъ чего же, бабушка, теперь посѣдокъ нѣтъ,—спросила дѣвушка, оставивши прясть и поворотившись къ печи.

— Да, вишь, баринъ-то не приказываетъ.

— Да отчего онъ не приказываетъ?

— Богъ его вѣдаетъ. Спрашивать что ли его станешь? Не приказываетъ, да и только!

— А весело, бабушка, бывало на посѣдкахъ?—спросила дѣвушка, снова принимаясь прясть.

— Еще-бы-те. Соберется, бывало, съ деревни дѣвокъ пятнадцать. Марѣя старшинова, Пелагея Волочугина, Дарья Воронина. И все больше у Вороны: онъ бѣднѣе всѣхъ былъ въ деревнѣ; богатый мужикъ небось не пустить къ себѣ.

— Да для че-жь не пустить?

— Ну, вѣстимо дѣло—безпокойно. Пѣсни, шумъ... мало ли чего бываетъ? Попы на духу бранятъ, петимье накладываютъ.

— Да развѣ грѣхъ на поспѣдки ходить, бабушка?—спросила внучка, съ любопытствомъ.

— Грѣхъ, не грѣхъ, да и не спасенье Соброемся народу много,—все молодые, всячины бываетъ. Воронѣ то мы платили за зиму по гривнѣ, да свои дрова носили и лучину. Избушка у Вороны была ледащяя, такъ вѣтеръ бывало въ щели и свищеть. Парни наѣдутъ съ Притони, Любани, съ Огарева, ну и наши толкутся тутъ же; накупать баранковъ, орѣховъ пряничныхъ и угощаютъ. Сначала сидимъ смирно; а какъ стануть къ свѣтцамъ подвигаться, держи ухо востро! Разомъ озорники затупать лучину. Пока дуютъ огонь, попадешься въ руки другому, такъ намнетъ... Другой парень выхватить изъ рукъ веретено, да пополамъ его и переломилъ, сватать, значить, задуналъ.

— Кого?—спросила дѣвушка.

— Извѣстно, чье веретено переломить,—отвѣчала старуха.

Лучина ярко пылала и освѣщала красивое лицо дѣвушки. Волосы ея, темнокаштановаго цвѣта, очень близкаго къ черному, были густы, длинны и съ лоскомъ. Лицо ея было блѣдое, чисто и нѣжно, формы его были тонки и пріятны. Черные, выразительные, большіе глаза были оттѣнены длинными, густыми рѣсницами; надъ глазами красовались брови черною дугою, какъ будто нарисованныя. Но одѣта она была въ толстой холщовой рубахѣ и синемъ крашенинномъ сарафанѣ, и босикомъ.

На дворѣ наконецъ пропѣлъ пѣтухъ, а за нимъ и по всей деревнѣ стали перекликаться полуночные крикуны. Старуха все еще ворчала, брюзжала и укладывала спать внучку. Наконецъ Аннушка, одолѣваемая сномъ, или неволимая брюзгою старухи, положила прялку на лавку, загасила лучину и пошла на печь къ своей бабушкѣ. Тишина водворилась въ избѣ, но не надолго. Заплакалъ ребенокъ, проснулась мать, вздула огня, покормила ребенка, умылась, усердно помолилась Богу и, принеши дровъ, затопила печь. За нею всталъ хозяинъ, также умылся, помолился Богу, поѣлъ, одѣлся, засунулъ за кушакъ топоръ, перекрестился и налѣлъ шапку.

— Ты куда поѣдешь-то, на Красные Мхи, что ли?—спросила его съ печи старуха.

— На Красные Мхи,—отвѣтилъ хозяинъ.

— Чай, до сумерокъ пробудешь?

— Дай Богъ еще и толи вернуться,—сказала хозяйнѣ и пошла къ двери.

— Хлѣба-то взялъ ли съ собой? крикнула вслѣдъ ему старуха. Но онъ не слыжалъ ея.

Крахтя и охая, слѣзла старуха съ печи, подошла къ окошну и посмотрѣла на улицу.

— Какъ-то ѣхать-то батюшки? тамъ какая,—сказала она.

— Ато ты, на улицѣ свѣтель такая, хотъ шей, вишь стекла-то затянуло морозомъ,—отвѣтила хозяйка.—Сядь-ка ты съ Федюшкой, а я пойду поровъ прибирать.

Охо, хо, хо, о, о, о... зѣвала старуха, сидя у люльки—Что-то тамъ у ней въ печи?—сказала она, заглядывая въ печь;—ну, да это никакъ вода кипитъ, вичего что и сплыветъ. Молчи, неугомонный,—говорила она, качая люльку, когда ребенокъ плакалъ.

Между тѣмъ въ деревнѣ, состоящей дворовъ изъ двадцати и расположенной близъ лѣса, на берегу маленькой рѣчки Танцы, всѣ встали; дымъ столбомъ валилъ изъ трубъ и, скопляясь въ одно мѣсто, образовалъ густое облако, нависшее надъ деревнею. Изрѣдка бабы съ ведрами на плечахъ, въ однихъ сарафанахъ, перебѣгали черезъ улицу къ колодцу,—который былъ посрединѣ деревни,—за водою. Разсвѣло. Начали перебѣгать бабы изъ избы въ избу. Ребятишки вылѣзали со дворовъ съ дровеньками, собирались въ кучи, кричали и дрались.

Въ Петрову избу вошла молодая баба, въ полушубкѣ, накинутомъ на плечи.

— Здорово, Пахомовна!—сказала она, помолясь Богу и кланяясь старухѣ.

— Здорово, Ганюшка, можешь ли?—отвѣчала ей та.

— Да ни что,—отвѣтила Агафья, оглядывая избу.—А гдѣ же Авдотья?

— Вышла, сейчасъ придетъ.

Агафья заглянула въ печь.—Да никакъ у васъ и печка стопилась?—заговорила она нараспѣвъ.—Анютка еще спитъ?

— А ну ее,—сказала старуха, махнувъ рукой.—Ужъ такая-то злая прясть, всю ночь на пролетъ просидѣла. Легла спать, какъ ужъ мать печь затопила.

— Вишь ты!

Вошла хозяйка.

— Здравствуй, Авдотья,—сказала Агафья.

— Здорово!—отвѣтила хозяйка.

— А у насъ-то горе какое, Авдотьюшка!

— Что случилось?—спросили въ одинъ голосъ хозяйка и старуха.

— И не говори. Коего дня мой-то поѣхалъ за лучиной, да и срубил дерево не тамъ, гдѣ приказано. Сегодня утромъ пришолъ къ намъ старшина и говорить, что приказываетъ баринъ тебя къ себѣ на село. У моего хозяина и руки опустились. Что-то будетъ?

— Ну, что будетъ? Побранить да и отпустить; — замѣтила старуха.

— Эхъ, кабы такъ-то, такъ ничто. Боюсь, палками поколотятъ.

— Эво ты! За дерево-то?—возразила старуха.

— А что ты думаешь? сказала Авдотья: — Мигьку Морозова за дубокъ, что вырубилъ на вязь къ дровнямъ, такъ отдули, ажно недѣлю въ лазаретѣ лежалъ.

— А моего Ивана и подавно; пожалуй, и безъ вины выхлещутъ: человекъ онъ смирный,—заголосила Агафья, разводя руками.

— Что, мать, долго-ли!—подхватила Авдотья. Головиха большой человекъ и та не спаслась.

— Неужто и ее побилъ баринъ?—спросила Агафья.

— Побить-то не побилъ, а настрамилъ на всю жизнь! Лѣтось, въ будни, сидитъ головиха у окна, сложивши руки, а баринъ-то идетъ;—вездѣ, вѣдь, день-то деньской шнырить; — зашолъ онъ къ ней. Нѣтъ ли, говорить, у тебя чего закусить, мнѣ что-то поѣсть захотѣлось. А та ему и подай горячій рыбникъ, да сладкій пирогъ.

— Въ будни-то? съ удивленіемъ спросила старуха.

— Да, поди ты вотъ... Отщипнулъ баринъ во кусочку того и другаго. «Хорошо, говорить, ѣсть голова, и я не каждый день такъ обѣдаю. А ты, говорить, для-че ничего не дѣлаешь?» спросилъ онъ головиху. «Дѣлать,—говорить,—сударь, нечего.» Онъ ей на то ничего не сказалъ, усмѣхнулся только и вышелъ. Приходитъ, опосля того, самъ-то большакъ: затопалъ, залопалъ; на еѣ «ахъ, говорить, ты страмница, подо что ты меня подвела; дѣлать ей, вишь, нечего! Ступай, говорить, коли такъ, теперь, баринъ приказалъ: садъ барской мести, да сама изъ дому метлу и лопату носи!»

— Неужто?—перебила Агафья.

— Право-тка... взвела бѣдная головиха... бросилась было къ Настасѣ Федоровнѣ: она ея, вишь, воспитанница, да и та не

помогла. Цѣлую недѣлю, мать, такъ и ходила въ садъ на работу. Было говору по-всей вотчинѣ, заключила Авдотья.

— Да ты что не сядешь?—сказала старуха Агафья.

— Некогда! забѣжала къ вамъ про свое горе рассказать, — отвѣчала та, садясь, впрочемъ, на лавку.

Въ избу вошла другая баба.

— Здравствуйте, — сказала она, помолившись Богу.

— Можешь ли, Маланьюшка?—спросила старуха.

— Да ничто, — говорила пришедшая, стоя на срединѣ избы, сложивши руки крестомъ на груди.

— Садись, — сказала хозяйка.

— Чего садиться, у меня бурая корова перестала доить, словно оторвала. Ума не приложу, что съ ней сталося. Не знаешь ли, Пахомовна, чѣмъ пособить?

— Чѣмъ пособить?—проговорила старуха.—Извѣстное дѣло, домовой нашутилъ.

— Ато ты?

— Такъ что же больше? Случалось у меня это не разъ. Возьмешь ложки или чашки, какъ отобѣдаютъ; перемоешь ключевой водой; потомъ круто васолишь ее, воду-то, и дашь выпить коровѣ, да подъ матицу вересину въ хлевѣ воткнешь; — какъ рукой сниметь.

— Вотъ оно что, — сказала Маланья и, отгоревавъ свое горе, обратилась къ Агафѣ.

— А что твоего мужика, говорятъ, во дворъ стробовали? — спросила она ее.

— Еще до свѣту со старшиной уѣхали, — отвѣтила, со вздохомъ, Агафья.—Что-то будетъ?

— Что будетъ? Стробовали, такъ добра не жди.

— О-о-охти мнѣ!—простонала еще разъ Агафья и, наконецъ, простившись, ушла.

— Сама подвела мужика подъ палки, а теперь вонъ воетъ, — сказала Маланья.

— Неужь-то?—спросила Авдотья.

— Все брюзжала, что лучина худая, что онъ безпрокой, не можетъ хорошей лучины въ лѣсу добыть. Вотъ и добылъ хорошей лучины.

— А чего онъ слушаетъ ее?—спросила старуха.

— По неволѣ послушаешь, какъ собачится съ утра до ночи: надоѣсть.

— Надоѣсть?—замѣтила старуха. — Побилъ бы хорошенько, такъ и перестала бы.

— Гдѣ ему? смиренный такой, что и слова поперегъ не скажетъ.

— За то и бьютъ самаго,—сказала старуха.—Вотъ мой покойникъ, бывало: говори при немъ, да не проговаривайся; какъ разъ косу расправить.

— Та теперь пора, гляди!—перебила ее хозяйка: ину бабу-то хозяйню и пальцемъ не смѣетъ тронуть.

— А то ты?

— Еще наша деревня далече отъ села, и то... а что тамъ немного наговоришь: у кажинной заступникъ есть.

— Ой, согрѣшили, согрѣшили мы грѣшныя, — подтвердила и Маланья, а потомъ, постоявъ еще немного, покалякавъ кой о чемъ, поклонилась и ушла.

— Анюжка!—кликнула Авдотья дочь.

— Нетронь ты ее. Пусть поспитъ; она всю ночь прала,—замѣтила старуха.

— Что ты балуешь-то, отвѣтила Авдотья,—выспалась: пора вставать!

Анютка между тѣмъ соскочила съ печки, умылась и обернувшись старенькой шубенкой, вышла за ворота и встала, прижавшись къ углу дома.

Изъ калитки сосѣдняго дома выглянула дѣвушка, тоже закутанная шубой.

— Анютка!—кликнула дѣвушка.

— Чего,—отвѣтила Аннушка.

— Поди-ка сюда.

— Нѣтъ, ты поди.

— Да, поди.

— Не пойду.

— А я тебѣ что скажу.

— Что?

— Да, поди же.

— Не пойду,—упрямо сказала Аннушка.

Сосѣдка подошла къ Аннушкѣ.

— Аксютку просватали,—сказала сосѣдка.

— Знаю,—равнодушно отвѣчала Аннушка.

— Вчера вечеромъ образа цѣловали.

Аннушка молчала:

— Завтра повезутъ Аксютку къ барину.

— Зачѣмъ?

— Известное дѣло, на показъ. Видишь къ нему возить показывать невѣсту съ женихомъ.

— Вотъ что!

— Сегодня я у ней была.

— Что же она?

— Рада. Женихъ такой хорошій-хорошій, изба новая, хлѣба много и свекрови нѣтъ. Сегодня я была у нихъ: ручиши разбирали, чтобы повѣсить ихъ на рукобиты.

Въ это время подошелъ къ нимъ паренъ и обхватилъ ихъ руками.

— Отстань,—сердито сказала Аннушка, оттолкнувши парня.

— У! ты, востроглазая!—прохрипѣлъ паренъ.

— Проваливай, куда идешь,—сказала Аннушка.

— Я тебя сватать пришлю,—сказалъ онъ, немного помолчавъ.

— Вонъ посватай прежде Аксютку Воронину,—со смѣхомъ отвѣтила Аннушка.

— Змѣя,—прошипѣлъ паренъ и пошелъ прочь.

Дѣвушки засмѣялись ему въ слѣдъ. Паренъ повернулся и грозилъ кулакомъ. Дѣвушки еще звонче засмѣялись. Паренъ вернулся къ нимъ, но онѣ убѣжали домой.

На дворѣ заскрипѣлъ снѣгъ подъ тяжелымъ возомъ. Хозяйка вздула огня и стала готовить мужу обѣдать. Черезъ нѣсколько времени вошелъ хозяинъ въ домъ. Концы его волосъ и брови были въ снѣгу, а усы и борода такъ обмерзли, что на нихъ были сосульки. Онъ началъ ошипывать ледъ съ усовъ и бороды.

— Садись обѣдать—то,—сказала съ печи старуха,—шутка-ли, до которой поры проѣздишь?

— Дай отогрѣться—то,—отвѣтилъ хозяинъ.

— Хорошо бы выпить съ холоду тебѣ стаканчикъ вина,—сказала съ печи старуха.

Хозяинъ облизнулся.

— Какое тамъ вино, — проговорилъ онъ сердито. — Наговори на свою голову.

— А кто тебя услышитъ? Печь что-ли?

— Нынче и печи бойся, и у той языкъ добудуть.

— Ваньку—то Степкина на село сегодня стробовани, замъ свѣтъ,—перемѣнила разговоръ старуха.

— Ну?—мыкнулъ хозяинъ.

— Приходила Агафья, такъ и заливается слезами. Боятся, что накажутъ.

— Кого?

— Извѣстно кого, Ваньку, не то дерево срубилъ въ лѣсу.

— За дѣло, не слушайся бабы.

— Баба ему въ лѣсу не указывала,—замѣтила хозяйка.

— Напрасно она въ лѣсъ его не провожала, хоть бы языкъ-то тамъ подморозила себѣ, брюзжавши,—сказалъ злобно хозяинъ, всталъ и ушелъ изъ избы.

— Чего онъ осерчалъ?—спросила старуха.

— Богъ его знаетъ,—отвѣтила хозяйка.

Хозяина звали Петромъ Лунемъ, — какъ за его несловоохотливость, такъ и за цѣтъ его волосъ и бороды, походившихъ на лень. Онъ былъ мужикъ трудолюбивый, честный и добрый; но съ вида угрюмый и сердитый; онъ терпѣть не могъ бабьей болтовни, которою надоѣдала ему сильно мать-старуха и за которую не мало доставалось отъ него и женѣ.

— Анютка?—кликнула опять съ печи старуха,—что ты сидишь молча, хоть бы пѣсню спѣла.

— Я не знаю, бабушка, пѣсенъ.

— Вотъ, дѣвка невѣста, а пѣсенъ пѣть не умѣешь; тебя эдакъ никто и замужъ не посватаетъ. Спой, не лѣнись!

— Что те хочется, чтобы отецъ ее выбранилъ? замѣтила хозяйка.

— А гдѣ онъ услышитъ?

— Да какъ домой придетъ.

— А куда онъ пошолъ?

— Кто его знаетъ! Можетъ и Ваньку навѣдать.

— А что, поѣдетъ онъ завтра въ лѣсъ? спросила, помолчавъ, старуха.

— Кто его знаетъ? спроси, какъ придетъ,—отвѣтила хозяйка.

— Спроси! какъ спросится? еще не уладишь спросить. Да ты что молчишь, Анютка, будто безъ языка?

— Да что я стану говорить?

— Что говорить? Вѣдь ходила сегодня за ворота. Кого тамъ видѣла?

— Пашутку.

— Ну что же говорить Пашутка? — живо спросила старуха.

— Аксютку Воронину просватали.

- Просватали!
- Завтра къ барину на смотръ повезуть.
- Къ барину смотрѣть? Да на что ему смогрѣть?
- Такой порядокъ,—замѣтила хозяйка.
- Порядокъ,—сказала въ раздумьи старуха.—Этакъ и нашу Анютку повезуть ему на смотрины, когда просватаемъ.
- До этого еще долго,—отвѣтила хозяйка.
- Что же, Аксютка плачетъ?
- Нѣтъ, рада-радехонька, отвѣтила Аннушка.
- Ну ужь нынче и дѣвки!—сказала старуха,—просватали и не плачетъ.
- Да о чемъ ей плакать-то?—спросила Аннушка.
- Какъ о чемъ? — проговорила старуха и задумалась. — Хоть бы и нѣ о чемъ, а поплакать надо, коли просватали... Воишоль хозяинъ, сѣлъ на лавку и повѣсилъ голову:
- Ты у Ивана, что ли, былъ?—спросила старуха.
- Ты почему знаешь?
- Гдѣ же тебѣ больше быть. Что онъ?
- Чтó, лежитъ.
- Что же на селѣ сказали ему?
- Тамъ не любятъ много разговаривать. Отсчитали, что надо, и отпустили.
- Ты не ѣзди, пожалуйста, куда ужь заказано въ лѣсъ-то.
- А ли я безъ ума, что ли?
- Да Иванъ-то не безъ ума, а видишь какъ опростоволочился.
- За дѣло,—сказалъ хозяинъ,—не слушай бабы.
- У васъ все бабы виноваты. Сами что ни сдѣлають, а бабы виноваты,—вмѣшалась хозяйка.
- Ну,—мыкнулъ хозяинъ и опять ушолъ изъ избы.

III.

На террасѣ двухъ-этажнаго каменнаго дома, выходящей въ садъ, стоялъ красивый рослый лакей, лѣтъ двадцати, въ синемъ сюртукѣ, и, перевѣсившись за чугунныя перила, поплеывалъ на снѣгъ. Изъ того же дома потихоньку выскользнулъ другой лакей, маленькій, худенькій и рыжій; подкравшись къ товарищу, онъ схватилъ съ него шапку и бросилъ въ снѣгъ. Первый очнулся, оставилъ свое занятіе и побѣжалъ въ садъ ловить убѣ-

жавшаго отъ него товарища. Долго они бѣгали по саду другъ за другомъ, — наконецъ, утомившись, вернулись на террасу и, отпыхиваясь, глядѣли съ улыбкою другъ на друга.

— Ты, что, Пухтя, алырничаетъ? — сказалъ рыжій.

— А тебѣ что за дѣло? — отвѣтилъ красивый.

— Не хочешь ли за рѣку къ Садомскому въ гости.

— Не знаемъ, кому сперва придется.

Въ это время снова отворились двери дома и на террасу вышелъ Никита Федоровичъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? — спросилъ онъ, съ важностію, ласкеевъ, спявшихъ передъ нимъ шапки.

— Да такъ-съ, Никита Федоровичъ, провѣтриться вышли-съ, — отвѣчали въ голосъ оба.

— Провѣтриться, — а въ домѣ, поди, ничего не прибрано. Рады, что проводили барина.

— У меня все въ готовности, хоть бы сейчасъ ему прійхать, — отвѣтилъ рослый лакей.

— Не мы одни гуляемъ: вонъ и Стешка сейчасъ пробѣжала на скотный дворъ, — отвѣтилъ Ясняга.

— Баклуши-то вы здѣсь не бейте, а ступайте на дѣло, — сказалъ Никита Федоровичъ и плавно пошелъ съ террасы къ скотному двору.

— Проваливай, проваливай дальше, — сказалъ Ясняга, когда Никита Федоровичъ ушелъ такъ далеко, что не могъ слышать.

— Ты плутъ, Ясняга, — сказалъ съ лукавой улыбкой Пухтя.

— Эка штука, барскій камердинеръ! Смотри пожалуй, словно графъ выступаетъ, — сказалъ Ясняга.

— Что ни говори, а онъ все-таки камердинеръ.

— Эко диво, камердинеръ! Я самъ буду камердинеромъ.

— Быть бы тебѣ камердинеромъ, да рожей не вышелъ.

— Не гляди на рожу, а...

Въ это время послышался страшный, удушливый кашель.

— Вотъ и барыня-то его идетъ, надобно ихъ сравить, — сказалъ Ясняга.

— Полпо тебѣ, — возразилъ Пултя.

Изъ за угла вышла женщина въ заячьей шубкѣ, обязанная платкомъ. Она была худа и блѣдна, едва двигалась и постоянно кашляла.

— Здравствуйте, Падагея Павловна, — сказалъ Ясняга кланяясь, вы не Никиту ли Федоровича ищете? Онъ пошелъ на скотный

дворъ дѣвокъ разгонять: Стешка туда ихъ собрала пѣсни пѣть.

— Полно змѣй!—сказалъ тихо Пухтя, дернувши за руку Ясныагу.

Женщина молча прошла мимо терассы и повернула къ ближайшему деревянному домику.

— Къ Настасьѣ пошла,—сказалъ Ясныага.

— Охота тебѣ ее тревожить! она и то еле дышетъ,—говорилъ Пухтя.

— Живуча, небось. Раза по три въ день ее Никита колотить, только звонъ идетъ, а она все живетъ.

— Да тебѣ-то что за радость, коли она умретъ?

— Свадебъ больше будетъ: Никита на Стешкѣ бы женился, а ты на Анюткѣ.

— На какой Анюткѣ? тревожно спросилъ Пухтя.

— Чего ты всполошился? Вишь замигаль, какъ словно сорина въ глазъ попала. На Луневой. Что, отпираться станешь?

— Чего ты не выдумашь!

— Дѣвка важная. Счастье ея только, что баринъ не видалъ. Лунь плуты! прячетъ все ее.

Пухтя задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что тебя словно лихорадка затрясла? спросилъ съ лукавой улыбкой Ясныага.

— Озябнулъ, сколько времени стоимъ, хоть съ кровель и каплетъ, а все же не лѣто,—отвѣтилъ Пухтя.

— Сходи за рѣку къ Садамскому: отогрѣеть.

Прошла мимо ихъ женщина въ черномъ салопѣ и въ черномъ капорѣ.

Лакеи выпрямились и почтительно поклонились. Она взглянула на нихъ и кивнула головой.

— Смотри, какъ Настасья-то умильно на тебя взглянула,—сказалъ Ясныага, когда скрылась Настасья,—чего зѣваешь?

— А ну тебя!—махнувъ рукою, сказалъ Пухтя и ушелъ вѣдомъ. Ясныага сошелъ съ терассы и пошелъ скорыми ногами за Настасьей. Догнавъ ее, онъ пошелъ тише позади ея.

— Ты куда идешь? спросила, оглянувшись, Настасья.

— Да такъ-съ, никуда, отвѣтилъ, снявши шапку, Ясныага.

— Промышляешь гдѣ выпить?

— Эхъ сударыня, Настасья Федоровна! Было бы на что еще, да и за деньги нынче не достать винца.

— Разсказывай! Кто другой, а ты найдешь.

— Да гдѣ же найти? Сами знаете, сударыня. Никита Федоро-

вичь, Господь съ вами, сталъ не на что похожъ; ужъ такой суровой, что всѣмъ только и знаетъ — грозить.

Настасья остановилась у своего дома.

— Хочетъ тебѣ вынить?—спросила она Яснюгу.

— Желательно, сударыня, Настасья Федоровна. Цѣлый мѣсяцъ языка не помазалаъ.

— Онъ и безъ того у тебя ловко вертится. Поди же мнѣ, я, такъ и быть, промочу тебѣ горло, сказала Настасья, входя въ дверь.

— По гробъ мой буду служить вѣрой и правдой вашей милости,—говорилъ Яснюга, пробираясь позади Настасьи, какъ кошка.

— Услуга братъ на дѣлѣ, а не на словахъ,—замѣтила Настасья, входя въ комнату.

— На!—сказала Настасья,—ни одной дѣвочки нѣтъ дома, по кому и салоноу принять.

Яснюга ловко принялъ салоноу и повѣсилъ его на гвоздь.

— Да ихъ никакъ Никита Федоровичъ собралъ на оютномъ дворѣ за чѣмъ-то. Стешка бѣжала туда, я видѣла, а за ней сядомъ и Никита Федоровичъ пошолъ,—сказалъ Яснюга.

Легкая улыбка досады мелькнула на губахъ Настасьи.

— Дѣлать нечего, общала, такъ сама ужъ поднесу,—сказала она и вышла въ другую комнату. Она скоро вернулась съ передочнымъ стаканомъ водки. — Закусить нечего дать, дѣвочекъ нѣтъ дома.

— Ничего-съ, я и языкомъ закушу.

— Не мѣшало-бы его убавить, онъ у тебя длиненъ. Только всего не съшь, можетъ пригодиться.

— Кому нуженъ мой языкъ, сударыня?

— Не людямъ, такъ себѣ.

— Для меня онъ злѣйшій врагъ.

— Ну, нѣтъ. На свою голову ты что-то мало болтаешь.

— На все, пожалуй, наговоришь. Вотъ хоть-бы и вчера, проводивши барина...

— Что вчера?

— Не могу оказывать-съ. Зарокъ далъ. Больно ужъ неприличныя рѣчи.

— Вѣрно другой стаканчикъ захотѣлъ выпить, что-то очень ужъ скромничаешь... Скажешь, такъ поднесу.

— Идти-съ, не отъ того, а что единственно собачій лай лаемъ а брешетъ; повсегда доже собака лаетъ по дѣду.

- Говори, какъ надо: я въ загадки не люблю играть.
- Извольте видѣть, не приличное слово для вашей милости сказано было, такъ оно и не ловко какъ-то-съ...
- Что? перебила Настасья и глаза ея загорѣлись.
- Дѣло-то пустое, да не слѣдовало бы говорить тому, кто снисканъ вашими милостями: хоть бы тотъ же Никита Ѳедоровичъ. Проводивши барина, идемъ мы съ нимъ, я и Пухтя. Пухтя-то и говоритъ: «проводили одного чорта, съ позволенія сказать, со двора, да кабы и другого спровадить, хоть бы вздохнули свободно.» А Никита-то Ѳедоровичъ и говоритъ, этакъ сквозь зубы: «не долго и ей поцарствовать; какъ блинъ со сковороды слѣзетъ скоро, я знаю...» да и спохватился. «Смотрите вы, сказалъ онъ, оборотись къ намъ, держите языкъ-то покороче, а не-то угодите къ Садомскому.»

Настасья поблѣднѣла, глаза ея загорѣлись, какъ свѣчи.

- Что онъ знаетъ?—спросила она.
- Богъ его знаетъ, что онъ знаетъ такое.
- Врешь, ты знаешь?
- Матушка, государыня, Настасья Ѳедоровна! Убей меня Богъ, если знаю!

Послышались чьи-то тяжелые шаги на лѣстницѣ. Ясняга прижался къ самому косяку двери и скорчилъ подобострастную рожу. Настасья начала прохаживаться по комнатѣ.

Потихоньку отворились двери, вошелъ мужикъ въ синей сибиркѣ, на черной мерлушкѣ. Перекрестившись на образъ, онъ низко поклонился Настасьѣ, проговоривъ на распѣвъ: — здравствуйте, сударыня, Настасья Ѳедоровна!

Пока входилъ мужикъ, Ясняга такъ ловко выскользнулъ въ двери, что тотъ и не замѣтилъ, кто былъ у Настасьи.

— Здравствуйте, Павелъ Ивановичъ! прошу покорно садиться, — сказала Настасья.

— Покорнѣйше благодаримъ! Все сидѣли.

— Да садитесь, пожалуйста!

Гость сѣлъ, расправляя правою рукою свои большіе русые усы и окладистую бороду. Это былъ вотчинный голова имѣнія. Онъ былъ высокаго роста, толстый и красивый собой.

— Чѣмъ бы васъ поподчивать? — сказала Настасья и пошла въ другую комнату.

— Напрасно извольте беспокоиться, — сказалъ вслѣдъ ей голова.

Когда ушла Настасья, голова всталъ со стула, заглянулъ въ

другую комнату, потомъ подошелъ къ зеркалу, посмотрѣлся, погладилъ бороду и сѣлъ на прежнее мѣсто.

Вошла Настасья съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ были поставлены бутылка винограднаго вина и двѣ рюмки.

— Да, что это вы, Настасья Федоровна, сударыня, такъ беспокоитесь сами-то? сказалъ голова, разводя руками.

— Что прикажете дѣлать? всѣ дѣвки разбѣжались, осталась одна.

— Ишь озорницы какія. Вы ужь больно милостивы къ нимъ.

— Что же дѣлать-то? Вѣдь имъ погулять хочется.

— Извѣстное дѣло, молодость.

— А ну ихъ, — сказала Настасья и стала наливать вино. — Прошу покорно.

— Нѣтъ, ужь сами изволите впередъ дорожку указать, — жеманно говорилъ голова.

Настасья выпила рюмку, за нею выпилъ голова и утеръ рукою усы свои.

— Что хорошепьяго скажете, Павелъ Ивановичъ? — спрашивала Настасья, усаживаясь на диванъ.

— Чему быть хорошему? Все хлопоты.

— Кому жить безъ хлопотъ, — замѣтила Настасья.

— Особенно потѣперече, продолжалъ голова: все, что дѣлалъ кажинный крестьянинъ годъ годепскій, все, что есть у кажиннаго имущества до нитки, — обо всемъ нужно предоставить его сїятельству.

— А что, свадьбы много еще будетъ? — перебила вдругъ Настасья.

— Да надо быть десяткамъ двумъ.

— Не найдется ли у васъ хорошаго жениха Стешкѣ? Дѣвка на порѣ, смазливая; того и гляди во дворѣ избалуется.

Голова задумался.

— Что же? Неужели и жениховъ у васъ не стало? — спросила Настасья.

— Какъ не быть? Да только не сталъ бы перечить одинъ челоуѣкъ.

— Кто смѣетъ перечить вамъ? Вы хозяинъ въ вотчинѣ.

— Плохой ужь, видно, хозяинъ, какъ всякъ указываетъ, кому и дѣла нѣтъ. Вотъ, хоть бы и Никита Федоровичъ, приходилъ ономнися ко мнѣ просить пятьдесятъ рублей въ займы. Гдѣ мнѣ взять столько денегъ? Отказалъ, а онъ началъ грозить. А и

теперь, ежели, примѣрно, еще Стешку отдать замужъ, такъ это что такое будетъ?

— Ну этого вамъ бояться нечего, онъ ничего не посмѣетъ противъ васъ.

Голова задумался.

— А я и жениха знаю Степашкѣ, сказала, немного помолчать, Настасья.

— Какого же это, сударыня?

— Да Алешку Скрибина.

— Помилосердуйте, матушка, Настасья Федоровна! Алешка парень смиренный и вся семья степенная такая, а Стешка бѣдовая дѣвка: она сокрушитъ парня и всю семью.

— Чѣмъ же сокрушитъ? Стешка дѣвка проворная; посмотрите, какъ еще они хорошо заживутъ.

— Алешка, признатся сказать, уже и засваталъ у Омели,—замѣтилъ голова.

— Это не бѣда. Зачѣмъ безъ спроса сватать. Онъ вѣдъ вамъ, кажется, сродни?

— Есть немного-съ.

— Я благословленною матерью пойду.

— Нельзя ли ужъ покрайности,—заговорилъ вдругъ голова, вставая почтительно передъ Настасьей,—хоть отложить, пока я съѣзжу въ Питеръ. Въ Питеръ я ѣду съ... Не угодно ли вамъ наказать, тамъ купить, что-ли, чего для васъ.

— Деньгами-то я какъ-то поиздержалась,—отвѣчала съ раздумьемъ Настасья. — Развѣ не одолжите ли хоть вы сотенку мнѣ, —премного бы очень одолжили.

Отъ этихъ словъ у головы все лицо повело.

— Для васъ, извѣстно, хоть нѣтъ, да найдешь; только то, что теперь въ наличности-то совершенно не имѣю: за недоимщикомъ то же свои деньги внесъ, на свадьбу тамъ роденькину возмѣянился... Не будетъ ли милость теперь половинку получить, а остальные послѣ.

— Послѣ-то у меня и свои будутъ!—перебила его съ усмѣшкой Настасья;—когда нѣтъ у васъ, такъ извините, что бездоконала.

Голова вздохнулъ.

— Только вотъ одна новенькая бумажка и осталась; для себя было берегъ,—проговорила она, вытаскивая изъ-за пазухи бумажникъ и подавая Настасьѣ сто рублевую ассигнацію.

— Благодарю, — отвѣчала та жеманно, да ужь и шампанскаго, пожалуйста, привезите ящикъ; оно у насъ все вышло? — прибавила она такъ будтобы къ слову.

Голова на это ничего ужь и не отвѣчалъ.

— Какъ же-съ на счетъ Алешки-то прикажите? — спросилъ онъ.

— Да если онъ сосваталъ, такъ и въ самомъ дѣлѣ, что ему мѣшать. Стешкѣ и другаго можно найти жениха.

— Покорѣйше благодаримъ за угощеніе, — сказалъ голова, раскланиваясь.

— Не хотите ли вы еще на дорожку?

— Покорѣйше благодарю, — отвѣчалъ онъ замѣтно ужь печальнымъ голосомъ, и, поклонившись, ушелъ.

— Жидоморъ проклятый! — сказала ему въ слѣдъ Настасья, — грабить вотчину, а ста цѣлковыхъ жалко! Благодарн Бога, что ты еще мнѣ нуженъ на случай; а то бы и двухъ сотъ не взяла, а Стешку всунула бы тебѣ въ родню.

—

Между тѣмъ голова шолъ домой медленнымъ шагомъ и плевался. «Тѣфу ты пропасть какая! Эка пропасть какая!» — повторялъ онъ тысячекратно. Къ нему подвернулся Ясняга.

— Здравствуйте, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ тотъ, съ видимо-почтительнымъ тономъ.

— Здравствуй! — сказалъ голова, слегка приподнявъ фуражку.

— Гдѣ побывать изволили? У Настасьи Федоровны, кажется.

— Да, было до нея дѣльцо.

— Небось невѣсть ходили сватать; у нея дѣвушки славныя.

— Ну ихъ къ Богу, надоѣли мнѣ эти свадьбы!

— Что же такъ-съ?..

— А то, что Стешку какую нибудь въ родню навязываютъ, — сказалъ съ досадою голова

— Да за кого же это ее хотятъ выдать?

— За Алешку Скрябина.

— Какая она ему пара! Да и то сказать, выдать Стешку замужь, надо обидѣть одного человѣка.

— Поди ты, охота людямъ досаждать.

— Такъ и дѣло поладили?

— Нѣтъ, насилу уговорилъ, чтобъ оставили.

— Добрѣйшій вы человѣкъ, Павелъ Ивановичъ! Помилуй васъ Господь, — сказалъ Ясняга, поклонился и пошелъ къ барскому дому.

Голова прибавилъ шагъ. «Иди скорѣе домой, — а то отъ этихъ собакъ проходу нѣтъ», ворчалъ онъ самъ съ собою.

Ясняяга пришолъ въ офиціантскую, тамъ были: буфетчикъ — Ѳеодоръ Максимычъ, скрипачъ — Гаврило Прокофѣвичъ и Пухтя.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, поклонившись съ комической важностью. — Что Ѳеодоръ Максимычъ, стишки, что-ли, читать изволите?

— Какіе стишки? — спросилъ буфетчикъ, смутившись.

— Да хоть бы тѣ, что ты къ милой сочинилъ.

Лакеи засмѣялись.

— Выдумывай больше, — сказалъ покрасѣвпій буфетчикъ.

— Нѣтъ, братъ, мнѣ такъ не выдумать, какъ ты. Полю, потѣшь публику-то, прочитай.

— Отстань, пожалуйста, — сказалъ съ сердцемъ буфетчикъ, — я никакихъ стиховъ не знаю.

— Запирается еще. Ты думаешь, не видали, какъ ты въ гостиной утромъ сегодня стоялъ передъ патретомъ, приложивши руку къ сердцу; а другую протянулъ, гдѣ предметъ-то живетъ, точно на театрѣ; и читаетъ... и читаетъ.

— Тѣфу ты, рыжій чортъ, — сказалъ съ сердцемъ буфетчикъ.

— Вы думаете, онъ разсердился, — сказалъ Ясняяга, обратившись къ товарищамъ. — Притворяется только сердитымъ; у него сердце жалостливое, по издохшей собакѣ, пожалуй, заплачетъ.

— А вотъ хоть бы ты сейчасъ издохъ, не заплачу, — сказалъ буфетчикъ.

Лакеи засмѣялись.

— Больно оскорбительно выражаетесь, Ѳеодоръ Максимычъ, неприлично. Лучше стихи-то ваши прочитайте. Пухтя затвердятъ ихъ на память, да подъ часъ и скажетъ своей Аннушкѣ, можетъ, и смягчитъ ими жестокою, — сказалъ съ ироніей Ясняяга.

— Что ты меня то трогаешь, что тебѣ отъ меня-то еще надо? — проговорилъ Пухтя и сдѣлалъ грозное движеніе къ Ясняягѣ.

Тотъ бросился къ двери; но она въ ту минуту отворилась и Ясняяга ударился о нее затылкомъ.

— Дверь-то безсловесная и та тебя бьетъ, — сказалъ съ злостью буфетчикъ.

Въ комнату вошелъ камердинеръ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? — спросилъ онъ сердито.

Лакеи оробѣли.

— На свадьбу собираемся, Никита Федорович! — отвѣчалъ одинъ только Ясняга.

— На какую свадьбу?

— Да вотъ Федоръ Максимычъ стишки приготовляетъ и—прежалостные-жалостные; Гаврило Прокофьичъ скрипочку свою ладить, а Пухтя поплясать изготавился; а вы какъ на грѣхъ и помѣшали.

Камердинеръ разсмѣялся.

— Ты все ласничаешь, да зубы скалишь,—сказалъ онъ Яснягѣ.

— Не до смѣху, батюшка, Никита Федоровичъ. Какъ бы вы знали горе-то какое!

— Какое-же у тебя горе?—спросилъ съ милостивой улыбкой камердинеръ.

— Стешку замужъ отдають,—сказалъ съ отчаяніемъ Ясняга. Лакеи едва удержались отъ смѣха.

Камердинеръ нахмурился.

— Сваты ужъ сегодня здѣсь были,—продолжалъ Ясняга.

— Какіе сваты?

— Извѣстные, давшіе! Голова, да Настасья Федоровна.

— Гмъ,—мыкнулъ камердинеръ, стиснувши зубы.

— Да, кажись, и Палагея Павловна съ ними вмѣстѣ, вотъ и Пухтя видѣлъ, какъ она шла утромъ сегодня къ Настасьѣ Федоровнѣ.

Камердинеръ быстро повернулся и ушолъ.

Ясняга злобно улыбнулся.

— Охота, вѣдь, мутить людей,—замѣтилъ кроткій Пухтя.

— Чего ихъ жалѣть-то: пускай потѣшатся, возразилъ Ясняга.

— Ахъ ты злоба-злоба человекъ,—проговорилъ скрипачъ-Гаврило;—попадешь когданибудь и самъ къ Садомскому.

— Что мнѣ Садомскій-то. Вамъ онъ страшень, а я, братъ, зналъ его еще матросишкомъ... можетъ, и помиуетъ по старому знакомству, — сказалъ дерзко Ясняга и ушолъ.

— Что бы головы тебѣ не сносить проклятому! произнесъ ему на прощанье Пухтя.

— Всѣ тутъ на одинъ ладъ, всѣ другъ противъ друга ехидствуютъ; и не жить-бы, кажись, лучше промежъ экаго народу,—объяснилъ буфетчикъ Федоръ.

IV.

Къ Настасьѣ вошолъ Ясняга.

— Что тебѣ нужно?—спросила она.

— Помилуйте, Настасья Федоровна! У насъ драка несосѣ-
тимая,—сказалъ онъ, притворяясь какъ бы испуганнымъ.

— Что такое случилось?—спросила Настасья. Она приложила
палецъ къ губамъ и указала на другую комнату рукою.

— Никита Федоровичъ бьетъ жену не на животъ, а на смерть,—
сказалъ тихо Ясняга; я шолъ мимо, такъ на улицѣ даже слыш-
но, какъ онъ ее учитъ.

— Дѣвки! — сказала Настасья, отворивши дверь въ другую
комнату,—бѣгите къ Синицѣ и скажите, чтобы онъ взялъ людей
и разнять Никиту съ женой.

Дѣвки всѣ побѣжали, обрадовавшись случаю побѣгать.

— Да изъ за чего у нихъ драка?

— Кто ихъ знаетъ, сударыня; каждый Божій день раза по
три бьвааетъ.

— Надобно будетъ объ этомъ барину сказать.

— Что сказывать-то-съ? Господинъ очень ужъ милостивъ къ
нему за его службу.

— Да вѣдь и вы всѣ служите также.

— Служимъ-то служимъ: можетъ, и больше еще его дѣлаемъ;
а все ужъ такъ намъ не угодитъ, какъ онъ.

— Чѣмъ же онъ особенно угождаетъ?—спросила съ любопыт-
ствомъ Настасья.

— Мало-ли-съ, рассказывать только неловко разныя ихъ раз-
ности.

— Замололъ... говори, какъ слѣдуетъ, почеловѣчески.

— Да все насчетъ швейцарскаго домика-съ.

— Что, что такое?—сердито сказала Настасья.

— Никита Федоровичъ главный тутъ распорядитель и постав-
щикъ есть. Кажинную ночь предоставлялъ туда разнаго товару.

— А, такъ вотъ что! вотъ это кто!—сказала со злостью На-
стасья.

— Не даромъ онъ такъ и похваляется.

— Чѣмъ-же онъ похваляется?

Послышались шаги на крыльцѣ. Ясняга опять прижался къ
косяку..

Вошелъ Синица.

— Ну, что? спросила Настасья.

— Крѣпко избилъ-съ, еле дышетъ, отвѣтилъ Синица.

— Снажи ему, чтобы онъ сейчасъ отпразднѣ ее въ лазаретъ.

А ты, Ясняга, смотри завтра къ вечеру будь здѣсь, да трезвый. Снина и Ясняга ушли.

Послѣдній, идя по двору, встрѣтилъ Степаниду.

— Здравствуй, Стешинька желанная!—сказалъ онъ и развелъ свои руки, чтобы загородить ей дорогу.

— Убирайся, рыжій чортъ,—сказала Степанида и повернула въ сторону.

— Да постой, постой! Я тебѣ что-то скажу.

— Ну что? спросила, остановясь, Степанида.

— Съ женихомъ поздравляю!

— Полно лясничать-то. Я думала, онъ что вибудь въ самомъ дѣлѣ скажетъ. Она хотѣла идти.

— Да, постой, я не шутя говорю.

Степанида остановилась.

— Развѣ ты ничего не знаешь?—спросилъ Ясняга.

— Что знать-то,—возразила Степанида.

— Вчера голова приходилъ—тебя сватать.

— За кого?

— За своего родича, за Алешку Скрыбина.

— Ахъ онъ лѣшій лѣшенскій! что вздумалъ! Пойду я за экаго урода безъязыкаго. Лучше ужь за тебя пойду, если стануть неволить.

— И на томъ спасибо. Да есть получше насъ женихи. Вотъ хоть бы Пухтя? Молодецъ хоть куда!

— Былъ бы молодець, какъ бы не ходилъ носъ повѣся, а то словно омегу наѣвшисъ ходить.

— Горе у него есть. Хоть ты бы пожалѣла его.

— Сердца не станетъ всѣхъ васъ жалѣть.

— Врѣзался въ такую красавицу, что во всей вотчинѣ, говорить, первая.

— Кто жь это такая?—съ любопытствомъ спросила Степанида.

— Анютка Лунина съ Нѣкшина. Знаешь?

— Какъ не знать. Невидальщина какая! Ничего въ ней хорошаго нѣтъ.

— Его ужь дѣло... Ты попроси когда эдакъ подь веселый часъ Настасью Федоровну, чтобы она его женила на Анютѣ.

— Эво что выдумалъ! Да Настасья Федоровна и не знаетъ ее.

— Такъ укажи ей, когда она въ церковь придетъ.

— Да Анютка никогда сюда и не ходитъ, отецъ не пускаетъ.

— Плутъ Лушь!—сказалъ лукаво Ясняга.

- Чего ты его ругаешь; онъ мужикъ хорошій.
 — Никто его и не ругаетъ. А ты куда? Небось на скотный дворъ?
 — Да хоть бы и туда,—сказала Степанида и, повернувши, побѣжала.

— Ты гдѣ бѣгаешь?—спросила ее Настасья, когда она вернулась домой.

- Ходила за сливками вашей милости къ кофею.
 — Готовъ кофеи?
 — Готовъ-съ.
 — Подавай.

Подали кофе. Настасья усѣлась пить. Степанида стояла у двери. Губы у ней такъ и шевелились, ей хотѣлось сказать что-то; но она не смѣла начинать говорить, пока ее не спросятъ.

— Ты что-то сказать хочешь?—спросила, взглянувъ на нее, Настасья.

- Никакъ нѣтъ-съ.
 — Говори, вижу ужь я...
 — Я шла на скотный дворъ, такъ встрѣтила...
 — Никиту Федоровича, что ли?
 — Никакъ нѣтъ-съ,—покраснѣвши, отвѣчала Степанида.
 — Кого же это?
 — Яснягу.
 — Онъ вездѣ поспѣветъ.
 — Онъ мнѣ сказывалъ-съ отчего Пухтя скученъ.
 — Вотъ что! Я думала, что она дѣло что слышала! Не музыкантовъ-ли ужь заставить играть, чтобы его веселили.

Степанида замаялась.

- Ему жениться хочется,—проговорила она.
 — Не на тебѣ ли ужь, сказала Настасья и засмѣялась.
 — Нѣтъ-съ, отвѣтила жеманно Степанида и, потупивъ взоры, стала ошипывать кончики платка.

- На комъ же?
 — На Анюткѣ Луневой...
 — Какая это Анютка Лунева? Я ее не знаю.
 — Съ Нѣкшина.
 — Красива?
 — Ничего хорошаго нѣтъ,—поджарая такая.
 — Вотъ что, сказала Настасья, сжавши губы.

Степанида молча стояла у двери.

— Ступай за работу, сказала Настасья.

Степанида ушла.

— Анютка Лунева?.. нѣкшинская... думала, оставшись одна, Настасья. — Надо посмотрѣть, что за Анютка. Вотъ оно что!.. По Анюткѣ скучаетъ... жениться задумалъ. Я его женю!—злобо прошипѣла Настасья и принялась за кофе.

VI.

Настала Святая недѣля. Былъ въ исходѣ апрѣль мѣсяцъ; солнышко грѣло, снѣгу совсѣмъ не видно было, молодая травка зеленѣла и жаворонки звонко пѣли въ полѣ. Посреди деревни Нѣкшина дѣвушки качались на качели и дружно пѣли хорошия пѣсни, не щадя своего горла. У качели стояли молодые парни и подпѣвали дѣвушкамъ. Немного поодаль отъ нихъ, на самомъ солнцекѣ собрались въ кучу мужики и разсуждали между собою.

По дорогѣ къ Нѣкшину шли Ясняга съ Пухтой, торопясь и размахивая руками. Подойдя къ мужикамъ, они поздоровались и похристосовались со всѣми, по обычаю. Тѣ обступили ихъ кругомъ; парни придвинулись къ кружку, и на качели дѣвушки замолкли, съ любопытствомъ посматривая на пришедшихъ. Мужики посматривали на лакеевъ, а лакеи на нихъ, не рѣшаясь первые заговорить. Наконецъ старикъ Трофимъ первый прервалъ молчаніе.

— Что у васъ хорошаго?—спросилъ онъ.

— Да все слава Богу; проводили барина — такъ вотъ выпросили погулять,—отвѣтилъ Ясняга.

— Проводили... А куда его милость изволили уѣхать,—спросило нѣсколько голосовъ вдругъ.

— Въ Малороссію,—отвѣчалъ Ясняга.

— Въ Малороссію?... Куда же это? снова опросили въ одинъ голосъ мужики.

— Вотъ оно что. А на долго ли?—спросилъ Трофимъ.

— Да какъ сказать?.. примѣрно этакъ съ мѣсяцъ пробудуть въ отлучкѣ,—глубокомысленно отвѣтилъ Ясняга.

— Слава тебѣ Господи!.. сказалъ, крестясь, Иванъ.

— Что ты—шепнулъ Лунь, стоявшій во все время молча возле него, и толкнулъ его въ бокъ.

Иванъ нахлобучилъ шапку и попятился назадъ.

— Такъ на мѣсяцъ?.. говорилъ въ раздумьи Трофимъ.

— Оно не то, чтобы совершенно такъ было; вѣдь, Богъ ихъ знаетъ! Сами ничего не говорятъ; а примѣрно по приготовленію судишь, прикажутъ уложить въ дорожную карету этакъ платья, бѣлья и всего прочаго — такъ и видно на сколько времени готовится—отвѣтилъ Ясняга.

Трофимъ съ сомнѣніемъ смотрѣлъ на Яснягу во все время его рѣчи. Въ глазахъ старика видно было, что ему хотѣлось сказать Яснягѣ: «что-то ты болѣе не складно говоришь.» Но онъ промолчалъ.

— Такъ можетъ и скоро вернутся?—спросилъ другой мужикъ, Яковъ.

— Воля ихъ, господская; не захотятъ ѣхать,—такъ и съ дороги вернутся, отвѣтилъ Ясняга.

— Вотъ что, почесываясь, отвѣтили мужики, съ несовсѣмъ довольнымъ видомъ.

Ясняга и Пухтя перешли къ качели.

— Христось Воскресел! красныя дѣвицы!—сказали они въ одинъ голосъ.

Дѣвушки засмѣялись въ отвѣтъ.

— Да что вы? похристосуемтесь,—сказалъ Ясняга и, схвативши обѣими руками за веревки, остановилъ качель. Дѣвушки закричали, соскочили съ качели и разбѣжались во всѣ стороны. Парни злобно и косо посмотрѣли на лакеевъ.

— Видишь, какія спесивыя!—говорилъ, сладко улыбаясь, Ясняга.

Между тѣмъ дѣвушки собрались вмѣстѣ и, обнявшись, стояли въ кучкѣ.

— Такъ постоитъ, я васъ!—крикнулъ Ясняга и побѣжалъ къ дѣвушкамъ. Онъ съ крикомъ разбѣжались.

— Полно тебѣ дурить,—сказалъ Пухтя, и удержалъ товарища за полу.

— Пошутить, что ли, нельзя? Ты думалъ, я и въ самомъ дѣлѣ побѣгу за ними? — отвѣтилъ Ясняга. — Да полно вамъ, чего вы боитесь? Васъ не тронуть,—говорилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкамъ.

Тѣ смѣялись и переминались на одномъ мѣстѣ. Наконецъ Анна Лунева пошла гордо и смѣло къ качели; а за нею и всѣ.

Ясняга толкнулъ локтемъ Пухтю и, подмигнувъ ему на Анну.

— Чего же ты зѣваешь,—шепнулъ онъ на ухо товарищу.

Дѣвушки усѣлись на качель. Вотъ одна изъ нихъ затянула пѣсню; прочіа хоромъ подхватили послѣднія слово ея—и веселье

пошел попрежнему. Яснѣе подлѣвалъ съ разными ужинками, отъ чего пѣсни прерывались звонкимъ смѣхомъ дѣвушекъ. Пухтя стоялъ, прислонившись къ столбу качели, и не сводилъ глазъ съ Анны Луновой.

Мужики между тѣмъ снова разсѣлись по прилавкамъ около избъ.

— Ничего нѣтъ и не будетъ хорошаго, — говорилъ Лунь, качая головою; — вотъ хоть бы поднялъ пустошь Горюшу. Сколько было работы!.. бились, бились; корчевали пни; однихъ канавъ выкопали на дѣлую версту. А что будетъ?

— Что будетъ?.. замѣтилъ Трофимъ, — года два попомнутъ, а потомъ бросать.

— Известное дѣло. Какъ подняли дернъ - то, такъ земля-то словно съ морозу: бѣлая такая, все подзолъ; что было добраго, то все внизъ плугомъ завалили.

— А вѣдь хорошо плугомъ беретъ; такъ ровно оборачиваетъ дерень.

— Хорошо-то, хорошо, слова нѣтъ; да не на нашу землю. Чуть вѣдь не на четверть проклятый хватаетъ; а корка хорошей земли у насъ не глубока, въ лучшемъ мѣстѣ вершка на три; а на Горюшѣ-то много на полтора.

— Еще хоть бы навозу клали погуще; можетъ что и было бы.

— А гдѣ его взять? Нешто, какъ было бы коровъ по двадцати у каждаго крестьянина на дворѣ. А то у многихъ ли есть столько. Хоть и напираютъ они на то, чтобы скота больше разводили, да гдѣ?

— А зачѣмъ же дворы-то велитъ тѣсныя строить? Вишь выдумалъ, бѣлый да черныи, а не въ одномъ повернуться нельзя. Сдѣлалъ бы одинъ, какъ изстари бывало, дѣло-то было-бы ближе.

— Не говори. Завелъ бы и больше скота, да не сдюжить, корму не напасти; сѣнокосъ тоже время хваткое, а гдѣ тутъ: то канавы ступай рыть, то корни корчевать, то камень собирать и бить. Мало ли у него затѣй-то? Не успѣешь кончить одного, а на другое наряжаютъ; что день, то новый нарядъ.

— Васька нибко теперь плачется, какъ и землю-то пахать, говоритъ, не знаю, вмѣшался въ разговоръ невзрачный и несо-всѣмъ, должно быть, умный мужикъ.

— Что жь такъ? — спросилъ Трофимъ.

— Больно, говоритъ, полоса къ дорогѣ близко, какъ поѣдетъ, первую увидитъ — тутъ же и отплатосуютъ, хоть маленькій ко-

мокъ замѣтить. Третій день, голова, ерзаетъ сохой-то по вагонамъ—не можетъ разбить земли-то: спеклась ужь очень.

— Удивительные порядки! — проговорилъ со вздохомъ Лунь.

— А Федора Рогатенскаго на село перевозятъ, — доложилъ опять тотъ же невзрачный мужикъ.

— Жена, значить, смазливая, да вертлявая; а человекъ-то разорили... проговорилъ сквозь зубы Трофимъ,—выстроить домъ: ни крестьянину, ни барину, — продолжалъ онъ, разводя руками, — да еще и деньги за то возьмутъ: съ Савинскихъ тысячу содрали, а какое угодые! Во дворъ повернуться негдѣ; куриць въ заперти держи, а метлы цѣлый день изъ рукъ не выпускай; пронесъ сѣна скотинѣ—и подметай, чтобы сѣнинки не было во дворѣ; вышли играть на дворъ ребятишки — а ты и стой тутъ да смотри, чтобы земли не расковыряли, да камешка не вынули бы изъ мостовой; хоть на работу не ходи, сиди дома, да смотри за чистотой; а коли есть дочка, да на бѣду еще смазливая—такъ и ходи за ней съ дозоромъ,—и то не укараулишь никакъ, непременно сбалуется.

— Плохое житье!—сказалъ, глубоко вздохнувши, Лунь.

— И чего онъ не выдумаетъ! Умиѣ всѣхъ быть хочетъ. Видишь, онъ впередъ знаетъ, когда Богъ дастъ ведро, никогда непогоду, — язвительно замѣтилъ Трофимъ.

— Ну не все онъ самъ выдумываетъ, есть кому. Мало ли разнаго народу есть у него. Надобно же чѣмъ нибудь выслужиться—то передъ нимъ. Мы-дескать такъ умны, что и всякому укажемъ.

— Не говори!—замѣтилъ Трофимъ.

— У нѣмца въ Гарасимовѣ, такъ и машина такая на стѣнѣ виситъ, которая указываетъ ему, какая будетъ погода, да все неладно, все что-то вретъ! Не забыть, какъ прошедшаго лѣта насъ выгнали на покосъ барскій. Только разошлись было мы по мѣстамъ—бѣжить Синица и кричить во все горло. «Не косите!» А самъ руками такъ и машетъ. «Что»? спрашиваетъ его голова, — самъ тогда былъ на лугахъ.—«Не приказано косить,» говоритъ Синица.—«Почему?»—«Дождь будетъ.»—«Кто это тебѣ сказалъ?» Синица назвалъ по прозвищу нѣмца. «Вретъ онъ, нехристь немтый,» сказалъ голова и посмотрѣлъ на небо. Онъ, дѣйствительно, позаволокло такъ немного съ востока,—да совсѣмъ не къ дождю. «Что же, Павелъ Ивановичъ?» спрашиваемъ голову. «Не приказано, такъ идите домой; когда прикажутъ, соберетесь снова» ска-

залъ голова и распустилъ насъ. Вотъ прошолъ день безъ дожда, другой, третій, — все погода стоитъ ясная. На четвертый день снова собрали насъ на луга, говорятъ, нѣмецъ обѣщаетъ ведро на двѣ недѣли. Вотъ и подвалили почти всѣ луга, долго-ли? Народу было со всей вотчины. Ночью какъ ударить дождь, да недѣли двѣ шолъ въ перемежку. Побились мы съ покосомъ тогда.

— Что-же было нѣмцу?

— Нѣмцу что сдѣлается? Изъ воды сухъ выйдетъ. Машина, говоритъ, соврала, а съ машины что возьмешь, не нашъ братъ мужикъ, у ней нѣтъ спины...

— Я думаю пора и ужинать, — сказалъ Трофимъ, вставая со скамьи. Видишь ужъ и солнышко за лѣсъ садится.

— Надо быть такъ, — сказалъ Лушь, вставши. — Прости, — сказалъ Трофиму и ушолъ домой.

Поплелся и Трофимъ къ дому. Подойдя къ качели, онъ оставился.

— Ночевать идите, — сказалъ онъ лакеямъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, — отвѣтили они, — намъ домой велѣно ночевать приходить.

— Ну, такъ ужинать ступайте.

— Благодаримъ покорно, не хочется, — отвѣтили лакеи.

— Чего-же отъ хлѣба-соли отказываться? — замѣтилъ Трофимъ, постоялъ немного, подождаль и пошолъ домой одинъ. Лакеи остались у качели.

— Анютка! — кликнула Авдотья Луниха свою дочку, высунувшись въ окно. — Отецъ велить идти домой.

— Иду, сказала Аннущка, простилась съ подругами и пошла къ дому.

— Прощайте, Анна Петровна! — сказалъ въ слѣдъ ей Ясняга. Аннущка обернулась и поклонилась молча.

Разошлись всѣ. Лакеи пошли домой молча, каждый съ своими завѣтными думами, которыми они не хотѣли дѣлиться другъ съ другомъ.

VII.

На той же самой террасѣ стоялъ Пухтя, но уже не за приятнымъ своимъ занятіемъ, а вытянувшись во весь ростъ и не смѣя моргнуть глазомъ. Комары облѣпили его лицо и безъ жалости сосали кровь, но Пухтя не смѣлъ махнуть рукой: въ саду, въ его глазахъ, прогуливался баринъ, по сторонамъ кото-

раго шли два мальчуга и длинными павлиньими перьями обмахивали комаровъ. Вотъ баринъ повернулъ въ густую аллею и скрылся. Пухтя встряхнулся, смахнулъ рукою съ лица комаровъ и облокотился на перила. Онъ хотѣлъ-было приняться за обычное свое занятіе—поплевывать на землю, какъ вышелъ къ нему Ясныга.

— Гдѣ?—спросилъ онъ Пухтя.

— А вотъ пошелъ въ эту аллею,—отвѣтилъ Пухтя; указавъ рукою въ правую сторону.

Ясныга пошелъ по слѣдамъ барина, стараясь не быть замѣченнымъ.

Баринъ прошолъ длинную аллею, подошелъ къ цвѣтнику, гдѣ подвязывалъ цвѣты старикъ-садовникъ, поглядѣлъ на него и, не сказавши ни слова, пошелъ далѣе.

Когда онъ скрылся, Ясныга подошелъ къ садовнику.

— Богъ на помощь,—сказалъ Ясныга.

— Спасибо,—отвѣтилъ садовникъ, взглянувъ на Ясныгу.

— Не по лѣтамъ тебѣ эта работа, Антипычъ. Я думаю, вечеромъ и спины не расправитъ, какъ день-то цѣлый такъ походишь, наклонившись!

— Что-же станешь дѣлать? доля, видно, наша такая. Да еще лаются, того и глади въ зубы съѣздать... и, недокончивши фразы, старикъ махнулъ рукою.

— Кто-жь это такъ?—спросилъ Ясныга.

— Извѣстно кто: Никитка паршивый!

— Какъ у него рука-то поднялась?

— На доброе-то не поднимется, а на худое...

— Да за что-же это онъ?

— За что почтешь! Пришелъ ко мнѣ вчера, вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ; я подвязываю цвѣты, а онъ, словно съ цѣпи сорвавшись, не сказавши добраго слова, ругаться началъ. «Ты что старый чортъ ничего не смотришь? за тебя только выговоры получай,» говоритъ, а самому режу покосило отъ злости. Мнѣ стало обидно, я ему и говорю: «я въ ваши дѣла не мѣшаюсь Никита Федоровичъ, такъ и вамъ не слѣдъ и въ мои вступаться.» «А какъ ты смѣешь такъ отвѣчать мнѣ? Знаешь ли кто я?» «Какъ не знать! Я еще зналъ васъ, какъ Никиткой звали, какъ вы сопля рванымъ рукавомъ утирали.» Онъ бѣгъ меня по рожѣ.

— Вестія, больше ничего, — произнесъ съ участіемъ Ясныга,

чемъ только вышелъ въ люди-то! Плутуствомъ-то, да мошенничествомъ?

— Известное дѣло, чѣмъ же больше?

— Вонъ птичка-то плыветъ, — продолжалъ старикъ, указывая на плывущаго по рѣкѣ лебедя, — сколько онъ съ нея денежекъ получилъ!

— Да, говорятъ, — произнесъ Ясняга, скромно потупляя глаза.

— Да, какъ-же, братецъ, помилуй! Заставляютъ бабицъ да дѣвушекъ стеречи ихъ по ночамъ; которая угодна, такъ ладно, а нѣтъ — лебедя не досчитаютъ.

— Куда-же лебеди-то дѣваются? — спросилъ Ясняга прежнимъ-же скромнымъ тономъ.

— Куда? Мало-ли ихъ, и счета-то имъ никто не знаетъ; такъ кому тоже охота въ экіе сторожа: ну, откупаются у Никиты Федоровича. Ни стыда, ни совѣсти въ этомъ человѣкѣ нѣтъ. Еще когда мальчишкой-то былъ, такъ небожно Бога-то боялся. Развѣ только что силой, бывало, и загонишь въ церковь, а по своей охотѣ никогда не хаживалъ.

— И теперь-то туда не часто ходитъ.

— Какое ужъ хожденіе! коли бываетъ, такъ за тѣмъ развѣ, что бабъ и дѣвокъ посмазливѣе выглядываетъ.

— Господи, Боже мой! Какое беззаконіе, — сказалъ со вздохомъ Ясняга. — Мало ему, что барскій камердинеръ! Какъ, посмотришь, люди-то забываются въ счастья!

— То-то и бѣда, что камердинеръ, — надъ нимъ, кромѣ барина, нѣтъ никого старшаго, а барину до всего не дойти. Сдѣлай хоть и тебя камердинеромъ, какъ, такой-же, чай, какъ и Никита, будешь.

— Что ты Антипычъ! Али я Бога не боюсь, али у меня совѣсти нѣтъ? Конечно, мнѣ камердинеромъ не бывать, да я и не ищу этого, больно хлопотливо; а если бы и случилось такъ, то я не сталъ бы никогда ни барина обманывать, ни добрыхъ людей обижать. Убей меня Богъ, не сталъ бы! — сказалъ Ясняга.

— Ну, не зарекайся, отвѣтилъ садовникъ.

Черезъ часъ изъ барскаго каменнаго дома вышелъ камердинеръ Никита Федоровичъ, блѣдный какъ полотно, съ вытянутымъ лицомъ; онъ шолъ тихо и шатался, точно пьяный. За нимъ слѣдовалъ съ торжествомъ Ясняга, лукаво и злобно улыбаясь.

— Не печальтесь, Никита Федоровичъ, — говорилъ Ясняга, по ровнявшись съ нимъ, — для васъ это дѣло непривычное, такъ

и страшновато немного; а, право, оно не-то, чтобы смертная бѣда.

Никита, какъ будто не слышалъ оловъ Яснаги; по временамъ только дрожь пробѣгала по его членамъ.

— Эка благодать какая! Какъ тихо-то! Слышите, какъ жаворонки-то заливаются. Словно жалобную какую пѣсню поютъ. Ну ужъ и денёкъ сегодня какое пріятный!—продолжалъ Яснага. Никита сълъ въ ожидавшую его на рѣкѣ лодку.

— Баринъ идетъ,—сказалъ гребшій на лодкѣ матросъ. Никита вздрогнулъ и затрасся всѣмъ тѣломъ; его подъ руки вывели на берегъ.

Все было тихо въ комнатѣ Никиты. Онъ лежалъ на постели и водилъ вокругъ глазами и ничего не могъ ни сообразить, ни понять. Близъ него раздался хриплый, чахоточный кашель. Никита хотѣлъ повернуться въ ту сторону, откуда раздавался кашель; но едва онъ пошевелился, какъ острая, раздражающая боль вызвала изъ груди его дикій стонъ.

— Что живодёръ?.. Каково?.. Услышалъ наконецъ Богъ мои молитвы, сказала хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ Палагея.

— Палаша! это ты?—спросилъ Никита.

— Ага! Вспомнилъ и Палашу! Думалъ, что спихнулъ меня съ рукъ въ лазаретъ, такъ самъ царствовать будешь... Думалъ что я околю здѣсь скоро... Вотъ и самому Богъ привелъ по-бывать... Будешь молоканничать, да развратничать?..

— Только-бы оправиться... не только по средамъ и пятницамъ, по понедѣльникамъ буду строгій постъ держать. Къ святымъ угодникамъ пойду на богомолье.

— А Стешка-то съ кѣмъ останется? Такъ тебя и допустить къ себѣ святыя угодники грѣшника кромѣшного!..

— Палаша!.. Палаша!..

— Поздно, Никита Фодоровичъ, вздумалъ каяться! Надобно-бы раньше подумать объ этомъ. Останется бѣдный Васютка круглой сиротой, а добрые люди, вспоминая отцовы добродѣтели, будутъ вымещать на немъ свои обиды... Сколько горато онъ увидитъ, несчастный!.. А все за твои грѣхи.

Никита заметался на постели и застоналъ.

— Что? Эго видно не чай со сливками пить, да въ трубку курить!.. Въ аду-то не-то еще будетъ.

Долго еще причитала Палагея, на что ей Никита отвѣчалъ только глухими стenanіями.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О ДЪ,

НОВОЕ НЕВЪСОМОЕ НАЧАЛО.

(Окончаніе).

III.

Явленія, которыя мы провели глазами предъ читателя, достаточно показываютъ, что ода есть дѣятель космической и всеобщій. Мы видѣли происхожденіе его изъ всѣхъ веществъ вѣсомыхъ и невѣсомыхъ, которыя существуютъ и движутся на землѣ; его порождаютъ—ударъ, звукъ, давленіе; онъ выдѣляется изъ нѣдръ нашей планеты, чтобы подниматься въ безконечное пространство; мы ощущали дѣйствіе его лучей, во время нисхожденія ихъ на землю изъ небесныхъ свѣтилъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ главные источники наиболѣе изобильнаго отдѣленія ода, мы теперь приступимъ къ изученію нѣкоторыхъ важнѣйшихъ свойствъ этого дѣятеля. Придерживаясь той же методы, какой слѣдовали до сихъ поръ, мы будемъ упоминать, по мѣрѣ того, какъ это будетъ попадаться намъ подъ руку, о нѣкоторыхъ загадочныхъ, темныхъ фактахъ, которые, по нашему мнѣнію, могутъ быть объяснены, безъ большаго затрудненія, тѣмъ или другимъ характеристическимъ свойствомъ одической жидкости.

Уже съ самыхъ первыхъ страницъ этого труда, мы встрѣчались съ однимъ изъ самыхъ существенныхъ свойствъ ода; но только не могли выяснитъ съ пользою всего его значенія, прежде чѣмъ

хотя нѣсколько ознакомились съ изучаемымъ нами дѣтелемъ. Мы говоримъ о полярности ода. Она составляетъ какъ бы центръ, около котораго вращаются всѣ излагаемые нами факты. Поэтому мы просимъ читателей, интересующихся нашими изысканіями, обратить нѣкоторое вниманіе на слѣдующія изслѣдованія.

Мы постоянно старались показать, что какъ ни были различны источники, изъ которыхъ у насъ выдѣлялся одъ, онъ постоянно являлся намъ подъ двумя различными видами, то есть, онъ обнаруживался зрѣнію и осязанію двумя противоположными дѣйствіями. То онъ представлялся какъ красное сіяніе, производящее ощущеніе тепла на лѣвую руку санситива; то какъ голубое пламя, воспринимаемое тою же рукою, какъ прохладное вѣяніе.

Читатель, вѣроятно, не забылъ, что безформенныя тѣла, отдѣляющія одъ въ видѣ голубого сіянія—тѣ же самыя, которыя химиками называются тѣлами электро-отрицательными, потому что они притягиваются къ положительному полюсу вольтова прибора, а слѣдовательно могутъ разсматриваться, какъ обладающія противоположнымъ, т. е. отрицательнымъ, электричествомъ. Точно также вспомнимъ, что тѣла съ краснымъ одическимъ свѣтомъ оказались тѣми же, которыя направляются къ отрицательному полюсу прибора и которыя, по той же причинѣ, называютъ тѣлами электро-положительными. Вслѣдствіе этого, мы можемъ назвать по аналогіи *одомъ отрицательнымъ* голубой и охлаждающій одъ тѣлъ электро-отрицательныхъ, а *положительнымъ* одомъ — красное и теплое сіяніе, освобождающееся изъ тѣлъ электро-положительныхъ.

Необходимо хорошенько понять смыслъ, который нужно придавать этимъ выраженіямъ: одъ отрицательный и одъ положительный. Здѣсь дѣло идетъ только о распознаваніи двухъ различныхъ проявленій одного и того же дѣтеля, точно такъ же какъ нѣкоторые физики назвали положительнымъ магнитизмъ, который притягиваетъ одинъ изъ полюсовъ магнита къ сѣверу, и отрицательнымъ—дѣйствующій на противоположный полюсъ и направляющій его къ югу. Такимъ же образомъ различаютъ и два противоположныя электричества: электричество отрицательное, отдѣляющееся отъ смолы, и электричество положительное, развѣиваемое стекломъ.

Мы доказали, что въ безформенныхъ веществахъ одъ находится въ состояніи однополярности, другими словами—что въ каж-

одъ веществъ одъ бываетъ или положительный, или отрицательный; изъ этого можно было бы заключить, что явленіе одической полярности или двойственности ода еще не составляетъ всеобщаго факта въ природѣ. Но, если принять въ соображеніе, что всѣ твердыя, жидкія и газообразныя вещества, распространенныя на поверхности или въ недрахъ земли, составляютъ единство земного вещества, то можно допустить безъ затрудненія, что одъ поляризуется въ мировомъ веществѣ такимъ образомъ, что одно изъ этихъ полярныхъ состояній обнаруживается въ веществахъ съ краснымъ сіяніемъ, а другое въ тѣлахъ голубого одического пламени.

Тѣла, которыми усѣяно небесное пространство, представляютъ въ своей совокупности то же явленіе одического дуализма. Положительный одъ исходитъ къ намъ въ изобиліи отъ луны и планетъ, тогда какъ солнце и другія свѣтила выдѣляютъ лучи отрицательнаго ода. Въ этомъ можно убѣдиться изъ приведеннаго уже нами опыта, гдѣ изъ конца металлической проволоки, которой другая часть подвергается дѣйствию лучей солнца или Сириуса, выходитъ голубое одическое пламя, и гдѣ съ другой стороны, каждый разъ,—если выставлять другой конецъ той же проволоки на свѣтъ луны, или другой большой планеты,—показывается красное пламя.

Одъ обнаруживается также во всей его энергіи вмѣстѣ съ тѣми тайными силами, которыя называются кристаллизацией, магнетизмомъ, жизненностью (*vitalisme*); потому что именно въ тѣлахъ, въ которыхъ дѣйствуетъ или кристаллическая сила, или жизнь, или магнетизмъ, обнаруживаются самыя замѣчательныя явленія одической поляризаціи. Такимъ образомъ можно наблюдать въ кристаллахъ, какъ и въ магнитахъ, появленіе ода одновременно въ обоихъ его видахъ (положительномъ и отрицательномъ), которые тутъ свѣтятся краснымъ и голубымъ сіяніями. Явленіе одической полярности становится еще болѣе очевиднымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усложняется, когда вещество оживлено дыханіемъ жизни. Такъ мы видѣли, что тѣло растенія свѣтилось различными одическими сіяніями, смотря по различію его органовъ. Цвѣты и молодые побѣги выдыхаютъ голубой, отрицательный одъ, между тѣмъ какъ изъ корней выдѣляется положительный. Одическій дуализмъ представляется даже въ одномъ и томъ же органѣ, такъ какъ лѣвая рука санситива чувствуетъ прохладное

вѣяніе отрицательнаго ода отъ нижней стороны листьевъ и теплое вѣяніе положительнаго ода отъ верхней ихъ стороны.

Вся правая сторона животныхъ отдѣляетъ голубой или отрицательный одъ, вся лѣвая—красный или положительный. Вспомнимъ, что это же самое происходитъ и въ человѣкѣ; что изъ пальцевъ его правой руки выходятъ прекрасные голубые одическіе огни, а изъ пальцевъ лѣвой—очень блестящее красное пламя. Изъ этого слѣдуетъ, что одъ поляризуется въ нашемъ организмѣ и что положительный полюсъ этого дѣятеля господствуетъ въ лѣвой, а отрицательный—въ правой сторонѣ.

Ознакомившись съ этимъ, перейдемъ къ опытамъ, уже извѣстнымъ читателю, но изъ которыхъ мы еще не вывели никакого заключенія. Если санситивъ положить свою лѣвую руку съ положительнымъ одомъ въ вашу правую, которая отрицательнаго свойства, или, если вы станете въ такое положеніе, что ваше правое плечо будетъ опираться на лѣвое санситива, то этотъ послѣдній въ обоихъ случаяхъ ощутитъ чувство проникающей одической прохлады, которой глубокое и благотворное дѣйствіе ему будетъ чрезвычайно пріятно. Напротивъ, если онъ положить свою лѣвую руку въ вашу лѣвую же, или же свою правую въ вашу правую, то отъ этого прикосновенія санситивъ получаетъ впечатлѣніе обратное предыдущему, впечатлѣніе столь непріятное, что, по истеченіи нѣсколькихъ минутъ, онъ принужденъ будетъ отнять свою руку. Извѣстно, что лѣвая рука санситива, приближаясь къ магнитному полюсу, который обращенъ на сѣверъ, а такъ же къ вершинѣ кристалла, чувствуетъ тамъ отрицательный одъ какъ прохладное и пріятное вѣяніе. Если санситивъ повторитъ тотъ же самый опытъ правой рукой, то, напротивъ, онъ ощутитъ тотъ же отрицательный одъ какъ теплое вѣяніе.

Изъ этихъ опытовъ очевидно слѣдуетъ, что ощущение благотворной прохлады происходитъ отъ прикосновенія или близости двухъ противоположнаго рода одическихъ полюсовъ; тогда какъ болѣзненное или теплое ощущение происходитъ отъ сближенія или соприкасанія двухъ полюсовъ одного наименованія.

Это общій и основной законъ, которому повинуются всѣ санситивные организмы.

Теперь становится понятнымъ, почему во всѣхъ опытахъ, относящихся къ чувствительности осязанія сансистовъ, мы всегда пользовались ихъ лѣвой рукой. Такъ какъ она проникнута

положительнымъ одомъ, то всѣ предметы съ одомъ того же названія необходимо должны были производить на нее впечатлѣніе одической теплоты; но она ощущала одъ какъ прохладное и пріятное вѣяніе всякій разъ, когда прикасалась къ источнику отрицательнаго дѣтеля. Очевидно, ничто не мѣшаетъ употреблять для этой же цѣли правую руку санситива, только при этомъ мы нашли бы теплое вѣяніе вездѣ, гдѣ лѣвая рука показывала прохладу, и обратно—холодное вѣяніе тамъ, гдѣ она ощущала теплое.

Изъ этого также можно видѣть, какъ велика разность, существующая между впечатлѣніями, одинаково производимыми на всѣхъ людей дѣйствіемъ теплорода, и между этими совершенно особенными ощущениями тепла и холода, которыя испытываются одними только санситивами, отъ вліянія одического дѣтеля. Эти послѣднія ощущенія обнаруживаются единственно вслѣдствіе соотношенія полярнаго дѣйствія ода къ той или другой части организма: такъ что тотъ же самый одическій лучъ, который производитъ ощущение холода, когда онъ направленъ на лѣвую сторону санситива, вызоветъ ощущение теплоты, когда будетъ дѣйствовать на правую его сторону.

Ближайшимъ изученіемъ одическихъ явленій въ человѣческомъ организмѣ можно открыть слѣды полярности и въ другихъ частяхъ его, кромѣ праваго и лѣваго бока. Такъ, если хорошій санситивъ будетъ медленно проводить своею рукою по разнымъ направленіямъ человѣческаго тѣла, то замѣтитъ постоянно смѣняющіяся ощущенія тепла и холода. Частымъ и внимательнымъ повтореніемъ этого опыта можно удостовѣриться, что вся передняя часть тѣла даетъ, въ своей совокупности, положительный одъ, и находится такимъ образомъ въ полярной противоположности съ противоположною стороною, въ которой господствуетъ одъ отрицательный. Такой же контрастъ полярности замѣчается и между верхнею частью тѣла и нижнею: грудь, шея, вся голова, особенно черепъ, представляютъ, сравнительно съ нижними частями тѣла, одическую полярность отрицательную.

Если держать въ каждой рукѣ по кристаллу, такъ-чтобы отрицательная вершина одного была направлена къ положительному основанію другого, и потомъ въ темнотѣ медленно сближать ихъ, то происходятъ явленія такого рода:—по мѣрѣ того какъ одическое красное пламя приближается къ голубому отрицательному, оба они становятся болѣе и болѣе блестящими. Они удлиняются и растягиваются, какъ будто ищутъ другъ друга.

Но въ моментъ прикосновенія двухъ противоположныхъ полюсовъ, яркость обоихъ огней тотчасъ уменьшается и они теряютъ часть своего блеска, вполнѣ однакожь не исчезая; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается, что красное пламя проникаетъ въ отрицательное (голубое) другого кристалла, восходитъ къ его положительной оконечности и увеличиваетъ себою блескъ находящагося тамъ красного пламени; въ то же время голубое пламя кристалла, который мы держимъ въ другой рукѣ, проникаетъ въ противоположный кристаллъ, на вершиннѣ котораго оно увеличиваетъ блескъ и красоту голубого свѣта.

Когда кристаллы направлены одинъ къ другому ихъ одическими полюсами того же названія, то при сближеніи оба одическія пламени одного цвѣта опадаютъ. Когда полюсы соприкасаются, то въ мѣстѣ соприкосновенія одическій свѣтъ совершенно пропадаетъ; между тѣмъ какъ яркость огней, блестящихъ на противоположныхъ оконечностяхъ, при этомъ не измѣняется.

Если при этихъ опытахъ употребить магниты вмѣсто кристалловъ, то получаются тождественные результаты. То же самое происходитъ и съ одическими полюсами живыхъ существъ, какъ можно въ этомъ убѣдиться помощью нѣсколькихъ, весьма простыхъ, опытовъ. Дайте, напримѣръ, вашу правую руку съ голубымъ сіяніемъ въ лѣвую руку съ краснымъ пламенемъ другой особѣ, самситивъ тотчасъ увидитъ, что обѣ соединенныя руки перемѣнили яркость ихъ одическаго пламени. Онъ также замѣтитъ, что почти въ то же мгновеніе красное пламя вашей, оставшейся свободною, руки и голубое пламя правой, незанятой руки вашего товарища, оба приобрѣли несравненно большій блескъ. Если направлять голубое пламя вашей правой руки къ красному — магниту или кристалла, напряженность обоихъ одическихъ сіяній противоположныхъ видовъ тотчасъ же увеличивается. Вспомнимъ, что половые органы растений отдѣляютъ отрицательный одъ съ голубымъ сіяніемъ. Поэтому, если въ темнотѣ держать надъ цвѣткомъ лѣвую руку, то онъ вдругъ начинаетъ свѣтиться необыкновенно сильнымъ сіяніемъ; напротивъ, одическій свѣтъ уменьшается и цвѣтокъ становится почти невиднымъ, когда къ нему приближается правая рука.

Намъ было бы очень легко увеличить число этихъ опытныхъ доказательствъ. Тѣхъ, которыя мы привели уже, намъ кажется достаточно, чтобы утвердить существованіе полярнаго дуализма въ проявленіяхъ оды; но они не даютъ возможности уловить то

неопредѣленное средство, которое существуетъ между полярными дѣйствіями ода и между явленіями притяженія и отталкиванія, составляющими полярность магнетизма и электричества.

Теперь мы видѣли, что два одическія сіянія того же цвѣта взаимно уклоняются, когда ихъ приближаютъ одинъ къ другому, и что они исчезаютъ когда ихъ приводятъ въ соприкосновеніе. Напротивъ, извѣстно, что голубое и красное пламя свѣтится бѣльшимъ блескомъ, когда ихъ приближаютъ другъ къ другу. Точно также мы знаемъ, что санситивъ не терпитъ дѣйствія, оказываемаго на какую нибудь часть его организма источникомъ ода одного названія съ преобладающимъ въ ней; тогда какъ ему пріятно прикосновеніе или близость источника ода другого наименованія. Въ этихъ фактахъ уже можно открыть замѣтные слѣды полярныхъ притяженія и отталкиванія, которыхъ однакожь странный характеръ и могущественную энергію трудно объяснить, не приведя нѣсколько новыхъ фактовъ, проливающихъ полный свѣтъ на эту сторону занимающаго насъ предмета.

Когда санситивъ держитъ свою правую, отрицательную, руку надъ отрицательнымъ полюсомъ магнита или кристалла, то онъ не только чувствуетъ ощущеніе тепла, которое всегда производитъ на него близость источника однороднаго ода, но еще испытываетъ странное въ другомъ родѣ ощущеніе: ему кажется, что его рука стала легче обыкновеннаго. Напротивъ, онъ подвергается обратному ощущенію, если это будетъ его лѣвая рука, то-есть съ положительнымъ одомъ: тогда онъ чувствуетъ, что эта рука стала тяжелѣе, и ему кажется, будто она должна притянуться къ полюсу кристалла. То же самое произойдетъ когда вы, сложивши концы пальцевъ вашей правой руки, будете ее держать снизу лѣвой ладони санситива: онъ почувствуетъ, что его рука какъ бы слегка притягивается къ вашей. Когда санситивъ, уступая этому притяженію, положитъ свою лѣвую руку или на вашу правую, или на отрицательный полюсъ магнита или кристалла, то онъ почувствуетъ то благотворное ощущеніе, которое уже извѣстно нашимъ читателямъ; но они, можетъ быть, не знаютъ слѣдующаго важнаго факта, который мы, по нѣкоторымъ причинамъ, не могли сообщить имъ раньше: въ тотъ моментъ, когда санситивъ отнимаетъ свою руку отъ вашей, или отъ магнита, онъ испытываетъ какъ бы легкое сопротивленіе этому движенію. Можно сказать, какъ будто его рука

привязана множествомъ нитей; и онъ испытываетъ колебаніе разорвать насильственно эти невидимыя путы.

Въ этомъ состоятъ несомнѣнные факты, относительно которыхъ между санситивами нѣтъ ни малѣйшаго несогласія, но наблюдение этихъ явленій тѣмъ не менѣе требуетъ много вниманія со стороны лицъ съ малоразвитыми санситивными способностями.—Совершенно другое дѣло, когда наблюдающее лицо очень впечатлительно къ одическимъ вліяніямъ, или когда опыты производятся надъ особой, одаренною высокою степенью санситивности. Тогда одическое притяженіе пріобрѣтаетъ огромную силу и производитъ совершенно неожиданныя дѣйствія. Поднесите, на примѣръ, положительный полюсъ большого кристалла или сильнаго магнита къ правой ладони санситива—и вы увидите, что рука его притянется и пристанетъ къ магниту или кристаллу, какъ желѣзо къ магниту. Если выбрать, съ цѣлію достиженія вполне опредѣленнаго результата, для повторенія этого опыта, тотъ самый моментъ, когда санситивъ потерялъ сознаніе и сдѣлался неподвижнымъ, вслѣдствіе какого нибудь нервическаго припадка, тогда вдругъ замѣчается внезапное движеніе въ этой рукѣ и притяженіе ея къ магниту. И это еще не все: если вы захотите отнять этотъ магнитъ, то рука все-таки остается приставшею къ нему и вы увидите, что больной поднимется съ постели, для того чтобы его рука могла слѣдовать за магнитомъ.

Эти факты заслуживаютъ полнаго вниманія. Они показываютъ, что полярность ода сопровождается явленіями притяженія и отталкиванія, аналогическими съ тѣми, которыя представляетъ электрическая и магнитная полярность, хотя они и обнаруживаются въ совершенно другой сферѣ и при совершенно различныхъ обстоятельствахъ.

Ознакомившись съ полярностію ода, мы теперь легко объяснимъ нѣкоторые факты, о которыхъ мы упоминали выше.

Вспомнимъ, что еще въ самомъ началѣ этого труда, наше вниманіе возбудилъ тотъ странный фактъ, что близость сильнаго магнита возбуждала во многихъ то ощущеніе холода, то впечатлѣніе тепла. Въ этомъ наблюденіи васъ немножко поражаетъ противорѣчіе, столь притомъ очевидное, что оно можетъ возбудить сомнѣніе въ точности изложенныхъ нами фактовъ. Но такое заключеніе было бы совершенно ошибочно. Дѣйствительно, легко понять, что, по объясненнымъ нами законамъ одической полярности, санситивъ долженъ испытывать попеременно, то ощущеніе

холода, то ощущение тепла, смотря по тому къ какой именно части его тѣла приближаютъ тотъ или другой полюсъ магнита.

Легко также понять, почему санситивъ, прикладывая свои руки къ комнатной стѣнѣ, испытываетъ неодинаковыя въ нихъ обѣихъ впечатлѣнія: лѣвая, положительная рука, ощущаетъ отрицательный одъ стѣны какъ холодное истечение; тогда какъ правая, съ одомъ отрицательнымъ, получаетъ впечатлѣніе теплоты, подъ влияніемъ ода того же наименованія.

Мы равнымъ образомъ говорили, что всѣ тѣла отбрасываютъ одическую тѣнь, и мы замѣтили, что живыя существа производятъ на стѣнѣ темноватой комнаты изображеніе то черное, то свѣтящееся; смотря по тому какая сторона тѣла обращена къ стѣнѣ. Какъ объяснить этотъ странный фактъ, если не полярностью ода? Стѣна состоитъ изъ известковыхъ и глинистыхъ матеріаловъ, т. е. веществъ одически-отрицательныхъ, отдѣляющихъ голубой свѣтъ. Поэтому глазамъ санситивовъ она представляется свѣтящеюся прозрачнымъ голубоватымъ свѣтомъ. Если держаться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣны и повернувшись къ ней правую стороною, то что должно произойти, въ силу открытаго нами въ одѣ закона полярности? Отъ стѣны и изъ правой стороны человѣка отдѣляется отрицательный одъ. Но мы знаемъ, что два одическія сіянія того же цвѣта тотчасъ же взаимно ослабляются и темнѣютъ, когда ихъ сближаютъ другъ съ другомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что голубой свѣтъ стѣны станетъ слабѣе или даже совсѣмъ исчезнетъ подъ дѣйствіемъ ода того же названія, отдѣляющагося изъ вашей правой стороны. Поэтому санситивъ необходимо замѣчаетъ въ этомъ мѣстѣ стѣны черное изображеніе. Но что произойдетъ, когда къ стѣнѣ обращена лѣвая сторона человѣка? Красный одическій свѣтъ, выходящій изъ этой части тѣла, достигаетъ стѣны и дѣйствуетъ тамъ на голубое сіяніе. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, взаимное вліяніе этихъ двухъ одическихъ противоположныхъ родовъ сіяній обнаруживается для санситива болѣею степенью ихъ яркости. Вслѣдствіе этого санситивъ замѣтитъ появленіе свѣтящагося изображенія на томъ мѣстѣ стѣны, гдѣ происходятъ эти полярныя реакціи. Читатель, вѣроятно, вспомнитъ при этомъ о томъ глубокомъ волненіи санситивовъ, которое они испытываютъ при видѣ этихъ попеременныхъ тѣней, возникающихъ предъ нимъ изъ нѣдръ мрака.

Излагая причины, заставившія насъ смотрѣть на южныя и сѣ-

верныя полярныя сіянія какъ на проявленіи ода, мы замѣтили, что землю слѣдуетъ разсматривать какъ огромный магнитъ и при этомъ прибавили, что, такъ-какъ магнитизмъ всегда обнаруживается въ сопровожденіи ода, то, очевидно, въ магнитныхъ полюсахъ нашей планеты должно находиться огромное скопленіе одического вещества. Но такъ какъ одъ всегда встрѣчается въ полярномъ состояніи въ магнитныхъ тѣлахъ, то мы имѣемъ теперь полное основаніе думать, что тѣло нашей планеты, не смотря на всю его величину, должно представлять тотъ же одическій дуализмъ, какъ и всѣ другіе магниты. Если это действительно такъ, то одическіе полюсы земли должны соответствовать двумъ магнитнымъ ея полюсамъ, и при томъ такимъ образомъ, что изъ арктическаго полюса долженъ отдѣляться одъ положительный, а антарктической—будетъ областью отрицательнаго ода. Если читатель хорошо усвоилъ себѣ нашу мысль, то онъ легко можетъ объяснить ту удивительную точность, съ которою санситивы опредѣляютъ главныя четыре страны свѣта, не ориентуясь на данномъ мѣстѣ, а только наблюдая различныя ощущенія, которыя доходятъ до нихъ изъ разныхъ частей горизонта. Действительно, легко понять, что если санситивъ повернется своею правою стороною къ сѣверу, т. е. такъ, что его главный отрицательный полюсъ будетъ направленъ къ положительному полюсу земли, то онъ долженъ почувствовать холодное одическое ощущеніе во всемъ своемъ правомъ боку. Какъ только онъ повернется къ другой части горизонта—тотчасъ измѣняется и испытываемое имъ одическое ощущеніе. Поэтому, какъ скоро санситивъ узнаетъ, что онъ чувствуетъ въ правомъ боку своемъ одическую прохладу, всякій разъ когда будетъ стоять лицомъ къ западу, и жаръ—когда повернется къ востоку, — то онъ всегда съумѣетъ вѣрно опредѣлить положеніе всѣхъ четырехъ странъ свѣта, не справляясь ни съ положеніемъ звѣздъ, ни съ компасомъ. Такимъ образомъ на морѣ нерѣдко можно встрѣтить человѣка, въ числѣ экипажа, который въ беззвѣздную ночь указываетъ главныя страны горизонта безъ помощи компаса. Если вы будете разспрашивать такого человѣка о его чудесной способности, которою часто онъ одинъ только и обладаетъ изъ всего экипажа, то вы, по большей части, получите отвѣтъ, что это дѣлается по привычкѣ. Действительно, привычка и вниманіе развиваютъ санситивность человѣка точно такъ же, какъ и другія его естественныя способности.

Земной одъ производитъ на организмъ санситивовъ огромное полярное дѣйствіе: ихъ здоровье, ихъ покой, кажется, зависятъ отъ него въ значительной степени. Сколько разъ мы сами видѣли, какъ нервическія особы проводятъ ночи въ мученіяхъ безсонницы, отъ которой ничто не могло ихъ избавить! Они доходили до того, что страшились наконецъ ложиться, и находили покой только сидя виѣ постели. Наведенные указаніями Рейхенбаха на дѣйствительную причину этихъ столь упорныхъ страданій, мы обращали вниманіе на положеніе кровати и находили, что, обыкновенно въ этихъ случаяхъ, голова больного была обращена къ востоку. Въ этомъ положеніи лѣвая положительная сторона санситива должна быть открыта положительному полюсу земли, а правая отрицательная, обращена къ одическому полюсу того же названія. Понятно, что такое положеніе санситива произведетъ въ немъ страданія, обширность которыхъ никогда не понять лицамъ, неодареннымъ санситивностью. Мы тотчасъ давали кровати обратное положеніе или, лучше сказать, помѣщали ее такъ, что изголовье приходилось на сѣверъ, съ тѣмъ чтобы голова, которая составляетъ, какъ извѣстно, отрицательный одическій полюсъ тѣла, была обращена къ положительному полюсу земли. Лица, страдавшія безсонницей, начинали проводить спокойныя ночи; виѣстѣ съ сномъ приходило и здоровье; вслѣдъ за тѣмъ въ домъ воцарялись снова веселость и согласіе. Могу ли я, послѣ этого, отвергать вліяніе на насъ земнаго ода, когда я вижу, что онъ каждую минуту можетъ давать намъ здоровье и покой, или лишать насъ этихъ благъ, безъ которыхъ жизнь такъ тяжела для насъ.

Когда въ близкомъ будущемъ изслѣдованія касательно ода получатъ ббльшую обширность, тогда, безъ сомнѣнія, откроется, что полярный дуализмъ этого дѣятеля составляетъ причину многихъ любопытныхъ явленій, которыя остаются до сихъ поръ неразрѣшенными задачами.

Примѣровъ у насъ слишкомъ много, но мы думаемъ, что во всякомъ дѣлѣ нужно знать мѣру. Кромѣ того, мы полагаемъ, что слѣдующихъ фактовъ вполне достаточно, чтобы указать на родъ интереса, связаннаго съ этими вопросами.

Можно, наиримѣръ, спросить: почему дитя помѣщается въ нѣдрахъ матери такимъ образомъ, что голова его приходится слѣва. Достаточной причины этому нельзя найти въ строеніи внутреннихъ органовъ матери, которые, напротивъ, расположены такимъ образомъ, что позволяютъ головѣ ребенка помѣщаться безъ

различно какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны. И такъ-какъ для этого факта нельзя отыскать и никакой другой причины, то позволительно думать, что онъ своимъ существованіемъ обязанъ полярности невѣсимаго, присутствіе и дѣйствіе котораго мы показали вездѣ, гдѣ только обнаруживается жизнь. Дѣйствительно, голова и вся верхняя часть ребенка отдѣляютъ отрицательный одъ, тогда какъ лѣвый бокъ его матери заключаетъ въ себѣ одъ положительный. Не можемъ ли мы допустить, что всегда дальновидная природа помѣстила дитя въ утробѣ женщины такъ, чтобы благотворныя дѣйствія, могущія оказываться отъ прикосновенія двухъ противоположенныхъ магнитныхъ полюсовъ, не были потеряны ни для матери, ни для ребенка? Мы тѣмъ болѣе склонны къ принятію этого предположенія, что санситивность женщины усиливается во время беременности до такой степени, что тѣ изъ нихъ, которыя были до того едва санситивны, становятся въ это время очень чувствительными къ дѣйствию ода.

Другой, болѣе общій и не менѣ замѣчательный, фактъ состоитъ въ слѣдующемъ: у растений есть влеченіе поворачивать листья къ небу всегда тою же стороною. Это влеченіе до такой степени непреодолимо, что они инстинктивно приводятъ свои листья въ нормальное положеніе каждый разъ, когда бывають изъ него выведены. Мы не будемъ приводить теорій, предложенныхъ для объясненія этого хорошо извѣстнаго факта, теорій довольно многочисленныхъ, которыя поочередно принимались и потомъ отвергались. Въ настоящее время, кажется, всѣ согласны приписывать это явленіе просто дѣйствию свѣта. Однакожь, можно спросить, почему свѣтъ производитъ столь сильное притяженіе исключительно только на одну сторону листа, и какимъ образомъ произошло, что этотъ невѣсомый дѣятель въ этомъ единственномъ случаѣ производитъ явленіе притяженія, тогда какъ ни въ какомъ другомъ не замѣчено физиками даже и слѣдовъ чего нибудь подобнаго? Замѣтимъ также, что растение, — умирающее когда ему помѣшаютъ привести свои листья въ нормальное положеніе, — поворачиваетъ ихъ съ одинаковою энергіею какъ днемъ, такъ и ночью. Отсюда можно предположить, что, поворачивая наружную часть своихъ листьевъ къ небу, растение старается сдѣлать ее доступной не только дѣйствию свѣтоноснаго начала, но еще, — и это преимущественно, — вліянію другого, непохожаго на свѣтъ, дѣятеля, который исходитъ съ небесныхъ пространствъ какъ днемъ, такъ и ночью. Мы думаемъ, что каждый физиологъ, который возьметъ

на себя трудъ—изучить свойства ода, необходимо придетъ къ тому же, какъ и Рейхенбахъ, убѣжденію, т. е., что этотъ невѣсомый составляетъ истинную причину поворачиванія листьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, что изъ двухъ поверхностей листа, одна развиваетъ одъ положительный, тогда какъ отъ другой отдѣляется одъ отрицательный. Но одические лучи звѣздъ, и преимущественно солнца, суть отрицательнаго свойства; они дѣйствуютъ на растеніе, которое, въ свою очередь, противодѣйствуетъ ихъ вліянію, открывая непрерывному дѣйствию ихъ поверхность листа—съ одомъ положительнымъ. Оно повинуется, въ этомъ случаѣ, доказанному уже нами закону притяженія, по которому два противоположныхъ одическихъ полюса стремятся другъ къ другу и производятъ благотворныя дѣйствія на всѣ, чувствительныя къ вліянію ода, созданія.

Мы считаемъ и невозможнымъ и бесполезнымъ говорить о всѣхъ интересныхъ фактахъ, которые сами собой осаждаютъ нашу память, какъ свидѣтели того, какую роль играетъ полярность одической жидкости во всѣхъ живыхъ организмахъ. Совсѣмъ другое свойство ода теперь обратитъ на себя все наше вниманіе. Читатель могъ это предвидѣть, какъ скоро онъ убѣдился уже, что санситивъ чувствуетъ дѣйствіе магнита или кристалла на разстояніи многихъ метровъ. Дѣйствительно, одного этого обстоятельства достаточно, въ случаѣ нужды, для доказательства, что одъ обладаетъ свойствомъ—расходиться лучами въ пространствѣ. Мы представимъ, однакожь, нѣсколько новыхъ опытовъ, которые покажутъ намъ свойства и характеръ одическихъ лучей.

Если направлять оконечность сильнаго магнита, или очень большаго кристалла, на санситива, помѣщеннаго на разстояніи шаговъ десяти, то онъ очень живо почувствуетъ дѣйствіе отдѣляющагося ода. Удалимся теперь шаговъ на двадцать и повторимъ опытъ—санситивъ все еще довольно сильно будетъ ощущать дѣйствіе магнита или кристалла. На пятидесяти шагахъ вліяніе это становится менѣ замѣтнымъ, но все еще остается. Производя тѣ же опыты надъ тѣлами безформенными, получимъ такіе же результаты, но только менѣ очевидные. Впрочемъ встрѣчались санситивы, очень ясно замѣчавшіе одические лучи, которые выходили изъ большихъ металлическихъ плитъ, помѣщенныхъ на разстояніи тридцати или сорока шаговъ отъ магнита. Когда для опытовъ употребляются лица, одаренныя высо-

кою степенью санситивности, то получаются поразительные результаты. Если, напримеръ, помѣститься на разстояніи около полутораэта шаговъ и медленно поднимать обѣ руки, чтобы хоть одно мгновеніе продержатъ ихъ протянутыми къ санситиву, и потомъ такъ же медленно опускать ихъ, то онъ содрогается подъ влияніемъ дѣйствующихъ на него одическихъ лучей. Этотъ фактъ показываетъ намъ, что одъ распространяется лучами, что онъ дѣйствуетъ на большую даль подобно свѣтоносному началу, отдѣляющемуся отъ солнца, подобно теплороду, выходящему изъ очага. Если одическое лучеиспусканіе такого ничтожнаго тѣла, какъ ваша рука, дѣйствуетъ уже на значительномъ разстояніи, то становится понятнымъ, что одическіе лучи, выходящіе изъ столь огромныхъ тѣлъ, какъ звѣзды, могутъ достигать нашей земли, несмотря на огромность раздѣляющаго насъ отъ нихъ разстоянія.

Когда мы изслѣдовали свѣтотворныя явленія, обнаруживающія присутствіе оды, то мы показали, что одическое сіяніе выдѣляется изъ всѣхъ земныхъ тѣлъ, и мы видѣли также, что развиваемый нашимъ тѣломъ одъ составляетъ кругомъ каждаго человѣка прозрачную свѣтящуюся ореолу. Сверхъ того, мы только-что доказали, что одическія теченія не ограничиваются одною этою ореолой, но что одъ лучится изъ человѣческаго тѣла въ даль и составляетъ, такимъ образомъ, около каждаго изъ насъ невидимую атмосферу, которую нельзя ограничить точными предѣлами, но которая даетъ знать о себѣ неоспоримымъ дѣйствіемъ, производимымъ ею на организмы, одаренные санситивностью. Если тщательно разсматривать различныя дѣйствія, производимыя на санситивна одомъ, отдѣляемымъ изъ человѣческаго тѣла, то не безъ удивленія можно замѣтить, что эти дѣйствія имѣютъ весьма ощутительную разницу, смотря по индивиду, изъ котораго выходятъ лучи. Такъ напримеръ, санситивъ ощущаетъ близость нѣкоторыхъ лицъ, совершенно не зная объ ихъ присутствіи, по нѣкоторой неопредѣленной боли, и напротивъ, близость другихъ особъ производитъ на него совершенно обратное дѣйствіе. Какъ глазъ видитъ разложеніе свѣта на различныя отблески, помощью которыхъ и различаетъ извѣстные предметы, какъ различныя модуляціи звука позволяютъ опредѣлять—производитъ ли ихъ человѣческой голосъ, или инструментъ, какъ запахъ цвѣтка позволяетъ намъ отличать его отъ всякаго другаго,—точно такъ же одъ каждаго человѣка дѣйствуетъ особен-

нымъ, ему только свойственнымъ образомъ на санситива и позволяетъ ему отличать одну особу отъ другой.

Если мы согласимся съ вѣрностью этого наблюденія, то для насъ проливается неожиданный свѣтъ на нѣкоторые, самые темные, физиологическіе факты. Тогда становится понятнымъ, какимъ образомъ лица одержимыя болѣзнями, развивающими ихъ санситивность, чувствуютъ присутствіе своего доктора, почему тѣ же самыя лица не могутъ, безъ сильнаго болѣзненнаго ощущенія, сносить приближеніе извѣстныхъ лицъ, ими сильно любимыхъ, тогда какъ сосѣдство людей, къ которымъ они совершенно равнодушны, не производитъ въ нихъ никакихъ страданій. Извѣстно также, что хорошіе лунатики, всегда въ то же время и санситивы, чувствуютъ, на огромномъ разстояніи, близость ихъ магнетизера, хотя бы его присутствіе и не могло быть еще обнаружено ни ихъ глазами, ни ихъ слухомъ. Мы не будемъ останавливаться на этихъ фактахъ, потому что они слишкомъ извѣстны. Мы спросимъ только: тѣ или другія ощущенія, испытываемыя санситивомъ подѣ дѣйствіемъ одического лучеиспусканія, особеннаго для cadaго лица, не играютъ ли какой нибудь роли въ проявленіи этихъ внезапныхъ симпатій и антипатій, которыхъ ничѣмъ объяснить нельзя и которымъ, однако, такъ покорно предаются нервическія и санситивныя лица?

Мы видѣли, что одическіе лучи проникаютъ сквозь слои атмосферы и разливаются въ пространствѣ. Могутъ ли они проникать также и чрезъ другія вещества? Рядъ слѣдующихъ опытовъ, которые всѣ очень легко могутъ быть повторены, послужить къ рѣшенію этого важнаго вопроса.

Если конецъ стеклянной или деревянной палочки, или оконечность стальной или металлической проволоки, также шелковой, бумажной, или какой бы то ни было нитки, привести въ соприкосновеніе съ какимъ нибудь источникомъ ода, а другую оконечность велѣтъ санситиву держать въ рукѣ, то онъ почти мгновенно получитъ впечатлѣніе холода или тепла. Въ темнотѣ санситивъ при этомъ увидитъ выдѣленіе изъ конца проволоки или нитки голубого или краснаго пламени, смотря по роду ода, съ источникомъ котораго проводникъ находится въ соединеніи. Если противъ стѣны помѣстить кристаллъ, то санситивъ почувствуетъ его дѣйствіе по другую ея сторону. То же самое происходитъ когда вы приближаете къ стѣнѣ ваши руки, или магнитъ, или какой либо другой источникъ ода.

Изъ всего этого мы заключаемъ, что одическая жидкость способна проходить сквозь всѣ вещества, встрѣчаемыя въ природѣ. Наблюдая промежутки времени — отъ соединенія оконечности проводника съ источникомъ ода до полученія санситивомъ одического ощущенія, находятъ, что этотъ дѣятель движется очень медленно, сравнительно съ электричествомъ и свѣтомъ, и очень быстро, сравнительно съ теплородомъ.

Свойствомъ проводимости ода обнаруживается въ то же время и другое его свойство: способность этого дѣятеля сообщаться отъ одного тѣла другому. Такимъ образомъ, если держать въ лѣвой рукѣ металлическую вещь, напримѣръ золотую монету, — тѣло положительнаго ода, — то она, по истеченіи нѣкотораго времени, совершенно проникается и какъ бы пресыщается одомъ того же рода, какой отдѣляется изъ вашей руки. Это скопленіе положительнаго ода тотчасъ сказывается санситиву, потому что отъ прикосновенія правой рукой къ золотой монетѣ онъ получаетъ гораздо живѣйшее, чѣмъ прежде, впечатлѣніе, и именно прохладное впечатлѣніе положительной одической жидкости.

Что произойдетъ при одновременномъ погруженіи одного и того же тѣла и въ положительный и въ отрицательный одъ? Безъ сомнѣнія вы полагаете, что два одическихъ тока различныхъ названій тотчасъ же уравниваются, а слѣдовательно произведутъ на санситива однородное впечатлѣніе. На дѣлѣ выходитъ, однакожь, иначе, и санситивъ объяснить, къ вашему удивленію, что онъ испытываетъ смѣшанное ощущеніе, при приближеніи своей руки къ тѣлу, чрезъ которое вы пропустили два разнородныхъ одическихъ тока. Точно также, если подержать поочередно правую и лѣвую руку надъ стаканомъ воды, которую дать попробовать санситиву, онъ ясно различитъ оба одическіе вкуса, свойственные оду положительному и отрицательному. Это именно та самая вода, которую доктора, принявшіе ученіе Месмера, называютъ магнитизированною и которая производитъ на больного столь странныя дѣйствія. Нечего и говорить, что безусловно тѣ же результаты получаются и при погруженіи въ жидкость обонхъ противоположныхъ полюсовъ магнита или кристалла.

Смѣшанныя ощущенія, испытываемыя санситивомъ въ этомъ случаѣ, всегда для него очень тягостны. Мы полагаемъ, что къ этому ряду фактовъ необходимо отнести слѣдующее наблюденіе. Извѣстно, что зеленый цвѣтъ не представляетъ цвѣта однород-

наго, въ томъ смыслѣ, что онъ получается соединеніемъ желтаго съ голубымъ. И дѣйствительно, мы сами были свидѣтелями, какъ нѣкоторые санситивы падали въ обморокъ или получали первическій припадокъ, когда находящуюся у нихъ въ рукѣ стеклянную палочку погружали въ зеленый лучъ радуги. Хотя этотъ странный фактъ и замѣчается только у лицъ, одаренныхъ высшею степенью санситивности, но тѣмъ не менѣе большая часть санситивовъ испытываетъ нѣкоторое безпокойство при видѣ зеленого цвѣта.

Мы приведемъ, какъ замѣчательный примѣръ передачи ода и скопленія обоихъ одическихъ токовъ въ одномъ и томъ же тѣлѣ, одно изъ самыхъ странныхъ явленій, которое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимало собою весь умъ. Мы хотимъ говорить о вертящихся столахъ. Это явленіе, уже столь удивительное само по себѣ, получаетъ видъ еще болѣе поразительный, когда оно происходитъ въ совершенной темнотѣ. Какія свѣтлыя явленія замѣчаетъ санситивъ, когда человекъ двѣнадцать составляютъ собою цѣпь, помѣщаясь кругомъ большаго стола, на который они кладутъ свои руки? По истеченіи незначительнаго времени, санситивъ видитъ, что отъ нихъ пальцевъ отдѣляется голубое и красное пламя, распространяется по столу и образуетъ кругомъ каждой руки блестящую ореолу. Мало по малу эти сіянія разрастаются, приближаются одно къ другому, наконецъ сливаются вмѣстѣ и образуютъ кругомъ стола сплошной кругъ, который горитъ всѣми цвѣтами радуги; при этомъ пальцы сидящихъ у стола тоже представляются голубыми и красными лучами. Между тѣмъ какъ образуется и развивается этотъ кругъ, посрединѣ стола появляется выпуклая, блестящая поверхность. Далѣе, всѣ эти различные сіянія становятся все болѣе и болѣе отличительными; наконецъ распространяются и соединяются одно съ другимъ, такъ что столъ представляется, глазамъ санситива, какъ бы покрытымъ блестящею, нѣсколько выпуклою въ срединѣ, скатерью. Вскорѣ эта выпуклость, становясь болѣе и болѣе рѣзкой, въ началѣ принимаетъ форму блестящаго пузыря, потомъ, мало по малу, вырастаетъ въ прозрачную колонну и, постепенно возвышаясь, достигаетъ до потолка, гдѣ образуетъ обширную площадку, какъ бы это сдѣлало обыкновенное пламя. Этотъ столбъ производится одическими лучами обоихъ родовъ, которые выходятъ изъ правыхъ и лѣвыхъ ногъ сидящихъ за опытомъ лицъ, проникаютъ сквозь

древесное вещество и изливаются въ атмосферу съ силою, свойственною всѣмъ одическимъ истеченіямъ. Это доказывается тѣмъ, что описанный нами столъ не является въ томъ случаѣ, когда лица, составляющія цѣпь, стараются не касаться ногами къ мебели. Въ то самое время, когда одическія явленія пріобрѣтаютъ необыкновенную энергію, столъ трогается и начинаетъ вращаться. Санситивы замѣчаютъ, что онъ движется въ блестящей атмосферѣ. Большія полосы одического огня появляются на волу и необыкновеннаго блеска сіянія исходятъ изъ всего тѣла лицъ, окружающихъ столъ и слѣдующихъ за его движеніемъ. Замѣчено, что когда нѣкоторые изъ этихъ лицъ прекратятъ слѣдованіе за этимъ столомъ, то чувствуютъ довольно мучительную боль, а иногда, тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ падаютъ даже въ сильнѣйшихъ конвульсіяхъ. Можно быть увѣреннымъ, что это — санситивы, которые не могутъ безнаказанно выдерживать продолжительное дѣйствіе столъ огромнаго скопленія ода.

Какое заключеніе сдѣлаемъ мы изъ этихъ наблюденій? Какъ объяснить переданное нами необычайное явленіе?

Фарее, Шеврель и Бабине предполагали объяснить вращеніе столовъ незамѣтными и невольными движеніями мускуловъ такимъ образомъ, что лица, держащія на столѣ свои руки, дѣйствуютъ на него, сами того не чувствуя, и приводятъ его въ движеніе, о которомъ всѣ они имѣютъ въ своемъ умѣ представленіе.

Читатель, вѣроятно, тотчасъ понимаетъ все неудобство этой теоріи «непроизвольныхъ мускульныхъ движеній». Для того чтобы столъ пришелъ въ движеніе, при такомъ предположеніи, необходимо чтобы всѣ лица, помѣстившіяся вокругъ стола представляли себѣ вращеніе долженствующимъ произойти непременно въ такую-то именно сторону; притомъ они должны составить себѣ такое представленіе какъ бы по вдохновенію безъ всякаго предварительнаго условія другъ съ другомъ. Очевидно, что такое безмолвное согласіе не можетъ существовать между какою нибудь дюжиною лицъ. Между тѣмъ какъ только одни изъ нихъ будутъ дѣйствовать, безъ своего вѣдома, справа налѣво, а другія въ обратномъ направленіи, столъ необходимо останется неподвижнымъ. Допустимъ даже, что всѣмъ собравшимся вокругъ стола лицамъ движеніе будетъ представляться въ одну сторону: какимъ образомъ мускульныя усилія, — столъ слабъ, что они остаются незамѣтными даже для тѣхъ са-

лицъ, въ которыяъ проходятъ,—могутъ обладать столь огромною силой, чтобы сообщить движеніе мебели въсомъ въ шесть пудъ?

Дун Фигье, въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, не признаетъ теоріи Фареде почти по тѣмъ же причинамъ, какъ и мы. Въ способъ доказательствъ этого ученаго писателя мы встрѣчаемъ тотъ же ясный и легкій языкъ, который его характеризуетъ всегда—излагаетъ-ли онъ истину, обличаетъ-ли заблужденіе. Но какую же новую теоріей Фигье предполагаетъ замѣнить предложенную Фареде и Шверелемъ? Мы предоставимъ отвѣчать на этотъ вопросъ ему самому: «Объясненіе факта вертящихся столовъ,—говоритъ онъ,—разсматриваемое въ своей наибольшей простотѣ, доставляется намъ, какъ кажется, тѣми явленіями, которыхъ названіе до сей поры мѣнялось много разъ, но которыхъ родъ въ сущности всегда одинъ и тотъ же, то есть явленіями, которыя называли поочередно: то гипнотизмомъ, по доктору Бреду (Braid), то биологизмомъ, по Филлинсу, то наводненіями (suggestions), по Карпантье».

«Въ этомъ собраніи лицъ, усорно занятыхъ, въ теченіе какихъ нибудь двадцати минутъ или получаса, составленіемъ цѣпи изъ рукъ, положенныхъ ладонями на столъ, безъ возможности отвлечься отъ занятія, въ которомъ они принимаютъ участіе, многія не испытываютъ никакого особеннаго дѣйствія. Но было бы странно, еслибъ ни одно изъ этихъ лицъ не подверглось хотя на мгновеніе, гипнотическому или биологическому состоянію. Можетъ быть, не нужно больше секунды для продолжительности этого состоянія, чтобы ожидаемое явленіе осуществилось на самомъ дѣлѣ. Членъ цѣпи, впавшій въ этотъ нервическій полусонъ, потерявши сознаніе своихъ дѣйствій и не имѣя другой мысли, кромѣ постоянной идеи о вращеніи стола, сообщаетъ, невольнымъ образомъ, движеніе столу; въ эту минуту онъ можетъ проявить мускульную силу, относительно очень значительную, и столъ подвинется. Послѣ одного толчка, послѣ этого непроизвольнаго дѣйствія, ничего больше не требуется».

Такимъ образомъ, Фигье, показавъ невозможность объяснить вращеніе большого обѣденнаго стола непроизвольными движеніями мускуловъ, достигаетъ ли этой цѣли посредствомъ другой теоріи? Нисколько: вращеніе стола, по его мнзнію, все-таки производится непроизвольнымъ толчкомъ; съ тѣмъ различіемъ, что въ этомъ случаѣ, явленіе кажется еще болѣе чу-

деснымъ, потому что тутъ не невольныя услія многихъ лицъ производятъ вращеніе стола, а оно происходитъ отъ дѣйствія толчка со стороны одного только человѣка, толчка невольнаго и однако огромной силы. Фигье очень хорошо понялъ, что развитіе мускульной силы, необходимой для этого непронзвольнаго дѣйствія, было бы дѣйствительнымъ чудомъ. Чтобы уменьшить чудесность своей теоріи, онъ говоритъ объ развитіи *ошлосительно значительной* силы. Но какимъ образомъ человѣкъ, который очень могъ бы, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, подвинуть столъ только при огромномъ усліи, вдругъ приобретаетъ удивительную силу, такъ что можетъ концами пальцевъ сообщить столу столь энергическое движеніе, что тотъ начинаетъ вертѣться? Замѣьте также, что эта энергія мускульнаго, столь необыкновеннаго, развитія дѣйствуетъ, какъ полагаетъ Фигье, въ теченіе одной секунды и безъ воли порождающаго ее лица. Мы охотнѣе допускаемъ, что санситивы производятъ, сами того не замѣчая, извѣстныя спазматическія движенія. Но въ этомъ нѣтъ никакого чуда. Въ самомъ дѣлѣ ни одно изъ лицъ, собравшихся кругомъ стола, которыхъ Фигье надѣляетъ нервическимъ сномъ, никакимъ образомъ не замѣчаетъ откуда происходитъ внезапный толчокъ, сообщающій столу вращательное движеніе,—толчокъ, требующій, повторяемъ опять, очень энергическаго и замѣтнаго мускульнаго услія. Между тѣмъ усліе, которое не могло бы укрыться отъ взоровъ наименѣе внимательныхъ лицъ, изъ числа присутствующихъ, никакимъ образомъ не можетъ разсматриваться какъ тайная причина вращенія столовъ, точно такъ, какъ съ другой стороны, невольныя движенія, которыя, по своей легкости, могли бы пройти незамѣченными никѣмъ, никогда не будутъ имѣть достаточно силы, чтобы повернуть столъ.

Какъ могло случиться, что это возраженія не пришли въ голову пронизательному защитнику опровергаемой нами теоріи? Какъ онъ не могъ не замѣтить, что возраженія, представленныя имъ противъ гипотезы Фареде, должны поразить виѣсть и теорію, имъ самимъ предложенную? Въ заключеніе замѣтимъ, что онъ вовсе не предложилъ объясненія, которое было бы основано на новомъ началѣ. Онъ все-таки оставилъ старую теорію, позолотивъ только ея старыя рамки.

Еще одно слово—и мы окончимъ это спорное дѣло. Фигье представляетъ противъ теорій, объясняющихъ вращеніе столовъ

дѣйствиемъ какио нибуть жидкости (въ родѣ магнетизма), возраженія далеко не столь побѣдоносныя, какъ они ему самому кажутся; ихъ всегда было легко опровергать; но они сами собою исчезаютъ передъ явленіями столовращенія, которыя совершенно необъяснимы, если не допускать посредства невѣсимаго дѣятели, до сихъ поръ еще неизвѣстнаго.

Разсматривая эти свѣтотыя явленія, мы открываемъ всѣ характеристическіе признаки ода; и мы окончательно думаемъ, что этотъ дѣятель составляетъ главную причину столовращенія. Отъ рукъ и отъ ногъ лицъ, соединившихся кругомъ стола, отдѣляются положительныя и отрицательныя одическіе лучи. Они сообщаются не только поверхности стола, но распространяются даже до самой внутренности древеснаго вещества. Проницающій и удобопроводимый одъ проникаетъ, подъ своими обоими полярными формами, въ атомистическіе промежутки вещества, составляющаго столъ: онъ возбуждаетъ и сотрясаетъ атомы, приводитъ ихъ въ состояніе притяженія и отталкиванія, которое черезъ извѣстное время и подъ дѣйствиемъ все болѣе и болѣе сгущающагося ода, наконецъ переходитъ въ настоящее и энергическое столовращеніе.

Теперь обратимъ наше вниманіе на то обстоятельство, что одъ, проникнувъ какое нибудь тѣло, остается въ немъ въ теченіе нѣкотораго времени.

Вода, въ которую вы погрузили отрицательный полюсъ кристалла, сохраняетъ свой кислотатый и острый вкусъ значительное время по отнятїи кристалла. Кристаллъ или магнитъ, положенный въ футляръ, передаетъ ему свою одическую полярность, которая въ немъ и сохраняется, въ томъ смыслѣ, что, когда вы опорожните футляръ, лѣвая рука санситива еще нѣсколько минутъ замѣчаетъ одическую свѣжесть въ томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщался отрицательный полюсъ магнита или кристалла, и теплоту тамъ, гдѣ находился положительный его полюсъ. Одическое вещество раздѣляетъ съ другими невѣсомыми особенностью—присавать на нѣкоторое время въ атомическихъ промежуткахъ матерїи и потомъ вытекать оттуда съ нѣкоторою медленностью.

Мы позволяемъ себѣ привести фактъ, близко относящїйся къ

этому свойству ода, о которой, может быть, некоторые из наших читателей еще не успели забыть.

Араго как-то представилъ французской академіи наукъ молодую дѣвушку (дѣвицу Коттэнъ), которая, какъ ему казалось, одарена столь же чудесною, какъ и неотвѣржимою способностью. Араго былъ человѣкъ слишкомъ обширнаго генія и онъ слишкомъ хорошо зналъ, какъ тупа и самоуверенна официальная наука, чтобы не бросать своего пытливаго взгляда за предѣлы, ограничивающіе область ученаго Института. Онъ успѣвалъ быть всюду, гдѣ только природа обѣщала открыть новую силу; онъ былъ тутъ для того, чтобы опытною рукою приподнять завѣсу, еще скрывавшую тайну; и каждый разъ, когда, вдали отъ официальной учености и какъ бы на зло ей, кто нибудь дѣлалъ великое и прекрасное открытіе, онъ тотчасъ являлся, чтобы взять за руку скромнаго и безвѣстнаго человѣка, сдѣлавшаго открытіе, вывести его въ свѣтъ и обратить на него всеобщее вниманіе и уваженіе. Это значитъ дѣлать благородное употребленіе изъ великаго и законнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ соотечественниковъ. Поэтому, не слѣдуетъ удивляться, что Араго занимается молодой дѣвушкой и разсматриваетъ странную ея способность различать свойства магнитныхъ полюсовъ, единственно по различнымъ впечатлѣніямъ тепла и холода, которыя она получаетъ отъ каждаго изъ полюсовъ. Это его сильно поразило. Быть можетъ, онъ уже зналъ объ изысканіяхъ, которымъ предавался тогда Рейхенбахъ; быть можетъ, у него было предчувствіе, что наблюдаемый фактъ былъ какъ-бы предвѣстникомъ важнаго научнаго переворота: потому что великіе умы обладаютъ даромъ предчувствовать каждый великій фактъ, совершающійся въ той области, въ которой они привыкли обращаться. Какъ бы то ни было, Араго, не желая принять на себя всю тяжесть объясненія столь необыкновеннаго факта, бывшаго передъ его глазами, принялъ благую часть: онъ ввелъ молодую дѣвушку въ святилище учености, предоставивъ его соединеннымъ членамъ всѣ старанія найти слово загадки. Сколько разъ они ни представляли дѣвицѣ Коттэнъ магнитъ, она всякій разъ, безъ всякой остановки, не колеблясь и никогда не обманываясь, тотчасъ распознавала оба полюса приближеніемъ къ нимъ своихъ рукъ. Фактъ былъ на лицо, — осязаемый, видимый и неопровержимый. Какъ объяснить его? Магнитная сила никог-

да не даетъ ощущеній тепла и холода. Принять новую силу въ физикѣ—казалось невозможнымъ: это было бы ересью, противною правовѣрному собранію. Недолго думавши и подозрѣвая какой нибудь умышленный обманъ, оно стало придумывать средства сбить съ толку обманщика. Какъ извѣстно, вдохновеніе никогда не покидало академію. Магнитъ положили въ ящикъ, представили его молодой дѣвушкѣ и спросили ее, не можетъ ли распознать полюсы магнита сквозь крышку. Она приблизила обѣ руки къ концамъ ящика и, ни сколько ни колеблясь, объявила, что тутъ находится сѣверный, а тутъ южный полюсъ магнита. Торжественная улыбка появилась на всѣхъ лицахъ. Араго, и одинъ только онъ, не улыбнулся. Открываютъ ящикъ — онъ пустъ! И вотъ такимъ-то образомъ ареопагъ открывалъ обманъ и обсуживалъ предложенный ему вопросъ. Что можно заключить изъ этого факта, если не то, что академія не позволяетъ себя обманывать? Очень хорошо; и однакожь дѣвушка все таки была права! Она говорила правду, а академія еще разъ изволила благосклонно обмануться. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что если одъ проникнулъ какое нибудь вещество, то онъ отдѣляется изъ него уже довольно медленно, такъ что санситивъ можетъ открыть слѣды этого дѣтеля даже по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Такимъ образомъ, молодая дѣвушка должна была очень ясно различать мѣста, въ которыхъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ находились положительный и отрицательный полюсы магнита.

Переходъ ода изъ одного тѣла въ другое происходитъ не только посредствомъ прикосновенія ихъ, но также и при простомъ сближеніи этихъ двухъ тѣлъ; это вполне доказывается болѣею частію представленныхъ до сихъ поръ фактовъ. Весьма важно не терять изъ виду слѣдующаго обстоятельства: во время перехода изъ одного тѣла въ другое и происходящаго отъ того кратковременнаго скопленія, въ одномъ изъ этихъ двухъ тѣлъ, одического дѣтеля, онъ продолжаетъ непрерывно выдѣляться въ воздухъ и распространяться по окружающимъ тѣламъ. Напрасно пробовали его концентрировать въ тѣлахъ, которымъ онъ передается: онъ одинаково проходитъ сквозь тѣла—твердые, жидкія, газы; сквозь тѣла живыя и бездушныя; сквозь вещества растительныя и животныя. Можно достигнуть задержанія магнитной жидкости въ стали и нѣкоторыхъ другихъ веществъ.

вахъ; изолируютъ (уединяютъ) и сгущаютъ теплородъ, свѣтъ электричество. Что касается ода, то его не останавливаетъ ничто. И эта-то именно текучесть ода, это свойство его—распространяться во всѣхъ веществахъ и пространствахъ, всего болѣе поразило, повидимому, Рейхенбаха, потому что всего болѣе затруднило для него изученіе этого дѣтеля. Оно же самое нейтрализируетъ наши усилія сдѣлать одоскопъ или одометръ; оно же было и главной причиной отрицанія ода, не смотря на пятнадцать тысячъ опытовъ, разбѣянныхъ въ сочиненіяхъ Рейхенбаха, произведенныхъ съ самымъ совѣстливымъ стараніемъ и которыхъ достовѣрность признана многими сотнями людей, не исключая и такихъ, которые извѣстны огромностью своихъ познаній. На этомъ-то характеристическомъ и дѣйствительно достойномъ сожалѣнія свойствѣ остановился Рейхенбахъ, чтобы дать имя открытому имъ дѣтелю: wā означаетъ по-санскритски вѣять, двигаться. Отсюда латинское слово *vado* и старо-скандинавское *wada*, какъ два тождественныя выраженія, означающія ходъ, быстрое движеніе. Въ старинныхъ германскихъ нарѣчіяхъ, то же слово является подъ слѣдующими формами: *Wodan*, *Woudan* и *Odin*—для обозначенія силы, проникающей всѣ предметы,—силы, которую древніе германцы наконецъ олицетворили въ ихъ богѣ Одинѣ. Поэтому, слово *одъ* намъ кажется весьма приличнымъ для названія изучаемаго нами таинственнаго дѣтеля, который исходитъ изъ всѣхъ предметовъ, проникаетъ ихъ и движется во всѣхъ возможныхъ средахъ.

Мы знаемъ теперь и главные источники, выдѣляющіе одъ, и важнѣйшія свойства этого невѣсомаго и всеобщаго дѣтеля. Если мы посвятимъ затѣмъ нѣсколько страницъ тому глубокому вліянію этой проникающей жидкости которую она обнаруживаетъ на всѣ живыя существа и особенно на организмъ человѣка, то достигнемъ предѣловъ, которыми мы хотѣли ограничиться, приступая къ этому этюду.

Почти съ самыхъ первыхъ шаговъ при изслѣдованіи этого вліянія, мы уже встрѣчаемся съ весьма существенными фактами и въ вышней степени занимательными задачами, какія можетъ только доставить изученіе ода. Мы уже нѣсколько разъ касались этихъ вопросовъ, но за всѣмъ тѣмъ еще ни разу не останавливались на нихъ. Постараемся теперь рѣшить ихъ и смѣло

послѣдуемъ, съ свѣтильникомъ одического теоріи въ рукахъ, съ которымъ нечего бояться заблудиться, въ тѣ темныя области, гдѣ царствуетъ животный магнетизмъ, этотъ таинственный сфинксъ, который цѣлыя столѣтія предлагаетъ прохожимъ людямъ свою неразрѣшную загадку. Читатель, вѣроятно, уже предчувствуетъ, что задача будетъ рѣшена и что истиннымъ словомъ загадки будетъ одъ.

Вспомнимъ, что каждый разъ когда вы накладываете руки или пальцы на санситива, онъ получаетъ отъ этого прикосновенія впечатлѣніе одического холода или тепла. Въ многочисленныхъ опытахъ, приведенныхъ нами для показанія этого существеннаго факта, мы разумѣли источникъ ода, дѣйствовавшій на санситива какъ неподвижный. Но, чтобы лучше объяснить явленія, касающіяся области месмеризма, мы должны изслѣдовать теперь дѣйствія ода въ движеніи.

Если вы приблизите вашу правую руку ко лбу санситива и потомъ отъ этого мѣста поведете ее вдоль его лѣваго бока до оконечности ноги, то онъ почувствуетъ по направленію, пройденному вашей рукой, ощущеніе одического холода. Дѣйствуя точно такимъ же образомъ вашей лѣвой рукой на его правую сторону, вы произведете на него совершенно тѣ же вліянія, сообразно съ выведенными и объясненными нами законами одической полярности. Когда вы поведете одновременно обѣими руками по направленіямъ отъ головы до ногъ санситива, то онъ ощутитъ пронизаніе холоднаго одического вліянія до самыхъ внутренностей его тѣла, при чемъ будетъ чувствовать себя очень хорошо.

Что такое мы дѣлаемъ, поступая такимъ образомъ? Мы сдѣлали то, что доктора и всѣ магнетизеры называютъ магнитическимъ пассомъ (*passé magnétique*). Слѣдовательно, мы магнетизировали санситива? Очевидно такъ; потому что когда вы повторите тѣ же движенія нѣсколько разъ, то увидите обнаруживаніе различныхъ, столь извѣстныхъ, явленій магнитического состоянія.

Манипуляціи, которымъ училъ Месмеръ своихъ учениковъ, совершенно не составляютъ новаго открытія. Есть причины думать, что вліяніе, оказываемое ими на человѣческой организмъ, было извѣстно съ самой глубокой древности. Такъ греки и римляне

положительно знали о немъ ; многочисленныя преданія свидѣтельствуютъ , что древнимъ восточнымъ народамъ были также известны чудесныя дѣйствія , которыя могутъ , въ известныхъ случаяхъ , произойти отъ наложенія рукъ на больныхъ . Такого рода леченіе встрѣчается еще и теперь на востокѣ . И болѣе того , во Франціи и во многихъ мѣстахъ Европы , фактъ этотъ известенъ народу по преданію . Месмеръ первый обратилъ вниманіе докторовъ новѣйшей Европы на эти факты и , — можно сказать къ чести этого человека , — безъ его упорной дѣятельности никто не имѣлъ бы понятія объ этомъ предметѣ , на который смотрѣли какъ на простой предразсудокъ .

Какія особенно выдающіяся дѣйствія оказываетъ магнитическій пассъ , приводимый отъ головы санситива до его ногъ ? Мы замѣтили уже , что когда манипулируютъ такимъ образомъ обѣими руками съ разу , то санситивъ получаетъ сначала ощущеніе прохлады . Если , послѣ короткаго промежутка времени , вы повторите ту же операцію , то распространите въ немъ чувство спокойствія и пріятнаго состоянія духа . Вскорѣ появляются симптомы дремоты и санситивъ засыпаетъ . При этомъ обыкновенно является нормальный сонъ , спокойный и благотворный . Въ это мгновеніе слѣдуетъ остановиться , потому что если продолжать магнитизированіе , то сонъ принимаетъ ненормальный характеръ . становится тягостнымъ ; усиленные начинаютъ говорить , метаться : это уже , собственно гогоря , лунатическій (соннамбулитическій) сонъ . Наконецъ , подъ непрерывнымъ дѣйствіемъ магнитизированія , санситивъ впадаетъ въ состояніе крайняго безпокойства .

Полезно замѣтить , что это движеніе сверху внизъ идетъ по направленію нервовъ , которые идутъ отъ мозга и заканчиваются въ оконечностяхъ нашихъ членовъ . Пассы , проводимыя въ этомъ направленіи , когда они не слишкомъ многочисленны , производятъ спокойствіе и сонъ , и могутъ быть примѣняемы всегда безопасно . Но совершенно другое происходитъ тогда ваши движенія будутъ направлены противоположнымъ образомъ , т. е. когда вы будете вести ваши руки отъ ногъ къ головѣ санситива . Онъ почувствуетъ судороги въ полостяхъ желудка и нестерпимую боль въ головѣ , и именно какъ бы сжиманіе мозга , которое съ каждымъ новымъ пассомъ становится все болѣе и

болѣе тагостнымъ. При дальнѣйшемъ продолженіи опыта санситивъ впадаетъ въ конвульсивное состояніе; при высокой же степени его санситивности происходитъ столь сильный каталептический припадокъ, что не прекратить испытаніе было бы и безразсудно и безчеловѣчно.

Мы сказали, что пассы, проводимые отъ головы къ ногамъ, при многочисленномъ повтореніи, могутъ привести санситива въ состояніе крайняго волненія. Прибавимъ, что это волненіе можетъ продолжаться неопредѣленное время и санситивъ все-таки не проснется. Но если во время этого возбужденнаго состоянія водить руками въ противную сторону съ нервами, т. е. отъ оконечностей тѣла къ мозгу, то дѣйствіе чаръ тотчасъ же исчезаетъ и санситивъ просыпается.

Кстати замѣтимъ, что отрицательный одъ вообще погружаетъ санситива въ тихій и спокойный сонъ. Пригомъ для этого нѣтъ необходимости производить магнетическія манипуляціи; обыкновенно бываетъ достаточно приближенія обильнаго источника отрицательнаго ода. Часто можно видѣть, какъ сонливость или даже глубокій и здоровый сонъ является вслѣдствіе дыханія магнитизера, которое онъ старается производить на черепъ, или на всю фигуру пациента. Это явленіе, хорошо извѣстное между докторами школы Месмера, должно быть приписано отрицательности дыханія. Сонное состояніе санситива, когда оно произведено дѣйствіемъ отрицательнаго ода, можно легко прекратить вліяніемъ противоположной одической жидкости. Реакція, равно какъ и пробужденіе происходятъ мгновенно. Весьма справедливо, что санситивъ засыпаетъ и подъ исключительнымъ и продолжительнымъ вліяніемъ лучей положительнаго ода; но мы не думаемъ, чтобы названіе сна вполне приличествовало тому состоянію, при которомъ непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ нервическія конвульсіи и припадки. Чтобы избавить санситива отъ такого состоянія, слѣдуетъ направить на него отрицательные одическіе лучи. Для этой цѣли обыкновенно достаточно только подуть на уснуващаго. Эти опыты, которые удобно и очень легко повторить, не даютъ ли поднаго права думать, что всѣ различныя явленія месмеризма завязать отъ полярныхъ дѣйствій и реакцій, производимыхъ одомъ на организмъ санситива? Мы съ своей стороны въ этомъ нисладо не сомнѣваемся.

Нечего и говорить, что какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ одическихъ опытахъ, можно производить одинаково энергическія дѣйствія какъ непосредственнымъ прикосновеніемъ, такъ и дѣйствуя съ нѣкотораго разстоянія.

Намъ возразятъ, въ самомъ ли дѣлѣ эти удивительныя дѣйствія производить одъ? Не обязаны ли они своимъ существованіемъ совершенно другой причинѣ, какому нибудь особенному дѣятелю, и именно жизненной жидкости или животному магнитизму, какъ объ этомъ думалъ Месмеръ и какъ и теперь многіе еще полагають? Для доказательства, что одическая жидкость представляетъ единственную причину этихъ явленій, можно было-бы ограничиться только ссылкой на постоянное и единодушное свидѣтельство объ этомъ санситивовъ. Дѣйствительно, всѣ они единогласно утверждаютъ, что во время магнитическихъ манипуляцій они испытываютъ тѣ же ощущенія, какъ и при дѣйствіи на нихъ какого нибудь одического источника. Но, кромѣ того, существуетъ длинный рядъ фактовъ, которые неоспоримо доказываютъ намъ, что именно одинъ одъ производитъ всѣ занимающія насъ въ настоящую минуту явленія.

Напримеръ, если повторять пассы, вмѣсто рукъ, посредствомъ магнитовъ или кристалловъ, то получаютъ тожественные результаты. Изъ этого можно заключить, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, вы наблюдаете дѣйствіе одной и той же причины. Предложите санситиву съ одной стороны—стаканъ воды, надъ которой магнитизёръ поводитъ своими обѣими руками, съ другой — воду, надъ которою водили медленно и одновременно оба полюса магнита, или кристалла,—и онъ вамъ скажетъ, что вкусъ воды въ обоихъ стаканахъ одинъ и тотъ же. Это очевидно доказываетъ, что динамическое измѣненіе, происшедшее въ обоихъ стаканахъ зависѣло отъ дѣйствія одного и того же дѣтеля.

Однако все же можетъ случиться, что въ умѣ читателя еще остается нѣкоторое сомнѣніе въ совершенной тожественности ода съ месмерическою жидкостью. Если такъ, мы приглашаемъ повторить въ темнотѣ только что описанныя нами манипуляціи: тогда исчезнетъ всякаго рода сомнѣніе; и нельзя не признать того, что если бы изъ значительнаго числа магнитизёровъ хоть сколько нибудь нашлось такихъ, которые произво-

дли бы опыты Месмера въ темнотѣ, то большая часть приводимыхъ здѣсь фактовъ, была бы уже изслѣдована и съ давнихъ поръ признавалась бы за несомнѣнное проявленіе всеобщаго невѣсомаго дѣателя.

Когда месмерическіе пассы производятъ въ темной комнатѣ, санситивъ всегда усматриваетъ у того мѣста, къ которому приближается рука магнитизера, появленіе блестящей поверхности, пропадающей вмѣстѣ съ удаленіемъ руки. Именно она движется по направленію этой послѣдней, такъ что при быстромъ движеніи рукою образуетъ свѣтящійся слѣдъ. При внимательномъ наблюденіи этихъ рождающихся вмѣстѣ съ движеніемъ руки сіяній, можно замѣтить, что они бываютъ особенно блестящи вблизи какого-либо главнаго нерва, преимущественно же какого нибудь нервнаго центра. Если вдругъ остановиться на такомъ мѣстѣ и подольше поддержать надъ нимъ руку, санситивъ испытываетъ сильнѣйшія дѣйствія ода. Такія именно ощущенія онъ претерпѣваетъ когда приближаютъ руку къ его черепу; о странныхъ дѣйствіяхъ магнитическихъ манипуляцій, производимыхъ надъ полостями желудка, гдѣ встрѣчаются многочисленныя связки нервъ, мы не считаемъ нужнымъ распространяться, по причинѣ общей извѣстности этого факта.

Но мы приведемъ слѣдующее наблюденіе, которое, по нашему мнѣнію, здѣсь будетъ не лишнимъ. Что одическій свѣтъ распространенъ не равномѣрно, по всей поверхности нашего тѣла, а особенно сгущенъ и замѣтенъ тамъ, гдѣ нервныя нити, своими запутанными развѣтвленіями, образуютъ гнѣздо или центръ, а также и въ органахъ чувствительности, объ этомъ мы уже говорили. Это важное наблюденіе, показывая, что мѣсто санситивности челоуѣка находится въ его нервномъ аппаратѣ, въ то же время доказываетъ, что въ нашихъ нервахъ находится такое скопленіе, такое сгущеніе этого дѣателя, которое не позволитъ сомнѣваться въ тождественности ода съ нервнойю жидкостью, столь долго занимавшею физиологовъ, жидкостью, которую они смутно предчувствовали, хотя не только не могли опредѣлить ея характера, но даже доказать и ея существованіа.

Когда производятся магнитическіе пассы, то окружающая насъ обыкновенно одическая ореола становится все болѣе и болѣе свѣтящеюся, по мѣрѣ повторенія манипуляцій. Само собою раз-

умѣется, что всѣ эти свѣтлыя влеченія, производимыя магнитизированіемъ, обнаруживаются на всѣхъ людяхъ безразлично; но только когда опытъ дѣлается надъ человѣкомъ, не обладающимъ санситивностью, скопленіе ода причиняетъ ему много-что скоропроходящую усталость и нѣкоторую боль въ головѣ. При вступленіи санситива въ лунатическое состояніе, замѣчается сильное отдѣленіе одическихкихъ огней изъ его тѣла. Съ этого самаго момента и начинаются всѣ тѣ чудесныя явленія, молва о которыхъ обошла весь міръ, едва только Месмеръ сдѣлалъ свои первые опыты. Именно: возбуждаются всѣ способности, всѣ влеченія (страсти) души; гнѣвъ превращается въ ярость, любовь становится бѣшеною, энтузіамъ переходитъ въ безуміе. Иногда санситивъ распространяется касательно самыхъ высокихъ вопросовъ и остается въ состояніи спокойнаго экстаза: его душа становится какъ бы видимою и въ ней замѣчаются невыразимыя спокойствіе, самодовольство и ясность. Здѣсь, на порогѣ духа, необходимо должны остановиться наши изслѣдованія. Дойдя до этой высоты, чувствуешь какое-то особенное стѣсненіе, когда при оглядкѣ на пройденный путь узнаешь, что всѣ эти таинственныя и странныя психическія движенія вызваны простыми жестами рукъ, нѣсколькими одическими лучами, проникнувшими въ нашъ нервный аппаратъ. Когда видишь, сколь глубокое вліяніе производитъ одъ на жизнь и нашего тѣла и нашей души, то нельзя не признать сильнаго вліянія, производимаго этимъ невѣсомымъ на тѣлесную и душевную нашу жизнь. Сверхъ того, когда движенія души приобрѣтаютъ извѣстную пламенность, когда, при нервической лихорадкѣ, больной дѣлается жертвой галлюцинацій, когда нетерпѣніе, гнѣвъ, желаніе или какаа бы то ни была пламенная страсть, нарушаютъ равновѣсіе нашей души, — санситивъ тотчасъ же видитъ сильнѣйшее лучеспусканіе ода именно тѣми частями организма, которыя изобилуютъ нервами. Если, съ другой стороны, поразмыслить — какое глубокое вліяніе оказываетъ одъ на человѣческую душу, когда она подвергается его продолжительному дѣйствію, то съ чувствомъ невольнаго удивленія, замѣчаешь — какъ тѣсно связаны другъ съ другомъ обѣ эти сущности, которыя не всегда позволяютъ точно опредѣлить — гдѣ кончается дѣйствіе одной, гдѣ начинается реакція другой. Послѣ этого мы можемъ сказать, что одъ является намъ какъ непосредственное орудіе ду-

ши, какъ агентъ, чрезъ котораго она передаетъ свои движенія наружу и посредствомъ котораго отражаются въ ней движенія вѣшняго шра.

Прежде нежели оставить читателя собственному размышленію о всѣхъ изложенныхъ нами до сихъ поръ явленіяхъ, мы укажемъ на одинъ странный феноменъ, возбуждвшій-было въ послѣднее время соревнованіе и удивленіе самыхъ знаменитыхъ врачей. Увы! ученый жаръ ихъ охладѣлъ тотчасъ, какъ только они увидѣли, что увлекшее ихъ явленіе было дѣйствіе того же невѣроятнаго, котораго изученіе проповѣдовалъ еще Месмеръ. Мы намекаемъ на гипнотизмъ (*hypnotisme*), или ненормальный нервическій сонъ, сопровождаемый нервными припадками, спазмами и иногда абсолютной нечувствительностью. Для обнаруженія этихъ явленій достаточно, чтобы подвергаемое опыту лицо пристально смотрѣло въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на какойнибудь блестящій предметъ, напримѣръ на стальную или лѣдную полдированную пластинку, на зеркало и пр. Мы видѣли, что месмерическія манипуляціи не дѣйствуютъ безразлично на всѣхъ людей,—точно также и нервическій сонъ не у всѣхъ обнаруживается. Притомъ, для опытовъ съ гипнотизмомъ годятся только тѣ лица, на которыхъ дѣйствуютъ месмерическія манипуляціи: следовательно, способныя для этого лица представляютъ не что иное, какъ нашихъ санситивовъ. Какъ только фактъ вѣренъ, онъ открываетъ первую связь гипнотизма съ тою великою группою явленій, которыя сопровождаютъ дѣятельность ода въ человѣческомъ организмѣ.

Но что же такое санситивность? Въ чемъ заключается психологическая ея причина? Чтобы рѣшить эту важную задачу, слѣдовало бы предпринять длинный рядъ опытовъ. Но мы позволаемъ себѣ умолчать объ нихъ и ограничимся, для рѣшенія этого несущественнаго вопроса, лишь заключеніемъ, къ которому они насъ привели.

Безпокойство, испытываемое санситивомъ, когда онъ подверженъ дѣйствію лунныхъ лучей или какогонибудь другаго могущественнаго источника положительнаго ода, происходящее съ нимъ оттого нервическіе припадки, и, напротивъ, пріятное расположеніе духа, ощущаемое имъ подъ вліаніемъ отрицательнаго ода; предпочтеніе, оказываемое имъ голубому цвѣту и от-

вращеніе, которое онъ питаетъ къ желтому, — все это содѣйствуетъ къ составленію убѣжденія, что санситивность основывается на отсутствіи равновѣсія въ одической полярности нервнаго аппарата. Въ немъ находится излишество положительнаго ода и недостатокъ отрицательнаго.

Припавъ такое предположеніе, легко понять, что каждый разъ, когда мы будемъ держать предметъ положительнаго ода очень близко къ глазамъ санситива, то одъ этого предмета будетъ проникать въ нервы его зрительнаго органа. Такимъ образомъ происходитъ скопленіе положительнаго ода во всемъ объемѣ головного мозга, куда примыкаютъ всѣ нити нервнаго аппарата и, по истеченіи нѣсколькихъ секундъ, замѣчаются явленія того же самаго рода, какъ и указанныя нами въ началѣ этого этюда, когда мы говорили, что приближеніе сильнаго магнита къ больнымъ иногда заставляетъ ихъ терять сознаніе и производитъ въ нихъ припадки падучей болѣзни.

Мы знаемъ какъ сильно распространено мнѣніе, будто для произведенія ипнотизма, необходимо употреблять предметъ блестящій. Но такое мнѣніе ошибочно. Всякое вещество положительнаго ода, блестящее или нѣтъ, производитъ это явленіе. Нѣтъ даже никакой необходимости, чтобы пациентъ не сводилъ глазъ съ предмета. Въ этомъ очень легко убѣдиться, если повторить слѣдующій опытъ, выбранный нами, по его простотѣ, изъ огромнаго количества другихъ подобныхъ фактовъ. Подержите надъ черепомъ хорошаго санситива полюсъ сильнаго магнита или большаго кристалла—и вы увидите, что санситивъ потеряетъ сознаніе, заснетъ нервознымъ сномъ съ сильнѣйшимъ безпокойствомъ, при чемъ скоро появляются ужасныя конвульсіи.

Ипнотизмъ пытались объяснить сильнымъ умственнымъ напряженіемъ, которое будто бы производитъ въ мозгу скопленіе нервной жидкости (*l'influx nerveux*). Замѣчательно, что и эта гипотеза предложена г. Фигье. Но, если онъ отвергаетъ посредничество какой бы то ни было жидкости въ месмерическихъ явленіяхъ, то почему же онъ принимаетъ нервную жидкость или что-то тожественное съ нею? Кто видѣлъ эту пресловутую нервную жидкость? Никто. Какими она обладаетъ характеристическими свойствами? Никто этого не знаетъ. Ничего, такимъ образомъ, нельзя сдѣлать лучшаго, какъ вмѣстѣ съ нами, назвать

нервную жидкостью невѣсомое, которое свѣтится въ нашихъ нервахъ и которое выходитъ изъ нихъ свѣтоносными потоками при всякомъ сильномъ движеніи нашей души. Но этого дѣятеля никто, повидимому, и не подозрѣваетъ. Наконецъ, если гипнотизмъ и происходитъ отъ умственнаго напряженія и нервной жидкости, то какимъ образомъ это странное состояніе совершенно и мгновенно прекращается отъ одного прикладыванія вашей правой руки ко лбу гипнотизированнаго, или лучше, отъ того, что вы будете дышать ему на глаза? Очевидно, что тутъ должно существовать извѣстное соотношеніе между тѣломъ, производящимъ гипнотизмическое состояніе, и дуновеніемъ, его уничтожающимъ. Что за таинственная связь соединяетъ столь различные предметы, какъ дуновеніе и металлическая пластинка? Попробуйте разрѣшить эту задачу теоріей «нервной жидкости и нравственнаго напряженія.» А мы между тѣмъ, въ ожиданіи вашего рѣшенія объясняемъ тайну двумя словами: когда одическіе лучи металлическаго тѣла направляются къ головѣ санситива, то они проникаютъ въ нервное вещество и производятъ въ немъ избытокъ положительнаго ода. Слѣдствіемъ такого сосредоточенія положительнаго ода бывають конвульсіи и спазмы. Что происходитъ, когда вы дуаете на черепъ или лобъ гипнотизированнаго? Дыханіе человѣка проникнуто отрицательнымъ одомъ, какъ это доказываетъ голубой блескъ его сіянія. Вы проводите, поэтому, въ организмъ санситива одъ противоположный предыдущему, слѣдовательно дѣйствуете на него совершенно обратнымъ образомъ, передаете ему одъ, котораго недостаетъ въ его организмѣ.

Хотя способность обнаруживать намъ одъ принадлежитъ одной только человѣческой санситивности, которая, по этому самому, должна прежде всего останавливать наше вниманіе, мы однакожь замѣтимъ, что эта способность существуетъ, какъ намъ кажется, точно такъ же и въ другихъ породахъ животныхъ. Напримеръ: извѣстно, что насѣкомое остается неподвижнымъ и впадаетъ въ состояніе оцѣпененія при приближеніи ящерицы или птицы, и что боа точно такъ же оцѣпняетъ свою жертву. Необходимо допустить, что изъ ящерицы, птицы и удава исторгается что-то непонятное, какой нибудь таинственный дѣятель, котораго дѣйствіе глубоко такъ чувствуется жертвою. А мы знаемъ, что всѣ живыя существа испускаютъ одическіе лучи, которые

дѣйствуютъ на санситивные организмы даже издали. Мы приписываемъ только оду и санситивности животныхъ проявленіе предъдущихъ фактовъ, а такъ же и слѣдующаго.—Нѣкоторые животныя различаютъ невидимые слѣды преслѣдуемой ими жертвы, собака узнаетъ своего господина, не вида его и не слыша ни его голоса, ни его шаговъ. Когда житель южно-американскихъ долинъ излавливаетъ дикую лошадь, то прежде всего — онъ съ силою дуеетъ въ ноздри животнаго, гордо возстающаго противъ своего поработченія. Лошадь тотчасъ смиренно поникаетъ головой и, укрощенная таинственной силой, покорно исполняетъ желанія своего господина. Мы думаемъ, что эта сокровенная сила—одъ. Дыханіе, — повторимъ мы опять,—одинъ изъ сильныхъ источниковъ ода. Когда вы дуеете въ ноздри животнаго, тогда вы дѣлаете то же, что магнитизёръ, который дуеетъ на черепъ санситива. Та же причина производитъ въ обоихъ случаяхъ то же дѣйствіе; отрицательный одъ дыханія, направленный на мозгъ, проникаетъ въ нервный центръ и приводитъ въ состояніе сонливости въ родъ оцѣпененія, всякое созданіе, одаренное санситивностью, будетъ ли то человѣкъ или животное.

Этого мало,—можно произвести гипнотизмическія явленія вдругъ на большое число животныхъ, употребляя для этого тѣ же средства, какими пользуются при погруженіи человѣка въ нервическій сонъ. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ не всѣ особи того же рода одинаково годны для этихъ опытовъ. Если вы подуете на глаза или голову гипнотизированной курицы, то она, совершенно какъ человѣкъ — санситивъ, тотчасъ же выходитъ изъ состоянія оцѣпененія или нервическаго сна, произведеннаго въ ней одическими лучами. Можно ли объяснить нравственнымъ напряженіемъ то состояніе оцѣпененія и нечувствительности, въ которое впадаютъ эти существа тотчасъ, какъ только мы начинаемъ на нихъ дѣйствовать? Какимъ именемъ назвать теорію, которая будетъ объяснять эти мгновенныя дѣйствія упорнымъ ожиданіемъ явленія, которое должно произойти? До сихъ поръ мы и не подозрѣвали, что животныя способны къ напряженію умственныхъ способностей; но всегда думали, что гипнотизмъ у человѣка слѣдуетъ приписывать только такой причинѣ, которая въ то же время позволяла бы объяснять и наблюдаемое проявленіе его въ животныхъ. А такой общей причиной двухъ тоже-

ственныхъ явленій можно признать только одъ, дѣйствующій на санситивное существо.

Мы надѣемся, что достаточно показали до какой степени впечатлительна къ дѣйствию ода значительная часть человѣчества; но мы имѣемъ склонность думать, что это дѣйствіе такъ же глубоко ощущается и между существами царства растительнаго. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести всѣхъ примѣровъ, доказывающихъ это положеніе. Мы представимъ по этому только слѣдующіе факты, какъ самые рѣшительные и интересные.

Помѣстите растеніе между желтыми или красными лучами съ одной стороны, и голубыми — съ другой: вы увидите, что оно будетъ направляться исключительно къ голубому свѣту и избѣгать краснаго или желтаго. Посѣйте сѣмена одного и того же растенія въ двухъ горшкахъ и держите одинъ изъ нихъ постоянно въ красномъ свѣтѣ, а другой въ голубомъ: въ первомъ случаѣ сѣмена пропадутъ, во второмъ же взойдутъ превосходно. Вѣроятно, читатель помнитъ, что когда мы разложили солнечный свѣтъ на его однородные лучи, то нашли въ красныхъ и желтыхъ лучахъ присутствіе положительнаго ода, а въ голубыхъ и фиолетовыхъ — отрицательнаго. Слѣдовательно, имѣя въ виду, что положительный одъ производитъ на растеніе дѣйствіе, какъ и на человѣка, мы можемъ сказать, что растеніе, избѣгая желтаго цвѣта и стремясь къ голубому, поступаетъ точно такъ же какъ и санситивъ, который тоже любитъ цвѣтъ голубой и питаетъ отвращеніе къ желтому. Если растенія всегда и во всѣхъ странахъ стремятся къ солнечному свѣту, — не можемъ ли мы изъ этого заключить, что они ищутъ солнечныхъ лучей съ отрицательнымъ одомъ?

Другой, еще болѣе многозначительный, хотя менѣе извѣстный, фактъ обнаруживаетъ вполне впечатлительность растеній, относительно этого невѣсимаго. Мы просимъ читателя обратить вниманіе на все значеніе этого факта. Всѣмъ извѣстно замѣчательное явленіе сна растеній; мы знаемъ такъ же, что въ это время они, самопроизвольными движеніями, перемѣняютъ положеніе своихъ листьевъ, выправляя или опуская ихъ, склоняютъ вѣтви и смыкаютъ цвѣты. Большая часть растеній спитъ только ночью. Но есть столько же простое какъ и странное сред-

ство — мгновенно усыплять ихъ въ какое угодно время дня: для этого достаточно направлять на нихъ въ продолженіе нѣкотораго времени красные лучи. Когда вы послѣ того прекратите дѣйствіе этихъ лучей съ положительнымъ одомъ и выставите растеніе на обыкновенный свѣтъ, то оно въ теченіи еще долгаго времени будетъ сохранять это состояніе оцѣпененія; но направьте на него отрицательные голубые лучи — и вы увидите, какъ оно тотчасъ начнетъ расправлять свои члены и наконецъ проснется совершенно. Какъ иначе объяснить это удивительное явленіе, если не дѣйствіемъ ода съ одной стороны, и санситивностью растенія съ другой? Положительные лучи ода проникаютъ растеніе и парализуютъ его жизнь; точно такъ же, какъ настоящій санситивъ, оно впадаетъ въ состояніе оцѣпененія, и ипнотизируется. Направляя на него голубые отрицательные лучи, дѣлаютъ тоже самое, какъ когда дуютъ на лобъ ипнотизированнаго человѣка: нейтрализуютъ вліяніе положительныхъ одическихъ лучей — и растеніе оживаетъ. Мы считаемъ долгомъ замѣтить, что обязаны г. Саксу въ Прагѣ знакомствомъ съ этимъ опытомъ, однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ физиологическихъ наблюденій, какія только существуютъ для науки.

Огромное вліяніе, оказываемое одомъ на всѣ организованныя существа, и особенно на человѣка, даетъ намъ предчувствовать, что этотъ невѣсомый будетъ служить со временемъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ людей, которые имѣютъ своимъ призваніемъ — возвращать здоровье больнымъ, которые обязаны радоваться, поэтому, появленію всякаго новаго дѣателя, могущаго облегчить столь тяжелое призваніе. Многочисленные опыты производятся въ этомъ родѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только Месмеръ направилъ въ эту сторону свой взглядъ — глубокомысленнаго и практическаго доктора; и однако, если поближе посмотрѣть на все, что до сихъ поръ сдѣлано, то мы увидимъ, что опыты производились безъ всякаго метода или какого нибудь принципа; что каждый испытатель, съ своей стороны, ограничивался только повтореніемъ опытовъ своего предшественника, никогда не стваживаясь на новыя изслѣдованія, которыя были бы основаны на новомъ воззрѣніи. Колеса были постоянно въ движеніи, а между тѣмъ самая колесница оставалась неподвижной. Посаженная Месмеромъ вѣтка необходимо имѣла много жизненной

силы, потому что, несмотря на окружавшій ее мракъ, она все-таки принесла нѣсколько добрыхъ плодовъ.

Благодаря настойчивымъ и проницательнымъ изслѣдованіямъ Рейхенбаха, свѣтъ уже нѣсколько распространился въ этой области терапевтики. Теперь извѣстны самыя существенныя свойства дѣателя, особенно его полярность и огромное вліяніе, оказываемое имъ на человѣчскій организмъ. Читатель, не вполне чуждый медицинскимъ вопросамъ, знаетъ, что всякое вещество вѣсомое или невѣсомое, оказывающее замѣтное вліяніе на человѣчскій организмъ, по этому самому, должно входить въ число врачебныхъ средствъ. Но когда мы видимъ (и здѣсь обращаемся преимущественно къ послѣдователямъ ученія Самуила Ганеманна), что положительные одические лучи производятъ припадки то характеризующіе паучую болѣзнь, то свойственные безумію; что лучи отрицательнаго ода погружаютъ человѣка въ состояніе сна, которое можетъ продолжаться неопредѣленное время: не можемъ ли мы заключить, что въ нашихъ рукахъ находится драгоценная сила для уничтоженія этихъ симптомовъ и облегченія страдающихъ ими? Можно болѣе или менѣе основательно опровергать ученіе Ганеманна; но нельзя не согласиться, что наука обязана ему многими драгоценными наблюденіями. А вотъ какими словами выражается великій наблюдатель по поводу занимающаго насъ дѣателя:

«Пусть тотъ, кто отвергаетъ, что вещество совершенно лишонное вѣса можетъ подѣйствовать на человѣчскій организмъ, пусть тотъ,—пишетъ Ганеманнъ,—только полчаса продержитъ свою руку на сильномъ магнитѣ; страданія, которыя онъ почувствуетъ, покажутъ ему, что невѣсомое вещество можетъ дѣйствовать столь же сильно, какъ и самый энергическій медикаментъ. Я не могу не позволить себѣ обратить вниманіе на врачебное вещество, вполне отличающееся, по своему характеру, отъ всѣхъ другихъ дѣателей и въ цѣлебной силѣ котораго имѣютъ глупость сомнѣваться. Я хочу говорить о животномъ магнетизмѣ, или лучше, Месмеризмѣ, какъ слѣдовало бы всегда называть этого дѣателя, для прославленія памяти того, который первый ввелъ его въ употребленіе между нами. Эту жидкость заставляютъ проникать въ тѣло, для того ли, чтобы подѣйствовать гомеопатически на весь организмъ, производя симптомы подобныя общей болѣзни, которую хотятъ изгнать, или для того, чтобы напитать этою животворною жидкостью отдѣльный органъ, въ

которомъ ея не достаетъ, между тѣмъ какъ внѣ его она избытуетъ. Ничто, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, не въ состояніи замѣнить употребленія месмерической жидкости.»

Другія мѣста «Органона», книги, которую трудно оцѣнить по достоинству, заставляютъ насъ предполагать, что Ганеманъ уже предвидѣлъ главное свойство невѣсомаго, котораго вліяніе на человѣческой организмъ онъ показалъ такъ ясно.

Опредѣлимъ точнѣе отношенія между одомъ и месмеризмомъ. Одъ, дѣятель всеобщій, будучи распространенъ во всемъ человѣческомъ организмѣ, производитъ въ немъ всѣ вліянія, извѣстныя подъ именемъ животнаго магнетизма. Однимъ словомъ, месмеризмъ—это одъ, въ примѣненіи его къ терапевтикѣ.

Не менѣе того мы считаемъ полезнымъ точнѣе выяснить смыслъ, придаваемый нами выраженію—невѣсомая жидкость, которое мы постоянно употребляли въ этомъ этюдѣ. Невѣсомыми жидкостями называются причины, предлагаемыя для объясненія цѣлой группы явленій, которыя, нисколько не измѣняя вѣса тѣлъ, въ коихъ производятъ онѣ эти явленія, уже потому сами лишены всякаго осязаемаго вѣса. Въ частности къ этимъ жидкостямъ относятся свѣтъ, электричество, теплородъ, магнетизмъ. Мы прибавляемъ одъ. Всякій разъ, какъ только появляется одинъ изъ этихъ невѣсомыхъ дѣятелей, тотчасъ же за нимъ слѣдуютъ и нѣкоторые другіе. Изъ этого заключили, что между всѣми невѣсомыми существуетъ столь тѣсное сродство, что ихъ можно разсматривать имѣющими одно общее начало, и мы думаемъ, съ большинствомъ физиковъ, что эти различныя феномены дѣйствительно представляютъ только особенныя измѣненія одного и того же невѣсомаго вещества, всеобщаго эфира или жидкости.

Съ другой стороны, между разными колебаніями всеобщаго эфира замѣчены столь постоянныя различія, что, на практикѣ безъ всякаго затрудненія ихъ можно разсматривать какъ столько же различныхъ жидкостей. Поэтому мы считаемъ себя въ правѣ видѣть точно такъ же и въ одѣ невѣсомую жидкость, вполне отличную отъ другихъ, и держаться нашего взгляда до тѣхъ поръ, пока намъ не объяснятъ дѣйствіемъ другого дѣятеля всѣ тѣ явленія, которыя были предметомъ настоящихъ изслѣдованій.

Мы полагаемъ, что, изъ всѣхъ невѣсомыхъ, одъ вообще на-

болѣе распространёнъ въ мѣдрахъ и на поверхности нашей планеты, и что дѣйствіе его въ ней постояннѣе и непрерывнѣе другихъ. Какъ днемъ, такъ и ночью онъ исходитъ съ небесныхъ пространствъ на землю и въ тоже время подымается изъ нея и лучиспускается въ небесныя пространства. Наше воображеніе представляетъ намъ землю двигающуюся въ средѣ другихъ звѣздъ, окруженною прекрасной, прозрачно-блестящей и радужной ореолой, которая образуется отдѣляющимся изъ нея одомъ, и несравненнымъ великолѣпіемъ которой мы иногда любуемся подъ видомъ полярныхъ сіяній. Одъ, колеблющійся въ безконечномъ пространствѣ и пронизающій со всѣхъ сторонъ все тѣло нашей земли, напитываетъ своею невѣсомою и почти нематеріальною сущностію всѣ, разсѣянные по поверхности земли, вещества, какъ и всѣ одушевленные созданія, живущія въ водѣ и воздухѣ. Дѣятельность ода обнаруживается и концентрируется вездѣ, гдѣ на землѣ происходитъ движеніе, гдѣ раздается звукъ, гдѣ совершается молчаливая работа молекулярныхъ силъ. Онъ сопровождаетъ слова, произносимыя вашими губами, раждается съ движеніемъ глаза, пробѣгающаго свою орбиту или бросающаго на васъ свой взглядъ. Болѣе тонкій и пронизающій, нежели всякій другой дѣятель, онъ является при всѣхъ жизненныхъ отправленіяхъ. Онъ сопровождаетъ даже движенія вашей души и передаетъ ихъ нервному веществу, которое, кажется, совершенно предоставлено его господству. Скопляется одъ, сгущается ли, поляризуется ли въ нервной системѣ, — человекъ тотчасъ теряетъ сознаніе, а душа его предается страданіямъ или восторгамъ, которые одинаково странны для той среды, въ которой обыкновенно влчаться наши существованія.

Какой инструментъ обнаруживаетъ намъ этого таинственнаго и всеобщаго дѣятеля? Инструментъ чрезвычайно чувствительный и сработанный не человѣческой рукою: это нервическій аппаратъ. Эту удивительную, совершенно особенную впечатлительность, которою обладаетъ значительное число людей, мы называемъ санситивностію. Она позволяетъ различать малѣйшія черты, малѣйшія движенія описаннаго нами невѣсомага. Санситивность представляетъ какъ бы шестое чувство, при пособіи котораго человекъ можетъ удивляться и изучать цѣлую группу великихъ и прекрасныхъ явленій, которыя имѣютъ между собою взаимную связь и должны быть приписаны одной общей причинѣ, т. е. оду.

Прекрасное открытіе Рейхенбаха начинается, наконецъ, распро-

страняться, во всей своей полнотѣ, какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи. Уже Грегори (въ Глазго), соревнователь и соперникъ Фареде, подтвердилъ опыты Рейхенбаха и тѣмъ обратилъ на одъ вниманіе Англіи.

А. БОСЛОВИЦЪ.

ЗАТЛАНТИЧЕСКАЯ ДВМОКРАТІЯ И ВЯ КРИЗИСЪ.

Съвероамериканская революція — какъ странно и уродливы эти два слова! До сихъ поръ вѣчною темою революцій была свобода, и онѣ происходили въ странахъ, которыя думали, что лишены ея. Съвероамериканцы, напротивъ, пользуются свободой въ такой степени, какъ на землѣ не было еще примѣра. И изъ какихъ элементовъ могла сложиться у нихъ революція? Своими правителями съвероамериканцы не могли быть недовольны потому что ихъ правители—это они сами: между ними нѣтъ почти ни одного совершеннолѣтнаго человѣка, который бы не имѣлъ извѣстной доли участія въ управленіи, исключая невольниковъ, которые, однако, стоятъ пока въ сторонѣ отъ этой революціи. Изъ-за чего же и какъ же случилась столь странная революція (потому что событія, происходящія теперь въ Сѣверной Америкѣ — дѣйствительная, настоящая революція—въ томъ самомъ смыслѣ, какой мы обыкновенно придаемъ этому слову)? Въ этомъ вопросѣ находится все, что способно заслуживать наше вниманіе: внезапность и оригинальность завязки, трагизмъ и постоянно возрастающій интересъ продолженія, и неизвѣстность конца. Если, не смотря на это, съвероамериканскія событія не возбуждаютъ въ насъ той лихорадочной дрожи, съ которою мы годъ тому назадъ читали извѣстія о событіяхъ въ Италіи, то въ этомъ виноваты только наши европейскіе вкусы, дѣйствительно не совсѣмъ свободные отъ романтической рутинны. Намъ нужны катастрофы индивидуальнаго свойства, каковая, напримѣръ, постигла короля Франциска, намъ нужны героическія лично-

сти, какъ Гарибальди, стоическіе министры, какъ Кавуръ, рыцарственный глава государства, какъ Викторъ-Эммануилъ: ничего подобнаго сѣвероамериканская революція не представляетъ. — Отчего не представляетъ? Это опять вопросъ, достойный вниманія, которое мы и окажемъ ему въ продолженіи этой статьи.

Но въ революціи заатлантической республики есть сторона гораздо высшаго интереса, чѣмъ драматическая занимательность событія. — Сѣвероамериканцы были представителями величайшаго опыта, который упорно производился предъ лицомъ цѣлаго міра, который имѣлъ своимъ назначеніемъ — поучать народы политической мудрости и опровергать предрасудки старыхъ временъ, который говорилъ Европѣ, что старинный механизмъ постепенности развитія, переходныхъ состояній и равновѣсія власти — есть механизмъ рутины. Въ замѣнъ этого они изобрѣли и сдѣлали привилегированнымъ такой правительственный снарядъ, который, при его дешевизнѣ, имѣетъ то удобство, что, съ одной стороны, не оскорбляетъ тщеславія управляемыхъ людей раздѣленіемъ ихъ на ранги, а съ другой — не обременяетъ ихъ нѣкоторыми, особаго рода и назначенія, налогами, неизбежными при правительствѣ всякаго другого рода. Опытъ долгое время представлялся вполне успѣшнымъ. Правительство въ Соединенныхъ Штатахъ было дешовое и свободное отъ всякихъ долговъ; налоги были легки; европейскіе эмигранты и пролетаріи стремились туда тысячами и находили тамъ обезпеченіе и безопасность; возрастаніе народонаселенія и возвышеніе общаго благосостоянія тамъ превосходили всякую параллель, какая только можетъ быть отыскана во всей исторіи человѣческаго рода. Примѣръ этотъ оставался не бесполезнымъ и для стараго міра. Вліяніе первой американской революціи на европейскую мысль теперь признается всѣми. Она не создавала демократическихъ теорій, — это правда, — потому что онѣ задолго прежде получили начало въ умахъ абстрактныхъ мыслителей, но она популяризировала ихъ. Теоріи такого рода начали появляться въ Европѣ почти съ самаго начала эпохи Возрожденія. Возникновеніемъ своимъ онѣ въ значительной степени обязаны общему поклоненію классическихъ примѣрамъ, которое было почти обязательной модою для всѣхъ мыслящихъ людей того времени; въ Англии онѣ вытекали отчасти изъ той формы церковнаго устройства, къ которой пуритане были приведены силою обстоятельствъ; и такіе представители англійской мысли, какъ Сидней, Локкъ и Мильтонъ уже

были глубоко сочувствующими сторонниками этихъ теорій, не изъ одного только увлеченія древними. Тѣмъ не менѣе онѣ оставались предметомъ умозрѣнія. Естественныя права человѣка служили превосходною темою для ученаго трактата, но принять ихъ къ дѣйствительнымъ потребностямъ жизни никому не приходило въ голову. Голландскіе Соединенные Штаты хоть и составляли республику, но только ни какимъ образомъ не въ смыслѣ демократіи, а скорѣе по образцу швейцарскихъ кантоновъ, * гдѣ отсутствіе верховной власти не мѣшало составу общества оставаться неприкосновеннымъ. Американскіе Соединенные Штаты были первымъ великимъ опытомъ, въ новой исторіи, примѣненія демократической теоріи къ правительству громаднаго государства.

Вліяніе этого опыта, какъ мы уже замѣтили, не замедлило отразиться на старомъ мірѣ. Въ Англии, напримѣръ, до этой поры вожди парламентскихъ дебатовъ и поборники національныхъ интересовъ на первомъ планѣ поставляли вопросы въ родѣ искорененія панызма, достоинства или недостатковъ министерства, и т. п.; теперь эти вопросы замѣняются биллами о пониженіи ценза, объ уравненіи избирательныхъ округовъ, о собираніи голосовъ посредствомъ баллотировки. Мнѣніе о распространеніи политическихъ правъ на массу, лишонную воспитанія, въ то время не было такимъ мнѣніемъ, которое бы служило признакомъ свободы мысли и передовыхъ воззрѣній. Но какъ только Америка подала примѣръ, и представила, повидимому, всѣ доказательства его удачи, перемѣна мыслей, въ этомъ отношеніи, весьма скоро сдѣлалась очевидною. Добродушный и рыцарственный Лафайетъ былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, проводникомъ новаго направленія въ человѣчествѣ—во Францію; ученики Руссо въ американскомъ примѣрѣ увидѣли практической образчикъ своихъ спекулятивныхъ воззрѣній. И Франція не замедлила воспользоваться примѣромъ. Что правительство Бурбоновъ, сдѣлавшее въ предыдущую эпоху все, чтобы потерять свой кредитъ, должно было пасть во все-

* Смыслъ въ одномъ мѣстѣ о нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ quasi—демократическаго устройства выражается такимъ образомъ: «Правда, граждане этихъ небольшихъ кантоновъ въ своихъ поголовныхъ собраніяхъ всего народа выражаютъ собственную свою волю; но эта воля постоянно ретрограднаго свойства. Наперекоръ своимъ конфедератамъ, наперекоръ крикамъ всей Европы, они сохраняли употребленіе пытокъ въ своихъ трубуналахъ, поддерживали трактаты о слабженіи иностранныхъ государствъ наемными солдатами,—и эти люди, столь гордые и ревнивые къ своей свободѣ, томятся какою-то жаждою продавать самихъ себя чуждымъ властямъ, чтобы содержать въ оковахъ другія націи. — Etudes sur les peuples libres L. 1.

комъ случай—это совершенно вѣроятно. Но общій коморитъ и стремленіе французской революціи въ значительной степени облачаютъ подражаніе революціи американской. И та и другая были ведены на логическихъ началахъ; та и другая величайшимъ оправданіемъ своимъ считали «естественныя права человѣка». Онѣ оба возвели на степень политическаго вѣрованія ту мысль, что хотя люди, взятые порознь, и могутъ ошибаться, и хоть даже такія корпораціи людей, какъ палаты и парламенты, составляемыя изъ лучшихъ представителей извѣстной національности, тоже способны къ заблужденіямъ, какъ умственнымъ такъ и нравственнымъ, но что поголовная уличная толпа, безъ единства желаній, даже безъ знанія—чего желать слѣдуетъ или не слѣдуетъ, безъ образованія, съ наклонностями ко всякому насилію, изъята отъ этой человѣческой слабости.

Въ менѣе увлекающейся Англіи удивленіе къ своей отпавшей колоніи не дошло, конечно, ни до какихъ крайностей; съ одной стороны, сильныя владѣтельные классы, съ другой, болѣе удовлетворительное общественное и государственное устройство дѣлали невозможнымъ самое желаніе какого нибудь крутого переворота; тѣмъ не менѣе политическая философія Англіи обогатилась новыми принципами. Подъ вліяніемъ этой философіи образовалась новая политическая школа либераловъ, которая заняла передніе ряды виговъ и поставила своей задачею—освободить общественный смыслъ своей страны отъ ея политическихъ предразсудковъ.

Чаще всего повторяемымъ словомъ этой школы сдѣлалось слово «прогрессъ». Понятіе, соединенное съ этимъ словомъ не было новымъ открытіемъ; люди здраваго мышленія гораздо прежде замѣтили, что исторія человѣческаго рода не только развивается, но и непремѣнно *должна* развиваться прогрессивно; что каждый послѣдующій вѣкъ, хочеть онъ или не хочеть, необходимо бываетъ *въкомъ прогресса*; другими словами, — онъ необходимо долженъ оставить то опредѣленное положеніе, которое сложилось предыдущимъ вѣкомъ. Тутъ вся сущность зависитъ *отъ качества* прогресса, то есть, отъ того — какія понятія имѣютъ люди о томъ верховномъ политическомъ благѣ (summius bonum), къ которому должно быть направлено прогрессивное движеніе вѣка. Въ настоящемъ случаѣ вскорѣ сдѣлалось яснымъ, что понятія, которыя имѣла объ этомъ верховномъ благѣ школа либераловъ, возникшая во время револю-

ціонной войны, сложились по образцу американской революціи: англійскіе прогрессисты считали приближеніемъ къ своему политическому идеалу каждый шагъ, приближавшій ихъ страну къ политическому устройству Америки. Поклоненіе Америкѣ проглядывало повсюду и въ ихъ ораторскихъ рѣчахъ, и въ ихъ газетныхъ статьяхъ, и въ ихъ большихъ политическихъ сочиненіяхъ. Съ теченіемъ времени и по мѣрѣ того, какъ процвѣтаніе юной республики дѣлалось все болѣе прочнымъ, поклоненіе это становилось все болѣе энтузіастическимъ.

Взглядъ Сиднея Смита на этотъ предметъ можетъ служить лучшимъ образцомъ тѣхъ заключеній, которыя новая либеральная школа выводила изъ всестороннихъ успѣховъ Соединенныхъ Штатовъ. Надобно замѣтить, что Сидней Смитъ никогда не былъ крайнимъ политикомъ; кромѣ того, его духовное званіе необходимо должно было стѣснять свободное выраженіе его мысли: но и при всемъ этомъ его вѣра въ будущность заатлантической республики была почти безусловна. Дешевизна ея правительства, терпимость и мягкость исполнительной власти, отсутствіе церемоніаловъ и блеска, мирное производство всеобщей подачи голосовъ—возбуждали въ немъ самое искреннее удивленіе. Въ 1824 году онъ формулировалъ свои мнѣнія объ этихъ вещахъ въ слѣдующей, довольно энергической, формѣ:

«Экономія Америки такой важный и знаменательный предметъ, который вполне достоинъ нашего подражанія. Жалованье мистера Багота, нашего послѣдняго здѣсь посланника, было, я полагаю, гораздо выше, чѣмъ жалованье президента Соединенныхъ-Штатовъ. Вице-президентъ получаетъ меньше, чѣмъ помощникъ клерка палаты общины; всѣ другіе оклады, военные и гражданскіе, соотвѣтствуютъ этой умѣренности; и однако нѣтъ страны, въ которой бы чиновники служили лучше, чѣмъ въ Америкѣ. Южъ, въ послѣднее время, убѣдилъ англійскій народъ обратить немножко побольше вниманія на свои отчеты и посмотреть какъ беззастѣнчиво его обкрадываютъ. Да, мы должны умѣрять свое пренебреженіе къ Америкѣ и поразмыслить о томъ, не слѣдуетъ ли намъ поучиться у этого умнаго и бережливаго народа государственной экономіи... Америка изъята, по самой новизнѣ ея, какъ нація, отъ многихъ золъ старыхъ европейскихъ правительствъ. Ей не нужно бороться ни съ зловредными остатками средневѣковыхъ учреждений, ни съ насиліемъ политической экономіи, освященной временемъ и предрасудками. Если человѣкъ находитъ тутъ на своей землѣ куропатку, которая пробавляется его хлѣбомъ, то онъ можетъ убить ее, хотя бы отецъ его и не былъ докторомъ богословія. Североамериканцы не исключаютъ никого изъ своихъ гражданъ отъ занятія всѣми возможными отраслями торговли, которую они оставляютъ свободной и для всего остального міра. Старыя бабы,—носящія вли не носящія панталоны,—обыкновенно воображаютъ, что мы враги своихъ отечественныхъ учреждений, потому что мы проникнуты удивленіемъ къ учреждениямъ Америки; но мы поднимаемъ всю раз-

ннцу обстоятельствъ. Американскія учрежденія слишкомъ новы, а англійскія достались намъ готовыми. Если бы намъ пришлось строить домъ заново, мы, безъ сомнѣнiя, воспользовались бы всѣми улучшениями, сообразно новому плану; но у насъ нѣтъ ни малѣйшаго желанiя разрушать уже выстроенный домъ,—крѣпкiй, теплый и удобный—для того, чтобы имѣть возможность измѣнить и улучшить его. Гдѣ положенiе дѣлъ терпимо, мы готовы оставлять его въ покоѣ.

Мы потому цитируемъ Сиднея Смита, что онъ не былъ фанатикомъ и что его сужденiе, поэтому, служить лучшимъ выраженiемъ того, что произошло въ умахъ значительной части англійской публики за послѣднiя пятьдесятъ лѣтъ. Примѣръ Америки былъ постоянно передъ глазами и на языкѣ у всѣхъ, кто дорожилъ популярностью и званiемъ прогрессиста; и онъ имѣлъ самое существенное влiянiе на свойство реформистскаго движенiя въ Англiи. Во времена Питта и Фокса крики въ пользу реформы были опредѣленнымъ требованiемъ окончательно признаннаго недостатка. Теперь на билль о реформѣ стали смотрѣть, какъ только на одинъ шагъ того безконечнаго поприща, которому конца не могъ завидѣть никакой человѣческой взоръ, но направленiе и безошибочность котораго тѣмъ не менѣе были обезопасены свѣтомъ, проливающимся изъ Америки. Объ успѣхахъ, которыхъ достигли и которыхъ и впереди никакимъ образомъ не исключали собственныя учрежденiя Англiи, нечего было и разсуждать съ неумолимыми прогрессистами. Довольно было того, что американское правительство было дешевле, безукоризненнѣе, и что подъ его покровительствомъ гораздо легче достигались богатство и сила. Демократическiе принципы съ каждымъ парламентскимъ дебатовъ становились популярнѣе,—и ихъ широкаго распространенiя не только желали, какъ успѣха гражданственности, но и видѣли въ нихъ приговоръ судьбы. Самые противники столь сильнаго направленiя человѣческой мысли начинали поддаваться его влiянiю и видѣли въ американскихъ учрежденiяхъ зловѣщiй признакъ развалинъ, въ которыя рано или поздно должно было обратиться все устройство стараго мiра. И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: успѣхъ юной республики были такъ быстры, что всякая борьба съ принципами, изъ которыхъ вытекали такiе результаты, должна была казаться скучною и безнадежною; она казалась такою даже одному изъ самыхъ глубокихъ политическихъ мыслителей своего времени. Умы низшаго порядка не премѣнно должны были подчиниться этому настроенiю, когда изученiе всего быта Соединенныхъ-Штатовъ привело такого человѣка, какъ Токвиль, къ

тому заключенію, что народы обречены неизбѣжнымъ закономъ, — иные ранѣе, другіе позднѣе, — зависѣть въ своемъ политическомъ существованіи отъ самой немощей и наименѣ развитой и разсудительной ихъ части.

«По мѣрѣ того, какъ я вглядывался въ американское общество, я болѣе и болѣе замѣчалъ въ равенствѣ состояній — генерическій фактъ, изъ котораго, какъ мнѣ казалось, происходили всѣ частные факты, и я постоянно открывалъ его какъ центральную точку, въ которой сходились всѣ мои наблюденія.

«Тогда я обратился къ нашему полушарію и подумалъ, что я и здѣсь открылъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ зрѣлищемъ, которое представляетъ новый міръ. Я увидѣлъ равенство состояній, которое, не достигавъ еще крайнихъ предѣловъ, какъ въ Америкѣ, съ каждымъ днемъ приближается къ нимъ все болѣе, и что та же самая демократія, которая управляетъ Соединенными-Штатами, мнѣ казалось, быстро стремится къ власти и въ Европѣ.

Книга, предлагаемая читателю, написана сполна подъ вліяніемъ того благоговѣйнаго ужаса, который произведенъ въ умъ ея автора, видомъ этой неудержимой революціи, развивающейся въ продолженіе столь многихъ лѣтъ и не перестаетъ развиваться среди самыхъ развалинъ, ею произведенныхъ».

Этими словами Токвиль вводитъ читателя въ свое великое произведеніе о «Демократіи въ Америкѣ». Таковъ колоритъ, который изученіе Америки сообщило его воззрѣніямъ касательно прошедшей и будущей исторіи Европы. Мнѣніе такихъ людей, и особенно мнѣнія, основаннаго на столь глубокомъ изученіи предмета, не пропадаютъ даромъ. Нравилось ли не нравилось это размышляющимъ людямъ — а впечатлѣніе, производимое на нихъ великимъ американскимъ опытомъ, говоря вообще, было таково, что демократія — судьба народовъ. Всѣ возраженія въ родѣ того, что Соединенные-Штаты едва насчитываютъ восемьдесятъ лѣтъ своему существованію, — что ограниченіе всѣхъ человѣческихъ племенъ одною формою развитія есть фатализмъ, исключаяющій участіе человеческой воли и еще недоказанный, — что отождествленіе демократіи и прогресса, въ этомъ случаѣ, основывается на опытѣ, который находится еще почти только въ началѣ, — что до сихъ поръ ни одно подражаніе сѣверной Америкѣ, сдѣланное въ широкихъ размѣрахъ, не имѣло успѣха, — что во Франціи и въ сѣвероамериканскихъ испанскихъ колоніяхъ эта самая форма свободы имѣла своимъ исходомъ поголовную рѣзню и анархію, — и всѣ эти и множество другихъ подобныхъ возраженій терялись въ общей массѣ непопулярныхъ мнѣній. Быстрое возрастаніе Соединенныхъ-Штатовъ перевѣшивало всѣ доказательства въ пользу возможности какого-нибудь другого общественнаго устройства, способнаго доставлять

людямъ наслажденіе свободой и счастьемъ. Сторонники быстрыхъ успѣховъ въ учрежденіяхъ Америки видѣли такую крѣпость, за стѣнами которой они почитали себя неуязвимыми. Къ числу такихъ людей особенно принадлежитъ знаменитый глава англійскихъ либераловъ, Брайтъ, который, въ эти послѣдніе годы, имѣлъ такъ много поводовъ искать убѣжища и спасать свою вѣру въ непоколебимость своихъ принциповъ именно въ этой послѣдней цитадели. Печальный результатъ всеобщей подачи голосовъ и способъ избирательства во Франціи, несбывшіяся пророчества о вѣчномъ мирѣ, которыми онъ хотѣлъ привести своихъ соотечественниковъ къ рѣшимости—исключить изъ своего бюджета всю цифру военныхъ расходовъ, были для Брайта такими испытаніями, въ которыхъ ему трудно было держаться на высотѣ своихъ убѣжденій, если бы онъ не имѣлъ возможности указывать на Америку. И онъ дѣйствительно дѣлалъ свои отступленія, съ искусствомъ опытнаго бойца, обезопасившаго свой тылъ, всегда въ эту сторону, откуда, при первой возможности, снова начиналъ нападенія. Выступалъ ли онъ съ своимъ биллемъ о распространеніи политической власти на новыя массы народа—тутъ сама собой представлялась Америка, гдѣ подобная система существуетъ во всей ея обширности. Предлагалъ ли онъ финансовый планъ, по которому все, что только поступаетъ въ англійскую казну, собиралось бы съ однихъ только собственниковъ и капиталистовъ—и тутъ до нѣкоторой степени Америка служить примѣромъ. Словомъ, онъ никогда не уставалъ останавливать свое вниманіе, съ нѣкоторымъ родомъ восторга, на дешовомъ и сильномъ правительствѣ Соединенныхъ-Штатовъ, на его предусмотрительной и миролюбивой политикѣ, какъ «результатъ всеобщей подачи голосовъ и общераспространеннаго воспитанія, которое создало просвѣщенный народъ, стоящій выше свирѣпства войны». Въ прошедшую сессію подобныя темы, естественно, не могли быть популярными; но назадъ тому около полутора года, говоря о Кобденѣ, Брайтъ выразился о немъ папегарически, назвавши его человѣкомъ, «который смотрѣлъ на Америку, какъ слѣдуетъ смотрѣть всякому, у кого глаза во лбу, а не на затылкѣ».

Такое вліяніе Америка производила не на однихъ только поклонниковъ ея политическаго устройства; самые консерваторы, какъ мы замѣтили, начинали поддаваться тому движенію, вѣ котораго партія либераловъ не признавала прогресса. Они чув-

своими порою рѣшались высказывать, что, при настоящей степени своего социальнаго развитія, Америка еще далека отъ идеала, котораго предстоитъ достигать человѣческимъ обществамъ; что ее, судя по нѣкоторымъ симптомамъ, ожидаютъ катастрофы, можетъ быть, неизвѣстныхъ старому міру. Но очевидность столь громаднаго практическаго успѣха скоро отнимала всякую энергію у подобныхъ скептиковъ; за немногими исключеніями, они и сами почти примыкали къ рядамъ своихъ противниковъ и доказывали только, что Англія должна сохранять свои учрежденія во всякомъ случаѣ, не потому, чтобы они были хороши сами по себѣ, но что она слишкомъ стара и населена, чтобы рисковать на радикальный переворотъ. Они, пожалуй, сражались, но безъ надежды, какъ люди, которые сознавали, что нѣкоторая проволочка времени—это все, что они могли выиграть у судьбы.

Но вотъ обстоятельства вдругъ перемѣнились; результаты громаднаго опыта оказываются скомпрометированными въ глазахъ цѣлаго міра. Америка ведетъ братоубійственную войну съ подпиливаніемъ мостовъ на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ гибнутъ цѣлые поѣзды; съ отравленіемъ колодцевъ мышьякомъ, изъ которыхъ опиваются люди, непричастные войнѣ; словомъ, съ такими военными хитростями, которыя могутъ быть понятны только въ горахъ Ливана. Мы не скажемъ, виѣсть съ однимъ англійскимъ публицистомъ, что «громадный республиканскій пузырь лопнулъ», потому что онъ не лопнулъ. Но что Америка переживаетъ одинъ изъ величайшихъ кризисовъ, которые считаются неизбѣжными для государствъ съ совершенно противоположнымъ устройствомъ въ ихъ стремленіи къ счастью, что этотъ кризисъ открываетъ длинную перспективу другихъ подобныхъ кризисовъ, и что она, поэтому, сама еще трудится надъ выработываніемъ идеала политическаго и общественнаго устройства, — это совершенно ясно. Учрежденія, вызвавшія такія послѣдствія, какъ братоубійственное пролитіе крови и анархія, вѣрно, имѣютъ свои недостатки, и при томъ недостатки столь же большіе, какъ велики эти послѣдствія. — Гдѣ же это, и какая же это анархія? — А претензія каждаго солдата быть главнокомандующимъ, то есть, распоряженіе о собственной своей ретирадѣ съ поля сраженія, по собственному усмотрѣнію, безъ команды и отбоя; а приглашеніе солдатъ къ защитѣ патріотическаго дѣла посредствомъ акціонерныхъ обществъ; а полнѣйшая возможность не явиться ни одному солдату на приглашеніе акціонеровъ; а самое возстаніе

сепаратистовъ... впрочемъ, почему же возставшими считать сепаратистовъ, а не конфедератистовъ? вѣдь возстали и тѣ и другіе. Теперь любопытенъ вопросъ: насколько прогрессивны мнѣнія тѣхъ людей, которые нисколько не ожидали и непредвидѣли того, что случилось, и насколько именно скѣдуетъ почитать отсталыми и обокураптными тѣхъ, которые все это предузнавали и предсказывали самымъ опредѣленнымъ образомъ? Напримѣръ, вотъ такъ:

«Каждый избирательный періодъ все болѣе и болѣе приближаетъ неизбежность междоусобной войны. Предъ каждымъ избирательствомъ взаимныя угрозы партій раздаются громче и громче. Могутъ ли онѣ осуществиться? Если бы полковникъ Фримонтъ былъ избранъ въ минувшемъ декабрѣ мѣсяцѣ, захотѣлъ ли бы Югъ склониться передъ этимъ въ своей безсильной ярости? Если,—какъ это вѣроятно,—онъ будетъ избранъ черезъ четыре года, какъ тогда поступать южные штаты? Мы не беремся рѣшать эти вопросы наобумъ. Но намъ кажется яснымъ до очевидности, что связь, которая черезъ каждые четыре года подвергается возможности разрыва, должна, наконецъ, разорваться. *

Въ то время, когда мнѣнія эти высказывались, они далеко не были общепринятыми; тѣмъ не менѣе находились энергическіе люди, которые, для истины, не боялись прослыть отсталыми и громко утверждали, что, не смотря на всю энергію и стойкость американскаго народа, правительство его устроено на такихъ основаніяхъ, которыя дѣлаютъ долговѣчность — невозможной. Самые снисходительные изъ этихъ людей склонялись только на ту уступку, что отдаляли американскую катастрофу къ тому времени, когда условія населенности Соединенныхъ-Штатовъ будутъ такія же, какъ въ густыхъ европейскихъ государствахъ. Таково было, какъ извѣстно, мнѣніе Маколея, который и объявленъ за то (русскимъ либерализмомъ) человѣкомъ не систематическаго образа мыслей. Но обстоятельства приняли болѣе ускоренный ходъ, и для того, чтобы въ Америкѣ произошла настоящая катастрофа, достаточно было болѣе легкаго повода, чѣмъ густота населенія. Письмо Маколея къ Ронделю русской публикѣ отчасти извѣстно, и именно потому, что оно приводилось въ доказательство несистематическаго ума Маколея; мы приведемъ его съ другими цѣлами, а именно: въ доказательство необыкновенной здравости понятій и высоко развитаго чувства долга — высказать непопулярное мнѣніе, въ силу одного убѣжденія, что оно истинно.

«Я всегда былъ убѣжденъ, что чисто демократическія учрежденія, рано или поздно, должны уничтожить—или свободу, или цивилизацію, или ту и другую.

«Въ Европѣ, съ ея густымъ народонаселеніемъ, дѣйствіе такихъ учреждений было бы почти мимолетнымъ.

«Вы можете полагать, что ваша страна наслаждается изъятіемъ отъ этихъ золъ. Я долженъ признаться вамъ откровенно, что я держусь совершенно другого мнѣнія. Вашу судьбу я почитаю неизбѣжной, хотя ея исполненіе и не такъ еще близко, благодаря одной, физической причинѣ. До тѣхъ поръ, пока у васъ остается громадное пространство плодородныхъ и незанятыхъ земель, вашему рабочему населенію будетъ несравненно привольнѣе жить, чѣмъ тому же населенію стараго міра; до тѣхъ поръ и джефферсонова политика,—хотя это зависитъ отъ случая,—можетъ продолжать свое существованіе, не причиняя никакого разрушительнаго потрясенія. Но придетъ время, когда Новая Англія будетъ населена такъ же густо, какъ и Старая Англія, когда у васъ заработки будутъ такъ же низки и такъ же колебательны, какъ у насъ, когда вы будете имѣть свои Манчестеры и свои Бирмингамы и когда въ этихъ Манчестерахъ и Бирмингумахъ сотни тысячъ работниковъ,—какъ это вѣроятно,—время отъ времени будутъ находиться безъ работы. И вотъ тогда-то для вашихъ учреждений наступитъ роковая пора испытанія. Бѣдствія, одинаково повсюду, дѣлаютъ рабочаго человѣка мятежнымъ, недовольнымъ и въ сильной степени склоннымъ къ внушеніямъ агитаторовъ, которые говорятъ ему о чудовищной несправедливости, по которой одинъ имѣетъ мильонъ, а другой не въ состояніи достать себѣ обѣда. Въ дурные года у насъ это бываетъ причиною величайшаго ропота, а иногда и небольшихъ волненій; но для насъ это не важно, потому что наши страдальцы не управляютъ нашей страной. Высшая власть находится въ рукахъ класса, правда, многочисленнаго, но избраннаго, образованнаго класса, такого, который сознаетъ себя заинтересованнымъ, да и на самомъ дѣлѣ глубоко заинтересованъ, безопасностію собственности и сохраненіемъ порядка. Поэтому недовольные, въ одно и то же время, сдерживаются съ твердостью и снисхожденіемъ. Роковое время проходитъ безъ ограбленія богатыхъ за облегченія бѣдняковъ. Источники народного процвѣтанія слова начинаютъ свое теченіе; работа предлагается въ изобиліи, платы возвышаются, и всюду восстанавливается спокойствіе и довольство. Я видѣлъ, какъ Англія переживала такіа критическія эпохи три или четыре раза. Подобныя времена для Соединенныхъ-Штатовъ начнутся съ слѣдующаго, если не съ этого, столѣтія. Какъ вы будете переживать ихъ? Я сердечно желаю вамъ добраго исхода. Но мой разумъ находится въ борьбѣ съ моими желаніями, и я, противъ воли, предсказываю вамъ исходъ самый худшій. Это совершенно ясно, что ваше правительство никогда не будетъ въ состояніи сдерживать бѣдствующее и недовольное большинство, потому что у васъ это большинство—и есть именно правительство, и богатые люди, которые всегда составляютъ меньшинство, дышутъ только по его милости. Придетъ день, когда въ нью-Йоркскомъ штатѣ чернорабочая толпа людей, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ больше половины завтрака, или не рассчитываетъ имѣть болѣе половины обѣда, захочетъ законодательной власти. Встать ли возможность сомнѣваться, какого рода будетъ ея законодательство? Съ одной стороны государственныи чловѣкъ проповѣдуетъ терпѣніе, уваженіе къ неспровергаемымъ правамъ, строгое соблюденіе общественной чести, съ другой стороны демагогъ, неистовствующій противъ тиранніи капиталистовъ и

ростовщиковъ, и вопрошающій, можетъ ли быть терпимо, чтобы одни упивались шампанскимъ и ѣздили въ каретахъ, между тѣмъ какъ тысячи другихъ честныхъ людей претерпѣваютъ нужду въ самомъ необходимомъ. Который изъ этихъ двухъ кандидатовъ будетъ охотнѣе предпочтенъ рабочимъ человѣкомъ, который слышитъ еще при этомъ, что его дѣти плачутъ о хлѣбѣ? Я настоятельно утверждаю, что при одномъ изъ случаевъ такого испытанія, вы надѣлаете вещей, которыя надолго помѣшаютъ обычному возвращенію процвѣтанія. Или какойнибудь Цезарь, а не то и Наполеонъ, сильною рукою захватитъ у васъ бразды правленія; или ваша страна точно такъ же будетъ опустошена и разграблена варварами въ двадцатомъ столѣтіи, какъ римская имперія была въ пятомъ, съ тою разницею, что гунны и вандалы, которые громили римскую имперію, пришли извнѣ, а ваши гунны и вандалы будутъ порождены внутри собственной вашей страны, вашими учрежденіями».

Можетъ быть, американская демократія и не предназначена для подобнаго конца; нація, ее составляющая, еще такъ богата средствами къ развитію и полна энергическихъ силъ, что передъ нею, по всей вѣроятности, лежитъ безконечное поприще того дѣйствительнаго прогресса, который состоитъ въ покореніи природы и развитіи нравственныхъ силъ человѣка; тѣмъ не менѣе пророчество Маколея слѣдуетъ считать оправданнымъ: американскія учрежденія, — которыхъ назначеніе состояло въ томъ, чтобы сохранять единство націи, какъ государства, и доставлять людямъ, живущимъ подъ этими учрежденіями, самые дѣйствительные способы къ достиженію всесторонняго процвѣтанія, а также устранять самымъ безвреднымъ и лишоннымъ всякаго насилія способомъ всѣ препятствія къ достиженію этой цѣли, — оказываются малосильными и лишонными того очарованія, которыми они были окружены; они дѣйствительно произвели гунновъ и вандаловъ, которые, по самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, не имѣютъ никакого милосердія даже къ своимъ однокровнымъ человѣческимъ существамъ; громадные богатства Соединенныхъ Штатовъ истощаются въ не менѣе громадныхъ размѣрахъ, съ невольною цѣлію истребленія самыхъ силъ и орудій, производящихъ богатство, такъ что возстановленіе тамъ скорого процвѣтанія, — даже если бы междоусобная война кончилась завтра, — на самомъ дѣлѣ, подвержено сомнѣнію. Замѣчательнѣй всего то, что катастрофа съ американской демократіей сопровождается тѣми самыми спутниками, которые были нераздѣльны съ паденіемъ старыхъ, износившихся государствъ съ противоположнымъ устройствомъ, какъ на примѣръ — французскаго въ прошедшемъ вѣкѣ и неаполитанскаго въ нынѣшнемъ: это, съ одной стороны, недовольство цѣлыхъ народныхъ

насъ, а съ другой—крайнѣйшее безсиліе, или почти совершенное отсутствіе правителей, которые, въ критическую минуту, могли бы продолжать отправленіе самыхъ общихъ и обыкновенныхъ обязанностей всякаго правительства. Люди неумолимой логики могутъ распространяться сколько имъ угодно о прогрессивномъ значеніи и неизбѣжной послѣдовательности (хотя они ея не предвидѣли; ее предсказывали только люди несистематическаго образа мыслей) сѣвероамериканской войны; послѣ событія—это не трудная задача. Но любопытно было бы видѣть, чтобы они доказали, что въ такого рода послѣдовательности нѣтъ ничего сквернаго, и что внѣ прогрессивнаго движенія, совершающагося такимъ проклятымъ образомъ, нѣтъ ничего болѣе желательнаго. Печальная для нихъ сторона этого вопроса заключается не въ томъ, чтобы исторія американскаго прогресса была непослѣдовательна, а въ томъ, что исторія этого прогресса скорѣе предлагаетъ поученіе, чѣмъ вызываетъ на подражаніе; ея послѣдовательность ничѣмъ не лучше тѣхъ потрясающихъ неожиданностей, которыя случаются при достиженіи прогрессивныхъ цѣлей въ странахъ, гдѣ существующій порядокъ отличается свойствами самой крайней и одряхлѣвшей неуступчивости.

Что бы тамъ ни думали люди неумолимой логики, но бѣдствія такого страшнаго разряда, театромъ которыхъ служитъ теперь Америка, даютъ несомнѣнное право высказывать ту истину, что политическая теорія Соединенныхъ Штатовъ не есть практическое совершенство. Правда, какъ теорія, она имѣетъ перевѣсъ очарованія надъ всѣми доводами здраваго смысла. Ничто не можетъ быть обольстительнѣе ученія о естественной усовершенности человѣческаго племени внѣ всякихъ отблесковъ и руководствъ. Есть наслажденіе думать, что зло не составляетъ существенной болѣзни этого міра. И есть, напротивъ, что-то непобѣдимо отталкивающее въ той увѣренности, что страданія, — какова бы рода они ни были, — непремѣнные спутники человѣческой жизни; что добрые люди должны подвергаться клеветѣ, а добрые планы и намѣренія должны оказываться неосуществимыми, и что возвышенная утопія энтузіастическаго реформатора должна вѣчно ускользать отъ него, по мѣрѣ его приближенія къ ней, подобно лиражу песчаныхъ степей. Гораздо пріятнѣе и несравненно поэтичнѣе думать, что воѣ эти нравственные и физическія гидры обь одной только головѣ, и что если снести ее, то челоѣчество не

по одному только мнѣологическому разсказу будетъ имѣть понятіе о томъ идеалѣ своего существованія, который называется золотымъ вѣкомъ. Но циническая истина не разъ уже заставляла прислушиваться къ своему прозаическому голосу, который раздавался изъ глубины развалинъ разрушеннаго идеала.

Что идеалъ сѣвероамериканской демократіи лишился значительной доли своего очарованія, въ этомъ сомнѣваются не многіе, равно какъ и въ томъ, что настоящее междуусобіе Соединенныхъ Штатовъ должно окончиться — или раздѣленіемъ ихъ территоріи, или самыми существенными реформами ихъ политическаго устройства. Но есть люди, которые утверждаютъ, будто между катастрофою и свойствомъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ не слѣдуетъ видѣть никакого соотношенія. Причиною теперешнихъ событій въ Америкѣ, — говорятъ они, — послужила не демократія, а рабство. Есть очень авторитетныя свѣдѣнія, которыя утверждаютъ, что на первомъ мѣстѣ тутъ съ такою же основательностію можно ставить и многія другія причины, какъ напримѣръ свободную торговлю, аристократизмъ южныхъ демократовъ и деспотизмъ сѣверныхъ демагоговъ; но это все будутъ спорные пункты — не только для насъ, но и для самихъ воюющихъ сторонъ. За что именно они убиваютъ другъ друга желѣзомъ, мышьякомъ и военными хитростями, въ родѣ опрокидыванія въ пропасть цѣлыхъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ? Зачѣмъ именно они тратятъ по четыре мильона франковъ въ день не только непроизводительнымъ, но и самымъ истребительнымъ образомъ? Объ этомъ прокламаціи ихъ генераловъ, воззванія ихъ президентовъ и газетныя столбцы ихъ публицистовъ держатся не одного и того же мнѣнія. И служить, или нѣтъ американское правительство, то есть, американская демократія, то есть, всемогущество большинства, непосредственной причиной братоубійственной войны сѣвероамериканцевъ, это, пожалуй, для насъ все равно: достаточно того, что всемогущество большинства не отвратило этой войны; что бы сдѣлать поступательный шагъ, оно должно было обратиться къ тому самому способу, къ которому нашлись вынужденными прибѣгнуть итальянцы, съ тою разницею, что здѣсь хоть одна сторона представила образцы поведенія и характеровъ, дѣлающихъ честь человѣчеству, а тамъ обѣ отличаются поступками, способными приводить въ ужасъ краснокожихъ.

Всемогущество большинства! Но вѣдь надобно же, наконецъ,

дать себѣ отчетъ—изъ какой собирательной мудрости состоитъ это большинство, чтобы судить о мѣрѣ ея непогрѣшительности и силѣ ея гуманическихъ тенденцій. Европейскіе газеты и журналы, не исключая и нашихъ отечественныхъ, переполнены толкованіемъ американскихъ событій, а между тѣмъ навѣрное можно полагать, что далеко не всѣ читающіе способны заходить въ своихъ выводахъ далѣе буквального значенія строкъ, толкующихъ эти событія. Для Европы это дѣло, конечно, знакомое и близкое, но для большинства русской публики,—не смотря на переводъ книги Токвиля и письма г. Циммермана,—не бесполезно имѣть, хоть бы для отчетливаго уразумѣнія газетныхъ статей, сжатое и компактное понятіе вообще о томъ, что такое это всемогущество большинства, какого оно происхожденія, характера, привычекъ, наклонностей и проч. Надобно замѣтить, что понятія, которыя слѣдуетъ имѣть объ этомъ предметѣ, могутъ показаться столь отсталыми и отчасти даже безобразными, что мы не имѣемъ смѣлости передавать ихъ иначе, какъ собственными словами человѣка, который не всѣми признается за отсталаго. Человѣкъ этотъ—Прудонъ. А понятія, которыя онъ имѣетъ о занимающемъ насъ предметѣ, выражаются слѣдующими циническими словами:

«Одно время было въ модѣ—выше всякой мѣры расхваливать американскую цивилизацію. Во Франціи это было орудіемъ оппозиціи, неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу всеобщей подачи голосовъ. *Самое новое—самое прекрасное*, говорятъ пословица. Въ послѣдствіи это сдѣлалось источникомъ всякихъ выходовъ противъ европейской демократіи, безбожной, материалистической, не умѣющей сладить съ собою, не достойной либеральныхъ учреждений. Такимъ образомъ партіи хлещутъ другъ друга фактами и потѣшаются истиной.

«Первые континентальные посѣтители Соединенныхъ Штатовъ, ослѣпленные, какъ кажется, столько же плодovitостію браковъ, какъ и плодородіемъ полей, платили, въ свою очередь, щедрымъ удивленіемъ за оказанное имъ гостепріимство. Если послушать ихъ, то никогда,—и они точно не лгали,—никогда, на памяти цивилизаціи, еще не было видано столь безгранично-просторной и еще дѣвственной почвы; а на этой почвѣ—лѣса такъ обширны и такъ кипятъ дичью, луга такія зеленыя, жатвы такія обильныя, и убираются онѣ почти безъ труда, удобныя земля такъ дешевы, скотъ нипочемъ, народонаселеніе такъ хорошо кормится, дѣти такъ рады, что живутъ, матери такъ счастливы, что производятъ ихъ, и наконецъ—колонисты, основавшіеся въ нѣсколькихъ лѣтъ другъ отъ друга, и до такой степени свободные въ этой странѣ, что они могли бы буквально называть себя ея царями и хвастаться тѣмъ, что собираютъ съ нея плоды первородные. Все, что американецъ имѣлъ по своему исключительному положенію, вмѣнялось ему въ добродѣтель. Отъ него ожидали величайшихъ вещей; только не подумали о томъ, что эта демокра-

тическая добродѣтель будетъ ослабѣвать на своемъ ходу, по мѣрѣ того какъ народонаселеніе будетъ становиться гуще, и что близокъ ужь день, когда всѣ эти образчики демократіи сдѣлаются людьми столь же обыденными, какъ были ихъ дѣды. Теперь энтузіазмъ начинается остывать, и уже позволяется, не дѣлая прогулки къ берегамъ Огею и Ніагары, составлять правильныя понятія объ обществѣ Соединенныхъ Штатовъ.

«Народъ Соединенныхъ Штатовъ, точно такъ же какъ и туземныя племена Мексики, Боливіи и Бразиліи, не есть *молодой* народъ, ни въ историческомъ, ни въ фیزیологическомъ значеніи слова; это скопище, пришедшее сюда со всѣхъ концовъ христіанства, но главнымъ образомъ изъ Англіи и Германіи. Эти выходцы вообще, — ужь въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, — не были избранными представителями своихъ націй; напротивъ, они большею частію принадлежали къ самой низшей черни. — Понятно: сколько образцоваго могло представить такое населеніе въ отношеніи ума и нравовъ.

«Покинуть свою родину, чтобы поискать счастья и избѣжать голода, переселенцы, очень естественно, главнымъ образомъ приспособляли свой разумъ къ такимъ вещамъ, которыя могли привести ихъ къ благосостоянію и богатству. Касательно всякаго другого предмета инициатива оставалась ничтожною; они должны были тѣмъ болѣе презирать идеи, — которыя произвели въ старой Европѣ столько волненій и столько революцій, — что они могли, съ видимымъ основаніемъ, обвинять эти идеи въ бесплодности... Тутъ ничего нѣтъ самороднаго, чтобы не сказать — цѣлкомъ вынесеннаго изъ Европы: религія, политика, правительство, предразсудки, языкъ и даже такія смѣшныя вещи, какъ вкусъ и мода... Чтобы не приводить много примѣровъ: — американскій народъ, который дебютировалъ самою отрѣшонною свободою (*свободой отрицательной*, замѣтьте хорошенько), не продолжалъ слѣдовать движенію, изъ котораго вышелъ. Точно то же съ его религіей: вмѣсто того, чтобы выйти на прямую дорогу, она впала въ суевѣріе и ханжество; точно то же съ его мнимымъ демократизмомъ, который остановился на самомъ отвратительномъ индивидуализмѣ.

«Та же самая скудость, которую мы открываемъ въ американцѣ со стороны ума, сказывается и въ его нравахъ. Что такое, если говорить правду, американское общество? Внезапно разбогатѣвшая чернь. Но извѣстно, что внезапный выходъ въ люди вмѣсто того, чтобы огражданить (*urbaniser*) простолюдина, всего чаще служитъ къ тому, чтобы выставить напоказъ всю его грубость. Американскій народъ своимъ утилитарнымъ духомъ превосходитъ самихъ англичанъ, изъ которыхъ онъ, въ большинствѣ, вышелъ; британская гордость у него обратилась въ наглость, британская грубость въ скотство. Свобода для американца опредѣляется: *способностію дѣлать все, что непріятно ближнему*. САМИ ОБОРОНЯЙТЕ СЕБЯ — вотъ его правило. Я признаюсь откровенно, что для оказанія самому себѣ справедливости противъ грубіяна, я всегда предпочту содѣйствіе жандарма и, въ случаѣ нужды, тюремщика; это все, чего заслуживаетъ грубость. Васъ собираются убить, васъ обворовываютъ, васъ совѣсть убиваютъ: сами обороняйте себя! Въ извѣстныхъ случаяхъ допускается судъ Линча, — кажется я такъ его называю: — по уличной молвѣ, виновнаго хватаютъ, судятъ и вѣшаютъ; все это дѣлается въ нѣсколькихъ минутъ. Это — правосудіе народа въ февральскіе дни. Мы лучше нравятся правосудіе Жюри.

«Банкротство, — даже злоумышленное, самое злоумышленное какое

только можетъ быть, — американцу не дѣлается безчестія. Европейскіе аторговцы очень хорошо знаютъ, что такое мериканскіе кризисы.

«Американецъ, пріѣзжающій въ Европу, при входѣ въ общія залы гостинницъ, любитъ до страсти снимать свои сапоги передъ каминъ; онъ задрпаетъ надъ огнемъ свои ноги, воняетъ на своихъ со- сѣдѣй; за столомъ онъ захватываетъ всѣ лучшія блюда и ставитъ ихъ передъ собой, какъ будто откладываетъ товаръ въ магазинъ, словомъ, позволяетъ себѣ всевозможныя, въ этомъ родѣ, гнусности. Развѣ онъ человекъ не свободный? развѣ этотъ столъ въ гостиницѣ — не базаръ? развѣ онъ не платитъ за то, что покупаетъ? — Ну, и вы поступайте такъ же: сами обороняйте себя. — Одна почтенная англійская писательница такъ погладила ихъ за все это, что, говорить, они становятся поучтивѣй. Огромное число этихъ искателей приключеній почти совсѣмъ обратились въ дикихъ и ужасно при- страстились къ дѣсной жизни. Это героическіе смертоубійцы; я же- лалъ бы только знать — съумѣютъ ли они постоять въ строю противъ нашихъ цивилизованныхъ солдатъ*.»

Мы погнались за этимъ отсталымъ мѣстомъ у Прудона глав- нымъ образомъ потому, что оно дѣйствительно даетъ очень отчет- ливое понятіе объ общемъ характерѣ демократическихъ массъ Соединенныхъ Штатовъ. При этомъ, изъ уваженія въ про- ницательности читателя, мы не будемъ указывать на то, что Пру- донъ, хоть отчасти и отсталый человекъ, почти такая же рути- на, какъ Маколей, но что онъ нападаетъ на сѣвероамерикан- цевъ не съ той стороны, что они демократы, а съ той, что они грубые, невѣжественные, не воспитанные демократы; а та- кими свойствами, по духу прудоновскаго воззрѣнія, они отли- чаются потому, что они не воспитались до своей демократіи историческою жизнію и путемъ строгаго развитія, а нашли ее, какъ вещь, упавшую съ неба. Прудонъ думаетъ, что это без- численная толпа новыхъ Робинзовъ Крузо, напавшая на гро- мадный архипелагъ необитаемыхъ острововъ, гдѣ каждому пред- ставлялась возможность быть чѣмъ ему угодно, — гдѣ даромъ приобрѣтенное право свободы толкуется, поэтому, такъ, какъ римскіе юристы толковали собственность: *право употребить и злоупотребить*.

Опасность, лежащая въ возможности такого злоупотребленія найденною вещію, — иначе сказать, опасность, представляемая всемогуществомъ американскаго, то есть, невоспитаннаго боль- шинства, — не новая выдумка, и даже не европейскаго изобрѣте- нія; такіе отсталые люди, какъ Прудонъ и Маколей, всего ме- нѣе повинны въ этомъ открытіи: оно сдѣлано еще самими ос- нователями республики, которые во всемогуществѣ большинства видѣли зародышъ великихъ будущихъ бѣдъ для своего творенія

* La Guerre et la Paix, t. I. pag. 70—74.

и старались, съ цѣлю предотвращенія этихъ бѣдъ, принять различныя мѣры; нѣкоторое ограниченіе выборнаго права и независимость юстиціи занимаютъ въ ряду этихъ мѣръ, безъ сомнѣнія, самое видное мѣсто. Это были благонамѣренныя хитрости, которыми творцы демократіи (а она такъ же не должна имѣть творцовъ, какъ не можетъ быть находкой) думали сдерживать богатырскія силы своего дѣтища, пока оно достигнетъ нѣкотораго воспитанія и научится не злоупотреблять ими. Эти мѣры, какъ и должно было случиться, оказались напрасными. Вашингтонъ и его современники все таки не видѣли на дѣлѣ подобной демократіи и не могли во всей подробности предугадать и степень ея нетерпимости къ какому бы-то ни было контролю и мѣру ея склонностей къ деспотизму. Люди очень низкаго ценза постарались сдѣлать его еще ниже, такъ что, повторивъ эту операцію нѣсколько разъ, дошли до всеобщей подачи голосовъ, до всемогущества неприспособленнаго къ власти большинства.

Такая же точно судьба постигла и независимость юстиціи, эту другую мѣру, предназначавшуюся къ тому, чтобы сдерживать духъ неограниченной демократіи. Первые основатели конституціи, точно такъ же какъ и другіе дальновидные государственные люди Америки, появившіеся послѣ нихъ, придавали этой мѣрѣ всю должную ей важность; они называли ее «цитаделю общественной справедливости и общей безопасности», потому что, говорили они, «при такомъ свободномъ правительствѣ для меньшинства нѣтъ нигдѣ никакой защиты, кромѣ судебной власти.» Но и эта цитадель пала подъ ударами людей неумолимой логики, которые шли впередъ, сокрушая всякую преграду, какую только мудрость революціонныхъ законодателей могла поставить противъ безумія невоспитанной черни. Знаменитый президентъ Джефферсонъ первый, въ 1801 году, сдѣлалъ предложеніе, чтобы судьи опредѣлялись на короткое число лѣтъ. Президентъ Джаксонъ, въ 1829 году, возобновилъ это неудавшееся предложеніе и со всею настоятельностью своего твердаго характера домогался его принятія. Въ тридцатыхъ годахъ изъ двадцати четырехъ штатовъ только въ пяти дано было мѣсто этому опыту крайней демократической теоріи. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ изъ тридцати одного штата уже только четыре сохраняли еще независимость судей: въ двадцати двухъ они избирались народомъ на короткіе сроки, въ двухъ назначались губернаторами тоже на короткіе сроки, наконецъ въ трехъ избирались

народомъ на время, пока будутъ хорошо вести себя. Тутъ были употреблены всѣ усилія, вся настоятельность и всѣ доводы величайшихъ государственныхъ людей республики, чтобы доказать, что независимость судебного сословія, при системѣ такого правительства, единственное убѣжище противъ самовластиа большинства, одно спасеніе противъ его тиранинн. — И все это были голоса вопіющихъ въ пустынь.

Но всемогущество большинства не удовлетвовалось побѣдою надъ всѣми конституціонными ограниченіями. Пусть бы оно имѣло власть и создавать законы, и приводить ихъ въ исполненіе, — а американская демократія подвергаетъ домашнюю жизнь и безразличные поступки частныхъ людей контролю такого шпионскаго свойства и такой наглой притязательности, какой невозможно, даже физически, для самаго абсолютнаго деспота. Само собою разумѣется, что, для отправленія правительственныхъ функций такимъ отеческимъ способомъ, она имѣетъ столько же нужды прибѣгать къ законамъ, сколько въ этомъ нуждался Гарунъ-ал-Рашидъ. Опираясь на такія исключительныя свойства власти, правосудіе Линча * на самомъ дѣлѣ считаетъ излишней всякую юридическую санкцію, при постановленіи своихъ приговоровъ. Писанный уголовный кодексъ республики, въ которой Линчъ живетъ и благоденствуетъ, нисколько не возмущаетъ ясности его судейскаго духа. Съ бочонкомъ смолы и мѣшкомъ перьевъ ** по одну сторону и съ ривольверомъ по другую, съ тысячею согражданъ, готовыхъ принять на себя роль исполнителей его верховныхъ приговоровъ, — онъ обезпеченъ болѣе дѣйствительнымъ и болѣе безпрекословнымъ повиновеніемъ, чѣмъ какой бы то ни было владѣтель. Мы не говоримъ о тѣхъ, кто постоянно читаетъ американскія газеты, или много читалъ путешествій по Америкѣ; — но кто постоянно читалъ только «Русскій Вѣстникъ», и тотъ не затруднится привести себѣ на память два-три примѣра чрезвычайно странной, безобразной, капризной и однако безапелляціонной власти Линча. — Одинъ богатый купецъ въ Бостонѣ, имѣвшій нѣкоторыя наклонности къ роскоши, думалъ, что онъ удовлетворитъ своему тщеславію, повѣсивши у своего

* Законъ Линча—право судить и наказывать безъ соблюденія законныхъ формъ; названіе и обычай такого суда взяты отъ собственнаго имени Линча, фермера изъ Виргинн, который первый показалъ примѣръ, какъ три американца могутъ повѣсить четвертаго.

** Обливаніе смолой и потомъ посыпаніе перьями—одно изъ употребительныхъ наказаній, къ которому всего чаще обращается Линчъ.

подъезда золоченую лампу. Въ Бостонѣ не существуетъ никакого официального цензора, какъ это разумѣется само собою — отчасти уже потому, что такое учрежденіе было бы несовмѣстно съ возможною дешевизною правительства. Но здѣсь нѣтъ недостатка въ неофициальныхъ цензорахъ. Едва успѣлъ честолюбивый человѣкъ повѣсить свою лампу, какъ нѣсколько мимо-проходящихъ бостонцевъ останавливаются, отправляются къ нему и дѣлаютъ ему представленіе такого рода: «Сэръ, мы не потерпимъ этой штуки; ваша лампа выгладитъ ужъ слишкомъ аристократично.» Въ любомъ европейскомъ городѣ такихъ посѣтителей тотчасъ проводили бы за дверь — пинками или полиціей, а бостонскій купецъ не смѣлъ даже спросить — какое имъ дѣло до его лампы и какое право они имѣютъ говорить ему такія безобразныя грубости. Онъ зналъ, что эти почтенные граждане составляютъ вполне компетентный судъ, который притомъ самъ же можетъ приводить въ исполненіе свои приговоры и что, поэтому, золоченая лампа могла бы сдѣлаться для него слишкомъ дорогимъ и, можетъ быть, роковымъ украшеніемъ, если бы онъ тотчасъ не подавилъ въ себѣ своего преступнаго тщеславія. Точно такое же уличное ценсорство въ Массачузетсѣ преслѣдуетъ каждаго богатаго человѣка за всякую издержку на предметы роскоши. Богатая сбруя, ливрейный лакей, нефруктовый садъ, не допускаются подъ страхомъ личнскаго приговора. Въ Нью-Йоркѣ не допускается затрачиваніе большихъ денегъ на покупку земель; по крайней мѣрѣ человѣкъ, который бы рѣшился это сдѣлать, былъ бы принужденъ собственноручно обрабатывать свою землю: фермеры имѣютъ полное право отклонить отъ себя плебейскую обязанность — платить ему ренту, и со стороны землевладѣльца было бы крайнимъ безуміемъ, если бы онъ покусился какимъ бы то ни было способомъ принудить ихъ къ этому. Всѣ эти вещи не писаны въ республиканскихъ законахъ, и если бы они исполнялись съ буквальною строгостію, то личная безопасность и неприкосновенность имущественныхъ правъ здѣсь были бы неменѣе обширны, чѣмъ, напримѣръ, въ Англіи. Суды, пожалуй, и здѣсь, какъ и всюду, открыты для всѣхъ, не исключая даже жертвы, облитой смолой и обсыпанной перьями, если у этой жертвы достанетъ охоты и найдется такое досужее время, которое можно употребить на самое бесполезное дѣло. Жюри, безъ всякаго сомнѣнія, не посмѣютъ обвинить Линча; а если бы и посмѣли, какая же отъ

этого могла бы прозойти польза и какая есть возможность наказать Линча, когда этот Линчъ — народъ, и когда они, какъ выборные судьи, должны отдавать отчетъ въ отправленіи своихъ обязанностей этому самому Линчу, то есть, тѣмъ самымъ народнымъ массамъ, которыя избираютъ ихъ на время, пока они будутъ хорошо вести себя? — Назадъ тому около двухъ дѣтъ нью-Йоркская чернь сожгла карантинную больницу, находя, что правительство зазнается, придумывая подобныя штуки для пользы общественнаго здравія; сожженіе произошло со всею обыкновенною обстановкою дѣлъ подобнаго рода; оставить такой поступокъ безнаказаннымъ означало почти то же, что узаконять состояніе анархіи,—и однако противъ буяновъ не могъ состояться никакой приговоръ.

Мы приводимъ эти случаи крайняго произвола болѣе по поводу ихъ величайшаго абсурда и фантастической капризности, чѣмъ потому, чтобы это были самые печальные примѣры тиранніи всемогущества американскаго большинства. Преслѣдованіе свободы мысли и свободы слова гораздо поважнѣе этихъ случаевъ и отличается всею парадоксальною послѣдовательностью неограниченной и въ то же время невоспитанной демократіи. Преміинии американской революціи предоставили себѣ такія барскія права—распоряжаться мыслию и ея выраженіемъ, которыя могутъ не удивлять только людей очень привычныхъ къ такому порядку дѣлъ. Что касается доказательствъ и примѣровъ въ подтвержденіе этого факта, то тутъ неудобство состоитъ скорѣе въ трудности выбирать, чѣмъ приводить ихъ. Громадный рискъ—проводить и поддерживать непопулярныя мнѣнія и даже трудность найти человѣка, который бы имѣлъ смѣлость дать мѣсто такимъ мнѣніямъ въ тайномъ убѣжищѣ своего мозга—есть такая черта американскаго общества, особенно на Югѣ, о которой не разъ доходили свѣдѣнія и до русской публики, по русскимъ источникамъ; только по нашему малому знанію, а отчасти и потому, что намъ до американцевъ нѣтъ почти никакого дѣла, черта эта представлялась намъ какъ будто бы анекдотическаго свойства;—между тѣмъ свойства ея совершенно другія, и, можетъ быть, намъ не до такой степени нѣтъ дѣла до американскихъ порядковъ, какъ это кажется. Изъ самыхъ сѣвероамериканцевъ одни надъ этимъ смѣются, другіе это оплакиваютъ; но никто еще не пытался опровергнуть того факта, что, касательно всякаго вопроса общественной важности, въ Соединен-

ныхъ Штатахъ свободныя слова, рѣчи и мысли возможны не бодѣе, чѣмъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Римѣ. Это совершенно общеденный случай, что распространеніе неблагопріятствуемой доктрины, церковная проповѣдь, газетный столбецъ, даже ситъ депутата, штрафуются самымъ неснисходительнымъ образомъ, на основаніи эластическаго уголовного кодекса молодца Лича. Токвиль, на судейское безпристрастіе котораго ссылаются сами американцы, говоритъ по поводу этого предмета съ такою силой и горечью, какъ могъ бы сдѣлать только самый злѣйшій, пеумолимый памфлетистъ. Мы рекомендуемъ желающимъ почерпнуть свои свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ прочитать въ известной книгѣ Токвиля всю главу, «De l'omnipotence de la Majorité», изъ которой мы приведемъ только слѣдующія строки:

«Если меня что отталкиваетъ въ Америкѣ, то это не ея окончательная крайняя свобода, а скорѣе возмутительность этихъ предосторожностей, которые здѣсь принимаются противъ деспотизма. Если человекъ, или даже партія, потерпятъ несправедливость въ Соединенныхъ Штатахъ, къ кому они будутъ апеллировать?—Къ общественному мнѣнію? но общественное-то мнѣніе и составляетъ большинство.—Къ законамъ? но они выражаютъ собою большинство, и сами повинуются ему слѣпо.—Къ исполнительной власти? она назначается большинствомъ и какъ бы служить покорнымъ его орудіемъ.—Къ арміи? армія есть то же самое большинство подъ ружьемъ.—Къ жюри? но жюри—тоже большинство, облеченное властью ставить приговоры.—Сами судьи въ нѣкоторыхъ штатахъ (теперь, какъ мы видѣли, почти во всѣхъ) избираются большинствомъ. Какъ бы ни былъ, поэтому, безумны и несправедливы выходы, направленные противъ васъ, вы должны покориться.»

Токвиль, въ подтвержденіе этого сильнаго мѣста, рассказываетъ двѣ исторіи. Одну изъ нихъ онъ относитъ къ 1812 году, то есть, ко времени, когда всемогущество большинства нѣло еще нѣкоторыя ограниченія. Одна газета въ Балтиморѣ поддерживала мирныя мнѣнія, которыя, по тогдашнему времени, были совершенно непопулярны. Собралась демагогія, уинтчожила типографію и атаковала домъ редакторовъ. Обратились къ милиціи—но она отказалась исполнить, въ этомъ случаѣ, долгъ своей службы. Чтобы спасти несчастныхъ журналистовъ, мѣстное начальство спрятало ихъ въ тюрьму. Толпа атаковала тюрьму; милиція еще разъ отказалась отъ службы, и журналисты были растерзаны. Виновники были преданы суду и были оправданы своими жюри.

Другая исторія представляетъ примѣръ тиранніи болѣе мягкаго свойства, за то—это не простой случай, который ограничивается бы одною мнимою народною вслѣдствіемъ:

«Я заговорил однажды съ пенсильванскимъ обывателемъ:— Объясните мнѣ, пожалуйста, какъ это—въ штатѣ, основанномъ квакерами и прославленномъ своею терпимостію, свободные негры не допускаются къ пользованію правами гражданъ. Они платятъ въ казну: отчего бы имъ не имѣть избирательнаго права?—Вы, —отвѣчалъ американецъ,—слишкомъ оскорбляете насъ, допуская мысль, будто наши законодатели могли сдѣлать что-нибудь похожее на такую несправедливость и такую вопіющую нетерпимость.—Въ такомъ случаѣ черные имѣютъ выборный голосъ?—Конечно.—Какъ же это на выборахъ сегодняшняго утра я не замѣтилъ рѣшительно ни одного изъ нихъ?—Законъ нисколько не виноватъ въ этомъ, —отвѣчалъ американецъ,—негры точно имѣютъ право принимать участіе въ выборахъ, но они добровольно воздерживаются отъ этого.—Это съ ихъ стороны доказательство слишкомъ большой воздержности.—О! они бы не отказались ходить на выборы, но они боятся, что тамъ имъ не поздоровится. У насъ это иногда бываетъ, что законъ ничего не сдѣлаетъ, если его не поддерживаетъ большинство. Теперь большинство пропитано сильными предрасудками противъ негровъ, а правительство не находитъ себя столь сильнымъ, чтобы поддержать ихъ права, которыя предоставлены имъ нашими законами.»

Мы замѣтили уже, что ни какимъ образомъ не слѣдуетъ думать, чтобы незаконная и деспотическая нетерпимость невоспитанной американской демократіи, сколько-нибудь смягчилась съ тѣхъ поръ, какъ Токвиль написалъ объ ней свою книгу. Еще не такъ давно извѣстный американскій органъ «New-York-Herald» былъ убѣждаемъ къ перемѣнѣ своихъ мнѣній тѣмъ же способомъ прозелитизма, который былъ употребленъ балтиморцами въ 1812 году. Толпа явилась въ контору журнала и предложила на выборъ: пожертвовать или принципами, или типографіей. Въ началѣ теперешней войны въ Нью-Йоркѣ на улицѣ былъ застрѣленъ человекъ за признаваніе сецессионныхъ мнѣній, а на югѣ точно также обходятся съ людьми, которые придерживаются уніонистскихъ мнѣній.

Но какими же образомъ всѣ эти вещи произвели революцію? Если даже всѣ эти нелюбезныя свойства будто-бы неблаговоспитанной американской демократіи вѣрны, то въ какой мѣрѣ ихъ можно ставить причиною междоусобной войны? Можетъ быть и вправду, что демократія съ Линчемъ сама по себѣ, а междоусобіе въ этой демократіи само по себѣ.—Но въ такомъ случаѣ то обстоятельство, что эта демократія раздѣлилась на два громадные Линча, изъ которыхъ одинъ хочетъ доканать другого, придется объяснять чертами японскихъ нравовъ или характеромъ англійскихъ учрежденій.

— Не американскую революцію, —говорятъ намъ, —объясняютъ однимъ изъ самыхъ возвышенныхъ движеній, какія только

способна испытывать душа человеческая, — стремленіемъ къ уничтоженію рабства.

— И хорошо дѣлають, что ее такъ объясняютъ; одна уже популярность такого объясненія что-нибудь да значить; пусть оно беретъ силу, и укореняется; это въ остальной части человечества развиваетъ благородные порывы и великодушныя чувства. Огромная часть человечества, — и еще какого: торговаго! — обращается въ крестоносцевъ, и объявляетъ себя за такое невещественное благо, какъ свобода — такихъ бѣдныхъ существъ, какъ *арамы*. Любезнѣе и возвышеннѣе этого трудно что-нибудь представить, исключая развѣ французо-итальянской войны съ Австріей. — Но зачѣмъ же ужь слишкомъ унижать и южно-американцевъ Соединенныхъ Штатовъ? вѣдь и они тоже демократы, и они пользуются благодѣяніями Линча. Что они плантаторы, это конечно худо. Но развѣ ихъ сѣверные братья ужь такъ безконечно возвысились надъ ними? развѣ они слишкомъ особеннаго закала? Ихъ журналисты, ихъ жури, ихъ богачи, — хоть они и не арамь, — развѣ свободные люди? Ихъ уличные буяны, ихъ самозванные цензоры, ихъ незванные посѣтители частныхъ домовъ, хоть они и не плантаторы, развѣ не такіе же бичеватели?

Намъ рѣшительно нѣтъ никакой нужды оправдывать возстаніе Юга; демократія съ Линчемъ, да еще съ рабствомъ, — да въ придачу еще съ аристократизмомъ, — это такое сокровище, къ которому лежать всѣ наши симпатіи. И однако мы все-таки не понимаемъ, отчего же и этому сокровищу не отдать справедливости? Говорять, что объяснять американское междоусобіе другими причинами, кромѣ вопроса о рабствѣ, значить впадать въ дѣтство. Ну, а держаться исключительно этого объясненія въ виду того факта, что цѣлыя сотни поднявшихъ оружіе за свободу уходить съ поля, въ пылу самаго сраженія, по той причинѣ, что въ этотъ именно часъ кончился срокъ ихъ службы, и что имъ пора въ свои лавки и на свои фабрики: это не дѣтство? Развѣ энтузіасты свободы бываютъ такіе?

Какимъ же образомъ произошла американская революція? — Такимъ, какъ это предвидѣлъ Токвиль:

«Если когда-нибудь въ Америкѣ пострадаетъ свобода, то безславіе за это должно лечь на всемогущество большинства, которое доведетъ меньшинство до отчаянія и заставитъ его обратиться къ силѣ.»

Сецессія, которую Югъ хочетъ завоевать оружіемъ, а Сѣверъ

предотвратить тѣмъ же самымъ способомъ, есть протестъ противъ деспотизма большинства, — деспотизма, отчасти испытаннаго, отчасти угрожающаго. Станнымъ дѣломъ и почти сверхчеловѣческимъ безуміемъ былъ бы этотъ протестъ нарѣзными ружьями и такими же пушками, мышьякомъ и подпильиваніемъ мостовъ, если бы онъ не исключалъ всякіе другіе шансы къ примиренію столкнувшихся интересовъ; и было бы, въ свою очередь, дѣломъ крайне не умнымъ предполагать, что американцы прибѣгли, для разрѣшенія своихъ гражданскихъ недоумѣній, къ всемогуществу орудій, уничтожающихъ человѣческія существа и приобрѣтенія ихъ цивилизаціи, когда между тѣмъ они имѣли бы возможность разрѣшить эти недоумѣнія путемъ болѣе цивилизаціонныхъ средствъ. Ужъ *отчаяніе*, предвидѣнное Токвилемъ, тутъ неперемѣнно для которой нибудь стороны существуетъ. Положимъ, что на одной сторонѣ — возвышенный энтузіазмъ, то что же на другой-то? Но всемогущество невоспитаннаго, не приготовленнаго къ власти; большинства здѣсь именно исключало всякій другой способъ разрѣшенія вопроса. Если бы это было не всемогущее большинство, а хоть и очень большее число людей, но людей образованныхъ, воспитанныхъ, съ ненавистію Брайта къ убійству, съ уваженіемъ Кобдена къ убѣжденіямъ разума, съ любовью Пальмерстона къ порядочности, — то эти люди, хоть бы ихъ интересы были и весьма различны, неперемѣнно бы остановились на чемъ нибудь другомъ, чѣмъ драться; изъ нихъ каждый скорѣй согласился бы потерять что-нибудь, чѣмъ довести другого до отчаянія, котораго послѣдствія и самые размѣры и качество этихъ послѣдствій человѣку развитому вовсе не трудно предвидѣть. Положимъ, что и въ средѣ такихъ людей можно найти человѣку, одержимому страстію и трудно поддающемуся сговорчивости и уступкѣ; но въ воспитанной природѣ такого человѣка столько другихъ голосовъ и требованій, уравнивающихъ возбужденіе страстей, умъ у него такъ неизбѣжно наклоненъ покоряться логическимъ доказательствомъ, что, подъ конецъ всего, онъ никакимъ образомъ не можетъ составлять препятствія къ разрѣшенію вопроса въ интересъ всѣхъ, до кого касается дѣло. Совершенно иначе должно произойти это въ примѣненіи къ невоспитанному, поголовному большинству: какимъ образомъ эти люди могутъ убѣждать другъ друга касательно принятія общихъ государственныхъ мѣръ, или по вопросамъ о столкновеніи без-

численныхъ интересовъ самаго сложнаго свойства, какимъ образомъ они могутъ избрать себѣ даже представителя для выраженія ихъ мнѣній, когда все, что знаетъ большинство этихъ людей, ограничивается посредственнымъ умѣньемъ вести собственное свое хозяйство и не мудренымъ искусствомъ—принимать участіе въ веденіи весьма несложныхъ дѣлъ своей общины, когда притомъ на иную полсотню такихъ людей придется одинъ, имѣющій отвращеніе къ боксамъ, а двадцать пять на ту же полсотню во всю жизнь свою не объяснялись другими словами, кромѣ тѣхъ, которыя не принято вносить ни въ какіе словари?—Предположимъ еще, что такіе правители въ высшей степени проникнуты какимъ нибудь интересомъ текущей минуты, возбуждившимъ ихъ страсти,—а страсть въ этомъ случаѣ составляетъ не исключеніе, а правило,—тогда произойдетъ случай, который дастъ полную возможность убѣдиться въ слѣдующей, простой и ужь безчисленное число разъ подтвержденной, истинѣ: если изъ толпы грубыхъ и невоспитанныхъ людей каждый, взятый въ отдѣльности, и способенъ соглашаться на неопровержимыя и приспособленныя къ его уму доказательства, то вся толпа въ совокупности—всегда и неизбѣжно должна приводить въ отчаяніе всякаго, кто будетъ имѣть нужду отнестись къ этой ея способности. Болѣе, чѣмъ достовѣрно, что несчастный римскій поэтъ Кассій, подвернувшійся навстрѣчу (въ трагедіи Шекспира) толпѣ своихъ плебейскихъ соотечественниковъ, искавшихъ Кассія—убійцу Цезаря, образумилъ бы, въ частности, самаго бѣшенаго изъ этихъ людей такимъ сильнымъ аргументомъ: «я не тотъ Кассій; я поэтъ Кассій и оплакиваю Цезаря»; а для толпы подобныхъ людей это непобѣдимое доказательство, что ему, Кассію, не слѣдуетъ быть убитымъ, послужило только поводомъ къ веселости: «бей его за его скверные стихи!»

Нѣтъ никакихъ возраженій противъ того, что пріятно воображать фабрикантовъ и лавочниковъ Сѣверной-Америки поголовнымъ ополченіемъ поэтическихъ энтузіастовъ, возставшихъ какъ одинъ чедовѣкъ, какъ партія—дѣйствительно самоотверженныхъ аболіціонистовъ—за свободу своихъ чорныхъ братьевъ; но въ такомъ предположеніи столько же увлеченія, сколько и несправедливости. Развѣ южные аристократическіе демократы постыдились бы откровенно назвать именно *главною* эту причину своего возстанія? Когда же они стыдились этого? Развѣ они не повѣсили Бруна? развѣ они не называли законопреступленіемъ милосердаго

покровительства ихъ бѣглецамъ и не протестовали противъ этого на конгрессѣ? Развѣ ихъ пасторы не сочиняли проповѣдей и не произносили ихъ по церквамъ—о божественномъ происхожденіи рабства? Развѣ они не были сенаторовъ, всенародно, палками, за противорѣчіе ихъ взглядамъ на рабство?—А между тѣмъ демократическіе аристократы Юга формулируютъ свои претензіи противъ Сѣвера такимъ образомъ, что рабство тутъ принимается не за самое важное. Способъ, которымъ президентъ Девисъ объясняетъ воззрѣніе своихъ сторонниковъ на предметы несогласій между Югомъ и Сѣверомъ, очень извѣстенъ, если онъ не очень позабытъ:

«Люди южныхъ штатовъ, которыхъ почти исключительнымъ занятіемъ служатъ земледѣліе, съ раннихъ поръ замѣтили стремленіе въ сѣверныхъ штатахъ — обратить общее правительство въ прислужника ихъ собственнымъ пользамъ, посредствомъ обремененія торговли, съ цѣлію покровительства ихъ фабричнымъ и лавочнымъ интересамъ. Изъ этихъ покушеній—часто не безуспѣшныхъ—шрволятъ одной части страны на счетъ другой образовалось, наконецъ, постоянное несогласіе озлобляющаго свойства. Опасность расторженія, возникавшая изъ этой причины, была увеличена еще тѣмъ фактомъ, что сѣверное населеніе, вслѣдствіе переселеній и другихъ причинъ, выросло гораздо въ большей пропорціи, чѣмъ населеніе юга. По мѣрѣ того, какъ сѣверные штаты пріобрѣтали перевѣсъ въ національномъ конгрессѣ, *своекорыстіе пріучало людей сѣвера при всякомъ удобномъ случаѣ опираться на свое право, какъ большинства, чтобы управлять меньшинствомъ безконтрольно*; чтобы во всемъ проводить свою волю, они не хотѣли слушать ни о какой конституціонной преградѣ, и до такой степени въ сѣверныхъ умахъ были извращены конституціонныя начала, что президентъ Линкольнъ, въ своемъ вступительномъ посланіи минувшаго марта, выдаетъ за аксіому, которой онъ открыто придаетъ качество неопровержимости, будто бы, по нашей конституціонной теоріи, при всевозможныхъ обстоятельствахъ, правленіе есть принадлежность большинства; въ другомъ достопамятномъ случаѣ, тотъ же самый правитель не задумался отношеніе штата къ Соединеннымъ Штатамъ уподобить отношенію провинціи къ государству, въ которомъ она существуетъ и которымъ она создана. Это, безъ сомнѣнія, плачевное и капитальное заблужденіе; а между тѣмъ, та же именно политика проводится въ его объявленіи войны противъ этихъ союзныхъ штатовъ.

«Въ придачу къ этому, столь долго продолжавшемуся и столь глубоко вкоренившемуся, неудовольствію, касательно обогащенія фабричныхъ и лавочныхъ классовъ Сѣвера на счетъ Юга,—уже около полу столѣтія существуетъ другой предметъ несогласія, такъ что для людей, извѣстныхъ преданностію къ Союзу, мысль о его непродолжительности давно уже служитъ источникомъ опасеній.»

Оскорбленія, которыя показались Югу столь невыносимыми, что онъ рѣшился считать болѣе легкимъ зломъ даже междоусобіе, были двухъ родовъ: одни—дѣйствительныя, другія—гипотетическаго свойства. Южные люди принуждены были терпѣть,—

и они долго терпѣли, — отъ тяжести сѣверныхъ тарифовъ. Отираясь отъ этого опытнаго доказательства, они, конечно, думали, что какъ скоро власть очутится въ рукахъ сѣвера, то противъ нихъ правъ людовладѣнія начнутся такія же мѣры. Президентъ Девисъ не скрываетъ этого опасенія; но только онъ не ставитъ его на первомъ мѣстѣ, которое ему не принадлежитъ. До освобожденія негровъ почти уже дошло; а что до этого дойдетъ непременно, и скоро, въ этомъ никто не сомнѣвается; но на освобожденіе тутъ слѣдуетъ глядѣть лишь какъ на самое дѣйствительное орудіе войны, а не какъ на самый главный мотивъ ея. — Южные люди поступили неразсчитливо: изъ олигарховъ — они, на самомъ дѣлѣ, принуждены будутъ сдѣлаться рядовыми демократами; но самая неразсчитливость ихъ произошла отъ того, что сильна была ихъ увѣренность, что сѣверные люди не отважатся на такую мѣру; иначе южнымъ нужно будетъ отказать въ самой простой сообразительности: на какую сверхъестественную силу разсчитывали они, вызывая два междоусобія — одно въ республикѣ, другое въ своихъ собственныхъ домахъ? Но въ томъ-то и дѣло, что — изъ двухъ означенныхъ нами поводовъ къ открытому возстанію — торговый поводъ имѣлъ перевѣсъ предъ гуманическимъ. Доказывается это и легко и просто: сецесія была радикальной и непосредственной мѣрой къ освобожденію торговли отъ сѣверныхъ стѣсненій; что касается до рабства, то даже и въ томъ случаѣ, если бы дѣло обошлось безъ войны и Сѣверъ призналъ права Юга на самостоятельное существованіе въ новой формѣ, — Югъ все-таки нанесъ себѣ, въ этомъ отношеніи смертельный ударъ: самое широкое поощреніе невольничьихъ побѣговъ было бы необходимымъ результатомъ, котораго онъ долженъ былъ ожидать со стороны Сѣвера. Претензіи по вопросу о свободѣ торговли отличались, кромѣ того, всѣмъ озлобленіемъ давности. Въ 1832 году былъ уже случай, когда Южная Королина чуть не вышла изъ Союза по поводу тарифа. Претензіи этого рода постоянно возрастали, какъ по причинѣ дѣйствительнаго отягощенія Южныхъ Штатовъ, такъ, особенно, по причинѣ демократической жесткости, съ которою сѣверъ постоянно пользовался своимъ перевѣсомъ. Торжество протекціонной системы было постоянно обращено Сѣверомъ въ выигранное сраженіе, какъ будто Югъ на самомъ дѣлѣ былъ для него чужой, отдаленной націей, антагонистической по своимъ убѣжденіямъ, политикѣ, преданіямъ и по всѣмъ при-

вычкамъ каждодневной жизни. Югъ чувствовалъ двойное уязвленіе — униженія и потери. Онъ сознавалъ, что онъ оскорбленъ, и что онъ оскорбленъ потому, что потерпѣлъ поражение. И онъ зналъ притомъ, что его зло не такого рода, которое должно пройти само собою съ теченіемъ времени: потребности казны постоянно возрастали, а по мѣрѣ ихъ возрастанія должны были возвышаться и ненавистныя для него пошлины. Когда въ 1857 году сѣвероамериканская казна была переполнена, тарифы, правда, были значительно понижены. Но могла прійти настоятельная крайность, и они, очень вѣроятно, въ томъ же самомъ размѣрѣ могли возрасти. Между тѣмъ это было вовсе не въ порядкѣ вещей, чтобы напр. Чарльстонъ имѣлъ своимъ призваніемъ — служить къ обогащенію Массачузетса и Пенсильваніи. Для воспламененія умовъ, настроенныхъ такимъ образомъ, достаточно было одной искры: этой зажигательной искрой послужила перспектива, которую открывало югу избраніе Линкольна. Югъ слишкомъ много былъ порицаемъ за то, что онъ рѣшился на разрывъ на основаніи будтобы одной только своей предусмотрительности, касательно будущихъ золъ. Но этотъ разрывъ, даже и въ такомъ случаѣ, не лишонъ требуемой послѣдовательности. Это не первый и вовсе не исключительный случай, въ которомъ слабѣйшая сила, предвидя достовѣрность столкновенія, покушается вознаградить невыгоды своего слабого положенія безотлагательнымъ нападеніемъ на сильнѣйшаго противника, пока тотъ не вполнѣ еще приготовился. Это вопросъ, касающійся стратегіи. Предупредить противника, когда вы убѣждены, что онъ дѣйствительно вашъ противникъ, значитъ покориться инстинкту самохраненія. Это во всѣ времена оправдывалось, какъ международными законами, такъ и примѣрами большихъ государствъ. Единственное сомнѣніе, которое можетъ возникнуть въ этомъ случаѣ, состоитъ въ рѣшеніи вопроса: дѣйствительно ли нападающее государство убѣждено, что ему угрожаетъ нападеніе, или оно, подобно Наполеону въ его нашествіи на Россію, изъ этого убѣжденія дѣлаетъ только маску для своихъ завоевательныхъ плановъ. Последнее предположеніе, въ примѣненіи къ Югу, болѣе чѣмъ странно. Для объясненія дѣйствій Юга остается, такимъ образомъ, единственная вѣроятная причина: это — его откровенная боязнь, его отчаяніе, внушонное ему вѣроятіемъ дальнѣйшаго поведенія Сѣвера.

Защитники Сѣвера и всего порядка дѣлъ въ Соединенныхъ

Штатовъ отвергаютъ всякое объясненіе сецессіи другими причинами, кромѣ рабства. Мы уже замѣтили, что такое объясненіе оскорбляетъ южнаго человѣка республики только съ той стороны, что представляетъ его слишкомъ несоборазительнымъ: какъ человѣкъ и какъ прогрессистъ—онъ ѣтнимъ и обижается, потому что имѣетъ свои понятія о рабствѣ. Но его обижаетъ недовѣріе къ его открытому признанію, что главнымъ образомъ ему не по этой причинѣ не удобно было жить по милости всемогущества большинства, и что съ этой стороны, напротивъ, всемогущее большинство было еще для него терпимо. Составляя меньшинство въ Союзѣ, онъ въ иные годы,—и они были нерѣдки,—по вопросу о рабствѣ имѣлъ на своей сторонѣ большинство въ конгрессѣ; онъ достигалъ назначенія своихъ кандидатовъ въ президенты. Результатомъ такого перевѣса обыкновенно бывало то, что новое законодательство склонялось въ пользу рабовладѣльцевъ, хотя численное превосходство громаднымъ образомъ находилось на сторонѣ свободныхъ штатовъ: доказательство, что всемогущее большинство далеко не во всемъ своемъ составѣ было проникнуто ненавистію къ рабству. Тутъ Сѣверъ побивается на его собственной почвѣ. Сецессія съ этой точки зрѣнія,—если бы эта точка зрѣнія была единственною,—остается мало того—что безразсудной, а даже необъяснимой. Но защитникамъ Сѣвера слѣдовало бы объяснить, какимъ образомъ могло случаться, что Югъ получалъ большинство по вопросу людовладѣнія. Если Нью-Йоркъ и Пенсильванія, въ этомъ случаѣ, старались его поддерживать, то, конечно, этого нельзя считать доказательствомъ ихъ безкорыстнаго благородства. Это была торговая сдѣлка, гдѣ съ одной стороны былъ товаръ, — т. е. принципы,—а съ другой—деньги, т. е. покорность тарифу. Теперь сѣверные люди хотятъ поголовно выдавать себя цѣлому свѣту за крестоносцевъ свободы; это чрезвычайно естественно, потому что черезъ это прибрѣтается великая честь; но трудно не поддаться скептицизму, что бы честь эта не простиралась на великое множество и такихъ людей, которые были бы очень довольны—тайкомъ поступиться своими принципами и открыто допустить рабство на новыхъ территорияхъ, лишь бы на нихъ были распространяемы южныя пошлины съ цѣлю поддержанія сѣверныхъ фабрикъ. Республика была на волоскѣ отъ междоусобной войны, когда Южная Королина, около тридцати лѣтъ назадъ, пришла къ мысли, будто ея промышленные шате-

решы не могутъ выноситьъ дальнѣйшаго стѣсненія: примиреніе съ нѣкоторыми изъ сѣверныхъ штатовъ было куплено уступчивостію именно насчетъ того предмета, который не влекъ за собою никакихъ денежныхъ потерь для нихъ. Извѣстно, что случай этотъ былъ значительнымъ ударомъ для аболіціонныхъ обществъ; да и вообще сколько нужно было аболіціонистамъ имѣть самоотверженности, терпѣнія и энергии, чтобы не то-что подвинуть сѣверъ къ открытому крестовому походу противъ рабства, а хоть бы пристыжать его за корыстную поддержку этого вопроса и чтобы вразумить его, что вопросъ этотъ каждой часъ, каждое біеніе пульса, долженъ быть почитаемъ стоящимъ на очереди... Не эти ли самыя аболіціонисты, глубоко, впрочемъ, взявшіеся за силу, и приобщаютъ поголовно къ своей славіи всю массу сѣверныхъ жителей, изъ которыхъ многіе никогда этого не добивались, хотя теперь и не прочь воспользоваться честію, которая не стоитъ никакихъ издержекъ и отъ которой почти нѣтъ возможности уклониться. А впрочемъ, трудно сказать: если Югъ пойдетъ на сдѣлку, крестonosцы, пожалуй, могутъ не погнаться за славою.

Но возникновеніе сецессіи только въ слабой мѣрѣ обнаруживаетъ слабыя стороны всемогущества большинства. Странное поведеніе правительства Соединенныхъ Штатовъ передъ началомъ и въ самомъ началѣ сецессіи, и въ то же время совершенная сообразность этого поведенія съ общимъ порядкомъ дѣлъ въ этой республикѣ даютъ поводъ видѣть новыя пятна на солнцѣ сѣвероамериканской демократіи. Пока дѣло шло о томъ, чтобы раздражать и доводить до отчаянія, она была сидна, какъ любое насиліе. Когда дѣло дошло до разсчета съ людьми, доведенными до отчаянія, она обнаружила всю слабость покойнаго Абдуль-Меджида. Мы вовсе не хотимъ касаться вопроса о правѣ сѣверныхъ штатовъ удерживать южные въ насильственномъ союзѣ; мы беремъ существующій фактъ, что правительство сѣверо-восточныхъ штатовъ желаетъ сохранить цѣлость республики, и находимъ, что первыя соображенія его по этому предмету были недалновидны и слабы, а первыя мѣры нерѣшительны и медленны, и что, между тѣмъ, все это не могло иначе и быть; таково общее устройство Соединенныхъ Штатовъ: безсиліе духъ правительства есть самое существенное ихъ свойство. Теоретически трудно рѣшить, была или нѣтъ возможность американскому правительству,—если бы оно было даже

болѣе сильнаго механизма,—предупредить возстаніе. Можно сомнѣваться, чтобы южные штаты могли быть сдержаны, если бы вашингтонское правительство даже обладало быстротой и твердостью лондонскаго или парижскаго. Но оно обнаружило слабость, которая несравненно слабѣйшему возстанію не помѣшала бы достигнуть зрѣлости и перейти въ междоусобную войну.

Слабость заключалась тутъ въ томъ обстоятельствѣ, что возстаніе нашло главную власть въ рукахъ людей, которые были наканунѣ своей отставки, и что между правителями республики не было ни одного государственнаго человѣка, который бы предвидѣлъ опасность, прежде чѣмъ она возникла, или совладѣлъ съ нею, когда она настала. Обѣ эти причины слабости — не случайныя, а глубоко лежатъ въ самомъ существѣ учреждений, во многихъ другихъ отношеніяхъ достойныхъ справедливаго удивленія.

Непостоянность исполнительной власти — эта исключительная особенность, которою американскіе республиканцы такъ превозносятся — послужила главнѣйшей причиной успѣхности и непоправимости междоусобныхъ бѣдствій. На первыхъ порахъ возникновенія сецессіи, президентъ оставался равнодушнымъ, а половина его министровъ были дружественно расположены къ возстанію, — если только отдѣленіе Юга можно считать возстаніемъ. Ни онъ, ни они не думали принимать, — и были не въ состояніи, — никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ, чтобы успокоить обиженныхъ, или образумить ихъ, если это были сами обидчики. Причина апатіи тутъ совершенно понятна: интересы національнаго правительства въ Америкѣ менѣе всего близки къ сердцу самихъ правителей. Напротивъ, изъ нихъ каждый имѣетъ интересы самаго настоятельнаго свойства — оставаться въ добромъ расположеніи у тѣхъ, которые хотятъ ихъ свергнуть. Президентъ, мѣняющійся каждые четыре года, рѣдко можетъ считать какойнибудь національный интересъ своимъ личнымъ интересомъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова, въ особенности, если онъ находится наканунѣ смѣны. Американцы сами сознавали, а теперь сознаютъ еще въ большей степени, неудобство такого порядка. То же самое слѣдуетъ сказать о министрахъ американской республики, обыкновенно теряющихъ власть съ перемѣною президента. Находя полную и единственную поддержку въ преходящей власти временнаго патрона, расположеніемъ котораго объясняется весь смыслъ ихъ служебнаго положенія,

они очень естественно склонны къ тому, чтобы не простирали своихъ правительственныхъ видовъ за предѣлы короткаго и неизбежно ограниченнаго срока ихъ службы. Отвращать трудности, которыя угрожаютъ не имъ непосредственно, а слѣдующей за ними администраціи, предпринимать улучшенія, которыхъ добрыя послѣдствія достанется пожинать другимъ, — ко всему этому они не находятъ никакого дѣйствительнаго побужденія. При конституціяхъ другого характера перемены министерствъ имѣютъ одни только добрые результаты; этими переменами можно опредѣлить нагляднымъ образомъ шаги прогресса. — Глава правительства поручаетъ популярнѣйшему государственному человѣку, который съ тѣмъ вмѣстѣ объявляется первымъ министромъ, избрать себѣ помощниковъ; какой тутъ будетъ сдѣланъ выборъ и какія начала будутъ руководить при этомъ выборѣ соображеніями перваго министра — это очень понятно. Затѣмъ благородное честолюбіе составленнаго такимъ образомъ министерства не видитъ конца для своей карьеры: задача его въ томъ, чтобы сохранить популярность, быть всѣхъ угодиѣ и любезнѣ для своей страны. Есть способность сохранить такія качества, имѣются нравственные средства не дать опередить себя и пріобрѣсть еще бѣльшую популярность своимъ соперникамъ — тогда управляй страной и веди ее къ благополучію, хоть пожизненно. Тутъ можетъ быть понятно, — при самой перемѣнѣ министерствъ, какъ бы она часто при томъ ни повторялась, — все возможное единство и преемство политики: ею управляетъ одинъ и единственный регуляторъ — прогрессъ. Совершенно другое мы видимъ при настоящемъ устройствѣ американской республики. Нить политики здѣсь систематически обрывается каждые четыре года; нѣтъ никакого личнаго, внутренняго двигателя, который бы дѣлалъ правителей ревнивыми къ благу своей страны, или хотъ вѣрными слугами ей: все рассчитано и основано на одномъ только отрицательномъ понятіи о долгѣ и на трудности измѣнить ему. Основатели конституціи старались поставить всѣ матеріальныя препятствія къ тому, чтобы служители ихъ страны не могли уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, или дѣлать противъ своего отечества невѣрности. Очевидно, они принимали на себя такую задачу, которой не можетъ рѣшить никакая человѣческая мудрость. Ихъ мѣры мало того — что послужили къ развитію тѣхъ крайностей чувства ревности, за которыя ихъ упрекаетъ Токвиль, но

оказываются даже не вполне предусмотрительными. Такъ напр. творцы революціи, въ предупрежденіе измѣны со стороны президента, ограничили его международныя отношенія тѣмъ, что онъ въ иностранной политикѣ не можетъ сдѣлать ни одного рѣшительнаго шага безъ согласія сената. И все-таки они предвидѣли только половину опасности. Они приняли предосторожность противъ продажности *дѣстей* президента; но имъ не пришло въ голову затруднить продажность его *бездѣйствія*. Еще неужѣ они думали о мѣрахъ отъратить президента отъ болѣе невинной наклонности—сваливать ответственность на предшественника, и отдавать превращеніе затрудненій въ пользу преемника. Можно быть увѣреннымъ, что президентъ Букаманъ сталъ бы въ совершенно другія отношенія къ революціи, если бы онъ не зналъ, что черезъ четыре мѣсяца онъ будетъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности и заботъ своей власти, что, можетъ быть, найдетъ нужнымъ—быть врагомъ ея. Можно было бы ожидать также, что его министры оказали бы болѣе энергичную стойкость въ виду громадной оппозиціи Юга, если бы они не ожидали окончанія четырехмѣсячнаго срока, чтобы съ-лѣмъ примкнуть къ ней. Такое положеніе, принятое президентомъ и его совѣтниками въ виду государственной катастрофы, было чисто результатомъ, и притомъ естественнымъ и необходимымъ, быстрой переимѣяемости исполнительной власти. Эти три или четыре мѣсяца равнодушія къ возстанію были безцѣльнымъ подаркомъ для сецессионистовъ Южной Каролины. Они помогли имъ приготовить или усовершенствовать военныя средства, компрометировать своихъ нерѣшительныхъ союзниковъ, организовать, наконецъ, систему внутренняго управленія — прежде, чѣмъ наступила неудобная для такихъ распоряженій война. Мы видимъ, что сѣвероамериканская конституціонная теорія оказывается вполне дѣйствительной и практичной; передъ нами приимѣръ, гдѣ она точно парализовала исполнительную власть; но вотъ американская демократія, къ величайшему удивленію своему, находитъ, что всѣ ея официальные мѣры противъ этой власти оказываются дѣйствующими противъ нея самой.

Надобно замѣтить, что мы не хотимъ высказывать никакихъ предубѣжденій, унижительныхъ для человѣческой природы. Утверждать вообще, то есть, не дѣлая никакихъ исключеній, что люди не способны возвышаться до тѣхъ понятій о долгѣ, какъ

этого требовали основатели республики, и что они непременно исправляют свои обязанности съ нерадѣніемъ, какъ скоро ихъ личный интересъ, соединенный съ ихъ службою отечеству, предъидущаго свойства, — значитъ противорѣчить примѣрамъ старой и новой исторіи и отчасти клеветать на человѣчество. Но что система, допускающая героизмъ не какъ исключеніе, а какъ обыкновенную добродѣтель, и въ то же самое время, не довѣряющая ничѣй добродѣтели, будетъ на практикѣ, въ большинствѣ случаевъ, сообщать своимъ очереднымъ представителямъ, лицирннымъ притомъ всякаго духа преемственности, тотъ самый характеръ, которымъ отличалось правительство бухананова президентства, — это совершенно правдоподобно. — Равнодушіе правительства, застигнутаго сецессіонной катастрофой объясняется именно этой системой. — А доказанная неспособность, а испорченность этого правительства? Самъ Бухананъ былъ человѣкъ чистый, только безполезный для критическаго времени. Но половина его министровъ не свободны отъ всякаго обвиненія, будто они свою власть и свое знаніе дѣла употребляли къ тому, чтобы содѣйствовать раздробленію республики, которой служили. Мы, люди привычные, могли бы быть удивлены такимъ недостаткомъ честности со стороны этихъ чиновниковъ, еслибы мы не знали, въ какомъ свѣтѣ намъ долженъ представляться служащій американецъ. Человѣкъ, получившій здѣсь должность, смотритъ на себя не какъ на лицо, принявшее на себя обязательство — исполнять извѣстный долгъ, а скорѣе какъ на побѣдителя, получившаго военную добычу. Такое возрѣніе, безъ сомнѣнія, не слѣдуетъ считать неизбежною принадлежностію чисто-народнаго правительства; но въ Америкѣ, гдѣ всѣ недостатки этого, еще невыработаннаго человечествомъ, рода правительства доведены до послѣдней крайности, господство такого возрѣнія составляетъ страшную общественную болѣзнь. Каждые четыре года вся сумма административныхъ издержекъ страны дѣлается призомъ избирательныхъ маневровъ; мѣста, находящіяся въ распоряженіи президента, становятся нервами войны для соискателей. Оружіе, которымъ сражаются при этомъ, то же самое, которое такъ общепринято въ нѣкоторыхъ странахъ стараго міра. Въ послѣдніе три выбора число такихъ призовыхъ мѣстъ, — значительное большинство которыхъ дѣйствительно замѣщено другими лицами, — на каждый выборъ опредѣлялось въ сто тысячъ. Пристрастіе и нечестность

патронажества, съ которымъ при этомъ дѣлаются опредѣленія на мѣста; величайшая публичность, съ которой кандидаты, желающіе представлять республику передъ цѣлымъ человѣчествомъ, добываютъ права получать плату отъ республики,—выработали такой уровень для общей нравственности республиканскихъ чиновниковъ, который европейскими людьми, живущими при лучшихъ порядкахъ, подвергается безошадному осужденію, а для всѣхъ остальныхъ не долженъ составлять предметъ зависти.

Это касательно честности. — Неспособности людей, на отвѣтственности которыхъ лежала безопасность республики въ послѣднюю зиму, тоже должна быть отдана должная справедливость. Впрочемъ, здѣсь неспособность восходить далѣе. Будь постоянно во главѣ республиканскаго правительства люди, подобные вождямъ первой революціи, республика, вѣроятно, никогда не была бы доведена до такой катастрофы (а ей предшествовали уже шесть — меньшаго порядка). Мы понимаемъ всю огромную трудность—опредѣлить съ точностію настоящія точки отправленія, гдѣ государственные люди Америки, различныхъ выборовъ, уклонялись отъ прямой линіи политической мудрости и придавали такое направленіе дѣламъ, котораго крайнимъ послѣдствіемъ должно быть бѣдствіе отечества; и еще, въ какой степени то или другое направленіе политики было бы или не было выше встрѣтившихся затрудненій, это задача спорная, которая большею частію рѣшается въ духѣ пристрастія. Но одно остается неизмѣннымъ: государственная мудрость предотвращаетъ затрудненія, государственное безразсудство идетъ на нихъ. Теперь передъ нами фактъ: рядъ очередныхъ правительствъ привелъ заатлантическую республику, наперекоръ всѣмъ преимуществамъ, которыя свойственны только ей одной, къ такому положенію дѣлъ, которое до пресыщенія испытано странами, не имѣющими ни одного преимущества заатлантической республики. Намъ говорятъ, что такое положеніе дѣлъ въ Америкѣ въ высшей степени послѣдовательно; мы то же думаемъ и, насколько можемъ, доказываемъ; но это-то именно и дурно, что оно послѣдовательно. Что, въ самомъ дѣлѣ, хорошаго въ такой послѣдовательности? — При отсутствіи внѣшнихъ враговъ или сосѣдей, которые бы могли сдѣлать на нее нападеніе съ шансами успеха; съ громадной территоріей, скрывающей въ себѣ еще нетронутыя богатства; съ полнѣйшею обезпеченностію еще на долгія времена противъ страшнаго призрака бѣдности, который

не дастъ покою всѣмъ другимъ государствамъ; со всею свѣжестію оиля, свойственной такъ называемымъ *молодымъ* народамъ, и въ то же время со всею опытностію національной возмужалости,—американская республика испытываетъ бѣдствія междоусобной войны, и угрожается распаденіемъ, прежде ста-
лѣтъ своему существованію. — Ужели это слишкомъ большая бессмыслица—заключать, что американскіе государственные люди не образцы государственной мудрости и всего круга соединенныхъ съ нею способностей?

На это заключеніе можно, впрочемъ, рискнуть безъ особой опасности: къ нему приходили многіе наблюдательные люди гораздо прежде случившейся катастрофы, и они высказывали, будто-бы то обстоятельство, что заключеніе это совершенно вѣрно, есть именно прямое послѣдствіе всемогущества большинства. Что способности, проявляемыя американскимъ правительствомъ, представляютъ печальный контрастъ общимъ способностямъ, характеризующимъ американскій народъ во многихъ другихъ положеніяхъ жизни,—это фактъ, который утверждёнъ людьми самыхъ различныхъ политическихъ отбѣнковъ и самой признанной проницательности. Мы съ своей стороны для образчика приведемъ здѣсь только два свидѣтельства, изъ которыхъ одно принадлежитъ не врагу, а другое поклоннику американской демократіи. Вотъ слова Токвиля:

«На первыхъ порахъ пребыванія моего въ Соединенныхъ Штатахъ я былъ пораженъ открытіемъ, какъ общи здѣсь достоинства между управляемыми, и какъ рѣдки они между правителями. Это совершенно достовѣрный фактъ, что въ наше время въ Соединенныхъ Штатахъ наиболѣе замѣчательные люди рѣдко призываются къ общественнымъ должностямъ; никто такъ же не можетъ отвергнуть, что фактъ этотъ установлялся по мѣрѣ того, какъ демократія переступала всѣ свои старинныя ограниченія. Это очевидно, что государственные люди Америки послѣдняго полу столѣтія далеко не тѣ, что были прежде. Сѣвероамериканскій народъ не то-что ненавидитъ высшіе классы общества, но онъ не чувствуетъ расположенія къ нимъ, и потому вслѣски старается устранить ихъ отъ власти. Но это доступно наблюденію всякаго: народъ не благоволитъ ни къ чему, что высится безъ его помощи.»

Вотъ свидѣтельство Милля, почти столь же рѣшительное:

— «Политическая жизнь въ Америкѣ—дѣйствительно дорогая школа, но это школа, въ которой включаютъ способѣйшихъ учениковъ; можно подумать, что первые умы въ странѣ и точно не имѣютъ доступа къ національному представительству и вообще къ общественнымъ должностямъ.—какъ будто это люди, забракованные формальнымъ образомъ. И потомъ, такъ какъ Демосъ (чернь) составляетъ въ Америкѣ единственный источникъ власти, то всѣ личныя честолюбія страны тяготеютъ къ нему точно такъ же какъ это бы-

востъ въ монархическихъ странахъ къ государю: народъ, подобно деспоту окружаютъ лестію и раболѣпіемъ такъ что развращающее дѣйствіе власти идетъ объ руку съ ея улучшающимъ и облагораживающимъ вліаніемъ.

Когда до насъ доходятъ странности дѣкоторыхъ американскихъ выборовъ, мы обыкновенно объявляемъ ихъ высокою степенью либерализма. Выходитъ, что это не либерализмъ: это фаворитизмъ, если не самый худшій, то и не лучший между другими родами фаворитизма. Хорошіе люди и хорошія вещи никогда не существовали на свѣтѣ безъ того, чтобы на нихъ не клеветали; но свѣтъ еще не видѣлъ примѣра, чтобы клеветниками тѣхъ и другихъ оказывались лучшіе люди, наиболѣе способные къ хорошимъ вещамъ, люди—какъ Маклея, Токиада Прудонъ, Милла. Американскую націю представляютъ одни только посредственности: первостепенные люди исключены отъ этой чести. Хорошій это порядокъ вещей? А между тѣмъ для Америки онъ объясняется, какъ неизбежный, изъ коренныхъ свойствъ человеческой природы. Между цинизмомъ и извѣстномъ, воспитаніемъ и невѣжествомъ, уточенною мыслию и первобытнымъ пониманіемъ вещей, раболѣпіемъ и гордостью, существуетъ естественная антипатія. Несосчитанное большинство, хотя бы одно и все *можно* не *можетъ* выносить челоуѣка, котораго пониманіе, нравственность, привычки такъ противоположны его собственнымъ: наконецъ, такой челоуѣкъ, на самомъ дѣлѣ, фактически, вовсе не представляетъ такого большинства—ни въ одномъ его качествѣ. Зачѣмъ же большинство выберетъ такого челоуѣка въ свои представители? Чтобы не сдѣлать такой глупости, не нужно имѣть даже смысла, довольно одного инстинкта. Аристидъ и Коріоланъ въ этомъ случаѣ объясняютъ Токиада и Милла, какъ мы никогда не сумѣемъ этого сдѣлать.

Повторимъ повторенныя нами се словъ хотя и отстаивая, но тѣмъ не менѣе компетентныхъ свидѣтелей, клеветы противъ американской демократіи касательно тѣхъ, будто бы присущихъ ей, недостатковъ, которые довели республику до ея настоящаго положенія.—Америка переживаетъ свою катастрофу потому, что у ея страстнаго и недисциплинированнаго воспитаніемъ большинства не доставало и не могло быть того духа взаимной уступчивости, который одинъ только дѣлаетъ возможнымъ успѣшное веденіе общаго дѣла, будетъ ли оно компанейскаго или государственнаго значенія. Большинство преслѣдовало здѣсь свои гражданскія побѣды въ духѣ завоеванія, отвѣчая на доѣ представ-

люди меньшинства: *vae victis!* горе побѣжденнымъ! Меньшинство дошло, наконецъ, до отчаянія. Оно выносило цѣлые годы униженія для него притѣсненія со стороны сѣверныхъ пролекціонистовъ; оно заглянуло впередъ и проникнулось хотя и прувеличенію, но довольно естественною боязнію. Тогда оно обратилось къ послѣднему и естественному протесту, какой существуетъ на землѣ противъ тиранніи. Демократія оказалась бессильною, когда ей представилась надобность отстаивать свой доктринализмъ, — это ее лучшая сторона. Она истощила всѣ утонченности, чтобы сдѣлать у себя исполнительную власть ничтожной, и, въ минуту настоящей потребности, должна была осознать, что она не только не всемогуща и не исполнена мудрости, но просто слаба и не сообразительна, какъ самая тѣснѣйшая олигархія. Парализованная нечестностію нѣкоторыхъ и равнодушіемъ остальныхъ — своихъ главныхъ чиновниковъ, обезсиленная систематическимъ исключеніемъ первостепенныхъ людей отъ занятія политическими дѣлами, она, въ лицѣ вашигтонскаго правительства, представила примѣръ неумѣстной апатїи и позднаго озлобленія. Когда нужно было дѣйствовать, — или ужь ни когда не дѣйствовать, — правительство это выжидало выраженія общественнаго мнѣнія касательно правъ Юга на отдѣленіе и занималось наблюденіемъ факта — какимъ образомъ отъ искры происходитъ пожаръ. Когда, наконецъ, пожаръ достигъ апогея, и все, что могло отдѣлаться, отдѣлилось, оно шепталось этимъ фактомъ; отказалось и отказало отъ всякой надежды на миролюбивое отдѣленіе, или на такое же соединеніе снова; навело націю на крайнѣйшее безразсудство, къ какому только способны нація, на братоубійственную войну, какъ будто ничего не имѣя въ виду кромѣ того, чтобы представить міру наглядное доказательство той истины, что объ учрежденіяхъ слѣдуетъ судить не по ихъ теоретической симметричности, а по ихъ практической годности и результатамъ.

То, что дѣлается теперь, не исключаетъ возможности того же самаго впереди. Сѣверная федерація, — если отдѣленіе, какъ надобно полагать, состоится, — остается еще съ территоріей болѣе чѣмъ въ десять разъ обширнѣе французской; толковать о незначительности ея будущихъ судьбъ было бы, поэтому, болѣе, чѣмъ празднословіемъ. Но нисколько не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, чтобы между теперешними мирными и сѣвероамериканскими штатами, или между ими и Пенсильваніей, не про-

зошло вновь столкновенія противоположныхъ интересовъ, чтобы большинство въ этомъ предполагаемомъ случаѣ не продолжало тиранствовать, чтобы меньшинство не дошло до отчаянія, чтобы, наконецъ, въ республикѣ снова не оказался недостатокъ власти, способной привести дѣло къ примирительному исходу. Все это было бы очень прискорбно не для одной только Америки, еслибы, съ другой стороны, нельзя было разсчитывать на возможное лучшее. Съ окончаніемъ катастрофы можетъ наступить время реформъ, которыя для Америки болѣе удобоисполнимы, чѣмъ можно подумать съ перваго раза.—Частыя перемены президентовъ—со всевозможнымъ возбужденіемъ страстей, безъ котораго эти перемены совершенно немыслимы, гиганское развитіе и злоупотребленіе президентскаго патронажества, крайнее и въ высшей степени вопіющее безсиліе юстиціи, фискальное—и представляющее большія неудобства для основательности преймъ—исключеніе министровъ изъ конгресса, наконецъ, непосредственное и непрестанное допущеніе ко власти цѣлыхъ миліоновъ европейскихъ авантюристовъ, отъ которыхъ, за предоставленіе имъ совершеннѣйшей гражданской полноправности, не дожидаются даже того, чтобы они успѣли сдѣлаться, по крайней мѣрѣ, патриотами, — все это такіе пороки американскихъ учрежденій, которые считались самыми передовыми либералами, какъ Европы, такъ и самой республики, за несовмѣстимые съ долговѣчною нераздробимостію республиканскихъ штатовъ. Въ то же время, эти же самые либералы сознавали, что помочь этому горю и вразумить американскій народъ можетъ одно только громадное потрясеніе. Оно явилось къ услугамъ реформистовъ. Воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для реформаціонныхъ цѣлей—значило бы оказать республикѣ, въ глазахъ всѣхъ разсудительныхъ патриотовъ, болѣе истинную услугу, чѣмъ какую можетъ казаться блестящій рядъ братоубійственныхъ побѣдъ — отъ Ричмонда до Нью-Орлеана.

АБОЛИЦИОНИЗМЪ И АБОЛИЦИОНИСТЫ.

Поднятіе въ конгрессѣ вопроса о невольничествѣ по поводу присоединенія Техаса къ Сѣвероамериканскому Союзу. — Торжество приверженцевъ рабства. — Конвенція въ Буффало. — Невольничество какъ причина распада прѣжнихъ политическихъ партій. — Образование новой политической партіи, принявшей въ основу своихъ тенденцій принципы аболиціонистовъ. — Взглядъ на невольничество демократовъ. — Возведеніе демократами рабства до степени нравственнаго принципа. — Взглядъ аболиціонистовъ на отношеніе личности къ государству. — Вліяніе, которое производитъ, по мнѣнію аболиціонистовъ, невольничество на нравы рабочаго класса. — Тѣлесное наказаніе, какъ главная причина нравственной испорченности невольниковъ. — Невѣжество массъ необходимо для безопасности рабовладѣльцевъ. — Религія при соприкосновеніи съ рабствомъ становится предразсудкомъ. — Гибельное вліяніе рабства на самихъ владѣльцевъ. — Причины злоупотребленія безотвѣтственной властью заключаются въ самой природѣ чловѣка. Нарушеніе рабствомъ чистоты семейныхъ отношеній не только невольника, но и владѣльца. — Опроверженіе довода демократовъ, что положеніе невольника выше положенія свободнаго рабочаго. — Гуманность рабовладѣльцевъ въ обращеніи съ невольниками не есть извиненіе рабства. — Можетъ ли политическая свобода найти себѣ защитниковъ въ рабовладѣльческомъ классѣ? — Взглядъ партіи вигговъ на невольничество.

Хотя оппозиція противъ невольничества значительно ослабла на сѣверѣ въ первые годы послѣ миссурійскаго компромисса, но она не исчезла совершенно въ народѣ. Несмотря на то, что первыя аболиціонныя общества стали закрываться постепенно съ 1821 года, борьба, начатая ими противъ невольничества, продолжалась представителями различныхъ религіозныхъ сектъ. Съ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія эта борьба принимаетъ большіе противъ прѣжняго размѣры, и аболиціонисты дѣлаются страшными

для юга, своею пропагандой идей, противных рабовладельческой власти. Отчасти вследствие влияния успѣховъ англійскихъ abolitionистовъ, достигнувшихъ въ это время освобожденія невольниковъ въ Вестъ-Индіи, отчасти по причинѣ политической реакціи, въ 1831 и 1832 годахъ образуются въ Сѣверной Америкѣ новыя abolitionныя общества, существованіе которыхъ продолжается до настоящей минуты. Они основывались въ большихъ городахъ восточныхъ штатовъ и преимущественно въ Бостонѣ. Въ 1833 году, въ Филадельфій, abolitionисты успѣли уже составить большую конвенцію изъ представителей десяти сѣверныхъ штатовъ. Смотри на конституцію какъ на договоръ государства съ рабовладѣльцами, они избѣгали всякаго участія въ политикѣ. Дѣятельность ихъ ограничивалась распространеніемъ въ народѣ ученія о необходимости немедленнаго и безвозмезднаго освобожденія невольниковъ. Къ числу главныхъ учредителей abolitionныхъ обществъ и подвижниковъ abolitionизма принадлежали *Таннанъ* и *Гаррисонъ*. Между наиболѣе известными ораторами abolitionистовъ были Вендель *Филипсъ* и Теодоръ *Паркеръ*. Изъ женщинъ въ особенности замѣчательна своею abolitionною дѣятельностью *Лукреція Моттъ*. Этимъ личностямъ принадлежитъ честь инициативы въ томъ великомъ abolitionномъ движеніи, которое въ началѣ тридцатыхъ годовъ охватило все сѣверные штаты американской конфедерации и конецъ котораго трудно предвидѣть. Агитация abolitionистовъ въ первое же время встрѣтила необыкновенное ожесточеніе со стороны всехъ приверженцевъ рабства. Они видѣли въ ней серьезную опасность, угрожающую Югу въ его правахъ на владѣніе людьми и старались придать стремленіямъ abolitionистовъ самыя низкія побужденія. Незначительное событіе, происшедшее въ Виргиніи въ 1831 году, дало новое основаніе ожесточенію Юга противъ abolitionистовъ. Между невольниками составлялся заговоръ, подъ руководствомъ негра изъ Саутемптона, Тёрнера. Но заговорщики вскорѣ были открыты; шестьдесятъ изъ нихъ разстрѣляны; главные зачинщики перевѣшаны. Вѣсть о заговорѣ невольниковъ встревожила южные штаты и обратила всеобщее вниманіе на вопросъ о невольничествѣ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на умы плантаторовъ, было такъ велико, что въ законодательномъ собраніи Виргиніи возбудился вопросъ объ эманципации негровъ. Было предложено—начать постепенное освобожденіе невольниковъ. Споры по поводу этого предложенія продолжались въ теченіе

той зимы конца 1831 и начала слѣдующаго года, но, къ сожалѣнію, не повели ни къ какимъ результатамъ.

Плантаторы старались представить заговоръ въ Виргиніи дѣломъ аболиціонистовъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ имъ удалось вызвать противъ нихъ народныя возстанія и до того вооружить общественное мнѣніе, что негодованіе противъ этихъ сѣверныхъ фанатиковъ, — какъ называли тогда аболиціанистовъ, — одѣлалось всеобщимъ на Югѣ. Законодательное собраніе Южной Каролины объявило, что образованіе аболиціонныхъ обществъ и дѣятельность извѣстныхъ фанатиковъ въ свободныхъ штатахъ есть прямое оскорбленіе союзной власти. На этомъ основаніи оно просило губернатора Массачузетса принять немедленно строгія мѣры противъ такого рода обществъ, существующихъ въ предѣлахъ его штата. Георгія требовала у него, чтобы онъ употребилъ всѣ средства, какія только находятся въ его власти, къ уничтоженію предательскихъ замысловъ аболиціонистовъ. Виргинія обратилась ко всѣмъ сѣвернымъ штатамъ съ требованіемъ — воспретить, подъ страхомъ тяжелыхъ взысканій, составленіе аболиціонныхъ обществъ или какихъ бы то ни было подобныхъ имъ собраній, а также обнародованіе сочиненій и журналовъ, имѣющихъ цѣлью возбудить невольниковъ Юга къ возстанію. Раздраженіе противъ аболиціонистовъ было такъ сильно на Югѣ, что за выдачу нѣкоторыхъ изъ нихъ назначались особенныя преміи. Георгія опредѣлила выдать 5000 долларовъ за поимку Гаррисона, издававшего въ Бостонѣ ненавистный для плантаторовъ «Листокъ освобожденія». Губернаторъ Алабамы требовалъ у нью-йоркскаго губернатора выдачи Уильямса, издателя «Эманципатора». Комитетъ безопасности въ Луизианѣ назначилъ 50,000 талеровъ за голову Артура Таппана, извѣстнаго нью-йоркскаго аболиціониста.

Однако, видя, что никакія угрозы и гоненія, воздвигнутыя противъ аболиціонистовъ, не приносятъ пользы, рабовладѣльцы рѣшились обратиться съ требованіями къ союзному правительству. Питсбургское собраніе въ Виргиніи просило почтамтъ Соединенныхъ Штатовъ отказаться отъ пересылки всѣхъ журналовъ и сочиненій, враждебныхъ дѣлу невольничества. Генераль-почтмейстеръ Кендалъ отвѣчалъ, что выполненіе этой провѣбн выходитъ изъ предѣловъ его власти, но что онъ предоставляетъ личной отвѣтственности каждаго почтмейстера конфисковать всѣ произведенія, написанныя въ аболиціонномъ духѣ. Мнѣніе, выраженное Кенда-

земъ, вполнѣ соответствовало стремленіямъ правительства, во главѣ котораго стоялъ Джексонъ. Въ декабрѣ 1835 года президентъ предложилъ конгрессу издать законъ, воспрещающій, подъ страхомъ тяжелыхъ взысканій, всякую пересылку возмутительныхъ сочиненій по почтѣ. Исслѣдованіе предложенія Джексона поручено было комитету, составленному изъ пяти сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ Кальгуна. Руководясь мнѣніемъ своего предсѣдателя, комитетъ постановилъ—подвергать строгому наказанію всякаго почтмейстера, который преднамѣренно перешлетъ какую бы то ни было книгу или живописное изображеніе, касающіяся вопроса о невольничествѣ, въ штаты, гдѣ мѣстнымъ законодательствомъ воспрещено распространеніе такого рода книгъ и изображеній. Постановленіе, сдѣланное комитетомъ, Кальгунъ горячо защищалъ въ сенатѣ и нашолъ себѣ многихъ союзниковъ. Бухананъ, не упускавшій ни одного удобнаго случая къ тому, чтобы занскать благосклонность Юга, открыто принялъ сторону Кальгуна, доказывая, что этимъ постановленіемъ правительство обезпечить въ гоеударствѣ спокойствіе и права собственности. Ванъ-Буренъ, искавшій президентскаго мѣста послѣ Джексона, а также всѣ приверженцы такъ называемый демократической партіи старались во что бы то ни стало отстоять предложеніе Кальгуна. Но къ счастью, аболиціонисты нашли сильную поддержку въ главныхъ представителяхъ образовывавшейся въ то время партіи виговъ—Клеѣ и Вебстерѣ, и имъ удалось большинствомъ шести голосовъ отвергнуть законъ, нарушавшій основныя права сѣверо-американскихъ гражданъ—свободу слова и печати.

Побѣжденная партія Кальгуна не остановилась на этомъ. Она не задумалась, для защиты рабовладѣльческой власти, посягнуть на другое, не менѣ священное право каждаго гражданина Сѣверо-Американскихъ Штатовъ—право представлять петиціи законодательной власти союза. Когда квакерскими обществами Пенсильваніи и нѣкоторыми аболиціонными обществами поданы были въ конгрессъ множество петицій объ уничтоженіи невольничества въ округѣ Колумбін, Кальгунъ горячо возсталъ въ сенатѣ противъ права петицій вообще. Онъ требовалъ, чтобы всѣ прошенія, имѣющія предметомъ своимъ уничтоженіе невольничества, возвращались нечитанными, такъ какъ они противны конституціи и оскорбительны для сената. Но въ этомъ предложеніи приверженцы рабства успѣли еще менѣ, чѣмъ въ первомъ. Оно было отвергнуто 36-ю голосами противъ 10.

Тѣ же предложенія слѣданы были въ палатѣ представителей, и здѣсь демократы достигли наконецъ своей цѣли. Комитетъ, составленный подъ предсѣдательствомъ Пинкнея изъ Южной Каролины, для разсмотрѣнія петицій аболиціонистовъ принялъ три рѣшенія: а) Конгрессъ не имѣетъ права касаться невольничества въ отдѣльныхъ штатахъ; б) онъ не можетъ уничтожить невольничества въ Колумбіи в) всѣ бумаги, относящіяся до этихъ двухъ вопросовъ и вообще до вопроса о невольничествѣ, должны оставаться въ палатѣ нечитанными. Послѣ прочтенія этихъ опредѣленій, аболиціонисты, въ лицѣ Джона Адамса, хотѣли возражать, но всѣ споры по этому поводу были воспрещены и постановленія комитета приняты. Аболиціонистамъ оставалось только заявить протестъ свой противъ такого явнаго нарушенія конституціи, и Джонъ Адамсъ объявлялъ, что онъ «считаетъ принятыя рѣшенія примымъ оскорбленіемъ государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ, правилъ палаты представителей и правъ своихъ избирателей.»

Подобныя нисильственныя мѣры не принесли желанныхъ результатовъ для защитниковъ рабства. Онѣ только увеличили еще болѣе раздраженіе съ обѣихъ сторонъ. Каждая попытка подавить свободу не только не уменьшала агитаціи аболиціонистовъ, но напротивъ придавала имъ новыя силы и новое рвеніе къ борьбѣ съ своими противниками. Число петицій объ уничтоженіи невольничества въ Колумбіи, ограничивавшаеся въ 1836 году 38,000, достигло въ слѣдующее засѣданіе конгресса до 110,000. На новыя ограниченія права петицій, сдѣланныя въ 1836 году, аболиціонисты отвѣчали 300,000 новыхъ петицій. Законодательныя собранія Коннектикута и Массачузетса объявили эти ограниченія оскорбленіемъ конституціи, подрывающимъ основные законы американскаго государственнаго устройства и нарушающими народныя права. Но, несмотря на протестъ сѣверныхъ штатовъ, въ 1838 году на конгрессѣ былъ принятъ законъ, по которому всякая петиція какимъ бы то ни было образомъ относящаяся до вопроса о невольничествѣ, должна оставаться безъ вниманія. Этотъ законъ былъ въ полной силѣ въ теченіе почти десяти лѣтъ и отмѣненъ только въ 1845 году.

Изъ числа аболиціонистовъ, наиболѣе защищавшихъ въ конгрессѣ право петицій, былъ Джонъ Адамсъ. Онъ принималъ на себя трудъ представлять конгрессу всѣ петиціи, не обращая вниманія на то, присылались ли онѣ съ Сѣвера или Юга, отъ лица муж-

чнѣ, или женщинѣ, свободныхъ людей, или невольниковъ. До стиженіе этой цѣли стоило Адамсу каждый разъ большіяхъ трудовъ и даже непріятностей отъ приверженцевъ рабства. Ослобленіе со стороны послѣднихъ доходило до того, что однажды, когда имъ представлена была петиція отъ одиннадцати невольниковъ изъ Фридрихсбурга, въ Виргиніи, то многіе изъ членовъ палаты представителей потребовали исключенія его изъ конгресса и даже ареста. Но ничто не могло остановить Адамса въ его аболіціонной дѣятельности и онъ всегда оставался самымъ энергическимъ защитникомъ конституціонныхъ правъ сѣверо-американскаго народа отъ посягательствъ на нихъ рабовладѣльческой власти.

Вліяніе, котораго достигли въ конгрессѣ демократы въ правленіе Джексона было такъ велико, что оно встревожило наконецъ не однихъ аболіціонистовъ, но и людей, не принимавшихъ до тѣхъ поръ особеннаго участія въ спорахъ по вопросу о невольничествѣ. Представитель демократической партіи, Джексоны, хотя и не пользовался особымъ расположеніемъ наиболее просвѣщенной части націи, но зато былъ необыкновенно популяренъ въ низшихъ слояхъ общества. Популярность его могла сравняться разве только съ тѣмъ вліяніемъ на народъ, которымъ обладалъ нѣкогда Вашингтонъ. Потому многіе не безъ основанія опасались, чтобы онъ не былъ избранъ въ третій разъ въ президенты и не сдѣлался бы такимъ образомъ диктаторомъ. Эти опасенія вызвали сильную оппозицію противъ Джексона, извѣстную въ исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ подъ именемъ партіи *wigovs*. Противники Джексона значительно усилились, когда на ихъ сторону перешли всѣ лица, недовольныя уничтоженіемъ національнаго привилегированнаго банка въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ главѣ новой партіи стали самыя извѣстныя государственныя личности того времени — Генрихъ Клей на Югѣ и Даниль Вебстеръ на Сѣверѣ. Благодаря усиліямъ виговъ, Джексоны не удалось быть избраннымъ еще разъ въ президенты; но и сами виги были еще не настолько сильны, чтобы могли достигнуть избранія въ эту должность своего собственнаго кандидата. Слабость и разединеніе оппозиціи были причиною того, что послѣ Джексона сдѣлался президентомъ новый представитель демократической партіи — Ванъ Буренъ. Успѣхамъ виговъ не мадо мѣшало постоянное соперничество главныхъ ихъ представителей, какъ Клей, Вебстеръ,

Скоттъ и Гаррисонъ. Только въ 1840 году имъ удалось наконецъ избрать въ президенты послѣдняго. Одержавъ эту побѣду, они мечтали уже о новомъ покровительственномъ тарифѣ и новомъ національномъ банкѣ; они видѣли въ перспективѣ власть, переходящую въ руки ихъ главныхъ представителей, прежде всего Клея, потомъ Вебстера, наконецъ Скотта. Но всѣ планы ихъ рушились совершенно неожиданно. Гаррисонъ умеръ, нѣсколько времени спустя послѣ своего избранія, и его мѣсто занялъ вице-президентъ Тайлеръ (Tyler), горячій демократъ. Такимъ образомъ, несмотря на образованіе новой политической партіи, власть оставалась по прежнему въ рукахъ демократовъ. Президенты, слѣдовавшіе за Джексономъ, продолжали свято держаться политики, завѣщанной имъ ихъ предшественникомъ и рабовладѣльцы съ каждымъ годомъ приобретали большее вліяніе на судьбу Сѣверо-Американскаго союза.

Главная цѣль, къ осуществленію которой стремились въ это время приверженцы рабства, было присоединеніе Техаса. На Техасъ смотрѣли плантаторы съ давнихъ поръ какъ на страну въ высшей степени удобную для развитія въ ней невольничества. Джексонъ два раза предлагалъ мексиканскому правительству уступить земли Техаса Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, общая за эту уступку выдать отъ четырехъ до пяти миліоновъ долларовъ. Въ теченіе шести лѣтъ посланникъ его употреблялъ всѣ усилія, чтобы склонить на эту одѣлку мексиканское правительство, но не достигъ никакого результата. Тогда плантаторы прибѣгли къ совершенно новому средству для достиженія своей цѣли.

Техасъ, во время освобожденія Меккики изъ подъ власти Испаніи, состоялъ изъ множества обширныхъ, ни кѣмъ не заселенныхъ еще земель. Заботясь объ ихъ заселеніи, мексиканское правительство уступало безвозмездно значительные участки земли всѣмъ, кто только обязывался въ теченіе опредѣленнаго срока помѣстить на нихъ извѣстное число семействъ. Лица, получившія подъ такими условіями земли, назывались *эмпреса-ріосъ*. Подъ видомъ этихъ эмпреса-ріосъ плантаторы рѣшились проникнуть въ область, принадлежавшую Меккикѣ и овладѣть ею. Такъ какъ во время провозглашенія независимости Меккикою, она освободила всѣхъ находившихся въ ней невольниковъ и запретила на будущее время привозъ ихъ въ свои области, то плантаторы, переселявшіеся въ Техасъ, чтобы обойти законъ, брали

съ собой невольниковъ подъ видомъ вольнонаемныхъ рабочихъ. Но сроки этого найма простирались на необыкновенно долгое время, такъ что доходили иногда даже до 90 лѣтъ. Въ первое время своего поселенія въ Техасъ плантаторы, не надѣясь на свои силы, воздерживались отъ всякаго столкновенія съ мексиканскимъ правительствомъ. Но когда они увидѣли на своей сторонѣ всѣ южные штаты Сѣверо-Американскаго Союза, когда партія приверженцевъ рабства сдѣлалась преобладающею въ конгрессѣ этой страны и самъ президентъ взялся, при посредничествѣ своего мексиканскаго посланника Бутлера, руководить ихъ дѣйствіями, они рѣшились произвести открытое возстаніе противъ правительства Мексики. Въ числѣ сорока четырехъ членовъ, изъ которыхъ только четверо было урожденныхъ мексиканцевъ, они провозгласили независимость Техаса. Главными причинами своего отдѣленія отъ Мексики они выставляли замѣну въ этой странѣ федеральнаго правительства центральнымъ, несмотря на то, что этотъ переворотъ былъ именно утвержденъ національнымъ конгрессомъ Мексики. Далѣе, они жаловались на отсутствіе въ Техасѣ суда присяжныхъ, хотя имъ было извѣстно за долго еще до переселенія, что этого учрежденія не существуетъ въ мексиканскомъ судопроизводствѣ; наконецъ, они говорили, что они лишены права свободы вѣроисповѣданія, несмотря на то, что во все время своего пребыванія въ Техасѣ они не встрѣтили никакого преслѣдованія въ дѣлѣ религіи. При всей несправедливости выставленныхъ тегасцами причинъ отдѣленія отъ Мексики, они нашли ожидаемую поддержку со стороны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Здѣсь открыто вербовались войска противъ мексиканскаго правительства и посылались на помощь возставшимъ тегасцамъ. Кромѣ того, президентъ приказалъ двинуть государственныя войска Союза къ границамъ Техаса подъ предлогомъ наблюденія за движеніями индійцевъ. Побѣда при Санъ Яцинто, одержанная въ апрѣлѣ 1836 года надъ войсками мексиканцевъ, утвердила независимость Техаса, которая и была признана въ слѣдующемъ же году Сѣверо-Американскими Штатами. Но будучи не въ силахъ существовать самостоятельно, новая республика въ томъ же году просила Сѣверо-Американскій Союзъ принять ее въ число своихъ штатовъ: Демократы, стоявшіе въ то время во главѣ правленія, приняли это предложеніе, какъ и слѣдовало ожидать, съ величайшимъ сочувствіемъ. Еще въ 1829 году происходили въ

ажныхъ штатахъ смерти по поводу присоединенія Техаса. Проверженцы невольничества доказывали, что это присоединеніе расширить предѣлы невольнической территоріи и увеличить политическія права рабовладѣльцевъ. Они надѣялись изъ земель Техаса образовать до пяти новыхъ невольничьихъ штатовъ и даже до девяти, равныхъ по величинѣ своей штату Кентуки. Въ то же время вычисляли, что въ Виргиніи цѣна на невольниковъ, разводимыхъ для сбыта въ другіе штаты, подымется по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ процентовъ. Доводы эти, приводимые плантаторами въ пользу присоединенія Техаса, ни для кого не были тайною и потому аболиціонисты употребили всѣ усилія, чтобы не допустить этого присоединенія.

Противъ присоединенія Техаса аболиціонисты возстали какъ противъ мѣры, которая должна увѣковѣчить невольничество въ прежнихъ штатахъ и распространить въ новыхъ. Они доказывали совершенно основательно, что многіе изъ прежнихъ невольническихъ штатовъ, истощивъ земли свои обработкою при помощи обязательнаго труда, по необходимости должны были впоследствии уничтожить у себя невольничество, такъ какъ оно не приносило имъ болѣе выгодъ. Присоединеніе Техаса открывало имъ новые рынки для сбыта невольниковъ и эти штаты могли съ большою выгодой заняться разведеніемъ у себя невольниковъ съ этой цѣлью. Кроме того это же могло вызвать усиленіе вывоза невольниковъ изъ Африки, предоставляя негроторговцамъ высокую премію за ихъ рискъ. Духовенство вооружилось противъ присоединенія Техаса во имя нравственныхъ интересовъ страны, доказывая, что введеніе въ Союзъ государства, котораго вся исторія есть оскорбленіе принциповъ нравственности и гражданской честности, подѣйствуетъ гибельнымъ образомъ на нравы страны. Освящая грабежъ и незаконное возстаніе, оно разовьетъ въ обществѣ нравственную испорченность и ободритъ народъ къ дальнѣйшимъ посягательствамъ на чужія права и свободу. «Этимъ актомъ, говорилъ знаменитый проповѣдникъ Сѣверной Америки, Уильямъ Чаннингъ, наша страна вступаетъ на поприще захватовъ чужой собственности, войнъ и преступленій. Присоединеніе Техаса не останется изолированнымъ фактомъ, оно будетъ тяготѣть надъ всею нашею будущностью. Оно соединится неразрывной связью съ длиннымъ рядомъ грабежей и кровопролитій. Присоединеніе Техаса будетъ началомъ дальнѣйшихъ, безконечныхъ завоеваній». Угрозы Юга

расторгнуть союзъ нисколько не оставили abolitionистовъ въ ихъ требованіяхъ. Они скорѣе соглашались допустить это расторженіе, чѣмъ участвовать въ самой вопіющей несправедливости, совершаемой рабовладѣльцами. «Стремленіе Юга къ отдѣленію, говорили они, совершенно логично съ его стороны. Это лучший способъ для него обезпечить свою безопасность. Онъ долженъ заботливо избѣгать малѣйшаго сношенія съ Сѣверомъ, долженъ воспретить, чтобы ни одна изъ желѣзныхъ дорогъ свободныхъ штатовъ не проходила къ его границамъ и прекратить всякую торговлю съ этими штатами, какъ сухопутную такъ и морскую. Мало того, ему надо изолироваться отъ всего цивилизованнаго міра, ибо отсюда будетъ проникать въ него вліяніе, враждебное дѣлу невольничества. Ему надо принять диктаторскій кодексъ Парагвая и герметически запереть свои порты противъ всякаго ввоза книгъ, противъ всѣхъ посѣщеній иностранцевъ и распространенія ихъ взгляда на вещи. И національная гордость, и собственная безопасность требуютъ отъ него этой изолировки. Ни одна цивилизованная страна не можетъ признать его равнымъ себѣ. Ибо государство, которое предается невольничеству по своему собственному выбору, по особенной любви къ этому учрежденію и старается распространить его какъ можно далѣе, становится позоромъ для человѣчества и всякая нація съ негодованіемъ отвернется отъ него».

Встрѣчая сильное сопротивленіе со стороны сѣверныхъ штатовъ и кромѣ того, опасаясь войны съ Мексикою при томъ затруднительномъ положеніи финансовъ страны, въ которое они были поставлены большимъ торговымъ и денежнымъ кризисомъ 1838 года, Ванъ Буренъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія присоединить Техасъ къ числу сѣверо-американскихъ штатовъ, и билль объ этомъ былъ отвергнутъ въ конгрессѣ. Во время правленія, слѣдовавшаго за Ванъ Буреномъ, президента Тайлера усилія приверженцевъ невольничества увѣнчались не большимъ успѣхомъ. Но въ это время, благодаря особенному покровительству новаго президента, требованія Юга стали выказываться съ большею противъ прежняго энергіею. Югъ снова выступилъ на поприще угрозъ, подкуповъ и обмановъ. При окончаніи президентства Тайлера демократическая партія всего Союза приняла своимъ знаменемъ присоединеніе Техаса, сдѣлавъ его первымъ условіемъ избранія новаго президента. На президентскихъ выборахъ 1844 года партія демократовъ снова восторже-

отвѣдала и выборъ палъ на Польша, изъ Тенесси, который, будучи креатурой приверженцевъ невольничества, горячо взялся за осуществленіе ихъ плановъ. 1-го марта 1845 года присоединеніе Техаса было рѣшено на конгрессѣ, несмотря на все сопротивленіе со стороны аболиціонистовъ; а 29 декабря того же года прошолъ билль большинствомъ 118 голосовъ противъ 101 о подведеніи Техаса подъ условія миссурійскаго компромисса, т. е. что во всѣхъ штатахъ, которые образуются южнѣе линіи, установленной этимъ компромиссомъ, предоставляется право введенія невольничества; въ земляхъ же, лежащихъ къ сѣверу отъ нея, рабство воспрещается.

Присоединеніемъ Техаса полагалось основаніе дальнѣйшему расширенію территоріи невольническихъ штатовъ. Чтобы сколько нибудь ослабить гибельные результаты этого присоединенія, аболиціонисты рѣшились сдѣлать еще одну попытку къ ограниченію невольничества. Когда союзному правительству потребовались значительныя суммы денегъ для покрытія издержекъ войны съ Мексикою, аболиціонисты хотѣли допустить сборъ этихъ суммъ только подъ условіемъ запрещенія невольничества во всѣхъ новыхъ, прибрѣтенныхъ отъ Мексики областяхъ. Условіе это было предложено депутатомъ Пенсильваніи, Давидомъ Уильмотомъ, почему и получило его имя (*Wilmot's proviso*). Въ августѣ 1846 года аболиціонистамъ удалось провести это предложеніе въ палатѣ депутатовъ. Но въ сенатѣ оно все-таки было отвергнуто значительнымъ большинствомъ голосовъ. Напрасно впоследствии Престонъ Кингъ изъ Нью-Йорка и Ганибалъ Гамлинъ изъ Мена возобновляли это предложеніе, придавая ему различную форму—каждый разъ оно проходило въ палатѣ депутатовъ и каждый разъ снова отвергалось сенатомъ. Сенатъ основывалъ свой отказъ на миссурійскомъ компромиссѣ, доказывая, что послѣднимъ разъ навсегда установлена линія, за которою воспрещено невольничество и что поэтому не для чего снова подымать рѣшонный уже вопросъ.

Если администрація Польша содѣйствовала окончательному торжеству партіи безусловныхъ защитниковъ рабства, то она принесла такъ же большую пользу и дѣлу аболиціонизма отрицательнымъ образомъ. Безпрекословное повиновеніе союзной власти требованіямъ Юга вызвало на Сѣверѣ рѣшительную оппозицію противъ диктатуры рабовладѣльцевъ и произвело окончательное распаденіе прежнихъ политическихъ партій по вопро-

су о невольничествѣ. До сихъ поръ аболіціонисты не составляли отдѣльной національной партіи. Но со времени присоединенія Техаса они окончательнo образуютъ изъ себя отдѣльную самостоятельную политическую корпорацію, которая не хотѣла имѣть ничего общаго съ прежними партіями, какъ виговъ, такъ и демократовъ. Это отдѣленіе обнаружилось на президентскихъ выборахъ 1848 года.

Бальтиморскій конвентъ, созванный въ январѣ 1848 года партією демократовъ, избралъ въ кандидаты на президентство генерала Касса, составившаго себѣ извѣстность въ глазахъ плантаторовъ письмомъ къ Нильсону. Въ этомъ письмѣ, изданномъ въ 1847 году, онъ говоритъ противъ примѣненія *условія Уильмота* (Wilmot's proviso) и приказа 1787 года, доказывая благотѣльность распространенія рабства. Это избраніе заставило радикальныхъ демократовъ или такъ называемыхъ *барнбургеровъ* отдѣлиться отъ демократовъ консерваторовъ, *ольдтункеровъ* и 9 августа 1848 года они создали конвентъ въ Буффало, на который прибыли депутаты отъ 17 до 18 штатовъ. «Недовольные узурпаціей, совершенной рабовладѣльцами», барнбургеры избрали кандидатомъ въ президенты Мартина Ванъ Бурена, который отказался отъ прежнихъ своихъ анти-аболіціонныхъ мнѣній, и Ч. Фр. Адамса изъ Массачузетса въ вице-президенты. Въ изданной этимъ конвентомъ *буффальской платформѣ* въ числѣ главныхъ положеній стояли: 1) примѣненіе Wilmot's proviso; 2) безвозмездная уступка земель настоящимъ земледѣльцамъ; 3) улучшеніе судоходныхъ рѣкъ и гаваней во всѣхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза на счетъ федеральнаго правительства.

То же самое разъединеніе послѣдовало и въ партіи виговъ. Вигскій конвентъ, созванный въ Филадельфій 7 іюня 1848 года, избралъ въ кандидаты на президентское мѣсто Захарія Тейлора (Taylor) изъ Луизіаны, пріобрѣтшаго извѣстность во время мексиканской войны и принадлежавшаго къ числу плантаторовъ. Радикальная часть виговъ, присутствовавшая на этомъ конвентѣ, протестовала противъ такого избранія и чтобы хоть сколько нибудь поправить дѣло, предложила въ вице-президенты Филлмора, одного изъ наиболѣе извѣстныхъ виговъ изъ Нью Йорка, слывшаго въ то же время за аболіціониста. Этого мало — виги радикалы подали руку такъ называемымъ *фри-сойлерамъ* (free-soilers), приверженцамъ свободныхъ земель. На конвентѣ, соз-

Въ именномъ послѣднихъ въ Ворчестерѣ 28 іюня 1848 года, они рѣшились общими силами дѣйствовать противъ дальнѣйшаго распространенія невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ

Это соединеніе аболиціонистовъ съ фри-сойлерами и достиженіе ими степени національной политической партіи, выказалось только съ особенною ясностію на президентскихъ выборахъ 1848 года. Собственно же оно началось гораздо ранѣе. Уже въ 1840 году между вигами образовалась такъ называемая *партія свободы* (liberty party), состоявшая изъ аболиціонистовъ, анти-рентеровъ и всякаго рода соціальныхъ реформистовъ. Борьба за принятіе Техаса ввела новые элементы въ эту партію и придала ей новыя силы. Приверженцы ея проповѣдовали всеобщее братство между всѣми племенами рода человѣческаго, требовали постепеннаго уничтоженія невольничества и стремились дать перевѣсъ свободнымъ штатамъ предъ невольничьими. Въ 1844 г. партія свободы была уже на столько сильна, что могла выставить своего собственнаго кандидата на президенство. Избравъ въ кандидаты 62,059 голосами Бирнея, она содѣйствовала низложенію Клея. Но какъ на выборахъ 1844 года, такъ и въ 1848 году аболиціонисты изъ вигской партіи не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ аболиціонистами демократами и тѣмъ вредили только своему собственному дѣлу. Такъ въ 1844 году виги радикалы, перенесли свои голоса на Полька, содѣйствовали торжеству демократовъ консерваторовъ (ольдъгункеровъ); а въ 1848 году аболиціонисты демократы (барнбурнеры), предоставивъ Ванъ Бурену перенести голоса, поданные въ его пользу, на Тейлора, содѣйствовали торжеству виговъ консерваторовъ.

Распаденіе прежнихъ политическихъ партій и образованіе новой, вызванное вопросомъ о невольничествѣ, содѣйствовало тому, что взглядъ на это явленіе успѣлъ выработаться вполне на почвѣ Сѣверной Америки. Существовавшія до тѣхъ поръ политическія партіи не высказывали опредѣленно своихъ убѣжденій относительно невольничества, такъ какъ своимъ появленіемъ онѣ были обязаны совершенно другимъ причинамъ, не имѣвшимъ почти никакого отношенія къ вопросу о невольничествѣ. Теперь же, когда этотъ вопросъ сдѣлался основнымъ пунктомъ политики Соединенныхъ Штатовъ, подчинивъ себѣ всѣ остальные государственные интересы, каждая партія по необходимости должна была заявить опредѣленно свой взглядъ и убѣжденія относительно его. Этотъ взглядъ обозначился рѣзкими чертами въ

лицъ трехъ политическихъ партій, извѣстныхъ въ то время подъ именемъ демократовъ, виговъ и аболіціонистовъ. Намъ остается познакомить читателя со взглядомъ на невольничество каждой изъ этихъ партій, чтобы дать понятіе о тѣхъ основныхъ убѣжденіяхъ, которыя руководили и руководятъ въ настоящее время политикою сѣверо-американскихъ штатовъ.

Партія виговъ, вызванная на политическое поприще причинами, повидному, имѣвшими мало отношенія къ вопросу о невольничествѣ, тѣмъ не менѣе содѣйствовала прямымъ образомъ тому, что взглядъ на рабство южныхъ демократовъ пересталъ отличаться прежней неопредѣленностью и сбивчивостью. Отдѣленіе отъ партій Джексона умѣренныхъ защитниковъ невольничества, представителями которыхъ были Клей и Вебстеръ, заставило плантаторовъ отбросить всѣ уступки, сдѣланныя ими предъ этимъ въ пользу общественнаго мнѣнія сѣверныхъ штатовъ и высказать вполне свои убѣжденія, выработавшіяся въ той душливой атмосферѣ рабства, которая убиваетъ въ общественномъ сознаніи всякое понятіе о нравственномъ долгѣ, о правѣ и справедливости. Партія демократовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Кальгунъ, открыто провозгласила рабство какъ основной принципъ государственнаго устройства южныхъ штатовъ. Она приняла своимъ знаменемъ полную, безусловную защиту невольничества. Все, что только можно было сказать въ пользу этого учрежденія, всѣ доводы, какіе только могли придумать самыя остроумныя софисты Юга, демократы не побоялись заявить предъ лицомъ всего цивилизованнаго міра. Идеи, проводимыя въ настоящее время въ сочиненіяхъ Фицъ-Гюга и другихъ публицистовъ невольничьихъ штатовъ, есть только повтореніе и дальнѣйшее развитіе того, что уже было высказано демократами еще въ сороковыхъ годахъ съ меньшимъ, можетъ быть, остроуміемъ, но не меньшимъ неуваженіемъ къ здравому смыслу сѣверныхъ штатовъ. Эта партія отстаивала рабство въ самомъ его принципѣ. Она не признавала въ немъ ничего несправедливаго, оскорбительнаго для человечества или гибельнаго въ социальномъ отношеніи. Мало того, она видѣла въ немъ единственно нормальное состояніе общества и поставила своей задачей возможно дальнѣйшее распространеніе защищаемаго ею порядка вещей.

Взглядъ на невольничество демократовъ въ главныхъ чертахъ есть слѣдующій:

•Невольникъ есть вещь, которою владѣлецъ имѣетъ право рас-

пѣнать, какъ ему угодно; онъ можетъ продавать его, распоряжаться его личностью, способностями и трудомъ. Все, что производитъ невольникъ и приобретаетъ себѣ, составляетъ собственность владѣльца.

«Въ этомъ владѣніи человѣка надъ человѣкомъ нѣтъ ничего несправедливаго и противозаконнаго. Человѣкъ, становясь членомъ общества или какого бы то ни было политическаго тѣла, всегда лишается части своихъ правъ. Эти права переходятъ въ руки правительства и составляютъ основаніе его власти. Но если въ такомъ лишеніи нѣкоторыхъ правъ каждаго члена общества не заключается ничего несправедливаго, то точно также совершенно законно и лишеніе человѣка всѣхъ правъ, когда требуетъ того общее благо. Гранницъ, за которыя не должно переходить это подчиненіе частныхъ интересовъ общественному, не существуетъ. Общественный интересъ поглощаетъ въ себѣ права отдѣльныхъ лицъ. Онъ есть верховный законъ государства и всѣ ограниченія, требуемыя имъ, законны. Права отдѣльныхъ лицъ, приходя въ столкновеніе съ интересами всего общества, естественно должны уступать имъ, такъ какъ уже съ той самой минуты, какъ произошло такое столкновеніе, частное право перестаетъ быть правомъ и преклоняется предъ благомъ всеобщимъ. Въ дѣлахъ человѣческихъ постоянно будутъ встрѣчаться случаи, въ которыхъ отмѣненіе прирожденныхъ правъ человѣка становится неизбѣжнымъ. Такъ, въ минуты опасности, угрожающей всему государству, частныя права по необходимости теряютъ свою силу. Развѣ осадное положеніе или диктатура, при которыхъ права и свобода отдѣльныхъ лицъ представляются на волю государства, не оправдываются опасностію, которой они бываютъ вынуждены?»

«Къ числу случаевъ, въ которыхъ общественное благо требуетъ лишенія правъ нѣкоторыхъ членовъ общества, принадлежитъ также и рабство. Рабство есть необходимое условіе республиканскаго образа правленія. Оно было основаніемъ государственнаго устройства древней Греціи и Рима. Въ личномъ рабствѣ свобода политическая находитъ силу и безопасность. Привычка повелѣвать невольниками внушаетъ гражданамъ духъ непреклонности и этотъ духъ есть лучшая гарантія противъ тиранніи государственной власти. Кромѣ того, рабство отстраняетъ бѣдные и рабочіе классы народонаселенія отъ избирательнаго права и удаляетъ отъ политической власти самый неспокойный элементъ»

общества, болѣе всего опасный для свободы въ государствахъ. Но главные выгоды рабство представляетъ въ томъ отношеніи, что оно, по мнѣнію демократовъ, несравненно болѣе обезпечиваетъ судьбу низшихъ классовъ, чѣмъ свободное состояніе. Положеніе американскаго невольника выше положенія свободнаго работника въ Европѣ. Всѣми признано, что невольникъ производить менѣе вольнонаемнаго рабочаго, слѣдовательно и трудъ, который онъ переноситъ, гораздо легче. Владѣльцы получаютъ меньшій доходъ отъ обязательнаго труда, чѣмъ отъ свободнаго, естественно потому, что они не требуютъ отъ невольниковъ столько труда, сколько наемщикъ отъ нанятыхъ работниковъ. Наемщикъ заботится только о своихъ собственныхъ выгодахъ, не обращая вниманія на интересы рабочаго класса, между тѣмъ какъ для владѣльца благосостояніе принадлежащихъ ему лицъ, есть, въ то же время, и его собственное благосостояніе. Плантаторъ заботится о невольникахъ какъ о членахъ своей семьи; онъ поконитъ ихъ во время старости или болѣзни, онъ обезпечиваетъ ихъ въ удовлетвореніи всѣхъ первыхъ потребностей жизни. Становясь неспособнымъ къ труду, вслѣдствіе физической слабости или какихъ бы то ни было причинъ, невольникъ увѣренъ, что ему нечего страшиться будущности, что его не бросятъ на произволъ судьбы, какъ это дѣлается болшею частію въ государствахъ, славящихся своею свободою. Потому-то между невольниками рѣдко можно встрѣтить уныніе, и угрюмый и недовольный видъ. Они всегда веселы, танцуютъ, поютъ. Къ владѣльцамъ они отличаются особенной привязанностью. Ихъ видимо огорчаетъ отъѣздъ господина и радуется возвращеніе. Кромѣ того, что невольникъ обезпеченъ владѣльцемъ въ удовлетвореніи всѣхъ физическихъ нуждъ, онъ не лишонъ также средствъ развивать и свои духовныя потребности. Ему проповѣдуется христіанская религія и о-распространеніи ея между неграми заботятся въ особенности сами плантаторы. Изъ всего сказаннаго видно, что американскій невольникъ гораздо счастливѣе европейскихъ свободныхъ работниковъ. Правда, что онъ трудится изъ подъ плети, по принужденію, что онъ обреченъ на невѣжество, такъ какъ умственное развитіе вредно и для него самого и для государства, что наконецъ для него не существуетъ семейныхъ связей. Но развѣ не въ такомъ же положеніи находится рабочій классъ въ государствахъ, не допускающихъ у себя рабства? Въ строгомъ смыслѣ всякій работникъ,

несмотря на свое названіе свободнаго, есть тотъ же невольникъ, ибо никто не беретъ за трудъ ради самаго труда, но трудится по принужденію. Каждый работаетъ потому, что его заставляетъ дѣлать это голодъ, холодъ и всевозможныя нужды физическаго организма человѣческой природы, которыя даютъ себя слишкомъ сильно чувствовать. Умственное развитіе, недоступно невольникамъ, вслѣдствіе запрещеній мѣстнаго законодательства; но оно точно также недоступно большей и части свободнаго класса рабочихъ въ Европѣ, вслѣдствіе самаго недостатка средствъ получать образованіе. Фактъ всѣмъ извѣстный, что нигдѣ не развито до такой степени невольство, какъ въ низшихъ, рабочихъ сословіяхъ. Разрывъ семейныхъ связей между невольниками, точно также не составляетъ исключительной принадлежности рабства. Во всѣхъ состояніяхъ жизни, при всѣхъ общественныхъ положеніяхъ никогда не бываетъ возможно ненарушимое сохраненіе этихъ связей. Разлука семействъ и родственниковъ другъ съ другомъ неизбежна въ жизни большей части людей. Къ разлученію мужа съ женой, или дѣтей съ родителями, точно такъ же какъ и къ употребленію тѣлеснаго наказанія надъ невольниками, владѣльцы прибѣгаютъ только въ крайнихъ случаяхъ. Вообще, упреки въ жестокости, дѣлаемые плантаторамъ, не имѣютъ никакого разумнаго основанія. Невольниковъ подвергаютъ наказаніямъ только тогда, когда они не хотятъ исполнять своихъ обязанностей и отказываютъ къ повинности своимъ владѣльцамъ; въ противномъ же случаѣ нѣтъ никакой причины обращаться съ ними строго. Жестокое обращеніе плантаторовъ съ невольниками, которое обыкновенно рисуютъ такими мрачными красками, невозможно уже потому самому, что въ невольникахъ владѣлецъ по необходимости долженъ цѣнить свою собственность; нанося имъ вредъ онъ естественно повредилъ бы самому себѣ.»

Видя такимъ образомъ всѣ превосходства на сторонѣ рабства предъ свободой, демократы возвысили его до степени нравственнаго принципа, торжеству котораго обязанъ содѣйствовать каждый гражданинъ всѣми зависящими отъ него средствами. «Въ свободномъ состояніи, говорятъ они, рабочій классъ подверженъ всевозможнымъ страданіямъ, преступленіямъ, распущенности нравовъ, нищетѣ, болѣзнямъ. Съ свободнымъ обществомъ необходимо соединено страданіе большинства населенія. Оно повсюду умираетъ съ голоду; оно всегда безнравственно и наполнено

революціонными элементами. Поэтому какъ политика, такъ и чело-
вѣколюбіе запрещаютъ распространеніе тѣхъ золь, которыя не
раздѣльны съ существованіемъ свободныхъ обществъ, на новые
народы и будущія поколѣнія. Свободное общество должно во
необходимости уступить мѣсто обществу, основанному на неволь-
ничествѣ, соціальной системѣ, которая существуетъ съ основа-
нія міра и которая также всеобща какъ родъ человѣческій.»

Нѣтъ основанія предполагать, чтобы приведенныя нами мнѣ-
нія демократовъ были нарочно составленными софизмами для за-
щиты рабства, справедливости которыхъ не признавали бы въ
сущности сами люди, выказывающіе ихъ. Мы допускаемъ воз-
можность искренности и глубокости убѣжденія въ проповѣди-
кахъ подобныхъ теорій, сознавая все губельное вліяніе, которое
производитъ учрежденіе рабства на умы большинства людей, на-
ходящихся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ.

По крайней мѣрѣ люди аболіціонизма всегда смотрѣли на
мнѣнія такого рода какъ на искреннія и потому считали ихъ
стоящими опроверженія. Мы приведемъ главные пункты этого
спора аболіціонистовъ съ демократами, по сочиненію одного изъ
извѣстныхъ американскихъ аболіціонистовъ, дѣятельность кото-
раго относится именно къ періоду, занимающему насъ.

Главное опроверженіе теорій справедливости рабства, прива-
димое аболіціонистами, заключается въ томъ личномъ чувствѣ
свободы, которое присуще каждому человѣку. Это прирожденное
право, котораго не признаютъ плантаторы за своими неволь-
никами, они признаютъ за самими собою. Ихъ индивидуаль-
ное чувство возстаетъ съ негодованіемъ противъ мысли при-
знать надъ собою власть, которая будетъ располагать ими какъ
пассивнымъ орудіемъ, которая отниметъ у нихъ право пользо-
ваться своими способностями и трудомъ для своего собствен-
наго блага.—Увѣренность, что мы не можемъ одѣлаться справе-
дливо вещью другого, не зависить отъ цвѣта нашей кожи, отъ
мѣста нашего рожденія, отъ силы или богатства, которыми мы
располагаемъ. Она составляетъ неотъемлемую часть всей вну-
трянней, нравственной сущности нашей человѣческой природы.
Отвергая отъ себя иго рабства, какъ самое страшное оскорбле-
ніе, мы произносимъ приговоръ надъ самими собою, если до-
зволимъ подчинить ему себя подобныхъ. Если правда за свободу
людей основана не на внутреннихъ качествахъ человѣческой
природы, какъ существъ нравственныхъ и разумныхъ, а на ва-

кихъ ибудь случайныхъ обстоятельствахъ, то въ такомъ случаѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы, вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ, не могъ сдѣлаться законною собственностью другого. Всеобщее сознаніе неприкосновенности правъ, нераздѣльныхъ съ человѣческою природою, одно только можетъ предохранить людей отъ подобныхъ посягательствъ на свободу другъ друга. Всѣ права человѣка можно подвести подъ одно основное право—развивать свои способности для достиженія какъ своего собственнаго, такъ и другихъ—счастія въ жизни и нравственнаго совершенства. Въ этомъ состоитъ цѣль нашего существованія. Назначеніе государства—гарантировать это и во все вытекающія изъ него права, какъ то: право каждаго на свободное развитіе своихъ мыслительныхъ и познавательныхъ способностей,—потому что наука есть существенное условіе къ достиженію блага,—право на личную безопажность, право на уваженіе къ себѣ сообразно съ своимъ нравственнымъ достоинствомъ, право на справедливое вознагражденіе своего труда, право на семейную жизнь—все, чего не допускаетъ невольничество. Конечная цѣль правительства состоитъ въ уничтоженіи малѣйшаго посягательства на эти права каждаго гражданина какой бы то ни было страны. Оно обязано доставлять защиту слабому противъ притѣсненія сильнаго и обезпечивать самому поодѣльному члену общества свободное пользованіе своими правами. Имѣя такую цѣль, государство впало бы въ противорѣчіе съ самимъ собою, если бы допустило учрежденіе, подрывающее въ самой основѣ идею права.

Мнѣніе, что каждое лицо, становясь членомъ общества, лишается извѣстной доли своихъ правъ, не можетъ служить оправданіемъ невольничества. Вступая въ общество, человѣкъ не столько отказывается отъ части своихъ правъ, сколько принимаетъ новый способъ гарантіи ихъ. Онъ отказывается, напри- мѣръ, отъ права защищать себя съ цѣлью воспользоваться болѣе вѣрною защитою, которую государство доставляетъ равно всемъ членамъ общества. Онъ рѣшается вручить свое дѣло суду, надеясь, что этимъ онъ достигнетъ болѣе безпристрастнаго и болѣе вѣрнаго возстановленія своего нарушеннаго права. Онъ соглашается отдать часть своей собственности государству въ видѣ налоговъ, съ цѣлью болѣе обезопасить какъ свое собственное право владѣнія, такъ и другихъ. Онъ подвергается извѣстнымъ ограниченіямъ подъ однимъ только условіемъ — имѣть

возможность наслаждаться болѣе прочной свободой. За свою уступку онъ имѣетъ полное право требовать равносильнаго вознагражденія. Потому было бы нелѣпно предполагать, чтобы какое бы то ни было лицо, подчиняясь государственной власти и давая ей средства существовать, согласилось бы принести ей въ жертву самыя права, для охраненія которыхъ оно только и признало свое подчиненіе. За государствомъ остается власть предписывать законы своимъ членамъ, но эта власть имѣетъ свои предѣлы. Государство, какъ и частное лицо, обязано признавать законъ нравственный, и въ своихъ требованіяхъ не заходить далѣе его. Оно можетъ требовать послушанія отъ каждаго гражданина, но въ силу только той гарантіи, которую оно даетъ его правамъ. Оно можетъ взимать налоги, но только потому, что оно принимаетъ подъ свою защиту собственность и воѣ интересы общества. Оно можетъ издавать законы, но законы безпристрастные, созданные равно для всѣхъ. Если общественное благо требуетъ ограниченія правъ нѣкоторыхъ лицъ, то государство обязано даровать и особенное покровительство всѣмъ тѣмъ, кого оно лишило обыкновенныхъ средствъ къ защитѣ самихъ себя. Однимъ словомъ, оно должно уважать свободу даже и въ тѣхъ случаяхъ, которые могутъ стѣснять ее на нѣкоторое время. Никакой общественный интересъ не можетъ уполномочить правительство къ непризнанію правъ отдѣльныхъ лицъ. Если общественное благо можетъ быть куплено цѣною самыхъ вопіющихъ несправедливостей, посягательствомъ на самыя священныя права человечества, то лучше пожертвовать этимъ благомъ, чѣмъ допустить подобныя посягательства. Матеріальное благосостояніе народа не есть еще конечная цѣль государства. Оно не имѣетъ никакой цѣны безъ отношенія къ нравственнымъ интересамъ общества. Если богатство, на которомъ основывается это благосостояніе, есть результатъ грабежа, завоеванія и всевозможныхъ насилій; оно вмѣсто блага становится величайшимъ несчастіемъ для страны. Правительство, преслѣдующее подобныя цѣли, и приносящее права отдѣльныхъ лицъ въ жертву большинства народонаселенія или нѣсколькихъ личностей становится самымъ страшнымъ зломъ и бичомъ для всего народа. Потому представительное правительство можетъ быть деспотическимъ, если оно не даетъ правильной гарантіи правамъ всѣхъ и каждаго въ обществѣ.

Изъ главной идеи, на которой должно основываться въ на-

стоящее время всякое правительство, видно, что личность должна быть поставлена выше государства. Единственное назначеніе государства состоитъ въ томъ, чтобы служить интересамъ личности, предоставить ей возможность полного, всесторонняго развитія своихъ матеріальныхъ средствъ и нравственныхъ способностей. Государство создано для того только, чтобы быть помощью каждому лицу въ достиженіи конечныхъ цѣлей его жизни.

Такого высокаго значенія личность, конечно, не могла имѣть въ древнихъ, классическихъ государствахъ и потому-то они не могутъ служить идеаломъ для нашего времени. Во всѣ вѣка, подъ той или другой формой, права личности попирались на каждомъ шагу. Въ древнихъ монархическихъ и аристократическихъ государствахъ эти права приносились въ жертву или одного, или нѣсколькихъ привилегированныхъ лицъ, которыя, смотря на государственную власть какъ на свою собственность, а на народъ—какъ на пассивное орудіе къ достиженію своихъ честолюбивыхъ плановъ, нисколько не думали о главной цѣли, къ которой должно стремиться всякое правительство—объ огражденіи противъ несправедливости всѣхъ и каждого въ обществѣ. Въ древнихъ республикахъ слава государства и завоеванія были единственною цѣлью, которой приносились въ жертву права отдельной личности и для достиженія которой не отступали ни отъ какой жестокости, ни отъ какого нарушенія права. Личность человека совершенно поглощалась государствомъ. Американскій народъ принялъ въ основаніе своей независимости прирожденныя права человека, провозгласивъ всеобщее равенство и свободу. Свобода его не основывается на поправаніи свободы другихъ, какъ это было у грековъ и римлянъ, но на всемірныхъ и вѣчныхъ принципахъ. Этими принципами Сѣверная Америка должна оставаться вѣрною и не приносить ихъ въ жертву никакимъ матеріальнымъ интересамъ. Государство должно взять подъ свою защиту права личности и только во имя этого служенія ея интересамъ оно можетъ требовать себѣ всеобщаго послушанія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда права и свобода отдельныхъ лицъ ограничиваются на нѣкоторое время, когда общество прибѣгаетъ къ диктатурѣ, какъ къ единственному спасенію,—и тогда основная идея права должна оставаться неприкосновенною. Власть можетъ быть поставлена выше законовъ только для того, чтобы возстановить силу этихъ законовъ

Невольничество не признаетъ ни одного изъ тѣхъ правъ, для обеспечения которыхъ создается правительство. Оно оскорбляетъ ихъ не случайно, но систематически, по самой своей природѣ. Оно лишаетъ человѣка всѣхъ правъ, какія только присущи ему, какъ существу разумному и нравственному и потому выше этого преступленія ничего не можетъ быть. Во всѣхъ странахъ сила и трудъ человѣка составляютъ единственное состояніе большинства людей; лишить ихъ этой собственности—значитъ лишить всего, чѣмъ они владѣютъ. Бодѣе полного грабежа трудно придумать. Всѣ признаютъ, что отнять силу у человѣка все его состояніе, плодъ его долготѣхннхъ трудовъ, есть вопіющае преступленіе. Но можетъ ли оно сравниться съ тѣмъ, когда овладѣваютъ самимъ человѣкомъ, присваиваютъ себѣ его физическую силу, его способности, его энергію и трудъ, которыя служатъ единственнымъ источникомъ всякаго рода собственности! Лишиться своего состоянія, конечно, тяжело для каждаго, но во сколько разъ тяжелѣе лишиться права располагать своею собственною личностію и обречь ее, какъ вещь, на служеніе другому!

Допущеніе обществомъ у себя такой чудовищной несправедливости, естественно, влечетъ за собою самыя гибельныя послѣдствія. Первое зло, пристокающее изъ невольничества, есть его нравственное вліяніе. Рабство уничтожаетъ въ человѣкѣ самосознаніе и уваженіе къ самому себѣ.—Невольникъ, на котораго смотрятъ какъ на вещь, котораго покупаютъ и продаютъ какъ животное, лишенный всѣхъ правъ человѣческихъ, всякой защиты противъ оскорбленія, который систематически обреченъ на то, чтобы быть слѣпымъ орудіемъ другого,—не можетъ уважать самого себя. Онъ падаетъ необыкновенно низко въ нравственномъ отношеніи и самое слово *рабъ*, *рабскій*, показываетъ уже на сколько въ немъ заглушены всѣ благородныя инстинкты человѣческой природы. Для него нѣтъ другой воли, кромѣ воли его господина, нѣтъ другой цѣли въ жизни, какъ быть игрушкою прихотей владѣльца. Невольникъ, говорятъ, привыкъ къ своему игу, не чувствуетъ его тяжести; то, отъ чего бы другіе обезумѣли, онъ переноситъ легко, безъ всякихъ страданій. Но это-то и показываетъ, что рабство совершило свое дѣло, что оно потушило всѣ высшія способности человѣческой природы, что въ невольникѣ умеръ человѣкъ.

Такъ какъ въ положеніи невольника все есть беззаконіе, то естественно, что онъ не можетъ составить себѣ никакого по-

нтія о нравственномъ долгѣ, о справедливости. Онъ лишился самыхъ общихъ нравственныхъ понятій. Жизнь въ обществѣ, гдѣ несправедливость составляетъ господствующій элементъ, служить большимъ испытаніемъ для природы человѣческой, въ особенности, когда ничего не существуетъ противодействующаго этому разрушительному вліянію рабства. Потому неудивительно, что кража, обманъ и всѣ возможныя преступленія нигдѣ не развиты въ такой степени, какъ между невольниками. Кромѣ того, принесенные въ жертву минутнымъ прихотямъ своего владѣльца, не имѣя понятія ни о какихъ удовольствіяхъ кромѣ чувственныхъ, не уважая самихъ себя,—невольники даютъ полный разгулъ своимъ страстямъ и грубымъ инстинктамъ. Они вполне преданы чувственности и минутнымъ увлеченіямъ. Невольникъ живетъ только настоящимъ. Надежда на улучшеніе своей судьбы въ будущемъ, которая заставляетъ свободнаго работника обуздывать свои страсти, для него не существуетъ. Праздность есть единственное наслажденіе для невольника; трудъ является для него не только невыносимымъ бременемъ, но и униженіемъ,—ибо онъ лишился въ этомъ трудѣ всѣхъ благородныхъ побужденій, которыя руководятъ свободнымъ работникомъ. Поденщикъ, зарабатывающій въ потъ лица пропитаніе для своего семейства, возвышается до истиннаго достоинства; въ главныхъ мотивахъ своего труда онъ находитъ средство къ развитію своей нравственной силы. Для невольника же трудъ вездѣ и всегда служить только къ еще большому развращенію его,—ибо главный мотивъ этого труда есть тѣлесное наказаніе; безъ плети ничего нельзя сдѣлать съ невольникомъ. Уничтожьте тѣлесное наказаніе—и невольникъ перестанетъ работать, такъ какъ трудъ его не приноситъ пользы ни ему, ни его жонѣ, ни дѣтямъ, и увеличиваетъ только богатство владѣльца. Работа изъ-подъ плети, замѣненіе страхомъ наказанія всѣхъ благородныхъ побужденій заставляетъ невольника терять всякое уваженіе къ самому себѣ, убиваетъ въ немъ всѣ лучшія чувства человѣческой природы.—Говорятъ, что случаи, въ которыхъ подвергаютъ невольника тѣлесному наказанію очень рѣдки. Если допустить возможность этого, то и тогда даже, по мнѣнію абolicіонистовъ, положеніе невольника улучшится очень не многимъ. Главное зло заключается не въ физическомъ страданіи, переносимомъ невольникомъ, но въ томъ губительномъ вліяніи, которое производитъ тѣлесное наказаніе на характеръ человѣка. Нестолько самое на-

казаніе, сколько боязнь его, разрушительно дѣйствуетъ на нравственный организмъ cadaго. Нравственное униженіе челоѵка не зависитъ отъ степени страданія, переносимаго имъ. Какъ самое легкое такъ и самое тяжелое наказаніе производитъ одинаково гибельное вліаніе. Оно развращаетъ не только тѣхъ невольниковъ, которые были предметомъ его, но даже и тѣхъ, которые были простыми свидѣтелями оскорбленія, наносимаго ихъ товарищамъ. Мы протестуемъ, — говорятъ аболіціонисты, — не по поводу боли, испытываемой невольниками: эти окровавленные спины ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣмъ оскорбленіемъ, которое наносится душѣ!

Конечно и свободный работникъ трудится по принужденію; самыя условія природы, среди которыхъ онъ живетъ, побуждаютъ его къ работѣ, но это принужденіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, которое заставляетъ работать невольника. Трудъ, налагаемый на насъ природою, былъ всегда первымъ двигателемъ развитія челоѵчества. Природа, окруживъ челоѵка разрушительными стихіями, дала ему и средства бороться съ ними, побѣждать ихъ. Результатомъ этой борьбы является развитіе всѣхъ силъ и способностей въ челоѵкѣ. Между тѣмъ невольничій трудъ не только не содѣйствуетъ развитію невольника, но, напротивъ, лишаетъ его всѣхъ средствъ къ этому. Невольничество держитъ негровъ въ состояніи вѣчнаго младенчества. Прокармливаемый и одѣваемый посторонними лицами, какъ ребенокъ, который не въ состояніи заботиться самъ о себѣ, руководимый во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ другими, осужденный во всю свою жизнь пробѣгать одинъ и тотъ же монотонный кругъ работъ, невольникъ живетъ и умираетъ въ состояніи, въ которомъ ничто не возбуждаетъ его умственной дѣятельности. Малѣйшій лучъ свѣта, который могъ бы проникнуть къ нему, плантаторы стараются заслонить отъ него всѣми средствами, какія только въ ихъ власти. Учитъ невольника чтенію и письму признается въ болѣшей части невольничьихъ штатовъ преступленіемъ; его невѣжество считается необходимымъ для безопасности владѣльца и спокойствія государства. И это совершенно справедливо. Рабство и просвѣщеніе не могутъ ужиться вмѣстѣ; просвѣщать невольника — значило бы разрывать его цѣпи. Чтобы онъ не возставалъ противъ несправедливости, надо сдѣлать его настолько неразвитымъ, чтобы онъ не въ состояніи былъ замѣчать ея. Невольники находятся въ состояніи полнаго невѣже-

ства не только въ умственномъ, но даже и въ религіозномъ отношеніи. Распространеніе христіанской религіи между неграми допускается въ невольничьихъ штатахъ, и этому распространенію стараются содѣйствовать даже сами плантаторы. Но приходя въ соприкосновеніе съ рабствомъ, христіанская религія теряетъ все свое благотѣльное вліяніе на общество. Вмѣсто того, чтобы воспитывать въ людяхъ сознаніе человѣческаго достоинства, она становится орудіемъ къ еще большому униженію ихъ, проповѣдуя невольнику исключительно одно только безропотное повиновеніе. Могутъ ли невольники понять высокій принципъ любви, лежащій въ основаніи христіанской религіи, когда онъ высказывается устами гѣхъ, несправедливости и эгоизма которыхъ они служатъ жертвою? Не только невольникамъ, но даже и самимъ владѣльцамъ трудно проникнуться духомъ ученія Христа, ибо этотъ духъ находится въ прямомъ противорѣчій съ главнымъ элементомъ общества. Въ обществахъ, допускающихъ у себя рабство, религія какъ высшихъ такъ и низшихъ классовъ чаще всего нисходитъ до степени предразсудковъ, суевѣрія. Догматизмъ, вишнія церемоніи и обряды замѣняютъ высокіе нравственные принципы всеобщей любви и справедливости, составляющіе сущность религіи.

Но болѣе всего губительное вліяніе невольничество производитъ въ семейномъ отношеніи. Оно разрываетъ самыя священныя узы, самыя дорогія привязанности. Для невольника семейство не есть святилище, въ которомъ соединяются всѣ главные интересы человѣка и привязанности къ жизни, но мѣсто, открытое для всевозможныхъ обидъ, оскорбленій, насилія. Невольникъ не живетъ для своего семейства; онъ посвящаетъ всѣ свои силы, способности, исключительно владѣльцу. Дѣти его не принадлежать ему; посторонній человекъ заботится о нихъ и располагаетъ ими; невольникъ не только не можетъ думать объ улучшеніи судьбы своего семейства, но даже не имѣетъ права защитить его противъ самыхъ возмутительныхъ оскорбленій. У него могутъ отнять жену, дѣтей; въ его собственныхъ глазахъ могутъ подвергнуть ихъ позорнымъ ударамъ плети и онъ не смѣетъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія для ихъ защиты. Невольничество оскверняетъ чистоту женщины и уничтожаетъ такимъ образомъ въ самомъ источникѣ всѣ семейныя радости и привязанности. Женщина, воспитанная въ состояніи мало благопріятствующемъ ея женственной непорочности, не свободная отъ тѣлеснаго наказанія, предоставленная вполнѣ капризу вла-

дѣльца, естественно находится на самой послѣдней ступени нравственнаго униженія и развратъ является неизбѣжнымъ результатомъ ея состоянія.

Невольничество пагубно по своему вліянію не для однихъ невольниковъ, но и для владѣльцовъ. Оно уничтожаетъ въ нихъ всякое понятіе о правѣ, ослабляетъ естественное чувство справедливости, поселаетъ презрѣніе ко всякому честному труду и занятію и дѣлаетъ праздною почетною привилегіею владѣльческаго класса. Но главное зло, вслѣдствіе котораго болѣе всего становится невыносимымъ состояніе невольниковъ, заключается въ томъ, что рабство даетъ полную свободу страстямъ владѣльца. Предоставляя ему произвольную власть надъ людьми, составляющими его собственность, оно снимаетъ всякую узду съ его дикихъ животныхъ инстинктовъ. Личный интересъ владѣльца, на который указываютъ какъ на лучшую гарантію невольниковъ, не можетъ остановить его отъ жестокаго обращенія съ ними во многихъ случаяхъ. Такъ, въ минуты увлеченій какой либо страстью, когда разумъ отказывается управлять нашими дѣйствіями, мы легко можемъ наносить вредъ и самимъ себѣ, лишь бы достигнуть удовлетворенія этой страсти. Кромѣ того, сколькимъ мученіямъ можетъ подвергнуть владѣлецъ невольника, не подвергая опасности его физическихъ силъ и жизни и такимъ образомъ не нанося вреда самому себѣ! Чтобы убѣдиться въ жестокомъ обращеніи плантаторовъ съ неграми, не къ чему обращаться,—говорятъ аболіціонисты,—къ разсказамъ, которыя слышатся отвсюду о событіяхъ, совершающихся на Югѣ; допустимъ, что всѣ они ложны. Но если эти разсказы могутъ обмануть насъ, то насъ не обманетъ наше собственное наблюденіе надъ природою человѣческой. Кто хоть сколько нибудь знакомъ съ сердцемъ человѣческимъ, тотъ не можетъ не видѣть, что человѣкъ не созданъ къ тому, чтобы пользоваться абсолютной, безответственной властью надъ подобными сабѣ, не выходя изъ границъ справедливости. Онъ непремѣнно употребитъ ее во зло. Наши эгоистическія побужденія легко могутъ одержать верхъ надъ болѣе благородными стремленіями сердца. Вѣрять безпредѣльную власть надъ людьми владѣльцу, въ жизни котораго страсти играютъ такую великую роль, было бы безуміемъ. Природа въ одномъ только случаѣ вѣрила человѣческое созданіе безусловной власти другого,—это дитя въ первое время его возраста; она предоставила его вполне на

волю отца. Но и тутъ—съ какой заботливостію и даже безпокойствомъ она приняла всѣ предосторожности противъ злоупотребленій родительской власти! Она гарантировала личностъ дитяти тѣмъ, что заставила отца любить своего ребенка болѣе самого себя. Родительскія привязанности до такой степени сильны, что онѣ почти отдали самаго отца во власть его дитяти. Ради его отецъ берется за тяжелый трудъ, ради его мать просиживаетъ надъ колыбелью цѣлыя ночи, не смыкая глазъ. Провидѣніе сдѣлало все, что только можно было сдѣлать для того, чтобы предохранить отца отъ злоупотребленія родительскою властію. И однако были отцы, которые, въ минуту гнѣва, становились жестокими къ своимъ дѣтямъ. Можно ли послѣ этого ввѣрить человѣку безусловную власть надъ себѣ подобными, когда ничто не заставляетъ его любить ихъ, когда онъ смотритъ на нихъ какъ на существа, стоящія ниже его по своему происхожденію, какъ на орудіе къ достиженію своихъ честолюбивыхъ цѣлей и эгоизма? Знаніе человѣческой природы, вся исторія человечества и наконецъ знаніе самихъ себя убѣждаютъ насъ въ противномъ. Владѣльцу нужна необычайная, неестественная власть надъ самимъ собою, чтобы спасти себя отъ всевозможныхъ увлеченій несправедливости; — а развитію этой власти, этого умѣнья управлять самимъ собою — всего менѣе можетъ содѣйствовать безотвѣтственность, которою онъ пользуется относительно невольниковъ. Мы не основываемъ нашихъ мнѣній,—говорятъ аболіціонисты,—на особенныхъ рѣдкихъ случаяхъ, обнаруживающихъ неслыханную жестокость со стороны владѣльцевъ. Эти крайности, до которыхъ доходятъ злоупотребленія владѣльческою властію ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя ежедневно переносятъ невольники терпѣливо, не возбуждая ни въ комъ особеннаго участія. Тѣлесное наказаніе, оскорбленія, лишенія, не производящія шуму и не оставляющія послѣ себя слѣдовъ, дѣлаютъ несравненно больше зла, чѣмъ какія-нибудь отдѣльныя случаи звѣрства, вызывающіе всеобщее негодованіе. Плантаторы говорятъ, что дурному обращенію и тѣлесному наказанію подвергаютъ только тѣхъ невольниковъ, которые оказываются неисправными въ исполненіи своихъ обязанностей; тѣхъ же, которые повинуются имъ, нѣтъ и особенной причины подвергать наказанію. Но вѣдь этимъ они произносятъ полный приговоръ надъ учрежденіемъ, которые защищаютъ. Не нуждается въ наказаніяхъ только тотъ невольникъ, которой вполне примирился

съ своею участію, тотъ который сдѣлался *рабомъ* въ полномъ смыслѣ этого слова. Если невольникъ сноситъ безропотно свою долю и не заставляетъ понуждать себя къ труду, не приносящему ему ни какой пользы, то это потому, что въ немъ замерли уже всѣ чувства человѣческія, что у него исчезло всякое сознание своихъ правъ, что онъ сдѣлался человѣкомъ низкимъ, потерялъ всякое уваженіе къ самому себѣ и всякое довѣріе къ людямъ, раздѣляющимъ съ нимъ его униженіе. Спокойствіе, царствующее между невольниками, — есть спокойствіе мертвыхъ.

Рабство нарушаетъ чистоту семейной жизни не только невольниковъ, но и самихъ владѣльцевъ. Имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи въ числѣ невольниковъ женщинъ—естественно, такая вещь, которая представляетъ большую опасность для чистоты нравовъ рабовладѣльческаго класса. Несчастныя созданія, лишонныя всякой защиты и у которыхъ унижительное положеніе, занимаемое ими, отняло всякое уваженіе къ самимъ себѣ, неизбѣжно становятся игрушкою страстей своего повелителя. Разврату предоставлено обширное поприще. Было бы лишнимъ говорить о томъ что при тѣхъ искушеніяхъ и легкости къ удовлетворенію страстей владѣльцевъ, какія представляетъ рабство, не могутъ уважать святости брачныхъ союзовъ. Рабство разрушаетъ семейное счастье не только въ хижинѣ невольника, но помрачаетъ привязанности и радости домашняго очага самаго господина. Страна, допускающая у себя рабство, неизбѣжно должна быть загрязнена развратомъ.

Главное, что силятся доказать приверженцы рабства, есть превосходство положенія невольника предъ состояніемъ свободнаго работника. По мнѣнію аболиціонистовъ, обязательный трудъ гораздо тяжелѣе свободнаго, даже въ томъ случаѣ, если невольникъ работаетъ меньше вольнонаемныхъ рабочихъ, ибо въ своемъ трудѣ онъ лишонъ тѣхъ высокихъ мотивовъ, которыми руководятся послѣдніе. Надежда на улучшеніе своей собственной судьбы или своего семейства облегчаетъ трудъ свободнаго работника; между тѣмъ, какъ невольникъ трудится единственно по принужденію. Это принужденіе отнимаетъ у его труда всю пріятность, дѣлаетъ жизнь невольника сухой и монотонной, оставляя ему одно только желаніе—избѣжать возлагаемыхъ на него работъ. А освобожденіе его отъ заботы о будущемъ, увѣренность въ обезпеченіи себя отъ всѣхъ нуждъ во время старости, лишаетъ его всякаго умственнаго развитія,

приковывая всё его мысли только къ настоящей минутѣ. О счастіи невольниковъ многіе заключаютъ судя по тому, съ какимъ увлеченіемъ предаются они всевозможнымъ увеселеніямъ при каждой свободной минутѣ, и по ихъ всегда веселому и беззаботному виду. Но эта веселость всего менѣе должна наводить на мысль о завидномъ положеніи ихъ. Она показываетъ только до какой степени рабство дѣйствуетъ разрушительно на нравственную природу человѣка. Невольникъ веселъ потому, что онъ неспособенъ мыслить, потому, что онъ палъ слишкомъ низко, чтобы чувствовать всю тяжесть своего положенія, что онъ потерялъ всякое уваженіе къ себѣ. Въ веселости невольниковъ много общаго съ веселостью безумныхъ, которая тотчасъ перешла бы въ горечь и негодованіе, еслибы хотя малѣйшій лучъ свѣта озарялъ въ нихъ человѣческій духъ. Беззаботный видъ невольника можетъ заставить только болѣзненно сжаться сердце каждаго посторонняго человѣка, а не заключать о его счастіи, которое можно было бы предпочесть несчастію свободнаго рабочаго. Животное тоже не знаетъ душевныхъ страданій, но кто бы вздумалъ позавидовать его положенію? Наша способность страдать возрастаетъ вмѣстѣ съ нашимъ развитіемъ. То же можно сказать и о любви, которую питаетъ невольникъ къ своему господину, и на которую указываютъ какъ на признакъ его довольства своимъ положеніемъ. Любовь—прекрасное чувство, но въ невольникѣ она становится слабостью и даже униженіемъ. Она теряетъ въ немъ свое естественное достоинство и прелесть. Привязаться къ человѣку, который держитъ насъ въ самомъ презрѣнномъ состояніи и не хочетъ признать нашихъ человѣческихъ правъ, быть признательнымъ и преданнымъ къ тому, кто отнимаетъ у насъ нашъ трудъ и употребляетъ насъ какъ пассивное орудіе къ достиженію своихъ цѣлей,—это крайняя степень униженія раба, это противоестественность, которую легко понять всякому.

Если, въ самомъ дѣлѣ, бѣдствія невольника гораздо легче бѣдствій, переносимыхъ свободнымъ работникомъ, то и тогда положеніе перваго не можетъ быть выше положенія послѣдняго: ибо бѣдствіе невольника есть несправедливость; а это совершенно измѣняетъ характеръ дѣла. Боль, какъ страданіе, ничего не значитъ передъ болью, какъ оскорбленіемъ. Ударъ, полученный случайно, можно перенести, какъ бы онъ ни былъ тяжолъ, но нельзя перенести самаго легкаго прикосновенія, ког-

да оно совершенно въ видѣ оскорбленія или презрѣнія. Допустимъ, — говорятъ абolicіонисты, — что матеріальное положеніе невольника обезпеченіе состоянія свободнаго работника; но это нисколько не уничтожитъ основнаго существеннаго зла невольничества — несправедливости. Несправедливость всегда останется несправедливостью, какъ бы ни ограничивали ея послѣдствій. Въ томъ, что невольнику бросаютъ лучшую пищу, чѣмъ та, которую пріобрѣтаетъ себѣ свободный работникъ, не заключается еще оправданія рабства. Прежде чѣмъ быть великодушными, — говорятъ абolicіонисты, — будьте справедливы. Эта мягкость въ обращеніи съ невольниками, которая заставляетъ васъ смотрѣть снисходительно на зло, становится преступленіемъ. Не превозносите вашей гуманности въ отношеніи тѣхъ, которыми вы владѣете, когда уже въ томъ самомъ, что вы — рабовладѣльцы, заключается самая жестокая несправедливость. Есть разбойники на большихъ дорогахъ, которые поставляютъ себѣ за честь, съ необыкновенною вѣжливостію и благородствомъ своего рода отбирать у путешественника кошелекъ: они возвращаютъ ему часть отобранной у него добычи, чтобы онъ могъ удобно возвратиться домой. Но развѣ вслѣдствіе этого они перестаютъ быть разбойниками? Преступленіе не становится добродѣтелью вслѣдствіе того, какимъ образомъ оно совершается. Доброта безъ справедливости имѣетъ ничтожную нравственную цѣну. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, есть какая нибудь заслуга съ нашей стороны, что мы будемъ заботиться о тѣхъ, кого мы лишаемъ всякаго имущества, всякой возможности заботиться о самихъ себѣ? Доброта къ невольнику теряетъ всякую цѣну уже по одному тому, что она имѣетъ источникомъ личный интересъ владѣльца. Невольникъ не можетъ работать безъ пищи, безъ одежды, безъ здоровья. Собственный интересъ господина заставляетъ его заботиться о благосостояніи принадлежащихъ ему людей, и его добротѣ, поэтому, не достааетъ нравственнаго характера. Владѣлецъ добръ къ своимъ невольникамъ лишь вслѣдствіе того, что они принадлежатъ ему; истиннаго, великаго принципа любви не существуетъ здѣсь. Добры бываютъ и къ собакамъ, и къ лошадямъ, которыми долго владѣютъ. Ихъ кормятъ, ласкаютъ, держатъ у себя. Но доброта, которую выказываютъ въ отношеніи животнаго, становится оскорбленіемъ, когда ее переносятъ на человѣка. Необходимо, чтобы его любили и уважали какъ человѣка; въ этомъ заключается его право. Съ невольникомъ обращаются

милостиво потому, что онъ невольникъ и что у него рабская душа. Но попробуй онъ сдѣлаться человѣкомъ, узнай онъ свои права и обнаружь это знаніе малѣйшимъ словомъ, взглядомъ, поведеніемъ, — эта снисходительность тотчасъ же замѣнится строгостію, которая заставитъ его смириться. Какая же заслуга въ такого рода добротѣ? Если бы невольникъ былъ хоть сколько нибудь развитъ, онъ увидѣлъ бы въ ней самую безжалостную насмѣшку надъ собою.

Единственное, болѣе или менѣе заслуживающее вниманія, извѣщеніе невольничества, приводимое демократами, — это тѣ политическія выгоды, которыя представляетъ это учрежденіе. Оно, говорятъ, устраняетъ отъ представительства бѣдные рабочіе классы, составляющіе наиболѣе революціонный элементъ общества. Дѣйствительно, зависть, страсти и предрасудки низшихъ классовъ могутъ вредить безопасности государства и даже быть причиною паденія его. Но развѣ менѣе страшны роскошь, политическая продажность, ажіотажъ и корыстолюбіе, встрѣчающіеся въ другихъ общественныхъ слояхъ? Классъ рабовладѣльцевъ особенно богатъ революціонными элементами. Въ немъ чаще всего возжигаются сильныя политическія страсти, заставляющія прибѣгать людей честолюбивыхъ къ самымъ отчаяннымъ мѣрамъ. Гдѣ чаще всего взываютъ къ возстанію противъ правительства для рѣшенія споровъ, какъ не въ невольничьихъ штатахъ Сѣверо-Американскаго союза? Свободныя учрежденія основываются на двухъ великихъ общественныхъ добродѣтеляхъ: любви къ свободѣ и любви къ порядку. Ни того, ни другого не можетъ быть у человѣка, владѣющаго рабами. Тотъ не можетъ истинно любить свободы, у кого достаетъ смѣлости лишить ея другихъ. Любовь къ свободѣ не состоитъ въ возстаніи противъ ига, которое хотятъ наложить на насъ, — это дѣлаетъ и человѣкъ, находящійся въ дикомъ состояніи. Она есть нравственное чувство, желаніе, чтобы всѣ подобные намъ, были защищены отъ всякаго оскорбленія и несправедливости. Невольничество внушаетъ рабовладѣльцу самую ревностную защиту привилегій своего класса, но не уваженіе къ правамъ человѣка вообще. Въ людяхъ, привыкшихъ попираť права человѣка въ лицѣ невольниковъ, свобода не можетъ найти себѣ вѣрныхъ союзниковъ. Точно также невольничество не можетъ содѣйствовать развитію въ обществѣ любви къ порядку; оно ведетъ къ презрѣнію закона, внушая рабовладѣльцамъ привычку

повелѣвать, но не повиноваться. Пользуясь произвольною властью надъ себѣ подобными, владѣльцы привыкли во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ обществу разсчитывать болѣе на свои собственныя силы, чѣмъ на силу законовъ. Нигдѣ личныя страсти и произволъ не играютъ такой большой роли, нигдѣ въ такой степени не развито самоуправство, какъ въ странахъ, допускающихъ у себя рабство. Ничто не приводитъ въ большую опасность свободныя учрежденія государства, какъ непризнаніе личныхъ правъ человѣка. Тотъ, кто удерживаетъ себѣ подобныхъ въ рабствѣ, даетъ этимъ самымъ право другимъ попираť свою собственную свободу.

Единственнымъ основаніемъ свободныхъ учрежденій можетъ быть только справедливость и уваженіе въ личности всѣхъ и каждаго въ обществѣ. Но если въ самомъ дѣлѣ политическая свобода можетъ существовать только при личномъ рабствѣ, имѣя его своимъ основаніемъ, то въ такомъ случаѣ лучше отказаться отъ нея. Пусть падутъ на вѣки такого рода свободныя учрежденія и самое имя республики сдѣлается предметомъ всеобщаго посмѣянія и позора! Республиканское правленіе, купленное принесеніемъ въ жертву цѣлой половины народа, поправленіемъ ея самыхъ священныхъ правъ — ничего не можетъ возбудить къ себѣ, кромѣ ужаса и отвращенія.

Не видя такимъ образомъ ни малѣйшаго извиненія невольничеству, аболіціонисты, требуютъ полнаго немедленнаго освобожденія всѣхъ невольниковъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Но противъ этого требованія возстали не только безусловныя защитники рабства, но и люди, не имѣвшіе особенной причины сочувствовать плантаторамъ. Это требованіе вызвало самую сильную оппозицію со стороны цѣлой политической партіи извѣстной въ Сѣверной Америкѣ подъ именемъ *висковъ*.

Виги, вмѣстѣ съ аболіціонистами признають невольничество зломъ, общественнымъ бѣдствіемъ, но не видятъ никакой возможности освободиться отъ него. Они боятся, чтобы эманципація еще больше не ухудшила положенія дѣлъ въ Америкѣ. Это самое заставляеть ихъ отстаивать институтъ рабства вмѣстѣ съ плантаторами отъ нападокъ аболіціонистовъ. Въ виггахъ аболіціонисты встрѣтили на нѣкоторое время чуть-ли не болѣе опасныхъ себѣ противниковъ, чѣмъ въ самихъ плантаторахъ, ибо убѣжденія ихъ раздѣлялись и даже теперь раздѣляются

лучшими людьми не только Америки, но и Европы. * Читая доводы плантаторовъ, каждый легко можетъ понять, что въ защитѣ невольничества руководятъ послѣдними чисто эгоистическія побужденія. Софизмы, приводимые ими въ защиту невольничества, до такой степени грубы, до такой степени противорѣчатъ чувству справедливости каждаго, не свыкшагося съ этимъ учрежденіемъ, что нѣтъ никакой трудности понять главный мотивъ дѣйствій безусловныхъ приверженцевъ невольнической системы. Хотя притомъ мотивъ этотъ можетъ быть откровеннымъ и искреннимъ. Этого нельзя сказать о виггахъ. Защищая существованіе невольничества въ Америкѣ, они дѣйствуютъ не по внушеніямъ слѣпого эгоизма, но по убѣжденію въ практической невозможности устранить рабство въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, не нанеся страшнаго удара всему государственному организму. Видя въ невольничествѣ, вмѣстѣ съ абolicіонистами, зло, они не видятъ, подобно имъ, возможности освободиться отъ него. Съ мыслию объ эманципаціи негровъ у нихъ носится передъ глазами страшный призракъ неизбежной войны между двумя расами, которая повлечетъ за собою новое порабощеніе одного племени другому или полную гибель одного изъ нихъ. Не находя ни какой возможности произвести реформу и устранить въ то же время гибельные результаты, которыхъ ожидаютъ отъ нея, — они предоставляютъ рѣшить вопросъ объ освобожденіи негровъ самимъ владѣльцамъ. Если только существуетъ какая нибудь возможность къ произведенію эманципаціи, то плантаторы, ближе всего знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ невольничьихъ штатахъ, могутъ, по мнѣнію ихъ, скорѣе чѣмъ кто-либо придумать средство къ освобожденію невольниковъ. Поэтому вигги возстаютъ противъ всякаго вмѣшательства сѣвер-

* Замѣчательно, что большая часть европейскихъ писателей, посѣтившихъ Сѣверную Америку, раздѣляютъ въ вопросѣ о невольничествѣ убѣжденія вигговъ. Въ большей части иностранныхъ журналовъ, разначнаго рода брошюръ и сочиненій, относящихся въ особенноти къ періоду, предшествовавшему теперешней катастрофѣ въ Америкѣ, мы встрѣчаемъ этотъ взглядъ. Такое предпочтеніе, отдаваемое взгляду вигговъ, намъ кажется, происходитъ отъ особеннаго положенія, въ которое бываетъ поставлена большая часть европейскихъ путешественниковъ. Не успѣвъ сами изучить положеніе невольниковъ въ Америкѣ и желая въ то же время быть, по возможности, безпристрастными въ своихъ отзывахъ, они стараются избѣгать двухъ крайностей, діаметрально противоположныхъ другъ другу — взгляда демократовъ и абolicіонистовъ — и, думая найтти во взглядѣ, примиряющемъ объ эти крайности, — истину, принимаютъ убѣжденія вигговъ.

ныхъ штатовъ въ дѣла юга по вопросу о невольничествѣ, считая это вмѣшательство преступнымъ, такъ какъ оно грозитъ расторгненіемъ союза и даже возстаніемъ невольниковъ, возбужденныхъ спорами о незаконности правъ рабовладѣльцевъ. Невмѣшательство обуславливается, по мнѣнію вигговъ, самымъ государственнымъ устройствомъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверо-Американскаго союза, такъ какъ рабство признано конституціей мѣстнымъ учрежденіемъ, предоставленнымъ на волю каждаго отдѣльнаго штата.

Главныхъ препятствій къ эманципаціи невольниковъ въ Соед. Сѣверо-Американскихъ штатахъ виги видятъ три, какъ было высказано на конгрессѣ однимъ изъ наиболее извѣстныхъ представителей вигитской партіи, Клеемъ: *

Во 1-хъ, эманципація невольниковъ невозможна безъ посягательства на интересы рабовладѣльцевъ и даже на самый государственный организмъ многихъ изъ южныхъ штатовъ, ибо цѣнность невольниковъ въ соединенныхъ штатахъ простирается на нѣсколько тысячъ миліоновъ долларовъ; лишить плантаторовъ собственности на такую большую сумму было-бы въ высшей степени несправедливо, такъ какъ владѣніе этого рода собственностью узаконено почти двухсотлѣтнею давностью и такъ какъ оно дозволено было самимъ закономъ; а «то, что законъ объявилъ собственностью, есть собственность» говоритъ Клей.

Во 2-хъ, эманципація невольниковъ поведетъ къ помѣси бѣлой расы съ черной.

Въ 3-хъ, эманципація невозможна потому, что она необходимо повлечетъ за собою войну между обѣими расами, которая должна окончиться пораженіемъ и совершеннымъ истребленіемъ.

Всѣ эти положенія далеко не заключаютъ въ себѣ такой государственной мудрости, передъ которою слѣдовало бы преклониться. Въ слѣдующей, заключительной, статьѣ нашей мы постараемся представить — какую степень основательности находятъ въ нихъ партія аболиціонистовъ.

Г. Симоненко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* Speech on petitions for the abolition of slavery помѣщена въ Life and speeches of Henry Clay. New-York, 1843. t. II.

ГРАФИНЯ АЛЬБАНИ.

Die Gräfin von Albany, von Alfred von Reumont, 2 v. Berlin, 1860.

Нѣмецкая книга съ этимъ въ заглавіемъ стѣбитъ того, чтобы на ней остановиться. Она говоритъ о женщинѣ замѣчательно смѣлаго ума и необыкновенно сильнаго характера, о замѣчательной судьбѣ которой Италия сложила нѣчто, похожее на легенду.

Книга эта заключаетъ въ себѣ новый, богатый матеріалъ для полнѣйшей характеристики этой женщины, которая, долго оставаясь неразгаданною, была для однихъ предметомъ удивленія, для другихъ предметомъ самыхъ дерзкихъ порицаній и клеветы.

Но графиня Альбани имѣетъ и другія права на вниманіе къ ней: она принадлежитъ исторіи развитія современной намъ цивилизаціи, почти настолько же, какъ г-жа Сталь. Она была живою пропагандою идей, которыя проповѣдывались противъ деспотизма императора Наполеона. Побѣжденные люди революціи находили въ ея салонѣ пріютъ. Въ этомъ салонѣ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, сближались самыя враждебныя національности, и привыкали сообща думать и томъ, какъ слѣдуетъ понимать *европейскіе* интересы. Графиня Альбани была, наконецъ, послѣдней отрадой мрачнаго Альфіери, вдоховеніемъ этого великаго итальянца своего времени, и первая указала Европѣ на это «*воплощеніе скорбющей, отчаянной Италіи*», какъ выражается о знаменитомъ поэтѣ Э. Кине.

Въ 1771 году въ Италіи, въ городѣ Сиеннѣ, жилъ принцъ Карль-Эдуардъ, послѣдній изъ дома Стюартовъ, тотъ самый, который въ 1745 году былъ вождемъ знаменитаго шотландскаго

возстанія, и котораго Вальтеръ Скотъ въ своемъ Веверлей, прославилъ, какъ героя, а Вольтеръ, какъ мученика великаго дѣла.

Въ 1771 году принцъ Карлъ-Эдуардъ былъ пятидесятилѣтній старикъ, апатичный, разслабленный, жалкій. Не отличаясь, на самомъ дѣлѣ, и въ молодости ни умомъ, ни душою, ни характеромъ, растративъ потомъ послѣднія нравственныя силы и сдѣлавшись человѣкомъ крайне безпутной жизни, подъ старость онъ дошелъ наконецъ до того, что былъ пьяницей, въ самомъ грубомъ, безобразномъ смыслѣ этого слова. Онъ сталъ напиваться одинъ, пилъ днемъ и ночью, и обыкновенно развлекался такимъ образомъ, что или дрался, въ обществѣ, съ своими приближенными, или чуть живой лежалъ, растянувшись, на диванѣ.

Отъ него отвернулись наконецъ не только его политическіе друзья; его бросила даже любовница его, жившая съ нимъ около пятнадцати лѣтъ; она убѣжала отъ него съ ребенкомъ въ Парижъ. Якобиты были въ отчаяніи. Людовикъ XV, при всей готовности поддерживать ихъ интересы до послѣдней крайности, начиналъ, наконецъ, колебаться.

Онъ зналъ, что шотландское возстаніе 1745, подавленное казнями свирѣпаго герцога Комберлендскаго, высосало почти послѣднія средства и силы Стюартовъ и ихъ партіи. Онъ зналъ, что отвращаясь, наконецъ, съ проклятіями отъ Карла-Эдуарда, якобиты, выдаютъ свое знамя, а съ тѣмъ вмѣстѣ отнимаютъ у себя послѣднюю силу. Досаднѣе всего при этомъ было то для Людовика XV, что онъ ничѣмъ не могъ пособить себѣ во всемъ этомъ. Онъ самъ очень хорошо зналъ, какого поля ягода былъ Карлъ-Эдуардъ, который однажды въ 1748 году, за развратъ и буйство, былъ схваченъ въ театрѣ по его собственному повелѣнію и высланъ подъ стражей изъ Парижа.

Въ 1770 году Карлъ-Эдуардъ былъ снова вызванъ въ Парижъ герцогомъ Шуазелемъ, который, все еще крѣпко думая о возстановленіи Стюартовъ, не хотѣлъ вѣрить, чтобъ окончательно ни на что, никакими мѣрами, нельзя было подвинуть ихъ послѣднаго представителя. Немедленный пріѣздъ Карла-Эдуарда въ Парижъ ободрилъ-было Шуазеля, но только очень не долго. Карлъ-Эдуардъ пріѣхалъ къ нему на первую же конференцію до того пьяный, что едва держался на ногахъ, и едва владѣлъ языкомъ. Послѣ этого самъ Шуазель поторопился ую-

требить всё міры, чтобы выпроводить Карла-Эдуарда снова за предѣлы Франціи.

Французское правительство ясно видѣло, что якобиты и возможность посредствомъ ихъ угрожать Англїи и такимъ образомъ держать ее въ рукахъ, должны для него погибнуть, и однако все-таки не хотѣли съ разу отсгучиться отъ своихъ плановъ: держать Англїю въ рукахъ, — развѣ это бездѣлица? — И вотъ задумываютъ женить Карла Эдуарда и *устроить* такъ, чтобъ явился у него наследникъ. Легко сказать, но не легко привести въ исполненію такую дикою и чудовищную выдумку, сколько для этого нужно было безстыдства и наглости!

Нашолся, однако, человекъ, которому показалось смѣшнымъ, что люди затрудняются такими *пустяками*. Человекъ этотъ былъ Герцогъ Эгильонъ, которому удавались и не такія дѣла по этой части, бывшей съ тѣмъ вмѣстѣ и его официальной частью при особѣ Людовика XV. Онъ не задумываясь вызвался и найги невѣсту Карлу-Эдуарду, и женить его.

У него давно была на примѣтѣ 18-ти-лѣтняя дѣвушка, княжна Луиза Штальбергъ, жившая съ своей матерью въ одномъ изъ городовъ Бельгїи.

Ни знатность ея происхожденія, ни блестящее образованіе, ни ея умъ, которымъ она очаровывала самое избранное общество, не помѣшали Эгильону закинуть на нее удочку.

Онъ смѣло предложилъ ей руку Карла-Эдуарда и не ошибся: Онъ поймалъ на одну удочку рѣзвую восторженную княжну Луизу и ея мать.

Тогда Карль-Эдуардъ не успѣлъ еще прославиться на цѣлую Европу разслабленнымъ, омерзѣвшимъ старикомъ и пьяницею, чтобы заглушить такимъ образомъ фантастическіе рассказы о подвигахъ своей юности.

Луизу плѣнилъ образъ Карла Эдуарда, составленный ею со словъ Эгильона и его соучастниковъ. Карль-Эдуардъ представился ей героемъ, отдыхающимъ послѣ отчаянной борьбы за свои права, но еще полнымъ энергїи и увѣренности—что рано или поздно многочисленная партїя, въ главѣ которой онъ стоитъ, возведетъ его на престолъ предковъ. Мирная, затворническая, по словамъ Эгильона, жизнь Карла-Эдуарда въ Италїи, подъ именемъ графа Альбани, сдѣлала его образъ еще величавѣе въ глазахъ Луизы.

Старуха-мать обезумѣла отъ увѣреній, что этотъ бракъ сдѣ-

лаетъ дочь ея англійской королевою. Все сдѣлано до такой степени убѣдить въ этомъ, что она сама поторопилась, тайкомъ отъ всѣхъ близкихъ, уѣхать въ Парижъ, для свиданія съ Карломъ-Эдуардомъ и для подписанія брачнаго контракта.

Эгильонъ съ немалымъ успѣхомъ кончилъ свои переговоры и съ Карломъ-Эдуардомъ. Едва замѣтивъ, что дѣло съ княжною и ея матерью идетъ на ладъ, онъ вызвалъ Карла-Эдуарда въ Парижъ и безъ церемоніи объявилъ ему: «Намъ нужно, чтобы у васъ былъ наследникъ; невеста для васъ готова; женитесь. Мы будемъ за это ежегодно давать вамъ по 240 т. ливровъ».

Отупѣвшій, но жадный еще къ деньгамъ, Карль-Эдуардъ, разумѣется, обрадовался такому неожиданному счастью, и просилъ Эгильона лишь объ одномъ, что нельзя ли обязать его и устроить дѣло какъ нибудь безъ него, что у него есть своя берлога въ Италіи, и что во всякомъ другомъ мѣстѣ ему жизнь не въ жизнь.

Когда княгиня Штальбергъ съ дочерью пріѣхала въ Парижъ, Карль-Эдуардъ былъ уже въ Италіи. Это не только не вразумило старуху и не озадачило ея дочь, а напротивъ, еще больше подожгло ихъ. Онѣ вѣрили охотно Эгильону, что причины скорого отъѣзда Карла Эдуарда изъ Парижа имѣютъ серьезный, политическій характеръ. Мать Луизы радовалась при этомъ оному, что нѣтъ никакихъ препятствій къ подписанію брачнаго контракта. 17-го апрѣля 1772 года, недалеко отъ Анконы, Карль-Эдуардъ встрѣтилъ свою невесту. Встрѣча была нарочно устроена такимъ образомъ, чтобы она казалась сопряженною съ ованностью жизни не только для Карла-Эдуарда, но даже и для его невесты. Задняя мысль тутъ была та, что со стороны претендента англійской короны не разчитывали ни на одну минуту трезваго состоянія.

Вслѣдъ за этимъ свиданіемъ въ тотъ же день, такъ же въ торопяхъ, такъ же таинственно, была сыграна свадьба въ часовнѣ одного замка.

Мы не знаемъ первыхъ впечатлѣній, произведенныхъ *настоящимъ* Карломъ-Эдуардомъ на его наивную въ своихъ увлеченіяхъ и разчетахъ супругу. Извѣстно только, что самому Эгильону стало страшно за нее. Онъ поторопился сдѣлать разные внушенія Карлу-Эдуарду и его приближеннымъ, чтобы они не сразу высказали передъ *дочерью* тѣ униженія, которыя ждутъ ее.

Онъ заставилъ, съ этою цѣлью, Карла-Эдуарда—сдѣлать, спустя нѣсколько дней послѣ брака, торжественный въездъ въ Римъ.

Карлъ-Эдуардъ въ самомъ дѣлѣ предпринялъ путешествіе и въѣхалъ въ Римъ со всею подобающею важностію. Впередѣ скакали курьеры, возвѣщая о прибытіи англійскаго короля и королевы. Ихъ величества были встрѣчены въ Римѣ только толпой мальчишекъ, да зѣвакъ. Папа не выслалъ имъ почетной стражи, кардиналы не явились къ нимъ съ поздравленіями. Этого не предвидѣлъ даже Эгильонъ.

Королева послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Римѣ, измѣнилась въ лицѣ: она только теперь поняла свое положеніе.

Явное, всеобщее пренебреженіе къ ея супругу въ первый разъ кинулось ей въ глаза. Вдругъ ей стало и страшно и стыдно. Она не захотѣла даже осмотрѣть Римъ, что было нѣкогда ея любимой мечтой.

Въ 1774 году она, однако, жила еще съ своимъ Карломъ-Эдуардомъ въ Римѣ. Самое имя графини Альбани, которое она должна была носить по мужъ, и которое ей нѣкогда такъ льстило, стало теперь ненавистно для нея. Она знала, что это имя было принято Карломъ-Эдуардомъ въ защиту отъ политическихъ враговъ, что подѣ этимъ именемъ онъ скитался нѣкогда по Европѣ, укрываясь отъ шпионовъ Ганноверскаго дома. Теперь она узнала, что онъ вынужденъ носить его, чтобъ сколько нибудь замаскировать свое униженіе. Теперь сами якобиты не хотѣли, чтобъ онъ величалъ себя претендентомъ, называлъ себя ихъ главою, потому что слишкомъ гнушались имъ. Графъ и графиня Альбани жили въ Римѣ, лишонные всякаго общественнаго вниманія. Мы не знаемъ подробностей объ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу во все это время. Знаемъ только, что графиня переносила въ это время самыя страшныя послѣдствія своего наивнаго увлеченія. Живя въ Римѣ, графъ, по настоянію Эгильона, все еще не спускавшаго съ него глазъ, воздерживался отъ вина.

Такимъ образомъ въ Римѣ графъ не воплотилъ еще далѣе знать себя графинѣ. Онъ показалъ себя во всей красотѣ своей только во Флоренціи, куда онъ кинулся изъ Рима, вѣроятно разсчитывая, что тамъ ему будетъ лучше. Между тѣмъ великій герцогъ тосканскій еще презрительное папы взглянулъ на внука Якова II.

Графъ снова запилъ горькую, рѣдко куда выѣзжалъ, но и въ

такомъ случаѣ не разставался съ своимъ любезнымъ кипрскимъ. Онъ напивался даже въ театрѣ, откуда его на рукахъ выносили въ карету. Скоро у него открылась водянка, но и она уже не въ силахъ была отрезвить его, и только сдѣлала его еще болѣе несноснымъ. «Онъ оскорбляетъ свою жену всячески, на каждомъ шагу», писалъ тогда про графа одинъ англійскій дипломатъ, Орасъ Мэнъ.

Скоро рассказы о судьбѣ графини, распространявшіеся все болѣе и болѣе по Италіи, надѣляли шума въ Европѣ. Графиня стала предметомъ всеобщаго участія или, вѣрнѣе, любопытства. Это нисколько не польстило графинѣ. Блестящія знакомства, начинавшія навязываться къ ней, только тяготили ее. Она всѣми силами старалась избѣгать его. Она знала, что чѣмъ больше будетъ у нея знакомыхъ, тѣмъ больше будетъ свидѣтелей ея несчастія, судей ея ошибки, непростительной въ собственныхъ глазахъ ея. Она слишкомъ дорожила немногими минутами хотя нѣкоторой свободы.

Между тѣмъ во Флоренцію пріѣхалъ великій итальянецъ своего времени, тотъ самый, который потомъ писалъ въ знаменитомъ письмѣ своемъ къ Директоріи, «имя мое Витторіо Альфіери; родина моя — Италія; отечества у меня нѣтъ.»

Онъ пріѣхалъ во Флоренцію въ 1777 году, двадцати восьми лѣтъ, усталый, послѣ долгихъ странствованій по Европѣ, недовольный собой, клянущій весь міръ за судьбы Италіи, угрюмый, отчаянный до готовности на самоубійство. Пріѣхавши во Флоренцію съ цѣлью изучать тосканское нарѣчіе, онъ между тѣмъ и не думалъ приниматься за это; и во Флоренціи онъ такъ же продолжалъ странствовать, бродилъ безъ устали по ея улицамъ и окрестностямъ, заходя, равно безъ цѣли, то на гуляныя, то въ театръ, то въ церковь.

Ничто, повидимому, не оставалось на себѣ его, давно и всѣмъ пресыщенныхъ, глазъ. Вдругъ его заставила очнуться женщина, которую онъ встрѣтилъ въ одной изъ церквей. Много лѣтъ не удивлявшійся ни чему, онъ заглядѣлся на эту женщину, онъ растерялся при видѣ ея. Когда онъ узналъ, что это та самая графиня Альбани, про которую онъ успѣлъ, уже слышавшись такъ много страннаго, онъ начинаетъ ходить за ней слѣдомъ, искать ее. Онъ пересталъ походить на себя. Скоро ни днемъ, ни ночью ему не сталъ давать покоя ея печальный образъ; чѣмъ больше вглядывался онъ въ скорбное, но вмѣстѣ съ тѣмъ энергичное,

строгое и рѣдкой красоты лицо графини, тѣмъ болѣе и болѣе сходило съ ума отъ нея.

Его неравнодушiе къ графинѣ было скоро замѣчено многими Альфiери смутился, испугался, когда стали, наконецъ, открыто ему намекать на это и когда разные услужливые господа начали осаждать его. по этому поводу, съ предложенiями познакомить его съ графиней. Чтобъ разомъ покончить со всѣмъ этимъ, онъ, не долго думая, въ одинъ часъ собрался и выѣхалъ въ Римъ.

Графиня не знала ничего этого. Между тѣмъ Альфiери и въ Римѣ только думалъ о ней. Онъ безпрестанно то выѣзжалъ изъ Рима по дорогѣ во Флоренцію, то снова возвращался. Мѣсяць спустя, онъ окончательнo не вытерпѣлъ и вернулся во Флоренцію.

Въ этотъ мѣсяць, прожитой въ Римѣ, Альфiери написалъ лучшую изъ своихъ трагедiй. Страшная судьба графини напоминала ему исторiю другой жертвы.

Альфiери, въ своей Марiи Стюартъ, старался воплотить мучившiй его образъ графини, вылить всю глубину своей симпатiи къ жертвамъ, сказать проклятiе палачамъ.

Когда Альфiери работалъ надъ Марiей Стюартъ, на него находили минуты, въ которыя онъ готовъ былъ мстить за графиню. Про него можно сказать то же, что сказалъ нѣкогда о себѣ, въ порывѣ глубочайшаго отчаянiя, величайшiй изъ современныхъ намъ публицистовъ. Альфiери также «ничего не любилъ кромѣ того, что преслѣдовали, ничего не уважалъ кромѣ того, что казнили».

Альфiери вернулся во Флоренцію, а графиня все еще ничего не знала о немъ. Не довѣряясь никому изъ окружавшихъ ее, не ища ни симпатiй, ни утѣшенiй, она продолжала все переносить молча, потому что глубоко сознавала, что прежде всѣхъ и больше всѣхъ сама виновата въ страшной судьбѣ своей.

Она продолжала упорно бѣгать отъ гостей, прятала отъ нихъ свой умъ и все то, что составляло въ ней ту *магнитную силу*, которую открыли въ ней въ послѣдствiи замѣчательнѣйшiе европейскiе умы. Равнодушно встрѣтила графиня и Альфiери, который наконецъ рѣшился представиться ей; но Альфiери, увидавъ, сколько было достоинства въ равнодушномъ приѣмѣ, сдѣланномъ ему графиней, еще болѣе очаровался ею. Изъ мрачнаго Альфiери, изъ этого «гонимаго миромъ странника» сдѣлалось вскорѣ что-то похожее на *cavaliero servente*. Онъ пристроился къ маленькой свитѣ графини и былъ счастливъ, что

достигъ возможности иногда сопровождать графиню. Но прежде, чѣмъ онъ былъ оцѣненъ и понатъ графиней, онъ былъ заподозренъ собутыльниками графа и его прислугой. Графа начали осаждать разными предостереженіями, ему поминутно нашептывали, что Альфіери затѣваетъ страшный скандалъ. Все это бѣсило графа, — не потому, что задѣвало его за живое, а потому, что надоѣдало до нельзя. Онъ приказалъ, наконецъ, замолчать о графинѣ, велѣвъ, однако, въ угоду своимъ доброжелателямъ, строго слѣдить за нею. Графиня скоро почувствовала, что находится подъ надзоромъ. Она начала терпѣть, вмѣстѣ съ новыми оскорбленіями отъ мужа, оскорбленія отъ его шпионовъ.

Это дѣйствовало на нее тѣмъ сильнѣе, возмущало ее тѣмъ болѣе, что она не подала къ тому никакого повода. Она только теперь, когда начали всячески удалять отъ нея Альфіери, задумалась о немъ, и начала понимать его. Она схватилась за его сонеты, за его трагедіи. Въ нихъ сказалась ей сила, подъ вліяніемъ которой она и сама почувствовала въ себѣ жажду отмщенія и свободы.

Графиня, которая до сихъ поръ ничѣмъ явно не отличала Альфіери, и держала его почти одинаково съ другими своими приближенными, въ почтительномъ отъ себя отдаленіи, теперь стала упрекать себя за это. За упреками послѣдовало признаніе.

Вскорѣ графиня и Альфіери, напали на очень важное открытіе, именно — будто имъ суждено спасти другъ друга. Первый шагъ къ взаимному спасенію состоялъ въ томъ, что они бѣжали.

Къ общему удивленію, полоумный графъ не остался равнодушнымъ къ этому происшествію, и даже пришолъ въ такую ярость, что пустился въ погоню за бѣглецами, съ конвоемъ своей прислуги. Когда ему указали на монастырь, въ которомъ графиня остановилась для ночлега, онъ велѣлъ прислугѣ разбить монастырскія ворота, самъ колотилъ въ нихъ и руками и ногами. Ворота оказались совершенно благонадежными и могли бы выдержать и не такую осаду. Графъ звалъ игуменью, грозилъ, бранился — ничто не помогло. Вернувшись домой, онъ тотчасъ же, задыхаясь еще отъ волненія и усталости, бросился съ жалобой къ великому герцогу. Герцогъ отказался помочь ему. По Флоренціи разнеслась даже молва, что в. герцогъ предувѣдомленный о побѣгѣ графини, далъ слово, въ случаѣ необходимости, защитить ее вооруженной силой отъ неистовства графа.

Тутъ слѣдуютъ странности, которыя у нашего автора остаются необъясненными, и которыя мы передаемъ, однако, ради фактическаго интереса: Графиня на другой же день послѣ побѣга, изъ того самаго монастыря, въ которомъ хотѣла настичь ее графъ, написала письмо въ Римъ къ кардиналу Йоркскому, приходившемуся ей деверемъ. Въ этомъ письмѣ она признавалась кардиналу, что, уставъ переносить поминутно оскорбленія отъ его брата, она убѣжала отъ него и прежде всего хочетъ отдохнуть. Но этого мало,—она просила кардинала, чтобы онъ исходатайствовалъ для нея покровительство папы, далъ ей убѣжище въ какомъ нибудь изъ римскихъ монастырей.

Что заставило графиню сдѣлать этотъ шагъ? Ея ученый бюграфъ не рѣшаетъ этой психологической задачи. Что графиня не шутила и не притворялась, это видно изъ того, что, получивъ доброжелательное письмо отъ кардинала, въ которомъ тотъ писалъ ей, что «папа шлетъ ей свое благословеніе и что монастырь св. Урсулы ждетъ ее, да умиротворится покаяніемъ и да укрѣпится молитвою многогрѣшная и многострадальная душа ея», она дѣйствительно отправилась въ Римъ и поступила въ монастырь св. Урсулы.

Проводивъ графиню почти буквально до монастырскаго порога, Альфіери, въ свою очередь, кажется, тоже былъ проникнутъ какою-то непонятною рѣшимостію,—потому что, на этотъ разъ не хотѣлъ ни минуты оставаться въ Римѣ,—только рѣшимость его была не изъ самыхъ твердыхъ. Онъ вернулся—было во Флоренцію, но жить въ ней не могъ; поѣхалъ въ Неаполь и, какъ будто на перепутьи снова очутился въ Римѣ. Онъ бросился въ монастырь св. Урсулы и увидалъ въ немъ графиню, всю въ черномъ, въ ряду другихъ монахинь, и только сквозь рѣшотку. Она не замѣтила его. Ему между тѣмъ захотѣлось во что бы то ни стало сказать ей хоть слово, подать ей хоть одинъ знакъ. И чтобъ усилѣть въ этомъ, онъ сдѣлался изъ гордаго, мрачнаго, клянущаго Альфіери, олицетворенной лестію; онъ сталъ ханжить съ монашествующей братіей, «благоговѣйно бесѣдовалъ съ ними о душеспасеніи и безъ отвращенія говорилъ съ кардиналомъ объ его братѣ.»

Когда все это оказалось напраснымъ, Альфіери снова не захотѣлъ оставаться въ Римѣ. Онъ уѣхалъ въ самомъ дѣлѣ въ Неаполь.

Не пришло такое время, что и графиня сознала, наконецъ, себя слишкомъ молодой и прекрасной для того, чтобы быть за-

творинцею. Она снова обратилась къ великодушнѣму кардиналу, снова нашла въ немъ добраго патрона, переѣхала въ его великолѣпный дворецъ, и не замедлила вызвать къ себѣ Альфіери, который, въ свою очередь, не замедлилъ явиться. Альфіери былъ неприятно изумленъ, найдя графиню въ Римѣ въ кардинальскомъ дворцѣ. Онъ сознавалъ все неприличіе и даже нѣкоторую опасность—поселиться открыто съ графиней въ священнои кардинальской обители и, въ самомъ дѣлѣ, принужденъ былъ поселиться въ виллѣ Строцци. Впрочемъ, онъ скоро нашолъ возможность видѣться съ графиней во всякое время.

Два года, прожитые влюбленными такимъ образомъ въ Римѣ, Альфіери недаромъ, до послѣдней минуты, считалъ счастливейшими годами своей жизни; но ихъ слѣдуетъ считать еще и самыми гениальными въ его жизни: Альфіери никогда не писалъ съ такою легкостію и съ такою изумительною плодовитостію, какъ въ это время.

Нарушителемъ счастья влюбленныхъ на этотъ разъ былъ графъ, который вдругъ ни съ того, ни съ сего воспылаалъ ревностію о своей чести и написалъ — или, вѣрнѣе, подиисалъ — письмо къ кардиналу своему брату.

Письмо это въ самыхъ громкихъ и сильныхъ выраженіяхъ говорило объ оскорбленныхъ правахъ и достоинствахъ графа; оно упрекало кардинала за то, что онъ самъ, въ своей кардинальской обители, далъ убѣжище преступной связи законной супруги своего брата съ *какимъ-то* Альфіери. Письмо оканчивалось настоятельной просьбой къ кардиналу, чтобъ онъ прекратилъ этотъ неслыханный скандалъ, пятнающій равно и его самого, и его брата, большаго, стоящаго на краю гроба. Слѣдуетъ замѣтить, что добрый человекъ, какимъ былъ кардиналъ, братъ Эдуарда, до сихъ поръ ничего не подозрѣвалъ, и былъ вполне увѣренъ, что хоть его невѣстка и не живетъ болѣе въ обители св. Урсулы, но что непорочностію жизни она не уступитъ ни одной изъ сестеръ этой обители. Онъ только теперь обратилъ вниманіе на то, что дѣлается у него во дворцѣ, въ Римѣ, между тѣмъ какъ самъ онъ жилъ въ Фраскати. Онъ приставилъ дозоръ за графиней и съ ужасомъ узналъ объ ней всю правду. Однако, боясь придать гласность такой *исторіи*, онъ, при всемъ ожесточеніи противъ графини, не показалъ ей ни малѣйшей неприязни къ ней, а вооружился всѣмъ своимъ вліяніемъ, чтобы какъ можно скорѣе выжить Альфіери изъ Рима. Альфіери долго боролся про-

тнхъ копей и гоненій, тайно воздвигнутыхъ на него кардиналомъ, но все-таки принужденъ былъ наконецъ оставить Римъ. Кардиналъ не хотѣлъ, чтобъ графиня послѣдовала за Альфіери. Онъ успѣлъ и въ этомъ, задержавъ графиню въ Римѣ, подѣлать предлогомъ, что ему необходимо частое и личное свиданіе съ ней для скорѣйшаго и успѣшнаго окончанія переговоровъ, начатыхъ, будто бы, имъ съ графомъ, относительнаго развода его съ нею. Графиню не могла не заинтересовать скорая возможность окончательно и формально развязаться съ графомъ.

Не вѣрить тому, по видимому, искреннему участію, которое принималъ, въ ней кардиналъ, она не имѣла никакого повода. Она не знала того, кто гонитъ Альфіери изъ Рима; даже самъ Альфіери не былъ увѣренъ въ справедливости своихъ подозрѣній на кардинала.

Между тѣмъ хитрость, употребленная противъ графини, въ самомъ дѣлѣ принесла ей существенную пользу. Въ Римѣ пріѣзжалъ въ это время шведскій король Густавъ III, путешествовавшій по Италіи подѣломъ графа Гага. Онъ увидѣлъ графиню, познакомился съ нею, и результатомъ этого было то, что сумасшедшій графъ Альбани не только замолчалъ съ своей претензіей на графиню, но въ самомъ непродолжительномъ времени формально объявилъ, что даетъ ей полную свободу «жить, гдѣ ей заблагоразсудится, въ совершенной независимости отъ его особы».

Декларация о разводѣ, подписанная *Карломъ-Эдуардомъ*, завбавна по тону; она наполнена выраженіями: *Мы Карлъ; нашей особы* и вообще написана въ формѣ изъявленія высочайшей воли.

Графиня Альбани, развязавшись окончательно съ графомъ, захотѣла развязаться и съ его братомъ, кардиналомъ. Она поторопилась выѣхать изъ Рима и переселилась въ уединенную живописную виллу около Кольмара, куда всѣмъ за ней примчался и Альфіери, *метавшійся*, по его выраженію, все это время *въ аоніи тысячи смертей*.

Вскорѣ графиня, вмѣстѣ съ Альфіери, разѣзжала изъ одного конца Италіи въ другой, изъ Италіи въ Парижъ, изъ Парижа опять въ уединенную виллу около Кольмара. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Графиня пріобрѣла за это время блестящія связи, которыя, однако, для Альфіери были еще слишкомъ высоки; его время было впереди. Онъ работалъ, съ своей стороны, безъ усталки; хлопоталъ объ изданіи своихъ сочиненій, къ чему болѣе

всего побуждала его графиня, сама принимавшая живѣйшее участіе въ этихъ хлопотахъ. Вообще первое время полной свободы и независимости прошло для графини и для Альфieri въ страшныхъ заботахъ. Они устроивали свое настоящее, приготовляли себѣ будущее. Напуганные обстоятельствами, часто и совершенно неожиданно разлучавшими ихъ, они все еще оставались въ тревожномъ состояніи духа; они носятся другъ съ другомъ по Европѣ. Вездѣ имъ страшно за свое счастье, и вездѣ тѣсно съ нимъ. Впрочемъ, вполне понять ихъ, и въ особенности графиню, въ это время еще трудно.

Графиня начала пріобрѣтать особенную популярность въ Европѣ только съ 1788 года. Въ январѣ этого года до нея дошла вѣсть, что Карлъ-Эдуардъ умеръ въ Римѣ, на рукахъ нѣкоей герцогини Шарлоты Альбани. Затѣмъ, ей сдѣлалось извѣстнымъ, что Шарлота дочь Карла-Эдуарда, прижитая имъ отъ любовницы, бѣжавшей отъ него еще въ 1760-хъ годахъ. Молва добавляла къ этому, будто Карлъ-Эдуардъ, незадолго передъ смертью, искренно отрекся отъ всѣхъ своихъ безпутствъ, и будто въ очищеніе своей совѣсти вызвалъ Шарлоту изъ Парижа, куда мать увезла ее съ собой еще ребенкомъ. Наконецъ таже молва гласила еще, будто графъ остепенился не самъ по себѣ, а именно эта самая герцогиня Шарлота сумѣла сдѣлать изъ безпутнаго пьяницы, изъ Карла-Эдуарда, кроткаго и даже нѣжнаго человѣка. Графиня выходила изъ себя, когда ей стали колоть глаза этими баснями и дѣлать самыя оскорбительныя заключенія о ея сердцѣ и характерѣ, превознося до небесъ Шарлоту. Она рѣшилась—не оправдываться въ своемъ неодолимомъ отвращеніи къ Карлу-Эдуарду, а поставила съ этихъ поръ задачей своей жизни—показать, кого предпочла ему, и что если она и въ самомъ дѣлѣ, она, вмѣсто того, чтобъ поддержать какого-нибудь Стюарта, окончательна сгубила его, явно пренебрегая его и гнушаясь имъ, за то она спасла отъ самоубійства Альфieri. Если она, какъ дитя, не поняла Карла-Эдуарда, забыла въ немъ *pretendanta*, то она открыла и первая поняла поэта, котораго впоследствии Италия въ своемъ энтузіазмѣ назвала *il principe della tragedia*.

Вмѣсто того, чтобы оправдываться передъ свѣтомъ, она постаралась показать ему своего Альфieri, и была твердо убѣждена, что свѣтъ также преклонится передъ великимъ поэтомъ. Парижъ уже восторгался имъ, ему удивлялись и Сталь, и Бо-

марша. Паризъ сталъ скоро безъ ума и отъ твоей графини Альбани.

Ободренная Парижемъ, графиня еще смѣле и энергичнѣе вѣдала за прославленіе Альфіери. Изъ Парижа она отиравилась, вмѣстѣ съ Альфіери, въ Лондонъ, который однако слишкомъ равнодушно встрѣтилъ итальянскую знаменитость. Сама графиня возбуждала къ себѣ вниманіе Лондона лишь потому, что взумила его своимъ представленіемъ ко двору Георга III, на чтѣ рѣшилась все-таки для своего Альфіери.

Представленіе вдовы послѣднiо Стюарта ко двору Георга III, непріятно поразило Лондонъ. «Графиня Альбани,—писалъ Орасъ Вальполь къ миссъ Берри,—не только въ Лондонѣ, но въ настоящую минуту, можетъ быть, даже въ Сень-Джемскомъ дворцѣ.

«Это совершенно въ духѣ нашего времени, когда все ставятъ вверхъ дномъ. Мы видѣли же М-ше Дю-Барри на обѣдѣ у лондонскаго лордъ-мера. Скоро увидимъ еще болѣе непостижимую странность, увидимъ вдову претендента на англійскій престолъ при дворѣ англійской королевы.»

Графиня не долго прожила въ *скучномъ, туманномъ и надменномъ* Лондонѣ; она поспѣшила вернуться въ Парижъ. Покидая Лондонъ, графиня проклинала его, Альфіери, напротивъ, съ неохотой выѣзжалъ изъ него въ *ненавистный* Парижъ.

Альфіери, по словамъ нашего автора, не гонялся будто бы ни за славой, ни за шумомъ и блескомъ, но искалъ прежде всего свободы и покоя. Ему было все равно, какъ смотрѣлъ на него Лондонъ. Ему было лучше въ немъ; онъ зналъ, что въ Парижѣ его опять будетъ осуждать *свѣтъ*, что тамъ онъ опять очутится въ парадной обстановкѣ. Онъ не дорожилъ будто бы ни знакомствомъ съ Жозефиной Богарне, ни дружбой г-жи Сталь, ни похвалами Бомарше; но всегда высоко цѣнилъ свое время и вдохновенье.

Когда, въ концѣ 1791 года, графиня и Альфіери вернулись въ Парижъ, они, разумѣется, не узнали его. Революція была во своемъ разгарѣ; графиня при видѣ всего, что дѣлалось въ Парижѣ и во Франціи, приходила въ ужасъ; Альфіери, напротивъ, былъ въ восторгѣ. Но дѣло въ томъ, что графиня скоро успокоилась, и полюбила Парижъ революціонный не менѣе, чѣмъ любила монархическій, между тѣмъ какъ Альфіери скоро стремился

но разочаровался во французской революціи, которая оказалась ему *трагическим фарсом* (*tragic farsa*).

Альфиери во время революціи пѣлъ одну пѣсню съ Андреемъ Шенье, съ которымъ сблизила его графиня. Онъ такъ же, какъ и Шенье, привѣтствовалъ революцію, покуда она не запятнала невинной кровью свое дѣло, покуда она не измѣнила свободѣ. Но когда она сдѣлала изъ богини свободы *неместовую, кровожадную фурию*, когда въ Парижѣ начался разбой во имя свободы,—Альфиери, вмѣстѣ съ Шенье, сталъ оплакивать погибель истинной, прекрасной свободы, едва успѣвшей озарить свѣтъ. Альфиери сталъ проклинать *развращенную* революцію, начавшую злоупотреблять своею силою.

«Преобладающая страсть во мнѣ,—говорилъ про себя Альфиери,—ненависть къ тиранніи; я говорю, пишу и думаю только о борьбѣ съ нею повсюду, въ чемъ бы она ни проявлялась, какая бы ни была она.»

Революціонный Парижъ скоро сдѣлалъ Альфиери такимъ раздраженнымъ и мрачнымъ, что графиня испугалась. Альфиери началъ, наконецъ, по цѣлымъ днямъ сидѣть взаперти въ своемъ кабинетѣ, чтобъ не видать Парижа, не встрѣчаться съ французами. Графиня не задумалась принести всевозможныя жертвы для успокоенія Альфиери. Она сама вмѣстѣ съ нимъ затворилась въ великолѣпномъ отелѣ. Для него она готова была, кажется, отказаться навѣки не только отъ французскаго, но и отъ всякаго общества. Когда она замѣтила страшное, убійственное впечатлѣніе, произведенное на Альфиери днемъ 10-го августа, она сама изъявила ему желаніе—выѣхать изъ Парижа. Она была увѣрена, что эта жертва съ ея стороны не будетъ напрасна. Въ самомъ дѣлѣ Альфиери только и думалъ о томъ, какъ бы вырваться изъ Парижа, изъ этой «необъятной тюрьмы» (*impenetrabile prigione*), по его собственному выраженію.

Онъ оставался въ немъ только потому, что зналъ какъ привязана къ нему графиня. Теперь, когда графиня сама рѣшилась оставить Парижъ, Альфиери, немедля ни минуты, принялся хлопотать о паспортахъ, объ этихъ *patentes d'esclaves*, выдававшихся тогда всѣмъ желавшимъ выѣхать изъ Парижа. 18 августа графиня и Альфиери сѣли въ дорожный экипажъ, и помчались по улицамъ Парижа.

Они подѣзжали уже къ заставѣ, называвшейся *Barrière Blanche*, какъ вдругъ навстрѣчу имъ выѣжала разъяренная

толпа, вторая съ крикомъ *à mort les aristocrates* остановила ихъ лошадей и окружила ихъ экипажъ. Графиня обернулась отъ испуга. Альфиери вышелъ изъ себя, и еслибы не муниципальная стража, подоспѣвшая къ нему на помощь, вступившаяся за него, онъ погибъ бы на этомъ мѣстѣ. Когда толпа начала, наконецъ, утихать, то среди нея громко раздавались слова Альфиери:

«Что вамъ нужно? Слушайте, что сказано въ моемъ паспорѣ: имя мое Альфиери; я итальянецъ, а не французъ; высокій, худой, блѣдный, рыжій. Смотрите, я ли это? Вотъ мой паспортъ, читайте сами. Законный онъ, или нѣтъ? Пустите меня, или я самъ проложу себѣ дорогу.»

Прошло, однако, еще съ-полчаса, покуда толпа разсѣялась, протискиваясь съ Альфиери угрозами и бранью. Альфиери съѣлъ наконецъ въ экипажъ, самъ ударилъ лошадей, и онѣ вынесли его съ графиней за роковую заставу.

Графиня, прежде всего имѣя въ виду—доставить покой снова начинавшему хандрить Альфиери, везла его изъ Парижа къ своей сестрѣ въ Бельгiю, въ маленькiй городокъ Ать. Она никакъ не думала, что они и тамъ не уйдутъ отъ революцiи.

Въ самомъ дѣлѣ, первыя вѣсти которыя графиня и Альфиери узнали по прiѣздѣ своемъ въ Ать, состояли въ томъ, что два дня спустя послѣ отъѣзда ихъ изъ Парижа, отель въ rue de Bourgogne, въ которомъ они жили, былъ осажденъ вооруженной толпою, которая хотѣла арестовать *англiйскую королеву*, но, не найдя ее, секвестровала все ея имущество.

Съ этихъ поръ ожесточенiе Альфиери противъ Парижа и французовъ почти не знало предѣловъ. Въ Бельгiи, гдѣ онъ рассчитывалъ отдохнуть, онъ принялся за своего знаменитаго Misogallo, въ которомъ выразилась во всей безпощадности та вѣковая ненависть Италiи къ Францiи, или вѣрнѣе, къ французамъ, которая такъ страшно высказалась потомъ въ кровавые дни такъ называемой Веронской Пасхи.

Графиня, болѣе всего заботясь о развлеченiи Альфиери, стала манить его изъ Бельгiи въ Италiю. Для Альфиери было все равно—гдѣ бы ни жить, только бы не въ Парижѣ. Онъ согласился переѣхать въ Италiю. Путешествiе по Рейну, переѣздъ черезъ Альпы, повидимому, развлекли его; но едва онъ остановился во Флоренцiи, старыя впечатлѣнiя начали одолевать его снова. Первое, что написалъ онъ во Флоренцiи, было известное письмо его al presidente della plebe francese. Этимъ письмомъ, чрезвы-

чайно рѣшима въ личительнымъ по тому, Альфіери требованъ у директоріи вознагражденіи ему его богатой библіотеки, захваченной вмѣстѣ съ имуществомъ графини. Графиня приходила въ отчаяніе, когда замѣтила, что Альфіери во Флоренціи становился еще мрачнѣе и разстроениѣе, чѣмъ былъ въ Бельгіи. Жизнь во Флоренціи не могла быть легка для Альфіери, въ особенности при томъ настроеніи, изъ котораго онъ не выходилъ почти ни на минуту, до самой смерти, со дня выѣзда изъ Пармѣ. Италия, всегда страшно терзавшая его своею судьбою, была передъ его глазами, — отчаянная, затихнувшая какъ передъ грозой, въ ожиданіи Наполеона. Почти всѣ послѣднія десять лѣтъ овоей жизни, которыя прожилъ Альфіери съ графиней въ великолѣпной и живописной виллѣ на Арно, извѣстной до сихъ поръ подъ именемъ Casa d'Alfieri, онъ провелъ безвыходно въ кабинетѣ за своими трагедіями, за изученіемъ Гомера и Аристофана, за переводомъ Виргилія. Наярсно графиня старалась всѣми средствами отрывать его отъ безпрерывныхъ занятій. Она обрадовалась — было, когда Альфіери вдругъ задумалъ устроить театръ. Театръ онъ устроилъ, набралъ труппу и самъ сталъ играть съ нею. Графиня озаботилась, чтобы вся флорентинская знать видѣла игру Альфіери. Скоро всѣ единодушно стали пріѣзжать къ Альфіери на его новомъ поприщѣ и рукоплескать ему.

Альфіери, дѣйствительно, увлекся сценой, но не надолго. Онъ скоро бросилъ ее и опять затворился въ своемъ кабинетѣ. Онъ предвидѣлъ, что ему не долго остается жить, и торопился докончить начатыя работы и приняться за новыя. Еще много невысказанныхъ образовъ носилось передъ нимъ, еще много невысказанныхъ думъ, невыплаканныхъ слезъ жгло его грудь.

Сердце графини разрывалось на части. Альфіери видимо началъ угасать на ея глазахъ; она была свидѣтельницей какъ добивали его впечатлѣнія, производимыя на него подвигами Наполеона въ Италиі, какъ самъ онъ убивалъ себя работой. Она не считала жертвъ, которыя приносила безъ счета, для его спокойствія, она маскировала ихъ, чтобы не мучить ими Альфіери. Если что еще утѣшало ее, такъ это то, что ея стараніями слава Альфіери начинала, наконецъ, расти неимоверно. Casa d'Alfieri уже въ то время начинала становиться мѣстомъ поклоненія. Видѣть Альфіери всякій путешественникъ по Италиі поставлялъ себѣ долгомъ. Въ числѣ другихъ посѣтилъ Casa d'Alfieri художникъ Фабри, достойный ученикъ знаменитаго Давида; и судьбѣ угод-

не было, чтобы онъ изъ случайнаго гостя сдѣлался другомъ своихъ заговорническихъ, но тѣмъ не менѣе знаменитыхъ козляевъ. Самъ Альфиери привязался къ нему до того, что позабылъ въ немъ француза. Впрочемъ Фабръ былъ открытый врагъ своего правительства. Для бесѣды съ Фабромъ Альфиери хоть изрѣдка, но все же лишній разъ бросалъ перо и книги и выходилъ изъ кабинета, на дверяхъ котораго было разъ навсегда написано: «Альфиери нѣтъ дома.» Графиня уже изъ-за одного этого ухаживала бы за Фабромъ; но Фабръ, кромѣ того, былъ дорогъ графинѣ какъ человѣкъ замѣчательный, умный и даровитый, который часто помогалъ ей коротать дни, казавшіеся ей безконечными, съ тѣхъ поръ какъ Альфиери, для котораго она простилась съ обществомъ, прекратилъ всякую переписку съ Парижемъ и сталъ сидѣть взаперти. Фабръ раздвѣлялъ съ графиней заботы и скорби объ Альфиери.

Графиня, при всемъ желаніи оторвать Альфиери отъ работы, которая убивала его, никогда не рѣшалась прямо помѣшать ему, постучаться въ запертыя двери его кабинета. Она была твердо убѣждена, что отнимать у Альфиери время, посвященное имъ на работу, значить отнимать у него частичку его славы. Эта борьба между желаніемъ спасти жизнь Альфиери — свое счастье — и сознаніемъ святости дѣла, которому Альфиери жертвуетъ жизнью, разумѣется, была нелегка. Изнуряемая этою борьбой, графиня теряла возможность заниматься чѣмъ бы то ни было; она не могла взяться ни за какую книгу и только твердила стихи Альфиери.

Такъ шло съ ей до знакомства ея съ Фабромъ. Глядя на Фабра, она пристрастилась къ живописи и стала его ученицей. Скоро вмѣстѣ съ Фабромъ она стала просиживать дни, рисуя сцены изъ трагедій Альфиери. Фабръ мастерски нарисовалъ для нея великолѣпный портретъ Альфиери. Все это отчасти оживляло графиню. Ей стало легче уже и потому, что, лишонная сама на нѣкоторое время всякихъ средствъ для прославленія Альфиери, она могла теперь воспользоваться для этой цѣли талантомъ и готовностію Фабра, который своею кистью въ самомъ дѣлѣ значительно способствовалъ европейской извѣстности Альфиери. Когда такимъ образомъ Сава d'Alfieri сдѣлалась мастерской художникомъ, когда водворилась въ немъ желаемая тишина, Альфиери и самъ, казался, просіялъ.

Графиня перестала отчаяваться за его жизнь, не смотря на

то, что знала, до какого страшнаго разстройства дошло уже его здоровье. Она не предвидѣла близкой смерти Альфіери даже въ началѣ 1803 года; ее обманывали страшныя насилія, которыя дѣлалъ надъ собою ея знаменитый другъ. Слегши въ постель въ 1803 году, онъ не хотѣлъ лечиться, онъ не стоналъ, откуда былъ въ памяти. Едва проходили съ нимъ страшныя пароксизмы, онъ вставалъ съ постели и снова кидался къ рабочему столу. Больной, какъ и здоровый, онъ одинаково воздерживался отъ сна и пищи. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ, подобно Байрону, сдѣлалъ привычку—ѣсть только для того, чтобъ не умереть съ голода; онъ боялся, чтобъ обремененный желудокъ не испортилъ его настроенія, не отуманилъ его головы, между тѣмъ какъ чувствовалъ, что дни его сочтены.

Онъ писалъ еще за нѣсколько часовъ до смерти; поздно легъ онъ въ постель въ ночь на 8-е октября, 1803 года; онъ не засыпалъ, но не чувствовалъ никакихъ особенныхъ болѣзненныхъ припадковъ. Съ восходомъ солнца онъ попробовалъ—было приподняться, но силы на этотъ разъ измѣнили ему, онъ упалъ въ безпамятствѣ на свое изголовье. Къ вечеру Альфіери уже не существовалъ.

Самый горячій слѣдъ впечатлѣнія, произведеннаго на графиню смертью Альфіери, сохранился для насъ въ письмѣ графини къ знаменитому въ то время эллинисту, Виллуасону, бывшему однимъ изъ самыхъ энтузіастическихъ поклонниковъ Альфіери.

Вотъ это письмо:

«Я увѣрена, что вы раздѣлите со мною скорбь о смерти Альфіери. Вы поймете, что значитъ для меня потерять того, который въ продолженіе 26 лѣтъ не заставлялъ меня ни минуты раскаяваться въ моихъ чувствахъ къ нему, того, которымъ я всегда гордилась, котораго я всегда уважала, передъ которымъ всегда благоговѣла.

«Кто можетъ быть несчастнѣе меня? Мнѣ остается только идти въ могилу, вслѣдъ за нимъ, за моимъ несравненнымъ другомъ. Онъ убилъ себя работою.

«Въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ, прожитыхъ имъ во Флоренціи, онъ, самъ собою, одинъ, изучилъ основательно греческій языкъ. Онъ перевелъ въ стихахъ «Персовъ» Эсхила, «Филоктета» Софокла, «Альцесту» Эврипида; онъ написалъ свою Альцесту, своего Авеля. Онъ перевелъ «Лягушекъ» Аристофана. всего Теренція, всего Вергилія стихами.

«Онъ написалъ 17-ть сатиръ, томъ лирическихъ стихотвореній. За два года до смерти онъ разомъ задумалъ шесть комедій, которыя и свели его въ гробъ. Онъ торопился и успѣлъ написать всѣ шесть, но окончительно выправилъ только четыре; на третьемъ актѣ пятой комедіи смерть заставила его остановиться. Утромъ 3-го октября онъ чувствовалъ себя хорошо, работалъ по обыкновенію; я вошла къ нему въ 4 часа звать его обѣдать и нашла его въ лихорадкѣ. Онъ страшно изнуралъ себя послѣднее время. Въ субботу 8-го, къ вечеру, онъ страшно ослабъ, потерялъ зрѣніе и тутъ же умеръ безъ мукъ, безъ агоніи. Боже мой! Я все потеряла съ нимъ. Это все равно, что у меня вырвали сердце.

«Спасти его я не могла, трудъ, убившій его, былъ для него наслажденіемъ. Трудясь, онъ забывался, переставалъ видѣть передъ собою кровь, лившуюся рѣками по Италиі. Вамъ ли рассказывать какое сердце было у Альфіери? Что могло развлечь его здѣсь? Я упрекаю себя, зачѣмъ я не уговорила его ѣхать путешествовать.

«Его сжогъ пламенный духъ его. Онъ счастливъ, онъ не увидитъ больше столькихъ бѣдствій повсюду; его слава будетъ все расти и расти; одна я несчастна; мое счастье было въ немъ».

Едва разнеслась по Флоренціи вѣсть о смерти Альфіери, густыя толпы хлынули къ его знаменитому *дому*. Шатобрианъ, бывшій въ это время во Флоренціи, тоже поспѣшилъ въ Casa d'Alfieri, и вотъ впечатлѣніе, сдѣланное на него трупомъ Альфіери, которое онъ высказалъ въ письмѣ къ Фонтану.

«Знаете ли вы, что я только разъ въ жизни видѣлъ Альфіери, и знаете ли когда?—Когда его клали въ гробъ. Впрочемъ, мнѣ сказали, что черты лица его мало измѣнились. Оно показалось мнѣ чрезвычайно строгимъ, мрачнымъ, и величавымъ».

Шатобрианъ, тогда еще юноша, горячій и восторженный, и далеко не такой водянистый риторъ, какимъ сдѣлался впоследствии, увидавъ всеобщую глубокую скорбь, возбужденную смертью Альфіери, бывъ свидѣтелемъ великолѣпной обстановки его погребенія въ церкви S-ta Croce, рядомъ съ могилой Мавелла, страшно заинтересовался личностью Альфіери и усердно принялся тотчасъ же собирать матеріалы для его біографіи. Графиня, услышавъ объ этомъ, серьезно встревожилась. Она не была знакома съ Шатобрианомъ, но личность его давно казалась ей не слишкомъ симпатичною; она не повѣрила чистотѣ тѣхъ намѣреній, возвышенности тѣхъ помысловъ, съ которыми брался

Шатобріанъ за біографію Альфіери. Она не довѣряла ни уму, ни сердцу Шатобріана, между тѣмъ она знала, что очернить Альфіери легко,—стоитъ только полежаться на сплетни и послушать враговъ его; она знала, что Шатобріанъ французъ и, пожалуй, обрушится на Альфіери, какъ на автора *Misogallo*. Графиню пугалъ при этомъ еще болѣе авторитетъ Шатобріана. Чтобъ предотвратить вредъ, который, по мнѣнію графини, могъ сдѣлать Шатобріанъ для памяти и славы Альфіери,—она, едва успѣвши зарыть священный для нея прахъ своего друга, принялась за изданіе его автобіографіи, которая лежала покуда въ рукописи. Этого мало, она поторопилась черезъ Фабра передать Шатобріану списокъ съ этой рукописи, она упросила Фабра сблизиться съ Шатобріаномъ, чтобъ объяснить ему Альфіери.

Шатобріанъ представлялся графинѣ такимъ, какимъ онъ сдѣлался впоследствии; но она наирасно боялась его въ то время: Шатобріанъ-юноша превознесъ до небесъ не только Альфіери, но и графиню Альбани, *очаровательную подругу* его жизни.

Альфіери умеръ, но смерть его не освободила графиню отъ заботъ о немъ. На ея рукахъ осталось множество неизданныхъ его сочиненій, въ которыхъ онъ остался живъ, со всѣмъ, что было въ немъ страдальческаго, возвышеннаго, прекраснаго.

Кромѣ того графинѣ осталась еще могила Альфіери.

Поручивъ Фабру хлопоты по изданію сочиненій Альфіери, сама она вся отдалась заботѣ о томъ, какъ-бы олицетворить надъ могилой Альфіери его душу и вмѣстѣ свою скорбь по немъ: пусть окаменѣетъ надъ его могилой эта скорбь, равно великая для всей Італіи. Сооруженіе достойнаго памятника надъ могилой Альфіери стало предметомъ переноски графини со множествомъ художниковъ. Она стала просиживать дни, составляя вмѣстѣ съ Фабромъ проэктъ этого памятника. Фабръ не могъ надивиться при этомъ необычайно смѣлой фантазіи графини. Она изумляла каждого, съ кѣмъ пускалась бесѣдовать о памятникѣ, и приходила въ отчаяніе, когда замѣчала, что время уходитъ, а между тѣмъ никто не беретса осуществить этотъ памятникъ, давно воздвигнувшійся въ ея воображеніи. Наконецъ графиня напала на Канову, бывшаго тогда еще юношей. Канова такъ увлекся задачей, что въ выполненіи ея превзошла себя. Памятникъ его работы, воздвигнутый въ церкви S. Соло, надъ могилой Альфіери, равно изумляетъ какъ своею строгою, величавою красотой, такъ и своимъ глубокимъ омысломъ; надо видѣть

его, чтобъ оцѣнить его вполнѣ; онъ можетъ показаться очень простымъ въ описаніи: на высокомъ и широкомъ цоколѣ великолѣпный саркофагъ, на крышкѣ котораго—медальонъ съ бюстомъ Альфіери; вокругъ медальона лавровые вѣнки и маски; подлѣ саркофага, на одной сторонѣ цокола лежитъ лира, обвѣтая гирляндами, на другой—стоитъ женщина; на головѣ ея вѣнокъ изъ плюща; она стоитъ, облокотясь на саркофагъ. Она дышетъ скорбью, но она серьезна, мужественна, величава; на лицѣ ея написана надежда; станъ ея роскошенъ и могучъ. Вглядываясь въ эту женщину, вы замѣчаете, что она собирается не плакать, а мстить, что она не молится, а проклинаетъ; все въ ней говоритъ, что имя ея—*Италія*.

Графиня измучилась въ ожиданіи открытія этого памятника и пришла въ совершенное отчаяніе, когда Наполеспъ, воздвигнувъ на нее гоненіе, вызвалъ ее въ Парижъ, въ 1809 году, почти накануне этого открытія, которое совершилось въ 1810 году.

Впрочемъ мы забѣгаемъ впередъ. — Графинѣ было около 50 лѣтъ, когда умеръ Альфіери; мы, вмѣстѣ съ нашимъ авторомъ, старались показать, до какого самоотверженія и возвышенности она была предана ему, какъ гордилась имъ и какъ, наконецъ, страдала по немъ и оплакивала его. На основаніи всего этого, мы считаемъ лишнимъ пускаться въ опроверженіе площаднаго смысла, который часто придавали тому обстоятельству, что графиня продолжала удерживать при себѣ Фабра и послѣ смерти Альфіери, и что она удерживала его, какъ одного изъ преданнѣйшихъ ей людей, до конца своей жизни. Трудно сказать, какъ бы былъ проведенъ подругою Альфіери этотъ остатокъ жизни, продолжавшійся слишкомъ двадцать лѣтъ, и могъ ли онъ принадлежать свѣту и въ какой именно мѣрѣ, еслибы *свѣтъ*, покинутый ею, самъ наконецъ не вспомнилъ о ней, еслибы ея знакомые, друзья, забытые ею, сами не стали откликаться съ разныхъ концовъ Италіи, Франціи и Швейцаріи и еслибы она не была вызвана такимъ образомъ отвѣчать на эти голоса сердца, покоренныхъ ею во время перевздовъ ея по Европѣ вмѣстѣ съ Альфіери. Прежде всего у нея завязалась громадная переписка. Потомъ стали допускаться избранныя посѣщенія; наконецъ, мало по малу, она совершенно растворила двери этого мрачнаго въ продолженіе столькихъ лѣтъ *Casa d'Alfieri*, который теперь наполнился шумомъ и блескомъ, придавшими жизни графини интересъ совершенно особаго рода.

Въ 1806 году графиню Альбани звали уже *царицей Флоренции*. Casa d'Alfieri сдѣлался скоро потомъ вторымъ Каппетомъ, вторымъ аванъ-постомъ наступательнаго, побѣдоноснаго движенія европейской цивилизаціи, обновленной революціею. Casa d'Alfieri такъ же, какъ и Каппетъ, сталъ открыто враждовать съ Наполеономъ. Графиня Альбани такъ же, какъ и г-жа Сталь, подверглась гоненію Наполеона.

«Графиня Альбани, по отзывамъ современниковъ, обладая необычайной силой притяженія, собрала вокругъ себя флорентинцевъ, не знавшихъ—что такое общество; она разбудила ихъ; она сдѣлала изъ снотворныхъ флорентинскихъ *conversazioni* шумныя бѣсѣды, воодушевленные патріотизмомъ. Флорентинцы, увлеченные графиней, стали высказываться безъ страха и громко заявлять о своемъ патріотизмѣ».

Графиня раскинула надъ Флоренціей знамя, которое смерть вырвала изъ рукъ Альфіери. Именемъ Альфіери графиня стала провозглашать недовѣріе къ Франціи и ненависть къ Наполеону. Недаромъ Наполеонъ вызвалъ графиню Альбани въ 1809 году въ Парижъ и встрѣтилъ ее съ ироніей и гнѣвомъ: «Я знаю ваше вліяніе на флорентинское общество, я знаю, что вы пользуетесь имъ во вредъ моей политикѣ; вы мѣшаете мнѣ во Флоренціи. Я нарочно за этимъ вызвалъ васъ въ Парижъ; здѣсь вы въ волю можете предаваться вашей склонности къ изящнымъ искусствамъ.»

Графиня собиралась въ Парижъ какъ будто отправлялась въ тюрьму; она прощалась передъ отъѣздомъ не только съ своими друзьями; она прощалась съ Casa d'Alfieri, съ памятникомъ Альфіери, который уже оканчивалъ Канова. Графиня видѣла на г-жѣ Сталь, что значитъ быть гонимой императоромъ, быть подъ надзоромъ его полиціи. Она только-что узнала, что г-жа Сталь собирается бѣжать въ Америку отъ его преслѣдованій.

Мы не знаемъ, какъ вела себя графиня при свиданіи съ Наполеономъ, но знаемъ, что съ этихъ поръ уже ничто не могло примирить ее съ нимъ. Вѣрная до самой смерти чувству неодолимой ненависти къ императору, она громко привѣтствовала союзныя войска 1812 года и радовалась во всеуслышаніе каждому новому успеху ихъ. Она серьезно ссорилась даже съ лучшими изъ своихъ друзей, когда эти изъ нихъ, при видѣ страшнаго напора императора, стали склоняться передъ нимъ.

Графиня принуждена была прожить слишкомъ годъ «въ страш-

номъ и невниманіемъ для нея императорскомъ Парижѣ». Такой взглядъ графини на Парижъ 1809 года раздѣляли съ ней такія личности, какъ на примѣръ Сисмонди, бывшій однимъ изъ ея друзей. «Если вы не могли заставить г-жу Сталь согласиться съ вами насчетъ Парижа, писалъ ей около этого времени знаменитый историкъ — то я совершенно раздѣляю вашъ взглядъ на него. Я бѣгу отъ его напыщенности и блеска, я терпѣть не могу его остроты; этихъ *bons-mots* на счетъ правительства, которыми прикрываютъ отсутствіе гражданскаго мужества, твердости въ убѣжденіяхъ, достоинства въ поступкахъ. Для меня отвратительно эта страстишка Парижа служить — и глумиться надъ тѣмъ, кому онъ служить».

Въ ноябрѣ 1810 года, графиня совершенно неожиданно получила разрѣшеніе вернуться во Флоренцію и, разумѣется, она ни одной лишней минуты не промедлила въ Парижѣ, чтобы вернуться къ живописнымъ берегамъ Арно, на которыхъ стояла Casa d'Alfieri. Заточеніе въ Парижѣ не имѣло никакого вреднаго вліянія на независимость убѣжденій графини. Она вернулась въ Casa d'Alfieri такою же, какою выѣхала изъ нея въ 1809 году. Вокругъ нея снова собралась Флоренція, чтобы раздѣлять съ нею свои опасенія и надежды.

Конецъ 1811 и половину 1812 годовъ, графиня провела путешествуя съ Фабромъ по Италіи. Въ Римѣ она встрѣтилась съ знаменитымъ Полемъ Курье, который сразу до того увлекся ею, что сопровождалъ ее, вмѣстѣ съ Фабромъ, въ Неаполь. Въ сочиненіяхъ П. Курье есть нѣсколько блестящихъ страницъ, озаглавленныхъ: *Conversation chez m-me la Comtesse d'Albany*.

Въ 1813 году графиня писала къ Сисмонди изъ Casa d'Alfieri, что она «стоитъ у окна и смотритъ какъ проходятъ мимо нея событія». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она не оставалась равнодушною къ этимъ событіямъ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этого служить ея переписка съ Сисмонди, или вѣрнѣе — письма къ ней Сисмонди, потому что изъ писемъ ея къ нему до сихъ поръ извѣстны очень немногія.

Сисмонди писалъ къ графинѣ всегда очень много, и всегда искренно и серьезно. Въ письмахъ къ ней своихъ, онъ постоянно то отвѣчаетъ на ея вопросы, то горячо спорить съ ней, то успокоиваетъ ее, то очевидно старается умѣрить ея слишкомъ заносчивыя надежды. Содержаніе этихъ писемъ чаще всего политическаго свойства. Сисмонди наполнялъ цѣлкомъ длинными пись-

ма къ графинѣ расказами о бѣдствіяхъ Франціи, онъ дѣлился съ графиней каждымъ новымъ чувствомъ, каждымъ новымъ впечатлѣніемъ, производимымъ на него *неистововавшимъ* Наполеономъ и неправившимися ему вождями коалиціи. Онъ искалъ въ графинѣ отвѣта на свои сомнѣнія, поддержки въ своей скорби, въ своемъ отчаяніи. Графиня не только всегда искренно раздѣляла убѣжденія Сисмонди, но даже опиралась на нихъ. Только разъ вышли недоразумѣнія между Сисмонди и графиней, и то не надолго.

Это было въ 1814 году, когда Сисмонди вдругъ совершенно измѣнилъ взглядъ свой на Наполеона и написалъ къ графинѣ письмо такого рода:

«Вотъ наконецъ начался послѣдшій актъ этой страшной трагедіи! По всему видно, что мы быстро идемъ къ развязкѣ. Сенатъ, собравшійся въ Парижѣ, въ присутствіи вностранныхъ войскъ, низложитъ императора; онъ провозгласитъ короля; отъ имени Франціи, онъ заключитъ миръ на условіяхъ, которыя со- благоволятъ предложить ему; онъ будетъ ждать, что великодушныя коалиціонныя державы сами выведутъ свои войска, чего, вѣроятно, онъ не скоро дождется; но куда французская армія, а съ нею и вся Франція будутъ повиноваться ему... Все кончено... Остается ждать, какъ Бонапартъ умретъ: жить ему нельзя. Богъ знаетъ, что будетъ послѣ него: раздѣлъ Франціи, междоусобная война, деспотизмъ, анархія, или миръ и свобода. Противъ тысячи дурныхъ шансовъ одинъ хорошій.

«Друзья Франціи были въ правѣ не желать, чтобъ этотъ роковой жребій былъ брошенъ; онъ брошенъ, остается ждать, что выпадетъ... Безъ сомнѣнія, истинные интересы коалиціи должны быть согласны съ интересами Франціи и человѣчества; но кто же осмѣлится польстить себя надеждою, что они будутъ услышаны? *Quidquid delirant reges...* и зачѣмъ они перестанутъ сумасшествствовать?.. Чтожь касается до человѣка, который теперь падаетъ, я написалъ 14 томовъ въ его правленіе, почти всѣ съ цѣлью опровергнуть его политическую систему; но я невольно пораженъ его величіемъ въ минуту этого страшнаго паденія, этого несчастія, неслыханнаго міромъ. Да наконецъ и все то, что было въ немъ безумнаго,—мы въ своемъ безуміи не привыкли развѣ находить возвышеннымъ? Средства, которыми онъ поддерживалъ свою громадную власть, кажутся, правда, жестокими; но они утѣренны, если принять въ соображеніе сопротивленія, съ которыми

ему приходилось бороться. Расточительный на кровь солдатъ, онъ былъ скупъ на казни, скупъ не только болѣе всякаго узурпатора, но болѣе всякаго самаго законнаго государя».

Письмо это поразило графиню; она не ожидала, чтобъ до такой степени могъ примириться съ Наполеономъ тотъ, который написалъ 14 томовъ въ опроверженіе системы его политики.

Графиня обратилась къ друзьямъ Сисмонди и въ томъ числѣ къ г-жѣ Сталь съ вопросомъ: что сдѣлалось съ Сисмонди? Самого Сисмонди, она закидала упреками; Сисмонди отвѣчалъ на нихъ съ достоинствомъ, нисколько не раздражаясь ими и нисколько не выходя изъ предѣловъ своего безконечнаго уваженія къ графинѣ. «Вы не соглашаетесь со мною, писалъ онъ къ ней, потому что васъ увлекаютъ личности, меня же, напротивъ, принципы. Мы оба вѣрны нашимъ чувствамъ любви и ненависти. Я не перестану проповѣдовать служеніе свободѣ и проклинать рабство. Вы остаетесь непоколебимо тверды въ вашихъ чувствахъ къ людямъ, разъ отмѣченнымъ вашею любовью или ненавистью. Для васъ все равно, какая бы судьба ни постигла ихъ.»

Въ 1816 году не оставалось, однако, никакихъ слѣдовъ этой размовки, такъ что Сисмонди писалъ къ графинѣ въ этомъ году изъ Копвета:

«Въ послѣднее время я почти никого не вижу, кромѣ англичанъ. Лондонъ цѣликомъ переселился на материкъ и проѣхалъ мимо Женевы. Женева видѣла всѣхъ лондонскихъ знаменитостей по уму, по красотѣ, по положенію и таланту; мужчинъ и женщинъ, неровъ и членовъ парламента. Все это гоститъ теперь у насъ и проживетъ здѣсь, можетъ быть, еще съ мѣсяць, потомъ хлынетъ въ Италію; Лондонъ непременно хочетъ поклониться вамъ».

Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за тѣмъ въ салонѣ «царицы Флоренціи» были и леди Морганъ, и герцогиня Девошпайрская, и герцогиня Гамильтонъ, и друзья Байрона Самуилъ Роджерсъ и Джонъ Гобгузъ, которому Байронъ посвятилъ 4-ю пѣсню своего Чайльдъ Гарольда, и Томасъ Муръ, и лордъ Джонъ Россель.

Знаменитости Франціи, Италіи и даже Германіи давно уже топились въ Casa d'Alfieri.

Графиня, наконецъ, подобно г-жѣ Сталь, могла сказать, что видѣла genre humain въ своемъ салонѣ.

Посреди такой блестящей обстановки графиня не забывала своего Альфиери; но ее вышнюю genre humain, поклонявшійся

ей, шоль отъ нея, изъ бывшаго дома Альфіери, на могилу Альфіери.

Графиню Альбани между прочимъ посѣщали, какъ видно, и русскіе, но имена ихъ до насъ не дошли; мы знаемъ только, что на нихъ смотрѣли какъ на *болѣе или менѣе испорченныя коши съ французовъ*.

Французы и нѣмцы, англичане и итальянцы, встрѣчались въ Casa d'Alfieri, присматривались другъ къ другу, отрѣшались отъ національныхъ предразсудковъ и между тѣмъ какъ массы еще дремали, здѣсь передовые европейскіе умы заключаютъ между собой союзъ борьбы за самыя высшіе и самыя насущныя общественныя интересы. Такого рода значеніе международнымъ свиданіемъ въ Casa d'Alfieri придаетъ, по крайней мѣрѣ, правдивый и строгій Сисмонди.

Смерть тихо подкралась къ графинѣ въ 1824 и вдругъ вырвала ее изъ кружка ея друзей и поклонниковъ; она умерла въ январѣ 1824 г. собственно въ слѣдствіе окончательнаго упадка силъ.

Послѣ графини осталась огромная библіотека, великолѣпная картинная галерея и музей, которые она завѣщала Фабру. Къ чести этого добросовѣстнаго и честнаго человѣка слѣдуетъ сказать, что онъ воспользовался своимъ рѣдкимъ богатствомъ, съ которымъ переѣхалъ въ свой родной городъ—Монпелье, въ интересахъ науки и искусства.

Равнодушно простилась съ Фабромъ Флоренція; она не знала, что Фабръ вывозитъ съ собой самыя рѣдкія изданія и рукописи Данта, Петрарки и Аріосто, картины Рафаэля и Микель-Анджело, до сихъ поръ не изданныя письма Кановы, Уго Фосколо, кардинала Консальви и др.; словомъ не только то, что собрала графиня въ теченіе своей долгой жизни; но и все то, что около полувѣка собиралъ Альфіери, странствуя по Европѣ, все то, чѣмъ дышалъ онъ, чѣмъ дорожилъ больше всего на свѣтѣ, надъ чѣмъ онъ умеръ.

Фабръ подарилъ свое наслѣдство въ собственность своему городу, который, въ свою очередь, чтобы достойнымъ образомъ отблагодарить его, выстроилъ, для храненія его безцѣннаго подарка, особенное зданіе, извѣстное Европѣ подъ именемъ Музея Фабра. Такимъ образомъ воздвигся самый краснорѣчивый памятникъ Фабру, еще при его жизни. Но этотъ памятникъ въ глазахъ Фабра имѣлъ совершенно другое значеніе: Фабръ благоговѣлъ передъ музеемъ, какъ передъ достойною могилою всего того, чѣмъ жила графиня Альбани и ея спутникъ—Альфіери.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Материалы для статистических очерков.—Способы народного продовольствія. — Несоразмѣрность этихъ способовъ по губерніямъ Европейской Россіи.—Средство къ уравниванію этой несоразмѣрности. — Количество посѣвовъ. — Количество сбора. — Сѣнокосы. — Загѣтка о винокурениі. — Справочныя и торговыя цѣны. — Неравномѣрность справочныхъ и торговыхъ цѣнъ по губерніямъ. — Хлѣбныя магазины и денежные капиталы. — Различныя виды городскихъ доходовъ. — Извѣстно ли съ точностью число русскихъ городовъ?—Причины неизвѣстности этого рода.—Геральдическія понятія русскаго простонародья. — Сомнительные города. — Загѣтки о западномъ краѣ. — Сборы съ городскихъ имуществъ, недонки и долги. — Ярмарочные обороты. — Число русскихъ ярмарокъ. — Цѣнность привоза и продажи. — Число арестантовъ. — Исслѣдованіе о рыбьемъ дѣлѣ. — Заразительность проказы. — Прививаніе человѣческой оспы коровамъ. — Амбулаторная зубная лечебница.—Прокръ князя Долгорукова о месmero-гармонической лечебницѣ. — Животный магнитизмъ. — Леченіе корсетами и обувью. — Секретные и новые врачебные способы. — Пересмотръ аптекарской таксы. — Вопросъ объ этомъ въ журналистикѣ. — Московское серебро. — Число дворянскихъ имѣній. — Ихъ залогъ, перезалогъ и продажа съ публичныхъ торговъ. — Число дѣлъ и бумагъ по присутственнымъ мѣстамъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ предшествующей нашей статьѣ, озаглавленной этой рубрикою, мы познакомили читателей нашихъ съ главными свѣдѣніями, заключавшимся въ «Извлеченіи изъ всеподданнѣйшаго Отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ». Нынѣ журналъ этого министерства напечаталъ «Приложеніа» къ упомянутому «Извлеченію». Они состоятъ изъ 48 вѣдомостей, наполненныхъ цифрами, имѣющими важность какъ въ отношеніи административ-

ной, такъ и хозяйственной статистики Россіи. Мы воспользуемся этими вѣдомостями для того, чтобы, изъ находящихся въ нихъ данныхъ, составить, по возможности, статистическій очеркъ, по нѣкоторымъ предметамъ общественной жизни и общественной дѣятельности. Съ этою цѣлью мы не будемъ разсматривать «Приложенія» въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ они напечатаны въ журналѣ, но будемъ руководствоваться особымъ порядкомъ. Кромѣ того, мы не будемъ повторять въ нашемъ очеркѣ тѣхъ данныхъ, которыя были въ «Извлеченія изъ отчета» и которыя уже вошли въ предшествующую статью.

Мы начнемъ нашъ очеркъ съ предмета весьма важнаго — со способовъ народнаго продовольствія.

Въ таблицѣ подъ № 7, рядомъ съ числомъ душъ ревизскихъ и числомъ душъ обоого пола, принадлежащихъ къ этому разряду, населенія (за исключеніемъ Сибири и губерній, входящихъ въ составъ кавказскаго помѣстничества) означены, по каждой губерніи, размѣръ посѣва, сбора, степень урожая, а также сколько необходимо на посѣвы, на продовольствіе, на винокурение и на другія надобности. Въ заключеніе же, тоже по каждой губерніи, показаны излишекъ или недостатокъ озимаго, яроваго и картофеля.

Мы, съ своей стороны, никакъ не можемъ ручаться въ какой степени достовѣрны этого рода статистическія данныя, и потому, минуя научныя о нихъ пренія, въ настоящей статьѣ укажемъ — какія свѣдѣнія могутъ почерпать въ русской статистикѣ и администрація и наука касательно вопроса о способахъ народнаго продовольствія. Мы полагаемъ, что если приведенныя въ таблицѣ числовыя свѣдѣнія и не имѣютъ абсолютной вѣрности, то все же они представляютъ достаточно относительной между собою достовѣрности, для дѣланія по нимъ сравнительныхъ выводовъ.

Изъ разсматриваемой нами таблицы оказывается, что число ревизскимъ душъ, по означеннымъ выше губерніямъ, простирается до 10,577,419; число же душъ обоого пола во тѣмъ же мѣстностямъ простирается до 25,685,495. Наибольшее число ревизскихъ душъ оказывается въ губерніи Кіевской (598,532), наименьшее въ Архангельской (3,251). Числу ревизскихъ душъ соответствуетъ число душъ обоого пола; въ Кіевской губерніи оно достигаетъ 1,215,463, между тѣмъ какъ въ Архангельской не превышаетъ 6,353. На число душъ ревизскаго и душъ обо-

его поля и сдѣлано исчисленіе о способахъ народнаго продовольствія. Изъ этихъ исчисленій оказывается вообще, что въ народномъ продовольствіи, по свѣдѣніямъ о посѣвахъ за 1859 годъ, должны обнаружиться: недостатокъ озимаго на 9,380,199 четвертей, избытокъ яроваго на 6,049,669 и избытокъ картофеля на 1,100,335

Обращаясь за тѣмъ къ частнымъ свѣдѣніямъ по этому предмету, мы находимъ, что, сообразно съ общимъ числомъ, самый большой недостатокъ въ озимыхъ посѣвахъ долженъ былъ обнаружиться по губерніи Воронежской, гдѣ онъ представлялъ — 877,100 четвертей, за тѣмъ самый меньшій недостатокъ этого рода былъ по губерніи Олонецкой, гдѣ онъ простирался только до 515 четвертей. За тѣмъ самый значительный сборъ по озимымъ оказывался въ губерніи Воронежской, гдѣ онъ, по приблизному расчету съ числомъ жителей, представлялъ излишекъ на 282,190 четвертей. Изъ этихъ цифръ, (конечно, ссылаясь на относительную ихъ вѣрность) надобно, придти къ заключенію о рѣзкой неравномѣрности способовъ народнаго продовольствія относительно народонаселенія по губерніямъ Европейской Россіи.

Впрочемъ, приведенная нами неравномѣрность по озимымъ посѣвамъ уравновѣшивалась, до нѣкоторой степени, другими полевыми сборами, какъ напр., въ Воронежской губерніи, гдѣ, какъ мы видѣли, оказывался наибольшій недостатокъ въ озимомъ хлѣбѣ по сбору 1859 года, въ то же время открывался избытокъ яроваго, гдѣ сборъ послѣдняго представлялъ — 646,699 четвертей, а также и картофеля, который, по исчисленію таблицы, былъ тамъ въ излишкѣ на 7,202 четверти. Но за то нѣкоторыя губерніи представляли большой недостатокъ по всѣмъ способамъ продовольствія; такъ, напримѣръ, по губерніи Калужской открывался недостатокъ озимаго на 626,252 четверти, яроваго на 129,440 четвертей, картофеля на 122,597 четвертей. Еще ббльшій недостатокъ въ отношеніи яроваго, но не вообще всѣхъ полевыхъ сборовъ, представляла губернія Саратовская: тамъ, сообразно въ числомъ ревизскаго населенія, не доставало 2,472,550 четвертей яроваго.

Сравнительно со всѣми губерніями, ббльшій избытокъ по сбору картофеля представляла губернія Минская, гдѣ сборъ картофеля, въ 1859 году, достигалъ 352,026 четвертей.

Вѣдомость или таблица, которою мы руководствуемся въ на-

стоящемъ случай, представляетъ еще слѣдующія общія свѣдѣнія о посѣвѣ и урожаѣ хлѣбовъ за 1859 годъ.

Въ этотъ годъ посѣяно было, на приведенное прежде число ревизскихъ и обоего пола душъ: озимаго: 14,629,114, яроваго 21,623,983, картофеля 3,665,614; изъ этого общаго количества самая большая доля приходилась: по озимому—на губернію Смоленскую (703,319 ч.) по яровому—на Тульскую (1,446,757 ч.), по картофелю—на Минскую (278,001 ч.). Самыя же меньшія цифры въ отношеніи посѣва представляла, по всѣмъ родамъ посѣвовъ, губернія Архангельская (143 ч.).

Что же касается сбора, то онъ представлялъ слѣдующіе размѣры: озимаго 41,848,748 четв., яроваго 58,306,817 четвер., картофеля 14,819,280 четв., сѣна 426,717,010 пудовъ. Распределение цифръ сбора по губерніямъ въ отдѣльности представляло близкую послѣдовательность съ цифрой посѣва по каждой; такъ, наибольшій сборъ озимаго былъ по губерніи Смоленской (1,822,318 четв.), яроваго по Тульской (5,256,222 четв.), и наконецъ картофеля по Минской 1,189,215 четвертей. Что же касается сбора сѣна, то перевѣсъ въ этомъ отношеніи оставался за губернію Тамбовской, въ которой собрано было сѣна въ 1859 году 33,804,094 пуда. За тѣмъ избыткомъ въ этомъ отношеніи отличались губерніи Псковская и Черниговская.

Общая степень урожая опредѣлена въ вѣдомости для озимаго оамъ $2\frac{1}{2}$, яроваго то же и картофеля 4; самый лучшій урожай озимаго $6\frac{1}{2}$ былъ по губерніи Курляндской, яроваго $7\frac{1}{2}$ для губерніи Архангельской и наконецъ картофеля $17\frac{3}{4}$ для губерніи Астраханской.

Обойдя въ подробностяхъ сдѣланныя въ таблицахъ исчисленія о томъ, сколько необходимо по каждой губерніи въ отдѣльности на посѣвы, продовольствіе, винокуреніе и другія потребности, скажемъ только, что на продовольствіе приведеннаго числа душъ ревизскихъ и обоего пола, вѣдомость полагаетъ озимаго 31,071,839 четв., яроваго 25,477,990 и картофеля 8,298,293 четверти. Что же касается винокуренія и другихъ надобностей, то въ таблицѣ по этому предмету мы встрѣчаемъ слѣдующія цифры: озимаго 5,588,584 четверти, яроваго 5,195,102 четверти и картофеля 1,889,130 четвертей.

Весьма важнымъ вопросомъ, какъ при избыткѣ, такъ въ особенностяхъ при недостаткѣ средствъ къ народному продовольствію, является вопросъ о справочныхъ цѣнахъ—въ дѣлѣ подрядовъ и

вообще казеннаго продовольствія, и вопросъ о торговыхъ цѣнахъ — въ дѣлѣ общаго продовольствія. «Приложенія» знакомятъ насъ со свѣдѣніями этого рода. Изъ сравненій, сдѣланныхъ нами по таблицѣ подь № 8, мы узнаемъ нѣсколько данныхъ, относящихся къ этому предмету. Такъ, самыя высокія справочныя цѣны на рожь были по губерніи Лифляндской, четверть ржи тамъ стоила 6 руб. 31 коп., самыя низшія по губерніи Оренбургской 2 руб. 48 коп. Крайности по возвышенію и пониженію справочныхъ цѣнъ по овсу оставались за тѣми же губерніями. Высшая справочная цѣна на овесъ была по губерніи Лифляндской 4 руб. 30 коп. за четверть и низшая по Оренбургской, гдѣ цифра этого рода не достигала 1 руб. 40 коп., справочная цѣна на сѣно представляла подобную же неравномѣрность; такъ пудъ сѣна, на основаніи этихъ цѣнъ, стоилъ въ губерніи Тамбовской только 8 коп., между тѣмъ какъ въ губерніи Курляндской это же количество сѣна, по справочнымъ цѣнамъ, стоило 43 коп., слѣдовательно почти въ шесть разъ дороже.

Торговья цѣны представляютъ, конечно, въ общежитіи большую важность, нежели цѣны справочныя, тѣмъ болѣе, что на основаніи первыхъ должны устанавливаться послѣднія. Всюду торговья цѣны были ниже справочныхъ, но разница въ этомъ случаѣ была не болѣе какъ отъ 2 до 8 коп.; только въ одной Смоленской губерніи справочныя цѣны на рожь сравнительно съ торговыми представляли слишкомъ значительную разницу, именно—торговья цѣны на рожь въ этой губерніи были ниже справочныхъ на 46 коп. Высшія торговья цѣны въ теченіе 1859 г. на рожь, овесъ были въ губерніи Лифляндской, низшія—въ губерніи Оренбургской. Особенную разность представляли торговья цѣны на сѣно: тогда какъ пудъ сѣна стоилъ въ Оренбургской губерніи только 9 коп., цѣнность его въ Курляндской губерніи поднималась до 43 коп.

Значительнымъ подкрѣпленіемъ и обезпеченіемъ въ бытѣ народнаго продовольствія служатъ особыя хлѣбныя магазины и денежныя капиталы, имѣющіеся въ нѣкоторыхъ городахъ и селеніяхъ. Изъ таблицы подь № 9 между прочимъ видно, что къ 1860 году было: капитала принадлежащаго къ хлѣбнымъ магазинамъ 382,130 руб., 29½ коп., и хлѣба 43,559 четвертей. Впрочемъ, нельзя не сказать, что наличность хлѣбныхъ запасовъ очень часто подлежитъ сомнѣнію, несмотря на вою бдитель-

ность и на всё ревизии со стороны мѣстныхъ властей. Въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ, предлагался особый упрощенный способъ для повѣрки хлѣбныхъ запасовъ, хранящихся въ магазинахъ. Такъ какъ подробная повѣрка въ этихъ случаяхъ не только требуетъ много времени, но и представляетъ бездну хлопотъ, даже для людей самыхъ опытныхъ въ ревизіяхъ подобнаго рода, то изобрѣтеніе подобнаго надежнаго способа было бы полезно въ хозяйственно - административномъ отношеніи.

Отъ продовольственной части перейдемъ къ части хозяйственной. По вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, она, главнымъ образомъ, сосредоточивается въ приказахъ общественнаго призрѣнія и въ городскихъ управленіяхъ. Такъ какъ въ предыдущихъ очеркахъ мы уже имѣли случай говорить о первыхъ, то скажемъ теперь о послѣднихъ.

Въ общемъ перечнѣ городскихъ доходовъ мы встрѣчаемъ двѣ главныя статьи: доходы обыкновенные и доходы чрезвычайные. Изъ нихъ первые состоятъ: а) изъ сбора городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей, б) изъ сборовъ съ промышленниковъ, в) изъ налоговъ косвенныхъ, г) изъ доходовъ вспомогательныхъ и д) изъ доходовъ мелочныхъ или случайныхъ. Что же касается доходовъ чрезвычайныхъ то къ разряду ихъ принадлежатъ: отпуски: а) изъ казны, б) изъ страховаго сбора, в) изъ городскихъ капиталовъ, г) изъ недоимокъ, и д) изъ разныхъ источниковъ. Было бы очень долго знакомить нашихъ читателей съ подробностями, находящимися въ таблицѣ, составленной по этому предмету, но, вѣроятно, они не посѣтуютъ на насъ за то, что мы стараемся знакомить ихъ въ общихъ очеркахъ съ нашимъ административно-хозяйственнымъ бытомъ. Обыкновенно свѣдѣнія по этой части рѣдко являются въ печати, и кромѣ того, преимущественно, они бывають достояніемъ официальныхъ журналовъ, которыя, не смотря на достоинства нѣкоторыхъ изъ нихъ, весьма мало знакомы публикѣ. Посвящая наши очерки обзору современной русской жизни, мы ставимъ вопросы объ административномъ хозяйствѣ на одинъ изъ первыхъ плановъ и потому считаемъ не излишнимъ помѣстить ихъ, по возможности на страницахъ нашихъ очерковъ.

Говоря о городскомъ хозяйствѣ, нельзя не замѣтить, что предметъ этотъ не можетъ быть разработанъ съ полною точностью, по тому самому, что нѣтъ еще возможности составить

съ юридическою достовѣрностію полный списокъ войскъ городскихъ поселеній, находящихся въ Россіи.

Вотъ какъ въ 1858 году, по поводу этого вопроса, отзывался центральный статистическій комитетъ въ изданныхъ имъ «Статистическихъ таблицахъ Россійской Имперіи.»

«У насъ не существуетъ еще полныхъ официальныхъ списковъ ни городскихъ, ни сельскихъ поселеній. Списокъ городскихъ поселеній не можетъ быть составленъ вполне вѣрно, безъ предварительнаго, точнаго опредѣленія юридическаго права каждаго такого поселенія на носимое имъ наименованіе города, посада и мѣстечка, такъ какъ это право даруется правительствомъ. Относительно городовъ губернскихъ, областныхъ уѣздныхъ и окружныхъ такое право не подлежитъ сомнѣнію, но въ числѣ городовъ безъуѣздныхъ, заштатныхъ есть такіе, которые дѣйствительно имѣли прежде это право, но которые позже утратили его, вслѣдствіе перемѣны мѣстныхъ обстоятельствъ и, мало по малу, перешли въ посады, мѣстечки и даже въ незначительныя поселенія, хотя иногда право это и не было отмѣнено формальнымъ узаконеніемъ».

При такой неопредѣлнности юридическихъ правъ городовъ, народъ нашъ по своему различаетъ городъ отъ сельскаго поселенія. Городами онъ считаетъ такіе мѣстечки и посады у которыхъ есть гербы. Это геральдическое воззрѣніе нашего простонародья, быть можетъ, подмѣченное весьма не многими, выражается, какъ мнѣ случалось слышать, въ слѣдующей фразѣ: «значитъ что это городъ, а не село, когда у него есть своя «держава», т. е., гербъ. Не знаю обратили ли вниманіе изслѣдователи народнаго нашего быта на геральдическія понятія русскаго народа, но во всякомъ случаѣ присутствіе ихъ до нѣкоторой степени довольно-замѣтно отзывается въ подобномъ опредѣленіи населеннаго мѣста на право считаться городомъ».

Что же касается административнаго счета городовъ, то по «Статистическимъ таблицамъ Россійской имперіи» ихъ считалось въ общей сложности 547 городовъ. Въ числѣ ихъ было въ европейскихъ губерніяхъ и областяхъ: губернскихъ и областныхъ 49, уѣздныхъ и окружныхъ 484, въ кавказскомъ намѣстничествѣ губернскихъ и областныхъ городовъ было 7, уѣздныхъ и окружныхъ 26, и наконецъ, въ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ было: первыхъ 8, а вторыхъ 37. При этомъ надобно замѣтить, что хотя въ Сибири существуетъ 9 губерній и обла-

стей, но что тамъ находится всего только 8 губернскихъ городовъ, потому что въ области сибирскихъ киргизовъ нѣтъ городовъ и областное управленіе находится въ Омскѣ Тобольской губерніи.

Въ вѣдомости же находящейся въ «Приложеніяхъ», за исключеніемъ кавказскаго намѣстничества, т. е., за исключеніемъ 33 городовъ по списку 1856 года, означено 630 городовъ, такъ что въ этомъ случаѣ оказывался значительный излишекъ городовъ между свѣдѣніями 1856 и 1859 годовъ. Этотъ излишекъ въ числѣ русскихъ городовъ объясняется тѣмъ, что въ росписи городовъ, составленной для опредѣленія ихъ расходовъ и доходовъ, введено много такихъ поселеній, которыя принадлежать къ заштатнымъ и уѣзднымъ городамъ и даже къ мѣстечкамъ. Такіе сомнительные города находятся преимущественно въ губерніяхъ западнаго края. Тамъ, въ періодъ польскаго правительства, дѣйствительно дарованы были многимъ незначительнымъ поселеніямъ права городовъ, одновременно и въ разныхъ формахъ; но для иныхъ они удерживаются только по мѣстному обычаю или по преданію, но не по праву, подтвержденному русскимъ правительствомъ. Такъ, напримѣръ, въ одной Гродненской губерніи существуютъ, на подобномъ положеніи, слѣдующіе города: Дрогичинъ, Гоніондзъ, Брянскъ, Яновъ, Клещель, Книшинъ, Одельскъ, Васильковъ, Кузница, Наревъ, Домбровъ, Мельникъ, Суражъ, Суховоль, Корицынъ, Новодворъ. Города эти населены почти исключительно евреями, и, чтобъ дать понятіе о степени ихъ благоустройства, надобно сказать, что, напримѣръ, Домбровъ имѣетъ 34 руб. 39 коп., Кузница 13 руб. 80 коп. и наконецъ Новодворъ только 10 руб. 10 коп. городского дохода по смѣтнымъ исчисленіямъ за 1859 годъ.

Что же касается вообще послѣдне-напечатанныхъ росписей городскихъ доходовъ и расходовъ по смѣтнымъ исчисленіямъ за 1859 годъ, то замѣтимъ, что въ общей сложности сборъ съ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей простирался до 2,573,987 руб. 36¹/₄ коп., сборъ съ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ доходилъ до 1,994,684 р. 98¹/₄ коп., сборъ съ промышленниковъ до 1,780,312 р. 85¹/₂ коп., сумма налоговъ косвенныхъ опредѣлялась 991,801 р. 95¹/₂ коп., доходовъ вспомогательныхъ считалось 571,111 р. 29³/₄ коп., доходы мелочные и случайные полагались въ 218,884 р. 57 коп., такъ что об-

Этот обыкновенных городских доходов простирался въ 1859 году до 8,130,783 р. 2¼ копѣйки.

Доходы же городовъ чрезвычайные представляли слѣдующіе размѣры: отпускъ изъ казны 170,754 р. 97 коп., изъ земскихъ сборовъ 125,254 р. 53½ коп., изъ страхового сбора 110,193 р. 18¾ коп., изъ городскихъ капиталовъ 1,966,781 р. 18¼ к., изъ недоимокъ 788,248 р. 81 к., и наконецъ отпускъ изъ другихъ источниковъ простирался до 799,984 р. 94 коп., такъ что всѣ чрезвычайные доходы городовъ простирались до 3,961,216 р. 92½ коп. За тѣмъ общая сумма городскихъ доходовъ на 1859 годъ равнялась 12,091,999 р. 94¾ к. По приведеннымъ цифрамъ читатели сами могутъ судить о важности для городского хозяйства каждой статьи дохода въ отдѣльности.

Переходя затѣмъ къ расходамъ, скажемъ, что они раздѣляются на расходы текущіе и расходы одновременные. По 630 русскимъ городамъ всѣхъ разрядовъ, за исключеніемъ находящихся въ кавказскомъ намѣстничествѣ, общая сумма доходовъ простиралась до 11,779,892 р. 29¾ к., изъ нихъ было расходовъ текущихъ 8,826,325 р. 86¾ коп., и одновременныхъ 2,953,566 р. 42½ к.

Главной статьей въ росписи текущихъ городскихъ расходовъ было содержаніе мѣстъ и лицъ городского управленія; оно требовало 3,870;331 р. 40¼ к., за этой статьей слѣдовали издержки на наружное благоустройство городовъ 1,308,233 р. 63½ коп., затѣмъ содержаніе благотворительныхъ и другихъ общественныхъ заведеній, требовавшее 1,075,169 р. 24 к. Далѣе шли: выдача военнымъ чинамъ квартирныхъ денегъ и другія издержки по военной части, въ количествѣ 817,537 р. 12½ к., потомъ уплата долговъ, на которую отпущено 763,112 руб. 90 коп., и наконецъ содержаніе городскихъ имуществъ и наемъ отъ города помѣщеній; на этотъ предметъ шло въ расходъ 732,668 р. 72¾ к. Въ статьяхъ расходовъ одновременныхъ представлялись слѣдующія цифры: на городское управленіе 332,360 р. 46¾ к., на строительную часть 1,308,022 р. 27½ коп., и наконецъ на другія городскія надобности 1,313,183 р. 68¼ копѣйки.

Сравнивая между собою цифры городскихъ расходовъ съ городскими доходами, мы находимъ, что, въ отдѣльности по какому городу, въ большей части городовъ, расходы превышаютъ доходы, но что тѣмъ не менѣе въ общей росписи не только

сохраняется балансъ между расходами и доходами, но даже послѣдніе превышаютъ первые.

Весьма важную статью въ бытѣ городского хозяйства представляютъ городскіе капиталы, недоимки и долги; къ этимъ хозяйственнымъ статьямъ нужно еще прибавить и невыполненные расходы за извѣстный годъ, что составляетъ иногда или экономию или, напротивъ, бываетъ предвѣстіемъ усиленныхъ расходовъ на будущее время, — то вслѣдствіе дополнительныхъ смѣтъ, то вслѣдствіе увеличившейся цѣны на работы и материалы. Въ томъ году, о которомъ идетъ теперь рѣчь, города, посады и мѣстечки считали, въ общей сложности, капиталовъ: неприкосновенныхъ 4,599,782 р. 19¹/₂ к., запасныхъ 8,246,171 р. 42 коп., что составляло въ общей сложности 12,845,933 руб. 61¹/₄ коп.; недоимка по городскимъ сборамъ простиралась до 3,391,793 р. 96³/₄ к., долги на городахъ составляли сумму 4,531,043 р. 56¹/₄ коп., а невыполненные расходы за 1859 г. были въ количествѣ: 881,864 р. 26¹/₂ коп.

Изъ этого общаго перечня цифръ мы видимъ, что по городскому хозяйству и здѣсь является перевѣсъ денежныхъ средствъ надъ потребностями и притомъ весьма значительный, а именно, слишкомъ 7,000,000 р. остается въ общей кассѣ городовъ за выплатою ихъ долговъ, даже безъ взысканія недоимокъ. Но въ этомъ случаѣ неудобство финансовыхъ оборотовъ по городскому хозяйству заключается въ томъ, что капиталы и долги распределяются по городамъ весьма неравномѣрно, такъ что большая часть городовъ, — при общемъ бюджетѣ, въ которомъ денежный запасъ далеко покрываетъ долги, — находится въ затруднительномъ положеніи. При томъ и смѣты расходовъ дѣлаются съ большою ограниченностію и часто съ отказомъ въ томъ, что бываетъ необходимо для города. Какъ, напримѣръ, въ неравномѣрности прихода и расхода въ отдѣльности по городамъ, можно указать на Москву, которая имѣла только 768,704 р. 90¹/₄ к. запаснаго капитала, между тѣмъ какъ городской ея долгъ простирается слишкомъ на половину этой суммы, состоя изъ 339,075 р. 11³/₄ к.

Суммы ярмарочныхъ оборотовъ считаются одними изъ важныхъ данныхъ для опредѣленія дѣятельности по внутренней торговлѣ Россіи. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, которыми мы теперь руководствуемся, привозъ на ярмарки по всѣмъ губерніямъ (за исключеніемъ входящихъ въ составъ кавказскаго намѣстничества и Оренбургской, о которой не было доставлено свѣдѣній)

простирался до 336,344,128 руб. 97 коп., изъ этой общей стоимости товаровъ продано было на 235,975,312 руб. 51 коп. Въсѣяярмарокъ въ Россіи, за указаннымъ выше исключеніемъ, считается 4,988. Самое большое число ярмарокъ (444) бываетъ въ губерніи Харьковской, самое меньшее (10) въ губерніи Владимирской. Значительнѣйшіе ярмарочные обороты представлялись въ ярмаркахъ губерній: Нижегородской, Пермской, Полтавской и Харьковской. На 42 ярмарки первой губерніи привезено было товару на 103,925,128 руб. 55 коп., продано на 96,651,192 руб. 35 коп., на 112 ярмаркахъ губерніи Пермской было товаровъ: въ привозѣ на 50,565,628 руб., въ продажѣ на 45,395,295 руб., на 390 ярмаркахъ губерніи Полтавской первая статья опредѣлялась въ 40,541,414 руб. и вторая въ 25,080,407 руб.; а на 444 ярмаркахъ Харьковской губерніи стоимость привезенныхъ товаровъ была показана на 33,735,990 руб., и стоимость распроданныхъ на 15,720,758 рублей.

Обороты ярмарокъ распределяются чрезвычайно неравнообразно по каждой изъ нихъ; чтобы показать этому примѣръ, упомянемъ, что изъ общаго числа приведенной прежде стоимости товаровъ по ярмаркамъ Нижегородской губерніи, собственно на Нижегородскую ярмарку приходилось 103,360,000 руб., такъ что за тѣмъ цѣнность привоза по остальнымъ 41 ярмаркѣ той же губерніи представляла только 565,128 руб.; изъ чего выходитъ, что, круглымъ числомъ, на каждую изъ нихъ приходилось по привозу товаровъ только 11,344 рубля.

Важнѣйшія изъ русскихъ ярмарокъ послѣ Нижегородской и Ирбитской—конныя ярмарки въ Полтавѣ и крещенская въ Харьковѣ.

Въ предыдущихъ нашихъ «Очеркахъ» мы, руководствуясь «Извлеченіемъ изъ Отчета», сообщали въ достаточной подробности свѣдѣнія о денежныхъ оборотахъ приказовъ общественнаго призрѣнія и потому мы считаемъ возможнымъ миновать таблицы, находящіяся въ «Приложеніямъ» и представляющія разныя частности по этому предмету; то же мы можемъ сказать и о вѣдомостяхъ, относящихся къ числу открытыхъ преступниковъ по ихъ званіямъ, а также и о вѣдомости касательно числа бѣглыхъ и бродягъ. Что же касается общаго числа арестантовъ, которое, какъ мы замѣтили, не было сообщено въ «Извлеченіи», и которое показано въ «Приложеніяхъ», то скажемъ, что число всѣхъ арестантовъ по губерніямъ Европейской и Азіатской Россіи, за

исключеніемъ губерній, образующихъ Кавказское намѣстничество, было слѣдующее: къ 1 января 1859 года оставалось въ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства 23,822 человекъ; въ теченіе года поступило непосредственно 66,494 арестанта, такъ что общее число арестантовъ, бывшихъ въ 1859 году простиралось до 90,316 человекъ; изъ нихъ къ 1 января 1860 года осталось 24,555 человекъ. Впрочемъ, число лицъ, бывшихъ въ мѣстахъ заключенія на краткіе сроки, безъ всякаго сомнѣнія, далеко превышаетъ показанное число, составленное только изъ такихъ арестантовъ, которые были заключены съ производствомъ объ нихъ слѣдственныхъ или уголовныхъ дѣлъ, между тѣмъ какъ полицейскіе аресты не входили въ это число, — потому, что по С.-Петербургской губерніи общее число арестантовъ значится за 1859 годъ только 635, тогда какъ изъ книжки г. Карновича «С. Петербургъ въ статистическомъ отношеніи» видно, что въ одномъ Петербургѣ бываетъ арестантовъ круглымъ числомъ въ годъ до 40,000, не считая при этомъ арестантовъ военнаго и морскаго вѣдомства.

Врачебная часть въ «Приложеніяхъ» представляетъ нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній противъ свѣдѣній, почерпнутыхъ нами въ «Извлеченіи изъ Отчета». Такъ между прочимъ мы узнаемъ изъ «Приложеній» о разсмотрѣніи въ медицинскомъ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ отчета доктора Овсянникова касательно причинъ бышности бѣлуги, а также зарожденія и развитія рыбьяго ада, отъ котораго такъ часто и притомъ иногда вдругъ въ большомъ числѣ умираютъ люди недостаточнаго класса.

Кромѣ того, совѣтъ далъ мнѣнія: о степени заразительности проказы, о необходимости прививанія предохранительной оспы всѣмъ рекрутамъ на мѣстѣ ихъ приѣма, о важности и пользѣ учрежденія въ имперіи заведеній для прививанія коровамъ человѣческой оспы, а также объ измѣненіи проекта правилъ врачебно-полицейскаго комитета.

Изъ другихъ распоряженій медицинскаго совѣта въ отчетномъ году укажемъ на дозволеніе врачу Нешпоркевичу открыть амбулаторную лечебницу для сражающихся зубною болью. Отмѣнены были совѣтомъ ходатайства князя Долгорукова, нѣкогда извѣстнаго магнитизера, о разрѣшеніи открыть въ Петербургѣ месмеро-гармоническое лечебное заведеніе. Очень жаль, что мы не можемъ объяснить нашимъ читателямъ ни цѣли этого

загадочнаго заведенія, ни тѣхъ врачебныхъ способовъ, которые предполагалъ употреблять въ немъ князь Долгоруковъ. Такое же опредѣленіе сдѣлалъ совѣтъ и по поводу просьбы врача Вейтко, желавшаго открыть заведеніе для леченія животнымъ магнетизмомъ.

Отклоняя употребленіе этихъ таинственныхъ силъ природы, медицинскій совѣтъ не отвергалъ другихъ наглядныхъ способовъ леченія и дозволилъ портному Корженевскому, безъ представленія имъ права на медицинское званіе, заниматься леченіемъ больныхъ корсетами и обувью, по примѣненію имъ ортопедическому способу, какъ оправданному много разъ опытомъ. Впрочемъ, разрѣшеніе это было дано съ тѣмъ условіемъ, чтобы Корженевскій употреблялъ въ дѣло корсеты и другіе придуманные имъ аппараты не иначе, какъ подъ надзоромъ и отвѣтственностію врачей.

По предложеніямъ касательно употребленія секретныхъ врачебныхъ средствъ и новыхъ способовъ леченія, также по просьбамъ разныхъ лицъ о дозволеніи имъ готовить и продавать такого рода средства, равно и о предоставленіи имъ самимъ права заниматься леченіемъ болѣзней — состоялись постановленія медицинскаго совѣта. Изъ предложенныхъ средствъ и способовъ леченія одобрено весьма не много, а между ними кровоостанавливающая жидкость Лешеля и средство доктора Шмидта противъ нѣкоторыхъ болѣзней жвачкаго организма.

Кромѣ того, въ кругъ занятій медицинскаго совѣта входили: составленіе проекта новой аптекарской таксы и постановленіе правилъ касательно оцѣнки лекарствъ, отпускаемыхъ въ большомъ количествѣ и опредѣленіе способа приготовленія составныхъ лекарствъ. Надобно замѣтить, что въ послѣднее время вопросъ объ аптекарской таксѣ явился въ числѣ вопросовъ, которыми занималась наша обличительная литература. Аптекарей обвиняли въ слишкомъ дорогой продажѣ лекарствъ, дѣлая примѣрные расчеты получаемыхъ ими выгодъ. Въ свою очередь аптекари, и иногда весьма основательно, возставали противъ нѣкоторыхъ нападковъ, оправдываясь то высокою стоимостью нѣкоторыхъ лекарственныхъ снадобій, но разнымъ причинамъ, — а между ними и въ силу тарифа, — то скорою иорчею аптечныхъ запасовъ, — такъ какъ аптекарю нужно имѣть ихъ самое разнородное множество, а между тѣмъ нѣтъ никакой возможности узнать размѣръ расхода. Наконецъ нѣкоторые изъ диспутантовъ въ пользу апте-

карской нижней осмыслены на особые издержки аптекарей по части ярлыковъ, оберточныхъ бумажекъ, коробочекъ, найма гезелей, также помѣщенія и издержекъ на освѣщеніе. О какихъ нибудь особенныхъ расходахъ, несомыхъ аптекарни, никто, сколько помнится, печатно не сѣтовалъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, какой нибудь Францъ Готлибовичъ, въ особенности проживающій въ какомъ нибудь уездномъ городѣ, вздыхаетъ о тратахъ, содержимыхъ имъ, говоря востически, водъ болѣе или менѣе прозрачнымъ покровомъ тайны. Вообще же обличительная часть нашей литературы не пришла къ окончательнымъ результатамъ по вопросамъ не только о законной стоимости лекарствъ, откупаемыхъ изъ аптекъ, но и не разработала даже теорію аптекарской таксы. Между тѣмъ нельзя отвергнуть, что на дороговизну латинской кухни слышится довольно-частый ропотъ, особенно между людьми, питавшимися, къ несчастію, долгое время ея издѣліями изъ своихъ послѣднихъ крохъ; и потому нельзя не благодарить медицинское начальство за составленіе новой аптекарской таксы. Безъ всякаго сомнѣнія, она будетъ составлена въ степени безобидной для продавцовъ и неотяготительной для потребителей. Лекарство—не прихоть, а потребность горькая, иногда не только для вкуса, но и для кармана.

Изъ «Приложеній» видно о сдѣланномъ распоряженіи касательно воспрещенія ремесленникамъ прибавлять оцинкъ въ самовары, и другія издѣлія. Кромѣ того, медицинскій совѣтъ далъ отзывъ (какой—изъ имѣющихся у насъ подъ рукою матеріаловъ не видно), о достоинствѣ изобрѣтенной мѣшаниномъ Шеймранкиномъ особой композиціи для больничной посуды, подъ названіемъ «московское серебро».

За тѣмъ намъ остается сказать еще о двухъ таблицахъ. Одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ числовыя данныя о количествѣ дворянскихъ имѣній, другая—о дѣлопроизводствѣ въ губерніяхъ не присутственнымъ мѣстамъ, подвѣдомственныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Изъ первой мы узнаемъ, что дворянскихъ имѣній (за исключеніемъ губерній Сибирскихъ и составляющихъ Кавказское намѣстничество) не находится въ одной только губерніи Европейской Россіи, а именно въ Архангельской, и что за тѣмъ, кромѣ упомянутыхъ губерній, а также губерній Могилевской и Оренбургской (по которымъ не было доставлено свидѣній) число дворянскихъ имѣній простирается до 107,314.

Самое большое число дворянскихъ имѣній, 7412, приходилось

на Полтавскую губернію, наименьшее, 29, на губернію Астраханскую. Изъ общаго числа имѣній было заложено и перезаложено 44,603, большая доля имѣній, состоящихъ подъ этимъ условіемъ, приходилось на Тверскую губернію; тамъ ихъ было 2,555. Относительное же большинство заложенныхъ и перезаложенныхъ дворянскихъ имѣній передъ незаложенными было по губерніи Курляндской, гдѣ всѣ 521 дворянскія имѣнія безъ исключенія были заложены и перезаложены. Мы не знаемъ слѣдуетъ ли думать, что подобное состояніе имѣній курляндскихъ помѣщиковъ служитъ выраженіемъ запутанности ихъ дѣлъ. Приходить къ подобному заключенію едва ли было бы справедливо, такъ какъ по Курляндской губерніи изъ общаго числа всѣхъ заложенныхъ дворянскихъ имѣній ни одно, въ теченіе 1859 года, не только не было продано съ публичнаго торга, но даже не было подвергнуто описи и опеки за долги и за неплатежъ процентовъ. Мы полагаемъ, что фактъ этотъ заставляетъ думать, что имѣнія курляндскихъ помѣщиковъ подверглись заложу съ хозяйственной только цѣлью.

Совсѣмъ другое представляютъ иныя губерніи, такъ напри- мѣръ въ Тульской губерніи изъ 3848 имѣній 3,071 состояли въ заложѣ и изъ послѣдняго числа 530 было подвергнуто въ теченіе года описи и опеки, хотя, впрочемъ, продано было съ публичнаго торга, въ продолженіе того же промежутка времени, только 5 имѣній. Вообще же наибольшія продажи движимыхъ имѣній подобнымъ способомъ были произведены въ Смоленской губерніи; тамъ, въ отчетномъ году, продано было съ публичныхъ торговъ 97 дворянскихъ имѣній. Общее же число имѣній, подвергнутыхъ въ продолженіе этого времени описи и опеки было 6223; изъ этого общаго числа продано съ публичныхъ торговъ 115 имѣній.

Дялопроизводство по тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, о которыхъ мы упомянули выше, представляло большое развитіе. Въ этихъ мѣстахъ оставалось къ 1859 году нерѣшонныхъ дѣлъ 244,641, къ нимъ въ теченіе года поступило 1,069,151 новое дѣло,—такъ что общее число дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ по губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, простиралось въ 1859 году до 1,413,792; изъ нихъ, въ теченіе отчетнаго года, было рѣшено 1,081,164 дѣла, такъ что къ слѣдующему году осталось нерѣшонныхъ дѣлъ 332,628. Такъ какъ объемы рѣшонныхъ дѣлъ не могутъ быть

извѣстны, то, собственно судя по этимъ только цифрамъ, надобно бы было заключить, что ходъ дѣлопроизводства въ 1859 былъ усильнѣе чѣмъ въ предыдущемъ году.

Число бумагъ, не смотря на всѣ старанія правительства о сокращеніи переписки, представляло громадные размѣры. Къ 490,167 бумагамъ, остававшимся неисполненными къ 1859 году, прибавилось, въ теченіе этого года, 13,455,042 бумаги, такъ что общее число бумагъ, обращавшихся въ томъ году по упомянутымъ мѣстамъ, простиралось до 13,945,209. Изъ этого общаго числа исполнено было 13,514,451 бумага, такъ что къ слѣдующему году осталось неисполненныхъ бумагъ 430,758. Исходящихъ номеровъ было 16,737,875.

При неравномѣрномъ распредѣленіи количества дѣлъ и бумагъ по губерніямъ и, кромѣ того, по непропорціональности ихъ съ числомъ жителей, находящихся въ губерніи, вѣдомость, изъ которой мы заимствовали приведенныя данныя, наводитъ на множество мыслей и думъ каждаго, знакомаго со способомъ вершенія дѣлъ въ разныхъ судебныхъ и полицейскихъ инстанціяхъ. Добавимъ къ этому, что хотя министерство внутреннихъ дѣлъ весьма обширно и что дѣла, производящіяся въ немъ, весьма разнообразны, а не рѣдко и чрезвычайно запутаны, но что едва-ли дѣлопроизводство по другимъ вѣдомствамъ, наиримѣръ по министерству государственныхъ имуществъ и министерству финансовъ, особенно въ окружныхъ инстанціяхъ перваго и въ губернскихъ мѣстахъ послѣдняго, менѣе того, о которомъ мы сейчасъ говорили; а эта посылка даетъ приблизительное понятіе о массѣ всѣхъ, вращающихся у насъ, дѣлъ и бумагъ вообще по губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ и канцеляріямъ разныхъ управленій.

II.

Отчетъ совѣта управленія главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Замятка о журнальныхъ и газетныхъ напакахъ на правленіе общества. — Линія с.-петербурго-варшавская. — Линія къ прусской границѣ. — Линіи: московско-нижегородская, московско-еодосійская и орловско-либавская. — Постепенное открытіе участковъ. — Металлическіе мосты. — Туннели понарскій и ковенскій. — Надежды, подаваемые «отчетомъ». — Работы на коммисіонерскомъ правѣ. — Приостановка работъ на еодосійской линіи. — Затрудненія. — Общее протяженіе открытыхъ желѣзныхъ дорогъ. — Эксплуатація 1859 и 1860 годовъ. — Пассажиры, обращенные въ рубли. — Перевозка товаровъ. — Замятки о мукѣ и мануфактурныхъ товарахъ. — Перевозъ скота. — Неточныя сравненія, дѣлаемые въ отчетѣ и финансовое положеніе общества. — Акціи и облигаціи. — Нарщательный капиталъ. — Предположеніе и дѣйствія совѣта. — Финансовой кризисъ въ Европѣ. — Ходатайство передъ правительствомъ. — Проектъ покупки николаевской желѣзной дороги. — Неудача. — Предположенія объ измѣненіи устава. — Электрическіе телеграфы. — Число депешъ. — Ихъ классификація. — Общая замятка.

Въ началѣ сентября нынѣшняго года, появилась въ печати «Отчетъ совѣта управленія главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1860 годъ.» Отчетъ этотъ былъ предметомъ нѣсколькихъ газетныхъ статей, болѣе или менѣе заключавшихъ въ себѣ нападки на отчетствующее управленіе общества. Мы не беремся рѣшать въ нашихъ очеркахъ спорныхъ дѣлъ по акціонернымъ обществамъ, но не можемъ, однако, не заявить, что въ общихъ своихъ дѣйствіяхъ громадное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ не оправдало возложенныхъ на него ожиданій, по устройству сѣти желѣзныхъ путей на тѣхъ протяженіяхъ, на которыхъ это предположено было сдѣлать, и что въ будущемъ оно даетъ мало надеждъ на исполненіе взвѣреннаго ему предпріятія. Мы не можемъ также не сказать, по совѣсти, что укормы, дѣлаемые въ разныхъ журналахъ и газетахъ французскимъ шефамъ, сусефамъ, инспекторамъ и разнымъ другимъ личностямъ служебной іерархіи этого общества, за ихъ расточительность, были вполне основательны. Но если сами акціонеры не хлопотали о томъ, чтобъ сперва сдерживать мотоватыхъ распорядителей своихъ денегъ, а въ послѣдствіи о томъ, чтобы заставить безразсчетныхъ расходчиковъ вознаграждать убытки, нанесенные обществу ихъ самовольемъ, то какое же дѣло намъ, не участвующимъ ни въ интересахъ, ни въ администраціи

главнаго обществна россійскихъ желѣзныхъ дорогъ? По этому, мы оставимъ въ сторонѣ специальность обличенія и передадимъ читателямъ тѣ факты изъ «Отчета», которые должны заинтересовать публику, какъ будущую пользовательницу русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

«Отчетъ» различаетъ линіи двухъ разрядовъ, однѣ на которыхъ работы находятся въ полномъ ходу, другія, на которыхъ работы, въ силу особенныхъ обстоятельствъ, еще не начаты или приостановлены.

Къ первому разряду относятся линіи с.-петербургско-варшавская, съ вѣтвю ея къ прусской границѣ, и линіи московско-нижегородская, ко второму двѣ линіи: московско-еодосійская и орловско-либавская. Относительно первой части сѣти «Отчетъ» замѣчаетъ, что сооруженіе ея приближается къ окончанію и что успѣхъ въ постройкѣ вторыхъ будетъ зависетьъ отъ того, какой отвѣтъ получитъ общество на свое ходатайство передъ правительствомъ.

Линія с.-петербургско-варшавская идетъ на протяженіи 1045 верстъ и раздѣляется на три части: первая отъ С.-Петербурга до Динабурга, 499 верстъ, открыта для публики на 497 верстахъ, т. е., на всемъ ея протяженіи, за исключеніемъ только перехода черезъ Динабургскую крѣпость и черезъ рѣку Двину, границу этого отдѣленія. Двѣ же остальные части этой линіи, составляющія 546 верстъ, еще сооружаются.

Открытіе с.-петербургско-варшавской линіи представляло постепенность: къ 1 января 1860 года эксплуатація на варшавской линіи производилась отъ С.-Петербурга до Пскова на протяженіи 257 верстъ. 26 января того же года, когда исполнилось три года существованія общества, оно получило разрѣшеніе—открыть для публики участокъ отъ Пскова до Острова; съ этимъ участкомъ протяженіе прежде открытой линіи составило 306 верстъ. 8 ноября, 1860 года протяженіе открытаго для публики участка варшавской линіи увеличилось еще участкомъ отъ Острова до Динабурга.

Нужны были, говорить «Отчетъ» особенными усиліями, (но какіи именно—объ этомъ «Отчетъ» умалчиваетъ) для того, чтобы открыть для публики къ началу 1860 года участокъ отъ Острова до Динабурга; — на этомъ участкѣ находится 36 металлическихъ мостовъ, въ томъ числѣ два большихъ: на Двинѣ въ Динабургѣ и на р. Велікой въ Островѣ; на этомъ же участкѣ счи-

тается 26 мостовъ не болѣе 1 сажени отверстія, составленныхъ изъ уложенныхъ одинъ на другой рельсовъ. Вообще же, судя по количеству заготовленныхъ материаловъ и произведенныхъ уже работъ, можно, по словамъ «Отчета», надѣяться, что важнѣйшія изъ металлическихъ мостовъ по с.-петербургско-варшавской линіи будутъ совершенно окончены осенью нынѣшняго года.

Къ числу особенно-замѣчательныхъ сооружений по с.-петербургско-варшавской линіи принадлежатъ два туннеля—помарскій и ковенскій. Первый имѣетъ протяженіе въ 200 сажень. Это, по словамъ «Отчета», первое въ своемъ родѣ сооруженіе въ Россіи, представляющее значительныя трудности, по чрезвычайной подвижности и, такъ сказать, текучести песчанаго грунта прорываемой имъ горы. Туннель вполнѣ удовлетворительно выдержалъ суровую зиму 1860 — 1861 года. Что же касается ковенскаго туннеля, то при постройкѣ его встрѣчался грунтъ весьма опасный, состоящій изъ глины, распущенной подземными ключами.

Говоря о ходѣ работъ, оставшихся къ исполненію во время составленія «Отчета», «Отчетъ» замѣчаетъ, что, не смотря на значительность ихъ, можно надѣяться, что, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, участокъ отъ Динабурга до Вильно будетъ открытъ къ исходу текущаго года, а отъ Вильно до Варшавы къ началу будущаго. Такимъ образомъ къ этому сроку можно будетъ прямо изъ Петербурга пріѣхать въ Парижъ по желѣзной дорогѣ, что, впрочемъ, какъ сообщали газеты, уже и сбѣлалъ, въ концѣ августа или въ началѣ сентября, одинъ французскій инженеръ, но, конечно, въ настоящее время, онъ единственный въ этомъ отношеніи человѣкъ и ничто не мѣшаетъ ему гордиться этою исключительностію, если ему это угодно.

Относительно же линіи, идущей отъ Вильно къ прусской границѣ, на протяженіи 161 версты, совѣтъ общества сообщаетъ, что имъ предполагалось открыть этотъ участокъ для публики еще съ ноября прошлаго года, но что предположеніе это не могло быть исполнено, несмотря на всѣ усилія и что оно должно осуществиться съ 1 ноября настоящаго года.

Мы упоминали прежде о ковенскомъ туннелѣ; способъ сооруженія его, кромѣ техническихъ особенностей, представлялъ еще особенность и по отдачѣ его постройки подрядчику. Такой редъ подрядной отдачи, — если мы не ошибаемся, — былъ промавленъ

у насъ, въ Россіи, первый разъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, сооруженіе ковенскаго туннеля предоставлено было строителямъ механическихъ мостовъ г. Гуэну и К°. По невозможности напередъ опредѣлить въ точности количество издержекъ на сооруженіе этого туннеля, въ грунтѣ весьма разнообразномъ, работы эти отданы Гуэну и К. на коммисіонерскомъ правѣ (*regie intégrée*): подрядчики ведутъ счетъ издержкамъ, дѣйствительно произведеннымъ подъ наблюденіемъ агентовъ общества, которое уплачиваетъ эти издержки по счетамъ, съ прибавкою за комиссію по 7%, въ возмещеніе расходовъ по содержанію служащихъ лицъ, завыдающихъ работамъ, а также въ видѣ интереса на затраченный подрядчиками капиталъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что уплата комиссіи подрядчикамъ прекратится, коль скоро издержки по туннелю превзойдутъ высшій размѣръ, опредѣленный инженеромъ общества а priori, по соображенію теоретической толщины каменной кладки. Если этотъ предѣлъ будетъ достигнутъ, подрядчики обязаны будутъ возвратить обществу извѣстную часть выданной уже имъ комиссіи; напротивъ того, если сумма издержекъ будетъ менѣе упомянутаго предѣла; то четвертая часть сбереженія обратится въ пользу подрядчиковъ. Такимъ образомъ договоръ, заключенный съ г. Гуэномъ и К°, побуждаетъ ихъ производить работы по сооруженію туннеля съ соблюденіемъ строжайшей бережливости; а дабы подрядчики не могли пожертвовать быстротой сооруженія одной только экономіи въ издержкахъ, то въ договорѣ опредѣленъ съ подрядчиковъ штрафъ въ пользу общества по 250 рублей за каждый день послѣ 31 апрѣля 1861 г., окончательнаго срока для открытія туннеля.

Касательно линіи, идущей отъ Москвы до Нижняго-Новгорода, на протяженіи 409½ верстъ, считая отъ Рогожской заставы, мы встрѣчаемъ въ «Отчетѣ» слѣдующія извѣстія. На двухъ участкахъ этой линіи къ началу нынѣшняго рода работы были подвинуты въ различной степени. Участокъ отъ Москвы до Владиміра былъ открытъ для публики 14 іюня, всѣ же прочія работы по Московско-Нижегородской дорогѣ могутъ быть, по словамъ «Отчета» исполнены въ 1861 году, такъ что на слѣдующій годъ остается произвести незначительныя только додѣлки.

Къ второму разряду дорогъ, т. е. линій, остающихся къ сооруженію, принадлежатъ, какъ мы это сказали прежде, двѣ линіи: московско-еодосійская и курско или орловско-либавская. Пер-

вая линия должна имѣть самое большое протяженіе изъ всѣхъ русскихъ линій, нынѣ предположенныхъ къ сооруженію: она должна идти на разстояніи 1383 верстъ. Работы, начатыя на южной оконечности этой линіи, приостановлены съ исхода прошедшаго года; не смотря однако на эту остановку, по московско-еодосійской линіи производились дополнительныя изысканія и окончательно изготовлялся проектъ всей линіи. Еодосійская линія, раздѣленная на три отдѣленія, встрѣчаетъ почти на всемъ протяженіи перваго отдѣленія отъ Москвы до Куракина (409½ верстъ) особенныя затрудненія. По окончательному проекту, количество земляныхъ работъ въ этомъ отдѣленіи будетъ простираться свыше 2 миліоновъ квадрат. саж., что составитъ среднимъ числомъ около 5000 квадрат. саж. на версту.

Во второмъ отдѣленіи этого участка, при меньшемъ количествѣ работъ, встрѣтится, однако, затрудненіе, вслѣдствіе дальности подвозки строительныхъ матеріаловъ и въ недостаткѣ камня. Наконецъ, въ третьемъ отдѣленіи, скалистый грунтъ вдоль Днѣпра и недостатокъ мѣстныхъ способовъ какъ въ степяхъ, такъ и въ Крыму, представляютъ важныя неудобства, которыя неминуемо возвысятъ стоимость сооруженія желѣзной дороги. Эти трудности обнаружались на опытѣ, когда приступили къ сооруженію дороги въ Крыму.

Изъ «Отчета» видно, что на этой дорогѣ были уже сдѣланы рѣшительныя заготовки, а въ числѣ ихъ и заготовка перекладни на Кавказѣ, когда совѣтъ общества, въ виду финансовыхъ затрудненій, съ которыми общество продолжаетъ бороться, и въ предположеніи дать работамъ сооруженныхъ уже линій усиленный ходъ, съ обращеніемъ на нихъ всѣхъ имѣющихся способъ, а также по признанной уже въ 1860 году необходимости—просить правительство объ улучшеніи основныхъ условій по линіямъ, остающимся къ сооруженію,—приостановилъ работы еодосійской линіи на неопредѣленное время.

Что же касается постройки линіи курско или орловско-либавской, то до настоящаго времени по этой линіи производились одни изысканія. Къ этому «Отчетъ» прибавляетъ, что финансовыя соображенія, побудившія приостановить сооруженіе еодосійской линіи, еще въ большей мѣрѣ примѣняются къ линіи либавской. Слѣдовательно, добавимъ мы, сооруженіе этой линіи должно быть также отложено на неопредѣленное время и при томъ на сроки, сдаться можетъ, еще болѣе продолжитель-

ные, чѣмъ неопредѣленная отсрочка по постройкѣ осадочной линіи.

Переходя къ эксплуатаціи Главнаго Общества, «Отчетъ» замѣчаетъ, что общее протяженіе дорогъ, принадлежащихъ этому обществу и открытыхъ въ настоящее время для публики, простирается до 756 верстъ.

Въ 1860 году получено было Обществомъ за провозъ пассажировъ и товаровъ 1,325,781 руб. 23 коп., и по разнымъ статьямъ 1,075 руб., что въ общей сложности составило 1,326,856 руб. 23 коп. При этомъ сборѣ расходы эксплуатаціи простирались до 1,076,537 руб. 72³/₄ коп., затѣмъ чистый доходъ собственно отъ поѣздовъ былъ въ 249,243 руб. 50¹/₂ коп.

Изъ этихъ цифръ надобно вывести, что въ 1860 году средней валовой доходъ въ день простирался до 3622 руб. 35 к., между тѣмъ какъ въ 1859 году онъ составлялъ 2402 руб. 82 коп. такимъ образомъ доходъ, въ теченіе года, увеличился на 1219 руб. 53 коп. ежедневно.

Для дальнѣйшихъ соображеній изъ цифръ, приводимыхъ въ «Отчетѣ» мы найдемъ, что въ 1860 году валовой доходъ на версту простирался до 4,017 руб. 52 коп., тогда какъ въ 1859 году онъ составлялъ только 3,609 руб. 17 коп., слѣдовательно въ этомъ отношеніи оказалось увеличеніе на 408 руб. 85 копѣекъ.

Мы желали бы опредѣлить дѣятельность, въ 1859 и 1860 годахъ, открытыхъ для публики желѣзныхъ дорогъ по перевозкѣ пассажировъ, но признаемся, не рѣшаемся это сдѣлать, по той причинѣ, что въ той таблицѣ, которою можно бы было руководствоваться въ настоящемъ случаѣ, мы встрѣгали недоразумѣніе. На страницѣ 77 «Отчета» находится статья, озаглавленная: «Перевозка пассажировъ». Въ статью эту помѣщена таблица, и хотя въ первой ея колоннѣ и означено «число перевезенныхъ пассажировъ», однако надъ цифрами, соотвѣтствующими этому означенію, выставлены «рубли». Слѣдовательно мы не можемъ принять цифру 312,481, стоящую на указанномъ мѣстѣ, ни за число пассажировъ, какъ это надобно бы было заключать, судя по первой колоннѣ таблицы, ни за цифру дохода, какъ это надобно полагать по заголовку втораго столбца. Короче, здѣсь произошло обращеніе пассажировъ въ рубли или рублей въ пассажировъ.

Итакъ мы не можемъ опредѣлить дѣятельности желѣзныхъ дорогъ Главнаго Общества относительно числа перевезенныхъ пас-

созиромъ, но за то можемъ указать, что въ 1860 году главной перевозной статьёй были дрова; ихъ перевезено 1,709,824 пуда. Конечно, такое опредѣленіе мѣры дровъ покажется, съ непривычки, страннымъ, но вѣдь нельзя же дать точнаго понятія о количествѣ провоза, употребляя въ этомъ случаѣ, для означенія количества дровъ, общепринятую мѣру на сажени. Второй статьёю послѣ дровъ былъ, по своему размѣру, строевой лѣсъ; его перевезено въ количествѣ 966,738 пудовъ; далѣе слѣдовалъ камень 744,848 пудовъ, за нимъ—овесъ 412,870 пудовъ, и такъ далѣе. Изъ всѣхъ перевезенныхъ предметовъ меньшій размѣръ перевоза представляла мука; ея было перевезено 230,617 пудовъ, между тѣмъ какъ мануфактурныхъ издѣлій было въ перевозѣ 242,450 пудовъ. Будетъ ли всегда существовать такое отношеніе между перевозками этихъ двухъ статей сказать, конечно, нельзя; мы думаемъ однако, что оно было бы ненормально. При томъ и въ 1859 году перевозъ муки по своему количеству превyšшалъ перевозъ мануфактурныхъ издѣлій, такъ какъ первой перевезено было 221,192 пуда, а послѣднихъ только 144,325 пудовъ. Впрочемъ любопытно бы было выискнуть въ причины этихъ явленій. Что же касается перевозки скота, то въ 1859 году перевезено было 3,384 головы, тогда какъ въ слѣдующемъ году цифра эта достигала уже 13,638.

Изъ общаго количества перевозки 1860 года, 13,160,601 пуда, 6,764,066 пудовъ принадлежало частнымъ лицамъ и 6,396,535 пудовъ—обществу.

Общее число верстъ, пройденныхъ паровозами въ 1860 году было 1,180,760, болѣе противъ 1859 года 372,139 верстами.

Мы оставимъ въ сторонѣ нѣкоторую похвальбу «Отчета» насчетъ того, что, по сравненію съ иностранными желѣзными дорогами, находящимися въ *подобныхъ же условіяхъ* въ отношеніи по эксплуатаціи или поверстной выручкѣ, результаты, по линиямъ главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ оказываются удовлетворительными, и предвѣщаютъ хорошую будущность. Далѣе идутъ сравненія въ этомъ отношеніи дорогъ главнаго общества съ дорогами французскими, бельгійскими, виртембергскими, баварскими, прусскими, и дорогами сѣверной Германіи. Изъ этихъ сравненій превосходство оказывается, дѣйствительно, на сторонѣ дорогъ главнаго російскаго общества; но почему же, однако, тѣ дороги, на которыя ссылается «Отчетъ» находятся въ *подобныхъ же условіяхъ* съ дорогами

упомянутаго общества—объ этомъ «Отчетъ» не даетъ никакого отрыва, и потому, какъ намъ кажется, совершенно уничтожаетъ значеніе своихъ сравнительныхъ доводовъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что та же бесполезность подобнаго рода сравнительныхъ доказательствъ въ пользу своего дѣла встрѣчается еще и въ той части «Отчета», гдѣ приводится стоимость по постройкѣ каждой версты желѣзныхъ дорогъ главнаго общества, съ такимъ же протяженіемъ иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ, и гдѣ по тону «Отчета» надобно придти къ убѣжденію на счетъ особенной распорядительности совѣта и его особеннаго умѣнія производить постройки съ чрезвычайной выгодой для акціонеровъ. При этихъ сравненіяхъ отсутствіе указаній на время постройки иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ, приводимыхъ для примѣра, неуказаніе разности въ денежныхъ курсахъ, бывшихъ въ то время, недоговорка насчетъ уплаты процентовъ по облигаціямъ, дѣлаютъ совершенно напрасными всѣ эти сравненія. Они положительно не ведутъ ни къ какимъ заключеніямъ ни на счетъ удовлетворительности дорогъ, строящихся обществомъ, и на счетъ ихъ хорошей будущности, такъ какъ нельзя дѣлать сравненія между предметами, не представленными во всѣхъ необходимыхъ подробностяхъ, и такъ какъ, несмотря на неудобства, встрѣчаемыя, безъ всякаго сомнѣнія, исключительно только въ Россіи при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, все же родина наша представляетъ, въ то же время, для этихъ сооруженій нѣкоторыя исключительныя выгоды, которыя, безъ сомнѣнія, не найдутся за границей. Въ многихъ случаяхъ одни неудобства уравниваются другими какими-либо удобствами, о которыхъ, конечно, можно умалчивать для красоты слога или которыми дѣйствительно то не умѣютъ, то не хотятъ пользоваться.

Мы не будемъ приводить находящихся въ «Отчетѣ» свѣдѣній о числѣ паровозовъ, пассажирскихъ и товарныхъ вагоновъ, о заводахъ общества, о мастерской для заготовленія крупной мебели и лампъ. Всѣ эти частности могутъ интересовать только акціонеровъ, да и то развѣ только самыхъ кропотливыхъ и придирчивыхъ. Мы перейдемъ къ даннымъ болѣе крупнымъ, а именно къ финансовому положенію общества и къ способамъ, принятымъ у него въ виду.

Капиталъ общества образовался изъ выпущенныхъ по 31 декабря 1860 года 600,000 акцій, по 125 рублей каждая, и изъ

70,000 облигацій, по 500 рублей каждая. Первые, въ общей своей сложности, представляли капиталъ въ 75,000,000 рублей; послѣднія — въ 35,000,000 руб., что составляло въ общей сложности 110,000,000 рублей. Въ счетъ этихъ суммъ было внесено акціонерами 59,429,350 рублей и владельцами акцій 34.968,950 рублей. Такимъ образомъ въ кассу общества привлечено было, по 1 января 1861 года, капиталовъ на сумму 94,398,300 рублей, оставалось дополучить 15,601,700 рублей, что и составило бы нарицательный капиталъ акцій и облигацій на сумму 110,000,000 рублей.

Между тѣмъ еще въ юнѣ 1860 года совѣтъ общества выразилъ общему собранію акціонеровъ имѣвшуюся тогда надежду — собрать, посредствомъ выпуска облигацій, капиталъ, необходимый на удовлетвореніе первыхъ потребностей 1861 года и прежде чѣмъ требовать отъ акціонеровъ частныхъ взносовъ по акціямъ, а тѣмъ болѣе полной ихъ оплаты, совѣтъ предположилъ сдѣлать заемъ выпускомъ новыхъ облигацій; но въ этомъ случаѣ общество испытало до какой степени операциі подобнаго рода находятса въ зависимости отъ общихъ обстоятельствъ публичнаго кредита.

Очевидно было, что, въ теченіе 1860 года, когда вся Европа находилась въ тревожномъ ожиданіи будущаго, и Россія готовилась къ кореннымъ преобразованіямъ своего быта, заемъ могъ быть совершонъ только на условіяхъ весьма тягостныхъ, несоответствующихъ характеру общества, подобнаго главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ; да и при этихъ тягостныхъ условіяхъ, успѣхъ операциі, среди всеобщаго кризиса, могъ бы остаться сомнительнымъ.

При такомъ положеніи дѣла, совѣтъ общества въ ноябрѣ 1860 года потребовалъ взноса 25 рубл. на акцію, дабы имѣть возможность выждать благоприятнѣйшихъ обстоятельствъ для предположеннаго выпуска облигацій.

«Отчетъ» замѣчаетъ, что дѣйствительно обстоятельства начали, мало-по-малу, улучшаться, но что въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года улучшеніе это было еще не слишкомъ удовлетворительно для того, чтобы можно было надѣяться на успѣхъ займа. Это обстоятельство, по объясненію «Отчета», вынудило — требовать полной оплаты акцій, въ виду безотлагательныхъ потребностей предпріятія.

Послѣ этой важной мѣры, общество рѣшилось приступить къ другой операци—къ выпуску облигацій. Облигаціи новаго выпуска предполагалось продавать преимущественно за границей, а потому и нужно было дать имъ форму, наиболѣе употребительную на биржахъ западной Европы. Сообразно съ этимъ, назначена была нарицательная цѣна облигацій въ 125 руб. сер., съ присвоеніемъ имъ по 4% дохода. Облигацій этого рода предположено было выпустить въ количествѣ триста тысячъ, въ томъ числѣ на первый разъ двѣ-третьи всего количества. Правительство одобрило это предположеніе, съ ограниченіемъ, впрочемъ, числа облигацій двумястами тысячъ, а 30 декабря 1860 года разрѣшено было государственному банку производить обществу ссуды, подъ залогъ его облигацій, впредь до опредѣленія условій, на которыхъ банкъ могъ бы принять ихъ продажу, подобно тому, какъ дѣйствуетъ французскій банкъ относительно облигацій французскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Такимъ образомъ общество получило возможность распорядиться выпускомъ облигацій такъ, чтобы не уронить ихъ достоинства одновременнымъ обращеніемъ въ продажу значительной ихъ массы.

Между тѣмъ, по словамъ «Отчета», важныя перемѣны, послѣдовавшія въ общемъ положеніи дѣлъ и публичнаго кредита, непомѣрное возвышеніе заработной платы и цѣнъ на строительные матеріалы, пониженіе вексельнаго курса—радикально измѣнили всѣ расчеты, на которыхъ было основано предпріятіе общества, почему оно, въ лицѣ своего совѣта, ходатайствовало передъ правительствомъ о пересмотрѣ основныхъ условій общества, съ цѣлью согласовать ихъ съ новыми потребностями. Общество просило нѣкоторыхъ льготъ и изъ числа ихъ главнѣйшая заключалась въ продажѣ обществу, за умѣренную плату, Николаевской желѣзной дороги.

«Мы надѣялись,—говорилъ г. Абаза, предсѣдатель общества,—что пріобрѣтеніе этой важной линіи возвыситъ кредитъ нашего предпріятія на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ и обезпечитъ исполненіе основнаго капитала, необходимаго для окончанія всѣхъ уступленныхъ ему линій.—Мы,—продолжалъ г. Абаза,—вмѣстѣ съ тѣмъ полагали, что изъ всѣхъ видовъ пособій уступка Николаевской дороги обществу могла бы быть наиболѣе дѣйствительною и наименѣе для правительства тягостною. 1-го іюля 1860

года объявлено было совету г. главноуправляющимъ путями сообщенія, что Его Императорское Величество соизволилъ разрѣшить возгнать съ обществомъ въ переговоры, по предложеннымъ отъ него условіямъ, но съ обязательствомъ своевременнаго окончанія сѣти, указомъ 1857 года назначенной, и съ предоставленіемъ положительнаго въ томъ ручательства.

Между тѣмъ финансовый кризисъ, тяготѣвшій надъ всею Европою, и въ Россіи достигъ полнаго своего развитія, а потому невозможно было помышлять обществу о расширеніи круга его обязательствъ, съ которыми сопряжено было громадное увеличеніе его капиталовъ.»

Кромѣ того, въ послѣдствіи, ближайшее изученіе вопроса о покупке Николаевской желѣзной дороги раскрыло существованіе важныхъ затрудненій и убѣдило советъ общества искать иного средства къ осуществленію той цѣли, для которой предполагалась покупка Николаевской дороги.

Главное затрудненіе общества состояло въ томъ, что уже къ концу рабочаго періода 1860 года обнаружилось ясно, что собранныхъ обществомъ, посредствомъ акцій и облигацій, 110,000,000 руб. будетъ недостаточно для окончанія начатыхъ линій варшавской, ковенской и нижегородской, такъ какъ часть реализованнаго капитала была употреблена на линіи ееводосійскую и либавскую и вообще оказалось, что стоимость сооружаемыхъ линій превзойдетъ капиталъ, гарантированный правительствомъ. Кромѣ того, къ концу 1860 года можно было несомнѣнно предвидѣть, что выпускъ новыхъ облигацій, по случаю общаго положенія денежныхъ рынковъ, не можетъ быть сдѣланъ на прежнихъ условіяхъ; возвышеніе же процентовъ по облигаціямъ имѣло бы прямымъ послѣдствіемъ потерю для акціонеровъ. Въ виду этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, совету общества, по словамъ «Отчета», предстояла трудная задача: предложить правительству такую мѣру, которая бы съ одной стороны дала обществу сносыбы собрать необходимый капиталъ для окончанія начатыхъ линій, а съ другой стороны, новыми выгоднѣйшими условіями, подняла бы акціи до такой степени, чтобы второй выпускъ ихъ, для обезпеченія постройки линіи ееводосійской, сдѣлался возможнымъ.

Съ этоюцѣлью советъ представилъ г. главноуправляющему пу-

тѣми сообщеніями и публичными зданіями проектъ измѣненной въ основныхъ условіяхъ общества.

Сущность этихъ условій заключалась въ слѣдующемъ:

Всю сѣть уступленныхъ главному обществу, указомъ 27 января 1857 года, дорогъ совѣтъ общества предполагалъ раздѣлить на три части.

Въ составъ первой части должны были входить линіи: варшавская, ковенская и нижегородская; въ составъ второй — линіи еоодосійская и въ составъ третьей — либавская.

Для 1-й части, т. е., для линіи варшавской, ковенской и нижегородской испрашивалось: 1-е ручательство 5% въ годъ дохода съ капитала въ 138 миліоновъ рублей серебромъ, 2-е ежегодно въ теченіе 30 лѣтъ, субсидія по 1250 руб. сер. на каждую версту желѣзной дороги, со дня открытія, для движеній всѣхъ трехъ линій.

Для 2-й части, т. е., для линіи еоодосійской, испрашивались: 1-е ручательство 5% въ годъ чистаго дохода, по среднему, на каждую версту, расходу—95 т. руб., и 2-е ежегодная, въ теченіи 30 лѣтъ, субсидія, по 2,570,000 рублей со дня открытія движенія на всемъ протяженіи линіи отъ Москвы до Оеодосіи. При чемъ общество обязывается окончить эту линію въ теченіе пяти лѣтъ, считая такой срокъ съ 1-го августа 1862 года.

Что же касается до 3-й части, т. е., до линіи либавской, то общество предполагало предоставить себѣ право — проектъ объ этой линіи представить не позже 1864 года.

Всѣ эти предположенія, съ подробнымъ объясненіемъ причинъ, ихъ вызвавшихъ, были представлены въ совѣтъ главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, и спустя нѣсколько времени совѣтъ объявилъ обществу, что его предложенія, въ томъ видѣ, въ какомъ они сдѣланы, правительствомъ приняты быть не могутъ, но что обществу предоставляется просить о пересмотрѣ положенія и устава 1857 года.

На этомъ покуда и остановились дѣла главнаго общества российскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ тѣсно соединено устройство электрическихъ телеграфовъ, хотя, впрочемъ, послѣдніе, сами по себѣ, независимо отъ сѣтей желѣзныхъ дорогъ, постоянно устроиваются по разнымъ направленіямъ. Недавно поя-

вылась пятая книжка «журнала главного управления путей сообщения и публичныхъ зданій», къ вѣдомству котораго принадлежить и дирекція телеграфовъ. Въ этой книжкѣ помѣщены свѣдѣнія, относящіяся къ телеграфическому сообщенію въ Россіи. Изъ упомянутой статьи видно, что количество депешъ по русскимъ телеграфнымъ линиямъ увеличивается съ каждымъ годомъ всё болѣе и болѣе, какъ вслѣдствіе размѣщенія и удлинненія этихъ линий, такъ и вообще вслѣдствіе распространяющейся потребности въ телеграфическихъ депешахъ.

Число всѣхъ депешъ разныхъ классовъ и по внутренней корреспонденціи и по заграничной составляло:

въ 1859 году . . .	272,579 депешъ.
въ 1860 году . . .	465,027

Если эти разноклассныя депеши привести въ единичный классъ, то общій итогъ депешъ будетъ:

для 1859 года . . .	311,290 депешъ.
для 1860 года . . .	598,294

Общій сборъ со всего количества депешъ былъ въ 1859 году 991,967 рублей 2½ коп., а для 1860 года 1,245,736 рублей 40 копѣекъ.

Въ этотъ послѣдній итогъ включаются слѣдующіе сборы за депеши:

	въ 1860 году было:	въ 1859
Внутри имперіи . . .	826,594 р. 46 к.,	543,944 р. 52½ к.
За границею . . .	113,415 р. 5 к.	126,280 р. 85 к.
Для заграничныхъ линий	176,823 р. 94 к.	188,303 р. 46 к.

Безплатныхъ депешъ было отправлено въ 1860 году внутри имперіи на 124,587 руб. 80 коп., тогда какъ въ предшествовавшемъ году стоимость этого рода депешъ простиралась на 99,630 руб. 48 коп. и за границею, въ 1860 году, на 4,315 руб. 15 к., а въ 1859 году на 3,807 руб. 75 коп. Изъ общаго приведеннаго выше числа депешъ приходится на долю депешъ: Высочайшихъ 0,92%, правительственныхъ 4,18%, служебныхъ 7,24%, и на долю частныхъ депешъ 87,66%.

Точное число частныхъ депешъ въ 1860 году состояло:

по внутренней корреспонденціи	282,701 депеша.
по заграничной	46,560 —

всего 329,261 депеша.

Въ этомъ числѣ депешъ было: торговыхъ 165,632, газетныхъ 2,380 и такъ называемыхъ въ официальной таблицѣ «письменнаго содержанія» 161,249.

Изъ приводимыхъ здѣсь цифръ видно, что вообще публика, и преимущественно изъ среды ея торговые люди обезпечиваютъ у насъ содержаніе телеграфныхъ учреждений, и между тѣмъ, къ сожалѣнію, нерѣдко приходится читать справедливыя жалобы на замѣчательныя промедленія по передачѣ часогныхъ депешъ и на грубыя выходки со стороны тѣхъ, которые посажены на станціи для ихъ приѣма.

Безъ всякаго сомнѣнія, когда у насъ попривыкнутъ быть повнимательнѣе къ общественнымъ потребностямъ, то дѣятельность нашихъ телеграфныхъ станцій усилится, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разовьется быстрота сообщеній во многихъ случаяхъ весьма пригодная въ обиходной жизни и необходимая по дѣламъ разнаго рода, преимущественно же по дѣламъ торговымъ.

III.

Главнѣйшія явленія по административной части. — Комиссія для пересмотра системы податей и сборовъ. — Вопросы о подушныхъ и земскихъ повинностяхъ. — Проектъ о патентныхъ пошлинахъ и торговомъ уставѣ. — Гербовыя и вексельныя пошлины. — Соляной акцизъ. — Новые для него начала. — Пошлины съ золотыхъ промысловъ. — Прямые налоги. — Матеріалы по всѣмъ этимъ вопросамъ, имѣющіе научное значеніе. — Собраніе свидѣній о государственныхъ доходахъ. — Оцѣночная система. — Ея недостатки. — Статья г. А. З-на въ «Московскихъ вѣдомостяхъ». — Распредѣленіе земель. — Дѣйствія уѣздныхъ комитетовъ. — Кто виновать? — Примѣръ оцѣнки городскихъ имуществъ. — Причины ея медленности. — Степень вины городскихъ обывателей. — Два первыхъ собранія с.-петербургскаго городского кредитнаго общества.

Переходя въ этомъ отдѣлѣ нашихъ очерковъ къ главнѣйшимъ явленіямъ по административной части, мы скажемъ прежде всего о трудахъ комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ. Послѣ прекращенія работъ этой комиссіи въ теченіе лѣтняго времени, теперь снова начались ея собранія. Въ настоящее время почти совершенно окончены всѣ подготовительныя работы и комиссіи предстоитъ заняться составленіемъ проектовъ преобразованія различныхъ отраслей нашей податной системы, въ числѣ

конхъ вопросы о подушныхъ и земскихъ повинностяхъ заслуживаютъ ея особеннаго вниманія. Изъ всѣхъ работъ комиссiи (какъ сообщаетъ статья, напечатанная въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и которою мы теперь руководствуемся) вопросъ о патентныхъ пошлинахъ наиболее подвинулся впередъ. Еще въ прошломъ году редакціоннымъ комитетомъ перваго отдѣленія комиссiи былъ выработанъ подробный проектъ преобразованій какъ въ существующей системѣ патентныхъ пошлинъ, такъ и въ торговомъ уставѣ.

Означенный проектъ былъ напечатанъ, и въ настоящее время въ комиссiю поступило до 80 записокъ и статей, заключающихъ въ себѣ замѣчанія на проектъ объ имѣющихся въ виду преобразованіяхъ. Изъ этихъ замѣчаній составленъ систематическій сводъ, который теперь и печатается. Къ этому статья, на которую мы уже сослались, прибавляетъ, что, на основаніи замѣчаній, доставленныхъ въ комиссiю, редакціонный комитетъ, вѣроятно, найдетъ нужнымъ предложить нѣкоторыя измѣненія въ первоначальномъ проектѣ, и за тѣмъ весь вопросъ долженъ будетъ поступить на окончательное разсмотрѣніе общаго собранія комиссiи.

Съ патентными пошлинами близко связанъ вопросъ о гербовыхъ и вексельныхъ пошлинахъ. Вопросъ этотъ также былъ разсмотрѣнъ въ прошломъ году вторымъ отдѣленіемъ комиссiи и внесенъ былъ въ общее собраніе комиссiи. Последнее успѣло, однако, рассмотреть только часть этого доклада и выразило свое мнѣніе о пользѣ—замѣнить многочисленныя сорта гербовой бумаги однообразнымъ разрядомъ, полагая примѣнить такимъ образомъ къ системѣ гербовыхъ пошлинъ то общее основаніе, которое оказалось уже столь полезнымъ при примѣненіи къ почтовой таксѣ; но прежде постановленія окончательнаго заключенія по этому вопросу, комиссiя нашла необходимымъ—проверить свои соображенія еще нѣкоторыми новыми численными свѣдѣніями, полученными о продажѣ гербовой бумаги; за тѣмъ, по вопросу о гербовой бумагѣ, общему собранію комиссiи предстоитъ еще рассмотреть предположенія отдѣла о преобразованіи крѣпостной пошлины съ наследства, духовныхъ завѣщаній, дарственныхъ записей и другихъ подобныхъ актовъ односторонней системы, примѣнительно къ заселеннымъ и не заселенымъ мѣстностямъ, а также нѣкоторыхъ мѣръ, предполагаемыхъ

ныхъ для усиленія контроля за взысканіемъ гербовыхъ пошлинъ.

Въ системѣ разныхъ податей весьма важной статьею является вопросъ о соляномъ акцизѣ. О немъ уже составленъ докладъ, заключающій въ себѣ какъ подробное историко-статистическое изслѣдованіе предмета, такъ и предположенія о новыхъ началахъ, на которыхъ должна быть устроена эта отрасль государственныхъ доходовъ. Далѣе изъ статьи видно, что общія основанія новой системы налога съ соли заключаются въ томъ, что предполагаютъ предоставить вывочку соли повсюду въ руки частной промышленности, ограничиваясь со стороны казны взиманіемъ опредѣленнаго акциза, по количеству добытой соли.

По вопросу о пошлинахъ съ частнаго золотого промысла напечатана первая часть историко-статистическихъ матеріаловъ, а вторая часть, сводъ частныхъ проектовъ, еще разрабатывается въ настоящее время.

Наконецъ, по вопросу о прямыхъ налогахъ уже напечатаны матеріалы и доклады о земскихъ повинностяхъ, для внесенія въ первый отдѣлъ комиссіи, а также составлены и поступили въ печать историко-статистическіе матеріалы о подушной подати и составляется о ней докладъ. Кромѣ вышеозначенныхъ работъ по отдѣльнымъ отраслямъ нашей податной системы, предполагается еще составить общій историко-статистическій обзоръ нашихъ государственныхъ доходовъ.

Однимъ изъ необходимыхъ условій для распредѣленія налоговъ и пошлинъ по многимъ предметамъ должна служить правильная оцѣночная система. Говоря искренно, мы никакъ не можемъ похвалиться правильностію и стройностію въ этомъ дѣлѣ. Оцѣнка разнаго рода имуществъ, при несуществованіи у насъ инвентарнаго хозяйства или, по крайней мѣрѣ, при весьма рѣдкомъ его проявленіи, не можетъ достигнуть необходимой точности. По этому, все, что относится къ оцѣночной системѣ, должно, какъ кажется, обращать на себя вниманіе нашихъ администраторовъ—и практиковъ, и теоретиковъ. Въ настоящее время, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» мы встрѣтили статью г. А. З-на объ «оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ.» Вопросъ этотъ въ особенности важенъ потому, что въ недавнее время комиссіею о разсмотрѣніи податной системы была высказана мысль о возможности замѣнить въ мѣщанскомъ

сословія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подушную подать, податью съ домовъ, принадлежащихъ лицамъ этого сословія.

Статья г. А. З-на начинается слѣдующимъ введеніемъ:

«Разумная и добросовѣстно выполняемая система податей и налоговъ всѣхъ возможныхъ видовъ есть одна изъ главныхъ основъ государственнаго богатства и народнаго довольства. Эти два качества системы податей и налоговъ должны быть неразрывно связаны одно съ другимъ, потому что если система податей и будетъ самая разумная, но не будетъ добросовѣстно выполняться, то пользы мало; съ другой стороны, если она будетъ выполняться самымъ добросовѣстнымъ образомъ, но будетъ основана на ошибочныхъ началахъ, то результатъ будетъ точно такой же. За доказательствомъ ходить далеко не нужно. Вслѣдствіе измѣнившагося законоположенія о земскихъ сборахъ, введеннаго въ дѣйствіе съ 1853 года, на открытыя для этого губернскіе комитеты возложено было, по собраніи свѣдѣній отъ уѣздныхъ комитетовъ о всѣхъ земляхъ, находящихся въ губерніи, раздѣлить ихъ по качеству на 3 разряда (согласно приложенію къ 55 ст. § XIII IV т. Уст. о земскихъ повинностяхъ изд. 1857 г.). Цѣлью этого раздѣленія было то, чтобы, по качеству земель, находящихся въ уѣздахъ, уравнять взимаемый съ этого времени за земли, вмѣсто душъ, налогъ. Прошло три года и государственный совѣтъ, при разсмотрѣніи всѣхъ смѣтъ земскихъ повинностей по цѣлой имперіи, замѣтилъ повсемѣстное неисполненіе означеннаго закона, и вслѣдствіе того подтвердилъ, чтобъ онъ непремѣнно и въ точности исполнялся. Тогда только нѣкоторыя губерніи раздѣлились на три разряда. О дѣленіи же самыхъ уѣздовъ на нѣсколько разрядовъ по качеству находящихся въ нихъ земель, что имѣло въ виду министерство, сколько извѣстно, ни одинъ комитетъ не позаботился и мы не знаемъ, скоро ли мы дождемся такого дѣленія.»

Далѣе авторъ замѣчаетъ, что при такомъ исполненіи правительственной мѣры, выходитъ результатъ самый простой: въ одной изъ губерній одинъ уѣздъ причисленъ къ первому разряду и всѣ находящіяся въ немъ землевладѣльцы должны будутъ платить, положимъ, по 15 копѣекъ за десятину. Но кромѣ хорошей земли въ немъ есть и дурная, за которую тоже будутъ платить подать въ томъ же самомъ размѣрѣ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ землевладѣльцы будутъ въ проигрышѣ. Между

тѣмъ въ прочихъ уѣздахъ, относимыхъ ко второму и третьему разрядамъ не все же дурная земля, но есть и хорошая, за которую между тѣмъ будутъ платить только по 10 и 5 коп. съ десятины. Тутъ, очевидно, въ проигрыша казна, и такъ какъ земли втораго и третьяго разряда, конечно, будетъ показано несравненно больше противъ ея настоящаго количества, то убытокъ казны можетъ быть значителенъ.

Привода это мнѣніе г. А. З—на, мы, однако, не согласимъ съ нимъ въ томъ отношеніи, что онъ неуспѣшную разработку этого хозяйственно-административной мѣры приписываетъ только равнодушію къ общественному дѣлу со стороны тѣхъ, кому оно поручено, ссылаясь на то, что хотя губернскіе комитеты и собираются только одинъ разъ въ три года, но что между тѣмъ особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе никогда не закрывается и что, поэтому, оно могло бы немедленно заняться раздѣленіемъ земель. Г. А. З—нъ съ своей стороны предупреждаетъ еще и другое могущее быть возраженіе противъ его мнѣнія. Онъ говоритъ: намъ скажутъ также, что самое это присутствіе безъ доставляемыхъ уѣздными комитетами свидѣній не можетъ сдѣлать такого раздѣленія. Мы согласны съ этимъ, добавляетъ г. А. З—нъ, но что же мѣшаетъ уѣзднымъ комитетамъ заняться этимъ дѣломъ, если бы они захотѣли?

Въ отвѣтъ на это можно спросить автора статьи, хорошо ли онъ знакомъ съ личнымъ составомъ нашихъ уѣздныхъ комитетовъ по какой бы то части ни было? Надобно сказать, что обыкновенно въ составъ этихъ комитетовъ зачисляются такіа лица, которыя уже имѣютъ прямыя служебныя обязанности и которыя, въ добавокъ къ этому, состоятъ одновременно членами разныхъ другихъ комитетовъ, существующихъ въ уѣздѣ. Здѣсь мы и съ своей стороны должны спросить автора, какъ можно справляться съ разнородными дѣлами подобнымъ членамъ комитета? Переходя же собственно къ тѣмъ комитетамъ, о которыхъ говоритъ г. А. З—нъ, нельзя не прибавить еще и того, что они требуютъ весьма много посторонняго содѣйствія, несмотря на всѣ добрыя желанія ихъ членовъ. Спрашивается, какъ, напримѣръ, убѣдятся члены этихъ комитетовъ въ качествѣ почвы, не употребляя для этого личныхъ осмотровъ по множеству мѣстностей или не посылая туда людей, не только свидущихъ, но и добросовѣстныхъ? Имѣютъ ли ко всему этому дос-

точно средствъ тѣ комитеты, которыхъ г. А. З—нъ винить въ равнодушіи къ общественному дѣлу, не видя со своей стороны другихъ причинъ, задерживающихъ развитіе предпринятой иры?

Впрочемъ, авторъ статьи отклоняетъ отъ себя рѣчь по вопросу о поземельной оцѣнкѣ по всей ея обширности и представляетъ только легкій очеркъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ для квартирнаго сбора въ одномъ, извѣстномъ ему городѣ. Вопросъ этотъ тоже не маловаженъ въ общей системѣ не только городского, но и вообще всего государственнаго хозяйства, а потому мы въ настоящихъ нашихъ очеркахъ и остановимся на немъ. При однообразномъ строѣ нашихъ городскихъ учреждений и при общемъ сходствѣ нашихъ административныхъ дѣятелей, замѣчанія автора примѣняются, безъ всякаго сомнѣнія, если не ко всѣмъ русскимъ городамъ, то по крайней мѣрѣ къ большинству ихъ.

Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ въ городахъ любопытна и потому, что горожане составляютъ грамотный и самый практическій классъ населенія и, слѣдовательно, наиболѣе понимающій ея цѣль; она любопытна и въ томъ еще отношеніи, что представляетъ лучшую пробу для того, чтобъ поднять городское хозяйство, которое находится всюду въ жалкомъ состояніи, по неравномѣрности налоговъ и податей, по крайней ограниченности дѣйствій городского самоуправления и по многимъ другимъ, второстепеннымъ причинамъ.

Справедливость этихъ замѣчаній, дѣлаемыхъ г. А. З—нъ подтверждается тѣми свѣдѣніями, которыя мы, въ предшествовавшихъ статьяхъ, имѣли случай представить нашимъ читателямъ, заимствуя эти свѣдѣнія изъ «Извлеченія отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ.»

«Въ настоящее время, пишетъ далѣе г. А. З—нъ, въ нашемъ городѣ оканчивается переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ для равномернаго распределенія денежной квартирной повинности, вмѣсто натуральной, доселѣ существовавшей. Вопросъ этотъ въ официальномъ мѣрѣ возникъ около 15 лѣтъ тому назадъ. Тяжесть этой натуральной повинности и крайне неравномѣрное ея распределеніе были причиной того, что стали думать о замѣнѣ ея денежною. Въ нашемъ городѣ эта тяжесть и неравномѣрность были, на примѣръ, вотъ каковы: мѣщанскій до-

мишко, приносившій доходу 50 руб. сер. въ годъ, держалъ годовой постой семейнаго нижняго чина, что составляетъ по положенію 7 руб. 20 к. сер., да сверхъ того, не избавлялся отъ временнаго водворенія у себя проходящихъ воинскихъ командъ, общее число которыхъ простиралось въ годъ до 20,000 человекъ. Такимъ образомъ, заключаетъ г. А. З—нъ, выходитъ, что бѣдные люди платили натурой до 20, а иногда даже до 40 процентовъ съ доходовъ своихъ домовъ; богатые же, напротивъ, никакъ не болѣе двухъ процентовъ.»

Такую несоразмѣрность въ раскладкѣ квартирной повинности г. А. З—нъ очень справедливо объясняетъ тѣмъ, что у квартирной комисіи, завѣдывавшей этой раскладкой, не было денегъ, необходимыхъ для штаба и другихъ помѣщеній, а у богатыхъ домовладѣльцевъ онѣ всегда были въ наличности и, следовательно, послѣдніе не несли повинности натуральной, несравненно болѣе отяготительной, чѣмъ денежная.

Впослѣдствіи въ томъ городѣ, о которомъ идетъ рѣчь, и въ которомъ переоцѣнка имуществъ производима была крайне неправильно, составилаь новая оцѣночная комиссія, на основаніи тѣхъ правилъ, какія были изданы для подобныхъ комиссій въ 1845 и 1857 годахъ, а именно изъ депутатовъ отъ каждаго сословія городскихъ обывателей, имѣющихъ недвижимую собственность;—кромѣ того, при оцѣнкѣ домовъ и лавокъ, принадлежащихъ ямщикамъ, и при оцѣнкѣ казенныхъ зданій, подлежащихъ сбору, при чиновникѣ того вѣдомства, которому принадлежитъ зданіе. Но главная сущность этого дѣла заключалась въ томъ, что оцѣнку назначено было кончить въ три мѣсяца, а она продолжается два года. Такая медленность оцѣночныхъ комиссій не составляетъ исключенія и г. А. З—нъ указываетъ на ея причины. Въ числѣ послѣднихъ надобно поставить прежде всего уклоненіе домовладѣльцевъ. Это чувство очень неясно и даже извинительно. Не имѣя достаточнаго знакомства со способомъ расходования собираемыхъ суммъ, домовладѣльцы при каждой новой оцѣнкѣ, опасаются увеличенія налоговъ. Мы здѣсь не видимъ, какъ видитъ г. А. З—нъ апатію или равнодушіе, но напротивъ того чувствительность къ своему интересу.

Къ послѣднимъ новостямъ въ кругу развитія нашей общественной дѣятельности принадлежитъ извѣстіе о двухъ собраніяхъ с.-петербургскаго городского кредитнаго общества, съ

установъ котораго мы познакомили нашихъ читателей въ предыдущемъ номерѣ нашего журнала.

Первое собраніе упомянутаго общества происходило 5 октября. На это собраніе съѣхалось болѣе 170 членовъ. Оно было открыто рѣчью петербургскаго городского головы, г. Погребова. Указавъ въ рѣчи своей на важность кредитнаго общества для городскихъ обывателей, а также на значительность недвижимыхъ имуществъ, представляемыхъ къ закладу, г. Погребовъ предложилъ присутствующимъ членамъ заняться образованіемъ правленія и наблюдательнаго комитета. Но прежде чѣмъ приступить къ этому предложенію, въ собраніи возникъ вопросъ о томъ, могутъ ли участвующія въ обществѣ лица, по довѣренности владѣльцевъ закладываемыхъ имуществъ, быть избраны въ должности по обществу? Вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ возникъ еще другой вопросъ—объ опредѣленіи содержанія директоровъ и членамъ наблюдательнаго комитета, прежде ихъ избранія. Первый изъ этихъ вопросовъ былъ рѣшонъ отрицательно, что же касается втораго вопроса, то рѣшеніе его отложено до образованія правленія.

Послѣ избранія членовъ правленія и членовъ комитета, обществу будетъ предстоять избраніе не менѣе важное: въ назначеніи и въ цѣновщики. У одного будетъ въ рукахъ касса общества, а отъ честности и добросовѣстности цѣновщиковъ будетъ, главнымъ образомъ, зависѣть весь успѣхъ дѣла, такъ какъ и размѣръ ссудъ закладчиковъ и вѣрное обезпеченіе выгодъ общества принимаемыми закладами будутъ въ ихъ распоряженіи.

Второе засѣданіе общества происходило 12 октября и было посвящено исключительно избранію директоровъ правленія и членовъ наблюдательнаго комитета. Въ этомъ засѣданіи было 144 закладчика.

«С.-Петербургскія вѣдомости» сообщаютъ, что, по всей вѣроятности, мѣсяца черезъ полтора или два новое кредитное общество начнетъ свои дѣйствія. Въ продолженіе же этого времени закладчики могутъ получать изъ палаты гражданскаго суда свидѣтельства, необходимыя для заклада, и такимъ образомъ вполне приготовить свое имущество для представленія въ залогъ.

И такъ, у насъ возникло новое общество, безъ котораго домовладѣльцы въ Петербургѣ встрѣчали большія затрудненія; надобно надѣяться, что оно будетъ имѣть благотворное вліяніе на нѣкоторыя отрасли нашихъ финансовыхъ дѣлъ, находящихся вообще въ неутѣшительномъ состояніи, по недостатку кредита.

ПОЛИТИКА.

I. Взысканіе долговъ и расчеты за оскорбленія, посредствомъ военной экспедиціи.

Еще въ 1847 году въ англійскомъ парламентѣ возникъ вопросъ по одной статьѣ международнаго права, а именно — о способахъ взысканія долговъ съ такихъ государствъ, которыя отказываются платить должныя ими суммы. По поводу этого вопроса, покойный лордъ Джорджъ Бетинкъ предложилъ верхней палатѣ составить адресъ, въ которомъ предполагалъ просить королеву о принятіи со стороны ея тѣхъ мѣръ, которыя она заблагоразсудитъ, для того, чтобы добиться отъ испанскаго правительства удовлетворенія, требуемаго владѣльцами испанскихъ фондовъ изъ англичанъ. Лордъ Пальмерстонъ на такое предложеніе своего товарища по палатѣ отвѣчалъ, что онъ, съ своей стороны, допускаетъ въ международномъ правѣ существованіе принципа, въ силу котораго одно правительство имѣетъ право посредствомъ вооруженной силы требовать отъ другого правительства вознагражденія за всѣ ущербы, причиненныя подданнымъ того правительства, которое ищетъ подобнаго удовлетворенія. Къ этому дипломатическому принципу лордъ Пальмерстонъ прибавилъ, что если домогательства такого рода не получаютъ удовлетворенія, то его можно добиться и путемъ возмездія противъ націи, отвѣчающей отказомъ.

Конечно, съ англійской точки зрѣнія такой способъ домогательства имѣетъ основаніе. Финансовыя распоряжки великобританской короны зависятъ отъ представителей англійскаго на-

рода, и эта-то народная представительность можетъ, въ иныхъ случаяхъ, своей настойчивой требовательностью довести правительство до расплаты съ вѣшними кредиторами и тѣмъ самымъ предотвратить экзекуціонный способъ взысканія съ пѣлаго государства. Но справедливо ли, однако, будетъ приложеніе подобнаго ученія, напримѣръ, къ Турціи, гдѣ народъ вовсе безучастенъ въ финансовыхъ распоряженіяхъ своего правительства, не только по вѣшнымъ, но даже и по внутреннимъ дѣламъ? Справедливо ли было бы, напримѣръ, взыскивать съ турецкихъ раевъ долги, надѣланные Абдулъ-Меджидомъ и его правительствомъ, и заставить плательщиковъ въ султанскую казну нести еще новыя тягости на военныя издержки и при томъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ они не участвовали? Конечно, разными толкованіями о связи народа съ правительствомъ можно признать справедливость приложенія принципа о возмездіяхъ и взысканіяхъ военною силою, пожалуй, и къ турецкимъ раямъ, но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о принципѣ, а о практикѣ, такъ какъ англійская политика хочетъ принять побудительныя мѣры противъ страны, имѣющей устройство совершенно отличное отъ Турціи: оно намѣрено приложить эти мѣры къ мексиканской республикѣ.

Впрочемъ, войны за долги не новость. Извѣстно, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ войны, происходившей въ 1847 году между Соединенными Штатами и Мексикой, былъ неплатежъ долговъ въ этой странѣ американскимъ гражданамъ. Мексика, послѣ безславной для нея войны, вынуждена была уступить Соединеннымъ-Штатамъ свою богатую провинцію Калифорнію и другія значительныя пространства своей территоріи; и вашигтонское правительство доходами съ этихъ уступокъ вознаградило убытки своихъ гражданъ.

Что же касается Англии, то подобный примѣръ взысканія долговъ, не только государственныхъ, но и слѣдовавшихъ исключительно одному частному лицу, банкиру изъ евреевъ, Пачифико, считавшему себя англійскимъ подданнымъ — былъ въ 1850 году, когда англійская эскадра была отправлена къ берегамъ Греціи, съ цѣлью добиться отъ греческаго правительства полного удовлетворенія по денежнымъ, не совсѣмъ яснымъ, претензіямъ упомянутаго банкира.

Впрочемъ, не одни только денежные дѣла, но и разнаго рода оскорбленія, нанесенныя подданнымъ европейскихъ державъ, проживающимъ въ Мексикѣ, побудили кабинеты лондонскій, парижскій и мадридскій вступить между собою въ переговоры касательно составленія военной экспедиціи противъ республики, безпрестанно раздираемой борьбою междуособныхъ партій.

Вотъ какъ газета «Morning Post» отзывалась объ оскорбленіяхъ, испытанныхъ въ Мексикѣ англичанами: «Еслибъ отъ

насть,—говорить упомянутая газета,—потребовали списка оскорблений, которые, въ теченіе длиннаго ряда годовъ, ознаменовали собою образъ дѣйствій партій, поочередно пользовавшихся властью въ Мексикѣ,—то всё удивились бы долготерпѣнію Англіи. Англійскихъ подданныхъ заключали въ тюрьму и убивали, имущество ихъ задерживали, конфисковали и шкиперъ одного военного судна подвергся оскорбленію и опасно раненъ, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ мексиканской столицы. За эти оскорбленія Англія никогда не получала удовлетворенія. Независимо отъ этихъ актовъ прямого грабежа, притѣсненія и убійства, есть еще обстоятельство, которое одно, само по себѣ, уже оправдывало бы энергическія мѣры, предположенныя къ принятію противъ Мексики со стороны Англіи и другихъ европейскихъ державъ. Мексика должна болѣе 2,000,000 фунтовъ стерлинговъ англійскимъ подданнымъ, а между тѣмъ отказывается платить не только капиталъ, но даже и проценты съ этого долга».

Что же касается Франціи, то претензіи ея относительно задержанія, убійствъ и грабежей совершенно сходны съ подобными же претензіями Англіи,—у ней есть также долгъ на Мексикѣ; но ко всему этому прибавился недавно еще новый поводъ къ требованію удовлетворенія: во время одного народнаго торжества, происходившаго въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, въ столицѣ республики, было произведено покушеніе противъ французскаго посланника г. Салинья. Онъ былъ контуженъ камнемъ, отскочившимъ отъ стѣны, въ которую ударила ружейная пуля направленного противъ него выстрѣла. Кромѣ того, передъ домою французскаго посольства образовалось сборище—при чемъ французскаго посланника осыпали бранью и оскорбленіями.

Претензіи испанскаго правительства къ Мексикѣ сходны съ тѣми, что мы говорили уже относительно Англіи и Франціи; къ этому нужно только прибавить, что всё подобнаго рода столкновенія между Испаніей и Мексикой усложняются и учащаются вслѣдствіе близости испанскихъ колоній съ мексиканской республикой.

Вопросъ о правѣ за возмездіе въ подобныхъ случаяхъ давно уже рѣшонъ, какъ въ теоріи международнаго права, такъ и въ его практикѣ. Уже со времени Людовика XIV, Франція поддерживала силою оружія уваженіе къ своимъ дипломатическимъ представителямъ въ иностранныхъ земляхъ. Англія тоже строго держится этого принципа, и, при вопросѣ о расправѣ съ Мексикой, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Россель, высказалъ, что образъ дѣйствій, которому, въ отношеніи къ Мексикѣ, намѣрено слѣдовать правительство королевы Викторіи, строго согласенъ съ началами государственнаго и международнаго права. Онъ указалъ на то, что, на основаніи трактата и всѣхъ законовъ, руководящихъ международными отношеніями,

Англія можетъ, не стѣсняясь нисколько, требовать гарантіи для безопасности лицъ и имущества англійскихъ подданныхъ, а также исполненія обязательствъ, формально заключенныхъ мексиканскимъ правительствомъ, къ какой бы партіи оно не принадлежало.

Вопросъ объ экспедиціи противъ Мексики, кромѣ своей важности, какъ вопросъ международнаго права, представляетъ еще и слѣдующую особенность.

Противъ Мексики соединяются теперь три державы: Англія Франція и Испанія. Извѣстна сила взаимнаго сочувствія Франціи и Англіи, основанная съ каждой стороны на нарѣзныхъ орудіяхъ и панцирныхъ фрегатахъ. Извѣстно также расположеніе обѣихъ этихъ державъ, въ особенности же Англіи къ Испаніи, желающей отнять у англичанъ Гибралтаръ при первой къ тому возможности; несмотря, однако, на все это, три упомянутыя державы, столь разнохарактерныя во направленіи ихъ и внутренней и внѣшней политики, вступаютъ между собою въ союзъ противъ Мексики. Первая основа такого, можно сказать, неестественнаго союза—причина денежная. Правительства трехъ державъ отправляютъ свои эскадры за золотымъ руномъ: они прежде всего хотятъ вернуть своимъ поданнымъ золото, поглощенное мексиканской революціей. Наибольшая потеря въ денежномъ отношеніи постигла, разумѣется, англичанъ. Англійскіе спекуляторы затратили большія суммы на разработку мексиканскихъ рудниковъ и на разныя другія предпріятія въ этой странѣ. Кромѣ того, на Мексику, какъ мы замѣтили, есть государственный долгъ, приходящійся на долю Англіи. Такимъ образомъ, важность англійскихъ интересовъ, страдающихъ въ Мексику, ставитъ лондонскій кабинетъ во главѣ тройственнаго, составляющагося нынѣ, союза.

Говоря о настоящихъ отношеніяхъ Мексики къ двумъ главнѣйшимъ и къ одной второстепенной европейской державѣ, мы считаемъ нужнымъ познакомить нашихъ читателей, въ краткомъ очеркѣ, съ внутреннимъ положеніемъ этой республики.

Мексику должно считать самой благодатной стороной въ Америкѣ и по климатическимъ условіямъ и по географическому положенію. Почва страны столь плодородна, что восьмая часть земли, при самой небрежной обработкѣ, кормитъ съ избыткомъ всѣхъ жителей страны. Но послѣдніе, бурные для республики, годы поставили Мексику въ самое печальное положеніе.

Вотъ какъ г. Прево-Парадолъ отзывался о жителяхъ Мексики и объ ея внутренней жизни.

«Хотя завоеватели Мексики не выказали, сначала, большого человеколюбія, однако, туземное поколѣніе не исчезло подъ ихъ стопами, какъ не рѣдко уничтожается оно передъ завоевателями англо-саксонскаго племени. Туземное племя Мексики не только

не сокращалось въ испанскихъ колоніяхъ, но и размножилось, смѣшавшись съ завоевателями, такъ что теперь на населеніе въ восемь миліоновъ душъ едва приходится шестая часть жителей, въ которыхъ бы осталась европейская кровь безъ примѣси туземной. Нѣтъ надобности преувеличивать то значеніе, которое имѣютъ племенные различія на ходъ человѣческихъ дѣлъ, для того, чтобъ понять то вліяніе, которое оказала эта примѣсь испанской крови на историческія событія въ Мексикѣ. Безспорно, что положеніе Мексики одѣлалось значительно хуже, съ тѣхъ поръ, какъ она предоставлена себѣ самой безъ вмѣшательства въ судьбы ея какой-либо европейской державы. Переходя отъ одного властелина къ другому съ страшной быстротой, находясь подъ управленіемъ длинной шеренги генераловъ, которыхъ, посреди равнодушнаго населенія, возвышали и мизвергали военныя революціи, — Мексика была потрясаема переворотами, не обращающими на себя большаго вниманія со стороны Европы. Революціи тамъ были часты; но за то и не продолжительны. Онѣ совершались, большею частію, въ столицѣ республики, рѣшались въ нѣсколько часовъ и имѣли весьма малое вліяніе на положеніе иностранцевъ, жившихъ въ Мексикѣ. Все совершалось, однако, во имя народа и арміи. Мексиканская армія состояла въ 1855 году изъ 12 т. человѣкъ, въ числѣ коихъ было 17 дивизіонныхъ генераловъ, 52 бригадныхъ, 189 полковниковъ и пр. И такъ заключаетъ г. Прево-Парадолъ, не было арміи, къ которой можно бы было съ болѣею справедливостію примѣнить изрѣченіе, что каждый солдатъ ея носилъ въ ранцѣ своею жезлъ полководца.»

Очень понятно, что такое положеніе арміи питало постоянно честолюбивыя замыслы въ умахъ ея предводителей, которые поочередно успѣвали становиться во главѣ правительства.

Со временемъ, однако, революціи въ Мексикѣ измѣнили свой первоначальный характеръ, и вмѣсто длиннаго ряда военно-государственныхъ переворотовъ, тамъ возникли безконечныя междоусобныя войны. Впрочемъ, едва ли будетъ правильно называть междоусобной войной яростное соревнованіе въ разбойничествѣ. Это, по замѣчанію Прево-Парадоля, было бы столь же несправедливо, какъ вѣрить серьезно названіямъ консерваторовъ, клерикаловъ и либераловъ, которыми украшаютъ себя въ Мексикѣ различныя партіи. Судя по самымъ многочисленнымъ и достойнымъ уваженія свидѣтельствамъ, политическій словарь Мексики сдѣлался крайне-запутаннымъ, и, не смотря на мнимыя разногласія мексиканцевъ въ политическихъ ихъ ученіяхъ, всѣ партіи пылаютъ одной только страстью — любовью къ чужому добру. Клерикалы грабятъ наперерывъ и утверждаютъ, — говорить г. Прево-Парадолъ, — что иногда и либералы грабятъ еще усерднѣе, нежели клерикалы. Впрочемъ, люди, имѣвшіе дѣло и съ тѣми и съ другими, увѣряютъ, что если въ этомъ отноше-

ніи и есть какая нибудь разница, то она представляет та-кой легкой оттѣнокъ, что едва ли стоитъ на него указывать. Между тѣмъ весьма понятно, что въ странѣ, гдѣ всѣ грабятъ другъ друга, скоро не останется никого изъ такихъ, которыхъ можно будетъ грабить—и вотъ гдѣ заключается оригинальность и трудность настоящаго положенія дѣлъ въ Мексикѣ.

При общемъ стремленіи къ наживѣ и нынѣшній глава рес-публики, г. Жуаресь, раздѣляетъ это стремленіе; онъ поддается ему тѣмъ болѣе, что денежные средства необходимы ему, что-бы оградить себя отъ своихъ соперниковъ, въ числѣ которыхъ находится Маркезь, Ортего, Добладо и другіе. Обобравъ все до имущества духовенства включительно, и встрѣчая надобность продолжать поборы, Жуаресь, 17 іюля нынѣшняго года, издалъ декретъ объ отмінѣ государственныхъ платежей, въ томъ числѣ и объ отмінѣ платежа долговъ и другихъ обязательствъ, основанныхъ на разныхъ иностранныхъ конвенціяхъ. Этою мѣрою онъ полагалъ удержать деньги въ предѣлахъ республики, но ея была обижена Европа въ своихъ самыхъ существенныхъ — денежныхъ интересахъ; самыя безспорныя права двухъ европей-скихъ кабинетовъ, лондонскаго и парижскаго, были нарушены распоряженіемъ г. Жуареса и тогда представители Англии и Франціи тотчасъ же прервали свои сношенія съ мексиканскимъ правительствомъ, обратившимся къ такому образу дѣйствій.

Само собою разумѣется, что если бы у европейскихъ державъ не было долговъ на Мексикѣ, а главное—если бы тамъ не жили десятки тысячъ ихъ подданныхъ, то всего бы проще было, оставить эту страну на произволъ ея собственной судьбы; но всей вѣроятности Соединенные - Штаты, избавившись отъ своихъ внутреннихъ безнокойствъ, возстановили бы въ Мексикѣ по-рядокъ, ради своихъ собственныхъ выгодъ. Между тѣмъ Испанія, Франція и Англія имѣютъ своихъ представителей въ Мексикѣ, людей торговыхъ и промышленныхъ; послѣ Испанцевъ, вслѣдствіе мексиканской анархіи, страдаютъ всего болѣе французы. Въ 1855 году число иностранцевъ, взявшихъ въ мексиканскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ такъ называ-емыя *cartes de securité*, (билеты, ограждающіе ихъ безопасность) распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: испанцевъ—5141, французовъ—2048, англичанъ—615, итальцевъ—581, американцевъ—444, разныхъ другихъ народностей—404. Если же, однако, принять въ соображеніе, что вообще большая часть иностранцевъ освобождали себя отъ этой формальности и что однихъ испанцевъ было во владѣніяхъ мексиканской республики до 18,000, то надобно положить, что по крайней мѣрѣ до 38,000 иностранцевъ всѣхъ націй, поселившихся въ Мексикѣ, ожидаютъ заступничества со стороны своей родины—Европы.

Мы говорили о долгахъ Мексики Англии; прибавимъ къ это-

му, что мексиканская республика должна французскому правительству почти 40,000,000 франковъ и что для постепеннаго покрытия долговъ, какъ англійскаго, такъ и французскаго, былъ отданъ, въ видѣ залога, доходъ отъ таможенъ. Суммы, должныя Мексикою Англiи и Франціи, важны и въ томъ еще отношеніи, что онѣ правительствами обѣихъ этихъ странъ предназначаются на возмещенія матеріальныхъ убытковъ, понесенныхъ иностранцами, вслѣдствіе притѣсненій и насилій, сдѣланныхъ имъ со стороны правительствъ, поочередно существовавшихъ въ Мексикѣ. Нерѣдко расходы изъ этихъ суммъ служатъ источниками вознагражденій семействамъ за убійство ихъ членовъ. Ко всему этому прибавляется опасность, угрожающая теперь иностранцамъ въ Мексикѣ. Во время покушенія на г. Салыньи, толпа подъ окнами его дома, въ добавокъ къ особымъ оскорбленіямъ французовъ, кричала: смерть иностранцамъ! Этотъ крикъ, предвѣщающій гибель европейцевъ, достаточно убѣждаетъ нѣкоторые европейскія правительства въ необходимости вмѣшательства.

Признавъ эту необходимость, союзникамъ нужно рѣшить вопросъ объ образѣ вмѣшательства. Одни считаютъ достаточною мѣрою занятіе портовъ Мексики союзными эскадрами для прямаго взиманія корабельныхъ пошлинъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, мексиканское правительство отказываетъ Франціи и Англiи. Конечно, эта мѣра рѣшила бы легче всего вопросъ о денежныхъ претензіяхъ парижскаго и лондонскаго кабинетовъ, но въ то же время она вызвала бы другое зло. Она внутри страны породила бы общее негодованіе и сдѣлала бы положеніе европейцевъ въ Мексикѣ еще опаснѣе, чѣмъ нынѣшнее. Другіе думаютъ, что нужно совершить вторичное завоеваніе Мексики отъ имени Европы для того, чтобъ тамъ поставить государя, который былъ бы безпристрастенъ ко всѣмъ партіямъ. Такая мысль совершенно ложна. Не говоря уже о трудности подобнаго выбора, — особенно когда вопросъ о немъ будетъ спорнымъ предметомъ между Англiей и Франціей, — нужно замѣтить, что такой переворотъ не улучшилъ бы нисколько положенія дѣлъ въ Мексикѣ. На избраннаго такимъ образомъ государя мексиканцы стали бы смотрѣть, какъ на представителя иноземнаго, заиорскаго государства; начались бы противъ новаго порядка заговоры и возмущенія, короче — продолжался бы въ сущности настоящій ходъ дѣлъ, измѣнившись только въ своемъ началѣ. Династію, поставленную въ Мексикѣ по выбору Европы, пришлось бы постоянно поддерживать вооруженною силой, что потребовало бы отъ европейскихъ кабинетовъ, вмѣшавшихся въ дѣла Мексики, множества хлопотъ и издержекъ, не приводя къ конечной цѣли, такъ какъ подобное устройство этой страны не только не прекратило бы господствующей тамъ ненависти къ европейцамъ, но, напротивъ усилило бы ее еще болѣе.

Наконецъ третья, согласно съ прошеніемъ, представленнымъ англійскому правительству, полагають отправить въ Мексику извѣстныя, хотя бы и незначительныя, военныя силы одной изъ союзныхъ державъ, съ помощію ихъ возстановить тамъ порядокъ, и, устранивъ вліяніе преобладающихъ партій, доставить мексиканскому народу возможность—свободно и вѣрно учредить у себя правительство, согласное съ мѣстными условіями страны и съ общими потребностями современной цивилизаціи.

Безпорядки, происходящіе въ странѣ всего болѣе подъ вліяніемъ военнаго самоуправства, не доказываютъ еще политической неспособности ея жителей. По словамъ г. Прево-Парадола, у Мексики нѣтъ большаго недостатка въ элементахъ для благоустроеннаго правительства. Въ этомъ краѣ есть много честныхъ людей, негодующихъ на то, что происходитъ передъ ихъ глазами, но устранимыхъ отъ общественныхъ дѣлъ тѣмъ упадкомъ духа, смѣшаннымъ съ отвращеніемъ, которымъ страдаетъ честная и просвѣщенная часть населенія во всякомъ государствѣ, гдѣ всю власть забрала въ свои руки военная демагогія.

Этой разумной части населенія необходимо прежде всего дать надежду на лучшую будущность, ободрить и вызвать ее на участіе въ дѣлахъ общественныхъ.

Въ добавокъ къ неприятелямъ, грозящимъ Мексикѣ изъ Европы, первая имѣетъ еще не слишкомъ расположеннаго къ ней сосѣда, хотя теперь и занятаго внутреннею войною. Мы говоримъ о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Вашингтонскому правительству было бы крайне прискорбно, если бы Мексика присоединилась съ южнымъ, враждующимъ противъ него штатамъ. Теперь же виѣшательство европейскихъ державъ дѣлаетъ эту случайность столь же невѣроятною, какъ и приобрѣтеніе Мексики покупкою или завоеваніемъ, къ чему, — скажемъ кстати, — постоянно стремилась политика Сѣверо-Американскихъ штатовъ съ 1824 года.

По поводу всѣхъ этихъ соображеній, «Journal de Francfort» сообщаетъ, что лордъ Джонъ Россель просилъ Францію и Испанію пригласить къ участію въ экспедиціи, снаряжаемой противъ Мексики, и правительство Соединенныхъ-Штатовъ, на что обѣ державы не замедлили дать свое согласіе. Говорятъ также, что президентъ Линкольнъ отвѣчалъ уже на сдѣланное ему предложеніе, но въ какомъ смыслѣ—это, пока, еще не извѣстно.

Мадридская же газета «Correspondencia» сообщила въ послѣднихъ числахъ сентября опредѣлительныя подробности объ экспедиціи, которую готовитъ противъ Мексики испанское правительство. Войска, которыя первоначально будутъ посланы на островъ Кубу, вмѣстѣ съ войсками уже расположенными на этомъ островѣ, составятъ корпусъ въ 4000 человекъ. Эскадра будетъ состоять изъ 12 судовъ, съ 300 орудій, не считая двухъ

перевозовъ, которые присоединятся къ нимъ впослѣдствіи, и необходимыхъ транспортныхъ судовъ. Морской министръ дастъ кадикскому генералъ-капитану особое предписаніе о зафрахтованіи числа пароходовъ, соразмѣрнаго съ числомъ войскъ, которое предстоитъ перевезти.

Несмотря, однако, на такую положительность извѣстій, хоть слухи, что эта экспедиція не состоится, по недостатку денегъ у испанскаго правительства, которому не приходится требовать отъ Мексики уплаты долговъ, подобно Англіи и Франціи. Сначала рассчитывали въ Мадридѣ на гаваннскую казну; но финансы этой колоніи оказались не столь цвѣтущими, какъ полагали въ метрополіи. При томъ Испанія не хочетъ въ дѣлахъ Мексики вдаваться въ крайности и во всякомъ случаѣ думаетъ только, для покровительства своихъ подданныхъ, проживающихъ въ Мексикѣ, ограничиться блокадою портовъ.

Конечно, въ этомъ дѣлѣ заключительными словами должны быть слова «Монитера», но онъ сообщаетъ только, что «въ Мадридѣ разнесся слухъ о вмѣшательствѣ Испаніи въ дѣла Мексики и о намѣреніи ея послать войско въ Кубу». О вмѣшательствѣ же Франціи итъ еще въ «Монитерѣ» ни полслова, — да, можетъ быть, и не будетъ, оттого, что официальной газетѣ не совсѣмъ ловко объявлять о нарушеніи принципа невмѣшательства, провозглашаемаго въ извѣстныхъ случаяхъ императорской политикой.

II. Газетныя статьи по поводу Компьенскаго свиданія.

Свиданіе императора Наполеона съ королемъ прусскимъ, въ Компьенѣ, не смотря на тотъ исполитическій характеръ, который придавали ему и «Монитеръ» и «Прусская Газета» не прошло безсгддно въ англійской журналистикѣ. Въ особенности газета «Times» занялась вопросомъ о королевско-императорскомъ свиданіи и вслѣдъ за этимъ могучимъ органомъ европейской политики и другія газеты вдали въ толки о томъ, что принесло компьенское свиданіе. Оставивъ въ сторонѣ множество статей и мелкихъ замѣтокъ, относящихся къ этому предмету, мы поговоримъ о статьяхъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Times» и о статьѣ, помѣщенной въ «Прусской Газетѣ».

Первая статья начинается слѣдующимъ разсужденіемъ:

«По всей вѣроятности, было бы ошибочно приписывать большую важность свиданіямъ государей, сдѣлавшимся столь частыми въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Государи—такіе же люди, и очень понятно, что если путешествуя подобныя имъ созданія, то и ихъ величествамъ желательно посмотрѣть главные города чужихъ государствъ. Кромѣ того, любопытство и вѣжливость,

благодарность за оказанные услуги побуждают их делать визиты болѣе или менѣе церемонные, и эти-то визиты порождают множество толкованій».

Замѣтивъ далѣе, что прїездъ короля прусскаго Вильгельма, будетъ, статья можетъ, поводомъ къ важнымъ и таинственнымъ пересудамъ, «Times» добавляетъ, что въ сущности прїездъ этотъ не значить ничего болѣе, какъ только то, что государи двухъ сосѣднихъ и взаимно подозрѣвающихъ одна другую державъ, отличающихся военными силами, — пожелади сдѣлать другъ другу любезность и, тѣмъ самымъ, разсѣять въ Европѣ опасеніе, которое было возбуждаемо вслѣдствіе предвѣщаемого между ними взаимнаго недоброжелательства.

«Императоръ французовъ,—замѣчаетъ «Times»,—несмотря на то, что онъ—государь могущественный и признанный Европою, несмотря на то, что онъ остался побѣдителемъ въ двухъ послѣдовавшихъ одна за другою войнахъ, не занимаетъ еще въ ряду наслѣдственныхъ монарховъ такого мѣста, чтобы онъ могъ оставаться равнодушнымъ къ посѣщенію одного изъ первенствующихъ нѣмецкихъ государей. Принять короля прусскаго въ своихъ чертогахъ, великолѣпно угостить его, раздать ордена его свитѣ, наслушаться привѣтствій отъ важныхъ нѣмецкихъ придворныхъ,—все это могло быть прїятно для покорителя Севастополя и Ломбардіи. Въ свою очередь и прусскій король былъ польщенъ приглашеніемъ, сдѣланнымъ ему со стороны такой замѣчательной личности, каковъ императоръ Наполсонъ.»

По словамъ газеты «Times», прусскій дворъ—одинъ изъ самыхъ честолюбивыхъ германскихъ дворовъ, и въ настоящее время мысль о созданіи тевтонской имперіи не даетъ ему покоя. Не смотря, однако, на все это, также и на то достовѣрное предположеніе, что компенское свиданіе не обошлось, по всей вѣроятности, безъ разговоровъ касательно самыхъ важныхъ вопросовъ, вращающихся въ кругу современной европейской политики, «Times» замѣчаетъ, что свиданіе это, безъ всякаго сомнѣнія, не угрожаетъ міру Европы ни малѣйшей опасностью, такъ какъ отношенія между Франціей и Пруссіей заключаются въ весьма маломъ числѣ вопросовъ, столь обширныхъ, что вопросы эти не могутъ быть разрѣшены посредствомъ личной бесѣды.

Переходя затѣмъ къ отзывамъ французской журналистики по поводу компенскаго свиданія, англійская газета замѣчаетъ, что французская журналистика была несправедлива въ отношеніи къ Англии, объявляя, что англичане съ досадою смотрятъ на завязку союза между Франціей и Пруссіей. Король прусскій, по замѣчанію «Times», не дастъ увлечь себя компенскими празднествами до такой степени, чтобы онъ могъ заключить союзъ, противорѣчащій его собственнымъ выгодамъ, или позволить убѣдить себя такими до-

водами, которые, — если бы только они имѣли дѣйствительную силу, — пришли бы ему на мысль еще и прежде разъ сто. По словамъ англійской газеты, Вильгельмъ I и безъ Наполеона знаетъ очень хорошо все то, что можно сказать въ пользу союза съ французскимъ народомъ. Все это заключается въ указаніи на то положеніе, въ какомъ была Пруссія во время большей части войнъ французской революціи. Совершенно справедливо, добавляеть приводимая нами статья, что Франція можетъ или увеличить Пруссію, или позволить ей сдѣлать то же самое своими и собственными силами.

За тѣмъ идутъ соображенія о томъ, какими путями можетъ Франція исполнить это.

Съ помощью Франціи, по мнѣнію газеты «Times», берлинскій дворъ можетъ овладѣть Ганноверомъ или Ольденбургомъ и десятками двумя мелкихъ нѣмецкихъ владѣній, находящихся въ сердцѣ Германіи. Пруссія, при помощи Франціи, можетъ, въ качествѣ главы нѣмецкаго союза, приобрѣсти большое значеніе въ дѣлахъ западной Европы. Но, — добавляеть «Times», — все это обойдется Пруссіи слишкомъ дорого, такъ-какъ она потеряетъ все свое нравственное могущество въ Германіи и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, положеніе Пруссіи будетъ не завиднѣе того, въ какомъ она находилась въ ту пору, когда она подняла оружіе противъ перваго Наполеона.

«Каково бы ни было личное расположеніе короля Вильгельма къ Франціи, говоритъ дальше «Times», намъ все-таки кажется, что современный ходъ событій долженъ препятствовать обоимъ государямъ составлять общій между собою планъ; и мы полагаемъ, что компьенское свиданіе не можетъ прибавить ничего къ нхъ взаимному согласію.»

Затѣмъ «Times» снова укоряетъ французскую журналистику за ея несправедливыя отзывы о чувствахъ, возбужденныхъ въ Англій компьенскимъ свиданіемъ, потому только, что на немъ происходилъ обмѣвъ взаимныхъ любезностей, и добавляеть, что, напротивъ, Англія будетъ рада добрымъ отношеніямъ Франціи къ Пруссіи, такъ-какъ отношенія этого рода будутъ служить поддержкою мира въ Европѣ.

Въ примѣръ этого «Times» приводитъ слѣдующее обстоятельство.

«Когда, — говоритъ онъ, — ходъ дѣла въ Италіи принудитъ великія европейскія державы объявить себя или за единство Италіи или противъ него и посовѣтовать Австріи, чтобы она удержала за собой послѣднюю свою итальянскую провинцію, или же отказалась бы отъ нея, то изъ этого возникнетъ огромная опасность, если только Пруссія, въ одной непріязни къ Франціи, станетъ поддерживать настойчивость Австріи.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ, гдѣ Англія идетъ рядомъ съ Фран-

цією, никто, столько какъ мы, не желаемъ, чтобы король прусскій слѣдовалъ совѣтамъ императора французовъ. Но нельзя, однако, забывать, что большая часть французовъ, — а въ числѣ ихъ почти всѣ тѣ, которые носятъ оружіе, — склонны къ расчлененію французскихъ владѣній на счетъ Пруссіи. Можно не признавать этихъ предположеній, можно смѣяться надъ ними и говорить, что они не пойдутъ въ пользу Франціи, по все же еще долгое время они будутъ главнымъ предметомъ французской политики. Самый популярный французскій историкъ современнаго намъ эпохи высказалъ мысль, что Рейнъ былъ естественною границею Франціи; и хотя мы думаемъ, что предположенія насчетъ такой границы будутъ оставлены или уничтожены, если только Германія не позволитъ усыпить себя, но все же необходимо крайнее благоразуміе во взаимныхъ отношеніяхъ обояхъ государствъ, и на Пруссіи лежитъ особенная обязанность — не отдаляться отъ Германіи. Для французской политики будетъ большой успѣхъ, если она достигнетъ этого отдаленія Пруссіи; и такъ-какъ это вещь для нея чрезвычайно важная, то мысль объ этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, ужъ мелькнула въ головѣ императора. И такъ мы повторяемъ полную нашу довѣренность на счетъ того, что король прусскій сохранитъ свое независимое положеніе и что онъ не уступитъ своей свободы за тотъ договоръ, который, по общей молвѣ, долженъ быть слѣдствіемъ компенскаго свиданія.»

Объявляя далѣе свое безкорыстіе во всемъ этомъ дѣлѣ, «Times» дѣлаетъ замѣчаніе о бесполезности для Англіи союза съ Пруссіей, прибавляя, что подобный союзъ скорѣе всего нуженъ для самой Пруссіи, въ случаѣ войны на Рейнѣ.

Статья, приводимая нами, оканчивается опредѣленіемъ отношеній Англіи къ континентальной Европѣ. «Times» заявляетъ полное равнодушіе къ дѣламъ континентальной Европы со стороны Англіи, имѣющей тамъ, на южныхъ предѣлахъ, одну только крѣпость. По мнѣнію англійской газеты, если бы даже Англія вступила когда нибудь въ борьбу съ Франціей, то въ помощь ей не слѣлалъ бы ни шагу ни одинъ нѣмецкій полкъ, а Пруссія и второстепенныя нѣмецкія державы смотрѣли бы на борьбу Англіи, если не съ апатіей, то, по крайней мѣрѣ, съ полнымъ равнодушіемъ.

«Пусть же французская журналистика не воображаетъ, — говоритъ «Times», — что мы ждемъ чего-то отъ прусской монархіи. Наши интересы связаны съ интересами цивилизованныхъ народовъ, съ независимостію европейскихъ государствъ — и это обстоятельство заставляетъ насъ совѣтовать Пруссіи держаться политики, ея достойной, а виѣстѣ съ тѣмъ и осмотрительной.»

Другая статья, помѣщенная нѣсколько позднеѣ въ той же газетѣ заявляетъ, что свиданіе короля прусскаго съ императоромъ На-

полеономъ было бесплодно въ отношеніи результатовъ,—и представляетъ, что прїездъ Вильгельма въ Компьень былъ не что иное, какъ только оплата визитомъ за визитъ, сдѣланный ему императоромъ въ Баденѣ, лѣтомъ прошлаго года.

«Король,—говоритъ «Times»,—какъ кажется, слушалъ очень вѣжливо все то, что говорилъ ему его хозяинъ и произвелъ самъ весьма прїятное впечатлѣніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, повидимому, тщательно избѣгалъ всего того, въ чемъ могло бы высказаться его рѣшительное мнѣніе, или что могло обязать его къ какому нибудь предпріятію. Мы не можемъ сказать съ точностію въ чемъ именно заключались предложенія, сдѣланныя королю императоромъ, но, какъ бы то ни было, мы полагаемъ, что императоръ обратилъ вниманіе короля на два вопроса: на заключеніе торговаго союза съ Франціею и на признаніе королевства итальянскаго.»

Относительно торговаго союза, императоръ, по мнѣнію газеты «Times», былъ очень вѣжливо приглашонъ королемъ Вильгельмомъ обратиться къ нѣмецкому таможенному союзу, при чемъ не было сдѣлано никакихъ увѣреній насчетъ того, что Пруссія съ своей стороны поддержитъ предложенія императора по этому дѣлу.

Что же касается признанія королевства итальянскаго, то императоръ объяснилъ королю, что прекращеніе нынѣшняго положенія дѣла на Апеннинскомъ полуостровѣ должно быть первымъ условіемъ для поддержанія мира, и что признаніе Пруссіею королевства итальянскаго будетъ первымъ шагомъ къ устройству итальянскихъ дѣлъ на прочномъ основаніи. На это предложеніе, какъ говорятъ, императоръ не получилъ никакого положительнаго отвѣта. По мнѣнію газеты «Times», король прусскій не можетъ считать королевство итальянское окончательно устроившимся до тѣхъ поръ, пока Венеція будетъ въ рукахъ австрійцевъ, Римъ—во власти французовъ и южная Италія—подъ гнетомъ разбойниковъ. Пока вопросы эти не будутъ разрѣшены, король прусскій будетъ считать признаніе королевства итальянскаго дѣломъ преждевременнымъ. Итакъ,—замѣчаетъ «Times»,—оба государя не сходились въ своихъ мнѣніяхъ по дѣламъ итальянскимъ: императоръ предлагалъ признаніе, какъ средство для прекращенія неурядицъ Италіи; король же, напротивъ, отказывалъ въ признаніи потому только, что неурядица продолжается.

Не ручаясь вполне за достовѣрность всѣхъ этихъ извѣстій, «Times», однако, считаетъ ихъ очень близкими къ истинѣ, объясняя свое предположеніе тѣмъ, что императоръ французовъ находится въ весьма затруднительномъ отношеніи къ различнымъ державамъ и потому не желаетъ, чтобы дѣла итальянскія оставались далѣе также запутанными, какъ запутаны они въ настоящее время. По этой причинѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если Франціи то-

ропить Пруссію положить конецъ подобному ходу дѣлъ, и въ то же время нѣтъ ничего удивительнаго, если Пруссія, въ свою очередь, вѣрная своей наслѣдственной политикѣ, желаетъ отсрочки и откладываетъ на дальнѣйшее время то, что можетъ сдѣлать тотчасъ же.

Въ своихъ соображеніяхъ насчетъ прусской политики «Times» идетъ далѣе:

«Нельзя, — говоритъ газета, — увеличивать тѣ выгоды, которыя извлечетъ Пруссія изъ сдѣланнаго ею признанія королевства итальянскаго. Во всякомъ случаѣ актъ этотъ ей будетъ полезенъ, такъ-какъ Пруссія замышляетъ играть въ дѣлѣ единства и устройства Германіи такую же точно роль, какую игралъ Пьемонтъ въ отношеніи къ Италіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что Пруссія, признаніемъ королевства итальянскаго, окажетъ императору французовъ огромную услугу и хотя мы ей не совѣтуемъ слишкомъ полагаться на признательность Франціи, но во всякомъ случаѣ она должна поступать такъ, чтобы оставаться въ добрыхъ отношеніяхъ къ императору французовъ.

Самый важный интересъ для Пруссіи, — продолжаетъ «Times», — заключается въ поддержкѣ мира среди европейскихъ державъ. Территоріи Пруссіи длиненъ и раскинутъ, почти вся ея армія состоитъ изъ одной только національной гвардіи; въ случаѣ войны, Пруссія можетъ болѣе потерять, нежели выиграть. Поэтому Пруссія не должна желать, чтобы въ Европѣ вспыхнула война, а между тѣмъ, если итальянскій вопросъ не будетъ улаженъ въ нынѣшнемъ году, то надобно быть слишкомъ большимъ оптимистомъ, чтобъ вѣрить въ возможность продолжить миръ въ будущемъ году. Но Пруссія обыкновенно рѣшается на что нибудь только въ крайнюю минуту; имѣя возможность сдѣлать выборъ между убыточной проволочкой и между выгодной скоростью, она непремѣнно выбираетъ медленность и убытки.

Мы не надѣемся, что Пруссія признаетъ королевство итальянское; если же она и сдѣлаетъ это, то уже въ ту пору, когда подобный актъ не будетъ имѣть съ ея стороны ни важности, ни достоинствъ. Когда у Италіи не будетъ болѣе друзей, съ которыми она могла бы посоветоваться, когда у нея не будетъ непріятелей, противъ которыхъ ей приходится бороться, когда начнется война, или когда, по крайней мѣрѣ, будутъ всѣ вѣроятности послѣдней, — тогда Пруссія, и запоздало и бесполезно, признаетъ королевство итальянское и будетъ считать себя вполне счастливою, если европейская война, которую можетъ вызвать робкая политика Пруссіи, избавитъ ее отъ тѣхъ бѣдствій, которыя угрожаютъ ей болѣе, нежели другимъ европейскимъ державамъ.

Общую сводку обѣихъ статей сдѣлать не трудно; господствующій органъ англійской — а можно сказать и всей европейской —

политики судить о Пруссіи какъ о державѣ, союзъ съ которой не принесетъ пользы ни Англіи, ни Франціи, не только по ея географическому положенію, но и вслѣдствіе ея медлительной и робкой политики. Короче, «Times» успокоиваетъ англичанъ насчетъ комьпенскаго свиданія не только бесплодностію его результатовъ, но и тѣмъ еще, что, при своей настоящей политикѣ, Пруссія слишкомъ мало значитъ въ кругу нынѣшнихъ европейскихъ дѣлъ, требующихъ смѣлости и энергіи.

Иначе, и при томъ официально, отзывается о комьпенскомъ свиданіи «Прусская Газета.»

Она говоритъ: вся Пруссія съ удовольствіемъ видѣла все то, что было печатаемо относительно комьпенскаго свиданія, прибавляя, что свиданіе это служило лучшимъ доказательствомъ дружескихъ чувствъ, которыя король хотѣлъ еще разъ выразить императору Наполеону, и что свиданіе это закрѣпило тѣ сердечныя узы, которыя впервые связали обоихъ государей при ихъ свиданіи въ Баденѣ.

Комьпенское свиданіе, по толкованію прусской официальной газеты, служитъ счастливымъ предзнаменованіемъ того, что мирныя и дружественныя отношенія между обѣими сосѣдними державами еще болѣе укрѣпятся; къ этому «Прусская Газета» добавляетъ, что такой ходъ дѣла составляетъ важное условіе для развитія благосостоянія какъ Германіи, такъ точно и Франціи.

Статью свою о комьпенскомъ свиданіи «Прусская Газета» заключаетъ слѣдующими строками:

«Радушный пріемъ, который король встрѣтилъ среди французскаго населенія, заставляетъ насъ замѣтить съ радостію, что и во Франціи, точно такъ же какъ и въ Германіи, очень хорошо поняли всю важность дружественныхъ отношеній между обѣими государствами.

«Мы не ошибемся, видя во всемъ этомъ новый знакъ возрастающаго довѣрія и драгоцѣнный залогъ лучшей будущности.»

III. Запѣтки о положеніи славянскихъ земель, подвластныхъ Турціи.

За исключеніемъ Россіи и Польши, остальные славянскія земли принадлежатъ Австріи и Турціи, хотя, собственно говоря, Сербія и Черногорія, находясь подъ верховнымъ господствомъ Порты, представляютъ въ нынѣшнее время скорѣе независимыя, нежели подвластныя государства. Въ настоящей статьѣ мы представимъ положеніе обѣихъ этихъ странъ, съ замѣтками о другихъ славянскихъ земляхъ, находящихся подъ властію турецкаго султана.

Несмотря на вѣковое господство турокъ надъ славянскими

племенами, имъ не удалось уничтожить національность этихъ племенъ, заключающуюся не только въ вѣрѣ, языкѣ, но и въ особомъ строѣ ихъ гражданской жизни. Несмотря на крайне-малое развитіе цивилизаціи, сравнительно съ племенами западной Европы, между турецкими славянами, послѣдніе все-таки постоянно оставались несравненно выше своихъ побѣдителей и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Чувствуя это превосходство, славяне турецкой имперіи всегда противодействовали своимъ поработителямъ.

Черногорія, какъ самостоятельная гражданская община, или даже какъ государство, существуетъ съ незапамятныхъ временъ въ своихъ неприступныхъ горахъ; и хотя воинская жизнь черногорцевъ привила къ ихъ нравамъ много грубаго и жестокаго, но все же они, по своимъ наклонностямъ и способностямъ къ цивилизаціи, представляютъ значительныя превосходства надъ турками. То же самое можно сказать и о герцеговинскихъ славянахъ. Сознаніе своихъ человѣческихъ правъ, — по выраженію одного изъ двигателей славянскаго возстанія въ Герцеговинѣ, Луки Вукаловича, — пустило глубокіе корни въ этой загнанной вѣтви сербскаго племени, которая хочетъ теперь или жить по человѣчески, или же исчезнуть съ лица земли, подъ ударами своихъ притѣснителей.

Что же касается княжества сербскаго, то, конечно, — не говоря уже о формѣ правленія, учрежденнаго въ Сербіи, — даже отдѣльныя личности образованныхъ сербовъ не могутъ быть допущены въ сравненіе съ тѣми людьми, которые должны считаться между невѣжественными турками самыми просвѣщенными личностями. Сербія не можетъ удовлетворяться настоящимъ своимъ положеніемъ.

При общей ненависти черногорцевъ и сербовъ къ туркамъ-обѣ страны, Черногорія и Сербія, поняли, что онѣ могутъ держаться противъ своихъ враговъ только тогда, когда между ними будетъ согласіе въ образѣ дѣйствій. Вслѣдствіе этого, между сербскимъ княземъ Михаиломъ и черногорскимъ Николаемъ, заключенъ теперь секретный союзъ противъ Порты. Послѣдствія покажутъ пользу этого союза, а теперь мы обратимся къ тѣмъ событіямъ, которыя вызвали сербовъ и черногорцевъ на приготовленія къ рѣшительному отпору туркамъ.

При возстаніи герцеговинскихъ славянъ, посланный въ Герцеговину съ турецкимъ войскомъ Омеръ-паша объявилъ, что единственная цѣль его прихода — укротить это возстаніе; а между тѣмъ онъ вдругъ объявилъ блокаду Черногоріи, не смотря на то, что князь Николай былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ ужасовъ, совершавшихся на границѣ Черногоріи и даже въ недавнее время спасъ отъ голодной смерти турецкій гарнизонъ въ Никсичѣ. Такой крутой оборотъ въ распоряженіяхъ турецкаго главнокомандующаго

произвелъ сильное впечатлѣніе на умы всѣхъ турецкихъ славянъ, которые очень хорошо поняли до чего дойдутъ турки, если имъ удастся погасить первую вспышку между славянскими племенами въ Герцеговинѣ. Общая опасность заставила подумать черногорцевъ и сербовъ о способѣ обороны сообща, и слѣдствіемъ этого былъ тотъ союзъ противъ турковъ, о которомъ мы скажемъ прежде. Славяне, живущіе въ турецкихъ владѣніяхъ, увидѣли, что турецкое правительство добивается, изо всѣхъ силъ, чтобы господствовать надъ славянами съ прежнимъ произволомъ и совершенно разорить ихъ тяжелыми поборами въ пользу турецкой казны.

Видя эти намѣренія турокъ, князь Николай, долго сдерживавшій порывы ожесточенныхъ черногорцевъ противъ турокъ, положилъ дѣйствовать рѣшительно,—хотя, впрочемъ, онъ имѣлъ въ виду начать военныя дѣйствія съ своей стороны только тогда, когда вооружится Сербія и возстанетъ Боснія. Князь Николай началъ свои приготовленія съ того, что 10-го сентября созвалъ сенатъ. Въ засѣданіи сената положено было: 1) запастись провіантомъ, потому что блокада Черногоріи Осеръ-Пашою лишаетъ эту страну, при господствующемъ въ ней теперь голодѣ, подвоза съѣстныхъ припасовъ; 2) снабдить боевыми снарядами всѣхъ вооруженныхъ людей; 3) удовлетворить потребностямъ герцеговинскихъ инсургентовъ, какъ въ припасахъ такъ и въ снарядахъ; 4) обезпечить для нихъ со стороны Черногоріи немедленную помощь, если обстоятельства того потребуютъ.

Вслѣдствіе этихъ совѣщаній, князь Николай увѣдомилъ представителей европейскихъ державъ, находящихся въ Цетиньѣ, что, несмотря на его миролюбивыя склонности, ему невозможно будетъ сдерживать долѣе воинственный порывъ черногорцевъ, если турецкая армія будетъ продолжать блокаду страны, равносильную объявленію войны, такъ какъ блокада истощаетъ голодомъ всю Черногорію. Между тѣмъ, чтобы быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ, онъ придвинулъ къ южной границѣ, какъ къ мѣстности болѣе удобной для вторженія турокъ, пяти-тысячный корпусъ. Вмѣстѣ съ этимъ, о всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и сдѣланныхъ уже имъ распоряженіяхъ онъ увѣдомилъ какъ Сербскаго князя Михаила, такъ и Луку Вукаловича, главнѣйшаго предводителя герцеговинскихъ инсургентовъ. Такимъ образомъ, составились связи между главными славянскими племенами Турціи, готовыми возстать противъ султанскаго господства.

Сравнитая турецкія силы, направленные въ настоящее время противъ Черногоріи, съ силами этой страны, надобно сказать, что численность войскъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны почти одинакова, простираясь до 25,000 съ каждой. Но если взять въ соображеніе энергію, съ которою намѣрены дѣйстви-

вать черногорцы, то можно съ увѣренностію сказать, что князь Николай располагаетъ силами гораздо значительнѣйшими, нежели Омеръ-Паша.

Что же касается той помощи со стороны Сербіи, на которую рассчитываетъ Черногорія, то, по всей вѣроятности, помощь эта придетъ не такъ скоро. Правда, Сербія составила уже сильную милицію, вся страна дѣятельно вооружается, — но недостатокъ денежныхъ средствъ и осмотрительность — чтобы не обременить народъ слишкомъ большими тягостями на военные издержки, должны, понеобходимости, заставить сербское правительство дѣйствовать въ этомъ случаѣ какъ можно осторожнѣе, и слѣдовательно исподоволь, безъ усиленной поспѣшности. Кромѣ пѣхоты въ составъ сербской милиціи входитъ конница, артиллерія и піонеры; приученіе послѣднихъ не можетъ быть скоро окончено, какъ по самой сложности ихъ военно-технической службы, такъ и по медленности сбора ратниковъ въ эту часть ополченія. Надобно замѣтить, что по каждому округу Сербіи на пять человѣкъ ополченцевъ полагается только 5 кавалеристовъ и 2 піонера, а между тѣмъ само собою разумѣется, что піонерамъ нельзя будетъ упражняться отдѣльно въ своихъ обществахъ, а ученье ихъ должно производиться въ болѣе или менѣе общемъ сборѣ; къ этому нужно прибавить, что и ученье нѣкоторыхъ ратниковъ изъ земледѣльцевъ, назначается только по воскреснымъ днямъ и праздникамъ. Затѣмъ всѣ ратники каждой отдѣльной волости собираются на общее ученье только разъ въ двѣ недѣли и наконецъ вся милиція сойдется на общее ученье одинъ только разъ въ годъ, послѣ окончанія полевыхъ осеннихъ работъ.

Итакъ, при всѣхъ этихъ условіяхъ, только осенью будущаго года можетъ составиться сербская милиція въ своемъ полномъ сборѣ. Слѣдовательно, въ настоящую минуту черногорцамъ нельзя рассчитывать на ту значительную помощь, которую они ожидаютъ отъ Сербіи. Отважиться же идти на рѣшительный бой съ войскомъ не только плохо обученнымъ, но и не приглядѣвшимся еще къ первымъ потребностямъ военнаго искусства, едва ли будетъ хорошо, такъ какъ подобный рискованный походъ можетъ легко повлечь за собою проигрышъ всего славянскаго дѣла.

Конечно, турки могутъ воспользоваться этимъ нерѣшительнымъ положеніемъ Сербіи и вызвать ее на бой преждевременно; но едва-ли они рѣшатся на это.

Между тѣмъ въ Черногоріи господствуетъ всеобщее олушечленіе. Всѣ жители ея, отъ пятнадцатилѣтнихъ юношей до шестидесятилѣтнихъ стариковъ, оставили свои жилища и бѣгутъ къ дружинамъ, составляющимся на черногорско-турецкой границѣ.

Война черногорцевъ съ турками, несмотря на ограниченность мѣстности и на характеръ какъ-бы внутренней борьбы, имѣтъ

весьма важное политическое значеніе. Опасность начатой борьбы для Турціи заключается не только въ томъ, что Порта вооружаетъ противъ себя этой борьбой всѣ народы славянскаго племени, отъ устьевъ Каттаро до устья Дуная, но въ послѣдствіяхъ; какія она можетъ имѣть на политическій міръ, снова вызывая восточный, нынѣ какъ будто дремлющій, вопросъ. Французскія газеты сообщаютъ впрочемъ, что турецкое правительство, прежде чѣмъ рѣшилось послать свое войско противъ черногорцевъ, принявъ всю важность предпринимаемаго имъ дѣла, обратилось къ Европѣ въ дипломатической нотѣ, разосланной на имя всѣхъ своихъ дипломатическихъ агентовъ при иностранныхъ дворахъ, означая въ этой нотѣ причины своихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Черногоріи. Конечно, Порта общими фразами насчетъ непокорности подвластной ей страны можетъ оправдывать свои распоряженія и статья можетъ, что если-бы европейскіе кабинеты не имѣли въ виду длиннаго и при томъ систематическаго ряда угнетеній христіанскаго населенія въ земляхъ, подвластныхъ турецкому султану, то блокада Черногоріи представлялась бы европейской дипломатіи въ иномъ видѣ, нежели представляется она теперь.

Какъ бы-то ни было, но борьба между Турціей и Черногоріей уже началась. Черногорцы смѣло вступили на турецкую землю близъ Секки въ началѣ сентября мѣсяца. Впрочемъ, начавшаяся война не представляла еще до сихъ кровопролитныхъ побѣдъ, такъ какъ все дѣло ограничивалось только не большими стычками отдѣльныхъ отрядовъ; при томъ и по самой мѣстности, гдѣ происходитъ теперь война, дѣйствовать большими массами войскъ почти невозможно.

Не смотря на этотъ ходъ войны, отъ Омера-Паши приходятъ безпрестанно въ Константинополь требованія редифовъ, фуража и денегъ. Между тѣмъ турецкія войска двигаются въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ Черногорією, безъ всякаго стратегическаго порядка; они переходятъ съ мѣста на мѣсто, разоряя на своемъ пути всѣ попадающіяся имъ села и деревни. Три батареи, находящіяся въ распоряженіи Омера-Паши, распределены такимъ образомъ: одна назначена въ Скутари, другая -- въ Боснію, третья въ Сициду на границу Сербіи. Каждый день къ отрядамъ Омера-Паши прибываютъ партіи турецкихъ новобранцевъ и такой чрезвычайный наборъ солдатъ порождаетъ въ славянскихъ областяхъ Турціи самые тревожные слухи. Большинство, и конечно не безъ основанія, думаетъ, что Турція замышляетъ войну не съ одной только Черногоріей, но и съ Сербіей, хотя послѣдняя до сихъ поръ не дала еще, по видимому, никакого повода къ наступательному образу военныхъ дѣйствій со стороны Порты.

Такіе замыслы Порты должны считаться неразсчитливымъ

увлеченіемъ. Не смотря на всѣ воинственные порывы турецкаго правительства, духъ оттоманской арміи совершенно упалъ и врядъ-ли можно полагаться и только на ея стойкость, но и на ея численность, которая, по всей вѣроятности, во всякое время можетъ уменьшиться въ значительномъ размѣрѣ побѣгами турецкихъ воиновъ, не расположенныхъ къ боевымъ подвигамъ. То сочувствіе, съ которымъ войско встрѣтило вояренье новаго султана, теперь значительно охладѣло. Турецкій солдатъ, по прежнему, не получаетъ жалованья и, оставаясь безъ куска хлѣба, онъ готовъ сдѣлаться дезертиромъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Другое, не менѣе важное, обстоятельство, имѣющее вліяніе на духъ турецкой арміи, заключается въ томъ, что турецкое войско, особенно послѣ восточной войны, привыкло къ спиртнымъ напиткамъ, которые, какъ извѣстно, такъ строго запрещены Кораномъ. Это уклоненіе отъ основного правила Корана показываетъ упадокъ религіознаго духа, а слѣдовательно и того магометанскаго фанатизма, который прежде былъ главнымъ побудительнымъ средствомъ для совершенія турками военныхъ подвиговъ.

Возстаніе жителей Герцеговины отличается своимъ характеромъ отъ борьбы, которая ожидаетъ турокъ въ Сербіи и Червогоріи; двѣ послѣднія страны готовятся вступить въ бой съ турками скорѣе какъ самостоятельныя государства, а не области, возмущившіяся противъ иноплеменнаго господства. Что же касается герцеговинскаго возстанія, то оно вызвано неудовольствіемъ тамошнихъ жителей противъ мѣстныхъ турецкихъ властей и противъ общихъ распоряженій турецкаго правительства, клонящихся къ угнетенію раіевъ. Неудовольствій въ Герцеговинѣ набралось множество, но трудно сказать противъ какихъ именно и тѣръ всего болѣе ожесточены жители этой области. Вообще же герцеговинцы хлопочутъ въ настоящее время не столько о политической самостоятельности своей страны, подобно сербамъ и черногорцамъ, сколько о приобрѣтеніи личныхъ правъ и матеріальнаго благоденствія, хотя бы и подъ турецкимъ господствомъ. Легко статья можетъ, что если бы Порта дѣйствовала въ духѣ справедливости и умѣренности въ отношеніи къ раіямъ, то возстаніе славянъ въ Герцеговинѣ не приняло бы большихъ размѣровъ и тамошніе жители не ждали бы помощи отъ сербовъ и черногорцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что герцеговинцы тѣмъ менѣе торопились бы ослабить и, при удобномъ случаѣ, свергнуть съ себя турецкое иго, чѣмъ болѣе раіи пользовались бы равенствомъ правъ съ мусульманами и правосудіемъ. Возстаніе въ Герцеговинѣ не доходило бы до такой ожесточенности какъ теперь, если бы турецкое правительство оказывало уваженіе христіанской религіи и если

бы каждый христіанинъ не былъ сжеминутцо оскорбленъ въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, а также если бы Порта слѣдала хоть что нибудь для улучшенія матеріальнаго быта своихъ герцеговинскихъ подданныхъ.

Турецкое правительство должно видѣть свои собственныя ошибки относительно подвластныхъ ему славянъ и не сваливать настоящее возстаніе герцеговинцевъ на черногорцевъ, потому что такое истолкованіе этого возстанія обяжетъ черногорцевъ принять рѣшительно сторону своихъ соплеменниковъ въ ихъ борьбѣ съ Турціей и тогда затрудненія турецкаго правительства и увеличатся, и усложнятся.

Несмотря на возстаніе, турецкія власти потворствуютъ грубому и жестокому турецкому населенію, не щадящему христіанъ; и вслѣдствіе обидъ и жестокостей, ненависть противъ турокъ растетъ все сильнѣе и сильнѣе. Возстаніе особенно усиливается на сѣверо-востокѣ Герцеговины и число инсургентовъ увеличивается тамъ съ каждымъ днемъ новыми перебѣжчиками. Есть извѣстіе, что даже мусульмане въ иныхъ мѣстахъ отдѣляются отъ своихъ единовѣрцевъ и переходятъ на сторону христіанскаго населенія.

Въ особенности же тревожатъ турокъ ускоки. Они смѣло нападаютъ на турецкія селенія, жгутъ ихъ и истребляютъ крупный и мелкій скотъ; они не даютъ пощады ни одному встрѣтившемуся турку; баши-бузуки, при одномъ ихъ имени, бросаютъ оружіе и спасаются бѣгствомъ. Ускоки чаще всего нападаютъ на турокъ по ночамъ малыми партіями; они смѣло кидаются въ самый центръ турецкихъ войскъ и быстрыми и неожиданнымъ натискомъ наводятъ на нихъ паническій страхъ.

Изъ схватокъ, бывшихъ до сего времени въ Герцеговинѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія схватка въ ущельѣ Дугу. До 500 человекъ герцеговинцевъ, притаявъ дыханіе, зорко слѣдили за турками при входѣ ихъ въ это ущелье, и пропустивъ авангардъ, они съ яростью устремились на солдатъ Али-Паши. Завязался рукопашный бой, въ которомъ былъ смертельно раненъ главный врагъ возставшихъ христіанъ, Али-Паши. Войско его съ трудомъ прошло ущелье, оставивъ въ рукахъ герцеговинцевъ до шестидесяти лошадей, навьюченныхъ военными снарядами, болѣе шести сотъ лошадей съ запасами съѣстными и одно горное орудіе. Потеря турокъ не приведена въ извѣстность; можно только сказать, что весьма не многіе уцѣлели изъ арьергарда.

Дѣло при Дугу произвело, какъ и слѣдовало ожидать, самое несприятное впечатлѣніе на мусульманъ; для нихъ въ особенности была важна потеря орудія. Турецкія войска убѣдились, что въ нынѣшнемъ году имъ не легко будетъ справиться съ инсургентами. Съ другой стороны, Омеръ-Паши чувствуетъ недоста-

токъ въ деньгахъ и нуждается въ провіантѣ, котораго нельзя исправно доставлять его арміи послѣ отбитія герцеговинцами такого большого числа вьючныхъ лошадей.

Къ открытому возстанію христіанъ надобно прибавить еще глухое неудовольствіе самихъ турокъ въ Босніи и Албаніи, какъ противъ султанскаго правительства вообще, такъ и противъ Омеръ-Паши въ особенности. Послѣдній встрѣчаетъ на каждомъ шагу препятствія со стороны мѣстныхъ властей и албанцевъ, готовыхъ отложиться отъ Турціи при первой удачѣ славянскаго движенія. Между тѣмъ предводитель герцеговинскаго возстанія, Лука Вукаловичъ, не дремлетъ; кромѣ того, что онъ собираетъ около себя вооруженныхъ людей, онъ сильно укрѣпилъ ущелье, ведущее въ Сутторино, построивъ редуты и батареи, снабженные достаточнымъ числомъ пушекъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, заимствованнымъ изъ «Сербскаго Дневника», воинственный и патриотическій духъ въ герцеговинскихъ инсургентахъ достигъ высшей степени. Почти все населеніе вооружено и готово схватиться съ турками. Въ числѣ христіанскихъ войскъ находится много сербскихъ женщинъ. Корпусъ Вукаловича получаетъ безпрестанно новыя подкрѣпленія изъ австрійскихъ земель, населенныхъ славянами.

Все предвѣщаетъ, что начавшееся возстаніе въ славянскихъ областяхъ, принадлежащихъ Турціи, приметъ широкіе размѣры.

IV. Римская церковь, какъ духовное и политическое учрежденіе.

Не вдаваясь въ историческія замѣчанія о развитіи духовной власти римской церкви и о политическомъ значеніи ея главы, какъ въ римской области, такъ и въ средѣ европейскихъ государствъ, мы постараемся опредѣлить, что значитъ нынѣ римская церковь, если смотрѣть на нее не только какъ на духовное, но и какъ на политическое учрежденіе.

Намъ кажется, что лучше всего можно опредѣлить то значеніе, которое стараются придать римской церкви ея поборники, указаніемъ на нѣкоторыя мѣста изъ папской аллокуціи, произнесенной 30-го сентября въ тайной консисторіи.

«Почтенныя собратія,—говорилъ Пій IX своимъ кардиналамъ, — каждый изъ васъ видѣлъ съ какимъ соболѣзнованіемъ въ душѣ нашей мы оплакивали, среди васъ, многочисленныя и горестныя бѣдствія, нанесенныя апостольской церкви и апостольскому престолу и самимъ намъ, — къ великому разстройству цивилизованнаго міра, — пьемонтскимъ правительствомъ въ виновникахъ прискорбнаго возстанія, въ особенности въ несчастныхъ итальянскихъ провинціяхъ, которыя похищены пе-

монтскимъ правительствомъ, съ такой несправедливостію и съ такою насиліемъ».

Далѣ Пій IX жалуется на расправу Чіальдини съ архіепископомъ неаполитанскимъ, кардиналомъ Ріаріо Сфорца, осыпая, при этомъ случаѣ, укорами приверженцевъ итальянскаго дѣла и уподобляя ихъ древнимъ еретикамъ.

Уже изъ первыхъ строкъ папской рѣчи видно какъ тѣсно нынѣшній глава римской церкви связываетъ духовные интересы своей епископской кафедрѣ съ ея вещественными выгодами, или, лучше сказать, съ выгодами ея первенствующаго представителя. Политическому движенію Италіи онъ придаетъ религіозный характеръ; въ глазахъ его двигатели политическаго единства Италіи—ни не что иное какъ отступники отъ церкви, древніе еретики, колебавшіе церковные догматы католицизма.

При такомъ взглядѣ на итальянское дѣло, принесшее, безъ всякаго сомнѣнія, сильный ущербъ папству, какъ абсолютной монархіи, ничего нѣтъ удивительнаго, что въ послѣдующихъ строкахъ рѣчи, произнесенной Пиемъ IX, положеніе Италіи представлено въ самомъ потрясающемъ видѣ.

«Всѣ законы божескіе и человѣческіе,—возвѣщала далѣ Пій XI своей тайной консисторіи,—были попраны ногами; вся церковная блюстительность подпала презрѣнію, епископы были изгнаны изъ епархій и даже ввергнуты въ темницы; большая часть вѣрныхъ была лишена своихъ пастырей, духовенство свѣтское и монашеское подверглось оскорбленію и несправедливостямъ; религіозныя общины были разрушены, ихъ члены были изгнаны изъ своихъ жилищъ, на произволь совершенной нищеты; дѣвы, посвятившія себя Богу, принуждены были собирать себѣ подаваніе на кусокъ насущнаго хлѣба; храмы, наиболѣе почитаемые, были ограблены, осквернены и обратились въ вертепы воровъ; священныя имущества были похищены; власть и судъ церковные встрѣтили насиліе; законы церкви были презрѣны и потоптаны ногами».

Тѣ, которые слѣдили внимательно за ходомъ движенія въ Италіи, по газетамъ даже неблагоприятнымъ этому движенію, могли видѣть, что догматическіе вопросы католической церкви нисколько не были затронуты совершившимся въ Италіи переворотомъ. Нигдѣ ученіе римской церкви, даже съ его новымъ догматомъ объ immacулатномъ зачатіи, введенномъ Пиемъ IX, не было попираемо ногами; движеніе итальянское шло такимъ образомъ, что если бы римская церковь не смотрѣла на себя какъ на учрежденіе политическое, то она имѣла бы весьма мало поводовъ жаловаться на итальянскія событія послѣдняго времени. Притомъ въ рѣчи его святѣйшества вся вина безпорядковъ, происшедшихъ въ отношеніи къ церковнымъ дѣламъ, приписана исключительно пьемонтцамъ и ихъ приверженцамъ; если

же, однако, взглянуть на дѣло поближе, и безпристрастно, то окажется, что и реакціонеры, подъ благовиднымъ предлогомъ—чтобъ не отдать пьмонтцамъ разшой церковной подвижности, забирали ее въ свою пользу при каждомъ удобномъ случаѣ и нередко дѣлали храмы Божіи вертепами не только воровъ, но и разбойниковъ.

Описать положеніе Италіи со своей точки зрѣнія, Пія IX спрашиваетъ:

«И кто же это такіе, которые дѣйствуютъ подобнымъ образомъ?—Это люди, которые, не краснѣя, съ наглымъ безстыдствомъ провозглашаютъ, что они хотятъ дать свободу церкви и возвратить Италію самой себѣ. Они идутъ еще далѣе; они не стыдятся просить римскаго первосвященника, чтобы онъ соблагволилъ благопріятствовать ихъ преступнымъ желаніямъ, изъ боязни, чтобы еще большія бѣдствія не обрушились на римскую церковь».

Послѣ такого обвиненія свѣтскихъ дѣйствователей, а въ томъ числѣ, конечно, и императора Наполеона, не имѣющихъ румянца стыдливости, Пія IX обвиняетъ духовныхъ лицъ, забывшихъ свой долгъ и свои обязанности, и затѣмъ вдругъ переходитъ къ Мексикѣ, гдѣ, по словамъ папы, люди, виновные не менѣе итальянцевъ, отбираютъ церковныя имущества, преслѣдуютъ монашествующихъ разныхъ орденовъ, а также и дѣвъ, посвятившихъ себя Господу.

«Но это еще не все, — добавляетъ папа, — въ другой части Америки, въ Новой Гренадѣ, въ недавнее время нарушители общественного порядка, овладѣвъ верховною властью, превозгласили неправый законъ, воспреещающій церковной власти исправлять свои обязанности безъ согласія и позволенія гражданскаго правительства. Они разсѣяли членовъ знаменитаго братства іезуитовъ, оказавшихъ великіе заслуги религіи и обществу. Мало этого, принудили апостольскаго легата выгнать изъ предѣловъ республики въ трехдневный срокъ!»

Какъ живописуется во всѣхъ этихъ словахъ стремленіе папства и всесвѣтному господству! Рѣчь Пія IX ставитъ въ одинъ уровень виновность итальянцевъ и мексиканцевъ и новогренадцевъ. Вѣдь они, худо ли хорошо, устроивая свой гражданскій бытъ, дѣлаются нарушителями законовъ и божескихъ и человѣческихъ въ глазахъ римскаго первосвященника. Рванулась ли итальянская нація къ политической свободѣ и къ политическому единству, она — склоняще еретиковъ, въ глазахъ апостольскаго намѣстника. Стали ли заводить у себя южные американцы новые порядки, съ нарушеніемъ некоторыхъ вещественныхъ выгодъ римскаго духовенства, — они не менѣе виновны, какъ и итальянцы. Чисто политико-экономическіе вопросы нашего времени—напр. вопросъ объ обращеніи монастырскихъ имущества въ государственныя—признаются на-

ствомъ какъ нарушеніе божескихъ законовъ. Разумное подчиненіе духовенства гражданской власти, препятствующее образовываться государству въ государствѣ, считается тоже, съ папской точки зрѣнія, преступленіемъ противъ церковныхъ установленій. Наконецъ, высылка іезуитовъ и папскаго легата упоминается въ числѣ злодѣйствъ, совершенныхъ противъ Христовой церкви!

«Вы, уважаемые друзья, — говорилъ далѣе Пій IX, излагая консисторію европейскія и американскія событія, — вы поймете всю горечь нашей скорби въ виду этого печальнаго низверженія божественныхъ и человѣческихъ учрежденій». Утѣшеніемъ среди всего этого остается, по словамъ Пія IX, для римской церкви то, что у нея есть еще свои бойцы, преданные престолу Св. Петра и составляющие безсмертную славу какъ себя самимъ, такъ и тѣмъ монашескимъ орденамъ, къ которымъ они принадлежатъ. Люди этого рода, по выраженію Пія IX, защищаютъ и словесно и письменно «дѣло Божіе», дѣло святой церкви и апостольскаго престола, ихъ права, ихъ ученіе, ихъ судъ и ихъ челолюбіе.

Но не за одно это благодарить Пій IX поборниковъ католицизма. Упомянувъ о доблестяхъ нѣкоторыхъ епископовъ, онъ продолжаетъ:

«Какъ вы, почтенные братія, такъ точно и они, съ своимъ духовенствомъ и своей вѣрною паствою, принимаютъ самое живое участіе въ тѣхъ крайнихъ затрудненіяхъ, которыя испытываемъ мы, вслѣдствіе похищенія у насъ большей части нашихъ свѣтскихъ владѣній. Они находятъ, что имъ ничѣмъ нельзя доказать болѣе ихъ религіознато и нравственнаго долга, какъ облегчить наше положеніе, употребивъ свое горячее усердіе на благочестивыя и добровольныя складки».

Затронувъ усердіе своей паствы въ общихъ словахъ, Пій IX переходитъ далѣе въ область самообольщенія. На защищаемый французскими штыками папскій престолъ онъ смотритъ какъ на такое политическое учрежденіе, которое можетъ жить своею собственною жизнью, безъ всякой посторонней поддержки военною силою.

«Здѣсь, почтенные братія, — говоритъ Пій IX, — мы не можемъ не сказать о постоянныхъ выраженіяхъ искренной преданности, непоколебимой вѣрности, благоговѣйной покорности и благородной щедрости, расточаемыхъ передъ нами римскимъ народомъ. Онъ хочетъ ясно показать этими выраженіями до какой степени онъ привязанъ къ намъ, къ апостольскому престолу и къ *свѣтской власти, намъ принадлежащей*; съ какою силою онъ отражаетъ и осуждаетъ всѣ преступныя козни и покушенія тѣхъ, которые хотятъ поселить среди его смуты и поставитъ ему за-

падию. Вы сами, почтенные братія, развѣ не видали много разъ тѣхъ неподдѣльныхъ, сердечныхъ манифестацій, которыми римскій народъ, столь нами любимый, выражалъ чувства своей наслѣдственной преданности, — преданности, достойной великихъ похвалъ?»

«И такъ, — заключаетъ Пій IX, — какъ мы имѣемъ обѣтъ Господа нашего Иисуса Христа, что Онъ пребудетъ съ церковію до скончанія вѣковъ и что врата адовы не одолѣютъ ее, то мы увѣрены, что Онъ исполнитъ обѣтъ свой и что наступитъ день, день чудесъ, когда Господь покажетъ, что свирѣпствующая теперь буря была воздвигнута не для того, чтобы потопить корабль Св. Петра, но для того, чтобы поднять его надъ бездною.»

Окончаніе панской рѣчи заключаетъ въ себѣ приглашеніе творить молитвы и денно и пощно о томъ, да исчезнетъ всякое нечестіе, да обратятся враги апостольскаго престола на путь правды и да цвѣтеть и царствуетъ на землѣ все болѣе и болѣе католическая церковь, въ которой, — какъ говоритъ глава ея, — лежитъ начало не только духовнаго счастья, но и политическаго благосостоянія народовъ.

Въ приведенной нами рѣчи личность самого Пія IX мелькнула всего разъ; только однажды посѣтовалъ онъ на оскорбленія, нанесенныя ему самому, но за то все интересы римской церкви, — и, надобно сказать правду, не столько духовные, сколько матеріальные, — нашли себѣ въ немъ ревностнаго поборника. Конечно, все это извиняется, отчасти ложнымъ положеніемъ, въ которое поставленъ нынѣ римскій первосвященникъ, провозглашающій, что въ недрахъ католической церкви народы обрѣтутъ не только духовное спасеніе, но и источники ихъ политическаго довольства. Вся рѣчь Пія IX представляетъ смѣшеніе понятій о духовной и гражданской жизни общества, о духовной и свѣтской власти панства, о религіозныхъ реформаціяхъ и политическихъ революціяхъ. Надъ всеѣмъ этимъ стремится господствовать римская церковь не только какъ духовное, но и какъ политическое учрежденіе, высшее, никому не подсудное. Пій IX доходитъ до того, что вещественные интересы римской куріи онъ называетъ «дѣломъ Божиимъ».

Чтобы показать разладницу между голосомъ Пія IX, дошедшимъ къ нему пресмественно черезъ длинный рядъ вѣковъ, и голосомъ живыхъ потребностей, мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ вышедшей недавно брошюры аббата Пассалиа. Мнѣнія аббата тѣмъ болѣе заслуживаютъ уваженія, что въ сущности онъ стремится къ поддержанію римской церкви, слѣдовательно его никакъ нельзя обвинить какъ еретика въ догматическомъ смы-

слѣ; онъ съ своей стороны возстасть только противъ политическаго значенія папства.

Аббатъ Пассалиа принадлежитъ къ іезуитскому ордену, онъ былъ профессоромъ въ римскомъ университетѣ и считается во всей Италіи однимъ изъ первыхъ богослововъ. Мало этого, онъ особенно хлопоталъ объ установленіи догмата иммакулятнаго зачатія и написалъ въ защиту его три огромные тома. Онъ былъ всегда на счету у римскаго двора, какъ самый ревностный поборникъ католицизма, и самъ онъ только на началахъ католицизма старается опровергнуть право папъ не свѣтское господство. Всѣ брошюры аббата Пассалиа проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ славѣ римской церкви, какъ къ лицу духовному, а между тѣмъ этотъ чловѣкъ пишетъ слѣдующее:

«Если нѣкогда, въ другія времена, общественное устройство давало поводъ думать, что свѣтская власть можетъ быть съ пользою ввѣрена римскому первосвященнику, то въ настоящее время явилась такая разница между общественными и частными интересами, что самъ папа, изъ всѣхъ силъ долженъ стараться объ отдѣленіи власти свѣтской отъ духовной, объ отдѣленіи державнаго скипетра отъ ключей апостола Петра и папской тирары отъ короны монарха. Это отдѣленіе требуется единогласно тѣми, которыхъ держитъ иноземная сила согбенными подъ господствомъ духовнаго пастыря. Этого отдѣленія требуетъ единодушно все населеніе Италіи, которая не можетъ терпѣть долѣе, чтобы созданное имъ королевство было лишено своей столицы, — Рима. Этого отдѣленія требуютъ самыя просвѣщенныя націи Европы, которыя очень хорошо понимаютъ, какъ вредна свѣтская власть и церкви и самому первосвященнику. Этого отдѣленія требуютъ опасности, которыхъ не избѣгнетъ ни церковь, ни цивилизация, если святой отецъ не склонится на миръ и уступки. Этого отдѣленія требуетъ даже долгъ первосвященника, пастыря пастырей, единственной заботой котораго должно быть благо его паствы. Справедливость божественная и человѣческая соединяются вмѣстѣ, чтобы требовать того же самаго».

Добавимъ къ этому, что авторъ упомянутой брошюры, написанной на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Pro causâ italicâ ad episcopos catholicos» (объ итальянскомъ дѣлѣ къ католическимъ епископамъ), и направленной противъ свѣтскаго господства папъ, достигъ высшей степени популярности въ Италіи. Путешествіе знаменитаго богослова отъ папскихъ владѣній до Турина было непрерывнымъ рядомъ овацій. Посѣщенія аббата духовенствомъ принимали размѣры настоящихъ демонстрацій въ честь аббата. Толпы народа сбѣгались подъ его окна и привѣтствовали его криками: *viva Italia una! Пассалиа вторилъ этимъ кликамъ, прибавляя однако — e catholica!*

Какъ же послѣ всѣхъ этихъ фактовъ можетъ дѣйствовать на образованный мiръ скорбная рѣчь Ця IX, произнесенная только въ кругу его преданнѣйшихъ слугъ и не получившая нигдѣ сочувственнаго отголоска?...

—

ФЕЛЬТОНЪ.

НЕВИННЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ НАЧИНАЮЩАГО.

«Es irrt der Mensch, so lang' er strebt.»
Göthe.

Я восемь лѣтъ былъ студентомъ... отчего одинъ изъ зло-
язычныхъ пріятелей до сихъ поръ именуеть меня *ветераномъ*
россійскихъ университетовъ.

Горекъ былъ путь моихъ странствій по міру знанія... Меня
бросало изъ стороны въ сторону, и сколько я ни глодалъ кор-
ку науки, ничего не получилъ въ награду.

И къ чему привело меня страствіе по разнымъ областямъ
точного и спекулятивнаго знанія? Что я такое въ настоящую
минуту? Я—бѣдный, начинающій фельетонистъ. Гдѣ же послѣдо-
вательность, гдѣ выдержка, гдѣ направленіе?

Сокрушаясь въ сердцѣ своемъ, что я началъ изученіемъ ор-
ганическихъ радикаловъ, а кончилъ, какъ видите, переливаніемъ
изъ пустого въ порожнее; я глубоко сознаю при томъ, что моя судь-
ба есть только отраженіе окружающаго меня съ разныхъ сторонъ.

Посмотрите-ка вы: какъ у насъ начинаютъ и какъ кончаютъ,
или, лучше, кончаютъ-ли чѣмъ нибудь? Слишкомъ избитые во-
просы, скажете вы. Пожалуй; но разрѣшите вы мнѣ, по крайней
мѣрѣ, какую фizioномію имѣеть теперь наше общество, наша
литература, наши удовольствія.

Я не берусь опредѣлить эту фizioномію; я не скажу даже,
что теперь въ модѣ и что вышло изъ моды...

Въ сердцѣ моемъ гнѣздится скепцитизмъ; я—невѣрующій юноша.

Думы, одна другой мрачнѣе освѣняютъ юное чело мое... Вотъ, размышляю я... въ какое время приходится намъ жить... Со всѣхъ концовъ осаждали насъ вопросы; мало этого, мы гонялись за ними взапуски, дѣлали ихъ на-заказъ, — брали напрокатъ, чего-чего мы не творили... а хоть бы одну свою идею выработали, одну-единственную...

Не далеко отъ моего жилища помѣщается женская гимназія. Каждый почти день, выходя изъ дому или возвращаясь домой, я вижу юныхъ питомицъ просвѣщенія на пути къ храму науки, съ разнородными сумочками, въ сопровожденіи служителей мужескаго и женскаго пола и безъ оныхъ...

Казалось бы, что можетъ быть отрадиѣе этого зрѣлища? Вотъ вамъ будущиость Россіи!.. Это наши русскія женщины, это тѣ созданія, которыя ждутъ новыхъ Тургеневыхъ; ихъ развитіе свободно, онѣ не разъединены съ жизнью, онѣ вбираютъ въ себя лучшіе ея соки... дайте имъ кончить курсъ... и мы двинемся на полстолятіе!..

И вообразите, уважаемый читатель, ни одна изъ этихъ свѣтлыхъ мыслей, ни одно изъ этихъ радужныхъ упованій не породить мой юный умъ и мое юное сердце...

Что изъ нихъ выйдетъ, шепчу я, полный развѣдающаго скептицизма... И кто мнѣ поручится, что изъ нихъ что нибудь выйдетъ?

А за симиъ является все тотъ же вѣчный, неотвязный вопросъ: чѣмъ онѣ начнутъ, и чѣмъ кончатъ, и кончатъ ли чѣмъ нибудь?

Начнутъ очень громко, шепчу я. Какъ только соскочатъ со школьной скамьи, разразятся фразами, возжелаютъ возродить русское общество... а кончатся тѣмъ, что я ихъ встрѣчу среди благообразныхъ господъ и госпожъ, гуляющихъ по Невскому...

Мое болѣзненное настроеніе, уважаемый читатель, *даемъ вамъ на нервы*; вы, вѣдь, оптимистъ, *огорченныиъ* не терпите, и любите набрасывать на все флѣръ свѣтлорозоваго цвѣта...

Но вдумайтесь вы въ себя хорошенько, пораскопайте сокровенныя глубины вашего сердца... не найдете-ли вы тамъ того же чувства, которое руководитъ мои скептическими воззрѣніями?.. Это въ воздухѣ, благодушный читатель...

Вообразите вы себѣ, что вы начинаете жизнь сызнова... Вы—юноша, пріѣхавшій пролагать себѣ дорогу, искать испытаній и наслажденій, изучать общество и поучиться отъ него всему, отъ чего съ годами образуется полный человѣкъ.

Къ чему вы приткнетесь, съ чего вы начнете, какъ составите программу вашей жизни и чѣмъ, наконецъ, займетесь?

Я, право, не знаю, съ чего вы начнете, какую найдете поддержку въ стрѣ общественной жизни...

— Помилуйте,—заговорить глубокомысленный читатель,—что вы толкуете!.. Мало ли у насъ интереснаго и поучительнаго? Каждый день разные музеи открыты, библіотеки, лекціи читаются, курсы всякіе, выставки и заведенія. Это все, милостивый государь... происходитъ оттого, что мы сами не умѣемъ жить разумно, походить, поискать; намъ все разжуй, да въ ротъ положи...

— Совершенно справедливое сужденіе въ мысляхъ вашихъ имѣть изволите, глубокомысленный читатель,—говорю я;—но вѣдь въ томъ-то и сказывается фizioномія жизни, что входитъ въ будничныи обиходъ ея, также часто попадаетъ и въ такомъ разнообразіи, какъ первыя насущныя потребности... Положимъ, что мы не умѣемъ жить разумно; такъ надо насъ научить, надобны намъ толчки и стимулы, надо, чтобъ мысль и досугъ наши направлялись добрымъ порядкомъ... Вы, достойный читатель-старожилъ, человѣкъ бывалый, общественный, свѣтскій; у васъ бездна знакомыхъ... Вамъ ничего не будетъ стоить найти для моего юноши пять, десять *домовъ*, гдѣ онъ обрѣтетъ всякую пищу для ума и сердца.

Я—признаюсь—затрудняюсь въ этомъ случаѣ и просилъ бы васъ показать молодому человѣку хоть какую нибудь разумность въ проявленіяхъ жизни нашего общества; а главное, не угоднo ли доставить юношѣ рядъ поучительныхъ впечатлѣній, рядъ сближеній съ салонною жизнью, въ которыхъ бы, каждый разъ, открывалась для него какая-нибудь идея; поставьте его въ среду, которая бы, дѣйствительно, разумно его развивала, гдѣ бы онъ видѣлъ, своей воспримчивой душой, что тутъ люди *живутъ* серьезными интересами, думаютъ честно, любятъ и не любятъ правдиво и разумно...

Вы, кажется, отказываетесь и съ полуулыбкой говорите: «Пускай онъ самъ займется литературой, науками.»

Хорошо-съ: пускай ужъ онъ вкусилъ запрещеннаго плода... напечаталъ свое произведеніе въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ... трудъ его замѣтили въ одной изъ тощихъ газетъ... онъ, съ замираніемъ сердца, читалъ у себя дома статейку, гдѣ провозглашалось, что наша литература—вообще бѣдна и всякое по-

вое оригинальное произведеніе должно быть встрѣчено съ сочувствіемъ; и потому нельзя не обратиться съ таковымъ сочувствіемъ къ произведенію г-на Х., только что выступившаго на литературную арену... и такимъ манеромъ расписывалось на четырехъ столбцахъ; а въ концѣ юноша прочелъ, что хотя въ повѣсти г-на Х. есть утрировки нѣкоторыхъ характеровъ, но произведеніе это заставляетъ возложить большія надежды на молодое дарованіе.

Ну вотъ—и ѣдетъ нашъ писатель, и предается лучезарнымъ мечтамъ...

«Пріѣду я.—мечтаетъ онъ.—и сейчасъ отправляюсь въ редакцію... меня принимаютъ съ пріятнѣйшей улыбкой и просятъ сотрудничать.

Вотъ я сотрудникомъ. Меня вводятъ въ литературный кругъ... ѣзжу, дѣлаю визиты всѣмъ знаменитостямъ, веду тонкіе критическіе разговоры. слушаю разныя такія умныя вещи. Что ни слово—то. разумѣтся, новая идея, что ни мысль—то гениальный проблескъ ума... остроты, эпиграммы... Какъ у когонибудь изъ знаменитостей побываешь, такъ и міровой вопросъ рѣшишь.

А потомъ—вечера литературные! сколько тутъ собирается знаменитостей! какая бесѣда!.. Чему-чему тутъ не научишься! Совсѣмъ другимъ человѣкомъ станешь!.. книгъ не нужно читать, только на эти литературные вечера ходи: тутъ человѣкъ дышетъ воздухомъ науки, добра, искусства!.. Возвышеннѣйшія стремленія, безкорыстная любовь къ правдѣ и красотѣ, высокія идеи, глубочайшіе вопросы!..

И все это будетъ такъ легко, доступно.

Ахъ, хорошо быть литераторомъ!—воскликаетъ юноша, когда вагонъ останавливается у дебаркадера... и почему это не всѣ люди—писатели?..

Какую же лучше жизнь можно выдумать?»

Пріѣхалъ нашъ писатель, и отправился въ редакцію.

— Не принимаютъ,—говорятъ;—извольте явиться въ четвергъ: отъ 12 до 2-хъ пріемъ; а больше ни въ какіе дни нельзя видѣть.

— Да мнѣ-бы хотѣлось,—зайкается юноша, — я пріѣзжай... и помышляетъ о томъ, что нужно недѣлю ждать, а гонорарій-то куда бы на руку...

— Чтожь-что прїѣзжій, — отвѣчаютъ ему, — для всѣхъ одно положеніе: вамъ говорятъ по четвергамъ...

— Ну, по четвергамъ, такъ по четвергамъ, — успокоиваетъ себя юный талантъ; — вѣдь нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, каждый день принимать, вѣдь это люди дѣловые, для нихъ время — драгоценнѣйшій капиталъ...

Проходитъ недѣля... онъ, наконецъ, вступилъ въ кабинетъ редактора...

— Что вамъ угодно?

— Я такой-то, авторъ того-то...

— А—а, сколько вамъ слѣдуетъ?

— Пять листовъ-съ...

— А—а, 250 рублей...

— По 50, мелькаетъ въ умѣ юноши.

— Извольте, свезите эту записку въ магазинъ... тамъ вы получите.

Юноша замѣчаетъ, что, должно быть, почтенный редакторъ не выспался, предаваясь кабинетнымъ трудамъ; по крайней мѣрѣ звуки его голоса и вся его фигура не показываютъ желанія продолжать бесѣду...

— Имѣю честь кланяться, — спѣшить вымолвить юноша, держа въ рукахъ записку.

— Прощайте-съ...

Должно быть, ужасно занятый человекъ, — размышляетъ новичекъ, спускаясь съ лѣстницы... я-было хотѣлъ съ нимъ побесѣдовать: да туго какъ-то... ну, да вѣдь это всегда на первый разъ; пока не осмотришься, такъ оно все какъ-то дико... надо еще понавѣдаться... попросить свезти меня къ разнымъ литературнымъ тузамъ... У него, вѣрно, и вечера бываютъ... Ужъ я-то, какъ сотрудникъ, непременно долженъ попасть...

Проходить полгода. — Что стало съ юношей, съ его мечтами и ожиданіями?..

Познакомился ли онъ съ литературными тузами? Бывалъ ли онъ на вечерахъ?

Онъ, несчастный, все еще не унялся, все еще ищетъ пищи для ума и сердца. Не дождавшись, чтобъ его рекомендовали, онъ старался самъ рекомендоваться; перебывалъ съ визитами у всѣхъ звѣздъ первой, второй и до шестой величины, проникъ даже на литературные вечера... И все еще не унялся, все еще, въ своей личности, вопрошаетъ меня:

«Гдѣ же общество-то, гдѣ же высшіе интересы, у кого мнѣ научиться, гдѣ мнѣ услышать святую правду?..»

— Помилуйте, милый другъ,—говорю я ему;—чего же вамъ еще хочется? У васъ есть толстые журналы, ну, и довольствуйтесь ими. Каждый журналъ, вѣдь, кѣмъ-нибудь да составляется. Стало быть, есть люди, живущіе въ согласіи, трудящіеся для одного дѣла.... А вы желаете Богъ знаетъ-какого идеальнаго міра. Чтобы всѣ вамъ собирались, да толковали объ искусствѣ, да поучали другъ друга святой правдѣ и законамъ вѣчной красоты! Это, мой другъ, прилично гимназистамъ какимъ-нибудь, или много—студентамъ, а не людямъ серьезнымъ, достигшимъ зрѣлаго пониманія жизни! . Вѣдь, вамъ хорошо платять?

— Да-съ по 50-ти.

— Ну, такъ чего еще вамъ больше?

— Да, но вѣдь кромѣ этого есть потребности.

— Ахъ, полноте, всё это юношескія мечты... Какія тутъ потребности—читайте книги! Вы все хотите, чтобы пишущая братія сочеталась узами дружбы и любви и вела нескончаемую бесѣду о правдѣ и красотѣ...

— Но, помилуйте,—пристаесть ко мнѣ наивный и неотвязчивый новичекъ... Какая же это пища для ума и сердца, когда вы только и слышите: сколько кто съ кого взялъ, и на сколько одинъ другого обсчиталъ, и почему гдѣ платится, и кто кого половчѣе обругалъ? Какая же это литература? Боже мой! Да это еще не все. Что ни шагъ, то литературный генералъ! У всякаго такого генерала свой штабъ есть, свои адъютанты, и ужъ другой истины, кромѣ той, какая въ этомъ *штабу* проповѣдуется, не существуетъ на Божьемъ свѣтѣ! — А вечера эти, на что же они похожи?

— Вотъ видите, мой другъ, вотъ вы сами себя противорѣчите... Кричали, что никто не сходится; а тутъ кричите, что вечера ни на что не похожи. Значить, вечера бываютъ?

— Да что-жь изъ того, что бываютъ!!—вопитъ юноша, пришедшій въ неистовство.—Какая же тамъ пища для ума и сердца? Есть ли тамъ какіе интересы, кромѣ журнальныхъ, слышатся ли тамъ какое-нибудь живое слово, кромѣ рассказовъ изъ заднихъ дворовъ литературы, кромѣ анекдотцевъ про корректуру и всякіе скандалы, крупные и мелкіе? Говорятъ-ли тамъ что-нибудь, кро-

мѣ истертыхъ остротъ, вѣрятъ ли тамъ во что либо, кромѣ цѣны за печатный листъ?!

— И этимъ также смѣшно возмущаться, что серьёзные люди займутся иногда насущными потребностями, опредѣлять состояніе литературнаго курса, потолкуютъ о текущихъ интересахъ писательскаго міра. Какъ же иначе-то? Неужели не руководиться экономическими идеями, которыми теперь весь міръ держится? Неужели нужно покидать дѣйствительность, не вникать въ ея требованія изъ-за какой-то идеалистики? Неужели лучше—собраться да толковать, что Данте, молъ, великій поэтъ; а Шекспиръ—такъ еще повыше?! О, молодой человекъ!.. Какъ вы юны! Да вы, развѣ, не помните, что намъ рассказывала Евгения Туръ, въ своихъ Парижскихъ письмахъ? Развѣ тамъ не то же? А французы—умная нація. Кто же лучше ихъ умѣлъ отгадывать духъ времени, кто лучше ихъ схватывалъ истину въ своемъ общественномъ развитіи?

— Нѣтъ!—кричитъ юноша.—Дайте мнѣ освѣжиться!.. Ведите же меня туда, гдѣ будетъ пища для ума и сердца!..

Что мнѣ съ нимъ дѣлать, читатель? Въ театръ развѣ его свести. Вы, читатель, можетъ быть, даже сочли меня сумасброднымъ, когда я, прошлый разъ, проболтался о любви моей ко всякому зрѣлищу; но что дѣлать? Мы съ вами развились совершенно подъ иными впечатлѣніями.

Вы въ нѣжной юности играли въ пьесахъ мадамъ Жанлисъ... Въ памяти вашей живутъ: *L'aveugle de Spa* и другія умиляющія душу представленія... Все это было очень благовоспитанно, происходило въ раззолоченной залѣ, при рукоплесканіяхъ маменекъ, папенекъ, тетушекъ и дядюшекъ; вамъ дарили конфеты и поцѣлуи, въ васъ зрѣло и укрѣплялось чувство мѣры и прилизанности, чувство отвращенія ко всему несдержанному, крикливому, непорядочному...

А я тѣмъ временемъ, въ зимніе крещенскіе вечера, въ холодной гимназической шинелькѣ, пробирался къ грязному, разноцвѣтному зданію... Я зналъ всѣ его входы и выходы, всѣ корридоры и лазейки. Двери скрипѣли и визжали на блокахъ, въ сѣняхъ стоялъ паръ, пахло ламповымъ масломъ и копотью, въ корридорахъ половицы пропускали лучи свѣта.

А ложи *на саямъ*, какъ я ихъ называлъ въ тѣ златые дни юности, обитыя войлокомъ для лучшаго резонанса; а кассиръ

съ своими прибаутками; а Иванъ Николаичъ, предлагающій аши, — вы никогда не умрете въ моихъ воспоминаніяхъ...

И пробирался маленькій гимназистикъ, разными переходами, въ *парадису*, гдѣ царствовалъ иракъ непроходимый, — ибо освѣщенія не полагалось, — и гдѣ лежали, одинъ на другомъ, три пласта людей и дышали такъ, что температура вызвышалась до 35 по Реомюру...

Гимназистикъ пролѣзалъ между ногъ, достигалъ иногда вожделѣннаго барьера, и прочищалъ себѣ мѣсто между двумя бородами. Тутъ сердце начинало биться. Вотъ кончатъ играть кадрили изъ Цампы и занавѣсъ взвѣется, т. е. она совѣстѣ не взвѣется, а потянуть ее съ немалымъ трудомъ плотникъ Маркаръ справа, и плотникъ Тимошей слѣва. Подняли... сидятъ казачкіе атаманы и пьютъ... а въ ухахъ гимназистика только и слышится: Смерть Ляпунову!

Памятны и тѣ дни, когда, съ трепетомъ сердца, пробираешься, бывало, боковымъ ходомъ за кулисы... Того и гляди.., увидитъ режиссеръ и немилосердо выгонитъ... Еще теперь слышится его дребезжащій, могильный голосъ, который такъ устрашалъ въ *Терезь-желевской сиротѣ*... Ночь... громъ и молнія... страшно... стоишь и ежишься за кулисой... видишь, вѣдь, что бутафоръ, по прозванію Лапша, потрясаетъ желѣзнымъ листомъ, а другой юный бутафоръ сянится изобразить молніеносныя стрѣлы, — а все страшно... съ замираніемъ сердца смотришь, какъ ненавистный режиссеръ Завидовъ, въ видѣ Вальтера, передѣзаетъ черезъ заборъ, и крадется къ павильону: раздается крикъ... онъ бѣжитъ назадъ съ окровавленнымъ кинжаломъ при страшныхъ усиліяхъ Лапши и юнаго бутафора, что есть мочи пускающаго молніеносныя стрѣлы...

И сколько-сколько другихъ страшныхъ и жалостныхъ вещей видѣлъ я съ высоты *парадиса*, или изъ темныхъ углковъ закулисныхъ, скрываясь отъ режиссера!

Вотъ предо мной: Коварство и любовь... Неправда къ людямъ и раскаяніе... Смерть или честь... Параша Сибирячка, надъ которыми я заливался и плакалъ... А Чума въ Неаполѣ... а Ричардъ Львиное Сердце?.. да перечтешь ли все, что юная душа гимназистика вмѣстила въ себя въ незатѣйливомъ драматическомъ мѣрѣ.

Ужасное и жалостное смѣнялось смѣшнымъ... И такого смѣха ужь не вернешь никакими ухищреніями... Онъ лился смѣ-

жей, чистой струей... Въ немъ искусство достигало своей высокой цѣли...

И что смѣшило гимназистика?.. Сцены Недоросля, гдѣ такой грубый комизмъ, какъ вамъ извѣстно, высокоприличный читатель. Я катался отъ смѣху, смотря на Филатку и Мирошку, зотъ вульгарный фарсъ, о которомъ и говорить-то неприлично благовоспитанному дитяти.

Изъ всего этого, благовоспитанный читатель, ясно увидить, что врядь-ли я могу говорить съ нимъ о зрѣлищахъ серьезно и съ пріятностію: многое, приводящее меня въ восторгъ, будешь, вѣроятно, его шокировать, точно такъ же какъ и то, что до безконечности услаждаетъ его элегантный вкусъ, будетъ казаться мнѣ травой безвкусной; и, кромѣ того, мнѣ всегда кажется, что всѣ эти разсужденія о драматическомъ искусствѣ — кимвалъ бряцающій и мѣдъ звенящая. Будемте откровенны, мягкосердый читатель...

Вѣдь я немножко знаю, съ какимъ настроеніемъ приступаете вы къ чтенію фельетона. Это дѣлается *на замылку*, или для пріятнаго бездѣйствія мыслительныхъ способностей..-

Было такое время, просвѣщенный читатель, когда мудрецы принимались за театральную хронику, и ихъ летучіе листки читала образованная часть населенія страны...

Изволили, я думаю, слышать о *Гамбургской драматургіи* Ефраниа Лессинга?

Онъ тоже, если хотите, былъ фельетонистъ, и писалъ о пустячкахъ, о представленіяхъ нѣмецкаго провинціального театрика, въ какомъ-нибудь бюргерскомъ, пошломъ Гамбургѣ, въ заведеніи Аккермановъ, этихъ канатныхъ плясуновъ, какъ обзывалъ ихъ потомъ самъ же Лессингъ... Но дѣло въ томъ, что эти *мустячки* читались, и прежде всего читались они публичкой, посѣщавшей театрикъ, и актерами, игравшими на этомъ театрикѣ.

Наши, такъ называемы *артисты*, вѣроятно, ждутъ Лессинговъ, а до появленія ихъ освобождаютъ себя отъ обязанности, что либо серьезно читать, а тѣмъ менѣе станутъ они заглядывать въ какія-нибудь безвѣстныя и убогія размышленія начинающаго фельетониста.

Я слыхалъ даже и о такихъ, которые освобождаютъ себя отъ труда прочесть пьесу, въ которой исполняютъ главную роль...

Русскій человекъ такъ, видно, созданъ, что какъ-скоро онъ созналъ въ себѣ хоть каплю того, что называется талантомъ — онъ виѣ правилъ, виѣ требованій искусства: у него душа русская; а что русскому хорошо, то нѣмцу смерть, скажетъ вамъ громогласно каждая талантливая натура...

Перейдемъ, однако, собственно къ театру.

Какъ вы думаете, благодушный читатель, будутъ намъ деньги платить, если мы начнемъ показывать языкъ встрѣчному и поперечному? По крайней мѣрѣ, будетъ ли отъ этого особенно смѣшно зрителямъ?...

Не знаю какъ гдѣ, а во французскомъ театрѣ смѣются.

Вы смотрите на сцену. Вылетаетъ изъ-за кулисъ господинъ въ нестрыхъ панталонахъ... Всѣ раздражаются хохотомъ.

— Что жъ въ немъ смѣшнаго? спрашиваете вы.

Какъ что?... Всѣ люди ходятъ почеловѣчески; а онъ вопъ видите какія штуки выкидываетъ, съ одной ножки на другую перепрыгиваетъ... и такъ въ продолженіе цѣлаго явленія...

Ну, а еще-то что же смѣшнаго?

Какъ что? Всѣ люди выражаютъ стѣсненное состояніе игрой физиономіи, положеніемъ всего тѣла, звукомъ голоса, а онъ точно жвачку пережевываетъ... этакихъ эволюцій ртомъ не производилъ еще ни одинъ смертный!.. И послѣ того не смѣяться! Да помилуйте, за что же мы деньги-то платимъ? вѣдь цѣна этому господину, какъ слышно, немалая.

— Прекрасно, но это все-таки не оцѣнка.

— Какая же ваша оцѣнка?

— Моя? Извольте:

Вообразите вы себѣ Алексѣева, этого *милаго проказника* Александрійской сцены, возведеннаго въ квадратъ по части дѣланья гримасъ и кривлянья, — и вы получите Равеля... А впрочемъ, я вѣдь не знаю вашихъ вкусовъ... Вамъ, можетъ быть, именно и нужно, чтобъ господинъ въ нестрыхъ панталонахъ дѣлалъ эволюціи своимъ ртомъ.

Поучительно, отчасти, производить наблюденія надъ публикой, собирающейся во французскій театръ... Вы можете быть увѣрены, что три четверти изъ господъ, наполняющихъ кресла — нигуда кромѣ Михайловскаго и Большаго театра не ѣздятъ... Всѣ ихъ драматическія впечатлѣнія ограничиваются издѣліями парижскихъ театральныхъ дѣлъ мастеровъ...

Особенно французская сцена споспѣшествуетъ развитію чувства изящнаго...

Вѣдь не правда ли, красиво, когда какого-нибудь милаго проказника, съ большимъ скандаломъ, лишаютъ всѣхъ частей туалета, и перебрасываютъ его *невъязычмые* черезъ ширмы, къ немалому удовольствію публики...

Я не знаю почти ни одной *смѣшной* пьесы французскаго репертуара, гдѣ бы не являлись панталоны, какъ главный комическій элементъ...

И всѣ смѣются... и высокоприличныя дамы тоже... всего равнодушнѣе оказываются еще госпожи, занимающія ложи бенуара и бельэтажа... Это происходитъ отчасти оттого, что онѣ вовсе не смотрятъ на сцену... ихъ равнодушіе къ драматическому искусству доходитъ до идеала...

— Ахъ! вы все резонируете, — говоритъ раздраженный читатель. Вы выводите Богъ-знаетъ какія слѣдствія изъ каждаго вздора, вы въ изблѣчительный тонъ впадаете; а онѣ теперь совсѣмъ не въ модѣ...

Виновать!..

Ступайте, смотрите на Равеля, восхищайтесь сценой перелетающихъ панталонъ, хохочите и хлопайте.... Если смѣшно, отчего же и не смѣяться? Оно все лучше, чѣмъ присутствовать на представленіяхъ *высокихъ комедій*, воспроизводимыхъ тѣмъ же французами... беремъ для примѣра одну изъ нихъ:

Юноша занимался химіей, какъ и я же грѣшный во дни *оны*, «влюбился въ одну французскую барышню изъ хорошаго дома и женился на ней»... Промѣнялъ онъ науку на любовь; но круто ему пришлось, когда дѣло дошло до семейнаго счастья... Теща и супруга заѣли его своимъ аристократизмомъ; онъ не вытерпѣлъ, бросилъ ихъ, и, взявшись за умъ, принялся опять работать, чтобъ составить себѣ имя и показать женѣ, что онъ тоже чего-нибудь да стоитъ...

Но здѣсь собственно ужъ начинается химическій драматизмъ... во всемъ своемъ блескѣ:

Юноша, вмѣстѣ съ товарищемъ въ лабораторіи и собирается взлетѣть на воздухъ или на вершину ученой славы!... Дѣло, какъ видите, крутое!.. Наука шутить не любитъ. Приготовили они аппаратъ мудреный какой-то, такъ что самъ г. Пановскій затруднился бы сразу описать его...

Рѣшительная минута настаетъ... Опытъ долженъ длиться 7

минуть... Коли успѣютъ насчитать эти 7 минутъ—хорошо! открытіе сдѣлано; а нѣтъ—такъ не прогнѣвайтесь... оба jeune premier отправятся ad patres!.. Того требуетъ драматическая химія...

Картина, вселяющая трагическій ужасъ: юноша начинаетъ покачивать аппаратъ; а товарищъ его смотритъ на часы и торжественно считаетъ: одна, двѣ, три, четыре...

Вдругъ, справа, за ширмами, появляется, какъ и быть надлежитъ, жена химическаго jeune premier... Она трепещетъ и желаетъ умереть вмѣстѣ съ мужемъ.

Наконецъ, товарищъ произноситъ: семь; супруга испускаетъ пронзительный крикъ и бросается въ объятія супруга, который такимъ путемъ, дѣлаетъ два открытія и добродѣтель его увѣличивается.

Публикѣ остается растрогаться, если желаетъ, и занавѣсъ падаетъ!..

Химико-драматическое представленіе это именуется Un beau mariage. Не правда-ли, что великая нація эти французы... Со всего собираютъ они медъ, какъ трудолюбивыя пчелы, всякое лыко идетъ у нихъ въ строку.

А шутки въ сторону, читатель, мнѣ даже грустно становится, когда я размышляю о французскихъ драматическихъ произведеніяхъ: намъ, видно, не дано пониманія красоты этихъ произведеній.

Сидите вы въ креслахъ. Подлѣ васъ помѣщается какойнибудь солидный господинъ съ просѣдью. Вы вступаете съ нимъ въ разговоръ... Французъ, учитель, много читалъ, говоритъ умно, безъ фразъ, дѣлаетъ тонкія замѣчанія.

— Какъ вы находите эту пьесу?—спрашиваете вы.

— C'est bien écrit.

И вы видите, что господинъ говоритъ съ убѣжденіемъ, совсѣмъ не для того, чтобъ что нибудь сболтнуть!..

Пораздумаете—и дѣйствительно придете къ тому убѣжденію, que c'est bien écrit. Но для этого вамъ нужно стать на французскую точку зрѣнія и если вамъ это удастся—вы увидите, что пьеса воевое не дурна и написана какъ и быть слѣдуетъ.

Нагдѣ, кромѣ Михайловскаго театра, не появляются такихъ bouquets monstres, изъ бѣлыхъ камелій, подаваемыхъ иной разъ ни съ того-ни съ сего, ни въ бенефисъ, ни послѣ вызововъ; а такъ себѣ—здорово живешь, по выраженію русскаго народа, какъ дань галантерейности прелестямъ драматическихъ арти-

стокъ. Подносятся эти монструозные букеты, въ какихъ нибудь *Les demoiselles de Saint-Cyr*, при первомъ появленіи на сцену какой нибудь г-жи Деверіа, и подносятся въ такомъ количествѣ, что г-жа Деверіа, въ порывѣ великодушія, удѣляетъ одинъ изъ букетовъ другой актрисѣ, находящейся тутъ же.

Къ нѣмцамъ вы, вѣроятно не пойдете, а напрасно: это самая серьезная сцена!.. Она народнѣе, разумнѣе и эстетичнѣе всѣхъ остальныхъ... Право, я не шучу.

Ужъ вы себѣ тамъ, что ни говорите, а я васъ сведу къ нѣмцамъ, въ одинъ прекрасный вечеръ.

И дешево-то какъ! Нѣмцы ужъ на то и нѣмцы, чтобъ все подогнать подъ уровень доступности. Я когда-то проживалъ въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ... И частенько тамъ давались концерты, и заѣзжія знаменитости то и дѣло заглядывали. Но какая бы ни являлась знаменитость, цѣны мѣстамъ оставались неизмѣнны и бюргерское семейство преспокойно отправлялось себѣ на хоры по 30 коп. съ физиономіи... А возвысь хоть на грошъ, никто бы не пошолъ.

Что бы намъ у нѣмцевъ научиться уму разуму... съ насъ бы не дѣлала такихъ поборовъ величественная итальянская опера.

А что дѣлаетъ русская? Она угостила насъ Трубадуромъ; какъ видите, все новинки итальянскаго репертуара... Понадобилось увѣковѣчить имя маэстро Верди на російской сценѣ—и вотъ мы слушаемъ Трубадура, съ милѣйшимъ отечественнымъ либретто..

А исполнители потратили много старанія, особенно г-жа Бушекъ, явившаяся въ роли Леоноры. Чего только она изъ себя не творила! Эта прѣзжая примадонна далеко не безъ голоса; даже съ очень сильнымъ и, по своему, развитымъ органомъ; и я того мнѣнія, что дайте ей пропѣть по-итальянски—вышелъ бы советъ другой оборотъ... крики были бы тѣ же; да все бы *подходящѣе*.

У г-жи Бушекъ есть даже драматизмъ въ игрѣ, и особенно много всякаго рода энергіи... Оно, съ одной стороны, пріятно, особливо на русской оперной сценѣ, гдѣ, какъ не безызвѣстно любителямъ этой сцены, г-жа Булахова не отличается живостию въ игрѣ.

Я всегда, какъ смотрю Руслана, возношу желанія, чтобъ грозовой ударъ, въ первомъ актѣ, разбудилъ нашу примадонну и придалъ бы ей пѣнію какую нибудь энергію,—я уже не говорю страсть.

Ахъ, высокомузыкальный читатель, неужели ваша душа не наслаждается каждый разъ заново, слушая первый актъ Руслана и не страдаетъ отъ того какъ онъ исполняется?

Еслибъ всѣ господа, наполняющіе партеръ и шесть ярусовъ итальянской оперы, могли отрѣшиться отъ prestige'a, наводимаго на нихъ Тамберликами и Граціями и всякими другими сладкозвучными маэстро, они пришли бы слушать первый актъ Руслана и заслушиваться, несмотря на страданія, доставляемыя участіемъ въ оперѣ самаго Руслана.

Я уважаю преданія; но если я плоховато пѣлъ при постановкѣ оперы самимъ композиторомъ, неужели мнѣ это даетъ право тревожить слухъ приходящихъ наслаждаться музыкой Глинки?

А г-нъ Артемовскій на себѣ доказываетъ намъ возможность такого предположенія.

Онъ именно потому и поетъ партію Руслана, что пѣлъ ее при Глинкѣ... Покоримся преданію, ибо другаго Руслана не оказывается!..

Кто же отнялъ у насъ этотъ могучій даръ божій? Гдѣ же звуки, которыми итальянцы очищаютъ наши карманы? Неужели мы на вѣки обречены на безголосье, на плачевное исполненіе величайшихъ созданій русскаго искусства?

Пѣвцу нуженъ голосъ... Ужь черезъ эту истину никакъ не перескочишь!. Но мы такъ неизбалованы, что даже забываемъ необходимость голоса, только бы намъ играли хорошо... Вотъ хоть-бы г. Петровъ. Вѣдь надо правду сказать, онъ тоже поетъ *по преданію*; и всё это ему прощаешь, потому что есть игра, есть мастерское выполненіе роли и даже музыки, насколько хватаетъ *остатковъ прошлаго*.

И на комъ остановиться? Всѣ на одной и той же гжѣ Леоновой... Когда ее слушаешь, такъ не вѣрится даже, что вотъ и у насъ есть контръ-альто, съ которымъ никуда не стыдно показаться... Особенно радуешься присутствію этого звучнаго и отраднаго голоса въ первомъ актѣ Руслана!... А разъ мнѣ пришлось какъ то прослушать Руслана съ содѣйствіемъ г-жи Латишевой, такъ я чуть не заплакалъ...

Талантъ г-жи Леоновой сказывается вездѣ. Даже въ Трубадурѣ вы ее не забудете... и тамъ избитѣйшимъ конфектнымъ мелодіямъ она придаетъ выраженіе такой страсти, такой задушевной грусти и такой энергій, что въ эту минуту вамъ пра-

ится Верди и вы слышите что-то, чего вы никогда не слышали въ этой музыкѣ.

Наша опера!... Неужели и къ ней нужно приклеить всё тотъ же вѣчный вопросъ, которымъ я уже успѣлъ порядочно надоесть вамъ читатель?

Если мы начали Глинкой, то кѣмъ же мы кончимъ, и кончимъ-ли чѣмънибудь? Вы слышите на каждомъ шагу: что за *русская* музыка? кто ее создавалъ? Гдѣ она? кѣмъ они признана?.. У васъ всего одинъ Глинка!...

Да, всего одинъ Глинка!.. И въ этомъ наше несчастіе!.. А небось англичанамъ никто не говоритъ: всего у васъ одинъ Шекспиръ! кто создавалъ вашу драму, кѣмъ она признана?...

Правда, у Шекспира впереди и назади были драматурги — а мы вотъ сидимъ съ Глинкой...

И умѣемъ мы только сокрушаться, собираясь на представленіе Руслана и задавать себѣ вопросы, на которые никто изъ насъ не сумѣетъ, а пожалуй и не захочетъ отвѣтить.

И куда не оберни свои взоры, вездѣ одно и тоже скорбное чувство... Воззрите, напр., на величественное зданіе *Александринскаго театра*.... неужели оно не наводитъ васъ на разныя эгегическія размышленія?

Много нападокъ приходится на долю этого храма музъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ за что же хвалить?.. Чѣмъ же особенно восхищаться?..

Знаю я это, читатель, но у меня никогда не шевелится языкъ — обзывать эту сцену, ибо я, отъ юныхъ лѣтъ, сочувствую судьбѣ всякаго россійскаго храма музъ...

У меня много нѣжности въ сердцѣ, когда я обращаюсь къ судьбамъ ея, когда я разсматриваю каковы ея средства и что она даетъ съ этими средствами... Право она даетъ еще очень много... Вѣдь замѣтьте, уважаемый читатель, что на сей сценѣ совмѣщается пять, если не больше сценъ; то, что въ городѣ Парижѣ распредѣлено по десяти спеціальнымъ театрамъ, все это даетъ намъ вкушать Александринскій театръ.

Чего не появляется у насъ, начиная съ Шекспира, кончая Бродягами, Рыцарями Тумана?.. Насъ ничто не затрудняетъ, все входитъ въ нашу спеціальность!

Вы не знаете, въ какую возмутительную несправедливость впадаете вы, черня Александринскій театръ, на каждомъ шагу, не вдумываясь въ то, можетъ ли быть иначе...

У насъ, вообще, не любятъ задавать себѣ такихъ вопросовъ.

А между тѣмъ, вѣдь это нашъ единственный народный и всѣкій театръ...

Еслибъ вы, читатель, захотѣли отрѣшиться отъ банальнаго взгляда на театръ, какъ на *зрѣлище*, существующее для наполненія вашихъ послѣобѣденныхъ досуговъ, если бы вы захотѣли почувствовать глубину и значеніе драмы въ жизни народной... вамъ стало бы жутко, вы бы не нашли себѣ утѣшенія...

Когда посмотришь на эту жизнь, холодную, суетную, безцвѣтную, на это общество безъ прошедшаго и будущаго, безъ преданій и симпатій, безъ малѣйшихъ признаковъ какого либо одушевленія, какой либо искры поэтическаго чувства, безъ малѣйшихъ признаковъ своеобразныхъ вкусовъ въ искусствѣ, въ наслажденіяхъ... какъ посмотришь на чтó тратитъ это общество свои силы, дарованья, деньги, кому и чему оно отдаетъ свои досуги, чтó ему нравится, чтó волнуетъ и развлекаетъ его.. и когда вспомнишь, что вся наша драма, все наше русское искусство, все драматическое творчество русскаго народа... представляется Александринскимъ театромъ,—тогда попризадумаетесь.

Смотрите, сколько трудовъ подѣмлетъ сей театръ! Что ни недѣля—то бенефисъ, что ни бенефисъ—то новая пьеса. Провинился храмъ музъ *Рыцарями*, за то далъ въ одинъ мѣсяць двѣ оригинальныхъ драмы и одну комедію!..

И когда это хватаетъ времени?—вопросаешь невольно, глядя на афишу... Вѣдь говорить, за моремъ для каждый новой пьесы по 40 репетицій бываетъ? То за моремъ; а намъ придется со всѣмъ ничего не давать, коли дѣлать по 40 репетицій...

Всеялись вы когда нибудь въ душу драматурга, ставящаго свою пьесу?.. Какое пріятное положеніе!..

Вы знаете также, что драматурги вообще крайне впечатлительный народъ...

Былъ такой нѣмецъ, прозывался онъ Іоаннъ Антонъ Лейзевицъ... Написалъ онъ на конкурсѣ, открытый Аккерманами въ Гамбургѣ, драму въ прозѣ, подъ названіемъ *Юлія Тарентскій*... Вещь была, для того времени, хорошая; самъ Лессингъ восхитился ею и не зная имени автора, приписывалъ ее, тогда еще юному, Гете... Аккерманы—же взяли да забраковали драму, которая показалась имъ слишкомъ приличною и не достаточно раздразательною!..

Ну что-жь такое?.. Мы бы съ вами преспокойно засѣли бы за какую нибудь новую драму.

А нѣмецъ-то показалъ совоѣмъ другой оборотъ.

«Какъ! вскричалъ онъ. Не признать моего Юлія, драгоцѣнное чадо моего творческаго генія?.. Коли такъ — прочь драма: ни одной строчки, ни одного звука! Я умеръ для поэзіи!.. Я дѣлаюсь филистеромъ!..

И сдѣлался! До самой смерти сохранялъ молчаніе, похоронилъ себя за-живо и все възъ за чего?.. Изъ за мифіи какихъ нибудь пошляковъ комедіантовъ, содержателей нѣмецкаго провинціального театра!

Вотъ до чего можетъ достигъ впечатлительность юныхъ драматурговъ!

Есть, стало-быть, всякіе люди... и особенно, безпокойные драматурги. Вѣроятно, они водятся и въ нашъ вѣкъ; но за то, надо правду сказать, проходятъ же они черезъ мытарства.

Вообразите вы себѣ, благодушный читатель, что вы драматургъ. Пьеса ваша, пройдя черезъ разныя препоны и чистилища, наконецъ назначена для постановки на сцену.

Какой пріятный моментъ, не правда-ли?.. Сколько предстоитъ ощущеній, отрадно щекочущихъ самолюбіе автора!

Вы юны, ваше воображеніе работаетъ и рисуетъ передъ вами закулисный міръ въ самомъ радужномъ свѣтѣ! Вы будете перепархивать съ цвѣтка на цвѣтокъ, васъ окружатъ прелестнѣйшія жрицы искусства, васъ посадятъ въ авторскія кресла, слово ваше будетъ законъ, всѣ наперерывъ поспѣшатъ исполнять ваши авторскія желанія!.. А послѣ того, пріятное смущеніе въ день перваго спектакля, поощрительныя фразы, милыя улыбки, а тамъ—громъ рукоплескавій. Сердце замираетъ отъ волненія, все вокругъ блещетъ, вы разсыпаете сладкія фразы прелестнѣйшимъ исполнительницамъ, васъ поздравляютъ и жмутъ руки; весь міръ крашенаго холста и веревокъ превращается въ заколдованный замокъ, полный, очаровательныхъ образовъ.

Но погодите, надо еще отправиться на считку да на репетицію... Приходите.

Что съ вами? Отчего это вы вдругъ вскочили?.. А?.. наслажденія, видно, начались... съ вашей пьесой уже находзяничали, похерили, что вздумалось, и не заблагоразсудили заявить вамъ это?.. Да и зачѣмъ-же?.. Вы неопытны, сцены не

знаете, стало, съ вами нечего церемониться, и спрашивать вашего согласія—вещь совершенно лишняя!..

Что же еще случилось? Вы мрачнѣе ночи... Ахъ... стоить ли изъ-за этого?.. Ну что жъ такое: съ вами иной артистъ говорилъ такимъ тономъ, какого не имѣютъ фельдфебеля съ рекрутами, вамъ объявили, что вамъ дѣлаютъ одолженіе, играя въ вашей пьесѣ, вамъ провозгласили, что актеръ на то и актеръ, чтобъ ему дѣлать изъ пьесы, что ему вздумается, что пьеса только канва, а разводить по ней разводы—дѣло актера и авторъ обязанъ принести ему за это чувствительнѣйшую благодарность.

И только?.. И неужели вы могли огорчиться?.. Ахъ, какъ вы нервны, юный драматургъ.

Что съ вами дѣлается во время представленія? Вѣрно, мои ожиданія подтверждаются... Вы слышите какъ размазываютъ ваше произведеніе своими словами!... Ничего, это сценничѣе, это все выраженіе аксіомы, что пьеса канва и проч...

Зри, юный драматургъ, страницу 107 исторіи Испанской литературы, составленной по Тикнеру П. Кулишемъ и утѣшайся. Тамъ ты читаешь слѣдующее:

«Отношеніе между драматическими поэтами и дирижорами и актерами въ Испаніи не было пріятнѣе какъ и вездѣ. Фигероа, знакомый съ этимъ дѣломъ, говоритъ, что писатели для театра должны были льстить главамъ компаній, если хотѣли, чтобъ публика цѣнила ихъ пьесы, и что *съ ними часто обращались грубо и презрительно, особенно когда ихъ пьесы читались и приковывались къ сценѣ, въ присутствіи актеровъ, которые должны были играть ихъ*. Солорзано, который самъ былъ драматическимъ писателемъ, говоритъ то же самое и прибавляетъ разсказъ о поэтѣ, который, будучи предоставленъ авторомъ или дирижоромъ въ жертву дурному расположенію духа актеровъ, испыталъ отъ нихъ не только грубости, но и жестокости. Даже Лопе-де-Вега и Кальдеронъ, господствующіе драматурги своего времени, горько жалуется на то, какъ *издѣвались надъ ними и какъ посягали на ихъ права и славу дирижоры и книгопродавцы*». Успокойтесь и мы, и перейдемъ къ дѣлу.

Бенефисъ г-жи Левкѣевой далъ намъ драму въ 4-хъ дѣйствіяхъ: «Забитый».

Авторъ — начинающій!.. Великое это слово! Невольно на душѣ является пѣчто примирительное, мягкое!.. Не недолго удерживается у меня это чувство, благодушный читатель... Я

сейчасъ на сцену свой вопросъ: чѣмъ у насъ начинаютъ и чѣмъ кончаютъ?..

Вотъ г-нъ Ивановъ начинаетъ писать оригинальныя драмы; но, вѣдь, никакой нѣтъ возможности доложить ему, что онъ особенно хорошо начинается.

Г-нъ Ивановъ задумалъ драму просто и не банально; но вотъ что жаль, совсѣмъ не драматично...

Онъ хотѣлъ представить жизнь и страданія старика, забитаго женой... Въ этой жизни проглядываетъ свѣтлый лучъ: любовь дочери. Онъ отдается ей весь своей жалкой страдающей душой и эта любовь окончательно разбиваетъ его духовный организмъ. Дочь умираетъ подъ гнетомъ мачихиной злости — старикъ сходитъ съ ума....

Вы видите—тутъ есть правда, замыселъ теплый и не трескучій, безъ банальной любви, безъ жемпе грешіег, безъ общихъ мѣстъ вѣсвозможныхъ драмъ.

Но дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ дѣйствительно изображается *забитая* личность, гдѣ въ теченіе 4-хъ дѣйствій повторяется все одна и та же нота, гдѣ нѣтъ новыхъ элементовъ движенія, тамъ драма невозможна...

Оно такъ и вышло съ пьесой г-на Иванова.

Забитый старикъ хнычетъ и говоритъ о любви съ дочерью.

Дочь терпитъ отъ мачихи, безъ малѣйшихъ перемѣнъ дѣйствія до самой смерти.

Мачиха бранится въ однообразнѣйшемъ тонѣ, безъ всякаго повода и смысла.

И въ концѣ концовъ, вы начинаете отращно зѣвать...

Вамъ жалко старика, жалко дѣвочку: но ихъ страданія такъ одноформенны и разведены водой, что ваша симпатія слабѣетъ съ каждой минутой...

Движенія и интереса нѣтъ никакого въ Забитомъ... Какъ авторъ очертилъ характеры и положенія въ началѣ пьесы, такъ они и остаются, безъ всякаго развитія, безъ оживленія новыми столкновениями, вытекающими изъ хода дѣйствія.

Разумѣется, сценичность и движеніе не каждому даются съ разу; но нельзя автору не задуматься при созданіи пьесы надъ тѣмъ, заключаетъ ли въ себѣ замыселъ главные элементы драмы. Вѣдь нельзя смотрѣть на форму, какъ на вещь произвольную. Драма имѣетъ вѣчные законы, черезъ которые никакъ не

перескочишь, и главный изъ нихъ—тотъ, что она есть жизнь духа, проявляющаяся въ движеніяхъ...

Но все-таки замѣчательно хорошо то, что въ драмѣ Иванова нѣтъ же еще преміер и *пожлой* любви.

Разыграть ее можно было лучше; но много бы она не выиграла; потому что на сценѣ держаться ей не легко, по неблагодарности ролей...

Но эта *неблагодарность* ролей не должна быть оправданіемъ нашимъ артистамъ. Нельзя хорошо играть только фальшивыя и бессмысленныя роли; но если характеръ правильно намѣченъ; то актеръ не можетъ ничѣмъ оправдываться, если онъ не скрасить его однообразіе и недостатокъ колорита и рельефности... Вообще охота за благодарными, эффектными ролями показываетъ преобладаніе актерскаго я надъ истинной любовью къ своему дѣлу, надъ добросовѣстностью и серьезнымъ трудомъ...

Забитаго игралъ г. Васильевъ. Онъ въ этотъ послѣдній годъ окончательно утвердился въ исполненіи драматическихъ и высоко-комическихъ ролей... Его талантъ заключаетъ въ себѣ много жизненныхъ, народныхъ элементотъ, и это его главное достоинство. Наша сцена такъ страдает безцвѣтностью, отсутствіемъ всякаго живого, родного источника искусства, что нельзя не радоваться, глядя на игру г. Васильева.

Всѣ созданныя имъ типы удачны и правдивы... Правда, физическіе недостатки голоса и фигуры мѣшаютъ ему разнообразить свою игру такъ какъ бы онъ, вѣроятно, желалъ; но каждый разъ вы видите передъ собою живое лицо, слышите живой, народный говоръ, всегда много чувства и правды въ интонаціи, въ движеніяхъ, въ возгласахъ, много страсти въ мѣстахъ сильныхъ и патетическихъ...

Г-нъ Васильевъ всего выше въ драмѣ «Чужое добро въ прокъ нейдетъ»; еще никто на Александринской сценѣ не былъ такъ вѣренъ народному типу, какъ г. Васильевъ въ роли Михайлова. Я не хочу дѣлать сравненій съ Мартыновымъ. Сравненія рѣдко къ чему нибудь ведутъ, кромѣ раздуванія самолюбія; я хочу только обратить вниманіе на народность игры Васильева, и желалъ бы, чтобъ этотъ элементъ былъ имъ положенъ въ основу каждаго типа и лица, вновь создаваемого имъ...

Въ Забитомъ г. Васильевъ могъ-бы сдѣлать больше. Его тонъ не доставало оттѣнковъ, что увеличивало однообразіе пьесы и лишало лицо старика симпатіи зрителей... даже въ пате-

тическихъ мѣстахъ не было тѣхъ звуковъ, которые должны вырваться изъ страдающей, слабой, глубоко угнетенной души; г-нъ Васильевъ не постарался также придать своему вышнему виду больше оригинальности. Его лысенкой парикъ былъ слишкомъ водевильнъ. Онъ былъ, по гринировкѣ, благородный отецъ изъ А. и Ф. а не забитое, подавленное до униженія существо, которое непременно должно отличаться многими особенностями, являющимися въ уединенной страдальческой жизни. Между прочимъ, длинные волосы придали бы лицу кроткое, запуганное и простодушное выраженіе, еслибы ихъ зачесать назадъ.

Я вполне сознаю, что Забитый—*неблагодарная* роль; замѣчу только, что напрасно г-жа Левикѣва, какъ бенефициантка, взяла роль жены Забитаго...

Если выходить изъ своего ампуа, такъ выходить съ честью, а не для того, чтобъ сдѣлать пошлой роль и безъ того не блистательную... г-жа Левикѣва не умѣла даже браниться эмергически... но желаю ей на будущее время такихъ бенефисныхъ подвиговъ...

Съ удовольствіемъ можно остановиться на игрѣ г-жи Подобѣдовой 2. Ея роль такъ же однообразна, какъ и двѣ предыдущія; но она до послѣдней минуты возбуждала истинное сочувствіе и отгѣняла свою роль, съ большимъ тактомъ, свѣжими порывами сердца... Во второмъ и третьемъ актѣ, когда она не въ силахъ выносить оскорбленій и злости мачахи, въ ея словахъ, въ ея порывахъ, въ ея сдержанныхъ рыданіяхъ есть и правда, и теплота, и грація... Смотря на нее въ Забитомъ, нельзя не пожелать, чтобъ она расширила свой репертуаръ. У ней есть въ голосѣ ноты нелишонныя драматической силы, есть простота и задумчивость тона, много женственности; все это, при серьезномъ трудѣ, можно развить, и выйти изъ водевильнаго ампуа въ другой сценическій міръ, гдѣ больше правды, жизни и искусства...

Умирала г-жа Подобѣдова хорошо; заставила даже позабыть о растянутости и неловкости этой смерти; въ лицѣ было много игры и все существо бѣдной, разбитой дѣвушки дышало трогательнымъ изяществомъ...

Жаль, если г-жѣ Подобѣдовой не придется непробовать свои силы въ другой, лучшей роли...

Изъ остальныхъ лицъ г-нъ Шемяевъ игралъ стараго тунеядца лакея старательно и не безъ комизма. Этотъ молодой актеръ

дышается понемножку; но чрезвычайно добросовѣстенъ во всемъ, что ни исполняетъ.

Г. Алексѣевъ, изображавшій крестьянина-пчелница до безобразія коверкалъ народную рѣчь. Затѣмъ, по порядку, слѣдовала драма: Жертва за жертву, данная въ бенефисъ г. Марковецкаго. Еще начинающій! И опять нельзя сказать, чтобъ этотъ начинающій хорошо началъ!..

Г. Дьяченко (имя автора) избралъ другой родъ драмы, и родъ несравненно болѣе фальшивый, чѣмъ тотъ, къ которому принадлежитъ пьеса г. Иванова.

Съ первыхъ сценъ, вы видите, что предъ вами разсказывается армейскій анекдотъ, знаете, одна изъ интересныхъ исторій, слышанныхъ вами на станціи отъ проѣзжаго офицера, когда вы оба дожидались лошадей...

У мужа есть жена, мужъ ревнивъ и крайне безцвѣтенъ; жена очень мила, но невыразимо безцвѣтна. Вламывается какой-то баринъ въ венгеркѣ, объявляетъ себя товарищемъ мужа, нахально вретъ, и располагается на ночевку, хотя его *колеза*, какъ онъ называетъ хозяина дома, не помнитъ и не знаетъ поручика Бочарова; заснѣвъ, въ тотъ же вечеръ, является молодой человекъ съ дороги; это — механикъ, выписанный Алисовымъ (мужемъ) для управленія заводами. Прежде всего юноша сталкивается съ женой—и ахъ! какъ и быть слѣдуетъ, они знаютъ другъ друга, пылали взаимной любовью, и въ то время какъ юноша изучалъ механику въ Англии, барышня вышла замужъ.

«Вы меня осуждаете,» шепчетъ безцвѣтнѣйшая дама—и оба они ведутъ себя до тошноты рутинно и вредятъ автору немновѣрно. А мужъ сейчасъ запримѣтилъ, что тутъ дѣло не ладно. Онъ отправляетъ юношу въ ту же ночь въ Москву, не желая оставить его наединѣ съ женой; а самъ онъ тоже долженъ ѣхать послѣ ужина. За ужиномъ рѣчь идетъ о взяткахъ и прогрессѣ, при чемъ поручикъ Бочаровъ оказывается приличіе механика. Механикъ же репетируетъ роль Надимова и производитъ впечатлѣніе крайней пошлости—сугубо вредя автору....

Между прочимъ, Алисовъ въ разговорѣ упомянулъ, что онъ покупаетъ имѣнье за 90 тысячъ и 60 у него уже есть.... къ этому прислушивается поручикъ Бочаровъ и рѣшаетъ украсть ихъ.

Второй актъ, какъ и ожидать надлежало, заключаетъ сцену воровства денегъ и сцену объясненія юноши съ барыней, не-

выносимо противную, одну изъ такихъ банальностей, которыя непростительны...

Свиданіе кончилось тѣмъ, что юноша убѣждалъ за барыней въ спальню; послѣ того поручикъ Бочаровъ укралъ деньги, съ разными эффектными мученіями совѣсти; мужъ вернулся съ дороги за ключами отъ бюро, гдѣ лежали деньги: ихъ не оказалось, послали за полиціей... на юношу пали подозрѣнія, ревнивый помѣщикъ сталъ его допрошивать, зачѣмъ онъ оставался до 12 часовъ, но онъ не могъ отвѣчать, платокъ его, подброшенный поручикомъ въ кабинетъ и сбивчивыя фразы довершили улику и наконецъ юноша, спасая честь любимой женщины, громогласно объявляетъ, что онъ укралъ деньги; барыня падаетъ въ обморокъ, а частный, неприлично разыгрывающій Стародума, приглашаетъ юношу слѣдовать за нимъ. Поручикъ Бочаровъ остается чистъ отъ всякихъ подозрѣній!..

Третье дѣйствіе съ двойнымъ эффектомъ. Приходитъ этапъ; на сценѣ колодники, очень мило гримированные, какъ видите, новый драматическій ресурсъ для рускаго искусства... въ числѣ колодниковъ — и jeune premier механикъ, Вельскій. Онъ въ пять лѣтъ еще не умаялся и страшно фразируетъ. Къ этапу присталъ на послѣднемъ привалѣ новый преступникъ, — ни кто иной, какъ поручикъ Бочаровъ. Онъ узнаетъ Вельскаго и начинаетъ его мистифировать, немножко во французскомъ вкусѣ; юноша бѣснуется, поручикъ даетъ ему разныя наставленія, послѣ чего объявляетъ, кто онъ и, раскрывъ ему истину пропажи денегъ, объясняетъ, что теперъ дѣло кончено: еслибъ Вельскій и оправдался, то какъ бы онъ объяснилъ, въ глазахъ мужа, свое промедленіе?..

Механикъ раздражается ужасными фразами; а публика ждетъ новыхъ эффектовъ, ибо на афишѣ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, значится опять барыня, жена Алисова. Подъѣзжаетъ карета. Выходитъ дама въ черномъ... Ну, тутъ вы уже знаете въ чемъ дѣло, уважаемый читатель... Встрѣча, слезы, вопли и драматическій поступокъ Бочарова, открывающаго истину барынѣ... Она провозглашаетъ, что Вельскій — ея женихъ, оставляетъ племянника, съ которымъ ѣхала въ каретѣ, и ѣдетъ въ Сибирь на телѣгѣ... Право, я не прибавляю... Поручику, послѣ совершенія «добраго дѣла», дозволяется выходка по поводу перстня на рукѣ барыни, для *выдержки характера*...

Ахъ, я и забылъ вамъ сказать, что ревнивый подѣшникъ умеръ...

«Са зе сомпренд, добавляете вы .. Конечно, я только ужъ для полноты дѣла доложилъ вамъ...»

Вы видите, читатель, пьеса очень *сцелочна!* Въ ней много дѣйствія, и, можетъ быть, авторъ съумѣетъ впоследствии распорядится сценичностью *другими манерами*; а тотъ манеръ, которымъ онъ написалъ свою «Жертву», и слабъ, и фальшивъ.

Безъ мысли и живыхъ людей драма не возможна; а того и другого немного въ пьесѣ г. Дьяченко. Одно столкновение, одно драматическое положеніе не можетъ заключать въ себѣ идею, если въ это положеніе поставлены не живые люди, а голыя фразы. Какъ страшна ни была бы катастрофа и борьба, но если мы смотримъ на нее безъ участія, тогда мысли нѣтъ, нѣтъ правды и жизни; остается одинъ голый эффектъ.

Эти размышленія очень не новы; но что жъ дѣлать, когда *но-вымъ* явленія русской сцены заставляютъ высказывать такіа старыя истины...

Пьесы, подобныя «Жертвѣ», принадлежатъ къ фальшивому роду, котораго мы должны всего болѣе опасаться... Это вѣдь тѣ же «Рыцари тумана», то же преобладаніе вишняго дѣйствія надъ простой правдой и жизнью...

А между тѣмъ, вѣдь въ положеніи Вельскаго нѣтъ ничего особенно, невѣроятнаго.... Отчего же вся исторія кажется намъ анекдотомъ?..

Оттого, что мы не находимъ въ немъ живыхъ людей. Единственное лицо — поручикъ Бочаровъ — болѣе характеръ, чѣмъ остальные.... Я не говорю уже о томъ, что онъ задуманъ по очень старой программѣ, что въ немъ вы не найдете ни одной черты, вамъ незнакомой, онъ весь изъ кусочковъ, взятыхъ изъ обширнаго тина моздревщины; но какъ сценическое лицо — онъ довольно новъ, и роль эта, какъ роль, очень благодарна.

Но и въ поручикѣ есть французскій оттѣнокъ, особенно проявляющійся въ сценѣ съ деньгами, когда онъ слишкомъ много борется съ совѣстью и черезъ-чуръ ломается послѣ покаянія, а также во всемъ тонѣ, которымъ веденъ 3-й актъ. Поручикъ Бочаровъ, въ своемъ *провербѣ* съ Вельскимъ, превращается въ злодѣя фабрики Поля Феваля или Ксавье де Монтенана, въ *chevalier d'industrie*, который хочетъ поиграть словами — во что бы то ни стало...

Не спорю, что и въ поручикѣ Бочаровѣ можетъ являться желаніе помистифировать; но онъ никогда бы не предалъ своей мистификаціи такой *литературной* формы; никогда бы, въ жизни, не проглядывало въ его словахъ столько дышанаго, столько авторскаго.

Остальные лица драмы не только блѣды, но они не тактичны; молодому автору центристально выводить лица, превратившіяся, въ сценическихъ маріонетокъ и заставлятъ ихъ говорить фразы, которыя всѣмъ опротивили. Занѣмъ, напр., онъ сводилъ своихъ любовниковъ во второмъ актѣ и держалъ ихъ на сценѣ четверть часа?.. Если ему нужно было это для *анекдота*, такъ пусть бы они встрѣтились, да сейчасъ бы и ушли!

Начинающій долженъ показать—если ужъ не талантъ, то—хоть нѣкоторую тактичность!.. А между тѣмъ вы не скажете, чтобъ «Жертва за жертву» была бездарная вещь. Въ ней есть что-то... но изъ этого *что-то*, можетъ ничего не выйти, если молодой авторъ будетъ преслѣдовать одну цѣль: интригу и эффектъ, и не укрѣпится въ истинѣ, что только въ живыхъ людяхъ драматическая борьба можетъ вызвать симпатію и возвыситься до драмы, и что водевиль—*Бродяги* удовлетворяетъ еще въ большей степени тому условію, которое всего болѣе выполнено въ драмѣ г. Дьяченко, т. е. сценичности...

Фальшивость рода драмы отразилась даже на афишѣ. Мы видимъ, что каждое дѣйствіе носитъ отдѣльное заглавіе, и особенно эффектно третье: *Привалъ смышленыхъ*. Это прямой путь къ «Рыцарямъ Тумана»!..

Г. Макровецкій, какъ бенефициантъ, взялъ роль поручика, нѣ мало къ нему не подходящую. Какъ *Марковецкій*, онъ игралъ очень недурно, сдѣлалъ, можетъ быть, все, что могъ; но ничего не сдѣлалъ...

На этомъ актерѣ осталась печать репертуара 40-хъ годовъ; и такъ какъ у него нѣтъ сильнаго таланта, то эта печать проглядываетъ въ каждой новой серьезной роли, за которую онъ беретъ...

Потомъ, нельзя же не обращать вниманія и на то, какую наружность должно имѣть лицо... Я сошлюсь на васъ, читатель, такая ли у г. Марковецкаго фигура и физиономія, чтобы ему удался типъ шулера изъ военныхъ, закаленного въ житейскихъ передразыгахъ, съ нахальной, ярмарочной рожой; съ охриплымъ, напѣтымъ голосомъ и, вѣстнѣ, съ закоротѣлыми поро-

ками человѣка кража, какимъ онъ долженъ быть, не взира на противорѣчія въ созданіи этого типа.

А у г. Марковецкаго вездѣ вы видѣли Бертраана изъ «Бродягъ», только въ новой обстановкѣ...

Остальные исполнители были еще ниже...

Я не очень впечатлительный человѣкъ, читатель; но я не зналъ, куда мнѣ дѣться во время чувствительныхъ сценъ г-жи Владиміровой съ г. Малышевымъ. Положимъ, эти сцены, сами по себѣ, фальшивы; но сыграйте ихъ хоть такъ, чтобъ пошлость ихъ не бросалась въ глаза...

Кто вразумляетъ г-жу Владимірову играть въ драмѣ?

И какъ нарочно г-жа Владимірова играла съ г. Малышевымъ, чтобъ напомнить мнѣ, благодушный читатель, драму во вкусѣ «Жертвы» — знаменитую *Дамилу*, гдѣ также былъ лунный свѣтъ, и гдѣ г-жа Владимірова принимала въ дверяхъ балкона, такіе же изысканныя позы.

Г-нъ Малышевъ, почти неидетъ впередъ, потому что его репертуаръ однообразенъ. Ему достается играть *первыя любовниковъ*, и новая роль въ «Жертвѣ» не научитъ его большаго простотѣ... У него есть хорошія ноты; онъ даже плачетъ на сценѣ неподдѣльными слезами, и это очень недюжинное свойство: но оно еще далеко не все. Правда и простота тона во всѣхъ положеніяхъ — вотъ идеалъ, до котораго еще очень далеко г-ну Малышеву.

И потомъ, неужели такъ трудно отрѣшиться отъ этихъ рутинныхъ шаговъ, подыманія рукъ, подаванія впередъ всего корпуса, возведенія очей и проч. и проч. Г-нъ Малышевъ взойдетъ на сцену и непременно станетъ въ *позицію*, а не станавись онъ въ нее — его фигура была бы очень прилична и не лишена благородства...

И потомъ, этотъ недостатокъ сценичнаго такта. Г-нъ Малышевъ является съ дороги точно какъ-будто онъ пришелъ съ визитомъ: завитой, подтянутый, и даже, мнѣ помнится, въ *блуждающихъ перчаткахъ*!.. Неужели трудно отрѣшиться и отъ такихъ замашекъ?...

Я нахожу, что всего болѣе на мѣстѣ были: г. Славинъ, въ роли этапнаго офицера и г. Шемаевъ, въ роли стараго лакея... Они были даже безукоризнены.

Мнѣ грустно за г-на Дьяченко! но еще болѣе грусти навѣ-

заюгъ на меня размышленія о грядущихъ судьбахъ русской драмы.

«Одноворецъ» третья пьеса, по порядку, была дана въ бенефисъ г-на Васильева... Роль одноворца, какъ, можетъ быть, небезызвѣстно читателю, игралъ Самойловъ.

— Ну что, каковъ онъ?—Хорошъ.

Потрудитесь прочесть отчеты въ разныхъ газетахъ и журнальцахъ; тамъ вы, вѣроятно, найдете, что вамъ нужно, начитаетесь вдоволь о *художественномъ* исполненіи г. Самойлова.

Неужели вы не того мнѣнія, вопрошаетъ изумленный читатель:

М-г Репетиловъ, что вы?

М-г Репетиловъ, каковъ?...

Такъ какъ вопросъ этотъ такимъ образомъ становится довольно серьезнымъ, и такъ какъ сами мы послѣ г-на Васильева признаемъ г-на Самойлова самымъ даровитымъ изъ всей труппы актеромъ, то да позволено будетъ намъ заняться этимъ поподробнѣе и опредѣлить разъ навсегда—какого рода дарованіе г-на Самойлова. Скажите вы мнѣ, если актеръ считается истиннымъ художникомъ, долженъ ли онъ сливаться, въ своей игрѣ, съ той жизнью, среди которой онъ живетъ; или проще, долженъ ли онъ быть народнымъ художникомъ?

Если вы мнѣ отвѣтите: *да*, такъ я вамъ доложу, что, по моему мнѣнію, въ игрѣ г. Самойлова нѣтъ тѣни народности; а по этому онъ для меня не художникъ, а просто актеръ; и ничего больше какъ актеръ.

Переберите весь его обширный репертуаръ и назовите мнѣ роль, въ которой передъ вами являлся бы своеобразный характеръ, нигдѣ и ни въ чемъ больше не повторяющійся?

А Кречинскій, а Шубинъ, а герой Карьеры?...

Да развѣ Кречинскій—художественный характеръ, самъ по себѣ? Развѣ г. Самойловъ играетъ Кречинскаго? Онъ играетъ всю роль *своими* словами! Это шулеръ, скопированный имъ, это одно изъ тѣхъ *передразниваній*, на которыя такъ способенъ корифей нашей сцены...

А остальные двѣ роли играютъ имъ такъ же рутинно, какъ и все то, гдѣ г ну Самойлову нужно впадать въ чувствительный родъ?.. Чѣмъ беретъ г. Самойловъ въ Карьеръ?—Монологомъ!.. А этотъ монологъ, самъ по себѣ, избитѣйшій эффектъ, выхваченный изъ французской мелодрамы; и видите ли вы художе-

ственный типъ человѣка, принадлежащаго къ извѣстному обществу, сословію, поставленнаго въ извѣстную обстановку, съ такою, а не иную соціальнымъ и нравственнымъ образованіемъ?..

У г-на Самойлова есть четыре главные фазона ролей...

Фасонъ № 1-й. *Драматическіе старикъ.* Такимъ манеромъ играетъ онъ всевозможныя роли, и прослѣдить разницу между Станціоннымъ зрителемъ и Директъ я не берусь; да и не думаю, чтобъ какая-нибудь существовала...

Фасонъ № 2. *Мужикъ.* Тутъ г. Самойловъ, для меня, никѣ критики. Онъ произноситъ одно слово изъ десяти на онъ, и думаетъ, что этимъ выполняется народная рѣчь. Но видно ли въ немъ пониманіе натуры простого русскаго человѣка? видно, что онъ не вдумывался въ эту жизнь, не вслушивался въ говоръ народный; онъ даже не считаетъ нужнымъ держаться роли, выучить ее хоть немножко, и обезцвѣчиваетъ языкъ, который изъ типичнаго переходитъ въ переводную русскую прозу. Таковъ онъ, между прочимъ, въ драмѣ А. Потѣхина: «Чужое добро въ прокъ нейдетъ.»

Фасонъ № 3. *Драматическіе Женъ преміер.* Это тоже въ сущности, что и первый фасонъ; только г. Самойловъ не гримируется, говоритъ твердымъ голосомъ и ходитъ прямо; но рутиня остается рутиней.

Фасонъ № 4. По видимому — весьма разнообразный; но въ сущности-то онъ заключаетъ въ себѣ одинъ элементъ *передразниванья, криклянья, фаршировки*... Подъ этотъ фасонъ подходятъ и всѣ комическіе, сластолюбивые старикашки, изображаемые г. Самойловымъ, и Кречинскій и англичанинъ въ Куплюкомъ выстрѣлѣ; и разныя другія лгушки. Этотъ *жанръ* всего болѣе удается г. Самойлову и показываетъ въ немъ искуснаго актера, очень ловко скватывающаго смѣшную сторону разныхъ говоровъ, попадающихся ему.

Далѣе позвольте мнѣ спросить васъ, благодушный читатель, можно ли назвать хоть одну Самойловскую роль, изъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ я упоминаю, созданіемъ художественнымъ въ литературномъ отношеніи? (Я говорю объ оригинальныхъ пьесахъ). Въ какихъ драматическихъ произведеніяхъ появлялся онъ доселѣ и составилъ себѣ имя? Безспорно, въ произведеніяхъ второстепенныхъ, а часто и вовсе посредственныхъ.

Развѣ это можно выставить доказательствомъ, закричите вы, благодушный читатель. Помилуйте, это ни на что непохоже! Ста-

ле быть, вы упрекаете г. Самойлова въ томъ, что между нашими драматургами нѣтъ гениальныхъ людей?.. Да кто же въ этомъ виноватъ?.. Тѣмъ больше ему чести, что онъ умѣетъ изъ каждой посредственной роли создать художественный типъ...

Совершенно справедливое сужденіе имѣть изволите въ мысляхъ вашихъ; но дѣло-то вотъ въ чемъ:

То, что мы имѣемъ истинно народнаго и даровитаго въ драматической литературѣ, можно перечитать по пальцамъ: Фонъ-Визинъ, Грибоедовъ, Гоголь, Островскій, да и обчелся...

Отчего же это такъ случилось, что въ репертуарѣ г. Самойлова мы не видали ни одной роли (художественно выполненной) изъ произведеній этихъ лучшихъ нашихъ драматурговъ?..

Отчего происходитъ то, что на нашихъ глазахъ г. Самойловъ совсѣмъ не участвуетъ въ исполненіи комедій и драмъ Островскаго?..

Или г. Самойловъ не желаетъ играть въ драмахъ Островскаго, или не по немъ роли, выхваченныя изъ жизни типическаго общества? Кажется, что последнее предположеніе вѣрнѣе, тѣмъ болѣе, что г. Самойловъ пробовалъ силы уже въ Любимѣ Торцовѣ, изъ котораго, на мой взглядъ, у него вышелъ озябнувшій писецъ, а непронившійся купецъ...

Вы скажете, пожалуй, у всякаго артиста есть свое амплуа, своей жанръ. Нельзя же требовать, чтобъ каждый непременно игралъ Островскаго!..

Да кто же болѣе Мартынова былъ испорченъ водевильнымъ репертуаромъ? Однако талантъ сказанъ во всей своей силѣ, когда духъ литературы и общества вызвалъ другой драматическій міръ на сцену. Тотъ самый актеръ, который кривлялся въ какойнибудь: Уткѣ и стаканѣ воды, исторгалъ у насъ слезы и заставлялъ глубоко страдать въ «Чужомъ добрѣ» и въ «Грозѣ!»

Въ Одноворцѣ г-нъ Самойловъ проявилъ тѣ же свои достоинства и тѣ же свои недостатки.

Вмѣсто старика съ характеромъ, съ твердыми правилами съ ироніей, съ чувствомъ достоинства, которое должны придавать всей натурѣ закалъ и типичность, съ эпергитеской рѣчью, и не много жолтинымъ, но подчасъ и спокойнымъ юморомъ — предъ нами былъ опять Станціонный смотритель, съ сухимъ или плаксывымъ тономъ — и больше ничего.

Тина — никакого. Съ языкомъ г. Самойловъ распорядился по своему. Оттѣшковъ мѣтнаго говора, какъ не бывало... Это

была опять переводная проза, *собственною издѣлія*... Закройте глаза и вы не узнали бы кто это говорить—король Лиръ, или крестьянинъ, или купецъ, или старый баринъ, или чиновникъ... я не замѣтилъ ни звука типичнаго, ни намека на какойнибудь народный колоритъ.

Почему это Отодворецъ? могли вы себя спросить. И въ какой это мѣстности? И что же тутъ своеобразнаго? Г. Самойловъ не ухватился даже за тотъ отодворческой юморъ, который придаетъ цвѣтъ и запахъ типу старика.

Гораздо типичнѣе и правдивѣе по исполненію былъ г-нъ Васильевъ, игравшій роль гарнизоннаго офицера, сына Отодворца. Въ игрѣ его было много неподдѣльнаго юмора, и если онъ не создалъ полнаго типа, если между первымъ и остальными актами была разница въ тонѣ, дикціи и манерахъ — то все таки передъ нами стоялъ живой человекъ, взятый изъ народной жизни. И надо замѣтить, что, начиная со втораго акта, г. Васильевъ 2 былъ вѣрнѣе типу Петра Ивановича; купеческія ноты, которыя слышались въ первомъ дѣйствіи, исчезли почти совершенно; а сцены съ гувернанткой во второмъ и третьемъ актѣ исполнены были съ истиннымъ комизмомъ и не карикатурно...

Когда г. Васильевъ еще болѣе вдумается въ этотъ типъ, можно надѣяться, что онъ придастъ ему всѣ тѣ оттѣнки, какіе нужны въ личности офицера, вышедшаго изъ кантонистовъ. Всего ближе подходятъ эти типы къ писарямъ, и чѣмъ больше писарскаго вмѣстить г. Васильевъ въ Петръ Ивановичъ, тѣмъ онъ будетъ вѣрнѣе и типичнѣе.

Внутреннюю же сторону характера г. Васильевъ понималъ отчетливо и серьезно. Вы видите передъ собою пошленькую натуру, развившую въ себѣ всѣ дурныя инстинкты; вы видите и массу мелкихъ претензій, и глупую амбицію, и униженіе, и подлинную радость, и комическое солдатское самодѣвольство.

Но главное, нигдѣ Петръ Ивановичъ не возбуждаетъ грубаго отвращенія; вы прже смѣетесь, а потомъ уже вамъ грустно... Это есть основа всякаго истиннаго комизма въ жизни и искусствѣ, и художественные элементы игры г. Васильева сказываются въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ комическихъ характерахъ, созданныхъ имъ.

Мы не ставимъ г. Васильеву въ особенную заслугу то, что онъ изучаетъ свои роли, не коверкаетъ языка и серьезно смотритъ на свое дѣло. Хвалить за это—значило-бы обижать его,

если онъ истинный артистъ; но мы внутренно возсылаемъ желаніе, чтобъ онъ остался чистъ отъ актерскаго произвола, чтобы онъ не шолъ по пути тѣхъ русскихъ широкихъ натуръ, для которыхъ нѣтъ законовъ искусства, нѣтъ критики, нѣтъ публики; а только одно я.... Чѣмъ больше дарованіе, тѣмъ больше она-сеній возбуждаетъ оно за русскаго человѣка!

Таковъ нашъ общій удѣлъ, уважаемый читатель, въ этомъ сказывается горькій драматизмъ нашей жизни.

Жена однодворца не была на сценѣ новымъ типомъ, но въ игрѣ г-жи Линской есть всегда довольно жизненности. Она играла Арину Лукинишну немножко молодо, беспокойно, и не разнообразно; но у ней вырывались слова и восклицанія, очень характерныя; смѣшнѣе всего то, что въ языкѣ мужа и жены не было ни малѣйшаго сходства; ни малѣйшаго однообразія говора, что должно быть, потому что они родились и жили въ одной мѣстности. Г-жа Линская старалась говорить съ акцентомъ средне-русскихъ губерній у ней слышалась рѣзкая буква *а*; она произносила *табъ*, на тамбовскій манеръ, и вообще хотѣла придать своему говору мѣстный колоритъ; а мужъ ея, г. Самойловъ оставался вѣренъ своей *переводной прозѣ*, и вы можете себѣ представить, что изъ этого выходило.

Нѣчто подобное происходило въ драмѣ: «*Чужое добро*» гдѣ отецъ, два сына, жена и невестка говорятъ, въ одной крестьянской семьѣ, казалось намъ, на пяти діалектахъ...

Главное женское лицо въ пьесѣ, гувернанку, играла г. Федорова: ея видимо обдуманная игра не выкупала недостатка кокетливыхъ оттѣнковъ, которые должны быть въ гувернанткѣ. Смѣхъ особенно вредитъ г-жѣ Федоровой, а также и фигура, превращающая ее скорѣе въ гордую барыню, нежели въ ловкую, хитрую и вмѣстѣ съ тѣмъ пустую и легкомысленную дѣвицу... Но при той старательности, съ какой г-жа Федорова исполняетъ свою роль, можно прямо сказать, что она дѣлаетъ все, что находится въ ея средствахъ.

«А чтожь о самой пьесѣ?» спросите вы меня, благодушный читатель. Развѣ вы ее не станете разбирать?

Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ удержаться отъ этого. Я—человѣкъ юный, и такъ часто поступаю противъ приличій; а тутъ гвалтъ подымутъ, закричатъ: какъ смѣтъ разбирать комедію, помѣщенную въ Библіотекѣ....

Вадъ вы такъ просвѣщенны, уважаемый читатель, что и безъ меня ее разберете.

Ужь я и такъ, я думаю, надоѣлъ вамъ... Вы боятесь, что я начну опять новую исторію.... Не пугайтесь; я, pour la bonne cause, задамъ только шовный вопросъ:

№ 1: Гдѣ же лучше-то, въ жизни или въ искусствѣ?

Подумайте-ка...

Петръ Неснажусь.

НОВЫЯ КНИГИ,

ПРОДАЮЩАЯСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ В. П. ПЕЧАТИНА, ВЪ
С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

МѢСЯЦЕСЛОВЪ (календарь) на 1862 годъ. Изданъ отъ Императорской Академіи наукъ; съ изображеніемъ памятника тысячелѣтію Россіи, воздвигнаемаго въ Новгородѣ, ц. въ бумажкѣ 90 к. въ папкѣ 1 р. 10 к. въ сафьян. кореш. 1 р. 25 к., вѣс. за 2 фун., тоже карманный календарь ц. 15 к. табель 20 к., вѣс. 1 ф.

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ. Общая роспись начальствующимъ и прочимъ должностнымъ лицамъ по всѣмъ управленіямъ въ имперіи и по главнымъ управленіямъ въ Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ на 1861—1862 годъ, въ 2-хъ частяхъ, изданный Императорскою Академіею наукъ, ц. 5 р. 15 к. въ перепл. 5 р. 75 к. вѣс. за 4 ф.

В. Н. ТАТИЩЕВЪ И ЕГО ВРЕМЯ. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи, первой половины прошедшаго столѣтія. Сочиненіе Николая Попова, изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина, М. 1861 г. ц. 2 р. 50 к. съ перес. 3 р.

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВО ФРАНЦІИ отъ паденія западной римской имперіи. Сочиненіе Гизо, члена французской академіи, часть первая, переведено подъ редакціею М. Стасюлевича. Спб. 1861 г. ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

ПОЛНЫЯ ТАВЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1861 года положеній о крестьянахъ. М. 1861 г. ц. 75 к. съ перес. 1 р.

РУКОВОДСТВО для мировыхъ посредниковъ, съ приложеніемъ формъ для книгъ и бумагъ, М. 1861 г. ц. 75 к. съ перес. 1 р.

РУКОВОДСТВО для помѣщиковъ къ составленію уставныхъ грамотъ, извлеченное изъ Высочайше утвержденного 19 февраля 1861 года положенія о крестьянахъ, выпедшихъ изъ крѣпостной зависмости. Составилъ В. Соболевъ, Спб. 1861 г. ц. 1 р. съ перес. 1 р. 30 коп.

УРОКИ ГЕОГРАФІИ. Приготовительный курсъ, годъ первый. Составилъ Д. Семеновъ, изданіе второе, съ 10 рисунками (исправленное) Спб. 1861 г. ц. 60 к. съ перес. 85 к.

РУКОВОДСТВО къ повивальному искусству, д-ра Бернгарда Шульце, профессора акушерства и директора родильнаго дома и повивальнаго института въ Лейпъ, перевелъ съ нѣмецкаго В. Ф. Качоровскій

съ 58 рисунками въ текстѣ. изданіе О. М. и В. К. Спб. 1861 г. ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

О ПРИЧИНАХЪ появленія въ русской церкви раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства Д. Олоцкаго, Спб. 1861 г. ц. 50 к. съ перес. 75 к.

ПОВЪЗКА ВЪ ЮЖНУЮ РОССИЮ А. Аюнасьева - Чужбинскаго. Часть 1. Очерки Днѣпра, Спб. 1861 г. ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

РУКОВОДСТВО къ производству хвойственной сѣмки и межеванія, съ особымъ прибавленіемъ о лѣсной сѣмкѣ и нивелированіи. Составлено Н. Куропаткинымъ, преподавателемъ топографіи въ 1 мѣ кадетскомъ корпусѣ, съ 267 чертежами и 4-мя вспомогательными таблицами М. 1861 г. ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

ЖИЗНЬ ГРАФА СПЕРАНСКАГО. Издана, съ Высочайшаго соизволенія, Императорскою Публичною Библіотекою. «Жизнь графа Сперанскаго», составленная барономъ М. Корфомъ, въ двухъ томахъ въ 6. 8 л., съ тремя портретами Сперанскаго изъ разныхъ эпохъ его жизни. Спб. 1861 г. ц. 3 р., съ перес. 4 р.

ЧЕРНЫЙ ГОРОДЪ. Романъ Жоржъ Занда, переводъ съ французскаго В. Я. изданіе И. Папина. Спб. 1861 г. ц. 75 к. съ перес. 1 р.

ОТКРЫТІЕ и возобновленіе древней Базиліки св. Николая въ мирѣ лійскомъ, Спб. 1861 г. ц. 60 к. съ перес. 85 к.

РАЗСКАЗЪ очевидца объ открытіи вѣтлѣнныхъ мощей святителя и чудотворца Тихона, епископа Воронежскаго, 12 и 13 августа 1861 года, въ Задонскомъ Погородичномъ монастырѣ. Спб. 1861 г. ц. 25 к., съ перес. 50 к.

ГОРОДСКІЯ поселенія въ Россійской имперіи. томъ второй, Спб. 1861 г. ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р. 25 к.

РАЗСКАЗЫ изъ русской исторіи. Сочиненіе В. Водовозова, выпускъ первый, Спб. 1861 г. ц. 40 к. съ перес. 65 к.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА о *паровыхъ машинахъ*, сочиненіе Франсуа Араго, непремѣннаго секретаря парижской академіи наукъ, и проч., переведенное М. С. Хотинскимъ, членомъ многихъ ученыхъ обществъ, Спб. 1861 г. ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

ХИМИЯ И ХИМИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГІЯ, сочиненія д-ра І. Готлиба, переводъ подъ редакцію П. П. Алексѣева, издано подъ редакцію Д. В. Аверкіева. Спб. 1861 г. ц. 1 р. 75 к. съ перес. 2 р.

БИОГРАФІЯ знаменитыхъ астрономовъ, физиковъ и геометровъ. Сочиненіе, Ф. Араго, перевелъ Д. Перевощиковъ; томъ 3-й Спб. 1861 г. ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

ПИВОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО. А. Совѣтова, съ рисункомъ, второе изданіе, Спб. 1861 г. ц. 50 к. съ перес. 75 к.

СВѢДѢНІЯ О ЛЬНЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ БЕЛЬГИИ, съ 40 листами чертежей. Спб., ц. 6 р. съ перес. 6 р. 50 к.

РЕФОРМА.

(ИЗЪ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ ВЪ XVI ВѢКЪ.)

соч. Мишле.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

Приложеніє къ журналу «Библіотека для чтенія» № 10, 1861 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Плѣнь.—1525.

Vaincu je fus et rendu prisonnier,
Parmi le camp en tous lieux fus mené,
Pour me montrer, çà et là promené. *

Барварское обращеніе съ Францискомъ I понятно: плѣнникъ былъ порукою для арміи. Она сражалась даромъ, въ надеждѣ взять его въ плѣнь и получить выкупъ. Генералы могли сказать теперь: «Вотъ тотъ, котораго вы искали; онъ теперь въ вашихъ рукахъ. Теперь вамъ заплачено».

Одинъ грубіянь изъ испанскихъ пищальниковъ, которые, въ сущности, были главными побѣдителями, подошелъ къ королю Франціи и фамильярно сказалъ ему: «Государь, вотъ золотая пуля, которую я сдѣлалъ, чтобы убить ваше величество... Она послужитъ для вашего выкупа». Король улыбнулся и взялъ ее.

Но вечеромъ или на другой день, онъ снялъ съ своего пальца перстень,—единственную вещь, которая осталась у него,—и тайно отдалъ его одному дворянину,—котораго ему было позволено отправить къ своей матери,—сказавъ ему: «отнеси это султану».

Такимъ образомъ великій вопросъ времени былъ рѣшонъ; колебанія были подавлены, антипатіи побѣждены.

Событіе, необыкновенно важное, вынужденное отчаяніемъ,—мѣра, которую онъ, безъ сомнѣнія, и самъ считалъ нечестивою, какъ воззваніе къ дьяволу, тогда какъ это, скорѣе можно назвать дѣломъ Воишмъ, первымъ прочнымъ основаніемъ союза религій и примиренія народовъ.

Этотъ человекъ, безразсудный въ битвѣ, былъ въ плѣну гораздо хитрѣе, чѣмъ можно было бы отъ него ожидать. Онъ отдался не кому другому, какъ только Ланнуа, слугѣ императора. Это очень послужило въ его пользу. Онъ умаслялъ также и Пескериу. Пескера,

* Я былъ побѣжденъ и сдѣланъ плѣнникомъ; меня водили по всему лагерю; меня таскали туда и сюда на показъ.

столько же ловкій придворный, какъ искусный полководецъ, явился въ траурѣ. Изъ чувствительности, или же изъ лести къ итальянцамъ, которые сдѣлались занозой Карла V, Францискъ I-й обошелся съ Пескерой какъ съ будущимъ королемъ Италіи и бросился въ его объятія.

Его совершенное притворство выказалось вечеромъ, въ горькую минуту, когда ему должно было принять конетабля Вурбона. Послѣдній показалъ себя скромнымъ: онъ явился съ почтеніемъ и предложилъ свои услуги. Король вытерпѣлъ его присутствіе и принялъ его ласково. Одинъ писатель увѣряетъ даже, что онъ пригласилъ его къ своему столу, вмѣстѣ съ другими генералами.

Знаменитое письмо его къ матери, которое всегда было искажаемо, достаточно свидѣлствуетъ объ его уныніи: «отъ всего, что я имѣлъ, у меня остался только честь и жизнь».

Жалче всего его письма къ Карлу V. Для человѣка столь умнаго они удивительны. Онъ унижается въ нихъ неполитичнымъ образомъ. Онъ рискуетъ возбудить къ себѣ отвращеніе и липитъ себя всякой вѣрой. Онъ умоляетъ о жалости, онъ возлагаетъ надежду единственно на доброту императора, который, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ его своимъ другомъ, а не потеряннымъ существомъ. *доведеннымъ до отчаянія*, и, вмѣсто безполезнаго плѣнника, приобрѣтетъ въ немъ короля, который *навсегда останется его рабомъ*. Эта жалкая фраза повторяется трижды. (Плѣнъ, 131; Гранвелла, 1, 266, 268, 269).

Этотъ театральный герой, подавленный, уничтоженный, показалъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, — незначительнымъ дворяниномъ изъ Пуатье, набожнымъ вслѣдствіе отчаянія, описывающимъ въ стихахъ свои несчастія, свою любовь, какъ это сдѣлалъ бы на его мѣстѣ Сень-Желе, Іоакимъ Дюбале, или всякій другой изъ его современниковъ.

Сначала онъ сталъ говѣть и поститься. Его нѣжная сестра, крайне встревоженная, испугалась, какъ бы онъ не заболѣлъ. Она запрещаетъ ему постъ и, чтобы поддержать его, посылаетъ ему духовную пиццу—посланія св. Павла... Какая-то затворница сказала какому-то святому мужу: «Если король будетъ читать св. Павла, то онъ освободится.»

Эта книга пришла, кажется, слишкомъ поздно. Съ теплымъ дыханіемъ итальянской весны явилась поэзія и заступила мѣсто набожности. Сквозь свои рѣшотки король сталъ смотрѣть на ломбардскій пейзажъ, столь свѣжий, столь очаровательный въ апрѣлѣ, столь возвышенный, раскидывающійся между Павіей и Альпами. — и началъ сочинять идиллію въ виргиліевскомъ родѣ. Ему ли принадлежатъ эти прекрасные стихи? Они нисколько не похожи на его малодушное сѣтованіе по поводу битвы подъ Павіей. Очень вѣроятно, что ихъ кто нибудь исправилъ, украсилъ, облагородилъ. Первая мысль, очень поэтичная, принадлежитъ, можетъ быть, плѣннику и внушена ему этимъ грустнымъ взглядомъ на весенній ландшафтъ. Противъ прекрасной Италіи, которая была для него такъ гибельна, противъ По и Тессино, сражей его тюрмы, онъ зоветъ къ себѣ національнѣ

французскія рѣки, съ ихъ плачущими нимфами. Эта пьеса не только очень хорошо написана, но, кромѣ того, исполнена глубокаго чувства любви къ Франціи.

Nymphes, qui le pays gracieux habitez
Où court ma belle Loire, arrosant la contrée...
Rhône, Seine, Garonne, et vous, Marne et Charente,
...Fleuves qu'alentour environne
L'Océan et le Rhin, l'Alpe et les Pyrénées,
Où est votre seigneur que tant fort vous aimez? * et cel.
(Captivité, 227.)

Если бы у него были другіе глаза, если бы, вмѣсто этой неопредѣленной поэтической чувствительности, онъ обладалъ мужественнымъ сердцемъ,—или, по крайней мѣрѣ, тактомъ, чтобы понять свое положеніе,—то онъ увидѣлъ бы черезъ окно своей тюрьмы совѣтъ другою зрѣлище. Онъ увидѣлъ бы, что Италия приведена въ трепетъ и ужасъ пораженіемъ французскаго короля, которое предало ее въ жертву полчища разбойниковъ. Кто побѣдилъ? Императоръ?—Нѣтъ, побѣдило это безыменное чудовище, побѣдили три соединенныя между собою шайки, не имѣющія надъ собою начальника. Какое преступленіе могли запретить или не дозволить эти жалкіе генералы, рабы и трепещущіе льстецы своихъ солдатъ? Венеція умоляла папу—образовать вооруженную лигу. Папа вступаетъ въ нее въ мартѣ и оставляетъ ее въ апрѣлѣ. И однакоже, для уничтоженія этихъ разбойниковъ довольно было бы половины денегъ, которыя они награбили.

Кромѣ того Францискъ, если бы онъ не былъ близорукъ, увидѣлъ бы безсиліе и бѣдность императора, зависть Англіи, броженіе Нидерландовъ и ресурсы, которые имѣла Франція въ себѣ и въ своихъ союзникахъ. Завтра должны были вооружиться Солиманъ и Генрихъ VIII. Но въ этотъ самый день въ защиту короля явилась дружба болѣе быстрая, шпага болѣе дѣятельная. Маленькій герцогъ Гельдернскій собралъ шесть тысячъ человекъ и устремился на Нидерланды. Маргарита Австрійская, которая не могла собрать ни одной копѣйки и которая умирала отъ страха, находясь между двухъ огней: между вторженіемъ и революціей, сильно дѣйствовала въ Мадридѣ и исторгла у Карла V согласіе на перемиріе.

По крайней мѣрѣ король близко видѣлъ несогласіе и споры тѣхъ, которые его стерегли; былъ свидѣтелемъ бѣшенства солдатъ; слышалъ, какъ они кричали и требовали жалованья. Генералы смертельно ненавидѣли другъ друга.

Вурбонъ, въ злобѣ на Пескеру, охотно оставилъ бы Карла V. Онъ предлагалъ свои услуги англичанамъ. За денежную помощь, состоящую не болѣе какъ изъ мѣсячнаго жалованья для войска, онъ го-

* Нимфы, живущія въ очаровательныхъ мѣстахъ, гдѣ течетъ моя прекрасная Луара, орошая страну... Рона, Сена, Гарона и вы, Шарна и Шаранта... рѣки, которыя кругомъ охвачены океаномъ и Рейномъ, Альпами и Пиренеями! Гдѣ вашъ господинъ, котораго вы такъ сильно любите? и проч.

товъ былъ набрать солдатъ, вторгнуться во Францію, овладѣть всѣмъ и сдѣлать королемъ Генриха VIII.

Пескера, дѣйствительный побѣдитель при Павіи, велъ переговоры съ императоромъ. Въ случаѣ неблагодарности со стороны Карла V, Пескера могъ рассчитывать на отчаяніе Италіи. Она почти отдалась Цезарю Борджіи: почему бы ей не отдаться Пескерѣ?

Что касается Ланнуа, то онъ сдѣлался повѣреннымъ Франциска I. Онъ имѣлъ сестру, бывшую за мужемъ во Франціи, и, какъ фландецъ, онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія Маргариты Австрійской; онъ сильно боялся за Фландрію, видя революцію въ Нидерландахъ, и терпѣливо желалъ примирить двухъ королей между собою.

Это было не легко. Молодой императоръ, который въ публикѣ выказывалъ совершенно христіанскую умѣренность и даже запретилъ празднества по случаю побѣды, въ собственноручномъ письмѣ къ Ланнуа обнаруживаетъ, до какой степени ослѣпленіе довело его умъ это неслыханное счастье. «Такъ какъ вы взяли мячъ короля Франціи,—говоритъ онъ,—то я вижу, что не сдумлю употребить его ни на какое другое дѣло, какъ только противъ невѣрныхъ».

Еслибы онъ могъ добыть нѣсколько денегъ, то онъ намѣревался вторгнуться во Францію,—не посредствомъ Бурбона, а самъ лично и съ собственными войсками. Поэтому, оставивъ Генриха VIII и его дочь, онъ сталъ думать о богатомъ приданомъ Португаліи; англичанка принесла бы ему только росписку въ уплатѣ имъ долговъ, португалька же должна была дать ему наличныя деньги.

Требованія, съ которыми онъ обращался къ Франциску I, были непопулярны, изложены въ гнусно-оскорбительномъ тонѣ злобными Гаттинарой.

Въ нихъ говорилось во первыхъ, что папа Бонифацій VIII отдалъ нѣкогда всю Францію австрійскому дому. Но императоръ такъ умѣренъ въ своихъ требованіяхъ, что удовольствуется половиной, ие говоря о Миланѣ и Неаполѣ. Онъ хочетъ получить, во 1-хъ, сѣверныя провинціи—Пикардію, Сому, съ верховнымъ господствомъ надъ Артуа и Фландріей, 2) востокъ—Бургундію, 3) югъ—Провансъ. для Бурбона, которому будутъ возвращены его владѣнія въ центрѣ Франціи—Овернь, Бурбонъ и проч. Это еще не все. Будетъ оказана справедливость претензіямъ Генриха VIII, съ ограниченіемъ ихъ Нормандіей, Гасконіей и Гюёной, — но съ прибавкою Анжу, центральной провинціи, которая разъединитъ Бретань и Францію.

Ни король, ни его мать не дали официального отвѣта. Король сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ, совершенно согласныхъ съ инструкціями, данными правительницей своимъ посланникамъ. Онъ не хотѣлъ отказаться ни отъ Сомы, ни отъ Бургундіи, ни отъ Прованса, но предлагалъ *оживиться на сестрѣ* Карла V и сдѣлаться его солдатомъ, чтобы *помочь ему овладѣть своею императорскою короной въ Италіи*. Эти условія поясняла мать Франциска, безстыдно предлагая Карлу V Италію, помощь для овладѣнія Венеціей, и, въ придачу ко всему этому, свою дочь, которую она навязывала императору. (Captivité, 174, 194).

Сперва нужно было дѣйствительно имѣть у себя плѣнника, выр-

ить его изъ рукъ арміи и отдать его Карлу V, отправивъ его въ Испанію. Францискъ I надѣялся устроить такъ, чтобы его похитили на дорогѣ. Но Лануа искусно внушилъ ему другую мысль, — романъ, который, въ этомъ качествѣ, былъ совершенно по немъ. Мысль эта состояла въ томъ, чтобы все уладить посредствомъ брака, сыграть съ Вурбономъ штуку — отнять у него невесту, Элеонору, сестру Карла V, которая была обѣщана конетаблю. Она была вдова, и вовсе непривлекательная. Король сказалъ самъ и чрезъ другихъ, что онъ давно уже думалъ объ этомъ, что онъ влюбленъ въ нее заочно. Король былъ увѣренъ, что, отправившись въ Испанію, онъ овладѣетъ и этой сестрою и всею фамиліей Карла V; склонить всѣхъ на свою сторону; что у императора, его будущаго шурина, будутъ связаны руки, и онъ по неволѣ долженъ будетъ вступить съ нимъ въ соглашеніе.

Это было велѣно, однакоже буквально осуществилось. Францискъ I, казалось, понималъ, что безразсудство испанцевъ не уступитъ его собственному; что они будутъ въ восторгѣ отъ короля, взатаго на полѣ битвы; что они будутъ сравнивать его съ своимъ государемъ, который до этихъ поръ выказывалъ такъ мало нетерпѣнія — увидѣть вошрителя.

Стражъ и плѣнники составляютъ заговоръ вмѣстѣ. Король предлагаетъ даже свои судъ. Францискъ прибылъ въ Испанію 23 іюня 1525 г. Вурбонъ, Пескера были внѣ себя отъ бѣшенства. Первый остался въ Генуѣ одинъ; у него не было теперь никакой поддержки ни отъ Испаніи, ни отъ Англіи, даже ни одного корабля для отплытія; онъ видѣлъ, что время пропадаетъ даромъ, что сезонъ приходитъ къ концу.

Лануа и Круа, лѣта воинственнымъ планамъ молодаго государя, въ то же время дали ему понять, что онъ долженъ одинъ сдѣлать завоеваніе. Императоръ не могъ вступить во Францію съ небольшимъ войскомъ, рѣшиться на рискованный, отчаянный ударъ, какой сдѣлалъ бы Вурбонъ. Ему нужна была армія, и притомъ новая, потому что армію итальянскую онъ почти не могъ назвать своею. Необходимы были деньги Нидерландовъ, необходимъ былъ ихъ примѣръ, чтобы получить деньги отъ Испаніи. Въ маѣ Маргарита Австрійская созвала штаты Голландіи и Фландріи, прося ихъ похлопотать, по крайней мѣрѣ, о своей безопасности, для противодѣйствія разбойникамъ Гельдерна. Она получила прямой, положительный отказъ, причемъ штаты сильно обвиняли систему наагоговъ, господствовавшую уже сто лѣтъ. Люксембургъ, Геннегау и Артуа, разоренные войною, не имѣли и не дали ничего. Брабантъ согласился дать, но на странномъ и опасномъ условіи: если Лѣсной-Герцогъ съ своей стороны будетъ согласенъ на это. Но какъ будто нарочно Лѣсной-Герцогъ увлекся пыломъ лютеранской революціи; онъ вламывался въ монастыри и грабилъ монаховъ. Антверпенъ, Амстердамъ и другіе города тоже волновались. Противъ опасеній, высказываемыхъ въ тревожныхъ письмахъ Маргариты, онъ не видѣлъ другаго сред-

ства, «какъ только измѣнически завлечь къ себѣ магистратовъ Лиснаго-Герцога и показать на нихъ примѣръ». Впрочемъ, онъ высказывалъ, что если Римъ отдастъ ему деньги, взимаемыя съ духовенства для уничтоженія лютеранъ, то онъ приметъ дѣло на себя и возьмется быть палачомъ. (Lanz, Мемуар. Штутгардъ, XI, 16—26.)

Таковъ былъ грозный видъ 1525 года. Въ Европѣ, казалось, вспыхнула огромная революція,—да и не одна, а двадцать революцій, различныхъ по своимъ причинамъ и еще болѣе по своему характеру.

Въ Германіи—это было дикое возмущеніе швабскихъ и рейнскихъ крестьянъ. Они серьезно взялись за реформу, хотѣли преобразовать рабство и устроить на землѣ царство *Божіе*.

Во Франціи работники горъ. Мо съ жаромъ предались революціи религиозной. Одинъ изъ нихъ, неустрашимый проповѣдникъ, чесальщикъ шерсти Леклеркъ, былъ сожженъ въ Мецѣ. Во то же время шайки нѣмецкихъ крестьянъ дѣлали нападеніе на Лотарингію. Горе дворянству, если нѣмецкіе и французскіе рабы согласятся дѣйствовать совокупно! Герцогъ Гизъ перехватилъ ихъ на дорогѣ и изрубилъ ихъ въ куски.

Англійскіе работники шерстяныхъ издѣлій тоже бунтовали, но не подымали еще знамени Реформы. Они жаловались только на отягощительные налоги, которые заставляли фабриканта выбрасывать ихъ на мостовую.

Страннѣе всѣхъ другихъ революція въ Италіи,—революція не городовъ, не сель; а князей, разоренныхъ, отчаявшихся государей, противъ разбоевъ императорскихъ войскъ.

Даже въ Турціи былъ бунтъ. И это замедлило диверсію Салимана въ пользу Франциска I. Янычары, эти жалкіе военные монахи, набранные по большей части изъ греческихъ дѣтей, не имѣющихъ ни отечества, ни домашняго очага, по временамъ рвутъ свои знамена; по временамъ вынуждаютъ у своихъ властителей прибавку жалованья, которую внезапное вздорожаніе всѣхъ предметовъ должно было, дѣйствительно, дѣлать необходимымъ.

У одного Карла V были три революціи: испанская, едва подавленная, нѣмецкая, въ полномъ разгарѣ (князья, дворянство бѣжали на нее какъ на огонь), итальянская, безмолвная и мрачная, грозившая очень скоро разразиться. Но самую важную для него была революція въ Нидерландахъ; она касалась его самымъ непосредственнымъ образомъ, она парализовала его и сначала оказала Франціи дѣйствительную помощь. Это была революція финансовая и религиозная, въ которой это населеніе, приносимое уже сто лѣтъ въ жертву иностранной политикѣ, возвращалось къ своему собственному здравому смыслу, пробуждалось, требовало свободы промышленности и совѣсти.

Здѣсь-то было спасеніе для французовъ. Это движеніе Нидерландовъ обнаружилось весной, въ маѣ. Возмущеніе итальянское вспыхнуло прежде времени. Помощь Салимана была отсрочена. Помощь Генриха VIII явилась поздно и притомъ осенью.

Одинъ изъ наперсниковъ Карла V писалъ послѣ сраженія при Павии: «Богъ даетъ каждому человѣку его августъ и жатву; его дѣло — пожнать». Августъ императора былъ въ мартѣ. Бурбонъ съ кое-какимъ войскомъ и безъ денегъ, существуя грабежомъ, могъ тогда вторгнуться во Францію, проникнуть безъ труда до Ліона, даже до Бурбона. Парламенты, вѣроятно, приняли бы его.

Карль V упустилъ эту удобную минуту и ждалъ... чего? папскаго разрѣшенія на бракъ съ своею португальскою кузиной, которая, посредствомъ своего огромнаго приданаго въ девятьсотъ тысячъ дукатовъ, должна была дать крылья императорскому орлу.

Не имѣя возможности вести войну съ Франціей, Карль V воевалъ съ своимъ плѣнникомъ. Не должно вѣрить относительно этого предмета испанскимъ историкамъ. Достаточно взглянуть на ужасное жилище, куда былъ запертъ французскій король. Въ Мадридѣ это была комната въ одной башнѣ городскихъ укрѣпленій, — маленькая ужасная клѣтка съ единственною дверью, съ однимъ только окномъ, прикрытымъ двойною желѣзною рѣшеткой, вдѣланной въ стѣну со всѣхъ четырехъ сторонъ. Окно было высоко отъ полу и приходилось карабкаться на него, чтобы увидѣть пейзажъ — бесплодный берегъ Мансанареса; подъ окномъ сіяла пропасть во сто футовъ глубиною, на днѣ которой два батальона днемъ и ночью держали караулъ.

Это была жестокая, но логичная мѣра. Владѣя Франціей въ лицѣ этого человѣка, который еще царствовалъ, не долженъ ли былъ его господинъ стараться — довести его до отчаянія, заставить, чтобы онъ предалъ самага себя и открылъ ворота своего королевства для императора?

Темпераментъ узника сильно оправдывалъ такую надежду. Молодой, крѣпкій сангвиникъ, неутомимый охотникъ, привыкшій быть постоянно на конѣ, рыскающая по лѣсамъ Франціи, — онъ вдругъ попалъ въ тѣсную тюрьму и долженъ былъ сидѣть безъ движенія. Пять шаговъ въ длину, пять шаговъ въ ширину... Этотъ человѣкъ, ненасытимый въ своей страсти къ женщинамъ, сдѣлался монахомъ и почти цѣлый годъ томился полнѣйшимъ воздержаніемъ. Прибавьте къ этому климатъ Испаніи, — жаркій, сухой, пронзительный, — бѣдную кастильскую пыль, проникающую въ окно, вмѣсто здороваго воздуха. Наконецъ — исчезновеніе всякихъ иллюзій, несбывшійся романъ, которымъ Ланнуа обольстилъ его, надежду, сдавленную какъ тѣсное пространство между этими стѣнами, на которыя онъ наталкивался на каждомъ шагу. Здѣсь жить, здѣсь умереть; быть погребеннымъ заранѣе, видѣть себя запертымъ, чувствовать себя уже въ могилѣ!

Это жалкое положеніе короля дошло до послѣдняго предѣла бѣдствія, когда онъ узналъ отвѣтъ, сообщенный его матерію однимъ повѣреннымъ императора. Отвѣтъ этотъ былъ данъ въ обязательномъ, льстивомъ тонѣ, но въ сущности онъ былъ безжалостенъ и заключалъ въ себѣ самый жестокий отказъ. Смыслъ его былъ таковъ, что въ услугахъ ея для овладѣнія Италіей не имѣется никакой

надобности, что Францискъ I тоже не нуженъ, какъ супругъ сестры Карла V. Что же касается до предложенія Луизы относительно брака ея дочери съ императоромъ, то объ этомъ предметѣ даже не удостоиваютъ и упоминать.

И такъ не было никакой надежды. Король долженъ былъ или остаться въ тюрьмѣ, или удовлетворить требованіямъ императора, Генриха VIII и Бурбона; долженъ раздѣлить Францію съ ними.

Францискъ не выдержалъ своего несчастія. Онъ заболѣлъ и звалъ къ себѣ мать, чтобы еще разъ повидаться съ нею. Она не могла оставить королевство и послала къ нему свою дочь.

Карль V вовсе не желалъ этого посѣщенія. Онъ очень хорошо понималъ, что если испанцы уже интересуются плѣнникомъ, то преданность его сестры, ея молебны должны безгранично усилить этотъ интересъ. До сихъ поръ онъ держалъ узника въ своихъ рукахъ, могъ его прятать, эксплуатировать. Но если она пріѣдетъ, то истинно откроется, все сдѣлается гласнымъ; растроганныя сердца возмутятся и сама Испанія отворитъ дверь темницы.

Съ другой стороны—Францискъ былъ боленъ. Если бы онъ умеръ, то все было бы потеряно. И такъ его стражъ далъ охранную грамоту, впрочемъ неопредѣленную и мало успокоительную, для особы, которая посѣтила бы короля. Но и этой грамоты добились только посредствомъ обѣщанія, которое далъ Монморанси, что, за дарованіе ея, Франція согласится принять Бурбона, въ качествѣ посланника. Карль V боялся конетабля, какъ завоевателя Франціи, но онъ желалъ видѣть его возмутителемъ и подстрекателемъ къ ссорамъ, начальникомъ партій, искрою анархій и междоусобной войны. Что Филиппъ II имѣлъ въ Гизѣ, то его отецъ хотѣлъ имѣть въ Бурбонѣ.

Получивъ это обѣщаніе, которое, разумѣется, не было сдержано, рѣшились послать Маргариту въ Испанію. Она отправилась вѣсколко легкомысленно, не имѣя для себя другой гарантіи, кромѣ вѣсныхъ словъ, отъ которыхъ можно было отпереться и которыя, будучи перетолкованы, могли сдѣлать ее плѣнницей. Она совершила длинное путешествіе. Во время жаркихъ лихорадочныхъ мѣсяцевъ она отправилась къ молодому государю, очень суровому, которому ея мать легкомысленно предлагала ее въ супруги и который не удостоилъ даже отвѣтомъ на это предложеніе.

Во, какъ всегда, привнесли въ жертву. Она и сама хотѣла этого. Ея вѣжная любовь къ брату, усиленная его несчастіемъ, выказывается во всей силѣ со времени сраженія при Павіи, въ ея письмахъ и мистическихъ стихахъ, исполненныхъ экзальтированной страсти. Впрочемъ эта страсть была такъ естественна въ Маргаритѣ, что не произвела безпорядка въ ея мысляхъ, не возмутила великой ясности ея ума.

Письма ея стоили бы того, чтобы цитировать ихъ. Они очень трогательны. Она дѣлаетъ природу соучастницею своего предпріятія; сквозь эту призму ея сердца видѣнъ пейзажъ: «Государыня вѣсколко дней водить меня къ Ронѣ. Зачѣмъ она не можетъ дать вѣло моему тѣлу! Море скоро принесло бы его туда, а уда я отправляюсь!»

И даѣе, въ Испаніи, проѣзжая чрезъ обширныя и знойныя равнины Кастиліи, она пишетъ своему брату: «Вѣрьте, что для оказанія вамъ услуги, въ чемъ бы то ни было, ничто не покажется мнѣ страннымъ, все будетъ для меня спокойствіемъ, честью, утѣшеніемъ... хотя бы для этого мнѣ пришлось развѣять по вѣтру прахъ костей монахъ.» (Сентября 1525)

Все заставляетъ думать, что она пожертвовала болѣе чѣмъ правомъ своихъ костей, что она была покорнымъ, страстнымъ, слѣпымъ орудіемъ политики Дюпра и правительницы; что, не имѣя другой цѣли, кромѣ спасенія своего умирающаго брата, она, для выкупа его, выдала Карлу V тайну, которую Италия въ своемъ отчаяніи ввѣрила чести Франціи.

Мать и сестра въ высшей степени боялись за дорогаго плѣнника. Когда, 18 сентября, Маргарита пріѣхала въ Мадридъ, всѣ отчаявались въ его участи. Боялись, какъ бы Карлъ V не оставилъ его въ тюрьмѣ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, онъ будетъ сильно раздраженъ отпаденіемъ Генриха и его союзомъ съ Франціей.

И такъ должно было успокоить его, во что бы то ни стало.

Италія, даже императорская, обратилась къ Франціи; не только папа и Венеція, но и Франческо Сфорца, креатура Карла V, взывали о помощи, противъ оскорбленій и казней. Начинали поговаривать, что императоръ хочетъ ограбить Сфорцу. Онъ требовалъ съ него за инвеституру чудовищную цѣну—1,200,000 дукатовъ. Многіе думали, что онъ отдастъ Миланъ конетаблю Бурбону.

Нѣмцы ушли. Испанцы оставались. Чтобы избавиться отъ нихъ, итальянцы возложили свою надежду на человѣка, потерпѣвшаго поражение при Павіи.

Пескера побѣдѣлъ, а Ланнуа получилъ выгоды отъ этого. За побѣду итальянца императоръ награждалъ фламандца.

На другой день послѣ сраженія, Пескера взялъ себѣ одно графство. Императоръ отнялъ у него это графство; говоря, что онъ уже два года тому назадъ обѣщалъ его фамиліи Колонновъ. Это было смертельнымъ оскорбленіемъ для Пескеры. Онъ закричалъ такъ громко, что итальянцы возымѣли къ нему довѣріе, сказали ему все, и составили вмѣстѣ съ нимъ заговоръ для умерщвленія испанцевъ.

Алонзо д'Авалось, маркизь Пескера, былъ, подобно Цезарю Борджіи, итальянецъ испанскаго происхожденія. Изъ всѣхъ этихъ отверженныхъ, которые называли себя учениками Борджіи, только онъ одинъ обладалъ большимъ умомъ. Родившійся близъ Неаполя, любимецъ благодѣтельныхъ фей, счастливый съ колыбели, онъ еще въ четырехлѣтнемъ возрастѣ имѣлъ особенное счастье -- сдѣлаться женихомъ Витторіи Колонны, этой итальянской королевы, которая была центромъ итальянскихъ мыслителей, поэзіей Микель - Анджело и предметомъ его возвышенной любви. Она происходила съ одной стороны отъ Колонновъ, этихъ знаменитыхъ римлянъ, героевъ Петрарки; съ другой—отъ Монтефельтровъ, герцоговъ урбинскихъ, генераловъ, ознаменовавшихъ себя блистательными подвигами, во время воинственныхъ вѣковъ Италіи. Этой женщинѣ нуженъ былъ тронъ,

что, можетъ быть, и было первою искрой, воспламенившей честолюбіе Пескеры. Онъ, простой дворянинъ, вѣроятно, захотѣлъ приобрести самодержавную власть для этой дочери самодержавныхъ влстителей. Оба они были одного возраста, оба—поэты. Онъ женился на ней семнадцати лѣтъ отъ роду. Сначала онъ имѣлъ изумительные успѣхи, и озаменовалъ себя многократными пораженіями французъ. Въ 1521 г. онъ взялъ Миланъ, не смотря на усилія Лотрека. Въ слѣдующемъ году онъ поразилъ Баяра, разбилъ Бониве при Бикокъ. Въ 1525 году—одержалъ побѣду при Павіи!

Этому человѣку, столь смѣлому, столь благородному «превосходному въ войнѣ и въ мирѣ» (по выраженію Франциска I) счастье благопріятствовало вполне. Жалкое безсиліе королей, истощенныхъ въ самомъ началѣ войнъ, давало воинственнымъ искателямъ приключеній поводъ—питать самыя гордыя надежды. Развѣ великій Гунрадъ, въ XV вѣкѣ не сдѣлался родоначальникомъ королей? развѣ отъ фамиліи Сфорца не произошло поколѣніе герцоговъ? Интригантъ Цезарь Борджіа чуть не создалъ для себя королевства. Почему же бы не приобрести короны Секкингену, Бурбону, Пескерѣ?

Итальянцы предлагали этому послѣднему неаполитанскую корону; папа готовъ былъ дать ему инвеституру на обладаніе ею. Душою предпріятія были Мороне, канцлеръ Франческо Сфорцы. Дѣло это было условлено съ Франціей, которая отказывалась отъ миланскихъ владѣній и обѣщала войско (24 іюня 1525)

Отчаяніе короля въ испанской тюрьмѣ, воззваніе его къ своей матери, къ сестрѣ, болѣзнь, постигшая его въ августѣ, и опасеніе его семейства—разстроили все. Итальянцы, видя, что ничего для нихъ не дѣлается, и подозрѣвая, что ихъ хотятъ предать, начали беспокоиться. Императоръ уже заключилъ съ Франціей перемиріе отъ іюля до января. Пескера сталъ вести двойную игру. Онъ сказалъ своимъ сообщникамъ, что, для усыпленія бдительности императора, должно увѣдомить его слегка о заговорѣ и дать ему понять, что этотъ заговоръ будетъ подавленъ въ самомъ зародышѣ. Получивъ такимъ образомъ отъ итальянцевъ позволеніе—предать ихъ, Пескера, дѣйствительно, и сдѣлалъ это, и сдѣлалъ въ большихъ размѣрахъ, нежели какъ было условлено.

Многіе увѣряютъ, что измѣнить своимъ друзьямъ его убѣдила фанатически-набожная, добродѣтельная Витторія Колонна. Онъ былъ въ большой нерѣшимости, но она прекратила его колебаніе, напоминая ему о присягѣ, данной императору, у котораго онъ былъ довѣреннымъ лицомъ, о повиновеніи, которымъ онъ обязанъ законной власти, объ испанской *вѣрности*, которая никогда не измѣняетъ своему государю, наконецъ, о христіанской добродѣтели, о томъ, что должно прощать обиды, что ему слѣдуетъ пожертвовать своею завистью и ненавистью къ Колоннамъ, которымъ императоръ принесъ его въ жертву.

Эти доводы сильно на него подѣйствовали и онъ, безъ сомнѣнія, разсудилъ также, что императоръ можетъ сдѣлать его очень важнымъ лицомъ въ Италіи, между тѣмъ какъ лига не давала ему ничего, кромѣ обѣщаній, сомнительной случайности, войны. Вступилъ

въ эту лигу, онъ намѣревался служить французамъ, которыхъ только что разбилъ. противъ испанцевъ, которые его любили и удивлялись ему, какъ одному изъ своихъ, и которые доставили ему побѣду.

И онъ зашелъ такъ далеко въ служеніи Карлу V, что сдѣлался для него шпиономъ, агентомъ-подстрекателемъ, искусно компрометируя своихъ друзей и заманивая ихъ въ ловушку. Между тѣмъ онъ вытравывалъ время, гоноря, что его совѣсть все еще не успокоена, и спрашивая (разумѣется чрезъ жену) совѣта у самыхъ глубокомысленныхъ римскихъ казуистовъ.

Но возвратимся къ Маргаритѣ, которая пріѣхала въ Мадридъ и нашла своего брата при смерти больнымъ въ его жалкой подкровельной клѣткѣ. Уже одинъ видъ, поцѣлуй, одно объятіе Маргариты воскресили бы его. Въ эту комнату съ нею вошла вся Франція, родина, вся прелесть семейной любви, дѣтскихъ лѣтъ и воспоминаній. Она не побоялась возбудить въ королѣ порывъ религіозныхъ чувствъ: она велѣла поставить алтарь, отслужить обѣдню и пріобщилась вмѣстѣ съ нимъ одною *gocmiell*.

Онъ былъ далеко не такъ боленъ, какъ думали. Силы молодости пробудились въ немъ. Онъ былъ сдавленъ, сжатъ и душою и тѣломъ и, въ этой ужасной пыткѣ, счелъ себя умирающимъ. Теперь во всѣхъ его чувствахъ нравственныхъ и физическихъ произвола великая перемѣна. Его сестра въ пятнадцать дней успѣла совершить чудо: онъ такъ поправился, что «могъ бы охотиться за оленемъ.» Она вазсказываетъ многія наивныя подробности этого воскресенія, — болѣе наивныя, чѣмъ поэтическія, — какъ мать, которая говоритъ о своемъ ребенкѣ.

Сисмонди, съ большимъ историческимъ смысломъ, на основаніи депешъ папскихъ посланниковъ, думалъ, что заговоръ былъ выданъ правительницей; что, обѣщавши въ іюнѣ помощь итальянцамъ, она потомъ, въ августѣ, увидѣвъ короля отчаянно больнымъ, вдругъ измѣнила политику, стала просить милости у императора, донося на своихъ союзниковъ. Въ срединѣ сентября въ Римѣ узнали, что Карлъ V увѣдомленъ и о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Пескерѣ и о переговорахъ съ Франціей.

Это предположеніе такъ правдоподобно, что не допустить его — значитъ забыть исторію и въ особенности не знать того момента въ ней, когда правительство, имѣя вполне личный характеръ, было не болѣе какъ семейство, плоть и кровь, безразсудная любовь матери, способной на все, даже на преступленіе.

Это предположеніе могло быть опровергаемо только однимъ обстоятельствомъ, именно: что доносчицей была, вѣроятно, Маргарита. Доносъ этотъ можно объяснить ея страстью: она видѣла, что ея братъ близокъ къ смерти и, чтобы спасти его, готова была пожертвовать всѣмъ.

Но доносъ былъ сдѣланъ прежде ея путешествія. Она прібыла въ Мадридъ только 18 сентября, а 19 въ Римѣ было уже извѣстно, что императоръ увѣдомленъ о заговорѣ. Слѣдовательно, онъ зналъ обо всемъ еще за пятнадцать дней до ея пріѣзда.

Маргарита нашла его въ Мадридѣ. Онъ, безъ сомнѣнія думая получить отъ нея болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ. Такъ какъ онъ держалъ брата ея въ своихъ рукахъ и одного слова его было достаточно, чтобы облегчить положеніе Франциска и, можетъ быть, дать ему жизнь,—то ему было слишкомъ легко заставить сестру плѣнника быть откровенною. Въ общихъ чертахъ заговоръ былъ уже извѣстенъ ему. Но только теперь отъ 18 до 20 сентября онъ узналъ всѣ обстоятельства его съ тою точностью, которая дала ему возможность дѣйствовать навѣрное. До этихъ поръ Пескера колебался. Положите двадцать дней для сообщенія извѣстія изъ Мадрида въ Барселону, Геную и въ Миланъ: оно можетъ дойти туда къ 10 октября, т. е. къ тому времени, когда Пескера понялъ свое положеніе и почувствовалъ себя въ рукахъ императора; когда ловець, увидавъ себя пойманнымъ, замыслилъ намѣну, которую и совершилъ 14 числа, предавъ своихъ друзей.

Что для Сисмонди было догадкой, то сдѣлалось почти достовернымъ теперь, когда изданы акты и письма (*Маргарита* 1841; *Карлъ Пятый*, изд. Ланца, 1844; *Negoc. Autrich.*, 1845; *Captivité*, 1847).

Разумѣется, въ этихъ бумагахъ нигдѣ не говорится о договорѣ положительно. Но многія слова тамъ остаются непонятными, необъяснимыми, если не допустить, что Маргарита приобрѣла право на признательность имперцевъ и была удивлена и разгнѣвана ихъ неблагодарностью.

Этимъ правомъ не было какое либо новое предложеніе съ ея стороны, ко вреду Франціи. Чтò предлагала она? Чтобы король уступилъ Бургундію, *сохранивъ ее*, какъ приданіе сестры императора. Она предлагала Неаполь, предлагала Каталонію, Арагонію и Валенсію — какія-то права нашихъ королей на эти испанскія провинціи!

Разумѣется, подобныя предложенія нисколько не могутъ объяснить ея удивленія и разочарованія, которыя она высказываетъ, видя немалому жестокость имперцевъ.

Она упрекаетъ Ланнуа въ томъ, что онъ погрѣшилъ противъ *чести* (*Captivité*, p. 354). Что значитъ это слово?

Очевидно, въ Мадридѣ для того чтобы добиться отъ нея подробныхъ свѣдѣній относительно тайныхъ союзниковъ Франціи, ее обольщали надеждами, которыя исчезли, когда въ Толедо она очутилась предъ лицомъ испанскаго совѣта и дерзкаго Гаттинары.

Очень вѣроятно, что императоръ не хотѣлъ быть ей ничѣмъ обязаннымъ. — и потому сказалъ ей: «Я зналъ обо всемъ».

Впрочемъ, размысливъ, что въ изліяніяхъ своей скорби предъ ея сестрою Елеонорой и предъ императорскою фамиліею, она, можетъ быть, расскажетъ еще кое-что, онъ счелъ полезнымъ обманывать ее, говорить, что *она останется довольною*, что онъ уладитъ дѣла такъ хорошо, что *это будетъ ей сюрпризомъ* (3 и 8 октября). Онъ написалъ также ласковое письмо къ Франциску.

5 октября, она явилась предъ императорскимъ совѣтомъ, въ сопровожденіи французскихъ пословъ. Гаттинара вышелъ изъ всякихъ

границъ. Не обращая вниманія на горестное положеніе Маргариты и французовъ, яростный савояръ говорить такъ, какъ не рѣшился бы говорить самъ императоръ. Онъ началъ кричать и грозить. Маргарита отправилась плакать къ португальской королевѣ.

Онъ хотѣлъ прежде всего получить Бургундію и держать ее въ своихъ рукахъ, предварительно всякаго изслѣдованія вопроса. Кромѣ того ему нужны были Пикардія, Сома. Онъ не принималъ брака короля или его сестры, но хотѣлъ будущаго брака между двумя дѣтьми. Наконецъ, онъ требовалъ, чтобы король помогъ императору, — чѣмъ же: войсками?—нѣтъ, деньгами, т. е. онъ хотѣлъ, чтобы Францискъ сдѣлался данникомъ и платилъ деньги для содержанія непріятельской арміи.

Таковъ былъ плодъ слабости и вѣроломства. Видя, что итальянское дѣло не удалось, что Пескера уничтоженъ, что Франція отдается и ломаетъ свою шпагу, Гаттинара сталъ колѣномъ на горло французамъ и безпощадно обошелся съ слабою и страстною женщиной, которая думала спасти того, кого любила.

Въ письмахъ Маргариты къ ея выздоравливающему брату замѣтно, что она въ высшей степени боится какъ бы не повредитъ ему и сдерживаетъ себя въ своихъ словахъ; однако же ея сердце переполнено горечью и скорбью.

Она не осмѣливается говорить, чувствуя, что она уже слишкомъ много наговорила и что враги ея жадно воспользуются малѣйшею неосторожностью ея. (*Captivité*, 357).

Ланнуа, чувствуя себя въ довольно затруднительномъ положеніи, тихонько совѣтовалъ ей повидаться съ Карломъ V. Она отвѣчала, что она не пойдетъ къ императору; что если онъ хочетъ съ нею говорить, то ее можно найти въ такомъ-то монастырѣ. Она ждетъ тамъ цѣлый часъ послѣ полудня. Въ пять часовъ она все еще ждетъ, — но ждетъ напрасно. Императоръ пріѣзжаетъ и убѣждаетъ — на охоту, на богомолье, всюду. А она, забытая, убиваетъ свое время, день за днемъ, бродя отъ одного монастыря къ другому.

Что же происходило, между тѣмъ, въ Италіи? 14 октября Пескере совершилъ свое преступленіе.

Онъ совершилъ его съ своимъ врагомъ противъ своихъ друзей, — съ Антоніо де Лейва, испанскимъ палачомъ, котораго онъ обѣщался умертвить, противъ тѣхъ, которые хотѣли возложить на него итальянскую корону.

Онъ умералъ отъ горести, отъ обманутаго честолюбія, а можетъ быть и отъ угрызеній совѣсти; онъ лежалъ больной въ Новаррѣ. Это помогло ему совершить преступленіе. Онъ воспользовался своею болѣзнию, чтобы заманить своихъ друзей въ западню. Онъ попросилъ начальника заговора, миланскаго канцлера, посѣтить его, бѣднаго страдальца. И канцлеръ прииолъ къ нему, хотя хорошо зналъ Пескере.

Онъ прииолъ — и больной заставилъ его говорить, — говорить громко и долго, и высказать все. Антоніо, спрятанный за драпировкой слышалъ всѣ его слова. По окончаніи разговора, канцлеръ былъ

схваченъ. А Пескера, вставъ, пошелъ въ залу, чтобы, въ качествѣ судьи, допросить тамъ своего сообщника, котораго онъ погубилъ.

Онъ получилъ изъ Испаніи повелѣніе — раздражать Сфорцу, грабить его мало по малу, довести его до отчаянія, такъ чтобы тотъ, наконецъ, выпелъ изъ себя и далъ императору поводъ — объявить его лешоннымъ своего лена.

Пескера, имѣя уже въ своихъ рукахъ Лоди и Павію, потребовалъ, чтобы Сфорца отворилъ для него Кремону; тотъ не осмѣлился отказать. Тогда онъ занялъ Миланъ, держа герцога въ замкѣ и требуя, чтобы онъ позволялъ окружить себя траншеями. Онъ просилъ его также выдать ему своего секретаря. Сфорца воспротивился, и, слушаясь единственно голоса отчаянія, велѣлъ стрѣлять по испанцамъ.

Это вѣрлодочство сильнаго противъ слабого обратилось во вредъ перваго изъ нихъ. Венеціанцы, которые въ своемъ страхѣ хотѣли было откупиться большою суммой, размыслили, что такъ какъ императоръ беретъ Миланъ, то онъ доберется и до нихъ и такимъ образомъ ихъ собственные деньги будутъ употреблены на вторженіе въ ихъ земли. Поэтому они опять положили эти деньги въ карманъ. вмѣсто ихъ, они дали императору совѣтъ — не брать Милана, говоря, что иначе онъ возбудитъ противъ себя всеобщую неприязнь. Не имѣя денегъ, императоръ долженъ былъ имъ повѣрить.

Между тѣмъ Пескера (30 ноября) умеръ. Рожденный для славы, для безсмертія, онъ счумѣлъ привязать себя къ позорному столбу вѣчнаго безславія.

Его жена, отъ которой онъ, безъ сомнѣнія, скрылъ крайность своего положенія, была извѣщена слишкомъ поздно. Она успѣшила пріѣхать изъ неаполитанскаго королевства. Въ Витербо она узнала о смерти мужа. Она осталась безутѣшною и оплакивала его всю свою жизнь. Но какъ она должна была плакать о себѣ самой, если изъ религіознаго фанатизма и ложныхъ понятій о рыцарской чести, она дала ему роковой совѣтъ — сдѣлаться измѣнникомъ и убила его душу и его добрую память!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

МАДРИДСКІЙ ТРАКТАТЪ И ЕГО НАРУШЕНІЕ. — 1525 — 1526.

Глубокое раздраженіе Франциска I-го, его жолчь и горечь видны въ сухихъ отвѣтахъ, которые онъ далъ 10 октября на послѣднія предложенія императора (Granvelle, I, 270; Captivité, 366.).

Онъ поручилъ своему доктору сказать Карлу V, что онъ лучше сдѣлаетъ, если возьметъ предлагаемыя ему деньги, пока его *пльщикъ еще не умеръ*.

Онъ довелъ также до свѣдѣнія Карла V, что онъ рѣшился провести свою жизнь въ тюрьмѣ и дать корону дофинну, и просить императора только *назначить* ему мѣсто, гдѣ бы онъ могъ остаться до своей смерти (Neg. Autrich. II, 630, 340.).

Оскорбительная неблагодарность имперцавъ, презрѣніе, которое

они высказывали къ брату и къ сестрѣ, пребудили энергію въ ихъ обоихъ. Вудучи раздражены, они прибѣгли къ сильной и рѣшительной мѣрѣ, которую имъ слѣдовало бы принять съ самаго начала.

Я не сомнѣваюсь, что этотъ энергическій совѣтъ объ отреченіи былъ данъ Маргаритой. Она начала ясно видѣть, начала чувствовать, что этотъ другъ, этотъ родственникъ, которому они оба отдались, этотъ императоръ — имъ врагъ, что король не можетъ ничего добиться отъ него иначе, какъ потерявъ въ его глазахъ всякую цѣну. Императоръ думалъ, что держать въ своихъ рукахъ короля, но на самомъ дѣлѣ онъ держалъ человѣка, который каждую минуту могъ быть похищенъ у него смертію.

Король отрекся отъ престола (въ ноябрѣ); и его сестра повезла съ собою актъ отреченія. Эта сила, — удивительная въ такомъ чувственомъ и слабомъ человѣкѣ и въ этой страстной женщинѣ, которая такъ энергически отрывается отъ своей любви и оставляетъ въ тюрьмѣ своего брата, едва-едва оправившагося отъ болѣзни, — объясняется отчасти чувствами экзальтированного мистицизма, которыя она принесла съ собою въ Испанію и внушила на нѣкоторое время и своему брату. На другой день послѣ битвы при Павіи она послала ему посланія св. Павла, писала, какъ мы сказали выше, что «*свѣтой Павелъ освободитъ его*». Одна затворница увѣряла въ этомъ «одного снятаго человѣка». — можетъ быть Брисоне, или, скорѣе, Спигзунда Сильное—Пламя (Hohenlohe) великаго альзасскаго сеньера, каноника въ Страсбургѣ. Это былъ пламенный лютеранинъ, который убѣждалъ Франциска I обратиться на путь истинный и который сохранилъ надежду на это обращеніе до іюля 1526 г. Но и потерявъ ее, этотъ благочестивый человѣкъ тѣмъ не менѣе остался преданнымъ королю и его сестрѣ, а немного времени спустя, Францискъ I поручилъ ему набрать войско ландкнехтовъ.

Если мы будемъ слѣдить со вниманіемъ за нитью событій, то увидимъ, что въ самомъ дѣлѣ ничто такъ не дѣйствовало въ пользу короля, какъ дѣйствовала Реформація. Волненіе протестантовъ въ Нидерландахъ поразило Маргариту Австрійскую такимъ ужасомъ, что, не дожидаясь мѣръ, которыя могли быть приняты по этому дѣлу въ Испаніи, она въ іюнь объявила англичанамъ, что правительство не въ состояніи ничего сдѣлать и не слѣдуетъ. И она доказала имъ это, заключивъ въ іюлѣ мѣсяцъ перемиріе для Нидерландовъ. 30 августа англичане заключили свой трактатъ съ Франціей. Къ 18 октября Карлъ V узналъ объ этомъ и не могъ повѣрить. Но англичане сами подтвердили справедливость полученныхъ имъ извѣстій, говоря императору, что его тетка призналась имъ въ окончательномъ безсиліи и истощеніи Нидерландовъ, и такимъ образомъ заставила ихъ прибѣгнуть къ союзу съ Франціей.

Виде рѣшительнѣе подѣйствовалъ на англійскую политику португальскій бракъ и пренебреженіе, съ которымъ Карлъ, повидимому, смотрѣлъ на дочь Генриха VIII. Послѣдній, разумѣется, вымещалъ все это на своей жонѣ, теткѣ Карла V, которая ему надоѣла. Онъ все болѣе и болѣе обращалъ свои взоры къ Франціи, изъ

которой она, можетъ быть, вынесъ нѣкоторое сожалѣніе. Это скоро обнаружилось, когда, годъ спустя, выслась изъ Франціи юная Аида, которая ослабила короля, сдѣлала его французомъ и протестантомъ и измѣнила вѣрноподданіе Англій.

На другомъ концѣ міра—въ Турціи—Франція, съ помощью Венеціи, дѣйствовала не менѣе сильно. Старый дожъ, Андрей Гritti, человекъ благоразумный и энергическій, поселилъ тамъ своего незаконнорожденнаго сына Людовика, смѣлаго интриганта, находившагося въ союзѣ съ великимъ визиремъ, грекомъ, который родился венеціанскимъ подданнымъ и рѣшительно управлялъ Салиманомъ и его имперіей. Первые послы были умерщвлены, безъ сомнѣнія, австрійцами. Но другіе, болѣе счастливые,—полякъ Ласкій, потомъ венгероцъ Франжепани,—прибыли благополучно. Тамъ ихъ приняли такъ, какъ приняли бы въ Парижѣ или Венеціи. Въ турецкой имперіи началось огромное движеніе; Германія, въ которой, какъ разъ въ это время, происходили, на западѣ, крестьянскіе бунты, видѣла на востокѣ волненія турокъ, имѣя враговъ Карла V, и поняла крайнюю опасность, которую австрійскій императоръ навлекалъ на нее и на Венгрію.

Такимъ образомъ, казалось, вся земля отъ Ирландіи до Аравіи заволновалась въ пользу Франциска I. Сто варварскихъ племенъ изъ Азіи, изъ Аравіи, изъ Египта шли по призыву султана, который, по его собственнымъ словамъ, хотѣлъ идти для освобожденія *своего брата, короля франковъ*.

Но ни одна страна не выказала къ нему такого славнаго расположенія, какъ Испанія. Во время его прибытія, въ іюнѣ, вся Валенсія бросилась смотрѣть на него. Народъ Сиды и Амадиса нетерпѣливо желалъ увидѣть этого героя. Женщины были отъ него безъ ума. Одна дочь герцога Инфантадо, донья Химена, объявила, что, во всякой возможности выйти замужъ за короля Франціи, она не будетъ никогда имѣть мужа,—и сдѣлалась монахиней.

Испанскій характеръ, отличающійся пламеннымъ великодушіемъ, выказался еще лучше, когда умоляющая принцесса подверглась такому суровому обращенію. Это было похоже на то, какъ будто бы Франція довѣрчиво пришла съестъ у очага Испаніи и ее отогнали. Въ старалась вознаграить Маргариту за холодную и грубую политику Фламанскаго правительства. Сестра Карла V приняла ее съ вѣжливостью; милое и благородное семейство стараго герцога Инвантале смотрѣло на нее какъ на родственницу, окружило ее почетомъ и всевозможными ласками. Этимъ истиннымъ испанцамъ было непонятно, какимъ образомъ ради интереса, изъ-за какойнибудь провинціи, изъ-за какогонибудь королевства, можно было отказаться отъ руки этого короля, свѣтила всѣхъ рыцарскихъ доблестей, отказаться отъ очаровательной его сестры, которой взглядъ стоилъ цѣлаго міра. Одинъ испанскій грандъ, можетъ быть самъ старый герцогъ, въ своей геройской вѣжливости, сказалъ Маргаритѣ, что если императоръ отправится въ Италію, то найдутся испанцы, которые отворятъ дверь Франциску I.

Вѣроломство Вурбона, которому удалось одѣлать своего государя плѣнникомъ, выводило всѣхъ ихъ изъ себя. Когда онъ прїѣхалъ въ Испанію, вокругъ него образовалась шумятина. Никто не скавалъ съ нимъ ни слова. И когда императоръ просилъ одного изъ грандовъ помѣстить конетабля въ своемъ домѣ, тотъ отвѣчалъ: «я не могу отказать; мой домъ принадлежитъ вашему величеству. Отъ меня будетъ зависѣть сжечь его на другой день».

Эти превосходныя и трогательныя чувствованія испанскаго народа были очень способны поддержать мужество въ королѣ. Однакоже, по отъѣздѣ его сестры, когда дни опять потянулись для него въ томительномъ однообразіи, когда скучное время года не представляло его глазамъ ничего, кромѣ сѣрой равнины Мадрида,—онъ сталъ себя чувствовать не такъ хорошо и снова началъ падать духомъ. Сестра старалась поддержать его бодрость своими письмами. Но по мѣрѣ удаленія отъ него, сама она все болѣе и болѣе беспокоилась. Она писала къ Монморанси: «Всю ночь мнѣ казалось, будто бы я держу короля за руку, и я не хотѣла проснуться, чтобы держать эту руку подольше». Самому Франциску она писала, что она почти готова воротиться съ, что ей хотѣлось бы привести ему носилки, которые перенесли бы его домой во снѣ и проч. Наконецъ за Сарагоссой, беспокоясь объ его адоровѣ, она, повидимому, теряетъ твердость духа: письмо отъ матери окончательно добиваетъ ее; она впадаетъ въ уныніе и пишетъ своему брату: «Если честныя предложенія, которыя вы сдѣлали, не заставятъ ихъ говорить иначе, то умоляю васъ прїѣхать *какимъ бы то образомъ ни было*». (Марг. II. 62, въ половинѣ декабря).

Что значатъ эти послѣднія слова? Желаетъ ли она, чтобы онъ получилъ свободу отказавшись отъ Бургундіи, или же отказавшись отъ чести и обманувъ своихъ враговъ ложною клятвой? Въ пользу перваго изъ этихъ предположеній насъ побудила бы склониться высказанная матерью Маргариты, въ ея послѣднихъ инструкціяхъ, мысль, что надо обсудить — «должно ли останавливаться на этой Бургундіи, которая когда-то была уже внѣ власти короля, но потомъ воротилась въ его руки, что можетъ случиться и въ другой разъ».

Маргарита была уже не далеко отъ французской границы. когда она получила отъ своего брата совѣтъ — поспѣшить. Вѣроятно Бурбонъ, прибывшій 15 ноября, вмѣстѣ съ пылкимъ Гаттинарой настаивалъ на томъ, чтобы не давать принцессѣ увезти съ собою актъ отреченія. Къ Маргаритѣ могли придаться на основаніи условій охранной грамоты или сказать, что эта грамота просрочена, задержать ее, чтобы такимъ образомъ имѣть въ своихъ рукахъ еще одно драгоценное обезпеченіе. Но она поторопилась и благополучно прибыла во Францію.

Что сдѣлаетъ императоръ? Вся Европа спрашивала себя объ этомъ. Макиавелли не можетъ вѣрить, что Карлъ V освободитъ когда нибудь короля. Прартъ, посланникъ Карла во Францію, подаетъ ему мудрый совѣтъ, что должно сдѣлать одно изъ двухъ: или *унизить Франциски и его королевство до того, чтобы онъ не могъ вѣрить*, или

обойтись съ нами такъ хорошо и приелать его къ себѣ такъ крѣпко, чтобы онъ никогда не захотѣлъ дѣлать зла. Если первое невозможно, то лучше удержатъ короля, нежели отпустить его удовольственнѣе словесу. Можетъ быть, со временемъ, во Франціи произойдетъ какой нибудь раздоръ, который принесетъ пользу императору.

Эти раздоры были возможны. Парижскій парламентъ обнаружилъ крайнее недовольство. Большая часть дворянства крѣпко стояла за Бурбона. Праэтъ, наблюдатель очень зоркій, былъ пораженъ этимъ обстоятельствомъ. Во время его прибытія къ Ронѣ, многіе дворяне являлись къ нему, сопровождали его въ качествѣ свиты и безстыдно раболѣпствовали предъ иностранцемъ.

Правда, народъ питалъ совсѣмъ другія чувства. Храбрость и несчастье Франциска I возвратили ему преданность этого народа. За исключеніемъ Парижа, очень непріязненнаго королю, вся Франція была вострожена. Въ его лицѣ она видѣла себя плѣнницею и когда герцогиня Алансонская прѣехала въ Лангедокъ, то въ городахъ она была окружаема толпою добрыхъ людей, которые разспрашивали о королѣ и слушали ее со слезами на глазахъ.

Предметъ такого благочестиваго обожанія игралъ въ это время странную роль. Онъ рѣшился выйти изъ своей тюрьмы посредствомъ клятвопреступленія. Онъ начиналъ разыгрывать комедію мадридскаго трактата.

Посмотримъ, что это былъ за трактатъ. Король отказывался отъ Италіи, отдавалъ Бургундію, женился на сестрѣ императора, возстановлялъ Бурбона въ его владѣніяхъ, оставлялъ своихъ союзниковъ. Онъ отдавалъ своихъ сыновей въ качествѣ заложниковъ и, въ случаѣ невыполненія этого трактата, долженъ былъ возвратиться въ свою тюрьму.

Утромъ 14 января, когда онъ долженъ былъ подписать трактатъ и дать клятву, онъ тайно протестовалъ противъ этого поступка предъ нотаріусомъ и засвидѣтельствовалъ подлиннымъ актомъ, что онъ думаетъ дать ложную клятву.

Унизительнѣе всего здѣсь было то, что ему приходилось выдерживать принятую на себя роль въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ (съ 15 декабря до 15 марта). Императоръ наблюдалъ, изучалъ его. Не выпуская его и постоянноводя его подъ конвоемъ вооруженныхъ людей, онъ познакомилъ его съ дамами и своимъ семействомъ. Онъ показалъ ему португальскую вдову, будущую жену Франциска, очень смуглую и добрую особу, съ толстыми австрійскими губами; и, ли выказанія ея граціи, заставилъ ее плясать предъ плѣнникомъ мадриданскую сарабанду. Король смѣялся надъ сестрою и надъ братомъ. волочяся, притворялся влюбленнымъ.

Макиавелли по этому поводу снабжаетъ Карла V патентомъ на глупость. И въ самомъ дѣлѣ чего онъ хотѣлъ? Могъ ли онъ думать, что насильственный бракъ человѣка, котораго держатъ подъ ружейнымъ дуломъ, бракъ влюбленнаго, котораго не выпускаютъ изъ глазъ и который дѣлаетъ свои объясненія окруженный солдатами, есть

дѣло серьезное? Неужели онъ не зналъ обычаевъ своего времени? Неужели ему было неизвѣстно, что папа можетъ разрѣшить короля и сдѣлать его невиннымъ?

Вѣроятно, онъ думалъ, что уничтожилъ его; слабость и отчаяніе короля въ тюрьмѣ, можетъ быть, внушили Карлу V мысль, что его плѣнникъ окончательно потерялъ гордость и мужество. Подъ вліяніемъ бѣшеной зависти (которую онъ имѣлъ и по рожденію и по воспитанію), онъ видѣлъ въ настоящемъ дѣлѣ кое-что кромѣ Бургундіи, нѣчто важное совсѣмъ въ другомъ отношеніи, именно—уничтоженіе этого знаменитаго мариньянскаго побѣдителя, опозореніе этого храбраго паладина. Испанцамъ, бывшимъ безъ ума отъ короля, императоръ хотѣлъ показать его идиотомъ и подлецомъ, если бы онъ выполнялъ трактатъ и предалъ своихъ союзниковъ; въ противномъ же случаѣ — клятвопреступникомъ, лжецомъ, презрѣннымъ актеромъ, который могъ, цѣлые три мѣсяца разыгрывать подобную комедію. Въ этомъ Карлъ пріобрѣталъ болѣе чѣмъ какую нибудь провинцію. Франція, уничтоженная въ своемъ королѣ, должна была, рано или поздно, сдѣлаться спутницею Испаніи и вращаться въ ея орбитѣ. Если этотъ король храбръ по прежнему, то императоръ вызывался употребить его въ дѣло въ качествѣ солдата, пользоваться его услугами (которые предложилъ самъ Францискъ) противъ союзниковъ Франціи. Этотъ позоръ мадридскаго трактата дѣлалъ короля слѣпымъ Сампсономъ, который отнынѣ долженъ былъ работать на своего господина, двигать и верочать жорновъ подъ его палкой.

Увѣряютъ, что ни Маргарита Австрійская, ни канцлеръ Гаттинара не одобрили трактата. Разумѣется, въ немъ не доставало вещественныхъ гарантій. Но Карлъ V, — и это единственное извиненіе, которое можно найти для него со стороны политики, — ожидалъ отъ него очень важнаго моральнаго результата: дѣйствительнаго уничтоженія короля и Франціи, поставленныхъ въ эту позорную дилемму глупости или безчестія.

Гаттинара поклялся, что онъ не подпишетъ трактата. Карлъ V зялъ перо и подписалъ самъ.

Обмѣнъ произошелъ близъ Бидассоа, въ баркѣ, среди рѣки. Король отдалъ, вмѣсто себя, своихъ дѣтей, и, на французскомъ берегу, сѣлъ на турецкаго коня, который вихремъ помчалъ его въ Байонну.

Испанія, отъ которой онъ бѣжалъ, и тамъ ожидала его. Послы императора находились въ Байоннѣ, чтобы просить у него ратификаціи. Онъ отвѣчалъ имъ насмѣшкой, шуткой, улыбкой. Смыслъ его отвѣта былъ слѣдующій: у васъ есть кортесы, у меня сословія; я долженъ посоветоваться съ ними.

Таваннъ, человѣкъ принадлежавшій къ коуду вѣка, ко временамъ ересьнымъ и фанатическимъ, думалъ, что самъ Францискъ счелъ вой постоупокъ безчестнымъ, осудилъ себя, почувствовалъ къ себѣ презрѣніе и однакоже не посмотрѣлъ ни на что. Онъ называетъ его *отчаяннымъ*.

Это значитъ приписывать ему болѣе, чѣмъ онъ имѣлъ,—совѣсть, угрызенія и упорную борьбу противъ нихъ.

Тиціанъ понимаетъ его лучше. Въ его глубоко-вѣрномъ изображеніи, которое сіяетъ могущественнымъ свѣтомъ, проникающимъ въ самую сокровенную глубину, это легкомысленное созданіе является до такой степени естественно-живымъ, что въ немъ ложь есть не столько поступокъ, сколько безсознательная порока характера, фальшиваго во всей своей цѣлости. Это олицетворенная ложь, комедія, фарсъ, сказка, басня. Слово *hâbleur*, враль еще не совсѣмъ хорошо выражаетъ это свойство. Латинское слово *vanus* (пустой, суетный, тщеславный, хвастливый), по моему лучше. Онъ—*vanus* и *vanitas* (суета, пустота).

Я расположенъ думать даже, что этотъ порокъ его,—самая прочная изъ вещей, которыми онъ обладалъ отъ рожденія. — ослабѣлъ послѣ мадридскаго плѣна. Его продолжительное заключеніе подѣйствовало на его темпераментъ. Онъ возвратился одтуда нѣсколько тѣловатымъ. Однажды на охотѣ, желая разыграть роль молодого чловѣка, онъ упалъ съ лошади и чуть не убили до смерти. Мы видимъ, что онъ мѣняетъ одну женщину за другою и ищетъ своей молодости. Напрасно. Она ушла. И онъ все болѣе и болѣе дѣлается любителемъ разговоровъ.

Онъ привезъ съ собою изъ Испаніи фаворитку, которая каждый день, утромъ, одинъ или два часа проводила на его постели. Это была черная собачка, которую купилъ ему Бріонъ и которая раздѣляла съ королемъ его заключеніе. Маргарита тѣтитъ на этотъ счетъ, говоря, что она ревнуетъ къ собачкѣ, и въ одномъ довольно миломъ стихотвореніи нападаетъ на *эту черную*, которая заставляетъ его забывать *блудю*.

Мать короля, въ Монъ-де-Марсанѣ, привела ему цѣлую толпу женщинъ, въ томъ числѣ печальную Шатобрианъ, на которую онъ не обратилъ вниманія. Это была окончательная немилость. Мать, обладавшая совершеннымъ тактомъ, угадала и нашла истинно пригодную для этой минуты фаворитку: блондинку ослѣпительной бѣлизны,—на зло Испаніи я смуглой Элеонорѣ, дѣвицу ученую и обладающую даромъ слова, говорунью для короля-говоруня, который уже очень усталъ и котораго нужно было забавлять: молодую пикардійку, очаровательную и бойкую, Анну де Пислѣ.

Это былъ рѣшительный моментъ для Маргариты. И ей дѣлается честь то, что она не умѣла имъ воспользоваться. Всей ея преданности, всей ея заразительной страстности, которая болѣе всего вскружила головы испанцамъ, и подготовила трактатъ, всей огромной услуги ея было недостаточно для того, чтобы доставить ей прочное вліяніе. Для этого ей нужно бы имѣть талантъ своей матери, который любовница взяла себѣ въ примѣръ, и, руководясь имъ, продержалась двадцать лѣтъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы имѣть *прекрасный дворъ*, кружокъ пріятныхъ и легко доступныхъ женщинъ, которыя, не мечтая о власти, могли удовлетворить мимолетнымъ прихотямъ.

Фаворитка воцарилась, а сестра была лишена своего вліянія. Чтобы сохранить одну и удалить другую, ихъ обѣихъ выдали за мужъ.

Для первой не трудно было найти титулованнаго мужа. Ла-Бросъ или Пентъевръ, — который присоединился сперва къ Бурбону, а теперь опять попалъ въ милость короля, — былъ слишкомъ счастливъ этимъ избыткомъ почести. Онъ женился, уѣхалъ, жилъ въ Бретани одинъ и сдѣлался очень знатнымъ господиномъ.

Его жена, сдѣлавшаяся герцогиней д' Этампъ и властительницею при дворѣ, кажется, требовала, чтобы Маргариту выдали замужъ и удалили. Маргарита, по ея собственному выраженію, плакала такъ, что «ремень могъ бы треснуть» отъ ея плача. Она вышла замужь за изгнанника, за бѣдняка, за развалину, Жава д' Альбре, короля безъ королевства. Она жила въ По, въ Неракѣ, преимущественно пенсіей, получаемой отъ короля. Изъ истинной французской королевы она превратилась въ бѣдную просительницу, ждала ухаживая за министрами, въ надеждѣ, что ея братъ возвратитъ ее въ Навару. Если мы вспомнимъ, что этотъ маленький дворъ въ По сдѣлался убѣжищемъ великихъ умовъ, знаменитѣйшихъ изгнанниковъ мысли, то мы еще болѣе пожалѣемъ о ссылкѣ Маргариты, какъ о самомъ гибельномъ препятствіи, которое Возрожденіе встрѣтило на своемъ пути.

Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы король привезъ изъ Испаніи книгу *св. Павла*, которую подарила ему сестра. Вѣрно то, что онъ привезъ *Амадиса*. Онъ любилъ читать рыцарскіе романы. Во время долгихъ дней и медленно тянувшихся часовъ своего заключенія, плѣнникъ безотчно перелистывалъ эту скучную и меланхолическую эпопею. Эта поэзія пустоты была какъ нельзя болѣе по немъ; отъ него зависло вообразить себя *прекраснымъ мрачнымъ рыцаремъ*. Амадисъ — это отголосокъ отголоска, блѣдная и слабая копія старыхъ поэмъ, способная болѣе забавлять праздность, чѣмъ возбуждать къ геройскимъ подвигамъ. Переходя отъ Орланда къ Ланселоту и отъ Ланселота къ Амадису, поэтическая жизненность этихъ вымысловъ постепенно убавляется. Изъ-подъ преувеличенія невѣроятныхъ подвиговъ чувствуется вліянье придворнаго духа, праздная болтовня, лѣнливо-монашеская жизнь, которую тогда проводили въ замкахъ.

Къ этой схоластической любви, потерявшейся въ туманахъ, Францискъ охотно прибавлялъ сказки Боккачіо, сотни повѣстей Людовика XI, повѣсти Маргариты. Эти вѣчные рассказы о любовныхъ приключеніяхъ, въ сущности мало разнообразныя, подходили къ его новой бездѣйственной жизни. Онъ былъ плѣнникомъ. Онъ и остался таковымъ, — я хочу сказать — домосѣдомъ.

Съ этихъ поръ величайшею его забавой было — производить постройку. И онъ построилъ себѣ жилища, сообразныя съ этимъ состояніемъ его души. Около 1523 г., послѣ своего страннаго приключенія съ Маргаритой, онъ волочился за двумя замужними дамами изъ окрестностей Блуа. Свиданія происходили въ лѣсахъ, находившихся напротивъ, въ маленькомъ замкѣ прежнихъ графовъ. Блуа, сдѣлавшійся финансовымъ центромъ Франціи, былъ посѣщаемъ смѣш-

комъ, часто. По возвращеніи изъ Мадрида, сдѣлавшись еще болѣе любителемъ спокойствія, онъ устроилъ тамъ себѣ паркъ очень большой, который былъ окруженъ стѣнами и могъ быть наполненъ зѣбрами. Такимъ образомъ королю не было теперь надобности ѣздить на продолжительную охоту, и рыскать по огромнымъ лѣсамъ. Небольшаго дома было недостаточно. Нуженъ былъ замокъ,—не укрѣпленный замокъ старыхъ временъ, сжатый и сдавленный какъ солдатъ въ своихъ латахъ; не мрачная и негостеприимная башня, откуда владѣтельница, по своей прихоти, изгоняетъ дамъ, общество, всякую прелесть жизни. Нѣтъ, нуженъ былъ не столько замокъ, сколько большой монастырь, который, при своихъ башняхъ и феодалской наружности, скрывалъ бы и вмѣщалъ къ себѣ множество комнатъ, прелестныя кабинеты, таинственные кельи. Такова идея шамборскаго замка.

Это—не готическая башня, не вилла, не итальянскій дворецъ, въ которомъ больше залъ нежели комнатъ, много мѣста и мало помѣщенія. Общество составляетъ здѣсь существенную необходимость,—общество хлопотливое, живое, котораго присутствіе вы хорошо чувствуете. Здѣсь много удобствъ. Апартаменты уединены какъ монастырь, они независимы другъ отъ друга, они не соединены между собою анфиладами. Даже витыя лѣстницы здѣсь двойныя; по нимъ можно взбираться или спускаться разнымъ лицамъ съ двухъ сторонъ, не встрѣчая и не видя другъ друга.

Снаружи—единство, торжественная гармонія башенъ, съ ихъ колокольнями и трубами въ видѣ восточныхъ минаретовъ, надъ всѣмъ этимъ—господствуетъ величественная центральная башня замка. Внутри—разнообразіе, удобства для всего; здѣсь есть и мѣста для собраній и мѣста для уединенныхъ бесѣдъ, — всѣ способы къ удовольствію.

Планъ этого оригинальнаго сооруженія былъ сдѣланъ однимъ умнымъ архитекторомъ въ Блуа, который былъ вдохновенъ геніемъ дворовъ и, можетъ быть, руководился указаніями господина, царствующаго аббата будущаго монастыря. Никакія издержки не казались великими для дѣла столь полезнаго и необходимаго. Среди общественныхъ бѣдствій, среди крайнихъ финансовыхъ затрудненій, надъ этимъ замкомъ работали 1800 человекъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Фаворитки этого царствованія, южная брюнетка и сѣверная блондинка—мадамъ де Шатобрианъ и мадамъ д'Этампъ—торжественно фигурируютъ тамъ въ видѣ каріатидъ. Вензель Франциска I, красуется вездѣ съ начальною буквою имени Діаны, Д, поставленною неизвѣстному кѣмъ—отцомъ или сыномъ.

Это назидательное убѣжище занимало всѣ мысли короля. Онъ безпрестанно пріѣзжалъ изъ Тура, изъ Блуа, смотрѣть на воздвигаемое зданіе. Дѣла Европы отошли далеко на задній планъ. Изъ Блуа, гдѣ находилось казначейство, деньги, естественнымъ образомъ, шли прямо въ Шамборъ, на постройки, на издержки двора. Иногда нѣкоторая часть ихъ употребляема была на дѣла, на итальянскую войну, но въ маломъ количествѣ, неохотно и всегда слишкомъ поздно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

РАЗГРАБЛЕНИЕ РИМА. — 1527.

Макиавелли, оуждая дѣйствія императора, прибавлялъ, что и король надѣлагъ грубѣйшихъ ошибокъ и сдержитъ свое слово. Итальянцы боялись этого и стали за нимъ наблюдать. Это значю напрасно обижать его. Онъ всѣ свои способности употребилъ на то, чтобы успокоить ихъ на этотъ счетъ; онъ клялся имъ, что рѣшился нарушить трактатъ, что, сверхъ того, онъ болѣе не думаетъ о Миланѣ, и не станетъ беспокоить Франческо Сфорцу. Послы папы говорятъ въ своихъ донесеніяхъ, что еслибы даже онъ и думалъ о завоеваніяхъ, то его мать не позволитъ ему выполнять свои планы.

Вообще полагали, что, руководясь ужаснымъ макиавеллизмомъ онъ будетъ думать только о томъ, какъ бы компрометировать итальянцевъ, выдвинуть ихъ впередъ, для улучшенія своего трактата и достиженія менѣе тягостныхъ условій. Такая глубина вѣроломства была не въ его характерѣ. Недостаточность вспоможеній въ 1526 г. была естественнымъ результатомъ хаоса, беспорядка, истощенія финансовъ, расточительности фаворитокъ, роскоши, построекъ. Онъ дѣйствуетъ мало, потому что онъ никогда не дѣйствовалъ иначе, какъ по побужденію необходимости и самой близкой опасности. Разсѣяніе и лѣнность составляли теперь для него все, господствовали надъ всѣмъ и мѣшали всему.

Послѣдствія этого были ужасны для Италіи. Вурбонъ, посланный императоромъ на мѣсто Пескеры, нашолъ странную армію, которую никакъ нельзя было назвать императорскою. Это была скорѣе военная дамагогія, похожая на ужасныя шайки древнихъ *наемниковъ*, какія мы видимъ при наслѣдникахъ Александра Македонскаго и во времена Кароагена. Эта вооруженная республика разбирала, судила; она приговорила одного изъ своихъ генераловъ къ изгнанію и къ заочной смертной казни.

Подъ предводительствомъ Монкадо и Дю-Гуаста—двухъ Борджіа—и свирѣпаго испанца Антоніо де-Лейвы, этотъ военный вампиръ пожиралъ и высасывалъ Миланъ. Италія, въ отчаяніи, волновалась и вооружалась, но ничего не дѣлала. Она не могла выжить ихъ оттуда. Всѣ обезумѣли; даже Венеція, которая вздумала вербовать солдатъ въ Швейцаріи, только понапрасну тратила тамъ деньги. Непзмѣнною тактикой генерала итальянской лиги, герцога Урбино, было—никогда не видѣть непріятеля.

А между тѣмъ вампиръ все сосалъ Италію. Каждый солдатъ на своей квартирѣ пользовался полнымъ произволомъ, бралъ все, требовалъ больше, билъ своего хозяина, ѣлъ какъ нельзя лучше и угощалъ своихъ друзей. Каждый имѣлъ, по крайней мѣрѣ, двухъ хозяевъ: одинъ кормилъ его, другой давалъ ему деньги. Бѣжать не было никакой возможности. Многіе держали своего хозяина связаннымъ. Только и слышно было—что крики женщинъ и дѣтей, которыхъ мучили эти демоны. Только и видно было—что приведен-

ные въ отчаяніе жители, которые давились, бросались чрезъ окно или въ колодезь.

Съ прибытіемъ Бурбона явился нѣкоторый проблескъ надежды. Тѣ изъ знатнѣйшихъ лицъ, которыя еще существовали, бросались къ нему съ мольбами; они обнимали его колѣни и просили пощады для города. Онъ ласково отвѣчалъ, что все это происходитъ только отъ немнѣйнаго жалованья для солдатъ; что если они могутъ заплатить только за мѣсяць, тридцать тысячъ дукатовъ, то онъ выведетъ войско; въ этомъ онъ ружался своимъ словомъ. Найти тридцать тысячъ въ этомъ разоренномъ городѣ! Однакоже ихъ кое-какъ собрали. А солдаты все таки не были выведены!..

Бурбонъ спасъ и выкупилъ этого Мороне, авантюриста Пескери, перваго интриганта Италіи. Мороне показался ему до того хитрымъ, до того развращеннымъ, что онъ взялъ его съ собою, сдѣлавъ его своимъ камергеромъ, своимъ совѣтникомъ. Не будучи теперь въ состояніи ясно понимать положеніе дѣлъ, онъ спросилъ Мороне, куда слѣдуетъ идти. Тотъ отвѣчалъ: «Въ Римъ!»

Римъ незадолго предъ тѣмъ потерпѣлъ насиліе. Помпей Колонна, одинъ изъ свирѣпыхъ Гибелиновъ римскихъ окрестностей, бандитъ, солдатъ, кардиналъ, въ одно утро напалъ на городъ и чуть не убилъ папу. Это показало какъ легко овладѣть Римомъ. Всѣ раббейники, какіе только были въ Италіи, стали думать объ этомъ и соединились къ Бурбону.

Но какъ дойти до Рима? Было не легко пробраться чрезъ стѣны укрѣпленныхъ городовъ, безъ кавалеріи, безъ пушекъ, имѣя въ тылу итальянскую армію, поддерживаемую нѣкоторыми количествами французовъ, а потомъ — швейцарцевъ. Одной многочисленной кавалеріи, подъ хорошимъ предводительствомъ, было бы достаточно для того, чтобы преслѣдовать, окружить и заморить голодомъ эту тяжелую пѣхотную армію, которая, подобно тѣлу безъ рукъ и ногъ, едва ползла, владея только мѣстомъ своего лагеря и не будучи въ состояніи дѣйствовать на пространствѣ двухъ шаговъ отъ него.

Поэтому Бурбонъ готовъ былъ остаться между Феррарой и Пьяченцою; добравшись до Тосканы, онъ опять не хотѣлъ идти далѣе. Но герцогъ феррарскій нетерпѣливо желалъ удалить Бурбона, позволялъ ему, платилъ, двигалъ его впередъ, къ югу, говоря ему: «Въ Римъ!»

Италія отдавалась. Здѣсь-то заключается самое великое бѣдствіе въ эти крайнія минуты. Свѣтъ гаснетъ, мужество слабѣетъ. Самые гордые, самые великіе падаютъ духомъ. Макиавелли и Микель-Анджело возлагаютъ на Медичей надежду спасенія отечества. Макиавелли хочетъ импровизованныхъ батальоновъ, хочетъ одного великаго вождя и видитъ его въ смѣломъ молодомъ предводителѣ черныхъ шаекъ, Джованни де Медичи.

Между тѣмъ событія идутъ съ неудержимою быстротою. И уже нѣтъ теперь надобности, чтобы изъ Милана или Феррары какой-нибудь итальянскій палець указывалъ на Римъ. Бурбонъ идетъ, уле-

каемъ судьбою; онъ не можетъ нейти. Эта дряхлая армія палачей Милана есть не болѣе какъ аксессуаръ великой живой силы, яростной человѣческой лавины, которая только что низвергнулась съ Альповъ, толкаемая вѣтромъ сѣвера и которая, подъ видомъ арміи, есть не что иное, какъ цѣлая нѣмецкая революція.

Мы не можемъ разсказывать о войнѣ крестьянъ,—объ этомъ суровомъ и мрачномъ событіи, которое было, такъ сказать, недоошешнымъ плодомъ лютеровою реформы.—о княжескомъ, аристократическомъ, официальномъ протестантизмѣ, который принималъ народъ и вмѣстѣ отталкивалъ его. Когда этотъ народъ показывалъ свои раны, то теологи отвѣчали: «это дѣло юристовъ». Отсюда союзы различныхъ политикъ безъ принятія вѣры, попытка терпимости на швейерскомъ сеймѣ, свобода однихъ, для порабощенія другихъ.

Тысячи элементовъ этой революціи оставались въ неукротимомъ броженіи; это было пламя, которое должно было сжечь или сгорѣть само. Бурный хаосъ бѣдствій и ненависти, безпощадныхъ скорбей собрался вокругъ стараго солдата, Георга Фрондсберга, порывистаго сангвиника, популярнаго вслѣдствіе своей горячности, человѣка, олицетворявшаго собою гнѣвъ толпы. Онъ явился въ Вормсѣ, чтобы поддержать Лютера, въ Павіи—чтобы взять короля, друга папы.

Онъ безъ труда сдѣлалъ то, что не удалось ни императору, ни его брату. Нѣмцы до такой степени желали слѣдовать за нимъ, что для завербованія солдата достаточно было одного эки. Впрочемъ, они очень хорошо знали, что имъ предстоитъ сдѣлать большія дѣла—многое взять и многое разрушить. Казалось, въ этихъ сыновъ Аларика вселился духъ ихъ предка и тотъ демонъ, который заставлялъ его говорить: «Не знаю что влечетъ меня въ Римъ». Воскресли вандалы и готы, но болѣе суровые, проникнутые сознательною любовью къ тому, чтобы все портить, жечь и разрушать. Испанцы были слишкомъ гнѣшвы, нѣмцы не были таковы. Они не оставили ни одного жилища не предавъ его пламени.

Странный союзъ! Набожные испанцы, — которые въ этомъ году производили въ Испаніи жестокое гоненіе противъ мавровъ, — въ Италіи шли вмѣстѣ съ поджигателями церкви. Еще менѣе совѣсти имѣла толпа итальянскихъ хищниковъ, которые слѣдовали за ними.

Нѣмцы шли именно въ Римъ, а не въ какое либо другое мѣсто. Этого не поняли.

Папа, который имѣлъ дружественныя письма отъ императора, и заключилъ перемиріе съ неаполитанскимъ вице-королемъ, боялся только за Тоскану, родовое наслѣдіе фамиліи Медичи. На него навело большой страхъ незначительное республиканское движеніе, вспыхнувшее во Флоренціи. Его слуга—Гвичардини,—холодный и осторожный политикъ, который сопровождалъ союзное войско, шедшее за арміей Бурбона,—не болѣе папы понималъ положеніе вещей. Онъ думалъ, что дѣло идетъ единственно о грабежѣ и деньгахъ; онъ не видѣлъ громадности, горячности и бѣшенства фанатическаго движенія, которое преобладало надъ всѣмъ остальнымъ.

Во время этого-то недоразумѣнія и помѣшательства, нужда, своему

мѣдною цѣпью и желѣзною рукою задушила ихъ. Джованни Медичи, при первой встрѣчѣ съ нѣмцами, самъ храбро пошелъ посмотрѣть на нихъ поближе; онъ думалъ, что у нихъ нѣтъ артиллеріи, не зная, что герцогъ феррарскій далъ имъ четыре фалконета. Первый ударъ попалъ въ него и раздробилъ ему бедро; его унесли съ мѣста сраженія и онъ умеръ въ Мантуѣ, въ рукахъ Аретина, его застольнаго товарища и наперсника, спавшаго на одной съ нимъ постели.

Итальянское ядро убilo надежду Италіи. И вотъ этотъ молодой воинъ, котораго Макиавелли готовъ былъ принять за спасителя Италіи, умеръ. Итальянцы смотрятъ во всѣ стороны. ницуть — и не видятъ никого.

А между тѣмъ этотъ Бурбонъ, — неизвѣстно, добровольно или нѣтъ, — все поднимается впередъ съ своею несмѣтною ордою. Она разсѣялась по странѣ на огромное пространство, для отысканія сътѣсныхъ припасовъ; но никто не осмѣливается воспользоваться этимъ. Герцогъ Урбинскій, который слѣдуетъ съ своими итальянцами за Бурбономъ, поджидаетъ швейцарцевъ, чтобы дать сраженіе; потомъ, когда швейцарцы пришли, онъ ждетъ чего-то другаго.

Генрихъ VIII подаетъ папѣ милостыню. Франція даетъ едва четверть обѣщанныхъ денегъ, нѣсколько сотенъ копейщиковъ, нѣсколько дырлявыхъ, никуда негодныхъ галеръ. Папа успокоивается перемиріемъ, присутствіемъ вице-короля Ланнуа, — котораго онъ вызвалъ къ себѣ, — почтительными письмами самого Бурбона.

Бурбонъ обманываетъ и папу, и вице-короля, и всѣхъ. Онъ назначаетъ свиданіе Ланнуа, который ждетъ ожидать его. Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ отводъ — и вдругъ переправляется черезъ Аппенины. Вотъ онъ въ Тосканѣ. Весенніе дожди и снѣга, даже возмущенія не останавливаютъ его. Жизнь его въ опасности; но мертвъ или живъ, онъ пойдетъ, увлекаемый неизбѣжною судьбою. Онъ видитъ, что испанцы убили одного изъ его лейтенантовъ. Въ другой разъ то же дѣлаютъ нѣмцы; ему приходится прятаться. Фрондсбергъ уговариваетъ, бранитъ ихъ; напрасно: эта личность, до сихъ поръ уважаемая, не оказываетъ уже обычнаго дѣйствія; вспылчивый, разгнѣванный старикъ выходитъ изъ себя, краснѣетъ; лобъ его покрывается багровыми руменцемъ; онъ падаетъ навзничъ; его поднимаютъ — онъ мертвъ.

Благоразумный вице-король остерегается идти въ такое опасное мѣсто. Онъ остается во Флоренціи и устроиваетъ трактатъ для города. Но эти варвары были такъ бѣшены, что находились въ полной готовности убить посредника этой денежной сдѣлки.

Никогда двойственность характера, заключающагося въ званіи папы, — этотъ разладъ духовнаго короля и вооруженнаго первосвященника, — не высказывался съ большею силою, вслѣдствіе болѣе безумнаго колебанія. Только сейчасъ Климентъ VII былъ завоевателемъ; онъ хотѣлъ отнять у Карла V неаполитанское королевство. Теперь, съ приближеніемъ истинно великой и грозной опасности, онъ вспомнилъ, что онъ — папа, лицо неприкосновенное; онъ успокоился и распустилъ свои войска.

Эта громадная картина ослѣпленія папы и приближенія варваровъ, написана неопровержимую рукою, торжественнымъ перомъ Флорентинца Гвичардини, челоуѣка Климента VII, — написана холодными чернилами, которыя могутъ заморозить ртуть. И тѣмъ сильнѣе пронзодимое ею вне чутлѣніе. Если бы fatum — слѣпой рокъ — вздумалъ разсказывать, то его разсказъ не былъ бы болѣе холоденъ, величественъ и грозенъ.

Вдругъ Бурбонъ, до сихъ поръ довольно медленный, ускоряетъ шагъ, оставляетъ все, багажъ, артиллерію. Его пѣхота идетъ на Римъ скорѣе, чѣмъ союзная армія, которая хочетъ его преслѣдовать. Римъ будетъ наградою тому, кто придетъ прежде. Но ярость, злоба, ожиданіе грабежа даютъ крылья людямъ Бурбона. И такъ нѣмцы войдутъ въ Вавилонъ, Испанцы похитятъ тысячелѣтнее сокровище, захватятъ добычу, заграбленную у міра!

Папа, нѣсколько испуганный, пытается опять вооружить своихъ подданныхъ. Римская молодежь, слуги прелатовъ, конюхи кардиналовъ, живописцы и артисты — всѣ получаютъ оружіе. Хвастливый Челлини приготовляетъ свою пицаль. Но гдѣ найти денегъ? Богачи прячутъ свое богатство въ ту самую минуту, когда они должны его потерять. Одинъ изъ нихъ не стыдится предложить нѣсколько дукатовъ. Онъ скоро раскаялся въ своей скупости; если не заплатилъ онъ, то заплатили его дочери — своимъ тѣломъ, своимъ позоромъ и постыднѣйшею казною.

5 мая, Бурбонъ, ставъ лагеремъ на поляхъ Рима, посылаетъ туда насмѣшливое посольство: онъ проситъ позволенія пройти черезъ городъ, говоря, что идетъ въ Неаполь. 6-го, подъ покровомъ тумана, онъ дѣлаетъ приступъ. Нѣмцы идутъ лѣниво. Онъ же, который въ такомъ преступленіи долженъ, по крайней мѣрѣ, искупить его гнусность успѣхомъ, схватываетъ лѣстницу и влѣзаетъ на стѣну. Въ него попадаетъ пуля, онъ чувствуетъ себя убитымъ. «Прикрой меня», говоритъ онъ одному овернцу, который остался при немъ. Тотъ набрасываетъ на него свой плащъ.

Не смотря на смерть Бурбона, городъ былъ все-таки взятъ. Римская молодежь была перебита. Гильомъ Дю-Беле, — французскій посланникъ во Флоренціи, — который успѣшно пріѣхалъ увѣдомить папу объ опасности, — со шпагою въ рукахъ сталъ на мосту св. Ангела, вмѣстѣ съ Ренцо де Чери, остановилъ разбойниковъ и далъ Клименту VII время уйти изъ Ватикана въ замокъ.

Изъ длиннаго всякаго корридора, который служилъ сообщеніемъ, папа видѣлъ страшное побоище: семь или восемь тысячъ римлянъ были убиты пиками и алебардами.

Никогда не бывало болѣе дикаго зрѣлища, болѣе ужаснаго карнавала смерти. Женщины, картины, церковныя ризы — все это, перемѣшанное вмѣстѣ, было осквернено, изорвано, предаво насилію. Кардиналы на дыбѣ, принцессы въ объятіяхъ солдатъ, — словомъ, — ^{«дѣ} былъ хаосъ, страшная смѣсь кровавыхъ неурисстойностей ^{«дѣ} чумы. ^{«дѣ} среди могиль-

Иѣмцы, которые сначала перебили много народа и истребили большее число образцовъ, мало по малу скрылись въ погребѣхъ и ускользлись. Исаианцы, болѣе разсудительные, воздержные и условіе приобрести страшную опытность въ Миланѣ, наслаждались пытками и казнями. Горные жители Абруццы не уступали имъ въ злодѣйствахъ. Хуже всего было то, что три націи не сообщались между собою. Разоренные и ограбленные одною изъ нихъ, жители попадали въ руки другой.

Это была трагедія, какъ московскій пожаръ или разрушеніе Лиссабона. Всякій разъ, когда какая нибудь изъ великихъ столицъ, сосредоточивающихъ въ себѣ извѣстный міръ цивилизаціи, бываетъ поражена разрушеніемъ, люди думаютъ о всеобщей смерти, которая грозитъ имперіямъ, о будущихъ наводненіяхъ, которыя уничтожатъ одряхлѣвшую землю.

Но—странное, удивительное дѣло: Европа не слишкомъ встревожена разграбленіемъ Рима! Напротивъ, въ разныхъ мѣстахъ ея раздаются дикій хохотъ.

Германія смѣется: она не трепещетъ болѣе предъ духовною властью.

Даже императоръ, католическій король, усмѣхается про себя. Онъ протестуетъ противъ совершившагося факта; но радость его проглядываетъ въ его поступкахъ: онъ продолжаетъ празднества, по случаю рожденія у него сына. Папа, униженный, уничтоженный какъ свѣтскій государь, никогда уже не оправится отъ пораженія; онъ становится съ этихъ поръ игрушкою королей.

Францискъ I и Генрихъ VIII въ восторгѣ. Они имѣютъ теперь превосходный случай обложить духовенство податью, признать войну законною, обвинить Карла V.

Такимъ образомъ это неслыханное и страшное дѣло, которое должно было ужаснуть землю и поколебать небо, не произвело почти никакого впечатлѣнія. Что же это значитъ? Или это святилище похоже на страшные елевзинскіе сосуды, на которые никто не смѣлъ смотрѣть, но которые не заключали въ себѣ ничего, кромѣ пустоты?

Странное виргилиевское изрѣченіе: «Римъ есть жилище Бога» оказалось ложнымъ. Міръ полюбопытствовалъ взглянуть на Римъ поближе и спросилъ: Гдѣ же этотъ Богъ?

Даже новая картина Рафаэля—огненный мечъ св. Петра и св. Павла, отражающій Аттилу,—не устратила солдатъ Фрондберга. Залы конклава, залы собора, превращены ими въ конюшни. Если они боятся, то совсѣмъ не этого: они боятся жить подъ этими языческими сводами; имъ, какъ христіанамъ, страшно помѣщаться съ идолами—этими опасными твореніями демона.

Не это ли самое говорили у костра мученики свободной мысли противъ папскаго Павлона?

Не это ли самое истинные итальянскіе патріоты (отъ Арнольдо до Врещья до Макіавелли) предсказали Италиі, говоря, что она подаетъ жизнь свою въ смерти и что смерть увлечетъ ее съ собою?

«Римъ съѣлъ міръ», говорила старая пословица. На зѣрть равъ было советимъ наоборотъ.

Итальянскій гений, такъ долго томившійся въ вѣчномъ и болѣзнь, подъ владычествомъ вымысла о какой-то всемірной имперіи, вымысла, который уничтожилъ ея собственную жизнненность, лишилъ ее отечества, могъ бы порадоваться этому великому бѣдствію, которое освободило его, и отъвѣргнуть эту общность смерти. Римъ уморъ—да здравствуетъ Италия!

Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Не безнаказанно духъ облекается въ тѣло и носитъ въ теченіе долгой жизни эту плоть искушеній, грѣховъ и мерзостей. Мы всегда колеблемся, когда нужно ее сбросить и свободно развернуть свои крылья. Такъ и Италия, жившая столь долгое время въ такомъ видѣ, въ такихъ условіяхъ существованія, теперь была уничтожена ударомъ, и цѣлые вѣка потребовались на то, чтобы она оправилась.

Посмотримъ, какъ поняли это событіе два великіе итальянца—Микель-Анджело и Макиавелли.

Оба они заблуждались. Поддаваясь иллюзіямъ, которыя обыкновенно являются въ столь мрачные моменты, они искали надежды среди отчаянія; думали, что можно спасти отечество посредствомъ Медицей, создать силу изъ низости. Надежда напрасная; и Богъ наказываетъ за такіа мысля.

Во первыхъ, папа, принадлежавшій къ фамиліи Медичи, покорился приговору; онъ сталъ еще ниже той точки, на которую поставило его несчастіе, и показалъ, что, освободясь изъ плѣна, онъ не сдѣлался чрезъ это свободнѣе. Съ нимъ обращались какъ съ какимъ нибудь медкимъ итальянскимъ князькомъ.—и онъ доказалъ, что онъ таковъ на самомъ дѣлѣ. Флоренція была гораздо ближе къ его сердцу, нежели Римъ, и, чтобы вновь получить ее, онъ унижился предъ императоромъ. Онъ возвращенъ былъ туда принцемъ Оранскимъ, предводителемъ итальянскихъ разбойниковъ, которые, вслѣдъ за варварами, измѣннически разграбили Римъ.

Въ столь короткое время великой борьбы Флоренціи—одного года противъ міра—Макиавелли и Микель-Анджело находились въ своемъ отечествѣ.

Макиавелли увидалъ, что тамъ примѣнено къ дѣлу его *военное искусство* (*Arte di guerra*) что вся молодежь вооружилась, что изъ нея составлены легіоны по начертанному имъ плану. Флорентинцы приняли систему, но отъвергли ея автора. На него не обращали вниманія, его забыли, — даже не преслѣдовали.

Неукротимая сила его духа является еще въ странномъ описаніи свирѣпствующей во Флоренціи чумы, которое онъ сдѣлалъ за мѣсяць предъ своею смертью, мѣсяць спустя послѣ разграбленія Рима.

Знаете ли что сдѣлалъ этотъ человекъ, постигнутый крайнимъ несчастіемъ, одинокій, старый, бѣдный, ненавидимый и презираемый? Среди похоронныхъ лутаній, на краю своей могилы, онъ написалъ нѣчто въ родѣ майскаго *Pervigilium Veneris*. Это — виданія чумы.

Въ видѣ онъ свободно рассказываетъ туда и сюда, среди могилъ—

шиковъ, которые кричатъ: «Да здравствуетъ смерть!» подобно тому какъ былъ обычаи воспѣвать май и весну. Ему кажется, что свѣозъ мракъ онъ видитъ чуму въ носилкахъ. Это была молодая покойница, везома бѣлыми лошалями.

Онъ уходитъ на площадь, гдѣ избираются должностныя лица. Нѣтъ болѣе народа. Есть граждане, но растянувшіеся на носилкахъ. За немѣніемъ живыхъ, къ подачѣ голосовъ призываются мертвые.

Изумительное зрѣлище представляютъ церкви! Духовенство, монахи почти всѣ умерли. Оставшіеся въ живыхъ исповѣдуетъ больныхъ женщинъ, которыя едва двигаются и приходятъ туда умереть. Онъ сидитъ среди трапезы; руки и ноги его въ оковахъ, для того чтобы онъ не могъ дотронуться до своихъ духовныхъ чадъ. Забудьте, что въ эти времена смерти вся забота состоитъ въ томъ, чтобы остаться живымъ. Три богомола на костыляхъ, бродящіе по церкви, бросають амурные взгляды на трехъ беззубыхъ старухъ. Макиавелли, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, увѣренъ, что онъ можетъ понравиться и имѣть успѣхъ.

На моглахъ, окружающихъ церковь, онъ видитъ молодую женщину, съ растрепанными волосами, которая ударяетъ себя въ грудь. Онъ подходитъ къ ней не безъ нѣкотораго страха; онъ утѣшаетъ ее, спрашиваетъ. Она отвѣчаетъ, повѣряетъ ему свое горе; смѣлыми словами, которыя прерываются неудержимыми воплями, она рассказываетъ ему о радостяхъ супружеской жизни, утраченныхъ ею навсегда; наконецъ — падаетъ въ обморокъ. Не умерла ли она? Можетъ быть, она зачумлена, но Макиавелли распускаетъ ее платье, разшнуровываетъ ее, «хотя она не очень крѣпко стянута». Она очнулась и клянется, что она уже не заботится о себѣ, о стыдѣ, о нравственности. За симъ слѣдуетъ двусмысленное поученіе, проповѣдующее о приличіи тайныхъ удовольствій!

Ужасъ на ужасѣ! Смерть дѣлается соблазнительницею..?

Въ другомъ мѣстѣ, въ Санта-Марія-Новелла, на мраморныхъ ступеняхъ большой капеллы, онъ находитъ восхитительную вдову, закутанную въ длинную одежду. Зябъ слѣдуетъ тщательное мнѣологическое описаніе этого божества, — отрывокъ чувственный, жалкій, отзывающійся старческою дряхлостью и усиленъ. Кунидонъ, Венера, Геспериды не придаютъ ему теплоты. Онъ холодитъ надгробнаго мрамора, на которомъ возсѣдаетъ этотъ идолъ смерти.

Макиавелли испытываетъ предъ нею свое краснорѣчіе. Она тотчасъ же утѣшается. Различіе лѣтъ, въ которомъ Макиавелли признается, не останавливаетъ ее. Состояніе, которое есть у него, какъ онъ увѣряетъ, попеченія и дружба, — вотъ все что нужно красавицѣ. Она мало по малу приходитъ въ себя. Договоръ заключенъ: «Мое сердце, говоритъ Макиавелли, теперь находится у ней, а моя душа осталась въ ея черной одеждѣ».

Жизнь его осталась тамъ же. Черезъ мѣсяць или два послѣ того, онъ умеръ.

Самая грустная вещь — жить и протязорѣчать самому себѣ. Микель-

Анджело начиналъ дѣлать гробницу Лаврентія и Юліана Медичей. Онъ кончалъ ее въ то самое время, какъ защищалъ городъ противъ этой фамиліи.

Всѣ могли видѣть во Флоренціи (или въ Парижѣ, въ школахъ изящныхъ искусствъ) превосходныя фигуры *Дня и Ночи, Сумерекъ, и Авроры*,—этотъ памятникъ, который, въ рукахъ великаго гражданина, дѣлается могилою самаго отечества. Въ грезахъ Ночи волнуется цѣлое море позора и бѣдствія. А *Аврора!* о, она страдаетъ гораздо болѣе; вы чувствуете, что она проклинаетъ свое пробужденіе, и ощущаетъ во рту такой горькій, отвратительный вкусъ, такую неприятную жолчь, что желала бы никогда не родиться на свѣтъ.

Еще трагичнѣе, нежели этотъ трагической памятникъ, то, что, когда онъ былъ открытъ, не нашлось никого, кто бы его понялъ. Нѣтъ болѣе ни Флоренціи, ни народа, ни Италіи. Родилась академія. Одинъ академическій поэтъ (новый бычъ этой страны) дѣлаетъ мадригалъ къ *Ночи*:

«Она спитъ въ своей тихой позѣ; не будите ея».

Эта откровенная глупость, которая какъ будто доказывала, что Италія въ самомъ дѣлѣ погребена навѣки, заставила Микель-Анджело вскочить. Онъ опять сдѣлался человѣкомъ свикстинской капеллы, онъ проснулся съ бѣшенымъ порывомъ. Не думая болѣе о Медичи, не щадя ничего, онъ сбросилъ свои оковы и написалъ жестокою эпиграмму

«Мнѣ сладостно спать, сладостно быть мраморомъ, пока господствуютъ позоръ и бѣдствіе. Ничего не видѣть, не чувствовать—вотъ мое счастье. Не буди меня, ради Бога; говори тише».

День не конченъ. Этотъ суровый кузнецъ съ гигантскою силой, лежащій на своемъ молотѣ и оборотившійся спиной къ міру, который недостаточнѣ видѣть его—безъ сомнѣнія, бросилъ бы черезъ плечо великолѣпный взглядъ. Среди этого гора, онъ олицетворялъ собою надежду, искусство, дѣятельность, будущее обновленіе. Но человѣкъ былъ сокрушонъ. Микель-Анджело бросилъ эту работу. И она осталась неконченною

Онъ потерялъ подъ собою почву и съ тѣхъ поръ блуждаетъ какъ тѣнь. Онъ былъ осужденъ жить еще тридцать лѣтъ, работая много и тяжело, то надъ заказанною ему картиной Страшнаго суда, то надъ соборомъ св. Петра, въ которомъ онъ напрасно искалъ своего идеала, то надъ сонетами къ Витторіи Колонна. Здѣсь онъ высказываетъ надежду, что природа—этотъ великій художникъ—создавъ, въ лицѣ Витторіи, законченное произведеніе, къ которому она стремилась со дня созданія міра, теперь можетъ умереть;—и Микель-Анджело присутствуетъ кончину вселенной.

Самъ онъ тоже оканчивалъ. Въ его произведеніяхъ сверкаютъ по временамъ великолѣпныя молніи, но вообще онъ остается страшно-энергическимъ работникомъ, благородно трудящимся изъ всѣхъ силъ. Вы удивляетесь ему и страдаете; вы вмѣстѣ съ нимъ чувствуете усталость; вы хвалите его съ потомъ на лбу.

Увѣнчалось ли это усиліе успѣхомъ? Въ приплюснутыхъ сводахъ, въ старческой и холодной архитектурѣ Капитолія и капеллы, куда онъ заключилъ свои великолѣпныя, колоссальныя статуи Дня и Ночи мы находимъ уже, — если надо признаться въ этомъ, — жалкій семнадцатый вѣкъ.

Чѣмъ будетъ жить Италія въ это время?—Граціею и свѣтомъ, колюритами Тиціана, небомъ и Корреджіо. Что я говорю! Корреджіо уже не существовалъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Солиманъ спасаетъ Европу.—1526, 1529, 1532.

Христіанская война, христіанское право народовъ, христіанская умѣренность и проч. всѣ эти подслащенные фразы были вычеркнуты изъ напихъ языковъ разграбленіемъ Рима, Туниса и Антверпена, Пизаррою и Кортесомъ, неготорговлей, истребленіемъ индійцевъ.

Что хуже этого сдѣлали турки, даже при Селимѣ? При другихъ султанахъ, въ особенности при Солиманѣ, они научили христіевъ умѣренности въ войнѣ и кротости въ побѣдѣ. Солиманъ изъ всѣхъ силъ старался спасти Родось отъ разграбленія. Онъ утѣшалъ великаго магистра въ его пораженіи, говоря ему. «Терять города и королевства—вещь очень обыкновенная для государей.» За тѣмъ, обращаясь къ Ибрагиму, самому близкому повѣренному его мысли, прибавилъ: «Я не безъ горести выгоняю этаго стараго христіанина изъ его дома.»

Франциску I, плѣннику, онъ, посредствомъ благороднаго и delicate намека, указываетъ на своего дѣда Балзета, взятаго въ плѣнъ Тамерланомъ: «Ободришься. Не въ первый разъ короли попадаютъ въ неволю. Наши славные предки тѣмъ не менѣе были побѣдителями и завоевателями.»

Внушаемый турками ужасъ обязанъ своимъ происхожденіемъ преимущественно несмѣтнымъ тучамъ иррегулярныхъ войскъ, дингъ племень, которыя носились вокругъ ихъ армій. Что касается до войскъ турецкихъ въ собственномъ смыслѣ, то ихъ необыкновенный порядокъ, ихъ дисциплина, составляли предметъ удивленія въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Въ 1526 г. двѣсти тысячъ человекъ прошли чрезъ всю Имперію, по дорогамъ, избѣгая обработанныхъ полей, не тронувъ ни одной былинки. Всякій грабитель, хотя бы онъ принадлежалъ къ числу начальниковъ или судей армій, немедленно попадалъ на висѣльцу.

Въ 1532 г. посолъ Франциска I съ удивленіемъ осматривалъ превосходную армію Солимана, лагерь которой вмѣщалъ въ себя тридцать тысячъ человекъ, «Порядокъ удивительный, — пишетъ онъ, — ни малѣйшаго насилія. Купцы въ совершенной безопасности; даже женщины ходятъ тамъ какъ будто бы въ какомъ либо европейскомъ городѣ. Жизнь тамъ столько же защищена, привольна и удобна, какъ въ Венеціи. Господствующее здѣсь правосудіе внушаетъ мысль.

что христіане сдѣлались теперь турками, а турки христіанами.» (Negoc. du Levant, I, 211.)

За исключеніемъ Венеціи и нѣкоторыхъ французскъ, нѣкто въ Европѣ не понялъ ничего въ восточномъ вопросѣ.

Лютеръ относительно этого предмета, такъ же какъ и въ дѣлѣ нѣмецкихъ крестьянъ ничего не видитъ и не разумѣетъ; здѣсь его гений оставляетъ его. Если по временамъ слабый свѣтъ озаряетъ его мысли, если сперва онъ видитъ, что истинный турокъ есть Карлъ V, то онъ очень скоро отирается отъ своихъ словъ и проповѣдуетъ покорность императору, съ сдѣлующею оговоркой: независимость въ дѣлахъ духовныхъ и покорность въ дѣлахъ свѣтскихъ.

Крестьянамъ онъ говоритъ: «Будьте христіанами и оставайтесь рабами князей.» А князьямъ: «Будьте христіанами и служите императору противъ невѣрныхъ.» Вотъ все что предлагаетъ намъ христіанизмъ противъ зла.

Изъ двухъ вопросовъ, перемѣшанныхъ въ этой путаницѣ, одинъ, именно вопросъ о народѣ, остается непонятнымъ, неразрѣшоннымъ, закопаннымъ въ землю.

Другой—вопросъ о туркахъ—нѣсколько проясняется только въ Италіи.

Венеція, преданная папой, королями, всеми своими христіанскими союзниками, идетъ взглянуть на чудовище и видитъ, что это—человѣкъ. Устанавливаются взаимныя смощенія. Чѣмъ Генуя была у грековъ, тѣмъ становится Венеція у султановъ. По всюду въ ихъ владѣніяхъ она ведетъ торговлю, платя очень незначительныя пошлины. Она имѣетъ своихъ консуловъ, своихъ судей. Магометъ II проситъ у нея живописца Беллини. Когда Микель - Анджео чертилъ для Венеціи мостъ Ріальто, Солиманъ захотѣлъ сдѣлать подобный же мостъ въ Перѣ. Онъ предлагаетъ свободное убѣжище гордому гению, который бѣжалъ изъ Рима отъ тиранніи Юлія II.

Венеція и ея знаменитый дожъ, Андрей Грिटти, послѣ битвы при Павіи, одни видятъ вопросъ въ настоящемъ свѣтѣ.

Врагъ христіанства — это императоръ, номинальный начальникъ христіанской республики.

Если бы онъ не имѣлъ денежныхъ затрудненій, то его чудовищное господство поглотило бы всю Европу. Но вотъ Кортесъ возвращается какъ разъ въ 1525 и повергаетъ къ его ногамъ золото Мексики. Отнынѣ ежегодный доходъ съ этихъ золотыхъ копей, безъ контроля и споровъ со стороны сословіи и кортесовъ, будетъ помогать ему все болѣе и болѣе.

Въ качествѣ императора, онъ пользуется авторитетомъ. Но еще важнѣе то, что онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ орудіе безмѣрной силы.—испанскую революцію, эти страшныя тиски монашеской и королевской инквизиціи, изъ которыхъ для Испаніи нѣтъ другого выхода, кромѣ всемірнаго завоеванія.

Испанія, преданная пыткѣ, съ каждымъ поворотомъ винта все бѣшенѣе рвется наружу.

Франція, имѣя такъ мало моральной жизни и не владѣя Индіей, не можетъ устоять противъ Испаніи.

Англія, земля отдаленная, расположенная на островахъ, будетъ дѣйствовать мало, временными порывами. Если Генрихъ VIII разведетъ съ испанкой, то Лондонъ тѣмъ не менѣе остается въ неразрывномъ бракѣ съ Антверпеномъ.

Лучше ли будутъ дѣйствовать Лютеръ и Германія? Будетъ ли Имперія оплотомъ противъ императора? Католическіе князья безчисленными узами связаны съ Австріей. Князья протестантскіе, боясь народа, возстаній крестьянъ, суть прежде всего князья, а потомъ уже протестанты; они вовсе не думаютъ призывать на свою защиту только что укропленную массу.

Спасеніе заключается въ туркахъ.

Венеція безъ шума, но энергически, успѣшно разработываетъ эту идею. Она-то въ теченіе десяти лѣтъ, — и лѣтъ опасныхъ, — управляла турецкою имперіей. Серьезное, внимательное изслѣдованіе даетъ возможность увидѣть этотъ предметъ въ полномъ свѣтѣ.

Дождь имѣлъ восемьдесятъ лѣтъ отъ роду; Венеція уже одряхла. Ни онъ ни она не получили никакой выгоды отъ своихъ усилій. Но мѣръ выигралъ. Въ три приѣма непріятель былъ пораженъ. Религіозная свобода Германіи, еще юная и шаткая, была спасена турками. Лютера поддержалъ Магометъ. Былъ воздвигнутъ прочный оплотъ: оттоманская Венгрія у воротъ Вѣны. Наконецъ, изнемогающая Венеція завѣщала Франціи свою роль — посредницы между двумя монахами, наставницы двухъ міровъ, спасительницы Европы.

Приметъ открыто, во имя Возрожденія, оскорбительное названіе, которое Карлъ V и Филиппъ II давали намъ столько разъ.

Франція, послѣ Венеціи, была великимъ ренегатомъ, который, съ помощью турокъ, защитилъ христіанскій міръ противъ него самого, защитилъ его отъ Испаніи и отъ короля инквизиціи.

Привѣтствуемъ мужественные и свободные умы, смѣлыхъ людей, которые, изъ Парижа и Венеціи съ одной стороны и изъ Константинополя съ другой, протянули другъ другу руку, чрезъ Европу, и, будучи прокляты ею, спасли ее.

La terre eut beau frémir, le ciel eut beau tonner...

(Какъ ни дрожала земля, какъ ни гремѣло небо)...

Они, посредствомъ нечестивой дерзости совершили святое дѣло, которое, посредствомъ примиренія Европы съ Азіей, создало новое равновѣсіе, порядокъ новыхъ временъ, замѣнившій гармонію христіанскую, гармоніей *человѣческой*.

Назовемъ этихъ спасителей, этихъ великихъ людей. Первые суть два грека — визирь Магомета II и визирь Салимана.

Турки, которые сначала были не столько народомъ, сколько военною машиною, дикою демократіей, чуждою генію цивилизованныхъ мусульманъ, являлись Европѣ не иначе какъ въ видѣ меча, грозящаго смертью. Махмудъ, иллирійскій грекъ, византизировалъ турокъ, создалъ ямъ школы, іерархію учености и обученія, превратилъ фанатическое духовенство въ профессоровъ и юристовъ, образуя та-

кимъ образомъ людей, съ которыми онъ хотѣлъ свести Европу. Махмудъ погнѣбъ за свою гуманность, наказанный за свое милосердіе.

Другой грекъ, Ибрагимъ, изъ Парги, визирь Солimana, урожденный подданный Венеціи и управлявшій подъ венеціанскимъ вліаніемъ, создалъ близкій союзъ между турками и Франціей. Онъ завоевалъ почти всю Венецію и повернулъ ее лицомъ въ другую сторону, противъ Австріи. Его постигъ такой же конецъ какъ Махмуда и за то же преступленіе: за кротость, милосердіе, великодушіе, любовь къ искусствамъ и презрѣніе ко всѣмъ фанатическимъ предрассудкамъ.

Андрей Гритти былъ дожемъ отъ 1523 до 1538 г. Ибрагимъ былъ визиремъ отъ 1523 до 1536, а его правою рукою былъ побочный сынъ дожа, Аловзій Гритти.

Мы не знаемъ хорошенько, кто были, въ теченіе долгаго времени, французскіе послы, посредствомъ которыхъ велись эти опасныя и тайныя сношенія. Единственный изъ нихъ, котораго мы хорошо знаемъ, есть остроумный Жанъ Дю-Беле, младшій братъ полководцевъ и историковъ этого имени, другъ Рабле, его покровитель и одинъ изъ смѣлыхъ мыслителей своей эпохи.

Сказанные послы (воздадимъ честь неустрашимымъ людямъ, которые были исполнителями этого прекраснаго преступленія), сдѣлались посредниками этого проклинаемаго братства и примирили двѣ вѣтви разъединеннаго человѣчества. Для нихъ не могли придумать довольно оскорбленій. Презираемые и преслѣдуемые, всѣ они были убиты или отравлены. Набожный Австрійскій домъ постоянно держался того правила, что можно убивать турецкихъ пословъ, а также пословъ друга турокъ, Франциска I. Его агенты, на дорогѣ отъ Италіи до Венеціи, Далмаціи, Кроаціи и Босніи, слѣдовали по патамъ за нашими послами, окружали ихъ шпіонствомъ до самаго мѣста засады, гдѣ на нихъ дѣлалось нападеніе. Турки часто съ отвращеніемъ упрекаютъ Австрійскій домъ въ этой привычкѣ къ убійствамъ.

Австрійцы пишутъ (въ апрѣлѣ 1524) въ Мадридъ, что одинъ испанецъ, находящійся во французской службѣ, Ринконъ, посланъ изъ Парижа въ Польшу, для переговоровъ о бракѣ втораго сына Франциска I съ старшею дочерью Сигизмунда.

Въ ту минуту, когда брачный союзъ открывалъ Венгрію для Австріи, Франція тоже хотѣла пріобрѣсти себѣ вліаніе на восточныя дѣла.

Кто былъ этотъ Ринконъ? Когда онъ сдѣлался французомъ? Не въ 1522 ли году, когда Испанія отчаялась въ себѣ самой послѣ уничтоженія *ком. мунеросовъ* и ея старинныхъ привилегій? Его называютъ въ это время капитаномъ, потомъ совѣтникомъ и камергеромъ короля, господиномъ какого-то бѣднаго помѣстья. Ему всегда очень плохо платили, онъ умиралъ съ голода, наконецъ былъ умерщвленъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ это былъ храбрый, неутомимый агентъ, который, подвергаясь большимъ опасностямъ, чѣмъ Пизарро или Кор-

тестъ, среди варваровъ, засадъ, дикихъ лѣсовъ, болѣзней, ловушекъ и опасностей всякаго рода, былъ посредникомъ между Франціей и Востокомъ и оказывалъ услуги, которыя должны сдѣлать память его священною.

Его опасное мѣсто впоследствии заступилъ ученый Лафоре, который рѣшился подписать союзный трактатъ и тоже поплатился за это жизнью.

Несчастный Ринконъ, который, вмѣстѣ съ фамиліей Гритти, такъ энергически дѣйствовалъ въ Турціи, повидимому возымѣлъ, вмѣстѣ съ итальянцами, обширную и смѣлую мысль, по истинѣ спасительную для свободы Запада: образовать союзъ изъ Польши, Турціи и турецкой Венгріи. Эта послѣдняя не только держала бы Австрію въ страхѣ, но и помогала бы Франціи въ Италіи, своей шпагой.

Мы видѣли, что король, послѣ сраженія при Павии, послалъ свой перстень къ Сулейману. Послы, которые повезли его, были обокраденны и убиты въ Босніи. Полякъ Ласкій, потомъ венгерецъ Франжепани были счастливы. Визирь Ибрагимъ велѣлъ обыскать Боснію, нашолъ кольцо и поставилъ себѣ въ великую честь—надѣть его на свой палецъ. По просьбѣ визиря, его государь сдѣлалъ значительный подарокъ посланнику и написалъ прекрасное утѣшительное и братское письмо Франциску I.

Ибрагимъ, сынъ греческаго матроса въ Паргѣ, происходилъ изъ того энергическаго и хитраго племени, которое наполняетъ весь Востокъ своею дѣятельностью. Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ, онъ былъ похищенъ и проданъ турецкими корсарами одной вдовѣ въ Магнезій, которая съ одного женскаго взгляда угадала, что онъ рожденъ нравиться и дойти до самой высокой ступени. Онъ научился персидскому, итальянскому и многимъ другимъ языкамъ Азіи и Европы; читалъ поэтовъ, историческія сочиненія, поглотилъ жизнеописанія Аннибала, Цезаря, Александра Македонскаго, которыя онъ безпрестанно читалъ и перечитывалъ. Но если цѣль была высока, то путь былъ низокъ;—этимъ путемъ былъ сераль, который на Востокѣ ведетъ ко всему. Ибрагимъ попалъ туда за свою счастливую наружность и за свой талантъ въ игрѣ на скрипкѣ. Сулейманъ былъ очарованъ, покоренъ имъ, такъ что видѣлъ только его; и если его любимецъ отлучался отъ него на нѣсколько часовъ, то онъ писалъ къ нему по нѣскольку разъ.

Всѣ слова, которыя намъ остались отъ этого человека, показываютъ странную смѣсь хитрости, дерзкой смѣлости, величія, врожденной царственности. Даже лесть у него рискованна, неожиданна; она поражаетъ умъ, плѣняетъ и увлекаетъ сердце. Когда Сулейманъ выдавалъ за него свою сестру, то по этому случаю было великолѣпное празднество. Фаворитъ смѣло сказалъ, что никогда не бывало подобной свадьбы, даже у султана. Сулейманъ покраснѣлъ отъ гнѣва. Ибрагимъ прибавилъ: «Свадьба его высочества не имѣла чести видѣть, въ числѣ гостей, падишаха Мекки, Соломона нашего времени.»

Послы императора поражены свободою, съ которою онъ говоритъ о своемъ государѣ. Онъ открываетъ совѣщаніе слѣдующими слова-

ли: «Льва нельзя укротить силой, а хитростью, пищей и привычкой. Государь—это левъ, а министръ, это сторожъ. Я стерегу султана и управляю имъ посредствомъ палки, т. е. посредствомъ истины и справедливости. Карлъ—тоже левъ. Пусть его посланники управляютъ имъ такимъ же образомъ».

Мы видимъ, что онъ въ совершенствѣ зналъ Европу и ея различныя націи. Относительно Испаніи онъ съ перваго же раза сдѣлалъ важный и рѣшительный вопросъ; онъ лукаво спросилъ: «почему она обработана хуже, нежели Франція». После признался, что главная причина этому—преслѣдованіе противъ мавровъ и изгнаніе ихъ.

Это страшное событіе, которое такъ хорошо оправдало репрессалии мусульманъ, получило свое начало въ революціи коммунеросовъ. Мавры вообще были вассалами благородныхъ, и потому враги этихъ послѣднихъ вздумали разорить ихъ, освободивъ мавровъ отъ вассальной зависимости и сдѣлавъ ихъ христіанами. Желѣзомъ, огнемъ ихъ принудили креститься. Король и инквизиція приняли въ этомъ участіе и присоединились къ неистовому народу. Эти несчастные, преслѣдуемые такимъ образомъ, не могли болѣе ни жить, ни дышать. Они начали бѣгать. Съ 1523 г. въ одной Валенсіи было пять тысячъ пустыхъ домовъ. Законъ, жестокій и безумный въ рукахъ инквизиціи, падается и отмѣняется, противорѣчить себѣ самому. Въ 1526 г. было повелѣно маврамъ остаться и сдѣлаться христіанами. Въ 1526 г. имъ приказываютъ оставить Ионанію, но въ то же время у нихъ отнимаютъ всѣ средства къ этому, запрещаютъ имъ продавать что бы то ни было. Для нихъ запраютъ ихъ собственные порты, обращенные къ Африкѣ; чтобы сѣсть на суда, они должны отправиться въ Галлецію, т. е. пройти черезъ всю Испанію, населенную свирѣпымъ народомъ, вытерпѣть оскорбленія, воровства, побіеніе камнями.

Доведенные до отчаянія, они вооружились; они бросались къ горамъ, гдѣ испанскія шайки стали охотиться за людьми. Сто тысячъ ихъ перебрались въ Африку. Остальные сдѣлались жалкими садовниками, вьючными животными, ослиами и лошадками у старыхъ христіанъ. У нихъ отнимаютъ ихъ языкъ, ихъ національные танцы, ихъ мавританскія могилы,—жизнь и даже смерть!

Въ этомъ 1526 году Австрійскій домъ представляетъ любопытное зрѣлище своего полнѣйшаго индифферентизма: въ Испаніи — гоненіе на мавровъ, союзъ инквизиціи; въ Германіи—терпимость, данная протестантамъ на шпейерскомъ сеймѣ, въ виду угрожающей турецкой войны и венгерскаго брака.

Солиманъ и Ибрагимъ были люди миролюбивые, созданные для мирныхъ искусствъ. Византійское вліяніе постоянно возрастало. Ибрагимъ, — который вновь открылъ гипподромъ и возобновилъ древнія игры,—построилъ себѣ на этомъ самомъ мѣстѣ восхитительный дворецъ и потѣшалъ тамъ своего государя праздниками, которые его плодовитый геній умѣлъ разнообразить. Но громадная турецкая машина была заведена на завоеванія. Она истирала въ порошокъ того, кто не употреблялъ ее въ дѣло. Не напрасно было

организовано это мрачное и гнѣвное чудовище войны—корпусъ янычаровъ. Вступивъ на престолъ, Салиманъ долженъ былъ немедленно вести ихъ въ Родось и въ Бѣлградъ. Потомъ онъ сбѣжалъ отъдыхъ. Поднялся страшный бунтъ. Противъ него не было никакого другого средства, кромѣ завоеванія, священной войны, войны венгерской.

Однакоже, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, Ибрагимъ, съ удивительнымъ благоразуміемъ, старался умиротворить и успокоить все извнѣ и внутри. Онъ объѣхалъ Малую Азію, Сирію и Египетъ, уничтожая вездѣ злоупотребленія, издавая хорошіе законы, судя и милуя. Онъ обезпечилъ Турцію съ правой стороны—относительно Валахія и Крыма, платившихъ Портѣ дань, а въ особенности относительно Польши, съ которою онъ заключилъ перемиріе на пять лѣтъ. И только тогда, 2 февраля 1526, приемъ и подарки, которые получилъ французскій посланникъ, показали Европѣ, что Востокъ хочетъ напасть на разъединенный Западъ.

Отъ Венгріи, находившейся подъ господствомъ чужеземцевъ и давно уже разстроенной, не осталось ничего, кромѣ воспоминанія о ея древней славѣ. Знатные люди, мелкое дворянство, и крестьяне находились между собою въ открытой борьбѣ. Трансильванія начала дѣйствовать за себя, отдѣльно отъ Венгріи. Единство, благоразумное веденіе войны, цивилизація—были на сторонѣ варваровъ. Турки имѣли многочисленную артиллерію, у венгерцевъ ея не было вовсе. Полагаясь только на свои сабли и на своихъ неукротимыхъ коней, они подставляли свою грудь подъ пушки. Въ Петервардинѣ они увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Турецкіе инженеры подвели мину подъ цитадель, и она успѣшила слатся.

Оттоманская армія прибыла къ болотамъ Могача, гдѣ находились венгерцы, но еще не въ полномъ составѣ. Трансильванцы медлили. При видѣ полумѣсяца, венгерцы не могли совладѣть съ своею горячностью и ждать чего бы то ни было. Они увлекли своего короля и своихъ предводителей впередъ и слѣпо бросились въ массу непріятелей.

Турки, обладавшіе бѣльшимъ хладнокровіемъ, предвидѣли непреодолимый ударъ. Разсчитывая на свою многочисленность, они раздѣлись, а потомъ сдвинулись опять, окруживъ со всѣхъ сторонъ бѣшеныхъ всадниковъ. Эти послѣдніе раздѣляются, чтобы въ одно время драться на всѣхъ пунктахъ. Но ихъ стремленіе было такъ сильно, что одинъ отрядъ, съ королемъ во главѣ, опрокидывая все, наткнулся на турецкія пушки, которыя загремѣли по нимъ въ десяти шагахъ. Оставшіеся въ живыхъ, пробившись чрезъ батареи, добрались до султана, и янычары остановили этихъ страшныхъ воиновъ только тѣмъ, что перерѣзали сзади подколѣнки у ихъ лошадей.

Многіе изъ нихъ, увлеченные стремительнымъ бѣгомъ или тѣсными турками, увязли въ болотѣ. Тамъ погибъ Людовикъ, погибло королевство. Венгрія осталась тамъ навсегда. Это — могила народа. Съ этихъ поръ возникъ вопросъ между Турціей и Австріей.

Кто погубилъ Венгрію?— Она сама, и никто другой. Гибельное обык-

новеніе—выбирать себѣ государя изъ иностранцевъ повредило національному чувству. При послѣднемъ и главнѣйшемъ избраніи венгерскій герой Ваторій предаетъ свое отечество вѣмцамъ. Изъ ненависти къ трансильванцу Заполю, онъ признаетъ австрійца Фердинанда. Турки дѣлаютъ королемъ Заполя.

Трудный выборъ!.. Турокъ—это капризъ, оскорбленіе, неизвѣстность. Австріецъ—это налогъ и свинцовая бюрократія.

Было вычислено, что турки требуютъ отъ своихъ данниковъ денегъ въ пятьдесятъ разъ менѣе, чѣмъ Австрія или всякое другое христіанское правительство. Но старинная религіозная ненависть, превращеніе церквей въ мечети, опустошенія воинственной сволочи, которая тащилась за турками, поддерживали отвращеніе къ нимъ. Восточная война ужасна еще тѣмъ, что за нее платится людьми. Каждый приводитъ съ собою невольниковъ. Увѣряютъ, что въ Турцію было приведено сто тысячъ семействъ, триста тысячъ душъ. Они проходили предъ глазами Заполя, который горькими слезами пріѣтствовалъ эти первые ужасные зачатки своего царствованія.

Видя себя почти однимъ, за исключеніемъ двухъ французскихъ агентовъ, находившихся при немъ, онъ посылаетъ одного изъ нихъ къ Солиману, другаго къ Франциску I му. Первый, полякъ Ласкій, поддерживаемый въ Константинополѣ Алоизіемъ Гритти, побочнымъ сыномъ дожа, безъ труда получилъ отъ Ибрагима обѣщаніе дѣйствительной помощи. Другой, Ринконъ, велъ переговоры во Франціи и въ Польшѣ, предлагая французскому королю наслѣдство Заполя для его втораго сына, который женился бы на польской принцессѣ. Францискъ I обѣщавъ большую денежную помощь, которой впрочемъ не далъ.

Положеніе было фальшивое, странное. Французскій король вступилъ въ союзъ съ Генрихомъ VIII, чтобы освободить папу, который не былъ уже плѣнникомъ. Онъ жилъ отчасти десятинами, взимаемыми съ духовенства подъ предлогомъ войны противъ турокъ, которые были его друзьями.

Его армія, предводительствуемая Лотрекомъ, истощается, безъ всякаго результата, въ Неаполѣ. Императоръ, смертельно раздраженный тѣмъ, что его одурачили мадридскимъ трактатомъ, приправляетъ войну ядомъ оскорбленій, на которыя король отвѣчаетъ не менѣе смѣшнымъ вызовомъ. Дуэль была устроена, условлена; король чувствуетъ нѣсколько поздно, что подобные интересы не могутъ быть разъяснены посредствомъ ударовъ шпаги. Онъ уклоняется, увертывается, и такимъ образомъ смѣется надъ императоромъ: «Онъ говоритъ, что взялъ меня въ битвѣ. Не помню, чтобы я тамъ его встрѣтилъ».

Вѣшенство Карла V дошло до того, что онъ выместилъ свой гнѣвъ на сыновьяхъ Франциска I. Онъ велѣлъ взять у нихъ слугъ и сослать ихъ на галеры, — обращеніе неслыханное, которое было бы варварскимъ даже относительно военноплѣнныхъ, каковыми они не были. Мало того, — съ испанскихъ галеръ ихъ продали варварійцамъ, чтобы окончательно ихъ погубить.

Два ребенка, — которыхъ держали въ тѣсной и мрачной тюрьмѣ, не имѣя при себѣ ни одного француза, не вида никого, кромѣ тюремщика, — забыли даже свой языкъ и измѣнились въ своемъ характерѣ. Дѣйствіе этого обращенія съ ними было такъ сильно, что одинъ изъ нихъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, а другой, сдѣлавшійся впоследствии французскимъ королемъ подъ именемъ Генриха II, остался совершенно испанцемъ, слабымъ, мрачнымъ, жестокимъ, съ печальною (столь непохожею на наружность его отца) физиономіей, которая напоминала е тюрьмѣ. Карлъ V могъ ворадоваться, что онъ въ самомъ зародышѣ убилъ будущаго короля Франціи.

Франція видимо угасала. Послѣ несчастія Лотрека король попытался сдѣлать посредствомъ маленькой арміи то, чего онъ не могъ сдѣлать съ большою; его генералъ былъ взятъ. Другъ Франциска I, Генрихъ VIII, вынужденный ропотомъ англійскихъ купцовъ, которые не могли обойтись безъ Нидерландовъ, заключилъ перемиріе съ императоромъ. И король былъ саникомъ счастливъ тѣмъ, что присоединился къ этому перемирію. Для нѣмцевъ протестантовъ, которые надѣялись на поддержку съ его стороны, изданъ былъ законъ въ мартѣ (1529) Что сдѣлаемо было на шпейерскомъ сеймѣ, то было уничтожено другимъ сеймомъ. Угрожаемые въ своей вѣрѣ, вѣтъ государей и четырнадцать городовъ *протестовали*. Отсюда слово — *протестанты*.

Дѣйствительнымъ и единственнымъ протестомъ была шпага. Францискъ I и Генрихъ VIII вложили ее въ ножны. Ее замѣнила турецкая сабля. Теперь уже Турція представляла собою не одну войну, но и прочное сооруженіе.

Взгляните на карты, которыя представляютъ Европу и ея измѣненія изъ вѣка въ вѣкъ (см. Крузе).

Въ XV столѣтіи Венгрія, свободная, является вамъ цѣлою и циркульно окружною. Такова она и въ XVII вѣкѣ, подъ владычествомъ Австріи. Въ XVI она двойная; три четверти ея, находящіяся подъ властью турокъ, представляютъ какъ-бы продолженіе Турціи; узкая полоса на сѣверѣ — остается австрійскою.

Безпокойство императора и Фердинанда было очень велико.

Они не могли ничего противопоставить туркамъ. Они начали сопротивляться только въ Вѣнѣ. Эти обстоятельства, казалось, очень благоприятствовали французскому королю. Правда, папа оставилъ его, но это была незначительная потеря сравнительно съ могуществомъ помощника, которую давалъ ему побѣднй успѣхъ турокъ. Что же онъ сдѣлалъ? — онъ заключилъ трактатъ.

Ничто не могло быть постыднѣе. Это значило предать разнъ и турокъ и христіанъ. Правда, король былъ разбитъ въ Италиі, очень ослабленъ на морѣ отпаденіемъ Дорин и Генуи; средства его были истощены; онъ не имѣлъ ни денегъ ни кредита. Но имперія была въ менѣе жалкомъ положеніи.

Даннуа признается въ этомъ; онъ говоритъ, что въ Италиі было дѣлать нечего; что народъ разоранъ, что армія *десседа де смат-*

нѣл. Всякое замедленіе довершило бы только затруднительный обстоятельства Карла V.

Маргарита Австрійская искусно ускорила дѣло, посредствомъ непродолжительныхъ переговоровъ съ матерью короля (отъ 7 іюля до 5 августа 1529 года). Эта быстрота погубила Испанію; она поддержала Австрію въ ея трудной борьбѣ; она должна была обезкуражить турокъ и, можетъ быть, болѣе чѣмъ что либо другое, была причиною ихъ неудачи подъ Вѣной (14 октября 1529 года).

Это позорное дѣло было произведено въ великой тайнѣ, съ помощью только двухъ агентовъ. Надлежало обмануть самыхъ проникательныхъ людей — итальянцевъ, которые были тамъ ж, трепеща, старались отгадать ожидавшую ихъ участь. Дамы (Маргарита Австрійская и Луиза Савойская) поселились въ Камбрѣ въ двухъ сосѣднихъ домахъ, которыхъ стѣна была пробита, для того чтобы онѣ могли видѣться каждый часъ, не подвергаясь нескромнымъ взглядамъ.

Имперцы не надѣялись на возможность подобнаго трактата. Они едва могли вѣрить, что онъ дѣйствительно заключенъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ къ Гранвеллѣ: «Условія для насъ такъ выгодны, что многіе подозреваютъ — нѣтъ ли здѣсь какого нибудь обмана» (Grapv., I, 693).

Трактатъ состоялъ въ слѣдующемъ: Франція удерживала за собою Бургундію, но она унизтожила себя въ Европѣ нравственно, оставляя своихъ союзниковъ и обязываясь даже дѣйствовать противъ нихъ.

Король, который не находилъ денегъ для войны, напоколъ ихъ для своего непріятеля. Ему возвращали его символовъ за два миліона золотыхъ экю (шестьдесятъ восемь миліоновъ на наши деньги).

Онъ отказался отъ всякаго внимательства въ дѣла Италіи и Германіи; онъ ничего не спешировалъ въ пользу Англіи, своей союзницы.

Онъ угрожалъ лютеранамъ и Солншану, потому что «трактатъ былъ заключенъ единственно во вниманіе къ усиліямъ турокъ и еретическимъ безсмердамъ, которые распложаются въ слѣдствіе терпимости (Nög. Ludwigsch., II, 681).

Онъ не только отказывался отъ Неаполя и Милана, но окончательно прощался съ Италіей. Онъ отдавалъ ключъ отъ моря, отдавалъ крѣпости, которыя до этихъ поръ никогда не были выпускаемы изъ рукъ: *Барлетту* въ Апуліи и *Асти*, наследственную собственность его дома.

Не думая ничего выговаривать для Флоренціи и Венеціи, онъ обѣщала, что первая *покорится ранѣе, чѣмъ въ четыре мѣсяца*, а вторая *отдастъ крѣпости, которыми она шестьдесятъ лѣтъ владѣла въ Апуліи*.

Онъ давалъ свой флотъ и сто тысячъ экю императору, «для выхода изъ Италіи».

Ни одного слова въ пользу Сфорцы и неаполитанскихъ бароновъ, недавно компрометированныхъ изъ-за французовъ.

Испанцы были неумолимы къ этимъ неаполитанцамъ. Они разорили ихъ, истребляя теперь навсегда и вырывая съ корнемъ старую апжужскую партію.

Ни одного слова въ пользу Рене, дочери Людовика XII, которая только-что вышла замужъ за герцога феррарскаго и должна была умолять Карла V о милосердіи.

Ни одного слова въ пользу своей собственной сестры, ни относительно наварскаго вопроса, столь важнаго для Франціи.

Но существовало нѣчто еще болѣе священное, чѣмъ семейство. Это были храбрые люди, которые, по наслѣдству отъ отца къ сыну, жертвовали для французовъ свою жизнь: старый Робертъ Ла-Маркъ и его сынъ Флѣранжъ. Разоренные императоромъ, они и остались таковыми. *Король обязался ничего не дѣлать для нихъ.*

Былъ одинъ человекъ, незначительный князь, который въ 1525 году, не посоветовавшись съ своими силами, первый, ранѣе королей и султановъ, обнажилъ шпагу для защиты павіанскаго плѣнника. Герцогъ гедьдернскій, съ своими ланцинохтами, вторгнулся въ Нидерланды и напугалъ Маргариту, которая, какъ мы уже видѣли, посѣщала вступить въ соглашеніе. Услуга огромная. Это былъ долгъ чести (если она только существовала), который слѣдовало уплатить тѣмъ болѣе, что этотъ великій вербовщикъ съвера былъ въ сущности вождемъ всѣхъ военныхъ людей нижней Германіи, снабжавшихъ французовъ тяжелою пѣхотой. И этому старому Аннибаллу, союзнику Франціи, бывшему врагомъ Австрійскаго дома въ теченіе полстолѣтія, пришлось покориться судьбѣ — *сдѣлаться вассаломъ императора.*

Какимъ образомъ соединилось такое множество преступленій въ одномъ? Какимъ образомъ мать не понимала, что она губитъ своего сына; что, дѣлая его столь презрѣннымъ и гнуснымъ, она уединяетъ его на всегда; что Камбрэ обезсилитъ его еще болѣе, чѣмъ Павія?

И на этотъ разъ Карлъ V восторжествовалъ надъ женщиной, посредствомъ ужасовъ темницы. Внуки Луизы были больны въ своемъ заключеніи, въ особенности старшій, на здоровье котораго оно сильно подѣйствовало и который умеръ въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Даже Ланнуа говорилъ своему озабоченному королю, что «воздухъ Испаніи никуда не годится для дофина и что онъ сдѣлаетъ хорошо, если заключитъ трактатъ».

Жестокая ссылка слугъ этихъ дѣтей на галеры и продажа ихъ варварійцамъ безъ сомнѣнія внушили большой страхъ относительно того, чего слѣдовало ожидать. Королевская фамилія потеряла твердость.

Маргарита Австрійская, видя, что Луиза начинаетъ уступать, стала обманывать ее обѣщаніями; сказала ей, что миланское дѣло не должно ссорить добрыхъ родственниковъ; что его очень легко уладить домашнимъ образомъ; что Миланъ можно сдѣлать приданымъ австрійской принцессы, которая выйдетъ замужъ за маленькаго герцога Орлеанскаго или приданымъ жены короля, или, наконецъ, приданымъ его дочери, которая выйдетъ замужъ за инфанта (Филиппа II). Великолѣпный бракъ, котораго такъ желала Анна Бретанская!

Между тѣмъ, 23 іюля было получено извѣстіе, что папа предупредилъ французовъ, заключивъ прежде ихъ трактатъ съ императоромъ.

Мелкое ничтожное событіе сравнительно съ нашествіемъ двухъсотъ-тысячъ турокъ на Австрію! И однакоже это извѣстіе пришло кстати, чтобы оправдать низость Франциска I и внушить ему слова: «итальянцы намъ измѣнили».

Трактатъ былъ подписанъ 7-го августа. Но задолго еще до подписи, Маргарита послала его въ Антверпенъ и въ другіе города, для напечатанія и обнародованія всѣхъ тайныхъ и явныхъ условій его, съ дѣлюю — показать Италіи, Германіи, Англии и всему міру, что Франція измѣнила своимъ друзьямъ, подвергла опасности, эксплуатировала и предала ихъ.

При этомъ громовомъ ударѣ, король точно провалился сквозь землю. Онъ спрятался отъ итальянцевъ, избѣгая ихъ скорби, ихъ взглядовъ. Будучи подкарауленъ и пойманъ врасплохъ, онъ не зналъ, что имъ сказать: «Я хотѣлъ возвратить къ себѣ своихъ дѣтей»,—говорилъ онъ.

Впрочемъ, Францискъ увѣрялъ, что онъ все-таки остается достойнымъ самого себя, т. е. клятвопреступникомъ, какъ въ Мадридѣ; что и теперь это есть не что иное, какъ комедія, чтобы обмануть императора; что, по возвращеніи его сыновей, онъ пришлетъ итальянцамъ вспомогательное войско, а между тѣмъ дастъ имъ денегъ. Они не получили ни одного эку.

Погрызнувъ въ этой лужѣ, онъ надѣялся на одно: что съ двухъ сторонъ у него есть два принужденныхъ союзника — Солиманъ и Генрихъ VIII,—которые могутъ его презирать, но не могутъ не помогать ему. Генрихъ VIII развелся съ теткой императора, чтобы жениться на Аннѣ Болейнъ. Это приковывало его къ Франціи.

Солиманъ въ своемъ завоеваніи Венгріи и нашествіи на Германію руководился двумя побужденіями: первымъ было громадное движеніе турокъ, которое постоянно увлекало султановъ; вторымъ—венеціанская интрига, которая, посредствомъ Ибрагима и Алоизія Гритти, устремляла его къ сѣверу. Это была неизбѣжная, роковая союзница Франциска I, не смотря на его неблагодарность.

Венеціанскій дожъ, Андрей Гритти, восьмидесятилѣтній старикъ, принялъ этотъ страшный ударъ совершенно такъ же, какъ за много лѣтъ предъ тѣмъ онъ принялъ извѣстія о Форноне и Аньяделѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ, что Венеція, въ наказаніе за свой союзъ съ королями и императорами, попала въ *чистилице*, которое заставили ее вытерпѣть въ Камбрѣ.

Чистилице, но не адъ. Искупленіе свое онъ возлагалъ на турецкаго султана, который въ эту минуту, обладая Венгріей и готовясь вторгнуться въ Германію, думалъ принудить императора къ умирности. И въ самомъ дѣлѣ, разграбленная Венеція по крайней мѣрѣ имѣла счастье защитить своихъ союзниковъ, обезпечить прощенье для всѣхъ тѣхъ, которые ей служили.

Ничто не останавливало движенія Солимана. Онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ корону св. Стефана, этотъ могущественный талисманъ, которому венгерцы приписывали чародѣйственный даръ королевской власти. Многіе магнаты послѣдовали за нею и присоединились къ туркамъ, на зло Австріи. Солиманъ сдѣлалъ ихъ королемъ трансиль-

ванца Заполія. Ибрагимъ и Гритти возвели его на тронъ. Противникъ Австріи былъ коронованъ рукою Венеціи.

Цѣль была достигнута, годъ приходилъ къ концу. Была основана новая Венгерія, которая отнынѣ стояла противъ Австріи. Карлъ V, съ 5 августа успокоенный камбрѣйскимъ трактатомъ, могъ послать въ Вѣну отборное испанское войско. Имперія, — соединенная подъ его знаменемъ, его дипломатическою побѣдой и страхомъ, который внушали ей турки, — помѣстила цѣлую армию въ стѣнахъ австрійской столицы. Вѣна, какъ извѣстно, громадная по своимъ предметьямъ, сама по себѣ есть небольшой городъ, который тѣмъ легче защищать. Стѣны ея никуда не годились. Но вступившія туда войска имѣли время воздвигнуть новыя твердыни, которыя, въ случаѣ разрушенія прежнихъ, должны были остановить непріателя. Впрочемъ Солиманъ не имѣлъ осадной артиллеріи, да и невозможно было бы перетаскать тяжелыя орудія чрезъ огромную венгерскую равнину, лишонную дорогъ, взрытую и попорченную весенними дождями.

Вся страна была опустошена и не имѣла съѣстныхъ припасовъ. Иррегулярные турецкіе отряды довершили ея разореніе. Когда Солиманъ, 27 сентября, остановился у Вѣны, онъ встрѣтилъ тамъ препятствія, голодъ, холодъ и дождь, невыносимыя для азіатцевъ; противъ него поднялся ропотъ янычаровъ, бунтовавшихъ еще въ Будѣ. Которую Ибрагимъ хотѣлъ спасти отъ разграбленія. Султанъ попробовалъ сдѣлать мины, но ихъ тайна была выдана однимъ перебѣжчикомъ. Турки, бросившись на приступъ, очутились противъ новаго оружія, усовершенствованнаго въ Германіи, — длинной пищали, которой дѣйствія были ужасны. Отражонные нѣсколько разъ, они только палкой были побуждаемы къ новымъ нападеніямъ. Наконецъ они объявили, что готовы умереть лучше отъ сабли своихъ начальниковъ, нежели отъ нѣмецкой пищали. Пришлось уступить, и 14 октября лагерь былъ снятъ.

Это былъ крайній предѣлъ успѣховъ Солимана на сѣверѣ. Климатъ поставлялъ ему не меньше препятствій, какъ и нѣмецкая храбрость. Прибавьте къ этому дальность разстоянія, усталость вслѣдствіе перехода по венгерскимъ, на-половину опустошоннымъ, степямъ. Турки приходили къ мѣсту уже изнуренные труднымъ походомъ. Самъ Карлъ V смотритъ на осаду Вѣны такимъ образомъ: «Турки отступили скорѣе по необходимости, нежели потому, что боялись новыхъ подкрѣпленій, которыя могли придти для отраженія ихъ.» (Negoc. du Levant, I, 179.)

Неудача не была удивительна, но это была первая неудача. Визирю грозила опасность. Но онъ сумѣлъ превратить поражение въ побѣду; онъ клялся, что его государь хотѣлъ только найти Карла V, вовлечь его въ битву. Онъ устроилъ празднества, на которыя былъ торжественно приглашонъ венеціанскій дожъ. Послы венеціанскіе, венгерскіе, польскіе и русскіе окружали султана. Франція находилась въ отсутствіи: Францискъ I не осмѣливался ни прислать офціальнаго агента, ни принять турецкихъ пословъ.

Плоды камбрѣйскаго трактата начинали показываться.

Карль V, высадившійся 12 августа въ Генуѣ, ровно чрезъ мѣсяць послѣ трактата, видитъ всю Италію у ногъ своихъ. Всѣ просятъ пощады. Одна Флоренція пробуетъ еще сопротивляться. О верхъ милосердія! Онъ прощаетъ всѣмъ. Онъ ничего не беретъ для себя. Онъ оставляетъ Миланъ Сфорцѣ, даетъ Флоренцію Медичамъ. Начинается новая система мнимого покровительства, террора, огромныхъ военныхъ контрибуцій; разореніе, истощеніе, чахотка, смерть, запавшая въ такомъ большомъ количествѣ, что можетъ продолжаться цѣлыя столѣтія.

Карль V былъ теперь уже не тотъ какъ во времена, запальчиваго Гаттинары. Его совѣтникомъ сдѣлался скромный секретарь, осторожный Гранвелла, уроженецъ Франшь-Конте, человекъ Маргариты Австрійской, велерѣчивый редакторъ императорской дипломатіи въ продолженіе тридцати лѣтъ. Всякій кто, подобно мнѣ, волей-неволей долженъ читать эти нескончаемыя депеши, — страдаетъ отъ его болтливости. Но это многословіе, эта медленность и этотъ свинцовый умъ были его средствами къ управленію. Скрывая, подъ видомъ колебанія и нерѣшительности, большое самовластіе, онъ распространялся предъ своимъ государемъ въ безконечныхъ разсужденіяхъ и душилъ его аргументами за и противъ. Карль V, человекъ терпѣливый, но пылкій, нервный, болѣзненный, по окончаніи рѣчи воображалъ что выбираетъ, рѣшаетъ самъ, между тѣмъ какъ онъ принималъ то, что рѣшилъ Гранвелла.

По всей вѣроятности, этотъ-то низкій, сильный и хитрый умъ былъ истиннымъ творцомъ системы, которую пробовалъ въ описываемое время Карль V и которую можно выразить двумя словами: *дисциплинировать Европу*.

Почему же и не дисциплинировать? Папа—уничтоженъ, французскій король—уничтоженъ, вся власть олицетворена въ императорѣ.

Дисциплинировать Италію, сдѣлать ее покорнымъ, гибкимъ орудіемъ, организовать ее въ лигу, каждый членъ которой давалъ бы деньги и людей, доставлялъ бы способы держать самую Италію въ постоянныхъ тискахъ.

Дисциплинировать французскаго короля, сдѣлать его солдатомъ императора противъ турокъ и лютеранъ, употреблять его для уничтоженія тѣхъ, которые могутъ еще спасти его.

Дисциплинировать церковь посредствомъ собора, который Карль V будетъ держать отъ имени папы, поставляя себя судьей между папой и Лютеромъ, дѣлая себя папою, такъ же какъ императоромъ, соединяя въ своемъ лицѣ двѣ верховныя власти.

Если дойдетъ до этого, — что сдѣлаетъ Германія? Стѣсняемая въ самой совѣсти и въ свободѣ духа, какимъ образомъ спасетъ она свою слабую свободу политическую?

Гдѣ было препятствіе для выполненія этого плана? Подчинить ему Италію было слишкомъ легко. Трудность представляла Франція. Но могло ли быть серьезнымъ ея сопротивленіе при томъ одиночествѣ, въ которое поставилъ ее камбрѣйскій трактатъ? Императоръ (какъ

видно изъ его депешъ) дѣйствовалъ очень прямо, посредствомъ семейства и друзей короля, посредствомъ своей сестры, доброй королевы Елеоноры, которой хотѣлось соединить ихъ. Онъ хлопоталъ около Монморанси и Шабо. Онъ не просилъ, чтобы они предали своего государя; напротивъ, онъ желалъ, чтобы они устроили его счастье. Что значить миланское герцогство? Императоръ, отъ имени папы, предлагалъ Франциску английскую корону. Генриха VIII предполагалось осудить, ограбить за его разводъ. Оставалось только исполнить приговоръ, произвести конфискацію на самомъ дѣлѣ. Ввергнувъ Франциска I въ это опасное предпріятіе, сдѣлавъ его солдатомъ папы, императоръ смертельно поссорилъ бы его съ лютеранскою Германіей.

Францискъ I, искушаемый и убѣждаемый своими, колебался между двумя вліяніями. Его мать, жена, Монморанси сближали его съ Карломъ V. Маргарита, его сестра, которая пріѣхала утѣшать его въ смерти матери, увлекала его къ протестантамъ. Ей помогали братья Дю-Беле, въ особенности Жанъ, который, по ея ходатайству, былъ сдѣланъ епископомъ парижскимъ (1532).

Отсюда происходили поступки, повидимому, противорѣчившіе одинъ другому. Съ одной стороны, король посылаетъ Гильома Дю-Беле для поддержанія протестантской лиги, заключенной въ Шмалькальденѣ. Съ другой—онъ поручаетъ Ринкону ходатайствовать предъ Солманомъ и остановить движеніе его арміи.

Относительно этихъ вопросовъ общественное мнѣніе было рѣшительно несправедливо и превратно. Даже нѣмецкіе протестанты, которые поняли впоследствии, что турки устрояютъ ихъ дѣла (Negos. I, 646, г. 1547), раздѣляли тогда, въ 1532 г., народный ужасъ и проклинали своихъ защитниковъ. Короля, какъ друга султана, бранили въ одно и тоже время и папа и лютеране. Его упорный отказъ—дѣйствовать подъ начальствомъ Карла V противъ турокъ, участіе которое приписывали ему въ английскомъ дѣлѣ—навлекли на него, со стороны Рима, сильныя изпаденія, на которыя онъ отвѣчалъ угрозою, что и онъ, въ свою очередь, отдѣлится подобно Генриху VIII, отъ св. престола (23 апрѣля 1532.)

Его посолъ Ринконъ нашелъ султана уже въ походѣ, съ огромнымъ войскомъ, которое полагали въ 500 тысячъ человекъ. Это было похоже на экспедицію Ксеркса. Бѣдный испанецъ, пришедшій одинъ чрезъ столько опасностей, былъ принятъ такъ, какъ былъ бы принятъ король Франціи. Онъ прибылъ вечеромъ, въ самое время дивнаго ночнаго праздника, который ожидалъ его; вся эта масса солдатъ была выстроена въ ряды, стоявшіе въ безмолвіи, у всѣхъ въ рукахъ были факелы: что значать въ сравненіи съ этимъ зрѣлищемъ пресловутыя иллюминаціи Рима, или замка св. Ангела? Можетъ быть не бывало никогда ничего подобнаго на землѣ. Не было и событія болѣе великаго. Здѣсь въ первый разъ двѣ религіи, такъ долго враждовавшія между собою, открыто пріимствовали другъ друга.

Ибрагимъ сказалъ посланнику, что старинная дружба султана

къ французскому дому могла бы убѣдить Солимана сдѣлать все, что хочетъ его братъ, Францискъ I, но что теперь уже слишкомъ поздно; что если султанъ отступить назадъ, то подумаютъ, будто бы онъ боится испанцевъ; что онъ удивляется, какимъ образомъ король хлопочетъ объ этомъ для человѣка, котораго нельзя назвать христіаниномъ, — такъ какъ онъ разорилъ Римъ и ограбилъ Христова наѣстника, — и который каждый годъ опичиваетъ и грабитъ христіанъ, подъ предлогомъ войны съ турками.»

Солиманъ надѣялся, что будетъ дано сраженіе. Императоръ имѣлъ предъ Вѣной огромную массу пѣхоты, сто тысячъ нѣмцевъ, венгерцевъ, богемцевъ, славонцевъ, испанцевъ, итальянцевъ, бургундцевъ; онъ былъ слабъ только конницей. Солиманъ имѣлъ сто тысячъ всадниковъ, а въ числѣ его пѣхотныхъ войскъ было это непобѣдимое ядро — корпусъ янычаровъ. Оба государя лично присутствовали при своихъ войскахъ. Карлъ V, вооруженный съ головы до ногъ, пробуя лошадей, которыхъ ему приводили, говорилъ: «Ничто не помѣшаетъ мнѣ лично участвовать въ сраженіи». И еще: «Я убью эту собаку—турка». Эти слова были сказаны поиспански, и, въ устахъ такого серьезнаго и молчаливаго человѣка, не оставили никакого сомнѣнія въ томъ, что произойдетъ гомерическій поединокъ.

Между тѣмъ воспоминаніе о Могачѣ производило свое дѣйствіе. Если турки нейдутъ въ Вѣну, если эта страшная туча разсѣялась, не разразившись бурей, то къ чему сражаться? У болѣзненнаго императора открылась на ногѣ рана; онъ пересталъ показываться, отправился лечиться на воды. Большая императорская, европейская армія ограничилась тѣмъ, что прикрывала Германію, отдавая, какъ всегда, Венгрію на жертву. Въ этотъ разъ новыя провинціи (Штирія и проч.), опустошенныя и ограбленныя, дали туркамъ огромную дань изъ дѣвушекъ и мальчиковъ, посредствомъ которой возвращалась къ туркамъ вся ихъ армія. Вниманіе Европы отклонили исторіей, въ самомъ дѣлѣ очень героическаго свойства, о нѣкоемъ Юритци, который, защищаясь въ укрѣпленномъ замкѣ Гюнцѣ, остановилъ Солимана. Это была совершенно ложная исторія, потому что Юритци, который былъ равенъ и у котораго осталось только двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, вступилъ въ переговоры и сдался туркамъ.

Солиманъ уже въ третій разъ спасалъ протестантскую Германію. При слухѣ объ его приближеніи, Карлъ V, раскаяваясь въ своей нетерпимости, 23 іюля объявлялъ отложеннымъ всякое преслѣдованіе императорскаго суда противъ лютеранъ; общалъ, что никто уже не будетъ подвергаться безпокойству за свою религію, и что великій споръ будетъ подвергнутъ разсмотрѣнію свободнаго собора всей церкви. Эта нюрнбергская конвенція, утвержденная въ августѣ мѣсяцѣ въ Регенсбургѣ, дала ему возможность наполнить Австрію страшною арміей, которая способна была внушить страхъ Солиману.

Разсказывая вездѣ, что турки испугались его, Карлъ V въ то же время совѣтовалъ своему брату—заключить съ ними трактатъ во что бы то ни стало. Союзъ Франциска I и Генриха VIII *противъ Турка*,

(18 октября 1532) заставлялъ его не безъ основанія думать, что они будутъ стоять *за Сольмана*. Султанъ предложилъ самыя униженныя условія, которыя и были приняты. Венгрія была раздѣлена между Фердинандомъ и Заполіемъ. Фердинандъ, чтобы удержать за собою то, что осталось у него отъ этого государства, объявилъ себя сыномъ султана, братомъ Ибрагима, вассаломъ и данникомъ. Въ этой сдѣлкѣ все удивительно, а въ особенности—выборъ мѣста для конференцій. Трактатъ былъ заключенъ у Алоизія Гритти, къ которому вечеромъ пришелъ Ибрагимъ, приведя съ собою самаго султана. Великій соблазнъ для турокъ, приведенныхъ въ негодованіе тѣмъ, что его высочество такъ унижается и что венеціанцы такъ могутъ шествовать въ ихъ государствахъ! Многіе думали, что Ибрагимъ или Гритти, хотѣлъ сдѣлаться королемъ Венгріи.

На этихъ конференціяхъ Ибрагимъ далъ полную волю своей греческой живости. Это, по описаніямъ посланниковъ, былъ смуглый человекъ маленькаго роста, съ *острыми зубами*. Онъ больно кусалъ Карла V: «Онъ несчастливъ, — говорилъ Ибрагимъ. — Онъ постоянно начинаетъ, но никогда не оканчиваетъ. Онъ хочетъ созвать соборъ, и не можетъ. Онъ осаждаетъ Буду — и упускаетъ ее изъ рукъ.»

Все это было терпѣливо выслушано. Смирненное упорство Австріи, а также ея совершенная безразличность относительно выбора средствъ выказались здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Алоизій Гритти въ одномъ письмѣ своемъ къ императору высказываетъ свою увѣренность въ томъ, что Заполій и самъ онъ, Гритти, будутъ умерщвлены. Перваго австріяцамъ убить не удалось, но они убили Гритти. Ни малѣйшаго колебанія: эти люди должны быть убиты какъ бунтовщики (*gei laevae Majestatis*), или какъ друзья турокъ. Венгерскіе диссиденты и французскіе послы въ продолженіе десяти лѣтъ были окружаемы пѣнионами, задерживаемы: они погибали отъ яда или отъ кинжала. (*Neg. du Levant*. I, 181, 213, 237, 278, 279, 315; Hammer. франц. перев. VI. 154, 278.)

Ибрагимъ рано или поздно погвбнулъ бы отъ этой руки, если бы ее не предупредила рука его друга, его брата, Сольмана, который былъ обязанъ ему своею славой, который уже одиннадцать лѣтъ вѣлъ вмѣстѣ съ нимъ, и заставлялъ его спать у ногъ своихъ, — отъ руки человека, съ которымъ онъ востоянно жилъ, говорилъ и думалъ.

Ибрагимъ имѣлъ двухъ соперниковъ, двухъ враговъ, которые могли соединиться противъ него съ партией старыхъ турокъ. Одинъ изъ нихъ, казначей имперіи, устроилъ сераль, пшколу молодыхъ невольниковъ, помѣщаемыхъ туда съ большимъ выборомъ и одаренныхъ всѣми качествами, чтобы сдѣлаться наперсниками, дѣтьми по сердцу, — какъ они выражаются, — и сановниками султана. Противъ Ибрагима онъ приготовлялъ и воспитывалъ сотню новыхъ Ибрагимовъ, которые должны были обладать юностью, отвагой молодыхъ лѣтъ и образованіемъ. Будутъ ли они умны? Это былъ еще вопросъ. Ибрагимъ предупредилъ это дѣло; онъ погубилъ казначея и самъ подарилъ опасныхъ невольниковъ Сольману.

Другимъ вратомъ была необыкновенно хитрая женщина, Ромола-на, т. е. русская. Прозвище ея было — *веселая, хохотунья*. Среди скуки гарема, гдѣ все превращается въ безчувственный камень, она съумѣла постоянно смѣяться. Она смѣялась — и погубила Ибрагима. Она смѣялась — и велѣла задушить сына Солимана. Ничто не могло ей противустоять. Она убила своихъ враговъ, управляла султаномъ, имперіей, и ворочала дѣлами Азіи и Европы. Только неудачно. Она могла сдѣлать все—только была не въ состояніи замѣнить Ибрагима.

Погибель грека была рѣшена съ того дня, когда онъ, возвращаясь побѣдителемъ съ битвы при Могачѣ, привезъ изъ Буды знаменитую бібліотеку Матвея Корвина и три бронзовыя статуи — Геркулеса, Амоллона и Дианы, которыя онъ смѣло поставилъ на площадкѣ противъ своего дворца. Тяжкое оскорбленіе Корана! Впрочемъ, говорить, онъ вообще мало стѣснялся, и имѣлъ неосторожность при-зваться въ своемъ презрѣніи къ священной книгѣ.

Солиманъ, человѣколюбивый относительно турокъ, наследовалъ, однако, отъ своего отца отвращеніе къ еретикамъ—персіанамъ, кото-рое онъ выказалъ, убивши всѣхъ персіанъ, которыхъ могъ схватить. Напротивъ того Ибрагимъ, милостивый и къ персіанамъ и къ хри-стіанамъ, старался спасти Буду и спасъ Багдадъ отъ жестокаго кровопролитія. Дѣло превосходное и трудное въ его положеніи. Спа-сенеіе этого огромнаго города составляло рѣдкій контрастъ съ побав-щеніемъ, которому императоръ не могъ помѣшати, въ Тунисѣ, гдѣ бы-ло убито тридцать тысячъ человѣкъ.

Турецкій фанатизмъ отклонился отъ Европы и отъ великихъ инте-ресовъ міра для этой персидской войны,—дѣла, сравнительно съ ними, столь неважнаго, въ которомъ, притомъ, завоеванія, сдѣланныя Ибра-гимомъ, были, немного времени спустя, потеряны Солиманомъ.

Тамъ былъ нанесенъ Ибрагиму рѣшительный ударъ. Его обвинили предъ государемъ особенно въ одномъ, очень ничтожномъ проступ-кѣ. Въ Персіи, гдѣ малѣйшій бей принимаетъ имя *султана*, Ибра-гимъ послѣдовалъ этому обычаю въ своихъ прокламаціяхъ. Солиману сказали, что его визирь явно дѣлается узурпаторомъ и что отъ него всего можно опасаться.

Въ январѣ 1536 г. Ибрагимъ, уже близкій къ своей кончинѣ, до-вершилъ дѣло своей жизни — союзный трактатъ между оттоманскою Портою и Франціей, — трактатъ *коммерческій*, подъ которымъ скры-вался *политическій* союзъ. Впрочемъ, Францискъ I и не скрывалъ политическаго характера этой лиги. Онъ сказалъ венеціанцамъ: «Я не могу этого утайть. Я желаю, чтобы турки были сильны на морѣ; они озабочиваютъ императора и ограждаютъ безопасность всѣхъ государей».

6 марта 1536 г. Ибрагимъ вошелъ вечеромъ, по обыкновенію, въ сераль, чтобы пообѣдать тамъ съ своимъ государемъ и отдохнуть. Онъ нашолъ тамъ смерть. На другой день его увидѣли раздавленнымъ. Положеніе трупа показывало, что визирь защищался какъ левъ. На стѣнахъ комнаты султана видны были слѣды окровавленныхъ рукъ, которыя отпечатались на нихъ во время борьбы. Ужасное обвиненіе

въ такомъ варварскомъ вѣроломствѣ! Онѣ видны были еще сто лѣтъ послѣ убійства, внушая отвращеніе зрителямъ.

«Изъ двухъ сотъ вѣзирей, управлявшихъ оттоманской имперіей не было ни прежде ни послѣ ни одного, подобнаго Ибрагиму». Онъ остается великимъ не столько тѣмъ, что сдѣлалъ Буду и Багдадъ границами имперіи, сколько тѣмъ, что соединилъ Турцію съ Франціей, три раза спасъ Европу и положилъ начало примиренію двухъ враждебныхъ религій.

Въ разсказѣ объ этой продолжительной и тайной негодіи, сотканной изъ обмановъ Франціи и убійствъ Австріи, этотъ несчастный греческій невольникъ, великодушный и милосердый, поддерживалъ нашу бодрость; и такъ какъ онъ не имѣетъ памятника въ Галатѣ, гдѣ было брошено его тѣло, то мы написали эту главу, которая послужитъ ему вмѣсто монумента и освятитъ его имя въ признательности потомства.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Французская реформа.—1531—1536.

Позорная, кровавая исторія турецкаго серала и живой французской дипломатіи должна была въ нашемъ разсказѣ идти особо, такъ же какъ и ужасная исторія наемныхъ армій, которыя были наказаніемъ папскаго Рима. Мы не имѣли духа смѣшивать эти предметы, — какъ это часто дѣлается, — съ святыми зачатками нашего религіознаго обновленія. Благоговѣя передъ реформою, мы изолировали ее, поставили отдѣльно.

Всякій разъ, когда, въ теченіе моихъ работъ, я возвращаюсь къ этой великой народной исторіи первыхъ проблесковъ свободы, я захожу въ ней свѣжесть авроры и весны, живительный сокъ и всѣ запахи альпійскихъ травъ, — *sento l'aura mia antica!*..

Это не есть пустое сближеніе. Пейзажъ Альповъ, который всегда внушаетъ намъ такое живое чувство свободы духа, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ объ ихъ великой революціи, есть истинное изображеніе этой свободы, — это она сама, олицетворенная въ видимомъ образѣ. Эти горы суть колоссальная исторія ея.

Я созерцалъ ихъ, когда, юный, несвѣдущій, я въ первый разъ шолъ по этимъ священнымъ дорогамъ; когда послѣ долгой ночи, проведенной въ глубокихъ долинахъ, промоченный холоднымъ туманомъ, я увидалъ, за два часа до разсвѣта, уже розовые Альпы, разошедшіяся на утренней лазурѣ.

Я не зналъ исторіи этихъ странъ, ни исторіи швейцарской свободы, ни исторіи святыхъ и мучениковъ, которые проходили по этимъ дорогамъ, ни гѣвада ватландцевъ — этого несравненнаго цвѣтка, который скрывается у истоковъ р. По.

Тѣмъ не менѣе я и тогда чувствовалъ то, что въ слѣдствіи лучше

узналъ и находилъ все болѣе и болѣе истиннымъ : это есть общій алтарь Европы.

Какова природа, таковъ и человекъ. Здѣсь не существуетъ вѣж-ной поэзіи, здѣсь нѣтъ никакого мистицизма. Здѣсь живетъ суровая сила и святость разума.

Эти дѣвы свѣта,—показывающія намъ день, когда самое небо еще темно въ своей стальной лазурѣ,—не только радуютъ глаза, утомленные безсонницей но и оживляютъ сердце, говорятъ ему о надеждѣ, о вѣрѣ въ правосудіе, закаляютъ его мужественной силой и твердою рѣшимостью.

Ихъ ледники, благодѣтельные въ своей грозной суровости, дающіе Европѣ воду и плодородіе, снабжаютъ ее въ то же время свѣтомъ и нравственною силой.

Не на небо смотритъ при своемъ пробужденіи бѣдный савойскій земледѣлецъ, лихорадочный генуэзскій морякъ или лионскій работникъ въ своихъ мрачныхъ улицахъ. Со всѣхъ сторонъ у нихъ возвышаются Альпы, на которыя они смотрятъ прежде всего,—эти утѣшительныя горы, которыя, задолго до наступленія дня, освобождаютъ ихъ отъ дурныхъ сновъ и говорятъ узнику : «Ты сейчасъ увидишь солнце».

Слово *ватландецъ* (*vandois*), въ средніе вѣка, равносильно слову—свободный христіанинъ.

То, что для Европы было усиленіемъ, намѣренною и разсудочною критикой,—тамъ происходило само собою, было естественнымъ и первоначальнымъ плодомъ почвы. Не должно,—какъ дѣлаютъ слишкомъ часто протестантскіе историки,—отнимать у этого единственнаго племени ватландцевъ его оригинальность и дѣтскую грацію. Прочь, критика! Прочь героизмъ! Не будемъ кальвинизировать эту исторію. Отстранимъ и догматы, которые они приняли въ шестнадцатомъ вѣкѣ, и ихъ тридцать три протестантскія войны. Эта эпопея альпійскаго Израиля запечатлѣна духомъ, чуждымъ для первобытныхъ ватландцевъ.

Въ этихъ суровыхъ горахъ природа такъ величественна, она царитъ съ такой высоты, что уничтожаетъ все, за исключеніемъ разума и истины.

Всякій храмъ малъ предъ этимъ дивнымъ храмомъ, созданнымъ Божіей рукою. Всякая поэзія, всякій романъ подвергается тамъ жестокому испытанію. Путешественникъ, который пробѣгаетъ горы наскоро, увидитъ тамъ, сквозь свою артистическую призму, тысячу живыхъ призраковъ. Но человекъ, остающійся тамъ во всякое время года, раздѣляетъ суровость страны; — онъ разсудителенъ, правдивъ и важенъ.

Если христіанство всецѣло заключается въ кроткомъ и чистомъ чувствѣ, въ серьезномъ братствѣ, въ великой любви къ ближнему,—то этотъ маленькій народъ былъ истинно-удивительною христіанскою ималліей. Но ни одинъ народъ не имѣлъ такъ мало догматовъ. Христіанская легенда, принятая ими съ покорностью, повѣдному, не

заняла большого мѣста въ этихъ душахъ, упрямкохъ и на столько преданіемъ, сколько неизмѣнною природою.

Въ этой гармонической, тихой, едва замѣтной борьбѣ мы видимъ двѣ вещи. христіанизмъ, — въ которомъ очень мало теологическаго, христіанизмъ невѣжественный, — если угодно, — невинный какъ природа; а подъ нимъ — элементъ, которымъ едва смѣетъ показываться, — кроткіи гени страны, фем (или фантмы), которыя вылаютъ въ безчисленныхъ цѣтахъ или плаваютъ въ утреннемъ туманѣ. Это — древніе языческіе духи, которые не совсѣмъ увѣрены, что ихъ присутствие оудеть терпимо; они могутъ исчезнуть во всякое время и сказать: «извините! но мы не существуемъ».

Однѣ изъ существенныхъ догматовъ религія христіанства, догматъ о спасеніи единственно посредствомъ вѣры во Христа, принятый ватландцами въ шестнадцатомъ вѣкѣ, повидимому, заключаетъ въ себѣ мало ватландскаго. Эти простые труженники, напротивъ, поставили спасеніе въ дѣлахъ и въ работѣ.

Ирѣчице: «работать — значитъ молиться» произошло отъ нихъ.

Они удержали свои души въ среднемъ и среднемъ положеніи, подобномъ тому, какое занимаютъ очаровательныя посредствующія горы, что они обрабатываютъ между огромной пьемонтскою равниною и величественными гигантами, которые на западѣ наблюдаютъ за ними, держа ихъ подъ своимъ холоднымъ взглядомъ.

Здѣсь нѣтъ мѣста мечтамъ. Какъ только снѣга убавляются на вершинахъ, то должно этимъ пользоваться и работать надъ виноградниками. Зима придетъ рано. И если, съ одной стороны, католическая равнина можетъ помѣшать ихъ работамъ, то съ другой — ихъ сосѣди — снѣжные гиганты тоже имѣютъ свои капризы и, по временамъ, задолго до обычнаго времени, вѣютъ на нихъ безжалостнымъ холодомъ. Истиннымъ символомъ тамошнихъ жителей служить альпійское растеніе, которое такъ удачно они назвали *маленькою яблоней* (geïdouisse): оно какъ будто смотритъ на ледяники, но слишкомъ расчитываетъ на лѣто, держитъ себя осторожно, робко, въ постоянной готовности закрыться.

Единственная и странная добродѣтель невинности! Среди этихъ опасеній, въ ихъ жизни такъ же, какъ въ ихъ старыхъ пѣсняхъ, была какая-то особенная ясность, которую мы находимъ и въ стихахъ ихъ новѣйшихъ потомковъ. Маленькая ватландская церковь является тамъ въ видѣ голубицы, которая умѣетъ находить зерно въ скалѣ: «Счастливая, счастливая голубка!» и проч.

Счастливая, нечего сказать! Она имѣетъ пропасть причинъ — быть довольною! Чего же ей недостаетъ? Въ 1200 г. ее ирелсѣдуютъ, предають сожженію. Въ 1400 на нее дѣлають нападеніе въ ея горахъ; она бѣжитъ въ глубину снѣговъ во время зимней стужи и восемьдесятъ дѣтей замерзають тамъ въ своей колыбели. Въ 1488 — новые человѣческія жертвы. Не знаю сколько семействъ (въ томъ числѣ четыреста дѣтей) задохнулись въ одной пещерѣ. Шестнадцатый вѣкъ — не что иное, какъ бойня. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Во всемъ этомъ — ни малѣйшаго сопротивленія; безграничное ува-

женіе къ своимъ господамъ, къ своему властителю и палачу, герцогу савойскому.

Ужасное воспитаніе посредствомъ мученичества дѣлало для нихъ естественною эту необыкновенно чистую жизнь, проводимую въ удивительномъ братствѣ. Изъ равенства бѣдствій, опасности, возникало равенство духа. У всѣхъ—одинъ и тотъ же Богъ. Всѣ они—исполнители и проповѣдники своего простаго символа вѣры. Они взаимно обучали другъ друга,—даже женщины, дѣвушки и дѣти.

У нихъ не было священниковъ. Уже впоследствии, когда гоненіе сдѣлалось еще болѣе жестокимъ, изъ среды ихъ отдѣлились нѣсколько человекъ, особо предназначенныхъ для смерти. Ихъ называли *бородами*, т. е. *дядюшками*,—ласкательнымъ домашнимъ именемъ. Такъ какъ мученичество было неизбежно, то они не присоединяли къ нему никого и не женились.

Нѣкоторые эмигрировали и уходили въ Ломбардію, во Францію и въ Рейнъ, съ котомкой за плечами, въ которую сверху клали какой нибудь товаръ разнощика, а внизу товаръ Вожій.

Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ они дѣйствовали прямо, посредствомъ проповѣди; а потомъ имѣли очень косвенное влияние, какъ примѣръ, какъ первообразъ христіанства, наиболѣе чистаго и наименѣе удавленнаго отъ разума.

Сдѣлавное въ воздѣйшее время вѣроломное усиліе—дать колдунамъ названіе *ватландцевъ* не обмануло никого. Когда въ XV вѣкѣ аррасскій инквизиторъ сказалъ: «Третъ міра состоитъ изъ *ватландцевъ*», то всѣ поняли, что подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть: третъ міра состоитъ изъ разумныхъ и свободныхъ христіанъ.

Совершенно другіе были источники швейцарскаго протестантизма, этой политической и нравственной реформы, возникшей изъ реакціи противъ неистовства наемныхъ войскъ, вышедшей изъ честныхъ сердецъ и изъ сердца героя Цвингли.

Другіе были источники реформы нѣмецкой, которая, при великодушномъ здравомысліи Лутера, тѣмъ не менѣе сохранила въ себѣ сильную наклонность къ мистицизму.

Реформа французская, какъ мы уже видѣли, имѣла своимъ главнымъ источникомъ важныя и жестокія обстоятельства 1521 г., когда наше сѣверное населеніе, оставленное королемъ безъ защиты, подняло руки и глаза къ небу. Наши работники шерстяныхъ издѣлій, ткачи и чесальщики города Мо, стали проповѣдывать, читать, пѣть на рынкахъ, для своихъ братьевъ, еще болѣе несчастныхъ, для гонимыхъ крестьянъ, которыхъ страшныя опустошенія императорской арміи заставили бѣжать до самаго Бри, подобно жалкому стаду, безъ пастуха и собаки.

Въ этой великой скорби и послѣ своихъ униженій въ городской ратушѣ, самъ король искалъ помощи въ Богѣ. Сестра заставила читать своему брату и его матери Ветхій и Новый Заветъ. Чтецомъ былъ Мишель д'Арандъ, придворный священникъ Маргариты, другъ и ученикъ Брисоне, мистическаго москаго епископа,

Маленькая община, укрывшаяся въ Мо, вокругъ почтеннаго Лефевра и подъ покровительствомъ епископа Брисоне, соединяла въ себѣ людей очень различныхъ вѣрованій. Брисоне, Лефевръ и ихъ ученики Русель и Арандъ, придворные священники Маргариты, были просто мистики, души набожныя и нѣжныя, которыя желали только кроткой реформы, производимой единственно посредствомъ любви и медленныхъ способовъ, заключающихся въ воспитаніи дѣтей. Другіе были гуманисты, критики, ученые, какъ напр. гебраистъ Ватабль, первый корень французской коллегіи, и швейцарецъ Глареанусъ, рационалистическій историкъ, который прежде Вико и Нибура свободно разсуждалъ о первобытныхъ временахъ Рима.

Между ними былъ, собственно говоря, только одинъ протестантъ, храбрый рыженькій человѣчекъ, обладавшій несравненнымъ жаромъ, Фарель, проповѣдникъ французской Швейцаріи, предтеча Кальвина. Городскіе работники были опять нѣчто совсѣмъ другое, судя по самому знаменитому изъ нихъ, чесальщику шерсти Леклерку, человѣку рѣшительному и дѣятельному, этому Полевкту, рожденному для того, чтобы бѣжать на мученія, искать вѣнца и смерти.

Маргарита, король и его мать благопріятствовали мистикамъ и были снисходительны къ протестантамъ, которые еще мало отличались отъ нихъ. Глупая жестокость сорбонистовъ возмущала короля. Они осудили заодно съ Лютеромъ и стараго Лефевра, за чудовищную ересь: онъ сказалъ, что въ Квангеліи подъ именемъ Магдалины встрѣчаются три различныя лица. Король неоднократно приказывалъ срывать объявленія Сорбоны и защищалъ своимъ покровительствомъ одного достойнаго дворянина-Веркёна, который переводилъ и распространялъ сочиненія Лютера. Парламентъ сжогъ эти книги, не осмѣливаясь еще сжечь автора.

Одно великое народное событіе измѣнило порядокъ вещей.

Съ 1519 до 1522 г. андерландскіе августинцы выдерживали, въ особенности въ Антверпенѣ, жестокую борьбу за древнія доктрины ихъ ордена, возобновленныя и прославленныя Лютеромъ. Ихъ настоятели, потребованные въ Брюссель, были принуждены отречься отъ своихъ вѣрованій; но монахи упорствовали. Въ октябрѣ 1522 года правительница, Маргарита Австрійская (безъ сомнѣнія по приказанію, полученному изъ Испаніи) поддержала духовенство и закрыла антверпенскій монастырь. Монахи были заключены въ тюрьму и приговорены къ смерти. Нѣкоторые изъ нихъ убѣжали; набожныя и добрыя фламандки, неустрашимыя въ своей любви къ ближнему, оспаривали ихъ у палачей и спасли одного изъ нихъ, Генриха Цутвена. Другихъ трехъ онѣ спрятали. Между тѣмъ было произведено гоненіе даже на самые камни. Монастырь былъ разрушенъ. Въ сосуды были проданы, какъ оскверненные и профанированныя. Святые дары были вынуты изъ нихъ и съ великою торжественностію приняты въ церкви Богоматери, цѣлительницею Нидерландовъ.

Не задолго предъ тѣмъ англійское духовенство подвергло смерти, какъ ученика древняго Улклафа, одного работника Томаса Мэна, который, будучи запертъ въ 1811 году, бѣжалъ, наконецъ, изъ своей

торьмы въ житницы Лондона или въ лѣса Виндзора. Въ Коventри четыре башмашника, одинъ перчаточникъ, одинъ вазальщикъ и одна вдова, мистриссъ Смитъ, были сожжены живые *за то, что научили своихъ дѣтей молитвъ Отче нашъ и символу вѣры на англійскомъ языкѣ.*

Эти ужасныя событія послужили поощреніемъ для Сорбона. Она дошла до того, что запретила не только переводы Евангелія, но даже французскія молитвы къ Пресв. Дѣвѣ и латинское евангеліе Роберта Тьена.

Въ превосходномъ трудѣ одного безпристрастнаго протестанта, профессора Шмита изъ Стразбурга, мы находимъ, излагаемая день за днемъ и въ очень большой подробности, событія, доказывающія, что въ періодъ времени отъ 1521 до 1535 года Францискъ I имѣлъ нужду въ самомъ энергическомъ употребленіи силы и множества самопроизвольныхъ и крутыхъ мѣръ, чтобы защитить протестантовъ *противъ законной власти*, противъ духовенства, парламента и *противъ народа*; этимъ названіемъ обозначали въ особенности чернь маленкихъ клерковъ, возставшихъ въ лицѣ Сенъ-Жакъ на распоряженія большихъ лицъ, раздававшихъ имъ бенефиціи. Прибавьте къ этому купцовъ, кліентовъ духовенства суевѣрныхъ старухъ, и проч., и проч.

Ни Францискъ I, ни его сестра не были протестантами. Она была вѣжное существо, вдавшееся въ мистицизмъ, а онъ былъ артистъ, оказывавшій идольское поклоненіе, въ особенности живымъ кумирамъ. Правда, они читали Библию. Но никогда не бывало человѣка, который бы менѣе Франциска I обладалъ библейскимъ настроеніемъ души.

Страшное бруссельское дѣло (въ концѣ 1522 года) привело ихъ въ затрудненіе. Карлъ V первый оказалъ духовенству помощь свѣтской власти. Что сдѣлаетъ король? Это былъ важный вопросъ для союза папы и для итальянскихъ дѣлъ, не менѣе важный внутри, гдѣ нужда въ деньгахъ заставляла его безпрестанно просить десятины у духовенства. Дворянство въ эту минуту объявляло себя за Бурбона, парламенты благопріятствовали ему: неужели король оттолкнетъ и духовенство къ Бурбону и къ Карлу V?

Съ этого времени дворъ раздѣляется. Между тѣмъ какъ Маргарита въ Парижѣ, въ Лионѣ слушаетъ проповѣди мистиковъ, между тѣмъ какъ король заставляеть играть предъ собою комедіи, гдѣ папа и Лютеръ дерутся между собою, — королева-мать совѣтуется съ Сорбона *«на счетъ средствъ искоренить лютеранизмъ»*. Сорбонскіе докторы довольно рѣзко отвѣчаютъ ей, что король не приводитъ въ исполненіе приговоровъ парламента, что онъ долженъ наказать виновныхъ, заставить ихъ отречься отъ своей вѣры *«какого бы званія они не были»*. Это былъ намекъ на сестру короля.

Но вотъ король взятъ въ Навинъ, сестра его уѣзжаетъ. Плотина прорвалась. Сорбона и парламентъ эманципированы. Королева-мать, желая вновь склонить папу на свою сторону, спрашиваетъ его, ка-

кое существуетъ наилучшее средство противъ лютеранства. Тотъ отвѣчаетъ: «Инквизиція».

Для избѣжанія инквизиціи римской, создаютъ инквизицію галланскую, но не менѣе жестокою, составленную изъ двухъ сорбонистовъ и двухъ парламентцевъ. Она схватываетъ Жака Павана, который сначала отрекся-было отъ своего вѣрованія, а потомъ отрекся отъ отреченія. Онъ былъ сожженъ вмѣстѣ съ однимъ отпелъникомъ Ливрійскаго лѣса (выше, стр. 216, я отнесъ этотъ фактъ къ болѣе раннему времени, — за два года до того, — слѣдуя свидѣтельству *Парижскаго Мъщанина* (Bourgeois de Paris), который, очевидно, ошибается).

Въ Мецѣ, въ Нанси происходили страшныя сцены. Сосѣдняя революція нѣмецкихъ крестьянъ, изъ которыхъ одна толпа вошла въ Лотарингію, тѣсно связала другъ съ другомъ власти свѣтскія и духовныя. Жанъ Шастеленъ, французскій монахъ, пламенный палачъ изъ Дорника, былъ сожженъ 12 января 1525 года. Это — первый мученикъ французскаго протестантизма. Его смерть произвела другаго мученика, чесальщика шерсти Деклерка, убѣждавшаго въ Лотарингію. Еще въ Мо онъ былъ жестоко наказанъ и заключенъ. Его мать, не менѣе безстрашная, сама увѣщевала его быть мужественнымъ. Въ ту минуту, когда раскаленное желѣзо было поднесено къ тѣлу ея сына, она сперва испугалась, но потомъ оправилась и вскричала: «да живетъ Богъ и знакъ Божій!»

Въ бѣгствѣ своемъ, Деклеркъ унесъ съ собою воспоминаніе о крикѣ его матери и жажду мученичества. Онъ воспользовался наиболее народнымъ случаемъ. Въ Мецѣ существовалъ одинъ большой праздникъ, во время котораго весь городъ стекался къ прославленной капеллѣ Богоматери. Какъ-разъ наканунѣ праздника, фанатикъ Деклеркъ разломалъ чтимую народомъ икону Божіей Матери въ куски. На другой день весь народъ стекается, видитъ, волнуется, приходитъ въ бѣшенство. Деклеркъ схваченъ и не отрицается ни отъ чего.

Надъ нимъ были истощены всѣ пытки, — желѣзо и огонь, — ему отрѣзали сперва кисть руки, потомъ вырвали носъ, потомъ, горячими щипцами, изуродовали ему обѣ руки и сожгли сосцы. Во все это время онъ громко выкрикивалъ сильныя насмѣшливыя слова и привелъ въ ужасъ своихъ палачей, которые сожгли его медленнымъ огнемъ (юля 1525 г.).

Парижскій парламентъ почувствовалъ зависть къ Мецу; онъ ускорила дѣло Беркена, не смотря на письмо короля. Беркенъ былъ бы сожженъ, еслибы король, освободившійся наконецъ изъ плѣна, не успѣлъ написать въ Вайонъ, — гдѣ онъ остановился на короткое время, — рѣшительнаго повелѣнія объ отсрочкѣ приговора.

Маргарита слѣзала для преслѣдуемыхъ все, что можетъ слѣзать для своихъ родныхъ любящая мать или сестра. Тѣ изъ нихъ, которые были принуждены бѣжать въ Стразбургъ, нашли тамъ ея помощь и рекомендаціи. Она дѣйствовала такимъ образомъ изъ глубины Испаніи, какъ будто не находилась въ отсутствіи.

Возвращение короля было общим торжеством для приверженцев протестантизма, для людей Возрождения. Знаменитый врач королев-матери Агриппа, который ее оставил, рвнулся теперь возвратиться во Францію. Добрый старик Лесбювр, находившійся въ бѣгствѣ, былъ съ почестию призванъ назадъ королею, который взялъ ему младшаго и наиболѣе любимаго имъ сына, Бенжамена.

Протестанты недавно повергли къ ногамъ Франциска I краснорѣчивую и благородную книгу, которую посвящала ему Цвингли, подъ названіемъ: «Истинная и ложная религія».

Здѣсь или нигдѣ реформа была могущественна; въ ней было мало теологическаго элемента это было всецѣло нравственная революція, способная охватить всю землю.

Вотъ Цвингли, неустрашимый крестьянинъ, священникъ при арміи, впрочемъ человѣкъ очень ученый и хорошій музыкантъ, участвовавшій въ итальянскихъ войнахъ и его превосходное сердце возмущалось при видѣ деморализаціи, которую они примосила съ собою. Онъ получилъ отвращеніе къ ворованной торговлѣ людьми. Назначенный приходскимъ священникомъ въ Эйзидельнъ, знаменитое богомолье въ Швейцарскомъ кантонѣ, онъ имѣлъ удивительный успѣхъ: онъ убедилъ этотъ кантонъ отказаться отъ продажи солдатъ. Всѣхъ богомольцевъ, которые примосили туда свои деньги, онъ отсылалъ обратно, не принимая отъ нихъ ничего, морализировалъ ихъ, и обратилъ къ своему учению. Влательный учитель, превосходнѣйшій патриотъ, натура сильная и простая,—онъ показалъ типъ — истинный гений Швейцаріи въ ея гордой независимости отъ Италіи и Германіи.

При всей своей терпимости, онъ побуждалъ Швейцарію къ войнѣ противъ католиковъ,—когда они призывали иностранцевъ къ себѣ на помощь. Въ одно утро, когда горцы ушли къ Цюриху, онъ защитилъ отечество безъ надежды спасти его. Раненый, онъ не захотѣлъ пощады. Тѣло его было изрублено въ куски. Другъ его Мимонусъ, чтобы спасти его сердце отъ поруганій, бросилъ его въ Рейнъ. Рѣка древнихъ героевъ съдалась чрезъ это еще болѣе героическою.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Продолженіе реформы во Франціи и въ Англіи.—1526—1535.

Въ ту самую минуту, когда король дѣлалъ своей сестрѣ важную уступку, ввѣряя своего юнаго сына доктору, который такъ недавно былъ осужденъ и преслѣдуемъ, на него уже дѣйствовало другое, совсѣмъ противоположное, вліяніе. Его мать была постоянно больна, Дюпра потерялъ прежній вѣсъ,—и поэтому почти всѣ дѣла проходили чрезъ руки единственнаго трудолюбиваго человѣка при дворѣ, Монморанси, который наследовалъ Бониве въ королевской милости и которому, безъ сомнѣнія, помогала противъ Маргариты новая фаворитка, бывшая тогда въ первомъ цвѣтѣ своей красоты и своего вліянія.

Восторгъ, внушонный испанцамъ сестринскою преданностью Маргариты, раздѣляли всѣ, въ особенности же король Англіи. Инструкціи

его къ своимъ посланъ (мартъ 1526) заставляютъ много думать. Въ этихъ инструкціяхъ говорится: «Они передадутъ герцогинѣ привѣтствія и поздравленія короля относительно трудовъ и безпокойствъ, которыя она благополучно перенесла, и быстроты, съ которою она совершила освобожденіе своего брата. Они войдутъ въ нею въ сношенія, въ полное согласіе, открывшись ей во всемъ, въ чемъ будетъ слѣдовать, смотря по обстоятельствамъ».

Что значать эти неясныя слова? Не о протестантизмѣ ли здѣсь идетъ дѣло? Нѣтъ. Генрихъ VIII былъ далекъ отъ этого предмета, и притомъ его инструкціи написаны кардиналомъ. Дѣло идетъ о бракѣ.

Генрихъ VIII de facto уже развелся съ королевой, которая была неизлечимо больна одною женскою болѣзною. Онъ жилъ особо. Онъ сохранялъ къ ней большое уваженіе и почтительность. Но всѣ видѣли, что сильный человѣкъ его лѣтъ не можетъ долго жить такимъ образомъ; что, будучи религіознымъ и нравственнымъ, Генрихъ не будетъ имѣть любовницы. И такъ слѣдовало ожидать развода и брака.

Это былъ прекрасный случай для Франциска I. Сдѣлать женою англійскаго короля, столь покорнаго супружескому чувству, сестру, которая такъ совершенно была предана брату и которой грація и превосходство поработили бы Генриха VIII, — значило бы, такъ сказать, сдѣлаться самому королемъ Англій.

Но изъ англійскихъ депешъ мы съ удивленіемъ видимъ, что король какъ будто хочетъ помѣшкать послу Генриха разговаривать съ Маргаритой. Онъ прерываетъ его, удаляетъ отъ своей сестры, боится оставить ихъ вмѣстѣ (апрѣля 1526).

Надобно думать, что клерикальная партія и приверженцы Испаніи, группировавшіеся теперь вокругъ Монморанси, крайне боялись вліянія, которое подобная королева Англій, благопріятствующая новымъ идеямъ, могла бы имѣть на оба государства.

Монморанси владѣлъ королемъ посредствомъ самой дорогой для него мечты, посредствомъ видовъ его на Италію, съ которою въ эту минуту онъ заключалъ лигу. Какимъ образомъ поладить съ напой, главою этой итальянской лиги, если принять рѣшительно сторону протестантовъ, если выдать замужъ въ Англій ту, которая покровительствовала имъ во Франціи, ту, которая только-что исходатайствовала ихъ торжественное возвращеніе, на зло ихъ униженнымъ врагамъ?

Съ своей стороны Уольсей, который былъ кардиналомъ, предидѣлъ разводѣ и желалъ его, но никакъ не въ пользу принцессы, столь страшной для духовенства.

Письма Маргариты къ графу фонъ Гогенлоге, пламенному страбургскому мистіку, опредѣляютъ съ точностью время ея надежды и дня паденія. Въ мартѣ она пишетъ ему: «Вы можете пріѣхать въ апрѣлѣ. Король пошлетъ за вами». А въ іюлѣ: «я не въ состояніи высказать вамъ вполнѣ мою горестъ... Король не охотно бы васъ увидѣлъ. Причиною, по которой не соглашаются на это, служатъ

освобожденіе дѣтей короля». Везъ сомнѣнія Монморанси, партія католическая и испанская, внушали Франциску и его матери, что самымъ вѣрнымъ средствомъ къ возвращенію дѣтей изъ плѣна будетъ—поладить съ Испаніей, или, —если это не удастся, — дѣйствовать совокупно съ папой и Италіей. Въ томъ и другомъ случаѣ надлежало отдалиться отъ протестантизма.

И такъ они исторгнули отъ короля ссылку его сестры и ея наварскій бракъ. Какъ непредусмотрительны люди! именно этотъ бракъ, освободившій дворъ отъ Маргариты, былъ причиною удаленія отъ него и отъѣзда въ Лондонъ молодой Анны Болейнъ, которая должна была овладѣть Генрихомъ VIII и разлучить его съ Римомъ.

Маргарита плакала, но покорилась.—и въ январѣ 1527 г. вышла за мужъ за наварскаго короля. Анна Болейнъ, весною, возвратилась въ Англію. И весною же одинъ изъ французскихъ пословъ смѣлыми словами возмутилъ до глубины уже потревоженную совѣсть Генриха VIII и возбудилъ въ немъ окончательную рѣшимость—развестись.

Этотъ посланникъ говорилъ съ Уольсеемъ о бракѣ между Францискомъ I и дочерью англійскаго короля. Уольсей сказалъ, что онъ не знаетъ, можетъ ли король законнымъ образомъ считаться свободнымъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ уже обязался жениться на сестрѣ Карла V. На это уколотый французъ отвѣчалъ, что и ему такъ же хотѣлось бы слышать убѣдительныя доказательства законности англійской принцессы, такъ какъ ея мать была замужемъ поочередно за двумя братьями,—правда, съ разрѣшенія папы, «но папа не можетъ разрѣшить того, что запрещено божескимъ правомъ».

Онъ не произнесъ слова—*кровосмѣшеніе*. Но Генрихъ VIII сказалъ его самому себѣ. Стрѣла вошла ему въ сердце. Королева была до такой степени женою старшаго брата Генриха, что по смерти этого брата всѣ думали, что она беременна. Второй бракъ не былъ благословенъ небомъ; онъ былъ исполненъ болѣзней, скорбей и смерти; всѣ дѣти, происшедшіе отъ него, умерли, за исключеніемъ жалкой Маріи, болѣзненной какъ ея мать и ни мало не напоминавшей блистательную энергію Генриха VIII. Разводъ былъ здѣсь естественъ, законенъ, если только онъ когда либо бываетъ таковымъ. Но какимъ образомъ можно надѣяться, что папа уничтожитъ разрѣшеніе, данное папой? Въ эту минуту пришло извѣстіе, что папа попался въ плѣнъ (мая 1527).

Этимъ открывалось новое поле. Если вѣрить слуху, распространившемуся тогда при испанскомъ дворѣ, — Францискъ I предлагалъ Уольсею патриаршество во Франціи, а Карлъ V — патриаршество въ Нидерландахъ и нижней Германіи.

Освобожденіе папы и Рима было популярнымъ текстомъ новаго союза между Франціей и Генрихомъ VIII. Самъ Уольсей прибылъ въ Компьень просить для своего государя руки прекрасной сестры короля, Ренѣ, дочери Людовика XII и Анны Бретанской. Просьба важная и лукавая. Молодая принцесса имѣла отъ своей матери право или предлзганіе на наслѣдство Бреганн, ириказаніе, которое Генрихъ ра-

но или поздно шустить бы въ ходъ. На предлагаемый бракъ мать короля согласилась, но не соглашался король. Долженъ ли этотъ отказъ разорвать союзъ? Если бы кто думалъ, что долженъ, то ошибся бы. Все въ Лондонѣ переизмѣнилось во время отсутствія Уольсея.

Онъ оставался три мѣсяца во Франціи, — это было черезъ-чуръ долго: «Оставляющій свое мѣсто, теряетъ его». Возвратясь, онъ нашолъ, что его господинъ имѣетъ надъ собою другаго господина и что король, до сихъ поръ бывший совершенно въ его рукахъ, скоро долженъ будетъ сдѣлать выборъ между старымъ педагогомъ и обожаемою женщиной.

Не вздумала ли Франція, старинная завоевательница Англій, вмѣсто флота и арміи, овладѣть ею на этотъ разъ посредствомъ женщины? Очень можетъ быть. Везъ этой страсти Генрихъ VIII былъ бы горько раздосадованъ сдѣланнымъ ему отказомъ въ рукъ Рене, и Франція лишилась бы его союза.

Могъ ли Томасъ Болейнъ, — старый дипломатъ, хитрый, прощательный, своекорыстный, — не видѣть, что королю надоѣла королева и всѣ королевы; что ему нужны были: жена, любовь и счастье. что онъ, Болейнъ, имѣетъ въ своей дочери совершенство, что она не только прекрасна и умна, но вмѣстѣ и рѣшительна; обладаетъ пылкостью и непреодолимою прелестью; что ей слѣдуетъ только показаться?

Онъ выхлопоталъ, чтобы ее приняли въ число фрейлинъ королевь. Она затмила ихъ всѣхъ. Генрихъ VIII опять нашолъ дѣвочку Лагеря золотой парчи (сдѣлавшуюся еще прекраснѣе). Онъ долженъ былъ видѣть ее каждый день между ея нѣмыми подругами, этия холодными и молчаливыми цвѣтками.

Только она одна имѣла голосъ, — пріятный, скромный и очаровательный; она говорила, смѣялась, пѣла; она была радостью дома.

Менѣе честолюбивая, чѣмъ какъ рассказываютъ о ней, Анна Болейнъ сама готова была уничтожить свое счастье. При своемъ пріѣздѣ, она приняла одну очень приличную партію. Уольсей избралъ молодаго человѣка, а королева воспользовалась случаемъ удалитъ отъ себя опасную дѣвushку. Но въ отсутствіе Уольсея, ея отецъ опять пристроилъ ее ко двору. Она блистала, была законодательницей моды, задавала тонъ. Женщины рабски подражали ей. До сихъ поръ англичанки невинно открывали свою грудь. Анна Болейнъ собственнымъ примѣромъ научила ихъ болѣе искусной скромности.

Она, можетъ быть, съ нѣкоторымъ тщеславіемъ пригнѣтила, что сдѣлала сильное впечатлѣніе на короля. Но когда онъ сдѣлалъ ей признаніе, она испугалась, какъ будто предчувствуя свою участь. Генрихъ никогда еще не любилъ. Западавшая страсть въ челоука столь пылкомъ, котораго лицо, довольно грубое, хотя еще прекрасное, чуть не допалось отъ гордости и крови, должна была внушать страхъ. Анна Болейнъ упала на колѣни и просила пощадить, говоря, что она не можетъ быть его любовницей, что, сверхъ того, она замужемъ... Потомъ, вида что его ничто не останавливаетъ, что онъ

уничтожить всё препятствіа, она, еще болѣе утращенная, сказала слѣдующія слова, полныя значенія: «что если она выйдетъ замужъ за своего господина и повелителя, то она не будетъ имѣть съ нимъ той сердечной откровенности, которую бы имѣла съ мужемъ равнаго съ нею званія».

Когда Уольсей сталъ извиняться предъ своимъ государемъ, въ своемъ неуспѣхѣ относительно руки Ремѣ, Генрихъ холодно отвѣчалъ: «Вы можете утѣшиться; я женюсь на Аннѣ Болейнъ».

Кардиналъ, въ отчаяніи, началъ съ этихъ поръ игру, которая могла стоять ему жизни: съ одной стороны онъ писалъ къ папѣ, ходатайствуя о разводѣ; съ другой—онъ увѣдомлялъ его, что красавица вышла изъ школы королевы наварской — еретички и лютеранки.

Папа медлялъ, выигрывалъ время, склоняясь то направо, то налево, смотря по тому какая изъ двухъ армій имѣла преимущество: французская или императорская. Для ближайшаго наблюденія за скрытымъ Уольсеемъ, французскій дворъ, нетерпѣливый и угадывавшій кардинала, послалъ въ Лондонъ молодаго смѣльчака, исполненнаго остроумія, проницательнаго, лстливаго, забавнаго. Это былъ третій изъ братьевъ Дю-Беле, Жанъ, имѣвшій для своего содержанія епископство байонское, которое онъ, я думаю, никогда не выдастъ. Этотъ добрый и набожный человекъ, крестный отецъ Гаргантюа, былъ въ послѣдствіи министромъ короля для его тайныхъ дѣлъшекъ относительно турокъ, добрымъ другомъ Барбаруссы и корреспондентомъ Сулеймана. Парижскій епископъ, кардиналъ, — онъ, говорятъ, былъ не далеко отъ того, чтобы сдѣлаться папой. А штука была бы интересная. Его настояною, руководительною книгой былъ Рабле. Онъ, болѣе чѣмъ кто либо, трудился надъ созданіемъ французской коллегіи.

Жанъ Дю-Беле, въ своихъ необыкновенно забавныхъ письмахъ, представляетъ за одинъ разъ два зрѣлища: зрѣлище лондонскаго двора, пикаго и бѣснаго нетерпѣнія Генриха VIII; и зрѣлище мрачнаго ропота народа, которому разводъ мѣшалъ въ его торговлѣ съ Фландріей. Все это онъ пишетъ къ Монморанси, который вовсе не желаетъ ни развода, ни разрыва съ Испаніей. Но Дю-Беле ускоряетъ дѣло, которое должно дать власть сестрѣ короля, поднять антииспанскую партію на развалинахъ Монморанси.

Уольсей, который, какъ человекъ, близкій къ паденію, дѣлаетъ глупость за глупостью,—рѣшилъ побѣду Анны Болейнъ, воображая, что губить ее. Король велѣлъ искать и преслѣдовать въ Германіи одного изъ англійскихъ протестантовъ, которые переводили священныя книги и сочиненія Лютера. Уольсею удалось отыскать одну изъ этихъ книгъ, захваченную у Анны Болейнъ. Она, не испугавшись, поспѣшила броситься къ ногамъ Генриха VIII. И въ-зремя,—потому что Уольсей шло уже къ королю съ книгой. Но король принялъ это дѣло холодно. Съ этихъ поръ Уольсей погибъ. Его тайное письмо къ папѣ, имѣвшее цѣлю помѣшати разводу, было найдено, и король повелѣлъ заключить кардинала въ ТOWERъ. Горе, болѣзнь и смерть, пришедшая кстати, избавили его отъ эшафота.

Можно думать, что французскій король былъ очень расположенъ шадить въ своемъ государствѣ новыя идеи, которыя имѣли такъ много шансовъ восторжествовать въ Англии. Всѣ преслѣдованія, казни этого и даже гораздо позднѣйшаго времени въ Мо, въ Тулузѣ и проч. должно приписать не двору, а вліянію противоположному: парламентамъ и духовенству. Францискъ I, что бы о немъ ни говорили, не былъ Людовикомъ XIV. Конечно, онъ имѣлъ силу, но у него было гораздо меньше власти. Эти огромныя корпораціи дѣйствовали безъ него. Мы видѣли, что онъ не могъ спасти Беркена, иначе какъ насиліемъ; онъ освободилъ его изъ тюрьмы посредствомъ солдатъ своей гвардіи.

Единственнымъ средствомъ измѣнить образъ мыслей короля было—заставить его бояться волненій въ Парижѣ. Въ его душѣ сохранилось въ высшей степени живое воспоминаніе и страхъ «анархіи Карла VI». Онъ сказалъ это парламенту, когда тотъ осмѣлился снѣтъ ночью королевскія висѣлицы. 30 мая 1528, одинъ образъ св. Дѣвы въ улицѣ des Rosiers найденъ былъ изломаннымъ. Протестантизмъ, какъ всякая большая революція, имѣлъ въ себѣ людей всякаго рода — бѣшеныхъ, фанатиковъ. Но съ другой стороны католики такъ превосходно воспользовались искаженіемъ иконы, что это внушаетъ мысль: не они ли сами, чрезъ кого либо изъ своихъ, совершили это святотатство, столь полезное для ихъ партіи. Сорбона и ея синдикъ, Беда или Веда только-что потерпѣли отъ короля самое жестокое оскорбленіе. Они имѣли нужду въ проществіи, которое поставило бы все вверхъ дномъ, взволновало бы народъ, самый дворъ и измѣнило видъ вещей.

Король, который призвалъ перваго художника того времени, Леонардо да-Винчи, желая привлечь также перваго писателя, Эразма, получилъ отказъ. Эразмъ не думалъ пріѣхать, будучи жестоко преслѣдуемъ синдикомъ Веда и Сорбоной. Этотъ Веда,—настоятель въ Монтегю, начальникъ студентовъ безъ знанія, которыхъ называли Капнетами, трибунъ вабожной нищеты и невѣжественной республики,—былъ царемъ въ своемъ муравейникѣ и съ трудомъ позволялъ другому королю — королю французскому узурпировать что-либо изъ его правъ.

Эразмъ, въ одномъ памфлетѣ Веда, указалъ восемьдесятъ неправдъ, триста клеветъ, сорокъ семь богохульствъ. Другъ Эразма, Беркенъ, слѣдовалъ по этому пути, и, сдѣлавшись изъ обвиняемаго обвинителемъ, взялся доказать, на основаніи Евангелія, что Веда—не христіанинъ. Дѣло это забавляло короля, который думалъ, что теперь для него явился случай — отмстить своему противнику, страшному синдику. Онъ написалъ въ университетъ, что *такъ какъ теологическій факультетъ имѣетъ обыкновеніе клеветать*, то онъ не позволяетъ этому факультету ничего печатать относительно обвиненія, прежде чѣмъ дѣло будетъ рассмотрѣно университетомъ и парламентомъ (1527).

Въ 1528 г., святотатство, совершенное въ улицѣ des Rosiers, пришло для Веда къ стати. Въ большинствѣ народа, несмотря на этотъ продолжительный уадокъ древней вѣры, сохранилось вполне благо-

говѣнное почитаніе святыхъ иконъ. Братства Пресвятой Дѣвы были безчисленны во всѣхъ классахъ народа, — между духовными, студентами, кушцами, женщинами и дѣвцами. Для этихъ братствъ такой поступокъ былъ болѣе чѣмъ святотатствомъ; это было какъ-бы личное оскорбленіе. Они готовы были взволновать, возмутить народъ, въ особенности же обвинить короля въ покровительствѣ лютеранамъ.

Эти братства имѣли свой центръ въ парижскомъ духовенствѣ, свои собранія — въ церквахъ, своихъ ораторовъ — въ людяхъ латинскаго квартала, — въ докторахъ, учителяхъ, студентахъ. Сорбона имѣла подъ своимъ вліяніемъ съ одной стороны братства, съ другой — семинаріи, которыя назывались тогда коллегіями, и народъ сильныхъ школяровъ, изъ которыхъ многіе имѣли тридцать лѣтъ отъ роду.

Думаютъ, что духъ лиги явился только въ концѣ шестнадцатаго вѣка. Вольшое заблужденіе. Эта псевдо-демократія, враждебная свободѣ, этотъ народъ, гибельный для народа, относительно котораго въ послѣднее время сочинено такое множество глупыхъ системъ, — все это существуетъ уже въ капшетахъ Беда, въ схоластической сволочи. Сильная своею многочисленностью, упоенная криками, величественно выказывая грязь своихъ изношенныхъ тогъ, армія семинаристовъ билась своими черными волнами о двѣ стѣны улицы Сентъ-Жакъ, и гордо, повелительно стучала въ ворота Пале. Но съ другой стороны, они были раболѣпны, покорны малѣйшему знаку *нашихъ учителей* Сорбоны, которые приводили ихъ къ приходамъ и бенефиціямъ.

Между раболѣпствующими были люди болѣе опасные, фанатики, мечтатели, безумцы всѣхъ націй. Парижскій университетъ, который былъ однимъ изъ послѣднихъ, стоявшихъ еще за схоластику, былъ ихъ любимѣйшею школою.

Поэтому воинствующіе умы истинно чувствовали, что настоящій центръ, гдѣ должна происходить смертельная борьба между старымъ и новымъ духомъ времени, есть Парижъ.

Незадолго предъ тѣмъ рыцарь Дѣвы, Игнатій Лойола, капитанъ-отшельникъ, раненый и имѣющій тридцать семь лѣтъ отъ роду, прибылъ изъ алкалскаго университета въ школы Парижа (февр. 1528) и остался тамъ семь лѣтъ.

Изъ буржскаго университета, преданнаго новымъ идеямъ и покровительствуемаго Маргаритой, часто пріѣзжалъ въ Парижъ одинъ восемнадцатилѣтній студентъ, — мрачный, бурный, ученый, краснорѣчивый Кальвинъ.

Изъ университета въ Монпелье являлся туда также, по временамъ, медикъ и смѣлый критикъ Рабле, который вынесъ отсюда сильную антипатію, великолѣпное презрѣніе къ тѣмъ и другимъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о Лойолѣ, который, безъ сомнѣнія, былъ дѣйствующимъ, — и притомъ очень жаркимъ, — дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ народномъ дѣлѣ. Онъ родился въ 1491 г. и слѣдовательно, въ 1528 имѣлъ тридцать семь лѣтъ отъ роду. За шесть лѣтъ

предъ тѣмъ онъ посвятилъ себя Дѣву и съ тѣхъ поръ прошелъ въ фазы мистицизма. Онъ былъ отшельникомъ, добровольнымъ нищимъ, пилигримомъ въ Іерусалимѣ, студентомъ въ Амазѣ, гдѣ онъ образовалъ общество студентовъ. Подобно тому, какъ его соотечественникъ изобрѣлъ пресловутую *машину для мысленія*, Игнатій изобрѣлъ *машину военнаго*—автоматическую, почти воинскую, дисциплину, курсъ *экзерцицій*, которыя, ведя отъ дѣйствій тѣлесныхъ къ духовнымъ, должны были даже изъ человѣка наилучше приготовленнаго образовать *Исусова воина*. Материальность этой метода именно и составляла *ей* силу. Лойола,—говорить его биографъ,—когда онъ былъ искушаемъ дьяволомъ, *отгонялъ идею пажою*.

Это былъ баскъ изъ Вискайн, очень хитрый Дошъ-Кикоть, который уютреблялъ большой практической смыслъ на служеніе своей грѣшнѣ. Испанскіе доминиканцы не поняли его, подвергли его иному *экзерцицій* ценсурѣ и заключили его въ тюрьму. Но толедскій архіепископъ, который лучше монаховъ понималъ значеніе неподобающаго члвѣка, приказалъ ему купить *одежду и молнокъ студента* и помѣститься въ школахъ. Онъ долженъ былъ найтн въ Парижѣ тѣмъ лучший пріемъ, что Беда, дѣйствительный глава университета, былъ задушевнѣйшій другъ испанцевъ.

Благородный капитанъ, храбрый воинъ, получившій доблестную рану, іерусалимскій пилигримъ, видѣвшій Европу и Азію, долженъ былъ легко пріобрѣсти вліаніе надъ школьниками. Уже одной *визіонной* его было достаточно для того, чтобы указать на него, какъ на члвѣка особеннаго. Онъ былъ лысъ,—говорить его первый биографъ,—онъ имѣлъ носъ очень горбатый вѣрху и широкій, сплюснутый внизу, впалые глаза, потускнѣвшіе отъ плача. Онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слезъ; каждую минуту онъ проливалъ ихъ потоками. Прибавьте къ этому портрету *смазаны и низко опущенныя вѣки, полныя морщинъ и складокъ, въ которыхъ таились страсти и рассчетъ, сила постоянной идеи*.

Слава его благочестія была такъ велика, что двое изъ его соотечественниковъ, Ланезъ и Саммеронъ сдѣлали продолжительное путешествіе единственно для того, чтобы его видѣть. Его учителя сдѣлались его учениками; его речетиторъ, савояръ Ле-Фебаръ, одинъ профессоръ философіи, Франсуа Ксавье, изъ Нампелюна отдались ему вмѣстѣ съ другими, испанцами и французами, и начавъ свои *экзерциціи* подъ руководствомъ этого великаго капитана, сдѣлались первыми солдатами его страшной арміи.

Исторійка, по словамъ которой хотѣли высѣчь этого святого, этого примѣрнаго члвѣка, этаго сорокалѣтняго воина, не заслуживаетъ того, чтобы объ ней говорить. Я, напротивъ того, готовъ думать, что въ горячей кампаніи, Игнатій добросовѣстно игралъ роль въ качествѣ одного изъ предводителей. И если бы кто нибудь вздумалъ высказать предположеніе, что этотъ храбрый и столь страстный члвѣкъ заперся въ такіе дни съ своею грамматикой, оставаясь нейтральнымъ и отсутствующимъ,—я никогда не повѣрилъ бы этому и смѣло сказалъ бы: нѣтъ.

Вопросъ былъ поставленъ страннымъ образомъ на парижской мостовой. Масса была за образа и, подъ знаменемъ духовенства, каппетовъ, братствъ, шла противъ протестантовъ. Король не могъ не слѣдовать этому движенію. Вѣдя войну за папу, онъ сильно желалъ показать себя хорошимъ католикомъ. Сверхъ того, онъ былъ раздраженъ, видя нарушеніе порядка и презрѣніе къ власти. Случай былъ драматиченъ. Народъ былъ увѣренъ, что Францискъ захочетъ фигурировать къ публикѣ и, въ церемониальномъ шествіи, покажетъ народу, этого прекраснаго короля, этого великолѣпнаго актера.

Въ продолженіе цѣлой недѣли происходили искупительныя процессіи; всѣ улицы были загромождены: Многочисленная и важная процессія парижскаго духовенства. Бесконечная, шумная процессія чорнаго, университетскаго народа, въ особенности Сорбоны и побѣдоноснаго Беда, его необузданныхъ каппетовъ, четырехъ нищенствующихъ орденовъ. Наконецъ—ослѣпительная и блистательная процессія короля, вельможъ, дворянства. Король, имѣя у себя по правую руку кардинала Лотарингскаго, пошелъ въ первый день просить прощенія у образа. На другой день онъ возвращается туда, снимаетъ испорченную икону и на мѣсто ея ставитъ другую, серебряную. Все это было сдѣлано съ набожностью, умилешіемъ, чувствомъ, которыя приобрѣли ему сердца народа. Когда онъ поставилъ образъ и опять сошло въ внявъ, глаза его были полны слезъ.

Но это еще ничего. Не было казней. Хотя испорченный образъ былъ съ большою пышностью положенъ въ Сентъ-Жервэ, но онъ не успокоился: онъ сталъ производить чудеса, воскрешать дѣтей.

Изъ этихъ сверхъестественныхъ вещей происходили событія противоестественныя и гнусныя. Надо было ожидать какой нибудь ужасной трагедіи. Надлежало только найти дѣть, на которую спустить бы свору, — найти жертву, если возможно, знатную, обладающую большимъ состояніемъ, званіемъ, умомъ, — и тогда охота навѣрное сдѣлалась бы популярною. Къ несчастію для католиковъ, протестанты, за исключеніемъ двухъ или трехъ, хорошо извѣстныхъ, были почти всѣ бѣдняки, работники, да еще нѣсколько купцовъ. Благородныхъ между ними не было, за исключеніемъ Фареля и еще одного, которые отправились въ Швейцарію. Оставался одинъ Беркенъ.

Предпріятіе было очень трудное. Дѣло шло о чловѣкѣ, котораго, какъ было извѣстно, любилъ король, защитившій его противъ недавнихъ преслѣдованій Сорбоны. Парламентъ колебался. Въ этихъ обстоятельствахъ опять помогло чудо. Одинъ слуга Беркена, который, говорятъ, хотѣлъ сжечь книги, компрометировавшие его господина, проходя мимо образа Дѣвы, былъ пораженъ и упалъ безъ чувствъ. У него находятъ улики, которыя были нужны. Одинъ доминиканецъ схватываетъ ихъ и несетъ въ парламентъ.

Между королемъ и Сорбоной, между наковальной и молотомъ, парламентъ принялъ, какъ онъ полагалъ, среднее положеніе. Онъ приговорилъ Беркена — не къ смерти, а — къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, на хлѣбъ и на воду. Тотъ апеллировалъ къ ко-

ролю. Но король былъ въ Влуа. Парламентъ, недовольный авелляціей, оглушонный криками, увлеченный, опутанный, постановилъ слѣдующій жестокій приговоръ: подвергнуть Веркена смертной казни въ теченіе двухъ часовъ. Было десять часовъ утра. Въ полдень онъ былъ удушенъ и сожженъ.

Между тѣмъ какъ король изумлялся и негодовалъ на такую дерзость, Веда велъ противъ него войну болѣе прямую и личную.

Французскій посланникъ въ Лондонѣ, Жанъ Дю-Беле, возвратился въ Парижъ, чтобы получить отъ факультета рѣшеніе, благопріятное разводу. Это было дѣйствительно важно дѣло, въ которомъ Генрихъ VIII ставилъ свою корону на карту. Лондонъ и англійскіе купцы были раздражены до бѣшенства разрывомъ съ Флаандріей; испанскій канцлеръ Гаттинара говорилъ: «черезъ три мѣсяца его прогнать.» Отвергнутая жена, Катерина Арагонская, набожная испанка, обладавшая вполне арагонскимъ упрямствомъ, дѣлалась центромъ сопротивленія. Она послала къ Генриху одну, страдавшую падучей болѣзью, пророчицу, для устрашенія его небесною карой. Пламенные бойцы королевы, монахи, въ присутствіи Генриха проповѣдывали, что кровь его, подобно крови Ахава, будутъ лизать собаки.

Рѣшеніе университета за разводъ и противъ него должно было имѣть большой вѣсъ въ глазахъ англійскаго народа. Рѣшеніе парижскаго факультета совершенно зависѣло отъ Веда. Онъ публично стоваривался съ испанскими докторами, которыхъ прислалъ Карлъ V, и храбро дѣйствовалъ вмѣстѣ съ ними въ пользу императора.

При первомъ словѣ, которое сказалъ Дю-Беле Сорбонѣ, Веда оставилъ его, говоря: «Всѣмъ извѣстно, что нашъ король хочетъ угодить Генриху VIII».

Францискъ I попытался подѣйствовать на Сорбону посредствомъ парламента. Но это сословіе, часто работавшее предъ королемъ, еще болѣе работало предъ духовенствомъ. Веда, оставшись побѣдителемъ, заставилъ Сорбону постановить рѣшеніе, что она не сдѣлаетъ ничего *безъ повелѣнія короля*, — слагая такимъ образомъ на него всю отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ, побуждая его прямо объявить себя на сторонѣ Генриха VIII и поссориться съ Карломъ V. Король просилъ, переговаривался и одержалъ верхъ посредствомъ очень незначительнаго большинства голосовъ.

Онъ хотѣлъ чтобы было произведено слѣдствіе надъ поступками Веда. Въ первомъ засѣданіи, когда были собираемы голоса, партизаны Веда отняли у педеля бумагу и не дали втирывать. Этотъ педель, завѣдывающій регистрами, признавался, что его принудили сдѣлать подлогъ въ протоколѣ. Парламентъ уклонился, отложилъ слѣдствіе, говоря, что оно *повредитъ болѣе англійскому королю*, т. е. раздражитъ Сорбону противъ Франциска и Генриха VIII.

Францискъ былъ огорченъ стачкою Веда съ испанцами тѣмъ болѣе, что очень незадолго предъ тѣмъ ему были возвращены дѣти, на лицѣ которыхъ, измѣнившимся до того, что ихъ нельзя было узнать, онъ нашолъ слѣды ихъ жестокаго плѣна. Въ эту минуту горькаго

неудовольствія, Беда могъ полатиться за Карла V. Король поговаривалъ о томъ, чтобы похитить Беду. Это значило бы сдѣлать его предметомъ обожанія. Глушцы причисляли бы его къ святымъ.

Было бы гораздо лучше, не трогая Сорбоны, учредить въ ея глазахъ истинную школу науки, школу *свѣтскую, бесплатную*, которая бы преподавала *для всѣхъ*, свободно, среди бѣлаго дня, съ открытыми дверьми и заставляла бы гнѣздо летучихъ мышей мало-по-малу разлетѣться.

Ничто не показываетъ, чтобы Францискъ хорошо видѣлъ и понялъ эту возвышенную цѣль. Мысль этой мѣры, очень вѣроятно, принадлежитъ тремъ лицамъ: Бюде, Жану Дю-Беле и наварской королевы.

Францискъ, раненый въ 1521 г., далъ обѣтъ — построить црковь и большую школу; учрежденіе великолѣпное, — но великолѣпное только по зданію и помѣщенію, для которыхъ предназначалась отелъ де Нель, противъ Лувра; по числу учениковъ — шести сотъ пансіонеровъ и пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ. Потребовалось много времени на то, чтобы Бюде, библіотекаръ Франциска I-го, переработалъ его идею и возвысилъ ее до мысли о высшей публичной школѣ, школѣ свободной и великой по наукамъ.

Къ счастью, Францискъ I, который давно уже мечталъ о крестовомъ походѣ, о Константинополѣ и проч., любилъ греческій языкъ (котораго онъ не зналъ) и хотѣлъ ввести его во Францію. Ему нравилась длинная борода добраго Іоанна Ласкариса, почти столѣтняго старика, который преподавалъ уже этотъ языкъ въ Парижѣ, при Людовикѣ XI. Но въ глазахъ Сорбоны греческій языкъ уже самъ по себѣ былъ ересью. Бюде писалъ къ Раблѣ о непреодолимомъ препятствіи, поставляемомъ теологами противъ обученія языку Гомера.

Въ 1529 г. партияны идеи объ устройствѣ публичной школы воспользовались раздраженіемъ Франциска противъ Сорбоны. Въ это время, когда онъ, успокоенный камбрѣйскимъ трактатомъ, началъ вездѣ производить постройки, Бюде выхлопоталъ, чтобы онъ основалъ — не коллегію Франціи, а только — двѣ каведры (языковъ еврейскаго и греческаго). Въ ожиданіи того времени, когда коллегія будетъ имѣть свой собственный домъ, преподаваніе происходило въ небольшой университетской коллегіи. Новая школа скромно начала свои лекціи въ зданіи своихъ непріятелей.

Въ 1530 году число каведръ увеличилось отъ двухъ до шести. Двѣ греческія были поручены Тусэну, другу Эразма и Данесу, парижскому дворянину; двѣ еврейскія — двумъ итальянскимъ эмигрантамъ, крещенымъ венеціанскимъ евреямъ, которымъ покровительствовала Маргарита. Одинъ изъ нихъ пѣлъ своимъ наследникомъ ученаго французца Ватабля.

Но превосходнѣе всего было то, что къ этимъ каведрамъ священныхъ языковъ была присоединена каведра математики. Это была первая дверь, открытая для энциклопедическаго образованія. Можно было предвидѣть, что мало по малу всѣ науки пробьютъ для себя входъ, займутъ мѣсто, и, соединясь вмѣстѣ, образуютъ универсальную школу свободной критики и обновленія человѣческаго ума.

Медицина преподавалась тамъ съ 1542 г., вмѣстѣ съ философией. Къ латинскому языку, введенному въ 1534 присоединились арабскій и сирійскій, законотѣненіе и проч. Это была знаменитая школа, которая ждетъ еще своей исторіи. Она разорвала послѣднюю цѣпь, которая проковывала человека къ прошлому, когда Римъ уничтожилъ наиболѣе уважаемаго старинною мѣлою, Аристотеля, и запечатлѣлъ революцію своею кровью.

Эта школа оказала двѣ неизмѣримыя заслуги, преподавая преимущественно двѣ вещи: Востокъ и природу.

Туда приходили раввинны учитьсѣ греческому языку у Ватабли. Туда персы приходили изъ Индіи просить у Вурнуфа наставленія въ ихъ забытомъ языкѣ.

Шампольонъ и Летронъ выкопали Египетъ изъ мѣглы. Кювье, Амперъ, Саваръ и другіе великіе изыскатели дали тамъ новую жизнь естественнымъ наукамъ.

Науки о человекѣ тоже не остались безплодными, когда три друга, одинъ искреннимъ, задушевнымъ словомъ, зажгли, во время отверженія, нравственную искру, и, во время раздора, стали учить *великой дружбѣ*.

Святое слово, подъ которымъ всякая истинно живая человѣческая душа разумѣетъ гармонію сердецъ, и происходящую отъ нея гармонію ума и плодотворнаго изобрѣтенія!

Слово священное, древнее, которымъ пророческій инстинктъ нашихъ отцовъ обозначалъ отечество.

Было ли это наврасно? Не были ли мы обмануты? Не было ли то иллюзіей, — когда нравственное пламя, павшее на эту горячую толпу, возвращалось къ намъ болѣе яркимъ и сильнымъ, когда глаза служили порукою за сердца, когда молнія столькихъ взглядовъ служила клятвой въ томъ, что отечество основано тамъ навсегда?

Нѣтъ это не было обманомъ и заблужденіемъ. Мы твердо убѣждены въ этомъ. Самыя стѣны казались взодмываемыми; и таковыми онѣ остались и теперь, — мы видимъ это при внимательномъ взглядѣ. Дрежащія своды не разучились еще издавать это громогласное эхо.

ГЛАВА ДВЯТНАДЦАТАЯ.

Колѣбаніи короля между старымъ и новымъ духомъ времени. — 1530 — 1535.

Въ 1526 г., еще задолго до развода, Генрихъ VIII велѣлъ прочесть себѣ ходившую въ Лондонѣ рукопись, подъ названіемъ: *Прошеніе нищихъ*, направленную противъ католическаго духовенства.

Эта рѣшительная просьба слѣпыхъ и хромыхъ была просьбою изълага народа, который весь былъ хромъ и слѣпъ. Вопросъ о Реформѣ былъ вопросомъ о томъ, чтобы вновь поднять этотъ народъ; поставить его на ноги, вернуть ему зрѣніе.

Реформа уже имѣла это дѣйствіе въ Швейцаріи, Швабіи, во всей сѣверной Германіи. Она употребила имущества духовенства для

нымъ образомъ на учрежденіе школъ. Великіе люди Лютеръ и Цвингли были не только твоягами, но и наставникою народа.

Что не прішло бы въ восторгъ, увидя Лютера *обучающими по вечерамъ маленькихъ дѣтей*, въ самый опасный моментъ его жизни, когда его наиболее тревожили, когда онъ былъ наиболее занятъ, среди своихъ диспутовъ, писемъ, проповѣдей, богословскихъ лекцій, между двумя мірами, изъ которыхъ одинъ готовъ былъ рухнуть, а другой только-что возникалъ? (13 марта 1519).

И Кальвинъ, столь суровый и мрачный въ своемъ женовскомъ сознаніи, тоже учредилъ школу. Онъ создалъ не только вышнюю школу героевъ и мучениковъ, но прежде всего и главнымъ образомъ — скромную школу, которая начинала все, — школу первоначальную, элементарную. Его заботливость о ребенкѣ, доводившая до мельчайшихъ подробностей, удивительна и заслуживаетъ уваженія свѣта.

Школа — это первое, самое великое слово Реформы: На фронтонѣ своего революціоннаго зданія Реформа надписываетъ слѣдующую существенную обязанность общественной власти: *Всеобщее обученіе*, школы дѣлчиковъ и дѣвочекъ, школы свободныя и бесплатныя, гдѣ будутъ учиться богатые и бѣдные.

Что значитъ выраженіе — *протестантскія страны*? Страны, гдѣ религія всецѣло заждется на чтеніи.

Теперь въ первый разъ говорятъ объ обученіи дѣвушекъ, въ первый разъ занимаются образованіемъ тѣхъ, которыя скоро, сдѣлавшись жонами и матерями, должны будутъ воспитывать своихъ сыновей.

Программа: чтеніе, письмо, религіозное воспитаніе, нѣсколько исторіи и много пѣнія:

Теперь въ первый разъ учреждается всеобщее обученіе музыкѣ.

Человѣкъ, выполнившій въ большей степени, чѣмъ всякій другой, мысль Лютера, написавшій книги, основавшій школы и управлявшій движеніемъ, которое можно назвать второю Реформою, столь же великою, какъ первая, — былъ Меланхтонъ, въ которомъ Воссюзтъ не хотѣлъ видѣть ничего болѣе, какъ только робкаго реформатора, брызливаго еретика, который то идетъ впередъ, то пятится назадъ. Въ сущности, онъ игралъ самую дѣятельную роль въ созданіи новой Германіи; онъ далъ ей жизнь и вдохновеніе; она должна называть себя его дочерью.

Вольшая часть растраты, сдѣланныхъ владѣтельными особами изъ церковныхъ имуществъ, возвратилась къ своему истинному назначенію: къ школамъ, богадѣльнямъ, общинамъ, къ своимъ дѣйствительнымъ хозяевамъ — къ бѣдному, къ старику, къ ребенку, къ трудолюбивому семейству.

Около 1530 г., послѣ камбрѣйскаго трактата, поставленъ былъ слѣдующій первостепенный вопросъ: что сдѣлаютъ для Реформы два главнѣйшіе государя Европы.

Роль императора уже вполне обозначена. Какъ испанскій король онъ — католикъ, инмаю не безпристрастный (что бы ни говорилъ Робертсизъ). Будучи природнымъ фламандцемъ, другомъ монаховъ, и

находясь под сильным влиянием своего духовника-доминиканца, — онъ, если и не слишкомъ много обращаетъ вниманія на папу, такъ это потому, что самого себя чувствуетъ настоящимъ папой, главою и защитникомъ католической церкви. Испанія всегда чувствовала себя болѣе католическою, нежели Римъ. Карлъ V будетъ дѣйствовать противъ Лютера, но, если можно, посредствомъ собора, чтобы реформировать самого папу. И это сблизитъ послѣдняго съ Францискомъ I. Первый плодъ, получаемый императоромъ отъ камбрійскаго трактата, есть возможность грозить Германіи и добиться отъ Аугсбурга осужденія протестантовъ. Они заключаютъ въ Шмалькальденскій союзъ и обращаются къ Франциску I (1532).

Итакъ французскій король, за которымъ ухаживаютъ съ одной стороны нѣмецкіе протестанты и Англія, съ другой — папа, есть настоящей судья религіознаго вопроса.

Онъ уже рѣшонъ для Карла V, который, такъ или иначе, останется поборникомъ католицизма.

Замѣьте, что французскій король свободенъ, совершенно свободенъ. Та сторона протестантизма, которая оттолкнула отъ себя людей Возрожденія, которая напугала Францію своею мрачною строгостью, Кальвинъ и Женева — еще не существуютъ. До времени около 1540 г. протестантизмъ представляетъ нѣчто колеблющееся, нерѣшительное и раздѣленное между двадцатью различными школами. Онъ не установилъ еще формулы, кодекса религіознаго сопротивленія. Если онъ устрашаетъ анабаптизмомъ, то успокаиваетъ человѣчными и великодушными сторонами Цвингли, милымъ и благочестивымъ лицомъ кроткаго Меланхтона.

Истинно-рѣшительною минутою для Франциска I было 21-е октября 1532 г. Вслѣдствіе апелляціи шмалькальденскихъ союзниковъ противъ угнетенія императора, король французскій и англійскій съѣхались въ Булони. Генрихъ VIII пріѣхалъ съ Анною Болейнъ. Онъ уже рѣшилъ какъ ему слѣдуетъ поступать. Онъ уничтожилъ подати, которыя его церковь платила Риму, и объявилъ своему духовенству, что оно должно выбирать между двумя присягами: папѣ и королю. Это клонилось, по меньшей мѣрѣ, къ учрежденію патриархата, который былъ предлагаемъ уже во время папна папы. Сверхъ того Генрихъ желалъ союза между Франціей и Англіей, для покровительства Германіи. Францискъ I, котораго, во предъ его явному интересу, удерживали отъ этого союза мать, Монморанси и Дюпрá, отдѣлялся отъ настояній Генриха VIII тѣмъ, что вѣжливо протавцовалъ съ Анною Болейнъ. Все кончилось мнимомъ, *vol-disant*, лигою противъ турокъ и посылкою нѣмцамъ небольшой суммы денегъ.

Систематическіе историки не преминули придти въ восторгъ отъ всѣхъ этихъ уловокъ. Они приписываютъ имъ послѣдовательность и цѣлостность, которыхъ здѣсь не было, и видятъ въ нихъ искусную попытку системы равновѣсія. Но все это было не болѣе какъ послѣдствіемъ вліяній двора, которыя уравнивали другъ друга. Старый Дюпрá былъ легатъ и хотѣлъ сдѣлаться папой; Монморанси

былъ конетабль; они тащили направо, на сторону папы и Испаніи. Герцогиня д'Этампъ, адмиралъ Вріонъ (Шабо), по временамъ сестра короля и братья Дю-Беле—тянули влѣво, къ Генриху VIII, къ протестантамъ, къ Солдману. Это не было равновѣсіе; это были попорѣдныя паденія,—тяжолыя, опасныя,—часто сильныя противорѣчія, которыя поражали глаза и раздражали общественное мнѣніе.

Напримѣръ, Францискъ I вступаетъ въ тѣсный союзъ съ папой, чтобы вновь приобрести Италію, а чрезъ какихъ нибудь три мѣсяца послѣ того призываетъ Варбаруссу—ужасъ и ненависть Италіи и Европы, который въ ту же минуту уничтожаетъ то, что король пытался сдѣлать.

Вароцейское равновѣсіе, которое очень ошибочно видятъ въ этихъ дипломатическихъ сдѣлкахъ, нисколько ему не помогло во время двухъ жесточайшихъ кризисовъ 1536 и 1544 г. Франція спасла сама себя, безъ посторонней помощи.

Возвратимся къ разсказу.

Чтобы поймать ребенка—для этого довольно показать ему яблоко. Большому ребенку—Франциску—папа показалъ миланское герцогство.

Герцогъ миланскій, большой и не имѣющій потомства, съ своей стороны тоже велъ съ нимъ переговоры противъ своего tyrана, императора, и однакоже просилъ у этого послѣдняго руки его племянницы.

Привлеченный приманкой, король посылаетъ въ Миланъ одного офранцуженнаго итальянца, Маравалля или Мервейя, вѣтреннаго, высокомернаго глупца, который ведетъ переговоры съ великимъ шумомъ и грозитъ императорцамъ. Эти люди, знатные бреттеры, дѣлаютъ ему вызовъ. Онъ принимаетъ. Шаги обнажены, одинъ испанецъ убитъ. Что же дѣлаетъ миланскій герцогъ? Устрашенный тѣмъ, что все открылось, онъ, видя себя, приказываетъ взять французскаго агента и, въ ту же ночь (7 іюля 1533), обезглавливаетъ его, чтобы униловить императора. Карлъ V немедленно отдаетъ Сфорцѣ свою племянницу.

Король понялъ теперь свое положеніе, свое одиночество и пренебреженіе, которое ему оказывали.

Этотъ ударъ пробудилъ его, но только для того, чтобы Францискъ еще глубже погрязъ въ своей непредусмотрительности. Онъ тѣмъ болѣе соединяется съ папой и беретъ его племянницу, для одного изъ своихъ сыновей. Папа не скупится: онъ даетъ въ приданое, Парму и Пьяченцу, которыхъ мы не получили; Пизу и Ливорно, которыхъ его кузенъ Медичи нисколько не желаетъ уступить; македонецъ—слова и вѣтеръ. Эта сдѣлка хорошо охарактеризована признаніемъ короля: «Мы взяли дѣвушку совѣмъ тобою». Настоящимъ приданымъ былъ союзъ папы. Прекрасный и прочный союзъ съ старымъ, большимъ первосвященникомъ, который сегодня—завтра умретъ!

Король быстро покончилъ дѣло въ Марсели. Бракъ наскоро былъ совершонъ,—и Францискъ возвратился съ этою племянницей (Катериною Медичи), съ этимъ новымъ патентомъ папы, на сожженіе лютеранъ. Англичане стыдятся его, что онъ унизилъ свою корону, что

онъ сдѣлался приставомъ папской волиціи, сбиромъ римскаго епископа.

Это путешествие, эта дружба съ кардиналомъ произвели свое естественное дѣйствіе въ Парижѣ. Университетъ, въ которомъ даже парламентъ совѣтовалъ сдѣлать реформу, не только не покорился этому преобразованію, но вдругъ принялъ наступательное положеніе. Онъ жестоко напалъ на сестру короля, которую Францискъ оставилъ въ Парижѣ. Онъ поразилъ ее въ лицѣ ея духовника, кроткаго мистина Руселя, который проповѣдывалъ въ Луврѣ. Онъ поразилъ ее въ лицѣ ея самой, въ ея книгѣ, подъ названіемъ: *Зеркало грѣшной души*;— книгѣ, исполненной нѣжной и монотонной мечтательности, въ которой было такъ же мало протестантскаго, какъ въ огромномъ множествѣ другихъ мистическихъ книгъ.

Однакоже и протестанты, сдѣлавшіе, подобно католикамъ, стѣлами въ отсутствіе короля, попробовали дѣйствовать. Пользуясь преобразованиемъ университета, они успѣли сдѣлать ректоромъ одного изъ своихъ, друга Кальвина. Ректоръ признался, что онъ протестантъ. Парламентъ подвергнулъ его преслѣдованію. Онъ бѣжалъ въ Швейцарію. Кальвинъ бѣжалъ въ Сентонжъ, гдѣ онъ укрылся, подъ покровительствомъ королевы наварской.

Все обрушилось на ней. Монахи, въ своихъ проповѣдяхъ, распространяли молву, впрочемъ очень правдоподобную, что когда король всталъ въ своемъ желаніи изгнать всѣхъ лютеранъ, Монархъ сказалъ: «Такъ начните съ своей сестры».

За проповѣдями слѣдовалъ театр. Монахи заставили толпу шавотовъ представлять на водостокѣхъ эту *бурию*, эту *Иродіаду*. Просталамъ завязать ее въ мѣшокъ и бросить въ Сену.

Король, въ возвращеніи своемъ, не могъ удержаться отъ назначенія слѣдствія. Онъ заключилъ Беда въ тюрьму. Братъа Дю-Беле, которымъ удалось, посредствомъ интригъ и денегъ, заставить нѣмецкихъ протестантовъ дѣйствовать противъ Австрійскаго дома, сдѣлался сильнымъ при королѣ. Жанъ Дю-Беле выхлопоталъ, чтобы Францискъ вызвалъ Меланктона въ Парижъ, для совѣщанія о соединеніи двухъ церквей. Еслибы онъ вѣржалъ, то его верадчивость, кротость, прелесть, можетъ быть, овладѣли бы непостоянною душою короля.

Одна исторія, очень скандальная, могла бы сильно способствовать къ тому, чтобы погубить монаховъ. Францисканцы города Орлеана были очень незадолго предъ тѣмъ пойманы въ святотѣтвенной комедіи. Жена горедскаго старшины умерла, не отказавъ имъ ничего, и потому они стали разглашать, что она осуждена на вѣчныя муки. Какъ сомнѣваться въ этомъ? Во время заутрени ея страдающая душа блуждала и стонала подъ церковными сводами. Францисканцы объявили, что они не будутъ слушать болѣе въ этой церкви. Они съ большимъ шумомъ вынесли оттуда св. тайны и мощи. Дѣло кончилось по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы выкопать проклятую изъ могилы и бросить ее въ живодерню. Къ несчастію, старшина получилъ отъ короля повелѣніе—обыскать церковь, вопреки всѣмъ при-

вплегать духовенства. Онъ нашолъ и поймалъ эту душу, которая была—молодая, еще не постриженная, монахиня. Всѣ участвовавшіе въ дѣлѣ были приведены въ Парижъ, преданы суду и приговорены къ публичному показанію.

Партія монаховъ была въ очень опасномъ положеніи. Но ее спасло одно неожиданное событіе, какъ въ 1528 г.

Въ іюнь 1534, когда много говорили о нѣмецкихъ инсургентахъ, о мюнстерскихъ анабаптистахъ и ихъ многоженствѣ, въ Парижѣ былъ схваченъ и сожженъ одинъ женатый монахъ, котораго обвинили въ полигаміи, желая причислить его къ анабаптистамъ, выдать его за предтечу ихъ фанатическихъ бунтовъ.

18 октября того же года король, находившійся тогда въ Блуа, всталъ утромъ съ постели и, выходя изъ своей комнаты, увидалъ на двери ея насквиль противъ мессы, подрбный тѣмъ, которые уже не разъ были прибываемы протестантами. Это вывело его изъ себя; онъ побѣдилъ отъ такой дерзости, отъ столь прямого оскорбленія королевскаго величества.

Его привели въ ужасъ эти доктрины, которыя такъ незадолго предъ тѣмъ создали республику въ Мюнстерѣ, выгнали владѣтельнаго епископа, потомъ постановили тамъ *короля-портнаго*, знаменитаго Іоганна фонъ Лейде. Ему показали призракъ анабаптизма. Его увѣрили, что эти мнимые парижскіе анабаптисты хотятъ произвести всеобщее избіеніе католиковъ, сжечь Лувръ и проч. Испанскій посланникъ пишетъ объ этомъ въ Мадридъ, какъ о вещи совершенно достоверной.

Ничто не можетъ быть святѣе и чище зачатковъ французскаго протестантизма. Ничто не было такъ далеко отъ кровавой мюнстерской оргіи.

Первымъ мученикомъ въ Парижѣ былъ одинъ молодой работникъ, примѣрной жизни. Онъ страдалъ параличомъ и его взяли въ постель.

Онъ былъ сначала рѣзвымъ, проворнымъ, живымъ мальчикомъ, шутникомъ, настоящимъ сыномъ Парижа. Постигнутый несчастіемъ, онъ тѣмъ не менѣе остался зубоскаломъ. Сидя у двери мастерской своего отца, башмачника, онъ подсмѣивался надъ проходящими. Одинъ изъ людей, надъ которыми онъ подтрунивалъ, подошелъ къ нему и ласково сказалъ ему: «Мой другъ, если Богъ согнулъ твое тѣло, то это онъ сдѣлалъ для того, чтобы выпрямить твою душу». И онъ далъ больному евангеліе. Тотъ, удивленный, беретъ книгу, читаетъ ее, перечитываетъ и становится другимъ человекомъ. Его болѣзнь все увеличивается и онъ остается шесть лѣтъ въ своей постели, снискивая себѣ пропитаніе посредствомъ обученія письму или гравированія на дорогомъ оружіи, что даетъ ему даже возможность помогать бѣднымъ и дѣлать ихъ хорошими христіанами.

Относительно его мученической смерти мы не будемъ брать протестантскихъ разсказовъ Неза, Креспена и др. Мы предпочитаемъ болѣе старый разсказъ, одного очень ревностнаго католика, *Парижскаго млыцанина* (лад. въ 1854). Онъ слышитъ всѣ эти гнусности

дѣломъ превосходнымъ; онъ говорить о нихъ во всей подробности, и представляетъ ихъ гораздо въ бѣльшемъ количествѣ, нежели какое мы находимъ въ свидѣтельствахъ протестантовъ.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ, отъ ноября до іюня, въ Парижѣ приносили людей въ жертву:

«10 ноября сказаннаго 1534 г. семь человекъ были присуждены къ публичному покаянію, въ телѣгѣ, съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ я, къ сожженію живо. Первымъ изъ нихъ былъ Бартеlemi Молонъ, сынъ башмачника, калека, у котораго были найдены вышесказанные пасквили. И за это онъ былъ сожженъ живой на Сентъ-Жанскомъ кладбищѣ.— Второй былъ Жанъ Дю-Бургъ, богатый суконщикъ, жительствовавшій въ улицѣ Сентъ-Дени, подъ вывѣскою черной лошади. Онъ самъ прибывалъ эти объявленія. Онъ былъ отвезенъ, для принесенія публичнаго покаянія, къ церкви Богоматери, а оттуда на Innocents, гдѣ ему отрубили кисть руки, потомъ въ Halles, гдѣ его сожгли живого, за то что онъ не хотѣлъ открыть своихъ сообщниковъ. — Третій былъ типографщикъ въ улицѣ Сентъ-Жакъ, осужденный за печатаніе книгъ Лютера. Онъ сожженъ живой на площади Моберъ. — 18 ноября одинъ каменщикъ сожженъ живой на улицѣ Сентъ-Антуанъ.—19 одинъ книгопродавецъ, жительствовавшій на площади Моберъ, сожженъ живой на сказанной площади, за продажу Лютеровыхъ сочиненій. — Далѣе продавецъ сѣмянъ и одинъ портной, жительствовавшій близъ Сентъ-Авуа. Но судъ пощадилъ ихъ, во вниманіе къ тому, что они открыли и обѣщали открыть другихъ виновныхъ.

«4 декабря, одинъ молодой слуга сожженъ живой въ Тамплѣ. 5-го—одинъ молодой рисовальщикъ сожженъ у моста Сентъ-Мишель. 7 го — одинъ молодой визальщикъ былъ высѣченъ противъ Пале на телѣгѣ и приносъ публичное покаяніе.

«21 января три лютеранина (въ томъ числѣ казначей города Нанта) сожжены въ улицѣ Сентъ-Онорѣ, а также одинъ клеркъ изъ Шатле, одинъ продавецъ овощей — предъ церковью Богоматери. 22 — жена одного башмачника близъ Сентъ-Северена, который былъ школьнымъ учителемъ и ѣлъ мясо въ пятницу и субботу.

«16 февраля, одинъ богатый купецъ, имѣвшій отъ 50 до 60 лѣтъ отъ роду, слывшій за хорошаго человека, сожженъ на кладбищѣ Сентъ-Жакъ.

«19, одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и живописецъ, жительствовавшіе близъ моста Сентъ-Мишель, высѣчены розгами.—26, одинъ разбойникъ-итальянецъ и одинъ молодой школьникъ изъ Гренобля были сожжены; школьникъ—за то, что прибѣлъ ночью пасквили (не приказанію одного университетскаго преподавателя, у котораго онъ жилъ).

«3 марта, одинъ пѣвчій королевской капеллы, который прибѣлъ въ замоку д'Амбуазъ, гдѣ находился король, нѣсколько объявлений, былъ сожженъ въ Сентъ-Жерменъ-д'Оксеруа.

«5 мая, одинъ прокуроръ и одинъ портной были притащены, къ паверти церкви Богоматери, отвезены на Свѣной Рынокъ, положе-

ни на желѣзныя цѣпья и сожжены въ такомъ положеніи... П такими же образомъ — одинъ башмачникъ съ перекрестка Пюи-Сенъ-Женевьевъ, который умеръ плачевнымъ образомъ, не покаившись въ своихъ грѣхахъ.

«Вмѣстѣ съ ними были сожжены и бумаги, относящіяся къ ихъ процессамъ».

Въ этомъ разсказѣ современнаго парижанина, который, притомъ, могъ быть личнымъ свидѣтелемъ, мы видимъ жестокое усиліе казни, которая начинается въ ноябрѣ. Осужденные не были предварительно задушаемы, а ихъ дѣйствительно *сожигали живыхъ*. Но и эта казнь оказалась недостаточною: въ маѣ изобрѣли это ужасное вѣшанье на *желѣзной цѣпи*, которая держала страдальца надъ огнемъ и продолжала его пытку, не давая тѣлу опуститься и исчезнуть въ пламени.

Сожженіе, — въ слѣдствіе адской предосторожности, — *процессовъ* вмѣстѣ съ людьми, слѣдало описаніе дѣяній этихъ мучениковъ очень трудной задачей.

Ничто не показываетъ, чтобы король подвергалъ себя пыткамъ — смотрѣть на эти ужасныя зрѣлища, которымъ должны были придавать крайнюю поразительность судороги страдальцевъ и запахъ горящаго человѣческаго тѣла. Онъ прѣбылъ въ Парижъ только 21 января, вышелъ въ восемь часовъ утра, отправился изъ Лувра въ Сенъ-Жерменъ-л'Оксеруа, и оттуда, по драпированнымъ улицамъ, съ великою помпой послѣдовалъ за процессіей духовенства, которое переносило св. дары отъ одного алтаря къ другому. При каждомъ онъ останавливался и творилъ молитву. Потомъ онъ пообѣдалъ въ домѣ епископства. Тамъ онъ видѣлъ публичное покаянiе осужденныхъ.

Если бы король присутствовалъ при казняхъ, то *Мъщанинъ*, прѣвосходный католикъ, не проминулъ бы указать на это съ гордостью и засвидѣтельствовать фактъ.

За восемь дней предъ тѣмъ (13 января 1535 г.) Сорбона добилась отъ короля невѣроятнаго ордонанса, которымъ запрещалось книгопечатаніе. Ордонансъ этотъ не сохранился, но что онъ дѣйствительно существовалъ — это доказывается данною королемъ отсрочкой относительно исполненія его (26 февр.).

Духовенство прибѣгло къ этой мѣрѣ слишкомъ поздно. Гибельное искусство прессы овладѣло всѣмъ. Пресса была даже болѣе чѣмъ искусство. Это была стихія, необходимая какъ воздухъ и вода. Воздухъ бываетъ хорошъ, бываетъ дуренъ; здѣсь — онъ здоровъ, тамъ — вреденъ. Что нужно? онъ все таки остается главнѣйшимъ условіемъ существованія. Его нельзя уничтожить дыханіемъ, такимъ же образомъ невозможно уничтожить и прессу.

По правдоподобному вычисленію (см. Дону и Пети-Раделя, Тайландъ и проч.), книгопечатаніе до 1500 г. дало четыре мильона томовъ (почти всѣ in-folio); отъ 1500 до 1536 г. — семнадцать мильоновъ. За тѣмъ уже невозможно сосчитать.

Въ теченіе десяти первыхъ лѣтъ лютеровыхъ соборныхъ изданій въ Германіи умножились въ десять разъ. Въ 1533 г. уже было семнадцать изданій нѣмецкаго евангелія въ Виттембергѣ, тринадцать въ Аугсбургѣ, тринадцать въ Страсбургѣ, двѣнадцать въ Базель и проч. Число экземпляровъ лютерова катихизиса скоро достигло цѣлыя 100 тысячъ, и проч. и проч. (Шефферъ, *О сдѣлкахъ Лютера на востокахъ*). Швейцарія и Нидерланды, Франція, Англія, сѣверъ дѣлають непереложныя усилія—догнать Германію на этомъ пути.

Требованіе Сорбонны было такъ смѣшно, что парламентары, бывшіе до этихъ поръ союзниками сорбонистовъ, протестовали противъ нихъ. Они доказали королю, что подобная мѣра и желана и возможна.

Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ раздался голосъ общественнаго мнѣнія противъ страшной непослѣдовательности въ дѣйствіяхъ правительства, которое преслѣдовало протестантовъ въ Парижѣ — и помогало имъ въ Германіи; заключало трактаты съ турками — и сожгало христіанъ.

Правда, нѣмцы уничтожали анабаптизмъ (коммунистическую и многоженственную секту). Но въ Парижѣ, не смотря на все бѣшенство преслѣдованій противъ протестантовъ, не смотря на сожженіе бумагъ вмѣстѣ съ людьми, на уничтоженіе процессовъ, на подавленіе свѣта, ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ, какъ то было смѣшномъ хорошо извѣстно, не принадлежалъ къ числу анабаптистовъ. Французская школа была совсѣмъ не такова. Это была школа иполдѣ христіанская, покорная подлежащимъ властямъ.

Разсказанныя нами событія происходили въ ту самую минуту, когда нѣмецкіе протестанты, съ помощью французскихъ денегъ, посредствомъ быстрого удара, похитили Виртембергъ у австрійскаго дома и у католицизма, принудивъ Фердинанда признать совершившійся фактъ, утвердить эдиктъ о вѣротерпимости.

Послѣдствіемъ этого былъ громадный протестантскій взрывъ. Все, что, вслѣдствіе страха внушаемаго Австріей, оставалось католическимъ, теперь заговорило громко и откровенно. Померанія, Мекленбургъ, Брауншвейгъ, нѣмецкія провинціи Данія, значительная часть Саксонія, все рейнское пфальцграфство—объявили себя протестантами. Отдаленный скандинавскій сѣверъ начиналъ колебаться и прѣпитываться тѣмъ же духомъ.

Такимъ образомъ Францискъ I могъ видѣть, что, сожигая протестантовъ, онъ разрушаетъ то, что онъ недавно сдѣлалъ; раздражаетъ нѣмцевъ въ ту минуту, когда онъ только-что успѣлъ привлечь ихъ на свою сторону посредствомъ важной услуги; ссорится съ партией, которая имѣла уже въ своихъ рукахъ половину Европы.

И для кого же дѣлалась эта глупость? Для Климента VII, который стоялъ уже на краю могилы? Въ угоженіе италійскаго цркви? Но эта церковь такъ же какъ и Италія ненавидѣла и проклинала его за то, что онъ призвалъ и напустилъ на Европу ужасныхъ корсаровъ Барбаруссы.

Врѣмя его начало проясняться и онъ успѣвши (1535) вновь приобрести расположеніе нѣмцевъ. Дюпра недавно умеръ. Дю-Веле слова стали убѣждать его—привзвать Меланхтона. Онъ далъ амнистію, «желая чтобы подозрѣваемыхъ лицъ не была тревожнѣе и чтобы они получали свободу, если находятса въ заключеніи.» Вѣржемы могли вернуться, съ тѣмъ, чтобы они отрелись отъ своей вѣры въ теченіе шести мѣсяцевъ и жили какъ добрые католики.

Волѣе значительное дѣло было совершено еще въ февралѣ. Король съватилъ Водѣ, заставилъ его принести публичное покаяніе, и заключилъ его въ Монъ-Сенъ-Мишель, гдѣ онъ и умеръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Францискъ I и Карлъ V.—Фонтенбло.—Гаррантуа.

Литтхскій уроженецъ Ома Губертъ, прибывшій въ 1535 г. во Францію съ палатинскимъ курфирстомъ, представляетъ намъ весьма любопытный портретъ Франциска I. Это было послѣднее время, когда король оставался еще самимъ собою. Въ 1538 г. болѣзнь поразила его съ необыкновенною силою, и во все остальное время до своей смерти, послѣдовавшей въ 1547 г., онъ, такъ сказать, переживалъ самаго себя.

Здоровье его сильно пострадало еще въ 1535 году. Но онъ все еще былъ блистателенъ въ разговорахъ и обладалъ необыкновенною памятью, которая возбуждала удивленіе въ итальянцахъ. «Онъ отлично зналъ и описывалъ особенности всѣхъ странъ, даже самыхъ отдаленныхъ, ихъ средства, естественныя произведенія, дороги и судходовныя рѣки» (P. Jov.).

Къ этому Губертъ прибавляетъ: «Не только художникамъ, но даже садовникамъ и земледѣльцамъ было бы полезно послушать его. Къ несчастію, онъ съ трудомъ выговаривалъ слова, потому что, вслѣдствіе болѣзни, у него былъ поврежденъ язычокъ въ горлѣ» (Hüb. Vita Fred. Pol.).

А между тѣмъ ему едва былъ 41 годъ отъ роду. Карлъ V имѣлъ только 35 лѣтъ, но здоровье его было ничѣмъ не лучше. Онъ заикался, подобно Франциску I, и не имѣлъ уже волосъ на головѣ; говорилъ, будто бы онъ остригся, но, вѣроятно, что онъ потерялъ свои волосы вслѣдствіе припадковъ падучей болѣзни, которыми иногда страдалъ въ молодости, или же вслѣдствіе излещенія, которыми предавался, и происходившихъ отъ этого болѣзней. Онъ любилъ поѣсть, былъ большой охотникъ до женщинъ и не разбиралъ, были ли то знатныя дамы или простыя дѣвушки. Въ 1532 г. язва на ногѣ принудила его вдругъ оставить армию, стоявшую противъ Солimana.

Болѣзнь этихъ королей принесла пользу человечеству въ томъ отношеніи, что знаменитѣйшіе врачи того времени должны были изыскивать новыя средства для леченія небывалыхъ до тѣхъ поръ болѣзней, оставивъ въ сторонѣ древнюю медицину, греческую и арабскую, которая въ этомъ отношеніи оставалась безгласною. Величайшіе умы того времени—Фернель, Ронделе, Сильвиусъ, Серве, Везаль

окружали кафедру врача Франциска I, знаменитаго Гунтера Андерваха, бывшаго главою парижской школы. Въ это время Везаль приготовилъ первое описаніе анатоміи человѣческаго тѣла, а Серве предугадалъ великое и важнѣйшее открытіе того вѣка, именно крутообращеніе крови.

Везаль, прозекторъ Гунтера, сдѣлался докторомъ Карла V и написалъ сочиненіе *О подагрѣ Цезаря*, которое не безъ основанія ставилъ наряду съ поэмою Фракастора о спондилѣ, помѣщенною въ собраніи старыхъ трактатовъ объ этой странной болѣзни. Цезарь, котораго лечили бакаутомъ, все сильнѣе и сильнѣе страдалъ опухолью костей. Король же, повидимому предпочитавшій меркуріальныя ядоули своего друга Варбаруссы, тѣмъ не менѣе чуть не умеръ отъ страшныхъ вередовъ и получилъ безобразную опухоль лица, затѣну на послѣднемъ его портретѣ.

Въ этомъ состояніи здоровья расположеніе духа двухъ больныхъ было, однакоже, различно. Жолчный нравъ Карла V, раздражаемый и разгорячаемый кушаньями, которыя сильно приправлялись пріными кореньями, безпрестанно возбуждалъ въ немъ безпокойные элементы, характеризующіе его расу: агитацію Максимилиана, неукротимость и меланхолію Карла Смѣлаго. Онъ не хотѣлъ слышать о иррѣ. Напротивъ того Францискъ I, еще болѣе больной и павшій духомъ, желалъ бы заключить, по крайней мѣрѣ, перемиріе на нѣсколько лѣтъ, если бы онъ не былъ удерживаемъ отъ этого позоромъ, нанесеннымъ ему въ лицѣ Маравиллы и преслѣдовавшимъ его сожалѣніемъ о потерѣ Милана (Relaz. Venez. Nicolo Tierolo. 1538).

Французскій король мало по малу какъ будто приполъ въ себя. Въ молодости онъ сперва мечталъ о Востокѣ и крестовыхъ походахъ, потомъ объ Италіи, затѣмъ объ имперіи. Миланъ оставался его задушевною мыслію; но онъ желалъ приобрести его скорѣе путемъ дипломатической сдѣлки, чѣмъ посредствомъ войны.

Какъ тягостна теперь была для него война—это можно видѣть изъ того, что онъ отказался даже отъ большихъ утомительныхъ охотъ. Необозримые ландшафты Луары, пустыни Солони, явившіеся королю-рыцарю и побудившіе его выбрать такую меланхолическую мѣстность для своего волшебнаго замка Шамбора, не годились для прогулокъ человѣка хвораго. Ему нужна была природа болѣе закутая и изащная. Онъ полюбилъ Фонтенбло.

Время года здѣсь гармонировало съ лѣтами короля. Фонтенбло представляетъ собою по преимуществу осенній пейзажъ, въ высшей степени оригинальный, дикій и вмѣстѣ нѣжный и уединенный. Его скалы, облитыя горячимъ солнечнымъ свѣтомъ, его фантастическая древесная тѣнь, окрашенная октябрьскимъ колоритомъ и располагающая къ мечтательности, Сена, текущая въ двухъ шагахъ между золотистыми виноградниками, — все это вмѣстѣ представляетъ уютное гнѣздышко для человѣка, желающаго отдохнуть и допить изъ чаши жизни, такъ сказать, послѣднюю каплю, оставшуюся отъ сбора винограда.

«Въ случаѣ несчастія, гдѣ стали бы вы искать убѣжища и утѣшній природы?—Въ Фонтенбло.—А въ счастіи?—Тамъ же».

Эти слова умной женщины могутъ быть поняты всѣми. Но Фонтенбло любилъ въ особенности люди съ уязвленнымъ сердцемъ. Св. Людовикъ, глубоко сокрушавшійся о паденіи среднихъ вѣковъ, приходилъ въ этотъ лѣсъ молиться. Людовикъ XIV, потерпѣвъ поражение, удаляется изъ Версаля, гдѣ картины, изображающія его побѣды, кажутся ему ироніей, и ищетъ въ Фонтенбло тишины и тѣни.

Тамъ же Францискъ I, усталый отъ войнъ, разочарованный въ своихъ мечтахъ объ Италіи, создалъ для себя Италію французскую. Онъ устроилъ галерею, роскошныя гильбища, удобныя и открытыя, ломбардскія виллы, которыхъ ему не суждено увидѣть опять. Онъ создалъ свою галерею Улисса. Его Одиссея кончена. Покорась судьбѣ, онъ довольствуется своею Итакой.

Францискъ I, не мало способствовавшій паденію Италіи, собралъ обломки ея величія съ жадною любовью, за которую она была ему признательна. Италія помнила только его страсть къ ней, — страсть истинную и непритворную. Дѣйствительно, въ этотъ вѣкъ, когда всѣ государи выказывали покровительство искусствамъ, слѣдуетъ различать ихъ одного отъ другаго. Левъ X возымѣлъ причудливую мысль — слѣлать Рафаэля кардиналомъ. Великій политикъ Карлъ V полюбилъ Венеціи, поднявъ кисть Тиціана. Всѣ оказали уваженіе художникамъ; но Францискъ I полюбилъ ихъ.

Итальянскіе изгнанники нашли въ немъ величайшее для себя утѣшеніе: онъ подражалъ имъ, принялъ ихъ манеры, костюмъ и даже языкъ.

Великій Леонардо да Винчи, посѣтившій его въ 1518 г., сдѣлался предметомъ такого обожанія, что, не смотря на свой восьмидесятилѣтній возрастъ, онъ измѣнилъ французскія моды; король и дворъ подражали ему въ одеждѣ, въ манерѣ, формѣ бороды и въ стрижкѣ волосъ. Только рана короля на головѣ заставила его измѣнить прическу. По его примѣру, всѣ усвоили итальянскій выговоръ. Это видно изъ писемъ Маргариты, писавшей такъ, какъ она произносила: *chouse* вмѣсто *chose*, *j'ouse* вмѣсто *j'ose*, *ous* вмѣсто *os*.

За то итальянцы создали для короля чудеса искусства, цѣлый міръ образцовыхъ произведеній. Къ несчастію, наши фаворитки семнадцатаго столѣтія, безразличныя лицемѣрки, не могли сносить вида этихъ слишкомъ вольныхъ картинъ. Онѣ любили только дѣйствительность. Онѣ святотатственно истребили единственную картину Микель-Анджело, писанную масляными красками, — единственный, первый и послѣдній шагъ его въ опасныхъ областяхъ фантазіи. Эта картина представляла Леду, олицетвореніе строгаго и суроваго сладострастія, увлекательную какъ природа. Микель-Анджело послалъ ее королю Фонтенбло. Это изображеніе Леды — серьезной, высокожѣрной, гордой въ самой пылкости своей, показалось непристойнымъ жеманнымъ лицемѣркамъ, и потому было сожжено глупцами.

Разграбленіе Рима въ 1527 г., паденіе Флоренціи въ 1532 — были

въ нѣкоторыхъ смыслахъ эпоху разсѣвнн итальянцевъ по землѣ. Централизація была уничтожена. Итальянскія искусства разбросаны на всѣ четыре стороны. Джулио Романо отправился въ Мантую, построилъ тамъ виллу съ дворцомъ, съ живописью рухнувшаго міра, съ изображеніемъ борьбы гигантовъ противъ боговъ. Другіе художники удалились въ глубину сѣвера и, вдохновясь его варварскимъ гениемъ, построили Кремль для государства Ивана Грознаго. Нѣкоторые явились во Францію, и здѣсь въ матеріалѣ самомъ непокорномъ, въ песчаникѣ Фонтенбло, они находятъ неожиданныя эфекты, страшный образъ соответствовавшіе таинственному характеру пейзажа, темной и мрачной загадкѣ полтвны королей. Отсюда — эти Меркурии, эти страшныя хари *Овальнаго двора* отсюда эти изумительныя Атланты, которые стерегутъ купальни на *дворѣ «Блѣдой леди»*, люди-утесы, которые въ теченіе 300 лѣтъ все еще ищутъ для себя формы и души, свидѣтельствуя по крайней мѣрѣ, что въ камнѣ есть врожденная греза бытія и стремленіе осуществить ее.

Я не далекъ отъ мысли, что итальянцы, покинувъ родину, забывшись отъ ея публки и критиковъ и чувствуя себя тѣмъ свободнѣе въ мѣтѣжественныхъ земляхъ, — были заранѣе увѣрены во всеобщемъ удивленіи къ нимъ, приобрѣли смѣлость, которой не имѣли въ своемъ отечествѣ. Россо снялъ узду съ своего бѣшеннаго скакуна. Имѣя дѣло съ человѣкомъ, который жаждалъ только развлечения и постоянно поощрялъ его, — онъ, съ самою причудливою смѣлостью, соединилъ всѣ искусства въ маленькой любимой галлерей больнаго. Нѣтъ ничего сумасброднѣе и забавнѣе этого смѣшенія. Трибуле и Брюске, безъ сомнѣнія, помогали ему своими дѣльными совѣтами. Но прекрасное, безобразное и чудовищное сливаются здѣсь, не представляя нескладицы. Вы бы сказали, что здѣсь Гаргантюа сгармонизированъ въ Аріостѣ. Тучныя жрецы, двусмысленныя весталки, странныя герон, смѣлыя дѣти, — всѣ эти фигуры — чисто французскія. Ничто не напоминаетъ Италію. Всѣ эти дѣвушки, однѣ рѣзвыя и хорошенькія, другія — взволнованныя, съ прерывающимся дыханіемъ, и та страждущая, къ груди которой (много обѣщающей въ будушемъ) сестра прикасается нѣжною рукою сестры, всѣ эти очаровательные образы — наши французскія дѣвушки въ томъ видѣ, какъ Россо призываетъ ихъ къ себѣ, заставляя ихъ позировать и играть предъ собою. Однѣ — краснѣютъ, тревожатся, смѣются, неожиданно попавши во дворецъ королей, другія — дуются и плачутъ, вѣроятно потому, что служатъ предметомъ черезъ-чуръ восторженнаго созерцанія. Россо воспользовался всѣми этими отбѣнками. Это сама природа, приходящая намъ въ восхищеніе.

Среди этой пантагрюэлевской разнохарактерной толпы, въ этомъ великомъ собраніи всего свѣта, гдѣ Америка и Азія тоже участвуютъ въ карнавалѣ, король Возрожденія, котораго можно узнать по его большому носу, король смѣльцовъ ведетъ Францію, не видящую ни зги, и, со шпагою въ рукѣ, вталкиваетъ ее во дворецъ свѣта.

Нашъ оперъ становится Францискъ I, чѣмъ больше годится. Онъ дѣлается къ вдовству за женщинами, чѣмъ болѣе онъ полюбилъ искусство. Всегда извѣстны его слова къ Челлини: «Я утопаю тебѣ въ золото». Когда же Россо показалъ ему маленькую галерею, онъ увидѣлъ себя обладателемъ такого очаровательнаго царя, королемъ этого смѣшливаго народа в этомъ единственномъ сарае, те в снѣгъ съ одной стороны сочинилъ царя, сказалъ Россо: «Я дѣлаю тебѣ каноникомъ». И этотъ набожный художникъ получалъ въ канонратъ *Sainte-Chapelle*.

Россо нисколько этимъ не воспользовался. Вслѣдствіе огорченія, онъ лишилъ себя жизни. Подобная же участь постигла великаго и очаровательнаго Андрея дель Сарто. Но этотъ послѣдній прежде своего несчастія собралъ весь свой гешъ и написалъ для Франциска I самую животрепещущую картину, какая только когда либо существовала. Странное и совершенно незаслуженное торжество столь легкомысленнаго короля, для котораго итальянецъ, въ пылу благодарности, создалъ *Miloserdie*, эту вещь—въ высшей степени живую и плачевную. (Она находится въ Луврѣ.)

Меня нисколько не удивляетъ, что искра, упавшая оттуда, превратилась въ пламя. *Et quasi currentes vitae lampada tradunt*. Съ этихъ поръ Франція, отбѣлѣвшись отъ Италіи, идетъ впередъ со свѣтлымъ искусствомъ.

Настоящею королевой Франціи была живая цикардійка. Бойкая герцогиня д'Этампъ, которая, посредствомъ страннаго, конечно, способа, съумѣла въ теченіе двадцати лѣтъ сохранить вліяніе свое надъ Францискомъ I. Комната ея была настоящимъ центромъ королевской власти. Для украшенія этой комнаты она не призывала иностранцевъ, а взяла одного молодого француза; она воспользовалась дарованіемъ этого волшебника Жана Гужона, который придавалъ камнямъ волнующуюся грацію, вѣяніе Франціи, художника, который заставлялъ мраморъ течь подобно струямъ нашихъ неубѣдительныхъ рѣкъ, придавалъ ему колебаніе высокихъ эфемерныхъ травъ и волнующейся жатвы.

Кариатиды этой таинственной комнаты кажутся первую попытку молодого человека,—попытку смѣлой, неправильной и счастливой. Откуда взялъ онъ эти мѣлыя формы, столь мало пропорціональныя, этихъ странныхъ вѣтвей, невѣроятныхъ, необыкновенно высокихъ и гибкихъ? Можетъ быть, тополи Фонтенбло, тростникъ его ручья или виноградники Томери, съ своими причудливыми вѣтвями, облеклись въ человѣчскій образъ... Лѣсныя видѣнія, сны въ лѣтнюю ночь, о которыхъ мы жалѣемъ при утреннемъ пробужденіи, схвачены налету быстрою и нѣжною рукою художника. Вотъ онъ, эти очаровательныя иконы, плѣвныя, прищипанныя искусствомъ; онъ уже не исчезнуть.

Комната эта, не очень большая, и раблеевская галерея, теплая, съ низкимъ потолкомъ, господствующая надъ маленькимъ прудомъ, была убѣжищемъ послѣднихъ лѣтъ Франциска I и свидѣтелями его разговоровъ. Онъ былъ любопытенъ и пылкъ. И никогда не было

такъ много предметовъ для разсказовъ, какъ въ это время. Стѣны говорятъ подобно оледѣнѣвшимъ словамъ, встрѣченнымъ Нантэгролемъ и повременамъ оттаявавшимъ; разговоры, олицетворенные въ рисункахъ Россо, кажется, могутъ отдѣлиться отъ стѣнъ. Они повѣствуютъ о недавнихъ открытіяхъ, объ Азій, объ Америкѣ. Здѣсь мы видимъ индюшку, странную птицу, которая сначала возбудила такое удивленіе; слона, кокетливо украшеннаго нарядомъ султаниши и тому подобныя новыя тогда предметы для разговоровъ.

Здѣсь король былъ пораженъ странною новостью, что вертится земля, а не солнце. Все это было вычислено и доказано набожнымъ духовнымъ лицомъ. Тутъ же, на основаніи книги Овандо, ему разсказывали о непредвидѣнныхъ чудесахъ новаго свѣта, гдѣ животная жизнь нисколько не напоминаетъ старую. Здѣсь Ринкомъ, Дюшатель, Постель говорили ему: «турки лучше христіанъ». И они разсказывали ему о немовѣрной роскоши Солimana, о превосходномъ порядкѣ, праздникахъ и волшебствахъ Константинополя. Умъ большаго, оставшагося въ бездѣйствіи и тѣмъ болѣе безпокойнаго, интересовался всѣмъ. Онъ понуждалъ Жака Куртье къ открытію Канады, поручалъ естествоиспытателямъ—Велону, Ронделю, Жилю д' Альби, изучать и привозить изъ Азій звѣрей, неизвѣстныхъ въ Европѣ.

Сестра Франциска, королева наварская, Вюде, его библіотекаръ, Дюшатель, его чтець, а болѣе всѣхъ—братья дю Веле принимали во всемъ этомъ главное участіе.

Безъ сомнѣнія, не кто другой какъ Жакъ дю-Беле занималъ короля чтеніемъ удивительной книги, изданной въ Лионѣ шутивымъ докторомъ Рабле, его протежѣ и *слугою*, какъ говорили въ то время.

Что это была за книга? — Сѣвнскъ или хмѣра, чудовище о ста головахъ, съ сотнею языковъ, гармоническій хаосъ, безконечно важный фарсъ, дивно-свѣтлое опьяненіе, глубоко-разумное безумство.

Что это былъ за человекъ? Спросите скорѣе, чѣмъ онъ не былъ. Это—человѣкъ, занимавшійся всѣми науками, всѣми искусствами, всѣми языками, настоящій *παν-οργανος* всеобщій агентъ въ наукахъ и разнородныхъ дѣлахъ; онъ былъ всѣмъ и ко всему способенъ; онъ совмѣстилъ въ себѣ весь геній своего вѣка и изливаетъ его каждую минуту.

Христофоръ Колумбъ открылъ новый свѣтъ, имѣя пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Рабле былъ почти въ тѣхъ же лѣтахъ, когда открылъ свой новый свѣтъ.

Новизна содержанія высказалась въ новизнѣ формы. Французскій языкъ явился въ величіи, котораго онъ не имѣлъ ни прежде, ни послѣ того. Совершенно справедливо говорить, что Рабле оказалъ французскому языку такую же услугу, какъ Дантъ итальянскому. Онъ употребилъ въ дѣло и сплавилъ вмѣстѣ всѣ нарѣчія, элементы всѣхъ временъ и всѣхъ провинцій, которые представляли ему средвіе вѣка, прибавивъ еще множество техническихъ терминовъ, взятыхъ изъ области наукъ и искусствъ. Другой не сумѣлъ бы сравниться съ такимъ безконечнымъ разнообразіемъ, но Рабле сгармонизировалъ

все. Знаніе языковъ, какъ древнихъ (въ особенности греческаго) такъ и новѣйшихъ, помогло ему овладѣть съ языкомъ французскимъ, охвативъ его во всей его цѣлости.

Величественное зрѣлище! Рѣки и ручейки этого языка, сосредоченные и смѣшанные въ немъ, какъ въ озерѣ, принимаютъ одно общее теченіе и выходятъ потомъ вмѣстѣ, въ очищенномъ видѣ. Въ исторіи литературы онъ имѣетъ то же значеніе какое имѣютъ въ природѣ швейцарскія озера, эти бассейны живительныхъ водъ, которыя, стекая съ ледниковъ тысячью жгль, собираются тамъ и выходятъ оттуда въ видѣ рѣкъ, носящихъ названіе Рейса, Роны над Рейна.

Все это относится къ языку и формѣ; что же касается до содержанія, то съ кѣмъ слѣдуетъ сравнить его?

Съ Аріостомъ? съ Сервантесомъ?—Нѣтъ, они оба смѣются у могилы, смѣются надъ погребшимъ отечествомъ и похороненнымъ рыцарствомъ. Они оба смотрятъ на закатъ, а Рабле обращается къ востоку.

Смѣнно было бы сравнивать Гаргантюа и Пантагрюэля съ «Божественною комедіей». Никакое человѣческое твореніе не можетъ быть сравниваемо съ твореніемъ итальянскаго поэта, — вдохновеннымъ, обдуманымъ исполненнымъ чудной стройности. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что эта стройность обязана своимъ существованіемъ тому, что Дантъ, столь оригинальный въ частностяхъ, подчинился въ цѣломъ, въ доктринѣ и даже способѣ сочиненія уже готовой системѣ, — именно офидіальной системѣ теологів. Онъ стремится къ безконечному, но справа и слева его поддерживаютъ и ограничиваютъ двѣ гранитныя стѣны: св. Тома, и неподвижное преданіе мистеріи трехъ міровъ, которая повсюду была представлена въ видѣ драмы, прежде чѣмъ она превратилась въ эпопею.

И такъ повторимъ о Дантѣ то, что говорили о двухъ другихъ поэтахъ. Мысль его обращена къ прошедшему. Вжели иногда непокорная сила его духа и устремляется къ будущему, то это происходитъ какъ бы противъ его воли, въ видѣ возвышенныхъ, случайныхъ порывовъ генія и страсти, въ видѣ увлеченій сердца.

Рабле слѣдуетъ совершенно противоположному направленію. Онъ несетъ къ Востоку, въ неизвѣстныя страны.

Его твореніе не такъ стройно, что очень естественно: это есть путешествіе, предпринятое съ цѣлю открытій.

Рабле знаетъ все прошедшее и презираетъ его. У него осталось отъ этого прошедшаго много лохмотьевъ, которые онъ отрываетъ на бѣгу, разбрасываетъ по дорогѣ. Вжели онъ и удерживаетъ что-нибудь, то только отдѣльныя слова и шмена, которыми онъ называетъ новыя вещи, совершенно противоположныя прежнимъ.

Гордый девизъ Монтескьё: «это — дитя безъ матери» (*prolem sine matre creatam*) гораздо лучше подходитъ къ Рабле. Гдѣ его предшественники? Онъ называетъ книгу свою утопій, и безъ сомнѣнія, ему знакома «Утопія» Томаса Моруса; у него была передъ глазами «Похвала безумію» Эразма Роттердамскаго. Но онъ не заимствовалъ ни одно-

го слова ни изъ той, ни изъ другой книги. Эразмъ — человекъ умный, но холодный, вмѣющій мало одушевленія; онъ не можетъ найти парадоксъ иначе, какъ выходящи изъ границъ здраваго смысла. Онъ доходитъ до нечѣпости, когда въ свой списокъ безумцевъ выключаетъ ребенка, когда въ любви, въ священной тайнѣ рожденія видитъ смѣшное безуміе! Это глупо и святотатственно.

Томасъ Морусъ — бездарный романистъ, который въ своей «Утопій», произведеніи слабѣе, съ трудомъ доходитъ до того, что истинно-коммунисты осуществили гораздо болѣе оригинальнымъ образомъ. Здѣсь форма плоска, содержаніе — пошло: воображенія — мало; но при всемъ мало также чувства дѣйствительности. Рабле ничѣмъ не обязанъ этимъ слабымъ произведеніямъ. Онъ заимствовалъ только у народа, изъ старыхъ легендъ, также вѣялъ кое-что изъ шивальной жизни, изъ студентческихъ преданій. Употребляя ихъ въ дѣло, онъ вѣстѣ съ тѣмъ потѣшается и насмѣхается надъ ними. Все это просвѣчиваетъ въ его глубокомъ и обдуманномъ твореніи, подобно дѣтскому смѣху и колыбельнымъ пѣснямъ кормилицы.

Отважный мореплаватель на бездонномъ морѣ, поглотившемъ древнихъ боговъ, онъ стремится къ открытію великаго — *можетъ быть*. Ему придется долго искать. Канатъ перерубленъ и легендѣ сказано послѣднее прости; мореплаватель хочетъ остановиться только на истинномъ и разумномъ, и потому онъ подвигается впередъ медленнo, разгоняя химеры. Но науки возникаютъ, освѣщаютъ его путь мерцаніемъ глубокой *вѣры*. Коперникъ и Галилей пойдутъ далѣе по этому пути. Но уже Америка и новые острова, химическіе агенты, извлеченные изъ растений, движеніе крови, кругообращеніе жизненныхъ силъ, взаимная связь отравленій — проявляются въ Пантагрюэль дивными страницами, которыя, несмотря на свою легкую и часто даже ироническую форму, тѣмъ не менѣе суть священныя пѣсни Возрожденія. Мы будемъ въ другомъ томѣ говорить объ Одиссѣ Пантагрюэля. Теперь поговоримъ объ Илиадѣ, т. е. о Гаргантюа.

Но прежде чѣмъ взяться за эту книгу, слѣдовало бы сколько нибудь узнать — какимъ путемъ авторъ допелъ до нея. Къ несчастію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній относительно этого предмета. О, еслибы кто либо могъ написать біографію Рабле! Но это невозможно.

Мы только и знаемъ о немъ, что онъ велъ жизнь великихъ индѣлителей того времени, жизнь безпокойную, скитальческую, пугливую, подобно несчастному зайцу, попавшемуся между двумя бородами. Онъ прятался, хитрилъ, укрывался какъ могъ, и такимъ образомъ прожилъ свой вѣкъ и даже достигъ старости, побѣждая сожженія.

Нельзя не согласиться, что эта была жизнь ужасная. Этого несчастнаго сына Турени, друга природы, слѣдали священникомъ, монахомъ. На первыхъ же порахъ, монахи, угадавши его гениальную натуру, засадили его въ заточеніе. Судьи освободили его отсюда. Онъ долгое время прятался подъ покровительствомъ братьевъ Дю-Фель, его старухъ сосарицей не школь. Онъ сталъ работать для нихъ: для Гильома — по части исторіи, для Рени — по части ошейки, для кардинала

Жана—по части дипломатіи. Любезникъ и домашній шутъ въ баронскихъ замкахъ, деревенскій врачъ, сочинитель по заказу книгопродавцевъ,—этотъ великій гений не можетъ освободиться отъ пороковъ своей ветхой одежды, а въ особенности отъ хвастовства пороками, чтобы угодить знати. Большой пьяница (на бумагѣ) и развратникъ (въ своихъ латинскихъ стихахъ) онъ, въ своей скитальческой жизни, къ удивленію, сохраняетъ нравственные сплы, честность, возвышенную любовь къ лебру, ту ненависть къ неправдѣ, которая скоро разрунитъ старыи міръ.

Въ Монпелье онъ съ успѣхомъ преподавалъ медицину; но его ветхая одежда, безъ сомнѣнія, преслѣдовала его. Онъ поселился въ Ліонѣ, гдѣ въ большой итальянской колоніи проявлялась уже нѣкоторая свобода. Онъ нашолъ тамъ другую жертву фаватизма — пламеннаго, неустранимаго типографика Этьена Доле, который одинаково попадалъ и на юристовъ и на духовенство и довелъ себя до «естра». Рабле дѣлалъ для Доле и другихъ книгопродавцевъ популярныя издаванія альманаховъ и сатиръ, которыя распространяли извѣстность его имени. Начинали уже поглядывать, на которую сторону онъ склонится. Протестанты спрашивали присоединится ли онъ къ нимъ. Бѣзъ говорить въ своихъ стихахъ: «Взоры всѣхъ большихъ умовъ обращены на этого человѣка».

За то всѣ и отступились отъ него при появленіи Гаргантюа; всѣ закричали отъ ужаса или радости. Не многіе поняли, что это была книга воспитанія. Не многіе угадали скрытую въ ней идею, которая здѣсь та же самая что и въ *Эмиль* Руссо: «Возвратись къ природѣ».

Это было совершенно противъ принципа среднихъ вѣковъ, которые говорили: «природа—зла и безсильна для твоего спасенія», онъ говорилъ: «Природа—добра; трудись, спасеніе твое—въ тебѣ самомъ».

Но точка его отправления не есть, какъ у *Эмиля*, отвлеченная аксіома. Исходнымъ пунктомъ для него служить дѣйствительность жизни, нравы, и невѣжественная мысль того времени. Концепція этого произведенія, совершенно дѣтская, показываетъ человѣка громадно, гигантски-реальнаго, гиганта. Дѣло здѣсь идетъ о томъ, чтобы создать настоящаго великана.

Мы видимъ, что глаза Рабле устремлены на свѣшныя зрѣлища; съ самой колыбели его окружаетъ цѣлый міръ смѣшного. Онъ былъ свѣдѣтелемъ счастливой, богатой, но невѣжественной эпохи Людовика XII, Грангузье и Гаргазелы. Онъ еще помнитъ ее. Это Гаргантюа помѣченъ тѣмъ годомъ, когда Францискъ I наложилъ пошлину на вина, что произвело бунтъ въ Ліонѣ. Онъ шутовливо начинаетъ свою книгу словомъ: *Sitio* (жажда).

Эту жажду (которая сейчасъ же становится жаждою идеей и знаній) авторъ поставляетъ сначала на почвѣ самаго низкаго матеріализма; это не болѣе какъ пьянство, ѣда и питье. Такой шутовскій прологъ служитъ введеніемъ къ книгѣ, подобно фарсамъ и *праздникамъ осла*, которые предшествовали рождественскимъ гимнамъ.

Таковъ былъ человѣкъ тоглапнаго времени, такимъ представилъ его и Рабле. Ребенокъ, съ колыбели окруженный дурными людьми,

потомъ воспитанный наперекоръ здравому смыслу, представляетъ собой превосходное зеркало того, чего нужно избѣгать.

Такова здѣсь исходная точка; таковою онъ и слѣдовало быть,

За исключеніемъ этой дани, которую авторъ заплатилъ своему времени, превосходство Рабле надъ его преемниками—Монтенемъ, Фенелономъ и Руссо—очевидно. Его планъ воспитанія остается самый полнымъ и разумнымъ. Сверхъ того онъ плодovitъ и положительнъ.

Вопреки среднимъ вѣкамъ онъ думаетъ, что человѣкъ добръ отъ рожденія, что никакимъ образомъ не слѣдуетъ искажать его природу, что ее слѣдуетъ развивать во всей ея цѣлости — развивать сердце, умъ, тѣло. Непротиву новому времени, резонерамъ, критикамъ, Монтеню и Руссо, онъ думаетъ, что воспитаніе не должно начинаться резонерствомъ и критикой. Руссо и Монтень прежде всего сажали своего ученика на сухой хлѣбъ, изъ боязни, чтобы онъ не слишкомъ много ѣлъ. Рабле же, напротивъ, даетъ своему ученику всякую хорошую пищу Божію; природа и науки щедро питаютъ его; онъ осыпаетъ эту блаженную колыбель всеми дарами неба и земли, наполняетъ ее плодами и цвѣтами.

Скажутъ, что подобное воспитаніе слишкомъ богато, слишкомъ полно, слишкомъ учено. Но искусство и природа уотреблены здѣсь затѣмъ, чтобы придать прелесть наукъ. Музыка, ботаника промышленность во всѣхъ ея отрасляхъ, всѣ тѣлесныя упражненія, служатъ здѣсь отдыхомъ. Религія, возникающая изъ истины и природы, согрѣваетъ и оплодотворяетъ сердце. Вечеромъ учитель и ученики, прослѣдивши вкратцѣ занятія всего дня, «отправлялись ночью въ самое открытое мѣсто своего жилища, смотрѣть на небо и наблюдать видъ небесныхъ свѣтилъ. Они молились Богу-Создателю, благоговѣнно поклоняясь Ему, укрѣпляя свою вѣру въ Него и прославляя Его безиредѣльную благодать. И, воздавъ Ему благодареніе за все прошедшее время, они поручали себя впередъ Его святому милосердію. За тѣмъ шли на покой».

Это воспитаніе принесло пользу. Гаргантюа былъ приготовленъ не единственно для науки. Это человѣкъ, это герой. Онъ умѣетъ защищать своего отца и свою родину. Онъ остается побѣдителемъ, потому что онъ справедливъ и храбръ, не смотря на свое миролюбіе.

Противъ Карловъ V, противъ завоевателей, возникаетъ новое право: «Васъ осуждаютъ вѣра, законъ, разумъ, человѣчность, Богъ; и вы погибнете; теперь уже не то время чтобы подобнымъ образомъ завоевывать королевства».

Вся эта книга носитъ отпечатокъ тогдашняго времени, будучи очевидно написана подъ вліяніемъ послѣднихъ событій, войнъ императора, а также и схоластическихъ споровъ въ Парижѣ; она проникнута смертельною враждою къ грязной и буйной сволочи капетовъ, враговъ мысли. Рабле, прибывши въ 1530 году изъ Монпелье въ Парижъ, нашолъ тамъ торжествующаго Беда, увидѣлъ еще дымящійся костеръ Веркена; и вынесъ оттуда энергическое и горькое негодованіе.

Въ 1534 году Жанъ-Дю-Беле, отправляясь въ Римъ, проѣзжалъ черезъ Лионъ, и взялъ съ собою Рабле. На возвратномъ пути въ 1535 году, онъ выхлопоталъ ему мѣсто доктора въ большой лионской больницѣ.

Положеніе этого ловкаго человѣка при Францискѣ I, вполне сходно съ положеніемъ д'Аржансоновъ при Людовикѣ XV. Точно такъ какъ эти послѣдніе, соединившись съ Помпадуръ, вздумали увлечь короля посредствомъ вліянія Вольтера, — Дю-Беле, вмѣстѣ съ герцогиней д'Этампъ, старался дѣйствовать на Франциска I посредствомъ современнаго Вольтера, которымъ былъ Рабле.

Дѣло, оконченное въ теченіе 1535 г., въ эту минуту получило, по видимому, новыя прибавки, которыя могли расположить короля въ его пользу.

Благопріятное вообще для добрыхъ проповѣдниковъ евангелія, это дѣло могло бы казаться протестантскимъ. Но это было въ высшей степени далеко отъ мыслей Рабле. Онъ очевидно стоялъ за Эразма противъ Лютера, принадлежа къ числу поборниковъ *свободной воли*. Сверхъ того анабаптисты и истребители иконъ оттолкнули отъ себя людей Возрожденія. Бюде сильно высказался противъ нихъ въ предисловіи къ своей книгѣ — «*Переходъ отъ эллинизма къ христіанству*». Въ Гаргантюа есть много намековъ, враждебныхъ протестантизму.

Тамъ есть также намекъ очень лестный для короля, только что окончившаго постройку Шамбора. Это — эпизодъ книги, любезное *Телемское аббатство*, архитектура котораго скопирована съ архитектуры новаго замка.

Успѣхъ былъ громаденъ. Въ два мѣсяца, — говоритъ Рабле, — эта книга была распродана въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Существуетъ шестьдесятъ изданій ея и безчисленное множество переводовъ на всѣхъ языкахъ. Послѣ Библии и «Подражанія» книга эта больше всѣхъ другихъ занимала типографскіе станки.

Что касается до впечатлѣнія, произведеннаго ею на короля и дворъ, то оно, безъ сомнѣнія, было очень велико.

Посмотримъ, однако же, достойно ли это произведеніе такого успѣха? Полонъ ли, отчетливъ ли нравственный идеалъ автора, идеалъ мира и справедливости, кротости и человѣчности? Нѣтъ, онъ не могъ быть такимъ. Никакое воспитаніе не прочно, не направлено надлежащимъ образомъ и не знаетъ своего пути, если оно прежде всего не опредѣлило для себя просто и отчетливо своего нравственнаго и социальнаго принципа. Рабле, — такъ же какъ Монтень, Фенелонъ, Руссо, — не сдѣлалъ этого. Идеаломъ для всѣхъ ихъ служить *честный человѣкъ*. Но этотъ слабый и отрицательный идеалъ, принимаемый и Мольеромъ, самъ по себѣ не составляетъ еще героя и гражданина.

Великій умъ Рабле сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, хорошее начало, благородную попытку воспитанія: онъ далъ свѣтъ, онъ далъ надежду. Нужды времени, постоянная необходимость въ переворотѣ требовали кое-чего другаго.

Руссо воспитываетъ дворянина, Рабле — короля, гиганта. Но кто беретъ на себя воспитаніе народа?

Знаете ли что въ это самое время, въ 1535 г. великій механизмъ фантастической реакціи дѣйствуетъ на народы и на кабинеты? Король, котораго забавляетъ эта книга, который великому находитъ въ ершей власти, готовъ ускользнуть отъ васъ. Самъ того не замѣчая, онъ уступаетъ великому движенію, запутавшись въ религиозной шуткѣ и увлеченный народными страстями.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Римъ и іезуиты. — Вторженіе въ Провансъ. — Французскій І уступать реакціи 1535 — 1538.

Въ борьбѣ двухъ вѣрованій были употреблены преимущественно два орудія и два средства.

Католическій механизмъ—такъ называемыя *экзерциціи* посредствомъ которыхъ преобразовался самъ Лейола, помогли ему, немного спустя, организовать небольшія общества первыхъ іезуитовъ.

Все это происходило пока въ Испаніи. Онъ написалъ свою книгу до своего путешествія въ Іерусалимъ, такъ что она оченъ рано начала ходить по монастырямъ и въ рабочемъ обществѣ.

Большая сила кальвинистовъ, сила французскихъ псалмовъ Маро, появляется только въ 1543 году.

Такимъ образомъ движеніе въ Испаніи имѣло надъ движеніемъ въ Женевѣ преимущество значительнаго старшинства.

Трудность борьбы могла состоять въ слѣдующемъ. Для уснѣшнаго начала войны, вѣкъ былъ слишкомъ благоразуменъ, мнѣнія были слишкомъ стары, умы были пресыщены. — Правда, оскорбленія, нанесенныя образамъ взволновали народъ, казии же приняли его въ опьяненіе; но его нельзя было бы побудить взяться за оружіе, если бы не возникло особое поколѣніе, заботливо отклоняемое и сбиваемое съ пути здраваго смысла искусствомъ, которое одинъ писатель называетъ *механикою энтузіазма*.

У Итальіа, какъ баска и испанца, точной нехода было—восторженное вожделение Пресв. Дѣвѣ.

Онъ началъ выковывать умственное оружіе, для истребленія духа изслѣдованія и для пораженія разума. Часто, всего труднѣе бываетъ побѣдить его въ самомъ себѣ. Онъ достигъ этого только тѣмъ, что упорно и постоянно прибѣгалъ къ иллюминизму, къ которому его воинственная натура, по видимому, вовсе не была способна. Впрочемъ, съ помощью поста, бдѣнія, темной кельи, ужасной и фантастической живописи, можно разстроить воображеніе и усилить фанатизмъ. Первое поколѣніе создало механизмъ и популяризировало его. Второе, съ развращеннымъ умомъ, испорченное и сбитое уже съ дороги, воспользовалось имъ для священно войн;

это времена Генриха II. Третье поколѣніе, въ царствованіе Карла IX извѣстнае нынѣ подъ Варолюшевскую ночь.

Замѣтите, что въ то самое время, какъ Ломола вербуется въ Испаніи съѣхавъ чортыхъ Волковъ (въ позднѣе 1525 г.); итальянскій Францисканецъ, будто бы по откровенію слыше, преобразуетъ свой орденъ, возвращаясь къ узкимъ остроумъ капюшонамъ. Отсюда произошло названіе *капюшонныхъ* (*сариссѣи*), которыхъ папы столько преслѣдовали. Тѣмъ же Бѣдностью, прежде наказываемое папскою властью, теперь служить въ ея пользу, въ лицѣ этихъ монаховъ, мнимыхъ нищихъ, проповѣдниковъ, рыночныхъ клеветниковъ, популярныхъ крикуновъ, танжер-филаровъ, богомольныхъ шутовъ. Они занимаютъ, заставляютъ слыться толпу, которая, воображая что слушаетъ фарсъ, совершенно нечаянно попадаетъ на проповѣдь.

Всѣ это дѣлается сначала безъ участія Рима. Папская реакція начинается только со вступленіемъ на престолъ Фарнезе, Павла III (1534). Это былъ энергическій старикъ, съ умомъ сильнымъ и дѣятельнымъ. Онъ слышалъ за челоуѣка не слишкомъ совѣстливаго (его обвиняли въ подлогѣ). У него было пять незаконныхъ сыновей, которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать князьями. Но онъ понялъ, что только величіе церкви можетъ возвысить его семейство, и прежде всего началъ хлопотать надъ возстановленіемъ могущества Рима.

Пора было подумать объ этомъ. Церковь, потерявъ половину Европы, готова была потерять и Италію. Инквизиторы доносили, что три тысячи итальянскихъ наставниковъ заражены новыми идеями.

Первое дѣйствіе Павла III показывало совершенный индифферентизмъ въ религіи. Съ одной стороны онъ предложилъ кардинальскую шапку Эразму, защитнику *свободной воли*; съ другой — сдѣлалъ кардиналомъ венеціанца Контарини, извѣстнаго поборника ученія, противоположнаго первому, именно — *оправданія посредствомъ вѣры*.

Контарини, до такой степени близкій къ лютеранскимъ вѣрованіямъ, былъ не только богословомъ, но и искуснымъ политикомъ. Павелъ III отправилъ его къ нѣмецкимъ протестантамъ. Думалъ ли онъ снова обратитъ ихъ къ католицизму, или только обмануть, разбѣднить и ослабить, прежде употребленія противъ нихъ силы и испанскаго оружія? Въ пользу послѣдняго мнѣнія меня склонило бы то обстоятельство, что, вручая Контарини полномочіе, папа прибавилъ слѣдующую двусмысленную оговорку. «Узнайте, раздѣляютъ ли протестанты наши мнѣнія относительно принциповъ, первенства папскаго престола, таинства и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ.» Какіе же это предметы? Онъ говорилъ неопредѣленно: «относительно предметовъ одобренныхъ Св. Писаніемъ и обычаями церкви, которые намъ хорошо извѣстны.»

Дѣйствительная мысль Рима была болѣе откровенно высказана Карлу V въ 1530 г. пылкимъ легатомъ Кампеджи. Въ запискѣ, которую онъ вручилъ императору отъ имени кардиналовъ, онъ не трагитъ словъ на діалектику, а сейчасъ же требуетъ употребленія силы. Необходимы говорить онъ:

- I. Союзъ императора съ благомыслящими государями противъ ереси;
- II. Усмирение тѣхъ государей, которые не присоединяются къ актѣ, уничтоженіе этихъ ядовитыхъ растений огнемъ и мечомъ;
- III. Организація главной инквизиціи, по образцу инквизиціи испанской, война противъ книгъ и проч.

Этотъ планъ былъ не полонъ. Для противодѣйствія энергическимъ и популярнымъ силамъ Реформы, нужно было создать такую же силу. Наряду съ инквизиціею подавляющею, нужно было устроить, инквизицію, такъ сказать, предупредительную.

Проповѣдники лаццароновъ, странствующіе капуцины не могли этого выполнить. Нуженъ былъ элементъ болѣе ослѣпый, болѣе серьезный, приличный, благонадежный. Нѣкоторое время были производимы поиски.

Явились *Театины* (1524) благородныя духовныя лица, которые, не нося отличительной одежды, тѣмъ не менѣе держали себя строго; ихъ ученость и безкорыстная жизнь указывали на нихъ какъ на кандидатовъ духовнаго управленія; это былъ расадникъ епископовъ.

Сомаски посвятили себя воспитанію юношества и ухаживавъ за больными. Они были наставниками больныхъ, духовниками умирающихъ; они отвѣчали передъ церковью за двѣ главныя эпохи въ жизни человѣческой: за дѣтство и за смерть.

Барнабиты приняли на себя обязанность учить, проповѣдовать и проч.

Всѣ эти новыя учрежденія были превосходными орудіями; но они имѣли спеціальныя свойства и не дѣйствовали сообща. Но наконецъ явился изобрѣтательный эклектикъ, для централизованнаго дѣйствія, — человекъ omnibus, для всѣхъ, который идетъ къ дѣлу, къ успѣху, всевозможными путями, оставляя въ сторонѣ всѣ спеціальности и особенности и говорить: «Я сдѣлаю все.»

У Лойолы было очень мало оригинальности. Сами иезуиты говорятъ это. Онъ отовсюду заимствовалъ истинно полезное и практическое.

Тайна постановленій ордена, въ которой его такъ укоряли, — эта таинственность, *обязывающая послушники къ тому, чего онъ не знаетъ*, которая мало по малу влечетъ его къ неизвѣстной дѣлу, — все это хитрость старыхъ монашескихъ орденовъ. Мы находимъ ее въ уставѣ бенедиктинцевъ Монте Кассино, въ уставѣ францисканцевъ, которыхъ глава св. Бонавентура въ особенности ее рекомендуетъ. Орденъ барнабитовъ, только что основанный, превратилъ эту тайну въ законъ.

Обязывать душу посредствомъ тѣла, увлекать ее, почти безъ ея вѣдома, матеріальными дѣйствіями, къ извѣстной религіозной дѣлѣ, — вещь уже не нова.

Равнымъ образомъ правило:

«Дѣйствуй, ты повѣришь послѣ; вѣра твоя сформируется въ послѣдствіи, согласно твоей дѣятельности» есть тоже старая уловка. Заслуга Лойолы состояла въ томъ, что онъ регулировалъ эту дѣятельность посредствомъ ряда методическихъ упражненій (exercitia) очень простыхъ и освобождающихъ человека отъ мыслей.

Нелезбо воину. всегда готовому на какую бы то ни было битву, *изучить вышколенъ для всего, приравливается ко всему.* Здѣсь механизмъ могущественъ, потому что онъ полонъ. Онъ овладѣваетъ человѣкомъ посредствомъ воспитанія, управляетъ имъ посредствомъ проповѣди, дисциплинируетъ его посредствомъ управленія, исповѣди и покаянія. Онъ владѣетъ имъ во всѣхъ возрастахъ, онъ дѣйствуетъ на него всѣми оружіями.

До какого предѣла будетъ доходить послушаніе въ этомъ орденѣ, скрывающемъ военный духъ подъ своею мирною одеждою? Вотъ истинно-главный вопросъ, и въ этомъ именно пунктѣ заключается оригинальность бискайскаго капитана. Основатели старинныхъ орденъ говорили, что послушаніе должно простираться даже до смерти. Лойкола не ограничивается этимъ; онъ говоритъ: даже до грѣха. Какого же грѣха? простительнаго? Нѣтъ. Онъ идетъ дальше. Въ послушаніе онъ включаетъ смертный грѣхъ.

«*Visum est nobis in Domino nullas constitutiones posse obligationem ad peccatum mortale vel veniale inducere, nisi superior (in nomine I. C. vel in virtute obedientiae) juberet.*»

«Т. е. никакое правило не можетъ заставить совершить смертельный грѣхъ, *иначе какъ по приказанію настоятеля.* И такъ, если онъ приказываетъ, то должно грѣшить, — грѣшить смертельно.

Это ново, смѣло, и должно принести обильные плоды.

Изъ этого можно вывести заключеніе, что послушаніе, оправдывая всякій грѣхъ, освобождая отъ всякой добродѣтели, *останется единственною добродѣтелью.*

Далѣе, — эта единственная добродѣтель, охватывающая все существованіе челоѣка, какъ со стороны его дѣятельности, такъ и со стороны его ума, это послушаніе, которое обязываетъ ко всякому дѣйствію, *можетъ предписать также и всякаго рода вѣрованіе.*

Единственное вѣрованіе, котораго нужно держаться, есть то, которое дано послушаніемъ. Ты долженъ быть совершенно равнодушенъ къ сущности вѣрованія. Повинуйся; что тебѣ за дѣло если твое вѣрничное вѣрованіе противорѣчитъ само себя, говоря утромъ за, а вечеромъ *противъ?*

И вотъ мы облегчены отъ бремени. Споръ конченъ. Въ вѣрованіи *по приказанію* и въ обученіи *по приказанію* мы будемъ имѣть возможность одинаково доказывать какую бы то ни было идею.

Скажемъ прямо: идеѣ болѣе не существуетъ.

Не будемъ же удивляться, если съ перваго раза, иезуиты, принямая вѣру Возрожденія, философовъ и юристовъ, враговъ теологій усвоили принципъ *свободной воли* и спасенія *посредствомъ дѣла*, а не Христа Спасителя.

Вы думаете, что поймали ихъ на этомъ? Ошибаетесь. Они ускользаютъ изъ вашихъ рукъ. Это люди дѣловые, которые, для цѣлей своего дѣла могутъ измѣнять свои тезисы. Въ случаѣ надобности, они идутъ протявъ собственной доктрины, опровергаютъ себя са-

нихъ въ книгахъ, которые одобряли орденъ точно такъ же какъ и перья.

Странная противорѣчивая слѣпой духъ битвы, существовавшій до сихъ поръ только въ войскахъ! Тѣ же самые испанскіе солдаты въ одномъ и тотъ же годъ убиваютъ въ Римѣ подданныхъ папы, а къ Испаніи—его враговъ.

Важный и вмѣстѣ съ тѣмъ странный пунктъ, въ которомъ іезуитъ рѣшительно превосходитъ солдата, заключается въ томъ, что *Домола запрещаетъ общія упражненія*. Люди взаимно электризуютъ, одушевляютъ другъ друга. Духъ возвышается и дѣлается плодотворнымъ посредствомъ нѣмага сообщенія. Еще въ гораздо большей степени производить на него это дѣйствіе—пѣніе и общая молитва. Въ этомъ вѣкъ люди, которые собираются и поютъ, уже по одному этому признаку, были объявляемы протестантами.

Самое надежное послушаніе есть послушаніе *отдѣльнаго человека*. Пусть общество отливаешь его въ свою форму, но онъ долженъ остаться *отдѣльнымъ лицомъ*. Отдѣльныя экзерциціи, которыми каждый занимается по одиночкѣ, дѣлаютъ всѣхъ похожими другъ на друга, хотя они и не будутъ сближаться между собою и питаютъ взаимное довѣріе. Пусть они не довѣряютъ одинъ другому: тѣмъ лучше, это дѣлаетъ ихъ еще болѣе одиночными, слабыми, послушными. Каждый человекъ *отдѣльно* взятый, будучи слабъ какъ человекъ, будетъ силенъ какъ общество; онъ самъ не болѣе какъ шина, или колесо. Онъ двигается, потому что его двигаютъ. Онъ есть вещь мертвая, бездѣйственная, трупъ, который бы упалъ не будучи поддерживаемъ. Изъ этихъ труповъ, поднятыхъ искусственнымъ образомъ и возбуждаемыхъ гальванизмомъ, образуется со временемъ ужасная армія.

Впрочемъ, ничто не можетъ быть грубѣе и противонароднѣе спиритуализму, чѣмъ это учрежденіе. Экзерциціи основываются здѣсь не столько на религиозной идеѣ или чувствіи, сколько на легендѣ и историческихъ и фантасическихъ подробностяхъ давней сцены, которую нужно себѣ вообразить, на подражаніи или воспроизведеніи вещественныхъ обстоятельствъ и пр. Должно, напр. ощутить это посредствомъ пяти чувствъ, попеременно; представить себѣ видъ огня, запахъ сѣры и пр. Материальность доходитъ здѣсь иногда до невозможнаго. Какимъ образомъ представить себѣ *посредствомъ слуха обонянiя*, какъ это требуется, сладостное ощущеніе души, увеселенной божественной любовью?

Въ 1540 г. папа утверждаетъ правила іезуитскаго ордена. Въ 1549 г. появляются двѣ громадыны машины новой революціи: *свѣтланіе и инквизиція*.

Ленезъ основываетъ первое училище іезуитовъ (въ Венеціи). Домода помогаетъ театру Карафѣ, въ образованіи римской и вселенной инквизиціи, которая должна охватить весь міръ. Руки Лойды здѣсь замѣтны, особенно въ слѣдующемъ правилѣ: *Должно наказывать тѣхъ, кто дичится*.

Кто защищается, тотъ виновенъ; онъ сопротивляется правосудію. Поражайте эту непокорную душу.

Кто признается, тотъ также виновенъ. Но ничто не мѣшаетъ дать ему отпущеніе, если онъ униженъ и сокрушонъ.

Нѣтъ болѣе невинныхъ, почти все виновны. Нѣтъ болѣе справедливости, борьбы. Чего хотятъ отъ насъ? Побѣды, уничтоженія человѣческой души.

Первый, кого слѣдовало призвать въ это судилище, былъ, безъ сомнѣнія, Генрихъ VIII. Нужно было найти только снѣлаго полицейскаго собора, чтобы наложить на него руку.

Папа имѣлъ уже наготовѣ короля, молодого Поля, кузена Генриха VIII. Потомокъ Йорковъ и Красной Розы, онъ могъ возобновить войну XV столѣтія и потопить Англію въ крови. Польша была воспитанъ и благодѣтельствованъ Генрихомъ. Но жена Генриха, Катерина, возбудила въ сердцѣ безпокойнаго и самолюбиваго молодого человѣка надежду — жениться на Маріи, наследницѣ Англій. Въ то самое время, когда папа осудилъ Генриха, Польша находившійся въ Италіи, разразился пасквиломъ противъ своего государя и благодѣтеля. Это была страшный ударъ. Генрихъ, отвергая папу и вѣстѣ не признавая и протестантизма, преслѣдуя въ одно и то же время и протестантовъ и католиковъ, сильно колебался на своемъ тронѣ. Въ случаѣ непріятельскаго вторженія, единственною опорой его была бы наемная нѣмецкая армія.

Французскій король могъ одинъ быть исполнителемъ состоявшаго надъ Генрихомъ приговора. Къ этому-то сильно побуждали его (въ 1534 г.) папа и Карлъ V. Младшаго сына короля предполагалось женить на Маріи, которая свергнула бы своего отца съ престола. Польша, сдѣлавшись кардиналомъ, былъ отправленъ папою въ Литву, чтобы удобнѣе сноситься съ англійскими бунтовщиками, между тѣмъ какъ императоръ возмущалъ Ирландію. На настоятельныя требованія папы и императора Францискъ I отвѣчалъ, что англійскій король — его другъ. На это императоръ возразилъ: (въ депешахъ Гранвеллы) что нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы дѣлать зло Генриху; напротивъ, его хотятъ спасти, *помышлять ему потерять свою честь и совѣсть*. Онъ будетъ лишонъ престола, постриженъ и спасенъ въ монастырѣ.

Тѣ же самыя депеши свидѣтельствуютъ, что Мошжоранси, обольщенный и лукавительный Карломъ V, принялъ дѣятельное участіе въ этомъ планѣ и нисколько не старался *отвлечь отъ него короля*. Впрочемъ, было ли это серьезно съ его стороны? Былъ ли отъ увѣренъ, что императоръ такъ желаетъ сдѣлать англійскимъ королемъ французскаго принца? Карлу V хотѣлось бы лишить Генриха VIII престола и въ то же время погубить Франциска I въ нѣвнѣ нѣмецкихъ протестантовъ, такъ чтобы слабый и одинокій король сдѣлался не болѣе какъ намѣстникомъ императора.

Король не слишкомъ поддавался искушенію. У него была только одна страсть: Миланъ и удовлетвореніе за обиду, нанесенную ему въ гнищѣ Маравалли. Карлъ V не только не успокоилъ его въ этомъ от-

пошениі, но былъ такъ непослѣдователенъ въ своихъ поступкахъ, что велѣлъ зрестовать человѣка, посланнаго королемъ къ Салиману.

Напрасно папа старался сблизить между собою Франциска I и Карла V. Подобно двумъ раздраженнымъ бойцамъ, противники наблюдали одинъ за другимъ, чтобы вѣрнѣе нанести ударъ. Король рѣшился на ужасную и отчаянную мѣру: онъ призвалъ въ Корсику, въ Сицилію въ Италію—не Салимана, а—пирата Барбаруссу, алжирскаго и тунисскаго бея, которому султанъ далъ титулъ своего адмирала. Видъ береговъ совершенно измѣнился. Ужасъ овладѣлъ несчастными жителями, когда пираты и торговцы невольниками стали вдругъ высаживаться на берегъ, каждую минуту, налетая подобно коршунамъ. Они прощали даже во внутренность страны; туземецъ неожиданно видѣлъ передъ собою турбаны, лица и оружіе Африки. Въ одну минуту пираты скрывали если не его самого, то его семейство, его дѣтей, которыхъ, испуская страшные вопли, были уводимы и помѣщаемы на суда. Иногда паша, бей, или какой нибудь могущественный ренегатъ, поручали купцамъ привести имъ такую-то женщину. Такъ была увезена дочь одного испанскаго губернатора. Юлія, сестра Іоанны Арагонской, портретъ которой находится въ Луврѣ, извѣстная своей красотой даже на Востокѣ, тоже едва не была похищена; она спаслась въ одной рубашкѣ, вкочивъ на лошадь, которую уступилъ ей какой то всадникъ. Рассказываютъ, будто бы она, вмѣсто благодарности, велѣла убить его, чтобы онъ не могъ хвастаться счастьемъ—что видѣлъ ее.

Истребленіе пиратовъ, разрушеніе Туниса и Алжира, былъ самый популярнымъ подвигомъ императора, долженствовавшимъ доставить ему всеобщую благодарность. Даже Венецію, находившуюся въ дружбѣ съ Турціей, безпокоили успѣхи Барбаруссы. Всѣ желали Карлу V успѣха. Не было экспедиціи болѣе блестящей, болѣе популярной, болѣе благословляемой. Армія—испанская, нѣмецкая и итальянская, подкрѣпленная множествомъ волонтеровъ всѣхъ націй, разбила африканское войско Салимана, которое тотъ предоставилъ его собственнымъ силамъ, и взяла Гулетту и Тунисъ (25 іюня 1535 г.). Произошло страшное кровопролитіе, въ которомъ было убито 30,000 мусульманъ. Двадцать тысячъ освобожденныхъ христіанъ огласили своею благодарностію всю Европу и распространили славу Карла V.

Императоръ имѣлъ теперь славу, могущество, дѣйствительную силу. Онъ постановилъ въ Тунисѣ короля, своего вассала. Оттуда онъ грозилъ Алжиру и господствовалъ на берегахъ Африки. Своимъ подвигомъ онъ расположилъ къ себѣ даже итальянцевъ, которые такъ жестоко отъ него пострадали. Венеція оставила султана и присоединила свой вѣкорный флагъ къ побѣдоносному знамени усмирителя варварійцевъ.

Карлъ V, высадившись въ Италію (въ сент.) среди рукоплескающей всей Европы, могъ теперь говорить очень высокомернымъ тономъ съ Францискомъ I.

И въ самомъ дѣлѣ онъ не ограничивается уже условіемъ камбрэй-го трактата, обязывавшимъ французскаго короля оставить своихъ озникъ; онъ требуетъ, чтобы Францискъ сражался противъ нихъ. Однако же онъ все еще обманываетъ короля обѣщаніемъ — отдать ему Миланъ. Франческо Сфорца въ октябрѣ умеръ. Императоръ внушалъ королю надежду на пріобрѣтеніе Милана, въ видѣ приданаго за дочерью рла V, на которой женился бы младшій сынъ короля. Между тѣмъ а вооружаются. Императоръ собираетъ ландкнехтовъ, король ве-гъ переговоры, чтобы склонить на свою сторону швейцарцевъ, ор-низуетъ пѣхотные *легионы* по образцу римскихъ.

Онъ желалъ войны съ того самаго дня, какъ былъ оскорбленъ лицѣ Маравилли. Но денегъ онъ могъ достать только посред-вомъ самаго ненавистнаго для французовъ налога, именно денеж-го сбора съ винъ, который сопровождался безконечными притѣсне-ми сборщиковъ и фискальною тиранніей. Скоро поднялся бунтъ. о же касается до людей, то нельзя было много рассчитывать на дво-нство. Во время бунта Бурбона оно показало себя расположеннымъ . нему; въ 1527 г. — отказалось пожертвовать что нибудь для выкупа роля; наконецъ, оно negliжировало военной службой. Въ февралѣ 34 года, король предписываетъ ему четыре раза въ годъ являться смотрь; требуетъ чтобы военные носили полную аммуницію, какъ она ни была тяжела. Въ июлѣ 1534 года, онъ организуетъ семь гіоновъ пѣхоты, каждый въ 6,000 человекъ. Изъ сорока двухъ ісячь тридцать вооружены пиками, а двѣнадцать пиццалми. Во вре- войны имъ хорошо платять, по сто су въ мѣсяць. Это будутъ столице воины; теперь въ главѣ ихъ не будетъ холоповъ, какъ это ишкомъ часто случалось; «если же таковые найдутся, то будутъ душены».

Это была популярная мѣра. Въ мирное время войско избавлялось ть податей; въ случаѣ отличія, солдаты могли получить дво-нство.

Первое ихъ испытаніе было тяжело: именно — война въ Савоіи, среди чы, и переходъ чрезъ горы. Король, вразумленный грозницею ему асностью и возрастающимъ величіемъ своего врага, слишкомъ поз-о понялъ, что настоящая побѣда надъ Италіей состоитъ въ томъ, бы прежде взятія Милана и проч. овладѣть Альпами и Пьемон-тъ. Герцогъ Савойскій, — который нѣкогда помогалъ Бурбону, и илгъ испанцемъ въ душѣ, — предлагалъ Карлу V свои владѣнія, съ мъ чтобы ему, въ замѣнъ ихъ, были даны итальянскія земли. Им- раторъ, шѣвшій уже Конте, долженъ былъ, кромѣ того, получить перь Савоію и Брешыю, окружить Францію и проникнуть въ нее до шаго Ліона.

Его предупредили. Францискъ I помогъ противъ него Женевѣ, торая изгнала своего епископа и приняла протестантизмъ, будучи ддерживаема Верномъ, который отнялъ у савояровъ Ватландъ. роль, увидѣвъ, что Карлъ V его обманываетъ, овладѣлъ въ февра- : Савоіей и вступилъ въ Пьемонтъ.

Здѣсь случилось то же, что и при Равеннѣ. Первый разъ какъ французы, еще вчера крестьяне, а сегодня воины, сошлись лицомъ къ лицу съ непріателемъ, они прониклись воинственнымъ духомъ, такъ-что не было возможности ихъ удержать. Передъ ними былъ широкій потокъ, Большая Дуара; они бросаются въ него, и, несмотря на быстроту теченія, ихъ ряды не разстроиваются. Нѣмцы слѣдуютъ ихъ примѣру; они бросаются въ воду и достигаютъ другого берега, непріатель ихъ не ожидаетъ. Наши безъ кавалеріи слѣдуютъ за ними вблизи. Въ Весейлѣ рѣка снова ихъ останавливаетъ. Тогда одинъ солдатъ, доброй волей, выходитъ изъ нашихъ легионовъ, бросается въ воду подъ градомъ пуль беретъ съ непріательскаго берега лодку и приводитъ ее. Войско переправляется; Пьемонтъ покоренъ.

Миланскимъ землямъ была оказана пощада. Тѣмъ не менѣ императоръ громко протестовалъ противъ дѣйствій Франциска. Онъ разыгралъ въ Римѣ политичную и хорошо рассчитанную сцену. 5-го апрѣля, послѣ говѣнья въ храмѣ св. Петра, въ торжественной одеждѣ онъ вошелъ къ папѣ, въ сопровожденіи большой свиты нѣмецкихъ и италявскихъ принцевъ, кардиналовъ и посланниковъ, и, къ немалому изумленію всѣхъ, началъ говорить рѣчь. Кажется, часть ея была написана заранѣе; отъ времени до времени онъ наклонялъ голову, чтобы прочесть какую нибудь замѣтку на бумагѣ, которую былъ обвернуть его палецъ.—Это былъ правильный и полный процессъ противъ Франциска I. Смыслъ рѣчи былъ тотъ, что Карлъ предлагалъ ему или миръ, съ Миланомъ для третьяго сына короля, или войну, или наконецъ, рѣшеніе спора поединкомъ, какъ это дѣлали древніе цари, напр. царь Давидъ, и проч. Если бы представилось какое нибудь затрудненіе, они могли драться какъ бы то ни было: на островѣ, въ лодкѣ или на мосту, на шпагахъ или на кинжалахъ, хотъ въ рубашкѣ. Побѣжденный долженъ будетъ отдать всѣ свои войска папѣ, для употребленія ихъ противъ турокъ и еретиковъ. Въ качествѣ залога и приза въ поединкѣ онъ отдаетъ Миланъ, а Францискъ I—Бургундію.

Гранвелла извиняетъ эту выходку предъ французами, говоря, что она происходила совершенно безъ его вѣдома. На правда. Такой важный поступокъ не могъ быть личною, легкомысленною вспышкой одного человѣка; это было политическое дѣло, хорошо обдуманное, это была искусно заряженная мина, которая произвела громкій взрывъ. Рѣчь, переведенная (разумѣется заранѣе) на всѣ языки, распространилась по всей Европѣ, въ особенности въ Германіи. Безпрестанныя оскорбленія, которыя безнаказанно были наносимы французскимъ посламъ и безъ того уже очень унижали короля. Но эта торжественная обида, нанесенная въ Римѣ, въ Ватиканѣ, въ присутствіи всѣхъ посланниковъ, представителей христіанскихъ государствъ, показала короля другомъ Барбаруссы, ренегатомъ, чловѣкомъ погибшимъ и отчаяннымъ, подобнымъ дреступнику, котораго везутъ на казнь, и который фигурируетъ въ сраженіи

лѣтъ съ факеломъ въ рукахъ. Ходили странные слухи. Нѣмецкіе купцы, которые отправлялись изъ Ліона на Страсбургскія ярмарки, съ трудомъ могли разувѣрить своихъ соотечественниковъ. Когда посланный королемъ Дю-Беле, прибылъ въ Германію, то принужденъ былъ прятаться.

Теперь императоръ имѣлъ огромное преимущество предъ королемъ; за него было общественное мнѣніе, прибавьте къ этому матеріальную силу и самую большую казну, какую только онъ когда либо имѣлъ.

Теперь можно было видѣть ненадежность двухъ системъ, на которыя основывалась европейская политика: старой системы фамильныхъ союзовъ и браковъ и новой системы союзовъ политическихъ или системы равновѣсія. Что сдѣлалось съ этимъ едва возникающимъ равновѣсіемъ? Генрихъ VIII не могъ пошевелиться. Турція дѣйствовала медленно. Протестантская Германія была недовольна королемъ. Единственной услугой, которую она ему оказала, было возвращеніе ланцкнехтовъ, которыхъ Фердинандъ посылалъ къ императору.

Францискъ I былъ совершенно одинъ, а Карлъ V подвигался впередъ, съ цѣлю Европою, опираясь на свою побѣду. Онъ до такой степени былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что, когда ему говорили о французяхъ, онъ замѣтилъ: «Если бы я находился въ подобныхъ обстоятельствахъ, то на мѣстѣ короля тотчасъ бы сдался съ связанными руками и съ веревкой на шеѣ.»

Въ Пьемонтѣ нельзя было защищаться; оборона была возможна въ Провансѣ, если бы заморить непріятельскую армію голодомъ.

Для этого нужно было то же самое что было въ Москвѣ въ 1812 году,—пожаръ и истребленіе,—но здѣсь погибель одного города была недостаточна; надлежало выжечь всю страну.

Нашолся ли бы довольно жестокій человекъ, для исполненія этой варварской, но необходимой мѣры? Монморанси взялся за это и увеличивалъ бѣдствіе страны суровостью своего характера, своею вершительностью и недалекновидностью.

Вѣдныя земледѣльцы, которымъ велѣно было выселиться, думали, что большіе города будутъ пощажены, и перенесли въ нихъ все свое имущество. Но мало по малу все было оставлено и разрушено; эта участь постигла даже городъ Э, который начали-было укрѣплять. Все было сожжено, брошено, уничтожено, все представляло *плачевное зрѣлище*, какъ говорить самъ Дю-Веле, загрубѣлый въ этихъ ужасныхъ войнахъ.

Монморанси заперся и упорно оставался въ укрѣпленномъ лагерѣ, увѣренный, что императоръ, удалившись отъ морского берега, погибнетъ отъ голода съ своей арміей. Весь Провансъ терпѣлъ тоже страшныя лишенія и, если императоръ приказывалъ подвезти какіе нибудь припасы съ моря, голодные жители, потерявши всякій страхъ, бросались на нихъ и сѣдали все на пути.

Доведенные до отчаянія, крестьяне нѣсколько разъ дѣлали подобные смѣлые набѣги, изъ которыхъ одинъ былъ произведенъ во время

отъезда императора. Пятьдесятъ человекъ засѣли въ башню, чтобы оттуда стрѣлять и убить его. Потерявъ двадцать пять тысячъ человекъ, императоръ удалялся изъ Прованса, очень ослабленный; его можно было бы легко уничтожить, но Монморанси не обратилъ на это вниманіе и позволилъ ему ускользнуть.

Цѣлая французская провинція была принесена въ жертву; сто городовъ и деревень было сожжено и истреблено; народъ остался безъ пристанища, безъ земледѣльческихъ орудій, безъ пищи, онъ не имѣлъ что посѣять! Таковъ былъ результатъ кампаніи 1536 г., которая возвела Монморанси на вершину славы сдѣлавши его конетаблемъ и почти королемъ Франціи на пять послѣдующихъ лѣтъ.

Вступивши во Францію, императоръ свободно оставилъ ее, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія тамъ, и никто изъ цѣлой французской арміи не осмѣлился его преслѣдовать. Одни только провансальскіе земледѣльцы почувствовали обиду и цѣною своей крови избавили Францію отъ посмѣянія.

Теперь или никогда было время—задѣть Карла V за живое, по сильному выраженію депешъ 1534. Съ Барбаруссой нельзя было предпринять ничего великаго. Нуженъ былъ самъ Салиманъ. Сицилія (Gasp. Contarini) до такой степени страдала, что готова была принять турокъ. Что слѣдовало дѣлать Франциску I?

Вѣднѣйшій король, неспособный уже ни къ чему, кромѣ разговоровъ, и стоявшій на краю могилы, былъ терзаемъ двумя партіями, которыя вели свои споры близъ него, въ немъ самомъ и, которыя, измѣнивъ, избрали его слабую голову полемъ сраженія.

Разсмотримъ эти партіи. Ихъ было двѣ: партія избранныхъ и партія осужденныхъ.

Осужденными назывались тѣ, которые были въ пользу союза съ Турціею и еретиками, въ особенности оба Дю-Беле: Гильомъ, старшій неустрашимый воинъ — дипломатъ и остроумный кардиналъ Жанъ, парижскій епископъ, проникнутый раблеевскими идеями. Послѣдній забавлялъ своего государя, и въ то же время побуждалъ его къ смѣлымъ рѣшеніямъ самой либеральной политики. Большая часть нашихъ посланниковъ, т. е. людей, которые все знали и видѣли, принадлежала къ этой партіи.

Партія избранныхъ, благомыслящихъ, была та, которая группировалась вокругъ новаго дофина. Монморанси, вида что отецъ столь быстро слабѣетъ, обратился къ восходящему свѣтилу. Дофину было 18 лѣтъ, и ему только что дали фаворитку. Это былъ молодой человекъ съ ограниченными способностями, не умѣвшій сказать связно двухъ словъ, и рожденный для того, чтобы повиноваться и быть видимымъ за носъ. Чѣмъ больше выказывалось его ничтожество, тѣмъ болѣе льнула къ нему дворъ. Онъ былъ превосходной добычей для интригантовъ и фаворитовъ. Уже всѣ единогласно говорили, что онъ похожъ на Людовика XII.

Въ 1537 г. это новое свѣтило заявило свой восходъ. Произошло событіе, окруженное большою тайной: отъ одной знатной, серьезной

и очень хитрой дамы, которая смѣло взялась наставить дофина, родился ребенокъ. Францискъ женилъ дофина въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ на такой же молодой дѣвушкѣ, Екатериинѣ Медичи. Но это новое положеніе нисколько не подѣйствовало на мальчика; оно не вызвало отъ него ни одного слова, ни одной новой идеи. Какимъ онъ возвратился изъ своего долгаго заточенія въ Испаніи, такимъ и оставался. Онъ имѣлъ видъ смуглаго испанскаго мальчика, черноглазаго, черноволосаго, maigiscaud, по выраженію одного лѣтописца. Онъ былъ первымъ волтижоромъ своего времени, но больше не годился ни къ чему. Молоденькая жена его, остроумная и образованная какъ итальянка, но робкая и раболѣпная, не имѣла на него ни малѣйшаго вліанія. Происходя изъ купеческаго семейства Медичи, она была презираема своимъ глупымъ мужемъ; одинъ король жалѣлъ о ней, защищалъ ее и не желалъ, чтобы ее возвратили къ ея родственникамъ.

Францискъ I, разговаривая однажды съ супругою великаго сенепада, Діаною де Пуатье, (съ которою онъ былъ въ короткихъ отошненіяхъ со времени приключенія 1523 г.), высказалъ ей свое горе относительно своего жалкаго сына, который, — говорилъ онъ, — никогда не будетъ похожъ на человѣка. Діана взялась поправить дѣло и сказала, смѣясь: «Я сдѣлаю изъ него моего обожателя.»

Это была очень красивая вдова. Со смерти своего мужа, Луи де Бресе, въ 1531 году, она держала себя при дворѣ лучше многихъ другихъ. Она не снимала траура и одѣвалась всегда въ черное или бѣлое шолковое платье, — не столько для того, чтобы казаться неутѣшной вдовою, которая не можетъ забыть своего стараго мужа, сколько потому, что эта простота шла къ ея благородной, холодной и гордой красотѣ. Притомъ испанскій вкусъ начиналъ уже входить въ моду. Королева была испанка, дофинъ также былъ похожъ на испанца. Инерсная вдова, посредствомъ скромнаго цвѣта своей одежды, присодинялась къ испанскому ортодоксальному двору. Провозглашая себя ревностной католичкой, она, по ея словамъ, ни за какое царство не тала бы разговаривать съ протестантомъ.

Въ 1537 году ей было 38 лѣтъ, но на видъ она казалась гораздо моложе. Съ удивительнымъ искусствомъ занималась она своею наужностью и ничто такъ не сохраняло ее, какъ ея суровая холодная атура. Она имѣла пороки мужчинъ, скупость, высокомѣріе и честолюбіе. Діана хорошо вела себя во время своего вдовства, искусно подерживала свою молодость. Строгость ея одежды не внушала слишкомъ ольшаго страха. Она выставяла на показъ свою грудь, бѣлизна которой была еще замѣтнѣй отъ чорнаго цвѣта ея платья. Сдѣлавшись фидцальной любовницей и королевой, она, на насмѣшки молодыхъ юдей, которые называли ее не иначе какъ старухой, дала циничекій отвѣтъ, показавъ ичъ то, что обыкновенно стараются скрыть: на снялась нагою. Въ такомъ видѣ находится ея портретъ въ Монтенбло. Чорствая, скупая и хитрая, она была въ тѣсной связи съ человѣкомъ, совершенно съ нею схожимъ — съ Монморанси. Оба они пользовались своимъ кредитомъ, набивая свой карманъ.

Монморанси, подобно цензору Катону, въ эту эпоху дѣлалъ преобразованія во Франціи, грабя губернаторовъ провинцій. Шатобриавъ, про котораго говорилъ, что онъ убилъ свою жену, выпутался изъ бѣды тѣмъ, что завѣщалъ Монморанси свое имѣніе. Безъ сомнѣнія между нимъ и Діаной былъ составленъ планъ — овладѣть дофиниомъ. Окончательная сцена должна была произойти въ Вкузнѣ, въ этомъ сладострастномъ домѣ, который устроилъ Монморанси для подобныхъ визитовъ. Все что извѣстно грубаго, мрачнаго и жестокаго объ этомъ человѣкѣ, у котораго на языкѣ были постоянно однѣ только оскорбленія, который посреди своихъ молитвъ отдавалъ приказанія колесовать или вѣшать, представляетъ странный контрастъ съ фривольною изысканностью, господствовавшею въ его подозрительномъ домѣ. Большія оконныя стекла Вкузна, которыя до 1815 г. всѣ видѣли въ музеѣ французскихъ монументовъ, поражали безстыдствомъ сдѣланныхъ на нихъ изображеній, заставлявшихъ краснѣть Рабле. Въ Пантеонѣ онь, съ справедливымъ презрѣніемъ, говоритъ о непристойныхъ искусствахъ, которыя лишены таланта и рассчитаны только на чувственность. Таковы были эти безстыдные стекла. Тамъ можно было видѣть Амура, имѣвшаго около 18 лѣтъ и Психею, которая была гораздо старше.

У Психеи родилась дочь. Это происшествіе было окружено глубокою тайной. Психея хотѣла, чтобы матерью ребенка считали одну дѣвушку. Между тѣмъ дофинъ носилъ публично цѣвѣта и девизъ Діаны, выставляя напоказъ то открытое тщеславіе прелюбодѣланіемъ, которое заставило его вырѣзать на монументахъ и даже на монетахъ начальныя буквы женщины, считавшейся нѣкогда любовницею его отца.

Кто-то сказалъ: «Между честными людьми никогда не бываетъ зрѣ.. Это оправдалось на дѣлѣ. Монморанси и женщина, перешедшіе отъ отца къ сыну, съ этихъ поръ еще болѣе уважались и почитались въ Европѣ; съ этого времени они становятся во главѣ партіи честныхъ людей.

Этотъ мрачный дофинъ, всегда молчаливый, эта знатная дама, вѣчно въ траурѣ, составляли при дворѣ какъ бы особый, маленький дворъ, который съ годами все увеличивался.

Контрастъ былъ поразителенъ. Молодая герцогиня д'Этампъ и старый Францискъ I съ маленькою Медичи составляли итальянскій дворъ, — говорливый, слѣдующій флорентинскимъ модамъ, носящій яркіе цѣвѣта; отъ нихъ рѣзко отдѣлялся будущій король, съ своимъ новымъ царствованіемъ, болѣе серьезнымъ и, такъ сказать, испанскимъ.

Испанія стояла тогда очень высоко. Ее уважали, ей подражали. Знаменитая тунисская экспедиція, слава старыхъ войскъ, баснословная побѣда Фердинанда Кортеса, занимали всѣ умы. Звѣрство, высокомеріе, — все завивалось въ испанцахъ. Посланникъ Гуртадо, который въ позднѣйшее время выбросилъ кого-то изъ окна, въ присутствіи короля, вошелъ чрезъ это еще болѣе въ моду. Молчаливая спесь этихъ людей, которой они постоянно придерживались, не удостоява

никого отвѣтомъ, превосходно помогала имъ скрывать недостатокъ мыслей въ ихъ головѣ.

При дворѣ,—гдѣ началъ уже проявляться новый элементъ,—итальянско-французскій король, любезный и развязный говорунъ, слыхкомъ устарѣлъ. Молодежь пожимала плечами; она держала себя степенно, а старость вѣтренничала. При дворѣ остался только одинъ повѣса,—это именно старый, больной король, другъ турокъ, вѣроотступникъ. Онъ видѣлъ, что честные люди все болѣе и болѣе оставляютъ его.

Турецкая партія успѣла, однако, склонить его на послѣдній рѣшительный шагъ, который долженъ былъ уничтожить Карла V, именно, напустить Солимана съ сотнею тысячъ турокъ на Неаполь, между тѣмъ какъ король переправится чрезъ горы съ пятидесяти-тысячнымъ войскомъ. Это разъяснило бы положеніе дѣлъ. Императоръ, разбивъ мнимыхъ турокъ Барбаруссы, которые были ни что иное какъ африканскіе мавры, гордился своимъ успѣхомъ въ Тунисѣ такъ, какъ будто бы онъ одержалъ побѣду надъ янычарами. Надо было посмотреть, каковъ онъ будетъ въ битвахъ съ Солиманомъ.

Мы знаемъ изъ самаго вѣрнаго источника, именно изъ свидѣтельства сестры императора, что такая борьба была бы выше его силъ. Ударъ былъ бы ужасенъ. Турки остались бы въ Сициліи, а можетъ быть и въ Неаполѣ. Было ли бы это большимъ несчастіемъ? Нѣтъ. Здѣсь случилось бы то же самое, что въ Китаѣ, гдѣ побѣжденные покорили побѣдителей и сдѣлали монголовъ китайцами. Италия оказала бы свое обыкновенное вліяніе, и лучше, нежели истощенная и обезсмысленная Греція, превратила бы турка въ европейца.

Дѣло было ведено очень хорошо ученымъ и искуснымъ Лафоре, который въ іюль 1537 г., вмѣстѣ съ Солиманомъ и Барбаруссой, подошелъ къ Отранту. Турки высадились въ Кастро. Но французы не явились. Солиманъ оставилъ неаполитанское королевство и пошелъ противъ Венеціи.

Гдѣ же находился Францискъ I? Въ Шикардіи. Не трудно угадать человѣка, который оказывалъ такую важную услугу императору. Монморанси опоздалъ и послалъ въ Италію войска только тогда, когда прошло уже время.

Эти странныя продѣлки объясняются только сильнымъ придворнымъ заговоромъ, охватившимъ короля со всѣхъ сторонъ. Онъ видѣлъ, что люди, которые всегда были въ разладѣ, теперь стоятъ заодно: теща Елеонора съ зятемъ Генрихомъ, кардиналы Турнонскій и Лотарингскій съ новой фавориткой, угрюмый и суровый Монморанси съ молодымъ дворомъ, всѣ были за папу, за императора, противъ турокъ и ереси; всѣ защищали честь короля и желали спасенія души его.

Онъ всегда чувствовалъ сильную потребность правиться окружающимъ. Слабый, болѣзненный, онъ не могъ выносить нѣмую цензуру двора, почтительно-недовольнаго, на разсказовъ объ опустошеніяхъ, производимыхъ турками. Они тяжелымъ бременемъ лежали на его совѣсти, они потрясали его какъ человѣка и какъ христіанина.

Однако же онъ еще боролся весною 1538 года. При вѣсти о великой побѣдѣ Селимана надъ братомъ Карла V, онъ отправилъ Ринкова для скрѣпленія своего союза съ султаномъ. Онъ сначала противился сильнымъ настояніямъ папы, желавшаго устроить его свиданіе съ императоромъ (Rel. Tièrolo), онъ заставилъ и папу и Карла V двѣ недѣли дожидаться его въ Ницѣ. Престарѣлый Павелъ III горѣлъ желаніемъ соединить двухъ государей, чтобы направить ихъ противъ Генриха VIII.

Императоръ искусно скрывалъ настоятельную необходимость, побуждавшую его заключить трактатъ. Положеніе его въ дѣйствительности было ужасно. Ни Испанія, ни Нидерланды не давали ни одной копѣйки. Гентъ съ 1536 г. отказывалъ въ уплатѣ податей и старался вовлечь и другіе города въ союзъ, для сопротивленія. Карлъ V предвидѣлъ страшный бунтъ испанскихъ армій, который произошелъ въ 1539 году. Онъ замедлил этотъ бунтъ только тѣмъ, что далъ войскамъ въ Миланѣ и другихъ мѣстахъ необузданную волю, какъ во времена Бурбона. Эти бѣшеные люди, эти неукротимые дикари, съ которыми нельзя уже сладить, становились ужасомъ своего господина. Ему представлялись два средства обуздать ихъ: или раздѣлнить ихъ хитростью, обмануть и истребить по одиночкѣ, или привлечь ихъ обѣщаніемъ грабежа и вести на Константинополь. Это предпріятіе, хотя и романическое, имѣло однако, нѣкоторые шансы успѣха. Доріа въ 1533 г. осматривалъ Дарданелы и видѣлъ, въ какомъ небреженіи турки оставляютъ свои укрѣпленія.

Недавно напечатанный документъ разъясняетъ всѣ эти обстоятельства (Lanz, Mém. Stuttgart, XI, 263). Это письмо сестры Карла V, Маріи, правительницы Нидерландовъ, въ которомъ она закликаетъ своего брата, не предавать себя во власть этого страшнаго войска, въ турецкой экспедиціи. Она ясно указываетъ ему на его положеніе, говоритъ, что если онъ не сдумаетъ водворить порядокъ въ Нидерландахъ, то они *больше чѣмъ потеряны*; что вмѣсто того, чтобы бросаться въ подобныя рискованныя предпріятія, ему лучше смотрѣть на Германію сквозь пальцы и *не обращать вниманіе на нѣкоторыя вещи*, относительно религіи. Что же касается до отдаленной войны съ Константинополемъ: «Вспомните, говоритъ она: *о Тумисъ, который находится такъ близко отъ вашихъ владѣній; что случилось бы съ вами, если бы Барбарусса не далъ сраженія?.. О, Бога ради, не подвергайте себя подобнымъ случайностямъ*».

Невозможно положиться на французскаго короля, говорила Маргарита. Впрочемъ, если бы это было возможно, то императоръ *долженъ бы былъ идти черезъ Францію и разсмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ то, что можетъ его касаться... Но ваша особа такъ высока, что я не осмѣлась бы совѣтовать и проч.*

Эти здравыя мнѣнія принадлежали, разумѣется, Гранвеллѣ. Императоръ при всякомъ, даже и бесполезномъ сближеніи съ Францискомъ I пріобрѣталъ огромную выгоду; именно ту, что посмѣлалъ подозрѣніе въ друзьяхъ Франціи, — туркахъ, англичанахъ, лютеранахъ и нидерландскихъ недовольныхъ.

Король сдѣлалъ ошибку и глупость уже тѣмъ, что пріѣхалъ въ

Ницу. Онъ это понималъ такъ хорошо, что когда его туда потащили, онъ потребовалъ у императора такую невозможную вещь, которая должна была разстроить все; онъ требовалъ не только Миланъ, но даже *Франшъ-Конте*. Императоръ на нелѣпость, отвѣчалъ нелѣпостью, обѣщая ему документъ на Миланъ и доходы съ него, которыя 9 лѣтъ будутъ храниться у папы; король-же немедленно облызался возвратити Савою, вооружившую для императора противъ турокъ и лютеранъ. Всѣ эти переговоры ни къ чему не вели. Но Карлъ V достигъ уже того чего хотѣлъ. Сестра прѣзжала къ нему и новый дворецъ входилъ съ нимъ въ сношенія. Папа устраивалъ, ежели не миръ, то по крайней мѣрѣ продолжительное, десятилѣтнее перемирие. 19 июня король уѣхалъ, не выдавшись съ императоромъ.

Но онъ этимъ не отдѣлался; ему не позволили возвратиться на сѣверъ; начались семейныя интриги. Элеонора дѣйствовала въ пользу своего брата, Маргарита въ интересахъ мужа, относительно Навары, — Монморанся, кардиналы и дофинъ — для осуществления романическаго плана завоеванія Англіи; всѣ-же вмѣстѣ, — въ пользу короля, чтобы примирить его съ Богомъ, съ церковью и съ партією честныхъ людей.

Турки, часто получавшіе вѣрныя свѣдѣнія, думали, что именемъ Карла V, королю не только былъ обѣщанъ Миланъ, но что, пользуясь разслабленіемъ его умственныхъ способностей, его увѣрили въ желаніи императора — взять для него Константинополь и сблать его императоромъ Востока.

Карлъ V цѣлый мѣсяцъ ожидалъ въ Генуѣ впечатлѣнія, которое произведетъ все это. Онъ до тѣхъ поръ не выпустилъ своей добычи, пока ему снова не привезли короля въ Эгъ-Мортъ. Въ этой уединенной гавани король не имѣлъ такой большой свиты, какъ въ Провансѣ; съ нимъ были только Монморанси и принцессы. На конференціяхъ присутствовали только коннетабль и кардиналъ Лотарингскій съ одной стороны, Гранвелла и Кувосъ — съ другой; наконецъ королева, какъ звено, соединявшее обѣ стороны. На чемъ же порѣшило? Въ матеріальномъ отношеніи на одномъ *statu quo*; въ моральномъ же, на огромной вещи, которая должна была измѣнить всю Европу и которую можно выразить одною фразой: *обращеніе Франциска I*.

Другъ невѣрныхъ и еретиковъ, вѣроотступникъ, человѣкъ ненадежный, непостоянный, который утромъ говорилъ *да*, а вечеромъ *нѣтъ*, теперь остепенился и останется такимъ до самой смерти своей. Этотъ волокита, этотъ путникъ дѣлается наконецъ человѣкомъ солиднымъ. *Блудный сынъ* возвращается. Королева и дворецъ плачутъ отъ радости.

Кто же совершилъ это чудо? — Императоръ, однимъ своимъ словомъ. Въ чемъ онъ отказалъ въ Ницѣ, на то согласился въ Эгъ-Мортъ. Теперь онъ предлагаетъ не одно только *право* на Миланъ, но *дѣйствительное* владѣніе имъ (Гранвелла II, 335) второму сыну короля, который долженъ жениться на племянницѣ Карла V.

Король публично обязывается защищать владѣнія императора во

время турецкой войны, да зачѣмъ было соблюдать тайну? Дѣло ясно видно изъ фактовъ.

Теперь у Франціи въ цѣлой Европѣ нѣтъ союзника, кромѣ Карла V, ея главнаго врага. Она уединилась. Отъ него зависить сдержать свое обѣщаніе. А если онъ не сдержитъ этого обѣщанія, то что сдѣлаетъ она? Она вступитъ въ войну,—но одна, безъ друзей, не будучи въ состояніи даже посредствомъ войны выйти изъ той глубокой колен, въ которой она увязла навсегда и изъ которой не выведутъ ея даже 50 лѣтъ релігіозныхъ войнъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Послѣдняя война, паденіе и смерть Франциска I. — 1539—1547.

Съ этого, собственно, времени начинается правленіе Генриха II и Діаны де Пуатье. Францискъ I остается королемъ только номинально; онъ теперь уже не болѣе какъ призракъ. Сперва реакція дѣйствуетъ посредствомъ Монморанси, друга Діаны и императора; потомъ—посредствомъ духовенства, кардиналовъ Турнонскаго и Лотарингскаго, чрезъ младшихъ сыновей Лотарингской фамиліи—Гизовъ, генераловъ духовенства, которые всѣ были приверженцами и креатурами торжествующей фаворитки.

Чѣмъ кончается Францискъ I? За восемь лѣтъ до смерти онъ заболѣваетъ ужасной болѣзью (1539), отъ которой доктора спасаютъ его только тѣмъ, что въ концѣ разрушаютъ его здоровье. Послѣдніе портреты его заставляютъ содрогаться; безобразная опухоль лица ясно показываетъ—какія сильныя лекарства были употреблены для его излеченія. Разрушивъ его физически, они убили его морально.

Этими только средствами достигли того, что король могъ показываться опять, сидѣть на лошади, выѣзжать иногда къ войскамъ или на охоту. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ желалъ даже рѣшать дѣла въ совѣтъ, но ничто ему не удавалось. Быть можетъ, онъ окончательно покорился бы своей участи, если бы не герцогиня д'Этампъ, его фаворитка и сидѣлка, которая негодовала и старалась пробудить въ немъ энергію. Ненависть и ревность къ Діанѣ побуждали ее безпрестанно открывать глаза больному и напоминать ему о правахъ, которыхъ его лишили. Противъ новаго короля,—въ которомъ было такъ мало французскаго и который до такой степени былъ не похожъ на отца, что его скорѣе можно было принять за сына императора,—герцогиня д'Этампъ воспитывала, и создавала соперника, молодого и блестящаго герцога Орлеанскаго, котораго она хотѣла возвести на тронъ.

Съ 23 сентября 1538 г., когда король возвратился въ Компьень, страдая карбункуломъ, отъ котораго онъ и умеръ, Монморанси не терпѣлъ ни минуты и предвозвѣстилъ новую политику, приказавъ арестовать и подвергнуть судебному преслѣдованію друга герцогини

д'Етампъ, Вріона (или адмирала Шабо). Онъ поручилъ своимъ юристамъ — разсмотрѣть его дѣйствія съ необыкновенною строгостью, чтобы имѣть возможность найти какую нибудь дерзость съ его стороны, какое нибудь злоупотребленіе власти, обыкновенные проступки всѣхъ фаворитовъ.

Всѣ наши посланники получили новый пароль (которому они съ трудомъ вѣрили)—дѣйствовать вездѣ въ пользу императора. Приказано было ходатайствовать за него у Турціи, и устроить ему перемиріе; приказано побудить Германію къ союзу противъ Солимана; запрещено королевскому протезжѣ, герцогу Виртембергскому, дѣйствовать противъ католическихъ епископствъ; велѣно объявить сейму, что король вступилъ въ союзъ съ императоромъ, для возстановленія религіи.

Генрихъ VIII, по примѣру шотландскаго короля, охотно женился бы на французской принцессѣ. Въ Мадридѣ обязываются—не вступать ни въ какіе брачныя союзы съ Англіей. Мало того, принимаютъ планъ одного изъ французскихъ дипломатовъ о лишеніи Генриха престола, раздѣленіи его королевства и уничтоженіи Англіи.

Въ 1539 г. Монморанси былъ истиннымъ провидѣніемъ Карла V. Въ то время какъ Испанія грозила ему своими кортесами, когда взбунтовавшійся Гентъ казнилъ своего декана, какъ императорскаго приверженца, когда императоръ узналъ о возмущеніяхъ своихъ войскъ и когда все ему измѣняло,—Монморанси отдалъ Францію въ его руки, открылъ ему тайну нашихъ переговоровъ съ Турціею и Англіею, ввѣрилъ ему ключъ нашей дипломатіи (5 августа 1539) и въ своей откровенности, даже ввѣрилъ Генту, который отдавался Франціи.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1539 г. счастливый случай избавилъ Карла V отъ насмѣхъ испанскихъ войскъ, которыхъ онъ былъ уже не въ состояніи ни содержать, ни обуздывать. Оставленные въ маленькомъ незащищенномъ городкѣ Кастель-Ново, четыре тысячи ихъ были взяты Барбаруссой. Шестъ тысячъ этого войска, находившіяся въ Тунисѣ, искусно выманенныя изъ крѣпости, были увезены въ Сицилію, гдѣ вице-король усыпилъ ихъ своими обѣщаніями, а потомъ разсѣялъ и перебилъ ихъ.

Счастливое избавленіе для императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасный урокъ Испаніи, столь дурно вознагражденной! Послѣ этого событія рекрутскіе наборы были тамъ нѣкоторое время чрезвычайно затруднительны. Испанцы предпочитали море и Индію военной службѣ. Для послѣдующей войны императоръ требовалъ шесть тысячъ испанцевъ, а получилъ только 3,000 (Navagero). Онъ оказался очень слабымъ. Турки взяли всю Венгрію, и овладѣли бы обѣими Сициліями, если бы имъ сколько нибудь помогла Франція.

Если что нибудь могло сдѣлать его набожнымъ, такъ именно эта чудесная помощь со стороны его врага, упавшая къ нему какъ будто съ неба. Вудучи безоруженъ, вслѣдствіе кроваваго истребленія своихъ собственныхъ солдатъ, онъ нашолъ для себя опору во Франціи. Монморанси просилъ его довѣряться французамъ, пріѣхать, и тѣмъ показать, что Франція съ Испаніей составляетъ одно, и что

если кто ишбудъ затронеть императора, то будетъ ииѣть дѣло съ нею.

Карль V, написавшій духовное завѣщаніе до экспедиціи въ Тунисть, передъ отъѣздомъ во Францію передѣлалъ его (5-го ноября 1539 г. Гранвелла, II, 545—554). Въ этомъ послѣднемъ завѣщаніи, онъ отдаеть Миланъ второму сыну короля, который женится на одной изъ дочерей Фердинанда, если только послѣдній согласится на это. Эта короткая фраза обусловливала все.

Вѣхавши во Францію около 20-го ноября, онъ, прежде свиданія съ королемъ, долгое время провелъ съ Монморанси и съ сыновьями Франциска и прибылъ въ Парижъ 1 января 1540 г. Всемогушій конетабль требовалъ отъ городовъ великолѣпныхъ праздниковъ и велѣлъ увѣдомить всѣ дворы Европы объ этомъ тѣспѣишемъ и окончательномъ союзѣ короля съ императоромъ. Карль V очень хорошо видѣлъ, что господствующая партія нуждалась въ немъ. Онъ воспользовался этимъ, съ одной стороны раздражая соперничество двухъ братьевъ, съ другой же, колебля вѣрность наварскаго короля, внушая ему надежду, что инфантъ женится на его дочери, которая сдѣлается такимъ образомъ королевою Испаніи и Индіи. Герцогиня д'Этампъ и второй сынъ короля, ея любимецъ, были того мѣнѣя, чтобы задержать императора до тѣхъ поръ, пока онъ не отдастъ Милана.

Вѣроятно отъ нихъ-то произошло смѣлое слово Трибуле, который, помѣщая императора въ свой списокъ знаменитыхъ безумцевъ, сказалъ королю: «Если онъ ускользнетъ, я запишу сюда ваше величество».

Предполагають, что молодой герцогъ Орлеанскій намѣревался съ своими друзьями похитить Карла V. Молодые люди тогдашняго двора были чрезвычайно смѣлы; они отличались шалостями, дуэлями, опасными скачками, бѣганьемъ по крышамъ. Одинъ изъ нихъ предлагалъ герцогинѣ д'Этампъ очень простымъ способомъ переиѣнить положеніе дѣлъ и разрушать чары, которыми былъ заколдованъ дофьянъ, именно—отрѣзать носъ Діанѣ.

Императоръ не былъ успокоенъ. Нѣсколько несчастій случилось съ нимъ на дорогѣ. Въ Бордо онъ чуть не задохся, въ Амбуазѣ чуть не сгорѣлъ, еще гдѣ-то полѣно упало ему на голову. Король былъ взбѣшонъ неприятными приключеніями своего гостя и готовъ былъ всѣхъ перовѣшать.

Императоръ счелъ полезнымъ во чтобы то ни стало обезоружить свою прекрасную непріятельницу, герцогиню д'Этампъ, ослабивъ ее неожиданнымъ предложеніемъ—возвысить Бургундскій домъ; герцогу Орлеанскому онъ далъ бы кое-что получше Милана: *всѣ провинціи Нидерландовъ*. Правда, что герцогъ при жизни Карла V, не былъ бы ихъ государемъ, а только правителемъ.

Бѣдный Гентъ былъ совершенно уничтоженъ пріемомъ, сдѣланнымъ Карлу V и союзомъ его съ королемъ.

Каждый данный въ честь его праздникъ былъ для Фландріи какъ бы потеряннымъ сраженіемъ. Онъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго со-

противленія, обуздалъ городъ, устроивъ въ немъ крѣпость, и казнилъ кого хотѣлъ.

Оставивъ Францію въ концѣ января, императоръ въ февралѣ снова увидалъ себя господиномъ, обладающимъ очень твердою властью, и свободою выполнять свою обѣщанія или нѣтъ. Нидерланды онъ отдалъ бы только въ такомъ случаѣ, если бы у герцога Орлеанскаго были дѣти отъ его дочери; но въ замѣнъ этого невѣрнаго дара, онъ хотѣлъ, чтобы король сейчасъ же отказался отъ Пьемонта и отъ правъ на Миланъ. Монморанси, обманутый, зашелъ такъ далеко, что, желая задобрить императора, письменно обѣщалъ ему помощь короля противъ его союзниковъ въ Германіи. Это было роковое письмо, которое императоръ впоследствии показывалъ и распространялъ повсюду. Стыдъ, что его одурачили до такой степени, вывелъ короля изъ летаргіи. Онъ сдѣлалъ насильственный поступокъ, именно, противъ воли своей сестры, выдалъ замужъ ея дочь, свою племянницу, за герцога Клевскаго, закоренѣлаго врага Карла V.

Это была деспотическая, поражающая своею тиранніею сцена. Вольная, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка отказывалась идти. «Неси ее», сказалъ тогда король Монморанси. И коннетабль, это первое лицо въ государствѣ, исполнилъ должность кормилицы или лакея. Въ присутствіи всего двора, онъ взялъ ребенка на руки и понесъ его, надѣясь этимъ смиреніемъ смягчить короля. Дѣйствительно, онъ на нѣкоторое время сохранилъ еще свою власть. Но его могущественный другъ, императоръ, уничтожилъ его, нанесъ ему окончательный ударъ, отдавши Миланъ своему сыну (въ октябрѣ), лишивъ такимъ образомъ короля всякой надежды на обладаніе имъ и показавъ, что Монморанси или измѣнникъ, или глупецъ.

Послѣ этого ему ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ бѣжать и скрыться. Гнѣвъ короля удовлетворили погибелью канцлера Поиё, приверженца Монморанси, единственнаго человѣка изъ этой партіи, который могъ бы принести пользу Франціи. Всѣ были имъ недовольны за его прекрасныя предписанія, которыя не давали придворнымъ растрачивать казну. Онъ старался разомъ покоячить съ подъячскимъ крючкотворствомъ, обрѣзывать когти прокурорамъ, отнять у нихъ возможность, съ помощью неясной латыни прибѣгать къ мошенническимъ уверткамъ; онъ заставилъ юстицію говорить по-французски. Къ заслугамъ Поиё относятся еще то, что онъ далъ начало порядку въ гражданскихъ отношеніяхъ; требовалъ, чтобы крещенія были вносимы въ метрическія книги, за подписью нотаріуса и приходскаго священника. Но главное его преступленіе состояло въ томъ, что онъ ограничилъ сеюду духовнаго суда; прекратилъ прихотливую апелляцію тяжущихся, которыя, въ случаѣ дурного оборота своего дѣла, переносили его изъ королевскаго окружнаго суда, на рассмотрѣніе епископа. Это была важная и рѣшительная мѣра. Суды епископовъ почти опустѣли.

Кто наследуетъ Монморанси? Безъимянное правительство, совѣтъ, кресло большаго короля, рѣдко занимаемое. Главное вліяніе принадле-

жить суровому фанатику, кардиналу Турнону и кардиналу Лотарингскому, брату и дядѣ Гизовъ, дѣятельному агенту огромныхъ и ужасныхъ искупительныхъ празднествъ 1528 и 1535 годовъ. Честный, но грубый воинъ Анибо, котораго они поставили возлѣ себя, прикрываетъ военными тревогами интриги возникающихъ Гизовъ, которые противъ антипатіи короля, мало по малу находятъ для себя опору въ популярности между войсками.

Подъ покровительствомъ всемогущихъ кардиналовъ, обладавшихъ почти королевскою властью, уже развилася необузданный фанатизмъ въ провинціяхъ. Въ концѣ 1538 г., послѣ свиданія въ Ниццѣ, онъ распространился повсюду. Костры воздвигались въ Тулузѣ, въ Ажанѣ, въ Аннонѣ, въ Руанѣ и Блуа. Парламентъ города Э, увлеченный въ сочувствіи Парижа, провознесъ въ 1540 г. страшный приговоръ противъ многихъ деревень Прованса, населенныхъ ватландскими колонистами *сретиками* и *матезниками*. Рѣзня произошла бы непременно, если бы германскіе протестанты не вступились въ это дѣло и если бы Гильомъ дю-Беле, обратясь къ самому королю, не испросилъ у него назначенія слѣдствія и не исходатайствовалъ помилованія (8 февраля 1541 г.) Это былъ послѣдній успѣхъ фамиліи дю-Беле. Въ послѣдующую войну Гильомъ не имѣлъ уже голоса. Братъ его Жанъ, кардиналъ и епископъ парижскій, удержался только тѣмъ, что подчинился. Послѣ смерти Франциска I, онъ убѣжалъ въ Римъ.

Послѣдствія политики Монморанси еще существовали. Отъ Франціи всѣ отступились, ее всѣ ненавидѣли и презирали. Англія и Германія были противъ нея. Ужасъ, внушаемый протестантамъ пресѣдованіями и фанатизмомъ Франціи, сблизжалъ ихъ съ императоромъ. Карлъ V, котораго приближеніе турокъ научило вѣротерпимости, обѣщавъ, что религиозные споры будутъ рѣшены соборомъ, созываемымъ въ Германіи, или даже, имперскимъ сеймомъ; а до тѣхъ поръ должно существовать *in legem*, равенство обѣихъ партій.

На Францію не обращали никакого вниманія; она потеряла право голоса въ Европѣ. Это обнаружилось въ іюлѣ 1541 г., когда маркизъ дю-Гуастъ, человекъ, клявшийся только именемъ Борджіа, велѣлъ убить въ Ломбардіи Ривкона, нашего дипломатическаго агента, отпавлявшагося въ Комостантинополь. Онъ думалъ захватить его за пашу. Но Гильомъ дю-Беле, который предугадывалъ это несчастье, оставилъ ихъ въ Пьемонтѣ, съ тѣмъ чтобы переслать прямо въ Венецію. Можно было очень легко отомстить за этотъ жестокой поступокъ. Одинъ итальянскій бандитъ незадолго предъ тѣмъ овладѣвъ въ Адриатикѣ крѣпостью, принадлежавшею Фердинанду, хотѣлъ продать ее французамъ или туркамъ. Венеція, опасаясь такого соискства, купила это мѣсто. Если бы, какъ того желалъ дю-Беле, Франція предупредила ее, то это было бы безпокойною заповою въ сердцѣ Австрійскаго дома.

Этотъ смѣлый совѣтъ могъ быть принятъ Францискомъ I, если бы онъ былъ здоровъ, какъ въ тотъ вечеръ при Павіи, когда онъ по-

сласть свой перстень Солдману. Но болѣзнь все измѣнила въ 1536 г. Онъ уже не существовалъ.

Таковы были странные фазы управленія, руководимаго однимъ личными интересами. Правленіе Людовика XIV раздѣляется на два періода: *до свища, послѣ свища*. До — Кольберъ и побѣды, *послѣ* — мадамъ Скарронъ и пораженія, изгнаніе 500,000 французовъ.

Правленіе Франциска I можно раздѣлить такимъ же образомъ: *до карбункула и послѣ карбункула*. До — союзъ съ турками и пр. послѣ — возвышеніе Гизовъ и истребленіе ватландцевъ, которыми и кончается его царствованіе.

Умерщвленіе Ринкона, такъ же какъ и Мервейля въ 1534 г., были событіями, способными пробудить короля.

Въ это время два происшествія заставили его дѣйствовать. Фердинандъ, разбитый турками, видѣлъ какъ они овладѣли всею Венгеріей; а Карлъ V, который, чтобы прикрыть это несчастіе въ общемъ мнѣніи, импровизировалъ алжирскую экспедицію, потерпѣлъ въ ней страшное бѣдствіе. — отраженный маврами, разбитый, уничтоженный бурами. 3 декабря 1541, онъ совершенно одинъ вернулся въ Картагену.

Молодой французскій дворъ, раздѣленный между двумя принцами, 23-лѣтнимъ Генрихомъ и 20-лѣтнимъ Карломъ, не проминулъ закричать, что императоръ погибъ, что на него нужно напасть и окончательнo его уничтожить. Открылась арена, на которой хотѣтъ подвизаться обѣ партіи, даже духовенство имѣетъ здѣсь свою долю участія. Кардиналъ Лотарингскій видитъ здѣсь возвышеніе Гизовъ; кардиналъ Турнонскій получаетъ гарантію, что предстоящая война не будетъ войною лютеранскою. Парламентамъ велѣно было преслѣдовать подозрительныхъ лицъ, а приходскимъ священникамъ — поощрять доношниковъ.

Призывъ былъ услышанъ, полиція перешла въ руки духовенства; списки причащавшихся въ большіе праздники, тщательно разсмотрѣнные, рѣшали жизнь или смерть: не нужно было долго искать, большая часть мучениковъ обнаруживали сами себя.

И такъ католическая Франція шла противъ католической Испаніи. Франція не имѣла болѣе союзниковъ въ Европѣ и не встрѣчала большаго поддержки въ анти-католической партіи. Она даже не могла дѣлать наборы въ Германіи и вербовала войско въ Даніи и Швеціи.

Какі развѣ во Франціи нѣтъ болѣе людей? Есть, но французовъ болѣе не желаютъ. «Возведенные изъ рабства въ благородное воинское званіе, они слишкомъ непокорны. Дворяне ведиади ропотъ, говоря королю: *простолюдины становятся дворянами, а дворяне простолюдинами*. Поэтому, пренебрегая солдатами легионовъ, правительство снова обращается къ швейцарскимъ наемникамъ (Fr. Giustiniani Rel. Ven. I., vol. 1, 212. ann. 1538).

Въ эту послѣднюю войну въ 5 французскихъ арміяхъ едва рѣшались имѣть 12 или 15,000 этихъ опасныхъ воиновъ-разночинцевъ, и притомъ только въ самыхъ чрезвычайныхъ крайностяхъ. Дю-Беле,

однакожь, превозносить ихъ, говоря что въ штурмахъ никто не можетъ сравниться съ ними.

Онъ также очень хвалитъ итальянскія войска, повторяя въ трехъ мѣстахъ, что «они были болѣе всѣхъ приучены къ трудностямъ войны.» Франція отъ этого ничего не выигриваетъ. Она отвергаетъ итальянскихъ эмигрантовъ, которые подъ распоряженіемъ де-Беле и Строщи приготовили для нея армию въ 12,000 человекъ.

Виредь, ничто уже не будетъ выходить изъ рукъ Гизовъ. Клодъ де Гизъ съ меньшимъ принцемъ Карломъ Орлеанскимъ находится въ сѣверной арміи, которая заняла Люксембургъ. Сынъ Клода, Францискъ, (будущій великій Гизъ) тайный кандидатъ этой партіи, еще безъ титла, сражался подъ начальствомъ дофина въ южной арміи и занялъ Русильонъ.

Надеждою Гизовъ, цѣною ихъ подвига, долженъ былъ быть близкій союзъ со всемогущей Діаной, этимъ свѣтломъ будущаго царствованія. Они рассчитывали выдать замужъ одну изъ ея дочерей, и этимъ еще болѣе скрѣпить интригу, которая должна была держать Генриха II.

Дѣло на сѣверѣ было очень важно. При нападеніи на Люксембургъ въ дѣлѣ участвовали остатки войскъ Ла Марка, усмиренаго, но не уничтоженаго императоромъ. Была подана помощь герцогу де Клевскому, напустившему на Нидерланды свирѣпую массу нѣмецкихъ авантюристовъ, которые вспоминали о разграбленіи Рима и рассчитывали также на разграбленіе Антверпена. Въ Люксембургѣ успѣхъ былъ легокъ, но имъ не воспользовались. Въмѣсто того чтобы направиться въ Нидерланды и поддержать герцога Клевскаго, молодой принцъ обращалъ свои взоры на югъ; онъ узналъ, что дофинъ, его братъ, кромѣ испанской арміи присоединилъ къ себѣ еще и итальянскую. Онъ опасался побѣды Генриха и воротился назадъ. Францискъ I опасался не менѣе его; онъ написалъ къ дофину, чтобы тотъ не давалъ сраженія безъ него. Между тѣмъ время уходило, а король подвигался очень медленно. Перпиньянъ, находившійся въ осадѣ, держался, кампанія, не имѣвшая успѣха на югѣ и безплодная на сѣверѣ, была проиграна.

Несмотря на усилія пяти сильныхъ армій, съ императоромъ ничего не могли сдѣлать. Теперь за нимъ была очередь—принять наступательное положеніе. И онъ сдѣлалъ это, обезпечивъ себя ограннымъ преимуществомъ: онъ соединился съ Генрихомъ VIII, которому обещалъ Францію, оставляя себѣ только Пикардію.

Французы пожалы плоды глупости, съ которою они постоянно раздражали Генриха. Они выдали за его жестокаго врага, короля Шотландіи, сестру Франсуа Гиза, мать Маріи Стюартъ, которая принесла множество бѣдствій Европѣ. Всемогущій кардиналъ Лотарингскій и покровительница Гизовъ, Діана де Пуатье, устроили этотъ царственный бракъ для младшей дочери младшей отрасли Лотарингскаго дома, которая скоро овдовѣла и сдѣлалась правительницею, отъ

ишли романтической Марии, роковая колыбель которой была ящикомъ Пандоры.

Императоръ, обезпечивъ для себя помощь Генриха VIII, успокоивается насчетъ протестантовъ. Онъ оставляетъ въ сторонѣ религиозные вопросы и, во имя имперіи и нѣмецкаго отечества, побуждаетъ всѣхъ слѣдовать за нимъ противъ турокъ и французовъ. Солиманъ находится близъ австрійскихъ границъ. Барбарусса и его огромный флотъ владычествуютъ, вмѣстѣ съ французами, моремъ.

Католическая Франція, управляемая двумя кардиналами, Франція, жестокая къ христіанамъ, слѣдовала за знаменемъ мусульманскимъ, за знаменемъ пиратовъ и торговцевъ невольниками. Молодой герцогъ д'Энгонъ, соединивъ съ Барбаруссою, осадилъ Ницу, но безъ успѣха. Алжирцы вознаградили себя грабежами и похищеніями. Допущенные французами въ Тулонъ, они даже въ самомъ Провансѣ собирали свою жатву изъ дѣвушекъ и свой запасъ невольниковъ. Въ слѣдующій годъ произошло еще больше опустошеній. Шесть тысячъ человѣкъ были похищены въ Тосканѣ, восемь тысячъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, въ томъ числѣ двѣсти самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, взятыхъ изъ итальянскихъ монастырей, для султана.

Ненависть Германіи къ французамъ погубила герцога Клевскаго. Она оставляетъ его; онъ уничтоженъ навсегда. Роковой ударъ для Франціи. Этотъ князекъ составлялъ ея лучшую опору, какъ ея нѣмецкій вербовщикъ, какъ военный центръ всевозможной оппозиціи въ нижней Германіи.

Кто препятствовалъ императору проникнуть во Францію? Венецианцы, слѣдовавшіе за императорской арміей, замѣтили, что великіе генералы времени битвы при Павіи умерли и что у императора остался одинъ герцогъ Альба, человѣкъ съ посредственными способностями и несвѣдущій (Log. Contarini).

Карлъ V, руководимый итальянскими совѣтниками, всѣмъ распоряжается самъ, какъ только это возможно для человѣка, уже отяжелѣвшаго, болѣзненнаго, обжорливаго, который встаетъ очень поздно и каждый день слушаетъ по двѣ мессы (Navagego). Армія этого больного походила на него самого: она была медленна, тяжела, обременена безконечными обозами, которые тянулись длинной вереницей, раздѣляли и разъединяли войска, препятствовали авангарду соединиться съ главной арміей. Чтобы разорвать ее во ста мѣстахъ, достаточно было какого нибудь незначительнаго отряда изъ проворныхъ и быстрыхъ людей.

Къ счастью для императора, французскій король тоже подвигается очень медленно. Онъ сильно боится сраженія. Гдѣ останавливается императоръ, тамъ останавливается и онъ, въ Люксембургѣ, въ Ландреси. Король слишкомъ счастливъ уже тѣмъ, что ему удалось снабдить припасами этотъ послѣдній городъ. Вотъ весь успѣхъ этой великой арміи; каждый удаляется къ себѣ перевязывать свои раны.

Марини, бывшій при французскомъ дворѣ въ 1544 г., говоритъ ясно,

что Франція, оставленная турками, наводненная протестантами, ее прежними союзниками, была въ крайнемъ, отчаянномъ положеніи. Всего болѣе король долженъ былъ страшиться народа, который, въ случаѣ неудачи, совершилъ бы дикую и злѣйшую революцію (*tumulto bestiale*).

Сорокъ тысячъ нѣмцевъ входили во Францію съ востока. Двадцать тысячъ англичанъ высаживались на западѣ. Императоръ съ главною арміею пошелъ прямо къ Парижу. Дѣло было серьезное. Карлъ V, который постоянно читалъ Комина, зналъ изреченіе Людовика VI, что Францію надо брать въ Парижѣ. На этотъ разъ дѣло шло о томъ, чтобы съ нею покончить; т. е. или уничтожить Франциска I и переменить династію, или поработить его до такой степени, чтобы онъ сдѣлался рабомъ императора, его солдатомъ, сбромъ, палачомъ, для порабощенія Германіи.

Въ виду такого ужаснаго кризиса было слишкомъ явно, что старинная метода диверсій на Миланѣ не послужитъ ни къ чему, не принесетъ никакой пользы. Что значитъ пріобрѣтеніе Милана, если потеряны Парижъ?

Король имѣлъ въ Италіи пять тысячъ швейцарцевъ нѣмцевъ, четыре тысячи—французскихъ, пять тысячъ гасконцевъ, три тысячи итальянцевъ. Эта армія должна была поспѣшно воротиться, обезпечивъ только за собою Пизантъ. Не таково было мнѣніе молодого герцога Энгиенскаго, которымъ въ первый разъ на полѣ битвы являлся въ качествѣ генерала, какъ Гастонъ де-Фуа въ Равеннѣ. Энгиенъ, сынъ Вандома и младшій изъ Бурбоневъ, имѣлъ здѣсь превосходный случай отличиться, затмить Гизовъ. Соперничество Гизовъ и Бурбоневъ, которое въ теченіе цѣлаго столѣтія должно было возмущать спокойствіе Франціи, начинало уже обнаруживаться. Король покровительствовалъ Энгиену и противопоставлялъ его друзьямъ своего сына.

Мнѣ кажется, этимъ именемъ обстоятельствомъ должно объяснять его неблагоразумное согласіе на то, чтобы дано было сраженіе. Монлюкъ, посланный Энгиеномъ для ходатайства объ этомъ согласіи, приписываетъ его своему гасконскому краснорѣчію. Какъ бы то ни было, дѣло кончилось хорошо (при Серизолѣ 14 апрѣля 1544 г.).

Швейцарцы и гасконцы, подкрѣпленные многочисленнымъ французскимъ дворянствомъ, которое собралось нарочно для этой битвы, выдержали страшный напоръ десяти тысячъ нѣмцевъ, которыхъ императорскій генералъ дю-Гуастъ направилъ противъ французовъ съ холма. 300 французскихъ пикинеровъ ворвались въ ряды легкой непріятельской кавалеріи, которая, будучи опрокинута на флангъ своей же пѣхоты, сама обратила ее въ бѣгство. Энгиенъ чуть не погибъ, какъ Гастонъ при Равеннѣ. Онъ бросился съ небольшимъ отрядомъ молодыхъ людей на чернѣйшій батальонъ испанцевъ и прорвалъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Очень ослабленный, какъ, чтобы присоединиться къ своимъ, долженъ былъ еще разъ пробиться че-

резь это страшное войско. Онъ пробился, и вышелъ изъ этой свалки; но почти одинъ, и, — не вида нигдѣ своихъ, — счелъ сраженіе потеряннымъ. Но оно было выиграно; французы возвратились и разбили испанцевъ. Это была страшно-кровавая битва: по словамъ дю-Беле въ ней погибло двѣнадцать тысячъ человекъ.

Каковъ же ея результатъ? Никакого. Безъ денегъ, безъ състныхъ припасовъ армія таетъ, разсѣвается. А Карлъ V идетъ впередъ. За медленный сопротивленіемъ Сенъ-Дизье, который онъ беретъ хитростью, онъ все таки подвигается, и французы не могутъ противопоставить ему ничего кромѣ развалинъ, разоренія, пустыни. Опустошенія, которыя пѣкогда произвелъ Монморанси въ Провансѣ, возобновились теперь въ Шампани. Франція оказываетъ къ себѣ самой гораздо больше жестокостей, чѣмъ какихъ она могла бы ожидать отъ враговъ. Императоръ все идетъ, оттѣсня дофина къ западу, къ англичанамъ, и отдаетъ его въ ихъ руки. Если бы послѣдніе удостоили принять его, если бы они сдѣлали для этого нѣсколько шаговъ, то все было бы кончено.

Императоръ, который захватилъ французскіе магазины, състные припасы и продовольствовался на счетъ французовъ, подходит на разстояніе тринадцати льё отъ Парижа — занимаетъ Крепи въ Валуа. ~~.....~~ до послѣднихъ крайностей; напрасно старались сформировать армію изъ семинаристовъ или школьничковъ. Францію спасло пораженіе — потеря Булони, взятой англичанами, что возбудило безпокойство въ императорѣ.

Очень утомленный, страдая припадкомъ подагры, онъ сообразилъ, что вмѣсто того, чтобы устроить дѣла Генриха VIII, лучше удержатъ за собою и эксплуатировать эту жалкую, разоренную Францію. Ослабленная до такой степени, она могла только исполнять его волю. Король уничтоженный былъ для него не такъ полезенъ, какъ король поработенный, сдѣлавшійся его генераломъ. (Трактатъ въ Крепи, 18 сентября 1544 г.)

Дѣйствительно, король обязался воевать за него, поставлять и содержать армію противъ турокъ (въ сущности *противъ лютеранъ*).

Дѣло это давно уже было задумано между духовникомъ императора и духовникомъ Франциска I-го.

Король возвращаетъ Савою. Императоръ дѣлаетъ герцога Орлеанскаго своимъ зятемъ или племянникомъ, поселяя его въ Миланѣ или въ Нидерландахъ, въ качествѣ — не герцога или государя, а — *императорскаго правителя*. Принимая такимъ образомъ въ свое семейство младшаго, держа его подъ рукою, и заботясь объ его участи, онъ поселяетъ сильный и продолжительный раздоръ между двумя братьями. Въ самомъ дѣлѣ дофинъ протестовалъ.

Навагеро замѣчаетъ, что смерть всегда была на сторонѣ Карла V, всегда служила ему. Первый дофинъ, принцъ, подававшій большія надежды и страшно пострадавшій отъ пльва въ Испаніи, умеръ въ 1536 году (отъ истощенія или отъ плерезіи?). Его кравчій-итальянецъ

принался, что отравилъ его. Всѣ тогда этому повѣрили. И вотъ въ 1543 году третій сынъ короля, Карлъ Орлеанскій, тоже умираетъ, какъ говорятъ, отъ чумы, къ великой выгодѣ императора, котораго эта смерть освобождаетъ отъ даннаго имъ слова. Едва ли онъ приказывалъ совершить преступленіе. Но его агенты, которые безъ всякаго колебанія умерщвляли нашихъ посланниковъ, развѣ не могли имѣть разрѣшеніе дѣйствовать ядомъ противъ союзниковъ турокъ? Ничто, кажется, не можетъ быть правдоподобнѣе.

Впрочемъ, можетъ быть, въ смерти короля виноваты не императорскіе агенты. Одна фраза Генриха II, которую мы приведемъ ниже, показываетъ, что онъ ненавидѣлъ своего брата Карла. Очень можетъ быть, что его друзья, приверженцы Діаны, люди не слишкомъ совѣстливые, услужили ему, не сирасясь его согласія.

Случилась еще третья, очень удивительная смерть, именно смерть герцога д'Энгьена, этого Вурбона, котораго Францискъ I поставилъ такъ высоко, давъ ему случай выиграть сраженіе. Кто же убиваетъ его? Тотъ самый человѣкъ, которому его смерть приноситъ наибольшее пользы, — молодой Гизъ. Играя въ карты, онъ выигралъ сѣдлашаго кома бросилъ въ дѣлашки одну шкатулку. Онъ извиняется тѣмъ, что имѣлъ на это приказаніе дофина.

Съ этихъ поръ при дворѣ нѣтъ уже двухъ разныхъ партій. Король остался одинъ и дофинъ сдѣлался настоящимъ королемъ.

Фаворитка Франциска могла бояться всего. Говорили, что если кампанія 1544 г. имѣла такой печальный конецъ, то въ этомъ виновата она; что императоръ взялъ Сентъ-Дизье и мѣста, гдѣ находились французскіе магазины, при ея помощи.

Одряхлавшій король сдѣлался игрушкой. Самыя важныя, самыя ужасныя дѣла, какъ напр. истребленіе ватландцевъ, рѣшались или безъ него, или на основаніи какого-нибудь неопредѣленнаго слова, которое у него выманивали.

Уже четыре года несчастный народъ провансальскихъ ватландцевъ находился между жизнью и смертью, будучи осужденъ въ 1540 г. помилованъ въ 1551 г., потомъ находясь въ положеніи все болѣе и болѣе ненадежномъ, съ наступленіемъ новаго царствованія. Ватландцы не были согласны между собою: изъ нихъ одни думали только о битвѣ, другіе — хотѣли защищаться и покупали ружья. Еслибы они стали защищаться, то, можетъ быть, имъ помогли бы швейцарцы. Послѣ дѣла при Серизолѣ духовенство воспользовалось удобной минутой. Оно отправило къ королю человѣка, на совѣсти котораго лежало много преступленій и который долженъ былъ угождать духовенству, — именно капитана Полена де ла Гарда. Онъ имѣлъ свиданіе съ королемъ въ Шамборѣ; сказалъ ему, что этотъ малецкій народъ очень опасенъ, что онъ дѣлаетъ порохъ и служитъ, такъ сказать, аванпостомъ императора. Война была въ полномъ разгарѣ, непрітели готовы были вторгнуться съ сѣверную Францію. Король встревожился: «Избавь меня отъ этихъ мятежниковъ», — сказалъ онъ.

Кажется, Поленъ желалъ получить письменное повелѣніе. По заключеніи мира 1-го января 1545 г., кардиналъ Турнонъ написалъ и представилъ къ подписи больного короля бумагу объ *отпѣль* помилованія, дарованнаго въ 1541 г. Король подписалъ, не читая, какъ это онъ большею частію дѣлалъ (См. процессъ и Muston, I, 107.) Объ этомъ свидѣтельствуетъ протестантскій и ватландскій историкъ, который серьеознѣе чѣмъ кто либо другой изслѣдовалъ это дѣло.

Впрочемъ, подпись короля не составляла еще всего. Нужна была еще подпись государственнаго секретаря: кардиналъ заставилъ подписаться Лобенена. Нужна была подпись королевскаго прокурора въ Вольшомъ Совѣтѣ или его помощника: и тотъ и другой отказали въ ней. Надлежало также, чтобы канцлеръ приложилъ печать: канцлеръ отказался. Смѣлый кардиналъ приложилъ печать, какая ему попалась подъ руку, и отдалъ эту бумагу приставу провансальскаго парламента, стоявшему у дверей, въ ожиданіи этого орудія смерти.

Копія повелѣнія короля была недостаточна; въ ней не было уполномочія на произведеніе... экзекуціи. Внизу подписи кто-то, совершенно другимъ почеркомъ, написалъ приказъ, которымъ этотъ н... предаваемъ въ руки солдатъ.

это дѣло было тѣмъ гнуснѣе, что парламентцы, столь ревностные противники ереси, принадлежали къ знатнымъ фамиліямъ, которыя приготовлялись воспользоваться кровавою добычей отъ ограбленныхъ жертвъ. Они были и судьями и наслѣдниками.

Постановленіемъ 1540 г. повелѣвалось наказать *начальниковъ*. А фальшивая бумага 1545 г. повелѣвала истребить всѣхъ.

Для вѣрнѣйшаго успѣха обратились къ разбойникамъ и къ галернымъ солдатамъ, въ числѣ которыхъ было много преступниковъ, выдержавшихъ свой срокъ и закаленныхъ въ войнахъ съ варварійцами. Президентъ д'Опнедъ безъ шума, безъ извѣщенія, самъ предводительствуетъ этою шайкой. Изъ семнадцати ватландскихъ деревень многія находились близъ Авиньона, на папской землѣ. Но легаты папы охотно позволяли истреблять ихъ.

Здѣсь любопытно то обстоятельство, что когда камбріерскіе ватландцы сдались на честное слово президента, онъ велѣлъ войскамъ перебить всѣхъ. Войска сначала отказались; галерные были совѣстливѣе магистратовъ. Не безъ труда побудили ихъ къ убійствамъ, грабежу и насиліямъ.

Но согласясь наконецъ, они ознаменовали себя страшными варварствами. «Въ одной церкви, — говоритъ очевидный свидѣтель. — было убито четыреста или пятьсотъ несчастныхъ — женщинъ и дѣтей». И все это было совершено съ яростью, пытками, ужаснымъ звѣрствомъ, достойными Гоморры. Двадцать пять женщинъ, которыя ушли, и спрятались въ одной пещерѣ, на папской территоріи, были тамъ заперты и задушены по приказанію легата. Черезъ пять лѣтъ послѣ

того, во время процесса по этому дѣлу, тамъ найдены были ихъ кости. Было сожжено восемьсотъ домовъ; убитыхъ, по меньшей мѣрѣ, было двѣ тысячи и взято въ неволю семьсотъ человекъ. Солдаты, на возвратномъ пути, дешево продавали проходящимъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые имъ были ненужны.

При извѣстїи объ этомъ поступкѣ, въ Европѣ поднялся сильный споръ. Испанцы хвалили его. Швейцарцы и иѣмцы разразились криками негодованія. Это послужило преступникамъ въ пользу. Они внушили королю, что они убили только мятежниковъ, и что невозможно допускать вмѣшательства иностранцевъ въ наши дѣла.

Въ какомъ положенїи находился тогда Францискъ I? Что осталось отъ него? Протестанты извнпняютъ его и, по видимому, думаютъ, что онъ въ это время уже окончилъ свое поприще и не царствовалъ болѣе.

Вїельвиль относить къ 1538 г. одну сцену, которая немогла произойти въ этомъ году, потому что она предполагаетъ уже изгнаніе Монморанси. Я отношу ее къ концу царствованія Франциска, къ послѣднимъ временамъ, когда онъ, вслѣдствіе смерти своихъ сыновей, остался одинъ; когда приверженцы Дофина, Діаны Пуатье и Гизовъ вздумали царствовать и уже какъ-будто забыли о существованіи умирающаго государя.

Однажды дофинъ сказалъ своимъ приближеннымъ, что, вступивъ на престолъ, онъ сдѣлаетъ то и то и раздастъ такія то и такіе мѣста. И онъ щедро распредѣлилъ между ними государственныя должности. Свидѣтелемъ этой сцены, на котораго не обратили вниманія, былъ старикъ - ребенокъ, полоумный Бріанаа. Самъ собою или же по наущенію герцогини д'Этампъ, онъ прибѣжалъ къ королю и гордо сказалъ: «Да сохрани тебѣ Богъ, Францискъ де Валуа!» король удивился. «Клянусь Богомъ! ты болѣе не король, я сейчасъ это узналъ. А ты, г-нъ Тансъ — не начальствуешь болѣе артиллеріей, она отана Бриссаку.» Далѣе, обращаясь еще къ одному: «Ты болѣе не камергеръ, — теперь камергеръ Сентъ-Андре» и проч. За тѣмъ, снова обращаясь къ королевѣ: «Клянусь смертью Христа! скоро конетабль будетъ тобою командовать, посредствомъ своего жезла и научить тебѣ играть роль шута. Бѣги! Клянусь, ты погибъ!»

Король велѣлъ позвать герцогиню д'Этампъ. Шута заставили называть всѣ имена этихъ новыхъ должностныхъ лицъ. За тѣмъ король взялъ тридцать человекъ изъ своей шотландской гвардіи и пошелъ въ комнату дофина. Тамъ небыло никого кромѣ пажей, которые выпрыгнули изъ окна. Все было разбито и пореломано. Но что оставалось дѣлать королю? У него не было другаго наслѣдника. Его фаворитка, которая скоро должна была остаться безъ опоры и во власти дофина, удалила и устроила дѣла. Король остерегался только друзей своего сына, которые могли бы его отравить.

Таковы были огорченія послѣднихъ дней его жизни. Но величайшимъ несчастіемъ для него было — оставить тронъ Франціи ничтож-

шому Генриху II, въ которомъ не было ничего отцовскаго и національнаго, который напоминалъ собою мадридскій плѣнъ и который, даже въ случаѣ успѣховъ и побѣдъ, не дошелъ бы ни до чего кромѣ погибели. Почему? Потому что, сражаясь съ Испанію онъ все-таки останется испанцемъ.

Здѣсь мы видимъ повтореніе сна Базины и Хильдерика. Она видѣла что потомки этого франкскаго короля постепенно вырождались изъ льва въ волка, изъ волка въ собаку, и что, наконецъ, эта династія постыдно кончила существованіе въ войнѣ на вертелехъ.

Такой сынъ и такіе внуки очень возвысили Франциска I посредствомъ представляемаго ими контраста. Въ особенности протестанты, имѣвшіе такъ много причинъ обвинять его, выказывали къ нему снисходительность, которая дѣлаетъ имъ большую честь. Они даже доходятъ до крайности; они оставляютъ ему титулъ *великаго*,—титулъ котораго онъ ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ.

Увѣряютъ, что умрая, онъ отгадалъ Гизовъ. Эти героини-интриганты, эти любимцы Діаны, которые употребили свою католическую шпагу на служеніе очень грязной юбки, должны были жестоко повредить Франціи, въ особенности своими успѣхами, которые извратили общественное мнѣніе.

Новое царствованіе началось ужасными словами. Во время агоніи короля, Діана и Гизъ хохотали и говорили: «Волокита нашъ отправляется на тотъ свѣтъ!» Даже сынъ короля, видя гробъ своего брата, предшествовавшій гробу его отца, сказалъ: «Видите вы этаго бродягу? онъ открываетъ собою авангардъ моего благополучія».

Въ минуту смерти короля сто пятьдесятъ семействъ бѣжало въ Женеву; за ними скоро послѣдовали еще тысяча четыреста семействъ, въ количествѣ покрайней мѣрѣ пяти тысячъ человекъ. Эти отборные люди Франціи, вмѣстѣ съ отборными людьми Италіи, основали истинную Женеву,—удивительный пріютъ среди трехъ націй, который, безъ опоры (опасаясь даже швейцарцевъ) держался своею нравственною силой. У нихъ не было ни арміи, ни территоріи; ничего для пространства, времени и матеріальныхъ выгодъ; это былъ городъ ума, воздвигнутый стоицизмомъ.

Противъ огромной и страшной сѣти, въ которую попала Европа вслѣдствіе оставленія ея Франціей, нуженъ былъ этотъ разсадникъ героевъ. Спарта всякому народу, находившемуся въ опасности, посылала, вмѣсто арміи, одного спартамца. Тоже было и съ Женевой. Въ Англию она послала Петра-мученика, въ Шотландію—Кнокса, въ Нидерланды — Марни, — этихъ трехъ людей, произведшихъ три революціи.

Теперь-то начинается борьба! Пусть, снизу Лойола копаютъ свои подземные ходы! Пусть сверху, испанское золото и шпага Гизовъ ослѣпляютъ и развращаютъ міръ!.. Въ этой тѣсной оградѣ, въ этомъ темномъ саду Вожіемъ разцвѣтаютъ, для спасенія свободы души, кро-

вавилы розы, подъ рукою Кальвина. Если гдѣ нибудь въ Европѣ нужны кровь и казни, если нуженъ человѣкъ для того, чтобы жечь или колесовать,—то его можно найти въ Женевѣ; онъ готовъ и расположенъ идти, благодаря Бога и прославляя его своими гимнами.

нистерства внутреннихъ дѣлъ. II. Отчетъ совѣта управленія главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Замятка о журнальныхъ и газетныхъ нападкахъ на правленіе общества. — Линія с.-петербурго-варшавская. — Линія къ прусской границѣ. — Линіи: московско-нижегородская, московско-еодосійская и орловско-либавская. — Постепенное открытіе участковъ. — Металлическіе мосты. — Туннели поварскій и ковенскій. — Надежды, подаваемыя «отчетомъ». — Работы на коммисіонерскомъ правѣ. — Приостановка работъ на еодосійской линіи. — Затрудненія. — Общее протаженіе открытыхъ желѣзныхъ дорогъ. — Эксплуатація 1859 и 1860 годовъ. — Пассажиры, обращенные въ рубли. — Перевозка товаровъ. — Замятки о мукѣ и мануфактурныхъ товарахъ. — Перевозъ скота. — Неточныя сравненія, дѣлаемые въ отчетѣ и финансовое положеніе общества. — Акціи и облигаціи. — Наричательный капиталъ. — Предположеніе и дѣйствія совѣта. — Финансовый кризисъ въ Европѣ. — Ходатайство передъ правительствомъ. — Проектъ покупки николаевской желѣзной дороги. — Неудача. — Предположенія объ измѣненіи устава. — Электрическіе телеграфы. — Число депешъ. — Ихъ классификація. — Общая замятка. III. Главнѣйшія явленія по административной части. — Коммисія для пересмотра системы податей и сборовъ. — Вопросы о подушныхъ и земскихъ повинностяхъ. — Проектъ о патентныхъ пошлинахъ и торговомъ уставѣ. — Гербовыя и вексельныя пошлины. — Соляной акцизъ. — Новыя для него начала. — Пошлины съ золотыхъ промысловъ. — Прямые налоги. — Матеріалы по всѣмъ этимъ вопросамъ, имѣющіе научное значеніе. — Собраніе свѣдѣній о государственныхъ доходахъ. — Оцѣночная система. — Ея недостатки. — Статья г. А. З-на въ «Московскихъ вѣдомостяхъ». — Распределеніе земель. — Дѣйствія уѣздныхъ комитетовъ. — Кто виноватъ? — Примѣръ оцѣнки городскихъ имуществъ. — Причины ея медленности. — Степень вины городскихъ обывателей. — Два первыхъ собранія с.-петербургскаго городского кредитнаго общества.

ПОЛИТИКА.

Взысканіе долговъ и расчетъ за оскорбленія, посредствомъ военной экспедиціи.

Газетныя статьи по поводу Компьеньскаго свиданія.

Замятки о положеніи славянскихъ земель, подвластныхъ Турціи.

Римская церковь, какъ духовное и политическое учрежденіе.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Невинныя размышленія начинающаго. **Штра Несмажусь.**

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РЕФОРМА. (Изъ исторіи Франціи въ XVI вѣкѣ). XIII — XXII. (Окончаніе).

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

въ 1862 году будетъ выходить каждый мѣсяцъ
вышывани до 30 листовъ, съ приложеніями въ
каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Безъ доставки
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою или доставкой
16 руб. 50 коп. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ОТЪ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЪ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ журнала «Библио-
тека для Чтенія» при книжномъ
магазинѣ В. П. Печаткина, на Нев-
скомъ Проспектѣ, противъ Гости-
наго Двора, въ домѣ Армянской
церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ журнала «Библио-
тека для Чтенія» при книжномъ
магазинѣ С. П. Лоскутова, на Ни-
кольской улицѣ, въ домѣ Зако-
носпаскаго монастыря.

Выписывающіе за настоящій годъ, получаютъ
журналъ съ первой книжки.

Гг. многогородныя подписчики присылаютъ свои требо-
ванія и деньги, адресуя такъ: въ С. Петербургъ, въ
контору журнала «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕ-
НІЯ.»

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала, если под-
писка сдѣлана въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 8 ноября 1861 года.

Цензоръ *Ф. Веселого.*

241

APR 13 1974

